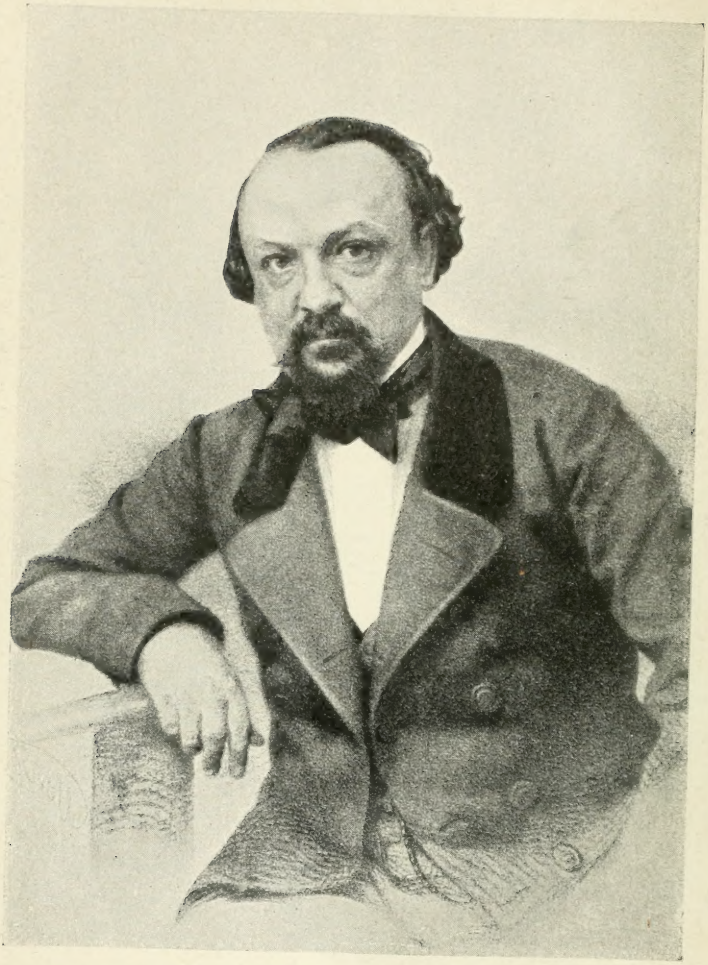
3 1761 06835170 9



Алексѣй Писемскій

Арт. зав. Т-ва А. Ф. МАРКСЪ. СПБ.

Pisemsky, Alexsei Feofilaktovich
Polnoe sobranie sochineny

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
СОЧИНЕНІЙ
А. Ѳ. ПИСЕМСКАГО.

3. izd

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

Съ автобіографіей и двумя портретами А. Ѳ. Писемскаго и съ критико-біографическимъ очеркомъ В. В. Зелинскаго.

t. 5

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

SEEN BY PRESERVATION SERVICES
DATE OCT 02 1987

541608
27-5-52

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1911 г.

С.-ПЕТЕРВУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1911.

PG
3337
P5
1910
t.5

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ЛЮДИ СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

Романъ въ пяти частяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Покровительница.

Въ началѣ 1830-хъ годовъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, на балконѣ господскаго дома въ усадьбѣ, въ Воздвиженскомъ, сидѣло нѣсколько лицъ. Вся картина, которая рождается при этомъ въ воображеніи автора, носитъ на себѣ чисто уже историческій характеръ: отъ деревяннаго, во вкусѣ итальянскихъ виллъ, дома остались теперь однѣ только развалины; вмѣсто сада, въ которомъ нѣкогда были и подстриженныя деревья и гладко убитыя дорожки, вамъ представляются группы безтолково растущихъ деревьевъ; въ лѣвой сторонѣ сада, самой поэтической, гдѣ прежде устроенъ былъ «Парнасъ», въ послѣднее время одинъ аферистъ построилъ винный заводъ; но и аферистъ ужъ этотъ лопнулъ, и заводъ его стоялъ безъ оконъ и безъ дверей; словомъ, все, что было дѣломъ рукъ человѣческихъ, въ настоящее время или полуразрушилось, или совершенно было уничтожено, и одинъ только созданный Богомъ видъ на подгородное озеро, на самый городокъ, на идущіе по другую сторону озера луга,—на которыхъ, говорятъ, охотился Шемяка,—оставался попрежнему прелестенъ.

Наши сѣверные мужики, конечно ужъ, принадлежатъ къ существамъ самымъ равнодушнымъ къ красотамъ природы; но и тѣ, проѣзжая мимо Воздвиженскаго, ахали иногда, явно показывая тѣмъ, что они тутъ видятъ то, чего въ другихъ мѣстахъ не видывали!

Мысли и чувствованія, которыя высказывало сидѣвшее на балконѣ общество, тоже были совершенно несовременнаго свойства. Сама хозяйка, женщина лѣтъ за пятьдесятъ, вдова александровскаго генералъ-адъютанта, Александра Григорьевна Абреева,—совершенная блондинка, съ лицомъ холоднымъ и малоподвижнымъ,—по тогдашней модѣ, въ букляхъ, въ щеголеватомъ капотѣ-распашонкѣ, въ вышитой юбкѣ, сидѣла и вязала бисерный шнурокъ. По нравственнымъ своимъ свойствамъ дама эта была то, что̀ у насъ называютъ *чехвалка*. Будучи отъ природы весьма обыкновенныхъ умственныхъ и всякихъ другихъ душевныхъ качествъ, она всю жизнь свою стремилась раскрашивать себя и представлять, что она была женщина и умная, и добрая, и съ твердымъ характеромъ; для этой цѣли она всегда говорила только о серьезныхъ предметахъ, выражалась плавно и краснорѣчиво, довольно искусно вставляя въ свою рѣчь витіеватыя фразы и возвышенныя мысли, которыя ей удавалось прочесть или подслушать; не жалѣя ни денегъ ни своего самолюбія, она входила въ знакомство и переписку съ разными умными людьми и наконецъ самымъ публичнымъ образомъ творила добрыя дѣла. Всѣ эти старанія ея, нельзя сказать, чтобы не вѣнчались почти полнымъ успѣхомъ: по крайней мѣрѣ, бо̀льшая часть ея знакомыхъ считали ее безусловно женщиной умной; другіе именовали ее женщиною долга и святыхъ обязанностей; одинъ петербургскій докторъ, тоже другъ ея, называлъ ее *лимфой*.

У Александры Григорьевны былъ всего одинъ сынъ, Сережа, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, пажъ. Въ отношеніи его она старалась представиться въ одно и то же время матерью строгою и страстною. Въ самомъ же дѣлѣ онъ былъ только игрушкой ея самолюбія. Она воображала его будущимъ генералъ-адъютантомъ, потомъ какимъ-нибудь господаремъ молдаванскимъ, а тамъ, пожалуй, и королемъ греческимъ; воображеніе ея въ этомъ случаѣ ни передъ чѣмъ не останавливалось! Въ вечеръ, взятый мною для описанія, Сережа былъ у матери въ Воздвиженскомъ на вакаціи и сидѣлъ невдалекѣ отъ нея, закинувъ голову на задокъ стула. Онъ былъ красивъ собой, и шитый золотомъ пажескій мундирчикъ очень къ нему шелъ. Многіе, вѣроятно, замѣчали, что богатые дворянскіе мальчики и богатые купеческіе мальчики какъ-то схожи между собой наружностью: первые, разумѣется, нѣсколько поизящнѣй и постройнѣй, а другіе поплотнѣе и посырѣе; но какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ въ выраженіи лицъ есть нѣчто телячье, ротозѣватое: въ раззолоченныхъ

палатахъ и на мягкихъ пуховикахъ плохо, видно, восходитъ и растетъ мысль человѣческая!

Нѣсколько въ сторону отъ хозяйки, и какъ бы въ тѣни, помѣщался небольшого роста пожилой, коренастый мужчина въ чиновничьемъ фракѣ. Несмотря на рабольпный складъ всего его тѣла, выраженіе лица его было умное, солидное и нѣсколько насмѣшливое. Господинъ этотъ былъ мѣстный исправникъ Ардальонъ Васильевичъ Захаревскій, factotum'ъ Александры Григорьевны по всѣмъ ея дѣламъ: она его, по преимуществу, уважала за знаніе русскихъ законовъ.

Напротивъ Александры Григорьевны, и особенно какъ-то прямо, сидѣлъ еще старикъ въ отставномъ военномъ сюртукѣ, въ петличкѣ котораго болтался Георгій, и въ военныхъ съ красными лампасами брюкахъ, — это былъ сосѣдъ ея по деревнѣ, Михаилъ Поликарповичъ Вихровъ, старый кавказецъ, курчавый, загорѣлый на южномъ солнцѣ, нѣкогда ординарецъ князя Цицианова, свидѣтель его коварнаго убійства, человѣкъ поля, боя и нужды. Первое время, какъ Вихровъ вышелъ въ отставку и женился, онъ чаю даже не умѣлъ пить!.. Не могъ ѣздить въ рессорномъ экипажѣ,—тошнило!.. Не могъ спать въ натопленной комнатѣ,—кровь носомъ шла!.. Теперь онъ былъ уже вдовъ и имѣлъ мальчика-сына лѣтъ тринадцати.

По переѣздѣ Александры Григорьевны изъ Петербурга въ деревню, Вихровъ, вмѣстѣ съ другимъ дворянствомъ, познакомился съ ней и на первомъ же визитѣ объяснилъ ей: «Я пріѣхалъ представиться супругѣ генералъ-адъютанта моего государя!».

Фраза эта очень понравилась Александрѣ Григорьевнѣ. Впослѣдствіи она къ одной дружественной ей особѣ духовной писала такъ: «Владыка! Вы знаете, вся жизнь моя была усыпана терніемъ, и самымъ колючимъ изъ нихъ для меня была лживость и лесть окружавшихъ меня людей (въ сущности Александра Григорьевна только и дышала одной лестью!..); но на склонѣ дней моихъ,—продолжала она писать:—я встрѣтила человѣка, который не только самъ не въ состояніи раскрыть устъ своихъ для лжи, но гнѣвомъ и ужасомъ исполняется, когда слышитъ ее и въ словахъ другихъ. Феноменъ этотъ — мой сосѣдъ по деревнѣ, отставной полковникъ Вихровъ, добрый и въ то же время бѣшеный, исполненный высокой житейской мудрости и вмѣстѣ съ тѣмъ необразованный, какъ простой солдатъ!» Александра Григорьевна, по самолюбію своему, не только сама себя всегда расхваливала, но даже всѣхъ другихъ людей, которые приходили съ ней въ какое-либо соприкосновеніе. Все, чему она хотя малѣйшее движеніе головой дѣлала, должно было быть превосходнымъ!

Вихровъ всегда ѣздилъ къ Александрѣ Григорьевнѣ съ сынишкой своимъ: онъ его страстно любилъ и пока еще ни на шагъ не отпускалъ отъ себя. Мальчикъ стоялъ у отца за стуломъ. Одѣтъ онъ былъ въ суконный домашняго шитья сюртучокъ и въ новыя, но нанковыя брючки; онъ былъ довольно уже высоконекъ и чрезвычайно, должно-быть, нервенъ, потому что скука и нетерпѣніе, противъ воли его, высказывались во всей его фигурѣ, и, чтобы скрыть это хоть сколько-нибудь, онъ постоянно держалъ свои умненькіе глазенки опущенными въ землю. Красивый пажикъ по временамъ взглядывалъ на него съ какой-то полуулыбкой. Мальчикъ не отвѣчалъ ему на это никакимъ взглядомъ.

— Сережа!.. — обратилась Александра Григорьевна къ сыну: — отчего ты Пашу не занимаешь?.. Поди, покажи ему на пруду, какъ рыбки по звонку выходятъ... Soyez donc aimable! — прибавила она по-французски.

Сережа нехотя всталъ, повытянулся немного и съ прежней полуулыбкой подошелъ къ Пашѣ.

— Пойдемте! — сказалъ онъ. Въ голосѣ его слышалась какъ бы снисходительность.

— Ступай, погуляй! — прибавилъ Пашѣ и отецъ его.

Ребенокъ съ укоромъ взглянулъ въ лицо старика и пошелъ за Сережей.

Оба они, сойдя съ балкона, пошли по аллеѣ. Видимо, что имъ рѣшительно было не о чемъ между собой разговаривать.

— У васъ есть гувернеръ? — спросилъ Сережа, вспомня, вѣроятно, приказаніе матери.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Паша угрюмо:—у меня учитель былъ, но онъ уѣхалъ; меня завтра везутъ въ гимназію.

Сережа вопросительно взглянулъ на Пашу.

— А что такое это гимназія? — спросилъ онъ.

— Гдѣ учатся, — отвѣчалъ Паша прежнимъ серьезнымъ тономъ.

— А! — произнесъ Сережа.

Въ это время они подошли къ пруду. Сережа позвонилъ въ колокольчикъ.

— Вотъ и рыбки! — сказалъ онъ, когда рыбки въ самомъ дѣлѣ вышли на поверхность бассейна.

— Вижу! — отвѣчалъ Паша и сталъ глядѣть на воду; но врядъ ли это его занимало, а Сережа принялся высвистывать довольно сложный оперный мотивъ.

На балконѣ въ это время происходилъ довольно одушевленный разговоръ.

— Стыдно вамъ, полковникъ, стыдно!..— говорила, горячась, Александра Григорьевна Вихрову:—сами вы прослужили три-

дцать лѣтъ престолу и отечеству и не хотите сына вашего посвятить тому же!

— Онъ у меня, ваше превосходительство, одинъ! — отвѣчалъ полковникъ:—здоровья слабаго... Тамъ, пожалуй, какъ разъ затрутъ... Знаю я эту военную службу; а въ нынѣшнихъ армейскихъ полкахъ и сопьется еще, пожалуй!

— Вашъ сынъ долженъ служить въ гвардіи!.. Онъ долженъ тамъ же учиться, гдѣ и мой!.. Если вы не генералъ, то ваши десять ранъ, я думаю, стоятъ генеральства; объ этомъ доложатъ государю, отвѣчаю вамъ за то!

— Ну что жъ изъ того: и поучится въ Пажескомъ корпусѣ и выйдетъ въ гвардію?..

— Ну да: и выйдетъ въ гвардію...

— А что потомъ будетъ? Бѣдному офицеру, ваше превосходительство, служить промежъ богатыхъ тяжело, да и просто невозможно!

Серьезное лицо Александры Григорьевны приняло еще болѣе серьезное выраженіе: она стороной слышала, что у полковника были деньжонки, но что онъ, какъ человѣкъ, добывавшій каждую копейку кровавымъ трудомъ, былъ страшно на нихъ скупъ. Она вознамѣрилась на этотъ предметъ дать ему маленькій урокъ и блеснуть передъ нимъ собственнымъ великодушіемъ.

— Не смѣю входить въ ваши расчеты, — начала она съ разстановкою и удареніемъ:—но, съ своей стороны, могу сказать только одно, что дружба, по-моему, не должна выражаться на однихъ словахъ, а доказываться и на дѣлѣ: если вы дѣйствительно не въ состояніи будете поддерживать вашего сына въ гвардіи, то я буду его содержать,—не роскошно, конечно, но прилично!.. Умру я, сыну моему будетъ поставлено это въ первомъ пунктѣ моего завѣщанія.

Александра Григорьевна замолчала, молчали и два ея собесѣдника. Захаревскій только съ удивленіемъ взглянулъ на нее, а полковникъ нахмурился.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, тяжело мнѣ принять, чтобы сыну моему кто-нибудь вспомоществовалъ кромѣ меня!.. Вы, покуда живы, конечно, не потяготитесь этимъ; но за сынка вашего не ручайтесь!..

— Сынъ мой къ этому будетъ обязанъ не чувствомъ, но закономъ.

— А мой сынъ, — возразилъ полковникъ рѣзко: — никогда не станетъ по закону себѣ требовать того, что ему не принадлежитъ, или я его и за сына считать не буду!

Лицо Александры Григорьевны приняло какое-то торжественное выраженіе.

— Я сдѣлала все, — начала она, разводя руками: — что предписывала мнѣ дружба; а вы поступайте, какъ хотите и какъ знаете.

Полковникъ съ видимой досадой началъ постукивать ногою.

— Кому, сударыня, какъ назначено жить, пусть тотъ такъ и живетъ!

— Не для себя, полковникъ, не для себя, а это нужно для счастья вашего сына!.. — воскликнула Александра Григорьевна: — я для себя шагу въ жизни моей не сдѣлала, который бы трогалъ мое самолюбіе; но для сына моего, — продолжала она съ смиреніемъ въ голосѣ: — если нужно будетъ поклониться, поклонюсь и я!.. И поклонюсь низенько!

При этихъ ея словахъ на лицѣ Захаревскаго промелькнула легкая и едва замѣтная усмѣшка: онъ лучше другихъ, по собственному опыту, зналъ, до какой степени Александра Григорьевна унижалась для малѣйшей выгоды своей.

— Да что же, и я, пожалуй, поклонюсь! — возразилъ Вихровъ насмѣшливо.

Ему ужъ очень стало надоѣдать слушаніе этихъ наставленій.

Въ это время дѣти опять возвратились на балконъ. Паша кинулъ почти умоляющій взглядъ на отца.

— Вижу, вижу, домой хочешь! Поѣдемъ! — проговорилъ старикъ и всталъ.

Александра Григорьевна тоже встала.

— Ну, полковникъ, такъ вы завтра, значитъ, выѣзжаете и везете вашего птенца на новое гнѣздышко?

— Да, завтра!.. Позвольте вашу ручку поцѣловать!..

И онъ поцѣловалъ руку Александры Григорьевны.

Та отвѣчала ему почти страстнымъ поцѣлуемъ въ щеку.

— Прощай, мой ангелъ! — обратилась она потомъ къ Пашѣ: — дай я тебя перекрещу, какъ перекрестила бы тебя родная мать; не меньше ея желаю тебѣ счастья. Вотъ, Сергѣй, завѣщаю тебѣ отнынѣ и навсегда, что ежели когда-нибудь этотъ мальчикъ, который со временемъ будетъ большой, обратится къ тебѣ (по службѣ ли, съ денежной ли нуждой), не смѣй ни минуты ему отказывать и сдѣлай все, что будетъ въ твоей возможности, — это приказываетъ тебѣ твоя мать.

— Благодарю, Александра Григорьевна, — произнесъ Вихровъ и поцѣловалъ у нея еще разъ руку: а она еще разъ поцѣловала его въ щеку.

— Ну, проститесь и вы, будущіе друзья! — обратилась она къ дѣтямъ.

Тѣ пожали другъ у друга руки и больше механически поцѣловались. Сережа, впрочемъ, какъ болѣе пріученный къ

свѣтскому обращенію, проводилъ гостей до экипажа и, когда они тронулись, вѣжливо съ ними раскланялся.

Когда Вихровы выѣхали изъ воротъ Воздвиженскаго, самъ старикъ Вихровъ какъ будто бы свободнѣе вздохнулъ.

— Да,—произнесъ онъ протяжнымъ голосомъ:—въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!

— Зачѣмъ же, папаша, мы ѣздимъ въ Воздвиженское? Тамъ очень скучно...—проговорилъ почти строгимъ голосомъ Павелъ.

— Ну, да такъ, братецъ, нельзя же—сосѣди!.. И Александра Григорьевна все вонъ говоритъ, что очень любитъ меня, и поди-ка какой почетъ воздаетъ мнѣ супротивъ всѣхъ!

Павелъ задумался.

— А что, она добрая или нѣтъ?—спросилъ онъ.

— Добрая, говорунья только, краснобайка!.. Все совѣтуетъ мнѣ теперь, чтобы я отдалъ тебя въ военную службу.

— Отчего же ты не хочешь отдать меня въ военную?..

— Да такъ, братецъ, что!.. Невелико счастье быть военнымъ. Она, впрочемъ, говоритъ, чтобы въ гвардіи тебѣ служить, а потомъ въ флигель-адъютанты попасть.

— Флигель-адъютантомъ быть хорошо!..—произнесъ ребенокъ съ нахмуреннымъ лицомъ.

— Еще бы!—сказалъ старикъ: — да вѣдь на это, братецъ, состояніе надо имѣть.

Павелъ внимательно посмотрѣлъ на отца.

— А мы развѣ бѣдны?—спросилъ онъ.

— Бѣдны, братецъ! — отвѣчалъ Михайла Поликарпычъ и почему-то при этомъ сконфузился.

II.

Коротенькое прошедшее моего маленькаго героя.

По пріѣздѣ домой, полковникъ сейчасъ же сталъ на молитву: онъ каждый день, съ восьми часовъ до десяти часовъ утра и съ восьми часовъ до десяти вечера, молился, стоя, по обыкновенію, въ залѣ навытяжку передъ образомъ. Пашу всегда очень интересовало, что какъ это отцу не было скучно и онъ не уставалъ такъ долго стоять на ногахъ. На этотъ разъ, проходя потихоньку по залѣ, Паша заглянулъ ему въ лицо и увидѣлъ, что по сморщеннымъ и чернымъ щекамъ старика текли слезы. Тяжелыя ощущенія волновали въ настоящую минуту полковника: онъ молился и плакалъ о будущемъ счастьѣ сына. При этомъ ему невольно припомнилось, какъ его самого — мальчишку лѣтъ пятнадцати—ни въ чемъ

невиновнаго, поставили въ полку подъ ранцы съ пескомъ, и какъ онъ терпѣлъ-терпѣлъ эти мученья, наконецъ упалъ, кровь хлынула у него изъ гортани; и какъ онъ потомъ самъ, уже въ чинѣ капитана, нагрубившаго ему солдата велѣлъ наказать; солдатъ продолжалъ грубить; онъ велѣлъ его наказывать больше, больше; наконецъ того на шинели снесли безъ чувствъ въ лазаретъ; какъ потомъ, проходя по лазарету, онъ видѣлъ этого солдата съ впалыми глазами, съ искаженнымъ лицомъ, и затѣмъ солдатъ этотъ черезъ нѣсколько дней умеръ, явно имъ засѣченный... Полковникъ теперь видѣлъ, точно въявь, передъ собою его искаженное, съ впалыми глазами, лицо и его искривленную улыбку, которою онъ какъ бы говорилъ: «А!.. за меня Богъ не дастъ счастья твоему сыну!». Слезы текли, и холодъ пробѣгалъ по нервамъ старика. Болѣе уже тридцати лѣтъ прошло послѣ этого событія, а между тѣмъ, какое бы горе или счастье ни посѣщало Вихрова, искаженное лицо солдата хоть на минуту да промелькнетъ передъ его глазами.

Паша, выйдя изъ комнатъ, сѣлъ на рундучкѣ крыльца тоже въ невеселомъ расположеніи духа. Ему почему-то вдругъ припомнился сѣрый весенній день... Къ нему въ горницу прибѣгаетъ дворовый мальчикъ, Титка:—«Барчикъ, у насъ въ бороздѣ подъ садомъ заяцъ сидитъ! — говоритъ онъ взволнованнымъ голосомъ:—пойдемте его ловить!..» — «Пойдемъ!» — говоритъ Павелъ, и оба они побѣжали. «Куцка! Куцка!»— кричитъ Титка, и Куцка—дѣйствительно куцая дворовая собака — соскакиваетъ какъ бѣшеная съ сѣновала, гдѣ она спала, и бѣжитъ за ними... «Заяцъ, заяцъ!»—кричитъ, какъ бы толкуя ей, Титка... Изъ борозды въ самомъ дѣлѣ выскакиваетъ заяцъ... Куцка ударяется за нимъ, а за Куцкой Павелъ и Титка. Павелъ только видѣлъ, что заяцъ махнулъ въ гумно; Куцка за нимъ; Павелъ и Титка, перескочивъ огородъ, тоже бѣгутъ въ гумно. Заяцъ опять повернулъ въ поле; Куцка немного позавязнулъ въ огородѣ, проскакивая въ него; заяцъ между тѣмъ далеко отъ него ушелъ; но ему наперерѣзъ, точно изъ-подъ земли, выросла другая дворовая собака — Бѣлка — и начала его настигать... Заяцъ усѣкалъ въ лѣсъ. Бѣлка за нимъ, а за ними и Куцка... Павелъ и Титка долго еще стояли въ полѣ и поджидали, не выбѣгутъ ли они изъ лѣсу; но они не выбѣгали. Павелъ съ загрязненными ногами, весь въ поту и съ недовольнымъ лицомъ, пошелъ домой... Титка, тоже сконфуженный, бѣжалъ около него. «А дядя Кирьянъ прошлой весной такъ трехъ зайцевъ затравилъ!»— разсказывалъ онъ. — «Поди, какое счастье!» — говорилъ Па-

велъ.—«Что, батюшка, не поймалъ зайчика?»—сказала встрѣтившаяся имъ дворовая баба и зачѣмъ-то поцѣловала у Павла руку.—«Не поймалъ!»—отвѣчалъ онъ и ей съ грустью... Отъ этихъ мыслей Паша, взглянувъ на красный дворъ, перешелъ къ другимъ: сколько разъ онъ по нему бѣгалъ, сидя на палочкѣ верхомъ, и крѣпко-крѣпко тянулъ веревочку, которою, какъ бы уздою, была взнуздана палочка, и воображалъ, что это лошадь подъ нимъ бѣсится и разбиваетъ его... Теперь, впрочемъ, Павелъ давно уже ѣздитъ не на палочкахъ, а на лошадяхъ настоящихъ и довольно бойкихъ, и до страсти любитъ это!.. Главное удовольствіе при этомъ доставляли ему опасность и могущество власти надъ лошадью. Онъ одинъ-одинехонекъ уѣзжалъ верстъ за семь черезъ довольно большой лѣсъ; кругомъ тишина, ни души человѣческой, и только что-то поскрипываетъ и погрескиваетъ по сторонамъ. Лошадь идетъ, навостривъ уши, вздрагивая и какъ бы прислушиваясь къ чему-то. Но вотъ огромная глинистая гора; Павелъ слегка только придерживаетъ поводья. Лошадь осторожнѣйшимъ образомъ сходитъ съ горы, немного присѣдая назадъ и скользя копытами по глинѣ. Павелъ убѣжденъ, что это онъ ее такъ выѣздилъ. За горой надобно проѣхать черезъ довольно крутой мостъ; на серединѣ его большая дыра. Павелъ нарочно погоняетъ лошадь и направляетъ ее на эту дыру; но она ее перескакиваетъ. Слѣдующую рѣчку Павелъ рѣшился переѣхать въ бродъ. Рѣчонка тоже пѣнится и шумитъ; лошадь немножко заартачилась. Павелъ смѣло нукаетъ ее; лошадь осторожно входитъ въ воду. На серединѣ рѣки ей захотѣлось напиться, и для этого она вдругъ опустила голову; но Павелъ дернулъ поводьями и даже выругался: «ну, чортъ, запалишься!». Въ такого рода приключеніяхъ онъ доѣзжаетъ до села, объѣзжаетъ тамъ кругомъ церковной ограды, кланяется съ сидящею у окна матушкой-попадьею и, видимо гарцуя передъ нею, проскакиваетъ село и возвращается домой... Года съ полтора тому назадъ между горничною прислугою прошелъ слухъ, что къ полковнику пріѣдетъ погостить родная сестра его, небогатая помѣщица, и привезетъ съ собою къ Павлу братца Сашеньку. Паша сначала не обратилъ большого вниманія на это извѣстіе, но тетенька дѣйствительно пріѣхала, и привезенный ею сынокъ ея — братецъ Сашенька — оказался почти ровесникомъ Павлу: такой же былъ черненькій мальчикъ и съ необыкновенно востренькими и плутоватыми глазками.

— Нѣтъ ли у васъ ружья? Я съ собою пороху и дроби привезъ,—началъ онъ почти съ первыхъ же словъ.

— У меня нѣтъ; но у папаши есть,—отвѣчалъ Павелъ съ

одушевленіемъ и сейчасъ же пошелъ къ ключницѣ и сказалъ ей: — Афимья, давай мнѣ скорѣй папашино ружье изъ чулана!

— Да онъ развѣ велѣлъ?—спросила-было та.

— Велѣлъ! — отвѣчалъ Павелъ съ досадою. Онъ обыкновенно всѣми вещами отца распоряжался совершенно полновластно. Полковникъ только прикидывался строгимъ отцомъ: но въ сущности никогда, ни въ чемъ не могъ отказать своему птенчику.

Когда ружье было подано, братецъ Сашенька тотчасъ же отвинтилъ у него замокъ, смазалъ масломъ, стволъ продулъ, прочистилъ и, приведя такимъ образомъ смертоносное орудіе въ порядокъ, сбѣгалъ къ своей бричкѣ и досталъ тамъ порохъ и дробь.

— А гдѣ бы выстрѣлить въ цѣль?—сказалъ онъ.

— У насъ въ гумнѣ,—отвѣчалъ Павелъ.

Побѣжали въ гумно. Братецъ Сашенька зарядилъ ружье. Павелъ нарисовалъ ему у овина цѣль углемъ. Братецъ Сашенька выстрѣлилъ, но не попалъ: взялъ выше. Потомъ выстрѣлилъ и Павелъ, впившись, кажется, всѣми глазами въ цѣль; но тоже не попалъ. Вслѣдъ затѣмъ они стали подстерегать воробьевъ. Тѣ, разумѣется, не заставили себя долго дожидаться и, прилетѣвъ цѣлою стаей, усѣлись на огородѣ. Братецъ Сашенька выстрѣлилъ, убилъ двоихъ; Павлу очень было жаль ихъ, однакожъ онъ не утерпѣлъ и, упросивъ Сашу зарядить ему ружье, выстрѣлилъ во вновь прилетѣвшую стаю: и у него тоже одинъ воробышекъ упалъ; радости Паши при этомъ предѣловъ не было!

— Кто тутъ стрѣляетъ? — прислалъ изъ горницъ спросить полковникъ.

— Мы!.. — отвѣчалъ Павелъ: — и будемъ еще долго стрѣлять!..—прибавилъ онъ рѣшительно.

На другой день они отправились уже въ лѣсъ на охоту за рябчиками, которыхъ братецъ Сашенька умѣлъ подсвистывать; однако никого не подсвисталъ. Черезъ недѣлю наконецъ тетенька и братецъ Сашенька уѣхали. Полковникъ былъ отъ души радъ отъѣзду послѣдняго, потому что мальчикъ этотъ, въ самомъ дѣлѣ, оказался ужаснымъ шалуномъ: несмотря на то, что все-таки былъ не дома, а въ гостяхъ, онъ успѣлъ уже слазить на всѣ крыши, отломилъ у коляски дверцы, избилъ маленькаго крестьянскаго мальчишку и наконецъ обжегъ себѣ въ кузницѣ страшно руку. По Павелъ объ Сашѣ грустилъ нѣсколько дней и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ просить отца, чтобы тотъ отдалъ ему свое ружье. Полковникъ поморщился, по-

ёжился, но махнулъ рукой и отдалъ. Павелъ съ тѣхъ поръ почти каждый день началъ, въ сопровожденіи Титки и Кудки, ходить на охоту. Охотникомъ искуснымъ онъ не сдѣлался; но зато привыкъ рано вставать и смѣло ходить по лѣсамъ. Какихъ онъ ни видалъ высокихъ деревьевъ, какихъ передъ нимъ ни открывалось разнообразныхъ и красивыхъ лощинъ! Утомившись, онъ очень любилъ лечь гдѣ-нибудь на травѣ вверхъ лицомъ и смотрѣть на небо. И вдругъ ему начинало представляться, что оно у него какъ бы внизу, — самыя деревья какъ будто бы растутъ внизъ, и вершины ихъ словно купаются въ воздухѣ,—и онъ лежитъ на землѣ потому только, что къ ней чѣмъ-то прикрѣпленъ: но уничтожься эта связь, и онъ упадетъ туда, внизъ, въ небо. Павлу дѣлалось при этомъ и страшно и весело...

Въ нынѣшнее лѣто одно событіе еще болѣе распалило въ Пашѣ охотничій жаръ... Однажды вечеромъ онъ увидѣлъ, что скотница цѣлый часъ стоитъ у воротъ въ полѣ и зычнымъ голосомъ кричитъ: «Бурёнушка!..».

— Что ты кричишь?—спросилъ ее Павелъ.

— Бурёнушки, батюшка, нѣтъ... не пришла!..—отвѣчала та.

Потомъ онъ видѣлъ, что она, вмѣстѣ со скотникомъ, ушла въ лѣсъ. Поутру же онъ замѣтилъ, что полковникъ сидѣлъ у окна сердитымъ болѣе обыкновеннаго.

— Что вы, папаша, такой?—спросилъ онъ его.

— Да вонъ корова пропала, лучшая, шельмы этакіе! — отвѣчалъ полковникъ.

Вскорѣ послѣ того Павелъ услышалъ, что въ комнатахъ завыла и заголосила скотница. Онъ вошелъ и увидѣлъ, что она стояла передъ полковникомъ, вся промокшая, съ лицомъ истощеннымъ, съ ногами, окровавленными отъ хожденія по лѣсу.

— Что, нашла корову?—спросилъ ее Павелъ.

— Нашла, батюшка, нашла; звѣрь ее, голубушку, убилъ,— отвѣчала скотница и залилась горькими слезами.

— Шельмы этакіе!—повторилъ опять полковникъ, сердито взмахнувъ на скотницу глазами.

— Только-что,—продолжала та, не обращая даже вниманія на слова барина и какъ бы болѣе всего предаваясь собственному горю: — у моста-то къ Раменью повернула за кустикъ, гляжу, а она и лежитъ тутъ. Весь бочокъ распоротъ, должно-быть, роги двои она тащила его на себѣ — земля-то взрыта!

— Медвѣдь это ее убилъ? — спросилъ Павелъ съ разгорѣвшимся взоромъ.

— Онъ, батюшка!.. Кому же окромя его, варвара!.. Я, ба-

тюшка Михайла Поликарпычъ, виновата ужъ, — обратилась она къ полковнику:—больно злоба-то меня на него взяла: забѣжала въ Петрушино къ егерю Якову Сафонычу. «Не подсидишь ли, говорю, батюшка, на лабазѣ; не подстрѣлишь ли злодѣя-то нашего?» Обѣщался прійти.

— Нечего ужъ теперь стрѣлять-то; смотрѣть бы надо было хорошенько!—возразилъ ей мрачно полковникъ.

— Николи, батюшка, николи онѣ въ эту трущобу не захаживали!—убѣждала его скотница и потомъ, снова обливаясь слезами и приговаривая:—«матушка моя!»—вышла изъ комнатъ.

Но врядъ ли всѣ эти стоны и рыданія ея не были устроены нарочно, только для одного барина; потому что, когда Павелъ нагналъ ее и сказалъ ей: «Ты скажи же мнѣ, какъ егерь-то придетъ!»—«Слушаю, батюшка, слушаю»,—отвѣчала она ему совершенно покойно.

Егеря, впрочемъ, когда тотъ пришелъ, Павелъ сейчасъ же самъ узналъ по патронташу, повѣшенному черезъ плечо, и по ружью въ рукѣ.

— Ты на медвѣдя пришелъ?—спросилъ онъ его съ любопытствующимъ лицомъ.

— Да-съ,—отвѣчалъ тотъ, глядя на него съ улыбкою.

— Папаша, егерь!—закричалъ Павелъ.

Полковникъ тоже вышелъ на крыльцо.

— Здравствуй, Яковъ,—проговорилъ онъ.

— Что, батюшка, и у васъ сосѣдъ-то нашъ любезный понадурилъ?—отвѣчалъ тотъ, вѣжливо снимая передъ нимъ шапку.

— Да, а все народецъ нашъ проклятый: не взглянутъ деньденской на скотину.

— Не усмотришь тоже за нимъ, окаяннымъ,—произнесъ Сафонычъ.

— А ты убивалъ когда-нибудь медвѣдей?—приставалъ къ нему Павелъ.

— Какъ же-съ! Третьяго года такого медвѣдища уложилъ матерого, что и Боже упаси!

— Я, папаша, пойду съ нимъ сидѣть на медвѣдя,—сказалъ Павелъ почти повелительнымъ голосомъ отцу.

— Ты?—повторилъ тотъ, покраснѣвъ слегка въ лицѣ.—Эй, Кирьянъ!—крикнулъ онъ проходившему мимо приказчику.

Кирьянъ подошелъ.

— Возьми ты Павла Михайлыча ружье, запри его къ себѣ въ клѣть и принеси мнѣ ключъ. Вотъ какъ ты будешь сидѣть на медвѣдя!—прибавилъ онъ сыну.

Кирьянъ сейчасъ же пошелъ исполнить приказаніе барина. Павелъ надулся.

— Гдѣ, судырь, вамъ сидѣть со мной: я вѣдь тоже полѣзу на лабазъ, на дерево,—утѣшалъ его Сафонычъ.

— А я развѣ не умѣю взлѣзть на дерево?—возразилъ ему Павелъ.

— Ну, а какъ онъ васъ стрясетъ съ дерева-то?

— А отчего жъ тебя онъ не стрясываетъ?

— Да я потяжельше васъ.

— И меня, братъ, не стрясетъ, какъ я схвачусь, сдѣлай милость!—сказалъ хвастливо Павелъ.

— Ну, объ этомъ разговоръ ужъ конченъ: довольно!—перебилъ его, съ совершенно вспыхнувшимъ лицомъ, полковникъ.

Павелъ отвернулся отъ него.

Сафонычъ затѣмъ, получивъ рюмку водки, отправился садиться на лабазъ. Всѣ дворовые, мужчины и женщины, вышли на усадебную околицу и какъ бы замерли въ ожиданіи чего-то. Точно какъ будто бы гдѣ-то невдалекѣ происходило сраженіе, и они еще не знали, кто побѣдитъ: наши или непріятель. Между всѣми ими рисовалась стоящая въ какой-то трагической позѣ скотница. Она попрежнему была въ оборванномъ сарафанишкѣ и съ босыми расцарапанными ногами, и попрежнему хотѣла, кажется, по преимуществу поразить полковника. Павелъ безпрестанно подбѣгалъ къ ней и спрашивалъ:—«Что? не слыхать? не слыхать еще, чтобы выстрѣлилъ?»

— Нѣту, батюшка, нѣту, — отвѣчала она монотонно-плачевнымъ голосомъ.

Наконецъ вдругъ раздался крикъ:—«выстрѣлилъ!..». Павелъ сейчасъ же бросился со всѣхъ ногъ въ ту сторону, откуда раздался выстрѣлъ.

— Куда это онъ? — спросилъ полковникъ, не сообразивъ еще хорошенько въ первую минуту; потомъ сейчасъ же торопливо прибавилъ:—Кирьянъ, лови его! Останови!

Кирьянъ тоже сначала не понялъ.

— Лови его, каналью этакую!—заревѣлъ полковникъ.

Кирьянъ бросился за Павломъ и кричалъ:

— Постойте, судырь, погодите! Павелъ Михайлычъ, папенька васъ спрашиваетъ!

Павелъ не слушался и продолжалъ улепетывать отъ него. Но вотъ раздался еще выстрѣлъ. Паша на минуту пріостановился. Кирьянъ, воспользовавшись этимъ мгновеніемъ и почти навалясь на барчика, обхватилъ его въ охапку. Павелъ сталъ брыкаться у него, колотилъ его ногами, кусалъ его руки...

Въ это время изъ лѣсу показался и Сафонычъ. Кирьянъ позазѣвался на него. Павелъ юркнулъ у него изъ рукъ и—прямо къ егерю.

— Что, убилъ?—проговорилъ онъ задыхающимся голосомъ.

— Убилъ! — отвѣчалъ тотъ: — велите, чтобы телѣга ѣхала.

— Телѣгу! телѣгу! — закричалъ Павелъ почти бѣшенымъ голосомъ и побѣжалъ назадъ къ усадьбѣ. Ему встрѣтился полковникъ, который тоже трусилъ съ своимъ толстымъ брюхомъ, чтобы поймать сына.

— Телѣгу, папаша, телѣгу! — едва выговаривалъ тотъ и продолжалъ бѣжать.

— Телѣгу скорѣй! — закричалъ и полковникъ, тоже повернувъ и побѣжавъ за сыномъ.

Телѣга сейчасъ же была готова. Павелъ, самъ правя, полетѣлъ на ней въ поле, такъ что къ нему едва успѣли вскочить Кирьянъ и Сафонычъ. Подъѣхали къ мѣсту пораженія. Около куста распростерта была растерзанная корова, а невдалекѣ отъ нея, въ лужѣ крови, лежалъ и медвѣдь: онъ очень скромно повернулъ голову набокъ и какъ бы не околѣлъ, а заснулъ только.

— Мнѣ Богъ привелъ съ перваго же раза въ правую лопатку ему угодить; а тутъ онъ вертѣться сталъ и голову мнѣ подставилъ,—толковалъ Сафонычъ Кирьяну.

Но Павелъ ничего этого не слушалъ: онъ зачѣмъ-то и куда-то ужасно торопился.

— Валите на телѣгу! — закричалъ онъ строгимъ, почти не дѣтскимъ голосомъ и самъ своими ручонками сталъ подсоблять, когда егерь и Кирьянъ потащили звѣря на телѣгу. Потомъ сѣлъ рядомъ съ медвѣдемъ и поѣхалъ. Лошадь фыркала и рвалась бѣжать шибче. Павелъ сдерживалъ ее. Егерь и Кирьянъ сначала пошли-было около него, но онъ вскорѣ удралъ отъ нихъ впередъ, чтобы показать, что онъ не боится оставаться одинъ съ медвѣдемъ. Въ усадьбѣ его встрѣтили съ улыбающимся лицомъ полковникъ и все почти остальное народонаселеніе. Бабы при этомъ ахали и дивились на звѣря; мальчишки радостно припрыгивали и кричали; собаки лаймя-лаяли. Вдругъ изъ всей этой толпы выскочила — съ всклоченными волосами, съ дикими глазами и съ метлою въ рукѣ — скотница и начала рукояткой метлы бить медвѣдя по головѣ и по животу. «Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ, дьяволъ, за нашу бурёнушку!»—приговаривала она.

— Перестань, дура; шкуру испортишь,—унялъ ее подошедшій Сафонычъ.

— Ну на тебѣ еще на водку,—сказалъ полковникъ, давая ему полтинникъ.

Сафонычъ поклонился

— Ужъ позвольте и лошадки чорта-то этого до дому своего довезти: шкуру тоже надо содрать съ него и сальца поснять.

— Хорошо, возьми,—сказалъ полковникъ. — Кирьянъ, доѣзжай съ нимъ!

Кирьянъ и Сафонычъ поѣхали. За ними побѣжали опять съ крикомъ мальчишки и залаяли снова собаки.

Всѣ эти воспоминанія въ настоящую минуту довольно живо представлялись Павлу, и смутное дѣтское чувство говорило въ немъ, что вся эта жизнь — съ полями, лѣсами, съ охотою, лошадьми — должна была навѣки кончиться для него, и впереди предстояло только одно: учиться. По случаю безвыѣздной деревенской жизни отца, наставниками его пока были: приходскій дьяконъ, который версты за три бѣгалъ каждый день поучить его часа два: потомъ былъ взятъ къ нему разстрига-попъ, но оказался ужъ очень сильнымъ пьяницей; наконецъ училъ его старичокъ, переѣзжавшій нѣсколько десятковъ лѣтъ отъ одного помѣщика къ другому и переучившій, по крайней мѣрѣ, поколѣнія четыре. Какъ ни плохи были такого рода наставники, но все-таки учили его дѣлу: читать, писать, ариѳметикѣ, грамматикѣ, латинскому языку. У него никогда не было никакой гувернантки, изобрѣтающей приличныя для его возраста causeries съ нимъ: ему никогда никто не читалъ дѣтскихъ книжекъ, а онъ прямо схватился за кой-какіе романы и путешествія, которые нашелъ на полкѣ у отца въ кабинетѣ; словомъ, ничто какъ бы не лелѣяло и не поддерживало въ немъ дѣтскаго возраста, а скорѣй игра и ученіе все задавали ему задачи больше его лѣтъ.

Когда Паша совсѣмъ уже хотѣлъ уйти съ крыльца въ комнаты, къ нему подошла знакомая намъ скотница.

— Не прикажете ли, батюшка, сливочекъ? Уѣдете въ городъ, тамъ и молочка хорошаго нѣтъ,—проговорила она.

— Дай,—сказалъ ей Павелъ.

Та принесла ему густѣйшихъ сливокъ; онъ хоть и не очень любилъ молоко, но выпилъ его цѣлый стаканъ и пошелъ къ себѣ спать. Ему все еще продолжало быть грустно.

III.

Практическое семейство.

На соборной колокольнѣ городка заблаговѣстили къ поздней обѣднѣ, когда увидѣли, что съ горы изъ Воздвиженскаго стала спускаться запряженная шестерикомъ коляска Александры Григорьевны. Эта обѣдня собственно ею и была заказана за

упокой мужа; кромѣ того, Александра Григорьевна была строительницей храма и еще нѣсколько дней тому назадъ выхлопотала отцу протопопу камилавку. Когда Абреева съ сыномъ своимъ вошла въ церковь, то между молящимися увидала тамъ Захаревскаго и жену его Маремьяну Архиповну. Оба эти лица были въ своихъ лучшихъ нарядахъ: Захаревскій въ новомъ широкомъ вицмундирѣ и при всѣхъ своихъ крестахъ и медаляхъ; госпожа Захаревская тоже въ новомъ сѣромъ платьѣ, въ новомъ зеленомъ платкѣ и новомъ чепцѣ, — всѣ наряды ея были довольно цѣнны, но не отличались хорошимъ вкусомъ и сидѣли на ней какъ-то вкривь и вкось: вообще дама эта имѣла то свойство, что, что бы она ни надѣла, все къ ней какъ-то не шло. По фигурамъ своимъ супругъ и супруга скорѣе походили на огромныя тумбы, чѣмъ на живыхъ людей: жизнь ихъ обоихъ вначалѣ шла сурово и трудно, и только рѣшительное отсутствіе внутри всего того, что иногда другимъ мѣшаетъ жить и преуспѣвать въ жизни, помогло имъ достигнуть настоящаго, почти блаженнаго состоянія. Захаревскій сначала былъ писцомъ земскаго суда; старые приказные таскали его за волосы, посылали за водкой. Г-жа Захаревская, тогда еще просто Маремьяша, была мѣщанскою дѣвицею: сама доила коровъ, таскала навозъ въ свой садъ и потомъ, будучи чиста и невинна, какъ младенецъ, она совершенно спокойно и безтрепетно перешла въ пьяныя и развратныя объятія толстаго исправника. Захаревскій около этого времени сдѣланъ былъ столоначальникомъ и, какъ подчиненный, часто бывалъ у исправника въ домѣ; тотъ наконецъ вздумалъ удалить отъ себя свою любовницу: Захаревскій сейчасъ же явился на помощь къ начальнику своему и тоже совершенно покойно и безтрепетно предложилъ Маремьянѣ Архиповнѣ руку и сердце и получилъ за это мѣсто станового. Здѣсь молодой человѣкъ (можетъ-быть, въ первый разъ) принесъ нѣкоторую жертву человѣческой природѣ: онъ началъ страшно, мучительно ревновать жену къ надзиравшему иногда къ нимъ исправнику и выражалъ это тѣмъ, что билъ ее не на животъ, а на смерть. Маремьяна Архиповна знала, за что ее бьютъ,—знала, какъ она безвинно въ этомъ случаѣ терпитъ; но ни однимъ звукомъ, ни одной слезой никому не пожаловалась, чтобы только не повредить службѣ мужа. Ардальонъ Васильевичъ въ другомъ отношеніи тоже не менѣе супруги своей смирялъ себя: будучи отъ природы злѣйшаго и крутѣйшаго характера, онъ до того унижался и кланялся передъ дворянствомъ, что тѣ наконецъ выбрали его въ исправники, надѣясь на его доброту и услужливость: и онъ

въ самомъ дѣлѣ былъ добръ и услужливъ. Въ настоящее время Ардальонъ Васильевичъ былъ изукрашенъ крестами и, по службѣ въ разныхъ богоугодныхъ заведеніяхъ, состоялъ уже въ чинѣ статскаго совѣтника. Маремьяна Архиповна между небогатыми дворянками, чиновницами и купчихами пользовалась огромнымъ уваженіемъ. Дѣтей у нихъ была одна дочь, маленькая еще дѣвочка, и два сына, которыхъ они готовились отдать въ первоклассныя училища. Состояніе Захаревскихъ было болѣе чѣмъ обезпеченное.

Увидавъ Захаревскихъ въ церкви, Александра Григорьевна слегка мотнула имъ головой; тѣ, въ свою очередь, тоже издали поклонились ей почтительно: они знали, что Александра Григорьевна не любила, чтобы въ церкви, и особенно во время службы, подходили къ ней. Послѣ обѣдни Александра Григорьевна направилась въ малый придѣлъ къ конторкѣ старосты церковнаго, чтобы сосчитать его. Захаревскій и Захаревская все-таки издали продолжали слѣдовать за ней. Александра Григорьевна, никого и ничего, по ея словамъ, не боявшаяся для Бога, забывъ всякое чувство брезгливости, своими руками пересчитала всѣ церковныя мѣдныя деньги, всѣ пучки восковыхъ свѣчъ, повѣрила и подписала счеты. Во все это время Сережа до неистовства зѣвалъ, такъ что у него покраснѣли даже его красивые глаза. Александра Григорьевна обернулась наконецъ къ Захаревскимъ. Госпожа Захаревская стремительно бросилась навстрѣчу; при этомъ чепецъ ея совершенно перевернулся нѣсколько на сторону.

— Ваше высокопревосходительство, прошу васъ осчастливить насъ своимъ посѣщеніемъ,—проговорила она торопливымъ и взволнованнымъ голосомъ.

— О, непремѣнно!.. — отвѣчала Александра Григорьевна благосклонно.

— Именно ужъ осчастливить! — произнесъ и Захаревскій, но такимъ глухимъ голосомъ, что какъ будто бы это сказалъ автоматъ, а не живой человѣкъ.

— Ѣдемъ! — сказала Александра Григорьевна, обращаясь ко всѣмъ, и всѣ пошли за ней.

— Ахъ, какой ангелъ, душечка! — говорила Маремьяна Архиповна, глядя съ чувствомъ на Сережу.

Тотъ тоже на нее смотрѣлъ, но такъ, какъ обыкновенно смотрятъ на какое-нибудь никогда невиданное и нѣсколько гадкое животное.

Сѣвъ въ экипажъ, Александра Григорьевна пригласила съ собой ѣхать и Захаревскихъ: они пришли въ церковь пѣшкомъ.

— Что вы изволите безпокоиться, — произнесъ Ардальонъ

Васильевичъ и вслѣдъ затѣмъ довольно покойно помѣстился на передней лавочкѣ коляски; но смущенію супруги его предѣловъ не было: посаженная, какъ дама, съ Александрой Григорьевной рядомъ, она краснѣла, обдергивалась, пыхтѣла. Маремьяна Архиповна отъ природы была довольно смѣлаго характера и терялась только въ присутствіи значительныхъ особъ. Когда подъѣхали къ ихъ красивому домику, она, не давъ еще хорошенько отворить дверцы экипажа, выскочила изъ него и успѣла свою почтенную гостью встрѣтить въ передней. Въ залѣ стояли оба мальчика Захаревскихъ въ новенькихъ чистенькихъ курточкахъ, въ чистомъ бѣльѣ и гладко причесанные; но, несмотря на то, они все-таки какъ бы больше походили на кантонистовъ, чѣмъ на дворянскихъ дѣтей.

— Пожалуйте сюда, въ гостиную, — говорила Захаревская почти задыхающимся голосомъ.

Александра Григорьевна вошла вслѣдъ за ней въ гостиную.

— Сюда, на диванчикъ,—говорила Маремьяна Архиповна.

Александра Григорьевна сѣла на диванчикъ. Прочія лица тоже вошли въ гостиную. Захаревская бросилась въ другія комнаты хлопотать объ угощеніи.

— Это ваши молодцы?—обратилась Александра Григорьевна нѣсколько разслабленнымъ голосомъ къ хозяину, показывая на двухъ его сыновей.

— Да-съ,—отвѣчалъ тотъ съ нѣкоторою нѣжностью.

Разговоръ на нѣсколько минутъ остановился: по случаю только-что выслушанной заупокойной обѣдни по мужѣ, Александра Григорьевна считала своею обязанностью быть нѣсколько печальной.

— Мнѣ часто приходило въ голову,—начала она тѣмъ же разслабленнымъ голосомъ: — зачѣмъ это мы остаемся жить, когда теряемъ столь близкихъ и дорогихъ намъ людей?..

— Воля Божія на это, вѣроятно, есть,—отвѣчалъ Ардальонъ Васильевичъ, тоже придавая лицу своему печальное выраженіе.

— Да,—возразила Александра Григорьевна, мрачно нахмуривая брови:—я, конечно, никогда не позволяла себѣ роптать на промыслъ Божій, но все-таки въ этомъ случаѣ воля Его казалась мнѣ немилосердна... Въ первое время послѣ смерти мужа мнѣ представлялось, что неужели эта маленькая планетка-земля удержитъ меня, и я не улечу за нимъ въ вѣчность?..

На это Ардальонъ Васильевичъ не нашелся ничего ей отвѣтить, а только потупился и слегка вздохнулъ.

— Меня тогда удерживало въ жизни и теперь удерживаетъ, конечно, вотъ кто,—заключила Александра Григорьевна и ука-

зала на Сережу, который все время какъ-то неловко стоялъ по срединѣ комнаты.

Старшій сынъ хозяевъ, должно-быть, очень неглупый мальчикъ, замѣтилъ это, и когда Александра Григорьевна перестала говорить, онъ сейчасъ же подошелъ къ Сережѣ и вѣжливо сказалъ ему:

— Вы устали, я думаю, въ церкви; не угодно ли вамъ сѣсть?

— Да, усталъ!—отвѣчалъ Сережа ротозѣевато и сѣлъ.

Мальчикъ-хозяинъ помѣстился рядомъ съ нимъ и, видимо, съ цѣлью занимать его. Другой же братишка его, постоявъ немного у притолоки, вышелъ на дворъ и сталъ разсматривать экипажъ и лошадей Александры Григорьевны, спрашивая у кучера — настоящій ли серебряный наборъ на лошадяхъ или посеребреный, и что все это стоитъ. Вообще, кажется, весь Божій міръ занималъ его болѣе со стороны цѣнности, чѣмъ какими-либо другими качествами: въ дѣтскомъ своемъ умишкѣ онъ задавалъ себѣ иногда такого рода вопросъ: что, сколько бы дали за весь земной шаръ, если бы Богъ кому-нибудь продалъ его? Маремьяна Архиповна вошла наконецъ съ кофе, сухарями и сливками. Лицо ея еще болѣе раскраснѣлось. Она сначала было-разставила все это передъ Александрой Григорьевной, потомъ вдругъ бросилась съ чашкой кофе и съ массой сухарей и къ Сережѣ. Умненькій сынокъ ея сейчасъ же поспѣшилъ помочь матери и поставилъ передъ гостемъ маленькій столикъ.

Александра Григорьевна и Сережа почти съ жадностью принялись пить кофе и ѣсть печенье.

— Я нигдѣ не пивала такихъ сливокъ, какъ у васъ,—отнеслась Александра Григорьевна благосклонно къ хозяйкѣ.

Та при этомъ какъ бы слегка проржала отъ удовольствія.

— И трудно, ваше высокопревосходительство, другимъ такія имѣть: надобно тоже, чтобы посуда была чистая, корова чистоплотно выдоена, — начала-было она; но Ардальонъ Васильевичъ сурово взглянулъ на жену. Она поняла его и сейчасъ же замолчала: по своему необразованію и стремительному характеру, Маремьяна Архиповна нерѣдко такимъ образомъ провиралась.

— Ну-съ, теперь за дѣло!—сказала Александра Григорьевна, стряхивая съ рукъ крошки сухарей.

— Убирай все скорѣе! — скомандовалъ Захаревскій женѣ.

— Сейчасъ! — отвѣчала та торопливо и дѣйствительно въ одно мгновеніе все прибрала; затѣмъ сама возвратилась въ гостиную и сѣла: ее тоже, кажется, интересовало послушать, что будетъ говорить Александра Григорьевна.

— Пожалуйте сюда, Ардальонъ Васильевичъ, — отнеслась послѣдняя къ хозяину дома.

Тотъ всталъ, подошелъ къ ней и, склонивъ голову, принялъ почтительную позу. Александра Григорьевна вынула изъ кармана два письма и начала неторопливо:

— Прежде всего скажите вы мнѣ, которому изъ вашихъ дѣтей хотите вы вручить якорь и лопатку и которому вѣсы правосудія?

— Вотъ-съ этому вѣсы правосудія, — сказалъ съ улыбкою Ардальонъ Васильевичъ, показывая на сидѣвшаго съ Сережей старшаго сына своего.

— Прекрасно-съ! И поэтому, по пріѣздѣ въ Петербургъ, вы возьмите этого молодого человѣка съ собой и отправляйтесь по адресу этого письма къ господину, котораго я очень хорошо знаю; отдайте ему письмо, и что онъ вамъ скажетъ: къ себѣ ли возьметъ вашего сына для приготовленія, велитъ ли отдать кому—совѣтую слушаться безпрекословно и уже денегъ въ этомъ случаѣ не жалѣть, потому что въ Петербургѣ также пьютъ и ѣдятъ, а не воздухомъ питаются!

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ Захаревскій покорно и искоса кидая взглядъ на адресъ письма.

— Касательно второго вашего ребенка,—продолжала Александра Григорьевна:—я хотѣла-было писать прямо къ графу. По дружественному нашему знакомству это было бы возможно; но сами согласитесь, что лицъ, такъ высоко поставленныхъ, безпокоить о какомъ-нибудь опредѣленіи въ училище ребенка—совѣстно и неделикатно; а потому вотъ вамъ письмо къ лицу, гораздо низшему, но, пожалуй, не менѣе сильному... Онъ другъ нашего дома, и вы ему прямо можете сказать, что Александра-де Григорьевна непремѣнно велѣла вамъ это сдѣлать!

На все это Ардальонъ Васильевичъ молчалъ: лицо его далеко не выражало довѣрія ко всему тому, что онъ слышалъ.

— Третье теперь-съ!—говорила Александра Григорьевна, вынимая изъ кармана еще бумагу:—это просьба моя въ сенатъ,—я сама ее сочинила...

Лицо Захаревскаго уже явно исказилось. Александра Григорьевна нѣсколько лѣтъ вела процессъ, и не для выгоды какой-нибудь, а съ цѣлью только показать, что она юристка и можетъ писать дѣловыя бумаги. Ардальонъ Васильевичъ въ этомъ случаѣ былъ больше всѣхъ ея жертвой: она читала ему всѣ сочиняемыя ею бумаги, которыя въ смыслѣ дѣловомъ представляли совершенную чушь; требовала совѣта у него на нихъ, ожидала отъ него хвалы имъ и наконецъ давала ему тысячу вздорнѣйшихъ порученій.

— Подайте это прошеніе, ну и тамъ подмажьте, гдѣ нужно будетъ! — заключила она, вѣроятно, воображая, что говоритъ самую обыкновенную вещь.

Но у Ардальона Васильевича потъ даже выступилъ на лбу. Онъ наконецъ началъ во всемъ этомъ видѣть нѣкоторое надругательство надъ собою. «Еще и деньги плати за нее!»—подумалъ онъ и, отойдя отъ гостьи, молча сѣлъ на отдаленное кресло. Маремьяна Архиповна тоже молчала; она видѣла, что мужъ ея чѣмъ-то недоволенъ, но чѣмъ именно—понять хорошенько не могла.

Александра Григорьевна между тѣмъ какъ бы что-то такое соображала.

— На свѣтѣ такъ мало людей, — начала она, прищуривая глаза:—которые бы что-нибудь для кого сдѣлали, что, право, если самой кому хоть чѣмъ-нибудь приведется услужить, такъ такъ этому радуешься, что и сказать того нельзя...

— Вамъ ужъ это свыше отъ природы дано!—проговорилъ какъ бы нехотя Ардальонъ Васильевичъ.

— А по-моему, такъ это отъ Бога, по Его внушеніямъ!— подхватила съ гораздо бо́льшимъ одушевленіемъ Маремьяна Архиповна.

— Вотъ это такъ вѣрно.—согласилась съ ней Александра Григорьевна.—«Ничто бо отъ васъ есть, а все отъ Меня!»— сочинила она сама текстъ.

Разговаривать далѣе, видимо, было не о чемъ ни гостьѣ ни хозяевамъ. Маремьяна Архиповна, впрочемъ, отнеслась было снова къ Александрѣ Григорьевнѣ съ предложеніемъ, что не прикажетъ ли она чего-нибудь закусить?

— Ахъ, нѣтъ, подите! Богъ съ вами! — почти съ ужасомъ воскликнула та: — я сыта по горло, да намъ пора и ѣхать. Вставай, Сережа!—обратилась она къ сыну.

Тотъ всталъ. Александра Григорьевна любезно расцѣловалась съ хозяйкой, дала поцѣловать свою руку Ардальону Васильевичу и старшему его сыну и—пошла. Захаревскіе, съ почтительно наклоненными головами, проводили ее до экипажа, и когда возвратились ихъ комнаты, то весь въ наружный видъ совершенно измѣнился: у Маремьяны Архиповны пропала вся ея суетливость, и она тяжело опустилась на тотъ диванъ, на которомъ сидѣла Александра Григорьевна, а Ардальонъ Васильевичъ просто сдѣлался гнѣвенъ до ярости.

— Какова бестія,—а? Какова каналья? — обратился онъ прямо къ женѣ: — обѣщала, что напишетъ и къ графу и къ принцу самому, а дала двѣ цыдулишки къ какому-то учителю и какому-то еще секретаришкѣ!

— Да ты бы у ней и просилъ писемъ къ графу и къ принцу, какъ обѣщала.

— Да чего, на кой чортъ? Неужели ты думаешь, что если бы она смѣла написать, такъ не написала бы? Къ самому царю бы накатала, чтобы только говорили, что вотъ къ кому она пишетъ; а то, видно, съ ея письмомъ не только что до графа, и до дворника его не дойдешь!.. Вѣдь какъ надула-то, главное: изъ-за этого дѣла я пять тысячъ казенной недоимки съ нея не взыскивалъ, два строгихъ выговора получилъ за то; дадутъ еще третій, и подъ судъ!

— Теперь, по крайности, надо взыскать!

— Да, поди, взыщи; нѣтъ ужъ, матушка, пріучилъ теперь; поди-ка: понажми только посильнѣе, прямо поскачетъ къ губернатору съ жалобой, что у насъ такой и сякой исправникъ: какъ же вѣдь—генералъ-адъютантша, вездѣ доступъ и голосъ имѣетъ!

— Сдѣлаешь какъ-нибудь и безъ ея писемъ,—проговорила какъ бы въ утѣшеніе мужа Маремьяна Архиповна.

— Сдѣлаю, извѣстно!.. Серебряные и золотые ключи лучше всякихъ писемъ отворяютъ двери.—сказалъ онъ.

— У кого ты остановишься?.. У Тимоѳеева, чай?.. Все даромъ проживешь...

— У него попробую,—отвѣчалъ исправникъ, почесывая въ головѣ:—когда здѣсь былъ, безпремѣнно просилъ, чтобы у него остановиться: а тамъ, не знаю.—можетъ, и не приметъ!

— Коли не приметъ, такъ вели у него здѣшнюю моленную опечатать!

— Велю; не стану съ нимъ церемониться.

Тимоѳеевъ былъ мѣстный раскольникъ и имѣлъ у себя при домѣ моленную въ деревнѣ, а самъ постоянно жилъ въ Петербургѣ.

Весь этотъ разговоръ родителей старшій сынъ Захаревскихъ, возвратившійся вмѣстѣ съ ними, послѣ проводовъ Абреевой, въ гостиную, выслушалъ съ величайшимъ вниманіемъ. Онъ всякій разъ, когда бесѣда между отцомъ и матерью заходила о службѣ и о дѣлахъ, не проронялъ ни одного слова. Можетъ-быть, Ардальонъ Васильевичъ потому и предназначалъ его по юридической части. Другой же сынъ ихъ былъ въ это время занятъ совсѣмъ другимъ и нѣсколько даже страннымъ дѣломъ: онъ болталъ палкой въ помойной ямѣ; съ мѣсяцъ тому назадъ онъ въ этой же помойнѣ, случайно роясь, нашелъ и выудилъ серебряную ложку, и съ тѣхъ поръ это стѣлалось его любимымъ занятіемъ.

IV.

Старый холостякъ.

Вихровъ, везя сына въ гимназію, рѣшился сначала заѣхать въ усадьбу Новоселки къ Есперу Иванычу Имплеву, старому холостяку и двоюродному брату покойной жены его. Паша любилъ этого дядю, потому что онъ казался ему очень умнымъ. Къ Новоселкамъ они стали подъѣзжать часовъ въ семь вечера. На открытой мѣстности, окаймленной нѣсколькими изгибами широкой рѣки, посреди низенькихъ, старенькихъ и крытыхъ соломою избъ и скотныхъ дворовъ стоялъ новый, какъ игрушечка, домъ Имплева. Паша припомнилъ, что домъ этотъ походилъ на тотъ домикъ, который онъ видѣлъ у дяди на рисункѣ, когда гостилъ у него въ старомъ еще домѣ. Рисунокъ этотъ привезъ къ Есперу Иванычу какой-то высокій господинъ со всклоченными волосами и въ синемъ фракѣ съ свѣтлыми пуговицами. Господинъ этотъ что-то такое запальчиво говорилъ, потомъ зачѣмъ-то топалъ ногой, проходилъ небольшое пространство, снова топалъ и снова дѣлалъ нѣсколько шаговъ. Гораздо уже въ позднѣйшее время Павелъ узналъ, что это топанье означало площадку лѣстницы, которая должна была проходить въ новомъ домѣ Есперa Иваныча, и что самъ господинъ былъ даровитѣйшій архитекторъ, академическаго еще воспитанія, пьянчуга, нищій, нелюбимый ни начальствомъ ни публикой. Послѣ него въ губернскомъ городѣ до сихъ поръ остались—три постройки, въ которыхъ вы сейчасъ же замѣчали что-то особенное, и вамъ дѣлалось хорошо, какъ обыкновенно это бываетъ, когда вы остановитесь, напримѣръ, передъ постройками Растрелли. Во всей губерніи одинъ только Есперъ Иванычъ цѣнилъ и уважалъ этотъ высокій, но спившійся талантъ. Онъ заказалъ ему планъ и фасадъ своего деревенскаго дома и всѣ предначертанія маэстро выполнилъ, по крайней мѣрѣ снаружи, съ буквальной точностью. Домъ вышелъ, начиная съ фасада и орнаментовъ его до соразмѣрности частей, съ печатью великаго вкуса. Есперъ Иванычъ предполагалъ въ томъ же тонѣ выстроить и всю остальную усадьбу, имѣлъ уже отъ архитектора и рисунки для того, но и только пока!

Когда Вихровы въѣхали въ Новоселки и вошли въ переднюю дома, ихъ встрѣтила Анна Гавриловна, ключница Есперa Иваныча, женщина сорока пяти лѣтъ, но еще довольно красивая и необыкновенно чистоплотная изъ себя.

— Мы съ Есперомъ Иванычемъ изъ-подъ горы еще васъ узнали, —начала она совершенно свободнымъ тономъ:—ѣдутъ все шагомъ, думаемъ: вѣрно, это Михайла Поликарпычъ лошадей своихъ жалѣетъ!

— Жалѣю!—отвѣчалъ, немного краснѣя, полковникъ: онъ въ самомъ дѣлѣ до гадости былъ бережливъ на лошадей.

— Миленькій, какъ выросъ!—обратилась Анна Гавриловна къ Павлу и поцѣловала его въ голову. — Вверхъ пожалуйте; туда баринъ приказалъ просить!—прибавила она.

— Идемъ!—отвѣчалъ полковникъ.

Чѣмъ выше всѣ они стали подниматься по лѣстницѣ, тѣмъ Паша сильнѣе началъ чувствовать запахъ французскаго табаку, который обыкновенно нюхалъ его дядя. Въ высокой и пространной комнатѣ, передъ письменнымъ столомъ, на покойныхъ вольтеровскихъ креслахъ сидѣлъ Есперъ Иванычъ. Онъ былъ въ колпакѣ, съ поднятыми на лобъ очками, въ легонькомъ холстинковомъ халатѣ и въ мягкихъ сафьянныхъ сапогахъ. Лицо его дышало умомъ и добродушіемъ и напоминало собою нѣсколько лицо Вальтеръ-Скотта.

— Здравствуйте, странники, неимущіе крова!—воскликнулъ онъ входящимъ.—Здравствуй, Өевей-царевичъ!—прибавилъ онъ почти нѣжнымъ голосомъ Павлу, цѣлуя его въ лицо.

Павелъ цѣловалъ у дяди лицо, руки; отъ запаха французскаго табаку онъ чихнулъ.

Вихровы сѣли.

Кабинетъ Еспера Иваныча представлялъ довольно оригинальный видъ: большой столъ, передъ которымъ онъ самъ сидѣлъ, былъ сплошь заваленъ бумагами, карандашами, циркулями, линейками, треугольниками. На немъ же помѣщались: зрительная трубка, микроскопъ и калейдоскопъ. У задней стѣны стояла мягкая, съ красивымъ одѣяломъ, кровать Еспера Иваныча: въ продолженіе дня онъ только и дѣлалъ, что съ книгою въ рукахъ то сидѣлъ передъ столомъ, то ложился на кровать. По третьей стѣнѣ шелъ длинный диванъ, заваленный книгами, и кромѣ того на немъ стояли безъ рамокъ двѣ отличныя копіи: одна съ Сикстовой Мадонны, а другая съ Данаи Корреджіо. Картины эти, точно такъ же, какъ и фасадъ дома, имѣли свое особое происхожденіе: ихъ нарисовалъ для Еспера Иваныча одинъ художникъ, кротчайшее существо, который тѣмъ не менѣе совершилъ государственное преступленіе, состоящее въ томъ, что къ извѣстной эпиграммѣ: «Всевышняго рука три чуда совершила!»— приписалъ руку съ военнымъ обшлагомъ. За это онъ сосланъ былъ подъ присмотръ полиціи въ маленькій уѣздный городишко, что въ не-

реводѣ значило: обреченъ былъ на голодную смерть. Есперъ Иванычъ, узнавъ о существованіи этого несчастливца, сталъ заказывать ему работу, восхищался всегда его колоритомъ и потихоньку посылалъ къ его кухаркѣ хлѣба и мяса. Эта помощь, эти слова ободренія только и поддерживали жизнь бѣдняка. На третьей стѣнѣ предполагалась краснаго дерева дверь въ библіотеку, для которой маэстро-архитекторъ изготовилъ было великолѣпнѣйшій рисунокъ; но самой двери не появлялось, и вмѣсто нея висѣлъ запыленный полуприподнятый коверъ, изъза котораго видѣлось, что въ сосѣдней комнатѣ стояли растворенные шкапы: тутъ и тамъ размѣщены были не прибитые картины и эстампы, и лежали на полу и на столахъ книги. Все это Есперъ Иванычъ каждый день собирался привести въ порядокъ и каждый день все больше и больше разбрасывалъ.

— Залобаниваю вотъ, везу въ гимназію!—началъ старикъ Вихровъ, показывая на сына.

— Что жъ, это хорошо, — проговорилъ Имплевъ съ какимъ-то свѣтлымъ и ободряющимъ лицомъ.

— Одно только — жаль разстаться... Одинъ вѣдь онъ у меня,—только свѣту и радости!..—произнесъ полковникъ, и у него ужъ навернулись слезы на глазахъ.

Есперъ Иванычъ потупился.

— Зачѣмъ же разставаться — живи съ нимъ! — проговорилъ онъ.

— А какъ хозяйство-то оставить — на кого? Разорять совсѣмъ!—воскликнулъ полковникъ, почти въ отчаяніи разводя руками.

Есперъ Иванычъ понялъ, что въ душѣ старика страшно боролись, съ одной стороны, горячая привязанность къ сыну, а съ другой—страхъ, что если онъ оставитъ хозяйство, такъ непремѣнно разорится; а потому Имплевъ болѣе уже не касался этой больной струны.

Вошла Анна Гавриловна съ чайнымъ подносомъ въ рукахъ. Разнеся чай, она не уходила, а осталась тутъ же въ кабинетѣ.

— Гдѣ жить будетъ у тебя Паша?—спросилъ Есперъ Иванычъ полковника.

— Да тутъ я у Александры Григорьевны Абреевой квартирку въ домѣ ея внизу взялъ... Оставлю при немъ человѣка...— отвѣчалъ тотъ.

— Что же, онъ такъ одинъ съ лакеемъ и будетъ жить?— возразилъ Есперъ Иванычъ.

— Нѣтъ, я сына моей небогатенькой сосѣдки беру къ нему,—тоже гимназистикъ, постарше Паши и прекраснѣйшій

мальчикъ! — проговорилъ полковникъ, нахмуриваясь: ему уже начали и не нравиться такіе разспросы.

Есперъ Иванычъ сомнительно покачалъ головой.

— Не знаю,—началъ онъ какъ бы болѣе размышляющимъ тономъ:—а по-моему гораздо бы лучше сдѣлалъ, если бы отдалъ его къ нѣмцу въ пансіонъ... У того, говорятъ, и за уроками дѣтей слѣдятъ и музыкѣ сверхъ того учатъ.

— Ни за что!—сказалъ съ сердцемъ полковникъ:—нѣмецъ его никогда и въ церковь сходить не заставитъ.

Говоря это, старикъ маскировался: не того онъ боялся, а просто ему жаль было платить нѣмцу много денегъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ожидалъ, что если Есперъ Иванычъ догадается о томъ, такъ, пожалуй, самъ вызовется платить за Павла; а Вихровъ и отъ него, какъ отъ Александры Григорьевны, ничего не хотѣлъ принять: странное смѣшеніе скупости и гордости представлялъ собою этотъ человѣкъ!

Есперъ Иванычъ между тѣмъ сталъ смотрѣть куда-то вдаль и замѣтно весь погрузился въ свои собственныя мысли, такъ что полковникъ даже нѣсколько обидѣлся этимъ. Посидѣвъ немного, онъ всталъ и сказалъ не безъ досады:

— А мнѣ ужъ позвольте: я помолюсь, да и лягу!

— Сдѣлай милость! — сказалъ Есперъ Иванычъ, какъ бы спохватясь и совершенно уже ласковымъ голосомъ.

Анна Гавриловна, видѣвшая, что господа, должно-быть, до чего-то не совсѣмъ пріятнаго между собою договорились,— тоже поспѣшила посмягчить это.

— Поумаялись, видно, съ дороги-то,—отнеслась она съ веселымъ видомъ къ полковнику.

— Да, а все коляска проклятая: туда мотнетъ, сюда,—всю душу вымотала,—отвѣчалъ онъ.

— Неужели лучше въ службѣ-то на лошади верхомъ ѣздили?— сказала Анна Гавриловна.

Она знала, что этимъ вопросомъ доставитъ безконечное удовольствіе старику.

— О, на лошади верхомъ!—воскликнулъ онъ съ вспыхнувшимъ мгновенно взоромъ: — у меня, сударыня, былъ карабахскій жеребецъ—люлька, или еще покойнѣе того: отъ Нухи до Баки триста верстъ, а я на немъ въ двое сутокъ доѣзжалъ: на лошади ѣшь и на лошади спишь.

— А сколько вамъ лѣтъ-то тогда было, баринъ — баринъ-хвастунъ!..—перебила Анна Гавриловна.

— Лѣтъ двадцать пять, не больше!

— То-то и есть: ступайте лучше—отдохните на постелькѣ, чѣмъ на вашихъ коняхъ-то.

— И то пойду!.. Да хранитъ васъ Богъ! — говорилъ полковникъ, склоняя голову и уходя.

Анна Гавриловна тоже послѣдовала за нимъ.

— Пути уложитъ его!—говорила она.

Ко всѣмъ гостямъ, которыхъ Есперъ Иванычъ любилъ, Анна Гавриловна была до нѣжности ласкова.

Имплевъ, оставшись съ племянникомъ, продолжалъ на него ласково смотрѣть.

— Ну-ка, пересядь сюда поближе!—сказалъ онъ.

Паша пересѣлъ.

— Вотъ теперь тебя везутъ въ гимназію; тебѣ надобно учиться хорошо; мальчикъ ты умный: въ ученьи счастье всей твоей жизни будетъ.

— Я буду учиться хорошо,—сказалъ Павелъ.

— Еще бы!.. Отецъ вотъ твой, напримѣръ, отличный человѣкъ: и умный и добрый; а если имѣетъ какіе недостатки, такъ чисто какъ человѣкъ необразованный: и скупенекъ немного и не совсѣмъ благоразумно строгъ къ людямъ...

Павелъ потупился: тяжелое и непріятное чувство пошевелилось у него въ душѣ противъ отца; «никогда не буду скупъ и строгъ къ людямъ!»—подумалъ онъ.

— Ты самъ меня какъ-то спрашивалъ, — продолжалъ Имплевъ: - отчего это, когда вотъ помѣщики и чиновники съѣдутся, сейчасъ же въ карты сядутъ играть?.. Прямо отъ неученья! Имъ не о чемъ между собой говорить; и чѣмъ необразованнѣй общество, тѣмъ склоннѣй оно ко всѣмъ этимъ играмъ въ кости, въ карты; всѣ восточные народы, которые еще необразованнѣе насъ, очень любятъ все это, и у нихъ, напримѣръ, за величайшее блаженство считается ихъ *кейфъ*, т.-е. когда человѣкъ ничего ужъ и не думаетъ даже.

— А въ чемъ же, дядя, настоящее блаженство?—спросилъ Павелъ.

— Настоящее блаженство состоитъ,—отвѣчалъ Имплевъ:— въ отправленіи нашихъ высшихъ душевныхъ способностей: ума, воображенія, чувства. Мнѣ вотъ, хоть и не много, а все побольше разныхъ здѣшнихъ господъ Богъ далъ знанія, и меня каждая вещь, что ты видишь здѣсь въ кабинетѣ, занимаетъ.

— А это что такое у васъ, дядя?—спросилъ Павелъ, показывая на астролябію, которая очень возбуждала его любопытство; самъ собою онъ никакъ не могъ догадаться, что это было такое.

— Это астролябія, инструментъ — землю мѣрять; ты вѣдь черченію учился?

— Учился, дядя!

— И поэтому знаешь, что такое треугольникъ и многоугольникъ... Теперь всякая земля, — которою владѣю я, твой отецъ, словомъ, всѣ мы, — есть не что иное, какъ неправильный многоугольникъ, и, чтобы вымѣрять его, надобно вымѣрять углы его... Теперь, поди же сюда!

И Есперъ Иванычъ подвелъ Павла къ астролябіи; онъ до страсти любилъ съ кѣмъ бы то ни было потолковать о разныхъ математическихъ предметахъ.

— Теперь по границѣ владѣнія ставятъ столбы и, вмѣсто котораго-нибудь изъ нихъ, берутъ и устанавливаютъ астролябію и начинаютъ смотрѣть вотъ въ щелку этого подвижнаго діаметра, поворачивая его до тѣхъ поръ, пока волосокъ его не совпадетъ съ ближайшимъ столбомъ; точно такъ же поворачиваютъ другой діаметръ къ другому ближайшему столбу, и какое пространство между ними — смотри вотъ: 160 градусовъ, и записываютъ это,—это значитъ величина этого угла,— понялъ?

— Понялъ!—отвѣчалъ бойко мальчикъ:—этому, дядя, очень весело учиться,—прибавилъ онъ.

— Весело! «Науки юношей-съ питаютъ, отраду старцамъ подаютъ!» — продекламировалъ Есперъ Иванычъ: но вошла Анна Григорьевна и прервала ихъ бесѣду.

— Воинъ-то нашъ храномъ ужъ хранитъ!..—объявила она.

— А и Богъ съ нимъ!..—отозвался Есперъ Иванычъ, отходя отъ астролябіи и садясь на прежнее мѣсто:—а ты вотъ что,—прибавилъ онъ Аннѣ Гавриловнѣ, показывая на Павла:—принеси-ка подарокъ, который мы приготовили ему.

— Хорошъ ужъ подарокъ, нечего сказать!—возразила Анна Гавриловна, усмѣхаясь, сама, впрочемъ, пошла и вскорѣ возвратилась съ халатомъ на рость Павла и съ такими же сафьянными сапогами.

— Облекись-ка въ сіе благородное одѣяніе, юноша! — сказалъ Есперъ Иванычъ Пашѣ.

Тотъ въ минуту же сбросилъ съ себя свой чепанчикъ, брюки, сапожонки, надѣлъ халатъ и сафьянные сапоги.

— Ну, теперь, сударыня, — продолжалъ Есперъ Иванычъ, снова обращаясь къ Аннѣ Гавриловнѣ: — собери ты съ этого дивана книги и картины и постели на немъ Невей-царевичу постельку. *Онъ* полежитъ, и я полежу.

— Чтой-то, полноте, и маленькаго-то заставляете лежать!— воскликнула Анна Гавриловна.

— Нѣтъ, Анна Гавриловна, я хочу полежать, ей-Богу, — торопливо подхватилъ Павелъ.

Онъ полагалъ, что все, что дядя желаетъ, чтобъ онъ дѣлалъ, все это было прекрасно, и онъ долженъ былъ дѣлать.

— Ахъ, вы уморишки,—право!—сказала Анна Гавриловна и начала приготовлять Пашѣ постель.

— Читывалъ ли ты, мой милый другъ, романы?—спросилъ его Есперъ Иванычъ.

— Читывалъ, дядя.

— Какіе же?

— «Молодой дикій», «Повѣсти Мармонтеля».

— Ну, все это не то!.. Я тебѣ Вальтера Скотта дамъ. Прочитаешь—только пальчики оближешь!..

И Имплевъ въ самомъ дѣлѣ далъ Павлу переводъ «Айвенго», самъ тоже взялъ книгу, и оба они улеглись.

Анна Гавриловна покатилась со смѣху.

— Вотъ ужъ по пословицѣ: старый и малый одно творятъ,—сказала она и, покачавъ головой, ушла.

Паша сейчасъ началъ читать. Есперъ Иванычъ по временамъ изъ-подъ очковъ взглядывалъ на него. Наконецъ уже смерклось. Имплевъ обратился къ Пашѣ:

— Встань и подними у этой банки крышку.

Павелъ всталъ и подошелъ къ столу, поднялъ у банки закрышку и тотчасъ же отскочилъ. Изъ маленькаго отверстія банки вспыхнуло пламя.

— Откуда это огонь появился?—спросилъ онъ съ блистающимъ отъ любопытства взоромъ.

— Ну, этого пока тебѣ еще нельзя растолковать,—отвѣчалъ Есперъ Иванычъ съ улыбкой:—а ты вотъ зажги свѣчи и закрой опять крышку.

Паша все это исполнилъ, и они опять оба принялись за чтеніе.

Анна Гавриловна еще нѣсколько разъ входила къ нимъ, едва упросила Пашу сойти внизъ покушать чего-нибудь. Есперъ Иванычъ никогда не ужиналъ, и вообще онъ прихотливо, но очень мало ѣлъ. Паша, возвратясь наверхъ, опять принялся за прежнее дѣло, и такимъ образомъ они читали часовъ до двухъ ночи. Наконецъ Есперъ Иванычъ погасилъ у себя свѣчку и велѣлъ сдѣлать то же и Павлу, хотя тому еще и хотѣлось почитать.

V.

Житье-бытье въ Новоселкахъ.

На другой день началась та же исторія, что и вчера была. Есперъ Иванычъ, не вставая даже съ постели, часовъ до двѣнадцати читалъ; а потомъ принялся бриться, мыться и

одѣваться. Все это онъ обыкновенно совершалъ весьма медленно, до самаго почти обѣда. Полковникъ, какъ любитель хозяйства, еще съ ранняго утра, взявъ съ собою приказчика, отправился съ нимъ въ поля. Паша все время читалъ въ сосѣдней съ дядинымъ кабинетомъ комнатѣ. Часа въ два всѣ сошлись въ залѣ къ обѣденному столу. Есперъ Иванычъ былъ одѣтъ въ широчайшихъ и легчайшихъ лѣтнихъ брюкахъ, въ чистѣйшемъ жилетѣ и бѣльѣ, въ широкомъ полусуконномъ сюртукѣ, въ парикѣ, вмѣсто колпака, и надушенный. Онъ къ каждому обѣду всегда такъ выфранчивался.

Сѣли за столъ.

— Обходилъ, судырь Есперъ Иванычъ, — началъ полковникъ:—я всѣ ваши поля: рожь отличнѣйшая: овсы такіе, что дай Богъ, чтобы и выспѣли.

— А вѣдь хозяинъ-то не больно бы, кажись, рачительный,— подхватила Анна Гавриловна, показавъ головой на барина (она каждый обѣдъ обыкновенно стояла у Еспера Иваныча за стуломъ и не столько для услуженія, сколько для разговоровъ):—нынче все лѣто два раза въ полѣ былъ!

— Три!..—перебилъ отрывисто и съ комическою важностью Есперъ Иванычъ.

— Поди ты вотъ!—произнесъ почти съ удивленіемъ полковникъ.

— А у васъ, батюшка, развѣ худы хлѣба-то? — спросила Анна Гавриловна.

— Нѣтъ, у меня-то благодарить Бога надо, а тутъ вотъ у сосѣдей моихъ, мужичковъ Александры Григорьевны Абреевой, по полямъ-то проѣзжаешь, Боже ты мой! Кровью сердце обливается: точно послѣ саранчи какой,—волотина волотину кличетъ!

— Да что же, мѣста, что ли, у нихъ потны, вымокаетъ, что ли? — продолжала разспрашивать Анна Гавриловна полковника.

Она знала, что Есперъ Иванычъ не поддержитъ ужъ этого разговора.

— Нѣтъ не то, что мѣста, а сѣмена, надо-быть, плохи. Какая-нибудь, можетъ, рожь расхожая и непросѣянная. Худа и обработка тоже: круглую недѣлю у нея мужики на задѣльѣ стоятъ: когда около дому-то справить!

— Неужели этакіе баря грѣха-то не боятся: вѣдь за это съ нихъ Богъ спроситъ!—воскликнула Анна Гавриловна.

Полковникъ развелъ руками.

— Видно, что нѣтъ!—проговорилъ онъ.

У него самого, при всей его скупости и строгости, мужики были всѣ въ отличнѣйшемъ состояніи.

— Да чего тутъ, — продолжалъ онъ: — попъ въ приходѣ у нея... поразссорилась, что ли, она съ нимъ... вышелъ въ Христовъ день за обѣдней на проповѣдь да и говоритъ: «Православные христіане! Гдѣ нынѣ Христосъ пребываетъ? Между нищей братіей, христіане, въ имѣньи генеральши Абреевой! Такъ вся церковь и грохнула.

Есперъ Иванычъ тоже захохоталъ.

— Отлично, превосходно сказано! — говорилъ онъ.

Паша тоже смѣялся.

— Архіерею на попа жаловалась, — продолжалъ полковникъ:—того подъ началомъ выдержали и перевели въ другой приходъ.

— Негодяйка-съ, негодяйка большая ваша Александра Григорьевна. Слыхалъ про это,—сказалъ Есперъ Иванычъ.

— Не то, что негодяйка,—возразилъ полковникъ:—а всѣ вѣдь эти барыни и аристократы наши ничего не жалѣютъ своихъ имѣній и зорятъ.

— Какая она аристократка! — возразилъ съ сердцемъ Есперъ Иванычъ:—авантюристка—это такъ!.. Сначала по казармамъ шлялась, а потомъ въ генералъ-адъютантши попала! Настоящій аристократизмъ,—продолжалъ онъ, какъ бы больше разсуждая самъ съ собой:—при всей его тепличности и оранжерейности воспитанія, при нѣкоторой брезгливости къ жизни, первѣй всего благороденъ, великодушенъ и возвышенъ въ своихъ чувствованіяхъ.

Полковникъ рѣшительно ничего не понялъ изъ того, что сказалъ Есперъ Иванычъ, а потому и не отвѣчалъ ему. Тотъ между тѣмъ обратился къ Аннѣ Гавриловнѣ.

— Принеси-ка ты намъ, сударыня моя,—началъ онъ своимъ нетороплливымъ голосомъ:—письмо, которое мы получили изъ Москвы.

— Отъ нашей Марьи Николаевны? — спросила та, вся вспыхнувъ.

— Да.—отвѣчалъ Есперъ Иванычъ протяжно и тоже слегка покраснѣлъ; да и полковникъ какъ бы вдругъ очутился въ не совсѣмъ ловкомъ положеніи.

— Что же пишетъ она? — спросилъ онъ съ бѣгающими глазами.

— Пишетъ-съ... — отвѣчалъ Есперъ Иванычъ и снова отнесся къ Аннѣ Гавриловнѣ, стоявшей все еще въ недоумѣніи:—поди, принеси!

Та пошла и скоро возвратилась съ письмомъ въ рукахъ. Она вся какъ бы трепетала отъ удовольствія.

— Пишетъ-съ...—отвѣчалъ Есперъ Иванычъ и началъ чи-

тать написанное прекраснымъ почеркомъ письмо: — «Дорогой благодѣтель! Пишу къ вамъ это письмо въ весьма трогательныя минуты нашей жизни: князь Вѣсневъ кончилъ жизнь...»

— Вотъ какъ-съ, умеръ!—перебилъ полковникъ и на мгновеніе взглянулъ на Анну Гавриловну, у которой, впрочемъ, кромѣ нетерпѣнія, чтобы Есперъ Иванычъ дальше читалъ, ничего не было видно на лицѣ.

Имплевъ продолжалъ:

«Tout le grand monde a été chez madame la princesse... Государь ей прислалъ милостивый рескриптъ... Всѣ удивляются ея добротѣ: она самыми искренними слезами оплакиваетъ смерть человѣка, отравившаго всю жизнь ея и послѣднее время болѣе двухъ лѣтъ не дававшаго ей ни минуты покоя своими капризами и страданіями».

Когда Есперъ Иванычъ читалъ эти строки, его глаза явно наполнялись слезами.

«Занятія мои,—продолжалъ онъ далѣе:—идутъ попрежнему: я скору буду брать уроки изъ итальянскаго языка и эстетики, которой будетъ учить меня профессоръ Шевыревъ. C'est un homme très intéressant, съ длинными волосами и съ прической à l'enfant. Онъ былъ у maman съ визитомъ и, между прочимъ, прочелъ ей свое стихотвореніе, въ которомъ ей особенно понравилась одна мысль. Онъ говоритъ: «Данта читать—что въ морѣ купаться!» Не правда ли, благодѣтель, какъ это вѣрно и поэтично?..»

— Неглупая дѣвочка выходитъ,—проговорилъ Есперъ Иванычъ, останавливаясь читать.

— Умница, умница!—подхватилъ полковникъ.

Паша слушалъ все это съ жаднымъ вниманіемъ. У Анны Гавриловны и грудь и всѣ мускулы на лицѣ шевелились; и когда Есперъ Иванычъ отдалъ ей назадъ письмо, она съ какимъ-то благоговѣніемъ понесла его и положила на прежнее мѣсто.

Есперъ Иванычъ между тѣмъ обратился къ Пашѣ.

— Всѣ говорятъ, мой милый Феевей-царевичъ, что мы съ тобой лежебоки: давай-ка, не будемъ сегодня лежать послѣ обѣда и поѣдемъ рыбу ловить... Угодно вамъ, полковникъ, съ нами?—обратился онъ къ Михайлѣ Поликарпычу.

— Нѣтъ-съ!—отвѣчалъ тотъ.

Полковникъ любилъ ходить въ поля за какимъ-нибудь дѣломъ, а не за удовольствіемъ.

— Значитъ, мы съ тобой, Феевей-царевичъ, вдвоемъ поѣдемъ.

— Поѣдемте, дяди, — отвѣчалъ Павелъ съ удовольствіемъ.

— Поди-ка распорядись, чтобы тамъ все готово было,— сказалъ Есперъ Иванычъ Аннѣ Гавриловнѣ.

— Слава тебѣ, Господи, хоть вѣтромъ-то васъ немножко обдуетъ!— проговорила она и пошла.

Тотчасъ же, какъ встали изъ-за стола, Есперъ Иванычъ надѣлъ съ широкими полями соломенную шляпу, взялъ въ руки палку съ дорогимъ набалдашникомъ и, въ сопровожденіи Павла, вышелъ на крыльцо. Ихъ ожидала запряженная линейка, чтобъ довезти до рѣки, до которой, впрочемъ, всего было съ версту. Небольшая здоровая сырость, благоуханіе травъ и хлѣбовъ, чириканье разныхъ птичекъ наполняли воздухъ. Сама рѣка, придавая всей окрестности какой-то широкій и раздольный видъ, проходила на подобіе огромной синеватой ленты между ровными, зелеными лугами. По нарочно сдѣланному сходу наши рыболовы сошли и сѣли въ раскрашенную лодку. Править рулемъ Есперъ Иванычъ взялся самъ, а Пашу посадилъ противъ себя. Гребли четыре человѣка здоровыхъ молодыхъ ребятъ, а человѣкъ шесть мужиковъ, на другой лодкѣ, стали заводить и закидывать неводъ. Поверхность воды была бы совершенно гладкая, если бы на ней то тутъ, то тамъ не появлялись безпрестанно маленькіе кружки, которые расходились все больше и больше, пока не пропадали совсѣмъ, а на мѣсто ихъ появлялся новый кружокъ. Павла все это очень заняло.

— Дядя, что такое облака?—спросилъ онъ, взмахнувъ глазами на небо.

— Это пары водяные,— отвѣчалъ тотъ: — изъ земли выходитъ испареніе и вверху, гдѣ холодно, оно превращается въ мелкіе капли и пузырьки, которые и есть облака.

— А отчего же они съ одной стороны свѣтлы, а съ другой темны?

— Со стороны, съ которой они освѣщены солнцемъ, они свѣтлы, а съ которой—нѣтъ, съ той темны.

— Такъ!—сказалъ Павелъ. Онъ совершенно понималъ все, что говорилъ ему дядя. — А отчего, скажи, дядя, чѣмъ день иногда бываетъ яснѣй и свѣтлѣй, и чѣмъ больше я смотрю на солнце, тѣмъ мнѣ гошнѣй становится и кажется, что между солнцемъ и мною все мелькаетъ тѣнь покойной моей матери?

Есперъ Иванычъ грустно улыбнулся.

— Это, мой милый другъ,—началъ онъ неторопливо:—есть невѣдомые голоса нашей души, которые говорятъ въ насъ...

Странное дѣло,—эти почти безсмысленныя слова ребенка заставили какъ бы въ самомъ Есперѣ Ивановичѣ заговорить

невѣдомый голосъ: ему почему-то представился съ особенной ясностью этотъ неширокій горизонтъ всей видимой мѣстности, но въ которой онъ однако погребъ себя на всю жизнь; впереди не видѣлось никакихъ новыхъ умственныхъ или нравственныхъ радостей,—ничего, кромѣ смерти, и развѣ ужъ за предѣлами ея откроется какой-нибудь міръ и источникъ иныхъ наслажденій: а Паша все продолжалъ приставать къ нему съ разными вопросами о виднѣвшихся изъ воды цвѣтахъ, о спорхнувшей цѣлой стаѣ дикихъ утокъ, о мелькавшихъ вдали селахъ и деревняхъ. Есперъ Иванычъ отвѣчалъ ему немногосложно. Когда они возвратились къ тому мѣсту, отъ котораго отплыли, то рыбаки вытащили уже нѣсколько тоней: рыбы попало пропасть; она трепетала и блистала своей чешуей и въ ведрахъ, и въ сѣти, и на лугу береговомъ: но Есперъ Иванычъ и не взглянулъ даже на всю эту благодать, а поспѣшилъ только дать рыбакамъ поскорѣе на водку и, позвавъ Павла, который началъ-было на все это глазѣть, сѣлъ съ нимъ въ линейку и уѣхалъ домой.

Тамъ на крыльцѣ ожидали ихъ Михайла Поликарпычъ и Анна Гавриловна. Та сейчасъ же, какъ вошли они въ комнаты, подала мороженаго; потомъ садовникъ, изъ собственной оранжереи Еспера Иваныча, принесъ фруктовъ, изъ которыхъ Есперъ Иванычъ отобралъ самые лучшіе и подалъ Павлу. Полковникъ при этомъ немного нахмурился. Онъ не любилъ, когда Есперъ Иванычъ очень ужъ ласкалъ его сына.

Передъ тѣмъ, какъ расходиться спать, Михайла Поликарпычъ заикнулся-было:

— А намъ завтра, пожалуй бы, и въ путь надо!..

— Ни-ни!—возразилъ Есперъ Иванычъ, отрицательно мотнувъ головой, и потомъ грустнымъ голосомъ прибавилъ:—эхъ, братъ, Михайла Поликарпычъ, погости: придетъ время, и пріѣхалъ бы въ Новоселки, да ужъ не къ кому!

— Придетъ-то придетъ,—не къ кому и некому будетъ пріѣхать!..—подхватилъ полковникъ и покачалъ съ грустью головой.

Такъ прошелъ еще день, два, три... Въ это время Павелъ и Есперъ Иванычъ ѣздили въ лѣсъ по грибы; полковникъ ихъ и туда не сопровождалъ и по этому поводу сказалъ поговорку: «рыбка да грибки—потерять деньки!».

Прогулки за грибами совершались обыкновенно такимъ образомъ: на той же линейкѣ Павелъ и Есперъ Иванычъ отправлялись къ какому-нибудь перелѣску, обильному грибами; ихъ сопровождала всегда цѣлая ватага деревенскихъ мальчишекъ. Когда подъѣзжали къ избранному мѣсту, Павелъ и мальчишки разсыпались по лѣсу, а Есперъ Иванычъ, распу-

стивъ зонтикъ, оставался сидѣть на линейкѣ. Мальчишки, набравъ грибовъ, бѣгомъ неслись съ ними къ барину, и онъ надѣлялъ ихъ за то нарочно-взятыми пряниками и орѣхами. На обратномъ пути въ Новоселки, мальчишки завладѣвали и линейкой: кто помѣщался у ней сзади, кто садился на другую сторону отъ барь, кто рядомъ съ кучеромъ, а кто — и вмѣстѣ съ барями. Есперъ Иванычъ только посматривалъ на нихъ и посмѣивался. Онъ очень любилъ всѣхъ дѣтей безъ различія. По вечерамъ,—когда полковникъ, выпивъ рюмку-другую водки, начиналъ горячо толковать съ Анной Гавриловной о хозяйствѣ, а Паша, засвѣтивъ свѣчку, отправлялся наверхъ читать,—Есперъ Иванычъ, разоблаченный уже изъ сюртука въ халатъ, со щегольской гитарой въ рукахъ, укладывался въ гостиной, освѣщенной только лунимъ свѣтомъ, на диванъ и начиналъ негромко наигрывать разныя трудныя аріи: онъ отлично игралъ на гитарѣ, и вообще видно было, что вся жизнь Имплева имѣла какой-то поэтическій и меланхолическій оттѣнокъ: частое погруженіе въ самого себя, чтеніе, музыка, размышленія о разныхъ ученыхъ предметахъ и наконецъ благородныя и возвышенныя отношенія къ женщинѣ—всегда составляли лучшую усладу его жизни. Только на обезпеченной всѣмъ и ничего не дѣлающей русской дворянской почвѣ могъ вырасти такой прекрасный и въ то же время столь малодѣйствующій плодъ.

По прошествіи недѣли полковникъ наконецъ взбунтовался.

— Намъ завтра позвольте ужъ уѣхать—это нельзя!—сказалъ онъ почти разсерженнымъ голосомъ.

— Можете, можете-съ!—отвѣчалъ Есперъ Иванычъ:—только дай вотъ мнѣ прежде Ѳовей-царевичу книжку одну подарить.—сказалъ онъ и увелъ мальчика съ собой наверхъ. Здѣсь онъ взялъ со стола маленькій вязаный бисерный кошелекъ, наподобіе кучерской шапочки.

— На-ка вотъ тебѣ,—сказалъ онъ, подавая его Пашѣ:—тутъ есть три-четыре рыжичка: если тебѣ захочется полакомиться,—книжку какую-нибудь купить, въ театръ сходить,—ты загляни въ эту шапочку, къ тебѣ и выскочитъ оттуда штучка, на которую ты можешь все это пріобрѣсть.

Въ кошелькѣ было положено пять золотыхъ.

Павелъ поцѣловалъ у дяди руку. Есперъ Иванычъ погладилъ его по головѣ.

На другой день Вихровы уѣхали чѣмъ свѣтъ. Анна Гавриловна провожала ихъ.

— Уѣдете вы, нашъ баринъ опять теперь заляжетъ и съ верху не сойдетъ,—сказала она.

— Нехорошо, нехорошо онъ это дѣлаетъ для здоровья своего! проговорилъ полковникъ.

— Ой, ужъ и не говорите лучше! — произнесла Анна Гавриловна и глубоко-глубоко вздохнула.

VI.

Тонкія отношенія.

Чтобы объяснить нѣкоторыя событія изъ жизни Есперъ Иваныча, я ко всему сказанному о немъ долженъ еще прибавить, что онъ принадлежалъ къ деликатнѣйшимъ и стыдливѣйшимъ мужчинамъ, какіе когда-либо создавались въ этой грубой половинѣ рода человѣческаго. Морякъ по воспитанію, онъ съ двадцати пяти лѣтъ оставилъ службу и посвятилъ всю свою жизнь матери. Та была по натурѣ своей женщина суровая и деспотичная, такъ что всѣ даже дочери ея поспѣшили Богъ знаетъ за кого повыйти замужъ, чтобы только спастись отъ маменьки. Есперъ Иванычъ остался при ней; но и тутъ, чтобы не показать, что мать заѣдаетъ его вѣкъ, обыкновенно всѣмъ разсказывалъ, что онъ къ службѣ неспособенъ и желаетъ жить въ деревнѣ. Послѣ отца у него осталась довольно большая библіотека, мать тоже не жалѣла и давала ему денегъ на книги,—такъ что чтеніе сдѣлалось единственнымъ его занятіемъ и развлеченіемъ; но сердце и молодая кровь не могутъ же оставаться вѣчно въ покоѣ: за старухой-матерью ходила молодая горничная Аннушка, красавица собой. Цѣлые вечера проводили они: молодой Имплевъ—у изголовья старухи, а Аннушка (юная, цвѣтущая, съ скромно и покорно опущеннымъ взоромъ)—у ея ногъ. Пламя страсти обоихъ одновременно возжгло, и въ одну ночь оба, страстные, трепещущіе и стыдящіеся, они отдались другъ другу. Около десяти лѣтъ почти таилась эта страсть. Всюду проникающій воздухъ — и тотъ, кажется, не зналъ о ней. Есперъ Иванычъ только и дѣлалъ, что умолялъ Аннушку не проговориться какъ-нибудь, не выдать ихъ любви какимъ-нибудь неосторожнымъ взглядомъ, движеніемъ. «Да полноте, баринъ, развѣ мнѣ еще не стыднѣе вашего!» — успокаивала его Аннушка. Но вдругъ ей стала угрожать опасность сдѣлаться матерью. Сначала она хотѣла убить себя; Есперъ Иванычъ этому не противорѣчилъ. Онъ находилъ, что этому такъ и надлежало быть, а то куда же имъ обоимъ будетъ дѣваться отъ стыда; но, благодаря Бога, благоразуміе взяло верхъ, и они положили, что Аннушка притворится больною и уйдетъ лежать къ родной теткѣ своей,

Есперъ Иванычъ одарилъ ту съ ногъ до головы золотомъ. Между тѣмъ старуха тоже осыпокоилась о своей горничной и безпрестанно посылала узнавать, что лучше ли ей? Чего стоили эти минуты Есперу Иванычу, видно изъ того, что онъ въ 35 лѣтъ совсѣмъ оплѣшивѣлъ и посѣдѣлъ. Наконецъ Аннушка родила дочку; въ ту же ночь та же тетка увезла младенца почти за 200 верстъ и подкинула его одной родственницѣ. Аннушка, блѣдная и похудавшая, снова явилась у кровати старухи, снова началась прежняя жизнь съ прежнею страстью и съ прежнею скрытностью.

Но вотъ старуха умерла.

Есперъ Иванычъ сталъ полнымъ распорядителемъ и себя и своего состоянія. Аннушка сдѣлалась его ключницей. Никто уже не сомнѣвался въ ея положеніи; между тѣмъ сама Аннушка, какъ ни тяжело ей было, слова не смѣла пикнуть о своей дочери — она хорошо знала сердце Еспера Иваныча: по своей стыдливости, онъ скорѣе согласился бы умереть, чѣмъ признаться въ извѣстныхъ отношеніяхъ съ нею или съ какою бы то ни было другою женщиной: по какому-то врожденному и непреодолимому для него самого чувству цѣломудрія, онъ какъ бы хотѣлъ увѣрить цѣлый міръ, что онъ вовсе не зналъ утѣхъ любви, и что это никогда для него и не существовало.

Въ губерніи Имплевъ пользовался большимъ вѣсомъ: его умъ, его хорошее состояніе — у него было около шестисотъ душъ, его способность сочинять изворотливыя, и всегда нѣсколько колкаго свойства, дѣловыя бумаги, — такъ что ихъ узнавали въ присутственныхъ мѣстахъ безъ подписи: «ну, это имплевскія шпильки!»—говорили тамъ обыкновенно, — все это внушало къ нему огромное уваженіе. Каждую зиму Есперъ Иванычъ переѣзжалъ изъ деревни въ губернскій городъ. Съ нимъ были знакомы и къ нему ѣздили всѣ богатые дворяне, всѣ высшіе чиновники; но онъ почти никуда не выѣзжалъ и, точно такъ же, какъ въ Новоселкахъ, продолжалъ больше лежать и читать книги. Въ губернскомъ городѣ въ это время проживалъ нѣкто большой баринъ князь Вѣсневъ, съѣхавшій въ губернію въ двѣнадцатомъ году и оставшійся пока тамъ жить. Жена у него была женщина уже не первой молодости, но еще прелестнѣйшая собой, умная, добрая, великодушная и исполненная какой-то особенной женской прелести; по рожденію своему, княгиня принадлежала къ самому высшему обществу, и Есперъ Иванычъ, говоря полковнику объ истинномъ аристократизмѣ, именно ее и имѣлъ въ виду. Имплева княгиня сначала совершенно не знала; но такъ какъ она

одну осень очень ужъ скучала и у ней совершенно не было подъ руками никакихъ книгъ, то ей кто-то сказалъ, что у помѣщика Имплева очень большая библіотека. Княгиня стала просить мужа, чтобы тотъ познакомился съ нимъ. Князь исполнилъ ея желаніе и самъ первый сдѣлалъ визитъ Есперу Иванычу; тотъ, хоть не очень скоро, тоже пріѣхалъ къ нему. Князя въ то утро не было дома, но княгиня, все время поджидавшая, приняла его. Есперъ Иванычъ, войдя и увидя вмѣсто хозяина — хозяйку, ужасно сконфузился; но княгиня встрѣтила его самымъ любезнымъ образомъ и прямо объяснила ему свою просьбу, чтобы онъ, Бога ради, снабжалъ ее книгами.

Есперъ Иванычъ, разумѣется, изъявилъ полную готовность, и такимъ образомъ началось ихъ знакомство. Княгиня сумѣла какъ-то такъ сдѣлать, что Имплевъ, и самъ не замѣчая того, сталъ каждодневнымъ ихъ гостемъ. Съ княземъ онъ почти не видался и всегда сидѣлъ на половинѣ княгини. Я нисколько не преувеличу, если скажу, что княгиня и Имплевъ были самые лучшіе, самые образованные люди изъ всей губерніи. Бесѣды ихъ первоначально были весьма оживленныя; но потомъ, особенно когда имъ приходилось оставаться вдвоемъ, они стали какъ-то конфузиться другъ друга... Стоустая молва между тѣмъ давно уже трубила, что Имплевъ — любовникъ княгини Вѣсневой. Анна Гавриловна — всегда обыкновенно переѣзжавшая и жившая съ Есперомъ Иванычемъ въ городѣ и видѣвши, что онъ почти каждый вечеръ ѣздитъ къ князю, — тоже, кажется, раздѣляла это мнѣніе, и одинъ только умъ и высокія качества сердца удерживали ее въ этомъ случаѣ: съ достодолжнымъ смиреніемъ она сознала, что не могла же собою наполнять всю жизнь Еспера Иваныча, что, рано или поздно, онъ долженъ былъ полюбить женщину, равную ему по положенію и по воспитанію, — и какъ нѣкогда принесла ему въ жертву свое материнское чувство, такъ и теперь задушила въ себѣ чувство ревности и (что бы тамъ на сердцѣ ни было) попрежнему была весела, разговорчива и услужлива, хотя, впрочемъ, ей и огорчаться было не отъ чего... Между княгиней и Есперомъ Иванычемъ существовали довольно странныя и даже, можетъ-быть, не совсѣмъ понятныя для нашего реальнаго времени отношенія. Княгиня происходила изъ очень нравственнаго семейства, сама была воспитана въ строгихъ, почти доходящихъ до пуризма, правилахъ нравственности. Она горячо любила Имплева и презирала мужа, но никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ жизни своей, изъ одного чувства самоуваженія, не позволила бы себѣ «пасть». Про Еспера Иваныча и говорить нечего: княгиня для него была

святыней, ангеломъ чистымъ, предъ которымъ онъ и подумать ничего грѣшнаго не смѣлъ; и если когда-то позволилъ себѣ смѣлость въ отношеніи горничной, то въ отношеніи женщины его круга онъ, вѣроятно, бѣжалъ бы въ пустыню отъ стыда, зарылся бы навѣки въ своихъ Новоселкахъ, если бы только узналъ, что она его подозрѣваетъ въ какихъ-нибудь, положимъ, самыхъ возвышенныхъ чувствахъ къ ней: и такимъ образомъ все дѣло у нихъ разыгрывалось на разговорахъ, и то весьма отдаленныхъ,— о безумной, напримѣръ, любви Малекъ-Аделя къ Матильдѣ, о странномъ трепетѣ Жозефины, когда она, безчувственная, лежала на рукахъ адъютанта, уносившаго ее послѣ объявленія ей Наполеономъ развода: но такъ какъ во всемъ этомъ весьма мало осязаемаго, а женщины, врядъ ли еще не болѣе мужчинъ, склонны въ чемъ бы то ни было реализировать свое чувство (ну, хоть подушку шерстями начнетъ вышивать для милаго),— такъ и княгиня наконецъ начала чувствовать необходимую потребность наполнить чѣмъ-нибудь эту пустоту. Одно совершенно случайное открытіе дало ей къ тому прекрасный поводъ: отъ кого-то она узнала, что у Есперa Иваныча есть побочная дочь, которая воспитывается у крестьянина въ деревнѣ. Княгиня очень уже хорошо понимала скрытный характеръ Имплева и видѣла, что съ нимъ въ этомъ дѣлѣ надобно дѣйствовать весьма осторожно. Для этой цѣли она напросилась у мужа, чтобы онъ взялъ ее съ собою, когда поѣдетъ на ревизію,—заѣхала будто случайно въ деревню, гдѣ росъ ребенокъ, взглянула тамъ на дѣвочку; потомъ, возвратясь въ губернскій городъ, написала какое-то странное письмо къ Есперу Иванычу, потомъ — еще страннѣе, наконецъ просила его пріѣхать къ ней. Имплевъ пріѣхалъ. Княгиня отъ волненія лежала почти въ постели. Придавъ своему голосу какъ можно болѣе нѣжности, она сказала Имплеву почти шопотомъ:

— Есперъ Иванычъ, у васъ есть побочная дочь; я видѣла ее въ деревнѣ.

Имплевъ поблѣднѣлъ.

— Я желала бы взять ее на воспитаніе къ себѣ; надѣюсь, добрый другъ, вы не откажете мнѣ въ этомъ, — поспѣшила прибавить княгиня; у нея ужъ и дыханіе прервалось и слезы выступили изъ глазъ.

Имплевъ не зналъ, куда себя и дѣвать: только твердое убѣжденіе, что княгиня говоритъ все это и предлагаетъ по истинному доброжелательству къ нему, удержало его отъ ссоры съ нею навѣки.

— Очень вамъ благодаренъ, я подумаю о томъ! — пробормоталъ онъ; смущеніе его такъ было велико, что онъ сей-

часъ же уѣхалъ домой и здѣсь дня черезъ два только разсказалъ Аннѣ Гавриловнѣ о предложеніи княгини, не назвавъ даже при этомъ дочь, а объяснивъ только, что вотъ княгиня хочетъ изъ Спирова отъ Секлетея взять къ себѣ дѣвочку на воспитаніе. Они оба обыкновенно никогда не произносили имени дочери, и даже, когда нужно было для нея посылать денегъ, то одинъ обыкновенно говорилъ: «это въ Спирово надо послать къ Секлетею!», а другая отвѣчала: «да, въ Спирово!». Теперь же, услышавъ желаніе княгини, Анна Гавриловна тоже очень смутилась... Она ненавидѣла княгиню, какъ только женщина можетъ ненавидѣть свою соперницу, но чувство матери переспилило въ ней на этотъ разъ. Она очень хорошо поняла, что дѣвочкѣ гораздо будетъ лучше у княгини, чѣмъ у простого мужика.

— Что же, это будетъ хорошо! — отвѣчала она послѣ небольшой паузы.

— Хорошо-то хорошо, — подхватилъ Есперъ Иванычъ обрадованнымъ голосомъ.

Такимъ образомъ судьба дѣвочки была рѣшена.

Вскорѣ послѣ того князь Вѣсневъ переѣхалъ на постоянное жительство въ Москву; княгиня тоже должна была съ нимъ переѣхать. Дѣвочку они увезли съ собой, и она сдѣлалась предметомъ длинныхъ-длинныхъ писемъ отъ Еспера Иваныча къ княгинѣ, а равно длинныхъ и длинныхъ отвѣтовъ отъ нея къ нему. Зная, что Есперъ Иванычъ ученіе и образованіе предпочитаетъ всему на свѣтѣ, княгиня начала, по преимуществу, свою воспитанницу учить; и что эти операціи совершались надъ ней неупустительно и въ обильномъ числѣ, мы можемъ видѣть изъ послѣдняго письма дѣвушки.

VII.

Новое жилище.

Большой каменный домъ Александры Григорьевны Абреевой стоялъ въ губернскомъ городѣ въ довольно глухомъ переулкѣ и былъ уже довольно въ ветхомъ состояніи. На пожелтѣлой крышѣ его во многихъ мѣстахъ росла трава; штукатурка и разныя украшенія наружныхъ стѣнъ обвалились. Въ верхнемъ этажѣ нѣкоторыя окна были съ выбитыми стеклами, а въ другихъ стекла были заплѣснѣлыя, съ радужными отливами: въ нижнемъ этажѣ ихъ закрывали тяжелыя ставни. Къ главному подъѣзду вели желѣзныя ворота, на которыхъ виднѣлся расколовшійся пополамъ гербъ фамиліи Абреевыхъ. Его держали два льва, — одинъ безъ головы, а другой безъ всей задней

части. Часовъ въ одиннадцать утра передъ этимъ домомъ остановился экипажъ Вихровыхъ. Михайла Поликарпычъ сейчасъ же послалъ своего лакея Ваньку, малаго лѣтъ семнадцати и сильно глуповатаго, вызвать къ нему сторожа при домѣ. Ванька сначала подбѣжалъ проворно и съ усердіемъ, но едва только отворилъ желѣзную калитку, какъ сейчасъ же остановился. Ванька былъ большой трусъ: вообще, въѣзжая въ какой-либо городъ, онъ уже чувствовалъ нѣкоторую робость; онъ былъ больше сынъ деревни и природы. А тутъ онъ увидалъ передъ собою огромный дворъ, глухо заросшій травою, сзади его, съ нѣсколькими входами, полуразвалившійся флигель, и на единственной протоптанной и ведущей къ нему дорожкѣ стояла огромная собака, которая на него залаяла. Ванька очутился въ невыносимомъ положеніи: не итти дальше— онъ барина боялся, итти — собака устрашала. Онъ началъ уговаривать ее нѣжнѣйшими именами и почти умоляющимъ голосомъ: «Ну, лапушка; ну, милая, полно, я свой, свой!» Лапушка какъ бы сжалилась надъ нимъ и, переставъ лаять, сошла даже съ дорожки. Ванька бросился во флигель, но въ которую дверь было торгнуться? Пу, какъ попадетъ не туда— выйдетъ какой-нибудь баринъ и зубы ему начиститъ! Но собака опять пролаяла; Ванька схватился за первую скобку и отворилъ дверь. Въ довольно просторной избѣ онъ увидѣлъ пожилого, но еще молодцоватаго солдата, въ рубашкѣ и въ штанахъ съ краснымъ кантомъ, который съ рубанкомъ въ рукахъ стоялъ около столярнаго верстака по колѣно въ настругапныхъ имъ стружкахъ.

— Ты, дяденька, сторожъ?—спросилъ Ванька дрожащимъ голосомъ.

— Я,—отвѣчалъ солдатъ неторопливо.

Его, кажется, по преимуществу озадачило глупое лицо Ваньки.

— Къ барину нашему пожалуйте, сдѣлайте милость!—продолжалъ тотъ.

— Къ какому барину?

— Къ нашему, чтой-то, помилуйте! — произнесъ Ванька, усмѣхаясь:—у воротъ, вонъ, дожидается.

— Да почто я ему?

— Надо, видно,—помилуйте; пойдите, пожалуйста!

Солдатъ пожалъ плечами.

— Не разберешь тебя, парень, хорошенько: Богъ тебя знаетъ!—сказалъ онъ и началъ неторопливо стряхивать съ себя стружки и напяливать на себя свой вицмундиришко.

— Баринъ послалъ: «позови, говоритъ, сторожа!»—толковалъ ему Ванька.

Солдатъ ничего уже ему не отвѣчалъ, а только пошелъ. Ванька послѣдовалъ за нимъ, поглядывая искоса на стоявшую вдали собаку. Выйдя за ворота и увидѣвъ на головѣ Вихрова фуражку съ краснымъ околышкомъ и болтающійся у него въ петлицѣ георгіевскій крестъ, солдатъ мгновенно вытянулся и приложилъ даже руки по швамъ.

— Барыня ваша квартиру, вотъ, мнѣ въ низу вашемъ отдала: вотъ и письмо ея къ тебѣ,—сказалъ полковникъ, подавая ему письмо.

— Грамотѣ, ваше высокородіе, я не знаю, все равно, пожалуйте-съ.

— Разумѣется, все равно!—сказалъ Вихровъ, вылѣзая изъ экипажа.

Солдатъ слегка поддержалъ его подъ руку, поддержалъ также и Пашу; потомъ молодецки распахнулъ ворота, кивнулъ головой кучеру, чтобы тотъ въѣзжалъ, и бросился къ крыльцу.

— Ставни, ваше высокородіе, позвольте напредь всего отпереть!

Затѣмъ отперъ ихъ и отворилъ передъ Вихровыми дверь. Холодная, непріятная сырость пахнула на нихъ. Стѣны въ комнатахъ были какого-то дикаго и мрачнаго цвѣта, полъ грязный и покоробившійся; но больше всего Павла удивили подоконники: они были такіе широкіе, что онъ на нихъ могъ почти улечься поперекъ: онъ никогда еще во всю жизнь свою не бывалъ ни въ одномъ каменномъ домѣ.

— Въ прочихъ комнатахъ, ваше высокородіе, прикажете ставни отворять? Черезъ коридоръ каменный къ нимъ ходъ,—темный такой, прахъ его дери!—спросилъ солдатъ.

— Нѣтъ, не надо,—отвѣчалъ полковникъ:—эта вотъ комната для дѣтей, а тамъ для меня.

— И то, ваше высокородіе; отворишь, пожалуй, и не затворишь: петли перержавѣли, а не затворять тоже опасно: не дорого возьмутъ и влѣзутъ ночью.

Всѣ эти слова солдата и видъ комнатъ непріятно подѣйствовали на Павла: не безъ горести онъ вспомнилъ ихъ свѣтленькій, чистенькій и совершенно уже не страшный деревенскій домикъ. Ванька между тѣмъ расхрабрился: видя, что солдатъ, должно-быть, очень барина его испугался,—принялся понукать имъ и наставленія ему давать.

— Ставь вотъ тутъ,—говорилъ онъ, внося съ нимъ разныя вещи:—а еще солдатъ, не знаешь, куда ставить.

— Тутъ и ставять,—отвѣчалъ тотъ ему серьезно, но покорно.

— Какъ твоя фамилія?—спросилъ полковникъ служиваго, видя, какъ тотъ все проворно и молодецки дѣлаетъ.

Солдатъ опять мгновенно вытянулся и приложилъ руки по швамъ.

— Симоновъ, ваше высокородіе!—отвѣчалъ онъ.

— Какого полка?

— Бомбандиръ, ваше высокородіе, первой артиллерійской бригады.

— Я самъ, братъ, военный, кавказецъ; въ дѣйствующей арміи служилъ.

— Это видать такъ, ваше высокородіе!

— Пять разъ раненъ.

— Помилуй Богъ, ваше высокородіе, всякаго!

— А ты раненъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе; въ двухъ кампаніяхъ былъ—въ турецкой и польской—Богъ уберегъ. Потому у насъ артиллеристовъ мало ранятъ; коли конница успѣла наскакать, такъ сомнетъ тебя ужъ на-смерть.

— Ну, тоже какъ и изъ пушки лафеты начнутъ подбивать, попадетъ по прислугѣ.

— Да это точно, ваше высокородіе.

— А ты вотъ что скажи мнѣ,—продолжалъ полковникъ, очень довольный бойкими отвѣтами солдата:—есть ли у тебя жена?

— Есть, ваше высокородіе, имѣется старушоночка.

— Такъ не можетъ ли она намъ стряпать, поварихой намъ быть?

— Да это что же! Съ великимъ нашимъ удовольствіемъ; сумѣетъ ли только?

— Э, братъ, сумѣетъ ли!—воскликнулъ полковникъ:—ты знаешь, солдатская ѣда: хлѣбъ да вода.

— А ужъ каша, ваше высокородіе, такъ и мать наша!—подхватилъ Симоновъ, пожавъ слегка плечами.

Полковникъ очень былъ имъ доволенъ и перешелъ затѣмъ къ довольно щекотливому предмету.

— Я вотъ,—началъ онъ не совсѣмъ даже твердымъ голосомъ:—привезу къ вамъ запасу всякаго... ну, тащить вы, полагаю, не будете, а тамъ... сколько слѣдуетъ—разсчитаемъ.

— Разсчитаемъ, ваше высокородіе, сколько тоже гарнцевъ муки, крупы, фунтовъ говядины... Въ расчетѣ это будемъ дѣлать.

Полковникъ остался окончательно доволенъ Симоновымъ. Потирая отъ удовольствія руки, что обезпечилъ такимъ образомъ матеріальную сторону своего птенчика, онъ не хотѣлъ медлить заботами и о духовной сторонѣ его жизни.

— Ванька!—крикнулъ онъ:—поди ты къ Рожественскому попу; домъ у него на Михайловской улицѣ; живетъ у него

гимназистикъ Плавинъ: отдай ты ему вотъ это письмо отъ матери и скажи ему, чтобы онъ сейчасъ же съ тобою пришелъ ко мнѣ.

Ванька не трогался съ мѣста: лицо его явно подернулось облакомъ грусти.

«Гдѣ эта, чортъ, Михайловская улица,—гдѣ найти тамъ домъ попа,—а тамъ, пожалуй, собака опять!» — мелькало въ его простодушной головѣ.

— Что жъ ты стоишь?..—проговорилъ полковникъ, вскидывая на него свои сѣрые навыкатѣ глаза.

Ванька сейчасъ же повернулся и пошелъ: онъ по горькому опыту зналъ, что у барина за этакимъ взглядомъ такой иногда слѣдовалъ взрывъ гнѣва, что спаси только Богъ отъ него!

Уйдя, онъ, впрочемъ, воротился скоро назадъ.

— Симоновъ пошелъ-съ!—сказалъ онъ, какъ-то прячась весь въ себя.

— А ты и того сдѣлать не сумѣлъ,—сказалъ ему съ легкимъ укоромъ полковникъ.

— Мнѣ самоваръ ставить надо-съ,—отвѣчалъ Ванька и поспѣшилъ уйти.

Ванька, упрашивая Симонова сходить за себя, вдругъ бухнулъ, что онъ подаритъ ему табаку курительнаго, который будто бы растетъ у нихъ въ деревнѣ.

— Какой-такой табакъ этотъ?—спросилъ тотъ не безъ удивленія.

— Табакъ настоящій, хорошій,—отвѣчалъ Ванька безъ запинки.

Симоновъ былъ человѣкъ неглупый: но, тѣмъ не менѣе, идя къ Рождественскому попу, всю дорогу думалъ—какой это табакъ могъ у нихъ расти въ деревнѣ. Порученіе свое онъ исполнилъ очень скоро и чрезъ какіе-нибудь полчаса привелъ съ собой высокаго, стройненькаго и замѣтно начинающаго франтить гимназиста; волосы у него были завиты: изъ-за борта вицмундирчика виднѣлась бронзовая цѣпочка; сапоги свѣтло вычищены.

— Матушка ваша вотъ писала вамъ,—началъ полковникъ нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ:—чтобы жить съ моимъ Пашей,—прибавилъ онъ, указывая на сына.

— Да, она писала мнѣ,—отвѣчалъ Плавинъ вѣжливо полковнику, но на Павла даже и не взглянулъ, какъ будто бы не о немъ и рѣчь шла.

— Это вотъ квартира вамъ,—продолжалъ полковникъ, показывая на комнату:—а это вотъ человѣкъ при васъ останется (полковникъ показалъ на Ваньку): малый онъ у меня смирный; Паша его любитъ; служить онъ вамъ будетъ усердно.

— Я служить, Михайла Поликарпычъ, завсегда вамъ готовъ.—отвѣчалъ Ванька умиленнымъ голосомъ и потупляя свои глаза.

Молодой Плавинъ ничего не отвѣчалъ, и Павлу показалось, что на его губахъ какъ будто бы даже промелькнула насмѣшливая улыбка. О, какъ ему досадно было это деревенское простодушіе отца и глупый отвѣтъ Ваньки!

— Мамаша ваша мнѣ говорила, что вы вотъ и позайметесь съ Пашей.

— Она мнѣ и объ этомъ писала,—отвѣчалъ Плавинъ.

— Вы вѣдь, кажется, въ пятомъ классѣ?—справлялъ его полковникъ.

— Въ пятомъ.

— Вотъ бы мнѣ желалось знать, въ какой мой попадетъ. Кабы вы были такъ добры, проэкзаменовали бы его...

— Но теперь какъ же это?.. Это неудобно!—отвѣчалъ Плавинъ и опять, какъ показалось Павлу, усмѣхнулся.

— Что за экзаменъ теперь, какія глупости!—почти воскликнулъ тотъ.

— Родительскому-то сердцу, понимаете, хочется поскорѣе знать,—говорилъ, не обращая вниманія на слова сына и какимъ-то жалобнымъ тономъ, полковникъ.

Павелъ выходилъ изъ себя на отца.

— Вы изъ ариѳметики сколько прошли?—обратился къ нему наконецъ Плавинъ, замѣтно принимая на себя роль большого.

— Первую и вторую часть.

— А изъ грамматики?

— Синтаксисъ и разборъ..

— А изъ латинскаго и географіи?

— Изъ латинскаго — этимологію, а изъ географіи — всеобщую...

— Ихъ, вѣроятно, во второй, а можетъ-быть, и въ третій классъ примутъ,—сказалъ Плавинъ полковнику.

— Хорошо, какъ бы въ третій; все годомъ меньше, подешевле воспитаніе выйдетъ.

Павелъ старался даже не слушать, что говорилъ отецъ.

Плавинъ всталъ и началъ раскланиваться.

— Милости прошу завтра и переѣзжать,—сказалъ ему полковникъ.

— Очень хорошо-съ,—отвѣчалъ Плавинъ сухо и проворно ушелъ.

«Какими дураками мы ему должны показаться!»—съ горечью подумалъ Павелъ: онъ былъ мальчикъ проницательный и тонкихъ ощущеній.

Полковникъ между тѣмъ продолжалъ самодовольствовать.

— Квартира тебѣ есть, учитель есть!—говорилъ онъ сыну, но, видя, что тотъ ему ничего не отвѣчаетъ, сталъ разсматривать, что на дворѣ происходитъ: тамъ Ванька и кучеръ вкатывали его коляску въ сарай и никакъ не могли этого сдѣлать; къ нимъ пришелъ наконецъ на помощь Симоновъ, приколотилъ одну или двѣ половицы въ сараѣ, уставилъ нѣсколько наискось дышло, уперся въ него грудью, велѣлъ другимъ переть въ вагу,—и сразу вдвинули.

— Эка прелесть, эка умница этотъ солдатъ!..—восклицалъ полковникъ вслухъ:—т.-е., я вамъ скажу, за одного солдата нельзя взять двадцати дворовыхъ.

Онъ постоянно въ своихъ мнѣніяхъ отдавалъ преимущество солдатамъ передъ дворовыми и мужиками.

VIII.

Первое посѣщеніе театра.

Павла приняли въ третій классъ. Полковникъ былъ этимъ очень доволенъ и, не имѣя въ городѣ никакого занятія, почти цѣлые дни разговаривалъ съ переѣхавшимъ уже къ нимъ Плавинымъ и передавалъ ему самыя задушевныя свои хозяйственныя соображенія.

— Мы-съ, помѣщики,—толковалъ онъ:— живемъ совершенно какъ въ непріятельской землѣ: тутъ тебя обокрадутъ, тамъ тебя перепортятъ, тамъ—не донесутъ.

Плавинъ выслушивалъ его съ опущеннымъ [illegible] глазами.

— Мнѣ жидъ-съ одинъ совѣтовалъ, — продолжалъ полковникъ:—«никогда, баринъ, не покупайте стараго платья ни у попа ни у мужика: оно у нихъ все сопрѣло: а покупайте у господскаго человѣка: господинъ сошьетъ ему новый кафтанъ; какъ задѣлъ за гвоздь, не попятится ужъ назадъ, а такъ и раздеретъ до подола: «Э, баринъ новый сошьетъ!» Свѣжехонько еще, а ужъ носить нельзя!»

Плавинъ какъ-то двусмысленно усмѣхался, а Павелъ съ грустью думалъ:—«Зачѣмъ это онъ все ему говоритъ!»— и, когда отецъ наконецъ сталъ собираться въ деревню, онъ на первыхъ порахъ почти былъ радъ тому. Но вотъ пришелъ день отъѣзда: всѣ встали, какъ водится, очень рано: напились чаю. Полковникъ былъ мраченъ, какъ передъ боемъ; стали укладывать вещи въ экипажъ, закладывать лошадей,—и заложили! Павелъ продолжалъ смотрѣть на все это равнодушно; полковникъ поднялся, помолился и подошелъ поцѣловать сына. Тотъ

вдругъ бросился къ нему на шею, зарыдалъ на всю комнату и произнесъ со стономъ: «Папаша, другъ мой, не покидай меня навѣки!» Полковникъ задрожалъ, зарыдалъ тоже:—«Нѣтъ, не покину, не покину!»—бормоталъ онъ: потомъ, едва вырвавшись изъ объятій сына, сѣлъ въ экипажъ: у него голова даже не держалась хорошенько на плечахъ, а какъ-то болталась. «Папаша, папаша, милый!»—стоналъ Павелъ. Полковникъ махнулъ рукой и велѣлъ везти скорѣе; экипажъ уѣхалъ. Павелъ, какъ бы все ужъ похоронивъ на свѣтѣ, съ понуренной головой и весь въ слезахъ возвратился въ комнаты. Свидѣтели этого прощанья: Ванька—заливался самъ горькими слезами и безпрестанно утиралъ себѣ носъ, Симоновъ—тоже былъ какъ-то серьезнѣе обыкновеннаго, и одинъ только Плавинъ оставался ко всему этому безучастенъ совершенно.

По крайней мѣрѣ съ мѣсяцъ послѣ разлуки съ отцомъ мой юный герой тосковалъ о немъ. Съ новымъ товарищемъ своимъ онъ все какъ-то мало сближался, потому что тотъ цѣлые дни былъ какимъ-нибудь своимъ дѣломъ занятъ и вообще очень холодно относился къ Пашѣ, такъ что они даже говорили другъ другу «вы». Въ одну изъ субботъ однако Павелъ не могъ не обратить вниманія, когда Плавинъ принесъ съ собою изъ гимназіи особенно сдѣланную доску и прекраснѣйшій листъ зеленевой бумаги. У листа этого Плавинъ аккуратно загнулъ края и, смочивъ его чистою водой, положилъ на доску, а самые края, намазавъ клейстеромъ, приклеилъ къ ней.

— Что вы это дѣлаете? — спросилъ его Павелъ не безъ удивленія.

— Бумагу наклеиваю для рисованія...

— Она у васъ вся сморщится!..

— Исправится къ завтрему,—отвѣчалъ Плавинъ съ улыбкою, и дѣйствительно поутру Павелъ даже ахнулъ отъ удивленія, что бумага вышла гладкая, ровная и чистая. Когда Плавинъ принялся рисовать, Павелъ сейчасъ же сталъ у него за спиною и принялся съ величайшимъ любопытствомъ смотрѣть на его работу. Отчего Павелъ чувствовалъ удовольствіе, видя, какъ Плавинъ чисто и отчетливо выводилъ карандашомъ линіи, какъ у него выходило на бумагѣ совершенно то же самое, что было на оригиналѣ,—онъ не могъ дать себѣ отчета, но все-таки наслажденіе ощущалъ великое; и врядъ ли не то же самое чувство раздѣлялъ и солдатъ Симоновъ, который съ часъ уже пришелъ въ комнаты и не уходилъ, а, подпершись рукою въ бокъ, стоялъ и смотрѣлъ, какъ барчикъ рисуетъ. Здѣсь мнѣ, можетъ-быть, будетъ удобно сказать нѣсколько словъ объ этомъ человѣкѣ. Читатель вѣроятно, и не

подозрѣваетъ, что Симоновъ былъ отличнѣйшій и превосходнѣйшій малый: смолоду красивый собой, умный и расторопный, наконецъ въ высшей степени честный и совершенно не пьяница, онъ однако прошелъ свой вѣкъ незамѣтно и даже въ полку, посреди другихъ солдатъ, дураковъ и воришекъ, слылъ такъ себѣ только за сносно-хорошаго солдата. Александра Григорьевна Абреева оказалась въ этомъ случаѣ проницательнѣе всѣхъ. Выбравъ къ себѣ Симонова въ сторожа къ дому, она очень хорошо знала, что у нея ничего ужъ не пропадетъ.

Работа Плавина между тѣмъ подвигалась быстро; вниманіе и удовольствіе смотрящихъ на него лицъ увеличивалось. Вдругъ на улицѣ раздался крикъ. Всѣ бросились къ окну и увидѣли, что на крыльцѣ флигеля, съ удивленнымъ лицомъ, стояла жена Симонова, а посреди двора Ванька что-то такое кричалъ и барахтался съ будочникомъ. Несмотря на двойныя рамы, можно было разслышать ихъ крики.

— А про что?—кричалъ Ванька.

— А про то!—отвѣчалъ будочникъ.

— Не пойду!

— Нѣтъ, пойдешь...

И полицейскій сцапалъ Ваньку за шиворотокъ.

— Не пойду!—кричалъ тотъ, упираясь.

— Что у нихъ, у дьяволовъ? — произнесъ Симоновъ съ озабоченнымъ лицомъ и бросился на дворъ въ помощь товарищу: но полицейскій тащилъ уже Ваньку окончательно.

— Про что ты его?—закричалъ ему Симоновъ.

— А про то!—отвѣчалъ и ему будочникъ.

— Укралъ, что ли, онъ что?—спросилъ Симоновъ.

— Укралъ, — отвѣчалъ полицейскій и утащилъ Ваньку совершенно изъ глазъ.

Симоновъ, съ тѣмъ же озабоченнымъ лицомъ, возвратился въ комнаты.

— Что такое?—спросилъ его Павелъ встревоженнымъ голосомъ.

— Въ часть за что-то Ивана взяли.

— Какъ въ часть! Кто смѣлъ? Я самъ сейчасъ схожу туда и задамъ этому частному!—расхорохорился Павелъ.

— Что вамъ туда ходить! Я сейчасъ сбѣгаю и провѣдаю. Говорятъ, укралъ что-то такое,—отозвался Симоновъ и дѣйствительно ушелъ.

— Неужели вашъ отецъ не могъ оставить человѣка поестнѣе! — проговорилъ своимъ ровнымъ голосомъ Плавинъ, принявшійся покойно рисовать.

— О, отецъ! Развѣ онъ думаетъ что обо мнѣ, ему бы только

какъ полегчало было! — воскликнулъ Павелъ подъ вліяніемъ досады и безпокойства.

На дворѣ, впрочемъ, невдолгѣ показался Симоновъ; на лицѣ у него написанъ былъ смѣхъ, а за нимъ шелъ какой-то болѣзненной походкой Ванька, съ всклоченной головой и съ заплаканной рожею. Симоновъ прошелъ опять къ барчикамъ, а Ванька отправился въ свою темную конуру въ каменномъ коридорѣ и легъ тамъ.

— Что такое случилось?—спросилъ Павелъ все еще озабоченнымъ тономъ.

— Да такъ, дуракъ, самъ виноватъ, — отвѣчалъ Симоновъ, усмѣхаясь:—нахвасталъ будочнику, что онъ сапожникъ, а тотъ частному; частный отдалъ сапоги ему починить...

— Какой же онъ сапожникъ! — воскликнулъ Павелъ.

— Да вотъ поди ты, вретъ иной разъ. Бога не помня; сапоги-то вмѣсто починки истыкалъ да исподрѣзалъ; тотъ и потянулъ его къ себѣ; а тамъ испужался, повалился въ ноги частному; «высѣките, говоритъ, меня!». Тотъ и велѣлъ его высѣчь. Я пришелъ—дуютъ его, кричитъ благимъ матомъ. Я едва упросилъ десятскихъ, чтобы бросили.

— И хорошо сдѣлали, что высѣкли, — произнесъ Плавинъ опять своимъ холоднымъ голосомъ.

— И я тоже радъ,—подхватилъ Павелъ; но врядъ ли былъ этому радъ, потому что сейчасъ же пошелъ посмотрѣть, что такое съ Ванькой.

Онъ его засталъ лежащимъ внизъ лицомъ и горько плачущимъ.

— Ну, ты не плачь: самъ вѣдь виноватъ, — сказалъ онъ ему.

— Виноватъ, батюшка Павелъ Михайловичъ, виноватъ,— отвѣчалъ, всхлипывая, Ванька.

— Тебя очень больно высѣкли?—спросилъ Павелъ.

— Правую сторону ужъ очень отхлестали,—отвѣчалъ Ванька.

— Ну, ничего, пройдетъ,—успокоивалъ его Павелъ и возвратился въ свою комнату.

Тамъ онъ засталъ довольно оживленный разговоръ между Плавинымъ и Симоновымъ.

— Тутъ тоже при мнѣ въ части актеровъ разбирали: подрались, видно; у одного такой синячище подъ глазами—чудо! Колемъ какимъ-нибудь, должно-быть, въ рожу-то его двинули.

— А развѣ актеры пріѣхали?—спросилъ Плавинъ оживленнымъ голосомъ.

— Пріѣхали: сегодня представлять будутъ. Содержатель тоже тутъ пришелъ въ часть и просилъ, чтобы драчуновъ

етихъ отпустили къ нему на вечеръ—на представленіе. «А на ночь, говоритъ, я ихъ опять въ часть доставлю, чтобы они больше чего еще не набуянили!»

— Пойдемте сегодня въ театръ? — обратился Плавинъ къ Павлу.

— Пойдемте, — отвѣчалъ тотъ; у него при этомъ какъ-то ёкнуло сердце.

— Что сегодня играютъ?—спросилъ Плавинъ Симонова.

— Не знаю, не спросилъ — дуракъ, не сообразилъ этого. Да я сейчасъ сбѣгаю и узнаю, — отвѣчалъ Симоновъ и, не медля ни минуты, проворно отправился.

— Я никогда еще въ театрѣ не бывалъ,—сказалъ Павелъ слегка дрожащимъ голосомъ.

— Я самъ театръ очень люблю,—отвѣчалъ Плавинъ; волненіе и въ немъ было замѣтно сильное.

Симоновъ не заставилъ себя долго дожидаться и возвратился тоже въ какомъ-то возбужденномъ состояніи.

— Сегодня отличное представленіе! — сказалъ онъ, развертывая и подавая заскорузлой рукой афишу:—«Днѣпровская русалка»,—прибавилъ онъ, тыкая пальцемъ на заглавіе.

— Билеты теперь же надо взять,—проговорилъ Плавинъ.

— Да я сбѣгаю, пожалуй,—вызвался и на это съ полною готовностью Симоновъ и дѣйствительно сбѣгалъ, принесъ, а потомъ куда-то и скрылся.

Гимназисты мои послѣ того остались въ очень непокойномъ состояніи. Время казалось имъ идущимъ весьма медленно. Плавинъ еще нѣсколько владѣлъ собой, но Павелъ безпрестанно смотрѣлъ на большіе серебряные часы, которые отецъ ему оставилъ, чтобы онъ не опаздывалъ въ гимназію. Его, по преимуществу, волновало то, что онъ слыхалъ названія: «сцена», «ложи», «партеръ», «занавѣсъ»; но что такое собственно это было, и какъ все это соединить и расположить, онъ никакъ не могъ придумать того въ своемъ воображеніи. Часу въ седьмомъ молодые люди наконецъ отправились. Время было—осень поздняя. Мятель стояла сильная. Темнота была—зги не видать; надобно было сходить съ довольно большой горы: склоны ея были изрыты яминами, между которыми проходила тропинка. Плавинъ шелъ по ней привычной ногой, а Павелъ, слѣдовавшій за нимъ, отъ переживаемыхъ ощущеній рѣшительно не видѣлъ, по какой дорогѣ онъ идетъ,—наконецъ споткнулся, упалъ въ яму, прямо лицомъ и руками въ снѣгъ,—перепугался очень, ушибся. Плавинъ только захохоталъ надъ нимъ. Павлу показалось это очень обидно. Не подавая виду, что у него окоченѣли отъ холоду руки и сильно

болитъ нога, онъ не унялся и, когда они поѣхали къ театру, въ самомъ дѣлѣ забылъ и боль и холодъ.

Надобно сказать, что театръ помѣщался не такъ, какъ всѣ въ мірѣ театры—на поверхности земли, а подъ землею. Онъ передѣланъ былъ изъ кожевеннаго завода и до сихъ поръ еще сохранилъ запахъ дубильнаго начала, которымъ пропитаны были его стѣны. Посѣтителямъ нашимъ, чтобы попасть въ партеръ, надобно было спуститься внизъ, по крайней мѣрѣ, сажени двѣ. Когда они усѣлись наконецъ на деревянныя скамейки, Павелъ сейчасъ понялъ, гдѣ это ложи, кресла, занавѣсъ. Заиграла музыка. Павелъ во всю жизнь свою, кромѣ одной скрипки и плохихъ фортепьянъ, не слыхивалъ никакихъ инструментовъ, но теперь, при звукахъ довольно большого оркестра, у него какъ бы вся кровь прилила къ сердцу: ему хотѣлось въ одно и то же время подпрыгивать и плакать. Занавѣсъ поднялся. Съ какой жадностью взоръ нашего юноши ушелъ въ эту таинственную глубь какой-то очень красивой рощи, сзади которой виднѣлся занавѣсъ съ Богъ знаетъ куда уходящею далью, а передъ нимъ что-то сѣрое шевелилось на полу—это была рѣка Днѣпръ!

Вышелъ Видостанъ, въ бархатномъ кафтанѣ, обшитомъ позументами, и въ шапочкѣ набекрень. Послѣ него выбѣжали Тарабаръ и Кифаръ. Всѣ эти лица мало заняли Павла. Можетъ-быть, врожденное эстетическое чувство говорило въ немъ, что самыя роли были чепуха великая, а исполнители ихъ — еще и хуже того. Тарабаръ и Кифаръ были именно тѣ самые драчуны, которымъ послѣ представленія предстояло отправиться въ часть.

Занавѣсъ опустился. Плавинъ (это рѣшительно былъ какой-то всемогущій человѣкъ) шепнулъ Павлу, что можно будетъ пробраться на сцену и потому онъ шелъ бы за нимъ, не зѣвая. Павелъ послѣдовалъ за пріятелемъ, сжигаемый величайшимъ любопытствомъ и страхомъ. Послѣ нѣсколькихъ переходовъ они достигли наконецъ двери на сцену, которая оказалась незатворенною. Вошли, и, Боже мой! что представилось глазамъ Павла! Точно чудовища какія, высились огромныя кулисы, задвинутыя одна на другую, а за ними горѣли тусклыя лампы,—мелькали набѣленныя и не совсѣмъ красивыя лица актеровъ и ихъ пестрые костюмы. По срединѣ сцены стоялъ огромный кустъ, подпертый сзади палками: а вверху даже и понять было невозможно всѣхъ сцѣпленій. Рѣка оказалась не что иное, какъ качающіяся рамки, между которыми было большое отверстіе въ полу. Павелъ заглянулъ туда и увидѣлъ внизу привѣшенную доску, уставленную по краямъ лам-

нами, а на ней сидѣла, качалась и смѣялась какая-то, вся въ бѣломъ и необыкновенной красоты, женщина... Открытіе всѣхъ этихъ тайнъ не только не уменьшило для нашего юноши очарованія, но, кажется, еще усилило его: и пока онъ осматривалъ все это съ трепетомъ въ сердцѣ—что вотъ-вотъ его выведутъ,—вдругъ раздался сзади него знакомый голосъ:

— Здравствуйте, баринъ!

Павелъ обернулся; передъ нимъ стоялъ Симоновъ съ нафабренными усами и въ новомъ вицмундирѣ.

— Ты какъ здѣсь?—воскликнулъ Павелъ.

— Я, ваше высокородіе, завсегда вѣдь у нихъ занавѣсъ поднимаю: сегодня вотъ съ самаго обѣда здѣсь... починивалъ имъ тоже кое-что.

— Что же ты нанимаешься, что ли?

— Нѣтъ, ваше высокородіе, такъ, безъ платы, чтобы пущали только—охотникъ больно я смотрѣть-то на это!

Плавинъ все это время разговаривалъ съ Видостаномъ и, должно-быть, о чемъ-то совѣщался съ нимъ или просилъ его.

— Хорошо, хорошо,—отвѣчалъ тотъ.

— Господа публика, прошу со сцены!—раздался голосъ содержателя.

Павелъ почти бѣгомъ бросился на свою скамейку. Въ самомъ началѣ дѣйствія волны рѣки сильно заколыхались, и изъ-подъ нихъ выплыла Леста, въ фольговой коронѣ, въ пышной юбкѣ и въ трико. Павелъ сейчасъ же догадался, что это была та самая женщина, которую онъ видѣлъ на доскѣ. Она появлялась еще нѣсколько разъ на сценѣ; унесена была наконецъ другими русалками въ свое подземное царство; затѣмъ—перемѣна декораціи, водяной дворецъ, бенгальскій огонь, и занавѣсъ опустился. Надо было итти домой. Павелъ былъ какъ бы въ туманѣ: весь этотъ театръ, со всей обстановкой, и всѣ испытанныя тамъ удовольствія показались ему какими-то необыкновенными, не воздушными, не на землѣ (а какъ и было на самомъ дѣлѣ—подъ землею) существующими, какимъ-то міромъ гномовъ, одуряющимъ, не дающимъ свободно дышать, но тѣмъ не менѣе очаровательнымъ и обольстительнымъ!

IX.

Свой ужъ театръ.

Приближались святки. Ученье скоро должно было прекратиться. Разъ вечеромъ наши юноши въ халатахъ и туфляхъ валялись по своимъ кроватямъ. Павелъ отъ-нечего-дѣлать разговаривалъ съ Ванькой.

— Что ты, Иванъ, грамотѣ не выучишься?—сказалъ онъ ему.

— Я умѣю-съ! отвѣчалъ Ванька, хоть бы бровью повелъ отъ сказанной имъ лжи.

— Что ты врешь!—произнесъ Павелъ, очень хорошо зная, что Ванька рѣшительно не знаетъ грамотѣ.

— Умѣю-съ,—опять повторилъ Ванька.

— Ну, возьми вонъ книгу и прочти! — сказалъ Павелъ, показывая на лежащую на столѣ Русскую исторію.

Ванька совершенно смѣло взялъ ее, развернулъ и началъ смотрѣть въ нее, но молчалъ.

— Ну, какая же это буква? — спросилъ его наконецъ Павелъ.

— Вѣди,—отвѣчалъ Ванька и—не ошибся.

— А это какая?

— Азъ!..—И въ самомъ дѣлѣ это была *а*.

— Ну, что же изъ всего этого выйдетъ?

Ванька слегка покраснѣлъ.

— Вотъ это-то, баринъ, виноватъ, я ужъ и позабылъ.

— Это нельзя забыть; это можно не знать, понимаешь ты, а забыть нельзя.—толковалъ ему Павелъ.

— Да я, баринъ, по своей азбукѣ вотъ знаю. — возразилъ Ванька.

— Покажи твою азбуку,—сказалъ Павелъ.

Ванька сходилъ и принесъ масленую-замасленую азбуку. По ней онъ еще мальчишкой учился у дьячка, къ которому отдавали его на цѣлую зиму и лѣто. Дьячокъ разъ тридцать выпоролъ его, но ничему не выучилъ и къ концу ученья счелъ за лучшее заставить его пасти овецъ своихъ.

— Какой это складъ?—говорилъ Павелъ, показывая на слогъ *ва* въ складахъ.

— *Ва*,—отвѣчалъ Ванька, весьма недолго подумавъ.

— А это что такое? — продолжалъ Павелъ, показывая уже въ книгѣ на *ря* (слово, выбранное имъ, было: *Варяги*).

Ванька опять молчалъ.

— Какой это складъ? — обратился Павелъ снова къ складамъ.

— *Ря*, — отвѣчалъ Ванька, послѣ нѣкотораго соображенія.

— А это какой?—спросилъ Павелъ изъ книги и показывая на слогъ *ш*.

Ванька недоумѣвалъ, но по складамъ объяснилъ, что это *ш*.

— Отчего же ты по складамъ знаешь, а въ книгѣ нѣтъ?— спросилъ Павелъ.

Ванька молчалъ. Дѣло въ томъ, что онъ имѣлъ довольно хорошій слухъ, такъ что нѣкоторыя пѣсни съ голосу игралъ

на балалайкѣ. Точно такъ же и склады онъ запоминалъ по порядку звуковъ, и когда его спрашивали, какой это складъ, онъ начиналъ въ умѣ: *ба, ва, га*, пока доходилъ до того, на который ему пальцами указывали. Болѣе же этого онъ ничего не могъ ни припомнить ни сообразить.

— Хорошо онъ умѣетъ читать! — произнесъ Плавинъ, выведенный наконецъ изъ терпѣнья всѣми этими объясненіями.

— Умѣю-съ.—объяснилъ и ему Ванька.

— Поди ты, дуралей, умѣешь!—воскликнулъ Павелъ.

— Чего тутъ не умѣть-то! — возразилъ Ванька, дерзко усмѣхаясь, и ушелъ въ свою конуру. Русскую исторію, впрочемъ, онъ захватилъ съ собою, развернулъ ее передъ свѣчкой и началъ читать,—то-есть изъ буквъ дѣлать Богъ знаетъ какіе склады, а изъ нихъ сочетать какія только приходили ему въ голову слова, — и воображалъ совершенно увѣренно, что онъ это читаетъ.

— Умѣю! — произнесъ онъ, самодовольно поднимая свою острую морду.

Юноши наши задумали между тѣмъ дѣло большое. Плавинъ, сидѣвшій нѣсколько времени съ закрытыми глазами и закинувъ голову назадъ, вдругъ обратился къ Павлу.

— А что, давайте, сыграемте театръ сами,—сказалъ онъ съ удареніемъ и неторопливо.

Павелъ даже испугался немного этой мысли.

— Какъ сыграемъ, гдѣ? —произнесъ онъ.

— Здѣсь у насъ вверху, въ залѣ.

— А декораціи гдѣ же и занавѣсъ?

— Все это сдѣлаемъ сами; я нарисую, сумѣю.

Павелъ взглянулъ почти съ благоговѣніемъ на Плавина.

— Завтра я пойду въ гимназію,—продолжалъ тотъ:—сдѣлаемъ тамъ подписку; соберемъ деньги; я куплю на нихъ, что нужно.

Павлу это предложеніе до такой степени казалось мало возможнымъ, что онъ боялся еще ему и вѣрить.

— Теперь, главное дѣло, надо съ Симоновымъ поговорить. Пошлите этого дурака, Ваньку, за Симоновымъ! — сказалъ Плавинъ.

— Поди, Иванъ, сейчасъ позови Симонова!—крикнулъ Павелъ сколько могъ строгимъ голосомъ.

Ванька пошелъ, но и книгу захватилъ съ собою. Ночью онъ всегда съ большимъ неудовольствіемъ ходилъ изъ комнатъ во флигель длиннымъ и темнымъ дворомъ. Въ избу къ Симонову онъ вошелъ, по обыкновенію, съ сердитымъ и недовольнымъ лицомъ.

— Поди къ господамъ; посылаютъ все: почитать не дадутъ!—проговорилъ онъ, махнувъ съ важностью книгой.

— Что имъ надо?—отозвался лежащій на печи Симоновъ.

— Надо, знать, ступай!

Симоновъ сейчасъ же соскочилъ съ печи, надѣлъ вицмундиришко и валеные сапоги и побѣжалъ.

Ванька тоже побѣжалъ за нимъ: онъ боялся отставать.

— Извините, я ужъ въ валенкахъ: спать было-легъ,—сказалъ Симоновъ, входя въ комнаты.

— Ничего, — отвѣчалъ Плавинъ, вставая и выпрямляясь во весь свой довольно уже высокій ростъ. Рѣшительность и воодушевленіе замѣтны были во всей его фигурѣ.

— Знаешь что?.. Мы хотимъ сыграть театръ у васъ въ верхней залѣ, позволишь ты?—спросилъ онъ Симонова.

— Театръ?—повторилъ тотъ:—да гляче бы; только чтобы генеральша не разсердилась...—Въ тонѣ голоса его была слышна борьба: ему и хотѣлось очень барчиковъ потѣшить, и барыни онъ боялся, чтобы она не разгнѣвалась на него за залу.

— Генеральша ничего,—сказалъ Павелъ съ увѣренностью:—я напишу отцу; тотъ генеральшѣ скажетъ.

— Это вотъ такъ, ладно! Папашѣ вашему она слова не скажетъ—позволитъ,—сказалъ Симоновъ. Удовольствіе отразилось у него при этомъ даже на лицѣ.

— Это, значитъ, рѣшено! — началъ опять Плавинъ. — Теперь намъ надобно сдѣлать расчетъ пространству, — продолжалъ онъ, поднимая глаза вверхъ и, видимо, дѣлая въ головѣ расчетъ. — Будетъ ли у васъ въ залѣ аршинъ семь вышины?—заключилъ онъ.

— Надо-быть, что будетъ!.. Заглазно, конечно, что утвердительно сказать нельзя... —отвѣчалъ, придавъ мыслящее выраженіе своей физіономіи, Симоновъ.

— Пойдемъ, сходимъ сейчасъ же, смѣряемъ, — сказалъ Плавинъ, не любившій ничего откладывать.

— Сходимте,—подхватилъ и Симоновъ съ готовностью.

— Возьмите и меня, господа, съ собою,—сказалъ Павелъ. У него уже и глаза горѣли и грудь волновалась.

Симоновъ сейчасъ засвѣтилъ свѣчку, и всѣ они сначала прошли по темному, каменному коридору, потомъ стали подниматься по каменной лѣстницѣ, пріотворили затѣмъ какую-то таинственную маленькую дверцу и очутились въ огромной залѣ. Мракъ ихъ обдалъ со всѣхъ сторонъ. Свѣчка едва освѣщала небольшое около нихъ пространство, такъ что, когда всѣ заглянули вверхъ, тамъ вмѣсто потолка виднѣлся только какой-то темный просторъ.

— Ого! Тутъ не двѣ, а пожалуй, и четыре сажени будутъ!— воскликнулъ Симоновъ.

— Отличная, прекрасная зала!—говорилъ Плавинъ, исполненный искренняго восторга.

— Отличная!—повторялъ за нимъ и Павелъ.

— Теперь-съ станемъ размѣривать, — началъ Плавинъ: — для открытой сцены сажени двѣ, да каждый подзоръ по сажени?.. Ровно такъ будетъ!..—прибавилъ онъ, сосчитавъ шагами поперекъ залы.

— Такъ!—повторялъ за нимъ и Симоновъ.

— Въ длину сцена будетъ,—продолжалъ неторопливо Плавинъ: — для лѣсныхъ декорацій, и тоже чтобъ стоять сзади, сажени четыре съ половиной...

— Такъ!—подтвердилъ и на это Симоновъ.

— Актеры будутъ входить по той же лѣстницѣ, что и мы вошли: уборная будетъ въ нашей комнатѣ.

— Въ вашей комнатѣ,—согласился Симоновъ.

— Сидѣть публика будетъ на этихъ стульяхъ: тутъ ихъ, должно-быть, дюжины три: потомъ можно будетъ взять мебели изъ гостиной!.. Вѣдь можно? — обратился Плавинъ къ Симонову.

— Можно, я думаю, — отвѣчалъ тотъ. Въ пылу совѣщанія онъ забылъ совершенно ужъ и о генеральшѣ.

— Пройдемте чрезъ гостиную,—сказалъ Плавинъ.

Всѣ пошли за нимъ. Это тоже оказалась огромная комната. Мебель въ ней была хоть и ободранная, но во вкусѣ à l'empire: бѣлая съ золотымъ и когда-то обитая шелковой малиновой матеріей. По стѣнамъ висѣли довольно безобразные портреты предковъ Абреевыхъ, въ полинялыхъ золотыхъ рамкахъ, всѣ страшно запыленные и даже заплѣснѣлые. Въ огромныхъ зеркалахъ, доходящихъ чуть не до потолка, отразились длинныя фигуры нашихъ гимназистовъ съ одушевленными физіономіями и съ растрепанными волосами, а также и фигура Симонова въ разстегнутомъ вицмундиришкѣ и валеныхъ сапогахъ.

— Мебели тутъ человѣкъ на двадцать на пять будетъ, а всего съ залью человѣкъ шестьдесятъ сядетъ,—публика не малая будетъ!—заключилъ онъ съ гордостью.

— Какое малая!—подхватилъ Павелъ.

Когда они вошли въ наугольную комнату, то въ разбитое окно на нихъ дунулъ вѣтеръ и загасилъ у нихъ свѣчку. Они очутились въ совершенной темнотѣ, такъ что Симоновъ взялся ихъ вести назадъ за руку.

Сначала молодые люди смѣялись своему положенію, но,

когда они проходили гостиную, Павлу показалось, что одна мерцающія фигуры на портретахъ шевелятся въ рамкахъ. Въ залѣ ему почудился какой-то шорохъ и какъ будто бы промелькнули какія-то бѣлыя тѣни. Павелъ очень былъ радъ, когда всѣ они трое спустились по каменной лѣстницѣ и вошли въ ихъ уютную, освѣщенную комнату. Плавинъ сейчасъ же снять принялся толковать съ Симоновымъ.

— Ну-съ. Василій... какъ тебя по отчеству?—онъ замѣтно ласкался къ Симонову.

— Мелентьичъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Василій Мелентьичъ, давайте теперь разсчитаемте, что все будетъ это стоить: во-первыхъ, надобно поднять сцену и сдѣлать рамки для декорацій, положимъ, хоть штукъ четырнадцать; на одной сторонѣ будетъ нарисована лѣсная, а на другой—комнатная; понимаешь?

— Понимаю-съ,—отвѣчалъ Симоновъ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, все, что говорилъ ему Плавинъ, сразу же понималъ.

— Что же все это будетъ стоить—матеріалъ и работа? — заключилъ наконецъ тотъ съ нѣкоторымъ уже безпокойствомъ въ голосѣ.

— Матеріалъ—рублей пятнадцать, а работа что?.. сдѣлаю,— отвѣчалъ Симоновъ и вслѣдъ затѣмъ какъ-то торопливо обратился къ Павлу: — только ужъ вы, пожалуйста, напенькѣ-то вашему напишите.

— Напишу,—отвѣчалъ Павелъ и сейчасъ же принялся писать; а Симоновъ, пожелавъ барчикамъ покойной ночи, отправился въ свою избу.

На другой день Плавинъ и обѣдать домой изъ гимназіи не возвращался. Симоновъ тоже куда-то пропалъ, и Павлу сказали только то, что за Васильемъ прибѣгалъ и увелъ его съ собою какой-то гимназическій сторожъ. Подъ самыя сумерки почти Павелъ наконецъ увидѣлъ, что на дворъ въѣхали два ломовые извозчика; на одномъ возу сидѣлъ Плавинъ въ кучѣ разныхъ кульковъ и тюковъ, а на другомъ помѣщался Симоновъ съ досками и бревнами. Молодой предприниматель нашъ успѣлъ уже въ гимназіи составить подписку, собрать часть денегъ и купить на нихъ всѣ нужныя вещи, которыя, надо полагать. Ваньку даже заинтересовали, потому что онъ, съ величайшею расторопностью, началъ съ извозчика Плавина таскать стопы оберточной бумаги, кульки съ клеемъ, кистями, сажей, вохрой и мѣломъ. Плавинъ, наскоро пообѣдавъ, велѣлъ Ванькѣ поставить самоваръ и въ кипяткѣ изъ него распустить клей и заварить на этой водѣ клейстеръ. Ванька побѣжалъ въ кухню и весьма невдолгѣ притащилъ оттуда

огромный горшище съ клейстеромъ. Отвратительный клеевой запахъ и паръ разнеслись по всей комнатѣ, но молодые люди ничего этого не почувствовали и начали склеивать листы бумаги для задникъ занавѣсовъ и декорацій. Павелъ работалъ даже съ бо́льшимъ одушевленіемъ, чѣмъ самъ Плавинъ. Потомъ опъ не утерпѣлъ и сбѣгалъ посмотрѣть во флигель, что̀ дѣлаетъ Симоновъ. Тотъ пилилъ бруски для рамокъ и напилилъ ихъ уже довольное число. Жена Симонова сидѣла и сшивала холстъ для передняго занавѣса.

На слѣдующій день началось уже и рисованіе. Самъ Плавинъ принялся за передній холщевой занавѣсъ. На немъ онъ предположилъ изобразить, съ имѣющихся у него видовъ Москвы, большой Петровскій театръ. Павлу онъ поручилъ изготовлять декораціи и научилъ его, какъ надо дѣлать окна и двери. Для этого онъ велѣлъ ему одну сторону оконнаго переплета обводить краскою темною, а другую — посвѣтлѣй, филенки на дверяхъ раздѣлывать такимъ образомъ, чтобы слегка ихъ оттѣнять, проводя по сырому грунту сажею, — и выходило отлично. Касательно лѣсныхъ декорацій у нихъ вышелъ даже споръ. Павелъ сначала было-сдѣлалъ на нихъ голубое небо, потомъ сталъ выводить на немъ корни и вѣтви, а около нихъ размѣщать зеленые листочки. Плавинъ, увидѣвъ это, всплеснулъ только руками.

— Развѣ такъ рисуютъ деревья на декораціяхъ?—воскликнулъ онъ: — сначала надо загрунтовать совсѣмъ темною краской, а потомъ и валяйте на ней прямо листья; одинъ зеленый, другой желтый, третій совсѣмъ черный и наконецъ четвертый совсѣмъ бѣлый.—Говоря это, Плавинъ вмѣстѣ съ тѣмъ и рисовалъ на одной декораціи дерево.

— Это чортъ знаетъ что̀ такое выйдетъ! — возражалъ ему Павелъ, смотря на его работу.

— Нѣтъ, не чортъ знаетъ; ставьте вашу декорацію и мою и отойдемте вдаль.

Поставили, отошли. Декорація Павла оказалась — сѣть какая-то; а у Плавина стояло точно живое дерево. Павелъ убѣдился и этимъ способомъ дорисовалъ всѣ остальныя декораціи.

Отъ полковника получено было наконецъ письмо, извѣщающее, что Александра Григорьевна съ величайшимъ удовольствіемъ разрѣшаетъ дѣтямъ взять залу для такой умной ихъ забавы. Съ своей же стороны Михайла Поликарпычъ прибавлялъ сыну: «чтобы дѣвушка гуляла, но дѣльца не забывала!». Полковникъ терпѣть не могъ театра.

— Для чего это какіе-то дураки выйдутъ, болтаютъ между собою разный вздоръ, а другіе дураки еще деньги имъ за то

платятъ?.. — говорилъ онъ, въ самомъ дѣлѣ рѣшительно не могшій во всю жизнь свою понять—для чего это люди выдумали театръ и въ чемъ тутъ находятъ удовольствіе себѣ!

По полученіи этого разрѣшенія отъ генеральши, Симоновъ тотчасъ же принялся устраивать въ залѣ возвышенную сцену. Надобно было видѣть, что дѣлалъ этотъ человѣкъ. Онъ на себѣ одномъ перетаскалъ во второй этажъ огромныя доски и бревна. Авторъ даже затрудняется объяснить побуждавшія Симонова психологическія причины — одного желанія потѣшить барчиковъ было мало: надо полагать, что Симоновъ самъ уже очень любилъ театръ. Молодые люди тоже не уступали ему въ трудѣ. У нихъ всѣ уже декораціи были готовы и установлены съ приставными къ нимъ дверями и крестьянскими хатами.

Повѣсили наконецъ и передній занавѣсъ. Симоновъ принялся его опускать и поднимать особенно придѣланными бечевками на блокахъ. Павелъ (когда занавѣсъ поднимался) входилъ и выходилъ со сцены въ нарисованныя имъ двери, отворялъ и затворялъ имъ же нарисованныя окна. Зрителей и на это зрѣлище набралось довольно: жена Симонова, Ванька, двое какихъ-то уличныхъ мальчишекъ; всѣ они ахали и дивились.

Театръ, можетъ-быть, потому и удовлетворяетъ вкусамъ всѣхъ, что соединяетъ въ себѣ что-то очень большое съ чѣмъ-то маленькимъ, игрушечнымъ.

Каждый вечеръ мои молодые люди ложились въ постель—страшно перепачканные, съ полуонѣмѣлыми отъ усталости ногами, но счастливые и мечтающіе о томъ, что предстоитъ еще впереди.

X.

Шипы искусства.

А хлопотъ впереди предстояло еще немало!.. Великій Плавинъ (за все, что совершилъ этотъ юноша въ настоящемъ дѣлѣ, я его иначе и назвать не могу), устроивъ сцену, положилъ играть «Казака-стихотворца» и «Воздушные замки». Вмѣстѣ съ Павломъ въ одну ночь они переписали роли. Въ составленіи костюмовъ Плавинъ показалъ почти геніальную изобрѣтательность. «Казакъ-стихотворецъ», какъ извѣстно,— пьеса малороссійская, а потому казачьи чепаны Плавинъ предположилъ сдѣлать изъ гимназическихъ вицмундирчиковъ; стоило только обрѣзать свѣтлыя пуговицы да зашить красный воротникъ чернымъ коленкоромъ, и—готово! Бритую хохлацкую голову и чубъ онъ устроилъ: чубъ—изъ конскихъ волосъ, а бритую голову — изъ бычачьяго пузыря, который

безъ всякой церемоніи натягивалъ на голову Павла и смазывалъ бѣлилами съ карминомъ, подъ цвѣтъ человѣчьей кожи, такъ что пузырь этотъ отъ лица не было никакой возможности отличить; усы, чтобы они были какъ можно длиннѣе, онъ тоже сдѣлалъ изъ конскихъ волосъ. Въ этомъ видѣ Павелъ очень сталъ походить на хохла, и хохла уже немолодого, за что и получилъ отъ Плавина роль Прудіуса. Для казацкихъ штановъ былъ купленъ красный коленкоръ, изъ котораго жена Симонова накроила и нашила широчайшія шаровары. Шапки-мурмолки Плавинъ произвелъ изъ картона, разрисовавъ его подъ бараній мѣхъ. Молодого казака Климовскаго сталъ играть семиклассный гимназистъ, большой франтъ, который игралъ уже эту роль прежде и извѣстенъ былъ тѣмъ, что, очень ловко танцуя мазурку, вылеталъ въ своемъ первомъ явленіи на сцену. Роль писаря Грицко Плавинъ взялъ себѣ: онъ вообще, кажется, претендовалъ на самыя яркія, комическія роли!.. Марусю едва уговорили играть очень хорошенькаго собой гимназистика Шишмарева, который былъ въ гимназическихъ пѣвчихъ и имѣлъ превосходнѣйшій тоненькій голосокъ. Нарядить его положили въ самый лучшій сарафанъ жены Симонова, сдѣлать ему двѣ косы изъ льну и увить ихъ лентами. Выучить нѣть нашу молодежь взялся знакомый намъ Видостанъ. Объ этомъ именно и упрашивалъ его, говоря съ нимъ въ театрѣ, Плавинъ. Видостанъ оказался очень пожилымъ актеромъ, одѣтымъ въ оборванный, испачканный фрачишко и дырявые сапоги, такъ что надобно было удивляться, какимъ образомъ онъ когда-нибудь могъ изображать изъ себя молодого и краснваго русскаго князя. Павелъ началъ нѣть свои аріи съ чувствомъ, но замѣтно уклоняясь отъ всякихъ законовъ музыки, такъ что Видостанъ неоднократно ему кричалъ: «Постойте, баринъ, постойте; куда ушли?». Маленькій Шишмаревъ, какъ канареечка, сразу же и очень мило пропѣлъ все, что ему слѣдовало.

Въ «Воздушныхъ замкахъ» роль Альнаскарова Плавинъ отдалъ семикласснику, а Виктора-слугу взялся самъ играть: онъ рѣшительно считалъ себя разнообразнѣйшимъ комическимъ актеромъ!.. Довольно большое затрудненіе вышло—достать желающаго на роль вдовы. Маленькій Шишмаревъ игралъ уже въ «Воздушныхъ замкахъ» горничную, а изъ прочихъ гимназистовъ рѣшительно никто не хотѣлъ брать на себя женскихъ ролей. Надобно было подговорить нѣкоего Разумова, бывшаго гимназиста и теперь уже служившаго въ казенной палатѣ, мальчишку очень бойкаго, неглупаго, но въ корень развращеннаго, такъ что и женщинъ-то играть онъ

брался не по любви къ театру, а скорѣй изъ какого-то пахальства, чтобы имѣть возможность побезстыдничать и сдѣлать нѣсколько неблагопристойныхъ движеній. Когда Плавинъ сталъ его приглашать, онъ сначала ломался, отговаривался, надсмѣхался, но наконецъ согласился. Какъ учредители, такъ и другіе актеры репетиціями много не занимались, потому что, откровенно говоря, главнымъ дѣломъ было не исполненіе пьесы, а декораціи, ихъ перемѣны, освѣщеніе сзади ихъ свѣчами, поднятіе и опусканіе занавѣса. Въ день представленія Ванька, по приказанію господъ, долженъ былъ то сбѣгать закупить свѣчъ для освѣщенія, то сцену вымести, то разставить стулья въ залѣ, но всѣмъ этимъ дѣйствіямъ онъ придавалъ такой видъ, что какъ будто бы дѣлалъ это по собственному соображенію. Симоновъ тоже почти съ утра явился чисто выбритый, причесанный и, по обычаю, съ нафабренными усами. Съ нимъ также пришла и жена его, — и ужъ не въ сарафанѣ, а въ новомъ холстинковомъ капотѣ, въ шелковомъ платочкѣ, повязанномъ маленькою головкою,—и выглядывала еще очень недурною собой. Она должна была въ каменномъ коридорѣ, теперь ярко освѣщенномъ, разливать для актеровъ чай. Предусмотрительный Плавинъ купилъ на театральныя деньги четвертку чаю, нѣсколько фунтовъ сахару и кромѣ того, съ какою-то ему ужъ одному извѣстною цѣлью, бутылку рому и бутылку водки.

Ранѣе всѣхъ явился франтъ-семиклассникъ. Онъ пріѣхалъ на собственныхъ лошадяхъ, со своимъ человѣкомъ, несшимъ за нимъ картонъ съ костюмами, въ числѣ которыхъ для Альнаскарова былъ сдѣланъ настоящій двубортный морской мундиръ, съ якорнымъ шитьемъ и съ одной эполетой даже. Когда молодой человѣкъ этотъ сталъ переодѣваться, то на немъ оказалось превосходнѣйшее бѣлье (онъ очень былъ любимъ одной своею пожилой теткой): потомъ, когда онъ одѣлся въ костюмъ, набѣлился и нарумянился, подвелъ себѣ жженою пробкою усики, то изъ него вышелъ совершеннѣйшій красавчикъ. Другія дѣйствующія лица тоже не замедлили явиться, за исключеніемъ Разумова, за которымъ Плавинъ принужденъ былъ наконецъ послать Ивана на извозчикѣ, и тогда только этотъ юный кривляка явился, но и тутъ шелъ какъ-то нехотя, переваливаясь, и, увидя въ коридорѣ жену Симонова, вдругъ сталъ съ нею такъ нецеремонно шутить, что та сказала ему довольно сурово: «Подите, баринъ, отъ меня, что вы!».

Публика начала сбираться почти не позже актеровъ, и первая пріѣхала одна дама съ мужемъ, у которой, когда ея сыновья жили еще при ней, тоже былъ въ домѣ театръ; на

этомъ основаніи она, званая и незваная, обыкновенно ѣздила на всѣ домашніе спектакли и всѣмъ говорила: «у насъ самихъ это было; Петя и Миша (ея сыновья) сколько разъ это дѣлали!». Про мужа ея, служившаго контролеромъ въ той же казенной палатѣ, гдѣ и Разумовъ, можно было сказать только одно, что онъ цѣлый день пилъ и никогда не былъ пьянъ, за каковое свойство, вмѣсто настоящаго имени: «Гаврила Никанорычъ», онъ былъ называемъ: «Гаврила Насосычъ». Что вберетъ въ себя, то и выпуститъ! Вслѣдъ за этой четой скоро наполнились и прочія кресла, такъ что изъ дырочки въ переднемъ занавѣсѣ видны стали только какъ бы сплошь одна съ другой примкнутыя головы человѣческія. Наконецъ вошелъ довольно высокій мужчина, съ выразительнымъ лицомъ и съ гладко-обстриженными волосами, въ синемъ вицмундирномъ фракѣ. Между сидѣвшими въ публикѣ гимназистами сейчасъ же появилось маленькое смятеніе и нѣкоторый конфузъ. Это вошелъ ихъ самый строгій учитель математики, Николай Силычъ Дрозденко, большой любитель и знатокъ театральнаго дѣла. Плавинъ, всегда немного притрухивавшій Дрозденки, счелъ небезполезнымъ для себя пригласить его на устроенный имъ театръ, чтобы такимъ образомъ приласкаться къ нему нѣсколько.

При появленіи Николая Силыча, Гаврила Насосычъ сейчасъ было-всталъ и предложилъ ему кресло: они были большіе пріятели между собой по выпивкѣ.

— Ничего, сыдыте, я вотъ и тутъ постою!—отвѣчалъ Николай Силычъ съ нѣсколько малороссійскимъ акцентомъ и сталъ у притолки.

Сыгравъ «Воздушные замки», актеры побѣжали переодѣваться. Плавинъ, спѣшившій изъ Виктора преобразиться въ Грицко, не забылъ однако послать одного неиграющаго гимназиста:

— Подите и пригласите сюда Николая Силыча чаю напиться.

Николай Силычъ на это приглашеніе изъявилъ большое удовольствіе.

— Добре,—сказалъ онъ и пошелъ.

Его провели черезъ передній подзоръ,—отогнувъ тотъ немного,—потомъ, мимо сцены, въ таинственную дверь внизъ по лѣстницѣ въ коридоръ и въ уборную.

— Вотъ они гдѣ, лицедѣи-то,—сказалъ онъ и прямо принялъ изъ рукъ Ваньки уже заранѣе приготовленную ему трубку съ длиннымъ чубукомъ и отчаянно затянулся изъ нея. — И пройде сіе ядове во всѣ жилы живота моего,—сказалъ онъ выпуская изъ себя дымъ.

— Не прикажете ли, Николай Силычъ, пуншу? — сказалъ Плавинъ, натягивая на себя сафьяновые сапоги.

— И то могу!—сказалъ Николай Силычъ.

Жена Симонова подала ему чай съ ромомъ.

Николай Силычъ изготовилъ себѣ что слѣдуетъ.

— А ты зачѣмъ такъ ужъ очень плечи-то вверхъ поднималъ?.. — обратился онъ къ Альнаскарову, переодѣвавшемуся въ Климовскаго:—ты бы ужъ лучше носъ больше кверху дралъ, все бы больше фанзазера въ себѣ являлъ!

— Да это что же?... Все равно!—отвѣчалъ jeune-premier, совершенно не понявъ того, что сказалъ ему Николай Силычъ: онъ былъ малый красивый, но глуповатый.

— А я, Николай Силычъ, хорошо игралъ?—спросилъ Плавинъ довольно смѣло.

— Ты?.. Нѣтъ, нехорошо, даже очень! Ты какого лакея-то игралъ?.. Нашего Ваньку или Мишку?.. Ты вѣдь французишку изображалъ: такъ такъ и играй, а ужъ не разваливайся по-мишкинскому!.. Коли французскую дребедень взялъ, по-французски и дребезжи.

— Какая же французская? Русскія имена и русское мѣсто дѣйствія!—возразилъ Плавинъ.

— Ну да, держи карманъ—русскія! А выходитъ, парижскія блохи у насъ въ Новгородѣ завелись. Къ разнымъ французскимъ обноскамъ и опоркамъ наклеютъ русскіе ярлычки да и пускаютъ въ ходъ, благо рынокъ спрашиваетъ... Подите-ка лучше, позовите сюда Насосыча; мы ему тоже дадимъ немножко лакнуть.

Человѣка два гимназистовъ побѣжали за Гаврилой Насосычемъ и доставили его.

— Какими таинственными ходами провели меня!—говорилъ онъ съ улыбкою и какъ бы заранѣе уже предчувствуя ожидающее его блаженство.

— Грѣшникъ, мучимый въ аду! — обратился къ нему Николай Силычъ:—ты давно уже жаждешь и молишь: «да обмочитъ кто хотя перстъ единый въ винѣ и дастъ мини пососати!». На, пей и лакай!—прибавилъ онъ, изготовляя и пододвигая къ пріятелю крѣпчайшій стаканъ пуншу.

— Это недурно!—отвѣчалъ тотъ, потирая отъ удовольствія руки и представляя видъ, что какъ будто бы онъ очень прозябъ.

— А что, скажи,—спросилъ его Николай Силычъ:—если бы ты жилъ на тропикахъ, пилъ бы али нѣтъ?

— Да тамъ зачѣмъ же? — отозвался-было Насосычъ.

— Врешь, пилъ бы!

— Пилъ бы! — сознался, лукаво подмигнувъ, Насосычъ.

Всѣ эти остроты наставника гимназисты сопровождали громкимъ смѣхомъ.

— Хорошій ромъ, хорошій!—продолжалъ Насосычъ, отхлебывая почти полстакана пуншу.

— Да развѣ ты когда-нибудь ромъ не хвалилъ?.. Бывало ли это со дня рожденія твоего?—приставалъ къ нему Николай Силычъ.

— Да за что же и не хвалить-то его? — отвѣчалъ Насосычъ и залился самымъ добродушнымъ смѣхомъ. Онъ даже разговорился о спиртныхъ напиткахъ съ какимъ-то особеннымъ душевнымъ настроеніемъ.

Павелъ, все это время ходившій по коридору и повторявшій умственно и, если можно такъ выразиться, нравственно свою роль, вдругъ услышалъ плачъ въ женской уборной. Онъ вошелъ туда и увидѣлъ, что на диванѣ сидѣлъ, развалясь, полураздѣтый изъ женскаго костюма Разумовъ, а на креслахъ маленькій Шишмаревъ, совсѣмъ еще не одѣтый для Маруси. Послѣдній заливался горькими слезами.

— О чемъ вы? — спросилъ его Павелъ, болѣе всего озабоченный тѣмъ, что пріятель его совершенно не одѣтъ.

— Да все Разумовъ, вонъ, говоритъ! — отвѣчалъ сквозь всхлипыванья Шишмаревъ.

— Я говорю, что онъ женщина!—подхватилъ Разумовъ:— такъ обижается этимъ!.. Стоитъ только ему груди изъ тѣста приклеить, нынѣшній же годъ выйдетъ замужъ...

— Перестаньте! — воскликнулъ Шишмаревъ, почти въ отчаяніи и закрывая себѣ отъ стыда лицо руками. Онъ, видимо, былъ очень чистый мальчикъ и не могъ даже слышать равнодушно ничего подобнаго.

— Что за глупости вы говорите! — сказалъ Павелъ Разумову.

— Какія глупости!.. — возразилъ тотъ: — у насъ сторожъ Гаврилычъ свататься къ нему хочетъ, носъ у него въ табакѣ, губа отвисла, женится на немъ—будетъ цѣловать его!

Бѣдненькій Шишмаревъ только ужъ всплеснулъ руками.

— Замолчите и подите вонъ!—воскликнулъ вдругъ Павелъ, поблѣднѣвъ и задрожавъ всѣмъ тѣломъ.

Онъ въ эту минуту очень напомнилъ отца своего, когда тотъ выходилъ изъ себя.

— Скажите, пожалуйста! — воскликнулъ въ свою очередь Разумовъ, еще болѣе разваливаясь на диванѣ и уставляя противъ Павла свои ноги. — Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты? — прибавилъ онъ что-то такое.

— Уйдите вонъ!—повторилъ опять Павелъ и, несмотря на уставленныя противъ него ноги, схватилъ Разумова за голое горло и потащилъ его.

— Перестаньте, вы меня задушите!—хрипѣлъ тотъ.

— Уйдите! — произнесъ еще разъ Павелъ и потомъ, какъ бы вспомнивъ что-то такое, оставилъ Разумова и вышелъ къ прочимъ своимъ товарищамъ.

— Господа! — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ: — тамъ Разумовъ дразнитъ Шишмарева; тотъ играть не можетъ. Я хотѣлъ-было его задушить, но я долженъ сегодня играть.

Проговоривъ это, Павелъ возвратился въ коридоръ, гдѣ увидѣвшая его жена Симонова даже ахнула.

— Батюшка, что такое съ вами? — сказала она и поспѣшила ему подать стаканъ воды.

— Однако надобно этого Разумова вытурить,—заговорилъ все слышавшій и надъ всѣмъ бодрствующій Плавинъ.

— А вотъ это я сдѣлаю,—сказалъ Николай Силычъ, вставая и идя въ уборную.

Всѣ гимназисты съ любопытствомъ послѣдовали за нимъ. Они знали много случаевъ, какъ Дрозденко умѣлъ распоряжаться съ негодяями-мальчишками: ни состраданія ни снисхожденія у него ужъ въ этомъ случаѣ не было.

— Что ты тутъ дѣлаешь? — обратился онъ прямо къ Разумову.

— Я ничего не дѣлаю,—отвѣчалъ тотъ, продолжая лежать развалясь.

— Встать!—крикнулъ Николай Силычъ.—Смѣетъ еще лежать такой свиньей!

Разумовъ сейчасъ же вскочилъ. Онъ еще по гимназіи помнилъ, какъ Николай Силычъ ставилъ его въ сентябрѣ на колѣни до *райскихъ птицъ*, то-есть: каждый классъ математики онъ долженъ былъ стоять на колѣняхъ до самой весны, когда птицы прилетятъ.

— Да я ничего, Николай Силычъ, помилуйте! — проговорилъ онъ.

— Позовите мнѣ,—тамъ вонъ я солдата какого-то видѣлъ!— обратился Николай Силычъ къ гимназистамъ.

Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ бросились и позвали Симонова.

— Поди, возьми этого барина за шиворотокъ и выведи!— сказалъ ему Николай Силычъ, показывая на Разумова.

Симоновъ, видя, что это приказываетъ учитель, сейчасъ же буквально исполнилъ эти слова и взялъ Разумова за воротъ еще не снятаго имъ женскаго платья.

— Да я и самъ уйду, позвольте только переодѣться,—бормоталъ совершенно растерявшійся Разумовъ.

— Веди такъ!.. Въ бабьемъ платьѣ и веди!.. А его скарбъ послѣ за нимъ выкинешь!—повторилъ Николай Силычъ.

Симоновъ повелъ Разумова.

Всѣ гимназисты громко захохотали.

— Мерзкій мальчишка, мерзкій!.. И развратный и воришка!—повторялъ объ немъ и Гаврила Насосычъ.

Зрителей во все это время утѣшалъ, наигрывая на скринкѣ печальнѣйшія аріи, актеръ Видостанъ, составлявшій своею особою весь оркестръ. Онъ на этотъ разъ былъ нѣсколько почище умытъ и даже въ бѣломъ галстукѣ, но попрежнему въ дырявыхъ сапогахъ. Наконецъ Николай Силычъ и Гаврила Насосычъ вышли изъ-за передникъ подзоровъ и заняли свои мѣста. Симоновъ поднялъ занавѣсъ. Шишмаревъ, какъ и надо было ожидать, прошелъ прелестно. Павелъ тоже игралъ старательнѣйшимъ образомъ, такъ что у него въ груди даже дрожало—съ такимъ чувствомъ онъ выходилъ, говорилъ и пѣлъ.

Публика нѣсколько разъ хохотала надъ нимъ и хлопала ему, и больше всѣхъ Николай Силычъ. По окончаніи представленія, когда всѣ зрители поднялись и стали выходить, Николай Силычъ, съ другомъ своимъ Насосычемъ, снова отправился къ актерамъ въ уборную. Тамъ уже для нихъ была приготовлена на подносѣ извѣстная намъ бутылка водки и колбаса.

— Кто сей умный человѣкъ, изготовившій все сіе?—говорилъ Николай Силычъ, подводя своего друга прямо къ подносу.—Умный человѣкъ сей есть Плавинъ, а игралъ, братъ, все-таки и Грицка — скверно! — прибавилъ онъ, обращаясь къ нему.

На этотъ разъ Плавинъ вспыхнулъ даже отъ гнѣва.

— Чѣмъ же скверно?—спросилъ онъ глубоко обиженнымъ голосомъ.

— А тѣмъ, что какую-то дугу согнутую игралъ, а не человѣка!.. Вотъ панъ Прудіусъ,—продолжалъ Николай Силычъ, показывая на Павла: — тотъ за дѣло схватился, за психею взялся, и вышло у него хорошо: видно, что изнутри все шло!

— Я игралъ Грицка, какъ играютъ его и на театрѣ настоящемъ!—возразилъ Плавинъ.

— То-то ты и представлялъ тамъ какого-то Михайлова или Петрова, а ты бы лучше представилъ подленькаго и лукаваго человѣчишку. По гримерской и бутафорской части, братъ, ты, видно, сильнѣе!.. А ты поди сюда,—прибавилъ Николай Силычъ Павлу:—въ тебѣ есть лицедѣйская жилка: дай, я тебя поцѣлую въ макушку! — И онъ поцѣловалъ дѣйствительно Павла въ голову.

Почтенный наставникъ былъ уже замѣтно выпивши.

— Отлично играли, отлично! — повторялъ за другомъ и Гаврила Насосычъ, продолжавшій рюмку за рюмкой пить водку.

— А ты, принцъ Оранскій— франтъ канальскій!—обратился Николай Силычъ къ семиклассному гимназисту: — вези меня на лошадяхъ твоихъ домой.

— Съ великимъ удовольствіемъ!—отвѣчалъ тотъ.

— И возьмемъ мы съ собой горлинку нашу... Поди сюда, шишка!—сказалъ Николай Силычъ Шишмареву.

Тотъ подошелъ къ нему; онъ и его поцѣловалъ въ голову.

— Отлично пѣли, отлично! — не замедлилъ похвалить его также и Гаврила Насосычъ.

— Ты такъ пой всю жизнь, а ты такъ играй!—обратился Николай Силычъ сначала къ Шишмареву, а потомъ къ Павлу.—А ты,—прибавилъ онъ Плавину:—ступай, братъ, по гримерской части — она вѣдь и въ жизни и въ службѣ нужна бываетъ: гдѣ, знаешь, нутра-то не надо, а сверху только замазывай, — гдѣ сути-то нѣтъ, а есть только, какъ это у васъ по логикѣ Кизеветтера: форма, что ли? Но ты, сынъ Марса и Венеры!—продекламировалъ онъ къ семикласснику: — свершай твой путь съ помощью добрыхъ старушекъ. А что, тетенька любитъ тебя очень?

Молодой человѣкъ сконфузился.

— Любитъ!—проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Ну, ничего! Поѣдемте!

Шишмаревъ и семиклассникъ послѣдовали за Николаемъ Силычемъ. Что касается до Гаврилы Насосыча, то жена его, давно уже сѣвшая въ сани, нѣсколько разъ присылала за нимъ, и его едва-едва успѣли оторвать отъ любимой имъ водки.

Когда всѣ наконецъ разъѣхались, молодые друзья наши возвратились въ свою спальню, попрежнему усталые и загрязненные, но далеко не съ прежнимъ спокойнымъ и пріятнымъ чувствомъ. Плавинъ былъ даже мраченъ.

— Вы не вѣрьте Николаю Силычу, вы отлично играли! — вздумалъ-было утѣшать его Павелъ.

— Очень мнѣ нужно вѣрить ему или не вѣрить, — отвѣчалъ Плавинъ: — досадно только, что онъ напился какъ скотина! Мнѣ передъ Симоновымъ даже совѣстно! — прибавилъ онъ и повернулся къ стѣнѣ; но не за то ему было досадно на Николая Силыча!

XI.

Учитель.

Всѣ мы живемъ не годами, а днями. Постигаетъ насъ какое-нибудь событіе, — волнуетъ, потрясаетъ, направляетъ извѣстнымъ образомъ всю нашу послѣдующую жизнь. Съ

предыдущихъ главахъ моихъ я довольно подробно упомянулъ о заѣздѣ къ Есперу Иванычу и о сыгранномъ театрѣ именно потому, что это имѣло сильное нравственное вліяніе на моего маленькаго героя. Плавинъ съ нимъ ужъ больше не жилъ. Громадное самолюбіе этого юноши до того было уязвлено неудачею въ театрѣ, что онъ былъ почти не въ состояніи видѣть Павла, какъ соперника своего на драматическомъ поприщѣ; зато сей послѣдній, нельзя сказать, чтобы не сталъ въ себѣ воображать будущаго великаго актера. Оставшись жить одинъ, онъ нерѣдко по вечерамъ призывалъ къ себѣ Ваньку и чету Симоновыхъ и, надѣвъ халатъ и подпоясавшись кушакомъ, декламировалъ передъ ними изъ «Дмитрія Донского»:

„Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Пришедшіе на Донъ отыскивать свободы!“

Или восклицалъ изъ катенинскаго Корнеля, прямо уже обращаясь къ Симонову:

„Иди ко мнѣ, столбъ царства моего!“

Вообще дѣтскія игры онъ совершенно покинулъ и повелъ, какъ бы въ подражаніе Есперу Иванычу, скорѣе эстетическій образъ жизни. Онъ очень много читалъ (дядя обыкновенно присылалъ ему изъ Новоселокъ, какъ только случалась оказія, и романы, и журналы, и путешествія); часто ходилъ въ театръ, наконецъ задумалъ учиться музыкѣ. Желанію этому немало способствовало то, что на томъ же верху Александры Григорьевны оказались фортепьяны. Павелъ сталъ упрашивать Симонова позволить ему снести ихъ къ нему въ комнату.

— Чтобы генеральша чего какъ...—произнесъ тотъ обыкновенное свое возраженіе.

— Но вѣдь я не шалить ими и не портить ихъ буду, а еще поправлю ихъ,—толковалъ ему Павелъ.

— Это такъ, какія ужъ отъ васъ шалости,—говорилъ Симоновъ и потомъ, немного подумавъ, прибавилъ: — берите, ничего!

И самъ даже съ Ванькой стащилъ фортепьяны внизъ.

Павелъ сейчасъ же ихъ на свои скудныя средства поправилъ и настроилъ. Въ учителя онъ себѣ выбралъ, по случаю крайней дешевизны, того же Видостана, который, впрочемъ, могъ ему растолковать однѣ только ноты, а затѣмъ Павелъ ужъ самъ сталъ разучивать, какъ Богъ на разумъ послалъ, небольшія пьесски, и такимъ образомъ къ концу года онъ игралъ довольно бойко: у него даже нашелся обожатель его

музыки, одинъ изъ его товарищей, по фамиліи Живинъ, который прослушивалъ его иногда по цѣлымъ вечерамъ и совершенно искренно увѣрялъ, что такой игры на фортепьянахъ съ подобной экспрессіей онъ не слыхивалъ. Въ гимназіи Вихровъ тоже преуспѣвалъ немало: поступивъ въ пятый классъ, онъ долженъ былъ начать учиться математикѣ у Николая Силыча. Переходъ этотъ для всѣхъ гимназистовъ былъ тяжкимъ испытаніемъ. Дрозденко обыкновенно недѣли двѣ щупалъ новичковъ и затѣмъ, отдѣливъ овецъ отъ козлищъ, съ первыми занимался, а послѣднихъ или держалъ на колѣняхъ, или совсѣмъ выгонялъ изъ класса. Павелъ выдержалъ этотъ искусъ блистательно.

— Панъ Прудіусъ, къ доскѣ! — сказалъ Николай Силычъ довольно мрачнымъ голосомъ на первомъ же урокѣ.

Павелъ вышелъ.

— Пиши!

Павелъ написалъ.

— Въ чемъ тутъ дѣло?

Павелъ сказалъ, въ чемъ тутъ дѣло.

Николай Силычъ, въ знакъ согласія, мотнулъ головой.

— Что жъ изъ онаго выходитъ? — продолжалъ онъ допрашивать.

Павелъ подумалъ и сказалъ. Николай Силычъ, съ окончательно просвѣтлѣвшимъ лицомъ, мотнулъ ему еще разъ головой и велѣлъ садиться, и вслѣдъ затѣмъ самъ уже не сталъ толковать ученикамъ геометріи и вызывалъ для этого Вихрова.

— Ну, панъ Прудіусъ, иди къ доскѣ, — говорилъ онъ совсѣмъ ласковымъ голосомъ.

Павелъ выходилъ.

Николай Силычъ задавалъ ему какую-нибудь новую теорему.

— Объясняй и ходи своимъ умомъ, — продолжалъ онъ, а самъ слегка наводилъ на путь, которымъ слѣдовало итти.

Павелъ угадывалъ и объяснялъ теорему.

У Николая Силыча въ каждомъ почти классѣ было по одному такому, какъ онъ называлъ, толмачу его; они обыкновенно могли говорить съ нимъ что имъ было угодно, — признаваться ему прямо, чего они не знали, разговаривать, ѣсть въ классѣ, уходить безъ спросу; тогда какъ козлища, стоявшіе по угламъ и на колѣняхъ, пошевелиться не смѣли, чтобы не стяжать новаго и еще болѣе строгаго наказанія: онъ очень уважалъ умъ и ненавидѣлъ глупость и лѣность, коими, по его выраженію, преизбыточествуетъ народъ россійскій.

Одно новое обстоятельство еще болѣе сблизило Павла съ

Николаемъ Силычемъ. Тотъ былъ охотникъ ходить съ ружьемъ. Павелъ, какъ мы знаемъ, въ дѣтствѣ иногда бѣгивалъ за охотой. и какъ-то разъ, идя съ Николаемъ Силычемъ изъ гимназіи, сказалъ ему о томъ (они всегда почти изъ гимназіи ходили по одной дорогѣ, хотя Павлу это было и не по пути).

— Ну, такъ что же — заходи какъ-нибудь: пойдемъ вмѣстѣ,—сказалъ ему Николай Силычъ.

— Очень радъ, — отвѣчалъ Павелъ и на той же недѣлѣ вытребовалъ изъ деревни свое ружье и патронташъ.

Затѣмъ они каждый почти праздникъ стали отправляться: Николай Силычъ—въ болотныхъ сапогахъ, въ чекменѣ и въ черкесской шапкѣ, нарочно для охоты купленной, а Павелъ—въ своей безобразной гимназической шинели, подпоясанной кушакомъ, и въ Ванькиныхъ сапогахъ. Мѣста, куда они ходили, были подгородныя. слѣдовательно съ совершенно почти выстрѣлянною дичью, а потому кровавыхъ жертвъ охотники съ собой приносили немного, но зато разговоровъ между ними происходило большое количество.

Юный герой мой сначала и не понималъ хорошенько, зачѣмъ это Николай Силычъ все больше въ одну сторону склонялъ разговоръ.

— А что, ты слыхалъ,—говорилъ тотъ, какъ бы совершенно случайно и какъ бы болѣе осматривая окрестность: — почемъ нынѣ хлѣбъ покупаютъ?

— Нѣтъ, Николай Силычъ. у насъ вѣдь хлѣбъ не купленный; изъ деревни мнѣ привозятъ,—отвѣчалъ Павелъ.

Лицо Дрозденки осклабилось въ насмѣшливую улыбку и какъ бы свернулось нѣсколько набокъ.

— Да. я и забылъ, что ты панычъ! Крестьянской слезой питаешься!—проговорилъ онъ

Павелъ невольно потупился.

— По рублю на базарѣ теперь продаютъ за пудъ, — продолжалъ Николай Силычъ:—пять машинъ хотѣли-было пристать къ городу; по двадцати копеекъ за пудъ обѣщали продавать,—не позволили!

— Кто жъ могъ это не позволить?—спросилъ Павелъ.

— Начальство!—отвѣчалъ Николай Силычъ:—десять тысячъ здѣшніе торговцы дали за то губернатору и три тысячи полицеймейстеру.

Павелъ обмеръ отъ удивленія.

— Этакихъ людей,—говорилъ онъ съ свойственнымъ юношамъ увлеченіемъ:—стоитъ поставить передъ собой да и стрѣлять въ нихъ изъ этой винтовки.

— Попробуй! — сказалъ Николай Силычъ и, взглянувъ Павлу прямо въ лицо, захохоталъ.

— Попробую, когда нужно это будетъ! — произнесъ тотъ мрачно.

— Попробуй!— повторилъ Николай Силычъ: — тебя же сошлютъ на каторгу, а на мѣсто того вора пришлютъ другого, еще вористѣе: такая ужъ земляца наша: что дворъ—то воръ, что изба—то тяжба!

Николай Силычъ былъ заклятый хохолъ и въ душѣ ненавидѣлъ всѣхъ москалей вообще и всякое начальство въ особенности.

Результатомъ этого разговора было то, что, когда вскорѣ послѣ того губернаторъ и полицеймейстеръ проѣзжали мимо гимназіи, Павелъ подговорилъ товарищей, и всѣ они въ одинъ голосъ закричали въ открытое окно: «воры, воры!», такъ что тѣ даже обернулись, но словъ этихъ, конечно, на свой счетъ не приняли.

Другой разъ Николай Силычъ и Павелъ вышли за охотой въ табельный день въ самыя обѣдни: колокола гудѣли во всѣхъ церквахъ. Николай Силычъ только поежился и дѣлалъ свою искривленную, насмѣшливую улыбку.

— Что, отецъ Никита (отецъ Никита былъ законоучитель въ гимназіи), чай, васъ все учитъ: повинуйтесь властямъ предержащимъ!—заговорилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ съ улыбкой Павелъ:—онъ все больше насчетъ франтовства,—франтить не велитъ; у меня волоса курчавые, а онъ говоритъ, что я завиваюсь, и все пристаетъ, чтобы я остригся.

— Всегда, всегда наши попики вмѣстѣ съ нѣмецкими унтерами брили и стригли народъ,—произнесъ Николай Силычъ ядовитѣйшимъ тономъ.

— Про отца Никиту разсказываютъ, — началъ Вихровъ (онъ зналъ, что ничѣмъ не можетъ Николаю Силычу доставить такого удовольствія, какъ разными разсказами объ отцѣ Никитѣ): — разсказываютъ, что онъ однажды взялъ трехъ своихъ любимыхъ учениковъ — этого дурака Посолова, Персіянцева и Кригера,—и говоритъ имъ потихоньку: «пойдемте, говоритъ, на Семіоновскую гору; я преображусь!»

Николай Силычъ очень хорошо зналъ этотъ анекдотъ и даже самъ сочинилъ его, но сдѣлалъ видъ, что какъ будто бы въ первый разъ его слышитъ, и только самодовольно подтвердилъ:

— Да, да!

— Потомъ онъ съ тѣми же учениками, — продолжалъ Па-

велъ:—зашелъ нарочно въ трактиръ и вдругъ спрашиваетъ: «дайте мнѣ порцію акридъ и дивіева меду!»

— Такъ, такъ!—подтверждалъ Николай Силычъ, какъ бы очень заинтересованный, хотя и этотъ анекдотъ онъ тоже сочинилъ.

Дрозденко ненавидѣлъ и преслѣдовалъ законоучителя по преимуществу за притворство его,—за желаніе представить изъ себя какого-то аскета, тогда какъ на самомъ дѣлѣ было совсѣмъ не то!

Въ одинъ изъ послѣднихъ своихъ походовъ за охотой, Николай Силычъ и Павелъ зашли верстъ за пятнадцать, прошли потомъ огромнѣйшее болото и не убили ничего: наконецъ они сѣли на кочки. Николай Силычъ, отъ усталости и неудачи въ охотѣ, былъ еще болѣе обыкновеннаго въ озлобленномъ расположеніи духа.

— А что, скажи ты мнѣ, панъ Прудіусъ, — началъ онъ, обращаясь къ Павлу:—зачѣмъ у насъ господинъ директоръ гимназіи нашей существуетъ? Можетъ-быть, затѣмъ, чтобы руководить учителями, сообщать намъ методы, какъ васъ надо учить,—видалъ ты это?

— Нѣтъ, не видалъ! — отвѣчалъ въ насмѣшливомъ тонѣ Павелъ.

— Можетъ-быть, затѣмъ, — продолжалъ Николай Силычъ ровнымъ и безстрастнымъ голосомъ: — чтобы спрашивать васъ на экзаменахъ и такимъ манеромъ повѣрять ваши знанія,—видѣлъ это, можетъ?

— И того не видалъ, — отвѣчалъ Павелъ.

— Такъ зачѣмъ же онъ существуетъ? — спросилъ Николай Силычъ.

— Для высшаго надзора за порядкомъ, полагаю!—сказалъ Павелъ въ томъ же комическомъ тонѣ.

— Существуетъ онъ, — продолжалъ Николай Силычъ: — я полагаю, затѣмъ, чтобы красить полы и парты въ гимназіи. Вездѣ у добрыхъ людей красятъ краскою на маслѣ, а онъ на квасу выкрасилъ, — выдумай-ка кто-нибудь другой!.. Химикъ онъ, должно-быть, и технологъ. Долго ли у васъ краска на полу держалась?

— Не болѣе двухъ недѣль,—отвѣчалъ Павелъ, въ самомъ дѣлѣ припомнившій, что краска на полахъ очень скоро пропала. — Но зачѣмъ онъ ихъ на квасу красилъ, чтобы дешевле?..—прибавилъ онъ.

— Нѣтъ, надо полагать, чтобы не такъ тяжелъ запахъ былъ; запаху маслянаго его супруга, госпожа директорша, очень не любитъ,—отвѣчалъ Николай Силычъ и такъ лукаво

подмигнулъ, что истинный смыслъ его словъ нетрудно было угадать.

Всѣ эти толкованья сильно запали въ молодую душу моего героя, и одно только врожденное чувство приличія останавливало его, что онъ не дѣлалъ съ начальствомъ сценъ и ограничивался въ отношеніи его глухою и затаенною ненавистью. Впрочемъ, вышелъ новый случай, и Павелъ не удержался: у директора была дочь, очень милая дѣвушка, но она часто бѣгала по лѣстницѣ—изъ дома въ садъ и изъ сада въ домъ; на той же лѣстницѣ жилъ молодой надзиратель: любовь ихъ связала такъ, что ихъ надо было обвѣнчать; вслѣдъ же затѣмъ надзиратель былъ сдѣланъ сначала учителемъ словесности, а потомъ и инспекторомъ. По поводу этого Николай Силычъ, встрѣтивъ однажды Павла, спросилъ его:

А что, былъ ли ты на поклоненіи у новаго Потемкина?

— Какого?—спросилъ тотъ, сначала не понявъ.

У нашего господина инспектора-учителя, женскою милостью бѣ взысканъ!.. Человѣкъ нынѣ случайный... l'homme d'occasion...—проговорилъ Николай Силычъ, безбожно произнося по-французски.

— Нѣтъ-съ, не былъ, да и не пойду! — сказалъ Павелъ, а между тѣмъ слова «l'homme d'occasion» неизгладимыми чертами врѣзались въ его памяти.

Передъ экзаменомъ инспекторъ-учитель задалъ имъ сочиненіе на тему: «Великій человѣкъ». По словесности Вихровъ тоже былъ первый, потому что прекрасно зналъ риторику и логику, и кромѣ того сочинялъ прекрасно. Счастливая мысль мелькнула въ его головѣ: давно уже желая высказать то, что наболѣло у него на сердцѣ, онъ подошелъ къ учителю и спросилъ его: что, можно ли, вмѣсто заданной имъ темы, написать на тему: «Случайный человѣкъ»?

— Напишите!—отвѣчалъ тотъ, вовсе не понявъ его намѣренія.

Павелъ пришелъ и въ одну ночь накаталъ сочиненіе. О, какимъ огнемъ негодованія горѣлъ онъ при этомъ! Онъ писалъ: «Народы образованные болѣе всего цѣнятъ въ гражданахъ своихъ достоинства. Всѣ великіе люди Греціи были велики и по душевнымъ своимъ свойствамъ. У народовъ же необразованныхъ гораздо болѣе успѣваетъ лесть и низость; вотъ откуда происходитъ «случайный человѣкъ»! Онъ можетъ не имѣть никакихъ личныхъ достоинствъ и на высшую степень общественныхъ почестей возведется только слѣпымъ случаемъ! Торговецъ блинами становится корыстолюбивымъ государственнымъ мужемъ, лакей — графомъ, пѣвчій — знатной особой!»

Сочиненіе это произвело, какъ и надо ожидать, страшное дѣйствіе... Инспекторъ-учитель показалъ его директору: тотъ—женѣ; жена велѣла выгнать Павла изъ гимназіи. Директоръ, очень добрый въ сущности человѣкъ, поручилъ это исполнить зятю. Тотъ, собравъ совѣтъ учителей и блѣдный, съ дрожащими руками, прочелъ ареопагу злокачественное сочиненіе; учителя, которые были помоложе, потупили головы, а отецъ Никита произнесъ, хохоча себѣ подъ носъ:

— Сатирикъ!.. Какъ же, вѣдь всѣ они у насъ сатирики!

— Я полагаю, господа, выгнать его надо? — обратился инспекторъ-учитель къ совѣту.

— Это очень ужъ жестоко,—послышалось легкое бормотанье между учителями помоложе.

— Зачѣмъ ему учиться, вѣдь ужъ онъ сочинитель!..—подхватилъ, опять смѣясь, отецъ Никита.

Николай Силычъ, до сего времени молчавшій, при послѣдней фразѣ взглянулъ на священника, а потомъ, вставъ на ноги, обратился къ инспектору-учителю.

— А позвольте спросить, тему господина ученика вы сами одобрили?

— Да, я ему позволилъ ее,—отвѣчалъ тотъ.

— Такъ за что же и судить его? Тему вы сами одобрили, а выполнена она,—сколько вотъ я, прочтя сочиненіе, вижу, — прекрасно!

— Да-съ; но тутъ онъ указываетъ все на русскую исторію.

— А на какую же указывать ему? На турецкую развѣ? Такъ той онъ подробно не знаетъ. Тѣмъ болѣе, что онъ не только мысли, но даже обороты въ сочиненіи своемъ заимствовалъ у знаменитыхъ писателей, коихъ однако за то не наказывали и не судили.

— Мальчикъ и писатель—двѣ разныя вещи! — возразилъ инспекторъ-учитель.

— Разное-то тутъ не то,—возразилъ Николай Силычъ:— а то, что, можетъ, ложно поняли: не въ нашъ ли огородъ камушки швыряютъ?

— Что вы подъ этимъ разумѣете?—спросилъ инспекторъ-учитель, окончательно поблѣднѣвъ.

— А то, что если господина Вихрова выгонятъ, то я объявляю всѣмъ, вотъ здѣсь сидящимъ, что я по дѣлу сему господину попечителю московскаго учебнаго округа сдѣлаю доносъ,—произнесъ Николай Силычъ и внушительно опустился на свой стулъ.

Инспекторъ-учитель отвернулся отъ него и обратился къ другимъ учителямъ:

— Вы какъ думаете, господа?

— Лучше оставить,— произнесло нѣсколько голосовъ.

— Извольте въ такомъ случаѣ!—сказалъ инспекторъ-учитель и поспѣшилъ уйти.

Отецъ Никита только развелъ руками. Онъ всегда возмущался вольнодумствомъ Николая Силыча.

Павелъ все это время стоялъ блѣдный у дверей залы: онъ всего болѣе боялся, что если его выгонять, такъ это очень огорчитъ старика-отца.

— Что же?—спросилъ онъ, усиливаясь улыбнуться, вышедшаго изъ совѣта Николая Силыча.

— Проѣхало мимо, оставили,—отвѣчалъ тотъ.

Павелъ вздохнулъ свободнѣй.

— Очень радъ,— проговорилъ онъ:—а то я этому господину (Павелъ разумѣлъ инспектора-учителя) хотѣлъ дать пощечину, послѣ чего ему, я полагаю, неловко было бы оставаться на службѣ.

Николай Силычъ только съ удовольствіемъ взглянулъ на юношу и прошелъ.

По блѣднымъ губамъ и по замершей (какъ бы окостенѣвшей на дверной скобкѣ) рукѣ Вихрова можно было заключить, что врядъ ли онъ въ этомъ случаѣ говорилъ фразу.

— Оставили, господа! —сказалъ онъ товарищамъ, возвратясь въ классъ.

— Ура, ура!—прокричали тѣ въ одинъ голосъ.

— Ну, теперь я и другими господами займусь! — сказалъ Павелъ съ мрачнымъ выраженіемъ въ лицѣ, и дѣйствительно бы занялся, если бы новый нравственный элементъ не поглотилъ всей души его.

XII.

Кузина.

Павелъ перешелъ въ седьмой классъ и сталъ совсѣмъ почти молодымъ человѣкомъ: глаза его приняли юношескій блескъ, курчавые волосы красиво падали назадъ, на губахъ виднѣлись маленькіе усики. Въ одинъ день, когда онъ возвратился изъ гимназіи, Ванька встрѣтилъ его, какъ-то еще глупѣе обыкновеннаго улыбаясь.

— Дяденька вашъ, Есперъ Иванычъ, пріѣхали-съ,—сказалъ онъ, не переставая усмѣхаться.

— Ну вотъ и отлично,—проговорилъ Павелъ тоже обрадованнымъ голосомъ.

— Они нездоровы оченно!—продолжалъ Ванька.

— Какъ, нездоровъ и пріѣхалъ?—спросилъ съ удивленіемъ Павелъ.

— Ихъ привезли-съ лѣчить къ лѣкарямъ... Барышня къ нимъ изъ Москвы тоже пріѣхала.

— Воспитанница, что ли?

— Да-съ!.. Анна Гавриловна присылала кучера: «скажите, говоритъ, чтобы барчикъ вашъ побывалъ у насъ; дяденька, говоритъ, нездоровъ и желаетъ его видѣть».

— Я сейчасъ же пойду!—сказалъ Павелъ, очень встревоженный этимъ извѣстіемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, по какому-то необъяснимому для него самого предчувствію, одѣлся въ свой новый вицмундиръ, въ танцовальные выворотные сапоги и въ сѣрыя, наподобіе кавалерійскихъ, брюки; напомадился, причесался и отправился.

У Еспера Иваныча въ городѣ былъ свой домъ, для котораго тотъ же талантливый маэстро изготовилъ ему планъ и фасадъ; лѣтъ уже пятнадцать домъ былъ срубленъ, покрытъ крышей, рамы въ немъ были вставлены, но—увы!—дальше этого не шло: внутри въ немъ были отдѣланы только три-четыре комнаты для пріѣзда Еспера Иваныча, а въ остальныхъ полъ даже не былъ настланъ. Домъ стоялъ на красивѣйшемъ мѣстѣ, при сліяніи двухъ рѣкъ, и имѣлъ около себя не то садъ, не то огородъ, а скорѣй какой-то пустырь, самымъ гнуснымъ и безсмысленнымъ образомъ заросшій чертополохомъ, крапивою, репейникомъ и даже хрѣномъ. Павелъ, по очень знакомой ему лѣсенкѣ, вошелъ въ переднюю. Первая его встрѣтила Анна Гавриловна съ распухнувшими отъ слезъ глазами и, сверхъ обыкновенія, совершенно небрежно одѣтая.

— Что дяденька?—спросилъ Павелъ.

— Започивалъ! — почти шопотомъ отвѣчала Анна Гавриловна.

— Что такое съ нимъ?

— Ударъ: ручка и ножка отнялись,— отвѣчала Анна Гавриловна.

— Господи Боже мой!—произнесъ Павелъ.

У Анны Гавриловны всѣ мускулы въ лицѣ подергивало.

— Марья Николаевна наша пріѣхала! — проговорила она нѣсколько повеселѣвшимъ тономъ.

— Слышалъ я,—отвѣчалъ Павелъ, потупляясь; онъ очень хорошо зналъ, кто такая была Марья Николаевна.

— Поди-ка, какая модница стала. Княгиня, видно, на ученье ничего не пожалѣла, совсѣмъ барышней сдѣлала,— говорила Анна Гавриловна.— Она сейчасъ выйдетъ къ вамъ,

прибавила она и ушла: ее сжигало нетерпѣніе показать Павлу поскорѣе дочь.

Тотъ, оставшись одинъ, вошелъ въ слѣдующую комнату и почему-то опять поприфрантился передъ зеркаломъ. Затѣмъ, услышавъ шелестъ женскаго шелковаго платья, онъ обернулся: вошла, сопровождаемая Анной Гавриловной, бѣлокурая, чрезвычайно миловидная дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, съ нѣжнымъ цвѣтомъ лица, съ темно-голубыми глазами, которые она постоянно держала нѣсколько прищуренными.

— Вотъ, посмотрите, какая! — проговорила, не утерпѣвъ, Анна Гавриловна.—Это племянникъ Еспера Иваныча, — прибавила она дѣвушкѣ, показывая на Павла.

Та мило улыбнулась ему и поклонилась. Павелъ тоже расшаркался передъ нею.

Они сѣли.

— Вы еще въ гимназіи учитесь? — спросила его дѣвушка.

— Въ гимназіи!.. Я, впрочемъ, скоро долженъ кончить курсъ,—отвѣчалъ скороговоркой Павелъ и при этомъ какъ-то совершенно искривленнымъ образомъ закинулъ ногу на ногу и безбожно сжималъ въ рукахъ фуражку.

— А потомъ куда?—спросила дѣвушка.

— Потомъ ненадолго въ Демидовское, а тамъ и въ военную службу, и въ свиту.

Павелъ, не говоря, разумѣется, отцу, самъ съ собой давно уже рѣшилъ поступить непремѣнно въ военную.

— Почему же въ Демидовское, а не въ университетъ?.. Демидовцевъ я совсѣмъ не знаю, но между университетскими студентами очень много есть прекрасныхъ и умныхъ молодыхъ людей,—проговорила дѣвушка какимъ-то солиднымъ тономъ.

— Конечно,—подтвердилъ Павелъ: — всего вѣроятнѣе, и я поступлю въ университетъ,—прибавилъ онъ и тутъ же принялъ твердое намѣреніе поступить не въ Демидовское, а въ университетъ. Марья Николаевна произвела на него странное дѣйствіе. Онъ въ ней первой увидѣлъ, или, лучше сказать, въ первой въ ней почувствовалъ женщину: онъ увидѣлъ ея бѣлыя руки, ея пышную грудь, прелестныя ушки, и съ какимъ бы восторгомъ онъ все это расцѣловалъ! Фуражку свою онъ еще больше, и самымъ безпощаднымъ образомъ, мялъ. Анна Гавриловна, ушедшая въ комнату Еспера Иваныча, возвратилась оттуда.

— Дяденька васъ проситъ къ себѣ, — сказала она Павлу.

Тотъ пошелъ. Есперъ Иванычъ сидѣлъ въ креслахъ около своей кровати: вмѣсто прежняго краснваго и представительнаго мужчины, это былъ какой-то совершенно уже опусти-

вшійся старикъ, съ небритой бородой, съ протянутой ногой и съ висѣвшей рукой. Лицо у него тоже было скошено немного набокъ.

— Видишь, какой я сталъ!—проговорилъ Есперъ Иванычъ съ грустною усмѣшкою.

— Ничего, дяденька, поправитесь, —успокоивалъ его Павелъ, цѣлуя у дяди руку, между тѣмъ какъ у самого глаза наполнились слезами.

Мари тоже вошла и сѣла на одно изъ креселъ.

— Познакомь ихъ!—сказалъ Есперъ Иванычъ Аннѣ Гавриловнѣ, показывая пальцемъ на дочь и на Павла.

— Они уже познакомились,—отвѣчала Анна Гавриловна.

— Скажи, чтобы они полюбили другъ друга,—проговорилъ Есперъ Иванычъ и самъ заплакалъ.

Павелъ былъ почти не въ состояніи видѣть этого нѣкогда мощнаго человѣка, пришедшаго въ такое положеніе.

— Онъ... малый... умный,—говорилъ Есперъ Иванычъ, нѣсколько успокоившись и показывая Мари на Павла: — а она тоже у насъ дѣвица умная, ученая,—прибавилъ онъ, показавъ Павлу на дочь, который, въ свою очередь, съ восторгомъ взглянулъ на дѣвушку.

— Когда вотъ дяденькѣ-то бываетъ получше немножко,— вмѣшалась въ разговоръ Анна Гавриловна, обращаясь къ Павлу:—такъ такіе начнутъ они разговоры между собой вести: все какіе-то одѣялы, да твердотеты-факультеты, что я ничего и не понимаю.

Есперъ Иванычъ разсмѣялся: дѣвушка взглянула на мать: Павелъ продолжалъ на нее смотрѣть съ восторгомъ.

О, сколько любви неслось въ эти минуты къ Марьѣ Николаевнѣ отъ этихъ трехъ человѣкъ!

Есперъ Иванычъ продолжалъ сидѣть и неумно улыбаться.

— Какъ же я васъ буду звать? — отнеслась Марья Николаевна къ Павлу нѣсколько такимъ тономъ, какимъ обыкновенно относятся взрослыя дѣвушки къ мальчикамъ еще.

— Какъ вамъ угодно,—отвѣчалъ тотъ.

— Я васъ буду звать кузеномъ,—продолжала она.

— Въ такомъ случаѣ позвольте и мнѣ называть васъ кузиной!—возразилъ ей на это Павелъ.

— Непремѣнно кузиной! — подхватила Марья Николаевна.

— Слышите, батюшка! — отнеслась Анна Гавриловна къ Есперу Иванычу:—она его карзиномъ, а онъ ее карзиной будутъ называть.

— Карзиной! — повторилъ Есперъ Иванычъ и засмѣялся уже окончательно.

Вотъ что забавляло теперь этого человѣка. Анна Гавриловна очень хорошо это понимала, и хоть у ней кровью сердце обливалось, но она все-таки продолжала его забавлять подобнымъ образомъ. Мари, все время, видимо, кого-то поджидавшая, вдругъ какъ бы вся превратилась въ слухъ. На дворѣ послышался легкій стукъ экипажа.

— Это Клеопатра, должно-быть, — проговорила она и проворно вышла.

— Кто?—спросилъ Есперъ Иванычъ.

— Клеопатра Петровна, надо-быть, — отвѣчала Анна Гавриловна.

— Кто это такая?—спросилъ ее негромко Павелъ.

— Да какъ, батюшка, доложить? — начала Анна Гавриловна:—про господина Фатѣева, сосѣда нашего и сродственника еще нашему барину, слыхали, можетъ-быть!.. Женился, сударь мой, онъ въ Москвѣ лѣтъ ужъ пять тому назадъ; супруга-то его вышла какъ-то нашей барышнѣ пріятельницей... Жили все они до нынѣшняго года въ Москвѣ, ну и прожились тоже, видно; съѣхали сюда... Княгиня-то и отпустила съ ними нашу Марью Николаевну, а то хоть бы и ѣхать-то ей не съ кѣмъ: съ одной горничной княгиня ее отпустить не желала, а сама ее везти не можетъ, — по Москвѣ, говорятъ, въ каретѣ проѣдетъ, дурно дѣлается, а по здѣшнимъ дорогамъ и жива бы не доѣхала...

— Она одна или съ мужемъ?—перебилъ Есперъ Иванычъ Анну Гавриловну, показывая рукою на сосѣднюю комнату.

— Одна-съ,—отвѣчала та, прислушавшись немного.—Вотъ, батюшка,—прибавила она Павлу:—барыня-то эта чужая намъ, а и въ деревню къ намъ пріѣзжала, и сюда сейчасъ пріѣхала, а муженекъ хоть и сродственникъ, а до сихъ поръ не бывалъ.

— Дуракъ онъ... — произнесъ Есперъ Иванычъ: — армейщина... кавалерія... только и умѣетъ усы крутить да выпивать,— только и есть!

— Ужъ именно—балда пустая, хоть и господинъ!..—подхватила Анна Гавриловна:—не такого бы этакой барынѣ мужа надо... Она славная!..

— Она умная! — перебилъ съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ Есперъ Иванычъ, и на его обрюзгломъ лицѣ какъ бы на мгновеніе появилось прежнее присутствіе мысли.

Вошла Мари и вслѣдъ за ней—ея подруга: это была молодая, высокая дама, совершенная брюнетка и съ лицомъ, какъ бы подернутымъ печалью.

— Здравствуйте, Есперъ Иванычъ!—сказала она, подходя съ почтеніемъ къ больному.

— Здравствуйте!—отвѣчалъ ей тотъ, привѣтливо кивая головой.

М-me Фатѣева сѣла невдалекѣ отъ него.

— Вотъ это хорошо, что вы изъ деревни сюда переѣхали—ближе къ доктору, — здѣсь вы гораздо скорѣе выздоровѣете.

— Да, можетъ-быть,—отвѣчалъ Есперъ Иванычъ, разводя въ какомъ-то раздумьѣ руками.—А вы какъ ваше время проводите?—прибавилъ онъ съ возвратившеюся къ нему на минуту любезностью.

— Ужасно скучаю, Есперъ Иванычъ; только и отдохнула душой немного, когда была у васъ въ деревнѣ, а тутъ Богъ знаетъ какъ живу!..—При этихъ словахъ у m-me Фатѣевой какъ будто бы даже навернулись слезы на глазахъ.

— Что дѣлать! Вамъ тяжкій крестъ Богомъ назначенъ!—проговорилъ Есперъ Иванычъ, и у него тоже появились на глазахъ слезы.

Анна Гавриловна замѣтила это и тотчасъ же поспѣшила чѣмъ-нибудь поразвеселить его.

— Полноте вы все печальное разговаривать!.. Разскажите-ка лучше, судырь, какъ вонъ васъ Кубанцевъ почитаетъ,—прибавила она Есперу Иванычу.

Онъ усмѣхнулся.

— Ну, разскажи!—проговорилъ онъ.

— Кубанцевъ—это приказный,— начала Анна Гавриловна какъ бы совершенно веселымъ тономъ:—рядомъ съ нами живетъ и всякій разъ, какъ баринъ пріѣдетъ сюда, является съ поздравленіемъ. Есперъ Иванычъ когда ему полтинникъ, когда цѣлковый дастъ; и теперешній разъ пришелъ-было; я сюда его не пустила, выслала ему рубль и велѣла итти домой; а онъ замѣсто того—прямо въ кабакъ... напился тамъ, идетъ домой, во все горло деретъ пѣсни; только, какъ подошелъ къ нашему дому, и говоритъ самъ себѣ: «Кубанцевъ, цыцъ, не смѣй пѣть; тутъ твой благодѣтель живетъ и хворастъ!..» Потомъ еще пуще того заоралъ пѣсни и опять закричалъ на себя: «Цыцъ, Кубанцевъ, не смѣй благодѣтеля обезпокоить!..» Усмирильщикъ какой—самого себя!

Всѣ улыбнулись. И Есперъ Иванычъ сначала тоже, слегка только усмѣхнувшись, повторилъ:—«усмирильщикъ... себя!», а потомъ началъ смѣяться больше и больше и наконецъ зарыдалъ.

— Ой, какой вы сегодня нехорошій!.. Вотъ я у васъ сейчасъ всѣхъ гостей уведу!.. Ступайте-ка, ступайте отъ капризника этого,—проговорила Анна Гавриловна.

Мари, Фатѣева и Павелъ встали.

— Да, ступайте,—произнесъ имъ и Еспиръ Иванычъ.

Они вышли въ другую комнату.

Какъ ни поразилъ Павла видъ Еспера Иваныча, но Мари заставила его забыть все, и ея слегка приподнимающаяся грудь такъ и представлялась ему безпрестанно.

Дамы сѣли; онъ тоже сѣлъ, но только нѣсколько поодаль ихъ. Онѣ начали разговаривать между собой.

— Я къ тебѣ поутру еще послала записку,—начала Мари.

— Я бы сейчасъ и пріѣхала, — отвѣчала Фатѣева (голосъ ея былъ тихъ и печаленъ):—но мужа не было дома; надобно было подождать и его и экипажъ; онъ пріѣхалъ, я и поѣхала.

— А въ какомъ онъ расположеніи духа теперь? — спросила Мари.

— По обыкновенію.

— Это нехорошо.

— Очень!—подтвердила Фатѣева и вздохнула.—Получаешь ты письма изъ Москвы?—спросила она, какъ бы затѣмъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— О, maman мнѣ пишетъ каждую недѣлю,—отвѣчала Мари.

— А изъ Коломны пишутъ?—спросила Фатѣева, и на печальномъ лицѣ ея отразилась какъ бы легкая улыбка.

— Пишутъ,—отвѣчала Мари съ вспыхнувшимъ взоромъ.

Павла точно кинжаломъ ударило въ сердце. Къ чему этотъ безличный вопросъ и безличный отвѣтъ? Онъ, кромѣ ужъ любви, началъ чувствовать и мученія ревности.

Вошла Анна Гавриловна.

— Ну, гости дорогіе, пожалуйте-ка въ садъ! Нашъ младенчикъ, можетъ-быть, заснетъ, — сказала она:—въ комнату бы вамъ къ Марьѣ Николаевнѣ, но тамъ ничего не прибрано.

— У меня хаосъ еще совершенный,—подтвердила и та.

— Въ саду очень хорошо,—произнесла своимъ тихимъ голосомъ Фатѣева.

— Угодно вамъ, mon cousin, итти съ нами? — обратилась Мари съ полуулыбкой къ Павлу.

— Если позволите!—отвѣчалъ тотъ, явно тонируя.

Всѣ пошли.

Въ саду Фатѣева и Мари, взявшись подъ руку, принялись ходить по высокой травѣ, вовсе не замѣчая, что платья ихъ безпрестанно зацѣпляются за высокій чертополохъ и украшаются репейниковыми шишками. Между ними, видимо, начался интересный для обѣихъ разговоръ. Павелъ, по необходимости, усѣлся на довольно отдаленной дерновой скамейкѣ; тихая печаль начала снѣдать его душу. «Она даже и не замѣчаетъ меня!»—думалъ онъ и невольно прислушивался хоть

— Здравствуйте!—отвѣчалъ ей тотъ, привѣтливо кивая головой.

М-me Фатѣева сѣла невдалекѣ отъ него.

— Вотъ это хорошо, что вы изъ деревни сюда переѣхали—ближе къ доктору, — здѣсь вы гораздо скорѣе выздоровѣете.

— Да, можетъ-быть,—отвѣчалъ Есперъ Иванычъ, разводя въ какомъ-то раздумьѣ руками.—А вы какъ ваше время проводите?—прибавилъ онъ съ возвратившеюся къ нему на минуту любезностью.

— Ужасно скучаю, Есперъ Иванычъ; только и отдохнула душой немного, когда была у васъ въ деревнѣ, а тутъ Богъ знаетъ какъ живу!..—При этихъ словахъ у m-me Фатѣевой какъ будто бы даже навернулись слезы на глазахъ.

— Что дѣлать! Вамъ тяжкій крестъ Богомъ назначенъ!—проговорилъ Есперъ Иванычъ, и у него тоже появились на глазахъ слезы.

Анна Гавриловна замѣтила это и тотчасъ же поспѣшила чѣмъ-нибудь поразвеселить его.

— Полноте вы все печальное разговаривать!.. Разскажите-ка лучше, судырь, какъ вонъ васъ Кубанцевъ почитаетъ,—прибавила она Есперу Иванычу.

Онъ усмѣхнулся.

— Ну, разскажи!—проговорилъ онъ.

— Кубанцевъ—это приказный,— начала Анна Гавриловна какъ бы совершенно веселымъ тономъ:—рядомъ съ нами живетъ и всякій разъ, какъ баринъ пріѣдетъ сюда, является съ поздравленіемъ. Есперъ Иванычъ когда ему полтинникъ, когда цѣлковый дастъ; и теперешній разъ пришелъ-было; я сюда его не пустила, выслала ему рубль и велѣла итти домой; а онъ замѣсто того прямо въ кабакъ... напился тамъ, идетъ домой, во все горло деретъ пѣсни; только, какъ подошелъ къ нашему дому, и говоритъ самъ себѣ: «Кубанцевъ, цыцъ, не смѣй пѣть; тутъ твой благодѣтель живетъ и хворастъ!..» Потомъ еще пуще того заоралъ пѣсни и опять закричалъ на себя: «Цыцъ, Кубанцевъ, не смѣй благодѣтеля обезпокоить!..» Усмирильщикъ какой—самого себя!

Всѣ улыбнулись. И Есперъ Иванычъ сначала тоже, слегка только усмѣхнувшись, повторилъ:—«усмирильщикъ... себя!», а потомъ началъ смѣяться больше и больше и наконецъ зарыдалъ.

— Ой, какой вы сегодня нехорошій!.. Вотъ я у васъ сейчасъ всѣхъ гостей уведу!.. Ступайте-ка, ступайте отъ капризника этого,—проговорила Анна Гавриловна.

Мари, Фатѣева и Павелъ встали.

— Да, ступайте,—произнесъ имъ и Еспиръ Иванычъ.

Они вышли въ другую комнату.

Какъ ни поразилъ Павла видъ Еспера Иваныча, но Мари заставила его забыть все, и ея слегка приподнимающаяся грудь такъ и представлялась ему безпрестанно.

Дамы сѣли; онъ тоже сѣлъ, но только нѣсколько поодаль ихъ. Онѣ начали разговаривать между собой.

— Я къ тебѣ поутру еще послала записку,—начала Мари.

— Я бы сейчасъ и пріѣхала, — отвѣчала Фатѣева (голосъ ея былъ тихъ и печаленъ):—но мужа не было дома; надобно было подождать и его и экипажъ; онъ пріѣхалъ, я и поѣхала.

— А въ какомъ онъ расположеніи духа теперь? — спросила Мари.

— По обыкновенію.

— Это нехорошо.

— Очень!—подтвердила Фатѣева и вздохнула.—Получаешь ты письма изъ Москвы?—спросила она, какъ бы затѣмъ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— О, maman мнѣ пишетъ каждую недѣлю,—отвѣчала Мари.

— А изъ Коломны пишутъ?—спросила Фатѣева, и на печальномъ лицѣ ея отразилась какъ бы легкая улыбка.

— Пишутъ,—отвѣчала Мари съ вспыхнувшимъ взоромъ.

Павла точно кинжаломъ ударило въ сердце. Къ чему этотъ безличный вопросъ и безличный отвѣтъ? Онъ, кромѣ ужъ любви, началъ чувствовать и мученія ревности.

Вошла Анна Гавриловна.

— Ну, гости дорогіе, пожалуйте-ка въ садъ! Нашъ младенчикъ, можетъ-быть, заснетъ, — сказала она: — въ комнату бы вамъ къ Марьѣ Николаевнѣ, но тамъ ничего не прибрано.

— У меня хаосъ еще совершенный,—подтвердила и та.

— Въ саду очень хорошо,—произнесла своимъ тихимъ голосомъ Фатѣева.

— Угодно вамъ, mon cousin, итти съ нами? — обратилась Мари съ полуулыбкой къ Павлу.

— Если позволите!—отвѣчалъ тотъ, явно тонируя.

Всѣ пошли.

Въ саду Фатѣева и Мари, взявшись подъ руку, принялись ходить по высокой травѣ, вовсе не замѣчая, что платья ихъ безпрестанно зацѣпляются за высокій чертополохъ и украшаются репейниковыми шишками. Между ними, видимо, начался интересный для обѣихъ разговоръ. Павелъ, по необходимости, усѣлся на довольно отдаленной дерновой скамейкѣ; тихая печаль начала снѣдать его душу. «Она даже и не замѣчаетъ меня!»—думалъ онъ и невольно прислушивался хоть

и къ тихимъ, но долетавшимъ до него словамъ обѣихъ дамъ. М-me Фатѣева говорила:—«Это такой человѣкъ, что сегодня раскается, а завтра опять сдѣлаетъ то же!» Сначала Мари только слушала ее; но потомъ и сама начала говорить... Изъ ея словъ Павелъ услышалъ:—«Когда можно будетъ сдѣлаться, тогда и сдѣлается, а сказать теперь о томъ не могу!» Словомъ, видно было, что у Мари и у Фатѣевой былъ цѣлый міръ своихъ тайнъ, въ который онѣ не хотѣли его пускать.

Дамы наконецъ находились, наговорились и подошли къ нему.

— Pardon, cousin,—сказала ему Мари, но такимъ холодновѣжливымъ тономъ, какимъ обыкновенно всѣ въ мірѣ хозяйки говорятъ всѣмъ въ мірѣ гостямъ.

Павелъ не нашелся даже, что̀ и отвѣтить ей.

— О чемъ это вы мечтали?—спросила его гораздо болѣе ласковымъ образомъ m-me Фатѣева.

Павелъ тутъ только замѣтилъ, что у нея были превосходные, черные, жгучіе глаза.

— Женщины воображаютъ, что если мужчина молчитъ, такъ онъ непремѣнно мечтаетъ!—отвѣчалъ онъ ей насмѣшливо, а потомъ, обратившись къ Мари, прибавилъ самымъ развязнымъ тономъ:—Adieu, кузина!

— Уже?..—проговорила она:—вы, смотрите же, ходите къ намъ чаще!

— Я готовъ хоть каждый день: я такъ люблю дядю!—отвѣчалъ Павелъ слегка дрожащимъ голосомъ.

— Каждый день ходите, пожалуйста,—повторила Мари, и Павлу показалось, что она съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ взглянула на него.

М-me Фатѣевой онъ поклонился сухо: ему казалось, что она очень много отвлекла отъ него вниманіе Мари. Когда онъ пошелъ домой, теплая августовская ночь и быстрая ходьба взволновали его еще болѣе; и врядъ ли я даже найду красокъ въ моемъ воображеніи, чтобы описать то, чѣмъ представлялась ему Мари. Она ему являлась ангеломъ, эоиромъ, плотью, жгучею кровью; онъ хотѣлъ, чтобы она дѣлилась съ нимъ душою,—хотѣлъ наслаждаться съ ней тѣломъ. Когда онъ возвратился, то его встрѣтила, вмѣсто Ваньки, жена Симонова. Ванька въ послѣднее время тоже завелъ сердечную привязанность въ особѣ кухарки, на которой обѣщался даже жениться, безпрестанно бѣгалъ къ ней, и жена Симонова (женщины всегда бываютъ очень сострадательны къ подобнымъ слабостямъ!) съ величайшей готовностью исполняла его должность.

— Ну, Аксинья,—сказалъ ей Павелъ:—я какую ба-

рышню встрѣтилъ, кузину свою, просто влюбился въ нее по уши!

— Да развѣ ужъ вы знаете это? — спросила его та съ улыбкой.

— Знаю, все знаю! — воскликнулъ Павелъ и закрылъ лицо руками.

XIII.

Кошки и мышенокъ.

Мари, Вихровъ и m-me Фатѣева въ самомъ дѣлѣ начали видаться почти каждый день, и между ними мало-по-малу стало образоваться самое тѣсное и дружественное знакомство. Павелъ обыкновенно приходилъ къ Имплевымъ часу въ восьмомъ; около этого же времени всегда пріѣзжала и m-me Фатѣева. Сначала всѣ сидѣли въ комнатѣ Есперa Иваныча и пили чай, а потомъ онъ вскорѣ послѣ того кивалъ имъ привѣтливо головой и говорилъ:

— Ну, ступайте; я ужъ усталъ и улягусь!

Всѣ переходили по недодѣланному полу въ комнату Мари, которая оказалась очень хорошенькой комнатой, довольно большою, съ итальянскимъ окномъ, выходившимъ на стокъ двухъ рѣкъ; изъ него по обѣ стороны виднѣлись и суда, и мачты, и паруса, и плашкоутный мостъ, и наконецъ противоположный берегъ, на склонѣ котораго размѣщался монастырь, окаймленный оградою съ стоявшими при ней угловыми башнями, крытыми черепицею; далѣе за оградой кельи и службы, тоже крытыя черепицей, и среди нихъ церкви и колокольни съ серебряными главами и крестами. Нѣтъ сомнѣнія, что ландшафтъ этотъ принадлежалъ къ самымъ обыкновеннымъ рѣчнымъ русскимъ видамъ, но тѣмъ не менѣе Павлу, по настоящимъ его чувствованіямъ, онъ показался райскимъ. Стѣны комнаты были оклеены только-что тогда начинавшими входить въ употребленіе пунцовыми, суконными обоями; полъ ея былъ покрытъ мягкимъ пушистымъ ковромъ; привезены были изъ Новоселокъ фортепьяны, этажерки для нотъ и двѣ-три хорошія картины. Все это придумала и устроила для дочери Анна Гавриловна. Бѣдный Есперъ Иванычъ и того ужъ не могъ сообразить; пріѣзжай къ нему Мари, когда онъ еще былъ здоровъ, онъ помѣстилъ бы ее какъ птичку райскую, а теперь Анна Гавриловна, когда уже сама сдѣлаетъ что-нибудь, тогда привезетъ его въ креслахъ показать ему.

— Да, хорошо, хорошо!—скажетъ онъ только.

Мари очень любила вышивать шерстями по канвѣ. Павелъ не могъ довольно налюбоваться на нее, когда она сидѣла у окна, съ наклоненною головой, передъ пяльцами. Бѣлокурые волосы ея при этомъ отливали пріятнымъ матовымъ свѣтомъ, бѣлыя руки ходили по канвѣ, а на переплетѣ пялецъ выставлялся носокъ ея щеголеватаго башмака. Мари была далеко не красавица, но необыкновенно миловидна: умъ и нравственная прелесть Еспера Иваныча ясно проглядывали въ выраженіи ея молодого лица, одушевленнаго еще сверхъ того и образованіемъ, которое, чтобы угодить своему другу, такъ старалась ей дать княгиня. М-me Фатѣева, сидѣвшая, по обыкновенію, тутъ же, глубоко-глубоко спрятавшись въ кресла, часто и подолгу смотрѣла на Павла, какъ онъ вертѣлся и финтилъ передъ совершенно спокойно державшею себя Мари.

Однажды онъ, въ волненіи чувствъ, сѣлъ за фортепьяны и взялъ нѣсколько аккордовъ.

— Ты играешь?—спросила его Мари, уставивъ на него съ нѣкоторымъ удивленіемъ свои голубые глаза.

— Играю, — отвѣчалъ Павелъ и началъ наигрывать знакомыя ему пьесы съ чувствомъ, какое только было у него въ душѣ.

Мари слушала.

— Ты очень мило играешь,—сказала она, подходя и опираясь у него за стуломъ.

Павелъ обернулся къ ней; лица ихъ встрѣтились такъ близко, что Павелъ даже почувствовалъ ея дыханіе.

— Но ты совсѣмъ музыки не знаешь: играешь совершенно безъ всякихъ правилъ,—проговорила Мари.

— Зачѣмъ тутъ правила!..—воскликнулъ Павелъ.

— Затѣмъ, что у тебя выходитъ совсѣмъ не то, что слѣдуетъ по нотамъ.

Павелъ сдѣлалъ не совсѣмъ довольную мину.

— Ну, такъ учите меня!—сказалъ онъ.

— А ты будешь ли слушаться? — спросила Мари съ улыбкою.

— Васъ-то?.. Господи, я скорѣй Бога не послушаюсь, чѣмъ васъ!—проговорилъ Павелъ.

Мари при этомъ немного покраснѣла.

— Ну, вотъ давай: я тебя стану учить; будемъ играть въ четыре руки!—сказала она и, вмѣстѣ съ тѣмъ, близко-близко сѣла около Павла.

Онъ готовъ былъ бы въ эти минуты всю остальную жизнь отдать, чтобы только имѣть право обнять и расцѣловать ее.

— Ну, начинай!—продолжала Мари.

Павелъ началъ, но отъ волненія, а также и отъ неумѣнья, безбожно ошибался.

— Это нельзя!—сказала Мари, останавливая свою игру:—ты ужасно что̀ такое играешь!

— Вы никогда не будете въ четыре руки играть вѣрно!—вмѣшалась въ разговоръ Фатѣева.

— Отчего же?—спросила, обертываясь къ ней, Мари.

— Оттого, что твой кавалеръ очень пылко играетъ, а ты очень холодно.

Въ тонѣ голоса m-me Фатѣевой слышалось что-то особенное.

— А вы, chère amie, сегодня очень злы!—сказала ей Мари и сама при этомъ покраснѣла. Она, кажется, наслѣдовала отъ Еспера Иваныча его стыдливость, потому что отъ всякой малости краснѣла.—Ну, извольте хорошенько играть, иначе я разсержусь!—прибавила она, обращаясь къ Павлу.

— Я все готовъ сдѣлать, чтобы вы только не разсердились!—сказалъ онъ и въ самомъ дѣлѣ проигралъ пьесу безъ ошибки.

Мари, переставъ играть, нѣсколько времени сидѣла задумчиво.

— Знаешь что̀,—начала она неторопливо:—мнѣ мой музыкальный учитель говорилъ, что музыка безъ правилъ все равно, что человѣкъ безъ ума.

— И ваше такое же мнѣніе?—спросилъ ее Павелъ.

— И мое такое же, — отвѣчала Мари съ своей обычной, доброй улыбкой.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я буду играть по правиламъ, — сказалъ Павелъ: — но только вы же меня и учите; мнѣ не у кого брать уроки.

— Хорошо!—произнесла Мари протяжно, и дѣйствительно послѣ того они каждый вечеръ стали заниматься музыкой часа по два.

Павелъ, несмотря на чувствуемое столь милое и близкое сосѣдство, несмотря на сжигающій его внутри огонь, оказался самымъ внимательнымъ ученикомъ. Такого рода занятія ихъ прежде всего наскучили m-me Фатѣевой.

— Когда же вы прекратите вашу музыку? Я наконецъ умираю со скуки!—воскликнула она.

— Pardon, chère amie! — сказала Мари, какъ бы спохватившись. — Вы совсѣмъ ужъ почти безъ ошибки играете, — прибавила она не безъ кокетства Павлу.

— Только это и требовалось доказать!—отвѣчалъ онъ, пришедшій въ восторгъ отъ ея взгляда.

По случаю французскаго языка тоже вышла исторія въ

этомъ родѣ. Вихровъ разъ пришелъ и засталъ, что Мари читаетъ m-me Фатѣевой вслухъ французскій романъ. Онъ, по необходимости, тоже сдѣлался слушателемъ и очутился въ подлѣйшемъ положеніи: онъ совершенно не понималъ того, что̀ читала Мари; но вмѣстѣ съ тѣмъ, стыдясь въ томъ признаться, когда его собесѣдницы, по случаю прочитаннаго, переглядывались между собой, смѣялись на извѣстныхъ мѣстахъ, восхищались поэтическими страницами,—и онъ также смѣялся, поддакивалъ имъ улыбкой, такъ что тѣ рѣшительно и не замѣтили его обмана, но втайнѣ самолюбіе моего героя было сильно уязвлено. «Что̀ же я за невѣжда!»—думалъ онъ и, придя домой, всю ночь занимался французскимъ языкомъ; на слѣдующую ночь—тоже, такъ что мѣсяца черезъ два онъ почти всякую французскую книжку читалъ свободно. Случай невдолгѣ представился ему и блеснуть своимъ знаніемъ; это было въ одинъ дождливый, осенній день. Павелъ пришелъ къ Имплевымъ и засталъ, что Мари была немного больна и лежала на диванѣ, окутанная своею бархатною кацавейкой. О, какъ она показалась ему мила въ этомъ положеніи! Цѣлый вечеръ имъ предстояло остаться вдвоемъ, такъ какъ Фатѣева писала, что, по случаю дурной погоды, она не пріѣдетъ. Мари, кажется, больше затѣмъ, чтобы только на что-нибудь другое отвлечь пламенные взгляды кузена, которые онъ явно уже кидалъ на нее, сказала ему:

— Прочти мнѣ что-нибудь!

— По-французски или по-русски?—спросилъ Павелъ, вставая и беря будто бы случайно съ этажерки неразрѣзанный французскій романъ.

— Надѣюсь, что вы сего не читали?—прибавилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала Мари, думавшая, что онъ ей станетъ читать по-французски.

Павелъ неторопливо разрѣзалъ романъ, прочелъ его заглавіе, а потомъ произнесъ какъ бы наставническимъ тономъ:

— Вы уже извините; я буду прямо вамъ читать по-русски, ибо по-французски отвратительнѣйшимъ образомъ произношу.

— Но тебѣ, можетъ-быть, это трудно будетъ?—спросила даже нѣсколько удивленнымъ тономъ Мари.

— Не думаю,—отвѣчалъ Павелъ и началъ читать ясно, отчетливо, какъ бы по отличному переводу.

— Ты славно однако знаешь французскій языкъ,—сказала съ удовольствіемъ Мари.

— И вообразите, кузина,—продолжалъ Павелъ:—съ мѣсяцъ тому назадъ я ни іоты, ни бельмеса не зналъ по-французски; и когда вы въ прошлый разъ читали m-me Фатѣевой

вслухъ романъ, то я былъ такой подлецъ, что дѣлалъ видъ, будто бы понимаю, тогда какъ звука не уразумѣлъ изъ того, что вы прочли.

— Ты искусно однако притворялся!—замѣтила ему Мари.

— Надѣюсь; но такъ какъ нельзя же всю жизнь быть обманщикомъ, а потому я и счелъ за лучшее выучиться.

— Но зачѣмъ же тебѣ такъ непремѣнно хотѣлось выучиться по-французски?

— Для васъ!.. Я не хотѣлъ, чтобы вы увидѣли во мнѣ невѣжду.

Мари вся покраснѣла, и надо полагать, что разговоръ этотъ она передала отъ слова до слова Фатѣевой, потому что въ первый же разъ, какъ та поѣхала съ Павломъ въ одномъ экипажѣ (по величайшему своему невниманію, мужъ часто за ней не присылалъ лошадей, и въ такомъ случаѣ Имплевы провожали ее въ своемъ экипажѣ, и Павелъ всегда сопровождалъ ее), — въ первый же разъ, какъ они такимъ образомъ поѣхали, m-me Фатѣева своимъ тихимъ и едва слышнымъ голосомъ спросила его:

— Вы для Мари выучились по-французски?

— Да,—отвѣчалъ Павелъ.

Разговоръ на нѣсколько минутъ прекратился.

— У васъ поэтому много силы воли? — начала m-me Фатѣева снова.

— Много,—отвѣчалъ Павелъ.

— Я ужасно люблю въ людяхъ силу воли,—прибавила она, какъ бы совсѣмъ прячась въ уголъ возка.

— А сами вы симъ качествомъ награждены отъ природы или нѣтъ?

— Да, награждена, и мнѣ это очень полезно оказалось въ жизни.

— А вотъ, кстати,—началъ Павелъ:—мнѣ давно васъ хотѣлось спросить: скажите, что значилъ, въ первый день нашего знакомства, этотъ разговоръ вашъ съ Мари о томъ, что пишутъ ли ей изъ Коломны, и потомъ она сама вамъ что-то такое говорила въ саду, что если случится это—хорошо, а не случится—тоже хорошо.

— Я не помню! — сказала m-me Фатѣева какимъ-то протяжнымъ голосомъ.

— Значитъ, подъ этими словами ничего особеннаго не заключалось?

— Не знаю, не помню!

— У Мари никакой нѣтъ особенной въ Москвѣ сердечной привязанности?

— Кажется, нѣтъ!—опять протянула Фатѣева.

Будь на мѣстѣ Павла болѣе опытный наблюдатель, онъ сейчасъ бы почувствовалъ въ голосѣ ея что-то неопредѣленное, но юноша мой только и услыхалъ, что у Мари ничего нѣтъ въ Москвѣ особеннаго: мысль объ этомъ постоянно его немножко грызла.

— Ну-съ, теперь объ васъ, — сказалъ онъ, окончательно развеселившись: — скажите, вы очень несчастливы въ вашей семейной жизни?

— Очень!

— Что же вашъ мужъ—грубъ, глупъ, золъ?

— Онъ пьяный и дурной нравственности человѣкъ.

— И васъ не любитъ?

— Вѣроятно!

— Зачѣмъ же вы живете съ нимъ?

— Потому что у меня, кромѣ этого платья, что на мнѣ,— ничего нѣтъ!

— Господи Боже мой! — воскликнулъ Павелъ: — развѣ въ наше время женщина имѣетъ право продавать себя? Вы можете жить у Мари, у меня, у другого, у третьяго, у кого только есть кусокъ хлѣба подѣлиться съ вами.

Если бы Павелъ могъ видѣть лицо Фатѣевой, то увидѣлъ бы, какъ она искренно усмѣхнулась всей этой тирадѣ его.

— Вы говорите еще какъ мальчикъ! — сказала она, и потомъ, когда они подъѣхали къ ихъ дому и она стала выходить изъ экипажа, то крѣпко-крѣпко пожала руку Павла и сказала:

— Мнѣ надо умереть—вотъ что!

— Нѣтъ, мы вамъ не дадимъ умереть!—возразилъ онъ ей, и въ голосѣ его слышалась рѣшительность.

М-me Фатѣева мотнула только головой и, какъ черная тѣнь какая, скрылась во входную дверь своей квартиры.

XIV.

Первый ударъ.

Любовь слѣпа: Павелъ ничего не видѣлъ, что Мари обращалась съ нимъ какъ съ очень еще молодымъ мальчикомъ,— что m-me Фатѣева смотрѣла на него съ какимъ-то грустнымъ участіемъ и по преимуществу въ тѣ минуты, когда онъ былъ совершенно счастливъ и доволенъ Мари. Успокоенный словами Фатѣевой, что у Мари ничего нѣтъ въ Москвѣ особеннаго, онъ сознавалъ только одно, что для него величайшее

блаженство видаться съ Мари, говорить съ ней и намекать ей о своей любви. Сказать ей прямо о томъ у него не хватало, разумѣется, ни умѣнья ни смѣлости, тѣмъ болѣе, что Мари, умышленно или нѣтъ, но даже разговоръ о чемъ бы то ни было въ этомъ родѣ какъ бы всегда отклоняла, и юный герой мой ограничивался тѣмъ, что восхищался передъ нею выходившими тогда библейскими стихотвореніями Соколовскаго.

„И скрылась изъ вида долина Гарана,
И млечной утварью свѣтъ Божій“ —

декламировалъ онъ, почему-то воображая, что слова «долина Гарана» и «млечная утварь» обрисовываютъ его чувства.

— Вы знаете, этотъ господинъ сосланъ?—говорилъ Павелъ.

— Да, знаю!—отвѣчала Мари.

— И знаете, за какое стихотвореніе?

— Да,—подтвердила Мари.

— Шутка недурная-съ!—подхватилъ Павелъ.

Мари ничего на это не сказала и только улыбнулась, но Павелъ, къ удовольствію своему, замѣтилъ, что взглядъ ея выражалъ одобреніе. «Чортъ знаетъ, какъ она умна!» — восхищался онъ ею мысленно.

Когда Мари была уже очень равнодушна съ Павломъ, онъ старался принять тонъ разочарованнаго.

„Что мнѣ въ нихъ —
Я молодъ былъ;
Но цвѣтовъ
Съ тѣхъ береговъ
Не срывалъ,
Вѣнковъ не вилъ
Въ скучной молодости!“—

читалъ онъ, кивая съ грустью въ тактъ головою, и самъ въ эти минуты дѣйствительно искреннѣйшимъ образомъ страдалъ.

Однажды онъ съ нѣкоторою краскою въ лицѣ и съ блистающими глазами принесъ Мари какой-то, года два уже вышедшій номеръ журнала, въ которомъ отыскалъ стихотвореніе къ N. N.

— О, жрица нѣги!—началъ онъ читать, явно разумѣя подъ этой жрицей Мари:

„О, жрица нѣги, счастливъ тотъ,
Кого на одръ твой прихотливый
Съ закатомъ солнца позоветъ
Твой взоръ то нѣжный, то стыдливый!
Кто на взволнованныхъ красахъ
Минутой счастья жизнь обманетъ
И въ утро съ ложа нѣги встанетъ
Съ примѣтной томностью въ очахъ!“

Мари на это стихотвореніе не сдѣлала ни довольнаго ни недовольнаго вида,—даже не сконфузилась ничего, а прослушала какъ бы самую обыкновенную вещь.

Вскорѣ послѣ того Павелъ сдѣлался боленъ, и ему не велѣли выходить изъ дому. Скука имъ овладѣла до неистовства—и главное отъ того, что онъ не могъ видаться съ Мари. Оставаясь почти цѣлые дни одинъ-одинешенекъ, онъ передумалъ и перемечталъ обо всемъ; наконецъ, чтобы чѣмъ-нибудь себя занять, вздумалъ сочинять повѣсть, и для этого сшилъ себѣ толстую тетрадь и прямо на ней написалъ заглавіе своему произведенію: «Чугунное кольцо». Героемъ своей повѣсти онъ вывелъ казака, по фамиліи «Ятвасъ». Въ фамиліи этой Павелъ хотѣлъ намекнуть на молодцоватую наружность казака, которою онъ какъ бы говорилъ: я васъ, и, чтобы замаскировать это, вставилъ букву «т». Ятвасъ этотъ влюбился въ губернскомъ городѣ въ одну даму и ее влюбилъ въ самого себя. Въ концѣ повѣсти у нихъ произошло рандеву въ бесѣдкѣ на губернскомъ бульварѣ. Дама призналась Ятвасу въ любви и хотѣла подарить ему на память чугунное кольцо, но по этому кольцу Ятвасъ узнаётъ, что это была родная сестра его, съ которой онъ разстался еще въ дѣтствѣ: обоюдный ужасъ и — послѣ того казакъ уѣзжаетъ на Кавказъ и тамъ его убиваютъ, а дама постригается въ монахини. Рѣшеніе Павла въ этомъ случаѣ до того дошло, что онъ эту повѣсть тотчасъ же самъ переписалъ, и какъ только, по выздоровленіи, пошелъ къ Имплевымъ, то захватилъ съ собой и произведеніе свое. Есперу Иванычу сказать о немъ онъ побоялся, но Мари признался, даже и далъ ей прочесть свое твореніе.

— Главное тутъ, кузина,— говорилъ онъ: — мнѣ надобенъ дневникъ женщины, и я никакъ не могу поддѣлаться подъ женскій тонъ: напишите, пожалуйста, мнѣ этотъ дневникъ!

— Хорошо,—сказала Мари и немного улыбнулась.

Когда Вихровъ черезъ нѣсколько дней пришелъ къ нимъ, она встрѣтила его съ прежней полуулыбкой.

— Ты все тутъ о любви пишешь, — сказала она, не глядя на него.

— Да, — отвѣчалъ онъ, напротивъ, уставляя на нее глаза свои.

Дневникомъ, который Мари написала для его повѣсти, Павелъ остался совершенно доволенъ: во-первыхъ, дневникъ написанъ былъ прекраснымъ, правильнымъ языкомъ, и потомъ дышалъ любовью къ казаку Ятвасу. Придя домой, Павелъ сейчасъ же вписалъ въ свою повѣсть дневникъ этотъ а черновой, и особенно тѣ мѣста въ немъ, гдѣ были напи-

саны слова: «о, я люблю тебя, люблю!», онъ нѣсколько разъ цѣловалъ и потомъ далеко-далеко спряталъ сію драгоцѣнную для него рукопись.

Касательно дальнѣйшей судьбы своего творенія Павелъ тоже совѣтовался съ Мари.

— Я мою повѣсть по пріѣздѣ въ Москву сейчасъ же напечатаю.

— Погодилъ бы немножко, ты молодъ еще очень!—возражала ему Мари.

— Но я не то, что самъ напечатаю, а отнесу ее къ какому-нибудь книгопродавцу, — объяснялъ Павелъ: — что жъ, тотъ не убьетъ же меня за это: понравится ему — возьметъ онъ, а не понравится — откажется! Печатаются повѣсти гораздо хуже моей.

— И то правда!—согласилась Мари.

Покуда герой мой плавалъ такимъ образомъ въ счастіи любви, пріискивая только способъ, какимъ бы высказать ее Мари,—въ домѣ Имплевыхъ приготовлялось для него не совсѣмъ пріятное событіе. Между Есперомъ Иванычемъ и княгинею нѣсколько времени уже шла переписка: княгиня, съ видимыми слѣдами слезъ на каждомъ письмѣ, умоляла его переселиться для лѣченія въ Москву, гдѣ и доктора лучше, и она сама будетъ имѣть счастье быть при немъ. Есперу Иванычу тоже хотѣлось: ему, можетъ-быть, даже думалось, что одинъ видъ и присутствіе до сихъ поръ еще любимой женщины оживятъ его. Анна Гавриловна также не имѣла ничего противъ этого: привыкшая исполнять малѣйшее желаніе своего идола, она въ этомъ случаѣ заботилась только о томъ, какъ его—такого слабаго — довезти до Москвы. Наконецъ Есперъ Иванычъ призвалъ Мари и велѣлъ написать къ княгинѣ, что онъ переѣзжаетъ въ Москву. Мари приняла это извѣстіе съ неописаннымъ восторгомъ; какъ бы помѣшанная отъ радости, она начала цѣловать руку у отца, начала цѣловать Анну Гавриловну.

— Да что же вы, матушка барышня, прежде-то не сказали, что вамъ такъ хочется въ Москву?—проговорила та.

— Не смѣла, Анна Гавриловна: я думала, что вѣкъ стану здѣсь жить.

— Да что же у васъ женихъ, что ли, тамъ какой есть, который вамъ нравится?

— Все есть, тамъ блаженство! — проговорила Мари и, закрывъ себѣ лицо руками, убѣжала.

— Надо скорѣй же ѣхать!—проговорилъ Есперъ Иванычъ, взглянувъ значительно на Анну Гавриловну.

— Да! — отвѣчала та въ нѣкоторомъ раздумьѣ и тотчасъ же пошла сдѣлать нѣкоторыя предварительныя распоряженія къ отъѣзду.

Первая объ этомъ рѣшеніи узнала Фатѣева, пріѣхавшая къ Имплевымъ ранѣе Павла. Извѣстіе это, кажется, очень смутило ее. Она нѣсколько времени ходила по комнатѣ.

— Я, въ такомъ случаѣ, сама переѣду въ деревню,— проговорила она, садясь около Мари и стряхивая съ платья пыль.

Мари посмотрѣла на нее.

— А мужъ развѣ пуститъ?—спросила она.

— Вѣроятно!—отвѣчала Фатѣева, какъ-то судорожно передернувъ плечами: — онъ здѣсь, ко всѣмъ для меня удовольствіямъ, возлюбленную еще завелъ... Все же при мнѣ немножко неловко... Самъ мнѣ даже какъ-то разъ говорилъ, чтобы я ѣхала въ деревню.

— Что жъ ты будешь тамъ одна въ глуши дѣлать?—спросила ее Мари съ участіемъ.

— Умирать себѣ потихоньку; по крайней мѣрѣ тамъ никто не будетъ меня мучить и терзать, — отвѣчала m-me Фатѣева, закидывая голову назадъ.

Мари посмотрѣла на нее съ участіемъ.

— А Постенъ тоже переѣдетъ въ деревню? — спросила она. но такимъ тихимъ голосомъ, что ее едва можно было слышать.

— Вѣроятно! — отвѣчала съ мелькнувшей на губахъ ея улыбкой Фатѣева: — на-дняхъ какъ-то вздумалъ пикникъ для меня дѣлать... Весь beau monde здѣшній былъ приглашенъ—дрянь ужасная все!

Проговоря это, m-me Фатѣева закрыла глаза, какъ бы затѣмъ, чтобы не увидѣли въ нихъ, что въ душѣ у ней происходитъ.

— Право,—начала она, опять передернувъ судорожно плечами:—я въ такомъ теперь душевномъ состояніи, что на все готова рѣшиться.

Мари ничего на это не сказала и потупила только глаза. Вскорѣ пришелъ Павелъ; Мари по крайней мѣрѣ съ полчаса не говорила ему о своемъ переѣздѣ.

— Ты знаешь, — начала наконецъ она: — мы переѣзжаемъ въ Москву!—Голосъ ея при этомъ былъ неровенъ, и на щекахъ выступилъ румянецъ.

— А я-то какъ же?—воскликнулъ наивно Павелъ.

— Ты самъ скоро переѣдешь въ Москву,—поспѣшила ему сказать Мари: румянецъ распространился во всю щеку.

— А вы также уѣзжаете?—отнесся Павелъ къ Фатѣевой.

— Я уѣзжаю въ деревню,—отвѣчала она; выраженіе лица ея въ эту минуту было какое-то могильное.

— Совсѣмъ одинъ останусь!—проговорилъ Павелъ и сдѣлался такъ печаленъ, что Мари, кажется, не въ состояніи была его видѣть и безпрестанно нарочно обращалась къ Фатѣевой, но той тоже было, повидимому, не до разговоровъ. Павелъ, посидѣвъ немного, сухо раскланялся и ушелъ.

— Совсѣмъ молодой человѣкъ въ отчаяньи! — проговорила m-me Фатѣева.

Мари держала глаза опущенными въ землю.

— Это на вашей душѣ грѣхъ!—прибавила Фатѣева.

— Ей-Богу, я ни въ чемъ тутъ не виновата! — возразила Мари серьезно: -какъ же я должна была поступить?

— Не знаю,—сказала Фатѣева.

Мари задумалась.

Павелъ отъ огорченія, въ продолженіе двухъ дней, не былъ даже у Имплевыхъ. Разсудокъ, впрочемъ, говорилъ ему, что это даже хорошо, что Мари переѣзжаетъ въ Москву, потому что, когда онъ сдѣлается студентомъ и самъ станетъ жить въ Москвѣ, такъ ужъ не будетъ разставаться съ ней; но, какъ бы то ни было, имъ овладѣло нестерпимое желаніе узнать отъ Мари что-нибудь опредѣленное объ ея чувствахъ къ себѣ. Для этой цѣли онъ приготовилъ письмо, которое рѣшился лично передать ей.

«Мари, — писалъ онъ: — вы уже, я думаю, видите, что вы для меня все: жизнь моя, стихія моя, мой воздухъ; скажите вы мнѣ.—могу ли я васъ любить, и полюбите ли вы меня, когда я сдѣлаюсь болѣе достойнымъ васъ? Молю объ одномъ— скажите мнѣ откровенно!»

Отъ Еспера Иваныча между тѣмъ, но отъ кого собственно— неизвѣстно, за нимъ ужъ прислали съ такимъ приказомъ, что отчего-де онъ такъ давно не бывалъ у нихъ, и что дяденька завтра уѣзжаетъ совсѣмъ въ Москву, а потому онъ приходилъ бы проститься. Павелъ, захвативъ письмо съ собой, побѣжалъ, какъ сумасшедшій, и дѣйствительно въ домѣ у Имплевыхъ засталъ совершенный хаосъ: всѣ комнаты были заставлены сундуками, тюками, чемоданами. Мари была уже въ дорожномъ платьѣ и непричесанная, но безъ малѣйшаго слѣда хоть бы какой-нибудь печали въ лицѣ. Павелъ пробовалъ-было хоть на минуту остаться съ ней наединѣ, но рѣшительно это было невозможно, потому что она то укладывала свои ноты, книги, то разговаривала съ прислугой; кромѣ того тутъ же въ комнатѣ сидѣла, не сходя съ мѣста, m-me

Фатѣева съ прежнимъ могильнымъ выраженіемъ въ лицѣ; и, въ заключеніе всего, пришла Анна Гавриловна и сказала моему герою:—«Пожалуйте, батюшка, къ барину; онъ одинъ тамъ у насъ сидитъ и дожидается васъ».

Павелъ, дѣлать нечего, пошелъ.

Есперъ Иванычъ, увидѣвъ племянника, какъ бы повеселѣлъ немного.

— Ну, и ты пріѣзжай скорѣе въ Москву!—сказалъ онъ.

— Я пріѣду, дяденька,—отвѣчалъ Павелъ.

— Да, пріѣзжай!—повторилъ Есперъ Иванычъ.—Аннушка!—крикнулъ онъ.

Та вошла.

— Дай мнѣ вонъ оттуда,—сказалъ онъ.

Аннушка на это приказаніе отперла стоявшую на столѣ шкатулку и подала изъ нея Есперу Иванычу пакетъ.

— Это тебѣ, — сказалъ онъ, подавая пакетъ Павлу:—тутъ пятьсотъ рублей. Если отецъ не будетъ тебя пускать въ университетъ, такъ тебѣ есть ужъ на что ѣхать.

— Дядя, зачѣмъ вы безпокоитесь: отецъ отпуститъ меня!—проговорилъ Павелъ сконфуженнымъ голосомъ.

— Все лучше: отпуститъ—хорошо, а не отпуститъ—ты все-таки обезпеченъ и поѣдешь... Маша мнѣ сказывала, что ты хочешь быть ученымъ, — и будь!.. Это лучшая и честнѣйшая дорога для всякаго человѣка.

— Я постараюсь быть имъ, и отецъ мнѣ никогда не откажетъ въ томъ, — произнесъ Павелъ, почти нехотя засовывая деньги въ карманъ. Посидѣвъ еще немного у дяди и едва замѣтивъ, что тотъ утомился, онъ сейчасъ же всталъ.

— Я ужъ пойду къ кузинѣ,—сказалъ онъ:—прощайте, дядя.

— Прощай! — проговорилъ Есперъ Иванычъ и поспѣшилъ племянника поскорѣе поцѣловать. Онъ боялся, кажется, расплакаться и, чтобы скрыть это, усилился даже прибавить съ усмѣшкою:—Не плачь, не плачь, скоро воротимся!

Павелъ почти бѣгомъ пробѣжалъ переходы до комнаты Мари, но тамъ его не пустили, потому что укладывали бѣлье.

— Мари, я совсѣмъ уже ухожу и желаю съ вами проститься!—воскликнулъ онъ чуть-чуть не отчаяннымъ голосомъ.

— Я сейчасъ выйду! — отвѣчала Мари и дѣйствительно показалась въ дверяхъ.

За нею тоже вышла и m-me Фатѣева и, завернувшись, по обыкновенію, въ шаль, оперлась на косякъ.

— Ну-съ, извольте, во-первыхъ, хорошенько учиться, а во-вторыхъ, пріѣзжайте въ Москву!—сказала Мари и подала Павлу руку.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ онъ комическимъ топомъ и какъ-то совершенно механически цѣлуя ея руку, тогда какъ душа его была полна рыданьями, а руку ея онъ желалъ бы съѣсть и проглотить!

— Ну-съ, адье!—повторилъ онъ еще разъ.

— Адье,—повторила и Мари.

— Вы тоже скоро уѣзжаете?—обратился Павелъ къ m-me Фатѣевой.

— Тоже.

Онъ и ей протянулъ руку.

Она ему пожала ее.

Отдать письмо Мари, какъ видитъ самъ читатель, не было никакой возможности.

XV.

Другой учитель и другого рода увлеченіе.

Какъ ни велика была тоска Павла, особенно на первыхъ порахъ послѣ отъѣзда Имплевыхъ, однако онъ сейчасъ же сталъ думать, какъ бы приготовиться въ университетъ. Болѣе всего онъ боялся за латинскій языкъ. Изъ прочихъ предметовъ можно было взять памятью, соображеніемъ, а тутъ нужна была усидчивая работа. Чтобы поправить какъ-нибудь себя въ этомъ отношеніи, онъ рѣшился перейти жить къ учителю латинскаго языка, Семену Яковлевичу Крестовникову, и брать у него уроки. О таковомъ намѣреніи онъ написалъ отцу рѣшительное письмо, въ которомъ прямо объяснилъ, что безъ этого его и изъ гимназіи не выпустятъ. «Ну, Богъ съ нимъ, въ первый еще разъ эта маленькая подкупочка учителямъ будетъ!»—подумалъ полковникъ и разрѣшилъ сыну. Михайла Поликарпычъ совершенно увѣренъ былъ, что Павелъ это дѣлаетъ не для поправленія своихъ свѣдѣній, а такъ, чтобы только поумилостивить учителя. Семенъ Яковлевичъ былъ совершенною противоположностью Николаю Силычу: весьма кроткій, и хоть уже довольно пожилой, но еще благообразный собою, — онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые бываютъ въ жизни сперва хорошенькими собой мальчиками, потомъ хорошаго поведенія молодыми людьми и наконецъ кроткими и благодушными мужами и старцами. При небольшой сферѣ ума, Семенъ Яковлевичъ могъ однако совершенно искренно и съ нѣкоторымъ толкомъ симпатизировать всему доброму, умному и прекрасному, и вообще вся жизнь его шла какъ-то ровно, тихо и благопристойно. Про-

исходя изъ духовнаго званія, онъ былъ женатъ на дворянкѣ—весьма пріятной наружности и съ хорошими манерами. Хотя они около двадцати уже лѣтъ находились въ брачномъ союзѣ, но все еще были влюблены другъ въ друга, спали на одной кровати и весьма нерѣдко цѣловались между собой. Они очень чистоплотно жили; у нихъ была какая-то необыкновенно бѣлая и гладко вычесанная болонка, на каждомъ почти окнѣ—по толстой канарейкѣ; даже пунишъ, который Семенъ Яковлевичъ пилъ по вечерамъ, былъ какой-то красивый и необыкновенно, должно-быть, вкусный. Совѣстливые до щепетильности, супругъ и супруга—изъ того, что они съ Павла деньги беруть—Богъ знаетъ какъ начали за нимъ ухаживать и безпрестанно спрашивали его: нравится ли ему столъ ихъ, тепло ли у него въ комнатѣ? Павелъ находилъ, что это все превосходно, и принялся вмѣстѣ съ тѣмъ заниматься латинскимъ языкомъ до пенстовства: страницы по четыре онъ обыкновенно переводилъ изъ Цицерона и откалывалъ ихъ Семену Яковлевичу, такъ что тотъ едва успѣвалъ повторять ему: «такъ, да, да!».

— Я текстъ еще выучилъ, — прибавлялъ Павелъ въ заключеніе.

— И текстъ, давайте, спросимъ,—говорилъ Семенъ Яковлевичъ съ удовольствіемъ.

Павелъ и текстъ зналъ слово въ слово.

— Эка памятница-то у васъ, способности-то какія! — говорилъ Семенъ Яковлевичъ съ удивленіемъ.

Павелъ самодовольно встряхивалъ кудрями и, взявъ подъ мышку начинавшую ужъ становиться ему любезною книжку Цицерона, уходилъ къ себѣ въ комнату.

Между тѣмъ наступилъ Великій постъ, а наконецъ и Страстная недѣля. Занятія Павла съ Крестовниковымъ происходили обыкновенно такимъ образомъ: онъ съ Семеномъ Яковлевичемъ усаживался у одного столика, а у другого столика, при двухъ свѣчахъ, съ вязаньемъ въ рукахъ и съ болонкой въ колѣняхъ, размѣщалась Евлампія Матвѣевна, супруга Семена Яковлевича.

Въ одно изъ такихъ засѣданій Крестовниковъ спросилъ Павла:

— А что, вы будете нынче говѣть?

— Да, такъ, для формы только буду,— отвѣчалъ тотъ.

— Зачѣмъ же для формы только?—спросилъ Крестовниковъ нѣсколько даже сконфуженнымъ голосомъ.

— Некогда, рѣшительно! заниматься надо! — отвѣчалъ Павелъ.

— Нѣтъ, вы лучше хорошенько поговѣйте; вамъ лучше

Богъ поможетъ въ ученіи,—вмѣшалась въ разговоръ Евлампія Матвѣевна, немного жеманничая. Она всегда, говоря съ Павломъ, немного жеманилась: великъ ужъ онъ очень былъ; совершенно на мальчика не походилъ.

Павелъ несогласенъ былъ съ ней мысленно, но на словахъ ничего ей не возразилъ.

Въ страстной понедѣльникъ его снова не оставили по этому предмету въ покоѣ, и часу въ пятомъ утра къ нему вдругъ въ спальню просунулъ свою морду Ванька и сталъ будить его.

Павелъ взмахнулъ на него глазами.

— Семенъ Яковлевичъ приказали васъ спросить, пойдете вы къ заутренѣ?—спросилъ Ванька сильно заспаннымъ голосомъ.

Павлу вдругъ почему-то стало совѣстно.

— Пойду, — отвѣчалъ онъ и, чтобы не дать себѣ разлѣниться, сейчасъ всталъ и потребовалъ себѣ умываться и одѣваться.

Ванька спросонья, разумѣется, исполнялъ все это, какъ черезъ пень колоду валилъ, такъ что Семенъ Яковлевичъ и Евлампія Матвѣевна уже ушли, и Павелъ едва успѣлъ ихъ нагнать. Свѣжій утренній воздухъ ободряющимъ и освѣжающимъ образомъ подѣйствовалъ на него; Павелъ шелъ, жадно вдыхая его; подъ ногами у него хрустѣлъ тоненькій ледъ замерзшихъ проталинъ; на востокѣ алѣла заря.

Приходская церковь Крестовниковыхъ была небогатая: служба въ ней происходила въ низенькомъ, зимнемъ придѣлѣ, иконостасъ котораго скорѣе походилъ на какую-то дощаную перегородку; колонны, его украшающія, были тоненькія; рѣзьбы на немъ совсѣмъ почти не было; живопись иконъ — новаго и очень дурного вкуса; священникъ — толстый и высокій, но ризы носилъ коротенькія и узкія; дьяконъ—хотя и съ басомъ, но чрезвычайно необработаннымъ,—словомъ, ничего не было, что бы могло подѣйствовать на воображеніе, кромѣ развѣ хора пѣвчихъ, мальчиковъ изъ ближайшаго сиротскаго училища, между которыми были недурные тенора и превосходные дисканты. Когда, въ началѣ службы, священникъ выходилъ еще въ одной епитрахили и на клиросѣ читалъ только дьячокъ, Павелъ безпрестанно переступалъ съ ноги на ногу и, для развлеченія себя, любовался, какъ восходящее солнце зашло сначала въ окна алтаря, а потомъ стало проникать и сквозь розовую занавѣску, закрывающую рѣзныя царскія врата.

Въ продолженіе этого времени въ церковь пришли двѣ молоденькія дѣвушки, очень хорошенькія собой; онѣ сейчасъ же почти на перваго на Павла взглянули какъ-то необыкновенно внимательно и нѣсколько даже лукаво.

задрожали даже голова и губы, которыми онъ принималъ причастіе; онъ едва имѣлъ силы проглотить данную ему каплю—и то тогда только, когда запилъ ее водой, затѣмъ поклонился въ землю и сталъ горячо-горячо молиться, что Богъ допустилъ его принять крови и плоти Господней! Когда вышли изъ церкви, совершенно уже разсвѣло и былъ сѣрый и вѣтреный день, на видиѣвшейся рѣкѣ сѣрыя волны уносили льдины. Павлу показалось, что точно такъ же и причастіе отнесло отъ его души всѣ скверноты и грѣшныя помышленія.

Христовъ день подалъ поводъ къ новымъ религіознымъ ощущеніямъ и радостямъ. Въ ночь съ субботы на воскресенье въ домѣ Крестовниковыхъ спать, разумѣется, никто не ложился, и какъ только загудѣлъ соборный колоколъ, всѣ сейчасъ же пошли въ церковь. Надъ городомъ гудѣлъ сильный и радостный звонъ, и посреди полнѣйшаго мрака мѣстами мелькали освѣщенныя плошками колокольни храмовъ. При входѣ Крестовниковыхъ, ихъ жильца и всей почти прислуги ихней въ церковь, она была уже полнехонька народомъ, и всѣ были какъ бы въ ожиданіи чего-то. Наконецъ заколебались хоругви вверху храма, и богоносцы стали брать образа на плечи; изъ алтаря вышли священникъ и дьяконъ въ дародаровыхъ ризахъ, и вся эта процессія ушла. Народъ въ церкви остался съ наклоненными головами. Наконецъ откуда-то издали раздались голоса священника и дьякона: «Христосъ воскресе!»; хоръ пѣвчихъ сейчасъ же подхватилъ: «изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ», а затѣмъ пошли радостныя кантаты: «святися, святися!», «пріидите, пиво піемъ»... Павелъ стоялъ почти въ восторгѣ: такъ радостенъ, такъ счастливъ онъ давно не бывалъ.

Послѣ заутрени стали всѣ знакомые и незнакомые христосоваться и цѣловаться другъ съ другомъ. Обѣ хорошенькія барышни въ одинъ голосъ обратились къ Павлу: «Христосъ воскресе!»—«Воистину воскресе!»—отвѣчалъ онъ, модно раскланиваясь съ ними. Одна изъ нихъ предложила ему даже красное яйцо. Онъ сконфузился и взялъ. Обѣ онѣ, вѣроятно, были ужасныя шалуньи и, какъ видно, непремѣнно рѣшились заинтересовать моего героя, но онъ былъ твердъ какъ камень и, выйдя изъ церкви, сейчасъ же поторопился ихъ забыть. Въ домѣ Крестовниковыхъ, какъ и водится, послѣдовало за полнѣйшимъ постомъ и полнѣйшее пресыщеніе: пасха, куличъ, яйца, ветчина, зеленыя щи появились за столомъ, такъ что Павелъ, наѣвшись всего этого, проспалъ, какъ мертвый, часовъ до семи вечера, проснулся съ головной болью и, только

уже напившись чаю, освѣжился немного и принялся заниматься Тацитомъ. Сей великій писатель, какъ бы взамѣнъ религіозныхъ мотивовъ, сейчасъ же вывелъ передъ нимъ великихъ мужей Рима. Никогда еще, я долженъ сказать, мой юноша не бывалъ въ столь возвышенномъ умственномъ и нравственномъ настроеніи, какъ въ настоящее время. Воображеніе его было преисполнено чистыми, грандіозными образами религіи и исторіи, умъ занятъ былъ соображеніемъ разныхъ математическихъ и физическихъ истинъ, а въ сердцѣ горѣла идеальная любовь къ Мари,—все это придало какой-то весьма пріятный оттѣнокъ и его наружности. Лицо его было задумчиво и какъ бы нѣсколько съ болѣзненной экспрессіей, но глаза бойко и здорово блестѣли. Походка была смѣла и тверда. Экзаменъ Павелъ началъ держать почти что шутя; онъ выходилъ, когда его вызывали, отвѣчалъ, и потомъ тотчасъ отправлялся домой и садился обѣдать съ Крестовниковыми.

— Ну-съ, сколько сегодня получили? — спрашивалъ его обыкновенно Семенъ Яковлевичъ.

— Пять,—отвѣчалъ Павелъ.

Пять потомъ изъ слѣдующаго предмета и изъ слѣдующаго, вездѣ по пяти, такъ что онъ выпущенъ былъ первымъ и съ золотой медалью.

Павелъ даже не ожидалъ, въ какой восторгъ приведетъ этотъ успѣхъ Семена Яковлевича и супругу его. За обѣдомъ, почти съ перваго блюда, они начали пить за его здоровье и чокаться съ нимъ.

— Дай Богъ вамъ преуспѣвать такъ же и во всей жизни вашей, какъ преуспѣли вы въ наукахъ!—говорилъ Семенъ Яковлевичъ.

— И я того же желаю,—подхватила Евлампія Матвѣевна, по обыкновенію, жеманничая.

— Способности, способности,—говоритъ Семенъ Яковлевичъ, растопыривая руки:—этакихъ я и не видывалъ!

— Теперь вамъ только надо выучиться въ университетѣ и жениться, — сказала, окончательно промодничавши, Евлампія Матвѣевна.

— У меня ужъ есть невѣста, — проговорилъ Павелъ.

Хорошее расположеніе духа и выпитыя рюмки три наливки вызвали его на откровенность.

Семенъ Яковлевичъ только взглянулъ на него, а Евлампія Матвѣевна воскликнула съ удареніемъ: «вотъ какъ!»—и при этомъ какъ-то лукаво повела бровями; несмотря на сорокалѣтній возрастъ, она далеко еще была не чужда нѣкотораго кокетства.

— Кто же это ваша невѣста и богата ли? — спрашивалъ Семенъ Яковлевичъ.

— Она мнѣ нѣсколько даже родственница. Вы Еспера Иваныча Имилева знавали, который дядей мнѣ приходится?

— Еще бы, Господи, умнѣйшій человѣкъ во всей губерніи!—подхватилъ Семенъ Яковлевичъ.

— Ну, такъ у него есть побочная дочь.

— А я такъ, значитъ, и невѣсту знаю! — подхватила радостно Евлампія Матвѣевна:—вѣдь она у княгини Вѣстневой воспитывалась!

— Да.

— Ну, такъ мы очень были вхожи съ покойной маменькой въ домѣ княгини, и я еще маленькой видѣла вашу суженую.

— Вѣроятно, это она и была,—отвѣчалъ Павелъ, скромно потупляя глаза.

Вечеромъ онъ распростился съ своими хозяевами и уѣхалъ въ деревню къ отцу.

XVI.

Домашнія путы.

Веселенькій деревенскій домикъ полковника, освѣщенный солнцемъ, кажется, еще болѣе обыкновеннаго повеселѣлъ. Самъ Михайла Поликарпычъ, съ сіяющимъ лицомъ, въ своемъ домашнемъ панковомъ сюртукѣ, ходилъ по залѣ: къ нему вчера только пріѣхалъ сынъ его, и теперь, пока тотъ спалъ еще, потому что всего было семь часовъ утра, полковникъ разговаривалъ съ Панькой, у котораго отъ послѣдней, вѣроятно, любви его появилось даже нѣкоторое выраженіе чувствъ въ лицѣ.

— Ну, такъ какъ же? Вы и поживали?..—спрашивалъ его полковникъ добродушно.

— Поживали-съ...—отвѣчалъ Панька, переступая съ ноги на ногу.

— А что Симоновъ,—скажи мнѣ? — спросилъ полковникъ. Онъ всегда интересовался и спрашивалъ о Симоновѣ.

— Не видалъ-съ я Симонова; что не переѣхали мы къ учителю,—что?.. Человѣкъ онъ ехидный, лукавый,—отвѣчалъ Панька.

Онъ послѣднее время сталъ до глубины души ненавидѣть Симонова, потому что тотъ безпрестанно его ругалъ за глупость и лѣность.

Полковникъ, кажется, нѣкоторое время недоумѣвалъ, о чемъ бы еще поговорить ему съ Панькой.

— А что, къ Павлу похаживали товарищи?—спросилъ онъ.

— Похаживали-съ, дружковъ много у нихъ было.

— А что, этакъ пошаливали—выпить когда-нибудь или другое что?

— Нѣтъ-съ! — отвѣчалъ Ванька рѣшительно, хотя, передъ тѣмъ какъ переѣхать Павлу къ Крестовникову, къ нему собрались всѣ семиклассники и перепились до неистовства; и даже самъ Ванька, проводивъ господъ, въ сѣняхъ шлепнулся и проспалъ тамъ всю ночь. — Нашъ баринъ, — продолжалъ онъ:—все болѣе въ книжку читалъ... Что ни есть и я, Михайла Поликарпычъ, такъ грамотѣ теперь умѣю: въ какую только должность прикажете, пойду!

Ванька не только изъ грамоты ничему не выучился, но даже, что и зналъ прежде, забылъ; зато — сидѣть на лавочкѣ за воротами и играть на балалайкѣ какія угодно пѣсни, когда горничныя выбѣгутъ въ сумерки изъ домовъ,—это онъ умѣлъ!

— Въ конторщики меня одинъ купецъ звалъ!—продолжалъ онъ врать:—я говорю: «мнѣ нельзя: у насъ молодой баринъ нашъ въ Москву переѣзжаетъ учиться и меня съ собой беретъ!»

— Какъ въ Москву? — спросилъ полковникъ, встрепенувшись и вскинувъ на Ваньку свои глаза.

— Въ Москву-съ, такъ переговаривали, — отвѣчалъ тотъ, потупляясь.

— Съ кѣмъ переговаривали?

— Да съ Симоновымъ-съ,—отвѣчалъ Ванька, не найдя ни на кого удобнѣе своротить, какъ на врага своего: — съ нимъ баринъ-съ все разговаривалъ: «въ Ярославль, говоритъ, я не хочу, а въ Москву!»

— Это что такое еще онъ выдумалъ?—произнесъ полковникъ, и въ старческомъ воображеніи его начала рисоваться картина, совершенно извращавшая всѣ составленные имъ планы: сынъ теперь хочетъ уѣхать въ Москву, Богъ знаетъ сколько тамъ денегъ будетъ проживать — сопьется, пожалуй, заболѣетъ.

— Ну, пошелъ, ступай! — сказалъ онъ Ванькѣ сердитымъ уже голосомъ.

Тотъ пошелъ-было, но потомъ нѣсколько боязливо остановился.

— Не прикажите, Михайла Поликарпычъ, мамонькѣ жать; а то она говоритъ: «ты при барчикѣ живешь, а меня все жать заставляютъ,—у меня спина не молоденькая!»

— Хорошо, ладно, ступай! — произнесъ досадно полковникъ и, когда Ванька ушелъ, онъ остался встревоженный и мрачный.

Павелъ наконецъ проснулся и, выйдя изъ спальни своей растрепанный, но цвѣтущій и здоровый, подошелъ къ отцу и, не глядя ему въ лицо, поцѣловалъ у него руку. Полковникъ почти сурово взглянулъ на сына.

— Ты въ Москву ѣдешь учиться, а не въ Демидовское?— спросилъ онъ его нѣсколько дрожащимъ голосомъ.

— Въ Москву, — отвѣчалъ Павелъ совершенно покойно и, усѣвшись на свое мѣсто, какъ бы ничего особеннаго въ начавшемся разговорѣ не заключалось, обратился къ ключницѣ, разливавшей тутъ же въ комнатѣ чай, и сказалъ:—Дай мнѣ, пожалуйста, чаю, но только покрѣпче и погорячѣй!

Та подала ему. Полковникъ отъ нетерпѣнія постукивалъ уже ногою.

— На что же ты поѣдешь въ Москву?.. У меня нѣтъ на то про тебя денегъ,—сказалъ онъ сыну.

— Я денегъ у васъ и не прошу, — отвѣчалъ Павелъ прежнимъ покойнымъ тономъ:—мнѣ теперь дядя Есперъ Иванычъ далъ пятьсотъ рублей, а тамъ я самъ себѣ буду добывать деньги уроками.

Полковникъ поблѣднѣлъ даже отъ гнѣва.

— Ну да, я зналъ, что это дяденька все!—произнесъ онъ:— одни вѣдь у него наставленья-то тебѣ: отецъ у тебя — дуракъ... невѣжда...

Полковникъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что Есперъ Иванычъ даетъ такія наставленія сыну.

— Полноте, Богъ съ вами! — воскликнулъ Павелъ:—одинъ умъ этого человѣка не позволитъ ему того говорить.

— Что же, ты такъ ужъ и видаться со мной не будешь, бросишь меня совершенно?—продолжалъ между тѣмъ полковникъ, и у него при этомъ, отъ гнѣва и огорченья, дрожали даже щеки.

— Отчего же не видаться? Точно такъ же, какъ и изъ Демидовскаго, я каждую вакацію буду ѣздить къ вамъ.

— Большая разница!.. Большая!..—возразилъ полковникъ, и щеки его продолжали дрожать:—въ Демидовское-то я взялъ да и послалъ за тобой своихъ лошадей, а изъ Москвы надо деньги, да и большія!

Павелъ пожалъ плечами.

— Я вамъ опять повторяю, — началъ онъ голосомъ, которымъ явно хотѣлъ показать, что ему скучно даже говорить объ этомъ: — что денегъ вашихъ мнѣ нисколько не нужно: оставайтесь съ ними и будьте совершенно покойны!

Онъ зналъ, что этимъ отвѣтомъ сильно уязвитъ старика.

— Но о деньгахъ, сударь, тутъ рѣчь! — воскликнулъ онъ.

— А о чемъ же?— возразилъ въ свою очередь Павелъ.—Я,

кажется,—продолжалъ онъ грустно-насмѣшливымъ голосомъ:— учился въ гимназіи, не жалѣя для этого ни времени ни здоровья—не за тѣмъ, чтобы все забыть?

— Что же, въ Демидовскомъ такъ развѣ ничему и учить тебя не будутъ?—возразилъ полковникъ съ досадой.

— Напротивъ-съ! Тамъ всему будутъ учить, но вопросъ— какъ? Въ университетѣ я буду заниматься чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ и выйду оттуда или медикомъ, или юристомъ, или математикомъ, а изъ Демидовскаго—всѣмъ и ничѣмъ; наконецъ, въ практическомъ смыслѣ: изъ лицея я выйду четырнадцатымъ классомъ, т.-е. прапорщикомъ, а изъ университета, можетъ-быть, десятымъ, т.-е. поручикомъ.

Послѣднее доказательство, надо полагать, очень поразило полковника, потому что онъ нѣсколько времени ничего даже не находился возразить противъ него.

— Но зато ты въ Демидовскомъ будешь жить на казнѣ; все-таки подъ присмотромъ начальства! — проговорилъ онъ наконецъ.

Отдача сына на казну, безъ платы, врядъ ли не была для полковника одною изъ довольно важныхъ причинъ желанія его, чтобы тотъ поступилъ въ Демидовское.

Павелъ посмотрѣлъ нѣсколько времени отцу въ лицо.

— Я прожилъ ребенкомъ безъ всякаго надзора, — началъ онъ неторопливо:—и то, кажется, не сдѣлалъ ничего дурного!

— Я и не говорю, не говорю! — поспѣшно подхватилъ полковникъ.

— Такъ что же вы говорите, я послѣ этого ужъ и не понимаю!.. А знаете ли вы то, что въ Демидовскомъ студенты имѣютъ единственное развлеченіе для себя—ходить въ Семеновскій трактиръ и пить тамъ? Большая разница Москва-съ, гдѣ — превосходный театръ, разнообразное общество, множество библіотекъ, такъ что, помимо ученья, самая жизнь будетъ развивать меня, а потому стѣснять вамъ меня въ этомъ случаѣ и лишать, можетъ-быть, счастья всей моей будущей жизни — безбожно и жестоко съ вашей стороны!

Проговоря это, Павелъ всталъ и ушелъ. Полковникъ остался какъ бы оплеванный: его болѣе всего поразило то, что какъ это сынъ такъ умно и складно говорилъ; первая его мысль была, что все это научилъ его Есперъ Иванычъ, но потомъ онъ сообразилъ, что Есперъ Иванычъ былъ боленъ теперь и почти безъ разсудка. «Неужели это, шельмецъ, онъ все самъ придумалъ въ головѣ своей?» — соображалъ онъ съ удовольствіемъ, а между тѣмъ въ немъ заговорила нѣсколько и совѣсть его: онъ по своимъ средствамъ совершенно без-

бѣдно могъ содержать сына въ Москвѣ—и только въ этомъ случаѣ не сталъ бы откладывать и сберегать денегъ для него же. Такъ прошелъ почти цѣлый день. Павелъ, видимо, дулся на отца и хоть былъ вѣжливъ съ нимъ, но чрезвычайно холоденъ. Полковнику наконецъ стало это невыносимо. Мысли, одна другой черпѣе, бродили въ его головѣ. «Не отпущу я его,—думалъ онъ:—въ университетъ: онъ въ этомъ Семеновскомъ трактирѣ въ самомъ дѣлѣ сопьется и, пожалуй, еще хуже что-нибудь надъ собой сдѣлаетъ!» Искаженное лицо засѣченнаго солдата мелькало уже передъ глазами полковника.

— За что же ты сердишься-то и дуешься?—прикрикнулъ онъ наконецъ на сына, когда вечеромъ они снова сошлись пить чай.

— Я?—спросилъ Павелъ, какъ бы не желавшій ничего на это отвѣчать.

— Я?.. Кто же другой, какъ не ты!.. — повторилъ полковникъ:—развѣ про то тебѣ говорятъ, что ты въ университетъ идешь, а не въ Демидовское!

— А про что же? — спросилъ Павелъ хладнокровно; онъ хорошо зналъ своего старикашку-отца.

— А про то, что все одинъ съ дяденькой удумалъ; на, вотъ, передъ самымъ отъѣздомъ, только что не съ вороной на хвостѣ прислалъ сказать отцу, что ѣдешь въ Москву!

— Я никакъ этого прежде и не могъ сказать, никакъ! — возразилъ Павелъ, пожимая плечами: — потому что не зналъ, какъ я кончу курсъ и буду ли имѣть право поступить въ университетъ.

— Нѣтъ, не то, врешь, не то!.. — возразилъ полковникъ, грозя Павлу пальцемъ, и не хотѣлъ, кажется, далѣе продолжать своей мысли.—Я жизни, а не то что денегъ, не пожалѣю тебѣ; возьми вонъ мою голову, руби ее, коли надо она тебѣ! — прибавилъ онъ почти съ всхлипываніемъ въ голосѣ. Ему очень ужъ было обидно, что сынъ какъ будто бы совсѣмъ не понимаетъ его горячей любви.—Не пятьсотъ рублей я тебѣ дамъ, а тысячу и полторы въ годъ, только не одолжайся ничѣмъ дяденькѣ и изволь возвратить ему его деньги!

— И того не могу сдѣлать,—возразилъ Павелъ, опять пожимая плечами: — никакъ не могу себѣ позволить оскорбить человѣка, который участвовалъ и благодѣтельствовалъ мнѣ.

— Ну да, какъ же вѣдь, благодѣтель!.. Ему, я думаю, все равно, куда бы ты ни заѣхалъ: въ Москву ли, въ Сибирь ли, въ Астрахань ли; а я одними мнѣніями измучусь, думая, что ты одинъ-одинехонекъ, съ Ванькой-дуракомъ, пріѣдешь въ этакій омутъ, какъ Москва: по однѣмъ улицамъ-то ходя, заблудишься.

Павелъ съ улыбкою взглянулъ на отца.

— Вы сами разсказывали, что четырнадцати лѣтъ въ полкъ поступили, а не то что въ Москву пріѣхали.

— То было, сударь, время, а теперь — другое: меня сейчасъ же вонъ полковой командиръ солдату на руки отдалъ... «Пуще глазу, говоритъ, береги у меня этого дворянина!»: такъ тотъ меня и умоетъ, и причешетъ, и грамотѣ выучитъ,— развѣ нынче есть такіе начальники!

— Я ни въ чемъ подобномъ и не нуждаюсь! — возразилъ насмѣшливо Павелъ.

— Ну да, какъ же вѣдь, не нуждаешься—большой у насъ человѣкъ, вездѣ бывалый!..

Павелъ пожалъ плечами и ничего не возражалъ отцу.

Полковникъ, по крайней мѣрѣ, съ полчаса еще брюзжалъ, а потомъ, какъ бы сообразивъ что-то такое и произнося больше самъ съ собой: «развѣ вотъ что сдѣлать!» — вслѣдъ затѣмъ крикнулъ во весь голосъ:—Эй, Ванька!

Ванька весь этотъ разговоръ внимательно слушалъ въ сосѣдней комнатѣ: онъ очень боялся, что его, пожалуй, не отпустятъ съ барчикомъ въ Москву. Увы! Онъ давно уже утратилъ любовь къ деревнѣ и страхъ къ городамъ... Ванька явился.

— Поди, позови ко мнѣ Алену Сергѣевну! — сказалъ ему полковникъ.

Павелъ не безъ удивленія взглянулъ на отца.

Михайла Поликарпычъ молчалъ. Ожидая, можетъ-быть, возраженія отъ сына, онъ не хотѣлъ ему заранѣе сообщать свои намѣренія.

Алена Сергѣевна была старуха, крестьянка, сама богатая и зажиточная изъ всего имѣнія Вихрова. Деревня его находилась вмѣстѣ же съ усадьбой. Алена явилась, щепетильнѣйшимъ образомъ одѣтая въ новую душегрѣйку, въ новомъ платкѣ на головѣ и въ новыхъ котахъ.

— Здравствуйте, батюшка Михайла Поликарпычъ!.. Батюшка нашъ, Павелъ Михайлычъ, здравствуйте!.. Вотъ кого Богъ привелъ видѣть! — говорила она, отчеканивая каждое слово и подходя къ рукѣ барина и барчика.

Алена Сергѣевна была прехитрая и преумная. Жена богатаго и старинаго подрядчика-обручника, постоянно проживавшаго въ Москвѣ, она, чтобы ей самой было отъ господъ хорошо и чтобы не требовали ее ни на какую барскую работу, давнымъ-давно убѣдила мужа платить почти тройной оброкъ; совѣтовала ему то поправить иконостасъ въ храмѣ Божіемъ, то сдѣлать серебряныя главы на церковь, чтобы

такимъ образомъ, какъ женѣ украшателя храма Божія, пользоваться почетомъ въ приходѣ. Когда старикъ сходилъ въ деревню, она безпрестанно затѣвала на его деньги дѣлать пиры и никольщины на весь почти уѣздъ, затѣмъ, чтобы и самоё ее потомъ звали на всѣ праздники. Михайла Поликарпычъ любилъ съ ней потолковать и побесѣдовать, потому что Алена Сергѣевна дѣйствительно очень ужъ ему льстила; но Павелъ никогда ее терпѣть не могъ.

— Твой мужъ вѣдь живетъ въ Москвѣ на Кисловкѣ? — началъ полковникъ.

— На Кисловкѣ, батюшка, на Кисловкѣ, въ княжескомъ домѣ ея сіятельства княгини Урусовой,—отвѣчала Алена, замѣтно важничая.

— А скажи: далеко ли это отъ университета, отъ училища университетскаго? — спросилъ полковникъ.

Павелъ взглянулъ при этомъ на отца: онъ никакъ не могъ понять, къ чему отецъ это говоритъ.

— Отъ университета?—повторила старуха, какъ бы соображая: — да тамъ лѣкаря, что ли, учатся?

— А чортъ ихъ знаетъ! — сказалъ полковникъ.

— И лѣкаря учатся, — вмѣшался въ разговоръ Павелъ, остававшійся все еще въ недоумѣніи.

— Ну такъ вотъ что̀, мой батюшка, господа мои милые, доложу вамъ,—начала старуха пунктуально:—разъ мы, такъ ужъ сказать, извините, поѣхали съ Макаромъ Григорьичемъ чай пить. «Вотъ, говоритъ, тутъ лѣкаревъ учатъ, мертвыхъ рѣжутъ и имъ показываютъ!». Я, согрѣшила грѣшная, перекрестилась и отплюнулась. «Экое мѣсто»,—думаю; и такъ, такъ сказать, оно очень близко около насъ, — иной разъ ночью лежишь, и мнится: «ну какъ мертвые-то скочутъ и къ намъ въ переулокъ прибѣгутъ!».

— А велика ли квартирка у твоего хозяина?—продолжалъ разспрашивать полковникъ.

— Порядочная: спаленка этакая небольшая, а потомъ еще комнатка — прихожая, что ли, этакая!..

— Вотъ барчикъ Павлуша ѣдетъ теперь въ Москву — учиться въ этотъ университетъ.

— Такъ, такъ, батюшка,—подхватила старуха: — возрастъ юношескій уже притекъ ему; пора и государю императору показать его. Папенька-то немало служилъ; пора и ему подражанье въ томъ отцу имѣть.

— Но не можетъ ли Павлуша остановиться у твоего старика?

— А гляче не остановиться, — отвѣчала Алена Сергѣевна, какъ бы вовсе не сомнѣвавшаяся въ этомъ дѣлѣ.

Павелъ обмеръ отъ досады: подобнаго вывода изъ всего предыдущаго разговора онъ никакъ уже не ожидалъ.

— Ну, чтобы и пищу ему онъ доставлялъ, — продолжалъ полковникъ.

— И пищу! — отвѣчала Алена Сергѣевна.

Павлу показалось, что подлости ея на этотъ разъ продѣловъ не будетъ.

— Пища у нихъ хорошая идетъ,—продолжала Алена:—я здѣся вѣкъ изжила, свинины столь не пріѣла, какъ тамъ; и чтой-то, батюшка Михайла Поликарпычъ, какая у нихъ тоже крупа для каши безподобная!..

— Мнѣ, я думаю, нужнѣй будетъ жить съ товарищами, а не съ мужикомъ! — обратился Павелъ наконецъ къ отцу съ удареніемъ.

— А мнѣ вотъ нужнѣй, чтобъ ты съ мужикомъ жилъ!..— воскликнулъ, вспыливъ, полковникъ:—потому что я покойнѣе буду: на первыхъ порахъ ты пойдешь куда-нибудь, Макаръ Григорьевичъ или самъ съ тобой пойдетъ, или пошлетъ кого-нибудь!

— И самъ пойдетъ, или пошлетъ кого ни на есть! — подтвердила, явно подличая, Анна Сергѣевна.

Павелъ готовъ былъ убить ее въ эти минуты.

— Ну такъ, такъ, старуха, ступай! — сказалъ полковникъ Аленѣ Сергѣевнѣ.

— Счастливо оставаться!—проговорила та и потомъ, какъ будто бы безъ всякаго умысла, прибавила: — вы изволили прислать за мной, а я, согрѣшила грѣшная, сама еще ранѣе того хотѣла итти: задній дворъ у насъ пообвалился; пойду, мо. у Михайлы Поликарпыча лѣсу попросить, не у чужихъ же господъ брать.

— Бери у меня, сколько надо,—разрѣшилъ ей полковникъ.

— Благодарю покорно!—заключила Алена Сергѣевна и опять поцѣловала руку у Михайлы Поликарпыча и у Павла.

Воспользовавшись этимъ коротенькимъ объясненіемъ, она— ни много ни мало — деревъ на двѣсти оплела полковника, чего бы при другихъ обстоятельствахъ ей не успѣть сдѣлать.

Оставшись вдвоемъ, отецъ и сынъ довольно долго молчали. Павелъ думалъ самъ съ собою:—«Да, нелегко выцарапаться изъ тины, посреди которой я рожденъ!». Полковникъ между тѣмъ готовилъ ему еще новое испытаніе.

— Завтрашній день-съ,—началъ онъ, обращаясь къ Павлу и стараясь придать какъ можно болѣе строгости своему голосу:—извольте со мной ѣхать къ Александрѣ Григорьевнѣ... Она мнѣ все говоритъ:—«Сколько, говоритъ, разъ сынъ вашъ

бываетъ въ деревнѣ и ни разу у меня не былъ!» У нея сынъ ея теперь пріѣхалъ, офицеръ ужъ!.. Къ исправнику тоже всѣ дѣти его пріѣхали; тамъ пропасть теперь молодежи.

Полковникъ полагалъ, что Павелъ не ѣздилъ къ Александрѣ Григорьевнѣ тоже по внушенію Еспера Иваныча, потому что тотъ терпѣть не могъ ея.

— Извольте-съ, я съѣзжу, — отвѣчалъ Павелъ сверхъ ожиданія.

Онъ готовъ былъ все сдѣлать и все перенести, лишь бы только не задерживалъ его отецъ и отпустилъ бы поскорѣе въ Москву.

«Да, нелегко мнѣ выцарапаться изъ моей грязи!»—повторялъ онъ мысленно, ходя по красному двору и глядя на поля и луга, по которымъ онъ когда-то такъ весело бѣгалъ и которыя теперь ему были почти противны!

XVII.

Разныя вѣдомства въ ихъ почкахъ.

На другой день, когда поѣхали къ Абреевой, Павелъ выфрантился въ новый штатскій сюртукъ, атласный жилетъ, пестрыя брюки и въ круглую пуховую шляпу. Полковникъ взглянулъ на него и, догадавшись, что весь этотъ костюмъ былъ сдѣланъ на деньги Еспера Иваныча, ужасно этимъ обидѣлся. «Все дяденькино подаренье, а отцу и наплевать не хотѣлъ, чтобы тотъ хоть что-нибудь сшилъ!»—пробурчалъ онъ про себя, какъ-то значительно мотнувъ головой, а потомъ всю дорогу ни слова не сказалъ съ сыномъ и только, ужъ какъ стали подъѣзжать къ усадьбѣ Александры Григорьевны,—разразился такого рода тирадой:—«Да, вона какое Воздвиженское стало!.. Словно аббатство разоренное!.. Что дѣлать-то!.. Старухѣ не на что стало поправлять!.. Сыночекъ-то, говорятъ, не выходя еще изъ корпуса, тридцать тысячъ долговъ надѣлалъ—плати, маменька!.. Дѣтушки-то нынче каковы!» Нельзя сказать, чтобы въ этихъ словахъ не мѣтилось нѣсколько и на Павла, но почему полковникъ могъ думать о сынѣ что-нибудь подобное, онъ и самъ бы, вѣроятно, не могъ объяснить того.

Воздвиженское дѣйствительно представляло какой-то разоренный видъ: крыльцо у дома было почти полуразвалившееся, съ полинялой краской; передняя—грязная. Въ залѣ стѣны тоже были облупившіяся, историческая живопись на потолкѣ испещрена была водяными протеками. Огромная люстра съ

стеклянными подвѣсками какъ-то уродливо висѣла на срединѣ. Павелъ понять не могъ, отчего эта зала прежде казалась ему такою великолѣпной. Въ гостиной Вихровы застали довольно большое общество: самоё хозяйку,—хоть и очень постарѣвшую, но попрежнему съ претензіями одѣтую и въ тѣхъ же букляхъ 30-хъ годовъ,—сына ея въ разстегнутомъ вицмундирѣ и въ эполетахъ, и монаха въ клобукѣ съ пресыщеннымъ нѣсколько лицомъ, въ шелковой гроденаплевой рясѣ, съ красивыми четками въ рукахъ и въ чищеныхъ сапогахъ,—это былъ настоятель ближайшаго монастыря, отецъ Іоакимъ, человѣкъ ученый, магистръ богословія. Онъ очень важно себя держалъ и, повидимому, пользовался большимъ почетомъ отъ хозяйки. Рядомъ съ молодымъ Абреевымъ, явно претендуя на товарищество съ нимъ, сидѣлъ молодой человѣкъ—въ мундирѣ съ зеленымъ воротникомъ и съ зелеными лацканами, который, по покрою своему, очень походилъ на гимназическій мундиръ, но такъ былъ хорошо сшитъ и такъ ловко сидѣлъ, что почти не уступалъ военному мундиру. Павелъ догадался, что это былъ старшій сынъ Захаревскаго — правовѣдъ; другой сынъ его—въ безобразныхъ кадетскихъ штанахъ, въ выворотныхъ сапогахъ, остриженный подъ гребенку—сидѣлъ рядомъ съ самимъ Ардальономъ Васильевичемъ, который все еще былъ исправникомъ и сидѣлъ въ той же самой позѣ, какъ мы видѣли его въ первый разъ, только отъ лѣтъ онъ очень потучнѣлъ, обрюзгъ, сдѣлался еще болѣе сутуловатъ и совершенно посѣдѣлъ. Кадетъ не имѣлъ далеко тѣхъ свѣтскихъ манеръ, которыя были сообщены правовѣду его воспитаніемъ.

— Здравствуйте, молодой человѣкъ! — сказала Александра Григорьевна, поздоровавшись сначала съ полковникомъ и обращаясь потомъ довольно ласково къ Павлу, въ которомъ сейчасъ же узнала, кто онъ былъ такой.

Павелъ поклонился ей и, нимало не медля затѣмъ, съ опущенными въ землю глазами, подошелъ подъ благословеніе къ отцу-настоятелю: послѣ жизни у Крестовниковыхъ, онъ очень сталъ уважать всѣхъ духовныхъ особъ. Настоятель попривсталъ немного и благословилъ его.

— Вы знакомы?.. Ты узналъ?..—спросила Александра Григорьевна сына, показывая ему на Павла.

— Узналъ!—отвѣчалъ тотъ, немного картавя.

— Et vous, messieurs?—прибавила Александра Григорьевна сыновьямъ исправника.

Молодые люди всѣ раскланялись между собой.

— Игрывали, я думаю, вмѣстѣ,—обратился полковникъ добродушно къ исправнику.

— Вѣроятно!—отвѣчалъ тотъ холодно и не безъ важности. Всѣ наконецъ усѣлись.

— Не хочетъ вотъ въ Демидовское! — отнесся полковникъ къ Александрѣ Григорьевнѣ, показавъ головой на сына:—въ университетъ поступаетъ!

Мысль эта составляла предметъ гордости и безпокойства его.

— А!..—произнесла та протяжно: будучи болѣе посвящена въ военное вѣдомство, Александра Григорьевна хорошенько и не знала, что̀ такое университетъ и Демидовское.

— Какому же собственно факультету посвящаетъ себя сынъ вашъ?—спросилъ настоятель, обратившись всѣмъ тѣломъ къ полковнику.

— Да я и не знаю,—отвѣчалъ тотъ, разводя руками.

— По какому-нибудь отдѣленію философскихъ факультетовъ,—подхватилъ Павелъ:—потому что мнѣ больше всего хочется получить гуманное, человѣческое воспитаніе.

Александра Григорьевна взглянула на Павла. Съ одной стороны, ей понравилась рѣчь его, потому что она услышала въ ней нѣсколько витіеватыхъ словъ, а съ другой—она ей показалась, по тону, по крайней мѣрѣ, нѣсколько дерзкою отъ мальчика такихъ лѣтъ.

— Homo priusquam civis,—произнесъ настоятель, покачивая ногой.

— Homo superior cive!—подхватилъ Павелъ.

— Sic!—подтвердилъ отецъ Іоакимъ.

Разговоръ этотъ латинскій рѣшительно возмутилъ Александру Григорьевну. Онъ ей почему-то показался окончательною дерзостью со стороны мальчика-гимназиста.

— Я не знаю, для чего этой латыни учатъ?—начала она почти презрительнымъ тономъ:—языкъ безполезный, грубый, мертвый!

— Какъ же безполезный?..—протянулъ отецъ Іоакимъ.—Языкъ древнихъ философовъ, ораторовъ, поэтовъ, языкъ нынѣ медицины,—разъяснялъ онъ ей.

— Но, святой отецъ!—воскликнула Александра Григорьевна:—положимъ, онъ нуженъ какому-нибудь ученому и вамъ, какъ духовной особѣ, но зачѣмъ же онъ вотъ этому молодому человѣку?..—и Александра Григорьевна показала на правовѣда:—и моему сыну, и сыну полковника?

— Какъ зачѣмъ юристу латинскій языкъ?—вмѣшался опять въ разговоръ Павелъ, и попрежнему довольно бойко.

— Да зачѣмъ?.. — повторила въ свою очередь рѣзко Александра Григорьевна.

— Потому что всѣ лучшія сочиненія юридическія написаны на латинскомъ языкѣ,—отвѣчалъ Павелъ, немного покраснѣвъ.

Онъ и самъ хорошенько не зналъ, какія это именно были сочиненія.

— У насъ кодексъ Юстиніана читаютъ только на латинскомъ,—сказалъ очень опредѣлительно правовѣдъ.

— Кодексъ Юстиніана!—подхватилъ Павелъ.

Александра Григорьевна пожала только плечами. Разговаривать далѣе съ мальчикомъ она считала неприличнымъ и непріятнымъ для себя, но полковникъ, разумѣется, ничего этого не замѣчалъ.

— Поручикомъ, говоритъ, у нихъ выпускаютъ!—проговорилъ онъ опять, показавъ на сына.

— Какъ поручикомъ?—спросила уже сердито Александра Григорьевна.

— Не то что военнымъ, а штатскимъ: въ томъ же чинѣ,—объяснилъ полковникъ.

Говоря это, онъ хотѣлъ нѣсколько повѣрить сына.

— Десятымъ классомъ, коллежскимъ секретаремъ выпускаютъ кандидатовъ!—присовокупилъ Павелъ.

— Да, десятымъ—то же, что и изъ лавры нашей!—подтвердилъ настоятель.—А у васъ такъ выше, больше однимъ рангомъ даютъ,—обратился онъ съ улыбкой къ правовѣду, явно желая показать, что ему небезызвѣстны и многіе мірскіе распорядки.

— У насъ выше, титулярнымъ совѣтникомъ выпускаютъ,—подтвердилъ правовѣдъ.

— Я, признаюсь, этого рѣшительно не понимаю,—подхватилъ Павелъ, пожимая плечами.—Вы когда можете выйти титулярнымъ совѣтникомъ?—обратился онъ къ правовѣду.

— На будущій годъ,—произнесъ тотъ.

— А я вотъ-съ, — продолжалъ Павелъ, начиная уже горячиться: — если съ неба звѣзды буду хватать, то выйду только десятымъ классомъ, и то еще черезъ четыре года только!

— Что жъ! Каждое заведеніе имѣетъ свои права!—возразилъ съ усмѣшкой правовѣдъ.

— У насъ изъ нашей тоже выпускаютъ поручикомъ, а изъ другихъ корпусовъ прапорщиками,—вмѣшался въ разговоръ, опять слегка грассируя, Сергѣй Абреевъ.

— Это-то и дурно-съ, это-то и дурно!—продолжалъ горячиться Павелъ.—Вы выйдете титулярнымъ совѣтникомъ,—обратился онъ снова къ правовѣду:—вамъ, сообразно вашему чину, надо дать должность; но вы и выучиться къ тому достаточно времени не имѣли и опытности житейской настолько не пріобрѣли.

— Отчего же выучиться я не успѣлъ?—спросилъ правовѣдъ обиженнымъ голосомъ и краснѣя въ лицѣ.

— Да потому что,—я не знаю,—чтобы ясно понимать законы, надобно имѣть общее образованіе.

— Да почему же вы думаете, что намъ не даютъ общаго образованія?—продолжалъ возражать обиженнымъ тономъ правовѣдъ.

— Потому что—некогда; не по чему иному, какъ—некогда!—горячился Павелъ.

— Отчего же—некогда?—вмѣшался опять въ разговоръ Сергѣй Абреевъ:—только чтобы глупостямъ разнымъ не учили, вотъ какъ у насъ—статистика какая-то... чортъ знаетъ что такое!

— Статистика, во-первыхъ, не чортъ знаетъ что такое; а она—фундаментъ и основаніе для пониманія своего современнаго государства и чужихъ современныхъ государствъ,—возразилъ Павелъ.

Настоятель мотнулъ ему на это головой.

— Про ваше учебное заведеніе,—обратился онъ затѣмъ къ правовѣду:—я имѣю доскональныя свѣдѣнія отъ моего соученика, друга и благодѣтеля, господина Сперанскаго...

Проговоря это, отецъ Іоакимъ пріостановился немного,—какъ бы затѣмъ, чтобы дать время своимъ слушателямъ уразумѣть, съ какими лицами онъ былъ знакомъ и друженъ.

— Г-нъ Сперанскій, какъ, можетъ-быть, небезызвѣстно вамъ, первый возымѣлъ мысль о семъ училищѣ,—съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы господа семинаристы, по окончаніи своего курса наукъ въ академіи, поступали въ оное для изученія юриспруденціи и, такъ какъ они и безъ того уже имѣли ученую степень, а также и число лѣтъ достаточное, то чтобы сообразно съ симъ и получали высшій чинъ—9-го класса; но богатые аристократы и дворянство наше позарились на сіе и захватили себѣ...

— Это можетъ быть!—отвѣчалъ правовѣдъ.

— Вѣрно такъ, вѣрно!—подхватилъ монахъ.

— Мысль Сперанскаго очень понятна и совершенно справедлива,—воскликнулъ Павелъ и такъ громко, что Александра Григорьевна явно сдѣлала гримасу; такъ что даже полковникъ, сначала-было довольный разговорчивостью сына, замѣтилъ это и толкнулъ его ногой.

Павелъ понялъ его, замолчалъ и сталъ кусать себѣ ногти.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой!—произнесла, вздохнувъ, Александра Григорьевна.—Россіи, по-моему, всего нужнѣе не ученые, не говоруны разные, а вѣрные слуги престолу и хо-

ронніе христіане. Такъ ли я, святой отецъ, говорю?—обратилась она къ настоятелю.

— Д-да-а!—отвѣчалъ ей тотъ протяжно и не столько, кажется, соглашаясь съ ней, сколько не желая ее оспаривать.

— Милости прошу однако, гости дорогіе, кушать!.. — прибавила она, вставая.

Всѣ поднялись. Полковникъ сейчасъ же подалъ Александрѣ Григорьевнѣ руку. Это былъ единственный свѣтскій пріемъ, который онъ очень твердо зналъ.

— Вашъ сынъ—большой фантазеръ,—оберегите его съ этой стороны!—шепнула она ему, грозя пальцемъ.

— Есть немножко, есть!..—подтвердилъ и полковникъ.

При размѣщеніи за столомъ, Павлу предназначили сѣсть рядомъ съ кадетомъ. Его, видно, считали за очень еще молодого мальчика. Это было нѣсколько обидно для его самолюбія; но, къ счастью, кадетъ оказался презабавнымъ малымъ: онъ очень ловко (такъ что никто и не замѣтилъ) стащилъ съ вазы апельсинъ, вырѣзалъ на немъ глаза, вытянулъ изъ кожи носъ, разрѣзалъ роть и сталъ апельсинъ слегка подавливать; тотъ при этомъ точь въ точь представилъ лицо человѣка, котораго тошнитъ. Павелъ принялся надъ этимъ покатываться со смѣху самымъ искреннѣйшимъ образомъ.

Въ это время Александра Григорьевна обратилась къ настоятелю.

— Вотъ вы были такъ снисходительны, что разсуждали съ этимъ молодымъ человѣкомъ,—и она указала на Павла:—но мнѣ было такъ грустно и непріятно все это слышать, что и сказать не могу.

Настоятель взглянулъ на нее нѣсколько вопросительно.

— Когда при мнѣ какой-нибудь молодой человѣкъ,—продолжала она, какъ бы разъясняя свою мысль:—говоритъ много и говоритъ глупо, такъ это для меня—ножъ вострый; вотъ теперь онъ смѣется—это мнѣ пріятно, потому что свойственно его возрасту.

— Но почему вы,—возразилъ ей скромно отецъ Іоакимъ:—не дозволяете, хоть бы нѣсколько и вкось, разсуждать молодому человѣку и, такъ сказать, испытывать свои зубы на болѣе твердой пищѣ, чѣмъ млеко матери?

— А потому, что пытанье это ведетъ часто къ тому, что голова закружится. Мы видѣли этому прекрасный примѣръ 14 декабря.

Противъ такого аргумента настоятель ничего не нашелся ей возразить и замолчалъ.

Послѣ обѣда всѣ молодые люди вышли на знакомый намъ

балконъ и разсѣлись на уступахъ его. Въ позѣ этой молодой Абреевъ оказался почти красавцемъ.

— Voulez-vous un cigare?—произнесъ онъ, обращаясь къ стоявшему противъ него правовѣду.

Тотъ взялъ у него изъ рукъ сигару.

— M-r Вихровъ, desirez-vous? — обратился Абреевъ къ Павлу, но тотъ поблагодарилъ и отказался отъ сигары: по невѣжеству своему, онъ любилъ курить только жуковину.

— Et vous, monsieur?—отнесся Абреевъ къ кадету.

Тотъ принялъ отъ него сигару и, съ большимъ знаніемъ дѣла, откусилъ у нея кончикъ и закурилъ.

— Le cigare est excellent!—произнесъ Абреевъ, навѣвая себѣ рукою на носъ дымъ.

— Magnifique!—подтвердилъ правовѣдъ, тоже намахивая себѣ на лицо дымъ.

— Отъ насъ Утвиновъ поступилъ къ вамъ въ полкъ?—спросилъ онъ.

— Oui,—протянулъ Абреевъ.

— А правда, что наслѣдникъ ему сказалъ, что онъ лучше бы желалъ штатскимъ его видѣть?

— On dit!—отвѣчалъ Абреевъ:—но тому совершенно былъ не расчетъ... Богатый человѣкъ! «Если бы,—говоритъ онъ:—я могъ поступить по дипломатической части, а то пошлютъ въ какой-нибудь уѣздный городишко стряпчимъ».

— Не въ уѣздный, а въ губернскій,—поправилъ его правовѣдъ.

— Да, но это все одно!.. «Я, говоритъ, совершенно не способенъ къ этому крючкотворству».

Насъ затѣмъ и посылаютъ въ провинцію, чтобы не было этого крючкотворства, — возразилъ правовѣдъ и потомъ, не безъ умыслу, кажется, поспѣшилъ перемѣнить разговоръ:—а что, скажите, братъ его тоже у васъ служитъ, и съ тѣмъ какая-то исторія вышла?

— Ужасная! — отвѣчалъ Абреевъ: — онъ жилъ съ m-me Сомо. Та бросила его, бѣжала за границу и оставила триста тысячъ векселей за его поручительствомъ... Полковой командиръ два года спасалъ его, но послѣднее время скверно вышло: государь узналъ и велѣлъ его исключить изъ службы... Теперь его, значитъ, прямо въ тюрьму посадятъ... Эти женщины, я вамъ говорю, хуже змѣй жалятъ!.. Хоть и говорятъ, что денежныя раны не смертельны, но благодарю покорно!..

— Васъ тоже вѣдь поранили? — спросилъ правовѣдъ.

— Еще какъ!.. Мнѣ mademoiselle Травайль, какая-нибудь фигурантка, двадцать тысячъ стоила... Маман такъ этимъ

огорчена была и сердилась на меня; но я, по крайней мѣрѣ, люблю театръ, а Утвиновъ почти никогда не бывалъ въ театрѣ; онъ и съ m-lle Сомо познакомился въ одномъ салонѣ.

— Я самъ въ театрѣ люблю только оперу,—замѣтилъ правовѣдъ.

— А я, напротивъ, оперы не люблю,—возразилъ Абреевъ:— и хоть самъ музыкантъ, но слушать музыку пять часовъ не могу сряду, а балетъ я могу смотрѣть хоть цѣлый день.

— Какъ же вы,—вмѣшался въ разговоръ Павелъ:—самый высочайшій родъ драматическаго искусства—оперу не любите, а самый низшій сортъ его—балетъ любите?

— Почему балетъ—низшій?—спросилъ Абреевъ съ недоумѣніемъ.

Правовѣдъ улыбнулся про себя.

— Драма, представленная на сценѣ,—продолжалъ Павелъ:— есть вѣнецъ всѣхъ искусствъ; въ нее входятъ и эпосъ, и лирика, и живопись, и пластика, а въ оперѣ наконецъ и музыка—въ самыхъ высшихъ своихъ проявленіяхъ.

— А въ балетѣ развѣ нѣтъ поэзіи и музыки?..—возразилъ слегка правовѣдъ.

— Нѣтъ-съ!..—отвѣтилъ ему рѣзко Павелъ:—въ немъ есть поэзіи настолько, насколько есть она во всѣхъ образныхъ искусствахъ.

— Но какъ же и музыки нѣтъ, когда она даже играетъ въ балетѣ?—продолжалъ правовѣдъ.

— Она могла бы и не играть, — говорилъ Павелъ (у него голосъ даже перехватывало отъ волненія): — отъ нея для балета нуженъ только ритмъ — тактъ. Достаточно барабана одного, который бы выбивалъ тактъ, и балетъ могъ бы итти.

— Вы что-то очень мудрено говорите; я васъ не понимаю,— возразилъ Абреевъ, красиво болтая ногами.

Правовѣдъ опустилъ глаза въ землю и продолжалъ про себя улыбаться.

— Мишель, можетъ, ты понимаешь?.. — обратился Абреевъ къ кадету.

— А я и не слыхалъ, о чемъ вы и говорили, — отвѣчалъ тотъ плутовато.

Павелъ весь покраснѣлъ отъ этихъ насмѣшекъ.

— Очень жаль, что вы не понимаете,—началъ онъ нѣсколько глухимъ голосомъ:—а я говорю, кажется, не очень мудреныя вещи и, по-моему, весьма понятныя!

Ему на это никто ничего не отвѣтилъ.

— А васъ, Мишель, пускаютъ въ театръ? — обратился

Абреевъ опять къ кадету, видимо, желая прекратить этотъ разговоръ, начавшій уже принимать нѣсколько непріязненный характеръ.

— Нѣтъ, не пускаютъ,—отвѣчалъ тотъ:—но мы въ штатскомъ платьѣ ѣздимъ... Нынѣшней весной нашъ выпускной курсъ Асенковой букетъ поднесли.

— И никого не узнали?

— Никого—рѣшительно!

Павелъ молчалъ и ограничивался только тѣмъ, что слушалъ насмѣшливо всѣ эти переговоры.

Въ остальную часть дня Александра Григорьевна, сынъ ея, старикъ Захаревскій и Захаревскій старшій сѣли играть въ вистъ. Полковникъ сталъ разговаривать съ младшимъ Захаревскимъ; несмотря на то, что сына не хотѣлъ отдать въ военную, онъ однако кадетовъ очень любилъ.

— Ну-те-ка, милостивый государь,—сказалъ онъ:—когда же вы выйдете въ офицеры?

— Года черезъ два,—отвѣчалъ тотъ.

— А потомъ—куда?

— Потомъ—на какую-нибудь дистанцію.

— Жалованье-то прапорщичье, я думаю, маленькое...

— Не вѣдь у насъ жалованье — что же?.. — отвѣчалъ кадетъ, пожавъ плечами:—главное проценты съ подрядчиковъ,—иногда однѣхъ работъ на дистанціи доходитъ тысячъ до пятидесяти.

— Такъ, такъ!..—подтверждалъ полковникъ.

— Потомъ иногда въ хозяйственное распоряженіе отдаютъ, это еще выгоднѣе.

— Такъ, такъ!..—говорилъ и на это полковникъ.

Старикъ этотъ, во всю жизнь чужой копейкой не пользовавшійся, вовсе ничего дурнаго не чувствовалъ въ томъ, что говорилъ ему теперь маленькій негодяй.

Павелъ, между тѣмъ, весь вечеръ проговорилъ съ отцомъ Іоакимомъ. Они, кажется, очень между собою подружились. Юный герой мой, къ величайшему удовольствію монаха, объяснилъ ему:

— Православіе должно было быть чище,—говорилъ онъ ему своимъ увлекающимъ тономъ: — потому что христіанство въ немъ поступило въ академію къ кроткимъ философамъ и ученымъ, а въ Римѣ взяли его въ руки себѣ римскіе всадники.

— Православное ученіе, — говорилъ настоятель какимъ-то даже разслабленнымъ голосомъ:—ежели кто окунется въ него духомъ, то, какъ въ жизнодательномъ источникѣ, получитъ въ немъ и крѣпость, и силу, и здравіе!..

— Потому что ключъ-то, источникъ-то, настоящій и истинный!..—подтверждалъ Павелъ.

Разъѣхались всѣ уже послѣ ужина. Павелъ, какъ только сѣлъ въ экипажъ, — чтобы избѣжать всякихъ разговоровъ съ отцомъ,—притворился спящимъ, и въ воображеніи его сейчасъ же началъ рисоваться образъ Мари, а онъ какъ будто бы сталъ жаловаться ей. «Былъ я сегодня, Мари, въ обществѣ моихъ сверстниковъ, и что же это такое? Я имъ говорилъ не свое, а мысли великихъ мыслителей, — и они не только не поняли того, что я имъ объяснялъ, но даже того, что я имъ говорилъ не совершеннѣйшую чепуху!.. Отчего же ты, Мари, всегда все понимала, что я тебѣ говорилъ!»

Мари въ самомъ дѣлѣ, — когда Павелъ, со свойственною всѣмъ юношамъ болтливостью, иногда по цѣлымъ вечерамъ передавалъ ей свои разныя научныя и эстетическія свѣдѣнія,—вслушивалась очень внимательно, и если дѣлала какое замѣчаніе, то оно ясно показывало, что она до тонкости уразумѣвала то, что онъ ей говорилъ.

«О! Когда придетъ то счастливое время, — продолжалъ онъ думать въ какомъ-то даже лихорадочномъ волненіи: — что я буду имѣть право тебѣ одной посвящать и мои знанія, и мои труды, и мою любовь».

Павелъ непремѣнно предполагалъ, какъ только выйдетъ изъ университета, жениться на Мари!

XVIII.

Второй ударъ.

Ѣдучи уже въ Москву и проѣзжая родной губернскій городъ, Павелъ, разумѣется, прежде всего былъ у Крестовниковыхъ. Отобѣдавъ у нихъ, поблагодушествовалъ съ ними, а потомъ вознамѣрился также сходить и проститься съ Дрозденкой. Онъ засталъ Николая Силыча въ оборванномъ полиняломъ халатѣ, сидящаго, съ трубкою въ рукахъ, около водки и закуски и уже нѣсколько выпившаго.

— А, пань Прудіусъ! — воскликнулъ онъ не безъ удовольствія, скривляя, по обыкновенію, на сторону свой ротъ.

Павелъ раскланялся съ нимъ, немного уже важничая.

— Куда Богъ несетъ?—продолжалъ Дрозденко.

— Въ Москву, въ университетъ,—отвѣчалъ Павелъ.

— А!..—произнесъ Николай Силычъ протяжно и какимъ-то довольно страннымъ тономъ.

— А вотъ такъ досадно,—продолжалъ Павелъ:—пришлось

здѣсь пробыть другой день. Не говоря уже про университетъ, самую-то Москву хочется увидѣть поскорѣй.

— Что же въ ней такое, сорокъ-то сороковъ церквей, что ли?—спросилъ явно-насмѣшливымъ голосомъ Николай Силычъ.

— Вся наша исторія, всѣ наши славные и печальные дни совершились по преимуществу въ Москвѣ, въ Кремлевскихъ стѣнахъ.

— А какъ она вылѣзла въ люди-то, ваша Москва?—спросилъ Николай Силычъ и взглянулъ Павлу въ лицо.

— Вылѣзла, — отвѣчалъ тотъ, пожимая плечами: — потому что Московское княжество одолѣло прочія мелкія княжества.

— А чѣмъ же оно одолѣло ихъ? — продолжалъ какъ бы допрашивать Дрозденко.

— Умомъ и тактомъ своихъ князей,—отвѣчалъ Павелъ.

— Тактомъ?..—какъ бы переспросилъ Николай Силычъ:— а кто, паря, больше ихъ булдыхался и колотился лбомъ въ Золотой Ордѣ и подарки тамъ дѣлалъ?.. Налебезять тамъ, заручатся татарской милостью, пріѣдутъ домой и давай душить своихъ, — этакій бы и у меня тактъ былъ, и я бы сумѣлъ такъ быть собирателемъ земли русской.

— Нельзя же все этимъ объяснять,—воскликнулъ Павелъ:— одною подлостью исторія не дѣлается; скорѣй причина этому таится въ самомъ племени около-московскомъ и поволжскомъ.

При этихъ словахъ Николай Силычъ весь даже вспыхнулъ.

— Нѣтъ, племя-то, которое было почестнѣй,.— началъ онъ сердитымъ тономъ: — изъ-подъ вашихъ собирателей земли русской ушло все на Украйну, а другіе, подъ видомъ раскола, спрятались на Сѣверъ изъ-подъ благочестивыхъ царей вашихъ.

— Не могу же я, Николай Силычъ,—возразилъ Павелъ:— какъ русскій, смотрѣть такимъ образомъ на Московское княжество, которое сдѣлало мое государство.

— Ну, и смотри, какъ хочешь, кто тебѣ мѣшаетъ!.. Кланяйся господамъ директорамъ и инспекторамъ, которые выгнали-было тебя изъ гимназіи; они всѣ вѣдь изъ подмосковскаго племени.

Видя, что Николай Силычъ, вѣроятно, частью отъ какой-нибудь душевной горести, а частью и отъ выпитой водки, былъ въ сильно раздраженномъ состояніи, Павелъ счелъ за лучшее не возражать ему.

— А по какому факультету ты поступаешь? — спросилъ Дрозденко послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія и какимъ-то совершенно мрачнымъ голосомъ.

— По математическому, вѣроятно,—отвѣчалъ Павелъ.

Николай Силычъ усмѣхнулся.

— Зачѣмъ?.. На кой чортъ? Чтобы въ учителя прислали; а тамъ продержатъ двадцать пять лѣтъ въ одной шкурѣ, да и выгонятъ, — не годишься!.. потому ты таблицу умноженія знаешь, а мы на мѣсто тебя пришлемъ новаго, молодого, который таблицы умноженія не знаетъ!

Николаю Силычу самому предстояла такая участь, и его, конечно, ужъ не оставляли не потому, что онъ не годился по своимъ знаніямъ, а по его строптивому и безпокойному характеру.

— Государство ваше Россійское, — продолжалъ онъ почти со скрежетомъ зубовъ: — вотъ взять его, зажечь съ одного конца да и поддувать въ мѣха, чтобы сгорѣло все до тла!

Павла покоробило даже при этихъ словахъ. Самъ онъ былъ въ настоящія минуты слишкомъ счастливъ,—будущность рисовалась ему въ слишкомъ свѣтлыхъ и пріятныхъ цвѣтахъ,—чтобы сочувствовать озлобленнымъ мыслямъ и сѣтованіямъ Дрозденко; такъ что онъ, больше изъ приличія, просидѣлъ у него съ полчаса, а потомъ всталъ и началъ прощаться.

— Ну-съ, прощайте! — сказалъ Дрозденко, вставая и цѣлуясь съ нимъ. Онъ замѣтилъ, кажется, что Павелъ далеко не симпатизировалъ его мыслямъ, потому что сейчасъ же перемѣнилъ съ нимъ тонъ.—Кланяйтесь вашему Кремлю, — заключилъ онъ:—и помните, что каждый камешекъ его поспѣлъ и положенъ по милости татарской, а украинцы такъ только бились съ ними и проливали кровь свою...

— Когда лучше узнаю исторію, то и обсужу это!—отвѣчалъ Павелъ тоже сухо и ушелъ; но куда было дѣвать оставшіеся нѣсколько часовъ до ночи? Павлу пришла въ голову мысль сходить въ домъ къ Есперу Иванычу и посмотрѣть на тѣ мѣста, гдѣ онъ такъ счастливо и безмятежно провелъ около года, а вмѣстѣ съ тѣмъ узнать: нѣтъ ли какихъ извѣстій и отъ Имплевыхъ.

Самый домъ и вся обстановка около него какъ бы вовсе не измѣнились: ворота такъ же были отворены, крыльцо — отперто; даже на окнѣ, въ залѣ, какъ Павлу показалось, будто бы лежалъ дорожный саквояжъ. «Что за чудо, ужъ не воротились ли они изъ Москвы?»—подумалъ онъ и пошелъ въ самый домъ. Тамъ его, у самыхъ входныхъ дверей, встрѣтилъ проворно выбѣжавшій изъ комнатъ оставленный при домѣ, въ видѣ дворника, старый лакей Еспера Иваныча, Силантій. Захлопнувъ за собою дверь, онъ сверхъ того заслонилъ ее своей собственной особой. Лицо его было сконфужено и растеряшно.

— А что, отъ Еспера Иваныча есть извѣстія? — спросилъ удивленный всѣмъ этимъ Павелъ.

— Никакъ нѣтъ-съ! — отвѣчалъ Силантій, не отходя отъ дверей.

— Пусти меня въ домъ; я хочу посмотрѣть комнату Мари.

— Никакъ нельзя-съ!—отвѣчалъ старикъ испуганнымъ голосомъ.

— Отчего же нельзя?—спросилъ Павелъ.

— Нельзя-съ!—повторилъ Силантій.—Позвольте-съ, я доложу,—прибавилъ онъ и, какъ бы самъ не понимая, что дѣлаетъ, отворилъ дверь, юркнулъ въ нее и, какъ слышно было, заперевъ ее, куда-то проворно побѣжалъ по дому.

Павелъ отъ удивленія не зналъ, что и подумать. Наконецъ Силантій возвратился, отворилъ дверь какъ-то ужъ не сконфуженно, а больше таинственно; лицо его дышало спокойствіемъ.

— Пожалуйте, войдите-съ, можно!—проговорилъ онъ.

Павелъ вошелъ въ переднюю.

— Васъ онѣ просятъ къ себѣ-съ, въ комнату Марьи Николаевны,—прибавилъ старикъ.

— Кто проситъ? — проговорилъ Павелъ наконецъ ужъ съ досадой.

— Госпожа Фатѣева-съ,—произнесъ почти шопотомъ и нѣсколько лукаво старикъ.

— Зачѣмъ же она здѣсь?—говорилъ Павелъ, идя за Силантіемъ по коридору.

— Да такъ-съ, пріѣхала,—отвѣчалъ тотъ какъ-то неопредѣленно.

Въ комнатѣ Мари, дѣйствительно, Павелъ увидалъ m-me Фатѣеву, но она такъ похудѣла, на щекахъ ея были замѣтны такіе явные слѣды слезъ, что онъ даже пріостановился на нѣсколько мгновеній на порогѣ.

— Не ожидали меня!..—проговорила она, подходя къ нему, протягивая руку и усиливаясь улыбнуться.

— Никакъ ужъ!.. Но скажите, какъ же вы однако и давно ли вы здѣсь?..—спросилъ Павелъ въ одно и то же время сконфуженнымъ и обрадованнымъ голосомъ.

— Все разскажу; ступай, Силантьюшка! — прибавила она вошедшему тоже, вслѣдъ за Павломъ, Силантію.

— Никого больше не прикажете принимать? — спросилъ тотъ, модно склоняя предъ ней голову.

— Никого,—отвѣчала Фатѣева.

Старикъ поклонился и ушелъ.

— Это церберъ какой-то, васъ стерегущій!.. Онъ и меня никакъ не хотѣлъ пустить,—сказалъ Павелъ.

— Да, онъ мнѣ очень преданъ; онъ меня обыкновенно провожалъ отъ Имплевыхъ домой: я ему всегда давала по гривенничку на чай, и онъ за это получилъ ко мнѣ какую-то фанатическую любовь, такъ что я здѣсь гораздо безопаснѣе, чѣмъ въ какой-нибудь гостиницѣ,—говорила m-me Фатѣева, но сама, какъ видно, думала въ это время совсѣмъ о другомъ.

— Но къ чему же вся эта таинственность?—спросилъ Павелъ, не могшій все еще разобрать смысла всего этого.

— О, она мнѣ необходима!—отвѣчала m-me Фатѣева и вслѣдъ затѣмъ глубоко вздохнула.

Павелъ нѣсколько времени смотрѣлъ ей въ лицо.

— Но гдѣ же вашъ мужъ?—проговорилъ онъ.

М-me Фатѣева какъ бы вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

— Не знаю,—отвѣчала она своимъ обычнымъ глухимъ голосомъ:—я съ нимъ больше не живу: мы разошлись!..—заключила она послѣ нѣкотораго молчанія.

— Ну и прекрасно, значитъ!—произнесъ Павелъ, не зная—радоваться этому или нѣтъ.

М-me Фатѣева ничего ему на это не сказала.

— Но что же было окончательнымъ поводомъ къ вашему разводу?—продолжалъ Павелъ разспрашивать.

— Разумѣется,—отвѣчала m-me Фатѣева:—то, что я полюбила другого.

— Другого?.. — сказалъ Павелъ, уставляя на нее веселые глаза.

— Да,— отвѣчала Фатѣева, какъ бы стыдясь и отворачиваясь отъ него.—Позвольте, вы вѣдь мнѣ другъ,—такъ, да?..—прибавила она, вставая и протягивая ему руку.

— Другъ, самый искренній! — отвѣчалъ Павелъ, съ чувствомъ пожимая ея руку.

— Ну, такъ я васъ сейчасъ познакомлю съ нимъ!—проговорила она съ легкой краской въ лицѣ и вышла затѣмъ изъ комнаты.

Удивленіе Павла не прекращалось.

Вскорѣ онъ услышалъ разговоръ въ сосѣдней комнатѣ.

— Venez!..—говорила Фатѣева какимъ-то настоятельнымъ тономъ.

— Pourquoi?..—отвѣчалъ ей мужской голосъ.

— Venez donc!—повторяла Фатѣева еще настоятельнѣе и черезъ нѣсколько мгновеній она вошла въ сопровожденіи довольно молодцоватаго, но лѣтъ уже за сорокъ мужчины,—съ лицомъ, видно, нѣкогда красивымъ, но теперь истощеннымъ, въ щеголеватомъ штатскомъ платьѣ и съ военнымъ крестикомъ въ петличкѣ. Онъ, кажется, старался улыбаться своему положенію.

— Monsieur Постенъ, а это мой другъ, monsieur Поль!— проговорила m-me Фатѣева скороговоркой, не глядя ни на того ни на другого изъ рекомендуемыхъ ею лицъ, а потомъ сама сейчасъ же отошла и сѣла къ окну.

M-r Постенъ и m-r Поль очутились въ несовсѣмъ ловкомъ положеніи. Они поклонились другъ другу и рѣшительно не находились, о чемъ бы заговорить. M-r Постенъ, впрочемъ, видимо получившій приказаніе оказывать вниманіе Павлу, движеніемъ руки пригласилъ его сѣсть и самъ сѣлъ, но разговоръ все еще не начинался.

— Постенъ,—начала наконецъ Фатѣева, какъ-то мрачно и потупляя свое лицо въ землю:—разскажите Полю исторію моего развода съ мужемъ... Мнѣ тяжело объ этомъ говорить...

— Почему же — я?—спросилъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ Постенъ.

— Потому что вы были всему свидѣтелемъ,—отвѣчала Фатѣева съ укоромъ.

Постенъ пожалъ плечами и не началъ ничего говорить.

— И, пожалуйста, совершенно откровенно; я хочу, чтобъ Поль все зналъ,—прибавила m-me Фатѣева.

Постенъ опять усмѣхнулся, но какъ заговорить—явно не находился.

— M-r Фатѣевъ, какъ я слышалъ, характера очень дурного, — вмѣшался въ разговоръ Павелъ, чтобы хоть сколько-нибудь помочь ему.

— Тутъ все дѣло въ ревности,—началъ Постенъ съ прежней улыбкой и, повидимому, стараясь придать всему разговору нѣсколько легкій оттѣнокъ:—когда Клеопатра Петровна переѣхала въ деревню, я тоже въ это время былъ въ своемъ имѣніи и, разумѣется, какъ сосѣдъ, бывалъ у нея; она такъ была больна, такъ скучала...

При этихъ словахъ Павелъ невольно взглянулъ на m-me Фатѣеву, но она почти до половины высунулась въ окно.

— А что же вы не сказали того, что мужъ прежде всегда заставлялъ меня, чтобъ я была любезна съ вами? — проговорила она, не оборачивая лица своего въ комнату: вообще въ тонѣ ея голоса и во всѣхъ манерахъ было видно что-то раздраженное.

— Да, онъ всегда желалъ этого,—произнесъ, почти съ удивленіемъ, Постенъ.—Но потомъ-съ!..—началъ онъ разсказывать какимъ-то чересчуръ ужъ пунктуальнымъ тономъ: — когда самъ господинъ Фатѣевъ пріѣхалъ въ деревню, и всѣ мы—я, онъ, Клеопатра Петровна—по его же дѣлу отправились въ уѣздный городъ, онъ тамъ, въ присутствіи нѣсколь-

кихъ господъ чиновниковъ, бывши, по обыкновенію, въ своемъ послѣобѣденномъ подпитіи, бросается на Клеопатру Петровну съ ножомъ.

— Какъ съ ножомъ?—воскликнулъ Павелъ.

— Съ ножомъ; я ужъ защитилъ ее своей рукой, такъ что онъ слегка даже ранилъ меня,—отвѣчалъ, попрежнему пунктуально, Постенъ.

Павелъ перенесъ свой взглядъ на Фатѣеву. Она все еще смотрѣла въ окно.

— Всѣ мы, и я и господа чиновники,—продолжалъ между тѣмъ Постенъ:—стали ему говорить, что нельзя же это наконецъ, и что онъ хоть и мужъ, но будетъ отвѣчать по закону... Онъ, вѣроятно, чтобы замять это какъ-нибудь, предложилъ Клеопатрѣ Петровнѣ вексель, но вскорѣ же затѣмъ, съ новыми угрозами, сталъ требовать его назадъ... Что же оставалось съ подобнымъ человѣкомъ дѣлать, кромѣ того, что я предложилъ ей мой экипажъ и лошадей, чтобы она ѣхала сюда.

Прослушавъ все это, Павелъ молчалъ. Какъ ни мало онъ былъ житейски опытенъ, но исторія о векселѣ непріятно подѣйствовала на него. Самъ же Постенъ просто показался ему противенъ: онъ рѣшительно видѣлъ въ немъ какого-то господина—изжившагося, истрепавшагося и умѣвшаго звучать въ одну только практическую сторону. Какъ и чѣмъ m-me Фатѣева могла увлечься въ немъ—Павелъ понять не могъ. Она, въ свою очередь, кажется, замѣтила несовсѣмъ благопріятное впечатлѣніе, произведенное избранникомъ сердца ея на Павла, и ей, какъ видно, хотѣлось по этому поводу переговорить съ нимъ, потому что она, явно—безъ всякой особенной надобности, услала Постена.

— Я завтра хочу выѣхать,—обратилась она къ тому несовсѣмъ даже пріязненнымъ тономъ.

— Завтра?—переспросилъ Постенъ.

— Завтра, а потому будьте такъ добры—поднте и приготовьте лошадей!

— Если завтра, такъ, конечно, теперь же надо приготовить,—проговорилъ онъ и затѣмъ, церемонно раскланявшись съ Павломъ и мотнувъ, съ улыбкою, головой Фатѣевой, вышелъ.

Павелъ и Фатѣева нѣсколько времени молчали.

— А какъ вамъ понравился этотъ господинъ?..—спросила наконецъ она.

— Хорошъ, если вамъ онъ нравится, — отвѣчалъ Павелъ, держа лицо свое опущеннымъ въ землю.

M-me Фатѣева болѣе уже не повторяла этого вопроса. Павелъ самъ обратился къ ней:

— Куда же вы ѣдете теперь?

— Въ Петербургъ пока!—отвѣчала Фатѣева мрачнымъ голосомъ. — Въ омутъ бы мнѣ всего лучше и скорѣй надо!.. — прибавила она.

Павелъ посмотрѣлъ на нее. «Такъ влюбленные не говорятъ!»—подумалъ онъ.

— Меня-то теперь, главное, безпокоитъ, — начала вдругъ Фатѣева:—разныя тетушки и кумушки кричатъ на весь околотокъ, зачѣмъ я съ мужа взяла вексель и не возвращаю ему его, но у меня его нѣтъ: онъ у Постена, и тотъ мнѣ его не отдаетъ.

— Зачѣмъ же онъ у Постена, и почему онъ вамъ не отдаетъ его?—говорилъ Павелъ, не глядя на нее.

Въ голосѣ его слышалась нѣкоторая строгость.

— Онъ говоритъ, что когда этотъ вексель будетъ у меня, такъ я не выдержу и возвращу его мужу, а между тѣмъ онъ необходимъ для спокойствія всей моей будущей жизни!

— Чѣмъ же онъ такъ необходимъ для спокойствія вашей будущей жизни?

— Тѣмъ, что онъ будетъ служить для мужа нѣкоторымъ страхомъ.

— Но вѣдь вы ужъ больше не живете съ вашимъ мужемъ?

— Да, но онъ можетъ меня потребовать къ себѣ каждую минуту.

Павелъ задумался; въ продолженіе всей этой сцены онъ велъ себя какъ бы солиднѣйшій мужчина.

— Вотъ объ этомъ-то, другъ мой, собственно я и хотѣла посовѣтоваться съ вами: имѣю ли я право воспользоваться этимъ векселемъ или нѣтъ?

Павелъ развелъ руками и началъ не безъ важности:

— По-моему, имѣете и нѣтъ; не имѣете права, потому что мужъ вашъ не желаетъ вамъ оставить этотъ вексель, а имѣете его, потому что онъ заѣлъ весь вашъ вѣкъ; слѣдовательно долженъ поплатиться съ вами не только деньгами, но даже жизнью, если бы вы потребовали того!..

— Да, подите,—люди развѣ разсудятъ такъ!.. Никто этого не знаетъ, да и знать не хочетъ!.. Я здѣсь совершенно одна, ни посовѣтоваться мнѣ не съ кѣмъ, ни заступиться за меня некому!..—проговорила m-me Фатѣева и заплакала горькими-горькими слезами.

Павлу сдѣлалось до глубины души ее жаль.

— Что жъ вамъ за дѣло до людей!..—воскликнулъ онъ сколь возможно болѣе убѣдительнымъ тономъ.—Ну, и пусть себѣ судятъ, какъ хотятъ!.. А что Мари, скажите, знаетъ эту грустную

вашу повѣсть? — прибавилъ онъ: ему давно уже хотѣлось поговорить о своемъ сокровищѣ Мари.

— Кажется, знаетъ!..—отвѣчала Фатѣева довольно холодно:— по крайней мѣрѣ, я слышала, что мужъ къ ней и къ Есперу Иванычу, какъ къ родственникамъ своимъ, писалъ обо всемъ, и она, вѣроятно, больше симпатизируетъ ему.

— Мари?—спросилъ Павелъ съ удивленіемъ.

— Да,—отвѣчала Фатѣева:—она въ этомъ случаѣ ужасная пуристка,—особенно въ отношеніи другихъ.

— А въ отношеніи себя что же?—сказалъ Павелъ. Онъ видѣлъ, что m-me Фатѣева была за что-то сердита на Мари.

— О, въ отношеніи себя нѣтъ!..—говорила та:—хоть бы съ вами: вы вѣдь къ ней неравнодушны!

— Я?—спросилъ Павелъ, покраснѣвъ.

— Да, вы!.. И даже очень неравнодушны,—такъ?

— Можетъ-быть,—отвѣчалъ Павелъ, улыбаясь: онъ очень радъ былъ этому вопросу.

— Съ вами, по-моему,—продолжала Фатѣева грустно-серьезнымъ тономъ: — она очень нехорошо поступала; она видѣла ваши чувства къ себѣ, почему же она не сказала вамъ, что любитъ другого?

— Мари любитъ другого?.. Но кого же?—спросилъ Павелъ какимъ-то глухимъ и торопливымъ голосомъ.

— Тамъ одного господина; ихъ, вѣроятно, скоро свадьба будетъ.

Павелъ почувствовалъ, что у него въ головѣ какъ бы что-то такое лопнуло.

— Какъ же это?.. Я у самой васъ спрашивалъ: нѣтъ ли чего особеннаго у Мари въ Москвѣ, и вы рѣшительно сказали, что нѣтъ!—проговорилъ онъ съ укоризною.

— Другъ мой!..—воскликнула Фатѣева:—я никакъ не могла тогда сказать вамъ того! Мари умоляла меня и взяла съ меня клятву, чтобы я не проговорилась вамъ о томъ какъ-нибудь. Она не хотѣла, какъ сама мнѣ говорила, огорчать васъ. «Пусть, говоритъ, онъ учится теперь какъ можно лучше!»

— Хорошо еще и то,—произнесъ съ грустной насмѣшкой Павелъ:—что обманывали по крайней мѣрѣ съ благодѣтельною цѣлью!.. Что же ея будущій супругъ—господинъ офицеръ, гусаръ, генералъ?

— Онъ—артиллерійскій полковникъ; очень хорошій, говорятъ, человѣкъ; эта привязанность старинная; у нихъ это сватанье тянется года ужъ три...

— Что же такъ долго мѣшало ихъ счастью?

— Сама Мари, разумѣется... Она въ этомъ случаѣ, я не

знаю, какая-то нерѣшительная, что ли, стыдливая; какого труда, я думаю, ей стоило самой себѣ признаться въ этомъ чувствѣ!.. А по-моему, если полюбила человѣка — не только жениха, а и такъ называемою преступною любовью — что жъ, тутъ скрываться нечего; не скроешь!

— И очень она любитъ жениха?—спросилъ Павелъ.

Всѣми этими допытываніями онъ какъ бы хотѣлъ еще больше намучить и натерзать себя, а между тѣмъ въ головѣ продолжалъ чувствовать ни на минуту не умолкающій шумъ,

— Очень, вѣроятно! По крайней мѣрѣ, въ послѣднемъ письмѣ, которое она мнѣ писала, она безпрестанно называетъ: «мой добрый, безцѣнный».

— Вотъ какъ,—«добрый, безцѣнный»!—произнесъ Павелъ, куда-то въ сторону смотря.

М-me Фатѣева поняла, кажется, наконецъ, какое она страшное впечатлѣніе произвела на Павла этимъ открытіемъ.

— Что же, вы будете въ Москвѣ бывать у Еспера Иваныча и у молодыхъ, когда ихъ свадьба состоится?—спросила она, глядя на него съ участіемъ.

— Конечно-съ!.. Какое же право я имѣю на нихъ сердиться? Случай весьма обыкновенный. Мнѣ много еще разъ, вѣроятно, въ жизни придется влюбиться несчастнымъ образомъ!..—Павелъ отвѣтить усиливался насмѣшливымъ голосомъ: ему совѣстно было передъ Фатѣевой тѣхъ рыданій, которыя готовы были вырваться изъ его груди.

— Ну, однако я тоже завтра уѣзжаю, и мнѣ тоже надобно похлопотать о лошадяхъ!..—сказалъ онъ, вставая и протягивая руку m-me Фатѣевой.

— Я, можетъ-быть, буду въ Москвѣ и буду имѣть крайнюю, очень крайнюю надобность видѣться съ вами!—проговорила она съ удареніемъ.

— Всегда къ вашимъ услугамъ, — отвѣчалъ ей Павелъ и поспѣшилъ уйти. Въ головѣ у него все еще шумѣло и трещало; въ глазахъ мелькали зеленыя пятна; ноги едва двигались. Придя къ себѣ на квартиру, которая была, попрежнему, въ домѣ Александры Григорьевны, онъ легъ и такъ пролежалъ до самаго утра, съ открытыми глазами, не спя и въ то же время какъ бы ничего не соображая и даже ничего не чувствуя.

Сила любви никакъ не зависитъ ни отъ взаимности ни отъ достоинства любимаго предмета: все дѣло въ воспріимчивости нашей собственной души и въ ея способности сильно чувствовать. Герой мой не имѣлъ никакихъ почти данныхъ, чтобы воспылать сильной страстью къ Мари; а между тѣмъ, пора-

женный извѣстіемъ о любви ея къ другому, онъ на другой день не поднимался уже съ постели. Ванька страшно этого перепугался. Полковникъ, отпуская его съ сыномъ въ Москву, сказалъ ему, что если съ Павломъ Михайлычемъ что случится, такъ онъ съ него, Ваньки (за что-то) три шкуры спуститъ... Ванька сидѣлъ и обливался горькими слезами. Къ счастію, что при этомъ былъ Симоновъ, который сейчасъ же нашелся: сбѣгалъ за докторомъ и послалъ, на собственныя деньжонки, эстафету къ полковнику. Пришедшій врачъ объявилъ, что у Павла нервная горячка, и Симоновъ самъ принялся ставить больному горчичники, вытирать его уксусомъ съ виномъ, безпрестанно бранилъ помогавшую ему при этомъ жену свою, называя ее бабой-ротозѣйкой и дурой необразованной. Этотъ отличный человѣкъ такъ ухаживалъ за Павломъ не столько, кажется, изъ усердія къ нему, сколько изъ того, что всякое дѣло, за которое онъ принимался, привыкъ дѣлать отлично... Полковникъ наконецъ прискакалъ на почтовыхъ. Увидѣвъ сына въ такомъ положеніи, онъ пришелъ въ совершенное отчаяніе.

— Ну, вотъ вамъ и университетъ,—говорилъ вѣдь я!.. — повторялъ онъ почти всѣмъ людямъ.

Павелъ сначала не узналъ отца, но потомъ, когда онъ пришелъ въ себя, полковникъ и ему то же самое повторилъ.

— Говорилъ я тебѣ: до чего тебя довелъ твой университетъ; плюнь на него да и поѣзжай въ Демидовское!

Павелъ съ ожесточеніемъ ударилъ себя въ грудь.

— Послушайте,—началъ онъ раздраженнымъ голосомъ:—у меня уже теперь потеряно все въ жизни!.. Не отнимайте, по крайней мѣрѣ, науки у меня.

Полковникъ понять не могъ, что такое это все было потеряно у сына въ жизни.

Страхъ смерти, около которой Павелъ былъ весьма недалеко, развилъ снова въ немъ религіозное чувство. Онъ безпрестанно, лежа на постели, молился и читалъ евангеліе. Полковника это радовало.

— Вотъ это хорошо, молись: молитва лучше всякихъ докторовъ помогаетъ!..—говорилъ онъ, а между тѣмъ самъ безпрестанно толковалъ о Павлѣ съ Симоновымъ.

— Весь онъ у меня, братецъ, въ мать пошелъ: умная вѣдь она у меня была, но тоже этакая пречувствительная и претревожная!.. Вотъ онъ тоже маленькимъ болѣнъ сдѣлался: вдругъ вздумала: «ай, батюшка, чтобы спасти сына отъ смерти, пойду сама въ Геннадіевъ монастырь пѣшкомъ!..» Сходила, надорвалась, да и жизнь кончила, такъ развѣ Богъ-то требуетъ того!?..

— Заботливые люди, ваше высокородіе, всегда нездоровѣе людей беззаботныхъ,—замѣтилъ Симоновъ.

— Да вѣдь всему же, братецъ, есть мѣра; я самъ человѣкъ нечный, а вѣдь ужъ у нихъ—у него вотъ и у покойницы—если заберется что въ голову, такъ словно на прутѣ ихъ бьетъ.

— Ну, да теперь, ваше высокородіе, Павелъ Михайлычъ еще молоденекъ. Богъ дастъ, повозмужаетъ и покоренѣетъ, а что барчикъ прекрасный-съ и предобрый!—говорилъ Симоновъ.

— Добрый-то добрый! — подтверждалъ съ удовольствіемъ полковникъ.

Когда сынъ наконецъ объявилъ еще разъ и окончательно, что поѣдетъ въ Москву, онъ отнесся ужъ къ нему какимъ-то даже умоляющимъ голосомъ:

— Позволь мнѣ, по крайней мѣрѣ, проводить тебя!

— Ни за что!—воскликнулъ Павелъ опять раздраженнымъ голосомъ:—я нисколько не хочу васъ стѣснять собой!

— Да ты меня больше стѣснишь: я измучусь, думая, какъ ты одинъ поѣдешь!

— А я еще больше измучусь,— сказалъ Павелъ:—если вы поѣдете со мной, потому что вамъ надобно быть въ деревнѣ.

Павелъ, по преимуществу, не желалъ, чтобы отецъ ѣхалъ съ нимъ, потому что всѣ хоть сколько-нибудь близкіе люди опротивѣли ему, и онъ хотѣлъ, чтобы никто, кромѣ глупаго Ваньки, не былъ свидѣтелемъ его страданій.

Полковникъ, начавшій послѣднее время почти притрухивать сына, на это покачалъ только головой и вздохнулъ; и когда потомъ проводилъ наконецъ далеко еще не оправившагося Павла въ Москву, то горести его предѣловъ не было: ему казалось, что у него нѣтъ уже больше сына, что тотъ умеръ и ненавидитъ его!.. Искаженное лицо солдата безпрестанно мелькало передъ глазами старика.

— Да, я знаю, знаю, за тебя мнѣ Богъ все это мститъ!— говорилъ онъ, кивая своему видѣнію, какъ бы старому пріятелю, головой...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Макаръ Григорьевичъ.

Надъ Москвою стоялъ душнѣйшій іюльскій день. Въ маленькой и закоптѣлой комнатѣ съ открытымъ окномъ, на жесткомъ кожаномъ диванѣ, лежалъ, отъ болѣзни и дорожнаго утомленія, худой, какъ мертвецъ, Павелъ. Въ переднемъ углу

комнаты стоялъ кіотъ съ почернѣвшими отъ времени образами, а въ другомъ углу помѣщался шкапчикъ, съ рюмкой, у которой подножка была отбита и замѣнена широкой пробкой, съ двумя-тремя стаканами и нѣсколькими чашками. Какъ ни мало брезгливъ былъ Павелъ, но онъ старался даже не глядѣть въ этотъ уголъ, чтобы только не видать всѣхъ этихъ предметовъ: до того они были грязны. На окнѣ стояла запылѣнѣлая чернильница, въ которую воткнуто было засушенное и обгрызанное перо. Рядомъ съ нею стояли счеты, съ вогнутыми внизъ нѣсколько спицами. Вѣроятно, хозяинъ, считая на нихъ, изволилъ разгнѣваться и ударилъ по нимъ своимъ кулакомъ. На противоположной дивану стѣнѣ висѣло запыленное мухами зеркало, и когда Павелъ попробовалъ-было посмотрѣться, то лицо его представилось ему совершенно перекошеннымъ на сторону. Невдалекѣ отъ зеркала была прибита лубочная картина: «Русскій морозъ и нѣмецъ», изображающая уродливѣйшаго господина во фракѣ и съ огромнѣйшимъ носомъ, и на него русскій мужикъ въ полушубкѣ замахивался дубиной, а внизу было подписано: «Нѣмецъ, береги свой носъ, идетъ русскій морозъ!». Все сіе помѣщеніе принадлежало Макару Григорьеву Синькину, московскому обручному подрядчику, къ которому, какъ мы знаемъ, Миханлъ Поликарпычъ препроводилъ своего сына... Ванька вмѣстѣ съ Павломъ тоже прибылъ въ Москву и теперь, по указанію Макара Григорьева, спалъ въ мастерской на осокѣ, которою прокладываютъ спаи въ бочкахъ. Ванька всю рожу исцарапалъ себѣ этой осокой, но все-таки продолжалъ спать, и у него слюна даже текла отъ получаемаго имъ удовольствія: онъ очень ужъ умаялся отъ ѣзды на перекладныхъ и сидѣнья—триста верстъ—на облучкѣ. Макаръ Григорьевичъ, для перваго знакомства, взглянулъ на него съ какимъ-то презрѣніемъ и, какъ собакѣ какой, указавъ мѣсто на осокѣ, проговорилъ: «на вотъ, спи тутъ; гдѣ же тебѣ больше!»

Въ настоящую минуту Макаръ Григорьевъ, старикъ ужъ лѣтъ за шестьдесятъ, съ оплывшими руками, съ большимъ животомъ, въ одной рубахѣ и плисовыхъ штанахъ, стоялъ нехотя передъ своимъ молодымъ бариномъ.

— Жена твоя все увѣряла отца, что я могу остановиться у тебя,—говорилъ Павелъ, видно, еще занятый своимъ прежнимъ горемъ.

— Дура она и бестія, вотъ что!..—произнесъ Макаръ Григорьевъ досадливымъ голосомъ.—Я давно ей обѣщалъ языкъ-то на бревно положить и отрубить топоромъ, чтобы не болталъ онъ много...

Разговоръ на нѣсколько времени пріостановился.

— И папенька-то вашъ тоже,—продолжалъ Макаръ Григорьевъ тѣмъ же сердитымъ голосомъ:—пишетъ: «прими сына!». Да что у меня, апартаменты, что ли, какіе настроены въ Москвѣ?

Послѣднія слова показались Павлу нѣсколько обидными.

— Я у тебя никакихъ апартаментовъ и не прошу. а ты мнѣ покажи только, гдѣ бы мнѣ поскорѣй квартиру найти,— проговорилъ онъ.

Макаръ Григорьевъ сейчасъ же сдалъ послѣ того.

— Грамотѣ-то, чай, изволите знать, — началъ онъ гораздо болѣе добрымъ и только нѣсколько насмѣшливымъ голосомъ:— подите по улицамъ и глядите, гдѣ записка есть, а то ино ступайте въ трактиръ, спросите тамъ газету и читайте ее: сколько хошь въ ней всякихъ объявленій есть. Мнѣ вѣдь не жаль помѣщенія, но никакъ невозможно этого: ну, я пьяный домой приду, развѣ хорошо господину это видѣть?

— Да ты садись, пожалуйста,—сказалъ Павелъ, замѣтивъ наконецъ, что Макаръ Григорьевъ все чаще и чаще начинаетъ переступать съ ноги на ногу.

— И то сяду, — сказалъ тотъ, сейчасъ же садясь.—Старъ нынѣ ужъ сталъ; вотъ тоже иной разъ по подряду куда придешь—постоишь маненько и сядешь. «Нѣтъ-мо, баря, будетъ; постоялъ я передъ вами довольно!..»

— Скажи, ты не бывалъ здѣсь у Еспера Иваныча Имплева? Онъ боленъ и пріѣхалъ сюда лѣчиться,—спросилъ Павелъ.

— Нѣтъ, не бывалъ!.. Въ Новоселкахъ, когда онъ жилъ у себя въ деревнѣ, захаживалъ къ нему; сколько разъ ему отседова книгъ, по его приказанью, высылалъ!.. Баринъ важный!.. Только вотъ, поди ты: весь вѣкъ съ ключницей своей, словно съ женой какой, прожилъ.

— Что же, если онъ любилъ ее,—возразилъ Павелъ грустнымъ тономъ.

— Что—любилъ!.. Вздоръ! Развѣ баринъ можетъ любить дѣвушку простую, горничную...

— Отчего жъ не можетъ?

— Оттого, что она—дура, тварь!.. Всякій долженъ рубить дерево по себѣ.

— Ну, Анна Гавриловна—никакъ ужъ не дура и не тварь,— возразилъ Павелъ, удивленный такимъ сильнымъ опредѣленіемъ.—А самъ ты никогда развѣ не любилъ?—прибавилъ онъ съ полуулыбкой.

— Я?.. Нѣтъ!.. — отвѣчалъ Макаръ Григорьевъ серьезнѣй-

шимъ образомъ. - Я завсегда терпѣть не могъ этого... Заплатилъ деньги и баста—маршъ!—чтобъ и духу ея не было.

— А побочная дочь Еспера Иваныча вышла замужъ или нѣтъ?—продолжалъ спрашивать Павелъ, дѣлая видъ, что какъ будто бы онъ все это говоритъ отъ-нечего-дѣлать.

— Надо быть, что вышла,—отвѣчалъ Макаръ.—Кучеренко этто ихній прибѣгалъ ко мнѣ; онъ тоже сродственникомъ какъ-то моимъ себя почитаетъ и думалъ, что я очень обрадуюсь ему: ай-мо, батюшка, какой дорогой гость пожаловалъ; да стану ему угощенье дѣлать; а я вонъ велѣлъ ему заварить кой-какихъ снитокъ чайныхъ, далъ ему потомъ гривенникъ... «Не ходи, говорю, братъ больше ко мнѣ, нѣ по что!» Такъ онъ болталъ тутъ что-то такое, что свадьба-то была.

— Была?..—переспросилъ Павелъ.

— Была,—отвѣчалъ Макаръ Григорьевъ и потомъ, замѣтивъ, что утомленіе и тоска на лицѣ Павла какъ бы увеличились, онъ прибавилъ:—Что же я за дуракъ этакій, вамъ покушать, чай, надо.

— Да, вели мнѣ подать чего-нибудь, что у васъ тамъ готовилось, — проговорилъ Павелъ.

— Какъ это возможно, что у насъ готовилось!.. щи какія-нибудь пустыя! — возразилъ Макаръ Григорьевъ, вслѣдъ за тѣмъ всталъ и, пріотворивъ немного дверь въ сѣни, крикнулъ:—Эй, Огурцовъ!

На зовъ этотъ въ комнату проворно вошелъ малый — лѣтъ двадцати пяти, въ одной рубахѣ, съ ремешкомъ въ волосахъ и въ хлябающихъ сапожныхъ опоркахъ на ногахъ.

— Здравствуйте, батюшка Павелъ Михайловичъ,—сказалъ онъ съ веселымъ и добрымъ лицомъ, подходя къ рукѣ Павла.

— Нѣтъ, не надо! — отвѣчалъ тотъ, не давая ему руки и цѣлуя малаго въ лицо; онъ узналъ въ немъ друга своего дѣтства, мальчишку изъ сосѣдней деревни — Ефимку, который отлично ходилъ у него въ корню, когда прибѣгалъ къ нему по воскресеньямъ бѣгать въ лошадки.

— Вотъ какой ты сталъ большой, — сказалъ ему Павелъ.

— Да, батюшка Павелъ Михайловичъ, и вы вѣдь тоже выросли, — сказалъ Ефимъ съ прежнимъ веселымъ лицомъ.

— Это что, братъ, хвастать-то: осина что ни есть — и та растетъ!.. — перебилъ его Макаръ Григорьевъ. — А ты вотъ что,—продолжалъ онъ ужъ повелительнымъ голосомъ: — поди въ Московскій трактиръ къ Печкину, — слышь!.. Вотъ тебѣ двадцатипятирублевая!.. — И при этомъ Макаръ Григорьевъ хвастливо вынулъ изъ жилетнаго кармана двадцатипятирублевую бумажку и подалъ ее Огурцову. — Возьми тамъ порцію

стерляжьей ухи,—слышь!—самолучшаго поросенка подъ хрѣномъ, жаренаго, какое тамъ есть, и бутылку шипучаго-донского!.. Сладенькаго еще чего-нибудь бы надо — забѣги въ Охотный рядъ къ Егорову въ лавку и спроси, чтобъ фруктовъ тебѣ какихъ-нибудь самолучшихъ далъ — десятокъ.

— Помилуй, куда же ты этакій обѣдъ заказываешь! Я рѣшительно не могу всего этого съѣсть, — воскликнулъ Павелъ.

— Вона, не могу! — воскликнулъ въ свою очередь Макаръ Григорьевъ. — Знаемъ вѣдь тоже: приходилось по дѣламъ-то нашимъ угощать баръ-то, а своему господину ужъ не сдѣлать того... Слава тебѣ, Господи, сможемъ, не разоримся, — заключилъ Макаръ Григорьевъ и какъ-то самодовольно усмѣхнулся.

Огурцовъ, въ тѣхъ же опоркахъ и только надѣвъ мятую-измятую поддевку, побѣжалъ и очень скоро, хоть не совсѣмъ исправно, принесъ все, что ему было приказано: хлѣбъ онъ залилъ расплескавшейся ухой, огурецъ дорогой уронилъ, потомъ поднялъ его и съ пескомъ опять положилъ на тарелку. Макаръ Григорьевъ замѣтилъ это и сталъ его бранить.

— Экій дуракъ-мужикъ, эка дура!—И самъ, между тѣмъ, принялся такъ же неаккуратно и неумѣло разставлять передъ Павломъ всѣ кушанья; Огурцовъ тоже помогалъ ему. Видимо, что оба они желали услужить—и оба не умѣли.

— Самъ-то ты покушай со мною,—сказалъ Павелъ Макару.

— Нѣтъ, не стану; я вѣдь ужъ обѣдалъ!..—отвѣчалъ тотъ, отворачиваясь и покраснѣвъ немного: такое ласковое и безцеремонное приглашеніе барина его сконфузило!

Павелъ сталъ обѣдать; уха, поросенокъ и жареный цыпленокъ оказались превосходными, но всего этого онъ съѣсть, разумѣется, не могъ.

— Позови стрянушку! — сказалъ Макаръ Григорьевъ Огурцову.

Тотъ пошелъ. Павелъ думалъ, что придетъ какая-нибудь женщина, но оказалось, что пришелъ замаранный мальчишка.

— На, убери — это барчиково кушанье; чтобы все у меня было цѣло, — сказалъ ему Макаръ Григорьевъ.

Стрянушка грязными руками принялся захватывать тарелки и уносить ихъ.

— Вино-то откупоренное принесъ?—обратился Макаръ Григорьевъ къ стоявшему уже опять Огурцову.

— Откупоренное-съ,—отвѣчалъ тотъ.

— Разлей!

Огурцовъ изъ шкапчика досталъ два стакана, изъ которыхъ одинъ, почище, поставилъ передъ Павломъ, а другой,

совершенно грязный, передъ хозяиномъ, и принялся разливать вино, опасаясь, чтобы не пролить изъ него капельки.

— Здравія желаемъ! — проговорилъ Макаръ Григорьевъ, прищуривая глаза и поднося стаканъ съ краснымъ донскимъ ко рту.

— И тебѣ того же желаю, — отвѣчалъ Павелъ и чокнулся съ нимъ.

— Баринъ вы нашъ будете,—властвовать надъ нами станете, — продолжалъ Макаръ Григорьевъ почти насмѣшливымъ тономъ. — Въ маменьку только больше будете, а не въ папеньку,—прибавилъ онъ совершенно уже серьезно.

— Почему же въ маменьку?

— Да такъ, потому она была барыня настоящая, христіанка... изъ роду тоже настоящаго, хорошаго, богатаго.

Макаръ Григорьевъ преимущественно не уважалъ полковника за то, что тотъ былъ изъ бѣдныхъ дворянъ.

— Отецъ тоже очень хорошій и честный человѣкъ, — замѣтилъ Павелъ.

— Не знаю, — отвѣчалъ Макаръ Григорьевъ какъ бы нехотя. — Конечно, что намъ судить господъ не приходится, только то, что у меня съ самыхъ первыхъ поръ, какъ мы подъ власть его попали, все что-то неладно съ нимъ пошло, да и до сей поры, пожалуй, такъ идетъ.

— Я не слыхалъ этого,—сказалъ Павелъ.

— Гдѣ вамъ слышать-то,—возразилъ Макаръ Григорьевъ:— васъ и въ зачинѣ еще тогда не было. Я сошелъ тоди въ деревню... богатымъ ужъ я былъ и въ знати... и сталъ тоже съ нимъ разговаривать. Онъ началъ все солдатъ хвалить, а мужиковъ и дворовыхъ—бранить. Я ему и говорю: «коли, говорю, солдаты больно хороши, такъ пусть бы съ нихъ бари оброки и брали, а то дворовые и мужики ихъ поятъ и кормятъ, а они ихъ все бранятъ». Батюшки мои, затопалъ, затопалъ!.. «Высѣчь его!» — говоритъ... Только маменька ваша, дай ей Богъ царство небесное:—«Нѣтъ, говоритъ, Миша, прошу тебя — Макара Григорьева не трогай! Человѣкъ на человѣка не приходитъ... Это его очень обидитъ»... А онъ все свое: «драть его, сѣчь его!»... Она, голубушка, на колѣни даже передъ нимъ стала и все просила его: «ты, говоритъ, этимъ Макара Григорьева погубишь навѣки!..» И точно, что — отдери онъ тогда меня, какъ хотѣлось ему того, я бы — хоть бросай свое дѣло; потому, какъ я спрошу послѣ того съ какого-нибудь подчиненнаго своего, али накажу ихъ же пропойцу-мужичонка, — онъ мнѣ прямо въ глаза бухнетъ: «ты самъ—сѣченый!». Все это маменька ваша, видно, разсудила и

поняла, потому и добрая, умная была, — вы изъ лица съ ней много схожи...

Макаръ Григорьевъ говорилъ все это грубымъ и почти сердитымъ голосомъ, а между тѣмъ у него слезы даже выступили на его маленькихъ и запылившихъ глазахъ. Павлу тогда и въ голову не приходило, что онъ въ этомъ старикѣ найдетъ себѣ со временемъ, въ одну изъ труднѣйшихъ минутъ своей жизни, самаго вѣрнаго и преданнаго друга. Въ настоящую минуту онъ почти не слушалъ его: у него, какъ гвоздь, сидѣла въ головѣ мысль, что вотъ онъ находится въ какой-нибудь верстѣ или двухъ отъ Мари и черезъ какіе-нибудь полчаса могъ бы ее видѣть, будь она тамъ замужемъ или нѣтъ — все равно!

— А что, можно теперь ѣхать къ Есперу Иванычу?.. отобѣдалъ онъ или нѣтъ? — какъ бы посовѣтовался Павелъ съ Макаромъ Григорьевымъ.

— Надо-быть, что отобѣдалъ: вечерни ужъ были. Съѣздите, что тутъ вамъ валяться-то на диванѣ! Послать, что ли, вамъ камердинера-то вашего?

— Пошли!

Макаръ Григорьевъ вышелъ въ мастерскую.

— Вставай! — сказалъ онъ, подходя къ Ванькѣ и трогая его слегка ногой.

Ванька не пошевелился даже.

— Вставай!—повторилъ Макаръ Григорьевъ уже сердито и толкнулъ Ваньку ногой довольно сильно.

Ванька обнаружилъ легкое движеніе.

— Вставай, чортъ этакій! — крикнулъ наконецъ Макаръ Григорьевъ и двинулъ Ваньку что есть силы ногой; но Ванька и при этомъ повернулся только вверхъ лицомъ и раскинулся какъ-то еще нѣжнѣе.

— Огурцовъ, растолкай его! — крикнулъ почти въ бѣшенствѣ Макаръ Григорьевъ работавшему тутъ же Огурцову.

Огурцовъ на это схватилъ Ваньку за шиворотъ и принялся его трясти.

— Вытащи его, лѣшаго, на крыльцо, — авось такъ скорѣй очнется! — кричалъ Макаръ Григорьевъ.

Огурцовъ поволокъ Ваньку по полу.

— Пьянъ, что ли, онъ, дьяволъ? — разсуждалъ Макаръ Григорьевъ.

У дверей Ванька всталъ наконецъ на ноги и, что-то пробурчавъ себѣ подъ носъ, почти головой отворилъ дверь и вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того онъ вошелъ, съ всклокоченной головой и съ измятымъ лицомъ, къ Павлу.

— Что вамъ надо?—спросилъ онъ его сердито.

— Давай мнѣ одѣваться,—сказалъ Павелъ.

Ванька принялся вынимать или, лучше сказать, выбрасывать изъ чемодана разныя вещи.

— Что же ты все раскладываешь?—замѣтилъ ему Павелъ.

— Я не знаю, что вамъ надо,—отвѣчалъ Ванька угрюмо. Онъ очень ужъ разгнѣвался, зачѣмъ его разбудили.

— Мнѣ надо сюртукъ и чистую рубашку.

Ванька вынулъ, что ему было сказано, а потомъ, проводивъ барина и нисколько не прибравъ разбросанныхъ изъ чемодана вещей, сейчасъ же отправился на свою осоку, улегся на ней и мгновенно захрапѣлъ.

II.

Визитъ къ Есперу Иванычу.

Только души праздныя и спокойныя могутъ наслаждаться новыми мѣстами и новыми городами. Павелъ, со своими душевными страданіями, проѣзжая по Газетному переулку, наполненному магазинами, и даже по знаменитой Тверской, ничего почти этого не видѣлъ и, только уже выѣхавъ на Малую Дмитровку, онъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ сталъ смотрѣть на дома, чтобы отыскать между ними домъ княгини Вѣстневой, въ которомъ жилъ Есперъ Иванычъ; случай ему, въ этомъ отношеніи, скоро помогъ. На спинѣ одного изъ сфинксовъ, поставленныхъ на крыльцѣ довольно затѣйливаго барскаго дома, онъ вдругъ увидѣлъ сидящимъ Ивана Иваныча, камердинера дядина.

— Ай, батюшка Павелъ Михайловичъ!—воскликнулъ тотъ радостно, когда Павелъ подъѣхалъ къ этому крыльцу.

— Дядя здѣсь живетъ?—спросилъ его Павелъ.

— Здѣсь!

— Приметъ онъ меня?

— Приметъ-съ, — отвѣчалъ Иванъ Иванычъ и повелъ Павла въ нижній этажъ дома. Въ залѣ и гостиной Павелъ увидѣлъ нѣсколько хорошо знакомыхъ ему предметовъ: всѣ почти картины новоселковскія, оттуда же часы столовые, катальное кресло Еспера Иваныча и наконецъ фортепьяны Мари. Мысль, что она не вышла еще замужъ и что всѣ эти слухи были одни только пустяки, вдругъ промелькнула въ головѣ Павла, такъ что онъ въ комнату дяди вошелъ съ сильнымъ замираніемъ въ сердцѣ:—вотъ-вотъ онъ ее увидитъ,—но, увы, увидѣлъ одного только Еспера Иваныча, сидящаго хоть и съ опустившейся рукой; но чрезвычайно гладко выбритаго,

щеголевато одѣтаго въ шелковый халатъ и кругомъ обложеннаго книгами.

Больной очень ему обрадовался.

— А, господинъ скубентъ! — воскликнулъ онъ съ просіявшимъ лицомъ.

Павелъ, по обыкновенію, поцѣловалъ у дяди руку.

— Въ университетъ поступилъ?—продолжалъ Есперъ Иванычъ, сминая не совсѣмъ послушно покорявшійся ему языкъ.

— Поступаю еще!.. Въ гимназіи экзаменъ выдержалъ... Вамъ лучше, я вижу, дядя.

— Да, благодарю Бога!

Павелъ сталъ осматривать комнату Еспера Иваныча, которую, видимо, убирало чье-то утонченное вниманіе. По стѣнамъ шли мягкіе безъ дерева диваны, полъ былъ покрытъ пушистымъ теплымъ ковромъ; чтобы лѣтнее солнце не жгло, на окна были спущены огромныя маркизы; кромѣ того, небольшая непритворенная дверь вела на террасу и затѣмъ въ садъ, въ которомъ виднѣлось множество цвѣтовъ и растеній.

— Какъ у васъ тутъ, дядя, хорошо,—совершенный рай!—произнесъ Павелъ, пораженный пріятностью этого вида и ароматичностью навѣвающагося изъ сада воздуха.

— Хорошо,—согласился Есперъ Иванычъ. — А что твой отецъ, все въ деревнѣ живетъ?

— Въ деревнѣ; кланяться вамъ велѣлъ,—отвѣчалъ Павелъ.

Онъ чувствовалъ, что простая вѣжливость заставляла его спросить дядю о Мари, но у него какъ-то языкъ на это не поворачивался. Мысль, что она не вышла замужъ, все еще не оставляла его, и онъ отыскивалъ глазами въ комнатѣ какіе-нибудь слѣды ея присутствія, хоть какую-нибудь спицу отъ вязанья, костяной ножикъ, которымъ она разрѣзывала книги и который обыкновенно забывала въ комнатѣ дяди,— но ничего этого не было видно.

— Маша замужъ вышла,—сказалъ наконецъ самъ Есперъ Иванычъ.

— Да, слышалъ-съ,—отвѣчалъ Павелъ. Въ голосѣ его, противъ воли, высказалось неудовольствіе, и Есперъ Иванычъ, какъ кажется, понялъ это, потому что больше объ этомъ не продолжалъ уже разговора.

— Посмотри, какая собачка отличная!..—сказалъ онъ, показывая Павлу на стоявшую на шкапу, въ самомъ дѣлѣ превосходно сдѣланную собаку изъ папье-маше.

— Прекрасная,—отвѣчалъ тотъ, взглянувъ на игрушку.

— Мордочка совершенно какъ у живой собаки, а ребра-то

какъ напряглись и напружились. — перечислялъ съ удовольствіемъ Есперъ Иванычъ.

— Отличная работа, — подтвердилъ и Павелъ.

Прежнее эстетическое чувство замѣнилось теперь въ Есперѣ Иванычѣ любовью къ изящнымъ игрушкамъ; кромѣ собаки, у него еще была картина съ музыкой, гдѣ и танцовали, и пили, и на скрипкѣ играли; и на все это онъ смотрѣлъ иногда по цѣлымъ часамъ неотступно.

Въ комнату между тѣмъ вошелъ ливрейный лакей.

— Княгиня проситъ: можетъ она васъ видѣть или нѣтъ?— спросилъ онъ.

— Весьма радъ ей, душевно радъ, — произнесъ Есперъ Иванычъ, склоняя немного голову.

Лакей ушелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошла, слегка тряся головой, худощавая старушка съ лицомъ, похожимъ на печеное яблоко.

— Здравствуйте, другъ мой! — сказала она, подходя и цѣлуя Еспера Иваныча въ плечо.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ ей съ улыбкой.

— Я зашла, другъ мой, взглянуть на васъ; а вы однако, я вижу, опять цѣлый день читали, — продолжала старушка, садясь невдалекѣ отъ Еспера Иваныча.

Опять, — отвѣчалъ онъ съ улыбкой.

— Я вотъ велю у васъ всѣ книги обобрать, — заключила старушка и погрозила ему своимъ маленькимъ пальцемъ, а сама въ это время мелькомъ взглянула на Павла.

Есперъ Иванычъ сейчасъ замѣтилъ это и объяснилъ ей:

— Это племянникъ мой, сынъ стараго ветерана полковника.

— Вотъ кто! — произнесла добродушно княгиня и ласково посмотрѣла на Павла. — Я теперь ѣду, другъ мой, на вечеръ къ генералъ-губернатору... Государя ждутъ... Естафетъ пришелъ.

— Ну, вотъ и хорошо это, — произнесъ Есперъ Иванычъ.

— Какъ не хорошо, помилуй, другъ мой!.. Черезъ недѣлю будутъ Бородинскіе маневры, надобно же ему все заранѣе осмотрѣть. Прусскій король и австрійскій императоръ, говорятъ, сюда ѣдутъ на маневры.

— Что же это они священный союзъ, что ли, хотятъ вспомнить? — замѣтилъ Есперъ Иванычъ.

Вѣроятно... Машу Кривцову, помните, я къ вамъ приводила... хорошенькая такая... фрейлиной ее сдѣлали. Она старухѣ Тучковой какъ-то внучкой приходится; ну, а у этой

вѣдь три сына подъ Бородинымъ были убиты, она и писала государю, просила за внучку; ту и сдѣлали для нея фрейлиной.

— И слѣдовало сдѣлать, — проговорилъ Есперъ Иванычъ.

— Еще бы!.. — проговорила княгиня. У ней всегда была маленькая наклонность къ придворнымъ извѣстіямъ, но теперь, когда въ ней совершенно почти потухли другія стремленія, наклонность эта возросла въ ней до громадныхъ размѣровъ. Не щадя своего хилаго здоровья, она всюду выѣзжала, приглашала къ себѣ всевозможныхъ особъ изъ большого свѣта, угощала ихъ, унижалась передъ ними, чтобы хоть звукъ единый услышать отъ нихъ о томъ, что тамъ происходитъ.

— А Аннушка къ Машѣ ушла? — спросила она замѣтно торопливымъ тономъ и осматривая глазами комнату.

— Да, — отвѣчалъ Есперъ Иванычъ.

— Ну, я хоть карлицу пришлю къ вамъ, посмѣшитъ она васъ, а теперь прощайте!.. — заключила княгиня, вставая.

— Рано бы еще, — замѣтилъ ей Есперъ Иванычъ.

— Ахъ, другъ мой, я съ годъ ѣду! — все шагомъ; не могу; боюсь! — воскликнула княгиня, а между тѣмъ нетерпѣніе явно уже отразилось во всей ея маленькой фигурѣ.

Тряся слегка головою, она встала и пошла. Возвѣстившій о ея приходѣ лакей встрѣтилъ ее уже одѣтый въ ливрейную шинель и шляпу, а въ сѣняхъ къ нему присталъ еще лакей въ такой же формѣ; они бережно посадили княгиню въ карету и сами стали на запятки. Въ карету запряжена была четверня старыхъ вороныхъ лошадей, управляемыхъ здоровеннымъ кучеромъ и огромнымъ форейторомъ, — и все это, въ самомъ дѣлѣ, тронулось шагомъ. Павелъ, видѣвшій всю сцену изъ окна, не могъ въ душѣ не разсмѣяться этому, но вотъ послышались еще шаги, только гораздо болѣе твердые.

— Это Аннушка. Спрячься! — сказалъ Есперъ Иванычъ торопливо Павлу, показывая ему головой на драпировку.

Павелъ сначала и не понялъ его.

— Спрячься, пожалуйста, напугаемъ ее!—повторилъ Есперъ Иванычъ почти упрашивающимъ голосомъ.

Какъ ни нехотѣлось Павлу, однако онъ исполнилъ желаніе дяди и спрятался за драпировку.

Анна Гавриловна вошла вся раскраснѣвшаяся.

— Ой, какъ устала! — начала она своимъ развязнымъ тонамъ: — шла-шла по этимъ проклятымъ переулкамъ, словно и конца имъ нѣтъ!

— Что же извозчика не взяла, пишите тебѣ! — сказалъ ей Есперъ Иванычъ съ укоромъ.

— Не люблю я этихъ извозчиковъ!.. Прахъ его знаетъ —

какой чужой мужикъ, поѣзжай съ нимъ по всѣмъ улицамъ!— отпутилась Анна Гавриловна, но въ самомъ дѣлѣ она не ѣздила никогда на извозчикахъ, потому что это казалось ей очень разорительнымъ, а она обыкновенно каждую копейку Есперъ Иваныча, особенно когда ей приходилось тратить для самой себя, берегла, какъ Богъ знаетъ что.

— А вотъ за то, что ты побоялась мужика, мы покажемъ тебѣ привидѣніе!.. Прекрасный незнакомецъ, выйди! — обратился Есперъ Иванычъ къ драпировкѣ.

Павелъ вышелъ изъ-подъ нея, очень довольный, что засада его наконецъ кончилась.

— Ай, батюшки, кто это! — воскликнула Анна Гавриловна, въ самомъ дѣлѣ испугавшись.

Есперъ Иванычъ отъ души смѣялся этому.

— Вотъ не гадано, не думано! — продолжала Анна Гавриловна, поуспокоившись. — Давно ли изволили пріѣхать? — прибавила она, обращаясь со своей доброй улыбкой къ Павлу.

— Сегодня, — отвѣчалъ тотъ ей, стараясь насильно улыбнуться.

— А что, — продолжала Анна Гавриловна послѣ нѣкотораго молчанія и какъ бы насмѣшливымъ голосомъ: — не видали ли вы нашей Клеопатры Петровны Фатѣевой?

— Видѣлъ, — отвѣчалъ Павелъ. Ему показалось, что скрыть это было бы какой-то трусостью съ его стороны.

— Слышали, какую она штуку отпустила, — уѣхала отъ мужа-то?

— И прекрасно сдѣлала: не вѣкъ же ей было подставлять ему свою голову! — произнесъ Павелъ серьезно. Онъ видѣлъ, что Анна Гавриловна относилась къ m-me Фатѣевой почему-то не совсѣмъ пріязненно, и хотѣлъ въ этомъ случаѣ поспорить съ ней.

— Что тутъ прекраснаго-то? — воскликнула въ свою очередь Анна Гавриловна. — Зачѣмъ же она обобрала-то его, почесть что ограбила?

— Кто же его обиралъ? — спросилъ сердито Павелъ.

— Какъ кто? Этакого слабаго человѣка цѣлую недѣлю поймя поили, а потомъ стали дразнить... Г-нъ Постенъ въ глазахъ при немъ почесть что въ губы поцѣловалъ Клеопатру Петровну... его и взорвало; онъ и кинулся съ ножомъ, а тутъ набрали какой-то сволочи чиновничишковъ, связали его и стали пужать, что въ острогъ его посадятъ; за неволю далъ вексель, чтобы откупиться только... Такъ развѣ благородные господа дѣлаютъ?

Павелъ грустно и ядовито улыбнулся.

— Не знаю, Анна Гавриловна, — началъ онъ, покачивая

головой: — изъ какихъ вы источниковъ имѣете эти свѣдѣнія, но только, должно-быть, изъ весьма недостовѣрныхъ и недобросовѣстныхъ.

Анна Гавриловна при этомъ немного покраснѣла.

— Дѣйствительно, — продолжалъ Павелъ докторальнымъ тономъ: — онъ бросился на нее съ ножомъ, а потомъ, какъ всѣ дрянные люди въ подобныхъ случаяхъ дѣлаютъ, испугался очень этого и далъ ей вексель; и она, по-моему, весьма благоразумно сдѣлала, что взяла его; потому что жить долѣе съ такимъ пьяницей и негодяемъ недоставало никакого терпѣнія, а оставить его и самой умирать съ голоду тоже было бы весьма безразсудно.

— Да этотъ бы господинъ Постенъ и содержалъ ее и кормилъ, коли очень ее любитъ! — возразила Анна Гавриловна.

— Что любитъ ее или нѣтъ господинъ Постенъ — этого я не знаю; это можно говорить только гадательно; но что господинъ Фатѣевъ погубилъ ея жизнь и заѣлъ весь ея вѣкъ — это всѣмъ извѣстно.

— Такъ, да, — подтвердилъ эти слова Павла и Есперъ Иванычъ.

— Вѣкъ ея заѣлъ! — воскликнула Анна Гавриловна: — а кто бы ее и взялъ безъ него!.. Пріѣхавши сюда, мы все узнали: княгиня только по добротѣ своей принимала ихъ, а не очень бы они стоили того: маменька-то ея все имѣнье въ любовниковъ прожила, да и дочка-то, вѣрно, по ней пойдетъ.

— Опять и это тоже вопросъ, — возразилъ Павелъ: — что хуже: проживаться ли въ любовниковъ или наживаться отъ нихъ?.. Первое еще можно объяснить пылкимъ темпераментомъ, а второе, во всякомъ случаѣ, значитъ—продавать себя.

Анна Гавриловна опять немного покраснѣла; она, кажется, этотъ намекъ прямо приняла на свой счетъ.

— Она тамъ сама дѣлай — что хочетъ, — начала снова Анна Гавриловна: — никто ея не осудитъ, а другихъ, по крайней мѣрѣ, своимъ мерзкимъ языкомъ не марай.

— Кого же она марала? — спросилъ Павелъ.

— Да нашу Марью Николаевну и васъ — вотъ что!.. — договорилась наконецъ Анна Гавриловна до истинной причины, такъ ее вооружившей противъ Фатѣевой. — Мужъ ее какъ-то сталъ попрекать:—«Ты бы, говоритъ, хоть съ пріятельницы своей, Марьи Николаевны, брала примѣръ — какъ себя держать», а она ему вдругъ говоритъ:—«Что жъ, говоритъ,

Мари выходитъ за одного замужъ, а сама съ гимназистомъ Вихровымъ перемигивается!»

Еспер Иванычъ еще болѣе при этомъ нахмурился. По всему было замѣтно, что ему сильно не нравилось то, что говорила Анна Гавриловна, бывшая обыкновенно всегда очень осторожною на словахъ, но теперь явившаяся какой-то тигрицей...

Что дѣлать, — мать, и дѣтеныша ея тронули.

— И это, вѣроятно, сплетня изъ какого-нибудь весьма неблаговиднаго источника, — произнесъ Павелъ и болѣе уже не говорилъ объ этомъ предметѣ.

Все, что на этотъ разъ мой юный герой встрѣтилъ у Еспера Иваныча, ему явилось далеко не въ прежнемъ привлекательномъ видѣ: эта княгиня, чуть живая, ѣдущая на вечеръ къ генералъ-губернатору, Еспер Иванычъ, забавляющійся игрушками, Анна Гавриловна, почему-то начавшая вдругъ говорить о нравственности, и наконецъ эта дрянная Мари, думавшая выйти замужъ за другого и въ то же время, какъ справедливо говоритъ Фатѣева, кокетничавшая съ нимъ.

Безумецъ!.. Онъ не подозрѣвалъ, что только эта Мари и придавала прелесть всему этому мірку, но ангелъ, оживлявшій его, отлетѣлъ изъ него, и все въ немъ стало пустынно!

III.

Визитъ къ Мари.

Павелъ выѣхалъ отъ Еспера Иваныча часу въ одиннадцатомъ. За душнымъ днемъ слѣдовала и душная ночь. На Тверской Павлу, привыкшему вдыхать въ себя свѣжій провинціальный воздухъ, показалось, что совсѣмъ нечѣмъ дышать: а потомъ, когда онъ сталъ подъѣзжать къ Кисловкѣ, то въ самомъ дѣлѣ почувствовалъ какой-то кислый запахъ, и чѣмъ болѣе онъ приближался къ жилищу Макара Григорьева, тѣмъ запахъ этотъ увеличивался. Обстоятельство это легко объяснялось тѣмъ, что почтеннѣйшій подрядчикъ взялся исправить на весь Охотный рядъ капустныя кадки, которыя, по крайней мѣрѣ — въ количествѣ пятисотъ, стояли у него на дворѣ и благоухали. Въ комнатѣ своей, тоже сильно пропитанной этимъ запахомъ, Павелъ, сверхъ всякаго ожиданія, засталъ Ваньку сидящимъ у дверей и исправнѣйшимъ образомъ дожидающимся его. Ваньку очень напугалъ Макаръ Григорьевъ. Возвратившись домой, по обыкновенію немного выпивши, онъ велѣлъ Ваньку, все еще продолжавшаго спать, тому же Огурцову и тѣмъ же способомъ растолкать, и когда Ванька всталъ нако-

нецъ на ноги и пришелъ въ нѣкоторое сознаніе, Макаръ Григорьевъ спросилъ его:

— Что ты въ Москву дрыхнуть пріѣхалъ, али дѣлать какое дѣло?

— Какое дѣло-то дѣлать? — спросилъ-было Ванька, сначала довольно грубо.

— Какое дѣло дѣлать! — повторилъ Макаръ Григорьевъ: — а вотъ я тебя сейчасъ рыломъ ткну: что, барина платье надо было убрать, али нѣтъ?

— Я уберу, — отвѣчалъ Ванька и пошелъ-было убирать.

— Нѣтъ, ты погоди, постой! — остановилъ его Макаръ Григорьевъ. — Оно у тебя съ вечеренъ вѣдь тутъ валяется; у меня квартира не запертая — кто посторонній ввернись и бери, что хочешь. Такъ-то ты думаешь смотрѣть за барскимъ добромъ, свиное твое рыло неумытое!

— Что вы ругаетесь? — поокрысился-было Ванька.

— Я ругаюсь?.. Ахъ, ты, бестія этакій! Да по головкѣ, что ли, тебя за это гладить надо?.. — воскликнулъ Макаръ Григорьевъ. — Нѣтъ, словно бы не такъ! Я, не спросясь барина, стащу тебя въ часть и отдеру тамъ: частный у меня знакомый — про кого старыхъ, а про тебя новыхъ розогъ велитъ припасти.

— За что же меня въ часть-то тащить? — произнесъ Ванька болѣе укоряющимъ голосомъ и опять пошелъ-было.

— Нѣтъ, ты погоди, постой! — остановилъ его снова Макаръ Григорьевъ. — Баринъ теперь твой придетъ, дожидаться его у меня некому... у меня народъ день-денской работаетъ, а не дрыхнетъ, — ты околѣвай у меня, тутъ его дожидаючись: мнѣ за тобой надзирать некогда, и безъ тебя мнѣ, слава тебѣ, Господи, есть съ кѣмъ ругаться и лаяться...

Макаръ Григорьевъ, въ самомъ дѣлѣ, каждый вечеръ какую-то органическую потребность чувствовалъ съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ полаяться и поругаться.

— Золото какое привезли въ Москву, содержи, корми его на московскихъ-то харчахъ, — велика услуга отъ него будетъ!— бормоталъ онъ и затѣмъ, уйдя въ свою комнатку, затворилъ въ ней сердито дверь, сейчасъ же раздѣлся и легъ.

— Справедливое слово, Михайла Поликарпычъ, — дворовые—дармоѣды!—продолжалъ онъ и тамъ бунчать, выправляя свой носъ и ротъ изъ-подъ подушки съ явною цѣлью, чтобы ему ловчѣе было храпѣть, что и принялся онъ дѣлать сейчасъ же и съ замѣчательной силой. Ванька между тѣмъ потихоньку и, видимо, опасаясь разбудить Макара Григорьева, прибралъ все платье барина въ чемоданъ, аккуратно постлалъ ему по-

стель на диванѣ и самъ сѣлъ дожидаться его: когда же Павелъ возвратился, Ванька не утерпѣлъ и излилъ отчасти гнѣвъ свой.

— Меня, Павелъ Михайлычъ, извольте отпустить домой,— сказалъ онъ.

— Зачѣмъ?—спросилъ Павелъ больше механически.

— Да помилуйте, Макаръ Григорьичъ за что-то хочетъ меня бить и сѣчь. «Я, говоритъ, и безъ барина буду тебя драть, когда хочу!»

— Что за вздоръ такой! Оставь меня!..—сказалъ Павелъ, которому въ настоящую минуту было вовсе не до претензій Ивана.

— Что оставить-то! Много будетъ, какъ каждый будетъ наказывать, кто хочетъ.

— Оставь меня, пожалуйста, прошу тебя!—произнесъ Павелъ почти умоляющимъ голосомъ.

— Сѣчь-то, по крайности, не прикажите ему меня, помилуйте!—не отставалъ Ванька.

— Ну, не прикажу, отвяжись,—успокоилъ его Павелъ.

— А то всякая шваль будетъ надъ тобой куражиться,—заключилъ Ванька уже хвастливо и ушелъ.

По трусоватости своей, Ванька думалъ, что Макаръ Григорьевъ въ самомъ дѣлѣ станетъ его сѣчь, когда только ему вздумается, и потому, по преимуществу, хотѣлъ себя оградить съ этой стороны.

Оставшись одинъ, Павелъ непремѣнно думалъ заснуть, потому что онъ передъ тѣмъ только двѣ ночи совершенно не спалъ; но, увы, диванъ—отъ положенной на немъ аккуратно Ванькой простыни—не сдѣлался ни шире ни покойнѣе. Кромѣ того, въ комнатѣ была духота нестерпимая, и Макаръ Григорьевъ неумолкаемо и отвратительно храпѣлъ. Павелъ ворочался и метался, и чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ больше у него голова горѣла и нервы разстраивались. Какъ всѣ впечатлительные люди, онъ сталъ воображать, что мученіямъ его и конца не будетъ, и что вся жизнь его пройдетъ въ подобномъ положеніи. «Стоило семь лѣтъ трудиться,—думалъ онъ:—чтобы очутиться въ удручающей, какъ тюрьма, комнатѣ, бывать въ гостяхъ у полуидіота-дяди и видѣть счастье измѣнившей женщины! Нѣтъ, ужъ лучше—смерть, чѣмъ жизнь такая!»—думалъ онъ.

Но вотъ наконецъ появилась заря и показалось—вѣроятно, тамъ гдѣ-то вдали за городомъ—солнце, потому что заблистали кресты на нѣкоторыхъ церквахъ. Павелъ, почти въ бѣшенствѣ, вскочилъ со своей постели и что есть силы отворилъ окно.

Посвѣжѣвшій къ утру воздухъ благодѣтельно подулъ на него, послышался звонъ къ заутренѣ; Макаръ Григорьевъ попрежнему продолжалъ отвратительно храпѣть. Павелъ, чтобъ спастись отъ одного этого храпа, рѣшился уйти къ заутренѣ и, самъ не зная—куда пришелъ, очутился въ церкви дѣвичьяго Никитскаго монастыря. Нѣсколько красивыхъ и моложавыхъ лицъ монахинь, стоявшихъ назади около стѣны церкви, и пѣніе невидимыхъ клиросанокъ на хорахъ возбудили въ немъ мысль о женщинѣ и о собственной несчастной любви. «А сколько между ними есть этого задушевнаго и затаеннаго чувства,—думалъ онъ:—а что если бы и ему сдѣлаться монахомъ? Прежде, разумѣется, надобно кончить курсъ въ университетѣ, потому что монахъ необразованный ужасенъ, а образованный—напротивъ, это высшее, что можетъ себѣ человѣкъ выбрать на землѣ». Въ такого рода размышленіяхъ Павелъ простоялъ всю службу и домой возвратился еще болѣе утомленный, но въ прохладной атмосферѣ храма значительно освѣжившійся. Макара Григорьева тоже, къ счастью, не было дома. Онъ, какъ проснулся, немедля же ушелъ въ трактиръ чай пить и объявилъ своему Огурцову, что онъ цѣлый день домой не придетъ: ему тоже, какъ видно, сильно было непонутру присутствіе барина въ его квартирѣ. Павелъ снова прилегъ на свою постель и сейчасъ же заснулъ, и проспалъ часовъ до двѣнадцати, такъ что даже Ванька, и самъ проспавшій часовъ до десяти, разбудилъ его и проговорилъ ему съ нѣкоторымъ укоромъ:

— Что больно долго спите? Первый часъ ужъ.

Павель велѣлъ дать себѣ умываться и одѣваться въ самое лучшее платье. Онъ рѣшился съѣздить къ Мари съ утреннимъ визитомъ, и его въ настоящее время уже не любовь, а скорѣе ненависть влекла къ этой женщинѣ. Всю дорогу отъ Кисловки до Садовой, гдѣ жила Мари, онъ обдумывалъ разныя дерзкія и укоряющія фразы, которыя намѣренъ былъ сказать ей.

Войдя въ переднюю ея дома, онъ встрѣтившему его денщику сказалъ почти повелительно:

— Скажи m-me Эйсмондъ (фамилія Мари по мужѣ), что къ ней пріѣхалъ Вихровъ.

Денщикъ пошелъ докладывать.

Павелъ, взглянувъ въ это время мелькомъ въ зеркало, съ удовольствіемъ замѣтилъ, что лицо его было худо и блѣдно. «Авось хоть это-то немножко устыдитъ ее».—подумалъ онъ. Денщикъ возвратился и просилъ его въ гостиную. Мари въ первую минуту, какъ ей доложили о Павлѣ, проворно привстала со своего мѣста.

— Ахъ, Боже мой! - воскликнула она радостно и почти бѣгомъ было-побѣжала гостю навстрѣчу, но въ дверяхъ изъ гостиной въ залу она, какъ бы одумавшись, пріостановилась. Павелъ входилъ, держа себя прямо и серьезно.

— Мужа моего нѣтъ дома: онъ сейчасъ уѣхалъ,—говорила Мари, не давая, кажется, себѣ отчета въ томъ, къ чему это она говоритъ, а между тѣмъ сама пошла и сѣла на свое обычное мѣсто въ гостиной. Павелъ тоже слѣдовалъ за ней и помѣстился невдалекѣ отъ нея.

— Куда же вашъ супругъ уѣхалъ?—спросилъ онъ какъ-то грубо и порывисто.

— Онъ уѣхалъ въ лагерь. Онъ въ лагерѣ и жить бы долженъ былъ, и только по случаю женитьбы отпросился, чтобы ему позволили жить въ городѣ,—говорила Мари.

Павелъ на это ей ничего не сказалъ и сталъ насмѣшливо оглядывать гостиную Мари, которая, въ сущности, напоминала собой гостиныя всѣхъ, я думаю, на свѣтѣ молодыхъ изъ военнаго званія. Новая, навощенная и—врядъ ли не солдатскими руками—обитая мебель: горка съ серебромъ, накупленнымъ на разнаго рода экономическіе остатки; горка другая съ вещами Мари, которыми Есперъ Иванычъ наградилъ ее очень обильно, подаривъ ей всѣ вещи своей покойной матери: два-три хорошенькихъ ковра, карселевская лампа и наконецъ столикъ молодой съ зеркаломъ, кругомъ котораго на полочкахъ стояли духи; на самомъ столѣ были размѣщены: красивый бюваръ, перламутровый ножъ для разрѣзанія книгъ и черепаховый ящикъ для работы. Все это Павлу, не видавшему почти никогда параднаго и свѣжаго убранства комнатъ, показалось Богъ знаетъ какою роскошью.

«Да, мнѣ теперь не удивительно, что она продала себя за все это»,—думалъ онъ съ презрѣніемъ о Мари.

— А скажите, далеко ли этотъ лагерь, куда вашъ супругъ уѣхалъ?—спросилъ онъ ее.

— Версты три отъ города,—отвѣчала она.

— Что же, онъ уѣхалъ туда на тройкѣ ухарской, лихой, съ колокольчиками и бубенчиками?

— О, нѣтъ, напротивъ, на старой и очень смирной парѣ, на которой и я ѣзжу,—отвѣчала Мари.

Она очень хорошо понимала, что Павелъ все это говоритъ въ насмѣшку.

— На какой же ты факультетъ поступаешь?—спросила она его, чтобы замять разговоръ о мужѣ.

— Я самъ еще не знаю! — отвѣчалъ Павелъ, но такимъ тономъ, которымъ явно хотѣлъ показать, что онъ — не то

что самъ не знаетъ, а не хочетъ только говорить ей объ этомъ.

— Ты однако прежде хотѣлъ поступить на математическій съ тѣмъ, чтобы итти въ военную службу,—продолжала Мари съ участіемъ.

— Мало ли что я прежде хотѣлъ и предполагалъ!—отвѣчалъ Павелъ намекающимъ и злобнымъ голосомъ.—Я ужъ не ученымъ, а монахомъ хочу быть,—проговорилъ онъ съ легкою усмѣшкою.

— Монахомъ?—переспросила Мари.

— Да,—отвѣчалъ Павелъ, потупляясь.

Онъ чувствовалъ нѣкоторую неловкость сказать объ этомъ Мари; въ то же время ему хотѣлось непремѣнно сказать ей о томъ для того, чтобы она знала, до чего она довела его, и Мари, кажется, поняла это, потому что замѣтно сконфузилась.

— Что же, очень интереснымъ монахомъ будешь,—сказала она, держа глаза опущенными въ землю.

— Я не для того иду,—возразилъ ей Павелъ сурово.

— Что же, чтобы спастись?

— Да, чтобы спастись...

— Я не замѣчала, чтобы ты такъ былъ религіозенъ...

— Вы многаго не замѣчали, или, лучше сказать, не хотѣли замѣчать,—проговорилъ Павелъ.

Мари слегка покраснѣла.

— Знаешь что?..—начала она послѣ нѣкотораго молчанія:—ты прежде гораздо лучше былъ.

— Чѣмъ же?

— Тѣмъ, что ты былъ такой добрый, милый...

— А теперь что же?

— А теперь—злой.

Павелъ усмѣхнулся.

— Играя съ тигренкомъ, вы никогда не воображали, что онъ будетъ когда-нибудь со временемъ и тигромъ.

— Никогда я съ тобой не играла,—произнесла Мари серьезно:—а всегда тебѣ желала счастья, какъ желала бы его собственному сыну.

Павелъ слегка, но насмѣшливо, преклонилъ предъ ней свою голову

— Мнѣ остается только благодарить васъ за все это,—проговорилъ онъ.

Мари на это ничего ему не возразила: она, кажется, боялась, чтобы онъ не сказалъ ей какой-нибудь еще болѣе грубой дерзости.

Павелъ вскорѣ послѣ того всталъ и началъ раскланиваться.

Мари тоже встала.

— Я надѣюсь, что ты будешь у насъ бывать,—проговорила она, не глядя ему въ глаза и держа руки сложенными.

— Бывать я у васъ долженъ, — началъ Павелъ неторопливо:—этого требуетъ приличіе, но я просилъ бы васъ сказать мнѣ: въ какой именно день вы рѣшительно не бываете дома, чтобы въ этотъ именно день мнѣ и бывать у васъ?

Слова эти видимо оскорбили и огорчили Мари.

— Если ты этого непремѣнно желаешь, то мы не бываемъ дома во вторникъ, потому что обѣдаемъ и цѣлый день проводимъ у матери мужа, — проговорила она, не измѣняя своего положенія.

— Прекрасно-съ! — произнесъ Павелъ. — Теперь второе: у Еспера Иваныча я тоже долженъ бывать, и потому я просилъ бы васъ сказать мнѣ, въ какой именно день вы рѣшительно не бываете у него, чтобъ этотъ день мнѣ и выбрать для посѣщенія его?

— У Еспера Иваныча мы рѣшительно не бываемъ въ субботу, потому что въ этотъ день собираются у насъ,—проговорила Мари.

— Ну-съ, такъ, такъ, значитъ, и будемъ являться. До свиданья! — И Павелъ протянулъ Мари руку; она ему тоже подала свою, но — довольно холодно.

— Мужъ мой, можетъ-быть, захочетъ быть у тебя, но пожелаешь ли ты этого? — спросила она его нѣсколько даже гордымъ тономъ.

— Сдѣлайте милость, очень буду радъ! — отвѣчалъ Павелъ и, тряхнувъ кудрями, раскланялся и ушелъ.

Мари, оставшись одна, задумалась. «Какой поэтическій мальчикъ!»—произнесла она сама съ собою. «Но за что же онъ такъ ненавидитъ меня?»—прибавила она послѣ короткаго молчанія, и искренняя, непритворная грусть отразилась на ея лицѣ.

IV.

Номера мадамъ Гартунгъ.

Павелъ вышелъ отъ Эйсмондъ въ какомъ-то злобно-веселомъ расположеніи духа. Всякая любовь, какая бы она ни была, счастливая или несчастливая, — все-таки есть нѣкотораго рода нравственныя путы, но теперь Павелъ почувствовалъ себя совершенно свободнымъ отъ нихъ. Въ воображеніи его, представляющемъ обыкновенно каждому человѣку его будущность, рисовались только университетъ и нѣкоторая тем-

ная мысль о монашествѣ. Чтобы Богъ подкрѣпилъ его на подвиги въ новой жизни, онъ прежде всего хотѣлъ зайти къ Иверской и помолиться. Здѣсь онъ весьма внимательно прочиталъ вывѣшенную къ сему образу молитву, и, какъ ему показалось, бо́льшая часть словъ изъ нея очень близко подходили къ его собственнымъ чувствованіямъ. Онъ не безъ любопытства также посмотрѣлъ и на монаховъ, служившихъ молебенъ. Лицо у отца іерея оказалось полное и красное, а у послушника — хоть и худощавое, но сильно глуповатое. Въ дверяхъ часовни Павелъ увидѣлъ еще послушника, но только совершенно ужъ другой наружности: съ весьма тонкими очертаніями лица, въ выраженіи котораго совершенно не видно было грубо-поддѣльнаго смиренія, но въ то же время въ немъ написаны были какое-то спокойствіе и кротость; голубые глаза его были полуприподняты вверхъ; съ губъ почти не сходила небольшая улыбка; длинные волосы молодого инока были расчесаны съ нѣкоторымъ кокетствомъ: подрясникъ на немъ, перетянутый кожанымъ ремнемъ, былъ, должно-быть, сшитъ изъ очень хорошей матеріи, но теперь значительно поизносился: руки у монаха были бѣлыя и очень красивыя. Когда Павелъ вышелъ изъ часовни, монахъ тоже вышелъ вслѣдъ за нимъ и, къ удивленію Павла, надѣлъ на голову не клобукъ, не послушническую шапку, а простую поношенную фуражку.

«Это что́ такое значитъ?»—подумалъ Вихровъ и пошелъ вслѣдъ за монахомъ. Тотъ направился къ Александровскому саду и подъ ближайшимъ болѣе тѣнистымъ деревомъ сѣлъ. Павелъ тоже помѣстился рядомъ съ нимъ. Монахъ своимъ кроткимъ и спокойнымъ взоромъ осмотрѣлъ его.

— Вы, вѣроятно, послушникъ? — спросилъ его Павелъ.

— Я? — переспросилъ въ свою очередь незнакомецъ.—Я не монахъ даже, — прибавилъ онъ.

— Но ваша одежда?.. — замѣтилъ ему Павелъ.

— Одежду я такую ношу, потому что она мнѣ нравится.

— Но что́ же въ ней можетъ нравиться?

Незнакомецъ слегка усмѣхнулся.

— По моему мнѣнію,—началъ онъ неторопливо:—для человѣческаго тѣла существуетъ двѣ формы одежды: одна — испанскій колетъ, обтягивающій все тѣло, а другая — мѣшокъ, ряса, которая драпируется на немъ. Я избралъ послѣднюю.

«Да это въ самомъ дѣлѣ не монахъ!»—подумалъ Павелъ, услыхавъ такого рода отвѣтъ.

— Но какое же собственно ваше званіе и фамилія ваша?—спросилъ онъ незнакомца съ нѣсколько уже провинціальнымъ любопытствомъ.

— Фамилія моя — Невѣдомовъ, а званіе — дворянинъ и кандидатъ здѣшняго университета; а ваша фамилія?

— Моя фамилія — Вихровъ. Я тоже поступаю въ университетъ и теперь вотъ ищу квартиру, гдѣ бы я могъ остановиться вмѣстѣ съ студентами.

Невѣдомовъ нѣсколько времени оставался какъ бы въ размышленіи.

— У насъ есть нѣсколько пустыхъ номеровъ, — произнесъ онъ.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе, я очень буду радъ съ вами жить, — подхватилъ Павелъ простодушно. Ему началъ его новый знакомый уже нравиться. — А скажите, это далеко отсюда?

— Нѣтъ, вотъ тутъ на Тверской: пойдемте, посмотрите!

— Съ величайшимъ удовольствіемъ!

И молодые люди пошли. Войдя на Тверскую, они сейчасъ повернули въ ворота огромнаго дома и стали взбираться по высочайшей и крутѣйшей лѣстницѣ.

— Лѣстница ужасная, — произнесъ Павелъ.

— Да, порядочная, но она намъ замѣняетъ горы: а горы, вы знаете, полезны для развитія дыхательныхъ органовъ, — отвѣтилъ Невѣдомовъ. — Вотъ свободные номера: одинъ, другой, третій! — прибавилъ онъ, показывая на пустыя комнаты, въ которыя Павелъ во всѣ заглянулъ; и онѣ ему, послѣ квартиры Макара Григорьева, показались очень нарядными и чистыми.

— Эти комнаты отличныя!—проговорилъ онъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, пойдемте къ хозяйкѣ, и вы переговорите съ ней, — сказалъ Невѣдомовъ и, подойдя къ дверямъ крайняго номера, произнесъ: — Каролина Карловна, можно къ вамъ?

— Можно, — отвѣчалъ женскій голосъ съ нѣсколько нерусскимъ акцентомъ.

— Я къ вамъ постояльца привелъ, — продолжалъ Невѣдомовъ, входя съ Павломъ въ номеръ хозяйки, который оказался очень пространной комнатой. Часть этой комнаты занималъ длинный обѣденный столъ, съ котораго не снята еще была бѣлая скатерть, усыпанная хлѣбными крошками, а другую часть отгораживали ширмы изъ краснаго дерева, за которыми Каролина Карловна, должно-быть, и лежала въ постели.

— Вы мое кушанье будете кушать? — произнесла она изъ-за своей перегородки и, видимо, относясь къ Павлу.

— Ваше, и у меня еще человѣкъ со мной будетъ... — проговорилъ тотъ.

— Съ г-мъ Вихровымъ человѣкъ еще будетъ жить, — перевелъ Каролинѣ Карловнѣ Невѣдомовъ.

— А, это хорошо! Вамъ будетъ тоже мой самоваръ, свѣчка, вода?

— Вашъ самоваръ, свѣчка и вода,—повторилъ Невѣдомовъ.

— Это семьдесятъ рублей въ мѣсяцъ—не меньше.

— Что же, это не дорого?—спросилъ Павелъ простодушно Невѣдомова.

— Нѣтъ, не дорого,—отвѣчалъ тотъ, улыбаясь.

— Я согласенъ,—сказалъ Павелъ.

— Г-нъ Вихровъ согласенъ,—перевелъ опять Невѣдомовъ Каролинѣ Карловнѣ.

— Только прошу васъ задатокъ мнѣ дать,—произнесла та.

Павелъ вынулъ изъ кармана пятидесятирублевую и подалъ ее Невѣдомову.

— Г-нъ Вихровъ отдалъ пятьдесятъ рублей; куда прикажете ихъ положить?—сказалъ тотъ.

— Ахъ, будьте такой добрый, протяните вашу руку съ ними въ эту дыру, въ ширмы!—проговорила Каролина Карловна гораздо уже болѣе добрымъ голосомъ.

Невѣдомовъ просунулъ за ширмы руку съ деньгами; она ихъ приняла у него.

— А что, вамъ не лучше?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сегодня опять молочная лихорадка, и грудь очень болитъ, — отвѣчала Каролина Карловна, нисколько, какъ видно, не стѣсняясь.

— Чѣмъ эта хозяйка больна?—спросилъ Павелъ, когда они съ Невѣдомовымъ вышли изъ ея номера.

— Она недавно родила,—отвѣчалъ тотъ ровнымъ голосомъ.

— Что же, она замужемъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Невѣдомовъ прежнимъ тономъ.

— Отъ кого же она родила? — сказалъ съ удивленіемъ Павелъ.

— Ну, ужъ это ее спросите, — произнесъ Невѣдомовъ и улыбнулся.

— А гдѣ же у нея ребенокъ?—продолжалъ спрашивать Павелъ.

— Въ воспитательный домъ, кажется, она свезла его, — отвѣтилъ Невѣдомовъ.

Въ это время въ одномъ изъ номеровъ съ шумомъ отворилась дверь, и порогъ ея показалась молодая дѣвушка въ одномъ только легонькомъ капотѣ, совершенно незастегнутомъ на груди, въ башмакахъ безъ чулокъ и съ головой непричесанной и растрепанной, по собой она была прехорошенькая и, какъ видно, престройненькая и преэфирная станомъ.

Ахъ, это вы, Николай Семенычъ!—воскликнула она. - Послушайте, — прибавила она какимъ-то капризнымъ тономъ и болтая своей полуобутой ножкой: — пошлите, пожалуйста, мнѣ Мароушу: я цѣлый часъ кричу ее: она не идетъ.

— А зачѣмъ вамъ нужна такъ Мароуша?—спросилъ Невѣдомовъ, съ явнымъ удовольствіемъ глядя на молодую дѣвушку.

— А затѣмъ, чтобы одѣться, — отвѣчала та, присѣдая передъ нимъ.

— Зачѣмъ же вамъ одѣваться? Вы и такъ хороши, — продолжалъ Невѣдомовъ. Глаза его явно уже при этомъ разгорѣлись.

— Кромѣ того я ужасно чаю хочу, а она мнѣ не подастъ,— подхватила дѣвушка.

— А, вотъ это причина уважительная, — сказалъ Невѣдомовъ и, подойдя къ двери, ведущей внизъ въ кухню, крикнулъ:—Мароуша, ступай къ Аннѣ Ивановнѣ!

— Сейчасъ! — послышался голосъ изъ низу, и когда вслѣдъ затѣмъ горничная прибѣжала къ Аннѣ Ивановнѣ и обѣ онѣ захлопнули дверь въ ихъ номеръ, Павелъ спросилъ Невѣдомова:

— Кто это еще такая?

— Это одна дѣвица пріѣзжая, — отвѣчалъ Невѣдомовъ какимъ-то уважительнымъ голосомъ.

— Ну, такъ я пойду за своими вещами, — сказалъ ему Павелъ.

— Ступайте, а потомъ заходите ко мнѣ.

— Непремѣнно! — отвѣчалъ Павелъ и отправился къ себѣ на Кисловку. Онъ вышелъ изъ номеровъ m-me Гартунгъ какъ бы нѣсколько опѣшенный: все, что онъ видѣлъ тамъ, его очень удивило и поразило. Воспитанный въ благочиніи семейной и провинціальной жизни, гдѣ считалось, что если чиновникъ — такъ чиновникъ, монахъ — такъ монахъ, гдѣ позволялось родить только женщинамъ замужнимъ, гдѣ дѣвушекъ онъ привыкъ видѣть до послѣдняго крючка застегнутыми, — тутъ онъ вдругъ встрѣтилъ Богъ знаетъ что такое! Но какъ бы то ни было — такая свобода нравовъ ему была не непріятна!

Заморивъ наскоро голодъ остатками вчерашняго обѣда, Павелъ велѣлъ Ванькѣ и Огурцову перевезти свои вещи, а самъ, не откладывая времени (ему невыносимо было ужъ оставаться въ грязной комнатишкѣ Макара Григорьева), отправился въ номера, гдѣ прямо прошелъ къ Невѣдомову и тоже сильно былъ удивленъ тѣмъ, что представилось ему тамъ: во-первыхъ, онъ увидѣлъ диванъ, очень какъ бы похожій на гробъ и обитый совершенно такимъ же малиновымъ сукномъ, какимъ обыкновенно обиваютъ гроба; потомъ довольно боль-

ной столъ, покрытый уже чернымъ сукномъ, на которомъ лежали: черепъ человѣческій, нѣсколько ручныхъ и ножныхъ костей, огромное евангеліе и еще нѣсколько какихъ-то большихъ книгъ въ дорогомъ переплетѣ, а сзади стола, у стѣны, стояло костяное распятіе.

— Какое у васъ символическое убранство комнаты, — сказалъ Павелъ, не утерпѣвъ, хозяину, спокойно сидѣвшему на гробовомъ диванѣ

— Д-да, — протянулъ тотъ: — убранство комнатъ, — продолжалъ онъ съ обычной своей мягкой улыбкой: — тоже, какъ и одежда, можетъ быть двоякое: или очень богатое и изящное— ну, на это у меня денегъ нѣтъ; а потомъ другое, составленное только съ нѣкоторымъ смысломъ, или, какъ вы очень ловко выразились, символическое.

— Рѣшительно символическое!—повторилъ Павелъ, довольный тѣмъ, что Невѣдомовъ похвалилъ его выраженіе.—Черепъ, вѣроятно, означаетъ напоминаніе о смерти.

Невѣдомовъ слегка улыбнулся.

— Отчасти: кромѣ того, я и анатоміей люблю немного заниматься, — отвѣчалъ онъ.

— Ну, а евангеліе?

Невѣдомовъ при этомъ вопросѣ уже нахмурился.

— Евангеліе,—началъ онъ совершенно серьезнымъ тономъ:— я думаю, должно быть на столѣ у каждаго.

— А распятіе, конечно, какъ распятая мысль на крестѣ,— подхватилъ Павелъ.

— Какъ распятая мысль на крестѣ. — повторилъ и Невѣдомовъ.

— И наконецъ Шекспиръ,— заключилъ Павелъ, взглядывая на книгу въ дорогомъ переплетѣ.

— Шекспиръ,—повторилъ еще разъ Невѣдомовъ.

Павлу, по преимуществу, въ новомъ его знакомомъ нравилось то, что тотъ, какъ ему казалось, ни одного шага въ жизни не сдѣлалъ безъ того, чтобы не дать себѣ отчета, зачѣмъ и почему онъ это дѣлаетъ.

— Изъ Шекспира много вѣдь есть переводовъ, — полуспросилъ, полу-просто-сказалъ онъ, сознаваясь внутренно, къ стыду своему, что онъ ни одного изъ нихъ не зналъ и даже имя Шекспира встрѣчалъ только въ юмористическихъ статейкахъ Сенковскаго, въ «Библіотекѣ для чтенія».

— Есть, кажется, переводъ Висковатаго, потомъ переводъ Карамзина «Юлія Цезаря», и наконецъ Полевой перевелъ, или, лучше сказать, передѣлалъ «Гамлета» Шекспира!..—Послѣднія слова Невѣдомовъ произнесъ уже нѣсколько съ насмѣшкой.

— Шекспиръ долженъ быть весь переведенъ самымъ точнымъ и добросовѣстнымъ образомъ, — проговорилъ Павелъ.

Невѣдомовъ при этомъ задумался на довольно продолжительное время.

— Его трудно переводить, — началъ онъ неторопливо. — Я, впрочемъ, — продолжалъ онъ съ полуулыбкой и потупляя нѣсколько глаза: — думаю заняться теперь этимъ и перевести его «Ромео и Юлію».

— Что же, это лучшая его пьеса? — спросилъ Павелъ.

— Да, это одно изъ самыхъ пылкихъ и страстныхъ его произведеній, но меня, кромѣ ужъ главнаго ея сюжета — любви... а кому же любовь не нравится? (Невѣдомовъ при этомъ усмѣхнулся) — меня очень манятъ къ ней, — продолжалъ онъ: — нѣкоторыя побочныя лица, которыя выведены въ ней

— А именно? — сказалъ Павелъ, желая поддержать этотъ весьма пріятный для него разговоръ.

— А именно — напримѣръ, Лоренцо, монахъ, францисканецъ, человѣкъ совершенно уже безстрастный и обожающій одну только природу!.. Я, пожалуй, дамъ вамъ маленькое понятіе, переведу нѣсколько намеками его монологъ... — прибавилъ Невѣдомовъ и, съ замѣтнымъ воодушевленіемъ вставъ съ своего дивана, взялъ одну изъ книгъ Шекспира и развернулъ ее. Видимо, что Шекспиръ былъ самый любимый поэтъ его.

Лоренцо выходитъ раннимъ утромъ и говоритъ...

И Невѣдомовъ, вслѣдъ затѣмъ, смотря въ книгу, сталъ немножко даже декламировать:

«Уже разсвѣтъ сквозь блѣдный паръ тумана привѣтствуетъ убѣгающую ночь!.. Но, прежде чѣмъ взойдетъ солнце, я долженъ корзину эту наполнить полезными и вредными травами!.. Всѣ предметы въ мірѣ различны, и всѣ равно прекрасны, и каждому данъ свой законъ, и въ каждомъ благодать и польза есть: но если предметъ, измѣнивъ своему назначенію, изберетъ себѣ иной путь, вдругъ изъ добра онъ обращается во зло. Вотъ этотъ цвѣтокъ, употреби его для обонянія — онъ принесетъ пользу: вкуси его — и онъ — о, чудо перемѣны! — смертію тебя обледянитъ, какъ будто въ немъ двѣ разнородныя силы: одна горитъ живительнымъ огнемъ, другая вѣетъ холодомъ могилы; такіе два противника и въ насъ: то — благодать и гибельныя страсти, и если овладѣютъ страсти нашею душой, завянетъ навсегда плѣнительный цвѣтокъ».

— Превосходно!.. — воскликнулъ Павелъ, которому самъ Невѣдомовъ показался въ эти минуты такимъ же монахомъ-францисканцемъ, обнимающимъ своимъ умомъ и сердцемъ всю

природу, и особенно его пріятно поразили черты лица того, которыя загорались какою-то восторженностью и вдохновеніемъ, когда онъ произносилъ нѣкоторыя слова монолога.

— Да-съ, недурно,—подтвердилъ и Невѣдомовъ:—Шекспиръ есть высочайшій и, въ то же время, реальнѣйшій поэтъ—въ этомъ главная сила его.

— И Викторъ Гюго тоже одинъ изъ чрезвычайно сильныхъ поэтовъ! — подхватилъ Павелъ. Когда онъ учился для Мари французскому языку, онъ все читалъ Виктора Гюго, потому что это былъ любимый поэтъ Мари.

— Это совсѣмъ другое! — произнесъ Невѣдомовъ, какъ бы даже удивленный этимъ сравненіемъ.—Викторъ Гюго больше всего обязанъ своей славой тому, что явился тотчасъ послѣ безцвѣтной, вялой послѣ-революціонной литературы и, дѣйствительно, въ этомъ бѣдномъ французскомъ языкѣ отыскалъ новыя и весьма сильныя краски.

— Какъ это, напримѣръ, хорошо его стихотвореніе,—подхватилъ Павелъ, желавшій передъ Невѣдомовымъ немножко похвастаться своимъ знакомствомъ съ Викторомъ Гюго:—«Къ красавицѣ», гдѣ онъ говоритъ, что когда бъ онъ Богомъ былъ, то онъ отдалъ бы за ея поцѣлуй власть надъ ангелами и надъ дьяволами... У насъ де-ля-Рю, кажется, перевелъ это и попался за то.

— Это стихотвореніе совершенная безсмыслица, по-моему,— возразилъ Невѣдомовъ: — если бъ онъ Богомъ былъ, то никогда и не пожелалъ бы ея поцѣлуя.

— Ну, это что же? — произнесъ Павелъ, совершенно, кажется, несогласный съ этимъ.

— Какъ что же?—перебилъ его Невѣдомовъ. — Поэзія, въ самыхъ смѣлыхъ своихъ сравненіяхъ и метафорахъ, все-таки должна имѣть здравый человѣческій смыслъ У насъ тоже, — продолжалъ онъ, видимо, разговорившись на эту тему:—были и есть своего рода маленькіе Викторы Гюго, безъ свойственной, разумѣется, ему силы.

— Кто же такіе?—спросилъ Вихровъ.

— Да наши Марлинскій, Бенедиктовъ — это тоже поэты весьма громкихъ и трескучихъ фразъ и весьма малаго поэтическаго содержанія.

Павлу очень нравились оба эти писателя, но онъ уже и высказать того не рѣшился, сознавая, что Невѣдомовъ дѣло это гораздо лучше и глубже его понимаетъ.

Въ такого рода разговорахъ они однако просидѣли часовъ до двѣнадцати. Наконецъ Павелъ, утомленный разнаго рода событіями дня, всталъ.

— До свиданья, позвольте мнѣ бывать у васъ и пользоваться вашими наставительными и пріятными бесѣдами! — проговорилъ онъ почтительнымъ голосомъ.

— Очень радъ буду вамъ всегда,—сказалъ Невѣдомовъ.

Павелъ пришелъ въ свой номеръ въ весьма мирномъ расположеніи духа. Ванька его встрѣтилъ веселый: онъ очень ужъ былъ радъ, что они переѣхали отъ Макара Григорьева, котораго онъ сразу же сталъ ненавидѣть и бояться.

— Что, Иванъ, здѣсь хорошо?—спросилъ его Павелъ, раздѣваясь и ложась на постель.

— Хорошо-съ. Сейчасъ я ужинать ходилъ, щей важныхъ дали похлебать,—отвѣчалъ тотъ и безсовѣстно въ этомъ случаѣ солгалъ, потому что ему дали совершенно протухлыхъ щей, такъ что онъ едва ихъ доѣлъ.

V.

Студентъ Саловъ.

Павелъ, согласно прежнему своему намѣренію, поступилъ на математическій факультетъ. Первую лекцію ему пришлось слушать изъ аналитики. Когда онъ пришелъ въ университетъ, его послали въ большую математическую аудиторію. Огромная комната, паркетные полы, свѣтлыя ясеневыя парты, толпа студентовъ, изъ коихъ бо́льшая часть были очень красивые молодые люди, и всѣ въ новыхъ съ иголочки вицмундирахъ, наконецъ профессоръ, который пришелъ, прочелъ и ушелъ, какъ будто ему ни до кого и дѣла не было, — все это очень понравилось Павлу. Профессоръ для перваго раза объяснилъ, что̀ такое математическій анализъ, и Вихровъ всѣ его слова записалъ съ какимъ-то благоговѣніемъ. Затѣмъ слѣдовала лекція богословія, въ большой уже залѣ. Собрались всѣ четыре факультета, между которыми много было даже не молодыхъ людей и всевозможныхъ, должно-быть, націй. Законоучитель, весьма представительной наружности, въ протоіерейской камилавкѣ и съ докторскимъ наперснымъ крестомъ, усѣлся на каѳедрѣ: такого рода зрѣлище показалось Павлу просто великолѣпнымъ. Протоіерей говорилъ о разныхъ языческихъ религіяхъ и показывалъ преимущество надъ ними христіанской вѣры. Вихровъ все это зналъ, но, тѣмъ не менѣе, и эту лекцію записалъ съ буквальною точностью. Черезъ нѣсколько времени профессоръ словесности уничтожилъ передъ своими слушателями всѣ проходимыя ими прежде риторики, говоря: «Милостивые государи! Васъ учили, что источники изобрѣтенія: кто, что̀, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ?.. Но я васъ

спрашиваю, милостивые государи: кто, сѣвъ писать сочиненіе, станетъ задавать себѣ подобные вопросы, и каково выйдетъ сочиненіе, изобрѣтенное подобнымъ образомъ?.. Источники изобрѣтенія, милостивые государи,—это внутренній, нравственный міръ человѣка и окружающая его среда: вотъ что даетъ вдохновеніе и матеріалъ художнику!»

Молодой студентъ мой и съ этимъ былъ совершенно согласенъ. Когда онъ возвращался домой изъ университета, съ пріобрѣтеннымъ имъ умственнымъ сокровищемъ, ему казалось, что всѣ на него смотрятъ, какъ на будущаго ученаго. Дома онъ сейчасъ же принимался всѣ записанныя лекціи переписывать набѣло, заучивать ихъ наизусть. Недѣли черезъ двѣ, потомъ, у него явилось новое занятіе, или, лучше сказать, увлеченіе. Тотъ же профессоръ словесности задалъ студентамъ темы для сочиненій. Вихровъ ужасно этому обрадовался и выбралъ одну изъ нихъ, а именно: «Поссевинъ въ Россіи», и сейчасъ же принялся писать на нее. Еще и прежде того, какъ мы знаемъ, искусившись въ писаніи повѣстей и прочитавъ потомъ цѣлыя сотни историческихъ романовъ, онъ изобразилъ пребываніе Поссевина въ Россіи въ формѣ разсказа: описалъ тутъ и царя Іоанна, и іезуитовъ съ ихъ одеждою, обычаями, и придумалъ даже полячку привезенную ими съ собой. Цѣлыя двѣ недѣли Вихровъ занимался надъ этимъ трудомъ и наконецъ подалъ его профессору, вовсе не ожидая отъ того никакихъ особыхъ послѣдствій, а такъ только потѣшилъ, въ этомъ случаѣ, натуру свою. Невдолгѣ послѣ того профессоръ сталъ давать отчетъ о прочитанныхъ имъ сочиненіяхъ. Онъ ихъ обыкновенно увозилъ на ломовомъ извозчикѣ и на ломовомъ же извозчикѣ и привозилъ. Взойдя на каѳедру, онъ былъ какъ бы нѣкоторое время въ недоумѣніи.

— Милостивые государи,—началъ онъ своимъ звучнымъ голосомъ:—я, къ удивленію своему, долженъ отдать на нынѣшній разъ предпочтеніе сочиненію не студента словеснаго факультета, а математика... Я говорю про сочиненіе г-на Вихрова: «Поссевинъ въ Россіи».

У Павла руки и ноги задрожали и въ глазахъ помутилось.

— Г-нъ Вихровъ!—вызвалъ уже его профессоръ.

Павелъ всталъ.

Профессоръ, какъ бы съ большимъ вниманіемъ, нѣсколько времени смотрѣлъ на него.

— Въ вашемъ сочиненіи, не говоря уже о знаніи факта, видна необыкновенная ловкость въ пріемахъ разсказа; вы какъ будто бы очень опытны и давно упражнялись въ этомъ.

— Я давно ужъ пишу!—отвѣчалъ Вихровъ съ дрожащими губами.

— Упражняетесь въ этомъ!.. Прекрасно, прекрасно!.. У васъ положительное дарованіе. — И профессоръ мотнулъ Вихрову головой въ знакъ того, чтобъ тотъ садился.

Павелъ опустился—отъ волненія онъ едва стоялъ на ногахъ, но потомъ, когда лекція кончилась и профессоръ сталъ сходить по лѣстницѣ, Павелъ нагналъ его.

— У меня цѣлая повѣсть написана,—сказалъ онъ: — позвольте вамъ представить ее.

— Представьте,—сказалъ профессоръ, уже съ удивленіемъ взглянувъ на него.

Вихровъ на слѣдующую же лекцію принесъ ему свою повѣсть «Чугунное кольцо».

Профессоръ взялъ у него тетрадку.

Цѣлую недѣлю Вихровъ горѣлъ какъ на угольяхъ. Профессора онъ видѣлъ въ университетѣ, но тотъ ни слова не говорилъ съ нимъ объ его произведеніи.

Наконецъ послѣ одной лекціи онъ проговорилъ:

— Г-нъ Вихровъ здѣсь?

— Здѣсь!—отвѣчалъ Павелъ, опять съ дрожащими губами.

— Прошу васъ сегодня зайти ко мнѣ вечеркомъ; я имѣю съ вами поговорить!

Вихровъ радъ былъ двадцать,—тридцать разъ къ нему сходить.

«Что-то онъ скажетъ мнѣ и въ какихъ выраженіяхъ станетъ хвалить меня?»—думалъ онъ все остальное время до вечера: въ похвалѣ отъ профессора онъ почти уже не сомнѣвался. Часу въ седьмомъ вечера онъ почти бѣгомъ бѣжалъ со своей квартиры къ дому профессора и робкою рукою позвонилъ въ колокольчикъ. Человѣкъ отперъ ему и впустилъ его; Павелъ сказалъ ему свою фамилію. Человѣкъ повелъ его сначала черезъ залу, гостиную. Вихровъ съ искреннѣйшимъ благоговѣніемъ вдыхалъ въ себя этотъ ученый воздухъ; въ кабинетѣ, слабо освѣщенномъ свѣчами съ абажуромъ, онъ увидѣлъ самого профессора: всѣ стѣны кабинета уставлены были книгами, столъ заваленъ кипами бумагъ.

— Здравствуйте, садитесь!—сказалъ онъ ему ласково.

Вихровъ сѣлъ.

— Я позвалъ васъ, — продолжалъ профессоръ: — сказать вамъ, чтобы вы бросили это дѣло, за которое очень рано взялись.

И онъ сдѣлалъ при этомъ значительную мину.

Вихровъ покраснѣлъ.

— Почему же?—спросилъ онъ.

— Потому что вы описываете жизнь, которой еще не знаете: вы можете написать теперь сочиненіе изъ книгъ,—наконецъ описать ваши собственныя ощущенія, — но никакъ не романъ и не повѣсть! На меня, признаюсь, ваше произведеніе сдѣлало очень, очень непріятное впечатлѣніе; въ немъ выразилась или весьма дурно направленная фантазія, или вы все выдумали, что писали... А если же нѣтъ, то это, съ другой стороны, дурно рекомендуетъ вашу нравственность.

И профессоръ опять при этомъ значительно мотнулъ Вихрову головой и подалъ ему его повѣсть назадъ. Павелъ только изъ приличія просидѣлъ у него еще съ полчаса, и профессоръ все ему толковалъ о тѣхъ образцахъ, которые онъ долженъ читать, если желаетъ сдѣлаться литераторомъ,—о строгой и умѣренной жизни, которую онъ долженъ вести, чтобы быть истиннымъ жрецомъ искусства, и заключилъ тѣмъ, что «орудіе, т.-е. талантъ у васъ есть для авторства, но содержанія еще—никакого!»

Герой мой вышелъ отъ профессора сильно опѣшенный. «Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, рано еще писать!»—подумалъ онъ самъ съ собой и рѣшился пока учиться и учиться... Всю эту продѣлку съ своимъ сочиненіемъ Вихровъ тщательнѣйшимъ образомъ скрылъ отъ Невѣдомова и для этого даже не видался съ нимъ долгое время. Онъ почти предчувствовалъ, что тотъ тоже не похвалитъ его творенія, но какъ только этотъ вопросъ для него, послѣ бесѣды съ профессоромъ, рѣшился, такъ онъ сейчасъ же и отправился къ пріятелю.

— Гдѣ вы пропадали?—воскликнулъ тотъ ему.

— Все занимался,—отвѣчалъ Павелъ немного сконфуженнымъ голосомъ.

— Ахъ, кстати,—продолжалъ Невѣдомовъ:—тутъ съ вами желаетъ очень познакомиться одинъ господинъ.

— Кто такой?—спросилъ Вихровъ.

— Нѣкто Саловъ — студентъ; онъ говоритъ, что землякъ вашъ, и просилъ меня прислать ему сказать, когда вы придете ко мнѣ.

— Я очень радъ,—отвѣчалъ Вихровъ.

Невѣдомовъ всталъ, вышелъ въ коридоръ и послалъ человѣка къ Салову. Черезъ нѣсколько времени въ комнату вошелъ небольшого роста, но чрезвычайно, должно-быть, юрковатый студентъ въ очкахъ и съ нѣсколько птичьей и какъ бы проникающей васъ физіономіей,—это былъ Саловъ. Невѣдомовъ сейчасъ же познакомилъ съ нимъ Вихрова.

— Мнѣ про васъ очень много говорили, — началъ Саловъ,

устремляя на Павла довольно проницательный взглядъ:—а именно—вашъ товарищъ Живинъ, съ которымъ я былъ вмѣстѣ въ Демидовскомъ.

— А!—произнесъ Вихровъ. Живинъ былъ тотъ гимназистъ, который нѣкогда такъ искренно восхищался игрою Павла на фортепьянахъ.

— И онъ-съ мнѣ между прочимъ говорилъ, что вы великій актеръ,—продолжалъ Саловъ. Въ голосѣ его какъ бы слышалась легкая насмѣшка.

— Да, я довольно хорошо играю нѣкоторыя роли,—сказалъ Павелъ, нисколько не сконфузясь.

— Говорилъ-съ! — повторилъ Саловъ. — И у него обыкновенно были двѣ темы для разговоровъ, это — ваше сценическое дарованіе и еще его сѣрыя изъ темнаго сукна брюки, которыя онъ очень берегъ и про которыя каждое воскресенье говорилъ сторожу: «вычисти, пожалуйста, мнѣ мои сѣрыя брюки получше, я въ нихъ пойду погулять».

Такое сопоставленіе его дарованій съ брюками показалось Вихрову нѣсколько обиднымъ, но онъ, впрочемъ, постарался придать такое выраженіе своему лицу, изъ котораго ничего не было бы видно, такъ, какъ будто бы онъ прослушалъ совершеннѣйшую чепуху и безсмыслицу. Саловъ, кажется, замѣтилъ это, потому что сейчасъ же поспѣшилъ какъ бы приласкаться къ Павлу.

— Впрочемъ, то же самое подтверждали и другіе ваши товарищи, такъ что слава эта за вами уже установившаяся,— проговорилъ онъ.

Павелъ и на это ничего ему не сказалъ.

— А вы давно изъ Демидовскаго перешли сюда?—спросилъ онъ, въ свою очередь, Салова.

— Второй годъ ужъ!.. Тамъ профессора или пьянствуютъ, или съ женами ссорятся: что же мнѣ было при этомъ присутствовать?—проговорилъ поспѣшно Саловъ.

— Здѣсь и не дѣлаютъ этого, да вы немного ими, кажется, интересуетесь, — замѣтилъ ему съ улыбкой Невѣдомовъ.

— Некогда все!—отвѣчалъ Саловъ, въ одно и то же время ухмыляясь и нахмуриваясь. Онъ никогда почти не ходилъ въ университетъ и все былъ на первомъ курсѣ, безъ всякой, кажется, надежды перейти на второй.

— Ну, батюшка,—обратился онъ какъ-то рѣзко къ Невѣдомову, ударяя того по плечу: — я сегодня кончилъ Огюста Конта и могу сказать, что все, что по части философіи знало до него человѣчество, оно должно выкинуть изъ головы, какъ совершенно ненужную дрянь.

— Ужъ будто и совсѣмъ выкинуть изъ головы?—спросилъ Невѣдомовъ нѣсколько насмѣшливо.

— Выкинуть-съ!—повторилъ Саловъ рѣзкимъ тономъ:—потому что Контъ прямо говоритъ: «мы знаемъ одни только явленія, но и въ нихъ не знаемъ — какимъ способомъ они возникли, а можемъ только изучать ихъ постоянныя отношенія къ другимъ явленіямъ, и эти отношенія и называются законами, но сущность же каждаго предмета и первичная его причина всегда были и будутъ для нашего разума — terra incognita».

— Кантъ почти то же самое говоритъ,—возразилъ какъ бы въ нѣкоторомъ недоумѣніи Невѣдомовъ.

— Сдѣлайте милость!—почти закричалъ на него Саловъ:—вашъ Кантъ положительнѣйшимъ образомъ признавалъ и всѣ эти субстанціи, точно такъ же, какъ Гегель выдумалъ какого-то человѣка какъ микрокосмъ,—все это чистѣйшая чепуха! Помилуйте, одно это, — продолжалъ кричать Саловъ, какъ бы больше уже обращаясь къ Павлу: — Контъ раздѣлилъ философію на теологическую, метафизическую и положительную: это верхъ, до чего могъ достигнуть разумъ человѣческій! Теологія, говоритъ, есть форма мышленія полудикихъ народовъ, метафизика есть переходный періодъ, и наконецъ позитивизмъ есть послѣднее слово здраваго, незатуманеннаго ума человѣческаго.

Невѣдомовъ, при этихъ словахъ Салова, усмѣхнулся.

— Чему вы смѣетесь? чему? — обратился къ нему Саловъ съ азартомъ.

— Тому,—отвѣчалъ тотъ кротко:—что нельзя же, прочитавъ первую попавшуюся подъ руку философскую систему, уничтожить и почеркнуть ею всѣ прочія.

— Нѣтъ-съ, можно, если она удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ моего ума. Вѣдь не правда ли, что я правъ?—обратился Саловъ прямо уже къ Вихрову.—Вы, конечно, знаете, что отыскиваютъ всѣ философіи?

— Начало всѣхъ началъ,—отвѣчалъ тотъ не безъ улыбки.

— Начало всѣхъ началъ, — повторилъ Саловъ. — А Контъ имъ говоритъ: «вы никогда этого начала не знали и не знаете, а знали только явленія,—и явленія-то только въ отношеніи къ другому явленію, а то явленіе, въ свою очередь, понимаете въ отношеніи этого явленія, — справедливо это, или нѣтъ?

— Это, можетъ-быть, и справедливо.—произнесъ Павелъ:—но я совершенно несогласенъ съ вами касательно теологіи, которая присуща и самымъ образованнымъ народамъ.

— Да, ее терпятъ для мужиковъ вездѣ, даже и умные англичане,—возразилъ Саловъ.

— Кромѣ того, — продолжалъ Павелъ, какъ бы не слыша его замѣчанія: — ея необходимость доказывается общимъ вѣрованіемъ всѣхъ народовъ.

— Что-съ?—спросилъ его вдругъ Саловъ.

— Необходимость теологіи доказывается общимъ вѣрованіемъ народовъ,—повторилъ Вихровъ уже сконфуженнымъ голосомъ.

— Послушайте, — началъ Саловъ тономъ яваго сожалѣнія:—я буду съ вами говорить о философіи, а вы будете мнѣ приводить доказательства изъ катехизиса.

— Что жъ такое?.. — больше уже бормоталъ Павелъ. Онъ самъ очень хорошо понялъ, что несовсѣмъ удачно выразился.

— Это доказательство вовсе не изъ катехизиса, а, напротивъ, доказательство исторіи,—поддержалъ его Невѣдомовъ.— Существованіе вездѣ и всюду религіи есть такой же фактъ, какъ вотъ этотъ домъ, эти деревья, эти облака,—и отъ него никакому философу отвертѣться нельзя.

— Дѣйствительно, фактъ,—подхватилъ Саловъ:—но только болѣзненный.

— Не можетъ же болѣзнь быть всеобщей, —возразилъ, пожимая плечами, Невѣдомовъ:—во всѣхъ эпидеміяхъ обыкновенно болѣе половины остается здоровыми, а тутъ—всѣ...

— А, это ужъ, видно, такая повальная на всѣхъ!—произнесъ насмѣшливо Саловъ.—Только у однихъ народовъ, а именно у южныхъ, какъ, напримѣръ, у испанцевъ и итальянцевъ, она больше развивается, а у сѣверныхъ меньше. Но не въ этомъ дѣло: не будемъ уклоняться отъ прежняго нашего разговора и станемъ говорить о Контѣ. Вы вѣдь его не читали?.. такъ, да?—прибавилъ онъ ядовито, обращаясь къ Невѣдомову.

— Нѣтъ, не читалъ,—отвѣчалъ тотъ спокойно: — да и читать не стану.

— Почему же это онъ лишенъ будетъ этой чести?—спросилъ Саловъ насмѣшливо.

— Потому что,—продолжалъ Невѣдомовъ тѣмъ же спокойнымъ тономъ:—можетъ-быть, я въ этомъ случаѣ и не правъ,— но мнѣ всякій позитивный, реальный, матеріальный, какъ хотите назовите, философъ уже не по душѣ, и мнѣ кажется, что всѣ они чрезвычайно односторонни: они думаютъ, что у человѣка одна только познавательная способность и есть, это—разумъ. Я очень хорошо понимаю, что разумъ есть одна изъ важнѣйшихъ способностей души, и что, дѣйствительно, для него есть предѣлъ, до котораго онъ можетъ дойти; но

вотъ тутъ-то, гдѣ онъ останавливается, и начинаетъ, какъ я думаю, работать другая способность нашей души, это—фантазія, которая произвела и искусства всѣ и всѣ религіи, и которая, я убѣжденъ, играла большую роль въ признаніи вѣроятности существованія Америки и подсказала многое къ открытію солнечной системы.

— Но согласитесь, — опять почти закричалъ на него Саловъ:—что у дикихъ народовъ область этой фантазіи гораздо шире, и что прогрессъ человѣчества и состоитъ въ томъ, что разумъ завоевываетъ у фантазіи ея территорію.

— Это, можетъ-быть, отчасти есть.

— А въ концѣ концовъ онъ завоюетъ у ней все.

— Ну, этого я не знаю!

— Да какъ же вы не знаете, Невѣдомовъ!.. Это наконецъ нечестно: когда васъ мыслью, какъ вилами, прижмутъ къ стѣнѣ, вы говорите, что не знаете,—горячился Саловъ.

— Что же тутъ нечестнаго, — произнесъ Невѣдомовъ: — если я говорю «не знаю» о томъ, на что сама исторія не дала отвѣта?

— Нѣтъ-съ, дала отвѣтъ, дала въ томъ, какъ думали лучшіе умы, какъ думалъ Вольтеръ, Контъ.

— Къ чему вы мнѣ все это говорите!—перебилъ его уже съ нѣкоторою досадой Невѣдомовъ.—Вы очень хорошо знаете, что ни вашему уму, ни уму Вольтера и Конта, ни моему собственному даже уму не уничтожить во мнѣ тѣхъ вѣрованій и образовъ, которые дала мнѣ моя религія и создало воображеніе моего народа.

— А къ тому, мой миленькій, что мнѣ хочется поучить васъ, а то вы вѣдь безъ меня, моя крошечка, пропадете!— перебилъ его насмѣшливо Саловъ. Онъ, кажется, былъ очень доволенъ, что поразсердилъ немножко Невѣдомова.

— Чѣмъ вамъ учить меня, вы гораздо лучше сдѣлаете, если прочтете намъ какое-нибудь ваше стихотвореніе,—возразилъ тотъ:—это гораздо пріятнѣе и забавнѣе отъ васъ слышать.

— Что за вздоръ такой!—произнесъ съ улыбкой Саловъ, а самъ, между тѣмъ, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

Вихровъ, какъ мы видѣли, нѣсколько срѣзавшійся въ этомъ спорѣ, все остальное время сидѣлъ нахмурившись и насупившись: сердце его гораздо болѣе склонялось къ тому, что говорилъ Невѣдомовъ; умъ же, — долженъ онъ былъ къ досадѣ своей сознаться,—былъ больше на сторонѣ Салова.

— Какого же рода онъ стихи пишетъ?—спросилъ Вихровъ Невѣдомова.

— Я больше перелагаю-съ, — подхватилъ Саловъ: — и для

перваго знакомства, извольте, я скажу вамъ одно мое новое стихотвореніе. Господинъ Пушкинъ, какъ, можетъ-быть, вамъ небезызвѣстно, написалъ стихотвореніе «Ангелъ»: «Въ дверяхъ Эдема ангелъ нѣжный» и проч. Я на сію же тему изъяснился такъ... — И затѣмъ Саловъ зачиталъ нараспѣвъ:

„Въ дверяхъ палатъ своихъ надменно
Предсталъ плѣшивый откупщикъ,
А жуликъ, тощій и смиренный,
Взиралъ, какъ жирный временщикъ,
Съ крыльца напутствуемъ швейцаромъ,
Въ карету модную влѣзалъ.
—О, Прометей! въ восторгѣ яромъ
Ему воришка закричалъ:—
Клянусь, что я безъ всякой злобы,
Безъ всякой зависти утробы
Смотрю, какъ ты и ѣшь, и пьешь,
И жизнь роскошную ведешь.
Нѣтъ! я завидовать не смѣю,
Я предъ тобой благоговѣю:
Хотя я съ дѣтства наметалъ
Во всякой кражѣ обѣ руки,
Но ты въ сей выспренней наукѣ
Мнѣ будешь вѣчный идеалъ!"

— Очень хорошо!—похвалилъ Вихровъ, но, кажется, больше изъ приличія.

— Что за глупости такія!—проговорилъ, какъ бы невольно нѣсколько потупляясь, Невѣдомовъ.

— Какія же глупости? — воскликнулъ притворно-обиженнымъ голосомъ Саловъ. — Пойдемте, Вихровъ, ко мнѣ въ номеръ: я не хочу, чтобы васъ развращалъ этотъ скептикъ,— прибавилъ онъ и, взявъ Павла подъ руку, насильно увлекъ его отъ Невѣдомова.

— Я-то пуще скептикъ, а не онъ! — говорилъ тотъ имъ вслѣдъ.

Номеръ Салова оказался почти богато убраннымъ: толстая драпировка на перегородкѣ и на окнѣ; мягкій диванъ; на немъ довольно искусно вышитыя шерстями двѣ подушки. Въ одномъ изъ угловъ стояли трубки съ черешневыми чубуками и съ дорогими янтарными мундштуками. На окнѣ виднѣлась выпитая бутылка шампанскаго; на комодѣ былъ открытъ богатый несессеръ и лежала цѣлая дюжина, должно-быть, еще неигранныхъ картъ. Вообще, въ убранствѣ комнаты Салова было больше офицерскаго, нежели студенческаго. Книгъ почти совсѣмъ не было видно, кромѣ Огюста Конта, книжка котораго, не вся еще разрѣзанная, валялась на столѣ.

— Садитесь, пожалуйста! — сказалъ Саловъ, любезно уса-

живая Вихрова на диванъ и даже подкладывая ему за спину вышитую подушку. Самъ онъ тоже развалился на другомъ концѣ дивана: изъ его позы видно было, что онъ любилъ и умѣлъ понѣжиться и поизбаритничать.

— А вотъ и Контъ!—сказалъ Вихровъ, показывая на лежавшую на столѣ книжку. — Да-съ, я его нарочно купилъ, и, вообразите, онъ теперь у меня — у одного въ Москвѣ... Они всѣ вѣдь тутъ студенты — гегелисты... Только вдругъ я разъ въ кондитерской, въ которую хожу каждый день пить кофе, читаю въ французской газетѣ, что, въ противоположность всѣмъ нѣмецкимъ философамъ, въ Парижѣ образуется школа позитивистовъ, и представитель ея — Огюстъ Контъ... Я сейчасъ къ книгопродавцу: «давайте Конта!» — «Нѣтъ еще у насъ...» — «Выпишите!» Выписалъ: тридцать рублей содралъ за одну книжку, потому что запрещена она у насъ... Вотъ я теперь и подчиталъ ее, и буду ихъ всѣхъ рѣзать! — заключилъ Саловъ, съ удовольствіемъ потирая себѣ руки.

— Ну, вамъ Невѣдомова, кажется, не срѣзать этимъ,— возразилъ Павелъ.

— Невѣдомова-то!—воскликнулъ Саловъ.—Да развѣ вы не видите, что онъ сумасшедшій... Одежда-то его, а?.. Какъ одежда-то его вамъ нравится?

— Одежда у него, дѣйствительно, странная, — произнесъ Вихровъ.

— Вы знаете, онъ за нее въ острогѣ сидѣлъ,—продолжалъ Саловъ съ видимымъ уже удовольствіемъ.—Пріѣхалъ онъ тамъ въ Тулу или Калугу... Подрясникъ этотъ у него еще тогда былъ новый, а не провонялый, какъ теперь... Онъ выфрантился въ него, взялъ въ руки монашескія четки, отправился въ церковь—и тамъ, ставши впереди всѣхъ барынь и возведя очи къ небу, начинаетъ молиться. Всѣ, разумѣется спрашиваютъ: «кто такой, кто такой этотъ интересный монахъ?» Заинтересовалась симъ и полиція также... Онъ изъ церкви къ себѣ въ гостиницу, а кварташки за нимъ... «Кто, говорятъ, такой этотъ господинъ у васъ живетъ? Покажите его паспортъ!» — Показываютъ... Оказывается, что совершенно не монахъ, а свѣтскій человѣкъ. Они сначала — въ часть его, а потомъ—и въ острогъ, да сюда въ Москву по этапу и прислали, какъ въ показаніе имъ мѣсто жительства.

— Негодяи! — произнесъ Вихровъ съ негодованіемъ. — Зачѣмъ онъ носитъ еще это одѣяніе?

— Носитъ, чтобы нравиться женщинамъ, — отвѣчалъ ядовито Саловъ.

— О, полноте!.. Онъ, кажется совсѣмъ не такой.

— Онъ-то!.. Онъ и тутъ вонъ влюбленъ въ одну молоденькую дѣвочку: она теперь чистенькая, конечно, но, разумѣется, того только и ждетъ, чтобы ее кто-нибудь взялъ на содержаніе, а онъ ей, вмѣсто того, Шекспира толкуетъ и стихи разные читаетъ. Глупо это, по-моему.

— Почему глупо?—спросилъ Павелъ.

— Потому что, если онъ научитъ ее этому хочетъ, такъ зачѣмъ это ей? на кой чортъ?.. Если же соблазнить только этимъ желаетъ, то она всего скорѣй бы, вѣроятно, соблазнилась на деньги.

— Но, можетъ-быть, онъ думаетъ жениться на ней и образовываетъ ее для этого.

— Какъ же ему жениться, когда онъ самъ одинъ едва съ голоду не умираетъ?

— Развѣ у него нѣтъ состоянія?

— Никакого!.. Такъ себѣ перебивается кой-какими урочишками, но и тѣхъ ему мало даютъ: потому что, по костюму, принимаютъ его—кто за сумасшедшаго, а кто и за бродягу.

— Развѣ такой умный и образованный человѣкъ можетъ быть бродягой!—воскликнулъ Вихровъ.

— Отчего же нѣтъ? Я видалъ бродягъ и мошенниковъ необразованнѣе его,—возразилъ наивно Саловъ; вообще, тономъ голоса своего и всѣмъ тѣмъ, что говорилъ о Невѣдомовѣ, онъ, видимо, старался уронить его въ глазахъ Павла.

— А что, вы не обѣдаете въ общей залѣ, съ нами?—прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я обѣдаю обыкновенно у себя въ комнатѣ, — отвѣчалъ Вихровъ.

— Ну что, нѣтъ! Будемте обѣдать тамъ!.. Петръ! — крикнулъ Саловъ.

На этотъ зовъ, необыкновенно поспѣшно и съ замѣтнымъ почтеніемъ, явился номерной лакей.

— А что обѣдать?—спросилъ его Саловъ почти повелительно.

— Обѣдать готово, если прикажете,—отвѣчалъ тотъ.

— Да, вели!.. Кстати, скажите,—прибавилъ Саловъ, обращаясь къ Павлу:—что, вы играете въ карты?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Какъ же это—нѣтъ? Надо учиться,—произнесъ Саловъ.

— Какъ-нибудь выучусь,—проговорилъ Павелъ.

— Непремѣнно-съ, непремѣнно,—повторилъ Саловъ.

Вскорѣ они оба вошли въ обѣденную залу. М-ше Гартунгъ попрежнему лежала за ширмами. Номера ея еще не всѣ были заняты, а потому общество къ обѣду собралось не весьма

многочисленное: два фармацевта, которые, сидя обыкновенно особнякомъ, только между собою и разговаривали шопотомъ и при этомъ имѣли такія таинственныя лица, какъ будто бы они сейчасъ приготовились составлять самый ужасный ядъ. Невѣдомовъ пришелъ подъ-руку съ извѣстной уже намъ дѣвицей, которая отъ того, въ одно и то же время, конфузилась и смѣялась. Будучи на этотъ разъ въ платьѣ, а не въ блузѣ, она показалась Вихрову еще интереснѣе. Это было какое-то по природѣ своей граціозное существо: все въ ней было деликатно: губки, носикъ, ножки, талія; она весело и простодушно улыбалась. Невѣдомовъ между тѣмъ усадилъ свою спутницу рядомъ съ собой и по временамъ, несмотря на свои мягкіе голубые глаза, взглядывалъ на нее какимъ-то пламеннымъ тигромъ. Саловъ сѣлъ рядомъ съ Вихровымъ. М-me Гартунгъ нѣсколько разъ и какимъ-то замѣтно нѣжнымъ голосомъ восклицала:—«Саловъ, подите сюда!». И Саловъ, дѣлая явно при всѣхъ гримасу, ходилъ къ ней, а потомъ, возвращаясь и садясь, снова повторялъ эту гримасу и въ то же время не забывалъ показывать головой Павлу на Невѣдомова и на его юную подругу и лукаво подмигивать.

— Что это хозяйка все зоветъ къ себѣ Салова?—спросилъ Вихровъ послѣ обѣда Невѣдомова.

— Вѣроятно, какъ старшаго постояльца своего,—отвѣчалъ тотъ и, видимо, больше всего занятый своею собесѣдницей, снова подалъ ей руку, и они отправились въ ея номеръ.

«Тутъ, должно-быть, амуретовъ пропасть!» — подумалъ про себя Павелъ.

VI.

Кандидатъ Марьенэвскій и студенты Пѣтинъ и Заминъ.

Черезъ нѣсколько дней общество м-me Гартунгъ за ея табльдотомъ еще увеличилось: появился худощавый и съ весьма умною наружностью молодой человѣкъ въ штатскомъ платьѣ. Саловъ сначала было-адресовался къ нему весьма дружественно, но вновь прибывшій какъ-то черезчуръ сухо отвѣчалъ ему, такъ что Саловъ, несмотря на свой обычно смѣлый и дерзкій тонъ, немного даже сконфузился и съ разговорами своими отнесся къ сидѣвшей въ уединеніи Аннѣ Ивановнѣ. Она, какъ показалось Вихрову, была съ нимъ нисколько не менѣе любезна, чѣмъ и съ Невѣдомовымъ, который былъ на урокѣ и позапоздалъ прійти къ началу обѣда, но когда онъ пришелъ, то, увидѣвъ вновь появившагося молодого человѣка, радостно воскликнулъ:—«Боже мой, Марьеновскій!

кого я вижу?» И затѣмъ онъ подошелъ къ нему, и они дружески расцѣловались. Потомъ Невѣдомовъ сѣлъ рядомъ съ Марьеновскимъ и продолжалъ любовно смотрѣть на него; они перекинулись еще нѣсколькими словами. Невѣдомовъ послѣ того взглянулъ на прочихъ лицъ, помѣщавшихся за табльдотомъ, и увидѣлъ, что Анна Ивановна сидитъ съ Саловымъ и, наклонившись нѣсколько въ его сторону, что-то такое слушаетъ не безъ вниманія, что̀ Саловъ ей говоритъ. Невѣдомовъ при этомъ поблѣднѣлъ немного, сталъ кусать себѣ губы и съ замѣтною разсѣянностью отвѣчалъ на вопросы Марьеновскаго. Къ концу обѣда онъ, впрочемъ, поуспокоился—можетъ-быть, потому, что Салова вызвалъ кто-то пріѣхавшій къ нему, и тотъ, уходя, объявилъ, что больше не воротится. Два фармацевта, попрежнему обѣдавшіе, тоже ушли вскорѣ за нимъ.

Невѣдомовъ въ это время обратился къ Марьеновскому съ вопросомъ:

— А что̀, скажите, новаго въ мірѣ юриспруденціи?

— Теперь напечатанъ процессъ m-me Лафаржъ, — отвѣчалъ тотъ.

Вихровъ нарочно пересѣлъ съ своего стула на ближайшій къ нимъ, чтобы лучше слышать ихъ разговоръ.

— Это что̀ убила мужа?—подхватилъ Невѣдомовъ.

— Да, и тутъ замѣчательно то, что, по собраннымъ справкамъ, она ему надавала до полфунта мышьяку, а при анатомированіи нашли самый вздоръ, который могъ къ нему войти въ кровь при вдыханіи, какъ желѣзозаводчику.

— Однакожъ ее обвинили? — вмѣшался въ разговоръ Вихровъ.

— Ее обвинили,—отвѣчалъ какъ-то необыкновенно солидно Марьеновскій: — и рѣчь генералъ-прокурора была, по этому дѣлу, блистательна. Онъ разбилъ ее на двѣ части: въ первой онъ доказываетъ, что «m-me Лафаржъ могла сдѣлать это преступленіе», — для того онъ привелъ почти всю ея біографію, изъ которой видно, что она была женщина нрава пылкаго, порывистаго, рѣшительнаго; во второй части онъ говоритъ, что она «хотѣла сдѣлать это преступленіе», — и это доказываетъ онъ ея нелюбовью къ мужу, ссорами съ нимъ, угрозами...

— Логично,—произнесъ Невѣдомовъ.

— Удивительно просто, точно задачу какую математическую рѣшилъ,—сказалъ Марьеновскій.

— Скажите, присяжные ее осудили? — спросилъ Вихровъ, относясь къ нему опять со всевозможною вѣжливостью.

— Разумѣется,—отвѣчалъ ему тоже вѣжливо и Марьеновскій.

— Факты дѣла напечатаны всѣ?—спросилъ его Невѣдомовъ.

— Всѣ, до самыхъ мельчайшихъ подробностей.

— А къ чему бы присудили ее по нашимъ законамъ? — прибавилъ Невѣдомовъ.

Марьеновскій пожалъ плечами.

— Самое большее, что оставили бы въ подозрѣніи,—отвѣчалъ онъ съ улыбкой.

— Значитъ, уголовные законы наши очень слабы и непредусмотрительны, — вмѣшался опять въ разговоръ Вихровъ.

— Напротивъ!—отвѣчалъ ему совершенно серьезно Марьеновскій: — наши уголовные законы весьма недурны, но что такое законъ?.. Это есть формула, подъ которую не могутъ же подойти всѣ случаи жизни: жизнь слишкомъ разнообразна и извилиста; кромѣ того, одинъ и тотъ же фактъ можетъ имѣть тысячу оттѣнковъ и тысячу разныхъ причинъ: поэтому-то и нужно, чтобы всякій случай обсудила общественная совѣсть или выборные изъ общества, то-есть присяжные.

— Отчего у насъ не введутъ присяжныхъ?.. Кому они могутъ помѣшать?—произнесъ Павелъ.

Марьеновскій усмѣхнулся.

— Очень многому! — отвѣчалъ онъ: — покуда существуютъ другія злоупотребительныя учрежденія, до тѣхъ поръ о судѣ присяжныхъ и думать нечего: развѣ можетъ существовать гласный судъ, когда произволъ административныхъ лицъ доходитъ Богъ знаетъ до чего, когда существуетъ крѣпостное право?.. Все это на судѣ, разумѣется, будетъ обличаться, обвиняться...

— Главнымъ образомъ, достоинство и безпристрастіе суда, я полагаю, зависитъ отъ несмѣняемости судей, — замѣтилъ Невѣдомовъ.

— И то ничего не значитъ,—возразилъ ему Марьеновскій.— Во Франціи такъ-называемые les tribunaux ordinaires были весьма независимы: король не могъ ни смѣнять, ни награждать, ни перемѣщать даже судей: но зато явился особенный судъ, le tribunal exceptionnel, въ который мало-по-малу перенесли всѣ казенныя и общественныя дѣла, а затѣмъ стали переносить и дѣла частныхъ лицъ. Если какой-нибудь господинъ былъ довольно силенъ, онъ подавалъ прошеніе королю, и тотъ передавалъ дѣло его въ административный судъ, — вотъ вамъ и несмѣняемость судей.

Весь этотъ разговоръ молодые люди вели между собой какъ-то вполголоса и съ явнымъ уваженіемъ другъ къ другу. Марьеновскій, по преимуществу, произвелъ на Павла впечатлѣніе ясностью и простотой своихъ мыслей.

— Кто это такой?—спросилъ онъ потихоньку Невѣдомова, когда Марьеновскій всталъ, чтобы закурить сигару.

— Это кандидатъ юридическаго факультета, — отвѣчалъ тотъ.—Онъ нынче только кончилъ курсъ.

— Что же, онъ—въ профессора хочетъ?

— Не знаю. Онъ теперь продалъ все свое маленькое состояньице и съ этими деньгами ѣдетъ за границу, чтобы доканчивать свое образованіе.

Марьеновскій снова подошелъ къ нимъ и сѣлъ.

Во все это время Анна Ивановна, оставшаяся одна, по временамъ взглядывала то на Павла, то на Невѣдомова. Не принимая, конечно, никакого участія въ этомъ разговорѣ, она собиралась-было уйти къ себѣ въ комнату; но вдругъ, услышавъ шумъ и голоса у дверей, радостно воскликнула:

— Ахъ, это, должно-быть, Пѣтинъ и Заминъ!

Вошли шумно два студента: одинъ—толстый, приземистый, съ курчавою головой, съ грубыми руками, съ огромными ногами и почти оборваннымъ образомъ одѣтый; а другой —высокенькій, худенькій, съ необыкновенно острымъ, подвижнымъ лицомъ, и тоже оборванецъ.

— Вотъ они гдѣ тутъ! — воскликнулъ толстякъ и потомъ пошелъ со всѣми здороваться; у каждаго крѣпко стискивалъ руку, трясъ ее: потомъ съ каждымъ цѣловался, не исключая даже и Вихрова, котораго онъ и не [знал]ъ совсѣмъ. Аннѣ Ивановнѣ онъ тоже пожалъ руку и потрясъ ее такъ, что она даже вскрикнула:—«Заминъ, больно!». Тотъ, чтобы вознаградить ее, поцѣловалъ у нея руку; она поцѣловала его въ макушку. Пѣтинъ, худощавый товарищъ Замина, тоже расцѣловался со всѣми, а передъ Анной Ивановной онъ, сверхъ того, еще какъ-то особенно важно раскланялся, отчего та покатилась со смѣху.

— Пріѣхали изъ деревни? — сказалъ новоприбывшимъ Невѣдомовъ.

— Пріѣхали! —отвѣчалъ толстякъ, шумно усаживаясь. Пѣтинъ помѣстился тоже рядомъ съ нимъ и придалъ себѣ необыкновенно прямую и солидную фигуру, такъ что Анна Ивановна взглянуть на него не могла безъ смѣху: это, какъ впослѣдствіи оказалось, Пѣтинъ англичанина представлялъ.

— Чей это тамъ такой курчавый лакей? — продолжалъ толстый.

— Это, должно-быть, мой Иванъ, — сказалъ съ улыбкой Вихровъ.

— Какой славный малый, какой отличный, должно-быть!— продолжалъ Заминъ совершенно искреннимъ тономъ:—я тутъ

иду, а онъ сидитъ у вороть и пѣсню мурлыкаетъ. Я говорю: — «Какую ты это пѣсню поешь?» Онъ сказалъ: я ее знаю. — «Давай, говорю, вмѣстѣ пѣть». — «Давайте!» — говоритъ... И начали... Народу что собралось — ужасъ! Отличный малый, должно-быть... безподобный!

— Замянъ, это вы? — раздался вдругъ изъ-за перегородки довольно неблагосклонный голосъ хозяйки.

— Я, — отвѣчалъ Заминъ, подмигнувъ товарищамъ.

— Вы опять тутъ будете кричать! Уйдите, прошу васъ, въ какой-нибудь другой номеръ, — продолжала м-me Гартунгъ.

— А вы все больны? — спросилъ ее довольно добродушно Заминъ.

— Больна! Прошу васъ, уйдите,— повторила она настойчиво.

М-me Гартунгъ была сердита на Замина и Пѣтина за то, что они у нея около года стояли и почти ни копейки ей не заплатили: она едва выжила ихъ изъ квартиры.

— Надо уйти куда-нибудь, — сказалъ добродушно Заминъ.

— Iессъ!—произнесъ за нимъ его товарищъ съ совершенно англійскимъ акцентомъ, такъ что всѣ расхохотались.

— Милости прошу, господа, ко мнѣ; у меня номеръ довольно большой, — сказалъ Вихровъ: ему очень нравилось все это общество.

— А этотъ Ваня вашъ будетъ у васъ? — спросилъ Заминъ.

— Непремѣнно! — отвѣчалъ Вихровъ, улыбаясь.

— И отлично! Пойдемте! — сказалъ Заминъ, поднимаясь.

Товарищъ тоже за нимъ поднялся.

— Позвольте и васъ просить посѣтить меня! — обратился Павелъ къ Марьеновскому.

— Очень радъ! — отвѣчалъ тотъ.

— А какъ же я, гдѣ же васъ послушаю? — сказала горестнымъ голосомъ Анна Ивановна, обращаясь къ Замину и Пѣтину.

— А, да съ нами же пойдемте! — воскликнулъ Заминъ.

— А мнѣ можно къ вамъ? — обратилась Анна Ивановна, слегка покраснѣвъ, къ Вихрову.

— Сдѣлайте милость! — отвѣчалъ тотъ.

— Можно, пойдемте! — разрѣшилъ ей и Невѣдомокъ, а потомъ взялъ ее подъ руку, и всѣ прочіе отправились за ними гурьбой.

Когда проходили по коридору, къ Вихрову подошелъ Заминъ.

— Нѣтъ ли тамъ у васъ какого безпорядка въ комнатѣ? Вы приберите, она дѣвушка славная! — проговорилъ онъ шопотомъ, показывая головой на Анну Ивановну.

— У меня совершенно все въ порядкѣ,—отвѣчалъ Вихровъ.

Анна Ивановна была дочь одного бѣднаго чиновника и пріѣхала въ Москву съ тѣмъ, чтобы держать въ университетъ экзаменъ на гувернантку. Она почти безъ копейки денегъ поселилась въ номерахъ у m-me Гартунгъ и сдѣлалась какою-то дочерью второго полка студентовъ: они всѣ почти были въ нее влюблены, оберегали ея честь и цѣломудріе и почти на общій счетъ содержали ее, и не позволяли себѣ не только съ ней, но даже при ней никакой неприличной шутки: сама-то была она ужъ очень чиста и невинна душою!

Павелъ велѣлъ Ивану подать чаю и трубокъ. Анну Ивановну, какъ самую почетную гостью, посадили на диванѣ: около нея сѣлъ почти съ какимъ-то благоговѣніемъ Невѣдомовъ.

— Вотъ онъ идетъ, отличный малый! — воскликнулъ Заминъ, увидѣвъ вошедшаго Ивана. — Ты недавно вѣдь, чай, изъ деревни?

— Нѣтъ-съ, давно! — отвѣчалъ Иванъ почти обиженнымъ голосомъ.

— Вѣдь въ деревнѣ лучше?—спросилъ Заминъ.

— Чѣмъ лучше? Пустое дѣло деревня,—отвѣчалъ Иванъ и, замѣтно по-лакейски модничая, подалъ всѣмъ трубки.

— Отличный малый! — продолжалъ свое Заминъ, хотя послѣдній отвѣтъ разочаровалъ его много въ Иванѣ.

— Какъ у насъ въ Погрѣвскомъ уѣздѣ,—продолжалъ онъ, когда всѣ начали курить:—мужички отлично исправника капустой окормили!..

— Какъ капустой окормили? — спросилъ съ удивленіемъ Марьеновскій.

— Да такъ, капустой... Онъ пріѣхалъ, знаете, въ дальнюю одну деревню, а народъ-то тамъ дикій былъ, духомъ вольный. Онъ и сталъ требовать, съ похмелья, видно, капусты себѣ кислой, а капусты-то какъ-то въ деревнѣ не случилось. Онъ одного за это мужичка поколотилъ, другого, третьяго... Мужички-то и осерчали; съѣздили сейчасъ въ другую деревню, привезли цѣлый ушатъ капусты. «Кушай, говорятъ, баринъ, на здоровье, сколько хочешь». Онъ тарелочку съѣлъ-было, да и будетъ. А они: — «Нѣтъ, еще кушай: ты насъ тревожилъ этимъ: а коли кушать не станешь, такъ мы и въ плети тебя примемъ». И плети уже было-принесли. Онъ, дѣлать нечего, началъ. Да полъ-ушата они такимъ манеромъ и скормили ему!.. Пріѣхалъ, братъ, домой, лопнулъ, померъ: не выдержало того его міровѣдское брюхо!

— А у насъ въ Казани, — началъ своимъ тоненькимъ голосомъ Пѣтинъ: — на Духовъ день крестный ходъ: народу

собралось тысячъ десять; были и квартальные и вздумали-было унимать народъ: «тише, господа, тише!». Народъ-то и началъ ихъ выпирать изъ себя; такъ они у нихъ, въ треуголкахъ и со шпагами-то, и выскакиваютъ вверхъ!—И Пѣтинъ еще болѣе вытянулся въ свой ростъ и своею фигурой произвелъ совершенно впечатлѣніе квартальнаго, котораго толпа выпихиваетъ изъ себя вверхъ. Всѣ невольно разсмѣялись.

— Какой, должно-быть, актеръ превосходный — вашъ пріятель!—сказалъ Вихровъ Замину.

— Мастерина перваго сорта!—отвѣчалъ тотъ. — Вотъ мы сейчасъ вамъ настоящую комедію съ нимъ сломаемъ. Ну, вставай,—знаешь!—прибавилъ онъ Пѣтину.

Тотъ сейчасъ же его понялъ, сѣлъ на корточки на полъ, а руками уперся въ полъ и, поднявъ голову на своей длинной шеѣ вверхъ, принялся тоненькимъ голосомъ лаять — совершенно какъ собаки, когда онѣ вверхъ на воздухъ на кого-то и на что-то лаютъ; а Зминъ повалился въ это время на полъ и началъ, дрыгая своими коротенькими ногами, хрюкать и визжать по-свинячьи. Зрители, не зная еще, въ чемъ дѣло, начали хохотать до неистовства.

— Что такое это, что такое?—восклицалъ громкимъ голосомъ даже Невѣдомовъ, утирая выступившія отъ хохота слезы.

Вихровъ, не отставая и не помня себя, хохоталъ. Анна Ивановна лежала уже внизъ лицомъ на диванѣ.

— Это, изволите видѣть,—началъ Пѣтинъ какою-то почти собачьей фистулой: — свинью рѣжутъ, а собака за нее Богу молится.

Смѣхъ между зрителями увеличился почти до болѣзненнаго состоянія. Актеры между тѣмъ, видимо поутомившись, пріостановили свое представленіе и только съ удовольствіемъ посматривали на своихъ зрителей.

— Миленькіе, душеньки! — кричала имъ Анна Ивановна, все еще отъ смѣха не поднимая лица съ дивана: — представьте громъ и молнію!

— Можемъ! — произнесъ Пѣтинъ, и оба они сѣли съ Заминымъ другъ противъ друга за маленькій столикъ.

— Я—заходящее солнце! — сказалъ Заминъ, и въ самомъ дѣлѣ лицо его сдѣлалось какое-то красное, глупое и широкое.

— А я — любящій любоваться на закатъ солнца! — произнесъ Пѣтинъ—и сдѣлалъ видъ, какъ смотритъ въ лорнетъ какой-нибудь франтоватый молодой человѣкъ.

— Солнце сѣло! — воскликнулъ Заминъ, закрывъ глаза, и въ самомъ дѣлѣ воображенію зрителей представилось, что солнце сѣло.

— Тучи надвигаются!—воскликалъ между тѣмъ Заминъ, и лицо его дѣлалось все мрачнѣе и мрачнѣе.

— Молнія!—воскликнулъ онъ, открывъ для этого на мгновеніе глаза, и, дѣйствительно, передъ зрителями какъ бы сверкнула молнія.

— А человѣкъ въ это время спитъ; согласитесь, что онъ спитъ?—произнесъ Пѣтинъ и представилъ тотчасъ въ точь спящаго и немного похрапывающаго человѣка.

— Издали погремливаетъ! — продолжалъ Замінъ и представилъ громъ.—Молнія все чаще и чаще!- и онъ все чаще и чаще сталъ мигать глазами. — Тучи совсѣмъ нависли! — и лицо его сдѣлалось совсѣмъ мрачно.

— Молнія и громъ! — проговорилъ онъ, вскрылъ глаза и затрещалъ затѣмъ на всю комнату.

— А человѣкъ въ это время проснулся и крестится!—воскликнулъ Пѣтинъ и представилъ мгновенно проснувшагося и крестящагося человѣка.

Зрители уже не смѣялись, а оставались въ какомъ-то пріятномъ удивленіи: такъ это тонко и художественно все было выполнено!

— Это лучше всякаго водевиля, всякой комедіи! — воскликалъ Павелъ.

— Превосходно, превосходно! — повторялъ и Невѣдомовъ, какъ бы утопавшій въ эстетическомъ наслажденіи. — Вотъ вамъ и англійскіе клоуны: чѣмъ хуже ихъ?

Когда пріятели наши наконецъ разошлись и оставили Вихрова одного, онъ все еще оставался подъ сильнымъ впечатлѣніемъ всего видѣннаго.

«Да, это смѣхъ настоящій, честный, добрый, а не стихотворное кривлянье Салова!»—говорилъ онъ въ раздумьѣ.

VII.

Продолженіе университетской жизни.

Ничто, кажется, такъ быстро не проходитъ, какъ время студенческаго ученія. Вихровъ почти и не замѣтилъ, какъ онъ очутился на третьемъ курсѣ. Естественныя науки открыли передъ нимъ цѣлый міръ новыхъ свѣдѣній: онъ «уразумѣлъ и травъ прозябанье», и съ нимъ «заговорила морская волна». Онъ узналъ жизнь земного шара,—какимъ образомъ онъ образовался, какъ на немъ произошли рѣки, озера, моря; узналъ, чѣмъ люди дышатъ, почему они на сѣверѣ питаются рыбой, а на югѣ — рисомъ. Словомъ, вся эта природа, интересова-

вшая его прежде только какимъ-нибудь очень ужъ красивымъ мѣстоположеніемъ, очень хорошей или чрезвычайно дурной погодой, какимъ-нибудь никогда невиданнымъ животнымъ,— стала теперь понятна ему въ своихъ причинахъ, явилась машиной, въ которой все было тѣснѣйшимъ образомъ связано одно съ другимъ. Изъ изящныхъ собственно предметовъ онъ въ это время изучилъ Шекспира, о которомъ съ нимъ безпрестанно толковалъ Невѣдомовъ, и еще Шиллера, за котораго онъ принялся, чтобы выучиться нѣмецкому языку, столь необходимому для естественныхъ наукъ, и который сразу увлекъ его, какъ поэтъ человѣчности, цивилизаціи и всѣхъ юношескихъ порывовъ. Внѣ этой сферы, въ практической жизни, съ героемъ моимъ въ продолженіе этого времени почти ничего особеннаго не случилось, кромѣ развѣ того, что онъ еще больше возмужалъ и былъ изъ весьма уже немолодыхъ студентовъ. У Еспера Иваныча онъ продолжалъ бывать очень рѣдко, но и то дѣлалъ съ величайшимъ усиліемъ надъ собой—до того ему тамъ было скучно!

Анна Гавриловна, впрочемъ, разъ разсказала ему нѣсколько заинтересовавшій его случай:

— Клеопатра-то Петровна, слышали, опять сошлась съ мужемъ, пріѣхала къ нему: недолго, видно, продержалъ ее г. Постенъ.

— Я ужъ ничего тутъ и не понимаю. — сказалъ Павелъ.

— Поймешь этакую лукавицу... Смѣла ли бы другая, послѣ этого, пріѣхать къ мужу!..

— Что же мужъ-то самъ?..—возразилъ Павелъ.

— Что мужъ-то?.. Онъ добрый; пьяный только... Пишетъ, вонъ, къ Еперу Иванычу: «Дяденька, Клеопаша опять ко мнѣ пріѣхала: я ей все простилъ, потому что самъ неправъ противъ нея былъ»,—проговорила Анна Гавриловна: она все еще продолжала сердиться на Фатѣеву за дочь.

Съ Мари Павелъ больше уже не видался. Вскорѣ послѣ его перваго визита къ ней, мужъ ея, г. Эйсмондъ, пріѣзжалъ къ нему, но не засталъ его дома, а потомъ черезъ полгода они уѣхали съ батареей куда-то въ Малороссію. Любовь къ Мари въ героѣ моемъ не то чтобы прошла совершенно, но она какъ-то замерла и осталась въ то же время какою-то неудовлетворенною, затаенною и оскорбленною, такъ что ему вспоминать объ Мари было больно, грустно и досадно; онъ лучше хотѣлъ думать, что она умерла, и на эту тему, размечтавшись въ сумерки, писалъ даже стихи:

Мой милый другъ, съ тобой схоронены
Всѣхъ лучшихъ дней моихъ воспоминанья,

И въ сердцѣ, какъ въ гробу, затаены
Рѣчей твоихъ святыя обаянья.

Въ номерной жизни тоже не произошло ничего особеннаго: постояльцы были тѣ же: и только Анна Ивановна выдержала экзаменъ на гувернантку и поступила уже на мѣсто. Невѣдомовъ, разставшись такимъ образомъ съ предметомъ своей страсти, впалъ въ какую-то грустную меланхолію и часто, сидя въ обществѣ своихъ молодыхъ товарищей, по цѣлымъ часамъ слова не проговаривалъ. М-me Гартунгъ давнымъ-давно уже, разумѣется, поправилась въ своемъ здоровьѣ, и Павелъ познакомился съ нею лично; оказалось, что это была довольно еще молодая, неслишкомъ дурная собой и замѣтно начинающая полнѣть нѣмка. Отъ Ваньки своего Павелъ узналъ, что m-me Гартунгъ была любовница Салова, и что прежде она была blanchisseuse и содержала прачечное заведеніе, но потомъ, когда онъ сошелся съ ней, то снялъ для нея эти номера и самъ поселился у ней. Макаръ Григорьевъ тоже иногда заходилъ къ Павлу въ номера, принося къ нему письма отъ полковника, который почему-то все-таки считалъ вѣрнѣе писать къ Макару Григорьеву, чѣмъ прямо на квартиру къ сыну. Макаръ Григорьевъ видалъ всѣхъ, бывавшихъ у Павла студентовъ, и разговаривалъ съ ними: больше всѣхъ ему понравился Заминъ, вѣроятно, потому, что тотъ толковалъ съ нимъ о мужичкахъ, которыхъ, какъ мы знаемъ, Заминъ самъ до страсти любилъ, и при этомъ, разумѣется, не преминулъ представить, какъ богоносцы, идя съ образами на Святой недѣлѣ, дикими голосами поютъ: «Христосъ воскресе!».

— Такъ, точь въ точь, глупый народъ этакій, лопалы! — подтвердилъ и Макаръ Григорьевъ.

Пѣтинъ тоже попробовалъ-было представить Макару Григорьеву змѣю, переползавшую черезъ пеньки, и при этомъ самъ переползъ черезъ стулъ, но какъ-то не угодилъ этимъ Макару Григорьеву, потому что тотъ впослѣдствіи отзывался о немъ Павлу: «нѣтъ, баринъ этотъ хоть и длиненъ, но безъ разсудка!». Невѣдомовъ, въ свою очередь, тоже немало его удивилъ.

— Почто это онъ въ подрясникѣ-то ходитъ?—спросилъ онъ послѣ Вихрова.

— Такъ, ходитъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Какъ ходитъ? Вѣдь грѣхъ, чай?—продолжалъ Макаръ Григорьевъ съ крайнимъ удивленіемъ.

— Что жъ за грѣхъ?—спросилъ въ свою очередъ Павелъ.

— Какъ же не грѣхъ? Ризу бы онъ еще надѣлъ!—возразилъ Макаръ Григорьевъ.

Впрочемъ, при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ Невѣдомовымъ, тотъ, кажется, ему понравился.

— Баринъ-то добрый, надо-быть, и умный, а поди какъ прокуратитъ,—говорилъ онъ все-таки съ удивленіемъ.

Но Салова онъ рѣшительно возненавидѣлъ. Тотъ, увидѣвъ его въ первый разъ у Павла, взглянулъ на него сначала черезчуръ свысока, а потомъ, узнавъ, что онъ богатый московскій подрядчикъ, сталъ надъ нимъ подтрунивать.

— Что, кармашекъ толстъ, толстъ отъ бочекъ-то? — спрашивалъ онъ его насмѣшливо, показывая на карманъ.

— Не толще, чѣмъ у вашего папеньки. Я бочки дѣлаю, а онъ въ нихъ вино сыропилъ да разбавлялъ, — отвѣчалъ Макаръ Григорьевъ, отъ кого-то узнавшій, что отецъ Салова былъ винный откупщикъ:—кто почестнѣе у этого дѣла стоитъ, я ужъ и не знаю!..—заключилъ онъ многозначительно.

— Оба честны, должно-быть, оба честны! —произнесъ, нисколько не смутившись, Саловъ.

Вообще, онъ былъ весьма циниченъ въ отзывахъ даже о самомъ себѣ и, казалось, нисколько не стыдился разныхъ своихъ дурныхъ поступковъ. Такъ, въ одно время Павелъ сталъ часто видать у Салова какого-то молоденькаго студента, который приходилъ къ нему, сейчасъ же садился съ нимъ играть въ карты, ерошилъ волосы, швырялъ даже иногда картами, но несмотря на то Саловъ безъ всякой жалости продолжалъ съ нимъ играть.

— Вы его почти навѣрное обыгрываете, — замѣтилъ ему какъ-то разъ Павелъ, когда студентъ, совсѣмъ уже проигравшись, ушелъ.

— Совершенно навѣрное: сколько хочу у него, столько и выиграю,—отвѣчалъ Саловъ.

— Но какъ же? Вѣдь это нечестно!—возразилъ ему Вихровъ.

— Чѣмъ же нечестно? Отецъ-дуракъ даетъ этому мальчишкѣ столько денегъ, что онъ бы разврату на нихъ могъ предаваться, а я оберу ихъ у него и по крайней мѣрѣ для нравственной жизни его сберегу!

Невдолгѣ послѣ того Саловъ не преминулъ и съ самимъ Павломъ сыграть небольшую плутовскую штучку. Однажды тотъ, придя къ нему, увидѣлъ на столѣ шашки и шашешницу.

— Это вы зачѣмъ себѣ пріобрѣли?—спросилъ Павелъ.

— Да такъ, кое-кто изъ знакомыхъ играютъ въ шашки, а у меня ихъ не было: вотъ я ихъ и пріобрѣлъ.

— А сами вы играете?—спросилъ Вихровъ.

— Почти нѣтъ,—отвѣчалъ Саловъ совершенно искреннимъ голосомъ.—А вы играете?

— Я играю.—отвѣчалъ Вихровъ. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, недурно игралъ.—Давайте, сыграемъ!—прибавилъ онъ.

— Что? Нѣтъ! Вы меня обыграете, — возразилъ Саловъ, однако сѣлъ.—Что же, мы даромъ будемъ играть?

— Разумѣется,—отвѣчалъ Павелъ.

— Ну, я ни во что и никогда не игрывалъ даромъ. Давайте, сыграемте на обѣдъ у Яра.

— Хорошо!—сказалъ Павелъ.

Они сыграли: Вихровъ проигралъ и тотчасъ же повелъ Салова къ Яру. Когда они, послѣ вкусныхъ блюдъ и выпитой бутылки хорошаго вина, вышли на улицу, то Саловъ, положивъ Павлу руку на плечо, проговорилъ:

— Я, душенька, можетъ-быть, первый игрокъ въ Москвѣ, какъ же вы смѣли со мной сѣсть играть?

— Зачѣмъ же вы сказали, что вы не умѣете совсѣмъ играть?

— Понадуть васъ хотѣлъ. По крайней мѣрѣ на обѣдъ у Яра выиграть желалъ, — отвѣчалъ съ удовольствіемъ Саловъ.

— Чортъ знаетъ что такое!—произнесъ Павелъ, не могшій хорошенько понять, ложь ли это или чистая монета.

Въ Новый годъ, въ Васильевъ день, Саловъ обыкновенно справлялъ свои именины. М-ше Гартунгъ, жившая, какъ мы знаемъ, за ширмами, перебиралась въ этотъ день со всѣмъ своимъ скарбомъ въ кухню. Изъ столовой, такимъ образомъ, являлась очень обширная комната, которую всю уставляли принесенною изъ другихъ номеровъ мебелью: приготовлялись два-три карточныхъ стола, нанимался нарочно офиціантъ, который приготовлялъ буфетъ и ужинъ. Въ послѣднія именины повторилось то же, и хотя Вихровъ не хотѣлъ было даже прійти къ нему, зная напередъ, что тутъ всѣ будутъ заняты картами, но Саловъ очень его просилъ, говоря, что у него порядочные люди будутъ: надобно же, чтобъ они и порядочныхъ людей видѣли, а то не Невѣдомова же въ подрясникѣ имъ показывать. Павелъ согласился и пришелъ, и первыхъ, кого онъ увидѣлъ у Салова, это двухъ молодыхъ людей: одного—въ щеголеватомъ штатскомъ платьѣ, а другого—въ новенькомъ съ иголочки инженерномъ мундирѣ. Онъ развелъ руками отъ удивленія: это были два брата Захаревскіе.

— Вотъ ужъ никакъ не ожидалъ васъ встрѣтить здѣсь,— заговорилъ онъ, здороваясь съ обоими братьями.

— И мы ужъ никакъ не ожидали, — отвѣчали они оба въ одинъ голосъ.

— Но давно ли вы въ Москвѣ и откуда?

— Мы изъ Петербурга и ѣдемъ на службу, а здѣсь — проѣздомъ, — отвѣчалъ правовѣдъ.

— Но куда же и чѣмъ?

— Оба въ одинъ городъ: я назначенъ товарищемъ предсѣдателя, а братъ прикомандированъ къ округу.

— И, вѣроятно, тоже скоро получу назначеніе на дистанцію, — подхватилъ не безъ важности инженеръ.

— Но какъ же вы сюда-то попали? — продолжалъ разспрашивать Вихровъ.

— Ну, вотъ этого мы и сами не знаемъ—какъ,—отвѣчалъ инженеръ и, пользуясь тѣмъ, что Саловъ въ это время вышелъ зачѣмъ-то по хозяйству, началъ объяснять.—Это исторія довольно странная. Вы, конечно, знакомы съ здѣшнимъ хозяиномъ и знаете, кто онъ такой?

— Онъ студентъ, — отвѣчалъ Павелъ.

— Если студентъ, такъ еще ничего, а то и жуликъ какой-нибудь могъ быть. Вообразите: мы вчера съ братомъ поѣхали къ Срѣтенскимъ воротамъ—понимаете? Нельзя же такой первопрестольной столицѣ, какъ Москвѣ, не оказать этой чести! Вошли и видимъ: въ общей залѣ одинъ господинъ, безъ верхняго платья, танцуетъ съ дѣвицами, самъ пьетъ и ихъ поитъ шампанскимъ, потомъ бросился и къ намъ на шею: «Ахъ, очень радъ!.. Шампанскаго!» — почти насильно заставилъ насъ выпить... Мы тоже съ своей стороны, разумѣется, поставили бутылку, и пошла потѣха, да такъ всю ночь... Когда разставались, то обнимались и цѣловались, а онъ насъ просилъ сегодня непремѣнно пріѣхать къ нему, потому что онъ именинникъ. Мы съ братомъ, такъ какъ нечего дѣлать было нынче вечеромъ, взяли и пріѣхали.

Инженеръ разсказалъ все это очень простодушнымъ тономъ, какъ будто это была самая обычная форма жизни человѣческой. Правовѣдъ же, напротивъ того, поморщился.

— Къ чему всѣ эти подробности?—произнесъ онъ съ укоромъ брату.

Къ Салову между тѣмъ пришелъ еще гость — какой-то совершенно черный господинъ, съ черными, но ничего не выражающими глазами, и весь въ брильянтахъ: брильянты были у него въ перстняхъ, брильянты на часовой цѣпочкѣ и брильянтовыя запонки въ рубашкѣ.

— А что, господа, пока никто еще не пріѣхалъ, не сыграть ли намъ въ карты? — спросилъ Саловъ совершенно легкимъ и непринужденнымъ голосомъ, обращаясь къ братьямъ Захаревскимъ.

— Я совершенно не играю, — отвѣчалъ правовѣдъ.

— А вы? — спросилъ Саловъ инженера.

Я играю-съ, — отвѣчалъ тотъ.

— Ну, такъ сыграемте! А вы, Николай Гаспаровичъ, хотите? — отнесся онъ къ черноволосому господину.

— Хорошо,—отвѣчалъ тотъ, и на грубомъ лицѣ его замѣтно отразилось удовольствіе.

— По чемъ же мы играемъ? — спросилъ Саловъ, и опять какимъ-то легкимъ и вѣтренымъ голосомъ.

— Я играю отъ одной до пяти копеекъ,—отвѣчалъ инженеръ.

— Ну, такъ мы и будемъ играть по пяти, — сказалъ Саловъ и написалъ на столѣ 100 ремизовъ.

— Нѣтъ, вы потрудитесь поставить только 50, — сказалъ инженеръ.

— Почему же только? — спросилъ съ удивленіемъ Саловъ.

— Потому что намъ съ братомъ надо еще въ другое мѣсто ѣхать, а игра можетъ затянуться.

— Въ какое мѣсто еще ѣхать? — спросилъ правовѣдъ съ удивленіемъ, вслушавшись въ ихъ разговоръ.

— Ну, какъ же, развѣ ты не знаешь!—сказалъ инженеръ съ удареніемъ.

Правовѣдъ замолчалъ и больше ничего не возражалъ.

Саловъ, черный господинъ и инженеръ стали играть. Прочіе посѣтители, о которыхъ говорилъ Саловъ, что-то не пріѣзжали, а потому Вихровъ все время разговаривалъ съ правовѣдомъ.

— Какъ велика и грязна наша Москва сравнительно съ Петербургомъ, — это деревня какая-то! — сказалъ правовѣдъ.

— Почему же ужъ и деревня? — возразилъ Павелъ.

— Эти деревянные дома, кривыя улицы... — продолжалъ правовѣдъ.

— Въ Москвѣ надобно искать не того, а исторію русскаго народа и самый народъ!.. Видѣть наконецъ святыню!..—говорилъ Павелъ.

— Да, прекрасно, но надобно, чтобы одно при другомъ было: нельзя же, чтобъ столица была безъ извозчиковъ. Мы съ братомъ взяли дрожки здѣшнія и едва живые пріѣхали сюда.

Инженеръ въ это время всталъ изъ-за стола и, выкинувъ на столъ двадцатипятирублевую бумажку, объявилъ, что онъ больше играть не будетъ.

— Да полноте, припишемте еще!—уговаривалъ его Саловъ.

— Нѣтъ-съ, я не расположенъ больше играть, — отвѣчалъ инженеръ явно насмѣшливымъ голосомъ.

Черноволосый господинъ сидѣлъ молча и какъ-то мрачно сопѣлъ.

— Отчего ты не хочешь больше играть? — спросилъ правовѣдъ брата, когда тотъ подошелъ къ нему.

— Этотъ господинъ въявь передергиваетъ и подтасовываетъ карты,—сказалъ инженеръ, вовсе не женируясь и прямо указывая на чернаго господина, такъ что тотъ даже обернулся на это. Павелъ ожидалъ, что между ними, пожалуй, произойдетъ исторія, но черноватый господинъ остался неподвиженъ и продолжалъ мрачно сопѣть.

— Можетъ-быть, тебѣ это такъ показалось,—возразилъ правовѣдъ брату.

— Какое показалось!.. Сдѣлай милость, я вольты-то и самъ умѣю передергивать, — объяснилъ тотъ. — Наконецъ, у него всѣ брильянты фальшивые.

— Какъ фальшивые? — спросилъ Павелъ.

— Поддѣльные, ничего не стоятъ. Я настоящіе брильянты за версту отличу, — отвѣчалъ инженеръ.

— Въ такомъ случаѣ, уѣдемъ отсюда поскорѣе, — сказалъ ему вполголоса братъ.

— Зачѣмъ? — возразилъ тотъ. — Онъ ужинать оставлялъ! У этакихъ господъ ужинъ всегда бываетъ отличный.

Вихровъ началъ уже со вниманіемъ слушать этого молодого человѣка; онъ по преимуществу удивилъ его своей житейской опытностью. Саловъ, замѣтно сконфуженный тѣмъ, что ему не удалось заманить молодого Захаревскаго въ игру, сидѣлъ какъ на иголкахъ и, чтобъ хоть сколько-нибудь позамять это, послалъ нарочно за Пѣтинымъ и Замянымъ, чтобъ они что-нибудь представили и посмѣшили. Тѣ, очень довольные такимъ приглашеніемъ, сейчасъ же явились и представили сначала возвращающееся съ поля стадо, или, по крайней мѣрѣ, всѣ бывающіе при этомъ звуки. Кромѣ того, Замянъ представилъ нищую старуху и лающую на нее собаку, а Пѣтинъ передразнилъ Санковскую и особенно живо представилъ, какъ она выражаетъ ужасъ, и сдѣлалъ это такъ, какъ будто бы этотъ ужасъ внушалъ ему черноватый господинъ: подлетитъ къ нему, ужаснется, закроетъ лицо руками и убѣжитъ отъ него, такъ что тотъ даже обидѣлся и, выйдя въ коридоръ, весь вечеръ до самаго ужина сидѣлъ тамъ и курилъ. Въ оставленномъ имъ обществѣ, между тѣмъ, инженеръ тоже хотѣлъ-было представить и передразнить Каратыгина и Толченова, но сдѣлалъ это такъ неискусно, такъ нехудожественно, что даже самъ замѣтилъ это и, не докончивъ монолога, на словахъ уже старался пояснить то, что онъ хотѣлъ передать. Ужинъ послѣдовалъ, какъ и ожидалъ инженеръ, почти роскошный, съ отличнымъ виномъ, съ фруктами.

Пѣтинъ опять припялся дурачиться и представлялъ баядерку, которая подноситъ султану различныя вкусныя блюда. Султаномъ, разумѣется, былъ выбранъ тотъ же черноватый господинъ, и при этомъ Пѣтинъ кланялся ему не головой, а задомъ. Черноватый господинъ, въ свою очередь, сдѣлалъ видъ, что какъ будто бы все это ему очень нравилось, и онъ хохоталъ отъ души. Но Павелъ во весь вечеръ былъ скученъ и задумчивъ. Подлость Салова и желаніе его заманить и обыграть инженера были уже слишкомъ явны, но ему тяжело было убѣдиться въ этомъ, потому что Саловъ все-таки былъ его пріятель. На другой день онъ обо всемъ этомъ происшествіи разсказалъ Невѣдомову, но того, кажется, нисколько это не поразило и не удивило.

— Да, господинъ развращенный въ корень! — произнесъ онъ. — Натура страстная и даже даровитая, но рѣшительно припявшая одно только дурное направленіе.

— Вы знаете, съ этакимъ господиномъ и знакомому быть не совсѣмъ пріятно, — проговорилъ Павелъ.

— Конечно!—подтвердилъ Невѣдомовъ.—А какую онъ теперь еще, кажется, затѣваетъ штуку: и подумать страшно!— прибавилъ онъ и мотнулъ съ грустью головой.

— Какую же? — спросилъ-было его Вихровъ.

— И говорить пока не хочу!—отвѣчалъ Невѣдомовъ и затѣмъ погрузился въ глубокую задумчивость.

Вскорѣ послѣ того Саловъ, видимо, уже оставившій m-me Гартунгъ, переѣхалъ даже отъ нея на другую квартиру. Достойная нѣмка перенесла эту утрату съ твердостью, и, какъ кажется, болѣе всего самолюбіе ея, въ этомъ случаѣ, было оскорблено.

— Пускай поищетъ себѣ другую такую!.. Пускай! — говорила она.

Вихровъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ тоже уѣхалъ въ деревню — и уѣхалъ съ большимъ удовольствіемъ. Во-первыхъ, ему очень хотѣлось видѣть отца, потомъ—посмотрѣть на поля и луга; и наконецъ, не совсѣмъ нравственная обстановка городской жизни начинала ужъ душить и тяготить его.

VIII.

Разные мотивы изъ деревенской жизни.

У полковника съ годъ какъ раскрылись нѣкоторыя его раны и страшно болѣли, но когда ему сказали, что Павелъ Михайловичъ ѣдетъ, у него и боль вся прошла; а потомъ,

когда сынъ вошелъ въ комнату, онъ сталъ даже говорить какія-то глупости, точно тронулся немного.

— Что тебѣ къ ужину велѣть приготовить?—произнесъ онъ, стоя по серединѣ комнаты съ какимъ-то растерявшимся взоромъ. — Погоди, постой, я пошлю сейчасъ въ Клецково и оттуда отличнѣйшихъ фруктовъ изъ оранжереи велю тебѣ привезти.

— Не нужно, папаша; я, ей-Богу, фруктовъ не ѣмъ,—уговаривалъ его Павелъ.

— Ну, такъ вотъ что!.. Афимья!—крикнулъ полковникъ.

Онъ за послѣднее время сильно постарѣлъ, и Афимья, тоже уже совсѣмъ сдѣлавшаяся старушонкой, явилась.

— У тебя нѣкоторыя наливки не подварены. Мы не знаемъ, какія еще Павлу Михайловичу понравятся и какія онъ будетъ кушать, такъ подвари всѣ, чтобы всѣ были подслащены.

Павелъ при этомъ нѣсколько даже удивился; отецъ прежде всегда терпѣть не могъ, чтобы онъ хоть каплю какого-нибудь вина передъ нимъ пилъ, а тутъ самъ пить хочетъ: видно, ужъ очень обрадовался ему!

Полковникъ послѣ этого зачѣмъ-то ушелъ къ себѣ въ спальню и что-то очень долго тамъ возился, и потомъ, когда вышелъ оттуда, лицо его и вообще вся фигура приняли какой-то торжественный видъ.

— Павелъ Михайловичъ, — началъ онъ, становясь передъ сыномъ: — такъ какъ вы въ Москвѣ очень мало издерживали денегъ, то позвольте вотъ вамъ поклониться пятьюстами рублями.—И, поклонившись сыну въ поясъ, полковникъ протянулъ къ нему руку, въ которой лежало пятьсотъ рублей.

— Зачѣмъ, папаша, это совершенно не нужно!—говорилъ Павелъ, не беря сначала денегъ.

— Ни-ни! Извольте брать и слушаться! — прикрикнулъ полковникъ.

Павелъ, нечего дѣлать, взялъ и горячо поцѣловалъ у отца руку.

— Теперь пошлите Ивана ко мнѣ!—крикнулъ полковникъ.

Иванъ, разумѣется, сейчасъ же явился.

— Такъ какъ вы, Иванъ, сберегли барина и привезли его ко мнѣ жива и невредима, то вотъ вамъ за это двадцать пять рублей награды!..

И полковникъ, въ самомъ дѣлѣ, подалъ Ивану двадцать пять рублей.

— Они сами себя берегли-съ, безъ меня-съ, что я? — отвѣчалъ на этотъ разъ Иванъ почему-то съ совершенно несвойственнымъ ему смиреніемъ.

— Спать вы можете, если хотите, въ сѣняхъ, въ чуланѣ, на чердакѣ, даже на крышѣ, — разрѣшилъ ему полковникъ.

— Нѣтъ, ужъ я у маменьки ночую, — отвѣчалъ Ванька.

— Да вѣдь жарко тамъ, дуракъ! — возразилъ полковникъ.

— Я — на сѣновалѣ. Тамъ важно!

— Тамъ важно! — подтвердилъ и полковникъ.

Ванька ушелъ.

Михайла Поликарпычъ послѣ того подсѣлъ къ сыну и— нѣтъ-нѣтъ, да и погладитъ его по головѣ. Всѣ эти нѣжности отца растрогали наконецъ Павла до глубины души. Онъ вдругъ схватилъ и обнялъ старика, началъ цѣловать его въ грудь, лицо, щеки.

— Вотъ какъ, а! — отвѣчалъ ему на это полковникъ. — Ахъ, миленькій мой! Ахъ, чудо мое! Ахъ, птенчикъ мой! — продолжалъ вскрикивать старикъ и, схвативъ голову сына, сталъ покрывать ее поцѣлуями.

Павелъ наконецъ вырвался изъ отцовскихъ объятій, разрыдался и убѣжалъ къ себѣ въ комнату. Полковникъ, тоже всхлипывая, остался на своемъ мѣстѣ.

— А, каковъ шельмецъ, а! — говорилъ онъ, придедши въ комнату къ Афимьѣ.

— Ну, батюшка, извѣстно! — сказала ему что-то такое та.

Вслѣдствіе разнаго рода гуманныхъ идей и мыслей, которыми герой мой напитался отовсюду въ своей университетской жизни, онъ, въ настоящій пріѣздъ свой въ деревню, сталъ присматриваться къ быту народа далеко иначе, чѣмъ смотрѣлъ прежде. Онъ, напримѣръ, очень хорошо зналъ, что кучеръ Петръ мастерски ѣздитъ и правитъ лошадьми; Кирьянъ, хоть расторопенъ и усерденъ, но плутъ: если пошлютъ въ городъ, такъ ужъ навѣрно мѣстъ въ пять заѣдетъ по своимъ дѣламъ. Мужикъ Семенъ и добрый и старательный, а все какъ-то у него не спорится: каждый годъ хлѣба у него не хватаетъ. Стряпуха Пестимея вѣрна — самой себѣ никогда ничего не возьметъ; но другіе, изъ-подъ рукъ ея, что хочешь бери—никогда не скажетъ и не пожалуется.

Словомъ, онъ зналъ ихъ больше по отношенію къ барямъ, какъ полковникъ о нихъ натолковалъ ему; но тутъ онъ началъ понимать, что это были тоже люди, имѣющіе свои собственныя желанія, чувствованія, наконецъ права. Мужикъ Иванъ Алексѣевъ, напримѣръ, по одной благородной наружности своей и по складу умной рѣчи, былъ, конечно, лучше половины баръ, а между тѣмъ полковникъ разругалъ его и дуракомъ и мошенникомъ—за то, что тотъ не очень глубоко вбилъ стожаръ и сметанный около этого стожара стогъ свернулся на-бокъ.

— Вѣдь на своей работѣ, каналья, не сдѣлаешь этого! Вѣдь нарочно — чтобы барину повредить!

— Ей-Богу, сударь, невзначай, и на своей работѣ бываетъ это, — отвѣчалъ Иванъ совершенно искреннимъ голосомъ.

— Не бываетъ у васъ — у мошенниковъ! — продолжалъ на него кричать полковникъ.

— За неволю вамъ люди будутъ худо дѣлать, если вы ихъ, когда они даже не виноваты, такъ браните. — замѣтилъ ему Павелъ.

— А вотъ, самъ побольше поживешь съ ними да поуправляешь ими — и увидишь, какъ они не виноваты! — возразилъ ему на это полковникъ.

— А хоть бы и виноваты они были, мы не можемъ ихъ бранить, — возразилъ ему въ свою очередь Павелъ и ушелъ.

— Что это такое, что онъ говоритъ?—спрашивалъ полковникъ все еще продолжавшихъ стоять передъ нимъ Ивана и старосту Кирьяна.

Тѣ на это ничего не отвѣчали и потупили только глаза.

Главнымъ образомъ Павла безпокоила мысль — чѣмъ же наконецъ эти люди за свои труды въ пользу господъ. за свое раболѣпство передъ ними, вознаграждены: одѣты они были почти въ рубища, но накормлены ли они, по крайней мѣрѣ, досыта — въ чемъ ни одинъ порядочный человѣкъ собакѣ своей не отказываетъ? Павелъ, послѣ одного знойнаго трудового дня, нарочно зашелъ посмотрѣть, что ѣдятъ дворовые люди и задѣльные мужики. Онъ въ ужасъ пришелъ: они ѣли одинъ хлѣбъ, намѣшанный въ квасъ, кислый и жидкій и только приправленный немного солью и зеленымъ лукомъ, и тотъ не у всѣхъ былъ. Павелъ самъ видѣлъ, какъ полковникъ прогналъ одну дѣвочку, забравшуюся въ его огородъ — нарвать этого луку. Онъ сгорѣлъ со стыда при видѣ этой нищеты и, поспѣшивъ поскорѣй уйти изъ избы, прямо прошелъ къ отцу.

— Батюшка! — началъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ: — у насъ очень дурно ѣдятъ люди.

— Чѣмъ же дурно? — спросилъ полковникъ, удивленный этимъ замѣчаніемъ сына:—такъ же, какъ и у другихъ. Я еще больше даю, супротивъ другихъ, и мѣсячины и приварка, а мужики ѣдятъ свое, не мое.

— Я не знаю, какъ у другихъ ѣдятъ и чье ѣдятъ мужики—свое или наше,—возразилъ Павелъ:—но знаю только, что всѣ эти люди работаютъ на пользу вашу и мою, а потому вотъ въ чемъ дѣло: вы были такъ милостивы ко мнѣ, что подарили мнѣ пятьсотъ рублей: я желаю, чтобы двѣсти пятьдесятъ рублей были употреблены на улучшеніе пищи въ нынѣшнемъ

году, а остальные двѣсти пятьдесятъ—въ слѣдующемъ, а потомъ ужъ я изъ своихъ трудовъ буду высылать каждый годъ по двѣсти пятидесяти рублей, — иначе я съ ума сойду отъ мысли, что человѣкъ, работавшій на меня — какъ лошадь — цѣлый день, не имѣетъ возможности съѣсть куска говядины, и потому прошу васъ завтрашній же день велѣть купить говядины для всѣхъ.

— Да они завтра и не станутъ ѣсть говядины, потому что постъ, — проговорилъ полковникъ, совершенно опѣшенный этимъ монологомъ сына.

— Ну, такъ гороху и крупы, а главное, я забылъ, гречневой каши, потому что она очень много азоту въ себѣ заключаетъ и такимъ образомъ почти замѣняетъ мясо.

— И ты думаешь, что они будутъ благодарны тебѣ за то? Какъ же, жди! Полебезятъ немного въ глаза, а за глаза всегаки станутъ бранить и жаловаться.

— Батюшка, вы подарили мнѣ эти деньги, я ихъ могъ профрантить, прокутить, а я хочу ихъ издержать такимъ образомъ, и вы, я полагаю, въ этомъ случаѣ не имѣете права останавливать меня!.. Вотъ вамъ деньги-съ!—прибавилъ онъ и, проворно сходя въ свою комнату, принесъ оттуда двѣсти пятьдесятъ рублей и подалъ-было ихъ отцу. — Прошу васъ сейчасъ же на нихъ распорядиться, какъ я васъ просилъ!

— Да полно, Богъ съ тобой! Я и безъ твоихъ денегъ это сдѣлаю,—проговорилъ полковникъ, отстраняясь отъ денегъ.

— Я хочу это на свои деньги сдѣлать, поймите вы меня!— убѣждалъ его Павелъ.

— А я хочу на свои! — прикрикнулъ полковникъ. Онъ полагалъ, что на сына временно нашла эта блажь, а потому онъ хотѣлъ его потѣшить. — Кирьянъ! — крикнулъ онъ.

Кирьянъ пришелъ.

— Вотъ, Павелъ Михайловичъ желаетъ, чтобы людямъ выдана была провизія — пока гороху, грибовъ, сколько тамъ ихъ есть.

— Главное, каши гречневой, — повторилъ Павелъ: — да чтобы и мужикамъ задѣльнымъ то же самое было выдано.

— Ну, и мужикамъ чтобы задѣльнымъ,—подтвердилъ полковникъ, рѣшившійся, кажется, слѣпо повиноваться во всемъ сыну.

— Зачѣмъ же мужикамъ-то задѣльнымъ? — спросилъ даже Кирьянъ съ удивленіемъ.

— А затѣмъ, что нужно, — отвѣчалъ ему рѣзко Павелъ.

— И скажи, чтобы за барчика Бога молили: это по его желанію дѣлается, — прибавилъ полковникъ.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ Кирьянъ и пошелъ исполнять приказаніе барина.

Вечеромъ бабы и мужики, дворовые и задѣльные, подошли поблагодарить Павла и хотѣли-было поцѣловать у него руку, но онъ до этого ихъ не допустилъ и перецѣловался со всѣми въ губы.

— И вы будете постоянно получать такую пищу, а въ мясоѣдъ вамъ мясо будетъ выдаваться.

— Ой, батюшки, милости какія!—проговорили больше бабы.

— Благодарствуемъ на томъ!—проговорили нѣкоторые изъ мужиковъ.

— Водочки бы приказали поднести: рабочему человѣку это нужнѣй всего,—произнесъ одинъ мозглявый мужиченка.

— Тебѣ бы еще и водочки! — остановили его другіе.

— Водочки я никогда не велю вамъ лѣтомъ давать, потому что она содержитъ въ себѣ много углероду, а углеродъ нуженъ, когда мы вдыхаемъ много кислороду; кислородъ же мы больше вдыхаемъ зимой, когда воздухъ сжатъ.

— Это точно-съ!—почему-то согласились съ нимъ и нѣкоторые мужики.

Полковникъ смотрѣлъ на всю эту сцену, сидя у открытаго окна и улыбаясь; но онъ все еще полагалъ, что на сына нашла временная блажь, и врядъ ли не то же самое думалъ и Иванъ Алексѣевъ, мужикъ, столь нравившійся Павлу, и когда всѣ пошли за Кирьяномъ къ амбару—получать провизію, онъ остался на мѣстѣ.

— А ты отчего не идешь?—спросилъ его Павелъ.

— Нѣтъ, Богъ съ нимъ! Что, я и свое ѣмъ,—сказалъ онъ, улыбнувшись, и затѣмъ, поклонясь господамъ, отправился къ себѣ въ избу.

Павла это тронуло до глубины души.

«И этотъ гордый и грандіозный народъ,—думалъ онъ:—находится до сихъ поръ еще въ рабствѣ!»

Когда Павелъ возвратился въ комнаты, полковникъ подозвалъ его къ себѣ и погладилъ по головѣ.

— Добрый ты у меня будешь, добрый. Это хорошо! -произнесъ старикъ: — а вотъ Богу такъ мало молишься, мало — какъ это можно: ни вставши поутру, ни ложась спать, лба не перекрестишь!

— Отвычка! — отвѣчалъ Павелъ.

Религіозное чувство, нѣкогда столь сильно владѣвшее моимъ героемъ, въ послѣднее время, вслѣдствіе занятій математическими и естественными науками, совсѣмъ почти пропало въ немъ. Самое большое, чѣмъ онъ могъ быть въ этомъ отно-

шеніи, это — пантеистомъ, но возвращеніе его въ деревню, постоянное присутствіе при томъ, какъ старикъ-отецъ по цѣлымъ почти ночамъ простаивалъ передъ иконами, постоянное наблюденіе надъ тѣмъ, какъ крестьянскія и дворовыя старушки съ какимъ-то восторгомъ бѣгутъ къ приходу помолиться,—все это, если не раскрыло въ немъ религіознаго чувства, то, по крайней мѣрѣ, опять возбудило въ немъ охоту къ этому чувству; и въ первое же воскресенье, когда отецъ поѣхалъ къ приходу, онъ рѣшился съѣздить съ нимъ и помолиться тамъ посреди этого простого народа. Полковникъ ѣздилъ къ приходу, на низенькихъ дрожкахъ, на смирной и старой лошади. Павелъ велѣлъ себѣ осѣдлать лошадь, самую красивую изъ всей конюшни: ему хотѣлось возобновить для себя также и это, нѣкогда столь любимое имъ удовольствіе. Полковникъ еле усѣлся на свой экипажъ, а когда поѣхалъ, то совсѣмъ сгорбился и началъ трястись, какъ старушонка какая-нибудь.

— Папаша, вамъ безпокойно ѣздить на этихъ дрожкахъ,— сказалъ Павелъ.

Къ чести его надо сказать, что во весь свой послѣдній пріѣздъ онъ относился къ отцу съ какою-то почтительной нѣжностью.

— Что дѣлать, на всемъ другомъ—боюсь.

— Папаша, старый кавказецъ,—не стыдно ли вамъ!

— Да, кавказецъ! — воскликнулъ полковникъ съ удовольствіемъ: — укатали, братъ, бурку крутыя горки.

Павелъ, къ удивленію своему, не чувствовалъ никакого особеннаго удовольствія отъ верховой ѣзды; напротивъ, ему было и скучно и неловко. Мостикъ, столь пугавшій его нѣкогда своею дырой, онъ проѣхалъ, не замѣтивъ даже; а шумѣвшая и пѣнившаяся рѣчонка на этотъ разъ пересохла и была почти безъ воды.

«Нѣтъ, эти дѣтскія ощущенія миновали для меня навсегда!» — подумалъ Павелъ и тутъ же, взглянувъ нѣсколько въ сторону, увидѣлъ поляну, всю усѣянную незабудками. «Какъ бы хорошо гулять по этой полянѣ съ какою-нибудь молоденькою и хорошенькою дѣвушкой, и она бы сплела изъ этихъ незабудокъ вѣнокъ себѣ и надѣла бы его на голову»,— думалось ему, и почему-то вдругъ захотѣлось ему любить, мало того: ему увѣренно представилось, что въ церкви у этого прихода онъ и встрѣтитъ любовь! Но кого же?—Павелъ перебиралъ въ умѣ всѣхъ, могущихъ тамъ быть лицъ, но ни на кого, хоть сколько-нибудь подходящаго къ тому, не напалъ, а увѣренность между тѣмъ росла все больше и больше, такъ что ему сдѣлалось даже это смѣшно.

По пріѣздѣ къ приходу, на крыльцѣ и на паперти храма Павелъ увидалъ множество нищихъ, слѣпыхъ, хромыхъ, покрытыхъ ранами; онъ поспѣшилъ раздать имъ всѣ деньги, какія были при немъ. Стоявшій въ самой церкви народъ тоже кинулся ему въ глаза тѣмъ, что мужики всѣ были въ сѣрыхъ армякахъ, а бабы—въ холщевыхъ сарафанахъ, и всѣ почти—въ лаптяхъ, но лица у всѣхъ были умныя и выразительныя.

«Не лучше ли бы было,—думалъ Павелъ съ горечью въ сердцѣ, глядя, какъ всѣ они съ усердіемъ молились: — чѣмъ возлагать надежды на невѣдомое существо, они выдумали бы себѣ какой-нибудь трудъ поумнѣй или выбили бы себѣ другое соціальное положеніе!»

Между тѣмъ двери въ церковь отворились, и въ нихъ шумно вошла — только-что пріѣхавшая съ колокольцами — становая. Вставъ впереди всѣхъ, она фамильярно мотнула головой полковнику, но, увидѣвъ Павла,—въ студенческомъ, съ голубымъ воротникомъ и съ свѣтлыми пуговицами, вицмундирѣ, — она какъ бы даже нѣсколько и сконфузилась: тотъ былъ столичная штучка!

Вслѣдъ за становой вошелъ высокій мужчина съ усами и бородой, въ длиннополомъ синемъ сюртукѣ, и несъ на рукѣ какое-то легонькое манто. Онъ прошелъ прямо на клиросъ и, установясь въ очень, какъ видно, для него привычной позѣ, сейчасъ же принялся густымъ басомъ подпѣвать дьячкамъ.

Послѣ обѣдни становая, подошедшая первая къ кресту, сейчасъ же отнеслась къ полковнику:

— Михаилъ Поликарпычъ, надѣюсь, что вы у меня откушаете! — произнесла она, замѣтно жеманясь.

— Да вотъ, какъ онъ, — сказалъ полковникъ, указывая на сына.

— Надѣюсь и прошу васъ! Вамъ совершенно мимо нашихъ воротъ домой ѣхать, — прибавила она, обращаясь къ Павлу, уже съ опущенными глазами.

Становая своею полною фигурой напомнила ему г-жу Захаревскую, а солидными манерами—жену Крестовникова. Когда вышли изъ церкви, то господинъ въ синемъ сюртукѣ подалъ ей манто и самъ усѣлся на маленькую лошаденку, такъ что ноги его почти доставали до земли. На этой лошаденкѣ онъ отворилъ для господъ ворота. Становая, звеня колокольцами, понеслась маршъ-маршемъ впередъ; Павелъ поѣхалъ рядомъ съ господиномъ въ синемъ сюртукѣ.

— Барыня-то какая лошадинница — все бы ей на курьерскихъ летать,— проговорилъ тотъ, показывая головой на становую.

— А вы человѣкъ ихній? — спросилъ его Павелъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ синій господинъ, какъ бы нѣсколько сконфуженный этимъ вопросомъ:—я нанятъ у нихъ при станѣ.

— Что же вы — письмоводитель?—спросилъ опять Павелъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ синій господинъ:—словно бы пониже—разсыльный. Прежде служитель алтаря былъ!—прибавилъ онъ и, замѣтивъ, что становая уѣхала далеко отъ нихъ, проговорилъ: поѣхать—барынѣ ворота отворить, а то ругаться послѣ станетъ!—И вслѣдъ затѣмъ онъ сталъ изо всей силы колотить свою лошаденку находящейся у него въ рукахъ хворостиной; лошаденка поскакала. Когда Павелъ пріѣхалъ къ становой квартирѣ (она была всего верстахъ въ двухъ отъ села) и вошелъ въ небольшія сѣнцы, то увидѣлъ сидящаго тутъ человѣка съ обезображеннымъ и совершенно испитымъ лицомъ, съ кандалами на ногахъ; одною рукой онъ держался за ногу, которую врядъ ли не до кости истерло кандалою.

— Кто это такой? — спросилъ онъ у разсыльнаго, который успѣлъ уже пріѣхать и отворилъ ему дверь въ комнаты.

— Это бѣглаго солдата пересылаютъ, — отвѣчалъ тотъ совершенно спокойно.

— Зачѣмъ же ноги у него такъ обтерты? — спросилъ Павелъ, отворачиваясь и не могши почти видѣть несчастливца.

— У насъ трутъ, не смазываютъ: благо народу-то много!— проговорилъ какимъ-то грустно-насмѣшливымъ голосомъ разсыльный.

Войдя въ комнаты, Павелъ увидѣлъ, кромѣ хозяйки, еще одну даму, или, лучше сказать, дѣвицу, стоявшую къ нему спиной: она была довольно стройна, причесана по-модному и, видимо, одѣта не въ деревенскаго покроя платье.

«Ужъ не та ли это особа, въ которую мнѣ сегодня предназначено влюбиться?» — подумалъ Павелъ, вспомнивъ свое давешнее предчувствіе, но когда дѣвица обернулась къ нему, то у ней открылся такой огромный носъ и такія рябины на лицѣ, что влюбиться въ нее не было никакой возможности.

По простотѣ деревенскихъ нравовъ, хозяйка никого никому не представляла. Дѣвица, впрочемъ, сама присѣла Павлу и, какъ кажется, устремила на него при этомъ довольно внимательный взглядъ.

Обѣдъ сейчасъ же почти послѣдовалъ послѣ пріѣзда.

За столомъ, кромѣ четырехъ приборовъ для полковника и сына, самой хозяйки и дѣвицы, поставленъ былъ еще пятый приборъ.

Становая, какъ сѣла за столъ, такъ сейчасъ же крикнула:

— Добровъ, гдѣ жъ ты?

На этотъ зовъ вошелъ разсыльный, стоявшій до того въ передней.

— Садись обѣдать-то, Михаилъ Поликарпычъ позволитъ,— сказала становая, указавъ ему головой на пустой приборъ.

— Позволите, ваше высокородіе? — спросилъ Добровъ полковника.

— Садись—мнѣ что?—разрѣшилъ тотъ.

Добровъ сѣлъ, потупился и началъ ѣсть, беря рукою хлѣбъ — какъ берутъ его обыкновенно крестьяне. Всѣ кушанья были, видимо, даровыя: дареная протухлая соленая рыба отъ торговца съѣстными припасами въ сосѣднемъ селѣ, наливка, настоенная на даровомъ отъ откупщика винѣ, и теленокъ отъ сосѣдняго управляющаго (и теленокъ, должно-быть, весьма плохо выкормленный), такъ что Павелъ дотронуться ни до чего не могъ: ему казалось, что все это такъ и провоняло взятками!

Барышня между тѣмъ, посаженная рядомъ съ нимъ, проговорила вслухъ, какъ бы ни къ кому собственно не относясь, но въ то же время явно желая, чтобы Павелъ это слышалъ:

— Я, такъ досадно, сегодня проспала; проснулась и спрашиваю:—гдѣ Маша?—«Да помилуйте, говорятъ, она съ часъ какъ уѣхала къ обѣднѣ»... Такъ досадно.

Но Павелъ не поддержалъ этого разговора и съ гораздо бо́льшимъ вниманіемъ глядѣлъ на умную фигуру Доброва.

— Отчего же вы изъ служителей алтаря очутились въ разсыльныхъ?—спросилъ онъ его.

— Разстриженъ изъ своего сана,—отвѣчалъ тотъ, сейчасъ же вставая на ноги.

— За что же? Сидите, пожалуйста!

Добровъ сѣлъ.

— По несчастію своему,—отвѣчалъ онъ.

— Ну, не столько, чай, по несчастію, сколько за пьянство свое,—подхватила становая.

— Не я одинъ пью, Пелагея Герасимовна, и другіе прочіе тоже пьютъ.

— Пьютъ, да все, видно, поумнѣй и поскладнѣй твоего, не такъ ужъ очень безобразно,—проговорила становая.

— Онъ, вѣроятно, теперь не пьетъ, — замѣтилъ Павелъ, желая хоть немного смягчить эти грубыя слова ея.

— Не пьетъ, какъ денегъ нѣтъ, да и кочерги Петра Матвѣича побаивается.

Петръ Матвѣичъ былъ мужъ становой.

— Какой кочерги?—спросилъ ее Павелъ.

— Тотъ его — кочергой сейчасъ, какъ замѣтитъ, что отъ

рыла-то у него пахнетъ. Гдѣ тутъ объ него руки-то марать; проберешь ли его кулакомъ! Ну, а кочерги побаивается: не любитъ ея!

— Кто жъ ее любитъ, сударыня? — произнесъ разсыльный и весь покраснѣлъ при этомъ, какъ вареный ракъ.

Барышня же (или m-lle Прыхина, какъ узналъ наконецъ Павелъ) между тѣмъ явно сгорала желаніемъ поговорить съ нимъ о чемъ-то интересномъ и стала ужъ, кажется, обижаться немножко на него, что онъ не даетъ ей для того случая.

Послѣ обѣда наконецъ, когда Павелъ вмѣстѣ съ полковникомъ стали раскланиваться, чтобы ѣхать домой, m-lle Прыхина вдругъ обратилась къ нему:

— Monsieur Вихровъ, — начала она немного лукавымъ голосомъ:—меня не знаетъ, а я его знаю хорошо.

— Меня?—спросилъ Павелъ.

— Да, васъ. Мнѣ про васъ очень много разсказывала одна моя сосѣдка и пріятельница.

— Кто такая—спросилъ Павелъ.

— M-me Фатѣева,—отвѣчала многозначительно m-lle Прыхина.

— Ахъ, Боже мой!—воскликнулъ Павелъ:—она опять сюда пріѣхала?

— Да, она опять пріѣхала—возвратилась къ мужу,—продолжала m-lle Прыхина тѣмъ же знаменательнымъ тономъ.

— И что же, ладитъ съ нимъ?—спросилъ Павелъ.

— Ладитъ по возможности, что же дѣлать? Не имѣя состоянія, надо ладить!

— Поклонитесь ей, пожалуйста, отъ меня, когда ее увидите,—проговорилъ Павелъ.

— И только?—спросила m-lle Прыхина опять уже лукаво.

— Только, разумѣется,—отвѣчалъ Павелъ.

— Странно!—проговорила m-lle Прыхина, и на некрасивомъ лицѣ ея изобразилось удивленіе.

Павелъ, въ свою очередь, тоже посмотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ вниманіемъ.

Вскорѣ потомъ онъ выѣхалъ съ отцомъ.

Когда Павелъ садился на лошадь, которую подвелъ ему Добровъ и подержалъ даже ему стремя, онъ не утерпѣлъ и спросилъ его:

— Отчего вы служите въ разсыльныхъ и не пріищете себѣ болѣе приличнаго мѣста?

— Мнѣ нельзя, сударь. — отвѣчалъ тотъ ему своимъ басомъ:—я точно что человѣкъ слабый—на хорошихъ мѣстахъ меня держать не станутъ.

Павелъ далъ шпоры своей лошади и поѣхалъ. Вся жизнь, которую онъ видѣлъ въ стану, показалась ему, съ одной стороны, какою-то простою, а съ другой—тяжелою, безобразною и исковерканною, точно кривулина какая.

IX.

Александръ Ивановичъ Коптинъ.

Желая развлечь сына, полковникъ однажды сказалъ ему:

— А что, не хочешь ли, поѣдемъ къ Александру Ивановичу Коптину?

Павелъ нѣкоторое время думалъ.

— Къ Коптину?—повторилъ онъ.

Ему хотѣлось съѣздить къ Коптину и въ то же время немножко и страшно было: Коптинъ былъ генералъ-майоръ въ отставкѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сочинитель. Во всей губерніи онъ слылъ за большого вольнодумца, насмѣшника и даже богоотступника.

— А что, онъ не очень важничаетъ своимъ генеральствомъ и сочинительствомъ?—спросилъ Павелъ отца.

— Нѣтъ, не очень!.. Когда трезвъ, такъ, напротивъ, весьма вѣжливъ и привѣтливъ; ну, а какъ выпьетъ, такъ занесетъ немного... Со мной у него тоже разъ, — продолжалъ полковникъ:—какая стычка была!.. Разсказываетъ онъ про Кавказъ, про гору тамъ одну, и слышу я, что вретъ; захотѣлось мнѣ его немножко остановить. «Нѣтъ, говорю, ваше превосходительство, это не такъ: я самъ чрезъ эту гору переходилъ!»— «Гдѣ, говоритъ, вамъ переходить; можетъ-быть, какъ-нибудь пьяный перевалились чрезъ нее!» Я говорю:—«Ваше превосходительство, я двадцать лѣтъ здѣсь живу, и меня, благодаря Бога, никто еще пьянымъ не видалъ; а васъ—такъ, говорю, слыхивалъ, какъ съ праздника изъ Кузьминокъ, на руки подобравъ, въ коляску положили!» Засмѣялся...—«Было, говоритъ, со мной, полковникъ, это, было!.. Не выдержало мое генеральское тѣло и сомлѣло передъ очьми народными!» По-славянски, знаешь, этакъ заговорилъ,—чортъ его знаетъ что такое!

Павелъ однако рѣшился съѣздить къ Коптину.

Въ день отъѣзда полковникъ вырядился въ свой новый вицмундиръ и во всѣ свои кресты; Павлу тоже велѣлъ одѣться попараднѣе.

— Нельзя, братецъ, все-таки генералъ! — сказалъ онъ ему по этому поводу: — и презамѣчательный на это, бестія!.. Даромъ что глядитъ по сторонамъ, все въ человѣкѣ высмотритъ.

Дорогой Павелъ продолжалъ спрашивать отца о Коптинѣ.

— Скажите, папаша, вѣдь онъ сосланъ былъ?

— Какъ же, при покойномъ еще государѣ Александрѣ Павловичѣ, въ деревню свою, чтобы безвыѣздно жилъ въ ней.

— За что же?

Полковникъ усмѣхнулся.

— Пѣсню онъ, говорятъ, какую-то сочинилъ съ припѣвомъ этакимъ. Во Франціи онъ тоже былъ съ войсками нашими, ну и понабрался тамъ этого духу глупаго.

— Какая же это пѣсня, папаша?

— Не знаю,—отвѣчалъ полковникъ. Онъ зналъ, впрочемъ, эту пѣсню, но не передалъ ее сыну, не желая заражать его вольнодумствомъ.

— А какъ же его простили?

— Простили его потомъ, когда государь проѣзжалъ по здѣшней губерніи; ну, и съ нимъ Вилье всегда ѣздилъ, по лѣвую руку въ коляскѣ съ нимъ сидѣлъ... Только вотъ, проѣзжая мимо этого Семеновскаго, онъ и говоритъ:—«Посмотрите, говоритъ, ваше величество, какая усадьба красивая!.. (прошенъ ужъ тоже заранѣе былъ). Это, говоритъ, несчастнаго Коптина, который въ нее сосланъ!»—«А, говоритъ государь, разрѣшить ему въѣздъ въ Петербургъ!»

— А скажите, папаша,—продолжалъ Павелъ, припоминая разныя подробности, которыя онъ смутно слыхалъ въ своемъ дѣтствѣ про Коптина:—декабристомъ онъ былъ?

— Нѣтъ, не былъ! Со всѣми съ ними друженъ былъ, а тутъ какъ-то передъ самымъ ихъ заговоромъ, на счастье свое, перессорился съ ними. Когда государю подали списокъ всѣхъ этихъ злодѣевъ, первое слово его было:—«Коптинъ—тутъ, въ числѣ ихъ?»—«Нѣтъ», говорятъ.—«Ну, говоритъ, слава Богу!» Любилъ, знаешь, его, дорожилъ имъ. Вскорѣ послѣ того въ флигель-адъютанты было предложено ему—отказался: «я, говоритъ, желаю служить отечеству, а не на паркетѣ!» Его и послали на Кавказъ: на, служи тамъ отечеству!

— Все это однако показываетъ, что онъ человѣкъ благородный.

— О, поди-ка съ какимъ гоноромъ, сбрехъ только: на Кавказѣ-то начальникъ края прислалъ ему эту, знаешь, книгу дневную, чтобы записывать въ нее, что дѣлалъ и чѣмъ занимался. Онъ и пишетъ въ ней: сегодня занимался размышленіемъ о выгодахъ моего любезнаго отечества, завтра тамъ отдыхалъ отъ сихъ мыслей, — такимъ шутовскимъ манеромъ всю книгу и исписалъ!.. Ему дали генералъ-майора и въ отставку прогнали.

— Что же онъ дѣлаетъ тутъ, чѣмъ занимается?

— Чѣмъ заниматься-то? Сидитъ, разглагольствуетъ, въ колескѣ четверней ѣздитъ, самъ въ черкескѣ ходитъ; людей тоже всѣхъ черкесами одѣлъ.

Когда Вихровы пріѣхали въ усадьбу Александра Ивановича и подъѣхали къ его дому, ихъ встрѣтили два-три очень красивыхъ лакея, въ самомъ дѣлѣ одѣтые въ черные черкесскіе чепаны.

— Его превосходительство дома? — спросилъ не безъ уваженія полковникъ.

— У себя-съ!—отвѣчалъ одинъ изъ лакеевъ.

Павелъ почувствовалъ, что отъ всѣхъ отъ нихъ страшно воняло водкой.

Самого генерала Вихровы нашли въ высокой и пространной залѣ сидящимъ у открытаго окна. Одѣтъ онъ былъ тоже въ черкескѣ, но только — верблюжьяго цвѣта, отороченной настоящимъ серебрянымъ позументомъ и съ патронташами на груди. Онъ былъ небольшого роста, очень стройный, съ какой-то ядовито-насмѣшливой улыбкой и съ нѣсколько лукавымъ взглядомъ. Въ одной рукѣ онъ держалъ газету, а въ другой—трубку съ длиннѣйшимъ черешневымъ чубукомъ и съ дорогимъ янтарнымъ мундштукомъ. Невдалекѣ отъ него сидѣлъ, какъ-то на вытяжкѣ и съ почтительною физіономіей, священникъ изъ его прихода.

— Здравствуйте, Михайла Поликарпычъ! — воскликнулъ Коптинъ довольно дружелюбно. Полковникъ опять-таки съ уваженіемъ расшаркался передъ нимъ и церемонно представилъ ему сына, пояснивъ съ нѣкоторымъ удареніемъ: «студентъ московскаго университета!»

На Александра Ивановича этотъ титулъ произвелъ, кажется, весьма малое впечатлѣніе.

— Садитесь!—продолжалъ онъ, показывая обоимъ гостямъ на стулья.

Тѣ сѣли.

— Потрудитесь отдохнуть, какъ говорятъ, а?.. хорошо?.. мило?..—произносилъ онъ, какъ-то подчеркивая каждое слово и кидая вмѣстѣ съ тѣмъ на гостей нѣсколько лукавые взгляды.

Павелъ догадался, что это была сказана острота: «потрудитесь отдохнуть».

— Часто употребляютъ такія несообразности!—пояснилъ онъ.

— Нѣтъ-съ, не часто!.. вовсе не часто!..—возразилъ генералъ, какъ бы обидѣвшись этимъ замѣчаніемъ:—вонъ у меня братъ родной дѣйствительно подписывался въ письмахъ къ матушкѣ: «примите мое глубочайшее высокопочитаніе!» — такъ что я наконецъ говорю ему:—«Мой милый, то, что глубоко, не можетъ

быть высоко!..» Ахъ, да, полковникъ!.. — прибавилъ вдругъ Коптинъ, обращаясь уже прямо къ Михайлѣ Поликарпычу: я опять къ вамъ съ жалобой на обожаемое вами правительство!.. Смотрите, что оно пишетъ: «Признавая въ видахъ благоденствія...» Да предоставило бы оно намъ знать: благоденствіе это или нѣтъ.

— Разумѣется, благоденствіе,—подтвердилъ полковникъ.

— Вы думаете? — спросилъ его ядовито Коптинъ.

— Думаю,—отвѣчалъ сердито полковникъ.

— Ну, а я, признаюсь, *немножко* въ этомъ сомнѣваюсь... Сомнѣваюсь *немножко!* — повторилъ Александръ Ивановичъ, произнося насмѣшливо слово: «немножко». И вслѣдъ затѣмъ онъ всталъ и подошелъ къ поставленной на столъ закускѣ, выпилъ не больше четверти рюмочки водки и крикнулъ: «Миша!». На этотъ зовъ вбѣжалъ одинъ изъ юныхъ лакеевъ его. Не ожидая дальнѣйшихъ приказаній барина, онъ взялъ у него изъ рукъ трубку, снова набилъ ее, закурилъ и подалъ ему ее. Александръ Ивановичъ началъ ходить по залѣ и курить. Всѣми своими словами и манерами онъ напомнилъ Павлу, съ одной стороны, какого-то умнаго, ловкаго, свѣтскаго маркиза, а съ другой—азіатскаго князька.

— Куда же вы думаете изъ университета поступить-съ? — обратился онъ наконецъ къ Павлу и съ замѣтно-обязательнымъ тономъ.

— Вѣроятно, въ штатскую службу,—отвѣчалъ тотъ.

— Что нынче военная-то служба,—подтвердилъ и полковникъ:—пустой только блескъ она одинъ!

— А вотъ что такое военная служба!..—воскликнулъ Александръ Ивановичъ, продолжая ходить и подходя по временамъ къ водкѣ и выпивая по четверть рюмки: — я-съ былъ девятнадцати лѣтъ отъ роду, титулярный совѣтникъ, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, но когда въ двѣнадцатомъ году моей матери объявили, что я поступилъ солдатомъ въ полкъ, она встала и перекрестилась: «Благодарю Тебя, Боже,—сказала она:—я узнаю въ немъ сына моего!»

Проговоря это, Александръ Ивановичъ значительно мотнулъ головой полковнику, который, съ своей стороны, ничего, кажется, не нашелъ возразить противъ того.

Александръ Ивановичъ обратился послѣ того къ священнику:

— Повѣдайте вы мнѣ, святій отче, хорошо ли вы съѣздили съ вашей иконой за озеро?

— Слава Богу-съ,—отвѣчалъ тотъ, сейчасъ же вставая на ноги.

— Это, изволите видѣть, — обратился Коптинъ уже прямо

къ Павлу:--они съ своей чудотворной иконой ѣздятъ каждый годъ зачѣмъ-то за озеро!

— Народъ усердствуетъ и желаетъ того, — отвѣчалъ священникъ, потупляя свои глаза.

— И много вы исцѣлили слѣпыхъ, хромыхъ, прокаженныхъ?—спросилъ его Коптинъ.

— Исцѣленія были-съ, — отвѣчалъ священникъ, не поднимая глазъ и явно недовольнымъ голосомъ.

Александръ Ивановичъ въ это время на мгновеніе и лукаво взглянулъ на Павла.

— У меня написана басня-съ.—продолжалъ онъ, исключительно уже обращаясь къ нему:—что одного лаццароне подкупили въ Римѣ англичанина убить: онъ разъ встрѣчаетъ его ночью въ глухомъ переулкѣ и говоритъ ему:—«Послушай, я взялъ деньги, чтобы тебя убить, но завтра день святого Амвросія, а патеръ нашъ мнѣ на исповѣди строго запретилъ людей подъ праздникъ рѣзать, а потому будь такъ добръ, зарѣжься самъ, а ножикъ у меня вострый, не намаетъ ужъ никакъ!..» Ну, какъ вы думаете—нашъ мужикъ русскій побоялся ли бы патера, или нѣтъ?.. Полагаю, что нѣтъ!.. полагаю!.. если нужно, такъ и подъ праздникъ бы зарѣзалъ!..—заключилъ Александръ Ивановичъ.

Священникъ слушалъ его, потупивъ голову. Полковникъ тоже сидѣлъ, нахмурившись: онъ всегда терпѣть не могъ, когда Александръ Ивановичъ начиналъ говорить въ этомъ тонѣ. «Вотъ за это-то Богъ и не даетъ ему счастія въ жизни: генералъ—а сидитъ въ деревнѣ и пьетъ!»—думалъ онъ въ настоящую минуту про себя.

— Что же я, господа, васъ не угощаю!.. — воскликнулъ вдругъ Александръ Ивановичъ, какъ бы вспомнивъ наконецъ, что самъ онъ, по крайней мѣрѣ, разъ девять ужъ прикладывался къ водкѣ, а гостямъ ни разу еще не предложилъ.

Священникъ отказался. Полковникъ тоже объявилъ, что онъ пьетъ только передъ обѣдомъ.

— Дурно-съ вы дѣлаете! — произнесъ Александръ Ивановичъ.—У насъ еще Владиміръ, наше красное солнышко, — сказалъ: «Руси есть веселіе пити!». Я не знаю—я ужасно люблю князя Владиміра: онъ ничего особенно путнаго не сдѣлалъ, перемѣнилъ лишь одно идолопоклонство на другое, но — красное солнышко, да и только!

— У васъ даже есть прекрасное стихотвореніе о Владимирѣ—«Кубокъ», кажется, называется, — подхватилъ Павелъ съ полною почтительностью и болѣе всего желая поговорить съ Александромъ Ивановичемъ о литературѣ.

— Есть!.. есть!.. — отвѣчалъ тотъ, ходя по комнатѣ и закидывая голову назадъ.

— Въ Москвѣ, такъ это досадно. — продолжалъ Павелъ:— почти совсѣмъ не даютъ на театрѣ вашихъ переводовъ изъ Корнеля и Расина.

— И въ Петербургѣ тоже-съ, и въ Петербургѣ!.. По крайней мѣрѣ, когда я въ послѣдній разъ былъ тамъ.—говорилъ Александръ Ивановичъ явно грустнымъ тономъ:—Вася Каратыгинъ мнѣ прямо жаловался, что онъ играетъ всякую дребедень, а что поумнѣй—ему не позволяютъ играть.

— Нынче Гоголя больше играютъ!—произнесъ Павелъ, вовсе не ожидая, какая на него изъ-за этого поднимется гроза.

Александра Ивановича точно кто ущипнулъ или даже ужалилъ.

— Боже мой, Боже мой! — воскликнулъ онъ, забѣгавъ по комнатѣ: —этотъ Гоголь вашъ—лакей какой-то!.. холопъ! У него на сценѣ ругаются непристойными словами!.. падаютъ!.. разбиваютъ себѣ носы!.. Я еще Грибоѣдову говорилъ:—«Для чего это ты, мой милый, шлепнулъ на полъ Репетилова — развѣ это смѣшно?» Смѣшно развѣ это?—кричалъ Александръ Ивановичъ.

Павелъ очень этимъ сконфузился.

— Въ комедіи-съ, — продолжалъ Александръ Ивановичъ, какъ бы поучая его:—прежде всего долженъ быть умъ, острота, знаніе сердца человѣческаго,—гдѣ же у вашего Гоголя все это, гдѣ?

— У него юмору очень много,—юморъ страшный.—возразилъ скромно Павелъ и этимъ еще болѣе разсердилъ Александра Ивановича.

— Да что такое этотъ вашъ юморъ — скажите вы мнѣ, Бога ради!—снова закричалъ онъ:—но фразъ мнѣ не смѣйте говорить!.. Скажите прямо, что вы этимъ называете?

— Юморъ—слово англійское,—отвѣчалъ Павелъ несовсѣмъ твердымъ голосомъ:—оно означаетъ извѣстное настроеніе духа, при которомъ человѣку кажется все въ болѣе смѣшномъ видѣ, чѣмъ другимъ.

— Значитъ, онъ сумасшедшій!.. — закричалъ Александръ Ивановичъ: —его надобно лѣчить, а не писать ему давать. Въ мірѣ все имѣетъ смѣшную и великую сторону, а онъ тамъ, каналья, навараксалъ какихъ-то каррикатуръ на чиновниковъ и помѣщиковъ, и мой другъ, Степанъ Петровичъ Шевыревъ, увѣряетъ, что это *поэма*, и что тутъ *вся Россія!*.. Въ кривляньи какого-то жаргониста—вся Россія!

Павелъ рѣшился ужъ лучше не продолжать болѣе разговора

о Гоголѣ, но полковникъ почему-то вдругъ вздумалъ заступиться за сего писателя.

— Не знаю, вотъ онъ мнѣ разъ читалъ,—началъ онъ, показывая головой на сына:—описаніе господина Гоголя о городничемъ. — прекрасно написано: все вѣрно и справедливо!

— Это вамъ потому, полковникъ, понравилось,—подхватилъ ядовито Александръ Ивановичъ:—что вы сами были комендантомъ и, вѣроятно, взяточки побирали.

Михайла Поликарпычъ весь вспыхнулъ.

— Это вы, можетъ-быть, побирали, а я—нѣтъ-съ! — возразилъ онъ съ дрожащими щеками и губами.

Александръ Ивановичъ засмѣялся.

— Знаю, мой милый ветеранъ, что нѣтъ!.. — подхватилъ онъ, подходя и трепля полковника по плечу.—Потому-то и шучу съ вами такъ смѣло.

Павелъ между тѣмъ опять поспѣшилъ перевести разговоръ на литературу.

— Я читалъ въ изданіи «Онѣгина», что вы Пушкину дѣлали замѣчаніе насчетъ его Татьяны,—отнесся онъ къ Александру Ивановичу. Лицо того мгновенно измѣнилось. Видимо, что рѣчь зашла о гораздо болѣе любезномъ ему писателѣ.

— Дѣлалъ-съ?—отвѣчалъ онъ самодовольно:—прямо писалъ ему: «Какъ же это, говорю, твоя Татьяна, выросшая въ деревенской глуши и начитавшаяся только Жуковскаго чертовщины, вдругъ, выйдя замужъ, какъ бы по щучьему велѣнью дѣлается свѣтской женщиной — холодна, горда, неприступна?.. Какъ будто бы свѣтскость можно сразу взять и надѣть, какъ шубу!.. Мы видимъ этихъ выскочекъ изъ худородныхъ. Въ какой мундиръ или робронъ ни наряди ихъ, а все сейчасъ видно, что мужикъ или баба. Госпожа Татьяна эта, я увѣренъ, въ то время, какъ встрѣтилась съ Онѣгинымъ на балѣ, была въ замшевыхъ башмакахъ—ну, и ему она могла показаться и свѣтской и неприступной, но какъ же поэтъ-то не видѣлъ тутъ обмана и увлеченія?

Павелъ былъ почти совершенно согласенъ съ Александромъ Ивановичемъ.

— А правда ли, Александръ Ивановичъ, что вы Каратыгина учили?—спросилъ онъ уже болѣе смѣлымъ голосомъ.

— Немножко-съ!—отвѣчалъ Александръ Ивановичъ, лукаво улыбаясь.—Вы видали самого Каратыгина на сценѣ? — спросилъ онъ Павла.

— Сколько разъ, когда онъ пріѣзжалъ въ Москву, — отвѣчалъ тотъ поспѣшно.

— Погодите, я вамъ нѣсколько напомню его, книжку только

возьму.—сказалъ Александръ Ивановичъ и поспѣшно ушелъ въ свою комнату.

Оставшіеся безъ него гости нѣкоторое время молчали. Полковникъ, впрочемъ, не утерпѣлъ и отнесся къ священнику.

— Что вретъ-то, экій враль безумный!—проговорилъ онъ.

Священникъ на это въ раздумьѣ покачалъ только головой и вздохнулъ.

— Ужасно какъ трудно намъ, духовенству, съ нимъ разговаривать,—началъ онъ:—во многихъ случаяхъ доносить бы на него слѣдовало!.. Теперь-то еще нѣсколько поунялся, а прежде, бывало, сядетъ на маленькую лошаденку, а мужикамъ и бабамъ велитъ платки подъ ноги этой лошаденкѣ кидать: сначала и не понимали, что такое это онъ чудитъ; послѣ ужъ только раскусили, что это онъ патріарха, что ли, изъ себя представляетъ.

— Какъ патріарха?—воскликнулъ Павелъ.

— Такъ-съ.—отвѣчалъ съ грустью священникъ.

— Спьяну все вѣдь это творилъ!—подхватилъ полковникъ.

— Конечно, что ужъ не въ полномъ разсудкѣ!—подтвердилъ священникъ.—А во всемъ прочемъ—предобрый!—продолжалъ онъ:—три теперь усадьбы у него прехлѣбороднѣйшія, а ни въ одной изъ нихъ ни зерна хлѣба нѣтъ, только на сѣмена велитъ оставить, а остальное все бѣднымъ раздаетъ!

На этихъ словахъ священника, Александръ Ивановичъ вышелъ съ книжкою въ рукахъ своего перевода. Онъ остановился посреди залы въ нѣсколько трагической позѣ.

— Вы знаете сцену Федры съ Ипполитомъ?—спросилъ онъ Павла.

Тотъ поспѣшилъ сказать, что знаетъ.

Александръ Ивановичъ зачиталъ; въ дикціи его было много декламаціи, но такой умной, благородной, исполненной такого искренняго, неподдѣльнаго огня, что — дай Богъ, чтобы она всегда оставалась на сценѣ!.. Произносимые стихи показались Павлу верхомъ благозвучія: слова Федры дышали такою неудержимою страстью, а Ипполитъ—какъ онъ былъ въ каждомъ словѣ своемъ, въ каждомъ движеніи, благороденъ, цѣломудренъ! Такой высокой сценической игры герой мой никогда еще не видывалъ.

— Что, похоже?—спросилъ Александръ Ивановичъ, останавливаясь читать и утирая съ лица потъ, видимо выступавшій у него отъ задушевнѣйшаго волненія.

— Похоже, только гораздо лучше, — произнесъ задыхающимся отъ восторга голосомъ Павелъ.

— Я думаю—немножко получше!—подхватилъ Александръ

Ивановичъ, безъ всякаго, впрочемъ, самохвальства:—потому что я все-таки стою ближе къ крови царей, чѣмъ мой милый Вася! Я—баринъ, а онъ—балетмейстеръ.

— Вотъ это и я всегда говорю!—подхватилъ вдругъ полковникъ, желавшій на что бы нибудь свести разговоръ съ театра или съ этого «благованья», какъ называлъ онъ сіе нелюбимое имъ искусство.—Александра Ивановича хоть въ сѣрый армякъ наряди, а все будетъ видно, что баринъ!

— Будетъ видно-съ, будетъ! — согласился и Александръ Ивановичъ.

— Какой у васъ переводъ превосходный,—говорилъ между тѣмъ ему Павелъ.

— Вамъ нравится? — спросилъ съ явнымъ удовольствіемъ Александръ Ивановичъ.

— Очень!—отвѣчалъ Павелъ совершенно искренно.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте вамъ презентовать сію книжку!—проговорилъ Александръ Ивановичъ и, подойдя къ столу, написалъ на книжкѣ: «Павлу Михайловичу Вихрову, отъ автора», и затѣмъ подалъ ее Павлу.

Полковникъ наконецъ всталъ, мигнулъ сыну, и они стали раскланиваться.

— На этой же бы недѣлѣ былъ у васъ, чтобы заплатить визитъ вамъ и вашему милому юношѣ, — говорилъ любезно Александръ Ивановичъ:—но—увы!—ѣду въ губернію къ преосвященному владыкѣ.

— Это зачѣмъ?—спросилъ полковникъ.

— Испрашивать разрѣшенія быть строителемъ храма Божія,—отвѣчалъ Александръ Ивановичъ:—и, можетъ-быть, онъ мнѣ даже, святіи отче, не разрѣшитъ того? — обратился онъ къ священнику.

— Отчего же-съ,—отвѣчалъ тотъ, опять потупляясь.

— Оттого, что я здѣсь слыву богоотступникомъ. Увѣряю васъ! — отнесся Александръ Ивановичъ къ Павлу. — Когда я съ Кавказа пріѣхалъ къ одной моей теткѣ, она вдругъ мнѣ говоритъ:—«Саша, перекрестись, пожалуйста, при мнѣ!». Я перекрестился.—«Ахъ, говоритъ, слава Богу, какъ я рада, а мнѣ говорили, что ты и перекреститься совсѣмъ не можешь, потому что продалъ чорту душу!»

— Ну, вы наскажете, васъ не переслушаешь! — произнесъ полковникъ и поспѣшилъ увести сына, чтобы Александръ Ивановичъ не сказалъ еще чего-нибудь болѣе рѣзкаго.

Когда они сѣли въ экипажъ, Павелъ сейчасъ же принялся просматривать переводъ Коптина.

— Папаша, папаша! — воскликнулъ онъ: — стихи Але-

ксандра Иваныча, которые мнѣ такъ понравились въ его чтеніи, ужасно плохи.

— Ну, вотъ видишь! — подхватилъ какъ бы даже съ удовольствіемъ полковникъ.— Мнѣ, братецъ, главное то понравилось, что ты ему во многомъ не уступалъ: нѣтъ-мо, ваше превосходительство, не врите.

— Что жъ ему было уступать,—подхватилъ не безъ самодовольства Павелъ:—про Гоголя, напримѣръ, онъ рѣшительно все вралъ.

— Ну да!—согласился полковникъ.

— Какъ у него сегодня всѣ эти любимцы-то его перепились,—вмѣшался въ разговоръ кучеръ Петръ:—мы поѣхали, а они драку промежъ собой сочинили.

— Чего ужъ тутъ ждать! — сказалъ на это что то такое Михайла Поликарпычъ.

X.

Неожиданные гости.

Вакаціи Павла приближались къ концу. У бѣднаго полковника въ это время такъ разболѣлись ноги, что онъ и изъ комнаты выходить не могъ. Старикъ, привыкшій цѣлый день быть на воздухѣ, по необходимости ограничивался тѣмъ, что сидѣлъ у своего любимаго окошечка и посматривалъ на поля. Павелъ, по большей части, старался быть съ отцомъ и развеселялъ его своими разговорами и ласковостью. Однажды полковникъ, прищуривъ свои старческіе глаза и посмотрѣвъ вдаль, произнесъ:

— А вѣдь съ Сивцовской горы, должно-быть, экипажъ какой-то ѣдетъ.

— Гдѣ, папаша?— спросилъ Павелъ и, взглянувъ по указанію полковника, въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ, что по едва замѣтной вдали дорогѣ движется какая-то черная масса.

— Кто жъ это такіе? — спросилъ онъ довольнымъ голосомъ: ему ужъ сильно поприскучило деревенское уединеніе, и онъ очень желалъ, чтобы кто-нибудь въ нимъ пріѣхалъ.

— Не знаю!—отвѣчалъ протяжно полковникъ, видимо недоумѣвая. — Это къ намъ! — прибавилъ онъ, когда экипажъ, выѣхавъ изъ лѣска, прямо повернулъ на дорогу, ведущую къ нимъ въ усадьбу.

— А есть ли запасъ у насъ, и будетъ ли чѣмъ накормить гостей?—спросилъ съ безпокойствомъ Павелъ.

— Есть, будетъ! Это двѣ какія-то дамы, — говорилъ полковникъ, когда экипажъ сталъ приближаться къ усадьбѣ.

— Какія же это могутъ быть дамы?—спросилъ Павелъ съ волненіемъ въ голосѣ и, не утерпѣвъ долѣе дожидаться, вышелъ на крыльцо, чтобы поскорѣе увидѣть, кто такія пріѣхали.

Коляска, запряженная четвернею, вкатилась на дворъ. Въ одной изъ дамъ Павелъ узналъ m-me Фатѣеву, а въ другой—m-lle Прыхину.

— Боже мой!— говорилъ онъ радостно и самъ отперъ у коляски дверцу, когда экипажъ остановился передъ крыльцомъ.

— Вотъ вы не хотѣли ко мнѣ пріѣхать, такъ я къ вамъ пріѣхала,—говорила Фатѣева, слегка опираясь на руку Павла, когда выскакивала изъ коляски, а потомъ дружески пожала ему руку.

Онъ почувствовалъ, что рука ея сильно при этомъ дрожала. Что касается до наружности, то она значительно похорошѣла: прежняя, нѣсколько усиленная худоба въ ней прошла, и она сдѣлалась совершенною бель-фамъ, но грустное выраженіе въ лицѣ попрежнему, впрочемъ, оставалось.

— М-r Вихровъ не хотѣлъ меня пригласить къ себѣ, но я сама къ нему тоже пріѣхала! — повторила за своей пріятельницей и m-lle Прыхина съ своею обычно-развязною манерой.

— Познакомьте меня съ вашимъ отцомъ, — сказала m-me Фатѣева торопливо Павлу.

Голосъ ея при этомъ былъ неровенъ.

— Непремѣнно!—отвѣчалъ онъ и торопливо повелъ обѣихъ дамъ къ полковнику.

— Это m-me Фатѣева!—сказалъ онъ отцу.

— Очень радъ,—отвѣчалъ полковникъ, привставая со своего мѣста.

— Я давно, Михаилъ Поликарповичъ, желала быть у васъ, — начала какъ бы совершенно искреннимъ голосомъ m-me Фатѣева:—и мужъ мой тоже, но онъ теперь уѣхалъ въ вологодское имѣніе свое и—какъ воротится, такъ непремѣнно будетъ у васъ.

— Благодарю покорно!—говорилъ полковникъ, стоя передъ нею, немного наклонившись и растопыривъ руки.

— Да вы сядьте, пожалуйста, — проговорила m-me Фатѣева, слегка дотрогиваясь до полковника и усаживая его:— васъ, я слышала, очень тревожатъ раны ваши несносныя.

— Не столько, я полагаю, раны, сколько лѣта мои.

— А съ сыномъ вашимъ мы давно друзья, — продолжала Фатѣева.

— Слышалъ это,—произнесъ полковникъ съ улыбкой.

— И мы съ вами—сосѣди весьма недальніе: не больше тридцати верстъ.

— Ну, будутъ и всѣ сорокъ,—сказалъ полковникъ.

По его тону весьма было замѣтно, что у него нѣкоторый гвоздь сидѣлъ въ головѣ противъ Фатѣевой.

«Барыня шалунья!»—думалъ онъ про себя.

М-lle Прыхина, все время стоявшая передъ полковникомъ, точно солдатъ, на вытяжкѣ и дожидавшаяся, когда придетъ ея очередь рекомендоваться Михайлѣ Поликарпычу, воспользовавшись первой минутой молчанія Фатѣевой, сейчасъ же отнеслась къ нему.

— А мнѣ позвольте представиться... я—Прыхина.

— Дочь казначея, вѣроятно, нашего?—произнесъ, и передъ нею склоняя голову, полковникъ.

— Точно такъ: отецъ мой тридцать лѣтъ казначеемъ! — проговорила она съ какою-то гордостью, обращаясь къ Павлу, и затѣмъ, поведя своимъ огромнымъ носомъ по воздуху, прибавила: — Какой видъ тутъ у васъ прекрасный — премиленькій!

— Да, недурной, — отвѣчалъ полковникъ, нѣсколько пораженный ея бойкостью.

М-me Фатѣева между тѣмъ сѣла съ Павломъ нѣсколько въ сторонѣ на диванѣ. Онъ былъ почти въ лихорадкѣ: пожатіе прелестной ручки m-me Фатѣевой пронзило какъ бы электрическими иглами все тѣло его.

— Что же, ваша исторія съ Постеномъ кончилась?—спросилъ онъ ее вполголоса.

— Давно,—отвѣчала она ему тоже тихо.

— Какъ же вы пріѣхали къ вашему мужу?

— Я сначала написала къ нему... Я года полтора жила уже у матери и оттуда написала ему, что если онъ желаетъ, то я къ нему пріѣду. Онъ отвѣчалъ мнѣ, чтобы я пріѣзжала, но только съ тѣмъ, чтобы впередъ ничего подобнаго не повторялось. Въ письмахъ, разумѣется, я ничего не говорила противъ этого, но когда пріѣхала къ нему, то сказала, что съ моей стороны, конечно, никогда и ничего не повторится, если только съ его стороны не повторится.

— Что же, съ его стороны и не повторялось? — спросилъ Павелъ.

— Съ его стороны и не прекращалось никогда,—отвѣчала m-me Фатѣева съ грустною усмѣшкой.

— И пьетъ онъ также попрежнему?

— Еще больше, кажется: но, по крайней мѣрѣ, я рада тому, что онъ соберетъ къ себѣ разныхъ дряней-пріятелей,

играетъ, пьетъ съ ними на своей половинѣ и не адресуется ужъ ко мнѣ ни съ разговорами ни съ нѣжностями.

М-me Фатѣева остановилась и вздохнула.

— Но вѣдь нельзя же такъ жить вѣчно? — замѣтилъ ей Павелъ.

— Да, трудно, — произнесла m-me Фатѣева. — Но вы однако, я надѣюсь, заѣдете ко мнѣ?—прибавила она вдругъ.

— Непремѣнно! — отвѣчалъ Павелъ: — но только какъ досадно: вакаціи мои кончаются, и мнѣ надо будетъ ѣхать въ Москву—когда же мнѣ это сдѣлать?

— Но вы должны же однакожъ это сдѣлать? — произнесла m-me Фатѣева уже съ укоромъ.

— Конечно, сдѣлаю! Вы позволите мнѣ, совсѣмъ уже ѣхавши, заѣхать къ вамъ?

— Хорошо, но скоро ли это будетъ: мнѣ все-таки хочется поскорѣе васъ видѣть у себя!

— Черезъ два-три дня.

— Хорошо! — проговорила m-me Фатѣева и такъ взглянула на Павла, что онъ даже сконфузился немного.

М-lle Прыхина въ это время, вздумавшая, или, можетъ-быть, принявшая на себя обязанность занимать полковника, несла ему Богъ знаетъ какую чушь.

— Были у насъ въ городѣ вольтижеры, — говорила она ему:—только у нихъ маленькій этотъ мальчикъ, который прыгаетъ сквозь обручи и сквозь бочку, какъ-то въ середину-то бочки не попалъ. а въ край ея головой ударился, да такъ какъ-то пришлось, что прямо теменнымъ швомъ: черепъ-то весь и раскололся, мозгъ-то и вывалился!..

— Господи помилуй!—произнесъ полковникъ.

— Ужасно!—подтвердила и m-lle Прыхина.

У нихъ въ городѣ никакихъ вольтижеровъ не было и никто себѣ не раскраивалъ головы: это все она выдумала, чтобъ только заинтересовать полковника.

— А то знаете еще что,—продолжала она, расходившись:— у нашихъ работалъ плотникъ. и какой вѣдь неосторожный народъ! — рубилъ, да топоромъ себѣ всѣ четыре пальца и отрубилъ: такъ и валяются пальцы-то въ пескѣ! Я сама видѣла.

— Что такое? — произнесъ полковникъ, начинавшій уже недоумѣвать.

— А то у священника у нашего соборнаго, вы слышали. утонули два сына...

— Да. слышалъ: но вѣдь это—года три тому назадъ.

— Можетъ-быть, но вообразите себѣ: ихъ вынули изъ воды и видятъ, что они, мертвые-то, цѣлуются другъ съ другомъ.

— Какъ цѣлуются? — спросилъ съ удивленіемъ полковникъ.

— Ахъ, нѣтъ! Что я, тьфу! — обнимаются, — поправилась m-lle Прыхина.

Полковникъ наконецъ понялъ, что все это она ему врала, но такъ какъ онъ терпѣть не могъ всякой лжи, то очень былъ радъ, когда ихъ позвали обѣдать и дали ему возможность отдѣлаться отъ своей собесѣдницы. За обѣдомъ, впрочемъ, его вздумала также занять и m-me Фатѣева, но только сдѣлала это гораздо коумнѣе, чѣмъ m-lle Прыхина.

— Я какъ-то тутъ читала,— начала она своимъ тихимъ и скромнымъ голосомъ: — одну старинную исторію Кавказа и тамъ прочла, что жена какого-то грузинскаго царя, непокорная намъ...

— Да, знаю-съ, знаю!—подхватилъ лукаво Михайла Поликарпычъ.

— Что когда нашъ полковникъ сталъ брать ее въ плѣнъ, то она убила его.

Обѣ дамы, какъ мы видимъ, заговаривали съ полковникомъ все о страшномъ: онѣ, вѣроятно, его самого считали немножко за тигра кровожаднаго.

— Вотъ-съ какъ это было, — началъ Михайла Поликарпычъ: — не полковникъ, а майоръ подошелъ къ ней, и только было-наклонился, чтобы руку ей подать и отвести въ карету, она выхватила изъ-подъ фартука кинжалъ да и пырнула имъ его.

— И говорятъ, тутъ былъ,—продолжала Фатѣева:—какой-то еще ординарецъ Вихровъ: вы это были, или нѣтъ?

— Я-съ, я самый! — отвѣчалъ полковникъ съ самодовольствомъ.

— Я вотъ никакъ не могу себѣ представить, какъ это женщина можетъ рѣшиться на убійство?—вмѣшалась въ разговоръ m-lle Прыхина.

— Э, азіатки!—подхватилъ полковникъ.—На другое что у нихъ ума и толку не станетъ, а на это — пырнуть кого-нибудь кинжаломъ—каждая изъ нихъ, бестія, сумѣетъ.

— Но черкешенки, говорятъ, очень пылко и страстно любятъ,—проговорила Фатѣева и при этомъ мелькомъ взглянула на Павла.

— Что онѣ любятъ?—возразилъ полковникъ.—Нѣтъ, я думаю, ни одной изъ нихъ, чтобы червонцевъ за сто ее нельзя было купить.

— И ревнивы наконецъ ужасно! — прибавила m-me Фатѣева, отламывая кусочки хлѣба и продолжая взглядывать на Павла.

— Да, вотъ на это онѣ тоже мастерицы: мужу какъ разъ глаза выцарапаютъ.—это ихъ дѣло!—подхватилъ полковникъ.

Вообще онъ былъ о всѣхъ женщинахъ не слишкомъ высокаго понятія, а о восточныхъ—и въ особенности.

Послѣ обѣда, когда дамы вышли въ заднія комнаты поправить свой туалетъ и распустить нѣсколько свои шнуровки, полковникъ замѣтилъ сыну:

— Какая, братъ, эта Фатѣиха умная баба и собою-то какая красивая: за неволю этакая убѣжитъ отъ мужа, не станетъ ему подставлять шеи.

— Мужъ ея совсѣмъ негодяй, — проговорилъ какъ бы совершенно равнодушно Павелъ.

— Слышалъ это я... Прекрасная барыня, прекрасная! — повторилъ полковникъ:—но зато другая-то, братъ, такъ—полохоло, я тебѣ скажу.

— Другая—дрянь!

— Носище-то, братъ, какой у нея, носище-то! Точно рулемъ какимъ-то ворочаетъ, — говорилъ полковникъ и захохоталъ.

Дамы между тѣмъ возвратились и объявили, что онѣ желаютъ прогуляться въ поле.

— Ступайте, Богъ съ вами! А я покамѣстъ сосну, — разрѣшилъ имъ полковникъ.

Выйдя на дворъ, гостьи и молодой хозяинъ сначала направились въ яровое поле, прошли его, зашли въ луга, прошли всѣ луга, зашли въ небольшой перелѣсокъ и тотъ весь прошли. Въ продолженіе всего этого времени, m-lle Прыхина безпрестанно уходила то въ одну сторону, то въ другую, видимо желая оставлять Павла съ m-me Фатѣевой наединѣ. Та врядъ ли даже, въ этомъ случаѣ, дѣлала ей какія-либо особенныя откровенности, но она сама догадалась о многомъ: о, въ этомъ случаѣ m-lle Прыхина была преопытная и предальновидная!

M-me Фатѣева и Павелъ, каждоминутно взглядывавшіе другъ на друга, оставаясь вдвоемъ, почти не разговаривали между собой и только какъ-то (и то, должно-быть, больше нечаянно) проговорили:

— Вы, я думаю, во все время нашей разлуки и не вспомнили меня?—спросила его m-me Фатѣева.

— Напротивъ, безпрестанно! А вы меня вспоминали ли?—спросилъ ее Павелъ.

— О, какъ еще часто!—воскликнула m-me Фатѣева.

Когда наконецъ они прошли и перелѣсокъ, m-me Фатѣева остановилась.

— Гдѣ мы это теперь?—спросила она, поводя кругомъ черными глазами.

— Довольно далеко отъ дома: надобно вернуться назадъ!— проговорилъ Павелъ.

Всѣ повернули назадъ. Въ перелѣскѣ m-lle Прыхина опять съ какимъ-то радостнымъ визгомъ бросилась въ сторону: ей, изволите видѣть, надо было сорвать росшій гдѣ-то вдали цвѣтокъ, и она убѣжала за нимъ такъ далеко, что совсѣмъ скрылась изъ виду. M-me Фатѣева и Павелъ, остановившись какъ бы затѣмъ, чтобы подождать ее, нѣсколько времени молча стояли другъ противъ друга; потомъ вдругъ Павелъ зачѣмъ-то, и самъ уже не отдавая себѣ въ томъ отчета, протянулъ руку и проговорилъ:

— Такъ вотъ какъ-съ, а?

— Да,—отвѣчала Фатѣева и тоже, неизвѣстно зачѣмъ, въ его руку положила свою руку и крѣпко ее пожала.

Павелъ съ дрожащими губами потянулъ къ себѣ и поцѣловалъ эту руку. Затѣмъ къ нему притянулось и лицо m-me Фатѣевой, и они поцѣловались, и Павелъ еще разъ хотѣлъ было ее поцѣловать, но m-me Фатѣева тихо его отстранила.

— Наша спутница скоро вернется: я слышу шелестъ ея платья,—проговорила она.

И спутница, дѣйствительно, показалась изъ-за кустовъ.

— Какой однако у васъ отличный слухъ, — проговорилъ Павелъ, обращаясь къ m-me Фатѣевой и задыхаясь отъ волненія.

— У меня слухъ отличный,—отвѣчала она. Лицо ея тоже пылало.

M-lle Прыхина нарочно глазѣла по сторонамъ, чтобы не сконфузить еще болѣе молодыхъ людей: о, она была преопытная въ этомъ случаѣ! Когда молодые люди возвратились домой, полковникъ уже проснулся. По необходимости пришлось сидѣть съ нимъ и занимать его. Павелъ выходилъ изъ себя и начиналъ уже грубо говорить съ отцомъ, вдругъ m-lle Прыхина (выдумай-ка кто-нибудь другой, не столь опытный въ этомъ дѣлѣ!) предложила въ горѣлки побѣгать. Павелъ, разумѣется, сейчасъ же принялъ это съ восторгомъ, m-me Фатѣева—съ явнымъ удовольствіемъ; даже полковнику это было пріятно.

— Побѣгайте, побѣгайте! — произнесъ онъ и велѣлъ на креслѣ вынесть себя на галлерею, чтобы посмотрѣть на бѣгающихъ.

Чтобы больше было участвующихъ, позваны были и горничныя дѣвушки. Павелъ, разумѣется, сталъ въ пару съ

m-me Фатѣевой. М-lle Прыхина употребляла всѣ старанія, чтобы они все время оставались въ одной парѣ: сама, разумѣется, не ловила ни того ни другую и даже, когда горничныя горѣли, она придерживала ихъ за юбки, когда тѣмъ слѣдовало бѣжать. Тѣ, впрочемъ, и сами скоро догадались, что молодого барина и пріѣзжую гостью разлучать между собою не надобно; это даже замѣтилъ и полковникъ.

— Ишь какъ эта пара сбѣгалась, и разлучить ихъ никакъ не могутъ!—проговорилъ онъ, разумѣя сына и Фатѣеву.

Пожатіе рукъ между Павломъ и его дамой происходило безпрерывное. Убѣгая отъ ловящаго, они стремительно кидались другъ къ другу почти въ объятія, и Павелъ при этомъ хваталъ ее и за кисть руки и за локоть; а потомъ они, усталые и тяжело дышавшіе, возвращались къ бѣгающимъ и все-таки продолжали держать другъ друга за руки.

— Какъ мнѣ хочется поцѣловать еще разъ вашу ручку,— проговорилъ Павелъ.

— Терпѣнье! Вотъ вы пріѣдете ко мнѣ, тогда можно будетъ,—отвѣчала Фатѣева.

— Непремѣнно буду! Но вы развѣ не ночуете у насъ?— спросилъ Павелъ.

— Нѣтъ, вашему отцу и безъ того немножко страненъ мой пріѣздъ. Мы поѣдемъ, когда взойдетъ луна.

— Но зачѣмъ же это?—возразилъ Павелъ.

— Такъ нужно, а то очень бросится всѣмъ въ глаза. Пріѣзжайте лучше къ намъ скорѣе!

Когда взошла луна, m-me Фатѣева, въ самомъ дѣлѣ, велѣла закладывать коляску.

— Но куда же вы? Отчего же вы не ночуете?—замѣтилъ было ей и полковникъ.

— Мы уже такъ рѣшили, что по холодку доѣдемъ,— объяснила ему Фатѣева.

— Ну, какъ знаете!—согласился полковникъ.

— Вотъ какъ я, по милости вашей, платье-то себѣ истрепала,— сказала бойко m-lle Прыхина Павлу, показывая ему на заброженный низъ своего платья.

— Очень жаль!— отвѣчалъ тотъ механически, а самъ въ это время не спускалъ глазъ съ m-me Фатѣевой, которая, когда надѣла шляпку, показалась ему еще прелестнѣе.

Когда онѣ уѣхали, онъ остался въ какомъ-то угарѣ и всю ночь почти не спалъ и метался изъ стороны въ сторону.

XI.

Venit, vidit, vicit!

У Павла, какъ всегда это съ нимъ случалось во всѣхъ его увлеченіяхъ, мгновенно вспыхнувшая въ немъ любовь къ Фатѣевой изгладила всѣ другія чувствованія: онъ безучастно сталъ смотрѣть на горесть отца отъ предстоящей съ нимъ разлуки... У него одна только была мысль, чтобы какъ-нибудь поскорѣе прошли эти несносные два-три дня—и скорѣе ѣхать въ Перцово (усадьбу Фатѣевой). Онъ по нѣскольку разъ въ день призывалъ къ себѣ кучера Петра и разспрашивалъ его, знаетъ ли онъ дорогу въ эту усадьбу.

— Съ кучеромъ ихнимъ разговаривалъ: сказывалъ онъ, какъ они ѣхали.—отвѣчалъ тотъ.

— Какъ же они ѣхали?—спрашивалъ Павелъ.

— Да черезъ Аоанасьево надо: потомъ—въ Пустыя-Поля, въ село Горохово и къ нимъ ужъ.

— Нѣтъ ли поворотовъ тутъ?

Ну, да поворотовъ какъ не быть — есть. Главная причина тутъ лѣсъ Зенковскій: верстъ на пятнадцать идетъ: грязь тамъ, сказываютъ, непроходимая.

— Да грязь что! Проѣдемъ.

— На Горохово не надо ѣхать,—вмѣшался стоявшій тутъ Иванъ.

— Какъ не надо?—возразилъ ему съ удивленіемъ кучеръ.— Горохово — приходъ ихній: всего въ двухъ верстахъ отъ нихъ.

— Мало ли гдѣ какой приходъ: не въ каждое селеніе черезъ приходъ надо ѣхать!—возразилъ ему Ванька.

Павелъ убѣжденъ былъ, что Иванъ сказалъ это, вовсе не зная хорошенько, а такъ только, чтобъ поумничать. Это вывело его изъ терпѣнія.

— Ты говоришь вздоръ и меня только вводишь въ смущеніе,—сказалъ онъ ему.

— Да мнѣ что! Поѣзжайте, какъ хотите,—произнесъ Иванъ бахваловато и ушелъ.

— Дуракъ!—проговорилъ ему Павелъ вслѣдъ.

— Именно дуракъ, только барина тревожитъ, — повторилъ за нимъ и кучеръ.

Наканунѣ отъѣзда Павелъ снова призвалъ Петра и сталъ его Христомъ Богомъ упрашивать, чтобы онъ тѣхъ лошадей, на которыхъ они поѣдутъ, сейчасъ бы загналъ изъ поля, а

то, обыкновенно, ихъ ловить ходятъ въ день отъѣзда и проловятъ цѣлый день.

— Ужо загоню вечеромъ, — успокоивалъ его кучеръ.

— Нѣтъ, ты теперь же, сейчасъ загони ихъ!—настаивалъ Павелъ.

— Да теперь пошто! Пусть еще погуляютъ и поѣдятъ, — возражалъ ему кучеръ.

— Успѣешь еще, братецъ, уѣдешь! — вмѣшался въ разговоръ, уже обиженнымъ голосомъ, полковникъ.

— Я непремѣнно къ двадцать пятому числу долженъ быть въ Москвѣ, — сказалъ Павелъ, чтобы только на что-нибудь свернуть свое нетерпѣніе.

— Не въ Москву тебѣ, кажется, надобно, шельмецъ ты этакій!—сказалъ ему полковникъ и погрозилъ пальцемъ. Старикъ, кажется, догадывался о волновавшихъ сына чувствованіяхъ и, какъ ни тяжело было съ нимъ разстаться, однако не останавливалъ его.

«Пусть себѣ заѣдетъ къ барынѣ и полюбезничаетъ съ ней», думалъ онъ.

Въ день отъѣзда, впрочемъ, старикъ не выдержалъ и съ утра еще принялся плакать. Павелъ видѣть этого не могъ безъ боли въ сердцѣ и безъ нѣкотораго отвращенія. Едва выдержалъ онъ минуты послѣдняго прощанія и благословенія и, сѣвъ въ экипажъ, сейчасъ же предался заботамъ, чтобы Петръ не спутался какъ-нибудь съ дороги. Но тотъ ѣхалъ слишкомъ увѣренно: кромѣ того, Иванъ, сидѣвшій рядомъ съ нимъ на козлахъ и любившій, какъ мы знаемъ, покритиковать своего брата, повторялъ нѣсколько разъ:

— Это вотъ такъ, сюда надо ѣхать!

И все это Иванъ говорилъ такимъ тономъ, какъ будто бы и въ самомъ дѣлѣ зналъ дорогу. Миновали, такимъ образомъ, они Аѳанасьево, Пустыя-Поля и въѣхали въ Зенковскій лѣсъ. Названіе, что дорога въ немъ была грязная, оказалось слишкомъ слабымъ: она была адски-непроходимая, вся изрытая колеями, бакалдинами: ѣхать хоть бы легонькой рысью было по ней совершенно невозможно: надо было двигаться шагъ за шагомъ.

Павелъ выходилъ изъ себя: ему казалось, что онъ никакъ не пріѣдетъ къ пяти часамъ, какъ обѣщалъ это m-me Фатѣевой. Она будетъ ждать его и разсердится, а гнѣвъ ея въ эту минуту былъ для него страшнѣе смерти.

Лѣсу, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы и конца не было, и, къ довершенію всего, они подъѣхали къ такому мѣсту, отъ котораго шли двѣ дороги, одинаково торныя: куда надо было

ѣхать, направо или налѣво: Кучеръ Петръ остановилъ лошадей и не думѣлъ.

— Что ты остановился?—спросилъ съ ужасомъ Вихровъ и ужъ заранѣе предугадывалъ, что тотъ ему отвѣтитъ.

Петръ былъ слуга усердный и не любилъ безъ толку безпокоить баръ.

— А вотъ тутъ поглядѣть надо, какъ ѣхать! — сказалъ онъ уклончиво. —Сбѣгай, поди-ка!—сказалъ онъ Ивану: — посмотри, гдѣ дорога побойчѣе идетъ.

Иванъ тоже, какъ и путный, соскочилъ съ козелъ и сначала пробѣжалъ по одной дорогѣ, а потомъ - по другой.

— Побѣжай направо!—сказалъ онъ утвердительно и почти повелительно.

Своимъ искреннимъ голосомъ онъ даже Павла обманулъ на этотъ разъ.

— Направо надо!—повторилъ и тотъ за нимъ.

Петръ подумалъ немного и взялъ направо; черезъ нѣсколько времени дорога пошла еще хуже: кромѣ грязи тамъ была такая тѣснота, что четверка едва проходила.

— Мы сбились съ дороги!—произнесъ отчаяннымъ голосомъ Вихровъ.—Поворачивайте назадъ!

— Какъ тутъ поворотишь? И поворотить-то нельзя,—произнесъ мрачно Петръ. — Смотрѣлъ тоже! — прибавилъ онъ Ивану укоризненно.

— Чего смотрѣлъ!—проворчалъ тотъ, какъ бы ни въ чемъ неповинный.

— Чего смотрѣлъ! Не за кусты только посмотрѣть тебя посылали, подальше бы пробѣжалъ! — говорилъ Петръ и самъ продолжалъ ѣхать.

— Куда же вы ѣдете? Вы меня чортъ знаетъ куда завезете!—воскликнулъ Павелъ.

Петръ остановилъ лошадей. Павелъ готовъ былъ расплакаться: поворотить лошадей, въ самомъ дѣлѣ, не было никакой возможности.

— Что теперь дѣлать, что теперь дѣлать? — кричалъ онъ, колотя себя въ грудь.

— Да полноте, батюшка, безпокоиться: выѣдемъ какъ-нибудь!

— Когда выѣдемъ, когда выѣдемъ?— кричалъ Вихровъ. На часахъ у него было около пяти часовъ.

— Поѣдемъ — и въ какую-нибудь деревню выберемся, — сказалъ ему Петръ и опять тронулъ лошадей.

— Это все этотъ мерзавецъ, этотъ негодяй, научилъ направо ѣхать!—кричалъ Павелъ, грозя на Ивана кулаками.

Иванъ, въ свою очередь, струсилъ, присмирѣлъ и сидѣлъ воды не замутя.

Прошло еще для Павла страшныхъ, мучительныхъ полчаса.

— Надо поворотить назадъ! — произнесъ наконецъ Петръ.

— А развѣ возможно? — вскрикнулъ обрадованный уже и этимъ Павелъ.

— Поворотимъ какъ-нибудь, — отвѣтилъ Петръ и началъ поворачивать лошадей: но при этомъ одна изъ пристяжныхъ забѣжала за кусть и оборвала постромки. Коляску такъ качнуло, что Иванъ даже не удержался на козлахъ и полусвалился-полусоскочилъ съ нихъ.

— Ну, не стыдно ли тебѣ, не стыдно ли — куда завезъ насъ!—стыдилъ его Павелъ.

— Кто жъ ее знаетъ! — отвѣчалъ Иванъ въ самомъ дѣлѣ устыдившимся голосомъ и усаживаясь снова на козлы.

Проѣхали почти половину до того мѣста, отъ котораго они сбились: вдругъ послышался трескъ и какъ бы шлепанье лошадиныхъ ногъ, и въ то же время между кустами показался ѣхавшій верхомъ мужикъ.

— Стой, стой!—закричалъ ему Вихровъ.

Мужикъ остановился.

— Ты дорогу въ Перцово знаешь? — спросилъ Павелъ съ перваго же слова.

— Знаю.—отвѣчалъ мужикъ.

— Я тебѣ дамъ десять рублей—брось свое дѣло и провожай насъ въ эту усадьбу.

— Десять рублей? — повторилъ мужикъ какъ бы съ удивленіемъ.

— Да, десять! — повторилъ Павелъ: — веди только насъ, какъ надо ѣхать.

— Ѣхать—что за хитрость!—сказалъ мужикъ и черезъ нѣсколько минутъ вывелъ ихъ совсѣмъ изъ лѣсу.—А вотъ тутъ все прямо,—сказалъ онъ, показывая на дорогу.

— Веди насъ до самой усадьбы, тогда десять рублей и получишь,—сказалъ ему Павелъ.

Мужикъ не очень охотно поѣхалъ; онъ, кажется, не совсѣмъ довѣрялъ, что ему отдадутъ обѣщанныя деньги.

— Скачите теперь! Маршъ-маршъ, валяйте! — закричалъ Павелъ.

Петръ погналъ лошадей. Мужичокъ поскакалъ на своей лошаденкѣ. Иванъ едва удерживался на козлахъ.

— Скорѣй! скорѣй!—кричалъ Павелъ.

Береженыя лошадки полковника, я думаю, во всю жизнь свою не видали такой гоньбы.

— Вотъ и Перцово!—сказалъ мужикъ, безбожно припригивая на своей лошади и показывая снятою имъ шляпой на видиѣвшуюся невдалекѣ усадьбу.

Павель поуспокоился и захотѣлъ привесть нѣсколько въ порядокъ свой туалетъ. Онъ велѣлъ остановиться, вышелъ изъ экипажа и приказалъ Ивану себя почистить, а самъ отдалъ мужику обѣщанную ему красненькую; тотъ, взявъ ее въ руки, все еще какъ бы недоумѣвалъ, что не сонъ ли это какой-нибудь: три-четыре версты проводивъ, онъ получилъ десять рублей! Онъ вовсе не понималъ того огня, которымъ сгоралъ мой герой. Когда Вихровъ снова усѣлся въ коляску и сталъ уже совсѣмъ подъѣзжать къ усадьбѣ, имъ снова овладѣли опасенія: ну, если m-me Фатѣева куда-нибудь уѣхала, или мужъ ея пріѣхалъ и не велѣлъ его принимать,—любовь пуглива и мнительна!

Наконецъ онъ подъѣхалъ къ крыльцу. Мелькнувшее въ окнѣ лицо m-me Фатѣевой успокоило Павла—она дома. Съ замирающимъ сердцемъ онъ началъ взбираться по лѣстницѣ. Хозяйка встрѣтила его въ передней.

— Здравствуйте!—проговорила она привѣтливымъ и тихимъ голосомъ и въ то же время была какъ бы немного сконфужена.

Въ слѣдующей комнатѣ Вихровъ слышалъ чьи-то женскіе голоса. Клеопатра Петровна провела его въ гостиную.

— Никакъ ужъ, вѣроятно, не ожидали меня встрѣтить, никакъ!—опривѣтствовала его тамъ толстая становая, вставая передъ нимъ и потрясая головой.

«О, чортъ бы тебя подралъ! — подумалъ Вихровъ: — какъ это она тутъ очутилась?»

— И какъ это случилось,—продолжала становая, видимо думавшая заинтересовать своимъ разсказомъ Павла:—вы этого совершенно ничего не знаете и не угадываете!—прибавила она, грозя ему своимъ толстымъ пальцемъ.—Вчерашняго числа (она отъ мужа заимствовала этотъ нѣсколько дѣловой способъ выраженія)... вчерашняго числа къ намъ въ село прибѣжалъ вашъ крестьянскій мальчикъ—вотъ этакій крошечка!..— и становая при этомъ, показала своею рукою не болѣе какъ на аршинъ отъ земли:—звать священника на крестины къ брату и, остановившись что-то такое передъ нашимъ домомъ, разговариваетъ съ мальчиками. Я говорю:—«Душенька, что ты такое это разсказываешь?»—«А нашъ молодой баринъ,—говоритъ:—завтра ѣдетъ въ гости въ Перцово. Перцовскіе бали къ намъ пріѣзжали и звали его». Дай-ка, я думаю, нашего молодого сосѣда удивлю и съѣзжу тоже!—заключила становая и треснула при этомъ рукой по столу.

«Что же это такое?»—думалъ Павелъ, стоя передъ ней и рѣшительно не находя—что отвѣчать ей.

А m-lle Прыхина, молча подавшая при его приходѣ ему руку, во все это время смотрѣла на него съ такимъ выраженіемъ, которымъ какъ бы говорила:—«О, голубчикъ! Знаю я тебя; знаю, зачѣмъ ты сюда пріѣхалъ!»

Павелъ рѣшительно не зналъ куда дѣвать себя: Клеопатра Петровна тоже какъ будто бы пряталась и, совершенно какъ бы не хозяйка, сѣла, съ плутоватымъ, впрочемъ, выраженіемъ въ лицѣ, на довольно отдаленный стулъ и посматривала на все это. Вихровъ помѣстился наконецъ рядомъ съ становою; та приняла это прямо за изъявленіе вниманія къ ней.

— Такъ такъ-то-съ, молодой сосѣдъ!—воскликнула она и ударила уже Павла рукою по ногѣ, такъ что онъ поотстранился даже отъ нея нѣсколько.—Когда же вы къ намъ опять пріѣдете? Мальчикъ вашъ сказалъ, что вы совсѣмъ уже отъ насъ уѣзжаете.

— Не знаю-съ!—отвѣтилъ ей сухо Павелъ и, повернувшись къ хозяйкѣ, спросилъ ее:

— А вашъ супругъ?

— Онъ завтра вечеромъ или послѣзавтра пріѣдетъ,—отвѣчала та какимъ-то ровнымъ голосомъ.

«Такъ, значитъ, сегодня вечеромъ только и, много, завтра утромъ можно будетъ пробыть у ней!»—подумалъ Павелъ и съ грустью склонилъ голову. Встрѣтиться съ самимъ господиномъ Фатѣевымъ онъ какъ бы даже побаивался немного.

Подали чай. M-me Фатѣева, видимо, не совладѣла уже болѣе съ собой и вдругъ отнеслась къ Павлу:

— M-r Вихровъ, вы, кажется, охотникъ до музыки; у меня довольно недурное фортепіано,—въ залѣ оно,—прибавила она, показывая головой на залу.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе,—сказалъ Павелъ и сейчасъ же пошелъ въ залу.

— Сыграйте, пожалуйста, m-r Вихровъ; мнѣ сказывали, что вы отлично играете!..—кричала ему вслѣдъ m-lle Прыхина, напирая при этомъ преимущественно на слово «сказывали».

— Ему трудно, можетъ-быть, будетъ отворить фортепіано,—сказала Фатѣева и вышла вслѣдъ за Павломъ.

Онъ уже сидѣлъ за инструментомъ и перелистывалъ ноты. Она потихоньку подошла къ нему и сѣла сбоку фортепіано.

— Вы какихъ-нибудь нотъ ищете?—спросила она его.

— Я ничего не ищу,—отвѣчалъ ей Вихровъ.—По милости вашихъ гостей, мнѣ не только что ручки вашей не удастся поцѣловать, но даже и сказать съ вами двухъ словъ.

— Становая эта пріѣхала: я никакъ ея не ожидала!—проговорила m-lle Фатѣева. — Прыхина — та ничего: при той стѣснаться особенно нечего.

— Та—ничего!—согласился и Павелъ, ударяя слегка по клавишамъ:—и что же, онѣ у васъ и завтра все утро пробудутъ?

— Можетъ-быть!

— А завтра я долженъ буду уѣхать.

М-lle Фатѣева сначала на это ничего не сказала, но потомъ, промолчавъ немного, проговорила:

— Развѣ вотъ что: приходите послѣ ужина, когда всѣ улягутся, посидѣть въ чайную; я буду тамъ.

— А гдѣ же эта чайная?—спросилъ, наклоняя свое лицо къ нотамъ, Павелъ.

— Я, въ продолженіе вечера, постараюсь вамъ какъ-нибудь показать ее.—отвѣчала, тоже не глядя на него, m-lle Фатѣева.

Въ гостиной, въ это время, просто происходила борьба: становая такъ и рвалась въ залу.

— Что же онъ не играетъ? Пойду и заставлю его!—говорила она.

— Ахъ, нѣтъ! Погодите, посидите: онъ сейчасъ будетъ играть!—уговаривала и останавливала ее m-lle Прыхина.

— Но однакожъ онъ не играетъ! — возразила становая, подождавъ еще немного и обращая почти сердитое лицо къ m-lle Прыхиной.

— Заиграетъ, погодите!—успокаивала ее та и при этомъ чему-то усмѣхнулась.

— Нѣтъ, я пойду! — воскликнула становая и поднялась было съ дивана.

— Нѣтъ, посидите со мной!—останавливала ее m-lle Прыхина и, взявъ ее за руку, почти насильно посадила ее на прежнее мѣсто.

— Да что же мнѣ сидѣть съ вами: зачѣмъ я вамъ нужна?—спрашивала становая удивленнымъ голосомъ.

— Нужны! У васъ есть очень хорошій женихъ, и мнѣ за него замужъ хочется,—убѣждала ее m-lle Прыхина.

— Ахъ, какія вы глупости говорите! Никакихъ у меня жениховъ нѣтъ,—продолжала становая, уже разсердясь.

Но Павелъ въ это время заигралъ.

— Ну, вотъ вамъ—онъ и заигралъ,—сказала ей m-lle Прыхина.

— Да, но онъ все не то играетъ, что я люблю: я люблю больше русскія пѣсни!—воскликнула становая и, вскочивъ съ дивана, выбѣжала въ залу.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не то изволите играть, а нашу, русскую!— кричала она Павлу.

Хорошо, что m-me Фатѣева, смотрѣвшая почти страстно на Павла, услыша ея медвѣжью походку, успѣла мгновенно опустить глаза въ землю.

— Русскую, русскую извольте сыграть!—продолжала становая и оперлась при этомъ на стулъ, на которомъ сидѣлъ Павелъ.

Какой-то непріятной теплотой такъ и обдало его при этомъ.

— Вы задавите меня совсѣмъ,—сказалъ онъ, почти готовый встать съ своего мѣста.

— Ахъ, какой нѣженка, скажите, пожалуйста!—воскликнула становая и сѣла на стулъ, но все-таки напротивъ него.

Зачѣмъ это г-жа становая такъ яростно кидалась въ этотъ вечеръ на моего героя—объяснить трудно: понравился ли онъ ей очень, или она только хотѣла показать ему, что умѣетъ обращаться съ столичными мужчинами...

M-lle Прыхина тоже, дѣлать нечего, вышла въ залу и сѣла около хозяйки.

— Какая несносная женщина!—сказала она, показывая глазами на становую.

— А что же?— спросила ее, какъ бы совершенно невиннымъ голосомъ, Клеопатра Петровна.

— Ты видишь!—сказала Прыхина съ обычнымъ своимъ удареніемъ.

— Ничего не вижу,—произнесла съ улыбкой Фатѣева.

— Ну, не видишь, такъ и прекрасно!—проговорила обиженная этимъ m-lle Прыхина,—и въ самомъ дѣлѣ досадно: за все участіе ея хоть бы малою откровенностью ее вознаградили!

Вихровъ, подъ вліяніемъ мысли о назначенномъ ему свиданіи, началъ одну изъ самыхъ страстныхъ арій, какую только онъ зналъ, и весь огонь, которымъ горѣла душа его, какъ бы перешелъ у него въ пальцы: онъ игралъ очень хорошо. M-me Фатѣева, забывъ всякую осторожность, впилась въ него своими жгучими глазами, а m-lle Прыхина, закинувъ голову назадъ, только восклицала:

— Чудно, безподобно!

— Да, недурно!—одобрила и становая.

Ей все больше хотѣлось русскаго.

Окончивъ играть, Павелъ всталъ и, осмотрѣвшись кругомъ, сказалъ:

— Какой домъ, однако, у васъ оригинальный!

— Ахъ! Онъ очень старинный! Вы однако не видали его

всего. Хотите взглянуть?—подхватила м-me Фатѣева, понявшая его мысль.

— Очень радъ-съ!

М-me Фатѣева пошла показывать ему домъ.

— Вотъ это—зала, это—гостиная!

— А это—портретъ вашъ?

— Да, это—въ первый годъ, какъ я вышла замужъ!

Она нарочно говорила громко, чтобы еще слышали въ залѣ.

— А это вотъ—угольная, или чайная, какъ ее прежде называли,—продолжала хозяйка, проводя Павла черезъ коридоръ въ очень уютную и совершенно въ сторонѣ находящуюся комнату.—Смотрите, какіе славные диваны идутъ кругомъ. Это любимая комната была покойнаго отца мужа. Я здѣсь и буду васъ ожидать!—прибавила она совершенно тихо и скороговоркой.

— А когда же мнѣ приходить сюда?—спросилъ ее замирающимъ отъ восторга голосомъ Павелъ.

— Когда всѣ улягутся. Вотъ это окошечко выходитъ въ залу; на него я поставлю свѣчу: это будетъ знакомъ, что я здѣсь,—продолжала она попрежнему тихо и скороговоркой.—А вотъ-съ это—библіотека мужа!—произнесла она опять полнымъ голосомъ.

Когда они проходили маленькій коридоръ, Вихровъ не утерпѣлъ и, взявъ за талію м-me Фатѣеву, проговорилъ:

— Милая моя, безцѣнная!

М-me Фатѣева обернула къ нему свое лицо, сіяющее счастьемъ и страстью.

Павелъ поцѣловалъ ее.

— Тсс! Нельзя этого!—проговорила она, погрозивъ ему пальчикомъ.

Послѣ такого осмотра дома, Павелъ возвратился въ залу въ очень веселомъ расположеніи духа и вздумалъ немного пошутить надъ становой за всѣ тѣ мученія, которыя она заставила его терпѣть.

— Скажите вы мнѣ, моя почтенная сосѣдка,—началъ онъ въ тонъ ей:—въ кого вы влюблены?

— Я?—спросила она, уставивъ на него немного сердитые глаза.

Она такого вопроса при всѣхъ никакъ не ожидала отъ него.

— Да, вотъ м-lle Прыхина и Клеопатра Петровна сказали мнѣ—въ кого онѣ влюблены, и вы мнѣ должны сказать то же самое.

— Имъ—какъ угодно, а я не скажу,—отвѣтила становая.

— Отчего же?

— А оттого, что, можетъ-быть, я въ васъ влюблена,— отвѣчала приставша и уставила на него пристальный взглядъ.

— Ну, полноте, зачѣмъ я вамъ?..—возразилъ Павелъ (онъ чувствовалъ, что отъ переживаемаго счастія начинаетъ говорить совершенно какія-то глупости):—зачѣмъ я вамъ?.. Я человѣкъ заѣзжій, а вамъ нужно кого-нибудь поближе къ вамъ, съ кѣмъ бы вы могли говорить о чувствахъ.

Становая вдругъ вспыхнула и обидѣлась.

Павелъ попалъ прямо въ цѣль. Приставша, дѣйствительно, любила очень близкаго къ ней человѣка—молодого письмоводителя мужа, но только о чувствахъ съ нимъ не говорила, а больше водкой его поила.

— Пожалуйста, безъ насмѣшекъ!.. Пожалуйста!.. Сама умѣю отсмѣяться,—проговорила она.

— Господь съ вами, кто надъ вами смѣется: съ вами говорить послѣ этого нельзя!—возразилъ Вихровъ и, отойдя отъ становой, сѣлъ около Прыхиной.

— А съ вами такъ вотъ, вѣроятно, мы будемъ друзьями настоящими,—проговорилъ онъ уже не шутя.

— Надѣюсь!—произнесла та многозначительно.

Хозяйка между тѣмъ встала, вышла на минуту и, возвратясь, объявила, что «le souper est servi».

Всѣ пошли за ней, и—чѣмъ ужинъ болѣе приближался къ концу, тѣмъ Вихровъ болѣе начиналъ чувствовать волненіе и даже какой-то страхъ, такъ что онъ почти не радъ былъ, когда встали изъ-за стола и начали прощаться.

— До свиданья, — сказала ему хозяйка не совсѣмъ тоже спокойнымъ голосомъ и крѣпко пожимая его руку.

— До свиданья,—пробормоталъ онъ ей.

— Вамъ приготовлено въ кабинетѣ, рядомъ съ залой,—прибавила она.

— Слушаю-съ, — произнесъ Вихровъ и затѣмъ, проходя залу, онъ взглянулъ на маленькое окошечко, и оно неизгладимыми чертами врѣзалось у него въ памяти. Пришедшаго его раздѣвать Ивана онъ сейчасъ же отослалъ, сказавъ ему, что онъ самъ раздѣнется, а что теперь еще будетъ читать. Тотъ ушелъ съ большимъ удовольствіемъ, потому что ему съ дороги давнымъ-давно хотѣлось спать. Оставшись одинъ, Павелъ почти въ лихорадкѣ сталъ прислушиваться къ раздававшемуся то тутъ, то тамъ шуму въ домѣ; наконецъ терпѣнія у него ужъ больше недостало: онъ выглянулъ въ залу—тамъ никого не было, а въ окошечкѣ чайной свѣтился уже огонекъ. «Она тамъ»,—подумалъ Павелъ и съ помутившейся почти совсѣмъ головою прошелъ залу, коридоръ, и вошелъ въ чай-

ную. Тамъ онъ увидѣлъ m-me Фатѣеву—уже въ блузѣ, а не въ платьѣ.

— Ахъ, это вы, — сказала она, какъ бы не ожидая его и какъ бы даже нѣсколько испугавшись его прихода.

— Я.—отвѣчалъ Вихровъ дрожащимъ голосомъ; потомъ они сѣли на диванъ и молчали; Павелъ почти-что глупо смотрѣлъ на Фатѣеву, а она держала глаза опущенными внизъ.

— Послушайте!—начала наконецъ Фатѣева:—я давно хотѣла васъ спросить: Мари вы видаете въ Москвѣ?

— Одинъ разъ всего видѣлъ,—отвѣчалъ неторопливо Павелъ.

— И что же, любовь ваша къ ней прошла въ васъ совершенно?—продолжала Фатѣева.

— Прошла,—отвѣчалъ Павелъ искреннимъ тономъ.—Однако послушайте,—прибавилъ онъ, помолчавъ:—сюда никто не войдетъ изъ людей?..

— Нѣтъ, никто: всѣ преспокойно спятъ!..—отвѣчала протяжно m-me Фатѣева.

M-me Фатѣева уставила на него надолго свои большіе черные глаза...

На другой день Павелъ проснулся довольно поздно и спросилъ Ивана:—встали ли всѣ?

— Давно ужъ всѣ въ столовой чай кушаютъ! — объяснилъ тотъ.

Вихровъ одѣлся и пошелъ туда. Окошечко изъ залы въ блаженнѣйшую чайную опять на минуту промелькнуло передъ нимъ; когда онъ вошелъ въ столовую, сидѣвшая тамъ становая вдругъ вскрикнула и закрыла обѣими руками грудь свою. Она, изволите видѣть, была нѣсколько въ утреннемъ дезабилье и поэтому очень устыдилась Павла.

«Дрянь этакая, — подумалъ онъ: —я обладаю прелестнѣйшею женщиною, а она воображаетъ, что я на нее взгляну...»

M-me Фатѣева, при появленіи Павла, замѣтно сконфузилась. Она стала ему наливать чай.

— Какъ бы я желала каждое утро разливать вамъ чай,— шепнула она ему.

— Можетъ-быть, это когда-нибудь и будетъ,—отвѣтилъ ей тихо Павелъ.

— Можетъ-быть!.. Однако, я вижу, вашихъ лошадей хотятъ закладывать,—прибавила она вслухъ и взглянувъ въ окно.

— Да, ужъ мнѣ позвольте!

— Только я васъ попрошу—въ Москвѣ одно порученіе мое исполнить.

— Сдѣлайте милость, приказывайте!

— Мнѣ это надобно по секрету вамъ передать. Угодно

вамъ удѣлить мнѣ двѣ минуты?—проговорила Клеопатра Петровна и пошла.

— Хоть десять!—отвѣчалъ Павелъ, идя за нею.

Въ гостиной они остановились.

— Послушайте,—начала Фатѣева (на глазахъ ея появились слезы):—вы можете теперь меня не уважать, но я, клянусь вамъ Богомъ, полюбила васъ первыя еще настоящимъ образомъ: въ прежнемъ моемъ несчастномъ увлеченіи я больше обманывала самоё себя, чѣмъ истинно что-нибудь чувствовала.

— Ангелъ мой, какъ же мнѣ васъ не уважать!—говорилъ Павелъ.

— И повѣрьте мнѣ,—продолжала Фатѣева, какъ бы не слушая его:—я несчастная, но не потерянная женщина. Тогда вы не хотѣли замѣчать меня...

— Но когда же мы увидимся, чудо мое, сокровище мое!

— Я употреблю всѣ силы—пріѣхать въ Москву, но когда это будетъ—не могу сказать теперь.

— По крайней мѣрѣ, будете ли вы писать ко мнѣ?—спрашивалъ Павелъ.

— Писать я буду къ вамъ часто, и вы пишите ко мнѣ; но только—не на мое имя.

— А на чье?

— На Катишь Прыхину. Она хоть и не дальняя, но чрезвычайно мнѣ предана; а теперь я васъ не задерживаю. Можетъ-быть, что къ обѣду пріѣдетъ мужъ.

— Такъ я сейчасъ же и поѣду.

— Сейчасъ же и поѣзжайте!

Они еще разъ поцѣловались и возвратились въ столовую. Черезъ полчаса Павелъ уѣхалъ изъ Перцова.

XII.

Жоржзандизмъ.

Никакое сильное чувство въ душѣ героя моего не могло оставаться одиночнымъ явленіемъ. По самой натурѣ своей онъ всегда стремился возвести его къ чему-нибудь общему. Оно всегда порождало въ немъ цѣлый циклъ понятій и, воспринятое въ плоть и кровь, дѣлалось его убѣжденіемъ. М-ме Фатѣева, когда онъ сблизился съ ней, напомнила ему нѣкоторыми чертами жизни своей—героинь изъ романовъ Жоржъ-Зандъ, которые, впрочемъ, онъ и прежде еще читалъ съ большимъ интересомъ; а тутъ, какъ бы въ самой жизни, своимъ собственнымъ опытомъ, встрѣтилъ подтвержденіе имъ и сталъ

отчаянным жоржзандистом. Со всею горячностью юности онъ понялъ всю справедливость и законность протестовъ. «Женщина въ нашемъ обществѣ угнетена, женщина лишена правъ, женщина Богъ знаетъ за что обвиняется!»— думалъ онъ всю дорогу, возвращаясь изъ деревни въ Москву и припоминая на эту тему различные случаи изъ русской жизни.

Жить въ Москвѣ Вихровъ снова началъ съ Невѣдомовымъ въ номерахъ m-me Гартунгъ. Почтенная особа эта, какъ жертва мужского непостоянства, сдѣлалась замѣтно предметомъ вниманія Павла.

— Что же, вы не скучаете о Саловѣ? — говорилъ онъ ей съ участіемъ.

— Что скучать? Ужъ не воротишь!—отвѣчала m-me Гартунгъ.—Онъ ужасный человѣкъ! ужасный!—прибавляла она потомъ какъ-то ужъ таинственно.

— Ну и Богъ съ нимъ! — утѣшалъ ее Павелъ: — теперь вамъ надобно полюбить другого.

— Ни-ни-ни!.. ни-ни-ни!—почти съ ужасомъ воскликнула m-me Гартунгъ.

Стало-быть, вы его еще любите?

— О, нисколько!..—воскликнула съ благороднымъ негодованіемъ Гартунгъ: — но и другіе мужчины—всѣ они плуты!.. Я бы взяла ихъ всѣхъ да такъ въ ступкѣ и изломала!..

И она представила даже рукой, какъ бы она изломала всѣхъ мужчинъ въ ступкѣ.

— Совершенно справедливо, всѣ они—дрянь!—подтвердилъ Павелъ и вскорѣ послѣ того, по поводу своей новой, какъ самъ онъ выражался, религіи, имѣлъ довольно продолжительный споръ съ Невѣдомовымъ, котораго прежде того онъ считалъ-было совершенно на своей сторонѣ. Онъ зашелъ къ нему однажды и нарочно завелъ съ нимъ разговоръ объ этомъ предметѣ.

— А что, скажите, — началъ онъ: — какого вы мнѣнія о Жоржъ-Зандъ? Мнѣ никогда не случалось съ вами говорить о ней.

Невѣдомовъ нѣкоторое время молчалъ, а потомъ заговорилъ, слегка пожавъ плачами:

— Я... французскихъ писателей, какъ вообще всю ихъ націю, не очень люблю!.. Можетъ-быть, французы въ сферѣ реальныхъ знаній и много сдѣлали великаго; но въ сферѣ художественной они непремѣнно свернутъ или на бонбоньерку, или на водевильную пѣсенку.

— Какъ на бонбоньерку или на водевильную пѣсенку? — воскликнулъ Павелъ:—и у Жоржъ-Зандъ вы находите бонбоньерку или водевильную пѣсенку?

— И у ней нахожу нѣчто въ родѣ этого; потому что, при

всемъ богатствѣ и поэтичности ея воображенія, сейчасъ же видно, что она сближалась съ разными умными людьми, наскоро позаимствовала отъ нихъ многое и всѣми силами души стремится разнести это по Божьему міру; а ужъ это—не художественный пріемъ!

— Какъ, Жоржъ-Зандъ позаимствовалась отъ умныхъ людей?!.—опять воскликнулъ Вихровъ:—я совершенно начинаю не понимать васъ; мы никогда еще съ вами и ни въ чемъ до такой степени не расходились во взглядахъ нашихъ! Жоржъ-Зандъ дала міру новое евангеліе, или, лучше сказать, прежнее растолковала настоящимъ образомъ...

Невѣдомовъ при этомъ потупился и нѣсколько времени ничего не отвѣчалъ. Онъ, кажется, совершенно не ожидалъ, чтобы Павелъ когда-нибудь сказалъ подобный вздоръ.

— Вы читали ея «Лукрецію Флоріани»?—продолжалъ тотъ, все болѣе и болѣе горячась.

— Читалъ,—отвѣчалъ Невѣдомовъ.

— Какая же, по-вашему, главная мысль въ этомъ произведеніи?

Невѣдомовъ опять пожалъ немного плечами.

— Я думаю, та мысль,—отвѣчалъ онъ:—что женщина можетъ любить нѣсколько разъ и съ одинаковою пылкостью.

— Нѣтъ-съ, это—не та мысль; тутъ мысль побольше и поглубже: тутъ блудница приведена на судъ, но только не къ Христу, а къ фарисею, къ аристократишкѣ; тотъ, разумѣется, и задушилъ ее. Припомните надпись изъ Дантова «Ада», которую мальчишка-сынишка Лукреціи написалъ: «Lasciate ogni speranza, voi che entrate». Она прекрасно характеризуетъ этотъ мірокъ нравственныхъ палачей и душителей.

— Можетъ-быть, и это, — отвѣчалъ Невѣдомовъ: — но, во всякомъ случаѣ, это одно изъ самыхъ капризнѣйшихъ и неудачнѣйшихъ произведеній автора.

— Почему же—капризнѣйшихъ и неудачнѣйшихъ?—спросилъ Павелъ.

— Потому что, какъ хотите, возвести въ идеалъ актрису, авантюристку, имѣвшую Богъ знаетъ сколькихъ любовниковъ и сколько отъ кого дѣтей...

— Но что вамъ за дѣло до ея любовниковъ и дѣтей?— воскликнулъ Павелъ:—вы смотрите, добрая ли она женщина или нѣтъ, умная или глупая, искренно ли любитъ этого скотаграфа.

— Какъ мнѣ дѣла нѣтъ? По крайней мѣрѣ, я главнымъ достоинствомъ всякой женщины ставлю цѣломудріе,—проговорилъ Невѣдомовъ.

— Ну, я на это не такъ смотрю, — сказалъ Павелъ, невольно вспомнивъ при этомъ про m-me Фатѣеву.

— Нѣтъ, и вы въ глубинѣ души вашей такъ же смотрите,— возразилъ ему Невѣдомовъ.—Скажите мнѣ по совѣсти: неужели вамъ не было бы тяжело и мучительно видѣть супругу, сестру, мать, словомъ, всѣхъ близкихъ вамъ женщинъ—нецѣломудренными? Я убѣжденъ, что вы съ гораздо большею снисходительностью простили бы имъ, что онѣ дурны собой, недалеки умомъ, необразованы. Шекспиръ прекрасно выразилъ въ «Гамлетѣ», что для человѣка одно изъ самыхъ ужасныхъ мученій — это подозрѣвать, напримѣръ, что мать небезупречна...

— Ну что жъ—Шекспиръ вашъ? Согласитесь, что въ его взглядѣ на женщину могло и должно было остаться много грубаго, рыцарскаго пониманія.

— Да, но Богъ знаетъ — это пониманіе не лучше ли нынѣшняго городско-развратнаго взгляда на женщину. Пушкинъ очень любилъ и зналъ хорошо женщинъ, и тотъ однако для романа своего выбралъ совершенно безупречную женщину!.. Сколько вы ни усиливайте вашего воображенія, вамъ выше Татьяны—въ нравственномъ отношеніи—русской женщины не выдумать.

— Позвольте-съ! Но чѣмъ же она вѣрна мужу?..— только тѣломъ, а никакъ не мыслью.

Чѣмъ бы тамъ она ни была вѣрна, но она все-таки, любя другого, не измѣнила своему долгу—и не измѣнила вслѣдствіе прирожденнаго ей цѣломудрія; намеками на такого рода женщинъ испещрены наша исторія и наши пѣсни.

— Въ нашемъ спорѣ о Жоржъ-Зандъ, — перебилъ Павелъ Невѣдомова:—дѣло совсѣмъ не въ томъ,—не въ развратѣ и не въ цѣломудріи; говорить и заботиться много объ этомъ—значитъ принимать одинъ случайный фактъ за сущность дѣла... Жоржъ-Зандъ добивается правъ женщинамъ!.. Какъ нѣкогда Христосъ сказалъ рабамъ и угнетеннымъ: «вотъ вамъ религія, примите ее—и вы побѣдите съ нею цѣлый міръ!..», такъ и Жоржъ-Зандъ говоритъ женщинамъ: «вы—такой же человѣкъ, и гребуйте себѣ этого въ гражданскомъ устройствѣ!» Словомъ, она представительница и проводница въ художественныхъ образахъ извѣстнаго ученія эмансипаціи женщинъ, которое стоитъ рядомъ съ ученіемъ объ ассоціаціи, о коммунизмѣ, и по которымъ ужъ, конечно, міру предстоитъ со временемъ преобразоваться.

— Все это я очень хорошо знаю!..—возразилъ Невѣдомовъ:— но она требованія всѣхъ этихъ правъ женскихъ какъ-то за-

являетъ весьма односторонне,—въ одномъ только правѣ мѣнять свои привязанности.

— А вы думаете, это бездѣлица!—воскликнулъ Павелъ:—скажите, пожалуйста, что бываетъ послѣдствіемъ, если женщина такъ называемаго дворянскаго круга изъ-за-мужа, положимъ, величайшаго негодяя, полюбитъ явно другого человѣка, гораздо болѣе достойнаго,—что, ей простятъ это, не станутъ ее презирать за то?

— Лично я,—отвѣчалъ Невѣдомовъ:—конечно, никогда такой женщины презирать не стану; но все-таки всегда предпочту ту, которая не сдѣлаетъ этого.

— Это почему?

Невѣдомовъ усмѣхнулся.

— Потому что еще покойная Сталь говаривала, что она много знала женщинъ, у которыхъ не было ни одного любовника, но не знала ни одной, у которой былъ бы всего одинъ любовникъ.

— Да что жъ изъ этого? Хоть бы двадцать ихъ было.

— Нѣтъ, этого не слѣдуетъ, — продолжалъ Невѣдомовъ своимъ спокойнымъ тономъ: — вы сами мнѣ какъ-то говорили, что физіологи почти закономъ признаютъ, что если женщина мѣняетъ свои привязанности, то первѣй всего она лишается одного изъ величайшихъ и драгоцѣннѣйшихъ даровъ неба — это способности дѣторожденія!.. Тутъ ужъ сама природа какъ будто бы наказываетъ ее.

— Точно такъ же и мужчину, и мужчину тоже! — подхватилъ Павелъ.

— И для мужчинъ тоже это нехорошо! — проговорилъ съ улыбкою Невѣдомовъ.

— Чѣмъ же нехорошо? Не всѣ жъ такіе постники въ этомъ отношеніи, какъ вы.

— Да я и васъ не замѣчалъ особенно въ этомъ!

— Я — что!.. Нѣтъ!.. Я не очень строгъ ужъ нынче, — произнесъ Павелъ и покраснѣлъ.

Развивая и высказывая такимъ образомъ свою теорію, Вихровъ дошелъ наконецъ до крайностей: онъ всякую женщину, которая вышла замужъ, родитъ дѣтей и любитъ мужа, сталъ презирать и почти ненавидѣть, — и странное дѣло: кузина Мари какъ-то у него была больше всѣхъ въ этомъ случаѣ передъ глазами!

Съ Фатѣевою у Павла шла безпрерывная переписка: она писала ему письма, дышащія страстью и нѣжностью; описывала ему всѣ свои самыя малѣйшія ощущенія, порождаемыя постоянною мыслью о немъ, и ко всему этому прибавляла, что

она больше всего хлопочетъ теперь какъ-нибудь внушить мужу мысль — отпустить ее въ Москву. Павелъ съ неописаннымъ и бѣшенымъ восторгомъ ждалъ этой минуты...

20 декабря было рожденіе Еспера Иваныча. Вихровъ поѣхалъ его поздравить и нарочно выбралъ этотъ день, такъ какъ навѣрное зналъ, что тамъ непремѣнно будетъ Мари, уже возвратившаяся опять изъ Малороссіи съ мужемъ въ Москву. Павлу уже не тяжело было встрѣтиться съ нею: самолюбіе его не было уязвляемо ея равнодушіемъ; его любила теперь другая, гораздо лучшая, чѣмъ она, женщина. Ему, напротивъ, пріятно даже было показать себя Мари и посмотрѣть, какъ она «добродѣтельничаетъ».

У Еспера Иваныча онъ засталъ, какъ и слѣдуетъ у новорожденнаго, въ пріемныхъ комнатахъ нѣкоторый парадъ: встрѣтившій его Иванъ Иванычъ былъ въ бѣломъ галстукѣ и во фракѣ; въ залѣ былъ накрытъ завтракъ; но видно было, что никто ни къ одному блюду и не прикасался. Тутъ же Павелъ увидѣлъ и Анну Гавриловну; но она до того постарѣла, что ее узнать почти было невозможно!

— Гдѣ же я увижу новорожденнаго? — спросилъ онъ ее.

— Нашъ новорожденный едва дышитъ, — отвѣчала Анна Гавриловна почти спокойнымъ голосомъ: она ко всему ужъ, видно, была готова.

— Можно его однако видѣть?

— Пожалуйте!

И она привела Павла въ спальную Еспера Иваныча, окна которой были закрыты спущенными зелеными шторами, такъ что въ комнатѣ царствовалъ полумракъ. На одномъ креслѣ Павелъ увидѣлъ сидящую Мари въ нарадномъ платьѣ, пріѣхавшую, какъ видно, поздравить новорожденнаго. Она похудѣла очень и, замѣтно, была страшно утомлена. Есперъ Иванычъ лежалъ, вытянувшись, вверхъ лицомъ на постели; глаза его какъ-то безсмысленно блуждали по сторонамъ; самое лицо было налившееся, широкое и еще болѣе покосившееся.

Для дня рожденія своего, онъ былъ одѣтъ въ чистый колпакъ и совершенно новенькій холстинковый халатъ; ноги его, тоже обутыя въ новые красные сафьяновые сапоги, стояли необыкновенно прямо, какъ стоятъ они у покойниковъ въ гробу, но больше всего кидался въ глаза — надъ всѣмъ тѣломъ выдавшійся животъ; видно было, что бѣдный больной желудкомъ только и жилъ теперь, а остальное все было у него парализовано. Павла врядъ ли онъ даже и узналъ. Онъ только взглянулъ на него ненадолго, а потомъ и отвелъ отъ него въ сторону свои глаза.

— Съ нимъ, вѣроятно, ударъ повторился? — спросилъ Павелъ у Мари, садясь около нея.

— Это ужъ, кажется, десятый, — отвѣчала она и вздохнула.— Какъ мы однако съ тобою давно не видались, — прибавила она.

— Да, давно, — отвѣчалъ ей равнодушно Павелъ и продолжалъ смотрѣть на больного.

Въ это время въ комнату вошелъ очень осторожными шагами маленькій, толстенькій и довольно еще благообразный собой артиллерійскій полковникъ.

— Это мужъ мой!.. Вы, кажется, еще и не знакомы, — сказала Мари Павлу.

— Я заѣзжалъ къ вамъ, — отнесся къ нему и самъ полковникъ, видимо, стараясь говорить тише: — но не засталъ васъ дома; а потомъ мы уѣхали въ Малороссію... Вы же, вѣроятно, все ваше время посвящаете занятіямъ.

На все это Павелъ отвѣтилъ полковнику только пожатіемъ руки и небольшою улыбкою.

— Ну, такъ я, ангелъ мой, поѣду домой, — сказалъ полковникъ тѣмъ же тихимъ голосомъ женѣ. — Вообразите, какое положеніе, — обратился онъ снова къ Павлу, уже почти шопотомъ: — дяденька, вы изволите видѣть, каковъ; наверху княгиня тоже больна, съ постели не поднимается; наконецъ у насъ у самихъ ребенокъ въ кори; такъ что мы цѣлый день — то я дома, а Мари здѣсь, то я здѣсь, а Мари дома... Она сама-то измучилась; за нее опасаюсь: на что она похожа стала...

— Обо мнѣ, пожалуйста, не безпокойся: мнѣ положительно ничего не будетъ, — подхватила Мари, видимо желавшая успокоить мужа.

— Ну-съ, такъ до свиданья! — сказалъ полковникъ и нѣжно поцѣловалъ у жены руку. — До скораго свиданья! — прибавилъ онъ Павлу и, очень дружески пожавъ ему руку, вышелъ тою же осторожною походкой.

Вся эта нѣсколько нѣжная сцена между мужемъ и женою показалась Павлу противною.

— Батюшка, не пора ли вамъ принять лѣкарство? — сказала затѣмъ Мари, подходя и наклоняясь къ больному, какъ бы для того, чтобы онъ лучше ее слышалъ.

Есперъ Иванычъ смотрѣлъ на нее, но ничего не говорилъ.

— Пора вамъ, родной, принять! — повторила Мари и, взявъ со стола микстуру, налила ее на ложку, осторожно поднесла къ больному и вылила ему въ ротъ.

Онъ началъ какъ бы смаковать выпитое лѣкарство губами и ртомъ. Стоявшая тутъ же въ комнатѣ, у ногъ больного,

Анна Гавриловна ничѣмъ уже и не помогала Марьѣ Николаевнѣ и только какими-то окаменѣлыми глазами смотрѣла на своего друга. Любящее сердце говорило ей, что для него теперь все безполезно. Съ этой, какъ бы омертвившей все ея существо, тоской и съ своей наклоненной нѣсколько внизъ головой, она показалась Павлу восхитительною и великолѣпною; а Мари, въ своемъ шелковомъ платьѣ и въ нарукавникахъ, подающая отцу лѣкарство, напротивъ того, возмущала и бѣсила Павла. Къ Аннѣ Гавриловнѣ вскорѣ подошелъ на цыпочкахъ Иванъ Иванычъ и сказалъ:

— Священники васъ спрашиваютъ.

Та вышла, но вскорѣ воротилась.

— Причастить его надо, — сказала она почти суровымъ голосомъ Марьѣ Николаевнѣ, показывая на больного.

— Да, — подтвердила та.

— Вы выйдите, батюшка, — обратилась Анна Гавриловна къ Павлу.

— Войдите! — прибавила она священникамъ, которые вошли и начали облачаться.

Вихровъ и Мари вышли въ залу.

Вскорѣ раздалось довольно нестройное пѣніе священниковъ. Павла точно ножомъ кольнуло въ сердце. Онъ взглянулъ на Мари: она стояла съ полными слезъ глазами, но ему и это показалось притворствомъ съ ея стороны.

— Люди все, кажется, выдумали, чтобы терзать человѣка передъ смертью, — проговорилъ онъ вслухъ.

Мари посмотрѣла на него, еще не понимая — что такое онъ говоритъ.

— Умираетъ человѣкъ: кажется, серьезное и великое дѣло совершается... вдругъ приведутъ къ нему разныхъ господъ, которые кричатъ и козлогласуютъ около него, — проговорилъ онъ.

— Какихъ господъ? — спросила Мари, уставивъ на него уже окончательно удивленные глаза.

— Такихъ, — отвѣчалъ Павелъ и не кончилъ своей мысли.

Мари покачала головой.

Павелъ началъ кусать съ досады губы.

Вскорѣ священники снова запѣли.

— Нѣтъ, кузина, я рѣшительно не въ состояніи этого слышать! — воскликнулъ онъ. — Дядя, вѣроятно, не замѣтитъ, что я уйду. До свиданья! — проговорилъ онъ, протягивая ей руку.

— Что, тебя опять года два мы не увидимъ?.. — сказала она ему.

— Можетъ-быть, — отвѣчалъ Павелъ и поторопился проворнѣе уйти, чтобы не встрѣтиться съ Анной Гавриловной.

У него было очень скверно на душѣ: онъ какъ-то сознавалъ въ своей совѣсти, что онъ что-то такое думалъ и дѣлалъ нехорошо.

«Охъ, ужъ эти мнѣ нравственные люди!.. А посмотришь, такъ вся ихъ жизнь есть не что иное, какъ удовлетвореніе потребностямъ тѣла и лицемѣрное исполненіе разныхъ обрядовъ и обычаевъ»,—думалъ онъ, и ему вдругъ нестерпимо захотѣлось пересоздать людскія общества, сдѣлать жизнь людей искренней, пріятней, разумней. Но какъ — онъ и самъ не могъ придумать, и наконецъ въ головѣ его поднялась такая кутерьма: мысль за мыслью переходила, ощущеніе за ощущеніемъ, и все это связи даже никакой логической не имѣло между собою: а на сердцѣ попрежнему оставалось какое-то непріятное и тяжелое чувство.

Въ такого рода размышленіяхъ Павелъ, самъ того не замѣчая, дошелъ съ Дмитровки на Тверскую и, порядкомъ уставъ, запыхавшись подошелъ къ своему номеру, но когда отворилъ дверь, то пораженъ былъ: у него передъ письменнымъ столомъ сидѣла, глубоко задумавшись, m-me Фатѣева въ дорожномъ платьѣ. При его приходѣ она вздрогнула и обернулась.

— Боже мой! Вы ли это? — говорилъ Павелъ, подходя къ ней.

— Ахъ, это вы? — произнесла она съ своей стороны голосомъ, въ которомъ были какъ бы слышны рыданія: — вы были у Мари? — прибавила она.

— Я былъ у дяди. Его сейчасъ пріобщаютъ; онъ, вѣроятно, сегодня или завтра умретъ. Но какъ же это вы здѣсь? Я не вѣрю еще все глазамъ моимъ, — говорилъ Павелъ. Онъ нѣсколько даже и поиспугался такого нечаяннаго появленія m-me Фатѣевой.

— Пріѣхала вотъ, сдѣлала эту глупость!.. — сказала она.

Павелъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Я скакала къ нему, какъ сумасшедшая; а онъ сидитъ все у своей Мари, — прибавила она и вслѣдъ затѣмъ, истерически зарыдавъ, начала ходить по комнатѣ.

Павелъ обмеръ.

— Другъ мой, помилуй, я всего у нихъ въ первый разъ, и даже сегодня разбранился съ Мари окончательно.

— Я не хотѣла, чтобы вы вовсе съ ней видались, понимаете!.. Вы мнѣ сказали, что совсѣмъ не видаетесь съ ней. Кого-нибудь одну любить: ее или меня!..

— Я не ее и видѣть ѣздилъ, а дядю, котораго рожденье сегодня.

— Развѣ сегодня его рожденье? — протянула m-me Фатѣева нѣсколько уже болѣе спокойнымъ голосомъ.

— Сегодня, 20 декабря.

— Вы не должны никогда болѣе встрѣчаться съ этой противной Мари!.. Ну, подите сюда, я васъ поцѣлую.

Павелъ съ восторгомъ подошелъ къ ней. Она его начала страстно цѣловать.

— Другъ мой, я тебя безумно, до сумасшествія люблю, — шептала она ему.

— Ангелъ мой, я самъ не меньше тебя люблю, — говорилъ Павелъ, тоже обнимая и крѣпко цѣлуя ее: — но кто же тебѣ разсказалъ, гдѣ я?

— Твой человѣкъ, Иванъ; я его нарочно обо всемъ разспросила, — я вѣдь очень ревнива!

— Богъ съ тобой, ревнуй меня, сколько хочешь: я передъ тобой чистъ, какъ селице; но скажи, какъ ты мужа убѣдила отпустить тебя сюда?

— Ничего я его не убѣдила... Онъ послѣднее время такъ сталъ пить, что съ нимъ разговаривать даже ни о чемъ невозможно было, — я взяла да и уѣхала!..

— И прекрасно сдѣлала; но гдѣ ты остановилась?

— Недалеко тутъ. Въ «Парижѣ», въ гостинницѣ.

— Переѣзжай лучше сюда въ номера. Здѣсь есть свободныя комнаты.

— Очень рада, — отвѣчала Фатѣева.

— Я тебѣ сейчасъ это устрою, — сказалъ Павелъ и, не откладывая времени, пошелъ къ m-me Гартунгъ.

— Давайте-ка мнѣ, мадамъ, номеръ самый лучшій,—сказалъ онъ какимъ-то необыкновенно радостнымъ голосомъ: — ко мнѣ пріѣхала сестра.

— Ну, ужъ знаю я: сестра! — возразила, погрозивъ ему пальцемъ, m-me Гартунгъ.

— Увѣряю васъ—сестра! — повторилъ Павелъ.

— Смотрите, и вы также измѣните и бросите, какъ Саловъ, — сказала m-me Гартунгъ уже серьезно.

— Ну, ужъ я не измѣню, — отвѣчалъ ей Павелъ.

— Да, не измѣните!—произнесла она недовѣрчиво и пошла велѣть приготовить свободный номеръ: а Павелъ отправилъ Ивана въ гостиницу «Парижъ», чтобы тотъ съ горничной Фатѣевой привезъ ея вещи. Тѣ очень скоро исполнили это. Иванъ, увидавъ, что горничная m-me Фатѣевой была нестарая и недурная собой, не преминулъ сейчасъ же начать съ нею разговаривать и любезничать.

— Что это ваша барыня къ нашему барину, что ли, пріѣхала? — спрашивалъ онъ ее, осклабляясь.

— Надо-быть. Она ужъ не къ первому пріѣзжаетъ такъ, — отвѣчала та.

— А вы къ кому пріѣхали? — спросилъ ее Иванъ.

— Къ чорту Иванычу Веревкину,—отвѣчала горничная бойко.

— Знаемъ, хоть и не видывали.

— Да вы не прижимайте такъ ужъ очень, — говорила горничная, когда Иванъ, внося съ нею чемоданъ, совсѣмъ и врядъ ли не нарочно прижалъ ее къ стѣнѣ.

— Толста, вытерпите, — отвѣчалъ онъ ей на это.

— Толста, да не про васъ! — возразила горничная.

Когда они сказали Павлу (опять уже сидѣвшему у себя въ номерѣ съ Фатѣевой), что вещи всѣ внесены, онъ пошелъ, самъ ихъ всѣ своими руками разставилъ и предложилъ своей названной сестрицѣ перейти въ ея новое жилище.

— Но и вы со мной ступайте!.. Я не хочу одна безъ васъ быть! — сказала та.

— И я пойду съ тобой, сокровище мое!—говорилъ Павелъ и, обнявъ Фатѣеву, крѣпко поцѣловалъ ее.

Восторгу его въ настоящія минуты предѣловъ не было.

XIII.

Погубленная птичка.

Черезъ нѣсколько дней Павломъ получено было съ траурной каемкой извѣщеніе, что Марья Николаевна и Евгеній Петровичъ Эйсмонды съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаютъ о кончинѣ Еспера Ивановича Имплева и просятъ родныхъ и знакомыхъ и проч. А внизу рукой Мари было написано: «надѣюсь, что ты пріѣдешь отдать послѣдній долгъ человѣку, столь любившему тебя». Павелъ, разумѣется, сейчасъ было-собрался ѣхать; но прежде зашелъ сказать о томъ Клеопатрѣ Петровнѣ и показалъ даже ей извѣщеніе.

— И погребальнаго билета не могла прислать безъ своей приписки,—проговорила она съ непріятною усмѣшкой.

— Да, но я все-таки долженъ ѣхать,—проговорилъ Павелъ, замѣтивъ недовольное выраженіе ея лица.

— Это ваше дѣло,—отвѣчала Фатѣева, пожавъ плечами.

— Но какъ же мое дѣло, другъ мой! Я тебя спрашиваю: хочешь ты, чтобъ я ѣхалъ, или нѣтъ?

— Я, разумѣется, не желаю, чтобъ ты ѣхалъ, — проговорила она.

— Ну, я и не поѣду,—сказалъ Павелъ и, кинувъ фуражку на столъ, сталъ снимать перчатки.

Ему такой деспотизмъ Фатѣевой ужъ и не понравился.

Вы уже потому не должны туда ѣхать. — продолжала она:—что тамъ, какъ вы сами мнѣ говорили, меня ужасно бранятъ.

— Кто же бранитъ? Одна глупая Анна Гавриловна.

— А ваша умная Мари, конечно, не бранитъ, — проговорила Фатѣева и, кажется, употребила надъ собою усиліе, чтобы окончательно не вспылить.

Случившееся вскорѣ затѣмъ довольно трагическое происшествіе въ номерахъ снова подало поводъ къ размолвкѣ между моими любовниками.

Однажды ночью Вихровъ уже засыпалъ, какъ вдругъ услыхалъ легонькій ударъ въ дверь своего номера. Онъ прислушался; ударъ снова повторился.

Кто тамъ?—окрикнулъ онъ наконецъ.

Это я,—отвѣчалъ женскій голосъ.

Кто вы?

Я, Анна Ивановна!—сказалъ женскій голосокъ:—пустите меня войти къ вамъ.

Вихровъ поспѣшилъ встать, зажечь свѣчу, надѣть на себя платье и отпереть дверь. На порогѣ номера онъ увидѣлъ Анну Ивановну, всю дрожащую и со слезами на глазахъ.

— Войдите, Бога ради... Что такое съ вами?

Анна Ивановна вошла и въ волненіи сейчасъ же опустилась на стулъ.

— Дайте мнѣ воды; меня душитъ вотъ тутъ!.. — проговорила она, показывая на горло.

Вихровъ подалъ ей воды.

— Сходите и спросите Каролину Карловну, пуститъ ли она жить меня къ себѣ въ номера?—сказала она.

— Разумѣется, пуститъ; номеръ есть свободный, и спрашивать ее объ этомъ нечего,—отвѣчалъ Вихровъ.

— Нѣтъ, сходите, говорятъ вамъ!.. Можетъ-быть, она и не пуститъ!—проговорила какимъ-то капризнымъ голосомъ Анна Ивановна.

Вихровъ почти безсознательно повиновался ей и пошелъ будить Каролину Карловну.

Къ почтенной хозяйкѣ всѣ почти ея постояльцы безъ всякой церемоніи входили днемъ и ночью. Павелъ прямо подошелъ къ ея постели и сталъ будить ее.

— Каролина Карловна, а Каролина Карловна!—говорилъ онъ и даже взялъ и потрясъ ее за плечо.

— А, что?—откликнулась она, а потомъ, узнавъ Вихрова,

она произнесла:—подите, Вихровъ, что за глупости?.. Зачѣмъ вы пришли?

— Я пришелъ къ вамъ отъ Анны Ивановны, которая пришла ко мнѣ и просить васъ, чтобы вы дали ей номеръ.

При этихъ словахъ почтенная хозяйка приподнялась уже на своей кровати.

— Какъ, пришла ужъ, пришла?—произнесла она какъ бы нѣсколько довольнымъ и насмѣшливымъ голосомъ:—недолго же ее держали!

Вихровъ думалъ, что это она говоритъ, что Анну Ивановну на урокѣ недолго продержали.

— Но что же дѣлать,—произнесъ онъ:—дайте ей, по крайней мѣрѣ, номеръ поскорѣе; она сидитъ у меня въ комнатѣ вся въ слезахъ и разстроенная.

— А я говорила ей... говорила,—произнесла Каролина Карловна, сидя на своей постели:—она скрыла тогда отъ меня; ну, теперь и поплатилась.

— Что такое скрыла, поплатилась? Ничего я васъ не понимаю: комнату ей, говорятъ вамъ, дайте скорѣе!

— Да комнатъ много, пусть хоть рядомъ съ вами займетъ,—отвѣчала хозяйка:—хоть и не слѣдовало бы, не стоитъ она того.

Вихровъ опять подумалъ, что Каролина Карловна за что-нибудь разссорилась съ Анной Ивановной передъ отъѣздомъ той на урокъ и теперь это припоминаетъ, не придалъ большого значенія ея словамъ, а поспѣшилъ взять со стѣны указанный ему хозяйкой ключъ отъ номера и проворно ушелъ. Номеръ оказался совершенно неприбраннымъ, и, чтобы привести его хоть сколько-нибудь въ порядокъ, Вихровъ разбудилъ горничную Фатѣевой, а потомъ перевелъ въ него и Анну Ивановну, все еще продолжавшую плакать. Она была въ домашней блузѣ, волосы у нея едва были заколоты назади, руки покраснѣли отъ холода, а на ногахъ—спальныя туфли; но при всемъ томъ она была хорошенькая собой.

— Что, мнѣ оставить васъ?—спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ, Вихровъ, посидите,—произнесла она, протягивая ему руку:—мнѣ надобно вамъ многое разсказать.

Вихровъ сѣлъ около нея. Его самого снѣдало любопытство узнать, что такое съ ней произошло.

— Откуда вы это появились и на какомъ урокѣ вы жили?—спросилъ онъ.

— Я не на урокѣ жила,—отвѣчала Анна Ивановна отчаяннымъ голосомъ.

— Но гдѣ же?—спросилъ ее Вихровъ уже тихо.

— У Салова,—отвѣчала Анна Ивановна тоже тихо.

— Какъ у Салова? —воскликнулъ Вихровъ; онъ отшатнулся даже при этомъ отъ Анны Ивановны.

— У Салова,—отвѣчала она, нахмуривая свое хорошенькое личико.

— Развѣ вы любили не Невѣдомова?—спросилъ Вихровъ.

— Нѣтъ, Салова — на горе мое! — произнесла Анна Ивановна.

— Какъ же вамъ не стыдно было предпочесть того этому?

— Такъ ужъ случилось; чортъ, видно, попуталъ,—произнесла Анна Ивановна и развела ручками:—тотъ грустный такой былъ, да наставленья мнѣ все давалъ; а этотъ все смѣшилъ... вотъ и досмѣшилъ теперь... хорошо сдѣлалъ!

— Но что же такое онъ съ вами сдѣлалъ?

— Сдѣлалъ то, что...—И Анна Ивановна остановилась при этомъ на нѣсколько мгновеній, какъ бы затѣмъ, чтобы собраться съ силами.—То мѣсто, на которое я поступила, онъ мнѣ досталъ и часто у насъ бывалъ въ домѣ; потомъ сталъ свататься ко мнѣ,—формально, увѣряю васъ! Я сколько разъ ему говорила: «вздоръ, говорю, не женитесь на мнѣ, потому что я бѣдна!». Онъ образъ снялъ, началъ клясться, что непремѣнно женится; такъ что мы послѣ того совершенно, какъ женихъ и невѣста, стали съ нимъ цѣлые дни ѣздить по магазинамъ, и онъ закупалъ мнѣ приданое. Въ домѣ между тѣмъ стали говорить, чтобы я занималась или дѣтьми, или своимъ женихомъ; тогда онъ перевезъ меня къ себѣ на квартиру.

— Но какъ же вы переѣхали къ нему?

— Отчего же не переѣхать?—возразила наивно Анна Ивановна:—я была съ нимъ почти обручена. Потомъ онъ меня у себя началъ отъ всѣхъ прятать, никому не показывать, даже держать меня въ запертой комнатѣ, и только по ночамъ катался со мной по Москвѣ. Я стала на это жаловаться: мнѣ очень скучно было сидѣть по цѣлымъ днямъ взаперти. «Что же, говорю, ты, значитъ, меня не любишь, если не женишься на мнѣ и держишь меня, какъ мышь какую,—въ мышеловкѣ?» А онъ мнѣ, знаете, на эту Бэлу — черкешенку въ романѣ Лермонтова—начнетъ указывать: «развѣ Печоринъ, говоритъ, не любилъ ея?.. а тоже держалъ взаперти!» И когда я очень ужъ расплачусь—«дикарочка, дикарочка!»—начнетъ меня звать, привезетъ мнѣ конфетъ, и я расхохочусь. Но еще хорошо, что нянька у него отличнѣйшая женщина была, еще за маленькимъ за нимъ ходила!.. Онъ взялъ ее къ себѣ, какъ меня перевезъ. «Матушка-барышня,—говоритъ она мнѣ потихоньку:—что вы тутъ живете: нашъ баринъ на другой хочетъ жениться;

у него ужо вечеромъ въ гостяхъ будетъ невѣста съ матерью, чтобъ посмотрѣть, какъ онъ живетъ». И вообразите: я тутъ сижу у него запертая, а другая невѣста у него на вечерѣ. Слышу—шампанское пьютъ, веселятся; это меня взорвало; я что есть силы стала стучаться въ запертую дверь свою, такъ что онъ даже прибѣжалъ. «Не хочу, говорю, ни минуты тутъ оставаться!»,—надѣла свой салопъ и побѣжала сюда.

Вихровъ слушалъ Анну Ивановну, сильно удивленный всѣмъ этимъ разсказомъ ея.

— И что же, вы вполнѣ ужъ ему принадлежали?—спросилъ онъ ее негромко.

— Разумѣется, вполнѣ,—отвѣчала съ какимъ-то милымъ гнѣвомъ Анна Ивановна:—и потому—что я теперь такое!.. совершенно погибшая женщина,—прибавила она и развела ручками.

— Богъ съ вами,—успокаивалъ ее Павелъ:—мало ли обманутыхъ дѣвушекъ... не всѣ же онѣ погибаютъ...

— Меня то теперь, Вихровъ, больше всего безпокоитъ,—продолжала Анна Ивановна:—что Невѣдомовъ очень разсердился на меня и презираетъ меня!.. Онъ, должно-быть, въ то время, какъ я жила въ гувернанткахъ, подсматривалъ за мною и зналъ все, что я дѣлаю, потому что, когда у Салова мнѣ начинало дѣлаться нехорошо, я писала къ Невѣдомову потихоньку письмецо и просила его возвратить мнѣ его дружбу и уваженіе, но онъ мнѣ даже и не отвѣчалъ ничего на это письмо... Такъ что, когда я сегодня выбѣжала отъ Салова, думаю: «что жъ, я одна теперь осталась на свѣтѣ», и хотѣлабыло утопиться и подобѣжала-было ужъ къ Москвѣ-рѣкѣ; но мнѣ вдругъ страшно-страшно сдѣлалось, такъ что я воротилась поскорѣе назадъ и пришла вотъ сюда... Сходите, душенька, къ Невѣдомову и попросите его, чтобы онъ пришелъ ко мнѣ и простилъ меня!..—заключила Анна Ивановна и протянула опять Вихрову руку.

Въ продолженіе всего этого разговора горничная Фатѣевой безпрестанно входила въ номеръ, внося разныя вещи.

— Какое же теперь? Онъ, вѣроятно, спать легъ,—возразилъ Вихровъ.

— Ахъ, нѣтъ, я знаю, что теперь онъ всѣ ночи не спитъ,—перебила Анна Ивановна съ прежнею наивностью.

Павелъ думалъ.

— Сходите, пожалуйста; приведите его ко мнѣ,—упрашивала Анна Ивановна.

Вихровъ пошелъ.

Его самого интересовало посмотрѣть, что съ Невѣдомовымъ

происходить. Онъ засталъ того въ самомъ дѣлѣ не спящимъ, но сидящимъ на своемъ диванѣ и читающимъ книгу. Вихровъ, занятый послѣднее время все своей Клеопатрой Петровной, недѣли съ двѣ не видалъ пріятеля и теперь замѣтилъ, что тотъ ужасно перемѣнился: похудѣлъ и побѣднѣлъ.

— А я къ вамъ съ порученіемъ,—началъ онъ прямо.

— Съ какимъ?—спросилъ Невѣдомовъ.

— Анна Ивановна проситъ васъ прійти къ ней.

Невѣдомовъ съ удивленіемъ и почти съ испугомъ взглянулъ на Вихрова.

— Какъ Анна Ивановна?.. Развѣ она здѣсь? — проговорилъ онъ.

— Здѣсь, пріѣхала сюда и желаетъ васъ видѣть.

Невѣдомовъ нѣсколько времени, кажется, былъ въ страшной борьбѣ съ самимъ собою.

— Зачѣмъ же ей нужно видѣть меня?..—полуспросилъ, полусказалъ онъ.

— Затѣмъ, чтобы испросить у васъ прощенія и уваженія себѣ.

Невѣдомовъ грустно усмѣхнулся.

— Я не имѣю права ни прощать ни не прощать ее,—сказалъ онъ.

— Послушайте, Невѣдомовъ,—началъ Вихровъ съ нѣкоторымъ уже сердцемъ:—намъ съ вами секретничать нечего: мы не дипломаты, пришедшіе другъ друга обманывать. Будемте говорить прямо: вы любите эту дѣвушку; но она, какъ видно изъ ея словъ, предпочла вамъ Салова.

— Что жъ и теперь ей мѣшаетъ любить Салова?—перебилъ его вдругъ Невѣдомовъ.

— То, что этотъ негодяй обманулъ ее и насмѣялся надъ ней самымъ оскорбительнымъ образомъ.—подхватилъ Вихровъ.

Невѣдомовъ перевелъ при этомъ нѣсколько разъ свое дыханіе, какъ будто бы ему тяжело и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадно было это слышать.

— И теперь она,—продолжалъ Вихровъ:—всей душой хочетъ обратиться къ вамъ; она писала ужъ вамъ объ этомъ, но вы даже не отвѣтили ей ничего на это письмо.

— Что жъ мнѣ было отвѣчать ей?— сказалъ Невѣдомовъ.

— А то, что вы прощаете ее,—потому что она безъ этого прощенья жить не можетъ, и сейчасъ наложила-было на себя руки и хотѣла утопиться.

— Какъ утопиться?—проговорилъ Невѣдомовъ, и испугъ противъ воли отразился на его лицѣ.

— Такъ, утопилась-было, и теперь снова посылаетъ меня къ

вамъ молить васъ—возвратить ей вашу любовь и ваше уваженіе.

Невѣдомовъ всталъ и большими шагами началъ ходить по комнатѣ.

— Вы, Невѣдомовъ, — убѣждалъ его Вихровъ:— человѣкъ добрый, высоконравственный; вы христіанинъ, а не фарисей; простите эту простодушную грѣшницу...

— Нѣтъ, не могу!—сказалъ Невѣдомовъ, снова садясь на диванъ и закрывая себѣ лицо руками.

— Невѣдомовъ!—воскликнулъ Павелъ:—это наконецъ жестокосердно и безчеловѣчно.

— Можетъ-быть,—произнесъ Невѣдомовъ, закидывая голову назадъ:—но я больше ужъ никогда не могу возвратиться къ прежнему чувству къ ней.

— Погодите, постойте!—перебилъ его Павелъ:—будемъ говорить еще откровеннѣе: съ этою госпожою, моею землячкою, которая пріѣхала сюда въ номера... вы, конечно, догадываетесь, въ какихъ я отношеніяхъ: я ее безумно люблю, а между тѣмъ она, зная меня и бывши въ совершенномъ возрастѣ, любила другого.

— Это—ваше дѣло,—произнесъ Невѣдомовъ, слегка улыбаясь.

— Но какъ же вы не хотите,—горячился Павелъ:—простить молоденькое существо, которое обмануто негодяемъ.

— Не столько не хочу, сколько не могу—по всему складу души моей,—произнесъ Невѣдомовъ и сталъ растирать себѣ грудь рукою.

— И это ваше послѣднее слово, что вы не прощаете ея?—воскликнулъ Павелъ.

— Послѣднее,—отвѣчалъ глухо Невѣдомовъ.

— Щепетильный вы нравственникъ и узковзглядый брезгливецъ!—сказалъ Вихровъ и хотѣлъ-было уйти; но на порогѣ остановился и обернулся: онъ увидѣлъ, что Невѣдомовъ упалъ на диванъ и рыдалъ. Павелъ пожалъ плечами и ушелъ отъ него. Аннѣ Ивановнѣ онъ, впрочемъ, сказалъ, что Невѣдомовъ, вѣроятно, ее проститъ, потому что имени ея не можетъ слышать, чтобъ не зарыдать.

Это очень ее успокоило, и она сейчасъ же, какъ ушелъ отъ нея Вихровъ, заснула сномъ младенца.

На другой день поутру Павелъ, по обыкновенію, пришелъ къ m-me Фатѣевой пить чай и нѣсколько даже приготовился поэффектнѣе разсказать ей ночное происшествіе; но онъ увидѣлъ, что Клеопатра Петровна сидѣла за чайнымъ приборомъ съ какимъ-то окаменѣлымъ лицомъ. Свойственное ей

прежнее могильное выраженіе лица такъ и подернуло, точно флеромъ, всѣ черты ея.

— Прежде всего,—сказалъ Павелъ уже съ безпокойствомъ, садясь противъ нея: — скажите мнѣ, отчего вы такъ сегодня нехорошо выглядите?

— Оттого, что я устала; я собираюсь сегодня,—отвѣчала Фатѣева.

— Куда?—спросилъ Павелъ, думая, что дѣло шло о сборахъ куда-нибудь въ Москвѣ.

— Къ матери въ деревню хочу ѣхать,—проговорила Фатѣева, и на глазахъ у нея при этомъ выступили слезы.

— Зачѣмъ же вы ѣдете туда?—воскликнулъ съ удивленіемъ Павелъ.

— Что же мнѣ,—сказала Фатѣева, грустно усмѣхаясь:— присутствовать, какъ вы будете по ночамъ принимать прежнихъ вашихъ возлюбленныхъ...

— Это вамъ, вѣроятно, ваша горничная успѣла разсказать; а сказала ли она вамъ, кто такая эта возлюбленная, и почему я ее принималъ ночью?

— Потому, что подобныя госпожи всегда бѣгаютъ по ночамъ.

— Ну, эта госпожа не такого сорта, а это несчастная жертва, которой, конечно, камень не отказалъ бы въ участіи, и я васъ прошу на будущее время,—продолжалъ Павелъ нѣсколько уже и строгимъ голосомъ:—если вамъ кто-нибудь что-нибудь скажетъ про меня, то прежде, чѣмъ самой страдать и меня обвинять, разспросите лучше меня. Угодно ли вамъ теперь знать, въ чемъ было вчера дѣло, или нѣтъ?

— Ты, я думаю, самъ долженъ знать, что обязанъ все мнѣ сказывать,—проговорила Фатѣева.

— Я съ этимъ собственно и пришелъ къ тебѣ. Вчера ночью слышу стукъ въ мою дверь. Я вышелъ и увидалъ одну молоденькую дѣвушку, которая прежде жила въ номерахъ; она вся дрожала, рыдала, просила, чтобъ ей дали убѣжище; я сходилъ и схлопоталъ ей у хозяйки номеръ, куда перевелъ ее, и тамъ она разсказала мнѣ свою печальную исторію.

— Какая же эта печальная исторія?—спросила его насмѣшливо Фатѣева.

— А такая, что одинъ нашъ общій знакомый соблазнилъ и бросилъ ее,—сказалъ Павелъ.

— Почему же она такъ прямо и бросилась къ вамъ?

— Потому, что она меня одного тутъ въ номерахъ и знала, кромѣ еще Невѣдомова, къ которому она итти не рѣшилась, потому что тотъ самъ въ нее былъ влюбленъ.

— Какъ же это—одинъ былъ влюбленъ въ нее, а другой ее соблазнилъ?

— Да, соблазнилъ, потому что прежде она того полюбила, а теперь, понявъ его, возненавидѣла, и молитъ прощенья у того, который ее страстно и безкорыстно любитъ.

— Какъ же вы-то все это знаете?—спросила его опять грустно-насмѣшливо Фатѣева.

— Знаю, потому что она сама мнѣ все разсказала.

— Какая откровенность къ совершенно постороннему мужчинѣ! Вамъ бы, кажется, когда пришла къ вамъ такая несчастная женщина, прійти ко мнѣ и сказать: я бы, какъ женщина, лучше сумѣла ее успокоить.

— Ну, извините, я ужъ этого не догадался,—произнесъ Павелъ.

— Сдѣлай милость, не догадался! — произнесла Фатѣева, покачавъ головой.—Ни одинъ мужчина,—прибавила она съ ударенiемъ:—никогда не показалъ бы женщинѣ такого большого участія безъ того, чтобы она хоть на капельку, хоть немножко да не нравилась ему.

— Ну, это врядъ ли такъ,—возразилъ Вихровъ, но въ душѣ почти согласился съ m-me Фатѣевой, хорошо, какъ видно, знавшей и понимавшей сердце мужчинъ.

— Во всякомъ случаѣ,—продолжала она:—я ни сама не хочу оставаться въ этихъ номерахъ ни васъ здѣсь оставлять съ вашими пріятелями и пріятельницами-дѣвицами. Поѣдемъ сейчасъ и наймемъ себѣ особую квартиру. Я буду будто хозяйка, а ты у меня на хлѣбахъ будешь жить.

— Я очень радъ, это превосходно,—воскликнулъ Павелъ, въ самомъ дѣлѣ восхитившійся этою мыслью. Они сейчасъ же поѣхали и на Петровскомъ бульварѣ отыскали премиленькій флигель, совершенно уединенный и особнякомъ стоящій.

— Вотъ въ этой келейкѣ мы и будемъ жить съ вами, какъ отшельники какіе,—сказала Фатѣева:—и я на шагъ не буду васъ отпускать отъ себя.

— Сдѣлайте милость!—сказалъ Павелъ, смотря съ удовольствіемъ на ея черные глаза, которые такъ и горѣли къ нему страстью.—Только зачѣмъ, другъ мой, всѣ эти мученія, вся эта ревность, для которой нѣтъ никакого повода,—сказалъ онъ, когда они ѣхали домой.

— Потому что мнѣ все кажется, что ты меня мало любишь и что ты любишь еще кого-нибудь другую.

— Но какъ же мнѣ тебя больше любить?

— Это тебѣ надобно знать!—сказала Фатѣева:—я слишкомъ много страдала въ жизни и потому имѣю право не довѣрять людямъ,—прибавила она съ ударенiемъ.

XIV.

Благородныя, но неисполнимыя стремленія.

Трудно вообразить себѣ что-нибудь счастливѣе жизни, которую на первыхъ порахъ стали вести мои влюбленные въ своемъ уединенномъ флигелькѣ на Петровскомъ бульварѣ. Новое помѣщеніе ихъ состояло изъ общей комнаты, изъ которой направо былъ ходъ въ комнату къ Павлу, а налѣво въ спальню къ Клеопатрѣ Петровнѣ. На окнѣ послѣдней комнаты сейчасъ же была повѣшена довольно плотная занавѣска. По утрамъ, когда Павелъ отправлялся въ университетъ, Клеопатра Петровна, провожая его, по крайней мѣрѣ разъ десять поцѣлуетъ; а когда онъ возвращался домой, она его у Большого театра, въ щегольской, отороченной соболемъ шубкѣ, непремѣнно уже встрѣчаетъ.

— А я нарочно вышла посмотрѣть, не заходили ли вы куда-нибудь и прямо ли ко мнѣ спѣшите,—говорила она, грозя ему пальчикомъ.

— Прямо къ тебѣ, мое сокровище!—отвѣчалъ ей Павелъ.

Вечеромъ онъ садился составлять лекціи или читалъ что-нибудь. Клеопатра Петровна помѣщалась противъ него и по цѣлымъ часамъ не спускала съ него глазъ. Такого рода жизнь барина и Ивану, какъ кажется, нравилась; и онъ, съ своей стороны, тоже продолжалъ строить куры горничной Фатѣевой и въ этомъ случаѣ нисколько даже не стѣснялся: онъ громко на всѣ комнаты шутилъ съ нею, толкалъ ее... Павелъ однажды, заставъ его въ этихъ упражненіяхъ, сказалъ ему:

— Что это такое ты дѣлаешь?

— Что жъ такое?—отвѣчалъ ему Иванъ грубоватымъ голосомъ и какъ будто бы желая тѣмъ сказать: «а самъ ты развѣ лучше меня дѣлаешь?»

Видя, что Фатѣева рѣшительно ничѣмъ не занимается и все время только и есть что смотритъ на него, Павелъ вздумалъ поучить ее.

— Ты, ангелъ мой, женщина очень умная,—началъ онъ:— но пишешь ужасно безграмотно, и почеркъ у тебя чрезвычайно дурной, какъ-то невыписавшійся; тебѣ надобно поучиться писать!

— Ахъ, я очень рада,— отвѣчала она, немного сконфузясь:—меня очень дурно маленькую учили.

Чтобы исправить почеркъ и правописаніе, Вихровъ принялся ей диктовать басни Крылова, и m-me Фатѣева старалась какъ можно разборчивѣе и правильнѣе писать; но все-

таки ошибалась: у нея даже буква *г* не очень строго отличалась отъ *х*, и она писала *тхать* вмѣсто *гнать*.

— Прочти, что ты такое написала?—спросилъ ее Павелъ, не могши удержаться отъ смѣха.

— Бѣгать,—прочла Фатѣева.

— Нѣтъ, не бѣгать, а нѣхать,—говорилъ Павелъ.

Клеопатра Петровна улыбнулась.

Ей самой, должно-быть, хотѣлось повыучиться, потому что она въ отсутствіи даже Павла все переписывала басни и вглядывалась въ каждое слово ихъ; но все-таки пользы мало отъ того происходило—можетъ-быть, потому, что въ настоящую минуту умъ и способности ея были обращены совсѣмъ ужъ въ другую сторону... Потерявъ надежду исправить каллиграфію и орографію Клеопатры Петровны, Павелъ рѣшился лучше заняться ея общимъ образованіемъ и прежде всего вознамѣрился подправить ея литературныя понятія, которыя, какъ замѣтилъ онъ, были очень плоховаты. О французскихъ писателяхъ она имѣла еще кой-какія понятія, но и то очень сбивчивыя, и всего болѣе она читала Поль-де-Кока.

— Гдѣ же ты все это прочла?—спрашивалъ ее Павелъ.

— Мужъ мнѣ все это давалъ въ первый годъ, какъ я вышла замужъ,—отвѣчала она.

— «Хорошъ!»—подумалъ Павелъ.

Бальзака, напротивъ, она мало знала, прочла что-то такое изъ него, но и сама не помнила что; изъ русскихъ писателей тоже многаго совершенно не читала и даже Пушкинымъ не особенно восхищалась. Но чѣмъ она поразила Павла,—это тѣмъ, что о существованіи «Иліады» Гомера она даже и не подозрѣвала вовсе.

— А что же писалъ этотъ Иліадъ Гомеръ?—спросила она, перемѣшавъ даже имена.

— Клеопаша, Клеопаша!—воскликнулъ Павелъ:—ты послѣ этого не знаешь, что и древніе греки были!

— Нѣтъ, знаю!—отвѣчала Клеопатра Петровна, но и то какъ-то не совсѣмъ увѣренно.

— Ну, и знаешь—какой они религіи были?

— Они были идолопоклонники.

— Да, но это названіе ужасно глупое; они были политеисты, т.-е. многобожники, тогда какъ евреи, мы, христіане, магометане даже—монотеисты, т.-е. однобожники. Греческая религія была одна изъ прекраснѣйшихъ и плодовитѣйшихъ по вымыслу; у нихъ всѣ страсти, всѣ возвышенныя и всѣ низкія движенія души олицетворялись въ богахъ; вѣдь ты Венеру, богиню красоты, и Амура, бога любви, знаешь?

— Знаю.—отвѣчала съ улыбкою Фатѣева.

— Знаешь, что уродливый Вулканъ былъ немножко ревнивъ; а богини ревности и нѣтъ даже, потому женщины не должны быть ревнивы. Это чувство неприлично имъ.

— Благодарю васъ,—неприлично!.. Что же, и смотрѣть такъ на все сквозь пальцы, слѣпой быть?—возразила Клеопатра Петровна.

— Не слѣпой быть, а, по крайней мѣрѣ, не выдумывать, какъ дѣлаетъ это въ наше время одна прелестнѣйшая изъ женщинъ, но не въ этомъ дѣло: этотъ Гомеръ написалъ сказаніе о знаменитыхъ и достославныхъ мужахъ Греціи, описалъ также и боговъ ихнихъ, которые безпрестанно у него сходятъ съ неба и принимаютъ участіе въ дѣяніяхъ человѣческихъ,—словомъ, боги у него низводятся до людей, но зато и люди, герои его, возводятся до боговъ: и это до такой степени съ одной стороны—простое, а съ другой—возвышенное созданіе, что даже полагали невозможнымъ, чтобы это сочинилъ одинъ человѣкъ, а думали, что это пѣсни цѣлаго народа, сложившіяся въ продолженіе вѣковъ, и что Гомеръ только собралъ ихъ. Даже въ древности это твореніе считали невозможнымъ для одного человѣка, и была поговорка: «музы диктовали, а Гомеръ писалъ!»

— Что же, все это есть по-русски?—спросила Фатѣева.

— Есть!.. Есть отличнѣйшій переводъ Гнѣдича, я тебѣ достану и прочту,—отвѣчалъ Павелъ, и въ самомъ дѣлѣ на другой же день побѣжалъ и досталъ «Иліаду» въ огромномъ форматѣ. Клеопатру Петровну одинъ видъ этой книги испугалъ.

— Какая толстая и тяжелая,—сказала она.

— Сокровище безцѣнное!—говорилъ Вихровъ, съ удовольствіемъ похлопывая по книгѣ.

Вечеромъ они принялись за сіе пріятное чтеніе. Павелъ напрягъ все вниманіе, всю силу языка, чтобы произносить гекзаметръ, и при всемъ томъ нѣкоторые эпитеты не выговаривалъ и отплевывался даже при этомъ, говоря: «фу ты, чортъ возьми!». Фатѣева тоже, какъ ни внимательно старалась слушать, что читалъ ей Павелъ, однако принуждена была признаться:

— Я многаго тутъ не понимаю!..

— Гекзаметръ этотъ, размѣръ стиха для уха непривычный, и высокопарный языкъ, который изобрѣлъ переводчикъ, — объяснилъ ей Вихровъ.

— Что же тутъ собственно описывается? — спросила Фатѣева.

— Описывается, какъ Парисъ, молодой троянскій царе-

вичъ, похитилъ у спартанскаго царя Менелая жену Елену. Греческіе цари разсердились и отправились осаждать Трою, и вотъ десятый годъ этой осады и описанъ въ Иліадѣ.

— Гм! гм!..—произнесла Фатѣева, понявъ уже устный разсказъ Павла.

— То, что я тебѣ читалъ—это описаніе ссоры между греческимъ вождемъ Агамемнономъ и Ахиллесомъ. Ахилла этого ранить было невозможно, потому что мать у него была богиня Оетида, которая, чтобы предохранить его отъ ранъ, окупала его въ рѣчку Стиксъ и сообщила тѣмъ его тѣлу неуязвимость, кромѣ, впрочемъ, пятки, за которую она его держала, когда окунала.

— Ахъ, это очень интересно, — сказала Фатѣева, замѣтно заинтересованная этимъ разсказомъ.

— Этого, впрочемъ, въ «Иліадѣ» нѣтъ, а я разсказываю тебѣ это изъ другого преданія,—поспѣшилъ объяснить ей Павелъ, желая передавать ей самыя точныя свѣдѣнія, и затѣмъ онъ вкратцѣ изложилъ ей содержаніе всей «Иліады».

— Все это очень интересно!—повторила еще разъ Фатѣева.

— Главное, все это высоко-художественно. Всѣ эти образы, начертанные въ «Иліадѣ», по чистотѣ, по спокойствію, по правильности линій — тѣ же статуи греческія, — видно, что они произведеніе одной и той же эстетической фантазіи!.. И неужели, другъ мой, ты ничего этого не знаешь?—спросилъ се въ заключеніе Павелъ.

— Ничего! — отвѣчала совершенно откровенно Фатѣева:— кто же намъ могъ разсказать все это? Съ учителями мы больше перемигивались и записочки имъ передавали; или вотъ насчетъ этихъ статуй ты мнѣ напомнилъ: я училась въ пансіонѣ, и у насъ длинный этакій былъ дортуаръ... насъ въ первый разъ водили посмотрѣть кабинетъ рѣдкостей, гдѣ, между прочимъ, были статуи... только, когда пріѣхали мы домой и легли спать, одна изъ воспитанницъ, шалунья она ужасная была, и говоритъ: «Представимте, mesdames, сами изъ себя статуи!» И взяли, сняли рубашечки съ себя, встали на окна и начали разныя позы принимать... Вдругъ начальница входитъ: «это, говоритъ, что такое?» Одна маленькая воспитанница испугалась и призналась. «Хорошо, — говоритъ начальница:—стойте же такъ всю ночь!»—да до утра насъ безъ бѣлья и продержала на окнахъ, холодъ такой—ужасъ!

— Картина недурная, я думаю, была при этомъ,—замѣтилъ Павелъ.

— Да, были прехорошенькія,—отвѣчала Фатѣева.

— И изъ нихъ же вы, я полагаю, первая были.

— Я недурна была.

— Сего качества вы и нынѣ не лишены.

— Я не знаю,—отвѣчала она кокетливо.

— А я знаю,—проговорилъ онъ и, подойдя къ ней, крѣпко обнялъ и поцѣловалъ ее.

Впечатлѣніемъ ея пріятной наружности онъ, кажется, хотѣлъ заглушить въ себѣ не совсѣмъ пріятное чувство, произведенное въ немъ ея признаніемъ въ ничегонезнаніи.

— Ну-съ, что я вамъ толковалъ сегодня — завтра я васъ спрошу,—сказалъ онъ.

Фатѣева мотнула ему головой въ знакъ согласія. Вихровъ въ самомъ дѣлѣ спросилъ ее:

— Кто былъ Ахиллесъ?

— Греческій вождь,—отвѣчала она.

— А чѣмъ онъ замѣчателенъ?

— Забыла.

Вихровъ ничего на это не сказалъ, но замѣтно, что это немножко его покоробило.

«Что же это такое?» — думалъ онъ, глядя на Клеопатру Петровну, сидящую у своего стола и какъ-то механически заглядывающую въ развернутую передъ ней книгу.—«Посмотрите, — продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собой: — какая цивилизованная и пріятная наружность, какое умное и образованное лицо, какая складная и недурная рѣчь, а между тѣмъ все это не имѣетъ подъ собою никакого содержанія; наконецъ она умна очень (Фатѣева, въ самомъ дѣлѣ, была умная женщина), не суетна и не пуста по характеру, и только невѣжественна до послѣдней степени!..»

Придумывая, чтобы какъ-нибудь все это поправить, Павелъ съ мѣсяцъ еще продолжалъ m-me Фатѣевой разсказывать изъ грамматики, исторіи, географіи; но, замѣчая наконецъ, что Клеопатра Петровна во время этихъ уроковъ предается совершенно инымъ мыслямъ и, вѣроятно, какимъ-нибудь житейскимъ соображеніямъ, онъ сказалъ ей прямо:

— Нѣтъ, душа моя, поздно тебѣ учиться!

— Поздно! — согласилась съ этимъ и сама Клеопатра Петровна.

Вслѣдъ затѣмъ, проводить съ нею все время съ глазу на глазъ Павлу начало дѣлаться и скучновато.

— Я, душа моя, съ пріятелями хочу повидаться,—сказалъ онъ ей однажды:—но такъ какъ ты меня къ нимъ не пустишь, потому что тебѣ скучно будетъ проводить вечеръ одной, то я позову ихъ къ себѣ!

— Пожалуй, позови!—разрѣшила ему Фатѣева.

— Это все народъ умный-съ! Не то, что ваши Постены! — сказалъ Павелъ.

— Очень рада ихъ посмотрѣть,—проговорила m-me Фатѣева.

Вихровъ на другой же день обошелъ всѣхъ своихъ друзей, зашелъ сначала къ Невѣдомову. Тотъ попрежнему былъ грустенъ, и хоть Анна Ивановна все еще жила въ номерахъ, но онъ, какъ самъ признался Павлу, съ нею не видался. Потомъ Вихровъ пригласилъ также и Марьеновскаго, только-что возвратившагося изъ-за границы, и двухъ веселыхъ малыхъ: Нѣтина и Замина. Съ Саловымъ онъ ужъ больше не видался.

Въ день вечера Клеопатра Петровна одѣлась франтоватѣе обыкновеннаго и причесалась какъ-то удивительно къ лицу.

— Вотъ это merci, merci,—говорилъ Павелъ, цѣлуя ее.

Ему хотѣлось и пріятно было погордиться ею передъ пріятелями: существеннаго недостатка ея, состоящаго въ маломъ образованіи, они, вѣроятно, не замѣтятъ, а наружности она была прекрасной; точно такъ же и передъ ней онъ хотѣлъ похвастаться пріятелями, или, по крайней мѣрѣ, умомъ ихъ.

Первый пришелъ Невѣдомовъ, и Фатѣева, увидѣвъ его въ залѣ, сначала было-испугалась.

— Тамъ какой-то шатающійся монахъ зашелъ, — сказала она, войдя къ Павлу.

— Нѣтъ, это Невѣдомовъ,—произнесъ Вихровъ, такъ уже привыкшій къ костюму пріятеля, что забылъ даже объ этомъ предупредить Клеопатру Петровну. — Пожалуйте сюда, Николай Семеновичъ!—закричалъ онъ Невѣдомову.

Тотъ вошелъ къ нимъ въ гостиную.

— М-г Невѣдомовъ, m-me Фатѣева, — сказалъ Павелъ, и Клеопатра Петровна опривѣтствовала Невѣдомова, ужъ какъ слѣдуетъ — гостя, и сѣла затѣмъ въ довольно красивой позѣ; нѣкоторое недоумѣніе, впрочемъ, не сходило еще у ней съ ея лица.

— Мы жили съ вами въ однихъ номерахъ, и я не имѣлъ чести съ вами встрѣчаться,—началъ какъ-то тяжеловато умный Невѣдомовъ.

— Да, я такъ рада, что мы переѣхали сюда, — отвѣчала тоже не совсѣмъ впопадъ m-me Фатѣева.

— А что Марьеновскій?—поспѣшилъ перебить ихъ разговоръ Павелъ.

— Онъ, вѣроятно, сейчасъ придетъ.

— Очень радъ, очень радъ!—повторилъ Вихровъ.

Онъ зналъ, что Марьеновскій своею приличною наружностью больше всѣхъ понравится m-me Фатѣевой.

— А вотъ и онъ, браво!—воскликнулъ Павелъ, услышавъ негромкіе шаги пріятеля.

Вошелъ въ самомъ дѣлѣ Марьеновскій.

— М-me Фатѣева! — сказалъ ему Павелъ, показывая на Клеопатру Петровну.

На этотъ разъ Марьеновскій ужъ былъ очень удивленъ: его никто не предупредилъ, что онъ встрѣтитъ у Вихрова женщину... и кто она была—родственница, или... но, впрочемъ, онъ вѣжливо поклонился ей.

Вскорѣ затѣмъ раздались крики толстаго Замина.

— Нашли, нашли, знаемъ теперь!—кричалъ онъ, вѣроятно, дворнику, показывавшему ему ходъ.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте!—говорилъ онъ, войдя въ гостиную и тряся всѣмъ руку.

— Здравствуйте, здравствуйте! — повторялъ за нимъ и Пѣтинъ.

Павелъ едва успѣлъ ихъ отрекомендовать Фатѣевой.

— Здравствуйте, здравствуйте!—сказалъ Заминъ, и ей потрясая руку.

— Здравствуйте!—сказалъ ей и тоненькій Пѣтинъ и склонилъ только одну голову, не двигаясь при этомъ остальнымъ тѣломъ.

— How do you do? — спросилъ его Павелъ по-англійски.

— Yes, — отвѣчалъ своимъ чисто-англійскимъ тономъ Пѣтинъ.

— Это онъ англичанина представляетъ! — пояснилъ Павелъ Фатѣевой.

Та улыбнулась.

Всѣ усѣлись.

— Какая, братъ, на-дняхъ штука въ сенатѣ вышла,—началъ Заминъ первый разговаривать:—Болховъ городъ... озеро тамъ, братъ, будетъ въ длину верстъ двадцать... ну, а на нагорной-то сторонѣ у него—монастырь Болоховской... Селенья-то, слышь, кругомъ всего озера идутъ... тысячъ около десяти душъ, понимаешь! Все это прежде монастырское было, къ монастырю было приписано; какъ наша матушка Екатерина-то воцарилась — и отняла все у монастыря; а монастырь однакожъ озеро-то удержалъ за собой: тысячъ пять онъ собиралъ каждый годъ за позволенье крестьянамъ ловить въ озерѣ рыбу. Какъ государственныя имущества устроились, озеро опять къ мужикамъ и оттягали: «въ чьихъ, говорятъ, земляхъ воды замежеваны. тѣмъ онѣ и принадлежатъ», — слышь!.. Монахи-то—хлопотать, хлопотать, — въ сенатъ бумагу подали: «чѣмъ же, говорятъ, монастырю безъ рыбы питаться?» А мужички-

то сейчасъ къ одному чиновничку — и денегъ дали: «устрой дѣло!». Онъ тамъ и написалъ бумагу — и разрѣшили ловить рыбу монахамъ по всему озеру... а между словами-то и оставилъ мѣстечко: какъ бумагу-то подписали сенаторы, онъ и вписалъ: разрѣшено монастырю ловить рыбу *на удочку;* такъ, братецъ, и лови теперь монахи на удочку, а мужики-то невѣдомъ потаскиваютъ!

— Какой смѣлый и знаменательный поступокъ Екатерины отнятіе крестьянъ у монастырей!—сказалъ Марьеновскій, обращаясь болѣе къ Невѣдомову.

— Жаль, что она и у дворянъ не сдѣлала того же самаго,— отвѣчалъ тотъ.

— «Дворянство — слава моего государства», — говаривала она, — произнесъ съ улыбкой Марьеновскій. — Не знаю, въ какой мѣрѣ это справедливо,—продолжалъ онъ:—но нынѣшнему государю приписываютъ мысль и желаніе почеркнуть крѣпостное право.

— Кто же ему мѣшаетъ это?..—воскликнулъ Павелъ.

— Не рѣшается, видно!.. Впрочемъ, инвентари въ юго-западныхъ губерніяхъ сдѣлали нѣкоторымъ образомъ шагъ къ тому!—присовокупилъ Марьеновскій; но присовокупилъ совершенно тихимъ голосомъ, видя, что горничная и Иванъ проходятъ часто по комнатѣ.

— Что же тогда съ нами, помѣщиками, будетъ?—спросила Фатѣева.

Марьеновскій пожалъ плечами.

— Вѣроятно, помѣщиковъ вознаградятъ чѣмъ-нибудь!.. — проговорилъ онъ.

— Что ихъ вознаграждать-то!.. — воскликнулъ Замина: — будетъ ужъ имъ, поміроѣдствовали. Мужики-то вонъ и въ казну подати подай, и дороги почини, и въ рекруты ступай. Что баря-то, али купцы и попы?.. святые, что ли? Мужички то же говорятъ: «страшный судъ написанъ, а ни одного барина въ рай не ведутъ, все простой народъ идетъ съ бородами».

— Въ Пруссіи удивительно какъ спокойно рушилось это право,—сказалъ Марьеновскій.—Вы знаете, что король, во все продолженіе разрѣшенія этого вопроса, со всѣмъ дворомъ проживалъ только по 50-ти тысячъ гульденовъ.

— Пруссіи, какъ и вообще нѣмцамъ, предстоитъ великая будущность,—сказалъ Невѣдомовъ.

Онъ очень любилъ и нѣмцевъ и литературу ихъ.

— Что нѣмцы!—воскликнулъ Замина. — Всякій нѣмецъ — сапожникъ.

— Какъ, и Шиллеръ — тоже сапожникъ? — спросилъ его Павелъ.

— И Шиллеръ — сапожникъ: онъ выучился стихи писать и больше ужъ ничего не знаетъ. Всякій нѣмецъ—мастеровой: знаетъ только мастерство: а русскій, братъ, такъ на всѣ руки мастеръ. Его въ солдаты отдадутъ — «что, спросятъ, умѣешь на волторнѣ играть?..»—«А для чего, говоритъ, не умѣетъ: губы есть!»

— Позвольте мнѣ представить, какъ барышни поютъ: «Что ты спишь, мужичокъ?» — вмѣшался вдругъ въ разговоръ Пѣтинъ.

— Пожалуйста! — сказалъ съ великою радостью Павелъ. Пѣтинъ сѣлъ къ столу и, заигравъ на немъ руками, какъ бы на фортепьянахъ, запѣлъ совершенно такъ, какъ поютъ барышни, которыя не понимаютъ, что онѣ поютъ.

— Очень похоже!—сказала Фатѣева.

Пѣтинъ всталъ, раскланялся передъ нею, уже какъ французъ, и проговорилъ:

— Merci, madame.

Разговоръ послѣ того снова склонился на нѣсколько отвлеченные предметы и перешелъ, между прочимъ, на заявившихъ уже себя въ то время славянофиловъ.

— Былъ, братъ, я у этихъ господъ; звали они меня къ себѣ,—сказалъ Заминъ:—баря добрые; только, я вамъ скажу, ни шиша нашего простого народа не понимаютъ: пейзанчики у нихъ все въ головѣ-то, ей-Богу, а не то, что нашъ мужичокъ,—съ деготькомъ да лукомъ.

— Хороши и противники-то ихъ — западники, — сказалъ своимъ грустнымъ голосомъ Невѣдомовъ.—Какое высокое дарованіе—Бѣлинскій, а и того совсѣмъ сбили съ толку; послѣднее время пишетъ все это, видно, съ чужого голоса, раскидался во всѣ стороны.

— Не знаю, я за границей,—началъ Марьеновскій:—не видалъ ни одного русскаго журнала; но мнѣ встрѣтился Саловъ, и онъ въ восторгѣ именно отъ какой-то статьи Бѣлинскаго.

— Онъ обыкновенно въ восторгѣ отъ всякой книжки журнала,—подхватилъ Невѣдомовъ.

— Особенно, когда этимъ можно кого-нибудь попилить или поучить,—пояснилъ Павелъ.

— Именно: попилить и поучить!—подтвердилъ Марьеновскій.

Вихровъ былъ совершенно доволенъ тѣмъ, что у него на вечерѣ говорилось и представлялось, такъ какъ онъ очень хорошо зналъ, что Клеопатра Петровна никогда еще такихъ умныхъ разговоровъ не слыхивала и никогда такихъ отличныхъ представленій не видывала.

При прощаніи просили-было Пѣтина и Замина представить еще что-нибудь; но послѣдній рѣшительно отказался. Поглощенный своею любовью къ народу, Заминъ послѣднее время замѣтно началъ солидничать. Пѣтинъ тоже было-отговаривался, что уже некогда, и что онъ все перезабылъ; однако въ передней не утерпѣлъ и вдругъ схватился и повисъ на платяной вѣшалкѣ.

— Глядите, глядите!.. на что онъ похожъ? — воскликнулъ Заминъ, показывая на пріятеля.

— На сухую рыбу,—проговорилъ Павелъ.

— На енотовую шубу вытертую,—сказалъ Заминъ.

Всѣ взглянули: и въ самомъ дѣлѣ — Пѣтинъ былъ похожъ на енотовую шубу.

— Совершенно шуба вытертая,—подтвердила и m-me Фатѣева.

Когда всѣ ушли, Павелъ не утерпѣлъ и сейчасъ же ее спросилъ:

— Ну, какъ тебѣ понравились мои пріятели?

— Марьеновскій, по-моему, очень умный человѣкъ!

— Я этого ожидалъ,—подхватилъ Павелъ:—но умнѣе всѣхъ тутъ Невѣдомовъ.

— Я этого не знаю: онъ все больше молчалъ, — сказала m-me Фатѣева.

— А какова прелесть—Заминъ съ своимъ народолюбствомъ и Пѣтинъ!

— Пѣтинъ—это шутъ какой-то,—отвѣчала Фатѣева.

Да, но шутъ умный, который стоитъ тысячи глупыхъ умниковъ.

M-me Фатѣева ничего на это не возразила; но, по выраженію лица ея, очень ясно было видно, что пріятели Вихрова нисколько ей не понравились и она вовсе ихъ разговоры не нашла очень умными.

XV

Макаръ Григорьевъ—великъ.

То, о чемъ m-me Фатѣева, будучи гораздо опытнѣе моего героя, такъ мрачно иногда во время уроковъ задумывалась, начало мало-по-малу обнаруживаться. Прежде всего было получено отъ полковника страшное, убійственное письмо, которое, по обыкновенію, принесъ къ Павлу Макаръ Григорьевъ. Подавъ письмо молодому барину съ полуулыбкою, Макаръ Григорьевъ все какъ-то сталъ кругомъ осматриваться и огля-

дываться и даже на проходящую мимо горничную Клеопатры Петровны взглянулъ какъ-то насмѣшливо.

— Я еле-еле нашелъ вашу квартиру: въ какомъ захолустьѣ живете!—произнесъ онъ.

— Да, мы переѣхали, — отвѣчалъ Павелъ, распечатывая письмо.

— Что жъ, тутъ барыня, что ли, какая содержитъ эту квартиру?—продолжалъ допрашивать Макаръ Григорьевъ.

— Барыня! — отвѣчалъ Павелъ и, начавъ читать письмо, съ каждой строчкой его блѣднѣлъ все больше и больше.

«Любезный сынъ, Павелъ Михайловичъ!—выводилъ полковникъ своими каракулями:—сейчасъ пріѣзжалъ ко мнѣ Борисъ Николаевичъ Фатѣевъ и извѣстилъ меня, что жена его снова бѣжала отъ него и нынѣ пребываетъ въ Москвѣ, у тебя въ домѣ, находясь съ тобой въ близкомъ сожительствѣ. Разумѣя то, что въ твои лѣта тебѣ надо уже имѣть какую-нибудь бабу-забавку, я при ономъ полагаю, что гораздо бы лучше тебѣ для сего выбрать дѣвку простую, чѣмъ срамить тѣмъ своего брата-дворянина. Я же господину Фатѣеву изъяснилъ такъ: что сынъ мой, какъ слѣдуетъ всякому благородному офицеру, не преминулъ бы вамъ дать за то удовлетвореніе на оружіи; но такъ какъ супруга ваша бѣжала уже къ нему не первому, то вамъ стать спрашивать съ нея, чѣмъ съ него,—и онъ, вѣроятно, самъ не преминетъ немедленно выпроводить ее изъ Москвы къ вамъ на должное распоряженіе, что и приказываю тебѣ симъ письмомъ немедленно исполнить, а такихъ чернобрысыхъ и сухопарыхъ кошекъ, какъ она, я полагаю, найти въ Москвѣ можно».

Павелъ любилъ Фатѣеву, гордился нѣкоторымъ образомъ побѣдою надъ нею, понималъ, что онъ теперь единственный защитникъ ея,—и потому можно судить, какъ оскорбило его это письмо; едва сдерживая себя отъ бѣшенства, онъ написалъ на томъ же самомъ письмѣ короткій отвѣтъ отцу: «я вашего письма, по грубости и неприличію его тона, не дочиталъ и возвращаю его вамъ обратно, предваряя васъ, что читать вашихъ писемъ я болѣе не стану и буду возвращать ихъ къ вамъ нераспечатанными. Сынъ вашъ Вихровъ».

Запечатавъ снова письмо, онъ подалъ его Макару Григорьеву.

— Возврати это письмо обратно къ отцу и болѣе его писемъ не трудись приносить ко мнѣ,—проговорилъ онъ.

— А что онъ, видно, больно строгонько пишетъ къ вамъ? — спросилъ его Макаръ Григорьевъ, принимая письмо.

— Да, черезчуръ ужъ!

— Онъ и мнѣ о томъ же самомъ пишетъ,—прибавилъ Макаръ Григорьевъ.

— О чемъ это?—спросилъ Павелъ.

— О барынѣ-то этой,—отвѣчалъ Макаръ Григорьевъ, указывая головой на дверь въ слѣдующую комнату.

— Тсс... тише!—остановилъ его Павелъ.

— Пишетъ,—началъ Макаръ Григорьевъ уже шопотомъ:— чтобы вы ее какъ-нибудь поскорѣе отправили отъ себя.

— О, вздоръ какой!

— И пишетъ, чтобы я и денегъ вамъ не выдавалъ, пока вы не проводите ее: осерчалъ, видно, старикъ сильно!

— Что же, ты и не будешь мнѣ выдавать?

— А откуда же мнѣ? Я вѣдь не свои вамъ даю, а его же.

— Ну что жъ! Можешь, значитъ, отправляться, — сказалъ ему съ досадою Павелъ.

Макаръ Григорьевъ однако не уходилъ.

— Вы подождали бы маненько писать къ старику-то: авось онъ и поуходится!

— Чего ждать? Онъ не отмѣнитъ своего приказанія.

— Гдѣ же тоже, чай, отмѣнить!—произнесъ Макаръ Григорьевъ въ какомъ-то раздумьѣ.

— Ну, а я не намѣренъ никогда исполнять его приказанія,—сказалъ Павелъ.

— Эхма! — проговорилъ Макаръ Григорьевъ, какъ-то чмокая губами.—Затѣмъ прощенья просимъ!—прибавилъ онъ все еще въ какомъ-то раздумьѣ.

— Прощай!—сказалъ ему Павелъ.

Старикъ, идя домой, всю дорогу былъ какъ-то мрачнѣй обыкновеннаго.

По свойственной всѣмъ молодымъ людямъ житейской смѣлости, Павелъ рѣшился навсегда разорвать съ отцомъ всякую связь и начать жить своими трудами. Онъ даже не сказалъ Фатѣевой о полученномъ письмѣ и рѣшился прежде всего пріискать себѣ уроки. Для этого, на другой же день, онъ отправился къ Невѣдомову, такъ какъ тотъ самъ этимъ жилъ; но—увы!—Невѣдомовъ объявилъ, что онъ теперь рѣшительно не знаетъ ни одного свободнаго урока. Павла это сильно опѣшило; онъ, выйдя отъ пріятеля, не зналъ, что и предпринять: жизнь еще въ первый разъ скрутила его съ этой стороны! Дома между тѣмъ его ожидало новое не очень пріятное извѣстіе. М-ше Фатѣева встрѣтила его съ заплаканными глазами и чѣмъ-то сильно сконфуженная.

— Я получила письмо отъ своего милаго супруга, — начала она.

«Ну, и съ этой стороны пошла бомбардировка!»—подумалъ Павелъ.

— Онъ пишетъ, — продолжала Фатѣева, и ея голосъ при этомъ даже дрожалъ отъ гнѣва:—чтобы я или возвратила ему вексель, или онъ будетъ писать и требовать меня черезъ генералъ-губернатора.

— А вексель развѣ ты ему еще не возвратила?—спросилъ Павелъ.

— Нѣтъ, и никогда не возвращу! — произнесла Клеопатра Петровна съ удареніемъ: — а то, что онъ будетъ писать къ генералъ-губернатору,—это рѣшительный вздоръ! Онъ и тогда, какъ въ Петербургъ я отъ него уѣхала, писалъ тоже къ генералъ-губернатору; но Постенъ очень покойно свезъ меня въ канцелярію генералъ-губернатора; я разсказала тамъ, что пріѣхала въ Петербургъ лѣчиться, и что мужъ мой требуетъ меня, потому что домогается отнять у меня вексель. Мнѣ сейчасъ же выдали какой-то билетъ и написали что-то такое къ предводителю.

— Все-таки это—непріятныя хлопоты,—произнесъ Павелъ.

— Очень! Но меня гораздо болѣе тревожитъ то, что я какъ пріѣхала—говорила ему, писала потомъ, чтобы онъ мнѣ проценты по векселю выслалъ, на которые я могла бы жить, но онъ отъ этого рѣшительно отказывается... Чѣмъ же я послѣ того буду жить? Тебя мнѣ обременять этимъ, я вижу, невозможно: ты самъ очень немного получаешь.

У Павла кровью сердце облилось при этихъ словахъ... «Не немного я получаю, а я ничего не получаю!»—подумалъ онъ.

— И ты, пожалуйста,—продолжала Фатѣева (она, кажется, въ этомъ случаѣ выпытывала Вихрова):—если тебѣ это обременительно, ты сейчасъ же мнѣ скажи; я—хоть нѣмкомъ, но уйду къ матери.

— Ни за что!—воскликнулъ Павелъ.—Неужели ты думаешь, что у меня недостанетъ толку и смысла—просодержать тебя; я наконецъ скоро кончу курсъ и буду служить.

— Но я думала, что все-таки тебѣ это будетъ тяжело!—произнесла Фатѣева, потупляя глаза.

— Да если бы даже разорвало меня пополамъ, такъ я сдѣлаю это!

Павелъ при этомъ постукивалъ ногой: всѣ нервы въ немъ ходили. Онъ говорилъ, что сдѣлаетъ это: но какъ сдѣлаетъ—и самъ еще не придумалъ; а между тѣмъ, по натурѣ своей, онъ не былъ ни лгунъ ни хвастунъ, и если бы нужно было продать себя въ солдаты, такъ онъ продался бы и сдѣлалъ, что обѣщалъ. Мысли его въ настоящую минуту остановились

на томъ, чтобы занять денегъ; но у кого? У кого даже спросить: кто даетъ денегъ взаймы? Саловъ былъ въ этомъ случаѣ единственный человѣкъ, который могъ бы его научить; а потому, какъ тотъ ни противенъ былъ ему, однако Павелъ отправился къ нему. Саловъ жилъ очень недалеко отъ него на Петровкѣ и занималъ довольно большую квартиру, въ которой Павелъ засталъ страшный безпорядокъ. Въ залѣ стояла мебель изъ гостиной, въ гостиной—изъ залы; на нѣсколькихъ стульяхъ было разбросано платье и валялись на полу сапоги; на столѣ стоялъ чайный приборъ и недоѣденный кусокъ ростбифа. Самъ Саловъ, съ всклоченной головою, въ шелковомъ разорванномъ халатѣ и въ туфляхъ на босу ногу, валялся на мягкомъ, но запачканномъ диванѣ, и читалъ.

— А, m-r Вихровъ! — воскликнулъ онъ не безъ удовольствія.

— Я къ вамъ съ просьбой,—началъ прямо Павелъ.

— Слушаю-съ!—воскликнулъ Саловъ, обертываясь къ нему лицомъ:—вы, я слышалъ, mon cher, бабеночкой тоже завелись и только, говорятъ, и дѣлаете, что занимаете ее... а?

— Есть такой грѣхъ, — отвѣчалъ Павелъ нѣсколько въ тонъ ему.

— Хвалю и одобряю!—произнесъ Саловъ. — Я самъ, хотя и мѣняю каждый день женщинъ, но не могу, чтобы около меня не было существа, мнѣ преданнаго. Наклонность, знаете, имѣю къ семейной жизни.

— Вотъ по случаю этой-то жизни,—началъ Павелъ, воспользовавшись первою минутою молчанія Салова: — я и очутился въ весьма непріятномъ положеніи: отецъ мой, у котораго очень хорошее состояніе, узнавъ, что эта госпожа живетъ со мною, разсердился и прекратилъ мнѣ всякое содержаніе.

— О, жестокій родитель! — воскликнулъ Саловъ: — но вы знаете,—не говорите объ этомъ въ обществѣ... Сюжетъ ужъ очень избитъ, во всѣхъ драмахъ...

— Съ большимъ бы удовольствіемъ не говорилъ,—сказалъ Павелъ:—но мнѣ, пока я кончу курсъ и поступлю на службу, нужно занять денегъ.

Что же, подъ залогъ какихъ-нибудь предметовъ? спросилъ Саловъ.

— Какихъ же предметовъ... Я могу мой заемъ обезпечить только тѣмъ, что я—единственный наслѣдникъ хорошаго состоянія.

— Ну, здѣсь въ Москвѣ требуютъ болѣе осязаемаго: или какихъ-нибудь цѣнныхъ вещей, или закладной на какое-нибудь недвижимое имущество.

— Но неужели же мнѣ никто безъ этого не повѣритъ?— спросилъ Павелъ съ волненіемъ въ голосѣ.

— Полагаю! — отвѣчалъ протяжно Саловъ. — Развѣ вотъ что,—прибавилъ онъ, подумавъ немного и съ какою-то полунасмѣшкой: — тутъ у меня есть и водится со мною нѣкто купчишка Вахрамѣевъ... Батька у него уѣхалъ куда-то на ярмарку и оставилъ ему подъ завѣдываніе москательную лавку. Онъ теперь мнѣ проигрываетъ и платитъ мнѣ мѣломъ, умброй, мышьякомъ, и все сіе я понемножку сбываю.

Павелъ, слушая Салова, удивлялся и не зналъ, къ чему онъ это говоритъ.

— Я скажу этому купчишкѣ, чтобъ онъ далъ вамъ подъ заемное письмо за порядочные проценты этого мышьяку, чернильныхъ орѣшковъ, а вы и сбывайте это тоже понемногу; вамъ, конечно, при вашей семейной жизни надобны не всѣ деньги вдругъ.

Павелъ не зналъ, смѣется ли надъ нимъ Саловъ или нѣтъ, но, взглянувъ ему въ лицо, увидѣлъ, что онъ говоритъ совершенно искренно.

— Нѣтъ-съ, въ этой формѣ я не желаю дѣлать займа, — сказалъ онъ.

— Эхъ, mon cher, мало ли въ какой формѣ придется въ жизни сдѣлать заемъ... Я разъ, честью моей завѣряю, заемъ дѣлалъ во французскомъ магазинѣ — перчатками... возьму въ долгъ пару перчатокъ за полтора рубля серебромъ, а за цѣлковый ихъ продаю; тѣмъ цѣлый мѣсяцъ и жилъ, — увѣряю васъ!

— Вы человѣкъ особенный, — сказалъ ему Павелъ.

— Я человѣкъ коммерческій, — произнесъ насмѣшливымъ голосомъ Саловъ.

Павлу стало уже невыносимо слушать его болтовню.

— Итакъ, вы рѣшительно не можете достать мнѣ денегъ? — спросилъ онъ.

— Рѣшительно! — проговорилъ Саловъ.

Павелъ поклонился и пошелъ-было.

— Постойте, Вихровъ!—кликнулъ ему вслѣдъ хозяинъ; ему, видно, казалось, что онъ мало надругался еще надъ пріятелемъ.—Я могу достать вамъ пятьсотъ-шестьсотъ рублей, съ тѣмъ чтобы вы сѣли съ нами играть въ карты.

— И проиграть вамъ все будущее состояніе?

— Вѣроятно.

— Нѣтъ, я такихъ займовъ не желаю.

— Какъ хотите!.. Я вамъ дѣлалъ предложеніе весьма выгодное.

— Я полагаю, весьма подлое, — проговорилъ Павелъ и ушелъ; онъ очень разсердился на Салова и пошелъ прямо на Кисловку къ Макару Григорьеву, съ тѣмъ, чтобы разсказать ему все откровенно, посовѣтоваться съ нимъ — что дѣлать и что предпринять. Онъ видѣлъ и замѣтилъ еще прежде, что Макаръ Григорьевъ былъ къ нему какъ-то душевно расположенъ.

— Ай, батюшка Павелъ Михайловичъ, — вскричалъ тотъ, увидя Павла и вскакивая съ своего кожанаго дивана, на которомъ лежалъ вверхъ лицомъ.

— Не тревожься, пожалуйста, и лежи; а я сяду возлѣ тебя! — сказалъ Павелъ и сѣлъ на стулъ.

Но Макаръ Григорьевъ, разумѣется, не легъ, а всталъ даже передъ бариномъ на ноги.

— Я въ ужасномъ положеніи, Макаръ Григорьичъ,—началъ Павелъ.

— Что ужъ, какое дѣло, — произнесъ тотъ невеселымъ голосомъ: — возьмите покамѣстъ у меня оброчныя деньги; а я напишу, что еще прежде, до полученія письма отъ папеньки, выдалъ ихъ вамъ.

— Да, но эти деньги весьма малыя.

— Деньги пустыя!

— Ну, а мнѣ, пока я доучусь и получу порядочную службу, вдесятеро больше надобно; потому что я живу не одинъ, а вдвоемъ съ женщиною.

— Пустое дѣло — эта госпожа. Такъ только вы приняли на себя эту заботу.

— Ну, ужъ если я принялъ, все же долженъ честно выполнить свою обязанность противъ нея.

— Да какая обязанность! Взяли да сказали ей: чѣмъ-мо, матушка, мнѣ содержать тебя, ступай-ка лучше къ мужу, откуда пришла.

— А ты знаешь, что сказать ей это... не говоря уже, какъ это лично тяжело для меня... сказать ей это—все равно что убить ее.

— Отчего убить? — возразилъ Макаръ Григорьевъ: —пустяки! Живущи онѣ, проклятыя, какъ-то на это!.. Мнѣ вѣдь горничная нхняя сказывала: она не то что изъ нѣжныхъ и деликатныхъ барынь, а гулящая вѣдь.

— Ну, Макаръ Григорьичъ, ты не знаешь и не можешь своимъ языкомъ говорить о женщинахъ нашего круга,—остановилъ его Павелъ.

— Да, извѣстно, гдѣ ужъ мнѣ: вразумить ли васъ!.. по пословицѣ: не по хорошу милъ, а по милу хорошъ!

— Что же, гдѣ мнѣ занять денегъ?..— продолжалъ Павелъ своимъ тоскливымъ голосомъ.

Макаръ Григорьевъ подумалъ нѣсколько времени.

— Что тутъ занимать-то, нечего! — проговорилъ онъ:—берите у меня, сколько вамъ понадобится.

— Какъ у тебя? спросилъ Вихровъ, не понимая, что такое говоритъ старикъ.

— У меня,—повторилъ тотъ.—Я просодержу васъ, пока у самихъ денегъ не будетъ.

— Да какъ же и когда я отдамъ тебѣ эти деньги? — спросилъ Павелъ.

— Да когда хотите, — отвѣчалъ Макаръ Григорьевъ какимъ-то легкомысленнымъ тономъ.

Павелъ все еще не могъ хорошенько сообразить.

— Ты меня все время, пока я не поступлю на службу, будешь содержать съ этой госпожой?

— Буду содержать. — отвѣчалъ Макаръ Григорьевъ: — не мотайте только больно — не милліонеръ же я какой, въ самомъ дѣлѣ.

— Послушай, Макаръ Григорьевъ, я не могу отъ тебя этого принять,—началъ Павелъ прерывающимся отъ волненія голосомъ: — чтобы я на свое... какъ, быть-можетъ, ты справедливо выразился... баловство сталъ у тебя деньги, кровнымъ трудомъ нажитыя, брать, — этого я не могу себѣ позволить.

— Чего — кровнымъ трудомъ, — возразилъ Макаръ Григорьевъ: — я вѣдь не то что отъ пищи али отъ содержанія своего стану отрывать у себя и давать вамъ; это еще постой маненько: я самъ охочъ въ трактиръ ходить чай и водку пить; а это у меня лежалыя, въ ломбардѣ хранятся.

— Но деньги все же цѣлымъ вѣкомъ нажитыя.

— Да вѣдь вы мнѣ отдадите ихъ когда-нибудь, не зажилите.

— А если ты умрешь, и я не успѣю отдать?

— Ну, женѣ-старухѣ отдадите.

— А если и жена умретъ?

— Ай, батюшки, всѣ такъ и перемремъ: ну, въ церковь положите.

— Нѣтъ, я не могу такъ! — произнесъ Павелъ, подумавъ немного, и потомъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и, какъ видно, что-то придумалъ.

— Вотъ на что я могу согласиться,— началъ онъ:—я буду брать у тебя деньги подъ расписку, что тотчасъ же послѣ смерти отца отпущу тебя и жену на волю.

— Да почто намъ на волю-то... не пойдемъ мы на волю...

— Хорошо: если ты не хочешь, такъ я отпущу родныхъ

твоихъ на волю за ту твою услугу; деньги отдамъ тебѣ, а за услугу родныхъ отпущу.

— Вотъ какъ, и деньги отдадите и родныхъ на волю отпустите,—что-то ужъ больно много милостей-то будетъ. Нечего тутъ заранѣе пустое дѣло болтать. Есть у васъ теперь деньги или нѣтъ?

— Мало.

— Ну, вотъ вамъ—двѣсти рублей. Живите поаккуратнѣй!— проговорилъ Макаръ Григорьевъ и подалъ Павлу деньги.

Тотъ принялъ ихъ отъ него; у Павла при этомъ руки и ноги дрожали и самъ онъ былъ чрезвычайно сконфуженъ.

— Благодарю, благодарю! — пробормоталъ онъ нѣсколько разъ.

— Не меня благодарите, а маменьку вашу, — сказалъ съ нѣкоторымъ чувствомъ Макаръ Григорьевъ:—не вамъ еще я пока теперь служу, а покойницѣ — за то, что она сдѣлала для меня...

Павелъ вышелъ отъ Макара Григорьева до глубины души растроганный и, придя домой, онъ только и сказалъ Фатѣевой:

— Ну, мой другъ, мы обезпечены теперь совершенно въ матеріальномъ отношеніи.

— Какимъ же образомъ ты это устроилъ? — спросила она съ удовольствіемъ.

— Послѣ какъ-нибудь разскажу, — отвѣчалъ Павелъ и, ссылаясь на усталость, онъ ушелъ и легъ на постель.

Слезы умиленія невольно текли у него изъ глазъ при воспоминаніи о поступкѣ съ нимъ Макара Григорьева.

XVI.

Еще старый знакомый.

Въ одно воскресное утро Павелъ сидѣлъ дома и разговаривалъ съ Клеопатрой Петровной.

— А что, другъ мой, — началъ онъ: — ты мнѣ никогда не разсказывала подробно о твоихъ отношеніяхъ къ Постену; повѣдай мнѣ, какъ ты съ нимъ сошлась и разошлась.

Клеопатра Петровна немного покраснѣла.

— Тебѣ это, я полагаю, не совсѣмъ пріятно будетъ слушать,—проговорила она.

— Это почему?

— Потому что въ тебѣ все-таки при этомъ должна будетъ заговорить отчасти ревность.

Вихровъ подумалъ немного.

— Пожалуй, что и такъ!..—произнесъ онъ:—но, по крайней мѣрѣ, скажи мнѣ, что онъ за человѣкъ.

— Человѣкъ онъ — положительно дурной. Знаешь, этакій высохшій, безсильный развратникъ, — отвѣчала Клеопатра Петровна.

— Какъ же онъ тебя любилъ?

— Онъ меня любилъ — какъ хорошенькую женщину, какъ какой-нибудь красивый кусокъ мяса; со всѣми, знаешь, этими французскими утонченностями, и такъ мнѣ этимъ омерзѣлъ!.. Потомъ онъ еще—скупецъ ужасный.

— Это сейчасъ видно было.

— Ужасный, — повторила Фатѣева. — Когда мы съ нимъ переѣхали въ Петербургъ, онъ сталъ требовать, чтобы я векселъ этотъ представила на мужа—и на эти деньги стала бы, разумѣется, содержать себя; но я никакъ не хотѣла это сдѣлать, потому что вышла бы такая огласка... Тогда онъ пересталъ меня кормить, комнаты моей не топилъ.

— Негодяй какой!—воскликнулъ Павелъ.

Въ это время раздался звонокъ въ дверяхъ, и вслѣдъ затѣмъ послышался незнакомый голосъ какого-то мужчины, который разговаривалъ съ Иваномъ. Павелъ поспѣшилъ выйти, притворивъ за собой дверь въ ту комнату, гдѣ сидѣла Клеопатра Петровна. Въ маленькой передней своей онъ увидѣлъ высокаго молодого человѣка, блондина, одѣтаго въ щегольской вицмундиръ, въ лаковые сапоги, въ визитныя черныя перчатки и съ круглой, глянцовитой шляпой въ рукѣ.

Павелъ, вглядѣвшись въ него, произнесъ:

— Боже мой, кого я вижу — Плавинъ!

— А вы—господинъ Вихровъ?—спросилъ тотъ.

— Такъ точно,—отвѣчалъ Павелъ, и пріятели подошли и поцѣловались другъ съ другомъ.

— Какъ я радъ съ вами, Плавинъ, встрѣтиться! — говорилъ Павелъ, но не совсѣмъ искренно, потому что, взглянувъ на одну наружность Плавина, онъ уже понялъ—какая бездна существуетъ между нимъ и его бывшимъ пріятелемъ.

— Я, пріѣхавъ въ Москву, нарочно зашелъ въ университетъ, чтобы узнать вашъ адресъ... Какъ не стыдно, что вы во все время нашей разлуки хоть бы строчку написали, — говорилъ Плавинъ, видимо, желая придать своему голосу какъ можно болѣе дружественный тонъ.

— Писать-то, признаться, было нечего,—отвѣчалъ Павелъ, отчасти удивленный этимъ замѣчаніемъ: почему Плавинъ думалъ, что онъ будетъ писать къ нему... Въ гимназіи они, переставъ вмѣстѣ жить, почти не встрѣчались; потомъ Плавинъ

годами четырьмя раньше Павла поступилъ въ петербургскій университетъ, и съ тѣхъ поръ объ немъ ни слуху ни духу не было. Павелъ послѣ догадался, что это былъ одинъ только способъ выраженія, façon de parler, молодого человѣка.

— Вы ужъ чиновникъ, на службѣ царской, — говорилъ Павелъ, усаживая Плавина и все еще осматривая его щеголеватую наружность.

— Да, я столоначальникъ министерства внутреннихъ дѣлъ,— отвѣчалъ Плавинъ не безъ ударенія.

— Вотъ какъ-съ! столоначальникъ департамента. Это ужъ рангъ не малый!—говорилъ Павелъ, и самъ съ собой думалъ: «Ну, теперь я понимаю, зачѣмъ онъ пріѣхалъ!.. Чтобы поважничать передо мною».

— Ну, скажите, а вы какъ и что? — отнесся къ нему какимъ-то покровительственнымъ тономъ Плавинъ.

— Я кончаю курсъ по математическому факультету,—отвѣчалъ Павелъ.

— Дѣло доброе!—подхватилъ Плавинъ:— и что же потомъ: къ намъ въ Петербургъ на службу?

— Не знаю еще,—отвѣчалъ Павелъ, вовсе не желая своего хладносердаго пріятеля посвящать въ свои дальнѣйшія намѣренія.

— Какой славный городъ Москва,—продолжалъ между тѣмъ Плавинъ:—какой оригинальный, живописный!.. такъ много въ немъ русскаго, національнаго.

Павлу было противно эти слова слышать отъ Плавина. Онъ убѣжденъ былъ, что тотъ ничего не чувствуетъ, а говоритъ такъ только, потому что у него привычка такъ выражаться.

— Здѣсь, кромѣ города, народъ славный, ума громаднѣйшаго, съ юморомъ — не такимъ, конечно, веселымъ, какъ у малороссовъ, но зато болѣе ѣдкимъ, зубоскалистымъ!..

На это Плавинъ однимъ только движеніемъ головы изъявилъ какъ бы согласіе. «Точно китайскій мандаринъ киваетъ головой!»—подумалъ про себя Павелъ.

— А скажите вотъ что-съ!—продолжалъ онъ: — вы въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ служите... какого рода инвентари были тамъ предполагаемы для помѣщичьихъ крестьянъ?

Павелъ не безъ умыслу сказалъ это, желая показать передъ пріятелями: знай-мо, какими мы государственными вопросами занимаемся и озабочены.

— Да, это была какая-то попытка, — отвѣчалъ въ свою очередь не безъ важности Плавинъ.

— Но, говорятъ, государь положительно желаетъ уничтожить крѣпостное право, — говорилъ съ увлеченіемъ Вихровъ.

На эти слова Плавинъ ужъ съ удивленіемъ взглянулъ на Павла.

— Я не слыхалъ этого,—произнесъ онъ, и въ то же время физіономія его какъ будто добавила: — «не слыхалъ вздору этакого».

«Хоть бы высказывался, скотина, больше, поспорить бы можно было».—думалъ Павелъ. Его больше всего возмущалъ Плавинъ своимъ важнымъ видомъ.

— А помните ли вы нашъ театръ, который мы съ вами играли маленькіе?—прибавилъ онъ вслухъ.

— Да, помню, всегда съ удовольствіемъ вспоминаю,—отвѣчалъ Плавинъ, чортъ знаетъ что желая этимъ сказать.

«Ну погоди же, голубчикъ, мы тебя проберемъ. Я позову своихъ молодцовъ. Они тебя допросятъ»,—думалъ Павелъ.

— А не будете ли вы такъ добры, — сказалъ онъ, видя, что Плавинъ натягиваетъ свои перчатки:—посѣтить меня ужо вечеромъ: ко мнѣ соберутся кое-кто изъ моихъ пріятелей.

— Мнѣ весьма пріятно будетъ,—сказалъ Плавинъ, потомъ прибавилъ:—а въ которомъ часу?

— Часовъ въ восемь,—отвѣчалъ Павелъ.

Плавинъ уѣхалъ.

— Кто это такой у тебя былъ? — спросила съ любопытствомъ вышедшая изъ своей комнаты Фатѣева.

— Скотъ одинъ!—отвѣчалъ Павелъ.

— Какъ скотъ? — сказала съ удивленіемъ Клеопатра Петровна; она смотрѣла на гостя въ щелочку, и онъ ей, напротивъ, очень понравился. — Онъ такой, кажется, славный молодой человѣкъ,—замѣтила она Павлу.

— Славный, только изъ стали, а не изъ живого человѣческаго мяса сдѣланъ,—отвѣчалъ тотъ и принялся писать пригласительныя записки пріятелямъ.

«Невѣдомовъ, Бога ради, приходите ко мнѣ и притащите съ собой непремѣнно Марьеновскаго. Мы всѣ сообща будемъ травить одного петербургскаго филистера, который ко мнѣ пожалуетъ».

Къ Замину и Пѣтину онъ написалъ такъ:

«Друзья мои, приходите ко мнѣ, и мы должны будемъ показать весь нашъ студенческій шикъ передъ однимъ петербургскимъ филистеромъ. Приходите въ самыхъ широкихъ шароварахъ и въ самыхъ вашихъ скверныхъ фуражкахъ».

Отправивъ эти записки, Павелъ предался инымъ мыслямъ. Плавинъ напомнилъ ему собою другое, очень дорогое для него время,—дѣтскій театръ. Ему ужасно захотѣлось сыграть гдѣ-нибудь на театрѣ.

— Клеопаша! — сказалъ онъ, развалясь на диванѣ и нѣсколько заискивающимъ голосомъ: — знаешь, что я думаю,— намъ бы сыграть театръ.

— Театръ?—переспросила та.

— Да, театръ, но только не дурацкій, разумѣется, какъ обыкновенно играютъ на благородныхъ спектакляхъ, — а настоящій, эстетическій, чтобы пьесу, какъ оперу, по нотамъ разучить.

— Кто же будетъ играть?—спросила Клеопатра Петровна.

— Всѣ мы, кого ты знаешь, и еще кого-нибудь подберемъ,—ты наконецъ будешь играть.

— Я? Но я никогда не игрывала.—отвѣчала Фатѣева.

— Это вздоръ, научимъ, какъ слѣдуетъ, — отвѣчалъ Павелъ и началъ соображать, какую бы пьесу выбрать. Больше всего мысль его останавливалась на «Юліи и Ромео» Шекспира,—на пьесѣ, въ которой бы непремѣнно сталъ играть и Невѣдомовъ, потому что ее можно было бы поставить въ его щегольскомъ переводѣ, и кромѣ того онъ отлично бы сыгралъ Лоренцо-монаха; а потомъ — взять какую-нибудь народную вещь, хоть «Филатку и Мирошку», дать эти роли Пѣтину и Замину и посмотрѣть, что они изъ нихъ сдѣлаютъ. Всѣ эти мысли и планы приводили Павла въ восхищеніе.

Клеопатра Петровна между тѣмъ хотѣла-было велѣть для предстоящаго вечера привести комнату въ болѣе благопристойный видъ.

— Не нужно-съ, не извольте трудиться,—сказалъ ей Павелъ:—я хочу, чтобы этого филистера все у насъ возмущало.

— Но для меня это нехорошо, понимаешь ты?

— Если сошлась съ буршемъ, и сама буршачкой будь!..— сказалъ Павелъ и поцѣловалъ ее.

Клеопатра Петровна знала очень хорошо, что такое филистеръ и буршъ. Павелъ давно ужъ это ей растолковалъ. Невѣдомовъ, Марьеновскій, Заминъ и Пѣтинъ пришли раньше Плавина.

— А мой важный господинъ еще нейдетъ,—говорилъ Павелъ съ досадой въ голосѣ.

— Да кто онъ такой, что онъ такое? — спрашивали Вихрова всѣ его пріятели.

— Это одинъ мой товарищъ, про котораго учитель математики говорилъ, что онъ долженъ итти по гримерской части, гдѣ сути-то нѣтъ, а одна только наружность,— и онъ эту наружность выработалъ въ себѣ до послѣдней степени совершенства.

— Comment vous portez-vous, значитъ, — понимаю, — сказалъ, мотнувъ головой, Заминъ.

— Нѣтъ-съ, хуже, — потому что тѣ сразу выдаютъ себя, что они попляки; а эти господа сохраняютъ видъ, что какъ будто бы что-то въ себѣ и таятъ, тогда какъ внутри у нихъ ничего нѣтъ.

— Но почему же вы думаете, что внутри у нихъ ничего нѣтъ?—спросилъ Павла Марьеновскій.

— Потому что они никогда не высказываютъ ничего, а только согласіе на все высокое и благородное проявляютъ.

— Въ Петербургѣ всѣ молодые люди вообще очень сдержанны, — проговорилъ Марьеновскій, обращаясь какъ бы ко всѣмъ.

— Всѣ они въ Петербургѣ шпіоны, вотъ что!—заключилъ рѣшительно Заминъ.

Въ эту минуту какъ разъ вошелъ Плавинъ. Онъ былъ одѣтъ — совершенно какъ съ модной картинки: въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ, въ бѣломъ галстукѣ и слегка даже завитъ.

— Фу ты, Боже мой! парадъ какой! Вы, можетъ-быть, полагали, что у меня будетъ балъ?—спросилъ его Павелъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Плавинъ, дружески пожимая ему руку:—я послѣ васъ заѣхалъ къ генералъ-губернатору съ визитомъ, и онъ былъ такъ любезенъ, что пригласилъ меня къ себѣ на вечеръ; и вотъ я отправляюсь къ нему.

— Вотъ какъ! — произнесъ Павелъ и сдѣлалъ легкую гримасу. — Пріятели мои: Марьеновскій, Невѣдомовъ, Нѣтинъ и Заминъ, — прибавилъ онъ, непремѣнно ожидая, что Плавинъ будетъ сильно удивленъ подрясникомъ Невѣдомова и широкими штанами Нѣтина; но тотъ со всѣми съ ними очень вѣжливо поклонился, и на лицѣ его ничего не выразилось.

— А это—сестра моя двоюродная,—сказалъ Павелъ, указывая на Фатѣеву.

Плавинъ отдалъ ей глубокій и почтительный поклонъ. Разговоръ довольно долго не клеился; наконецъ Плавинъ обратился къ Фатѣевой.

— Вы — одной губерніи съ Павломъ Михайловичемъ? — спросилъ онъ ее со всевозможною вѣжливостью.

— Да, одной,—отвѣчала Фатѣева.

— Я самъ тамошній; но такъ давно уже не бывалъ на своей родинѣ.

— Вы — все въ Петербургѣ? — спросила въ свою очередь вѣжливо Фатѣева.

— Я тамъ учился въ университетѣ и служу теперь.

— И какъ еще служитъ блистательно! — подхватилъ Вих-

ровъ, показывая Марьеновскому на Плавина: — почти ровесникъ мнѣ, а уже столоначальникъ департамента.

— Да вѣдь это что же, — вмѣшался въ разговоръ, слегка покраснѣвъ, Заминъ:—у меня есть троюродный братъ, моложе меня—и ужъ секретаремъ теперь.

— Гдѣ? — спросилъ Павелъ, напередъ ожидая, что Замину отпуститъ какую-нибудь штуку.

— Въ надворномъ судѣ,—и такой взяточникъ, что чудо!— заключилъ Замину и еще болѣе покраснѣлъ.

При этомъ всѣ невольно потупились, кромѣ, впрочемъ, Плавина, лицо котораго ничего не выражало, какъ будто бы это нисколько и не касалось его. Впослѣдствіи оказалось, что онъ даже и не замѣтилъ, какія штуки противъ него устраивались: онъ очень ужъ въ это время занятъ былъ мыслью о предстоящей поѣздкѣ на балъ къ генералъ-губернатору и тѣмъ, чтобъ не измять и не испачкать свой костюмъ какъ-нибудь.

Марьеновскій между тѣмъ, видимо находившій эту выдуманную Павломъ травлю на его знакомаго неприличною, началъ весьма серьезно и не въ насмѣшку разговаривать съ Плавинымъ о петербургскомъ университетѣ, о тамошнихъ профессорахъ. Невѣдомовъ сидѣлъ молча и потупивъ голову. Павлу было досадно на себя—отчего онъ не позвалъ Салова.

«Тотъ бы пробралъ этого господина», — думалъ онъ и, не утерпѣвъ наконецъ, подошелъ къ Пѣтину и шепнулъ:

— Представь, пожалуйста, какъ различные господа входятъ въ церковь и начинаютъ молиться. Да чтобъ побольше франтовъ было!

— Ja, es ist gut!—сказалъ Пѣтинъ, совершенно какъ нѣмецъ.

Послѣднее время онъ перемѣнилъ тонъ англичанина на тонъ нѣмца.

— Плавинъ, — сказалъ Павелъ, обращаясь къ тому: — прежде вы были любителемъ театра: мы покажемъ вамъ такое представленіе, какого вы, вѣроятно, никогда не видывали. Начинайте, Пѣтинъ!

— Это входятъ въ церковь разные господа, — началъ Пѣтинъ — и сначала представилъ, какъ входитъ молодой офицеръ, подходитъ къ самымъ мѣстнымъ иконамъ и передъ каждой изъ нихъ перекрестится, поклонится и сдѣлаетъ ножкой, какъ будто бы распаркивается передъ ротнымъ командиромъ. Потомъ у него вошелъ ломаный франтъ, ломался-ломался, смотрѣлъ въ церкви въ лорнетъ... И наконецъ входитъ молодой чиновникъ во фракѣ; онъ молится очень прилично, ничего особеннаго изъ себя не дѣлаетъ и только все что-то слегка дотрогивается до груди, близъ галстука.

— Это онъ молитъ Бога, чтобъ тотъ далъ ему Владимира на шею!—пояснилъ при этомъ Пѣтинъ всей публикѣ.

Штука эта была выдумана и представлена прямо для Плавина: но тотъ опять, кажется, ничего изъ этого не понялъ.

— Нѣтъ, этъ что, а вотъ что я представлю! — воскликнулъ Заминъ, нашедшій, вѣроятно, что штука пріятеля была недостаточно пикантна.—Смотрите,—кричалъ онъ, падая на полъ:—это мужика сѣкутъ, а онъ кричитъ: «Семенъ Петровичъ, батюшка, батюшка!» — и при этомъ Заминъ повертывался на полу.

Всѣ невольно захохотали, не исключая и Плавина. Клеопатра Петровна конфузилась, краснѣла, но все-таки хохотала.

— Отлично, отлично!—кричалъ Павелъ.

Когда представленіе это кончилось, Плавинъ, взглянувъ на часы, началъ раскланиваться сначала съ Клеопатрой Петровной, потомъ съ Павломъ и гостями.

— Уже?—сказалъ ему Вихровъ.

Да, мнѣ время, — отвѣчалъ Плавинъ и, отдавъ всѣмъ общій поклонъ, уѣхалъ.

— Ну, и чортъ съ тобой!—произнесъ Павелъ, когда Плавинъ ушелъ.—Но каковъ однако пролаза,—прибавилъ онъ:—на два дня пріѣхалъ въ Москву, успѣлъ уже съѣздить къ генералъ-губернатору и получить отъ него приглашеніе на балъ. У него и маменька такая была, шлендой и звали; по всѣмъ важнымъ господамъ таскалась, вотъ и онъ наслѣдовалъ отъ нея это милое свойство.

— Этотъ господинъ далеко уйдетъ,—сказалъ и Марьеновскій.

— И еще бы дальше ушелъ, если бы въ морской службѣ служилъ,—подхватилъ Пѣтинъ.

— Почему же?—спросилъ его Марьеновскій.

— Потому что изъ него отличныя бы два весла вышли,—отвѣчалъ фистулой Пѣтинъ.

Всѣ захохотали.

Клеопатра Петровна, хотя и не возражала молодымъ людямъ, но въ душѣ, кажется, не была согласна съ ними.

— Повторяю еще разъ, чортъ съ нимъ!..—началъ Павелъ:—теперь дѣло вотъ въ чемъ-съ. Клеопатра Петровна, садитесь рядомъ со мною: вы намъ нужны болѣе, чѣмъ кто-либо!.. Пришла мнѣ мысль — сыграть намъ театръ, хорошій, настоящій, и мой взглядъ по сему предмету таковъ, чтобы взять для представленія что-нибудь изъ Шекспира; такъ какъ сего великаго писателя хотя и играютъ на сценѣ, но актеры, по ихъ крайнему необразованію, исполняютъ его весьма плохо. Мочаловъ, кромѣ ужъ своего таланта, тѣмъ и великъ въ

«Гамлетѣ», что онъ одинъ понимаетъ то, что̀ играетъ; тогда какъ другіе... Боже ты мой! Короля, напримѣръ, злодѣя и интригана, представляютъ, какъ какого-то пошляка, говорящаго фразы... Полонія, этого умнаго господина, но развращеннаго въ придворной средѣ, являютъ шутомъ, дуракомъ... Ну, а мы, я полагаю, ансамблемъ можемъ взять. Каждый изъ насъ, разумѣется, безъ должной привычки къ сценѣ, но все-таки будетъ понимать то, что̀ онъ говоритъ.

Сказавъ это, Павелъ замолкъ.

— Театръ сыграть отлично бы было,—подхватилъ Пѣтинъ, потирая отъ удовольствія руки.

— Штука важная,—повторилъ и Заминъ: —только... какъ вотъ Шекспиръ-то пойдетъ у насъ.

— Ужъ если играть, такъ всего приличнѣе Шекспира, — высказался наконецъ и Невѣдомовъ.

Марьеновскій молчалъ.

— Играть, я полагаю,—снова началъ Павелъ:—«Ромео и Юлію». Я, если вы позволите, возьму на себя Ромео: молодъ еще, строенъ, немного трагическаго жара есть... А вы — Лоренцо,—отнесся онъ къ Невѣдомову.

— Если нужно это будетъ, извольте,—отвѣчалъ тотъ.

— Меркуціо—Пѣтинъ.

— Могу,—воскликнулъ тотъ и сейчасъ же, вставъ, произнесъ громкимъ голосомъ:

„О, вижу ясно,
Что у тебя была въ гостяхъ царица Мабъ!“

— Отлично, — похвалилъ его Павелъ. — Юлію вы будете играть,—обратился онъ къ Клеопатрѣ Петровнѣ.

— Я вовсе не могу играть!—возразила та.

— Почему же не можете?.. Извольте намъ прочесть, и мы увидимъ, можете вы или нѣтъ.

И Павелъ сейчасъ же принесъ книжку.

— Прочтите!—сказалъ онъ.

— Я, ей-Богу, не могу,—отвѣчала та.

— Прочтите, или я въ самомъ дѣлѣ разсержусь! — произнесъ Павелъ и дѣйствительно сильно нахмурился.

Фатѣева пожала плечами и начала читать; но—о, ужасъ!—оказалось, что она не совсѣмъ даже бойко разбираетъ по-печатному.

— Что̀ это барыня-то какъ тянетъ? — шепнулъ Пѣтинъ Замину.

— Это она не вычитала еще урока, — сказалъ съ серьезною физіономіею Заминъ.

— А такъ-то сразу не уразумѣвастъ,—подхватилъ Пѣтинъ.

— Трудно вѣдь это,—отвѣчалъ, попрежнему сидя солидно, Заминъ.

Клеопатра Петровна сама наконецъ поняла, какъ она ужасно читаетъ,—вся покраснѣла, разсердилась и бросила книгу на столъ.

— Не могу я читать,—сказала она.

Павелъ тоже уже больше не заставлялъ ся.

— Теперь-съ о залѣ надобно похлопотать,—сказалъ онъ, стараясь позамять происшедшій между всѣми конфузъ.

— Залой я вамъ могу услужить,—сказалъ Марьеновскій:—у меня одна тетка уѣхала и оставила на мой присмотръ свой домъ, въ которомъ есть и прислуга и зала. Это именно домъ на Никитской князей Курскихъ.

— Отлично,—произнесъ Павелъ:—однако вы и сами будете играть.

— Нѣтъ, ужъ отъ игранія я прошу меня освободить, такъ какъ я залой служу обществу,—отвѣчалъ Марьеновскій.

— Извольте-съ, за залу мы васъ освобождаемъ,—сказалъ Павелъ:—но, я полагаю, завтра часовъ въ шесть вечера мы и можемъ съѣхаться въ этотъ домъ.

— Можете; я поутру же напишу туда записку, чтобы все было приготовлено.

Когда улажено было такимъ образомъ это дѣло, пріятели разошлись наконецъ по домамъ.

Фатѣева замѣтно дулась на Павла.

— Что это Заминъ вздумалъ представлять, какъ мужика сѣкутъ: я тутъ, я думаю, сидѣла; я женщина... Стало-быть, онъ никакого уваженія ко мнѣ не имѣетъ.

— Что за вздоръ такой! Это онъ сдѣлалъ вовсе не затѣмъ, чтобы тебя, а чтобы Плавина пошокировать.

— Однако вышло, что онъ меня шокировалъ.

— Ничего не шокировалъ. Ты однако завтра все-таки поѣдешь со мной на считку?—спросилъ Павелъ.

Его больше всего теперь безпокоилъ театръ.

— Нѣтъ, не поѣду,—отвѣчала Фатѣева.

— Отчего же не поѣдешь?

— Оттого, что не хочу.

Павелъ пожалъ плечами и ушелъ въ свою комнату; Клеопатра Петровна, оставшись одна, сидѣла довольно долго, не двигаясь съ мѣста. Лицо ея приняло обычное могильное выраженіе: темное и страшное предчувствіе говорило ей, что на Павла ей нельзя было возлагать много надеждъ, и что онъ, какъ пойманный орелъ, все сильнѣй и сильнѣй начи-

наетъ рваться у ней изъ рукъ, чтобы вспорхнуть и улетѣть отъ нея.

XVII.

Опять ревность.

Въ день считки Павелъ съ Фатѣевой еще болѣе поссорился.

— Вы поѣдете?—спросилъ онъ ее передъ самымъ отъѣздомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала та попрежнему мрачно.

— Какъ угодно-съ! — проговорилъ Павелъ. — Найдемъ актрисъ и безъ васъ, найдемъ!—присовокупилъ онъ, уходя и надѣвая набекрень студенческую фуражку.

М-me Фатѣева вздрогнула при этомъ. Она еще не вполнѣ понимала, какъ она огорчаетъ и оскорбляетъ Павла своимъ отказомъ участвовать въ театрѣ: знай это хорошо — она не сдѣлала бы того!

Павелъ прямо поѣхалъ въ номера m-me Гартунгъ.

Онъ проворно взбѣжалъ по высокой лѣстницѣ и прошелъ въ номеръ къ Аннѣ Ивановнѣ. Онъ засталъ, что она въ новомъ кисейномъ платьѣ вертѣлась передъ зеркаломъ.

— А, Вихровъ, здравствуйте! — воскликнула она весело, хлопнувъ своей маленькой ручкой въ его руку.

— Я къ вамъ съ просьбой и съ предложеніемъ, — началъ онъ.

— Въ чемъ дѣло? Слушаю-съ!.. — сказала Анна Ивановна, съ важностью садясь на свое креслице:—впрочемъ, погодите, постойте, здорова ли m-me Фатѣева?

— Здорова, — отвѣчалъ торопливо Павелъ. — Дѣло мое въ томъ, что мы затѣваемъ театръ устроить и просимъ, чтобы и вы съ нами играли.

— А m-me Фатѣева будетъ тоже играть?

— Нѣтъ, не будетъ.

— Отчего же это?

— Оттого, что у ней способности никакой на это нѣтъ.

— А съ чего же вы думаете, что у меня есть способности?

— А оттого, что вы живая, какъ ртуть.

— А она развѣ не живая? Ухъ, какая, должно-быть, живая! Кто же еще будетъ изъ мужчинъ играть?

— Да все наши.

— А Невѣдомовъ будетъ играть?

— Будетъ. А вы съ нимъ видитесь?

— Нѣтъ, теперь ужъ я сама на него сердита; если онъ не желаетъ помириться со мной, такъ и Богъ съ нимъ! Съ удовольствіемъ бы, Вихровъ, я стала съ вами играть, съ удо-

вольствіемъ бы,—продолжала она:—но у меня теперь у самой одно большое и важное дѣло затѣвается: ко мнѣ сватается женихъ; я за него замужъ хочу выйти.

— За кого же это?

— За купца, за богатаго.

— Кто же вамъ высваталъ его?

— А тутъ одна торговка-сваха ходитъ къ Каролинѣ Карловнѣ.

— Смотрите, чтобы привередникъ какой-нибудь не вышелъ, если купецъ, да еще богатый.

— Что дѣлать-то, Вихровъ?.. Бѣдные на мнѣ не женятся, потому что я сама бѣдна. Главное, вотъ что—вы вѣдь знаете мою исторію: Каролина Карловна говоритъ, чтобы я называлась вдовой; но вѣдь онъ по бумагамъ моимъ увидитъ, что я замужемъ не была: а потому я и сказала, чтобы сваха разсказала ему все: зачѣмъ же его обманывать!

— Зачѣмъ обманывать, не слѣдуетъ; но сами вы будете ли любить его?

— Ну, вотъ этого не знаю, постараюсь! — отвѣчала Анна Ивановна и развела ручками. — А вѣдь какъ, Вихровъ, мнѣ въ дѣвушкахъ-то оставаться: всѣ волочатся за мной, проходу не даютъ, точно я—какая дрянная совсѣмъ. Всѣ, кромѣ васъ, волочились, ей-Богу!—заключила она и надула даже губки; ей, въ самомъ дѣлѣ, несносно даже было, что всѣ считали точно какой-то обязанностью поухаживать за ней.

— Вамъ замужество, я полагаю,—началъ Павелъ (у него въ головѣ все-таки было свое):—не можетъ помѣшать сыграть на театрѣ: вы сыграете, а потомъ выйдете замужъ.

— А какъ женихъ узнаетъ и скажетъ: «зачѣмъ вы со студентами театръ играете?» Онъ и то ужъ Каролинѣ Карловнѣ говорилъ: — «Зачѣмъ это она живетъ въ номерахъ со студентами?»

— Я и Каролину Карловну приглашу играть,—объяснилъ ей Павелъ.

— Развѣ вотъ что сдѣлать,—разсуждала между тѣмъ Анна Ивановна (ей самой очень хотѣлось сыграть на театрѣ): — я скажу жениху, что я очень люблю театръ. Если онъ разсердится и запретитъ мнѣ, тогда зачѣмъ мнѣ и замужъ за него выходить; а если скажетъ: «хорошо, сыграйте», тогда я буду играть.

— Значитъ, во всякомъ случаѣ вы будете играть?—сказалъ съ удовольствіемъ Павелъ.

— Во всякомъ случаѣ!—отвѣчала Анна Ивановна, окончательно рѣшившаяся участвовать въ спектаклѣ.

— Ну-съ, поэтому вы надѣвайте вашу шляпку, и мы сейчасъ же поѣдемъ на считку въ одинъ домъ, а я схожу къ Каролинѣ Карловнѣ, — и онъ пошелъ къ m-me Гартунгъ.

Онъ засталъ ее сидящею у окна, очень похудѣвшую въ лицѣ, но въ таліи какъ бы нѣсколько даже пополнѣвшую. Онъ пъяснилъ ей свою просьбу, чтобы она взялась играть въ «Ромео и Юліи»—няньку.

Каролина Карловна сначала посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Гдѣ же этотъ театръ у васъ будетъ?—спросила она.

— Въ одномъ домѣ очень хорошемъ... Согласитесь, Каролина Карловна.

— Нѣтъ, Вихровъ, не могу, — отвѣчала она и вздохнула.

— Отчего же не можете?

— Оттого, что мнѣ не до того теперь... не до театровъ вашихъ, — проговорила Каролина Карловна и потупилась; на глазахъ у ней навернулись слезы.

Павелъ подозрительно осмотрѣлъ ея станъ.

— Неужели—опять?—спросилъ онъ ее.

М-me Гартунгъ на это только утвердительно кивнула головой.

— Что же,—опять злодѣй Саловъ?

Каролина Карловна отрицательно покачала головой, и хоть послѣ того, какъ Павелъ сдѣлалъ Каролинѣ Карловнѣ откровенное признаніе въ своей любви, они были совершенно между собой друзья, но все-таки разспрашивать болѣе онъ не почелъ себя въ правѣ. Впослѣдствіи онъ, впрочемъ, узналъ, что виновникомъ новаго горя Каролины Карловны былъ одинъ изъ таинственныхъ фармацевтовъ: русскому она, можетъ-быть, не повѣрила бы болѣе; но противъ нѣмца устоять не могла!

— Ну, что же дѣлать, очень жаль! — говорилъ Павелъ, находя и со своей стороны совершенно невозможнымъ, чтобы она въ этомъ положеніи появилась на сценѣ.—До свиданья!— сказалъ онъ и ушелъ опять къ Аннѣ Ивановнѣ, которая была уже въ шляпкѣ. Онъ посадилъ ее на нарочно взятаго лихача, и они понеслись на Никитскую. Фатѣеву Павелъ въ эту минуту совершенно забылъ. Впереди у него было искусство и мысль о томъ, какъ бы хорошенько выучить Анну Ивановну сыграть роль Юліи.

Домъ князя Курскаго былъ барскій и не на московскій ладъ, а на петербургскій: каменный, двухъэтажный, съ зеркальнымъ подъѣздомъ. Огромную дверь имъ отмахнулъ арабъ - швейцаръ. Когда Павелъ и Анна Ивановна вошли въ сѣни, арабъ снялъ съ нея салопъ и, перекинувъ его на руку, видимо, оставался нѣсколько мгновеній

въ недоумѣніи: такихъ мѣховъ онъ еще не видывалъ: салопъ у Анны Ивановны былъ на крашеномъ заячьемъ мѣху. Павелъ взглянулъ вверхъ. Имъ предстояло проходить по устланной ковромъ лѣстницѣ, уставленной цвѣтами и статуями. Прошли они и очутились въ картинной галлереѣ, потомъ еще въ какой-то комнатѣ со шкапами съ серебромъ, и въ каждой комнатѣ стояли ливрейные лакеи и съ любопытствомъ на нихъ посматривали.

— Господи, куда же мы это попали?—спросила Анна Ивановна боязливо.

А Павелъ, напротивъ, потиралъ отъ удовольствія руки, и когда они вошли въ залу, предназначенную для театра, онъ спросилъ стоявшаго тутъ солидной наружности лакея:

— А что, здѣсь игрывали театръ?

— Игрывали... неоднократно!—отвѣчалъ тотъ съ важностью.

— И какую, я думаю, все чушь, дребедень все французскую,—обратился Павелъ къ Аннѣ Ивановнѣ.

— Ну нѣтъ, какую же чушь!..—возразила она.

Ей очень ужъ нравились эти мраморныя стѣны и идущія вокругъ колоннъ пунцовыя скамейки...—какъ же тутъ играть чушь? Между тѣмъ подъѣхали и другіе участвующіе: Пѣтинъ явился въ самомъ оборванномъ вицмундирѣ; Заминъ — въ какомъ-то верблюжьяго цвѣта пальто, которое онъ купилъ на толкучкѣ, и наконецъ пришелъ Невѣдомовъ въ подрясникѣ. Стоявшіе въ комнатахъ лакеи пошли за нимъ ужъ по пятамъ и раскрыли даже отъ недоумѣнія рты. Они вообще, кажется, опасались, чтобы кто-нибудь изъ лицедѣевъ не стащилъ что-нибудь изъ цѣнныхъ вещей. Невѣдомовъ, войдя и увидѣвъ Анну Ивановну, поблѣднѣлъ и отшатнулся немного назадъ. Павелъ замѣтилъ это и поспѣшилъ къ нему подойти.

— Развѣ Анна Ивановна будетъ съ нами играть? — спросилъ Невѣдомовъ дрожащимъ голосомъ.

— Но кому же играть? Клеопатра Петровна не хочетъ; я и пригласилъ Анну Ивановну.

— Что же вы мнѣ не сказали того прежде!—сказалъ Невѣдомовъ.

Анна Ивановна въ это время, поднявъ свою голову, похаживала вдали и какъ будто бы даже не замѣчала Невѣдомова.

— Чѣмъ же она вамъ можетъ помѣшать?.. Вы однако, надѣюсь, будете играть?—говорилъ Вихровъ.

Его по преимуществу безпокоило то, чтобы какъ-нибудь не разстроился театръ.

— Не знаю уже теперь! — проговорилъ Невѣдомовъ, упо-

требляя, какъ видно, страшныя усилія надъ собой, чтобы успокоиться.

«Вотъ баба нервная!» — думалъ Павелъ про себя, отходя отъ Невѣдомова.

Пѣтинъ и Заминъ, попавъ въ такой богатый домъ, тоже какъ будто присмирѣли.

— Мучусь и унываю, когда я на это взираю! — говорилъ Заминъ, поглядывая на стѣны.

— Арапъ-то какой важный стоитъ внизу, — говорилъ Пѣтинъ:—безъ всякой отмѣтины, весь черный.

— Нарочно такого ужъ и дѣлали, — подтвердилъ Заминъ.

Павелъ пригласилъ всѣхъ начать считку.

— Ну-съ, Анна Ивановна, пожалуйте сюда!—говорилъ онъ, вызывая ее на середину залы.

Та вышла.

— Извольте читать за Юлію, а я—за Ромео.

Анна Ивановна зачитала очень недурно: она между студентами навострилась уже въ чтеніи.

Павелъ былъ замѣчательно хорошъ въ роли Ромео, такъ что Невѣдомовъ, несмотря на свое душевное разстройство, сталъ его слушать.

Сколько у Вихрова было непритворнаго огня, сколько благородства въ тонѣ голоса! Но кто удивилъ всѣхъ — такъ это Пѣтинъ: какъ вышелъ онъ на середину залы, ударилъ ногой въ полъ и зачиталъ:

— «О, вижу ясно, что у тебя въ гостяхъ была царица Мабъ!»—всѣ тутъ же единогласно согласились, что они такого Меркуціо не видывали и не увидятъ никогда. Грустный Невѣдомовъ читалъ Лоренцо грустно, но съ большимъ толкомъ, и все поднималъ глаза къ небу. Заминъ, взявшій на себя роль Капулетти, говорилъ какимъ-то гортаннымъ, старческимъ голосомъ—«Привѣтъ вамъ, дорогіе гости!», и больше походилъ на мужицкаго старосту, чѣмъ на итальянскаго патриція.

Когда такимъ образомъ считывались и Павелъ былъ въ совершеннѣйшемъ увлеченіи, Анна Ивановна, стоявшая рядомъ съ нимъ, взглянувъ на двери, проговорила:

— Какая-то дама еще пріѣхала... Ахъ, это Клеопатра Петровна! — прибавила она и почему-то сконфузилась.

Павелъ, ударивъ себя по головѣ, произнесъ:

— Это что еще за штуки она выкидываетъ!

Фатѣева входила медленнымъ и неторопливымъ шагомъ; она была блѣдна, губы у нея посинѣли.

— Что же ты меня не подождалъ, когда поѣхалъ? — спро-

сила она Павла, проходя мимо него и садясь на одинъ изъ ближайшихъ къ нему стульевъ.

— А развѣ ты будешь играть? — спросилъ онъ ее.

— Буду!

— По какую же роль? Роль Юліи я передалъ Аннѣ Ивановнѣ. Развѣ вы возьмете роль няни?

— Мнѣ все равно! — отвѣчала Клеопатра Петровна, еще болѣе поблѣднѣвъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы будете играть няньку, — сказалъ Павелъ, думавшій, что m-me Фатѣева въ самомъ дѣлѣ будетъ играть на театрѣ.

Затѣмъ считка пошла какъ-то ужасно плохо. Анна Ивановна замѣтно конфузилась при Клеопатрѣ Петровнѣ: женскій инстинктъ говорилъ ей, что Фатѣева въ настоящую минуту сердится, — и сердится именно на нее. Невѣдомовъ только того, кажется, и ожидалъ, чтобы все это поскорѣе кончилось. Пѣтинъ и Заминъ подсѣли-было къ Клеопатрѣ Петровнѣ, чтобы посмѣшить ее; но она даже не улыбнулась, а неподвижно, какъ статуя, сидѣла и смотрѣла то на Павла, то на Анну Ивановну, все еще стоявшихъ по серединѣ залы.

— Ну, будетъ на сегодня! — сказалъ, не вытерпѣвъ болѣе этой пытки, Павелъ. — Я васъ, Анна Ивановна, довезу до дому, — прибавилъ онъ нарочно громко.

— А я-то какъ же, опять одна поѣду? — отнеслась Клеопатра Петровна къ нему.

У ней при этомъ губы даже дрожали.

— Вы ужъ потрудитесь однѣ уѣхать. Я Анну Ивановну взялъ и долженъ ее обратно довезти, — отвѣчалъ онъ ей безжалостно.

Вихровъ не считалъ себя ни въ чемъ, даже въ помыслахъ, виноватымъ противъ Клеопатры Петровны, а потому рѣшился наказать ее за ея безумную ревность.

— Поѣдемте, Анна Ивановна! — сказалъ онъ.

Анна Ивановна пошла за нимъ и была какая-то испуганная.

— Заминъ, поѣдемте со мной, довезите меня до дому! — сказала въ свою очередь Клеопатра Петровна Замину.

— Съ великою готовностью! — отвѣчалъ тотъ.

— А я за вами цѣпочкомъ, цѣпочкомъ! — сказалъ Пѣтинъ, чтобы посмѣшить ее; но Клеопатра Петровна не смѣялась, и такимъ образомъ обѣ пары разъѣхались въ разныя стороны: Вихровъ съ Анною Ивановною на Тверскую, а Клеопатра Петровна съ Заминымъ на Петровку. Невѣдомовъ побрелъ домой одинъ, потупивъ голову.

— За что это Клеопатра Петровна сердится на васъ?— спросила Анна Ивановна Павла съ первыхъ же словъ, когда они поѣхали.

— Ревнуетъ! — отвѣчалъ тотъ.

— Къ кому же? Ко мнѣ?

— Къ вамъ и ко всѣмъ въ мірѣ женщинамъ.

— Зачѣмъ же вы ее еще больше сердите и поѣхали не съ ней, а со мной?

— Потому что я васъ привезъ; а она не хотѣла ѣхать со мной, такъ пусть и ѣдетъ одна.

— Ну вотъ, зачѣмъ это? А домой, я думаю, пріѣдете, сейчасъ ручки и ножки начнете цѣловать.

— Нѣтъ, я не изъ такихъ, — отвѣчалъ Вихровъ.

— Изъ какихъ же?.. Сердитый и злой... у!.. Гадкій вы, послѣ того! А что, скажите, Невѣдомовъ говорилъ съ вами?

— Ему было очень тяжело съ вами встрѣтиться.

— Что жъ я—пугало, что ли, какое?—спросила Анна Ивановна.

— Напротивъ, я думаю, брильянтъ, отъ котораго онъ самовольно отказывается.

— А отчего же онъ отказывается?

— Спросите его! — отвѣчалъ Вихровъ.

— Онъ сумасшедшій.

— Есть немного. До свиданья!

Вихровъ, высадивъ Анну Ивановну на Тверской, поѣхалъ къ себѣ на Петровку. Онъ хотя болталъ и шутилъ дорогой, но на сердцѣ у него кошки скребли. Дома онъ перваго встрѣтилъ Замина съ какимъ-то испуганнымъ лицомъ и говорящаго почти шопотомъ.

— Клеопатра Петровна очень больна, — произнесъ онъ.

— Чѣмъ же? — спросилъ Павелъ.

— Всю дорогу плакала, выгибалась, такъ что я придерживать ее сталъ. А народъ—фабричные эти встрѣчаются: «ишь, говорятъ, студентъ дѣвку пьяную везетъ!»

Павелъ вошелъ-было въ спальню, гдѣ Клеопатра Петровна въ распущенномъ платьѣ лежала на постели.

— Подите отъ меня прочь, подите! — почти закричала она на него.

Павелъ воротился въ залу.

Заминъ понялъ, что тутъ что-то такое неладное происходитъ.

— Ну, такъ я больше теперь не нуженъ и могу ѣхать домой, — сказалъ онъ.

— Поѣзжайте! — проговорилъ ему Павелъ.

Заминъ уѣхалъ.

Павелъ, оставшись одинъ, сталъ прислушиваться, что̀ дѣлается въ спальной; ему и жаль было Клеопатры Петровны, и вмѣстѣ съ тѣмъ она бѣсила его до послѣдней степени.

Вдругъ въ спальной раздались какіе-то удары и вслѣдъ затѣмъ слова горничной: «Клеопатра Петровна, матушка, полноте, полноте!». Но удары продолжались. Павелъ понять не могъ, что̀ это такое. Затѣмъ горничная съ испуганнымъ лицомъ вышла къ нему.

— Павелъ Михайловичъ, уймите Клеопатру Петровну: онѣ себя головой бьютъ о спинку кровати.

Удары между тѣмъ все еще продолжались. Павелъ вошелъ опять въ спальную. Клеопатра Петровна, почти вся посинѣвшая, колотила себя затылкомъ о кровать!

— Послушайте, — началъ Павелъ задыхающимся голосомъ: — если вы еще разъ стукнетесь головой, я свяжу васъ и цѣлый день такъ продержу.

— Убейте лучше меня! — говорила Клеопатра Петровна.

— Убивать я васъ не стану; но я прежде всего желалъ бы знать, изъ-за чего вы бѣснуетесь и за что вы сердитесь на меня?

— Какъ же, вѣдь очень весело это, — продолжала, въ свою очередь, Фатѣева: — заставилъ меня, какъ дуру какую, читать на потѣху пріятелямъ своимъ... И какой самъ актеръ превосходный, и какую актрису отличную нашелъ!.. Нарочно выбралъ пьесу такую, чтобы съ ней цѣловаться и обниматься.

— Все это прекрасно! — началъ Павелъ спокойнымъ, по наружности, голосомъ, хотя въ душѣ его и бушевалъ гнѣвъ: эти вопли невѣжества противъ его страсти къ театру оскорбляли все существо его.—Маша, подай сюда лавровишневыхъ капель, — прибавилъ онъ.

Маша подала.

Павелъ, накапавъ ихъ въ рюмку, подалъ Клеопатрѣ Петровнѣ.

— Вотъ, выпейте это лучше.

Та выпила капли съ жадностью.

Павелъ велѣлъ подать еще стаканъ холодной воды.

Горничная подала.

Клеопатра Петровна выпила его весь. Все это ее сильно успокоило, и, главное, я думаю, ухаживанье Павла порадовало ее.

Она начала рыдать.

— Проплачьтесь, это хорошо! — сказалъ онъ и отошелъ къ окну.

Клеопатра Петровна, какъ и всегда это бывало, отъ гнѣва прямо перешла къ нѣжности и протянула къ Павлу руку.

— Ну, подите сюда и сядьте около меня!—сказала она.

Павелъ подошелъ и сѣлъ.

— Ты любишь вѣдь меня еще, — да?

— Никакого повода не подалъ я, кажется, тебѣ въ этомъ сомнѣваться,—проговорилъ въ отвѣтъ Павелъ довольно сухо.

— Ну, прости меня. Скажи мнѣ, что ты меня прощаешь,— говорила она, цѣлуя его руки.

— На сумасшедшую не сердятся.

— А самъ ты развѣ ни въ чемъ не виноватъ противъ меня?

— Я думаю!

— Ну, побожись!

— Достаточно, надѣюсь, моего слова.

— Скажи мнѣ еще разъ, что ты прощаешь мнѣ.

— Совершенно прощаю! — отвѣчалъ Павелъ: ему больше всего хотѣлось поскорѣй кончить эту сцену. — Ты устала, да и я тоже; пойду и отдохну,—проговорилъ онъ и, поцѣловавъ Клеопатру Петровну по ея желанію, ушелъ къ себѣ.

Бѣдная женщина однако очень хорошо видѣла, что отъ Павла послѣдовало ей далеко не полное прощеніе. Горничная ея слышала, что она всю ночь почти рыдала.

XVIII.

Разлука.

Поутру Павелъ получилъ отъ Невѣдомова письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ его, что онъ не можетъ участвовать въ театрѣ, потому что уѣзжаетъ пожить къ Троицѣ.

«Видно, совсѣмъ хочетъ поступить въ монахи»,—подумалъ Павелъ.

На роль Лоренцо значитъ, недоставало теперь актера; для паньки Вихровъ тоже никого не могъ найти. Кого онъ изъ знакомыхъ дамъ ни приглашалъ, но какъ онѣ услышатъ, что этотъ театръ не то, чтобы въ домѣ гдѣ-нибудь устраивался, а затѣваютъ его просто студенты,—такъ и откажутся. Павелъ, дѣлать нечего, съ глубокимъ душевнымъ прискорбіемъ отказался отъ мысли о театрѣ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ самъ себѣ:—наше общество слишкомъ еще глупо и пошловато, чтобы съ нимъ и въ немъ сыграть настоящимъ образомъ Шекспира!

Съ Фатѣевой у Павла образовались тяжелыя и въ высшей степени натянутыя отношенія. Нравственное обаяніе,

которое она имѣла сначала на него, — и, по преимуществу, своею несчастною семейною жизнью,— вслѣдствіе вспышекъ ея ревности и недостатка образованія, почти совершенно рушилось; жажда же физическихъ утѣхъ, отъ привычки и безпрепятственности ихъ, значительно притупилась. Павелъ, впрочемъ, старался все это скрывать самымъ тщательнымъ образомъ; но m-me Фатѣева знала жизнь и людей: она очень хорошо видѣла, что она для Павла — ничто, и что онъ только великодушничалъ съ ней. Гордость и самолюбіе женское страшно въ ней заговорили: она проплакивала цѣлые дни; Павла это мучило до невѣроятности.

— О чемъ вы все плачете? — спрашивалъ онъ ее, зная, разумѣется, причину ея слезъ.

— Чему же мнѣ радоваться? — отвѣчала она ему на это уклончиво.

А между тѣмъ башмаки какіе купить она могла только на деньги Павла: своихъ у нея не было ни копейки.

Тщетно она ломала себѣ голову—какъ бы и куда отъ него уѣхать: ѣхать къ матери не было никакой возможности, такъ какъ та сама чуть не умирала съ голоду; воротиться другой разъ къ мужу — она совершенно не надѣялась, чтобы онъ принялъ ее. Заинтересуйся въ это время Клеопатрой Петровной какой-нибудь господинъ съ обезпеченнымъ состояніемъ— она ни минуты бы не задумалась сдѣлаться его любовницей и упла бы къ нему отъ Вихрова; но такого не случилось, а время между тѣмъ, этотъ великій мастеръ разрубать всѣ гордіевы узлы человѣческихъ отношеній, рѣшило этотъ вопросъ гораздо проще и приличнѣе. Однажды Фатѣева сидѣла въ своей комнатѣ, а Павелъ — въ своей. Послѣднее время онъ почти постоянно занимался, готовясь къ выпускному экзамену. Клеопатрѣ Петровнѣ подали письмо; она, взглянувъ на адресъ, сдѣлала довольно равнодушную мину. Письмо было написано рукою m-lle Прыхиной. Преданная дѣвица сія вела со своей пріятельницей самую длинную и самую неутомимую переписку.

«Cher ангельчикъ! — начинала она это письмо: — въ то время, какъ ты утопаешь въ морѣ твоего счастія, я хочу нанести тебѣ крошечный, едва чувствительный для тебя ударъ, но въ которомъ заранѣе прошу у тебя извиненія. Твой мужъ, гонимый бурными потоками жизни, приближается къ лону отцовъ своихъ. Онъ заболѣлъ и теперь опасно боленъ. Я стороной услыхала, что его обкрадываютъ разныя приближенныя особы, и рѣшилась сама поѣхать къ нему. Онъ обрадовался мнѣ, какъ какому-нибудь спасителю рода человѣческаго: цѣловалъ у меня руки, плакалъ и сейчасъ же сталъ

жаловаться мнѣ на своихъ горничныхъ дѣвицъ, которыя днемъ и ночью оставляютъ его, больного, одного; въ то время, какъ онъ мучится въ предсмертной агоніи, онѣ по кухнямъ шумятъ, пляшутъ, пѣсни поютъ. Именемъ нашей дружбы, умоляю тебя пріѣхать къ нему. Я сама ему сказала объ этомъ, и онъ, бѣдный, въ какой-то дѣтскій восторгъ пришелъ:—«Неужели она пріѣдетъ ко мнѣ? Скажите, что я оставлю ей все состояніе, только бы она пріѣхала и успокоила меня». Не сдѣлаешь ты этого, ангельчикъ, у васъ все будетъ растащено, и если ты пріѣдешь послѣ его смерти, ничего ужъ не найдешь. Поля твоего поцѣлуй за меня».

Читая это письмо, Фатѣева по временамъ блѣднѣла и краснѣла, потомъ гордо выпрямилась, вздохнула глубоко и пошла къ Вихрову.

— Я сейчасъ объ мужѣ извѣстіе получила,—сказала она.— Мнѣ надобно ѣхать къ нему; онъ очень боленъ.

Павелъ взглянулъ на нее со вниманіемъ. Онъ полагалъ, что она это придумала, чтобъ уѣхать отъ него.

— Кто же тебя извѣщаетъ объ этомъ?—спросилъ онъ.

— Катя Прыхина,—отвѣчала Фатѣева и подала письмо пріятельницы.

Павелъ прочелъ, и ему стало вдругъ безконечно грустно разстаться съ Клеопатрой Петровной.

— Очень жаль, что вы уѣдете,—проговорилъ онъ.

— Если я не поѣду туда, такъ всего лишусь,—сказала она. У ней тоже навернулись на глазахъ слезы.

— Стало-быть, онъ однако очень боленъ, если Прыхина такъ пишетъ,—продолжалъ Павелъ.

— Вѣроятно, очень боленъ,—подтвердила Фатѣева.

— Можетъ-быть, вся эта исторія недолго и продолжится.

— Конечно,—какъ бы успокоивала его Фатѣева.

— Что же это онъ раскаялся передъ тобой?—спросилъ Павелъ, заглядывая снова въ письмо.

— Онъ всегда очень цѣнилъ меня и былъ бы добръ ко мнѣ, если бы не возстановляли противъ меня его возлюбленныя!

Фатѣева это такъ говорила, что какъ будто бы никогда ни въ чемъ и виновата не была передъ мужемъ. Вихрову это показалось ужъ немножко странно.

— Мнѣ будетъ очень тяжело видѣть страданія его,—продолжала она, нахмуривая уже брови:—потому что этотъ человѣкъ все-таки сдѣлалъ для меня добра гораздо больше, чѣмъ всѣ остальные люди.

На кого этотъ намекъ былъ направленъ—Богу извѣстно.

— Больше всѣхъ добра и больше всѣхъ снисхожденія

оказалъ, — отвѣчалъ, въ свою очередь, не безъ цѣли Павелъ.

Фатѣева при этомъ только взглянула на него и ни слова ему не возразила.

Павелъ вскорѣ послѣ того ушелъ къ Невѣдомову, чтобъ узнать отъ того, зачѣмъ онъ ѣдетъ къ Троицѣ, и чтобъ поговорить съ нимъ о собственныхъ чувствованіяхъ и отношеніяхъ къ m-me Фатѣевой. Въ глубинѣ души онъ все-таки чувствовалъ себя не совсѣмъ правымъ противъ нея.

Онъ засталъ пріятеля, одѣтаго въ новый подрясникъ, надѣвающимъ перчатки, — и ужъ не съ фуражкой, а съ скуфейкой въ рукахъ.

— Куда это вы? — спросилъ его Павелъ.

— Въ Симоновъ монастырь хочу съѣздить; первую весеннюю прогулку сдѣлать, — отвѣчалъ Невѣдомовъ.

— Позвольте, и я съ вами съѣзжу, — сказалъ Павелъ.

— Поѣдемте, — проговорилъ Невѣдомовъ, и когда они вышли на улицу, то онъ пошелъ пѣшкомъ.

— Возьмемте извозчика, — остановилъ-было его Павелъ.

— Мы на лодкѣ поѣдемъ, — возразилъ Невѣдомовъ.

— И то хорошо! — согласился Павелъ.

Они дошли до Москворѣцкаго моста, ни слова не сказавъ другъ съ другомъ, и только когда сѣли въ лодку и поѣхали, Павелъ спросилъ Невѣдомова, какъ-то внимательно и грустно смотрѣвшаго на воду:

— Вы къ Троицѣ, вѣроятно, переселяетесь за тѣмъ, чтобы къ монастырю быть поближе?

— Да, — отвѣчалъ Невѣдомовъ.

— А потомъ, конечно, и въ монастырь поступите?

— Если примутъ.

Разговоръ на нѣсколько времени пріостановился. Павелъ сталъ глядѣть на Москву и на видиѣющіяся въ ней почти на каждомъ шагу церкви и колокольни. По его кипучей и рвущейся еще къ жизни натурѣ, — все это какъ-то не имѣло теперь для него никакого значенія; а между тѣмъ для Невѣдомова скоро будетъ все въ этомъ заключаться, и Павлу стало жаль пріятеля.

— Я не знаю, Невѣдомовъ, — началъ онъ: — хорошо ли вы дѣлаете, что поступаете въ монастырь. Вы человѣкъ слишкомъ умный, слишкомъ честный, слишкомъ образованный!.. Вы, войдя въ эту среду, задохнетесь!.. Ни одинъ изъ вашихъ интересовъ не встрѣтитъ ни сочувствія ни пониманія.

— Отчего же? Тамъ есть очень много умныхъ и высокообразованныхъ людей.

— Да-съ, но это между высшими духовными лицами, а вамъ придется вращаться между низшей братіей.

— Я буду, по возможности, избѣгать этой низшей братіи,— сказалъ съ улыбкою Невѣдомовъ. — Да теперь къ чему и самъ-то гожусь! — почти воскликнулъ онъ.

— Да перевести всего Шекспира,—подхватилъ Павелъ.

— Все ужъ сжегъ теперь, ничего не осталось, — проговорилъ Невѣдомовъ.

— Какъ сожгли?

— Такъ! — отвѣчалъ Невѣдомовъ очень покойно.

— Послушайте, — произнесъ съ укоромъ Павелъ: — къ чему же такое отрицаніе отъ всего!.. Хоть бы та же Анна Ивановна, она стала бы любить васъ всю жизнь, если бы вы хоть частицу возвратили ей вашего прежняго чувства.

— Оно теперь ужъ ей, я думаю, окончательно не нужно,— возразилъ съ усмѣшкой Невѣдомовъ:—вчера я слышалъ, что она замужъ даже выходитъ за какого-то купца.

— Кто жъ въ этомъ виноватъ, какъ не вы! — произнесъ Павелъ:—вы сами ее отъ себя оттолкнули.

— Такою, какою она теперь стала, я нисколько и не сожалѣю, что оттолкнулъ ее,—сказалъ Невѣдомовъ.

Въ это время они подъѣхали къ небольшой монастырской пристани. Идущіе отъ нея и покрытые весеннею свѣжестью луга, нѣсколько совершенно ужъ распустившихся деревьевъ, пѣвняку, и наконецъ теплый, свѣтлый вечеръ оживили Павла. Онъ началъ радоваться, какъ малый ребенокъ.

— Вотъ вмѣстѣ съ Полежаевымъ могу сказать я, — декламировалъ онъ: — «Я былъ въ поляхъ, какая радость! Межъ тѣмъ въ Москвѣ какая гадость!»

Но Невѣдомовъ шелъ молча, видимо, занятый своими собственными мыслями. Взобравшись на гору, онъ вошелъ въ ворота монастыря и, обратившись къ шедшему за нимъ Вихрову, проговорилъ:

— Посидите тутъ гдѣ-нибудь; я зайду къ одному монаху, чтобы взять отъ него письмо къ настоятелю Троицкому.

Павелъ мотнулъ ему въ знакъ согласія головой и помѣстился на одну изъ скамеечекъ, передъ множествомъ стоящихъ передъ нею надгробныхъ памятниковъ.

Невѣдомовъ тоже скоро возвратился къ нему и сѣлъ рядомъ съ нимъ на скамеечку.

— Послушайте, Невѣдомовъ, — началъ Павелъ, показывая пріятелю на затѣйливые и пестрые храмы и на келіи съ небольшими окнами: — не страшно вамъ отъ этого? Посмотрите, какимъ-то застоемъ, какимъ мертвенымъ вѣетъ отъ всего

этого: а тамъ-то, слышите?.. — И Вихровъ указалъ пальцемъ по направленію рѣзко свистящаго звука пара, который послышался съ одной изъ сосѣднихъ фабрикъ. — Это вотъ — видно, что живое дѣло!.. Когда на эти бойницы выходили монахи и отбивались отъ непріятелей, тогда я понимаю, что всякому человѣку можно было прятаться въ этихъ стѣнахъ; теперь же, когда это стало какимъ-то эстетическимъ времяпровожденіемъ нѣсколькихъ любителей или лѣнивцевъ...

— Да самъ-то я, поймите вы меня,—произнесъ уже съ досадою Невѣдомовъ:—ни для какой другой жизни не гожусь.

Вихровъ посмотрѣлъ ему въ лицо. «Можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ онъ ни на что ужъ больше и не годенъ, какъ для кельи и для созерцательной жизни»,—подумалъ онъ.

— Э, что тутъ говорить.—началъ снова Невѣдомовъ, выпрямляясь и растирая себѣ грудь. — Вотъ, по-моему, самое лучшее утѣшеніе въ каждомъ горѣ,—прибавилъ онъ, показывая глазами на памятники: — какія бы тебя страданія ни постигли, вспомни, что они кончатся, и что ты будешь тутъ!

— Смерть — вещь страшная, — произнесъ Павелъ съ какимъ-то даже отвращеніемъ.

— Она, я думаю, вещь успокоительная, — произнесъ Невѣдомовъ.

Павелъ многое бы могъ возразить противъ этого; но у него какъ-то языкъ не поворачивался — ужъ и въ этомъ-то разочаровывать Невѣдомова.

— У меня, въ моей любви, тоже плохо идетъ, — началъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія и нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ.

— Что же такъ?—спросилъ Невѣдомовъ равнодушно и продолжая смотрѣть на памятники.

— Клеопатра Петровна ѣдетъ въ деревню; мужъ у ней умираетъ.

— Ѣдетъ? — переспросилъ Невѣдомовъ.

— Уѣзжаетъ, и у насъ съ ней какія-то странныя отношенія образовались: мы совершенно одновременно припаскучили и принадоѣли другъ другу.

Невѣдомовъ слегка усмѣхнулся.

— Этого надобно было ожидать,—проговорилъ онъ.

— Почему *надобно* было ожидать? — спросилъ Павелъ съ удареніемъ.

— Потому что всегда и вездѣ это бываетъ.

— То-есть, вы хотите сказать: между всѣми любовниками.

— Это именно я и хочу сказать,—подтвердилъ Невѣдомовъ.

— И для продолжительной любви вы полагаете необхо-

дымою дѣвственную невинность со стороны женщины и бракъ?— разспрашивалъ Павелъ, очень хорошо заранѣе зная мнѣніе Невѣдомова по этому предмету.

— Считаю это важнѣйшимъ и существеннѣйшимъ условіемъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Поэтому, если бы васъ полюбила Анна Ивановна и вы бы женились на ней, ваша любовь была бы продолжительнѣе нашей? — захотѣлось Павлу кольнуть немного пріятеля.

— Вѣроятно; но тогда Анна Ивановна должна была бы быть совершенно другихъ свойствъ, — отвѣчалъ Невѣдомовъ съ грустной усмѣшкой.

Павелъ въ свою очередь тоже усмѣхнулся и покачалъ головой.

Когда они поѣхали обратно, вечерній туманъ спускался уже на землю. Въ Москвѣ ихъ встрѣтили пыль, удушливый воздухъ и стукъ экипажей. Вихровъ при прощаньи крѣпко обнялъ пріятеля и почти съ нѣжностью поцѣловалъ его: онъ очень хорошо понималъ, что разстается съ однимъ изъ честнѣйшихъ и поэтичнѣйшихъ людей, какихъ когда-либо ему придется встрѣтить въ жизни.

Дома онъ засталъ, что Клеопатра Петровна стояла въ своей комнатѣ и держала въ рукѣ пачку какихъ-то бумагъ.

— Что это у тебя за бумаги?—спросилъ ее Павелъ.

— Письма твои, — отвѣчала Фатѣева притворно равнодушнымъ тономъ: — смотрѣла, какъ ихъ въ чемоданъ положить и подальше спрятать.

— А всего, я думаю, лучше спрятать ихъ въ печку, въ огонь.

— Зачѣмъ же? — возразила Фатѣева. — Я хочу, по крайней мѣрѣ, хоть по письмамъ видѣть, каковъ ты былъ когда-то въ отношеніи меня, — прибавила она.

— Въ отношеніи васъ-съ!—сказалъ какъ бы шутливо Павелъ и въ то же время отвернулся къ окну.

Ему такъ сдѣлалось грустно и такъ досадно на самого себя; на глазахъ у него невольно навернулись слезы.

«Отчего я не могу любить этой женщины? — думалъ онъ почти съ озлобленіемъ.—Она возвратилась бы ко мнѣ опять послѣ смерти мужа, и мы бы могли быть счастливы». Онъ обернулся и увидѣлъ, что Фатѣева тоже плачетъ.

— Будь хоть послѣдній день понѣжнѣй со мною, — проговорила она, какъ бы еще не зная, исполнитъ онъ ея просьбу или нѣтъ. Павелъ поцѣловалъ у нея руку и сѣлъ около нея. Клеопатра Петровна притянула его голову и, положивъ ее къ себѣ на грудь, начала его цѣловать въ лобъ, въ лицо. Па-

велъ чувствовалъ при этомъ, что слезы падали изъ глазъ ея. Онъ употреблялъ надъ собою всѣ усилія, чтобы не разрыдаться. Такъ просидѣли они всю ночь, тихо переговариваясь между собою, но ни разу не выразили никакой надежды на возможность возвращенія Клеопатры Петровны въ Москву и вообще на какое бы то ни было свиданіе.

Войдя на другой день рано поутру въ кухню, Павелъ тамъ тоже засталъ хоть и глупую, но вмѣстѣ съ тѣмъ и умилительную сцену.

Иванъ сидѣлъ за столомъ и пилъ съ горничной Клеопатры Петровны чай; Маша была на этотъ разъ вся въ слезахъ; Иванъ — угрюмъ.

— О чемъ ты плачешь?—спросилъ Павелъ горничную.

Та, какъ бы очень устыдясь этого вопроса, сейчасъ же проворно — и ничего не отвѣтивъ — ушла изъ комнаты.

— Павелъ Михайловичъ, попросите Клеопатру Петровну, чтобы она выдала за меня Марью замужъ, — сказалъ Иванъ мрачнымъ и, по обыкновенію, глупымъ голосомъ.

— Да не выдадутъ же, говорятъ тебѣ! — кричала Марья изъ коридора, въ который она ушла:—я—не Клеопатры Петровны, а баринова. Онъ меня и за то ужъ съѣстъ теперь, что я съ барыней уѣзжала.

— А можетъ-быть, и выдадутъ, — сказалъ Павелъ, чтобы поуспокоить ихъ, и велѣлъ затѣмъ Ивану итти и привести Клеопатрѣ Петровнѣ лошадей.

Людямъ остающимся всегда тяжелѣе нравственно, чѣмъ людямъ уѣзжающимъ. Павелъ съ какимъ-то тупымъ вниманіемъ смотрѣлъ на всѣ сборы; онъ подошелъ къ тарантасу, когда Клеопатра Петровна, со своимъ окончательно уже могильнымъ выраженіемъ въ лицѣ, сѣла въ него; Павелъ поправилъ за ней подушку и спросилъ: покойно ли ей?

— Покойно, — отвѣчала она глухимъ голосомъ.

Тарантасъ поѣхалъ. Павелъ вышелъ за ворота проводить его. День былъ ясный и совершенно сухой; тарантасъ вскорѣ исчезъ, повернувъ въ переулокъ. Домой Вихровъ былъ не въ состояніи возвратиться и поэтому велѣлъ Ивану подать себѣ фуражку и вышелъ на Петровскій бульваръ. Тихая грусть, какъ змѣя, сосала ему душу.

«Стоило затѣвать всю эту исторію, такъ волноваться и страдать, чтобы все это подобнымъ образомъ кончилось!»—думалъ онъ. Надобно сказать, что вышедшій около этого времени романъ Лермонтова «Герой нашего времени» и вообще всѣ стихотворенія этого поэта — сильно увлекли университетскую молодежь. Всѣ почти находили въ себѣ описываемаго

имъ разочарованія. Павелъ тоже чрезвычайно искренно сочувствовалъ многимъ его лирическимъ мотивамъ и по преимуществу — мотиву разочарованія. Въ настоящемъ случаѣ онъ не утерпѣлъ и продекламировалъ извѣстное стихотвореніе Лермонтова:

„Что страсти?.. Вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка!“

Павелъ былъ совершенно убѣжденъ, что онъ разлюбилъ Фатѣеву окончательно.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Житейская мудрость Макара Григорьева.

Павелъ кончилъ курсъ кандидатомъ и пособирывался ѣхать къ отцу: ему очень хотѣлось увидѣть старика, чтобы покончить возникшія съ нимъ въ послѣднее время неудовольствія; но одно обстоятельство останавливало его въ этомъ случаѣ: въ тридцати верстахъ отъ ихъ усадьбы жила Фатѣева, и Павелъ очень хорошо зналъ, что ни онъ ни она не утерпятъ, чтобы не повидаться, а это можетъ узнать ея мужъ,—и пойдетъ прежняя исторія.

Въ такого рода соображеніяхъ и колебаніяхъ прошло около двухъ мѣсяцевъ; наконецъ въ одно утро Иванъ сказалъ Вихрову, что пришелъ Макаръ Григорьевъ. Павелъ велѣлъ позвать его къ себѣ.

Макаръ Григорьевъ вошелъ.

— Ладно, что засталъ васъ дома, а то думалъ, что, пожалуй, и не захвачу!—сказалъ онъ какимъ-то страннымъ голосомъ.

— Нѣтъ, я дома! — отвѣчалъ Павелъ и указалъ старику на стулъ. Онъ всегда сажалъ Макара Григорьева съ собой.

Макаръ Григорьевъ сѣлъ и нѣсколько времени ворочался все на стулѣ, кряхтѣлъ и какъ бы не находилъ, о чемъ ему заговорить.

— Домой вотъ, Макаръ Григорьевичъ, въ деревню собираюсь,—началъ Павелъ самъ.

— Ну, это что же!—произнесъ что-то такое Макаръ Григорьевъ:—есть оттуда оказейка, пріѣхалъ одинъ человѣкъ.

— Какой человѣкъ?—спросилъ Павелъ, не совсѣмъ понимая, что хочетъ этимъ сказать Макаръ Григорьевъ.

— Нашъ человѣкъ пріѣхалъ; папенька вашъ не такъ здоровъ...—отвѣчалъ Макаръ Григорьевъ и потупился.

— Какъ не такъ здоровъ?—произнесъ Павелъ, уже поблѣднѣвъ немного: — вѣроятно, онъ очень боленъ, если присланъ нарочный!

— Да!—отвѣчалъ Макаръ Григорьевъ какимъ-то глухимъ голосомъ, и въ то же время старикъ не глядѣлъ на молодого барина.

— Макаръ Григорьевъ, послушай, не томи меня: умеръ онъ или живъ?—воскликнулъ Павелъ.

— Что живъ... Извѣстно, всѣ подъ Богомъ ходимъ.

— Значитъ, онъ умеръ?.. Это я вижу, — сказалъ Павелъ прерывающимся голосомъ.—Когда онъ умеръ?—прибавилъ онъ какъ-то твердо и желая прямо поставить вопросъ.

— Двадцать третьяго іюля изволилъ скончаться,—отвѣчалъ Макаръ Григорьевъ.

— И я его, вѣроятно, довелъ до смерти своей послѣдней непріятностью,—произнесъ Павелъ.

— Ничего не вы, что за вы? Семидесяти лѣтъ человѣкъ померъ, не Енохомъ же безсмертнымъ ему быть, пора и честь знать!

— Однако это послѣднее письмо, которое я ему послалъ, я думаю, его не порадовало.

— Я не посылалъ этого письма, — отвѣтилъ Макаръ Григорьевъ.

— Какъ не посылалъ?—воскликнулъ Павелъ уже радостно.

— Такъ, не посылалъ: что изъ-за вздору ссориться!.. Написалъ только ему, что вы очень поспѣшались и писать ему не смѣете.

— О, благодарю тебя!—воскликнулъ Павелъ и, вскочивъ, обнялъ и поцѣловалъ Макара Григорьева.

— Приказчикъ вашъ оттуда пріѣхалъ, Кирьянъ; бумаги вамъ разныя привезъ оттуда.

— Богъ съ ними, ничего этого я видѣть не хочу... Батюшка, милый мой, безцѣнный! я никогда тебя уже больше не увижу!— говорилъ со слезами на глазахъ Павелъ, всплескивая горестно руками.

Макаръ Григорьевъ слушалъ его молча: на его маленькихъ и заплывшихъ глазахъ тоже появились какъ будто бы слезы.

— Что плакать-то ужъ очень больно,—началъ онъ:—старикъ умеръ—не то что намаявшись и нахвораючись!.. Вонъ какъ другіе господа мозгнутъ, мозгнутъ, ажно прислугѣ-то всей надоѣдятъ, а его сразу покончило; хорошо, что еще за недѣлю передъ тѣмъ исповѣдался и причастился; все-таки маленько померъ очищенный.

Павелъ между тѣмъ глядѣлъ въ уголъ и въ воображеніи своемъ представлялъ, что, вѣроятно, въ ихъ длинной залѣ разставленъ былъ столъ, и трупъ отца, блѣдный и похолодѣлый, положенъ былъ на него, а теперь отецъ уже лежитъ въ землѣ сырой, холодной, темной... А что̀ если онъ въ своемъ одночасьѣ не умеръ еще совершенно и ожилъ въ гробу? У Павла сердце замерло, волосы стали дыбомъ при этой мысли. Онъ прежде всего и какъ можно скорѣе хотѣлъ почтить память отца какимъ-нибудь серьезно-добрымъ дѣломъ.

— Макаръ Григорьевъ,—началъ онъ:—я хочу всѣхъ васъ предварительно заложить въ опекунскій совѣтъ, а потомъ отпущу на волю!

— Какъ на волю, по што?—спросилъ тотъ.

— А по то, чтобы вы не были крѣпостными; пока я живъ, то, конечно, употреблю все стараніе, чтобы вамъ было хорошо, но я умру, и вы достанетесь чортъ знаетъ кому, и тотъ, будущій мой наслѣдникъ, въ дугу васъ, пожалуй, начнетъ гнуть!

— Что̀ пустяки какіе,—умрете, да въ дугу кто-то начнетъ гнуть. Все вы вздоръ какой-то говорите. Позовите лучше Кирьяна къ себѣ и примите отъ него бумаги; я его нарочно привелъ съ собой!

— Ну, позови!

Кирьянъ вошелъ. Это ужъ былъ теперь совсѣмъ сѣдой старикъ. Онъ подошелъ прямо къ рукѣ барина и, какъ тотъ ни сопротивлялся, Кирьянъ притянулъ къ себѣ руку его и поцѣловалъ ее.

— Что̀, Кирьянъ, лишились мы съ тобой нашего благодѣтеля,—началъ Павелъ съ навернувшимися опять слезами на глазахъ.

— Да, батюшка, несчастье какое божеское постигло насъ,—отвѣчалъ Кирьянъ, покачивая своей головой и какъ бы кокетничая своею печалью.

Макаръ Григорьевъ, какъ мы знаемъ, не прилюбливалъ полковника, но все-таки видно было, что онъ искреннѣе сожалѣлъ объ его смерти, чѣмъ плутоватый Кирьянъ.

— Какъ же и въ какой именно часъ дня отецъ померъ?—спросилъ Павелъ.

— Двадцать третьяго числа-съ,—отвѣчалъ Кирьянъ:—во время обѣденнаго стола; гостья у нихъ-съ была, старушка Катерина Гавриловна Плавина... и все про сына ему разсказывала, который видѣться, что ли, съ вами изволилъ?

— Да, видѣлся,—отвѣчалъ Павелъ скороговоркой.

— Она объ этомъ ему разсказывала,—онъ слушать изволилъ ее, и жареное ужъ кушать началъ, вдругъ покатился со

стула и жизнь покончилъ, и салатъ еще въ губкахъ остался: у мертваго уже у него вынимали изъ ротику.

— Но отъ чего же все это съ нимъ случилось? Былъ онъ передъ этимъ боленъ, разстроенъ чѣмъ?

— Ничего не было того-съ,—отвѣчалъ Кирьянъ.—Конечно, мы сами мало въ этомъ понимаемъ, но господа тутъ на похоронахъ разговаривали: ножки вѣдь у нихъ отъ ранъ изволили болѣть, и сколько они тоже лѣчили эту болѣзнь, почесть я каждую недѣлю въ городъ за лѣкарствомъ для нихъ отъ этого ѣздилъ... Все ничего, никакой помощи не было, но старушонка-лѣкарка полѣчила ихъ послѣднее время, только и всего,—раны эти самыя киноварью подкурила, такъ сразу и затянуло всѣ... Ну, и господа такъ говорили: раны закрылись, въ голову и ударило,—вредъ отъ этого послѣ вышелъ!

— Очень немудрено...—произнесъ Павелъ:—но какъ же не стыдно было покойному батюшкѣ довѣрять себя какой-нибудь бабѣ-дурѣ.

— Такъ ужъ довѣриться изволили,—отвѣчалъ Кирьянъ и вздохнулъ.

— Покойный папенька вашъ не то что изъ поученыхъ барь былъ, а простой: все равно, что и мужикъ!—вмѣшался въ разговоръ Макаръ Григорьевъ.

— Но кто же распоряжался всѣмъ, когда отецъ померъ?—спросилъ Павелъ.

— Да эта же самая Катерина Гавриловна Плавина; слава Богу, что она и случилась тутъ: сейчасъ всѣ ящики, сундуки и комоды опечатала, послала къ священникамъ и за становымъ. Тотъ опять тоже переписалъ все до послѣдняго ягненка.

— Ну, потомъ похоронили?—говорилъ Павелъ. Онъ хотѣлъ знать всѣ подробности, сопровождавшія смерть отца.

— Похоронили-съ! Господъ очень много съѣхалось: даже вонъ изъ Перцова молодая барыня пріѣзжала; только-что въ церкви постояла, а въ усадьбу въ домъ не поѣхала.

— Изъ Перцова?.. Клеопатра Петровна? — переспросилъ Павелъ.

— Да-съ, онѣ самыя, кажется!.. И какъ плакать изволили—ужасъ: пошли съ послѣднимъ-то лобызаніемъ, такъ на гробъ и упали: почесть на рукахъ отнесли ихъ потомъ оттуда.

«Это что такое?—подумалъ Павелъ, удивленный и пораженный этимъ извѣстіемъ:—что такое эта безумица дѣлаетъ?.. Неужели она еще любитъ меня, что и ей такъ дорого все, что касается до меня?»

Отъ Клеопатры Петровны, съ самаго ея отъѣзда въ деревню, не было ни строчки. Павелъ недоумѣвалъ.

— Къ тестеньку-то, видно, пожелала пріѣхать и поклониться ему въ послѣдній разъ,—пробурчалъ себѣ подъ носъ Макаръ Григорьевъ.

— Но у ней у самой мужъ умираетъ? — спросилъ Павелъ Кирьяна.

— Плохъ тоже, слышно, очень... Кучеръ ихній при церкви разсказывалъ о томъ нашему Петру,—отвѣчалъ Кирьянъ.

— Кучеръ кучеру тамъ какому-то разсказывалъ,—перебилъ, передразнивая Кирьяна, Макаръ Григорьевъ.—А ты вотъ бумаги-то лучше, что привезъ, подай барину.

Кирьянъ на эти слова вынулъ толстый, завернутый въ сахарную бумагу пакетъ и подалъ его Павлу. Тотъ развернулъ, и первое, что увидѣлъ,—это билеты приказа общественнаго призрѣнія на его имя и тысячъ на тридцать.

— Это какія деньги?—спросилъ онъ.

— Папенькины-съ. У нихъ такъ и записка найдена, чтобы эти деньги сейчасъ съ нарочнымъ къ вамъ везти.

— Откуда же онъ могъ ихъ накопить?—спросилъ Павелъ.

— Откуда?—произнесъ насмѣшливо Макаръ Григорьевъ:— старикъ хапуна былъ: одно лѣсное имѣнье отъ сплавнаго лѣса, чай, тысячи три даетъ.

— Даетъ!—подтвердилъ и Кирьянъ.

— А на себя тоже копейки не уболилъ издержать.—продолжалъ Макаръ Григорьевъ.

— Да ужъ это точно что,—подтвердилъ Кирьянъ:—когда вотъ Павла Михайлыча нѣтъ, что люди ѣдятъ, то и онъ кушаетъ.

— Дрожалъ старикъ надо всѣмъ!..—произнесъ Макаръ Григорьевъ:—окромя этихъ денегъ, онъ Воздвиженское еще вамъ купилъ,—прибавилъ онъ, обращаясь къ Павлу.

— Какъ купилъ?—спросилъ тотъ съ удивленіемъ.

— Куплено-съ, — отвѣчалъ Кирьянъ: — передъ самой почесть смертью они и крѣпость на него изволили совершить.

— Но зачѣмъ же тѣ-то господа продали?

— Такъ наслышно, что сынъ-то генеральшинъ женится на милліонеркѣ: ну, такъ чтобы на свадьбу деньги имѣть,— объяснилъ Кирьянъ.

— Форсъ тоже держатъ,—подхватилъ Макаръ Григорьевъ: — коли на богатой женится, такъ чтобы она думала, что и онъ богатъ; а какъ окрутятъ, такъ послѣ и увидятъ, что—свищъ только одинъ, прохвостъ, больше ничего, по-нашему, по-мужицки сказать...

— Воздвиженское!.. Воздвиженское теперь мое!—повторилъ Павелъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ.

— Папенька такъ ужъ нарочно для васъ и купили,—про-

должалъ объяснять Кирьянъ.—«Пашенька, говоритъ, всегда хвалилъ Воздвиженское:—вотъ, говоритъ, пашенька, такую бы усадьбу!.. Ну, такъ, говоритъ, пусть онъ теперь владѣетъ ею, куплю ему на потѣшку ее!»

Павелъ опять предался при этомъ горестнымъ мыслямъ и воспоминаніямъ. «Милый, дорогой родитель! — шепталъ онъ самъ съ собой:—вся твоя жизнь была заботой обо мнѣ, чтобы какъ-нибудь устроить мою будущность; малѣйшее желаніе мое ты всегда хотѣлъ исполнить, а я между тѣмъ грубилъ тебѣ, огорчалъ тебя!»

И Павелъ, въ самомъ дѣлѣ, искренно думалъ, что онъ совершилъ противъ отца страшнѣйшія злодѣянія, и затѣмъ онъ снова перешелъ къ прежней своей мысли почтить память старика серьезно-добрымъ дѣломъ.

— Ну вотъ, мои друзья, ты староста дворовый,—сказалъ онъ Кирьяну:—а ты, Макаръ Григорьевъ, я ужъ не знаю какой староста, ты мнѣ второй отецъ становишься...

— Вона!—произнесъ Макаръ Григорьевъ насмѣшливо, но видимо тронутый словами Павла.

— Научите вы меня, какъ мнѣ все мое имѣнье устроить, чтобы всѣмъ принадлежащимъ мнѣ людямъ было хорошо и привольно: на волю я васъ думалъ отпустить, но Макаръ Григорьевъ вотъ не совѣтуетъ... Что же мнѣ дѣлать послѣ того?

— Да ничего не дѣлать, вести, какъ и при папенькѣ было!.. Что еще тутъ дѣлать?—перебилъ Макаръ Григорьевъ почти строго Павла, а самъ въ это время подмигивалъ ему такъ, чтобы Кирьянъ не замѣтилъ этого.

— Ничего не надо дѣлать!—повторилъ онъ еще разъ и обратился уже къ Кирьяну:

— Ты шелъ бы, паря, домой!.. Отпустите его: онъ усталъ тоже съ дороги,—прибавилъ онъ Павлу.

— Пожалуй!—отвѣчалъ Павелъ, нѣсколько сконфуженный этими словами и распоряженіями Макара Григорьева.

— Такъ я пойду-съ, — сказалъ Кирьянъ, и потомъ опять насильственно поцѣловалъ у Павла руку и ушелъ.

— Что это вы вздоръ этакій говорите при этомъ дуракѣ; онъ пріѣдетъ, пожалуй, домой и всю вотчину вашу взбунтуетъ...—началъ Макаръ Григорьевъ.

— Что же за вздоръ?—спросилъ Павелъ.

— Какъ не вздоръ!.. И на волю-то васъ отпущу, и Кирюшка какой-нибудь—«другъ мой», а я ужъ и «батькой вторымъ» сталъ; развѣ барину слѣдуетъ такъ говорить: мы вѣдь не дорого возьмемъ и рыло, пожалуй, послѣ того очень поднимемъ.

— Я не для поднятія вашего рыла это дѣлаю, а чтобы устроить ваше благосостояніе,—сказалъ Павелъ.

— Такъ что же?.. Дуракъ-то Кирьяшка и научитъ васъ: онъ скажетъ, дай ему денегъ больше, вотъ и все наученье его!

— Ну, такъ ты меня научи!—сказалъ Павелъ. Макаръ Григорьевъ казался ему великолѣпенъ въ эти минуты.

— Я-то научу не по-ихнему,—отвѣчалъ тотъ хвастливо:— потому мнѣ ничего не надо, я живу своимъ, а изъ нихъ каждая бестія отъ барской какой-нибудь пуговки ладитъ этлить себѣ и украсть что-нибудь... Что вамъ надо, чтобы было въ вашемъ имѣніи?

— Чтобы бѣдныхъ мужиковъ у меня не было.

— Да бѣдныхъ почесть и нѣтъ, есть многосемейные только, съ малыми дѣтьми; ну, тѣмъ—извѣстно—потяжельше!

— А если имъ потяжельше, съ нихъ меньше повинностей надо брать.

— Ничего не надо! Вздумайте-ка только это вы завести, у васъ всѣ сейчасъ бѣдными притворятся. Мы вѣдь, мужики— плуты... Вы не то что позволяйте которому оброку не доносить, пусть онъ платитъ, какъ слѣдуетъ, а потомъ мнѣ, что ли, хоть изъ оброку и отдадите, сколько пожелаете, а я въ домъ это къ нему и пошлю, будто жалованья ему прибавляю, а коли не станетъ заслуживать того, такъ отдеру.

— Хорошо, я тебѣ буду отдавать,—сказалъ Павелъ, слышавшій еще и прежде, что Макаръ Григорьевъ въ этомъ отношеніи считался высоко-честнымъ человѣкомъ и даже благодѣтелемъ, батькой мужицкимъ слылъ, и только на словахъ уже очень онъ бранчивъ былъ и на руку дерзокъ; иной разъ другого мужичка, ни за что ни про что, возьметъ да и прибьетъ.

— Дворовымъ я завелъ, чтобы лучше пищу выдавали; не знаю, идетъ ли теперь это?

— Идетъ точь въ точь такъ, это я слышалъ. Имъ ничего больше не надо прибавлять, будетъ съ нихъ, дьяволовъ!

— Будетъ?

— Будетъ! А то хуже избалуете. Вы когда думаете въ деревню-то ѣхать?

— Ѣхать-то мнѣ,—началъ Павелъ:—вотъ ты хоть и не хочешь быть мнѣ отцомъ, но я все-таки тебѣ откроюсь: та госпожа, которая жила здѣсь со мной, теперь—тамъ, ухаживаетъ за больнымъ, умирающимъ мужемъ. Пріѣду я туда, и мы никакъ не утерпимъ, чтобы не свидѣться.

— Гдѣ ужъ тутъ, утерпите ли... Господа тоже вѣдь избалованы насчетъ этого.

— Да,—подтвердилъ Павелъ, не вслушавшись въ послѣд-

нія слова Макара Григорьева: — а между тѣмъ это можетъ страшно ей повредить, наконецъ встревожитъ и огорчитъ умирающаго человѣка, а я не хочу и не могу себѣ позволить этого.

— Нѣтъ, вамъ не надо туда ѣздить, — рѣшилъ и Макаръ Григорьевъ: — пустое дѣло — бросить вамъ все это надо: можетъ-быть, здѣсь невѣсту настоящую, хорошую, съ приданымъ найдете!

— Ахъ, кстати, — перебилъ его Павелъ, вспомнивъ при словѣ «съ приданымъ» о деньгахъ, которыми такъ великодушно снабжалъ его Макаръ Григорьевъ въ продолженіе послѣдняго времени:—не угодно ли вамъ принять отъ меня мой долгъ!

И съ этимъ словомъ онъ вынулъ изъ сахарной бумаги одинъ билетъ приказа и подалъ его Макару Григорьеву.

— Ну, что, успѣете еще!—произнесъ-было тотъ.

— Бери!—повторилъ Павелъ настоятельно.

Макаръ Григорьевъ усмѣхнулся только и положилъ билетъ въ карманъ.

— Удивительное дѣло—какіе нынче господа стали,—проговорилъ онъ, продолжая усмѣхаться.

— А что?—спросилъ Павелъ.

— Да такъ! Совсѣмъ не то, что прежніе,—отвѣчалъ Макаръ Григорьевъ, Богъ знаетъ что желая тѣмъ сказать,—и ушелъ.

II.

Опять Эйсмонды.

Нельзя сказать, чтобъ полученное Вихровымъ отъ отца состояніе не подѣйствовало на него нѣсколько одуряющимъ образомъ: онъ сейчасъ же нанялъ очень хорошую квартиру, меблировалъ ее всю заново; самъ одѣлся совершеннѣйшимъ франтомъ; Ивана онъ тоже обмундировалъ съ головы до ногъ. Хвастанью послѣдняго, по этому поводу, предѣловъ не было. Горничную Клеопатры Петровны онъ, разумѣется, сію же минуту выкинулъ изъ головы и сталъ подумывать, какъ бы ему жениться на купчихѣ и лавку съ ней завести.

Чтобы кататься по Москвѣ къ Печкину, въ театръ, въ клубы, Вихровъ нанялъ помѣсячно отъ Тверскихъ воротъ лихача, извозчика Якова, ѣздившаго на чистокровныхъ рысакахъ; наконецъ Павлу захотѣлось съѣздить куда-нибудь и въ семейный домъ; но къ кому же? Эйсмонды были единственные въ этомъ родѣ его знакомые. Мари тоже очень разбога-

тѣла: къ ней перешло все состояніе Есипера Иваныча и почти все имѣніе княгини. Мужъ ея былъ уже генералъ, и они въ настоящее время жили въ Паркѣ, на красивой дачѣ.

— Ну, Яковъ, завтра ты мнѣ рысачка получше давай! — сказалъ Вихровъ, когда Яковъ вечеромъ пришелъ въ горницу чай пить. Павелъ всегда его этимъ угощалъ и ужасно любилъ съ нимъ разговаривать: Яковъ былъ мужикъ умный.

— Дадимъ-съ,—отвѣчалъ тотъ.

— Завтра мы съ тобой поѣдемъ въ Паркъ къ одной барынѣ-генеральшѣ: смотри, не ударь себя лицомъ въ грязь, — продолжалъ Вихровъ и назвалъ при этомъ и самую дачу.

— Слушаю-съ,—проговорилъ Яковъ и на другой день, дѣйствительно, пріѣхалъ на такомъ рысакѣ, въ такой сбруѣ и пролеткѣ, что Павелъ вскрикнулъ даже отъ удовольствія.

— Ну-съ, Яковъ Петровичъ,—сказалъ онъ, усаживаясь въ пролеткѣ:—какого это завода конь?

— Мосоловскаго, — отвѣчалъ Яковъ, сидя прямо и внимательно поглядывая на лошадь, которая сердито рыла копытомъ землю.

— Трогай!.. Надѣюсь, что на Тверской мы всѣхъ перегонимъ,—проговорилъ Павелъ.

Яковъ тронулъ: лошадь до самой Тверской шла покорной и самой легкой рысцой, но, какъ въѣхали на эту улицу, Яковъ посмотрѣлъ глазами, что впереди никто очень не мѣшаетъ, слегка щелкнулъ только языкомъ, тронулъ немного возжами, и рысакъ началъ забирать; они обогнали нѣсколько колясокъ, каретъ, всѣхъ попадавшихся извозчиковъ, даже самого оберъ-полицеймейстера; у Павла въ глазахъ даже зарябило отъ быстрой ѣзды, и его слегка только прикидывало на эластической подушкѣ пролетки.

— Немного осталось впереди-то!—сказалъ Яковъ, выѣхавъ за заставу и самодовольно оборачиваясь къ Павлу: впереди въ самомъ дѣлѣ никого не было.

— Чудная лошадь!—воскликнулъ тотъ, смотря на это благородное животное, которое опять уже пошло тихо и покорно.

— У другого бы не стала она этого дѣлать! — произнесъ Яковъ.

— Отчего же?—спросилъ Павелъ.

— Оттого, что человѣка чувствуетъ!.. знаетъ, кто ею правитъ!..—И Яковъ снова щелкнулъ языкомъ, и лошадь снова понеслась; потомъ онъ вдругъ, на всѣхъ рысяхъ, остановилъ ее передъ палисадникомъ одной дачи.

— Здѣсь, надо-быть, — проговорилъ онъ. Яковъ зналъ Москву, какъ свои пять пальцевъ.

Павелъ взглянулъ въ палисадникъ и увидѣлъ, что въ весьма красивой и богато убранной цвѣтами бесѣдкѣ сидѣла Мари за большимъ чайнымъ столомъ, а около нея помѣщался мальчишка-сынишка.

Мари, увидѣвъ и узнавъ Павла, замѣтно обрадовалась и даже какъ бы нѣсколько сконфузилась.

— Ахъ, вотъ кто!—проговорила она.

Павелъ на этотъ разъ почему-то съ большимъ чувствомъ поцѣловалъ ея руку.

— А это вашъ малютка? — сказалъ онъ, показывая на мальчика, подходя къ нему и цѣлуя того.

Ребенокъ какъ-то при этомъ ласково смотрѣлъ на него своими голубыми глазенками.

— А Евгеній Петровичъ? —спросилъ Вихровъ Мари.

— Онъ дома и сейчасъ придетъ! — отвѣчала та: — поди позови барина, — прибавила она стоявшему около бесѣдки человѣку.

Тотъ пошелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ маленькій, толстенькій генералъ, въ лѣтнемъ полотняномъ сюртукѣ, явился въ садъ; но, увидѣвъ Вихрова и вспомнивъ при этомъ, что вышелъ безъ галстука, сталъ передъ нимъ чрезвычайно извиняться.

— Ничего, помилуйте!—говорилъ Павелъ, дружески пожимая ему руку.

— Все-таки мнѣ совѣстно, — говорилъ генералъ, захватывая себѣ рукой горло.

— Простите, ничего! сказала ему и Мари.

Генералъ наконецъ успокоился и сѣлъ, а Мари принялась сынишку поить чаемъ, размѣшивая хлѣбъ въ чашкѣ и отирая салфеткой ему ротикъ: видно было, что это былъ ея баловень и любимецъ.

— Ты однако не былъ у покойнаго дяди на похоронахъ,— сказала она укоризненнымъ голосомъ Вихрову.

— Я былъ боленъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Н-ну!—сказала Мари.

— Что такое—ну?—спросилъ ее Павелъ.

— Знаю я, — отвѣчала Мари и немножко лукаво улыбнулась.—Михаилъ Поликарповичъ тоже, я слышала, померъ.

— Померъ!.. А Анна Гавриловна, скажите, жива? — прибавилъ Вихровъ послѣ короткаго молчанія.

При этомъ вопросѣ Мари немного сконфузилась — она всегда, когда рѣчь заходила о матери, чувствовала нѣкоторую неловкость.

— Она вскорѣ же померла послѣ Еспера Иваныча,—отвѣ-

чала она: — тѣло его повезли похоронить въ деревню, она уѣхала за нимъ, никуда не выходила, кромѣ какъ на его могилу, а потомъ и сама жизнь кончила.

— Вотъ это такъ любовь была,—проговорилъ Вихровъ.

— Д-да!—произнесла Мари печально.—Ты курсъ, надѣюсь, кончилъ кандидатомъ?—перемѣнила она разговоръ.

— Кандидатомъ,—отвѣчалъ Вихровъ.

— Какого же рода службѣ думаете вы себя посвятить? — отнесся къ нему генералъ.

— Никакой!—отвѣчалъ Вихровъ.

Генералъ склонилъ при этомъ голову и придалъ такое выраженіе лицу, которымъ какъ бы говорилъ: «почему же никакой?»

— По всѣмъ слухамъ, которые доходили до меня изъ разныхъ служебныхъ мірковъ, они до того грязны, до того преступны даже, что мнѣ просто страшно вступить въ какой-нибудь изъ нихъ,—заключилъ Павелъ.

Добродушный генералъ придалъ окончательно удивленное выраженіе своему лицу: онъ службу понималъ совершенно иначе.

— Я не говорю объ вашей военной, а собственно о штатской,—поспѣшилъ прибавить Павелъ.

— А, о штатской—это конечно!—произнесъ генералъ.

— Тебѣ надобно сдѣлаться ученымъ, какъ и прежде ты предполагалъ,—сказала Мари.

— Я имъ, вѣроятно, и буду: состояніе у меня довольно обезпеченное.

— Вотъ-съ за это больше всего и надобно благодарить Бога!—подхватилъ генералъ:—а когда нѣтъ состоянія, такъ разсуждать такимъ образомъ человѣку нельзя!

— Отчего же нельзя?—спросила Мари у мужа.

— Оттого, что кушать захочется—да-съ!—отвѣчалъ генералъ и самодовольно захохоталъ, воображая, вѣроятно, что онъ сострилъ что-нибудь.

— По-моему, лучше поденщикомъ быть, чѣмъ негодяемъ-чиновникомъ,—замѣтила уже съ нѣкоторымъ сердцемъ Мари.

— Ну нѣтъ-съ!.. Всякому человѣку своя рубашка къ тѣлу ближе—хе-хе-хе,—засмѣялся опять генералъ.

Вихровъ глядѣлъ на него съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ: онъ тутъ только замѣтилъ, что его превосходительство былъ сильно простоватъ; затѣмъ онъ посмотрѣлъ и на Мари. Та старательно намазывала масло на хлѣбъ, хотя этого хлѣба никому и не нужно было. Эйсмондъ, какъ всѣ замѣчали, гораздо казался умнѣе, когда былъ полковникомъ, но какъ про-

извели его въ генералы, такъ и поглупѣлъ... Это, впрочемъ, тогда было почти общимъ явленіемъ: развязнѣе, что ли, эти господа становились въ этихъ чинахъ и больше высказывались...

Павелъ между тѣмъ все продолжалъ смотрѣть на Мари, и ему показалось, что лицо у ней какъ будто бы горѣло, и точно она была въ какомъ-то волненіи. Здѣсь я долженъ войти въ глубину души этой дамы и объяснить довольно странныя, и въ самомъ дѣлѣ волновавшія ее въ настоящую минуту чувствованія. Павелъ, когда онъ былъ гимназистомъ, студентомъ, все ей казался еще мальчикомъ, но теперь она слышала до мельчайшихъ подробностей его исторію съ m-me Фатѣевой и поэтому очень хорошо понимала, что онъ — не мальчикъ, и особенно, когда онъ явился въ настоящій визитъ такимъ красивымъ, умнымъ молодымъ человѣкомъ, — и въ то же время она вспомнила, что онъ былъ когда-то ея горячимъ поклонникомъ, и ей стало невыносимо жаль этого времени и ужасно захотѣлось заглянуть кузену въ душу и посмотрѣть, что теперь тамъ такое.

— Ты, надѣюсь, у насъ обѣдаешь?— сказала она ему.

— Если позволите,—отвѣчалъ Павелъ.

— Пожалуйста, попросту, по-деревенски,—подхватилъ генералъ и дружески пожалъ ему руку.

— Ну, а я ужъ сдѣлаю немножко свой туалетъ,—сказала, немного покраснѣвъ, Мари и ушла.

Вихровъ остался вдвоемъ съ генераломъ и сталъ съ нимъ бесѣдовать.

— Ваша служба лучшая изъ военныхъ — ученая, — сказалъ онъ.

— Да,—произнесъ генералъ съ важностью.

— У васъ прежде математикѣ въ корпусахъ прекрасно учили и прекрасно знали ее офицеры.

— Отлично знали,—подтвердилъ и генералъ:—всѣ, знаете, вычисленія эти...

— Какія вычисленія? — спросилъ Вихровъ, думая, что Эйсмондъ подъ этими словами что-нибудь опредѣленное разумѣетъ.

— Вычисленія разныя,—отвѣчалъ генералъ.

Павелъ понялъ, что это онъ такъ только говорилъ, а что математику онъ, должно-быть, совсѣмъ забылъ.

— Сама служба-то пріятнѣе,—продолжалъ онъ:—потому что все-таки умнѣе, чѣмъ простая шагистика.

— Конечно!—согласился генералъ: — зато для кармана-то тяжеленька, совершенно безвыгодна!

— Это почему?—спросилъ Вихровъ, не зная еще, что собственно генералъ разумѣетъ подъ выгодой.

— Да потому, что если взять того же батарейнаго командира, конечно, онъ получаетъ довольно... но вѣдь онъ всѣхъ офицеровъ въ батареѣ содержитъ на свой счетъ: они у него и пьютъ и ѣдятъ, только не ночуютъ: въ карманѣ-то, въ итогѣ, и не осталось.

Этими словами Эйсмондъ просто возмутилъ Вихрова. «Самъ воруетъ, а съ другими и подѣлиться не хочетъ!» — подумалъ онъ.

— А что же, въ армейскихъ полкахъ развѣ выгоднѣе быть командиромъ?—сказалъ онъ вслухъ, желая вызвать генерала еще на бо́льшую откровенность.

— Тамъ выгоднѣй гораздо!—подхватилъ тотъ:—тамъ полковой командиръ тысячъ двадцать пять, тысячъ тридцать получаетъ въ годъ, потому тамъ этого нѣтъ: офицеры всѣ вразбродъ стоятъ.

— Но вы сами согласитесь,—замѣтилъ Вихровъ:—что эти тридцать тысячъ—тѣ же взятки.

— Какія же взятки? — воскликнулъ генералъ. — Нѣтъ-съ, совсѣмъ нѣтъ-съ! Это хозяйственная экономія — это такъ!.. Вы знаете что́, — продолжалъ Эйсмондъ нѣсколько уже даже таинственно:—одинъ полковой командиръ показалъ въ отчетѣ въ экономіи пять тысячъ... его представили за это къ наградѣ... только отчетъ возвращается... смотрятъ: представленіе къ наградѣ... зачеркнуто, а на поляхъ написано: «дуракъ!».

— Это ужъ немножко странно,—сказалъ Вихровъ.

— Нѣтъ-съ, не странно!—возразилъ генералъ:—вы согласитесь, что полковой командиръ можетъ и съэкономить, можетъ и не съэкономить, — это въ его волѣ: а между тѣмъ, извольте видѣть, что́ выходитъ: онъ будетъ сдавать полкъ, онъ не знаетъ еще, сколько съ него будущій командиръ потребуетъ,—что́ же ему свои, что ли, деньги въ этомъ случаѣ прикладывать, да иногда ихъ и нѣтъ у него... Потомъ-съ, вдругъ говорятъ: «нужно отнестись къ министру финансовъ». «Не нужно, говорятъ, пусть полковые командиры сдѣлаютъ это изъ экономическихъ суммъ!» Значитъ, само начальство знаетъ это.

«Вотъ, внуши этому человѣку, что́ честно и что́ нечестно!»—думалъ Павелъ, слушая генерала.

Мари наконецъ кончила свой туалетъ и пришла къ нимъ. Она замѣтно одѣлась съ особенной тщательностью, такъ что генералъ даже это замѣтилъ и воскликнулъ:

— Какъ вы интересны сегодня!

Павелъ тоже съ удовольствіемъ и одобрительно на нее смотрѣлъ: у него опять уже сердце забилось столь знакомымъ ему чувствомъ къ Мари.

Вслѣдъ за матерью вошелъ также и сынишка Мари, въ щегольской гарнитуровой рубашкѣ и въ соломенной шляпѣ. Мари взяла его за ручонку.

— Пока на столъ накрываютъ, не хотите ли, cousin, прогуляться?—сказала она Павлу.

Тотъ этому очень обрадовался; генералъ же пошелъ дѣлать свой туалетъ: онъ каждодневно подкрашивался немножко и подрумянивался.

Мари, ребенокъ и Павелъ пошли по парку, но прошли они недалеко и усѣлись на скамеечкѣ. Ребенокъ сталъ у ногъ матери. Павлу и Мари, видимо, хотѣлось поговорить между собой. .

— Я слышала,—начала Мари тихимъ и неторопливымъ голосомъ:—что нынче всю зиму жила здѣсь Клеопатра Петровна.

— Жила,—отвѣчалъ Павелъ односложно.

— Ты видался съ ней часто?—спрашивала Мари, какъ бы ничего по этому поводу не зная.

— Очень часто,—отвѣчалъ Павелъ.

— Гдѣ же она теперь?

— Она теперь уѣхала къ мужу.

— Опять?—спросила Мари какъ-то ужъ насмѣшливо.

Павелъ весело и добродушно смотрѣлъ на нее.

— Послушайте, кузина,—началъ онъ: — мы столько лѣтъ съ вами знакомы—и во все это время играемъ между собой какую-то притворную комедію.

Мари вдругъ вся вспыхнула.

— Почему же притворную?—спросила она.

— Притворную! Прикажете разъяснить вамъ это?

— Разъясните! — сказала Мари и потупилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ губъ ея не сходила немножко лукавая улыбка.

— Во-первыхъ, бывши мальчикомъ, я былъ въ васъ страстно влюбленъ, безумно, но никогда вамъ объ этомъ не говорилъ: вы тоже очень хорошо это видѣли, но мнѣ тоже никогда ничего объ этомъ не сказали!

Мари слушала его, и Вихровъ только видѣлъ, что у ней уши даже при этомъ покраснѣли.

— Теперь та же самая комедія начинается,—продолжалъ онъ:—вамъ хочется спросить меня о Клеопатрѣ Петровнѣ и о томъ, что у меня съ ней происходило, а вы меня спрашиваете, какъ о какой-нибудь Матренѣ Карповнѣ: спрашивайте лучше прямо, какъ и что вамъ угодно знать по сему предмету?

— И ты скажешь мнѣ откровенно?—спросила Мари, взмахнувъ на него свои голубые глаза.

— Все откровенно скажу,—отвѣчалъ Павелъ искренно.

— Что же ты, влюбленъ въ нее очень?

— То-есть я любилъ ее очень.

— А теперь—что же?

— Теперь—не знаю.

— Какъ не знаешь?—спросила Мари.

— Такъ, не знаю; передъ отъѣздомъ ея въ деревню я очень къ ней охладѣлъ, но, когда она уѣхала, мнѣ по ней грустно сдѣлалось.

— Что тебѣ мѣшаетъ? Поѣзжай самъ за ней въ деревню!..

И на лицѣ Мари, какъ легкое облако, промелькнула тѣнь печали; Павелъ и это видѣлъ.

— Въ деревню я не поѣду, потому что это можетъ разсердить и огорчить ея мужа.

— Мужъ ея, я слышала, скоро умретъ, и ты можешь сейчасъ же жениться на ней.

— Нѣтъ, я не женюсь на ней,—возразилъ Павелъ.

— Отчего же? спросила Мари какъ бы съ удивленіемъ.

— Во-первыхъ, оттого, что она старше меня годами, а потомъ—мы съ ней совершенно разныхъ понятій и убѣжденій.

— О, она, разумѣется, постарается подражать всѣмъ твоимъ понятіямъ и убѣжденіямъ.

— Не думаю...—произнесъ протяжно Павелъ.

Разговоръ на нѣсколько времени пріостановился; Павелъ видимо собирался съ мыслями и съ нѣкоторой смѣлостью возобновить его.

— Вотъ видите-съ, — началъ наконецъ онъ: — я былъ съ вами совершенно откровененъ, будьте же и вы со мной откровенны.

— Да въ чемъ же мнѣ съ тобой быть откровенной?—спросила Мари, какъ будто бы ей, въ самомъ дѣлѣ, рѣшительно нечего было скрывать отъ Павла.

— А въ томъ, напримѣръ, что неужели вы никогда и никого не любили кромѣ вашего мужа?— проговорилъ Вихровъ неторопливымъ голосомъ.

Мари нѣсколько мгновеній молчала: видимо, что она обдумывала, какъ отвѣчать ей на этотъ вопросъ.

— Никого!—произнесла она наконецъ съ улыбкой.

— Не вѣрю!—воскликнулъ Павелъ: — чтобы вы, съ вашимъ умомъ, съ вашимъ образованіемъ, никого не любили, кромѣ Евгенія Петровича, который, можетъ-быть, и прекрасный и добрый человѣкъ...

— Никого не любила!—поспѣшила перебить его Мари.

— И впредь не полюбите?

— Постараюсь,—сказала Мари.

— И что же, все это для исполненія священной обязанности матери и супруги?—спросилъ Павелъ.

— Для исполненія священной обязанности матери и супруги,—повторила за нимъ немножко комическимъ тономъ и Мари.

— Только для этого, не больше?

— Только для этого, не больше,—повторила еще разъ Мари.

— Ну, а мнѣ больше этого и знать ничего не надо!—произнесъ Павелъ.

— Ничего?—спросила Мари.

— Ничего, потому что я теперь уже все знаю.

Мари опять немножко лукаво улыбнулась и встала.

— Пора однако, пойдемъ обѣдать!—сказала она.

Павелъ послѣдовалъ за ней. За обѣдомъ генералъ еще больше развернулся и показалъ себя. Онъ, между прочимъ, сталъ доказывать, что университетское образованіе—такъ себѣ, вздоръ, химера!

— Чему тамъ учатъ?—говорилъ онъ.—Мнѣ одинъ племянникъ мой показывалъ какой-то пропедевтикъ! Что такое, скажите на милость!

Вихровъ усмѣхнулся немного.

— Да и въ корпусахъ, я думаю, тому же самому учатъ,—проговорилъ онъ.

— Э, нѣтъ!—воскликнулъ генералъ:—въ корпусахъ другое дѣло. Вонъ въ морскомъ корпусѣ мальчишкѣ скажутъ: «маршъ, полѣзай на мачту!»—лѣзетъ; или у насъ въ артиллерійскомъ училищѣ: «заряжай пушки—пали!»—палитъ! Есперка, будешь палить?—обратился онъ къ сынишкѣ своему.

— Буду.—отвѣчалъ тотъ, шамшя и тяжело повертываясь въ креслицахъ.

Что этими послѣдними словами о морскомъ корпусѣ и объ артиллерійскомъ училищѣ генералъ хотѣлъ собственно сказать—опредѣлить трудно. Вихровъ слушалъ его серьезно, но молча. Мари отъ большей части словъ мужа или хмурилась, или вспыхивала.

III.

Накопленіе однородныхъ впечатлѣній.

Герой мой очень хорошо видѣлъ, что въ сердцѣ кузины дуетъ гораздо болѣе благопріятный для него вѣтеръ: всѣ по-

дробности прошедшаго съ Мари такъ живо воскресли въ его воображеніи, что ему нетерпѣливо захотѣлось опять увидѣть ее, и онъ черезъ три-четыре дня снова поѣхалъ къ Эйсмондамъ: но—увы!—тамъ произошло то, чего никакъ онъ не ожидалъ. Когда онъ подъѣхалъ къ ихъ дачѣ, то въ палисадникѣ на этотъ разъ никого не было. Онъ вошелъ въ него и встрѣтилъ наконецъ лакея, который объявилъ ему, что господа уѣхали сначала въ Петербургъ, а потомъ и за границу.

Павла это извѣстіе сильно озадачило.

— Что же, они давно уже собирались уѣхать? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, вдругъ что-то надумали,—отвѣчалъ лакей.

Вихровъ не чѣмъ инымъ не могъ себѣ объяснить этотъ печальный и быстрый отъѣздъ Мари, какъ нежеланіемъ съ нимъ встрѣтиться. «Неужели это она меня избѣгаетъ?»—подумалъ онъ, отчасти огорченный отъѣздомъ Мари, а частью и польщенный имъ въ своемъ самолюбіи.

Вскорѣ послѣ того онъ получилъ вѣсточку и отъ Фатѣевой.

Клеопатра Петровна уѣхала изъ Москвы, очень разсерженная на Павла. Она дала себѣ слово употребить надъ собой всѣ старанія забыть его совершенно; но скука, больной мужъ, смерть отца Павла, который, она знала, никогда бы не позволилъ сыну жениться на ней, и наконецъ ожиданіе, что она сама скоро будетъ вдовою, — все это снова разожгло въ ней любовь къ нему и желаніе снова возвратить его къ себѣ. Для этой цѣли она написала ему длинное и откровенное письмо:

«Мой дорогой другъ, Поль!.. Я была на похоронахъ вашего отца, съѣздила испросить у его трупа прощеніе *за любовь мою къ тебѣ:* я слышала, онъ очень возмущался этимъ... Меня, *бьющую, всѣ, видно, гонятъ и ненавидятъ*, точно какъ будто бы ужъ я совсѣмъ такая *ужасная женщина!* Богъ съ ними съ другими, но я желаю возвратить если не любовь твою ко мнѣ, то по крайней мѣрѣ уваженіе, въ которомъ ты, надѣюсь, и не откажешь мнѣ, узнавъ *всѣ ужасы*, которые я перенесла въ моей жизни... Слушай:

«Мать моя родилась въ роскоши, и я не знаю, какъ была избалована успѣхами въ свѣтѣ, и когда прожила состояніе и молодость, все-таки думала, что она можетъ еще нравиться мужчинамъ. Обожатель ея m-r Léon, — мнѣ тогда уже было 18 лѣтъ, и я была очень хорошенькая дѣвушка,—вздумалъ не ограничиваться maman, а дѣлать и мнѣ куры; я съ ужасомъ, разумѣется, отвергла его исканія, тогда онъ началъ наговаривать на меня и бранить меня, и даже одинъ разъ осмѣлился ударить меня линейкой; я пошла и пожаловалась

матери, но та меня же обвинила и приказывала мнѣ *безусловно* повиноваться m-r Леону и *быть ему покорной*. Ты знаешь, другъ мой, самолюбивый мой характеръ и поймешь, чего мнѣ это стоило, а мать между тѣмъ заставляла, чтобы я была весела и любезна со всѣми бывшими у насъ въ домѣ молодыми людьми. M-r Леонъ кромѣ того и обиралъ мать; всѣ деньги ея онъ прогуливалъ *гдѣ-то* и *съ кѣмъ-то*, такъ что мы недѣли по двѣ сидѣли на одномъ хлѣбѣ и колбасѣ; мать заставляла меня самоё гладить себѣ платья, замывать юбки — для того, чтобы быть всегда, по обыкновенію, нарядно одѣтою. Такое положеніе наконецъ мнѣ сдѣлалось невыносимо. Несмотря на мое желѣзное здоровье, я заболѣла. Къ счастью, вскорѣ послѣ того ко мнѣ присватался m-r Фатѣевъ. Онъ тогда еще былъ очень красивый кирасирскій офицеръ, въ бѣломъ мундирѣ, и я Богъ знаетъ какъ обрадовалась этому сватанью, и могу поклясться передъ Богомъ, что первое время любила моего мужа со всею горячностью души моей; и когда онъ, вскорѣ послѣ свадьбы, сдѣлался боленъ, я, какъ собачонка, спала, или, лучше сказать, сторожила у его постели. Малѣйшіе стоны его, я вообразить не могу, до какой степени раздирали мнѣ сердце: но, впрочемъ, ты самъ знаешь по собственному опыту, что я въ привязанностяхъ моихъ *предѣловъ не знаю*, и вдругъ за все это, за всю любовь и службу моему супругу я начинаю видѣть, что онъ все чаще и чаще начинаетъ пріѣзжать домой пьяный. Надобно быть женщиной, чтобы понять, какъ ужасно видѣть пьянымъ близкаго человѣка. Я видѣла m-r Леона пьянымъ, но тотъ вселялъ мнѣ только *страхъ*, а мужъ мой — *отвращеніе*, и ко всѣмъ этимъ гадостямъ узнаю, что супругъ мой даже мнѣ измѣняетъ! Сначала у меня помутилось все въ головѣ: я понять ничего не могла. Я знала, что я лучше, красивѣе всѣхъ его возлюбленныхъ,—и что же, за что это предпочтеніе: наконецъ, если хочетъ этого, то оставь ужъ меня совершенно, но онъ напротивъ, такъ что я не вытерпѣла и сказала ему разъ навсегда, что я буду женой его только *по одному виду и для свѣта*, а онъ на это только смѣялся, и дѣйствительно, какъ видно, смотрѣлъ на эти слова мои какъ на шутку; сколько я въ это время перенесла униженія и страданій—и сказать не могу, и около же этого времени я въ первый разъ увидала Постена. Мужъ представилъ мнѣ его какъ своего друга, и такъ какъ m-r Постенъ имѣетъ весьма вкрадчивый и лукавый характеръ, то онъ, вѣроятно, узналъ отъ мужа о нашихъ отношеніяхъ: случай ему представлялся удобный поухаживать за молоденькой жен-

щиной въ подобномъ положеніи, и онъ началъ,—и точно ужъ въ этомъ случаѣ надо отдать честь его настойчивости!.. Я ему дѣлала дерзости, капризничала надъ нимъ... Все это онъ за какое-то блаженство считалъ для себя. Наконецъ мы, слава Богу, переѣхали изъ Москвы въ нашъ городъ; m-r Постенъ тоже послѣдовалъ за нами. Здѣсь я въ первый разъ увидѣла тебя: полюбить тебя я не смѣла, ты любилъ другую мою пріятельницу, но ты мнѣ показался какимъ-то чуднымъ существомъ, которому предназначено хоть нѣсколько минутъ дать мнѣ счастья... О, какъ я всегда любила ѣздить съ тобой отъ Имплевыхъ въ одномъ экипажѣ и смотрѣть тебѣ прямо въ твои черныя очи, но вотъ наконецъ и ты меня покидалъ!.. собирался за Мари уѣхать въ Москву... Мужъ въ это время доходилъ до неистовства въ своей жизни. M-r Постенъ былъ рѣшительно какимъ-то ангеломъ-спасителемъ въ моей домашней жизни. Мужъ какъ-то боялся его всегда... Я по крайности знала, что когда Постенъ у насъ, то онъ физически меня никогда не убьетъ и не оскорбитъ: такъ это и случилось, когда онъ въ исторіи этого глупаго векселя заслонилъ меня собой отъ его удара ножомъ. Мнѣ все стало равно: я знала, что ужъ больше не увижу тебя, — умереть, задохнуться отъ скуки, сдѣлаться любовницей Постена, и я, на досаду себѣ, Богу, людямъ, сдѣлалась ею... Остальное ты знаешь, и я только прибавлю, что, когда я видѣлась съ тобой въ послѣдній разъ въ домѣ Еспера Иваныча и тутъ же былъ Постенъ, и когда онъ ушелъ, мнѣ тысячу разъ хотѣлось броситься передъ тобой на колѣни и умолять тебя, чтобы ты спасъ меня и увезъ съ собой, но ты еще былъ мальчикъ, и я знала, что не могъ этого сдѣлать. Вотъ все; теперь обсуди и, какъ хочешь, оправдай или обвини меня.

«Твоя Клеопатра.

«PS. Бѣдный страдалецъ — мужъ мой *завтра* или *послѣзавтра* умретъ.—Онъ оставилъ мнѣ *духовную на все имѣніе*... Я теперь поэтому помѣщица *двухсотъ душъ*».

Всѣ слова, напечатанныя въ настоящемъ повѣствованіи курсивомъ, были подчеркнуты въ письмѣ Клеопатры Петровны по одному разу, а нѣкоторыя—даже и по два раза. Она явно хотѣла, по преимуществу, обратить на нихъ вниманіе Вихрова, и онъ дѣйствительно замѣтилъ ихъ, и прежде всего поспѣшилъ ее успокоить и сейчасъ же написалъ отвѣтъ ей.

«Богъ съ вами, кто вамъ сказалъ о какомъ-то неуваженіи къ вамъ!.. Вѣрьте, что я уважаю и люблю васъ попрежнему. Вы теперь исполняете святой долгъ въ отношеніи че-

ловѣка, который, какъ вы сами говорили, все-таки сдѣлалъ вамъ много добра, и да подкрѣпитъ Богъ васъ на этотъ подвигъ! Можетъ-быть, невдолгѣ и увидимся».

Въ сущности письмо Клеопатры Петровны произвело странное впечатлѣніе на Вихрова; ему, пожалуй, немножко захотѣлось и видѣться съ ней, но больше всего ему было жаль ее. Онъ почти не сомнѣвался, что она до сихъ поръ искренно и страстно любила его. «Но она такъ же, вѣроятно, любила и мужа и Постена, это ужъ было только свойствомъ ея темперамента»,—примѣшивалась сейчасъ же къ этому всеотравляющая мысль. Мари же, между тѣмъ, послѣ послѣдняго свиданія ужасно стала его интересовать.

«Неужели Невѣдомовъ правъ, — думалъ онъ: — что мы можемъ прочно любить только женщинъ безупречныхъ?»

Ко всему этому хаосу мыслей и чувствованій присоединилось еще представленіе своей собственной жизни, въ которой не было ни цѣли ни дѣла никакого. Вихровъ не былъ ни флегматикомъ, способнымъ всю жизнь пролежать на диванѣ, ни сангвиникомъ, готовымъ до самой смерти танцовать; онъ былъ чистый холерикъ: ему нужно было или дѣлать какое-нибудь дѣло, или переживать какое-нибудь чувство. Пробовалъ онъ читать, — не читается; Яковъ, рысакъ и трактиры ему до тошноты надоѣли, и Вихровъ началъ томиться и безвыходно скучать.

Въ одну изъ такихъ минутъ, когда онъ нѣсколько часовъ ходилъ взадъ и впередъ у себя по комнатамъ и приходилъ почти въ бѣшенство отъ того, что никакъ не могъ придумать, гдѣ бы ему убить вечеръ, — къ нему пришелъ Саловъ. Достойный другъ сей, съ тѣхъ поръ, какъ Вихровъ получилъ наслѣдство, замѣтно сталъ внимательнѣй къ нему: весьма часто забѣгалъ, почти не спорилъ съ нимъ и никогда не продергивалъ его, какъ дѣлалъ это онъ обыкновенно съ другими. Павелъ, разумѣется, очень хорошо понималъ истинную причину тому и въ душѣ смѣялся надъ нехитрыми продѣлками пріятеля.

— Что вы подѣлываете? — спросилъ Саловъ, замѣтивъ недовольное лицо Вихрова.

— Хандрю!—отвѣчалъ тотъ:—и во мнѣ вы можете видѣть подобіе нашихъ титановъ разочарованія.

— Очень пріятно съ ними познакомиться, — подхватилъ Саловъ.

— Не шутите! Что такое эти Онѣгины и Печорины? Это люди, можетъ-быть, немного и выше стоящіе ихъ среды, но главное—ничего не умѣющіе дѣлать для русской жизни: за не-

волю они все время возятся съ женщинами, влюбляются въ нихъ, ломаются надъ ними: точно также и мы всѣ, университетскіе воспитанники... Мнѣ всегда какъ-то представлялось, что матушка Россія—это есть грубая, для сѣраго солдатскаго сукна устроенная фабрика, и вдругъ въ этой фабрикѣ произрастаютъ чувствительныя и благоухающія розы, но все это потомъ въ жизни сваливается въ одно мѣсто, и конечно ужъ толстые тюки сукна помнутъ всѣ розы и отобьютъ у нихъ всякое благоуханіе.

— Живописно сказано!—подхватилъ Саловъ:—но вотъ что, другъ мой, отъ хандры единственное и самое вѣрное лѣкарство—это карты: сядемте и станемте въ оныя играть.

— А вамъ бы очень хотѣлось?—спросилъ Вихровъ.

— Очень!—отвѣчалъ Саловъ и затѣмъ пропѣлъ водевильнымъ голосомъ:

„Однѣ лишь карты насъ питаютъ,
И деньги намъ онѣ даютъ!“

— Ну вотъ видите!— перебилъ его Вихровъ: — пока вамъ не удалось еще развратить меня до картъ, то я предлагаю вамъ устроить другаго рода аферу на мой счетъ: свезите меня въ какое-нибудь увеселительное заведеніе, и я вамъ выставлю отъ себя вино и ужинъ, какой вы хотите.

— О, да благословитъ тебя Богъ, добрый другъ!—воскликнулъ Саловъ съ комическимъ чувствомъ, крѣпко пожимая руку Вихрова.—Ѣхать намъ всего лучше въ Купеческій клубъ, сегодня тамъ совершается великое дѣло: господа купцы вывозятъ въ первый разъ въ собраніе своихъ супругъ; первая Петровская ассамблея будетъ для Замоскворѣчья,—но только не по высочайшему повелѣнію, а по собственному желанію! Прогрессъ!.. дворянству не хотятъ уступить.

— Это въ самомъ дѣлѣ любопытно! — произнесъ Павелъ.

— Очень-съ,—подхватилъ Саловъ:—рожи, я вамъ доложу, будутъ невообразимыя, туалеты—такого же свойства: брильянтовъ будутъ міріады, и шампанскаго море прольется. Поѣдемте, взглянемте на все сіе.

— Хорошо!—сказалъ Павелъ.

— Такъ, значитъ, часу въ одиннадцатомъ я за вами захожу, и мы ѣдемъ на вашемъ рысакѣ.

— Ѣдемъ на моемъ рысакѣ. — подтвердилъ Вихровъ.

Часовъ въ 11 они не отдумали и поѣхали. Купеческое собраніе было уже полнехонько. Вихровъ и Саловъ, войдя, остановились у одной изъ арокъ, соединяющихъ гостиную съ танцовальной залой.

— Каковы физіономіи, каковы?— шепталъ Саловъ, показы-

вая на разныхъ толстыхъ дамъ, которыя или съ супругами, или съ подругами степенно расхаживали по заламъ. Студентомъ онъ все бывалъ или въ Дворянскомъ собраніи, гдѣ встрѣчалъ и прелестныя лица и элегантные туалеты, или въ Нѣмецкомъ собраніи, гдѣ были нѣмочки и дочери небогатыхъ чиновниковъ, которыя всѣ имѣли, по большей части, испитыя, худыя физіономіи, но все-таки у нихъ были лица человѣческія, а тутъ вдругъ онъ увидѣлъ какія-то луны ходячія, какія-то розовыя тыквы. Мужскія фигуры были такія же почти.

— Посмотрите, посмотрите, — продолжалъ ему шептать Саловъ:—вѣдь ни въ одной физіономіи Бога нѣтъ: только и видно, что все это ѣсть, пьетъ, спитъ, дѣтей родитъ и, для поддержанія такого рода жизни, плутуетъ.

— Все это, можетъ-быть, такъ! — подтвердилъ Вихровъ:— но, во всякомъ случаѣ, этотъ слой общества дорогъ потому намъ, что онъ врядъ ли не единственный хранитель нашей до-петровской народной жизни.

— И нравственности по Домострою, вы думаете? Какъ бы не такъ.—возразилъ Саловъ: — вы знаете ли, что у многихъ изъ сихъ милыхъ особъ почти за правило взято: любить мужа — по закону, офицера — для чувствъ, кучера — для удовольствія.

Вихровъ засмѣялся.

— А вотъ этотъ господинъ, — продолжалъ Саловъ, показывая на проходящаго молодого человѣка въ перчаткахъ и во фракѣ, но не совсѣмъ складнаго станомъ: — онъ вотъ и выбритъ и подчищенъ, а такой же скотина, какъ и батька; это вотъ онъ изъ Замоскворѣчья сюда въ собраніе пріѣхалъ и танцуетъ, пожалуй, а какъ перевалился за Москву-рѣку, опять все свое пошло: въ погребокъ, — давай ему мадеры, чтобъ зубы ломило, — и если тутъ въ погребѣ сидитъ попъ или дьяконъ: «ну, ты, говоритъ, батюшка, прочти Апостола, какъ Мочаловъ, однимъ голосомъ!»

— Какъ вы однако изучили ихъ бытъ!—замѣтилъ Павелъ.

— Я на нихъ теперь комедію пишу! — воскликнулъ Саловъ:—потому что, повѣрьте мнѣ, всѣхъ этихъ господъ слѣдуетъ гораздо побольнѣй пробичевать, чѣмъ сдѣлалъ это Гоголь съ разными мелкими чиновниками.

— Пишете?

— Цѣлый актъ написанъ: я когда-нибудь вамъ прочту.

— Пожалуйста! — произнесъ Вихровъ, но на этомъ словѣ около него уже не было Салова. Тотъ куда-то отъ него исчезъ. Павелъ сталъ искать его глазами—и вдругъ увидѣлъ передъ собой Анну Ивановну, въ прелестномъ воздушномъ платьѣ и всю

залитую въ брильянты. Она стояла подъ руку съ купцомъ, стриженнымъ въ скобку, съ бородой, и даже не во фракѣ, а въ длиннополомъ сюртукѣ. Исчезновеніе Салова объяснялось очень просто: онъ, еще прежде того, какъ-то на одномъ публичномъ гуляньи встрѣтилъ Анну Ивановну съ мужемъ и вздумалъ-было возобновлять съ ней знакомство, но супругъ ея, которому она, вѣроятно, разсказала все, сдѣлалъ ему такую сцену, что Саловъ едва отъ него ушелъ, а потому въ настоящемъ случаѣ, встрѣтивъ ихъ снова, онъ за лучшее счелъ ступеваться, но Вихровъ ничего этого не зналъ.

— Анна Ивановна!—воскликнулъ онъ радостно.

— Ахъ, здравствуйте! — проговорила та какъ-то конфузливо. — Господинъ Вихровъ это! — поспѣшила она прибавить мужу.

— Очень пріятно познакомиться!—отвѣчалъ тотъ довольно благосклонно Вихрову, протягивая ему свою заскорблую и покрытую волосами руку.

Павелъ съ невольнымъ чувствомъ отвращенія пожалъ ее. «И это чудовище,—подумалъ онъ:—воздушная Анна Ивановна должна цѣловать и ласкать».

— Позвольте мнѣ просить васъ на кадриль,—сказалъ онъ, желая разспросить ее, какъ она поживаетъ: — у меня рѣшительно никого нѣтъ знакомыхъ дамъ.

— Можно?—спросила Анна Ивановна мужа.

— Съ господиномъ Вихровымъ можно! — отвѣчалъ тотъ съ удареніемъ. Дѣло въ томъ, что Анна Ивановна, вышедшая за него замужъ, разсказала ему даже и то, что одинъ Вихровъ никогда за ней не ухаживалъ.

Они встали вскорѣ послѣ того въ кадриль. Супругъ ея помѣстился сейчасъ же сзади ихъ.

Вихровъ видѣлъ, что ему надобно было осторожно разговаривать съ Анной Ивановной. Онъ уже начиналъ частью понимать ея семейныя отношенія.

— Вихровъ, я очень несчастлива,—начала она сама, когда стояла съ нимъ по другую сторону отъ мужа.

— Чѣмъ?—спросилъ Павелъ.

— Мужъ меня все ревнуетъ.

— Къ кому?

— Да къ лакеямъ даже и къ повару, такъ что тѣ не смѣютъ мнѣ взглянуть въ лицо, — говорила Анна Ивановна, дѣлая въ это время преграціозныя па.

— Я умру, Вихровъ, непремѣнно, — продолжала она въ пятой фигурѣ, перейдя съ нимъ совсѣмъ на другую сторону.

— Нѣтъ, не умрете. — успокоивалъ ее Павелъ, а между тѣмъ самъ внимательно посмотрѣлъ ей въ лицо: она была въ самомъ дѣлѣ очень худа и блѣдна!

— Нѣтъ, умру: мнѣ, главное, ничего не позволяютъ дѣлать, что я люблю.—только ней и ѣшь.

Далѣе затѣмъ имъ ужъ ни слова нельзя было сказать.

«Вотъ еще жертва женская!»—подумалъ Павелъ, отходя отъ своей дамы.

Передъ ужиномъ онъ отыскалъ наконецъ Салова, который игралъ въ карты въ отдаленной комнатѣ.

— Мы ужъ кончили; сейчасъ къ вашимъ услугамъ, — сказалъ тотъ. И они вскорѣ сѣли за маленькій столикъ.

— Что, бѣжали, спрятались... совѣсть, видно, зазрѣла, — сказалъ ему Вихровъ.

— А что же?—спросилъ Саловъ, улыбаясь.

— А то же,—отвѣчалъ Вихровъ: — какая прелестная женщина вышла изъ нея, а все-таки вскорѣ, вѣроятно, умретъ.

Лицо Салова на минуту подернулось оттѣнкомъ сильной печали.

— Что дѣлать, такая ужъ оказія вышла! — произнесъ онъ.

— Какая же оказія?.. Не оказія, а съ вашей стороны— чортъ знаетъ что такое вышло.

— Съ моей стороны очень просто вышло, — отвѣчалъ Саловъ, пожимая плечами:—я очутился тогда, какъ Иръ, въ совершенномъ безденежьѣ, а тамъ слухъ прошелъ, что вотъ одинъ изъ этихъ же свиней-милліонеровъ племянницу свою, которая очутилась, отъ него, вѣроятно, въ извѣстномъ положеніи, выдаетъ замужъ съ тѣмъ только, чтобы на ней обвѣнчаться и возвратить это сокровище ему назадъ... Я и хотѣлъ подняться на эту штуку...

Павелъ покачалъ только головой.

— А она тамъ услыхала объ этомъ, взбѣленилась и убѣжала, — продолжалъ Саловъ.

— А почему же свадьба эта ваша не состоялась? — спросилъ его насмѣшливо Павелъ.

— Какъ же состояться, это все вздоръ вышло; какой-то негодяй просто хотѣлъ пристроить свою любовницу: я ихъ въ тотъ же вечеръ, какъ они ко мнѣ пріѣхали, велѣлъ офиціантамъ чубуками прогнать.

— Какъ, такъ-таки чубуками?

— Такъ-таки чубуками, à la lettre.

— И невѣсту тоже?

— И невѣсту тоже! Не обманывай!—подхватилъ Саловъ.

IV.

Авторство.

Съ Вихровымъ продолжалось тоскливое и безсмысленное состояніе духа. Чтобы занять себя чѣмъ-нибудь, онъ началъ почитывать кой-какіе романы. Почти во все время университетскаго ученія замолкнувшая способность фантазіи — и въ немъ самомъ вдругъ начала работать, и ему вдругъ захотѣлось что-нибудь написать: думъ, чувствъ, образовъ въ головѣ довольно накопилось, и онъ сѣлъ и началъ писать...

Воображеніе перенесло его въ деревню; онъ писалъ отчасти мѣстность, окружающую Перцово (усадьбу Фатѣевой), и описалъ уже точь въ точь господскій домъ Перцовскій, и что въ его гостиной сидѣла молодая женщина, но не Клеопатра Петровна, а скорѣе Анна Ивановна, — такая же воздушная, граціозная и слабенькая, а въ залѣ мужъ ея, ни много ни мало, сѣкъ горничную Марью за то, что та отказывала ему въ исканіяхъ. Стоны горничной разрывали сердце бѣдной женщины, но этого мало: мужъ, пьяный и озлобленный, входитъ къ ней и начинаетъ ее ласкать. Страдалица этого уже не выдержала: она питаетъ къ мужу физіологическое отвращеніе, она убѣгаетъ отъ него и запирается въ своей комнатѣ. Затѣмъ въ одномъ домѣ она встрѣчается съ молодымъ человѣкомъ: молодого человѣка Вихровъ списалъ съ самого себя — онъ стоитъ у колонны, закинувъ курчавую голову свою немного назадъ и заложивъ руку за бархатный жилетъ, — поза, которую Вихровъ самъ, по большей части, принималъ въ обществѣ. Молодой человѣкъ—старый знакомый героини, но она, боясь ревности мужа, почти не говоритъ съ нимъ и назначаетъ ему тайное свиданіе, чтобы такъ только побесѣдовать съ нимъ о прошломъ...

Вихровъ писалъ такимъ образомъ цѣлый день: всѣ выводимые имъ образы все больше и больше яснѣли въ его воображеніи, такъ что онъ до мельчайшихъ подробностей видѣлъ ихъ лица, слышалъ тонъ голоса, которымъ они говорили, чувствовалъ ихъ походку, совершенно зналъ все, что у нихъ въ душѣ происходило въ тотъ моментъ, когда онъ ихъ описывалъ. Это наконецъ начало пугать его. Чтобы разсѣяться немного, онъ вышелъ изъ дому, но нервное состояніе все еще продолжалось въ немъ: онъ никакъ не могъ выкинуть изъ головы того, что тамъ какъ-то шевелилось у него, росло, — и только, когда зашелъ въ трактиръ, выпилъ тамъ рюмку водки,

съѣлъ чего-то массу, въ немъ потухла его моральная дѣятельность и началась понемногу жизнь матеріальная: вмѣсто мозга стали работать брюшные нервы.

На другой день, впрочемъ, началось снова писательство. Павелъ вмѣстѣ съ своими героями чувствовалъ злобу, радость: въ печальныхъ, патетическихъ мѣстахъ,—а ихъ у него было не мало въ его вновь рождаемомъ твореніи,—онъ плакалъ, и слезы у него капали на бумагу... Такъ прошло недѣли двѣ; задуманной имъ повѣсти написано было уже полторы части: онъ предполагалъ дать ей названіе: «Да не осудите!».

Вихрову наконецъ захотѣлось провѣрить все, что онъ написалъ, но онъ сталъ пересматривать, поправлять, наконецъ набѣло переписывать и читать самому себѣ вслухъ... Ему казалось хорошо, даже очень хорошо сдѣлаться писателемъ и посвятить всю жизнь литературѣ; у него даже дыханіе отъ восторга захватывало при этой мысли, но съ кѣмъ бы посовѣтоваться, кто бы сказалъ ему, что онъ не чушь же совершенную написалъ?.. Невѣдомова не было въ Москвѣ; Заминъ и Пѣтинъ были очень милые ребята, но чрезвычайно простые и врядъ ли понимали въ этомъ толкъ; Марьеновскій, теперь уже служившій въ сенатѣ, пошелъ совершенно въ другую сторону. Саловъ оказывался удобнѣе всѣхъ,—тѣмъ болѣе, что онъ самъ, кажется, желалъ сдѣлаться писателемъ. «Я ему прочту, а онъ — мнѣ; такимъ образомъ это будетъ мѣна взаимныхъ одолженій!» Съ этою мыслью Вихровъ написалъ весьма ласковое письмо къ Салову: «Мой добрый другъ! У меня есть къ вамъ великая и превеликая просьба, и что я вамъ повѣдаю въ отношеніи этого—прошу васъ сказать мнѣ совершенно откровенно ваше мнѣніе».

Саловъ очень хорошо понялъ, что онъ зачѣмъ-то нуженъ Вихрову, и потому рѣшился не упускать этого случая. По запискѣ Павла, онъ сейчасъ же пришелъ къ нему, но притворился грустнымъ, растеряннымъ, какъ бы даже не понимающимъ, что ему говорятъ.

Вихровъ спросилъ его: что такое съ нимъ?

— Дѣлишки скверны,—отвѣчалъ Саловъ и, сверхъ обыкновенія, сѣлъ и вздохнулъ.

Павелъ сейчасъ же догадался, что Саловъ хочетъ занять у него денегъ. «Ну, чортъ съ нимъ,—подумалъ онъ:—дамъ ему: пусть ужъ при случаѣ не будетъ такъ злобствовать».

— Какія же это дѣлишки?—сказалъ онъ вслухъ.

— Денегъ нѣтъ,—отвѣчалъ Саловъ.

— Займите у меня, — сказалъ Вихровъ: — только много не дамъ.

— Хорошо, сколько можете,—сказалъ Саловъ и сейчасъ же повеселѣлъ.

— Я къ вамъ писалъ, — началъ Павелъ нѣсколько сурово (ему казался очень ужъ противенъ Саловъ всѣми этими продѣлками): — писалъ, такъ какъ вы сочинили комедію, то и я тоже произвелъ, но только романъ.

— Романъ? — воскликнулъ Саловъ, какъ будто бы очень обрадовавшись этому извѣстію.

— Романъ, а потому вы прочтите мнѣ вашу комедію, а я вамъ — мое произведеніе, и мы скажемъ другъ другу совершенно откровенно наши мнѣнія.

— Съ величайшею готовностью, — произнесъ Саловъ, какъ будто бы ничего въ мірѣ не могло ему быть пріятнѣе этого предложенія.—Когда жъ вы это написали? — продолжалъ онъ тономъ живѣйшаго участія.

— Въ послѣднія три недѣли, — отвѣчалъ Вихровъ: — вотъ оно-съ, мое твореніе!—прибавилъ онъ и указалъ на двѣ толстѣйшія тетрадки.

Саловъ обмеръ внутренно:—«Онъ уморитъ, пожалуй, этимъ; у меня какія-нибудь три-четыре явленія комедіи написано, а онъ будетъ доѣдать массой этой чепухи!» Саловъ былъ совершенно убѣжденъ, что Павелъ написалъ чушь, и не высказывалъ этого ему и не смѣялся надъ нимъ—только изъ предположенія занять у него денегъ.

— Кому жъ вы будете еще читать?—спросилъ онъ.

— Никому больше, кому же?—отвѣтилъ Павелъ.

— Отчего же никому?—произнесъ протяжно Саловъ; у него въ это время мелькнула мысль: — «За что же это онъ меня одного будетъ этимъ мучить, пусть и другіе попробуютъ этой прелести!» У него отъ природы была страсть хоть бы чѣмъ-нибудь да напакостить своему ближнему.—Вы бы позвали и другихъ вашихъ знакомыхъ: Марьеновскаго, какъ этихъ, — Замина и Пѣтина; я думаю, передъ болѣе многочисленной публикой и читать пріятнѣе?

Павелъ отъ этихъ словъ Салова впалъ въ нѣкоторое раздумье.

— Мнѣ бы, признаться сказать, больше всѣхъ Невѣдомову хотѣлось прочесть,—какъ бы разсуждалъ онъ вслухъ.

— И Невѣдомова позовите,—продолжалъ Саловъ, и у него въ воображеніи нарисовалась довольно пріятная картина, какъ Невѣдомовъ, человѣкъ всегда строгій и откровенный въ своихъ мнѣніяхъ, скажетъ Вихрову:—«Что такое, что такое вы написали?» — и какъ у него при этомъ лицо вытянется, и какъ онъ свернетъ потомъ тетрадку и ни слова ужъ не

никнетъ объ ней, а въ то же время приготовленъ для слушателей ужинъ отличный, и они, упитавшись такимъ образомъ вкусно, ни слова не скажутъ автору объ его произведеніи и разойдутся по домамъ,—все это очень улыбалось Салову.

— Вы позовите и Невѣдомова,—повторилъ онъ еще разъ.

— Но гдѣ жъ я его возьму, — онъ у Троицы, — говорилъ Вихровъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Да наймите коляску и поѣдите за нимъ; онъ сейчасъ и пріѣдетъ.

— Отлично!—подхватилъ Павелъ.—А вы вашу комедію тоже привозите,—прибавилъ онъ.

— Непремѣнно!—сказалъ Саловъ.

Онъ твердо былъ увѣренъ, что онъ своей комедіей еще больше пришибетъ въ грязь произведеніе Вихрова.

По уходѣ Салова, Вихровъ сейчасъ же изготовилъ письмо къ Невѣдомову.

«Милый другъ,—писалъ онъ:—я согрѣшилъ, каюсь передъ вами: я написалъ романъ въ весьма несимпатичномъ для васъ направленіи: но, видитъ Богъ, я его не выдумалъ; мнѣ его дала и нарѣзала имъ глаза наша русская жизнь: я пишу за женщину, и три типа были у меня, надъ которыми я производилъ свои опыты. Это ужъ извѣстная вамъ m-me Фатѣева, натура богатая, страстная, способная къ безпредѣльной преданности къ своему идолу, но которую всѣ и всю жизнь ея за что-то оскорбляли и обвиняли; потомъ, есть еще у меня кузина, высоко-образованная и умная женщина: она задыхается въ обществѣ дурака-супруга во имя долга и ради принятыхъ на себя священныхъ обязанностей; и наконецъ общая наша любимица съ вами, Анна Ивановна, которая, вслѣдствіе своей милой семейной жизни, нынѣшній годъ, вѣроятно, умретъ,—потому что она худа и блѣдна какъ мертвая!.. И никто этихъ женщинъ, сколько я ни прислушивался къ толкамъ объ нихъ, не пожалѣлъ даже; а потому я хочу сказать за нихъ слово, какъ рыцарь ихній, выхожу за нихъ на печатную арену и, сколько мнѣ кажется, заступлюсь за нихъ—если не очень даровито, то по крайней мѣрѣ горячо и совершенно искренно!.. Вы, другъ мой, непремѣнно должны пріѣхать ко мнѣ, потому что вашему эстетическому вкусу я довѣряю больше всѣхъ, и вы должны будете помочь рѣшить мнѣ нравственный вопросъ для меня: долженъ ли я сдѣлаться писателемъ или нѣтъ?»

Невѣдомовъ не заставилъ себя долго дожидаться: на другой же день послѣ отправки за нимъ экипажа, онъ входилъ уже въ спальню къ Павлу, когда тотъ только-что еще проснулся.

— Боже мой! — воскликнулъ герой мой, отъ души обрадовавшись гостю.

Невѣдомовъ расцѣловался съ нимъ.

Павелъ, взглянувъ ему въ лицо, замѣтилъ какую-то тревогу.

— Вотъ какъ я скоро исполнилъ ваше желаніе,—говорилъ Невѣдомовъ, садясь около него.—Что вы такое въ письмѣ вашемъ писали объ Аннѣ Ивановнѣ, что она больна очень?

— Она худа мнѣ очень показалась, — отвѣчалъ Вихровъ, замѣтивъ, что это извѣстіе очень, должно-быть, встревожило пріятеля.

— Отъ худобы до смерти еще далеко,—произнесъ какъ-то странно усмѣхаясь, Невѣдомовъ.

— Отъ смерти, конечно, далеко,—подтвердилъ и Вихровъ.

— А какъ же вы писали, что она скоро умретъ?—разспрашивалъ его Невѣдомовъ.

— Это я такъ, для краснорѣчія,— отвѣчалъ Павелъ, чтобы успокоить пріятеля. Онъ очень ужъ хорошо понималъ, что тотъ до сихъ поръ еще былъ до безумія влюбленъ въ Анну Ивановну. Отъ послѣдняго отвѣта Невѣдомовъ, въ самомъ дѣлѣ, замѣтно успокоился.

— Что же, вы въ самомъ монастырѣ живете? — спросилъ его Вихровъ.

— Въ самомъ монастырѣ,—отвѣчалъ Невѣдомовъ.

— И что же, скучно?

— Иногда.

— И мысль человѣческая мало въ ходу?

— Не много.

V.

Чтеніе.

Черезъ день послѣ того, вверхъ по Никитской шли Марьеновскій и Саловъ. Послѣдній что-то очень, какъ видно, горячо говорилъ и доказывалъ.

— Что онъ можетъ написать? Что онъ можетъ писать? — приставалъ онъ.

Марьеновскій улыбался на это.

— То же, что и вы! Вы написали же!.. — отвѣчалъ онъ своимъ солиднымъ тономъ.

— Но я возился съ этими господами... я съ ними пьянствовалъ, чортъ знаетъ сколько денегъ у нихъ выигралъ, и наконецъ я написалъ какія-то тамъ маленькія сценки, а это— романъ огромнѣйшій.

— Что жъ такое, что романъ? Вы написали сцены, а онъ—романъ.

— Никогда онъ не могъ написать романа, вѣроятно, это чушь какая-нибудь.

— Почему же чушь?

— Потому что на большой романъ у него ума не хватитъ— онъ глупъ!

— Какъ глупъ?—спросилъ Марьеновскій уже удивленнымъ голосомъ.

— Такъ, глупъ,—отвѣчалъ Саловъ.

Марьеновскій отрицательно покачалъ головой.

— Напротивъ,—отвѣчалъ онъ:—я его всегда считалъ человѣкомъ весьма умнымъ. Конечно, какъ видно, онъ весьма нервенъ, впечатлителенъ, способенъ увлекаться, но для романиста, я полагаю, это и нужно.

— Для романиста еще нужно умѣть комбинировать свои впечатлѣнія.

— Можетъ-быть, онъ и ту способность имѣетъ; а что касается до ума его, то вотъ именно мнѣ всегда казалось, что у него одинъ изъ тѣхъ умовъ, которые, въ какую область хотите поведите, они всюду пойдутъ за вами и вездѣ все будутъ понимать настоящимъ образомъ... качество тоже, полагаю, немаловажное для писателя.

— Но наконецъ, чтобы писать—надобно знать жизнь!—воскликнулъ Саловъ:—а онъ гдѣ ее могъ узнать? Выросъ тамъ у папеньки; тетенька какая-нибудь колобками кормила, а въ Москвѣ ходилъ въ гости къ какому-то параличному дяденькѣ.

Вихровъ разъ только разсказалъ Салову довольно подробно объ Есперѣ Иванычѣ и съ увлеченіемъ хвалилъ того при этомъ: Саловъ и это поспѣшилъ осмѣять.

— Но мы однако видѣли,—возразилъ Марьеновскій:—что онъ жилъ здѣсь съ женщиной и прехорошенькой.

— Ну, это какъ-нибудь она ужъ сама его насильно приспособила къ себѣ... Вы однако не скажите ему какъ-нибудь того, что я вамъ говорилъ; что, Богъ съ нимъ! Я все-таки хочу оставаться съ нимъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ.

Въ это время они подошли къ квартирѣ Вихрова и стали взбираться по довольно красивой лѣстницѣ. Въ залѣ они увидѣли парадно накрытый обѣденный столъ, а у стѣны—другой столикъ съ прихотливой закуской. Саловъ осмотрѣлъ все это сейчасъ же орлинымъ взглядомъ. Павелъ встрѣтилъ ихъ съ немножко блѣднымъ лицомъ, въ домашнемъ щеголеватомъ сюртукѣ, съ небрежно завязаннымъ галстухомъ и съ волосами, зачесанными назадъ: все это къ нему очень шло.

— Два качества въ васъ привѣтствую,—началъ Саловъ,

раскланиваясь передъ нимъ:—мецената (и онъ указалъ при этомъ на обѣденный столъ) и самого автора!

Вихровъ на это дружески потрепалъ его по плечу и повелъ его къ закускѣ.

Марьеновскій съ большимъ удовольствіемъ встрѣтился съ Невѣдомовымъ: они, какъ братья, между собой расцѣловались. Съ Саловымъ Невѣдомовъ даже не поклонился: послѣ исторіи его съ Анной Ивановной они уже больше между собой не кланялись и не разговаривали. Пѣтинъ и Заминъ тоже были Вихрова и находились въ слѣдующей комнатѣ. Они увидѣли тамъ книгу съ рисунками индѣйскихъ пагодъ и ихъ боговъ, и Пѣтинъ, вскочивъ на стулъ, не преминулъ сейчасъ же представить одного длинновязаго бога, примкнутаго къ стѣнѣ, а Заминъ его поправлялъ въ этомъ случаѣ, говоря: «руки попрямѣе, а колѣни повыпуклѣе!»—и Пѣтинъ точь въ точь изобразилъ индѣйскаго бога. Оба эти молодые люди кончили уже курсъ и оба гдѣ-то служили, но на службу совершенно не являлись и все продолжали свои прежнія штуки.

Вскорѣ затѣмъ сѣли за столъ. Обѣдъ этотъ Вихрову изготовилъ старый поваръ покойной княгини Вѣсневой, который пришелъ къ нему пьяненькій, плакалъ и вспоминалъ все Еспера Иваныча, и взялся приготовить обѣдъ на славу,—и дѣйствительно изготовилъ такой, что Саловъ, знатокъ въ этомъ случаѣ, послѣ каждаго блюда восклицалъ совершенно искренно:

— Отлично! отлично! Какъ пріятно,—продолжалъ онъ, удовлетворивъ первое чувство голода и откидываясь на задокъ стула:—имѣть богатаго писателя пріятелемъ: если онъ напишетъ какую-нибудь вещь, непремѣнно позоветъ слушать и накормитъ за это отличнымъ обѣдомъ.

Вихрова это замѣчаніе немножко кольнуло, и вообще тонъ, который на этотъ разъ принялъ на себя Саловъ, ему не нравился.

— Вы сами—тоже писатель, а потому и вы должны намъ дать обѣдъ.

— Я обѣды-съ даю только тѣмъ моимъ милымъ господамъ, которыхъ надѣюсь обыграть въ карты.

— Вѣдь вотъ что̀ досадно!—воскликнулъ Вихровъ, вспыхнувъ въ лицѣ:—вы, Саловъ, гораздо больше говорите про себя дурное, чѣмъ дѣлаете его, хоть и дѣлаете онаго достаточно.

— Дѣлать дурное, что̀ дѣлаю я, все-таки, полагаю, лучше, чѣмъ на рысакахъ кататься!..—проговорилъ Саловъ и развелъ руками.

— Кататься на рысакахъ и любить это,—продолжалъ Вихровъ, еще болѣе разгорячаясь:—такое простое и свойственное

всѣмъ чувство, но цинничничать и клеветать на себя есть что-то изломанное, какой-то неправильный выходъ затаеннаго самолюбія.

— Все отъ бѣдности моей проистекаетъ!—произнесъ комически-смиреннымъ тономъ Саловъ, видимо желая замять этотъ разговоръ.—Я смиряюсь передъ нимъ, потому что думаю у него денегъ занять!—шепнулъ онъ потомъ на ухо Марьеновскому; но тотъ даже не поворотился къ нему на это.

Послѣ обѣда подали кофе; затопили каминъ. Вихровъ, еще болѣе поблѣднѣвшій и замѣтно сильно взволнованный, похаживалъ только взадъ и впередъ по комнатѣ: ясно, что страхъ и авторское нетерпѣніе сжигали его. Саловъ, все это, разумѣется, видѣвшій, началъ за него распоряжаться.

— Такъ какъ-съ Павелъ Михайлычъ самъ сегодня собственно составляетъ главную пьесу, а я только его прихвостень, а потому не угодно ли позволить такъ, что я прочту свою вещь сначала, для съѣзда кареть, а потомъ онъ.

— Да, вы напередъ прочтите!—произнесъ Вихровъ, которому вдругъ стало желаться отдалить чтеніе.

Саловъ усѣлся за среднимъ столомъ, спросилъ себѣ двѣ свѣчи и бутылку шампанскаго.

— А вотъ выгода самому быть писателемъ: подъ благовиднымъ предлогомъ чтенія всегда можно спросить себѣ бутылку шампанскаго,—проговорилъ онъ и началъ читать.

Въ пьесѣ своей онъ представлялъ купеческаго сынка, котораго одинъ шуллеръ учитъ свѣтскимъ манерамъ, а потомъ приходитъ къ нему сваха, нѣсколько напоминающая гоголевскую сваху. Все это было недурно скомбинировано. Вихровъ, продолжавшій ходить по комнатѣ, первый воскликнулъ:

— Очень хорошо, очень хорошо!

Марьеновскій только улыбался. Невѣдомовъ глубоко молчалъ.

— Какъ онъ ему ноги-то вытягиваетъ, вотъ это отлично!—замѣтилъ Заминъ.

— У меня только одинъ актъ еще и написанъ!—сказалъ Саловъ, окончивъ чтеніе.

— Очень хорошо, очень хорошо,—похвалилъ его опять Вихровъ и пожалъ ему руку.

— Отлично!—повторилъ за нимъ Заминъ, но и только.

Даже Пѣтинъ какъ-то вертѣлся на стулѣ и ничего что-то не говорилъ.

Наступила минута чтенія Вихрова. Онъ совсѣмъ уже поблѣднѣлъ.

Положивъ тетрадь передъ собой и развязавъ себѣ галстукъ на шеѣ, онъ сказалъ взволнованнымъ голосомъ:

— Господа, пожалуйста, какъ вамъ будетъ скучно, вы скажите мнѣ сейчасъ же.

— Безъ смиренія-съ, безъ фальшиваго смиренія!—замѣтилъ ему Саловъ, усѣвшись между Пѣтинымъ и Заминымъ.

Онъ полагалъ, что тѣ съ большимъ вниманіемъ станутъ выслушивать его ѣдкія замѣчанія. Вихровъ началъ читать: съ первой же сцены Невѣдомовъ подвинулся поближе къ столу. Марьеновскій съ какимъ-то даже удивленіемъ сталъ смотрѣть на Павла, когда онъ своимъ чтеніемъ сталъ точь въ точь представлять и барь, и горничныхъ, и мужиковъ, а потомъ,—когда молодая женщина съ крикомъ убѣжала отъ мужа,—Заминъ затрясъ головой и воскликнулъ:

— Вотъ такъ штука, братъ!

— Какъ живо все это описано!—произнесъ Марьеновскій, съ тѣмъ же удивленіемъ осматривая прочихъ слушателей.

Саловъ сидѣлъ, понуривъ голову, и ничего не говорилъ.

— Читайте дальше!—сказалъ тихимъ голосомъ, и какъ бы едва переводя дыханіе, Невѣдомовъ.

Павелъ былъ самъ очень взволнованъ: у него губы дрожали и щеки подергивало.

Чтеніе продолжалось. Вниманіе слушателей росло съ каждой главой, и наконецъ, когда звѣроподобный мужъ, узнавъ объ измѣнѣ маленькой, худенькой, воздушной жены своей, призываетъ ее къ себѣ, бьетъ ее по щекѣ, и когда она упала наконецъ въ обморокъ, велитъ ее вытащить совсѣмъ изъ дому, вонъ...—Марьеновскій даже привсталъ.

— Это чортъ знаетъ что̀ такое!—произнесъ онъ:—а вѣдь не скажешь, что неправда: вотъ она русская-то жизнь.

— Сильная вещь и славная!—проговорилъ наконецъ и Саловъ и, вставъ, началъ ходить по тому же мѣсту, по которому передъ тѣмъ ходилъ и Павелъ.

Онъ видимо былъ удивленъ, пораженъ и сконфуженъ тѣмъ, что̀ услыхалъ.

— Я, братъ, дрожу весь!—сказалъ Пѣтинъ Замину.

— Писатель изъ него будетъ перваго сорта,—сказалъ тотъ своимъ низовымъ басомъ.

Самъ Павелъ прислушивался ко всѣмъ этимъ замѣчаніямъ, потупя голову и глаза въ землю.

— А вы что̀ ничего не скажете мнѣ?—обратился онъ къ Невѣдомову.

— Вы видите!—отвѣчалъ тотъ, усиливаясь улыбнуться и показывая на свои мокрыя щеки, по которымъ, помимо воли его, текли у него слезы: потомъ онъ всталъ и, взявъ Павла за руку, поцѣловалъ его.

— Поздравляю васъ!—сказалъ онъ, и въ тембрѣ его голоса послышалось что-то такое, что всѣ почти невольно и единогласно воскликнули затѣмъ:—«Ура! вивать Вихровъ!»

Вихровъ стоялъ на ногахъ блѣдный, какъ мертвецъ, и у него слезы текли по щекамъ.

Только въ пріятельской, юношеской и студенческой семьѣ можно встрѣтить такое искреннее, такое полное одобреніе таланту.

Для Вихрова это была великая минута въ жизни, и она никогда уже болѣе съ нимъ не повторялась.

Затѣмъ въ маленькомъ кружкѣ этомъ начались тихіе и почти шопотомъ разговоры.

— Вторая часть у васъ еще не окончена?—спрашивалъ Павла нѣсколько уже успокоившійся Невѣдомовъ.

— Нѣтъ еще, не кончена,—отвѣчалъ Вихровъ ему тихо.

— Мужики-то тутъ какіе живые!.. Настоящее дѣло!..—шепталъ Замина Марьеновскому.

— Поэзіи тутъ очень много?..—какъ бы больше спросилъ Невѣдомова Пѣтинъ.

— Да! — отвѣчалъ тотъ. — Это мѣсто, напримѣръ, когда влюбленные сидятъ на берегу рѣки и видятъ вдали большой лѣсъ, и имъ представляется, что если бы они туда ушли, такъ скрылись бы отъ всѣхъ въ мірѣ глазъ, — это очень поэтично и вѣрно.

Саловъ во все это время продолжалъ ходить взадъ и впередъ, а потомъ, искренно или нѣтъ, но и онъ принялся восхищаться вмѣстѣ съ другими.

— Вамъ рѣшительно надо бросить все и сдѣлаться романистомъ! — сказалъ онъ Павлу.

— Я это и намѣренъ предпринять, — отвѣчалъ тотъ.

— У васъ геркулесовская силища на это дѣло, — продолжалъ Саловъ и затѣмъ, взявъ фуражку, произнесъ: — А что, господа, пора ужъ и по домамъ.

— Пора!—подтвердили и прочіе и взялись за шляпы.

— Куда же это! посидите еще, — произнесъ Павелъ, хотя, утомленный всѣми ощущеніями дня и самымъ чтеніемъ, онъ желалъ поскорѣе остаться если не одинъ, то по крайней мѣрѣ вдвоемъ съ Невѣдомовымъ, который у него жилъ.

— На два слова, Павелъ Михайлычъ,—произнесъ затѣмъ Саловъ.

Павелъ вышелъ за нимъ въ другую комнату.

— Я привезъ вамъ расписку въ пятьсотъ рублей, — сказалъ тотъ.

— Ахъ, сейчасъ!—воскликнулъ Вихровъ и пошелъ и при-

несъ ему: онъ не пятьсотъ, а пять тысячъ готовъ бы дать былъ въ эти минуты Салову.

Гости наконецъ распростились и вышли.

— Что, батюшка, каково, каково!—счелъ нелишнимъ подразнить Салова Марьеновскій.

— Чортъ его знаетъ, я самъ никакъ не ожидалъ, что онъ такъ напишетъ!—сказалъ Саловъ и поспѣшилъ нанять извозчика и уѣхать отъ товарища: ему, кажется, очень ужъ невыносимо было слушать всѣ эти похвалы Вихрову.

Герой мой между тѣмъ велъ искренній и задушевный разговоръ съ Невѣдомовымъ.

— Другъ мой, — говорилъ онъ, снова уже со слезами на глазахъ: — неужели я это такъ хорошо написалъ?.. Я вамъ вѣрю въ этомъ случаѣ больше всѣхъ.

— Очень хорошо, — отвѣчалъ тотъ, въ свою очередь, искренно:—главное, совершенно самобытно, ничего не заимствовано; видно, что это ростки вашей собственной творческой силы. Посмотрите, вонъ у Салова — всюду понадергано: то видна подслушанная фраза, то выхвачено изъ Гоголя, то даже изъ водевиля,—не глупо, но сухо и мертво, а у васъ, напротивъ, вездѣ нервъ идетъ — и нервъ вашъ собственный.

Вихровъ въ умиленіи и съ поникшей головой слушалъ пріятеля.

— Мнѣ еще нужно дообразовать себя для писательства, — проговорилъ онъ.

— Въ какомъ же отношеніи?—спросилъ Невѣдомовъ.

— Въ томъ, что у меня большая прореха въ эстетическомъ образованіи: я очень мало читалъ критикъ, не занимался почти совершенно философіей — вотъ этимъ-то я и хочу теперь заняться. Куплю себѣ Лессинга, буду читать Шеллинга, Гегеля!..

— Все это не мѣшаетъ, если только не соскучитесь, — замѣтилъ съ улыбкою Невѣдомовъ.

— Здѣсь живя, я не то что соскучусь, но непремѣнно развлекусь, и первое, вѣроятно, что сойдусь съ какой-нибудь женщиной.

— Опасность эта можетъ встрѣтиться вамъ вездѣ,—сказалъ ему опять съ улыбкою Невѣдомовъ.

— Нѣтъ, не встрѣтится, если я уѣду въ деревню на годъ, на два, на три... Госпожа, которая жила здѣсь со мной, теперь, вѣроятно, уже овдовѣла, слѣдовательно совершенно свободна. Будемъ мы съ ней жить въ дружескихъ отношеніяхъ, что нисколько не станетъ меня отвлекать отъ моихъ занятій, и сверхъ того у меня передъ глазами будетъ для наблюденія

деревенская и провинціальная жизнь, и такимъ образомъ открывается масса свободнаго времени и масса фактовъ.

— Согласенъ и съ этимъ,— подтвердилъ Невѣдомовъ: — но, однако, вы прежде всего будете оканчивать этотъ романъ?

— Окончу этотъ романъ, напечатаю и посмотрю, что скажетъ публика: тогда ужъ примусь за что-нибудь и другое, а кромѣ того и вы ко мнѣ пріѣдете, мой милый другъ: у меня усадьба отличная, съ превосходной мѣстностью, съ прекраснымъ садомъ и съ огромнымъ домомъ!

— Пріѣду, извольте, — отвѣчалъ Невѣдомовъ, и наконецъ они распрощались и разошлись по своимъ комнатамъ. Двадцатипятилѣтній герой мой заснулъ на этотъ разъ такимъ же блаженнымъ сномъ, какъ засыпалъ нѣкогда, устраивая дѣтскій театръ свой: воздухъ искусствъ, вѣющій около человѣка, успокоителенъ и освѣжающъ!

VI.

Прощальный вечеръ.

Вихрова пріятели собрались проводить съ нѣкоторою торжественностью. Онъ заказалъ для нихъ чай и ужинъ официанту, съ тѣмъ, чтобы, отпраздновавъ эту братскую трапезу, лечь въ повозку, заснуть, если это возможно въ ней, и уѣхать. Ему все-таки грустно было разставаться съ Москвою и съ друзьями, изъ которыхъ Невѣдомовъ остался у него жить до самаго отъѣзда, а вечеромъ пришли къ нему Марьеновскій, Заминъ и Пѣтинъ. Салогъ не явился, хотя и былъ званъ. Макаръ Григорьевъ тоже пришелъ проститься съ бариномъ. Вихровъ ввелъ его въ гостиницу и непремѣнно потребовалъ отъ него, чтобы онъ тоже сѣлъ въ числѣ друзей его. Макаръ Григорьевъ немножко поконфузился, однакоже сѣлъ. Вихровъ велѣлъ подать ему пуншу и непремѣнно потребовалъ, чтобы онъ выпилъ его. Макаръ Григорьевъ выпилъ его и повеселѣлъ немного.

— Очень мнѣ любопытно,—началъ Марьеновскій, осматривая тонкаго сукна поддевку на Макарѣ Григорьевѣ, его плисовые штаны и сапоги съ раструбами: — какимъ образомъ наши мужики изъ простыхъ, напримѣръ, работниковъ дѣлаются подрядчиками, хозяевами?

— Да развѣ всѣ дѣлаются подрядчиками? — спросилъ его какъ-то строго Макаръ Григорьевъ.

— Не всѣ, однако очень многіе!

— И не многіе, потому это выходитъ человѣку по разсудку

его, а второе, и по поведенію; а у насъ развѣ много не дураковъ-то и не пьяницъ!.. Подрядчикъ!—продолжалъ Макаръ Григорьевъ, ужъ немного восклицая: — одно вѣдь слово это для всѣхъ: «подрядчикъ», а въ этомъ есть большая разница: какъ вотъ тоже и «купецъ» говорятъ: купецъ есть милліонеръ, и купецъ есть—на лоткѣ кишками протухлыми торгуетъ.

— Но я не это бы желалъ знать, а вотъ этотъ переходъ изъ работниковъ въ хозяева, — толковалъ ему Марьеновскій.

— Понимаю я, что вы мнѣ толкуете! — возразилъ Макаръ Григорьевъ.

Ванька въ это время подалъ ему еще пуншъ.

— Что больно часто, поди—не надо—пей самъ! — сказалъ ему Макаръ Григорьевъ.

Ванька вышелъ и, дѣйствительно, выпилъ всю чашку залпомъ самъ.

— Въ люди у насъ изъ простого народа выходятъ тоже разно, и на этомъ дѣлѣ, такъ надо сказать, въ первую голову идетъ мошенникъ и плутъ мужикъ! Вотъ его, по-первоначалу, въ десятники произведутъ, вышлютъ тамъ къ какому-нибудь барину или купцу на работу, онъ и начнетъ къ давальцамъ поддѣлываться: матеріалу ли тамъ какого купить имъ надо,— сбѣгаетъ; неряженную ли работу какую имъ желается сдѣлать,—онъ сейчасъ велитъ ребятамъ потихоньку отъ хозяина исполнить ее. А барину этому или купцу — и любо!.. «Ахъ, братецъ, слѣдующую работу тебѣ отдамъ на подрядъ!»—и точно что дастъ. Онъ тутъ его помаленьку и грѣетъ, и бывало такъ, что въ годъ или два состоянье себѣ составляли. Это, по-моему, самый подлый народъ, потому онъ не дѣломъ берется, а словами только и поклонами низкими!

На этомъ мѣстѣ Ванька снова подалъ Макару Григорьеву третій уже пуншъ, ожидая, что, можетъ-быть, онъ и отъ того откажется, но тотъ не отказался.

— Да изволь, изволь, выпью уже, что съ тобой дѣлать! — проговорилъ Макаръ Григорьевъ и выпилъ.

Но Ванька это дѣло для себя поправилъ: онъ спросилъ у офиціанта еще четвертый стаканъ пунша, и этотъ уже не понесъ въ гостиную, а выпилъ его въ темномъ коридорѣ самъ.

— Второй сортъ нашего брата, выскочки, — это которые своего брата нагрѣютъ! Вотъ тоже этакъ, какъ и купецъ, что протухлыми кишками торгуетъ, подѣлываетъ маленькія дѣлишки и потъѣдетъ онъ потомъ къ своему брату — богатому подрядчику. «Ахъ, тамъ, другъ сердечный, благодѣтель великій, заставь за себя вѣчно Богу молить, — возьмемъ подрядъ

вмѣстѣ!». А подрядъ ему расхвалитъ, разскажетъ ему турусы на колесахъ и ладитъ такъ, чтобы выбрать какого-нибудь человѣка со слабостью, чтобы хмелемъ пошибче зашибался; ну, а вѣдь изъ насъ, подрядчиковъ, какъ въ силу-то мы войдемъ, рѣдкій, который бы не запойный пьяница былъ, и сидитъ это онъ въ трактирѣ, ломается, куражится передъ своимъ младшимъ пайщикомъ...«Я-ста, говоритъ, хощу—тебя обогащу, а хощу—и по міру пущу!»,—а глядишь, какъ концы-то съ концами придется сводить, младшій-то пайщикъ и оплелъ старшаго тысячъ на пять, на десять, и что у насъ тяжбы изъ-за того,—числа нѣсть.

— Ну-съ, а теперь третій сортъ?—спросилъ Марьеновскій, очень заинтересованный всѣмъ этимъ разсказомъ.

— А третій сортъ: трудомъ, потомъ и кровью христіанской выходимъ мы, мужики, въ люди. Я теперича вонъ въ сапогахъ какихъ сижу,—продолжалъ Макаръ Григорьевъ, поднимая и показывая свою въ щеголеватый сапогъ обутую ногу:—въ грязи вотъ ихъ не мачиваль, потому все на извозчикахъ ѣзжу; а было такъ, что приду домой, подошвы-то отъ сапогъ отвалятся, да и ноги всѣ въ крови отъ ходьбы: бѣгалъ это все я по Москвѣ и работы искалъ: а въ работникахъ жить не могъ, потому—я гордъ, не могу, чтобы чья-нибудь власть надо мной была.

— Какъ же вы однако послѣ разбогатѣли?—спросилъ уже Замина, почти съ благоговѣніемъ все время слушавшій Макара Григорьева.

— Разбогатѣлъ я, господинъ мой милый, смѣлостью своей: вотъ этакъ тоже собакой-то бѣгаючи по Москвѣ, прослышалъ, что князь одинъ на Никитской два дома строилъ: я къ нему прямо, на дворъ его словилъ, и черезъ камердинера не хотѣлъ объ себѣ докладъ дѣлать. «Ваше сіятельство, говорю, у васъ есть малярная работа?»—«У меня, говоритъ, братецъ, она отдана другому подрядчику!»—«Смѣту, говорю, ваше сіятельство, видѣть на ее можно?..»—«Можно, говоритъ,—вотъ, говоритъ, его расчетъ!». Показываетъ: я гляжу—дешево взялъ! «За эту цѣну, ваше сіятельства, говорю, сдѣлать нельзя».—«Ну, говоритъ, тебѣ нельзя, а ему можно!»—«Да, говорю, ваше сіятельство, это одинъ обманъ, и вы вотъ что, говорю, одинъ домъ отдайте тому подрядчику, а другой мнѣ: ему платите деньги, а я пока стану даромъ работать; и пусть черезъ два года, что его работа покажетъ, и что моя, и тогда мнѣ и заплатите, сколько совѣсть ваша велитъ вамъ!» Понравилось это барину, подумалъ онъ немного... «Хорошо», говоритъ. Начали мы работать: тотъ маляръ на своемъ участкѣ, а я

на своемъ, а наше малярное дѣло — тоже хитрѣе и лукавѣе его нѣтъ! Окно можно выкрасить въ два рубли и въ полтинникъ. Вижу, мой товарищъ взялъ за окно по полтора рубли, а краситъ его какъ бы въ полтинникъ. Я, проходя мимо, будто такъ нечаянно схвачу ведерко ихъ съ краской, вижу— легонько: на гущѣ, знаете, а не на маслѣ; а я веду такъ, что гдѣ ужъ шпервейсъ, такъ шпервейсъ и идетъ. Покончили мы наше дѣло: пошелъ подрядчикъ мой съ деньгами, а я безъ копейки... Только, братецъ, и году не прошло, шлетъ за мной князь... «Ахъ, бестія, шельма,—ругаетъ того маляра:—перепортилъ всю работу: у тебя, говоритъ, все глаже и чище становится, какъ стеклышко, а у того все ужъ облѣзло!» И пошелъ я, братецъ, послѣ того въ знать великую, дворянство тогда послѣ двѣнадцатаго года шибко строилось, — ну, тутъ ужъ я и побралъ денежекъ, поплутовалъ, слава тебѣ Господи!

— Ну, а вѣдь заботна тоже этакая жизнь, Макаръ Григорьевичъ?—произнесъ опять съ благоговѣніемъ Заминъ.

— Да, позаботливѣй маленько вашей барской жизни... Я съ пятидесяти годовъ только сталъ ночи спать, а допрежь того все, бывало, подушки вертятся подъ головой; ну, а тутъ тоже деньжонокъ-то поприобрѣлъ и старъ тоже ужъ становлюсь. «Ну, такъ думаешь, прахъ побери все!»—и спишь... Вотъ про царей говорятъ, что царямъ больно жизнь хороша, а на-ка, попробуй кто,—такъ не понравится, пожалуй: руками-то и ногами глину мѣсить легче, чѣмъ сердцемъ-то о какомъ дѣлѣ скорбѣть! Отчего и пьемъ мы всѣ подрядчики... чтобы духъ въ себѣ ободрить... а то ужъ очень сумнительно и опасно, какъ объ дѣлахъ своихъ раздумывать станешь.

— Да въ чемъ же сумнительно-то можетъ быть въ дѣлахъ?— спросилъ Вихровъ.

— А въ томъ, что работу-то берешь, — развѣ знаешь, выгодна ли она тебѣ будетъ или нѣтъ,—отвѣчалъ Макаръ Григорьевъ: — цѣны-то вонъ на матеріалъ каждую недѣлю мѣняются, словно козлы по горамъ скачутъ, то вверхъ, то внизъ... Народъ тоже раздѣлывать станешь: въ зиму-то онъ придетъ тебѣ съ деревенской-то голодухи, — поведенья краше всякой дѣвушки и за жалованье самое нестоящее идетъ: а какъ только придетъ горячая пора, сейчасъ прибавку ему давай, и задуритъ еще, пожалуй. Иной разъ спѣшная казенная работа съ неустойкой, а ихъ человѣкъ десять изъ артели-то загуляютъ: я уже каждый разъ только и молю Бога, чтобы не убить мнѣ кого изъ нихъ, до того они въ ярость меня вводятъ. Потомъ осень, раздѣлка имъ начнется: они всѣ свои прогулы и нерадѣнье ужъ и забыли, и давай только ему де-

негъ больше и помни его услуги: и тутъ я, — можетъ-быть, вы не повѣрите, — а я вотъ, Матерь Божья, кажинный годъ послѣ того боленъ бываю: и не то, чтобы мнѣ денегъ жаль, — и рахъ ихъ дери, я не жаденъ на деньги, а то, что никакой справедливости ни въ комъ изъ псовъ ихъ не встрѣтишь!

Въ это время Ванька принесъ Макару Григорьеву еще пуншу.

— Да что ты, паря, разугощался меня очень, не хочу я! — проговорилъ тотъ наконецъ съ нѣкоторымъ уже удивленіемъ.

— Что ты все носишь ему, онъ не хочетъ! — сказалъ наконецъ и баринъ Ванькѣ.

— Слушаю-съ.—отвѣчалъ тотъ, и только-что еще вышелъ изъ гостиной, какъ сейчасъ же, залпомъ, довольно горячій пуншъ влилъ себѣ въ горло; но этотъ пріемъ, должно-быть, его сильно озадачилъ, потому что, не дойдя до кухни, онъ остановился въ углу въ коридорѣ и нѣсколько минутъ стоялъ, понуривъ голову, и только все плевалъ по сторонамъ.

— Онъ, должно-быть, тебя ужасно боится и уважаетъ, что такъ угощаетъ!—сказалъ Вихровъ Макару Григорьеву.

— А чортъ его знаетъ!—отвѣчалъ тотъ.—И вотъ тоже дворовая эта шаварда,—продолжалъ онъ, показывая головою въ ту сторону, куда ушелъ Иванъ: — все завидуетъ теперь, что намъ, мужикамъ, жизнь хороша, а имъ—нѣтъ. «Вы, говоритъ, живете какъ вольные, а мы—какъ каторжные». Да есть ли, говорю, у васъ разумъ-то на волѣ жить: ежели, говорю, лошадь-то съ рожденья своего взнуздана была, такъ, по-моему, ей взнузданной и околѣвать приходится.

— Но человѣкъ-то все-таки поумнѣй лошади,—привыкнетъ и къ другому.—возразилъ ему Вихровъ.

— Ну, нескоро тоже: вонъ у дѣдушки вашего,—не то что этакій дуракъ какой-нибудь, а даже высокоумный этакій старикъ лакей былъ съ двумя сыновьями и все жаловался на барина, что онъ уже старъ, а баринъ и его, и его сыновей все работать заставляетъ,—а работа ихъ была вся въ томъ, что самъ онъ послѣ обѣда съ тарелокъ барскія кушанья подъѣдалъ, а сыновья на передней когда съ господами выѣдутъ.. Дѣдушка вашъ... форсунъ онъ этакій былъ баринъ, разсердился наконецъ на это, призываетъ его къ себѣ:—«На вотъ говоритъ, тебѣ, братецъ, и сыновьямъ твоимъ вольную: просьба моя одна къ тебѣ,—не приходи ты больше ко мнѣ назадъ!» Старикъ и сыновья ликуютъ; переѣхали сейчасъ въ городъ и замѣсто того, чтобы за дѣло какое приняться, — да, пожалуй, и не умѣютъ никакого дѣла,—и начали они пить, а сыновья-то сверхъ того начали батьку бить: давай имъ денегъ!—

думали, что деньги у него есть. Дѣлать нечего, старикъ всплакался, пошелъ опять къ барину:—«Возьми, батюшка, назадъ, не дай съ голоду умереть!»... Вотъ оно воля-то что значитъ!

Официантъ въ это время повѣстилъ гостей и хозяина, что ужинъ готовъ. Вихровъ настоялъ, чтобы Макаръ Григорьевъ сѣлъ непремѣнно и ужинать съ ними. Этимъ старикъ очень уже сконфузился, однако сѣлъ. Ваньку такъ это обидѣло, что онъ не пошелъ даже и къ столу.

— Стану я всякой свиньѣ служить,—говорилъ онъ, продолжая стоять въ коридорѣ и отплевываясь по временамъ.

Макаръ Григорьевъ между тѣмъ очень умно велъ съ господами разговоръ.

— А знаешь ли ты, Макаръ Григорьевичъ,—спросилъ его уже Невѣдомовъ:—что баринъ твой—сочинитель и будетъ за это получать славу и деньги?

— Никакъ нѣтъ-съ, не слыхалъ того. — отвѣчалъ Макаръ Григорьевъ съ прибавленіемъ *съ*.

— Но ты знаешь, что такое сочинитель?—спросилъ Вихровъ.

— Книги который сочиняетъ?

— Ну да, книги и журналы. Ты журналы видалъ?

— Видалъ-съ въ трактирахъ, но не глядывалъ въ нихъ. Мы больше газеты смотримъ — потому тѣ намъ нужнѣй, — объявленія тамъ разныя и всякія есть... Что же вы сочинять будете изволить?—спросилъ онъ потомъ Вихрова.

— А вотъ я буду сочинять и описывать хоть твою, напримѣръ, жизнь.

Макаръ Григорьевъ усмѣхнулся на это.

— Да словно бы любопытства-то въ томъ нисколько не будетъ.

— Любопытное, мой милый, состоитъ не въ томъ, что описывается, а въ томъ, какъ описывается,—произнесъ Вихровъ.

— Ну, ужъ этого я не разумѣю, извините!.. Вотъ хоть бы тоже и промежъ насъ, мужиковъ, сказки эти разныя ходятъ: все это въ нихъ разсказываются глупости однѣ только, какъ я понимаю; какіе-то тамъ Иванъ-царевичи, Жаръ-птицы, Царь-дѣвицы—все это пустяки, никогда ничего того не было.

— Самого-то Ивана-царевича не было, но похожій на него какой-нибудь князь на Руси былъ; съ него вотъ народъ и списалъ себѣ этотъ типъ!—вздумалъ-было втолковать Макару Григорьеву Заминъ.

— Какъ же онъ былъ! — возразилъ ему тотъ:—такъ, значитъ, онъ на Жаръ-птицѣ подъ небеса и леталъ?

— Это не то, что леталъ, а представляется, что князь этотъ такой былъ молодецъ, что все могъ сдѣлать.

— Что же все!—возразилъ Макаръ Григорьевъ: — никогда онъ не могъ дѣлать того, чтобы летать на птицѣ верхомъ. Вотъ въ нашей деревенской сторонѣ, сударь, поговорка есть: что сказка—враль, а пѣсня—быль, и точно: въ пѣснѣ вотъ поютъ, что во саду ли, въ огородѣ дѣвушка гуляла,—это быль: въ огородахъ дѣвушки гуляютъ: а сказка про какую-нибудь Бабу ягу или Царь-дѣвицу—враки.

Пока шли всѣ эти разговоры, ужинъ сталъ приближаться къ концу: вдругъ Макаръ Григорьевъ всталъ со своего стула.

— Осмѣлюсь я просить,—началъ онъ, обращаясь къ Вихрову: — вамъ и вашимъ пріятелямъ поклониться винцомъ отъ меня.

— Сдѣлай милость!—сказалъ Вихровъ. Онъ зналъ, что отказать въ этомъ случаѣ—значило обидѣть Макара Григорьева.

— Я, признаться, еще ѣдучи сюда, захватилъ три бутылочки клико, и офиціантамъ даже и подхолодить велѣлъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, съ большимъ удовольствіемъ выпьемъ за твое здоровье, Макаръ Григорьевъ! — произнесли почти всѣ въ одинъ голосъ.

— А такъ бы думалъ, что за здоровье господина моего надо выпить!—отвѣчалъ Макаръ Григорьевъ и, когда вино было разлито, онъ самъ пошелъ за офиціантомъ и каждому гостю кланялся, говоря: «пожалуйте!». Всѣ чокнулись съ нимъ, выпили и крѣпко пожали ему руку. Онъ кланялся всѣмъ гостямъ и тотчасъ же махнулъ офиціантамъ, чтобы они подавали еще. Когда вино было подано, онъ взялъ свой стаканъ и прямо подошелъ уже къ Вихрову.

— Господинъ вы нашъ и повелитель, позвольте вамъ пожелать всякаго счастья и благополучья на всѣ дни вашей жизни и позвольте мнѣ напутствіе на дорогу сказать. Извините меня, господа,—продолжалъ старикъ, уже обращаясь къ прочимъ гостямъ: — баринъ мой изволилъ разъ сказать, что онъ меня за отца аки бы почитаетъ; конечно, я, можетъ, и не стою того, но такъ, какъ по чувствамъ моимъ сужу, не менѣе имъ добра желаю, какъ бы и папенька ихній. Поѣдете вы, сударь, теперь въ деревню,—отнесся Макаръ Григорьевъ опять къ Вихрову:—ждать строгости отъ васъ нечего: строгаго господина никогда изъ васъ не будетъ, а тоже и поблажкой, сударь, можно все испортить дѣло. Я такъ понимаю, что господа теперь для насъ все равно, что родители: что хорошо мы сдѣлали, имъ долженствуетъ похвалить насъ, худо—наказать: вотъ этого-то мы, пожалуй, съ нашимъ бариномъ и не сумѣемъ сдѣлать, а промежъ тѣмъ вы за всѣхъ насъ отвѣчать Богу будете, какъ пастырь за овецъ своихъ: ежели ка-

кая овца отшатнется въ сторону, ее плетью по боку надо хорошенько... У мужика шкура толстая! Надобно, чтобъ онъ чувствовалъ, что его наказываютъ.

— Постараюсь слѣдовать во всемъ твоимъ совѣтамъ,—отвѣчалъ ему Вихровъ.

Макаръ Григорьевъ снова раскланялся съ нимъ, а также и со всѣми прочими гостями, кланяясь каждому порознь. Выпитое вино и ласковое съ нимъ обращеніе господъ сдѣлало изъ него совершенно galant homme.

Послѣ ужина Вихровъ долженъ былъ выѣхать. Онъ сталъ одѣваться въ дорожное платье. Ванька давно уже былъ въ новомъ дубленомъ полушубкѣ и съ мѣшкомъ, надѣтымъ черезъ плечо на черномъ глянцовитомъ ремнѣ. Благодаря выпитому пуншу онъ едва держался на ногахъ и самъ даже выносить ничего не могъ изъ вещей, а позвалъ для этого дворника и едва сминающимся языкомъ говорилъ ему: «ну, ну, выноси; тебѣ заплатятъ: не-даромъ!». Макаръ Григорьевъ только посматривалъ на него и покачивалъ головой, и когда Ванька подошелъ было проститься къ нему и хотѣлъ съ нимъ расцѣловаться, Макаръ Григорьевъ подставилъ ему щеку, а не губы.

— Ну, ладно, прощай!—говорилъ онъ ему вмѣстѣ досадливымъ и презрительнымъ голосомъ.

Вихровъ ѣхалъ въ огромнѣйшихъ, проходныхъ до самаго мѣста пошевняхъ, биткомъ набитыхъ тюками съ книгами, чемоданами съ платьемъ, ящикомъ съ винами.

Невѣдомовъ провожалъ Вихрова со слезами на глазахъ: Марьеновскій долго и крѣпко жалъ ему руку; а Пѣтинъ и Заминъ, а равно и Макаръ Григорьевъ, пожелали проводить его до заставы на извозчикахъ.

VII.

Первые дни въ деревнѣ.

Вихровъ прямо проѣхалъ въ свою вновь пріобрѣтенную усадьбу Воздвиженское и поселился въ ней. Онъ съ утра, въ огромномъ кабинетѣ Абреева, садился работать за большой столъ, поставленный посреди комнаты. На полу кабинета всюду разставлены были раскрытые, но не разобранные тюки съ книгами. Самъ Вихровъ цѣлые дни ходилъ въ щеголеватомъ, на бѣличьемъ мѣху, халатѣ: домъ былъ довольно холодноватъ по своей ветхости, а зима стояла въ самомъ разгарѣ: въ саду, видѣвшемся изъ оконъ кабинета, снѣгъ дохо-

дилъ до половины деревьевъ, и на всемъ этомъ бѣломъ и чистомъ пространствѣ не видно было не только слѣда человѣка, но даже слѣда какихъ-нибудь животныхъ — собаки, зайца. Вихрову было весело и пріятно это какъ бы отчужденіе отъ всего міра: работа его шла быстро и весело. Онъ далъ себѣ слово никуда не выѣзжать и ни съ кѣмъ не видаться до тѣхъ поръ, пока не кончитъ всего своего романа. Часу въ двѣнадцатомъ, обыкновенно, бывшая ключница генеральши, очень чопорная и въ чепцѣ старушка, готовила ему кофе, а молодая горничная, весьма миловидная изъ себя дѣвушка, въ чистенькомъ и съ перетянутой таліей холстинковомъ платьѣ, на маленькомъ подносѣ несла ему этотъ кофе; и когда входила къ барину, то модно и слегка кланялась ему: вся прислуга у Александры Григорьевны была преловкая и превыдержанная.

Вихровъ не безъ удовольствія взглядывалъ на свою хорошенькую служанку, но никакой шутки, никакой вольности, конечно, себѣ не позволялъ съ нею.

— Поставь, милая, тутъ, только подальше отъ бумагъ,— говорилъ онъ ей и при этомъ немножко даже конфузился.

Горничная ставила кофе и не уходила сейчасъ изъ кабинета, а оставалась нѣкоторое время тутъ и явно смотрѣла на барина. Павелъ начиналъ пить кофе и продолжалъ работать.

Кромѣ литературной работы, у Вихрова было много и другихъ хлопотъ: прежде всего онъ рѣшился перекрасить въ домѣ потолки, оклеить новыми обоями стѣны и перебить мебель. Въ мѣстности, гдѣ находилось Воздвиженское, были всякаго рода мастеровые. Вихровъ поручилъ ихъ пріискать Кирьяну, который прежде всего привелъ къ барину худенькаго, мозгляваго, съ рѣдкими волосами, мастерового, съ лицомъ почти помѣшаннымъ и съ длинными худыми руками, пальцы которыхъ онъ держалъ немного согнутыми.

— Живопись, вотъ, на потолкѣ поправить привелъ-съ,— сказалъ онъ, указывая на мастерового.

— Ты живописецъ?—спросилъ его Вихровъ.

— Живописецъ!—отвѣчалъ мастеровой, какъ-то осклабляясь и поворачивая совсѣмъ голову набокъ, точно кто его подернулъ.

— Живописецъ настоящій, — образа пишетъ, — повторилъ Кирьянъ, замѣтивъ, что баринъ съ недовѣріемъ смотритъ на вновь приведеннаго.

— Отчего ты на чужой сторонѣ не живешь?—спросилъ его Вихровъ.

— Такъ ужъ, не живу,—отвѣчалъ мастеровой, и его опять какъ-то подернуло.

— Не живетъ, потому что — нездоровый человѣкъ, — пояснилъ Кирьянъ.

— Нездоровъ я!—подтвердилъ мастеровой.

— Мнѣ надобно только реставрировать живопись на потолкѣ, она вся есть,—понимаешь?

— Понимаю, вижу,—отвѣчалъ мастеровой и совсѣмъ ужъ какъ-то заморгалъ глазами и замоталъ головой, такъ что Вихрову стало наконецъ тяжело его видѣть. Онъ отослалъ его домой и на другой день велѣлъ приходить работать.

— Отчего онъ такой? пьяница, что ли, сильный?

— Нѣтъ, этого нѣтъ особенно,—отвѣчалъ Кирьянъ:—а съ роду ужъ такой странный.

— А мастеръ хорошій?

— Мастеръ отличный! Изъ этихъ живописцевъ, али вотъ изъ часовщиковъ, ружейниковъ, никогда народу настоящаго нѣтъ, а все какой-то худой и ледащій!—объяснилъ Кирьянъ.

Мастеровой еще ранымъ-ранехонько притащилъ на другой день лѣса, подмостилъ ихъ, и съ маленькой кисточкой въ рукахъ и съ черепкомъ, въ которомъ распущена была краска, взлѣзъ туда и, легши вверхъ лицомъ, сталъ подправлять разныхъ боговъ Олимпа.

Вихровъ невольно засмотрѣлся на него: такъ онъ хорошо и отчетливо все дѣлалъ... Живописецъ и самъ, кажется, чувствовалъ удовольствіе отъ своей работы: нарисуетъ что-нибудь окончательно, отодвинется на спинѣ по лѣсамъ какъ можно подальше, сожметъ кулакъ въ трубку и смотритъ въ него на то, что сдѣлалъ; а потомъ, когда придетъ часъ обѣда или завтрака, проворно-проворно слѣзетъ съ лѣсовъ, сбѣгаетъ въ кухню пообѣдать и сейчасъ же опять прибѣжитъ и начнетъ работать.

— Что же ты не отдохнешь никогда? — спрашивалъ его Вихровъ.

— Такъ ужъ, я николи не отдыхаю, не надо мнѣ этого!—отвѣчалъ живописецъ, глядя куда-то въ сторону.

Недѣли въ двѣ онъ кончилъ весь потолокъ и кончилъ отлично: манера рисовать у него была почти академическая.

Вихровъ, сверхъ ряженой цѣны, далъ ему еще десять рублей.

— Спасибо!—сказалъ живописецъ и какъ-то неумѣло и неаккуратно сунулъ деньги въ свои брючонки, и, мотнувъ затѣмъ головой, сейчасъ же проворно совсѣмъ ушелъ изъ усадьбы.

— Куда это онъ все спѣшитъ такъ?—спросилъ Вихровъ Кирьяна.

— Такъ ужъ, повадка у него такая: а вотъ поди ты, пока деньги есть, ни за что работать не станетъ.

— Отчего же?

— Богъ его знаетъ: «что, говоритъ, пошто мнѣ, я сытъ!»

— А какъ же ты къ намъ его залучилъ?

— Да такъ ужъ... съ другой работы онъ только-что сошелъ... На счастье наше деньги у него тамъ украли.

— Кто же?

— Неизвѣстно кто!.. Онъ и разыскивать не сталъ: «Богъ съ нимъ, говоритъ: ему, видно, онѣ нужнѣй моего были».

— Какой-то Кузьма безсребренникъ!—замѣтилъ Вихровъ.

— Да-съ!.. Многіе здѣсь его за святого почитаютъ: говорятъ, онъ иконы-то хорошо пишетъ, потому что Богу угоденъ,—отвѣчалъ Кирьянъ.

У Вихрова на всю жизнь врѣзалась въ памяти маленькая, худощавая фигурка уродца-живописца. Обойщикъ явился къ нему совсѣмъ другого свойства: мужикъ пожилой, съ окладистой бородой и въ синемъ кафтанѣ. Вихрову онъ показался скорѣе за какого-то старосту, чѣмъ за рабочаго.

— Отчего ты нарядный такой?—спросилъ его Вихровъ.

— Что за нарядный,—отвѣчалъ обойщикъ:—наряды-то у насъ извѣстные, у всѣхъ одинакіе.

— Богатъ, оттого и наряденъ,—объяснилъ за него Кирьянъ.

— Ну, это богатство-то, братъ, тоже чужое считать трудно,—замѣтилъ ему съ неудовольствіемъ обойщикъ.

Когда онъ принялся работать, то снялъ свой синій кафтанъ и оказался въ красной рубахѣ и плисовыхъ штанахъ. Обивая въ гостиной мебель и ползая на колѣняхъ около креселъ, онъ весьма тщательно разстилалъ прежде себѣ подъ ноги тряпку. Работая, онъ обыкновенно набивалъ себѣ полнехонекъ ротъ маленькими обойными гвоздями и при этомъ очень спокойно, совершенно полнымъ голосомъ, разговаривалъ, какъ будто бы у него во рту ничего не было. Вихровъ замѣтилъ ему однажды, что онъ можетъ подавиться.

— Нѣту-съ,—отвѣчалъ старикъ, усмѣхаясь:—мы водку съ этимъ пьемъ,—не давимся.

— Не можетъ быть!—воскликнулъ Вихровъ.

— Поднесите!—сказалъ ему насмѣшливымъ голосомъ обойщикъ.

Вихровъ не утерпѣлъ и велѣлъ ему подать водки.

Старикъ выпилъ и только крякнулъ: гвоздей у него въ это время во рту было десятка три.

— Не подавился, слава тебѣ, Господи!—произнесъ онъ тѣмъ же насмѣшливымъ голосомъ.

Оклеить стѣны обоями онъ тоже взялъ на себя и для этого пришелъ уже въ старой синей рубахѣ и привелъ подсоблять себѣ жену и малаго сынишку; тѣ у него замѣняли совсѣмъ мастеровыхъ, и по испуганнымъ лицамъ ихъ и по быстротѣ, съ которой они исполняли всѣ его приказанія, видно было, что они страшно его боялись.

Окончивъ работу, старикъ принесъ Вихрову аккуратнѣйшимъ образомъ написанный семинарскою рукою счетъ и по цѣнамъ своимъ не уступающій столичнымъ.

— Этотъ мужикъ, кажется, ужасный плутъ? — замѣтилъ Кирьяну Вихровъ.

— У него и сыновья такіе: весь родъ у нихъ такой крѣпкій,—отвѣчалъ какъ-то непрямо Кирьянъ.

Въ лакейской онъ съ обойщикомъ дружески простился, и они даже пожали другъ другу руки. Кирьянъ врядъ ли не ожидалъ маленькій срывъ съ него имѣть, но старикъ однако ничего ему не далъ, а такъ ушелъ.

Поустроившись такимъ образомъ, Вихровъ рѣшилъ написать письмо къ Клеопатрѣ Петровнѣ. Онъ, впрочемъ, въ первый еще день своего пріѣзда въ деревню спросилъ Кирьяна:

— А что, не слыхалъ ты, Фатѣевъ живъ или померъ?

— Померъ-съ, вѣрно это!.. Я самъ супругу ихъ видѣлъ въ городѣ, въ траурѣ.

Вихровъ написалъ Клеопатрѣ Петровнѣ только то, что онъ пріѣхалъ, слышалъ о постигшей ее потерѣ и очень бы желалъ ее видѣть, а потому спрашивалъ ее: можетъ ли онъ къ ней пріѣхать? Съ письмомъ этимъ Вихровъ предложилъ послать Ивана и ожидалъ доставить ему удовольствіе этимъ, такъ какъ онъ тамъ увидится со своей Машей, но сердце Ивана уже было обращено въ другую сторону; пріѣхавъ въ деревню, онъ не преминулъ сейчасъ же заинтересоваться новой горничной, купленной у генеральши, но та сейчасъ сразу отвергла всѣ его исканія и прямо въ глаза назвала его «сушенымъ судакомъ по копейкѣ фунтъ».

Вслѣдствіе этого Иванъ былъ въ меланхолическомъ и печальномъ настроеніи. Когда онъ стоялъ у барина за стуломъ съ тарелкой, а горничная въ это время находилась въ буфетѣ, онъ дѣлалъ какое-то глупое, печальное лицо, поднималъ глаза вверхъ и вздыхалъ; Груня, такъ звали горничную, видѣть этого равнодушно не могла.

— Вотъ навязалъ Богъ чорта этакого,—говорила она почти вслухъ: ей, кажется, гораздо больше нравилось имѣть нѣкоторые виды на барина.

— Ну, такъ вотъ, Иванъ, ты возьмешь лошадь и поѣдешь

съ этимъ письмомъ къ Клеопатрѣ Петровнѣ,—говорилъ Вихровъ, отдавая Ивану письмо.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ тотъ довольно сухо, но, придя къ кучеру Петру, не утерпѣлъ, конечно, и поприбавилъ:

— Дай мнѣ лошадь самую лучшую; меня баринъ спѣшно посылаетъ въ Перцово!—сказалъ онъ.

Петръ, думая, что онъ говоритъ правду, въ самомъ дѣлѣ далъ ему одну изъ лучшихъ лошадей.

Иванъ велѣлъ заложить ее себѣ въ легонькія саночки, надѣлъ на себя свою франтоватую дубленку, обмоталъ себѣ на крестъ грудь купленнымъ въ Москвѣ краснымъ шерстянымъ шарфомъ и, сдѣлавъ видъ, что будто бы едва можетъ удержать лошадь, нарочно поѣхалъ мимо дѣвичьей, гдѣ сидѣла Груня, и отправился потомъ въ дальнѣйшій путь.

Въ Перцово онъ доѣхалъ совершенно благоразумно и благополучно, вручилъ Клеопатрѣ Петровнѣ письмо и потомъ отправился къ Марьѣ, которая въ это время стирала въ прачечной. Та ему очень обрадовалась: сейчасъ стала поить его чаемъ и достала даже водки для него. Иванъ началъ все это попивать и разсказывать не безъ прибавленій разныя разности.

Клеопатра Петровна до безумія обрадовалась письму Вихрова. Она, со слезами на глазахъ, вошла въ гостиную, гдѣ сидѣла m-lle Прыхина, бросилась къ ней и начала ее обнимать.

— Душенька, миленькая, онъ, мое сокровище, пріѣхалъ сюда въ деревню, можетъ-быть, навсегда,—говорила Фатѣева.

— Что такое?.. Кто пріѣхалъ?—спрашивала та, немного даже покраснѣвъ отъ такой ласки Клеопатры Петровны, которая не въ состояніи была даже, отъ слезъ и радости, разсказать, а подала письмо Прыхиной.

— Я этого ожидала: я знала, что онъ тебя безумно любитъ!—поясняла та своимъ обычно-увѣреннымъ тономъ.

— Да, любитъ!—воскликнула Клеопатра Петровна.—Хорошо бы твоими устами медъ пить!..—И потомъ она сейчасъ же написала отвѣтъ Вихрову:

«Душенька, ангелъ мой, безцѣнный, жду тебя каждую минуту, каждую секунду. Вся твоя К.»

Ей хотѣлось поскорѣй отправить это письмо. Иванъ между тѣмъ сильно нахлестался и успѣлъ даже разссориться съ Марьей.

— Мы-ста этакихъ-то видали!—отвѣчалъ онъ сдуру и спьяна вмѣсто благодарности за сдѣланное ему угощеніе.

— Ну, коли видали, такъ и убирайтесь,—отвѣчала въ свою очередь сильно этимъ обидѣвшаяся Марья.

— У насъ вотъ какая есть! да!—отвѣчалъ онъ, съ присвистомъ и съ прищелкомъ поднимая руку.

Въ это время его позвали къ Клеопатрѣ Петровнѣ. Та отдала ему письмо и велѣла сейчасъ же ѣхать. Иванъ, рѣшительно не сообразивъ, что лошадь совершенно еще не выкормлена была, заложилъ ее снова и поѣхалъ. Солнце уже садилось. Пока водка шумѣла въ головѣ Ивана, онъ ѣхалъ довольно смѣло и все за что-то бранилъ обѣихъ горничныхъ: Груню и Марью. «Шкуры онѣ, вотъ что, да, шкуры!»—повторялъ онъ самъ съ собой. Но вотъ онъ въѣхалъ въ Зенковскій лѣсъ, хмель у него совсѣмъ прошелъ... Ванька вспомнилъ, что въ лѣсу этомъ, да и вообще въ ихъ сторонѣ, волковъ много, и страшно струсилъ при этой мысли: сначала онъ все «Богородицу» читалъ, а потомъ сталъ гагайкать на весь лѣсъ, какъ будто бы человѣкъ десять кричали, и въ то же время что есть духу гналъ лошадь, и такимъ точно способомъ доѣхалъ до самой усадьбы; но тутъ сообразилъ, что Петръ, пожалуй, увидитъ, что лошадь очень потна,—самъ сейчасъ разложилъ ее и, поставивъ въ конюшню, пошелъ къ барину.

Вихровъ удивился такому скорому возвращенію его.

— Ты ужъ и вернулся?—спросилъ онъ.

— Вернулся, что тамъ дѣлать-то было!—отвѣчалъ Иванъ, какъ бы ни въ чемъ неповинный.

У Вихрова въ это время сидѣлъ священникъ изъ ихъ прежняго прихода, гдѣ похороненъ былъ его отецъ,—священникъ еще молодой, года два только поставленный въ свой санъ и, какъ видно, очень робкій и застѣнчивый. Павелъ разговаривалъ съ нимъ съ уваженіемъ, потому что все-таки ожидалъ въ немъ видѣть хоть нѣсколько образованнаго человѣка.

— Скажите, не скучаете вы вашей деревенской жизнью?—спрашивалъ онъ его.

— Нѣту-ти!.. Что жъ?.. Лѣтомъ работы полевыя, а зимнее время по приходу со славами и съ требами ѣздимъ,—отвѣчалъ священникъ.

— А читать вы имѣете что-нибудь?

— Однѣ только вѣдомости губернскія храмъ получаетъ: чтеніе скучное и незанятное.

Вихрова, по преимуществу, поражала въ юномъ пастырѣ явная неразвитость его. «Прежніе попы какъ-то умнѣй и образованнѣй были»,—думалъ онъ. Священникъ наконецъ всталъ на ноги и, видимо, нѣкоторое время собирался что-то такое сказать.

— Вы вотъ пріѣхали сюда,—началъ онъ съ улыбкой:—а панихиды по папенькѣ до сей поры еще не отслужили.

— Ахъ, Боже мой, я завтра же отслужу и пріѣду для этого въ церковь,—воскликнулъ Павелъ, спохватившись и въ самомъ дѣлѣ устыдясь, что забылъ подобную вещь.

— Да-съ, крестьяне даже ваши ропщутъ на то, да и причетники наши тоже переговаривали между собой: «что это,—говорятъ:—онъ памяти отца не помянетъ!»

— Непремѣнно-съ пріѣду, непремѣнно! — повторилъ Вихровъ.

— Значитъ, завтра мы и ожидать васъ будемъ!—сказалъ священникъ.

— Завтра, завтра!—повторилъ Павелъ и пожалъ священнику руку.

Тотъ ушелъ отъ него.

На другой день герой мой нарочно очень рано проснулся и позвалъ Петра, чтобы потолковать съ нимъ насчетъ поѣздки къ приходу. Петръ пришелъ; лицо этого почтеннаго слуги было недовольное; сказавъ барину, что къ приходу можно на парѣ доѣхать, онъ добавилъ:

— У насъ, Павелъ Михайлычъ, на конномъ дворѣ не все благополучно.

— Что такое?—спросилъ Вихровъ.

— Раменка околѣла-съ. Вчерашній день Иванъ пришелъ и говоритъ:—«дай, говоритъ, мнѣ лошадь самолучшую; баринъ велѣлъ мнѣ ѣхать проворнѣй въ Перцово!». Я ему далъ-съ: онъ, видно, безъ разсудку гналъ-съ ее, верстъ сорокъ въ какіе-нибудь часа три сдѣлалъ, пріѣхалъ тоже—слова не сказалъ, прямо поставилъ ее къ корму; она наѣлась, а сегодня и околѣла.

— Скажите, пожалуйста!—проговорилъ Вихровъ, очень раздосадованный этимъ извѣстіемъ:—этакій мерзавецъ, негодяй!

— Какъ ему можно лошадь какую-нибудь довѣрять, пріѣхалъ тоже пьяный: я сталъ ему сегодня говорить, такъ лается и ругается.

Петръ передъ тѣмъ только съ Иваномъ почти до драки разругались.

— Позовите мнѣ его! Онъ начинаетъ меня окончательно выводить изъ терпѣнья!—воскликнулъ Вихровъ, видѣвшій, что Иванъ въ самомъ дѣлѣ день ото дня становится все болѣе никуда негоднымъ.

— Ты какъ это лошадь-то загналъ до смерти?—спросилъ Вихровъ.

— Какъ я загналъ,—отвѣчалъ Ванька, уже заранѣе приготовившійся къ отвѣту:—у него прежде того она была больна: она у меня еле шла всю дорогу.

— Какъ же она у тебя еле шла, коли ты въ три часа сорокъ верстъ обернулъ?—сказалъ Петръ.

— Я самъ замѣтилъ, что ты очень скоро пріѣхалъ,—пріѣхалъ наконецъ пьяный.

— Гдѣ пьяный! Нисколько.

— Пьяный, коли я тебѣ говорю, негодяй ты этакій!—воскликнулъ Вихровъ.—Кирьяна мнѣ!—произнесъ онъ потомъ задыхающимся голосомъ.

Иванъ поблѣднѣлъ: онъ думалъ, что не выпороть ли его, сверхъ обыкновенія, хочетъ баринъ.

Кирьянъ пришелъ.

— Дай мнѣ какого-нибудь мальчика за мной ходить, а этого мерзавца и видѣть не хочу: поди съ глазъ моихъ долой!

Иванъ, видя, что дѣло повернулось въ гораздо болѣе умѣренную сторону, чѣмъ онъ ожидалъ, сейчасъ опять придалъ себѣ бахваловато-насмѣшливую улыбку, проговорилъ: «мнѣ какъ прикажете-съ!»—и ушелъ. Онъ даже ожидалъ, что вечеромъ опять за нимъ придутъ и позовутъ его въ комнаты, и что баринъ ничего ему не скажетъ, а, напротивъ, самъ еще какъ будто бы стыдиться его будетъ.

Вихровъ черезъ нѣсколько времени выѣхалъ къ приходу. Онъ никогда во всю жизнь не бывалъ ни на одной панихидѣ.

Священникъ и дьяконъ служили обѣдню въ черныхъ ризахъ. Когда Павелъ входилъ, всѣ мужики и бабы ему кланялись. Это все почти были его мужики. Къ концу обѣдни онъ сталъ замѣчать, что церковь все больше и больше наполнялась народомъ. Это уже приходили мужики и бабы изъ чужихъ, сосѣднихъ деревень и, приходя, потихоньку что-то спрашивали у вихровскихъ крестьянъ, а тѣ утвердительно кивали имъ на это головой. По окончаніи обѣдни священникъ съ дьякономъ вышли на средину церкви и начали передъ маленькимъ столикомъ, на которомъ стояло распятіе и кутья, кадить и служить панихиду, а Кирьянъ, съ огромнымъ пучкомъ свѣчъ, сталъ раздавать ихъ народу, подавъ при этомъ Вихрову самую толстую и изъ бѣлаго воску свѣчу. Свѣчи эти всѣ были зажжены. Священникъ съ дьякономъ наконецъ затянули «за упокой» и «вѣчную память» Въ церкви послышались рыданія женщинъ, а также плакали и нѣкоторые мужики. Вихровъ тоже не выдержалъ: слезы у него текли градомъ по щекамъ. «Родитель мой, милый, безцѣнный!»—шепталъ онъ. Потомъ литію надобно было отслужить на самой могилѣ. Пошли священники, за ними Павелъ, а за нимъ и весь народъ; всѣ безъ шапокъ. На дворѣ была зимняя вьюга. Вѣтеръ развѣвалъ волосы у священниковъ и у мужиковъ, но странное дѣло:

свѣчи всѣ горѣли, и ни одна изъ нихъ не погасла: пламя у нихъ вытягивалось, утончалось, но не гасло. Подъ снѣжнымъ бугромъ, огороженная простой оградой, находилась могила полковника.

Вихровъ вошелъ въ этотъ загородокъ и поцѣловалъ крестъ, стоящій на могилѣ отца, и опять затянулась «вѣчная память», и опять мужики и бабы начали плакать почти навзрыдъ. Наконецъ литія была отслужена.

— Кирьянъ,—сказалъ Вихровъ, полный какого-то тревожнаго умиленія:—поди, раздай мужикамъ, кто побѣднѣе изъ нихъ, сто рублей!—И онъ подалъ тому сторублевую ассигнацію.

— И во храмъ бы вы вкладу сдѣлали!—посовѣтовалъ ему священникъ. Павелъ подалъ и ему пятьдесятъ рублей.

— Ужъ и на причетъ тоже не пожалуете ли?—присовокупили въ одинъ голосъ дьяконъ и дьячки.

Павелъ вынулъ еще пятьдесятъ рублей и подалъ ихъ тоже священнику. Тотъ при этомъ покраснѣлъ немного.

— Благодаримъ!—произнесъ онъ какимъ-то глухимъ и стыдливымъ голосомъ: онъ былъ еще очень неопытенъ въ своей пастырской дѣятельности.

Дьяконъ и дьячки тоже пробормотали что-то такое въ благодарность и съ жадностью смотрѣли на деньги въ рукахъ священника.

Народъ въ это время все стоялъ еще у могилы полковника, и нѣкоторые продолжали плакать.

— Петръ, за что такъ любили покойнаго отца?—спросилъ Вихровъ, возвращаясь домой, своего кучера.

— За справедливость!.. справедливъ ужъ очень былъ!—отвѣчалъ Петръ.

VIII.

Своя не познаша!

Въ тотъ же день послѣ обѣда Вихровъ рѣшился уѣхать къ Фатѣевой. Петръ повезъ его тройкой гусемъ въ крытыхъ саняхъ. Иванъ въ наказаніе не былъ взятъ, а брать кого-нибудь изъ другихъ людей Вихровъ не хотѣлъ затѣмъ, чтобы не было большой болтовни о томъ, какъ онъ будетъ проводить время у Фатѣевой.

Произведеніе свое Вихровъ захватилъ съ собой: ему ужасно хотѣлось поскорѣй прочесть его Клеопатрѣ Петровнѣ и посмотрѣть, какое впечатлѣніе произведетъ оно на нее. Въѣхали они такимъ образомъ и въ Зенковскій лѣсъ. Вихровъ припомнилъ, какъ они въ немъ нѣкогда заблудились.

— А что, Петръ, теперь ужъ не собьешься? — спросилъ онъ того.

— Нѣтъ, не собьемся; теперь ужъ твердо будемъ знать дорогу,—отвѣчалъ тотъ.

Былъ свѣтлый зимній вечеръ, но холодный: Павелъ началъ ужъ чувствовать маленькій холодный трепетъ во всемъ тѣлѣ; наконецъ они выѣхали изъ лѣсу; по сторонамъ стали мелькать огоньки селеній; между ними скоро мелькнулъ и огонекъ изъ Перцовскаго дома. У Вихрова сердце замерло отъ восторга; черезъ нѣсколько минутъ онъ будетъ въ теплой комнатѣ, согрѣваемый ласковыми разговорами любящей женщины; потомъ онъ будетъ читать свое произведеніе. Вихровъ считалъ себя въ эти минуты счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Клеопатра Петровна, когда ей сказали, что Вихровъ пріѣхалъ, выбѣжала къ нему навстрѣчу и, не замѣчая даже, что тутъ стоитъ лакей, бросилась гостю на шею и начала его обнимать и цѣловать; вдругъ она отступила отъ него на нѣсколько шаговъ и воскликнула:

— Боже мой! какой ты красавецъ и молодецъ изъ себя сталъ; что̀ такое съ тобой сдѣлалось?

Вихровъ, поѣхавъ къ Клеопатрѣ Петровнѣ, выфрантился въ свой тончайшаго сукна сюртучокъ, бархатный жилетъ, клѣтчатыя толстыя англійскаго сукна брюки. Клеопатра Петровна въ послѣднее время видѣла все его одѣтымъ небрежно, буршемъ-студентомъ, въ поношенномъ вицмундирѣ и въ широчайшихъ, вытертыхъ брюкахъ, а тутъ явился къ ней франтъ столичный!

— Какое лицо у тебя чудное; тебя узнать нельзя,—продолжала Клеопатра;—пойдемъ, я покажу тебѣ твою старую знакомую Катишь Прыхину. Вѣдь ничего, что она у меня, а?

— Разумѣется, ничего; я очень радъ ее видѣть,—отвѣчалъ Вихровъ.

— Ахъ, она тебя ужасно любитъ, пойдемъ!.. Посмотри, какой сталъ!—сказала Фатѣева, вводя Вихрова въ гостиную и показывая его Прыхиной.

— М-г Вихровъ, вы ли это? — воскликнула и та въ свою очередь, всплескивая руками.

— Вотъ онъ, я думаю, побѣждалъ женщинъ-то въ Москвѣ,— продолжала Фатѣева:—въ него, вѣроятно, влюблялись на каждомъ шагу!

— Я думаю, не безъ того,—произнесла m-lle Прыхина съ удареніемъ.

Вихрову сдѣлалось даже стыдно отъ всѣхъ этихъ похвалъ и восторговъ.

— Увѣряю, что никто не влюблялся,—говорилъ онъ, цѣлуя еще разъ руку Фатѣевой и цѣлуя также руку Прыхиной, чѣмъ послѣдняя осталась очень довольна.

Всѣ наконецъ усѣлись передъ диваннымъ столомъ.

— Ну, что же вы подѣлывали въ Москвѣ,—разсказывайте!— говорила Фатѣева, безъ церемоніи, въ присутствіи Прыхиной, беря руку Павла въ обѣ свои руки и крѣпко сжимая ее.

— О, я дѣлалъ много!.. Я дѣлалъ дѣло хорошее!..—отвѣчалъ Вихровъ.

— А именно?.. Извольте сейчасъ намъ все разсказывать!— говорила Фатѣева, сдѣлавшаяся отъ восторга какой-то рѣзвой говоруньей.

— А именно, я написалъ романъ огромный, который получилъ уже извѣстность.

— Романъ? — произнесла Фатѣева нѣсколько неопредѣленнымъ голосомъ.

— Я читалъ его моимъ пріятелямъ, которыхъ ты вотъ знаешь,—отнесся Вихровъ прямо уже къ Клеопатрѣ Петровнѣ:— и которые всѣ единогласно объявили, что у меня огромный талантъ, и потребовали, чтобы я писалъ; ради чего главнымъ образомъ я и пріѣхалъ въ деревню.

Мы знаемъ, что вкусъ и мнѣнія оборванныхъ пріятелей Павла Клеопатра Петровна не очень высоко цѣнила; но кромѣ того: въ деревню, значитъ, онъ пріѣхалъ для какого-то своего писательства. Легкая тѣнь печали пробѣжала по ея до того блиставшему счастьемъ лицу. Она молчала, зато заговорила m-lle Прыхина.

— Это очень любопытно будетъ прочесть!—произнесла она себѣ въ носъ. Ее тоже, какъ и Фатѣеву, нѣсколько удивило это извѣстіе.—Мы, вѣроятно, тутъ встрѣтимъ много знакомаго!— прибавила она съ своей обычной развязностью.

— Если онъ написалъ въ своемъ романѣ про какую-нибудь другую женщину, я его задушу! — сказала съ улыбкою Фатѣева.

— Все про васъ и объ васъ!—успокоивалъ ее Павелъ.

— Что же, это романъ у васъ историческій?.. Я очень люблю романы историческіе! — произнесла m-lle Прыхина.

— Какой же историческій, когда все больше про Клеопатру Петровну!—возразилъ ей Вихровъ.

— Ахъ, да, правда!—спохватилась m-lle Прыхина.

Затѣмъ обѣ дамы какъ-то прекратили разговоръ о романѣ и стали разсказывать Павлу о самихъ себѣ.

— Что я натерпѣлась, другъ мой, по пріѣздѣ изъ Москвы, я тебѣ и сказать не могу, — начала Клеопатра Петровна. —

Вотъ если бы не Катишь,—прибавила она, указывая на Прыхину:—я, кажется, съ ума бы сошла.

— Что жъ, — отвѣчала нѣсколько стыдливо m-lle Прыхина:—любовь и дружба—это такія святыя чувства, что заставятъ, я думаю, каждаго сдѣлать то же самое, что я сдѣлала.

— Однако ты рисковала, что мужъ каждую минуту наговоритъ тебѣ грубостей, попроситъ, пожалуй, тебя уѣхать!

— Сдѣлайте милость, никогда бы онъ этого не осмѣлился сдѣлать; я умѣю держать себя противъ всякаго!.. Я все время вѣдь жила у нея, пока мужъ ея былъ живъ!—пояснила m-lle Прыхина Павлу:—и вообразите себѣ, она сидитъ, сидитъ тамъ у него, натерпится, настрадается, придетъ да такъ ко мнѣ на грудь и упадетъ, на груди у меня и рыдаетъ во всю ночь.

— Что же такое собственно происходило?—спросилъ Вихровъ, не совсѣмъ понимавшій, что такое говоритъ Прыхина.

— Происходило то...—отвѣчала ему Фатѣева:—когда Катя написала ко мнѣ въ Москву, разныя приближенныя госпожи, боясь моего возвращенія, такъ успѣли его возстановить противъ меня, что, когда я пріѣхала и вошла къ нему, онъ не глядитъ на меня, не отвѣчаетъ на мои слова,—каково мнѣ было это вынести и сдѣлать видъ, что какъ будто бы я не замѣчаю ничего этого.

Дѣло, впрочемъ, не совсѣмъ было такъ, какъ разсказывала Клеопатра Петровна: Фатѣевъ никогда ничего не говорилъ Прыхиной и не просилъ ее, чтобы жена къ нему пріѣхала,—это Прыхина все выдумала, чтобы спасти состояніе для своей подруги, и поставила ту въ такое положеніе, что, будь на мѣстѣ Клеопатры Петровны другая женщина, она, можетъ-быть, и не вывернулась бы изъ него.

— Но однако я переспилила себя,—продолжала она:—сѣла около него и начала ему говорить прямо, что онъ сдѣлалъ противъ меня и почему такою я стала противъ него!.. Онъ это понялъ, расплакался немного; но все-таки до самой смерти не довѣрялъ мнѣ ни въ чемъ, ни одного лѣкарства не хотѣлъ принять изъ моихъ рукъ.

— Что же, боялся, что ты отравишь его?—спросилъ Павелъ.

— Вѣроятно!

— А кто же лѣчилъ?—спросилъ Павелъ.

— Тутъ докторъ одинъ изъ нашего городка.—отвѣчала Фатѣева какой-то скороговоркой и какъ бы вспыхнувъ немного.

— Это новый обожатель Клеопатры Петровны,—пояснила Прыхина.

— Будто? — спросилъ Павелъ не совсѣмъ довольнымъ тономъ.

— Что за вздоръ такой! — произнесла съ сердцемъ Клеопатра Петровна.

— Конечно, вздоръ: если бы не вздоръ, развѣ я стала бы говорить,—оправдывалась Прыхина.

— Мужъ однако далъ вамъ духовную на все имѣніе,—замѣтилъ Вихровъ Фатѣевой.

— Да Богъ съ нимъ и съ его духовной! По векселю и на свою седьмую часть я и безъ нея получила бы все имѣніе!.. Я объ этомъ ему ни слова и не говорила! Катишь и священникъ ужъ сказали ему о томъ.

— Я къ нему тогда вошла,—начала m-lle Прыхина, очень довольная, кажется, возможностью разсказать о своихъ дѣяніяхъ:—и прямо ему говорю: «Петръ Ермолаевичъ, что вы вашу жену намѣрены оставить безъ куска хлѣба, за что, почему, какъ?»—просто къ горлу къ нему приступила. Ну, ему, какъ видно, знаете, все ужъ въ жизни надоѣло: «ахъ, говоритъ, давайте перо, я вамъ подпишу!». Батюшка-священникъ уже заранѣе написалъ завѣщаніе; принесли ему, онъ и подмахнулъ все состояніе Клеопашѣ.

Такого рода продѣлки объихъ этихъ госпожъ показались Вихрову не совсѣмъ красивыми, но онъ, разумѣется, этого не высказалъ и замѣтилъ только Фатѣевой:

— Все-таки вы должны благословлять память этого человѣка: онъ устроилъ вашу жизнь.

— Еще бы!—подхватила она.

— Ну, ему ея жизнь и стоило устроить! — воскликнула Прыхина, всегда и во всѣхъ случаяхъ жизни готовая возвысить и оправдать свою подругу.

Вихровъ весь этотъ разговоръ велъ больше механически, потому что въ душѣ сгоралъ нестерпимымъ желаніемъ поскорѣе начать чтеніе своего романа Клеопатрѣ Петровнѣ, и, только-что отпили чай, онъ сейчасъ же самъ сказалъ:

— А что, позволите мнѣ прочесть вамъ мое твореніе?

— Но ты развѣ не усталъ сегодня съ дороги? — спросила его Фатѣева.

Ей казалось, что послѣ такой долгой разлуки ему бы лучше было заняться любовью, чѣмъ чтеніемъ романа. «Онъ любилъ, вѣроятно, въ это время какую-нибудь другую женщину!»—объясняла она себѣ, и на лицо ея опять набѣжала тѣнь печали.

— Я нисколько не усталъ, — отвѣчалъ Павелъ и пошелъ въ кабинетъ, гдѣ разставлены были его вещи, чтобы принести оттуда тетрадь.

Фатѣева и Прыхина, оставшись вдвоемъ, нѣсколько времени молчали.

— Интересно, что онъ написалъ,—проговорила послѣдняя.

— Мнѣ не нравится это его увлеченіе, — отвѣтила ей на это Фатѣева. Чтобы объяснить эти слова Клеопатры Петровны, я долженъ сказать, что она имѣла довольно странный взглядъ на писателей; ей какъ-то казалось, что они непремѣнно должны быть или люди знатные, въ большихъ чинахъ, близко стоящіе къ государю, или, по крайней мѣрѣ, очень ученые, а тутъ Вихровъ, очень милый и дорогой для нея человѣкъ, но все-таки весьма обыкновенный, хочетъ сдѣлаться писателемъ и пишетъ: это ей рѣшительно казалось заблужденіемъ съ его стороны, которое только можетъ сдѣлать его смѣшнымъ, а она не хотѣла видѣть его нигдѣ и ни въ чемъ смѣшнымъ, а потому, по поводу этому, предполагала даже поговорить съ нимъ серьезно.

Вихровъ, принеся свою рукопись, сѣлъ и началъ читать. Прочитавъ первую главу, онъ обратился къ Клеопатрѣ Петровнѣ и спросилъ ее:

— Похоже или нѣтъ?

Фатѣева сидѣла уже явно съ недовольнымъ и печальнымъ лицомъ.

— Комнаты похожи, но женщина тутъ описана другая, — проговорила она.

— Какая же? — спросилъ съ улыбкою Вихровъ.

— Я не знаю — какая! — отвѣчала ему, вовсе не шутя, Клеопатра Петровна.

— Ну, вы — все свое! — проговорилъ Вихровъ и началъ снова чтеніе. Онъ полагалъ, что раздирающія душу и въ то же время, какъ ему казалось, исполненныя житейской правды сцены непремѣнно поразятъ его слушательницъ, но тѣ рѣшительно мало были ими тронуты... Клеопатру Петровну просто мучила ревность: она всюду и вездѣ видѣла Анну Ивановну, а прочаго ничего почти и не слыхала: что касается до m-lle Прыхиной, то ея равнодушіе долженъ я объяснить тоже взглядомъ ея на литературу: достойная дѣвица эта, какъ мы знаемъ, была съ чрезвычайно пылкимъ и возвышеннымъ воображеніемъ; она полагала, что перу писателя всего приличнѣе описывать какого-нибудь рыцаря, или, по крайней мѣрѣ, хоть и штатскаго молодого человѣка, но ѣдущаго на конѣ, и съ нимъ встрѣчается его возлюбленная въ платьѣ амазонки и тоже на конѣ. Если комнаты описывать, то, по ея мнѣнію, лучше всего было — богатыя, убраныя штофомъ и золотомъ: если же природу, то какую-нибудь непремѣнно восточную, — чтобы и фонтаны шумѣли, и пальмы росли, и виноградъ спускался кистями; если охоту представлять, такъ

интереснѣе всего - за тиграми или слонами,—но въ произведеніи Вихрова ничего этого не было, а потому оно не столько не понравилось ей, сколько не заинтересовало ее.

Герой мой между тѣмъ думалъ пробрать своихъ слушательницъ сюжетомъ своей повѣсти, главною мыслью, выраженною въ ней, и для этого торопился дочитать все до конца—но и тутъ ничего не вышло: онъ только страшно утомилъ и ихъ и себя.

— Ахъ, милый мой, какъ ты усталъ! — говорила ласково m-me Фатѣева, утирая ему своимъ платкомъ лобъ, вмѣсто того, чтобы похвалить его повѣсть.

Вихровъ понять никакъ не могъ: романъ ли его былъ очень плохъ, или ужъ слушательницы его были весьма плохіе въ томъ судьи.

— Какъ вамъ понравилось? — спросилъ онъ Прыхину.

— Знаете что,—начала она:—я очень откровенна и всѣмъ люблю говорить правду: зачѣмъ описывать то, что мы знаемъ, видимъ и встрѣчаемъ каждый день; это ужъ и безъ того наскучило.

— Только то и можно описывать, что мы видимъ и знаемъ,— возразилъ ей Вихровъ: — а если мы станемъ описывать то, чего мы не знаемъ, такъ непремѣнно напишемъ чепуху. Теньеровскія картины, на которыхъ нарисованы красноносые голландскіе мужики, гораздо выше цѣнятся, чѣмъ холодная и бездушная французская живопись, изображающая боговъ Олимпа.

— Никогда ни на какой картинѣ мужикъ не можетъ быть интересенъ! Никогда! — воскликнула почти съ ужасомъ m-lle Прыхина.

— Послѣ этого вамъ сказки надобно только слушать, — сказалъ Павелъ: — если вы не хотите ничего читать о томъ, что существуетъ.

— Нѣтъ, сказки — это ужъ очень глупо; это только дѣтей и бабъ деревенскихъ можетъ занимать, — возразила опять, какъ бы нѣсколько обидѣвшись, Прыхина.

— Есть сказки и не для дѣтей, а для взрослыхъ; «Монте-Кристо», напримѣръ, — сказалъ Вихровъ.

— Ахъ, «Монте-Кристо» прелесть, чудо! — почти закричала m-lle Прыхина: — и вообразите: я только начало и конецъ прочла: онъ помѣщался въ журналѣ, и я никакъ нѣкоторыхъ книжекъ не могла достать; нѣтъ ли у васъ, душечка, дайте! — умоляла она Вихрова.

— Нѣтъ-съ у меня!—отвѣчалъ онъ ей съ сердцемъ.—«Съ дурой этой говорить больше нечего»,—рѣшилъ онъ мысленно и посмотрѣлъ на Клеопатру Петровну. Та сидѣла, какъ-то надувшись.

— Ну, а ваше какое мнѣніе о моемъ произведеніи? — спросилъ онъ ее.

— Я ту женщину, которую вы описываете, нисколько не знаю, а потому не могу судить.

— Бо́льшая часть нравственныхъ мотивовъ взяты ваши, а потому они должны бы быть, кажется, близки вашему сердцу.

— Я не принимаю ихъ никакъ на свой счетъ, потому что наружность тутъ описана совсѣмъ другой женщины, — а такъ, какъ я чувствовала, можетъ чувствовать и всякая другая женщина, — отвѣчала Клеопатра Петровна.

Вихрова наконецъ взорвало, и онъ больше ужъ не сталъ говорить съ подобными судьями.

Въ Перцовѣ послѣ того онъ пробылъ всего только одинъ день, въ продолженіе котораго былъ въ весьма дурномъ расположеніи духа: его не то что очень обезпокоило равнодушіе дамъ, оказанное къ его произведенію, — онъ очень хорошо видѣлъ, что Клеопатра Петровна слишкомъ ужъ лично приняла все къ себѣ, а m-lle Прыхина имѣла почти дѣтскій вкусъ, — но его гораздо болѣе тревожило его собственное внутреннее чувство. Говорятъ, нѣтъ ничего полезнѣе для авторовъ, какъ читать свои произведенія не симпатизирующей публикѣ. Тогда передъ ними слабыя мѣста въ трудѣ ихъ выходятъ въ ужасающей величинѣ. Такъ случилось и съ Вихровымъ, — и такихъ слабыхъ мѣстъ онъ встрѣтилъ въ романѣ своемъ очень много, и имъ овладѣло нестерпимое желаніе исправить все это, и онъ чувствовалъ, что поправить все это отлично, а потому, какъ Клеопатра Петровна ни упрашивала его остаться у ней на нѣсколько дней, онъ объявилъ, что это рѣшительно невозможно, и, не пояснивъ даже причины тому, уѣхалъ домой, велѣвъ себя везти какъ можно скорѣе. Возвратившись въ свое Воздвиженское часовъ въ десять вечера, онъ, несмотря однако на то, сейчасъ же принялся за работу. Стоя у себя въ кабинетѣ, онъ представилъ каждую сцену въ лицахъ; гдѣ была неясность въ описаніяхъ — пояснилъ, что лишнее было для главной мысли — выкинулъ, чего недоставало — добавилъ, словомъ: отнесся къ своему произведенію сколько возможно критически-строго и исправилъ его, какъ только умѣлъ лучше!

IX.

Опять Добровъ.

M-lle Прыхина, возвратясь отъ подружки своей Фатѣевой въ уѣздный городокъ, гдѣ родитель ея именно и

былъ сорокъ лѣтъ казначеемъ, — сейчасъ же побѣжала къ m-lle Захаревской, дочери Ардальона Васильича, и застала ту, по обыкновенію, гордо сидящею съ книгою въ рукахъ у окна, выходящаго на улицу, одѣтою, какъ и всегда, нарядно и причесанною по послѣдней модѣ. Дѣвица сія еще въ первый разъ является въ моемъ разсказѣ, а потому я, по необходимости, долженъ объ ней сказать хоть нѣсколько словъ. M-lle Юлія, имя ея, была довольно высока ростомъ, недурно сложена. Опытный наблюдатель, конечно бы, въ ея наружности, какъ и въ наружности ея братьевъ, замѣтилъ нѣчто несовсѣмъ благородное: такъ, напримѣръ, черты лица у нея были какія-то закругленныя, кожа замѣтно грубовата, бѣлокурые волосы, какъ бываетъ это у горничныхъ, какого-то грязнаго цвѣта. Впрочемъ, все это очень сглаживалось тѣмъ, что m-lle Юлія очень недурно себя держала, повидимому, была дѣвушка весьма неглупая, довольно начитанная и благоразумная.

Старикъ Захаревскій (сама Захаревская уже умерла) обожалъ дочь, и они жили въ ихъ огромномъ домѣ только вдвоемъ. Жениховъ у сей милой дѣвицы пока еще не было, — и не было потому именно, что она была горда и кой за кого выйти не хотѣла. M-lle Прыхина обожала Юлію и считала ее лучшимъ своимъ другомъ. О, наша милая Катишь была на это пре-предусмотрительная: у нея очень много было подружекъ. Одна у нея уйдетъ или разссорится съ ней—она у другой гоститъ, другая сдѣлается къ ней холодна—она къ третьей сейчасъ, и у каждой изъ подружекъ своихъ она знала ея главную слабость: она знала, напримѣръ, что Юлія никогда никого еще не любила и вмѣстѣ съ тѣмъ пламенно желала кого-нибудь полюбить.

— Какого я боль-ома встрѣтила, Боже ты мой, Боже ты мой! — говорила Катишь, придя на этотъ разъ къ подружкѣ и усаживаясь противъ нея.

— Кто такой? — спросила ее Юлія очень равнодушно.

Катишь ей неоднократно намирала и налыгала въ этомъ отношеніи.

— Поль Вихровъ, — ахъ, какой красавецъ мужчина! Одѣтъ картиной, ловокъ, уменъ!

Авторъ сильно подозрѣваетъ, что m-lle Прыхина, по крайней мѣрѣ въ послѣднее свиданье, сама влюбилась въ Вихрова, потому что начала объ немъ говорить почти съ азартомъ какимъ-то.

— Гдѣ же ты видѣла его? — спросила Юлія, которая отчасти уже слышала, кто такой былъ Поль Вихровъ, давно ли онъ

пріѣхалъ и сколько у него душъ: о наружности его она только ни отъ кого не слыхала такихъ отзывовъ.

— Я его видѣла у Клеопаши, — отвѣчала Прыхина.

— Говорятъ, это ея обожатель, — проговорила, какъ будто бы больше нехотя, Юлія.

— Ахъ, вздоръ какой, онъ родственникъ только ей и довольно близкій по Имилевымъ, — подхватила Прыхина: она всегда всякую подругу свою скрывала и отстаивала до послѣдней возможности.

Юлія на это ей ничего не сказала, но Катишь очень хорошо видѣла, что она сильно ее заинтересовала Вихровымъ, а поэтому, поѣхавъ черезъ недѣлю опять къ Клеопатрѣ Петровнѣ, она и тамъ не утерпѣла и сейчасъ же той отрапортовала:

— Какъ одна особа влюблена въ твоего Поля, — чудо! — сказала она.

— Кто такая? — спросила Клеопатра Петровна недовольнымъ голосомъ.

— Юленька Захаревская.

— Гдѣ же она его видѣла?

— Она его совсѣмъ не видала, но я описала его наружность, голосъ, умъ, сердце и привела ее въ совершенный восторгъ!

— Зачѣмъ же ты это дѣлала? — спросила Клеопатра Петровна.

— Ахъ, Боже мой, зачѣмъ дѣлала?.. Такъ, разговоръ былъ: надобно же о чемъ-нибудь говорить.

— Можно бы о чемъ-нибудь и другомъ говорить; ты понимаешь ли, что этимъ мнѣ можешь повредить?

— Чѣмъ же я тебѣ могу повредить? — возразила съ удивленіемъ Катишь: ей въ первый еще разъ пришла въ голову эта мысль.

— А тѣмъ, что, когда они встрѣтятся, Юлія непремѣнно станетъ съ нимъ кокетничать, — и, разумѣется, всякій мужчина отвѣтитъ на кокетничанье хорошенькой дѣвушки.

— О, нѣтъ! — воскликнула Прыхина: — этого никогда не можетъ быть: Поль тебѣ вѣренъ, какъ я не знаю что!

— Ты-то пуще лучше его знаешь, чѣмъ я! — проговорила, замѣтно разсердясь на подругу, Клеопатра Петровна и даже ушла отъ нея.

— Странная женщина, хочетъ своего адоратёра не показывать никому, — не спрячешь ужъ! — произнесла Катишь, оставшись одна и пожимая плечами.

Этого маленькаго разговора совершенно было достаточно, чтобы все ревнивое вниманіе Клеопатры Петровны съ этой минуты устремилось на маленькій уѣздный городъ, — и для

этой цѣли она даже завела шпіонку, старуху-сыромасленицу, которая, по ея приказаніямъ, почти каждую недѣлю шлялась изъ Перцова въ Воздвиженское, разспрашивала стороной всѣхъ людей, что тамъ дѣлается, и доносила все Клеопатрѣ Петровнѣ, за что и получала отъ нея масла и денегъ.

Юлію, въ самомъ дѣлѣ, должно-быть, заинтересовалъ Вихровъ: по крайней мѣрѣ, черезъ нѣсколько дней она вошла въ кабинетъ къ отцу, который совсѣмъ уже былъ старикъ, и сѣла невдалекѣ отъ него, замѣтно приготовляясь къ серьезному съ нимъ разговору.

— Батюшка, — начала она: — кто у насъ въ собраніи будутъ нынѣшнюю зиму кавалеры?

— Кто? Я не знаю! — произнесъ старикъ: — тѣ же, я думаю: Иванъ Петровичъ и Петръ Иванычъ, — прибавилъ онъ уже съ улыбкою.

— Батюшка, это ужасно!.. Я лучше не буду совсѣмъ выѣзжать, а то тратишься и безпокоишься, но для кого и для чего!

Захаревскій пожалъ плечами.

— Что дѣлать, перевелась нынче вся порядочная молодежь, — произнесъ онъ не безъ грусти.

— Говорятъ, въ Воздвиженское пріѣхалъ молодой человѣкъ Вихровъ, очень умный и образованный.

— Это Михаила Поликарпыча сынъ, слышалъ это я: человѣкъ, должно-быть, и съ состояніемъ.

— Съѣздите къ нему и пригласите его бывать въ нашемъ собраніи; хоть одинъ порядочный молодой человѣкъ будетъ у насъ, съ кѣмъ бы можно было слово сказать.

Старикъ Захаревскій въ мысляхъ своихъ совершенно одобрилъ такое желаніе дочери.

— Мнѣ есть поводъ съѣздить къ нему. Я продавалъ по порученію Александры Григорьевны Воздвиженское и кой-какихъ бумагъ не передалъ его покойному отцу; поѣду теперь и передамъ самому.

— Поѣзжайте и отдайте, а главное—въ собраніе его вытащите!

— Вытащу, — отвѣчалъ Захаревскій.

Подъѣзжая потомъ къ Воздвиженскому и взглянувъ на огромный домъ, Ардальонъ Васильичъ какъ бы невольно проговорилъ:—«Да, недурно бы было Юльку тутъ поселить!»

Съ трудомъ войдя по лѣстницѣ въ переднюю и снявъ свою дорогую ильковую шубу, онъ велѣлъ доложить о себѣ: «дѣйствительный статскій совѣтникъ Захаревскій!». Въ послѣднее время онъ изъ исправниковъ былъ выбранъ въ предводители, получилъ генеральство и подумывалъ даже о звѣздѣ.

Вихровъ поспѣшилъ выйти гостю навстрѣчу. Захаревскій низко и съ уваженіемъ поклонился ему.

— Очень радъ видѣть ваше превосходительство у себя! — говорилъ Вихровъ, сконфуженный даже нѣсколько такой почтительностью Захаревскаго и ведя его въ гостиную.

— Извините!..—говорилъ тотъ, беря себя за грудь:—одышка отъ лѣтъ... не могу вдругъ начать говорить.

Вихровъ спѣшилъ его покойнѣе усадить.

Захаревскій наконецъ отдышался и началъ неторопливо:

— Во-первыхъ... я прибылъ поздравить васъ... съ пріѣздомъ и потомъ... передать вамъ по порученію прежней владѣлицы документы нѣкоторые!—И съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана толстый пакетъ и подалъ его Вихрову.

Тотъ принялъ отъ него пакетъ.

— Очень вамъ благодаренъ,—произнесъ Вихровъ.

Старикъ между тѣмъ съ любопытствомъ сталъ осматривать вокругъ себя новое убранство комнатъ, и замѣчаемая въ нихъ чистота явно ему понравилась.

— Не скучаете ли въ деревнѣ? — спросилъ онъ Вихрова почти нѣжнымъ голосомъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Но все-таки надѣюсь,—продолжалъ Захаревскій: — что посѣтите и нашъ городокъ.

— О, конечно, и къ первому, разумѣется, къ вамъ явлюсь съ визитомъ.

— Очень рады будемъ вамъ,—отвѣчалъ Захаревскій, опять почтительно склоняя голову:—но, главное, вы посѣтите наше собраніе и украсьте его вашимъ присутствіемъ.

— Когда же это собраніе бываетъ?—спросилъ его Вихровъ.

— Каждое воскресенье-съ!—сказалъ Захаревскій. — И посѣщать его,—продолжалъ онъ опять вкрадчивымъ голосомъ:—почти долгъ каждаго дворянина... одинъ не пріѣдетъ, другой, и нѣтъ собранія, а между тѣмъ гдѣ же молодежи и дѣвушкамъ повеселиться!

— А ваше семейство?—спросилъ его Павелъ.

— Мое семейство состоитъ теперь изъ единственной дочери, которая живетъ со мной: сыновья у меня на службѣ, жена умерла...

Вихровъ при этомъ постарался придать своему лицу печальное выраженіе, какъ будто бы ему въ самомъ дѣлѣ было очень жаль, что г-жа Захаревская умерла. Гость просидѣлъ еще съ часъ, и при прощаньи съ чувствомъ пожалъ руку у Вихрова и снова повторилъ просьбу посѣтить собраніе.

— Непремѣнно-съ буду, — отвѣчалъ тотъ, въ самомъ дѣлѣ

рѣшившись непремѣнно быть въ собраніи. Объ этомъ послѣдніи Клеопатра Петровна весьма скоро, должно-быть, узнала отъ своей сыромасленицы, бывшей именно въ этотъ день въ Воздвиженскомъ,—потому что на другой же день послѣ того прислала очень тревожную записку къ m-lle Прыхиной, жившей опять въ городѣ.

«Пашенька Захаревскій былъ ужъ у Павла; узнайте отъ самой Захаревской, когда Павелъ пріѣдетъ къ нимъ съ визитомъ, и будьте тамъ въ это время и наблюдайте, что они будутъ между собой говорить, и мнѣ все напишите!»

По этому письму Катишь сейчасъ же сбѣгала къ Захаревскимъ, узнала тамъ все и написала къ пріятельницѣ:

«Когда онъ съ визитомъ пріѣдетъ—тамъ не знаютъ, но онъ будетъ непремѣнно въ слѣдующее воскресенье въ наше собраніе!.. Воображаю, какъ будетъ ему весело!»

Получивъ это извѣщеніе, Клеопатра Петровна отправила уже записку къ самому Вихрову.

«Безцѣнный другъ мой, пріѣзжай ко мнѣ въ воскресенье, иначе я умру, не видавши тебя!»

На это ей отвѣчалъ Вихровъ.

«Безцѣнный другъ мой, въ воскресенье я не могу пріѣхать, потому что заваленъ работою; пріѣду, когда кончу».

«Заваленъ работою, а въ собраніе однако ѣдетъ!»—подумала Клеопатра Петровна и отъ такого невниманія Вихрова даже заболѣла. Катишь Прыхина, узнавъ объ ея болѣзни, немедленно прискакала утѣшать ее, но Клеопатра Петровна и слушать ея не хотѣла: она рыдала, металась по постели и все выговаривала подругѣ:

— Это вы все надѣлали, отъ вашей болтовни все это началось.

— Да что же началось, душа моя, что началось?—спрашивала ее скромно Прыхина.

— Все! Не говорите со мной больше!—вскричала Фатѣева.

Пока происходили всѣ эти толки и опасенія, герой мой предавался самымъ чистымъ и невиннымъ занятіямъ. Онъ весь былъ погруженъ въ окончательное созданіе своего творенія, которое наконецъ можно ужъ было набѣло переписывать. Вихровъ хотѣлъ для этого взять какого-нибудь молоденькаго семинаристика отъ приходу, какового и поручилъ отыскать Кирьяну, но тотъ на другой же день, придя къ нему, объявилъ, что мальчиковъ-семинаристовъ теперь нѣтъ у прихода, потому что всѣ они въ училищѣ учатся, а вотъ тутъ дьяконъ-разстрига берется переписывать.

— Кто такой?—спросилъ Павелъ.

— Добровъ одинъ, по прозванію,—отвѣчалъ Кирьянъ.

— Ахъ, я его знаю! — сказалъ Вихровъ: — да хорошо ли онъ пишетъ?

— Писецъ настоящій!—отвѣчалъ Кирьянъ:—я привелъ его съ собой, коли прикажете.

— Сдѣлай милость, я очень радъ ему.

Добровъ вошелъ и поклонился. Онъ былъ еще въ болѣе оборванномъ сюртукѣ и худыхъ сапожонкахъ.

— Здравствуйте, старый знакомый!—сказалъ ему Вихровъ и подалъ ему руку.

Добровъ конфузливо пожалъ ее.

— Садитесь, пожалуйста,—продолжалъ Вихровъ.

Добровъ не совсѣмъ смѣло осмотрѣлъ стулья и на болѣе жесткій изъ нихъ неплотно сѣлъ.

— Можете ли вы переписать мнѣ?

— Могу-съ, словно бы!—отвѣчалъ Добровъ.

— Ну, и правильно вы пишете?

— На это я знатокъ; у насъ за это розгами съ проволокой сѣкли.

— А отъ станового вы уже отошли?

— Да-съ, Богъ съ нимъ.

— Отчего же?

Добровъ какъ бы нѣкоторое время соображалъ.

— Барынька-то у него ужъ очень люта, — началъ онъ:— лѣто-то придетъ, все посылала меня — выгоняй бабъ и мальчиковъ, чтобы грибовъ и ягодъ ей набирали; ну, гдѣ ужъ тутъ: пойдетъ ли кто охотой... Меня допрежь того невѣсть какъ въ околоткѣ любили за мою простоту, а тутъ въ селенье-то придешь, точно отъ медвѣдя какого мальчишки и бабы разбѣгутся,—срамъ! — а не принесешь ей, — ругается!.. Псить-псить, хуже собаки всякой!.. На послѣднія свои денежки покупывалъ ей, чтобы только отвязаться,—ей-Богу!

— А самъ становой лучше?

— Тоже жадный,—продолжалъ Добровъ:—бывало, на ярмарчишку какую пріѣдемъ, тотчасъ всѣхъ сотскихъ, письмоводителя, разсыльныхъ разошлетъ по разнымъ торговцамъ смотрѣть—вѣсы ладны ли да товаръ свѣжъ ли, и все до той поры, пока не поклонятся ему; а поклонись тоже не маленькимъ: другой, пожалуй, во весь торгъ и не выторгуетъ того, такъ что многіе торговцы и ѣздить совсѣмъ перестали на ярмарки въ нашъ уѣздъ.

— Отчего же они не пожаловались?

— И жаловались, да мало только что-то внимали тому, — по пословицѣ: рука руку моетъ; я Бога возблагодарилъ, какъ изъ этой ихъ компаніи ушелъ!..—заключилъ Добровъ.

— Чѣмъ же вы содержите теперь себя?

— Да чѣмъ? Кое-что тоже на духовенство, на мужичковъ поработаю, ну и прокармливаюсь: насчетъ платья только вотъ никакъ не могу сбиться и справиться!

— Вы переѣзжайте ко мнѣ совсѣмъ; я васъ буду содержать, одѣну и помѣщу въ хорошенькой комнатѣ.

— Благодарю покорно... Нынѣ я могу это принять, а прежде бы, пожалуй, и не смогъ.

— Почему же бы не смогли?

— Потому, я пилъ безобразно.

— А нынче не пьете?

— Нѣтъ, другой годъ не пью! Что!.. Чортъ съ нимъ, надоѣло: сколько я тоже къ этому проклятому вину ни приноравливался, все думалъ его сломить, а выходило такъ, что оно меня побѣждало.

— А скажите, за что собственно вы были разстрижены?— спросилъ Вихровъ.

Добровъ съ грустью покачалъ головой.

— Разстригли-то, пожалуй, почесть и за дѣло меня,—отвѣчалъ онъ.

— А именно?—сказалъ Вихровъ.

— А именно, что благочинный тутъ нашъ, очень злобствуя на меня, при объѣздѣ владыки отмѣтилъ меня, что поведеньемъ я слабъ и катехизиса постраннаго не знаю; ну, тотъ меня и назначилъ подъ началъ въ Тотскій монастырь; я, дѣлать нечего, покорился, прибылъ туда и ради скуки великой сталъ тамъ дѣлать монахамъ тавлинки съ разными этакими изображеніями. Монахъ, напримѣръ, яйцо печетъ на свѣчкѣ, а чортъ у него учится: вырѣжу все это изъ бересты и фольги подъ это подложу... ну, и все это такимъ манеромъ шло, пока денежки у меня были... Нынче вотъ я отсталъ, мнѣ ничего водки не пить, а прежде дня безъ того не могъ прожить, вышла у меня вся эта пекунія, что матушка-дьяконица со мной отпустила, бѣда: хоть топись, не на что выпить!.. Сталъ просить у монаховъ взаймы,—не даютъ, да и нѣтъ, пожалуй, ни у кого!.. Раза два, Матерь Божья, на сѣновалѣ мѣста присматривалъ, чтобы удавиться, а тутъ, прахъ дери, на мельницу меня еще съ мѣшками вздумали послать, и жилъ тоже въ монастырѣ мужиченка одинъ, — по рѣшенію присутственнаго мѣста. «Что ты, — говоритъ: — жалуешься все, что выпить тебѣ не на что; свали мѣшокъ въ кабакъ, цѣловальникъ сколько за него дастъ тебѣ водки!» Я однакоже на первыхъ-то порахъ только обругалъ его за это. «Что это, я говорю, ты мнѣ предлагаешь, бестія ты этакая!»—и, на мель-

пицу ѣхавши, проѣхалъ мимо кабака благополучно, а ѣду назадъ—смерть: доподлинно, что ужъ дьяволъ мною овладѣлъ, въ глазахъ помутилось, потемнѣло, ничего не помню, соскочилъ съ телѣги своей, схватилъ съ задней лошади мѣшокъ—и прямо въ кабакъ... «На, братъ, другъ сердечный,—говорю цѣловальнику:—прими!» Онъ это смекнулъ сейчасъ, подхватилъ у меня мѣшокъ, далъ мнѣ тогда этого винища стаканъ-другой-третій лакнуть. «Приходи, говоритъ, ужо вечеромъ: настоящій расчетъ сдѣлаемъ; а то, говоритъ, теперь замѣтятъ!» Я тоже вижу, что такъ складнѣе будетъ сдѣлать, выбѣжалъ, догналъ свою лошадь, пріѣхалъ въ монастырь, сталъ мѣшки сдавать, не досчитываются одного мѣшка. «Должно-быть, говорю, укралъ кто-нибудь; я, ѣхавши, виноватъ, заснулъ!» Говорю это, а самого дрожь бьетъ, зубъ съ зубомъ отъ страха не сходятся, и стыдно-то, и горько-то, и страшно. Хотѣлось-было сейчасъ же тутъ покаяться, но языкъ прилипъ къ гортани: и это бы дѣло однако такъ и кануло въ воду! Казначей-то ужъ очень и не разыскивалъ: посмотрѣлъ мнѣ только въ лицо и словно пронзилъ меня своимъ взглядомъ; лучше бы, кажись, убилъ меня на мѣстѣ; самъ ужъ не помню я, какъ дождался вечера и пошелъ къ цѣловальнику за расчетомъ, и не то что мнѣ самому больно хотѣлось выпить, да этотъ мужичонка все приставалъ: «поднеси да поднеси винца, а не то скажу—куда ты мѣшокъ-то дѣвалъ!». Только цѣловальникъ мнѣ вдругъ говоритъ: «я-ста, — говоритъ: — и не биралъ никакого мѣшка!» Такая меня злость взяла: чувствую, что самъ-то я какое воровство и мошенничество сдѣлалъ, и вижу, что противъ меня то же дѣлаютъ, и началъ я этого цѣловальника утюжить, и какъ я его не убилъ—не знаю... Билъ, билъ, оба въ крови мы стали; онъ наконецъ караулъ началъ кричать: прибѣжалъ народъ, связали насъ обоихъ... Я въ азартѣ кричу:—«Вотъ, говорю, я мѣшокъ монастырскій укралъ, отдалъ ему, а онъ отпирается!..» Дѣло, значитъ, повели уголовное: тать, выходитъ, я церковный; ну и наши тамъ слѣдователи уписали-было меня порядочно, да настоятель, по счастью моему, втѣ-поры былъ въ монастырѣ,—старецъ добрый и кроткій, призываетъ меня къ себѣ. «Для чего это ты, дьяконъ, сдѣлалъ такъ, мѣшокъ, говоритъ, похитилъ?..» Я сплакалъ даже на это.—«Неужели, говорю, ваше преподобіе, я укралъ это!.. Десять мѣшковъ я сейчасъ отдамъ за это монастырю; коли, говорю, своихъ не найду, такъ прихожане за меня сложатся: а сдѣлалъ это потому, что не вытерпѣлъ, вина захотѣлось!»—«Отчего жъ,—говоритъ: — ты не пришелъ и не сказалъ мнѣ: я бы тебѣ далъ немного, потому — знаю, что болѣзнь этакая

съ человѣкомъ бываетъ!..»—«Не посмѣлъ, говорю, ваше преподобіе!». Однакоже онъ написалъ владыкѣ собственноручное письмо, товарищи они были по академіи. «Взгляните, говоритъ, на это не какъ судья строгій, а какъ Христосъ милостивый!» Владыко и пишетъ резолюцію: «дѣло о мѣшкѣ закончить, а дьякона разстричь и исключить изъ духовнаго званія!»

— Однако не совсѣмъ же помиловали!—замѣтилъ Вихровъ.

— Ну, да ужъ это Богъ съ ними; спасибо, что на каторгу не ушелъ!—отвѣчалъ Добровъ.

X.

Дальнѣйшіе разсказы Доброва.

Черезъ недѣлю послѣ того Добровъ, одѣтый въ новый сюртукъ, чистое бѣлье и новые сапоги, сидѣлъ уже и переписывалъ Вихрову его сочиненіе, и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ усмѣхался слегка и поматывалъ головой.

— Чему вы это, Гаврила Емельянычъ? — спрашивалъ его Вихровъ.

— Штука у васъ тутъ какая славная написана, — отвѣчалъ тотъ.

Въ часъ они садились обѣдать: послѣ обѣда Вихровъ обыкновенно разлегался въ кабинетѣ на диванѣ, а Добровъ усаживался около него въ креслахъ. Замѣтивъ, что Добровъ, какъ всѣ остановившіеся пьяницы, очень любитъ чай, Павелъ велѣлъ ему подавать послѣ обѣда, — и Гаврила Емельянычъ этого чаю выпивалъ въ прикуску чашекъ по десяти и при этомъ безпрестанно велъ разныя розсказни.

Присмотрѣвшись хорошенько къ Доброву, Вихровъ увидѣлъ, что тотъ былъ одинъ изъ весьма многочисленнаго разряда людей въ Россіи, про которыхъ можно сказать, что не пей человѣкъ—золото бы былъ: честный, заботливый, трудолюбивый, Добровъ въ то же время былъ очень уменъ и наблюдателенъ, такъ что у него ничего не могло съ глазу свернуться. Вихровъ сталъ его слушать, какъ мудреца какого-нибудь.

— Вотъ я сегодня у васъ тутъ переписывалъ, что предводитель ничего съ дворянами не можетъ сдѣлать,—это вѣдь и правда, пожалуй, — заговорилъ Добровъ въ одну изъ послѣобѣденныхъ бесѣдъ.

— Правда?—переспросилъ Вихровъ.

— Правда!— подтвердилъ Добровъ: — нынче вотъ они еще маленько посмирнѣе стали, а прежде такіе озорники были,

что Боже упаси: на моей ужъ памяти одинъ баринокъ какую у насъ съ священникомъ штуку сыгралъ,—чудо!

Вихровъ навострилъ уши, заранѣе предчувствуя, что Добровъ непремѣнно разскажетъ что-нибудь интересное.

— Какую же?—спросилъ онъ голосомъ, замирающимъ отъ любопытства.

— Да священникъ-то, изволите видѣть, былъ маленько любостяжателенъ; всего ему по приходу давай: и денегъ, и печенаго хлѣба, и нови всякой. Телятами живыми за всенощную въ селеньяхъ биралъ. Ей-Богу! Ѣдемъ назадъ, а теленокъ въ телѣгѣ привязаннымъ лежитъ; а другой разъ и вырвется да бѣжать отъ насъ, а мы, причетники, за нимъ... Только этотъ самый баринъ... отчаянный этакій былъ, кутила, насмѣшникъ,—говоритъ священнику:—«Вы, батюшка, говоритъ, крестьянъ моихъ не забижайте много, а не то я самъ съ вами шутку сшучу!»—«Да гдѣ я ихъ обижаю, да чѣмъ ихъ обижаю!» — оправдывается, знаете, священникъ, а промежъ тѣмъ въ приходѣ дѣйствуетъ попрежнему. Баринъ нашъ терпѣлъ, терпѣлъ,—и только разъ, когда къ нему собралась великая компанія гостей, ѣздили всѣ они медвѣдя поднимать, подняли его, убили, на радости, безъ сумнѣнія, порядкомъ выпили; наконецъ, послѣ всего того, гости разъѣхались, остался одинъ хозяинъ дома, и скучно ему: разговоровъ имѣть не съ кѣмъ, да и голова съ похмелья болитъ: только вдругъ докладываютъ, что священникъ этотъ самый пришелъ тамъ за какимъ-то дѣльцемъ маленькимъ... «Просите сюда!». Входитъ батюшка въ кабинетъ къ барину... Тотъ прямо кидается ему на шею: — «Ахъ, другъ сердечный, какъ ладно и хорошо, что ты пришелъ ко мнѣ, я въ великомъ несчастьѣ!»—«Что такое?»—спрашиваетъ священникъ.—«Да вотъ, говоритъ, что: вчерашній день мы всѣ пьяные ѣздили на охоту верхами, и одинъ, говоритъ, у меня охотникъ съ лошади свалился, прямо вискомъ на пенекъ, и убился; такъ какъ въ этомъ случаѣ въ лѣсу я съ нимъ одинъ былъ, а земская полиція на меня ужъ давно сердита,—пожалуй, и въ острогъ меня посадятъ. Сдѣлай милость, говоритъ, чтобы не было большой огласки, похорони ты у меня этого покойника безъ удостовѣренія полиціи, а я, говоритъ, тебѣ за это тысячу рублей дамъ!» И съ этими словами, знаете, вынимаетъ деньги, подаетъ священнику. Корысть тѣмъ овладѣла, какъ и пьянство же вонъ мною въ монастырѣ: задрожалъ даже, увидѣвъ денежки-то. — «Да правда ли, говоритъ, сударь... — называетъ тамъ его по имени:— что вы его не убили, а самъ онъ убился?» -«Да, говоритъ, другъ любезный, потяну ли я тебя въ этакую уго-

ловщину; только и всего, говоритъ, что боюсь прижимки отъ полиціи; но, чтобы тоже, говоритъ, у васъ и въ селѣ-то между причетниками большой болтовни не было, я, говоритъ, велю тебѣ въ домъ принести покойника, а ты, говоритъ, поутру его вынесешь въ церковь пораньше, отслужишь обѣдню и похоронишь!» Понравилось это мнѣніе священнику: деньгами-то съ дьячками ему не хотѣлось дѣлиться. «Вынесу, думаетъ, съ работникомъ гробъ въ церковь, обѣдню съ понамарькомъ, — простенькой такой у него понамаренко былъ, — отслужу и похороню». Условились они такимъ манеромъ... Въ самую полночь къ попу въ воротцы—стукъ, стукъ! Выходитъ онъ... Гробъ привезли, оказывается, съ покойникомъ... Велѣлъ онъ къ себѣ въ свѣтелку этотъ гробъ поставить. Уѣхали эти самые возчики обратно. Легъ попъ съ попадьей своей на постельку. Не спится имъ однако.—«Батюшка,—говоритъ попадья:—и свѣчки-то у покойника не горитъ; позволено ли по требнику свѣчи-то ставить передъ нечаянно-умершимъ?»—«А для чего, говоритъ, не позволено!»—«Ну, такъ, — говоритъ попадья:—я пойду поставлю передъ нимъ...»—«Поди, поставь!» И только-что матушка-попадья вошла въ горенку, гдѣ стоялъ гробъ, такъ и заголосила, такъ что священникъ испужался даже, бѣжитъ къ ней, видитъ, — она стоитъ, разставя руки... «Батька, батька!—кричитъ:—у насъ, говоритъ, это не покойникъ, а медвѣдь въ гробу-то!»—«Какъ медвѣдь?»—заглянулъ въ гробъ, видитъ—шкура содрана съ медвѣдя, обернутъ онъ, какъ слѣдуетъ, въ саванъ, лежитъ словно бы и человѣкъ. Тутъ священникъ и вспомнилъ слова барина: «спучу съ тобой шутку!»—«Ахъ, говоритъ, псы экіе, балагуры! Но за что же,— промежъ тѣмъ онъ думаетъ:—онъ мнѣ тысячу-то рублей далъ? И какъ и куда ему дѣвать теперь этого медвѣдя?» Вдругъ затѣмъ послышались колокольцы, шумъ, гамъ, двери въ свѣтелку эту растворяются, входитъ самъ помѣщикъ, за нимъ исправникъ, засѣдатель... «Вотъ, говоритъ, господа, я спьяна, за тысячу рублей, подкупилъ священника похоронить медвѣдя у церкви, по церковному обряду, а вотъ, говоритъ, и поличное это самое находится у него въ домѣ!» Священникъ — туда-сюда, отпутиться было-хотѣлъ, но они постановленіе написали, требуютъ, чтобы и онъ зарукоприкладствовалъ... Священникъ испугался, почесть на колѣни сталъ передъ ними, и мало что тысячу, которую взялъ у помѣщика, отдалъ, да и свою еще имъ приплатилъ!

Вихровъ усмѣхнулся.

«Что же это такое!»—подумалъ онъ и обратился къ Доброву съ новымъ вопросомъ:

— А что, скажите, бываетъ ли нынче это приневоливаніе помѣщиками женщинъ?

— Бываетъ, случается,—отвѣчалъ тотъ:—усадьбу Кривцово, чай, знаете?

— Знаю.

— Вотъ тутъ баринъ жилъ и лѣтъ тридцать такую повадку имѣлъ: поѣдетъ по своимъ деревнямъ, и которая ему дѣвица изъ крестьянства понравится, ту и подай ему сейчасъ въ горницы; мѣсяцъ, два, три, годъ—другой разъ продержитъ, а потомъ и возвращаетъ преспокойно родителямъ.

— Какъ же братья и отцы допускали до этого?

— Ну, и грубили тоже немало, топоромъ даже граживали, но все до случая какъ-то Богъ берегъ его, а тутъ, въ послѣднее время, онъ взялъ къ себѣ дѣвчорушечку что ни есть у самой бѣдной вдовы-бобылки, и дѣвчурка-то дѣйствительно плакала очень сильно; ну, а мать-то попервоначалу говорила: «что, говоритъ, за важность: продержитъ, да и отпуститъ же когда-нибудь!». У этого же самаго барина была еще и другая повадка: любилъ онъ, чтобы ему крестьяне носили все, что у кого хорошее какое есть: капуста тамъ у мужика хороша уродилась, сейчасъ кочень капусты ему несутъ на поклонъ; пирогъ ли у кого хорошо испекся, пирога ему середки двѣ несутъ, — все это кушать изволитъ и похваливаетъ. Только разъ это бобылка приходитъ къ нему тоже, будто бы, съ этимъ на поклонъ: «Батюшка, ваше высокоблагородіе,—говоритъ,— я, говоритъ, сегодня родителей поминала, блины у меня очень поминальные хороши вышли!»—и подаетъ ему, знаете, чудеснѣйшихъ блиновъ. Началъ баринъ кушать, цѣлый десятокъ съѣлъ, а старушонка промежъ тѣмъ куда-то пропала, спряталась; вдругъ съ барномъ послѣ того тошно, тошно... приказываетъ онъ старушонку разыскать. Дочурочка ея тоже убѣжала, въ лѣсу ужъ нашли, а барину все хуже и хуже; два дня промаялся и померъ — ну, тоже родныхъ-то около него никого не было. Мужички и дворовые побоялись что-нибудь заявить начальству, полиція не вмѣшалась, такъ дѣло и замялось. Старушонка эта опять въ деревню послѣ его смерти явилась. «Эти блины, говоритъ, я сама ѣла и священники ѣли»: тѣ точно, помнятъ, ѣли блины, но ничего съ ними не было. Ну, и былъ ли тутъ грѣхъ какой-нибудь или нѣтъ, — Богу судить, но я и до сей поры, сударь, — продолжалъ Добровъ, видимо одушевившись:—не могу мимо этого самаго Кривцова итти или ѣхать спокойно. Помните домъ этотъ сѣрый, двухъэтажный, такъ вотъ и чудится, что въ немъ разныя злодѣйства происходили; въ сторонѣ этотъ лѣсокъ такъ и

нынѣ еще называется «палочникъ», потому что баринъ рѣзалъ въ немъ палки и крестьянъ своихъ ими наказывалъ; озерко какое-то около усадьбы тинистое и нечистое; поля, прахъ ихъ знаетъ, какія-то ровныя: луга больше все болотина:—такъ за сердце и щемитъ, а ночью такъ и миновать его всегда стараюсь, привидѣній боюсь, покажутся,—ей-Богу!..

— А не знаете ли вы, Гаврила Емельянычъ, — спросилъ его потомъ Вихровъ, въ одну изъ слѣдующихъ послѣобѣденныхъ бесѣдъ: — какой-нибудь исторіи, гдѣ бы любовь играла главную роль: мнѣ это нужно для сочиненій моихъ,—понимаете?

— Понимаю-съ, — отвѣчалъ Добровъ: — мало вѣль какъ-то здѣсь этого есть. Здѣсь не то, что сторона какая-нибудь вольная,—вотъ какъ при большихъ дорогахъ бываетъ, гдѣ частыя гульбища и посѣдки.

— Да вѣдь, любезный,—возразилъ Вихровъ:—тамъ сейчасъ же и въ развратъ это переходитъ.

— Да-съ, это точно... Здѣсь что ни есть дѣвицы, али женщины, много честнѣй супротивъ другихъ мѣстъ.

— Но все-таки онѣ любить и чувствовать должны.

— Извѣстно, что на душѣ у нея Богъ знаетъ что, можетъ, кипитъ; не показываютъ только, стыдятся и боятся того.

— Но онѣ однакоже съ предметами любви своей разговариваютъ, выражаютъ свои чувства къ нимъ,—вотъ это бы мнѣ хотѣлось схватить.

— Нѣтъ, надо полагать, не разговариваютъ: стыдливы дѣвки и парни; жмутся другъ съ другомъ, цѣлуются, — это есть.

— Но, однако, я все-таки жду отъ васъ исторіи о любви,— перебилъ его Вихровъ.

Добровъ усмѣхнулся немного.

— Да что жъ такое мнѣ вамъ разсказать, — проговорилъ онъ. — Вы, кажись, знаете Катерину Петровну Плавину: сынъ-то ея словно бы жилъ съ вами, какъ вы въ гимназіи учились?

— Жилъ, знаю, а что?

— Вотъ у него съ маменькой своей какая то любви-то исторія была, сильнѣющая: онъ года съ три, что ли, тому назадъ пріѣзжалъ сюда на цѣлое лѣто, да и втюрился тутъ въ одну крестьянскую дѣвушку свою.

— Плавинъ!—воскликнулъ Павелъ съ удивленіемъ.

— Такъ втюрился, — продолжалъ Добровъ: — что мать-то испугалась, чтобъ и не женился: ну, а вѣдь хитрая, лукавая, проницательная старуха: сдѣлала видъ, что какъ будто бы ей ничего, позволила этой дѣвушкѣ въ горницахъ даже жить, а

потомъ, какъ онъ сталъ собираться въ Питеръ, — онъ такъ ладилъ, чтобъ и въ Питеръ ее взять съ собой,—она сейчасъ ему и говоритъ:—«Другъ мой, это нехорошо! Здѣсь это не принято. Всѣ будутъ меня обвинять, что я тебѣ развратничать позволяю, а лучше, говоритъ, послѣ, какъ ты уѣдешь, вышлю ее!» Ну, и онъ тоже, какъ вы знаете, скромный, скрытный, осторожный баринъ, — согласился съ ней, уѣхалъ... Она сейчасъ же взяла да дѣвку-то родной сестрѣ своей и продала. Онъ и пишетъ ей:—«Какъ же это, маменька?»—«А такъ же, говоритъ, сынъ любезный, я, по материнской своей слабости, никакъ не могла бы отказать тебѣ въ томъ: но тетка къ тебѣ никакъ ужъ этой дѣвушки не пуститъ!» Онъ однако этимъ не удовлетворился: подготовилъ тамъ черезъ своихъ людей, дѣвка-то бѣжала къ нему въ Питеръ!.. Тетка стала требовать ее у него: онъ не пускаетъ — пишетъ: «какія хотите деньги возьмите, только оставьте ее у меня». Тетка ему отвѣчаетъ:—«Мнѣ никакихъ денегъ твоихъ не надо, а я желаю одного, чтобы ты не осрамилъ нашего рода и не женился на крестьянкѣ». Онъ однако все-таки дѣвку не пускаетъ: тогда эта самая тетенька, по совѣту его маменьки, пишетъ ужъ къ жандармамъ разнымъ петербургскимъ; тѣ вызываютъ его, стыдятъ, ну, а вѣдь онъ-то должность ужъ большую занимаетъ!

— Онъ столоначальникъ,—сказалъ Вихровъ.

— Нѣтъ, больше того!.. Вицъ-директоромъ, что ли, какимъ-то сдѣланъ!.. Какъ тогда въ Питеръ-то воротился отсюда, такъ въ эту должность и произвели его.

«Ахъ, Плавинъ, Плавинъ! — думалъ Вихровъ: — ну, я теперь мирюсь нѣсколько съ тобой».—Чѣмъ же кончилась эта исторія?—спросилъ онъ Доброва.

— Кончилась тѣмъ, что дѣвушку-то выслали къ барынѣ, никакъ отстоять ея не могъ. — по этапу, кажется, и гнали: очень велика власть-то и сила господская,—ничего съ ней не подѣлаешь.

— Очень ужъ велика!.. могла бы быть и меньше! — подхватилъ Вихровъ. — Ну, а еще какой-нибудь другой исторіи любви, Гаврила Емельянычъ, не знаете ли? — прибавилъ онъ.

— Больше ужъ никакой другой не знаю, — отвѣчалъ Добровъ:—вонъ у становой нашей происшествіе съ мужемъ было,— то только смѣшное.

— Ну, и смѣшное разсказывайте,—она, должно-быть, развратница.

— Сильная! Да какъ же и не дѣлать-то ей того, поми-

луйте! Пьетъ да жретъ день-то деиской, только и занятья всего.

— Что же у нея было тамъ?

— Было, что она послѣднее время амуры свои повела съ однимъ неслужащимъ дворяниномъ, высокій этакій, здоровый, а дуранный и смирный малый,—и все она, изволите видѣть, въ кухнѣ у себя свиданья съ нимъ имѣла: въ горницѣ она горничныхъ боялась, не довѣряла имъ, а кухарку свою приблизила по тому дѣлу къ себѣ; только мужу про это кто-то духъ и далъ. Разъ вотъ эта госпожа приставша сидитъ и цѣлуется со своимъ другомъ милымъ, — вдругъ кухарка эта самая бѣжитъ: «матушка-барыня, баринъ пріѣхалъ и прямо въ кухню идетъ!» Ахъ, Боже Мой! Куда дѣвать и спрятать своего милаго?—«Влѣзь,—говоритъ она ему:—въ печку, а мы тебя заслонкой закроемъ». Дѣлать нечего, баринъ влѣзъ; труба тамъ была прямая, поумѣстился какъ-то. Входитъ Петръ Матвѣичъ въ кухню. «Что ты, душенька, тутъ дѣлаешь?» — «Да такъ, говоритъ, вошла».—«А, ну такъ, говоритъ, и мнѣ сюда дайте водочки и закусить, и я здѣсь тоже посижу». Она ему:—«Ахъ, зачѣмъ же? Пойдемъ въ горницу...»—«Нѣтъ, говоритъ, какъ я сказалъ, что здѣсь буду, такъ и буду!» Ушла наша барыня мужу за водкой. Онъ, знаете, полицейскимъ глазомъ осмотрѣлъ все и смекнулъ, гдѣ баринъ.—«Что-то, говоритъ, мнѣ яичницы хочется, изготовьте-ка мнѣ яичницу». Приказываетъ это онъ ужъ кухаркѣ. Та, дѣлать нечего, развела на шесткѣ огонь неосторожнѣй; дымъ и копоть полѣзли въ ротъ и носъ барину, кряхтитъ онъ тамъ... А становой промежъ тѣмъ думаетъ: «теперь я барина необмаралъ»,—кричитъ:—«Ахъ, люди, говоритъ, сотскіе, десятскіе!..» Тѣ прибѣжали.—«Лейте въ трубу воду, сажа у меня въ трубѣ горитъ!» Тѣ сейчасъ же ухнули ведра два туда... Не вытерпѣлъ баринъ, выскочилъ изъ печки—чортъ чортомъ... «Ахъ, говоритъ, милостивый государь, вы воръ, говоритъ, вы пришли меня обокрасть. Что вамъ угодно, чтобы я дѣло повелъ и въ острогъ васъ посадилъ, или, говоритъ, дадитесь, чтобы я высѣкъ васъ, и расписку мнѣ дадите, что претензіи на то изъявлять не будете». Баринъ, нечего дѣлать, далъ въ томъ расписку... Драли, драли мы его,—убѣжалъ послѣ того бѣгомъ изъ стану, и никакими деньгами она его залучить теперь не можетъ къ себѣ... не идетъ, боится.

Вихровъ лежалъ на диванѣ и слушалъ, охваченный кругомъ всѣми этими событіями и образами, которые, какъ живые, выростали передъ нимъ изъ разсказовъ Доброва.

XI.

Объясненіе.

На другой день герой мой принялся уже за новую небольшую повѣсть. Онъ вывелъ отца-деспота, въ которомъ кой-что срисовалъ съ своего покойнаго отца, со стороны его военной строгости и грубости... У него сынъ влюбляется въ крестьянку ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и Плавинъ, вѣроятно, это дѣлалъ, ужасно боится этого и скрываетъ. Отецъ эту дѣвушку выдаетъ замужъ за мужика, наказываетъ ея мать-старуху, зачѣмъ она допустила свиданіе дочери съ сыномъ. Повѣсть эту Вихровъ назвалъ: «Кривцовскій баринъ». Усадьба-то Кривцово изъ разсказовъ Доброва очень ужъ врѣзалась у него въ памяти... Вихровъ въ одно утро написалъ три главы этой повѣсти и далъ ихъ переписать Доброву. Тотъ ихъ прочелъ сначала и, по обыкновенію, усмѣхнулся.

— Что, хорошо?—спросилъ Павелъ.

— Хорошо, такъ ихъ и надо,—отвѣчалъ Добровъ.

Къ вечеру наконецъ Вихровъ вспомнилъ, что ему надобно было ѣхать въ собраніе, и, чтобы одѣть его туда, въ первый еще разъ позванъ былъ находившійся въ опалѣ и пребывавшій въ кухнѣ Иванъ. Тотъ, разумѣется, сейчасъ же отъ этого страшно заважничалъ, началъ громко ходить по всѣмъ комнатамъ, кричать на ходившихъ въ отсутствіе его за барином комнатнаго мальчика и хорошенькую Грушу, и послѣднюю даже осмѣлился назвать «тварью». Та отъ этого расплакалась. Вихровъ услыхалъ это, крикнулъ на него и обѣщался опять прогнать въ скотную, если онъ слово еще посмѣетъ пикнуть.

Иванъ замолчалъ.

Герой мой одѣлся франтомъ и, сѣвъ въ покойный возокъ, поѣхалъ въ собраніе. Устроено оно было въ трактирномъ заведеніи города; главная танцовальная зала была довольно большая и холодноватая: музыка стояла въ передней и, когда Вихровъ пріѣхалъ, играла галопъ. У самыхъ дверей его встрѣтилъ, въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ и во всѣхъ своихъ крестахъ и медаляхъ, старикъ Захаревскій. Онъ нарочно на этотъ разъ взялся быть дежурнымъ старшиной.

— Милости прошу, просимъ милости,—говорилъ онъ, низко-низко кланяясь Вихрову.

Тотъ, пожавъ ему руку, молодцовато вошелъ въ залу и какимъ-то орломъ оглядѣлъ все общество: дамъ было много и мужчинъ тоже.

— Здѣсь васъ ожидаютъ ваши старые знакомые, — говорилъ Захаревскій, идя вслѣдъ за нимъ. — Вотъ они!.. — прибавилъ онъ, показывая на двухъ мужчинъ, выдѣлившихся изъ толпы и подходившихъ къ Вихрову.

Одинъ изъ нихъ былъ въ черной, широкой и нескладной фрачной парѣ, а другой, напротивъ, въ узенькомъ, коричневаго цвѣта и со свѣтлыми пуговицами, фракѣ, въ сѣрыхъ въ обтяжку брюкахъ, съ завитымъ хохолкомъ и съ нафабренными усиками.

— Живинъ! — воскликнулъ Вихровъ, узнавая въ черномъ господинѣ того самаго Живина, который нѣкогда такъ восхищался его игрой на фортепіано и о которомъ говорилъ ему Саловъ.

Живинъ въ настоящее время очень потолстѣлъ и служилъ въ уѣздномъ городѣ стряпчимъ, пребывая и до сего времени холостякомъ.

— А это вотъ тоже твой старый знакомый, — заговорилъ Живинъ, когда они поздоровались, и показывая на господина въ коричневомъ фракѣ.

— Мы знакомы-съ, хоть немножко и странно! — сказалъ тотъ, протягивая Вихрову руку.

Павелъ всмотрѣлся въ него и въ самомъ дѣлѣ узналъ въ немъ давнишняго своего знакомаго, съ которымъ ему дѣйствительно пришлось странно познакомиться: онъ былъ еще семиклассникомъ гимназистомъ и пришелъ разъ въ общественную баню. Въ это время Вихровъ, начитавшись «Горя отъ ума», рѣшительно бредилъ имъ и, когда банщикъ началъ очень сильно тереть его, онъ сказалъ ему:

— Ты три, да знай же мѣру!

— Это изъ «Горя отъ ума»? — отозвался на это другой господинъ, лежавшій на другомъ полкѣ.

— Изъ «Горя отъ ума»,—отвѣчалъ Павелъ.

— Вы кто такой?—продолжалъ господинъ.

— Я гимназистъ Вихровъ, а вы кто такой?

— Я помѣщикъ Кергель!.. Скажите, что въ гимназіи учатъ писать стихи?

— То-есть правиламъ стихосложенія,—учатъ.

— Бенедиктова читали вы стихи: «Кудри дѣвы чародѣйки, кудри блескъ и ароматъ»,—отличные стихи!—говорилъ Кергель, задирая на полкѣ ноги вверхъ.

— Отличные! — подтвердилъ и Вихровъ: ему тоже очень нравились въ это время стихи Бенедиктова.

Оказалось потомъ, что Кергель и самъ пишетъ стихи, и одно изъ нихъ: «На пріѣздъ Жуковскаго на родину», было

даже напечатано. и Кергель не преминулъ тутъ же съ полка и прочесть его Вихрову.

— Чудесно!—похвалилъ тотъ.

Послѣ этого они больше уже не видались.

Кергель теперь былъ засѣдателемъ земскаго суда въ уѣздномъ городкѣ и очень обрадовался Вихрову.

Здѣсь я не могу умолчать, чтобы не сказать нѣсколько добрыхъ словъ объ этихъ двухъ знакомыхъ моего героя. Въ необразованномъ, пошловатомъ провинціальномъ міркѣ они были почти единственными представителями и отголосками того маленькаго ручейка мысли повозвышеннѣе, чувствъ поблагороднѣе и стремленій попоэтичнѣе, который въ то время такъ скромно и почти таинственно бѣжалъ посреди грубой и, какъ справедливо выражался Вихровъ, солдатскимъ сукномъ исполненной русской жизни. Живинъ, напримѣръ, съ перваго года выписывалъ «Отечественныя Записки», читалъ ихъ съ начала до конца, зналъ почти наизусть всѣ статьи Бѣлинскаго; а Кергель, воспитывавшійся въ корпусѣ, былъ болѣе наклоненъ къ тогдашней «Библіотекѣ для чтенія» и «Сѣверной Пчелѣ». На своихъ служебныхъ мѣстахъ они, разумѣется, не Богъ знаетъ что дѣлали, но положительно можно сказать, что были полезнѣе разныхъ умниковъ-дѣльцовъ ужъ тѣмъ, что не хапали себѣ въ карманъ и не душили народъ. Ихъ любовь къ литературѣ и поэзіи все-таки развила въ нихъ чувство чести и благородства.

Вихровъ, самъ не давая себѣ отчета—почему, очень обрадовался, что съ ними встрѣтился.

— Въ деревню совсѣмъ пріѣхали,—поселились,—говорилъ ему вѣжливо Кергель.

— Въ деревню-съ,—отвѣчалъ Вихровъ.

— Я думалъ, братъ, ѣхать къ тебѣ, напомнить о себѣ, — говорилъ Живинъ:—да поди, пожалуй, не узнаешь!

— Какъ это возможно!—вскричалъ Вихровъ.

— Однако пріѣздъ нашего дорогого гостя надобно вспрыснуть шампанскимъ!—говорилъ Кергель.

Онъ любилъ выпить, и выпить только этакъ весело, для удовольствія.

— Выпьемъ!—подтвердилъ и Живинъ, который тоже любилъ выпить, но только выпить солидно.

— Выпьемте, выпьемте!—подтвердилъ и Вихровъ.

И всѣ отправились въ буфетъ.

Захаревскій нѣсколько кошачьей походкой тоже пошелъ за ними. Онъ, кажется, не хотѣлъ покидать героя моего изъ виду, чтобы кто-нибудь не повліялъ на него.

Кергель немедленно потребовалъ, чтобы бутылка шампанскаго была отъ него.

Всѣ чокнулись и выпили. Вѣжливый Кергель предложилъ также и Захаревскому.

— Почтеннѣйшій Ардальонъ Васильичъ, не угодно ли вамъ съ нами выпить?

Тотъ взялъ стаканъ, молча со всѣми чокнулся и выпилъ.

— Ну, какъ же ты, другъ милый, поживаешь? — спросилъ Вихровъ Живина.

— Что, братъ, скучно: почитываю помаленьку — только и развлеченіе въ томъ: вотъ, если позволишь, я буду къ тебѣ часто ѣздить,—человѣкъ я холостой.

— Непремѣнно будемъ видаться! — сказалъ Вихровъ. — А вы стихотворенія продолжаете писать? — обратился онъ къ Кергелю.

— Книжка у меня напечатана: буду имѣть честь презентовать вамъ ее,—отвѣчалъ тотъ.

— Позвольте, господа, и мнѣ предложить бутылочку шампанскаго, — сказалъ Захаревскій, тоже, какъ видно, не хотѣвшій отстать въ угощеніи пріѣзжаго гостя.

Всѣ приняли его предложеніе и выпили.

У Вихрова ужъ и въ головѣ стало немного пошумливать.

— Дамамъ бы нашего гостя надобно представить! — сказалъ Захаревскій.

— Ахъ, да, непремѣнно! — подхватилъ Кергель: — прежде всего вотъ надо представить васъ ихъ прелестной дочери. — прибавилъ онъ Вихрову, указывая на Захаревскаго.

— Прошу васъ!—сказалъ Вихровъ.

Всѣ возвратились снова въ залу. Старикъ Захаревскій и Кергель подвели Вихрова къ высокой дѣвицѣ въ дорогомъ платьѣ съ брильянтами, видимо причесанной парикмахеромъ и съ букетомъ живыхъ цвѣтовъ въ рукѣ.

Эта была m-lle Юлія.

— M-r Вихровъ! — проговорилъ ей Захаревскій. — Дочь моя!—сказалъ онъ Павлу, показывая на дѣвушку.

Вихровъ поклонился ей, но о чемъ говорить съ ней — рѣшительно не находился.

M-lle Юліи онъ показался совершенно такимъ, какъ описывала его m-lle Прыхина, то-есть почти красавцемъ.

— Вы танцуете, m-r Вихровъ?—начала она.

— Танцую-съ, — отвѣчалъ онъ и понялъ, что ему сейчасъ слѣдуетъ пригласить ее на кадриль, что онъ и сдѣлалъ.

Кергель сталъ ему визави, а Живинъ махнулъ только рукой, когда Вихровъ спросилъ его, отчего онъ не танцуетъ.

— Нѣтъ, я не умѣю,—отвѣчалъ онъ и, отойдя въ сторону, въ продолженіе всей кадрили какъ-то ласково смотрѣлъ на Павла.

— М-г Живинъ очень умный человѣкъ, но ужасный бука, — начала Юлія, становясь съ Вихровымъ въ парѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ поправляя у себя на рукѣ браслетъ.

Поинтересуйся этимъ ея движеніемъ хотя немного Вихровъ, онъ сейчасъ бы увидѣлъ, что одна эта вещь стоитъ рублей тысячу.

Выпитое вино продолжало еще дѣйствовать въ головѣ Павла: онъ танцовалъ съ увлеченіемъ, m-lle Юлія тоже танцовала съ замѣтнымъ удовольствіемъ, и хоть разговоръ между ними происходилъ немногосложный, но Юлія такъ его направила, что каждое слово его имѣло значеніе.

— М-г Вихровъ, я надѣюсь, что вы будете у насъ — у моего отца?—говорила она.

— Непремѣнно-съ, я обязанъ даже это сдѣлать и заплатить вашему батюшкѣ визитъ.

— Мы надѣемся, что вы не по визитамъ только будете знакомы съ нами, а посѣтите насъ когда-нибудь и запросто, вечеркомъ.

— Если позволите.

— Не мы вамъ позволяемъ, а вы насъ этимъ обяжете... А вы, m-r Вихровъ, я слышала, и музыкантъ отличный.

— Прежде игралъ, но теперь совершенно забылъ, — отвѣчалъ онъ ей.

Прыхина успѣла уже отрекомендовать пріятельницѣ своей, что Вихровъ и музыкантъ отличный, но объ авторствѣ его умолчала, такъ какъ желала говорить объ немъ только хорошее, а писательство его онѣ обѣ съ Фатѣевой, при всей своей любви къ нему, считали нѣкоторымъ заблужденіемъ и ошибкою съ его стороны.

По окончаніи кадрили къ Вихрову подошелъ Кергель.

— Здѣшній голова желаетъ съ вами познакомиться,—проговорилъ онъ.

— Очень радъ!—отвѣчалъ Павелъ.

Кергель снова попросилъ его слѣдовать за нимъ въ буфетъ.

Вихровъ пошелъ.

— Пойдемъ! — мотнулъ при этомъ Кергель головою и Живину.

— Пойдемъ!—отвѣчалъ тотъ ему съ улыбкою.

Вслѣдъ за ними пошелъ также опять и Захаревскій: его ужъ, кажется, на этотъ разъ интересовало посмотрѣть, что въ ровную или нѣтъ станетъ Вихровъ тянуть съ Кергелемъ и Живинымъ, и если въ ровную, такъ это не очень хорошо!

Толстый голова, препочтенный, должно-быть, купецъ, стоялъ около разлитаго по стаканамъ шампанскаго.

— Пожалуйте!—сказалъ онъ, показывая Вихрову на одинъ изъ стакановъ и при этомъ вовсе не рекомендуясь и не знакомясь съ нимъ.

Вихровъ сталъ-было отказываться.

Но голова опять повторилъ: «пожалуйте!», и такъ настойчиво, что, видно, онъ никогда не отстанетъ, пока не выпьютъ. Вихровъ исполнилъ его желаніе. Почтенный голова былъ замѣчателенъ способностью своей напоить каждаго: ни одинъ губернаторъ, пріѣзжавшій въ уѣздный городишко на ревизію, не уѣзжалъ безъ того, чтобы голова не уложилъ его въ лежку. У Вихрова очень ужъ зашумѣло въ головѣ.

— Господа, пойдемте танцовать галопъ!—сказалъ онъ.

— Идемъ! Отлично!—воскликнулъ Кергель.

— Мнѣ позвольте опять съ вашей дочерью танцовать? — обратился Павелъ къ Захаревскому.

— Совершенно зависитъ отъ вашего выбора, — отвѣчалъ тотъ.

— Пойдемте, другъ милый, и вы потанцуете, — сказалъ Вихровъ Живину.

— Пойдемъ, чортъ возьми, и я потанцую!—отвѣчалъ тотъ, прибодрясь.

Съ нимъ почти всегда это такъ случалось: пріѣдетъ въ собраніе грустный, скучающій, а какъ выпьетъ немного, сейчасъ и пойдетъ танцовать. Вихровъ подлетѣлъ къ Юліи; та съ видимымъ удовольствіемъ положила ему руку на плечо, и они понеслись. Живинъ тоже несся съ довольно толстою дамою; а Кергель, подхвативъ прехорошенькую дѣвушку, сейчасъ же отлетѣлъ съ ней въ уголъ залы и началъ тамъ что-то такое выдѣлывать «галопное» и вмѣстѣ съ тѣмъ о чемъ-то восторженно нашептывалъ ей. Онъ обыкновенно всю жизнь всегда былъ влюбленъ въ какую-нибудь особу и писалъ къ ней стихи. Въ настоящую минуту эта дѣвица именно и была этою особой.

Вихровъ между тѣмъ сидѣлъ уже и отдыхалъ съ своей дамой на довольно отдаленныхъ креслахъ; вдругъ къ нему подошелъ клубный лакей.

— Васъ спрашиваютъ тамъ,—сказалъ онъ.

— Кто такой?

— Спрашиваютъ-съ,—повторилъ лакей.

Вихровъ пошелъ.

М-lle Юлія съ недоумѣніемъ посмотрѣла ему вслѣдъ.

Въ передней Вихровъ засталъ довольно странную сцену.

Стоявшіе тамъ пріѣзжіе лакеи забавлялись и перебрасывали другъ на друга чей-то страшно грязный, истоптанный женскій плисовый сапогъ, и въ ту именно минуту, когда Вихровъ вошелъ, сапогъ этотъ попалъ одному лакею въ лицо.

— Тьфу, ты, черти экіе, какой мерзостью въ лицо кидаетесь,—говорилъ тотъ, утираясь и отплевываясь.

Увидѣвъ Вихрова, всѣ лакеи немного сконфузились и перестали кидаться сапогомъ.

— Кто меня спрашиваетъ?—спросилъ онъ.

— Барышня-съ, — отвѣчалъ одинъ изъ лакеевъ какъ-то неопредѣленно и провелъ его въ сосѣднюю съ лакейской комнату.

Тамъ Вихровъ увидалъ m-lle Прыхину; достойная дѣвица сія, видимо, была чѣмъ-то разстроена и сконфужена.

— Клеопаша пріѣхала сюда, она очень больна и непремѣнно сейчасъ желаетъ васъ видѣть,—начала она какимъ-то торопливымъ голосомъ. Вихровъ зналъ Клеопатру Петровну и напередъ угадывалъ, что это какая-нибудь выходка ревности.

— Не могу же я сейчасъ ѣхать,—это неловко! — проговорилъ онъ.

— Бога ради, сейчасъ: иначе я не ручаюсь, что она, можетъ-быть, умретъ; умоляю васъ о томъ на колѣняхъ!.. — И m-lle Прыхина сдѣлала движеніе, что какъ будто бы въ самомъ дѣлѣ готова была стать на колѣни.—Хоть на минуточку, а потомъ опять сюда же пріѣдете.

— Да въ самомъ ли дѣлѣ она больна, или капризничаетъ?

— Больна, въ самомъ дѣлѣ больна! — повторила m-lle Прыхина.

Павелъ рѣшился съѣздить на минуточку. Когда они вышли въ переднюю, оказалось, что столь срамимые плисовые сапоги принадлежали Катишь, и никто изъ лакеевъ не хотѣлъ даже нагнуться и подать ихъ ей, такъ что она сама поспѣшила, отвернувшись къ стѣнѣ, кое-какъ натянуть ихъ на ногу. Загрязнены онѣ особенно были отъ того, что m-lle Прыхина, посланная своей подругой, прибѣжала въ собраніе пѣшкомъ; Клеопатра Петровна не побезпокоилась даже дать ей лошадей своихъ для этого. Вихровъ, конечно, повезъ m-lle Прыхину въ своемъ возкѣ, но всю дорогу они молчали. Павелъ былъ сердитъ, m-lle Прыхина, кажется, опасалась, чтобы чего-нибудь не вышло при свиданіи его съ Фатѣевой. На грязномъ постояломъ дворѣ, пройдя черезъ кучи какого-то навоза, они наконецъ вошли въ освѣщенную одной сальной свѣчкой комнату, въ которой Фатѣева лежала на постели. Голова ея была повязана бѣлымъ платкомъ, намоченнымъ

въ уксусѣ, глаза почти воспалены отъ слезъ. Вихрову сейчасъ, разумѣется, сдѣлалось жаль ея.

— Другъ мой, что такое съ вами?—говорилъ онъ, подходя къ ней и, не стѣсняясь присутствіемъ Прыхиной, цѣлуя ее.

— Фу, какъ отъ васъ виномъ пахнетъ; какъ вы, видно, тамъ веселились!—проговорила Фатѣева, почти отворачиваясь отъ него. — Катишь, ты поди домой, мнѣ нужно съ нимъ вдвоемъ остаться,—перебила она.

— Хорошо, я пойду, — отвѣчала она и хотѣла-было уже опять итти пѣшкомъ.

— Да вы возьмите мой экипажъ и доѣзжайте,— сказалъ ей Вихровъ.

— Ахъ, пожалуйста, благодарю, а то я вся по колѣни въ снѣгу обродилась! — произнесла какимъ-то даже жалобнымъ голосомъ Прыхина.

Вихровъ и Фатѣева остались вдвоемъ.

— Васъ увезли съ балу; вы, вѣроятно, тамъ танцовали съ Юленькой Захаревской?—начала Клеопатра Петровна.

— Да, я съ ней танцовалъ, — отвѣчалъ Вихровъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ.

Фатѣева, точно ужаленная змѣей, вскочила съ кровати.

— Послушайте,—начала она задыхающимся голосомъ: — у меня силъ больше недостаетъ выносить мое унизительное положеніе, въ которое вы поставили меня: всѣ знаютъ, всѣ наконецъ говорятъ, что я любовница ваша, но я даже этимъ не имѣю чести пользоваться, потому что не вижусь съ вами совсѣмъ.

— Что же вы хотите этимъ сказать?—спросилъ Вихровъ, останавливаясь передъ ней и смотря на нее.

— А то,—отвѣчала Фатѣева, потупляя свои глаза:—что я умру отъ такого положенія, и если вы хоть сколько-нибудь любите меня, то сжальтесь надо мной; я васъ прошу и умоляю теперь, чтобы вы женились на мнѣ и дали мнѣ возможность по крайней мѣрѣ въ храмъ Божій съѣздить безъ того, чтобы не смѣялись надо мной добрые люди.

Если бы Клеопатра Петровна обухомъ ударила Вихрова по головѣ, то меньше бы его удивила, чѣмъ этими словами. Первая мысль его при этомъ была, что отвѣтственъ ли онъ передъ этой женщиной, и если отвѣтственъ, то на сколько. Онъ ея не соблазнилъ, она сама почти привлекла его къ себѣ; онъ не отнималъ у нея добраго имени, потому что оно раньше у нея было отнято. Убѣдившись такимъ образомъ въ правотѣ своей, онъ рѣшился высказать ей все прямо: выпитое шампанское много помогло ему въ этомъ случаѣ.

— На ваше откровенное предложеніе, — заговорилъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ: — постараюсь отвѣтить тоже совершенно откровенно: я ни на комъ и никогда не женюсь; причина этому та: хоть вы и не даете никакого значенія моимъ литературнымъ занятіямъ, но все-таки они составляютъ единственную мою мечту и цѣль жизни, а при такого рода занятіяхъ надо быть на все готовымъ: ѣздить въ разныя мѣстности, жить въ разнообразныхъ обществахъ, ѣхать, можетъ-быть, за границу, эмигрировать, быть наконецъ сосланну въ Сибирь, а по всѣмъ этимъ мѣстамъ возиться съ женой не совсѣмъ удобно.

— Я бы васъ ни въ чемъ этомъ не стѣсняла и просила бы только на время пріѣзжать ко мнѣ; по крайней мѣрѣ я была бы хоть не совсѣмъ униженная и презираемая всѣми женщина.

— Вы больше бы, чѣмъ всякая другая женщина, стѣснили меня, потому что вы, во имя любви, отъ всякаго мужчины потребуете, чтобы онъ постоянно сидѣлъ у вашего платья. Въ первый моментъ, какъ вы мнѣ сказали, я подумалъ-было сдѣлать это для васъ и принести вамъ себя въ жертву, но я тутъ же увидѣлъ, что это будетъ совершенно безполезно, потому что много черезъ полгода я все-таки убѣгу отъ васъ совсѣмъ.

Слова: «принести себя въ жертву», «убѣгу совсѣмъ»—подняли въ душѣ Клеопатры Петровны страшную бурю оскорбленнаго самолюбія.

— Зачѣмъ же вамъ это дѣлать?—начала она насмѣшливо:— если вы такъ меня понимаете, зачѣмъ же вы и бываете у меня? Вы лучше меня оставьте совсѣмъ, и теперь, пожалуйста, уходите отъ меня.

Вихровъ на это успѣхнулся только и вмѣсто ухода сѣлъ около Клеопатры Петровны.

— Нѣтъ-съ, не уйду я отъ васъ,—началъ онъ:—и потому именно, что знаю васъ лучше, чѣмъ вы самоё себя: вамъ тяжелѣе будетъ, чѣмъ мнѣ, если мы разстанемся съ вами навсегда.

— Не слишкомъ ли самонадѣянно это сказано?—перебила его опять насмѣшливо Фатѣева.

— Нѣтъ, не самонадѣянно, потому что у меня много еще въ жизни впереди занятій и развлеченій, а что такое въ вашей перспективѣ жизни осталось, я не знаю!

— Что же я, по-вашему, такая старуха и такая безобразная, что не могу обратить на себя ничьего вниманія?

— Вовсе не потому; напротивъ, вы молоды и красивы, но

я васъ настолько уважаю, что убѣжденъ въ томъ, что вы ничьего вниманья, кромѣ моего, не хотите и не желаете видѣть!

— Да, это было такъ, когда я думала, что вы любите меня, а теперь не то...

— Я и теперь васъ люблю.

— Какая любовь пылкая, въ самомъ дѣлѣ!..

— Пылкая настолько, насколько вообще я способенъ любить женщину.

Клеопатра Петровна прислушалась къ этимъ его послѣднимъ словамъ.

— Я не вѣрю вамъ, чтобы вы никакой другой женщины кромѣ меня теперь не любили,—проговорила она.

— Увѣряю васъ, что не люблю!

— Поклянитесь мнѣ въ томъ!

— Клянусь!

— И вамъ, значитъ, лишиться меня все-таки тяжело будетъ?

— Очень!

Лицо Клеопатры Петровны замѣтно просвѣтлѣло.

— И, чтобы доказать ваши слова, не извольте сегодня уѣзжать на балъ; я васъ не пущу.

Вихровъ послушался ея и не поѣхалъ въ собраніе. Клеопатра Петровна на другой день рано утромъ ѣхала изъ города въ свою усадьбу; по ея молодому лбу проходили морщины: кажется, она придумывала какой-то новый и довольно смѣлый шагъ!

XII.

Провинціальные толкователи о литературѣ.

Нечаянный и быстрый отъѣздъ Вихрова изъ собранія остался далеко не незамѣченнымъ, и больше всѣхъ онъ поразилъ и почти испугалъ добродушнаго Кергеля, который нарочно сбѣгалъ въ переднюю, чтобы узнать, кто именно приходилъ за Вихровымъ, и когда ему сказали, что — m-lle Прыхина, онъ впалъ въ крайнее недоумѣніе. «Неужели же у него съ этой госпожой что-нибудь было?»—подумалъ онъ, хотя господинъ Кергель, какъ увидимъ мы это впослѣдствіи, вовсе не долженъ былъ бы удивляться тому!.. Не ограничиваясь разспросами въ передней, онъ сбѣгалъ внизъ и узналъ отъ кучеровъ, куда именно поѣхалъ Вихровъ: тѣ сказали ему, что на постоялый дворъ; онъ съѣздилъ на другой день и на постоялый дворъ, гдѣ ему подтвердили, что Воздвиженскій баринъ дѣйствительно пріѣзжалъ и всю ночь почти сидѣлъ у

г-жи Фатѣевой, которая у нихъ останавливалась. Сомнѣнія теперь не оставалось никакого. Кергель о всѣхъ этихъ подробностяхъ, и не столько изъ злоязычія, сколько изъ любви и вниманія къ новому пріятелю, сталъ разсказывать всему городу, а въ томъ числѣ и Живину, но тотъ на него прикрикнулъ за это.

— Твое пуще дѣло; лучше бы молчалъ.

— Да я кромѣ тебя никому и не говорилъ, — солгалъ Кергель.

— Не говорилъ ужъ, я думаю, — возразилъ Живинъ, зная хорошо болтливость пріятеля.

Слухи эти дошли, разумѣется, и до Юленьки Захаревской; она при этомъ сдѣлала только грустно-насмѣшливую улыбку. Но кто больше всѣхъ въ этомъ случаѣ ее разсердилъ—такъ это Катишь Прыхина: какую та во всей этой исторіи играла роль, на языкѣ порядочной женщины и отвѣта не было. Юлія хотя была и совершенно чистая дѣвушка, но, благодаря дружбѣ именно съ этой m-lle Прыхиной и почти навязчивымъ ея толкованіямъ, понимала уже все.

Вихровъ между тѣмъ окончательно дописалъ свои сочиненія; Добровъ переписалъ ему ихъ, и онѣ отправлены уже были въ одну изъ редакцій. Герой мой остался такимъ образомъ совершенно безъ занятій и въ полнѣйшемъ уединеніи, такъ какъ Добровъ отпросился у него и ушелъ въ село къ священнику помочь тому въ работѣ.

Въ одно утро наконецъ комнатный мальчикъ доложилъ ему, что пріѣхали гости—Живинъ и Кергель.

Вихровъ отъ души обрадовался пріѣзду ихъ.

— Очень радъ васъ, господа, видѣть, — сказалъ онъ, выходя къ нимъ навстрѣчу.

Оба пріятеля явились къ нему одѣтые: одинъ—въ черной фрачной парѣ, а другой—въ коричневомъ фракѣ.

Они дѣлали Вихрову еще первый визитъ.

— Вы такъ тогда нечаянно изъ собранія исчезли, — говорилъ лукаво Кергель, какъ бы ничего не знавшій и не вѣдавшій.

— Да, мнѣ нужно было уѣхать,—отвѣчалъ уклончиво Вихровъ. — Однако, господа, — прибавилъ онъ, увидѣвъ, что пошевни гостей отъѣхали только недалеко отъ крыльца, но не раскладывались:—я надѣюсь, что вы у меня сегодня отобѣдаете, а не на минутный визитъ ко мнѣ пріѣхали?

— Я, пожалуй; у меня дома дожидаться некому; одна собака, да и та, я думаю, убѣжала куда-нибудь, — отвѣчалъ Живинъ.

— А у меня хоть и есть кому, но дожидаться не будутъ!— произнесъ вѣтреный Кергель и, по просьбѣ Вихрова, пошелъ распорядиться, чтобы лошадей его отложили. Возвратясь обратно, онъ вошелъ съ какимъ-то болѣе солиднымъ и даже отчасти важнымъ видомъ.

— Позвольте вамъ презентовать, какъ истинному пріятелю и почтенному земляку,—говорилъ онъ, подходя къ Вихрову и подавая ему небольшую розовую книжку: — это моя муза, плоды моего вдохновенія.

Во все время Живинъ держалъ глаза опущенными внизъ, какъ будто бы ему было стыдно словъ пріятеля.

Вихровъ поблагодарилъ автора крѣпкимъ пожатіемъ руки и сначала посмотрѣлъ на розовую обертку книжки: на ней изображены были амуры, розы, лира и свирѣль, и озаглавлена она была: «Думы и грезы Михаила Кергеля». Затѣмъ Вихровъ сталъ перелистывать самую книжку.

— Русская пѣсня!—прочелъ онъ уже вслухъ.

„Ея дивная краса,
Какъ родныя небеса,
Душу радуютъ во мнѣ".

Потомъ онъ повернулъ еще нѣсколько страницъ и прочелъ:

„И рыцарь надменный выходитъ въ арену,
И щитъ онъ стоглавый несетъ предъ собою!"

— Какъ вамъ стихъ собственно нравится, — звученъ? — спрашивалъ нѣсколько измѣнившійся въ лицѣ Кергель.

— Очень, — отвѣчалъ Вихровъ: — но что значитъ этотъ стоглавый щитъ: есть, кажется, только стоглавый змѣй.

— А вотъ этотъ-то стоглавый змѣй и изображенъ на щитѣ, всѣ его сто головъ, и какъ будто бы онѣ, знаете, защищаютъ рыцаря!—объяснилъ Кергель.

— Понимаю!—сказалъ Вихровъ.

Живинъ мелькомъ взглянулъ на Вихрова, какъ бы желая угадать, что это онъ искренно говоритъ, или смѣется надъ Кергелемъ.

Вскорѣ послѣ того вошелъ Иванъ и доложилъ, что столъ готовъ.

Хозяинъ и гости вышли въ залу и усѣлись за обѣдъ.

— Скажите, пожалуйста, — продолжалъ и здѣсь Кергель свой прежній разговоръ:—вы вотъ жили все въ Москвѣ, въ столицѣ, значитъ: какой тамъ поэтъ считается первымъ нынче?

— Пушкинъ,—проговорилъ Вихровъ.

— Второй за нимъ?—сказалъ Кергель.

— Лермонтовъ!—отвѣчалъ Вихровъ.

— Что я говорилъ,—а?.. правду или нѣтъ?—подхватилъ съ удовольствіемъ Живинъ.

— Что жъ, но я все-таки,—началъ нѣсколько опѣшенный Кергель:—остаюсь при прежнемъ мнѣніи, что Кукольникъ тоже растетъ не по днямъ, а по часамъ!.. Этотъ теперь его «Скопинъ-Шуйскій», гдѣ Ляпуновъ, Делагарди: «Да знаетъ ли вашъ пресловутый Западъ, что если Русь поднимется, такъ вамъ почудится сѣдое море!» Неужели это не хорошо и не прямо изъ-подъ русскаго сердца вырвалось?

— Нѣтъ, не хорошо, и вовсе не изъ-подъ сердца вырвалось,—отвѣчалъ Вихровъ.

— Про всѣ драмы господина Кукольника «Отечественныя Записки» отлично сказали,—воскликнулъ Живинъ:—что онѣ исполнены какой-то скопческой энергіи.

— Именно скопческой!—согласился и Вихровъ.

Кергель пожалъ только плечами.

— Нынче ужъ мода на патріотизмъ-то, братъ, прошла!—толковалъ ему Живинъ:—ты вотъ прочти «Старый домъ» Огарева и раскуси, что тамъ написано.

— Читалъ и раскусилъ!—отвѣчалъ Кергель, краснѣя немного въ лицѣ; онъ въ самомъ дѣлѣ читалъ это стихотвореніе, но врядъ ли раскусилъ, что въ немъ было написано.

— Такъ, господа, вѣдь можно все критиковать,—продолжалъ онъ:—и вашего Пушкина даже, котораго, по-моему, вся проза слабая вещь.

— Какъ Пушкина проза слабая вещь?—переспросилъ его Вихровъ.

— Слабая!—повторилъ настойчиво Кергель.

— А повѣстями Марлинскаго восхищается,—вотъ поди и суди его!—воскликнулъ, кивнувъ на него головой, Живинъ.

— Я судить себя никому и не позволю!—возразилъ ему самолюбиво Кергель.

— Да тебя никто и не судитъ,—сказалъ насмѣшливо Живинъ:—а говорятъ только, что ты не понимаешь, что,—какъ сказалъ Гоголь,—равно чудны стекла, передающія движенія незамѣтныхъ насѣкомыхъ и движенія свѣтилъ небесныхъ!

— Никогда съ этимъ не соглашусь!—воскликнулъ въ свою очередь Кергель:—по крайней мѣрѣ поэзія всегда должна быть возвышенна и изящна.

— Въ поэзіи прежде всего должна быть высочайшая правда чувствъ и образовъ!—сказалъ ему Вихровъ.

— А, съ этимъ я совершенно согласенъ!—пояснилъ ему вѣжливо Кергель.

— Какъ же ты согласенъ?—почти закричалъ на него Жи-

винъ:—а развѣ въ стихахъ любимаго твоего поэта Тимофѣева гдѣ-нибудь есть какая-нибудь правда?

— Есть,—отвѣчалъ Кергель, покраснѣвъ немного въ лицѣ.— Вотъ-съ разрѣшите нашъ споръ,—продолжалъ онъ, снова обращаясь вѣжливо къ Вихрову:—эти стихи Тимофѣева:

„Степь, чей это курганъ?"
— Урагана спроси!
„Ураганъ, чей курганъ?"
— У могилы спроси.

Есть тутъ поэзія или нѣтъ?

— Никакой!—отвѣчалъ Вихровъ.

Кергель пожалъ плечами.

— На это можно сказать только одну пословицу: «chaque baron a sa fantaisie!»—прибавилъ онъ, начиная уже модничать и въ душѣ, какъ видно, нѣсколько обиженный. Вихрову наконецъ ужъ наскучилъ этотъ ихъ разговоръ с литературѣ.

— Чѣмъ намъ, господа, перепираться въ пустомъ словопреніи,—сказалъ онъ:—не лучше ли выпить чего-нибудь... Чего вы желаете?

— Я всему на свѣтѣ предпочитаю шипучее,—отвѣчалъ Кергель.

— Жженку бы теперь лучше всего,—произнесъ Живинъ.

— И то не дурно,—согласился Кергель.

— Жженка такъ жженка,—сказалъ Вихровъ и, пригласивъ гостей перейти въ кабинетъ, велѣлъ подать все, что̀ нужно было для жженки.

Кергель взялся приготовить ее и, засучивъ рукава у своего коричневаго фрака, весьма опытной рукой обрѣзалъ кожу съ лимоновъ, положилъ сахаръ на двѣ желѣзныя палочки и, пропитавъ его ромомъ, зажегъ.

Синеватое пламя освѣтило всю комнату, въ которой предварительно погашены были всѣ свѣчи.

— Разъ, два, три!—восклицалъ Живинъ, какъ бы изъ «Волшебнаго стрѣлка», всякій разъ, какъ капля сахару падала.

Вихровъ между тѣмъ все болѣе и болѣе погружался въ невеселыя мысли: и скучно-то ему все это немножко было, и невольно припомнилась прежняя московская жизнь и прежніе московскіе товарищи.

— Ахъ, студенчество, студенчество, какъ жаль, что ты такъ скоро миновалось!—воскликнулъ онъ, раскидываясь на диванѣ.

— А какъ мнѣ-то, братъ, жаль, я тебѣ скажу,—подхватилъ

и Живинъ, почти съ неистовствомъ ударяя себя въ грудь:— просто я теперь не живу, а прозябаю, какъ животное какое!

Кергель все это время напѣвалъ негромко стихотвореніе Бенедиктова, начинавшееся тѣмъ, что поэтъ спрашивалъ какую-то Нину, что помнитъ ли она то мгновенье, когда онъ на нее смотрѣлъ:

„Иль, мечтательный, къ окошку
Прислонясь, летунью-ножку
Думой тайною слѣдилъ“,—

мурлыкалъ Кергель и на словѣ: «летунью-ножку» дѣлалъ по преимуществу удареніе, вѣроятно, припоминая ножку той молоденькой барышни, съ которой онъ въ собраніи, въ углу выдѣлывалъ что-то галопное. Наконецъ жженка была сварена, разлита и роздана присутствующимъ.

— Живинъ, давай пѣть нашу священную пѣснь: «Gaudeamus igitur»,—воскликнулъ Вихровъ.

— Давай,—подхватилъ тотъ радостно.

— А вы ее знаете?—обратился Вихровъ къ Кергелю.

— Немножко знаю, подтяну,—сказалъ тотъ.

Всѣ запѣли, хоть и не совсѣмъ складными голосами, но зато съ большимъ одушевленіемъ.

Живинъ въ такой пришелъ экстазъ, что, вставъ съ своего мѣста, началъ пѣть одну извѣстную студенческую передѣлку.

— Pereat justitia!—восклицалъ онъ, тыкая себя въ грудь и намекая тѣмъ на свое стряпчество.

— Pereat policia!—разразился онъ еще съ бо́льшимъ гнѣвомъ, указывая уже на Кергеля, какъ на члена земскаго суда.

Иванъ, горничная Груша и старуха-ключница стояли потихоньку въ залѣ и не безъ удовольствія слушали это пѣніе.

— Въ Москвѣ баринъ каждый день такъ веселился!—не утерпѣлъ и прихвастнулъ Иванъ.

Послѣ пѣнія, разговоръ перешелъ на разныя сердечныя отношенія. Кергель, раскраснѣвшійся, какъ ракъ, отъ выпитой жженки, не утерпѣлъ и ударилъ Павла по плечу.

— А я немножко знаю одну вашу тайну,—сказалъ онъ.

Живинъ посмотрѣлъ на него сердито: ему казалось подлымъ такъ насильственно врываться въ сердце другого.

— Какую же это?—спросилъ Вихровъ полуконфуженно.

— А такую, что къ кому вы уѣзжали изъ собранія.

Живинъ окончательно вышелъ изъ себя.

— Если онъ тебѣ это говоритъ, такъ и ты его спроси,— сказалъ онъ, обращаясь къ Вихрову:—какъ онъ самъ ѣздилъ къ m-lle Прыхиной.

Кергель вспыхнулъ.

— Какъ, къ m-lle Прыхиной?! — воскликнулъ Вихровъ, удивленный и вмѣстѣ съ тѣмъ почему-то обрадованный этимъ извѣстіемъ.

— Больше году съ ней амурничалъ!—подхватилъ Живинъ.

— Меньше,— отвѣчалъ Кергель, нѣсколько поправившійся и желавшій придать этому разговору видъ шутки.

— Но скажите, какъ же вамъ пришла въ голову мысль побѣдить ее?—спросилъ Вихровъ.

— Что жъ, она дѣвушка такъ себѣ, ничего,—отвѣчалъ Кергель:—чувствительна ужъ очень.

— Все стихами его восхищалась,—пояснилъ Живинъ.

— И что же, она васъ перваго полюбила?—допрашивалъ Вихровъ Кергеля.

— Разумѣется,—отвѣчалъ тотъ, какъ бы даже удивленный этимъ вопросомъ.

— И была пылка въ любви?—продолжалъ Вихровъ.

— Ужасно, ужасно!—воскликнулъ на это Кергель:—этимъ, признаюсь, она меня больше...

И онъ не докончилъ своей мысли, а сдѣлалъ только гримасу.

— Первое-то время,—продолжалъ зубоскалить Живинъ:—какъ онъ покинулъ ее, видѣть его не могла; если лошадь его проѣдетъ мимо окна, сейчасъ въ обморокъ упадетъ.

— Говорятъ, говорятъ!—отвѣчалъ, усмѣхаясь, Кергель:—но что жъ было дѣлать,—натуру человѣческую не переломишь.

— Опротивила, значитъ?—проговорилъ Вихровъ.

— Невыносимо!—подтвердилъ Кергель.

Такимъ образомъ пріятели разговаривали цѣлый вечеръ; затѣмъ Живинъ и Кергель отужинали даже въ Воздвиженскомъ, при чемъ выпито было все вино, какое имѣлось въ усадьбѣ, и когда наконецъ гости усѣлись въ свои пошевни, чтобъ ѣхать домой, то сейчасъ же принялись хвалить хозяина.

— Чуднаго сердца человѣкъ, чуднаго!—восклицалъ Кергель.

— Еще бы!—подтверждалъ съ удовольствіемъ Живинъ и послѣ этого визита весьма часто сталъ бывать въ Воздвиженскомъ.

Видимо, что онъ всей душой привязался къ Вихрову, который, въ свою очередь, увидѣвъ въ немъ очень честнаго, умнаго и добраго человѣка, любящаго Богъ знаетъ какъ русскую литературу и хорошо понимающаго ее, признался ему, что у него написаны были двѣ повѣсти, и просилъ только не говорить объ этомъ Кергелю.

— Что ему говорить; разболтаетъ онъ только всѣмъ,— произнесъ Живинъ.

Вихровъ далъ ему даже на домъ прочесть свои черновые экземпляры; Живинъ читалъ ихъ около недѣли, и когда пріѣхалъ къ Вихрову, то имѣлъ лицо серьезнѣе обыкновеннаго.

— Не знаю,—началъ онъ, по обыкновенію своему, нѣсколько запинающимся языкомъ:—я, конечно, не компетентный судья, но по-моему это лучше всего, что̀ теперь печатается въ журналахъ.

— Ты думаешь?—спросилъ его не безъ удовольствія Вихровъ.

— Болѣе чѣмъ думаю, увѣренъ въ томъ,— подтвердилъ окончательно Живинъ.

— Увидимъ,—произнесъ Вихровъ и вздохнулъ.

Ему и не мечталось даже о подобномъ счастіи.

Невдолгѣ послѣ того онъ признался Живину также и въ своихъ отношеніяхъ къ m-me Фатѣевой.

— Слышалъ это я,—отвѣчалъ тотъ съ улыбкой.

Тонъ голоса его при этомъ показался Вихрову недостаточно уважительнымъ.

— А ты видалъ ее?—спросилъ онъ.

— Видалъ,—протянулъ Живинъ.

— Что̀ же она: понравилась тебѣ?

— Да, ничего, понравилась,— отвѣчалъ Живинъ. — Тутъ вотъ про нее болтали, что она, прежде чѣмъ съ тобой, съ какимъ-то бариномъ еще жила.

— Это совершенная правда, но что̀ же тутъ такое? Женщина ни передъ однимъ мужчиной не отвѣтственна за свое прошлое, если только она не любила его тогда.

— Разумѣется,—подтвердилъ Живинъ.

По своимъ понятіямъ онъ, какъ и Вихровъ, былъ чистый жоржзандистъ.

— Тогда, какъ ты къ ней изъ собранія уѣхалъ,—продолжалъ Живинъ:—поднялись по городу крики... стали говорить, что ты женишься даже на ней, и больше всѣхъ это огорчило одного доктора у насъ молоденькаго.

— Который лѣчилъ ея мужа?—спросилъ Вихровъ, припомнивъ какъ-то вскользь слышанныя имъ слова Фатѣевой и Прыхиной о какомъ-то докторѣ.

— Тотъ самый,—отвѣчалъ Живинъ.

— Что̀ же, онъ влюбленъ, что ли, въ нее?

— Да, влюбленъ.

— А она отвѣчала ему?

— Это ужъ я не знаю, — сказалъ съ улыбкой Живинъ.

Вихрову сдѣлалось тяжело продолжать долѣе этотъ разговоръ.

XIII.

Выбирай любое!

Время стало приближаться къ веснѣ. Воздвиженское съ каждымъ днемъ дѣлалось все прелестнѣй и прелестнѣй: съ высокой горы его текли цѣлые потоки воды, огромное пространство виднѣющагося озера почти уже сплошь покрылось синеватою наслюдою. Уѣздный городъ стоялъ цѣлый день покрытый какъ бы туманомъ испареній. Огромный садъ Воздвиженскаго весь растаялъ и мѣстами начиналъ зеленѣть. Всѣ деревья покрылись почками, имѣющими буроватый отливъ. Грачи вылетали изъ свитыхъ ими на деревьяхъ гнѣздъ и весело каркали.

Первое апрѣля былъ день рожденія Клеопатры Петровны, и Вихровъ рѣшился съѣздить къ ней на этотъ день. Хоть всего ему надобно было проѣхать какихъ-нибудь двадцать верстъ, но онъ выѣхалъ наканунѣ, такъ какъ дорога предстояла въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не совсѣмъ даже безопасная. По низовымъ лугамъ усадьбы «Пустыя-Поля» она шла наподобіе черной ленты, а по сторонамъ ея лежалъ снѣгъ, какъ каша, растворенный въ водѣ. На самой дорогѣ во многихъ мѣстахъ были зажоры, такъ что лошади почти по брюхо уходили въ нихъ, а за ними и сани съ сѣдоками. Впереди ѣхалъ Ванька, который до самой шеи былъ уже мокрый. Вихровъ вставалъ на ноги, когда сани его опускались въ зажору. Петръ, видимо, выбился изъ силъ, не зная, какъ и куда направлять лошадей; тѣ, въ свою очередь, были всѣ въ пѣнѣ, но въ воздухѣ было превосходно: солнце сильно пекло, повсюду пахнуло какимъ-то тепломъ и весной. Жаворонокъ высоко взвивался и пѣлъ, летѣли уже и гуси и утки на сѣверъ. Въ Зенковскомъ лѣсу дорога пошла боковикомъ, такъ что Вихровъ принужденъ былъ держаться за одну сторону саней, чтобы не вывалиться изъ нихъ, а Ванька такъ безпрестанно и вываливался. Санишки у него были безъ отводовъ, а держаться онъ не могъ, потому что правилъ лошадью. Когда они миновали лѣсъ, то имъ всего оставалось какія-нибудь два-три поля; но—увы!—эти поля представляли врядъ ли не самый ужасный путь изъ всего ими проѣханнаго. По случаю заувѣи отъ лѣса, на нихъ очень много было снѣгу; ѣзды по нимъ было довольно мало, поэтому дорога была на нихъ совершенно не утоптана, и лошади проваливались на каждомъ шагу. Вихровъ видѣть не могъ бѣдныхъ животныхъ, которыя и ноги

себѣ въ кровь изодрали, и губы до крови обдергали объ удила. Ванька въ этомъ случаѣ сдѣлалъ благоразумнѣе Петра: онъ и править своей лошадью не сталъ, а ограничился только тѣмъ, что легъ внизъ грудью въ сани и держался обѣими руками за окорчева, и только по временамъ находилъ нужнымъ выругать за что-то лошадь. «Ишь, дьяволъ этакій! Какъ идетъ!»—произносилъ онъ, когда его очень ужъ толкало. Но вотъ наконецъ добрались они и до Перцова. Ивана въ послѣдній разъ толкнуло въ воротцахъ усадебныхъ, такъ что онъ опять чуть не вылетѣлъ; и они подъѣхали къ крыльцу. Проворно взбѣжавъ по лѣстницѣ, Вихровъ сбросилъ съ себя въ передней загрязненную, замоченную шубу, но Клеопатра Петровна не выходила что-то на этотъ разъ его встрѣчать, а вмѣсто нея вышла одна только горничная Маша.

— Гдѣ барыня? — спросила она ту.

— Въ гостиной, — отвѣчала Марья, искоса посматривая на вошедшаго за бариномъ Ивана.

Вихровъ поспѣшно прошелъ въ гостиную.

— Ахъ, вотъ это кто пріѣхалъ! — воскликнула Клеопатра Петровна, увидя его.

Она, какъ увидѣлъ Вихровъ, играла въ карты съ Катишь Прыхиной и съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ очень маленькаго роста.

— Ни грязь, ни тѣснота, никакая мірская суета не удержали меня пріѣхать къ вамъ! — говорилъ Вихровъ, подходя и цѣлуя ея руку.

— Еще бы вы не пріѣхали, — сказала Клеопатра Петровна. — Это m-r Цапкинъ, докторъ нашъ! — отрекомендовала она Вихрову молодого человѣка. — Вихровъ! — прибавила она тому.

Павелъ сейчасъ же припомнилъ, что ему говорилъ Живинъ, и его немножко покоробило.

— Здравствуйте, Вихровъ! — сказала Павлу m-lle Прыхина совершенно дружественно и фамильярно: она обыкновенно со всѣми мужчинами, которыхъ знала душу и сердце, обращалась совершенно безъ церемоніи, какъ будто бы и сама была мужчина.

— Хотите пристать къ намъ? — сказала Фатѣева; они играли въ преферансъ.

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣчалъ Вихровъ.

— M-r Цапкинъ, сколько у васъ? — спросила Фатѣева, перегибаясь къ нему на столъ и смотря на его ремизы.

Тонъ голоса и манера m-me Фатѣевой, съ которой она это сдѣлала, показались Вихрову какъ-то подозрительны.

— Сто сорокъ восемь-съ, — отвѣчалъ докторъ солиднымъ и немножко даже мрачнымъ голосомъ. Вихрову онъ показался въ одно и то же время смѣшонъ и противенъ.

Начали играть. М-ше Фатѣева явно взмахивала иногда глазами на доктора, а тотъ на нее, въ свою очередь, упорно уставлялъ на нѣсколько минутъ свой взоръ.

Вихрова окончательно стало это выводить изъ терпѣнія, и онъ почему-то всю злобу свою,—впослѣдствіи онъ очень раскаивался въ этомъ,—всю свою злобу вздумалъ выместить на m-lle Прыхиной.

— А я вамъ поклонъ привезъ, — сказалъ онъ.

— Отъ кого? — спросила та на первыхъ порахъ совершенно спокойно.

— Отъ Кергеля, — отвѣчалъ Вихровъ.

При этомъ Клеопатра Петровна и докторъ даже съ нѣкоторымъ испугомъ взглянули на него и m-lle Прыхину.

— Очень благодарна, что вспомнилъ меня, — отвѣчала Прыхина, едва совладѣвая съ собой и вся покраснѣвъ.

— Онъ мнѣ читалъ стихи, которые когда-то писалъ къ вамъ, — продолжалъ немилосердно Вихровъ.

— Онъ можетъ писать мнѣ стихи или не писать, — мнѣ это все равно! — отвѣчала бѣдная дѣвушка и затѣмъ, со слезами уже на глазахъ, обратилась къ Фатѣевой.

— Извини, ma chère, я не могу пока играть, — произнесла она и, чтобы совсѣмъ не разрыдаться, проворно вышла изъ гостиной.

— Зачѣмъ вы это ей сказали! — проговорила Клеопатра Петровна съ укоромъ Вихрову.

— Что такое сказалъ я? — спросилъ онъ, стараясь представить, что говорилъ безъ умыслу.

— А то, что этотъ негодяй ее погубилъ, а вы еще смѣетесь надъ ней, — пояснила Фатѣева.

— Женщина въ такомъ положеніи можетъ возбуждать только сожалѣніе и участіе,—произнесъ опять съ важностью докторъ.

— Разумѣется, — согласилась съ нимъ и Клеопатра Петровна.

«Какъ она спѣлась съ этимъ господиномъ!» — подумалъ Вихровъ.

— Съ большимъ бы удовольствіемъ изъявилъ ей и мое участіе и сожалѣніе, если бы только зналъ это прежде, — проговорилъ онъ вслухъ.

— Ну, такъ знайте теперь и не говорите ей никогда больше объ этомъ! — подтвердила Фатѣева.

Катишь возвратилась; она умылась, поправила себѣ прическу и опять сѣла играть; на Вихрова она замѣтно дулась.

— Ну, помиримтесь, — сказалъ онъ ей.

— Ни за что! Вы очень больно ужалили меня, — возразила Прыхина и затѣмъ сейчасъ же какъ бы совсѣмъ занялась игрой въ карты.

Злоба въ душѣ героя моего между тѣмъ все еще продолжалась, и онъ рѣшился перенесть ее на доктора.

— Вы изъ московскаго университета? — спросилъ онъ.

— Медико-хирургической академіи, — отвѣчалъ тотъ.

— И здѣсь уѣзднымъ врачомъ?

Докторъ мотнулъ ему головой.

— М-г Цапкинъ такъ былъ добръ, — вмѣшалась въ разговоръ m-me Фатѣева: — что во время болѣзни моего покойнаго мужа и потомъ, когда я сама сдѣлалась больна, никогда не оставлялъ меня своими визитами, и я сохраню къ нему за это благодарность на всю жизнь! — прибавила она уже съ чувствомъ и какъ-то порывисто собирая карты со стола.

Вихрова это еще болѣе взбѣсило.

— Какимъ же бы образомъ молодой врачъ отказалъ въ совѣтѣ и въ помощи такой милой и молодой дамѣ, — это было бы даже неестественно, — проговорилъ онъ.

— Для врачей нѣтъ ни молодыхъ ни старыхъ; они должны всѣмъ давать совѣты, — произнесъ серьезно докторъ.

— Да, но это только нравственное правило, которое въ жизни далеко не исполняется.

— Не знаю, — сказалъ докторъ съ усмѣшкой: — по крайней мѣрѣ я въ жизни исполнялъ это правило.

— Честь вамъ и слава за то! — произнесъ Вихровъ.

За ужиномъ Клеопатра Петровна тоже была замѣтно внимательна къ доктору и врядъ ли даже относилась не любезнѣе, чѣмъ къ самому Павлу.

— Вы ничего, докторъ, не кушаете, — говорила она, устремляя на него свои свѣтлые глаза.

— О, нѣтъ, я уже ѣлъ довольно! — отвѣчалъ тотъ, замѣтно модничая и не теряя своей важности.

Когда послѣ ужина стали расходиться, Вихровъ, по обыкновенію, вошелъ въ отводимый ему всегда кабинетъ и, къ удивленію своему, увидѣлъ, что тамъ же постлано и доктору. Онъ очень хорошо понялъ, что это была штука со стороны Клеопатры Петровны, и страшно на нее разсердился. Сейчасъ же улегшись и отвернувшись къ стѣнѣ, чтобы только не видѣть своего сотоварища, онъ рѣшился, когда поулягутся немного въ домѣ, итти и отыскать Клеопатру Петровну; и дѣйствительно, че-

резъ какіе-нибудь полчаса онъ всталъ и, не стѣсняясь тѣмъ, что докторъ явно не спалъ, надѣлъ на себя халатъ и вышелъ изъ кабинета; но куда было итти, — онъ рѣшительно не зналъ, а потому направился, на всякій случай, въ коридоръ, въ которомъ была совершенная темнота, и только было-сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, какъ за что-то запнулся, ударился ногой во что-то мягкое, и вслѣдъ затѣмъ раздался крикъ:

— Ой, батюшки!.. Господи!.. Что это такое?..

Оказалось, что Вихровъ попалъ ногой прямо въ животъ спавшей въ коридорѣ горничной, и та, испугавшись, куда-то убѣжала. Онъ очень хорошо видѣлъ, что продолжать далѣе розыски было невозможно: онъ могъ перебудить весь домъ и все-таки не найти Клеопатры Петровны.

Съ самой искренней досадой въ душѣ герой мой возвратился опять въ кабинетъ и тамъ увидѣлъ, что докторъ не только что не спалъ, но даже сидѣлъ на своей постели.

— Куда это вы ходили? — спросилъ онъ его явно встревоженнымъ голосомъ.

— Куда надо было! — отвѣчалъ ему лаконически Вихровъ, снова ложась на постель и отвертываясь къ стѣнѣ, но потомъ онъ очень хорошо слышалъ, что докторъ не спалъ почти всю ночь и, какъ кажется, стерегъ его.

Поутру Клеопатра Петровна предположила со всѣми своими гостями ѣхать въ церковь къ обѣднѣ; запряжены были для этого четвероместныя пошевни. Когда стали усаживаться, то такъ случилось, что противъ Клеопатры Петровны очутился не Вихровъ, а докторъ. Въ прежнее время она никакъ бы не допустила этого сдѣлать; кромѣ того, Вихровъ съ большимъ неудовольствіемъ видѣлъ, что въ ухабахъ, когда сани очень опускались внизъ, Клеопатра Петровна тоже наклонялась и опиралась на маленькаго доктора, который, въ свою очередь, тоже съ большимъ удовольствіемъ подхватывалъ ее. Въ продолженіе обѣдни Вихровъ неоднократно замѣчалъ бросаемые, конечно, украдкой, но весьма знаменательные взгляды между Клеопатрой Петровной и докторомъ, и когда поѣхали назадъ, то онъ почти оттолкнулъ доктора и сѣлъ противъ Клеопатры Петровны. Онъ старался поймать при этомъ своею ногою ея ножку и подавить ее, но ему тѣмъ же не отвѣтили.

Все это, что мы разсказываемъ теперь съ нѣкоторою веселостью, въ героѣ моемъ въ то время производило нестерпимое мученіе. Онъ въ одно и то же время чувствовалъ презрѣніе къ Клеопатрѣ Петровнѣ за ея продѣлки и презрѣніе къ самому себѣ, что онъ мучился изъ-за подобной женщины; только нѣкоторая привычка владѣть собой дала ему возможность

скрыть все это и быть, по возможности, не очень мрачнымъ, но Клеопатра Петровна очень хорошо угадывала, что̀ происходитъ у него на душѣ, и, какъ бы сжалившись надъ нимъ, она наконецъ остановила его въ залѣ и проговорила:

— Вамъ сегодня приготовлено въ другой комнатѣ: приходите послѣ ужина въ чайную.

Слова эти несказанно обрадовали Вихрова. Въ одно мгновеніе онъ сдѣлался веселъ, разговорчивъ. Ему всего пріятнѣе было подумать, что въ какихъ дуракахъ останется теперь г-нъ докторъ.

Послѣ ужина горничная, въ самомъ дѣлѣ, ему показала другую комнату, отведенную для него, но онъ въ ней очень недолго пробылъ и отправился въ чайную. Клеопатра Петровна сидѣла уже тамъ и молча ему указала на мѣсто подлѣ себя.

— Послушайте!—начала она: — я позвала васъ сюда... — тонъ ея показался Вихрову страннымъ... — позвала, чтобы серьезно поговорить съ вами.

— Что̀ такое? — спросилъ ее Вихровъ какъ можно болѣе простымъ образомъ и беря ее за руку.

Она не отнимала у него своей руки.

— Я хотѣла вамъ сказать, — продолжала Клеопатра Петровна: — какъ и прежде говорила, что мнѣ невыносимо становится мое положеніе; я никуда не могу показаться, чтобы не видѣть оскорбительныхъ взглядовъ... Жениться на мнѣ вы не хотите, такъ какъ считаете меня недостойною этой чести, и потому—что̀ я такое теперь?—потерянная женщина, живущая въ любовницахъ, и, кромѣ того, дѣла мои всѣ запутаны; сама я ничего въ нихъ не смыслю, пройдетъ еще годъ, и я совсѣмъ нищей могу остаться, а потому я хочу теперь найти человѣка, который бы хоть сколько-нибудь поправилъ мою репутацію и наконецъ занялся бы съ теплымъ участіемъ и моимъ состояніемъ...

Вихровъ закусилъ губы при этомъ.

— Что̀ же вы г-на доктора для того выбираете? — спросилъ онъ.

— Можетъ-быть, и его! — сказала Фатѣева.

Вихровъ нѣсколько времени молчалъ. Онъ очень хорошо видѣлъ, что скажи онъ только Клеопатрѣ Петровнѣ, что женится на ней—и она прогнала бы отъ себя всѣхъ докторовъ на свѣтѣ; но какъ было сказать это и какъ было рѣшиться на то, когда онъ зналъ, что онъ, навѣрное, ее разлюбитъ окончательно и, пожалуй, возненавидитъ даже; злоупотреблять же долѣе этой женщиной и оставлять ее своей любовницей ему казалось совѣстно и безчеловѣчно.

— Ну, Богъ съ вами, дѣлайте, какъ знаете! — проговорилъ онъ.

При этихъ словахъ Клеопатра Петровна уже вздрогнула.

— И вамъ не тяжело это сказать мнѣ? — спросила она.

— Очень тяжело, — отвѣчалъ онъ: — но другого ничего не могу придумать.

Клеопатра Петровна грустно усмѣхнулась.

— Въ такомъ случаѣ—прощайте!—произнесла она.

Вихровъ ничего ей не сказалъ, а только посмотрѣлъ на нее. Затѣмъ они пожали другъ у друга руку и, даже не поцѣловавшись на прощанье, разошлись по своимъ комнатамъ. На другой день Клеопатра Петровна была съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, что краше въ гробъ кладутъ, и все еще, повидимому, надѣялась, что Павелъ скажетъ ей что-нибудь въ отраду; но онъ ничего не сказалъ и, не оставшись даже обѣдать, уѣхалъ домой.

XIV.

Вечеръ у Захаревскихъ.

Описанное мною объясненіе происходило, кажется, между двумя только лицами, но тѣмъ не менѣе объ немъ въ весьма непродолжительномъ времени узнали весьма многіе. Сначала сама Клеопатра Петровна не вытерпѣла отъ гнѣва и горя и разсказала все m-lle Прыхиной. Та, въ свою очередь, по чувству дружбы своей, пришла въ неменьшій ея гнѣвъ, и когда пріѣхала въ городъ, то сейчасъ же отправилась къ Захаревскимъ. Юлія приняла ее сначала довольно сухо, но m-lle Прыхина, не откладывая ни минуты, начала разсказывать, во-первыхъ, объ отношеніяхъ Фатѣевой къ Вихрову, во-вторыхъ, о томъ, какое послѣдовало между ними объясненіе. M-lle Юлія вдругъ захохотала: «ха-ха-ха! ха-ха-ха!»—почти до истерики хохотала, такъ что m-lle Прыхина уставила на нее свои глаза и начала сильно вбирать воздухъ своимъ огромнымъ носомъ, что̀ она всегда дѣлала, когда чѣмъ-нибудь была очень удивлена или огорчена.

M-lle Юлія наконецъ остановилась смѣяться.

— Такъ это она сама ему дѣлала предложеніе, и онъ не принялъ его? — проговорила наконецъ она.

— Да, не принялъ, и поэтому подло и низко поступилъ.

— Почему же подло? Я полагаю, благоразумно! — сказала Юлія, поднимая немного вверхъ свои плечи.

— Соблазнить, измѣнить и бросить женщину,—это, по-твоему, не подло? Вы, Юлія, еще молоды, и потому о многомъ еще

не можете и судить!.. — И m-lle Прыхина приняла даже при этомъ нѣсколько наставническій тонъ. — Вотъ, когда сами испытаете что-нибудь подобное въ жизни, такъ и поймете, каково это перенести каждой женщинѣ и дѣвушкѣ.

— Тутъ и судить нечего,—возразила Юлія:—если женщина сама дѣлаетъ предложеніе мужчинѣ, то она должна ожидать, что, можетъ-быть, онъ его и не приметъ! Припомните княжну и Печорина, — какъ онъ съ ней поступилъ!

— Тоже подло!..—подхватила Прыхина.

Юліи наконецъ наскучило съ ней болтать. Ее, кажется, гораздо болѣе всѣхъ этихъ разговоровъ занималъ самъ m-r Вихровъ.

— Что онъ будетъ дѣлать теперь, интересно, живя въ деревнѣ одинъ-одинешенекъ?—спросила она какъ бы самое себя.

— Сочинять будетъ! Сочиненьями своими будетъ заниматься,—произнесла почти съ ожесточеніемъ Прыхина.

— А онъ сочиняетъ? — спросила Юлія съ вспыхнувшимъ взоромъ.

— Да, какъ же!—отвѣчала Прыхина:—но только я ничего хорошаго не нахожу въ его сочиненіяхъ.

— Въ какомъ же родѣ онъ пишетъ: стихами или прозой?

— Прозой! Романъ сочинилъ, и какъ въ этомъ случаѣ мило поступилъ: есть тамъ у него въ Москвѣ какая-то дрянная дѣвчонка, онъ описалъ ту въ романѣ и Богъ знаетъ какъ расхвалилъ, да и читаетъ Клеопашѣ, — пріятно той было слушать это!

Про это Прыхиной разсказала Клеопатра Петровна, передавая ей разныя обвиненія противъ Вихрова.

— Я непремѣнно поговорю съ нимъ объ его сочиненіяхъ,— продолжала опять больше сама съ собою Юлія.

— И ничего интереснаго не услышишь, — замѣтила ей съ насмѣшкой Прыхина и, замѣтивъ, что все уже интересное для Юліи разсказала, она встала, простилась съ ней и побѣжала еще къ одной своей подружкѣ, чтобъ разсказать ей объ этомъ же.

Катишь каждою новостью любила подѣлиться со всѣми своими пріятельницами.

Юлія въ тотъ же день за обѣдомъ разсказала отцу все, что передавала ей Прыхина.

Старикъ Захаревскій усмѣхнулся только.

— Да не вретъ ли она, пожалуй! — замѣтилъ онъ съ нѣкоторой долей сомнѣнія.

— Нѣтъ, не вретъ! — отвѣчала положительно дочь.

— Я бы, папочка, — сказала Юлія къ концу обѣда болѣе

обыкновеннаго ласковымъ голосомъ, и когда самъ Захаревскій отъ выпитыхъ имъ нѣсколькихъ рюмокъ вина былъ въ добромъ расположеніи духа: — я бы желала на той недѣлѣ вечеръ танцовальный устроить у насъ.

— Можно!- сказалъ старикъ, опять сразу поняв намѣреніе дочери.

— Только чтобы ужъ хорошенькій былъ, папочка! Денегъ ты не изволь жалѣть.

— Да ужъ что же дѣлать, коли надо,—отвѣчалъ Захаревскій, разводя руками.

Юлія подошла и нѣжно поцѣловала его въ голову, а затѣмъ ушла въ свою комнату и задумалась: слова Прыхиной, что Вихровъ пишетъ, сильно на нее подѣйствовали, и это подняло его еще выше въ ея глазахъ. Если Мари въ Москвѣ учили профессора разнымъ наукамъ и она читала въ подлинникѣ «Божественную комедію» Данта и «Манфреда» Байрона, если Фатѣеву ничему не учили, какъ только мило держать себя, то m-lle Захаревская, можно сказать, сама себя образовала по русскимъ журналамъ. Будучи отъ природы весьма неглупая дѣвушка и вышедши изъ пансіона, гдѣ тоже больше учили ее мило держать себя, она начала читать всѣ повѣсти, всѣ стихи, всѣ критики и всѣ ученыя даже статьи. Во всемъ этомъ, разумѣется, она многаго не понимала, но тѣмъ не менѣе все это замѣтно возвысило понятія ея: выйти, напримѣръ, замужъ за какого-нибудь господина «анхвицера» какъ сама она выражалась для шутки, она уже не хотѣла, а всегда мечтала имѣть мужемъ умнаго и образованнаго человѣка, а тутъ въ лицѣ Вихрова встрѣтила еще и литератора. Чтобы заинтересовать его собой, она рѣшилась употребить всѣ средства. Вечеръ она желала, и желала по преимуществу для него, устроить изящнѣйшій. Буфетъ въ столовой она сама убирала цвѣтами и всѣ фрукты и конфеты укладывала своими руками въ вазы. Для помощи во всемъ этомъ, разумѣется, призвана была и m-lle Прыхина, которая сейчасъ же принялась помогать самымъ энергическимъ образомъ и такъ расходилась при этомъ случаѣ, что для украшенія бала перечистила даже всѣ образа въ домѣ Захаревскихъ и, уча горничныхъ, какъ надо мыть только-что выставленныя окна, она сама вскочила на подоконникъ и начала протирать стекла и такъ при этомъ далеко выставилась на улицу, что одинъ проходящій мужикъ даже замѣтилъ ей:

— Поуберись, барынька, маленько въ комнату, а то нехорошо!

— Дуракъ, мужикъ! — сказала ему вслѣдъ на это m-lle

Прыхина. Ко всему этому усердію Катишь отчасти была подвинута и тѣмъ, что Юлія для этого бала сдѣлала ей довольно значительные подарки: во-первыхъ, бѣло-газовое платье и широчайшую голубую ленту для пояса и довольно еще свѣжіе, раза два или три всего надѣванные, цвѣты для головного убора. Забравъ въ охапку всѣ подаренныя ей Юліей сокровища, Катишь сейчасъ же побѣжала ихъ примѣривать на себя домой; для этого она заперлась въ своей комнатѣ и передъ трюмо своимъ (на какія деньги и какимъ образомъ трюмо это было куплено, сказать трудно, но только трюмо было у нея)... Катишь почти знала, что она не хороша собой, но она полагала, что у нея бюстъ былъ очень хорошъ, и потому она любила на себя смотрѣть во весь ростъ... передъ этимъ трюмо теперь она сняла съ себя все платье и, оставшись въ одномъ только бѣльѣ и корсетѣ, стала примѣривать себѣ на голову цвѣты, и при этомъ такъ и этакъ поводила головой, дѣлала глазки, улыбалась, зачѣмъ-то поднимала руками грудь свою вверхъ; затѣмъ вдругъ вытянулась, какъ солдатъ, и, ударивъ себя по лядвеѣ рукою, — начала маршировать передъ зеркаломъ и даже приговаривала при этомъ: «разъ, два, разъ, два!». Вообще въ ней были нѣкоторыя солдатскія наклонности. Походивши такимъ образомъ, она сѣла, какъ бы утомившись отъ бальныхъ танцевъ, и распустила зачѣмъ-то свой корсетъ, и въ этомъ распущенномъ видѣ продолжала сидѣть передъ зеркаломъ и любоваться на себя, но нѣгу таковую, впрочемъ, она не долго себѣ позволила: дѣятельная натура сейчасъ же заставила ее снова одѣться, позвать свою горничную и приняться вмѣстѣ съ ней устраивать бальный нарядъ. Сдѣлавъ это, она опять побѣжала къ Захаревскимъ. У нея ужъ новые планы и предположенія явились для бала.

— А что, Вихровъ будетъ у васъ на балѣ? — спросила она Юлію.

— Будетъ!—отвѣчала та.

— Ну, въ такомъ случаѣ я съ нимъ поговорю!—произнесла она какъ-то знаменательно.

Юліи это было не совсѣмъ ужъ и пріятно.

— Тебѣ бы лучше слѣдовало съ Кергелемъ поговорить! — немножко кольнула она ее.

— Съ Кергелемъ что говорить! За себя — пользя, а за другую можно! — отвѣчала Прыхина и больше уже до самаго бала не уходила отъ Захаревскихъ; даже свой бальный нарядъ она стала надѣвать на себя у нихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ наряжала и Юлію, врядъ ли еще не съ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ самое себя. Часовъ въ восемь вечера обѣ дѣвицы вы-

или изъ своихъ комнатъ. Прыхина сейчасъ же взяла Юлію подъ руку и начала съ ней ходить по залѣ. Гости сейчасъ же послѣ того стали съѣзжаться. Услышавъ довольно сильный стукъ одного экипажа, Юлія, по какому-то предчувствію и пользуясь тѣмъ, что на дворѣ еще было довольно свѣтло, взглянула въ окно,—это въ самомъ дѣлѣ подъѣзжалъ Вихровъ, на щегольскихъ, еще покойнымъ отцомъ его вскормленныхъ и сберегаемыхъ сѣрыхъ лошадяхъ и въ открытой коляскѣ. У Юліи чувствительно замерло сердце. Вихровъ вошелъ и, прищурившись, началъ осматривать залу и находившееся въ ней общество. Прыхина при этомъ, несмотря на чувствуемое къ нему предубѣжденіе, не утерпѣла и проговорила Юліи:

— Посмотри, какъ онъ хорошъ собой, — чудо!

Вихровъ подошелъ и поклонился имъ.

Юлія привѣтливо и почти дружески встрѣтила его пожатіемъ руки, а m-lle Прыхина только поклонилась ему, и то съ грустью и печалью въ лицѣ: укоряющею совѣстью хотѣла она представиться ему за Фатѣеву!

Пользуясь тѣмъ, что танцы еще не начинались, Юлія сейчасъ же, оставивъ Прыхину, начала ходить съ Вихровымъ.

— Мнѣ, m-r Вихровъ, хотѣлось бы съ вами поговорить объ одной вещи, — сказала она.

— Сдѣлайте одолженіе, — отвѣчалъ онъ.

— О, этотъ разговоръ длиненъ будетъ; угодно вамъ сѣсть со мною, — продолжала она, указывая въ гостиной на одно изъ креселъ и сама садясь рядомъ съ этимъ кресломъ.

Вихровъ сѣлъ на указанное мѣсто.

— Послушайте,—начала Юлія послѣ маленькаго замѣшательства:—мнѣ сказывали, что вы пишете: правда это или нѣтъ?

Вихровъ нахмурился: ему досадно было, что слухъ объ его писательствѣ начинаетъ распространяться между всѣми, но, съ другой стороны, запереться въ томъ ему показалось странно.

— Пишу, — отвѣчалъ онъ утвердительно.

— Въ какомъ духѣ?

При этомъ вопросѣ Вихровъ посмотрѣлъ Юліи въ лицо.

— Въ духѣ Достоевскаго, можетъ-быть? — продолжала она.

— Нѣтъ, не въ духѣ Достоевскаго,—проговорилъ Вихровъ.

— Его ужасно высоко ставитъ Бѣлинскій,—говорила Юлія.

— Талантливъ, но скученъ, — произнесъ Вихровъ.

— Да, я съ вами согласна въ этомъ; я едва дочитала его «Бѣдныхъ людей», но все-таки славная вещь!

— Очень хорошая!

— А что, скажите, — продолжала Юлія: она хотѣла ужъ вполнѣ блеснуть передъ Вихровымъ своими литературными

познаніями:—что̀ такое сдѣлалось съ Гоголемъ? Послѣ этого великаго произведенія: «Мертвыя Души», онъ вдругъ началъ какія-то письма писать къ друзьямъ. «Отечественныя Записки» въ неистовство приходятъ, и очень естественно: онѣ такъ вѣрили въ его талантъ, такъ много возлагали на него надеждъ, вдругъ онъ пишетъ, что мужиковъ надо сѣчь, и наконецъ какого-то пророка изъ себя хочетъ представить, всѣхъ поучаетъ; что̀ такое съ нимъ?

Вся эта тирада Юліи показалась Вихрову просто противною.

— Не знаю я этого совершенно-съ,—отвѣтилъ онъ ей довольно сухо.

«Не любитъ, видно, когда говорятъ о другихъ: ну, будемъ говорить о немъ!» — подумала Юлія и снова обратилась къ Вихрову.

— А вы знаете что̀: я и объ героинѣ вашего романа слышала, это одна какая-то московская молодая дѣвушка!

«Все ужъ разболтали ей», — подумалъ Вихровъ и рѣшительно не находился, что̀ ей отвѣчать. Онъ вообще былъ какъ-то грустенъ въ этотъ день. Разрывъ съ Фатѣевой мучилъ и волновалъ его.

Къ Юліи между тѣмъ подошелъ Кергель и пригласилъ ее на кадриль.

Она не могла отказать, но, отходя отъ Вихрова, мотнула ему головой и сказала:

— Мы когда-нибудь еще съ вами объ этомъ поговоримъ!

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ ей Вихровъ почти насмѣшливо.

Какъ только отъ него отошла Юлія, къ нему сейчасъ же подошла и сѣла на ея мѣсто Прыхина. О, Катишь сейчасъ ужасную штуку отпустила съ Кергелемъ. Онъ подошелъ къ ней и вдругъ сталъ ее звать на кадриль. Катишь вся вспыхнула даже въ лицѣ.

— Pardon, m-r, — сказала она ему на это, расклапиваясь съ нимъ:—я съ незнакомыми не танцую!

— Вы считаете меня незнакомымъ? — произнесъ Кергель, лукаво потупляя передъ ней глаза.

— Совершенно незнакомымъ! — повторила она и ушла потомъ къ Вихрову.

— Фу, ворона съ мѣста, а соколъ на мѣсто! — проговорилась она, какъ и часто это съ ней случалось.

— Вы однако себя-то соколомъ считаете, а m-lle Юлію вороной!—замѣтилъ ей Вихровъ.

— Тьфу, что̀ я! — отплюнулась она: — соколъ съ мѣста, а ворона на мѣсто!—Затѣмъ она замолчала и начала грустно-насмѣшливо смотрѣть на Вихрова.

— Мужчины, мужчины! — произнесла она наконецъ, покачавъ головой.

— Какъ мухи къ намъ льнутъ!—добавилъ Вихровъ.

— Хуже, а какъ змѣи насъ отравляютъ!.. Въ Перцовѣ, значитъ, мы больше теперь съ вами встрѣчаться не будемъ?

— Отчего же?—спросилъ Вихровъ, вовсе не желая быть съ ней откровеннымъ.

— Оттого, что вамъ туда совѣстно будетъ пріѣхать, — проговорила Катишь насмѣшливо-укоризненно и даже какимъ-то басомъ.

— Нѣтъ, ничего: я безсовѣстенъ,—возразилъ Вихровъ.

— Это я знаю,—подхватила Прыхина.—Она больна очень теперь! — прибавила она, махнувъ нѣсколько въ сторону своимъ носомъ, что почти всегда она дѣлала, когда говорили что-нибудь значительное.

У Вихрова болѣзненно при этомъ поворотилось сердце, но онъ не подалъ тому и вида.

— Что жъ, докторъ у нея есть; вѣроятно, пользуетъ ее.

— Разумѣется, навѣщаетъ; не безъ помощи же оставить ее одну,—произнесла ядовито-насмѣшливо Прыхина.

— Ну, поэтому все и идетъ какъ слѣдуетъ! — какъ-то больше пробормоталъ Вихровъ и хотѣлъ-было отойти отъ Прыхиной.

— На два слова прошу еще остаться, — произнесла она почти повелительно.

Вихровъ, какъ ни скучно было это ему, остался на своемъ мѣстѣ.

— Вы знаете, что такое докторъ тутъ былъ, какую роль онъ игралъ?—спросила Прыхина.

— Я думаю, какъ всѣ доктора-утѣшители, — проговорилъ Вихровъ.

— Онъ тутъ былъ только средство возбудить вашу ревность и привлечь васъ этимъ—его обманывали и дурачили и хотѣли этимъ возвратить вашу любовь.

— Я знаю, что дружба ваша слишкомъ велика къ m-me Фатѣевой, и вы способны въ ней все оправдывать, — проговорилъ Вихровъ, въ душѣ почти желавшій повѣрить словамъ Прыхиной.

— Ахъ, Боже мой! Я оправдываю!—воскликнула та:—сдѣлайте милость, когда я замѣтила эти ея отношенія къ доктору, я первая ее спросила, что такое это значитъ, и такъ же, какъ вамъ теперь говорю, я ей говорила, что это подло, и она мнѣ образъ сняла и клялась, что вотъ для чего, говоритъ, я это дѣлаю!

— Ну, когда она сама вамъ говорила, такъ это не совсѣмъ еще достовѣрное доказательство,—сказалъ Вихровъ.

— Прекрасно, отлично! — воскликнула Прыхина:—она теперь ужъ и лгунья стала у васъ!.. Неблагодарные вы, неблагодарные мужчины!—Прыхина, вѣроятно бы, еще долго не отпустила Вихрова и стала его допытывать, но къ нему подошелъ Живинъ.

— Пойдемъ, водки выпьемъ, хозяинъ тебя приглашаетъ!—сказалъ онъ, мотнувъ Вихрову головой. Тотъ съ большимъ удовольствіемъ всталъ и пошелъ за нимъ.

На уѣздныхъ балахъ почти вездѣ заведено еще задолго до ужина ставить водку и небольшую къ ней закуску для желающихъ мужчинъ, и желающихъ таковыхъ находится очень много,—всѣ почти!

На этой штукѣ старикъ Захаревскій вздумалъ испытать Вихрова, чтобы окончательно убѣдиться, любитъ онъ выпить или нѣтъ? По многолѣтней своей опытности Ардальонъ Васильевичъ убѣдился, что въ ихъ мѣстахъ, между дворянствомъ и чиновничествомъ, главный порокъ пьянство, и желалъ, по преимуществу, не видѣть его въ дѣтяхъ своихъ и въ зятѣ, какого Богъ ему пошлетъ.

— Водочки не прикажете ли?—произнесъ онъ какъ бы самымъ радушнымъ и угощающимъ голосомъ.

Павелъ, возмущенный всѣми послѣдними событіями и разговорами объ нихъ, съ удовольствіемъ выпилъ рюмку.

— Не прикажете ли еще? — спросилъ Ардальонъ Васильевичъ, наливая ему еще рюмку.

Но Вихровъ уже отказался.

«Ну, не совсѣмъ еще пьяница!» — рѣшилъ старикъ и на этотъ разъ въ мысляхъ своихъ, и затѣмъ онъ счелъ не безполезнымъ разспросить гостя и о дѣлахъ его.

— Скажите, вы еще не служили?—спросилъ онъ.

— Не служилъ.

— Но чинъ однако имѣете?

— Я кандидатъ университета, то-есть коллежскій секретарь,—отвѣчалъ тотъ.

Ардальонъ Васильевичъ въ знакъ согласія мотнулъ ему на это головой.

— Гдѣ же вы предполагаете службу вашу начать? — продолжалъ онъ допрашивать гостя.

— Нигдѣ!—отвѣчалъ Вихровъ.

Захаревскій при этомъ повернулъ даже къ нему ухо, какъ бы затѣмъ, чтобы яснѣе разслышать, что такое онъ сказалъ.

— Что же, хозяйничать, постоянно жить въ деревнѣ предполагаете?—говорилъ онъ, внимательно навостривая уши.

— И того нѣтъ: хозяйничать въ томъ смыслѣ, какъ прежде хозяйничали, т.-е. скопидомничать, не желаю, а агрономничать, какъ другіе дѣлаютъ изъ нашихъ молодыхъ помѣщиковъ, не рѣшусь, потому что сознаю, что не понимаю и не умѣю этого дѣлать.

Послѣднихъ словъ Вихрова Захаревскій положительно не понялъ, что тотъ хотѣлъ этимъ сказать.

— Но надобно же имѣть какое-нибудь занятіе? — проговорилъ онъ съ нѣкоторою улыбкою даже.

— Я буду читать, стану ходить на охоту, буду ѣздить въ Москву, въ Петербургъ.

— Жизнь вольнаго казака, значитъ, желаете имѣть,—произнесъ Захаревскій; а самъ съ собой думалъ:—«Ну, это значитъ шалопайничать будешь!» Вихровъ послѣдними отвѣтами очень упалъ въ глазахъ его: главное, онъ возмутилъ его своимъ намѣреніемъ не служить: Ардальонъ Васильевичъ службу считалъ для каждаго дворянина такою же необходимостью, какъ и воздухъ. «Впрочемъ,—успокоилъ онъ себя мысленно:— если жену будетъ любить, такъ та и служить заставитъ!»

Когда танцы прекратились и гости пошли къ ужину, Юлія сама предложила Вихрову руку и посадила его рядомъ съ собою. На обстоятельство это обратилъ нѣкоторое вниманіе Живинъ.

— Всегда, и вездѣ, и во всемъ счастливъ!—сказалъ онъ, показывая Юліи головой на пріятеля.

— Это почему?—спросила та съ немножко лукавой усмѣшкой.

— Да такъ ужъ, потому!.. — отвѣчалъ какъ-то загадочно Живинъ, потупляя глаза свои.

Далѣе, конечно, не стоило бы и описывать бальнаго ужина, который походилъ на всѣ праздничные ужины, если бы въ продолженіе его не случилось одно весьма непріятное происшествіе: Кергель, по своей вѣтрености и необдуманности, вдругъ вздумалъ, забывъ все, какъ онъ поступилъ съ Катишь Прыхиной, кидать въ нее хлѣбными шариками. Она сначала дѣлала видъ, что этого не замѣчаетъ, а въ то же время сама краснѣла и волновалась. Наконецъ терпѣніе ея лопнуло; она ему громко и на весь столъ сказала:

— Перестаньте, Кергель; я не желаю видѣть вашихъ шутокъ.

Онъ на минуту попритихъ-было, но потомъ снова началъ кидать.

— Говорятъ вамъ—перестаньте, а не то я тарелкой въ васъ пущу!—сказала Катишь съ дрожащими уже губами.

— Ой, ой, ой, ой, боюсь!—произнесъ Кергель, склоня свою голову и закрывая ее салфеткой.

Эта насмѣшка окончательно вывела Прыхину изъ себя: она поблѣднѣла и ничего ужъ не говорила.

— А ну-ка, попробую еще,—произнесъ Кергель и бросилъ въ нее еще шарикъ.

М-lle Прыхина, ни слова не сказавъ, взяла со стола огромный сукрой хлѣба, насолила его и бросила его въ лицо Кергеля. Хлѣбъ попалъ прямо въ глазъ ему вмѣстѣ съ солью. Кергель почти закричалъ, захватилъ глазъ рукою и сталъ его тереть.

А m-lle Прыхина пресамодовольно сидѣла и только, поводя своимъ носомъ, говорила:

— Ништо ему, ништо!

Всѣ сидящіе за столомъ покатывались со смѣху, а Кергель, протирая глазъ, почти вслухъ говорилъ:

— Эка дура, эка дурища!

Когда Вихровъ возвращался домой, то Иванъ не сѣлъ, по обыкновенію, съ кучеромъ на козлахъ, а помѣстился на запяткахъ и еле-еле держался за рессоры: съ какой-то радости онъ счелъ нужнымъ мертвецки нализаться въ городѣ. Придя раздѣвать барина, онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, и даже пошатывался немного, но Вихровъ, чтобы не сердиться, счелъ лучше ужъ не замѣчать этого. Иванъ однако не ограничивался этимъ и, ставъ передъ бариномъ растопыривъ ноги, произнесъ дикимъ голосомъ:

— Павелъ Михайлычъ, пожалуйте мнѣ невѣсту-съ!

— Какую невѣсту... Марью Фатѣевскую, что ли?..

— Марья что-съ?.. чужая!.. Мнѣ свою пожалуйте... Грушу нашу.

— Она развѣ хочетъ за тебя итти?

— Чего хочетъ?... Вы баринъ: прикажите ей... Я вамъ сколько лѣтъ служилъ.

— Если бы ты и во сто разъ больше мнѣ служилъ, я не стану заставлять ее силой итти за тебя!

— Сдѣлайте милость!—промычалъ еще разъ Иванъ и сталъ уже передъ бариномъ на колѣни.

— Ахъ, ты, дуракъ этакій, перестань!—воскликнулъ тотъ, отворачиваясь отъ него.

— Сдѣлайте божескую милость!—повторилъ Иванъ, не вставая съ колѣнъ. Вихровъ увидѣлъ, что конца этому не будетъ.

— Груня!—крикнулъ онъ.

Груша обыкновенно никогда не спала, какъ бы поздно онъ откуда ни пріѣзжалъ,—Груша вошла.

— Вотъ онъ сватается къ тебѣ!—произнесъ Павелъ, показывая на поднимающагося съ колѣнъ Ивана.

Груша только странно смотрѣла на того.

— Мнѣ, сударь, очень обидно и слышать это,—отвѣчала она обиженнымъ и взволнованнымъ голосомъ: на глазахъ ея навернулись слезы.

— Что же, развѣ онъ тебѣ не нравится?—спросилъ Павелъ.

— Я скорѣе за козла скверного пойду, чѣмъ за него.

— Гляче же не пойдешь? Что жъ я сдѣлалъ тебѣ такое?—спросилъ ее Иванъ.

— А для того!.. Вы, Павелъ Михайлычъ, и приставать ему не прикажите ко мнѣ, а то мнѣ проходу отъ него нѣтъ!—проговорила Груша и, совсѣмъ уже расплакавшись, вышла изъ комнаты. Вихрову сдѣлалось ее отъ души жаль.

— Пошелъ вонъ, негодяй! Не смѣй мнѣ и говорить объ этомъ, и никогда не приставай къ ней!—крикнулъ онъ на Ивана.

Тотъ, по обыкновенію, немного струсилъ и вышелъ.

— Знаю я, куда она ладитъ,—да, знаю я!—говорилъ онъ, идя и пошатываясь по залѣ.

XV.

Опять Александръ Ивановичъ Коптинъ.

Вскорѣ послѣ того, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ, Живинъ вошелъ къ Вихрову съ нѣкоторымъ одушевленіемъ.

— Сейчасъ, братецъ ты мой, — началъ онъ какимъ-то веселымъ голосомъ:—я встрѣтилъ здѣшняго генерала и писателя, Александра Иваныча Коптина.

— А!..—произнесъ Вихровъ:—а ты развѣ знакомъ съ нимъ?

— Пріятели даже!—отвѣчалъ не безъ гордости Живинъ:—ну и разговорились о томъ, о семъ, гдѣ, знаешь, я бываю; я говорю, что вотъ все съ тобою вожусь. Онъ, знаешь, этакъ по-своему воскликнулъ: «Какъ же, говоритъ, ему, злодѣю, не стыдно у меня не побывать!»

— Да, я скверно сдѣлалъ, что не былъ у него; совсѣмъ и забылъ, что онъ тутъ недалеко, — отвѣчалъ Вихровъ:—когда бы съѣздить къ нему?

— Поѣдемъ въ Петровъ день къ нему—у него и во всѣхъ деревняхъ его праздникъ.

— Очень радъ! А что, скажи, постарѣлъ онъ или нѣтъ?

— Нѣтъ, мало! такой же худой, какъ и былъ. Какой учености, братецъ, онъ громадной! Разъ какъ-то разговорились мы съ нимъ о Ватиканѣ. Онъ вдругъ и говоритъ, что тамъ въ такой-то комнатѣ такой-то образъ виситъ; я сейчасъ послѣ того, пріѣхавши въ городъ, въ училище уѣздное, тамъ от-

личное есть описаніе Рима, досталъ, смотрю... дѣйствительно такая картина виситъ!

— Онъ принадлежитъ къ французскимъ энциклопедистамъ,— замѣтилъ Вихровъ.

— Надо-быть, такъ!.. Математикѣ онъ, говорятъ, у самого Лагранжа учился!.. Какой случай разъ вышелъ!.. Онъ церковь у себя въ приходѣ самъ строилъ, только архитекторъ пріѣзжаетъ въ это село и говоритъ: «Нельзя этого свода строить, не выдержитъ!» Александръ Иванычъ и поддѣлъ его на этомъ. «Почему, говоритъ, докажите мнѣ это по вычисленіямъ?»—а чтобы вычислить это, надо знать дифференціалы и интегралы; архитекторъ этого, разумѣется, не сумѣлъ сдѣлать, а Александръ Иванычъ взялъ листъ бумаги и вычислилъ ему; оказалось, что сводъ выдержитъ, и, дѣйствительно, до сихъ поръ стоитъ, какъ литой.

— Все это можетъ быть,—возразилъ Вихровъ:—но все-таки сочиненія его плоховаты.

— Плоховаты-то плоховаты, понять не могу — отчего?— произнесъ и Живинъ какъ бы съ нѣкоторою грустью.

— А что онъ про нынѣшнюю литературу говоритъ; не колачивалъ онъ тебя за любовь къ ней?

— Почти-что, братъ, колачивалъ; разъ ночью выгналъ совсѣмъ отъ себя, и ночевать, говоритъ, не оставайтесь! Я такъ темной ночью и уѣхалъ!

— Что же онъ собственно говоритъ?—спрашивалъ Вихровъ.

— «Мужики, говоритъ, всѣ нынѣшніе писатели, необразованные всѣ, говоритъ, *худородные!..*» Знаешь, это его выраженіе... Я, признаться сказать, повѣдалъ ему, что и ты пишешь, сочинителемъ хочешь быть!

— Что же онъ?—спросилъ Вихровъ, немного покраснѣвъ въ лицѣ.

— Да ничего особеннаго не говорилъ, смѣется только; разныя этакія остроты свои говоритъ.

— Какія же именно, скажи, пожалуйста?

— Ну да, знаешь, вотъ эту эпиграмму, что Левъ Пушкинъ, кажется, написалъ: что какой вотъ стихотворецъ былъ? «А сколько ему лѣтъ?» — спрашивалъ Фебъ. — «Ему пятнадцать лѣтъ»,—Эрата отвѣчаетъ.—«Пятнадцать только лѣтъ, не болѣе того,—такъ розгами его!»

— Какія жъ мнѣ къ чорту пятнадцать лѣтъ?—воскликнулъ Вихровъ.

— Ну да поди ты, а ему ты все еще, видно, мальчикомъ представляешься.

Въ Петровъ день друзья наши дѣйствительно, поѣхали въ

Семеновское, которое показалось Вихрову совершенно такимъ же, какъ и было, только постарѣло еще больше, и нѣкоторыя строенія его почти совершенно развалились. Такъ же ихъ на крыльцѣ встрѣтили любимцы Александра Иваныча, только нѣсколько понарядніе одѣтые. Самъ онъ, въ той же, кажется, черкескѣ и въ синенькихъ брючкахъ съ позументовыми лампасами, сидѣлъ на томъ же мѣстѣ у окна и курилъ длинную трубку. Бесѣдовалъ съ нимъ на этотъ разъ ужъ не одинъ священникъ, а цѣлый причтъ, и сверхъ того былъ тутъ же и Добровъ, который Вихрову ужасно обрадовался.

— Ты развѣ знакомъ съ генераломъ?—спросилъ его тотъ, проходя мимо его.

— Какъ же, благодѣтель тоже!—отвѣчалъ Добровъ:—а когда я пилъ, такъ и пріятели мы между собой были.

— Гордый сосѣдъ, гордый-съ!—повторялъ Александръ Иванычъ, встрѣчая Вихрова:—ну, и нельзя, впрочемъ, сочинитель вѣдь!—прибавилъ онъ, обращаясь къ Живину и дружески пожимая ему руку.

— Прошу прислушать однако,—сказалъ онъ, усадивъ гостей:—ну, святій отче, разсказывайте!—прибавилъ онъ, относясь къ священнику.

— Несчастіе великое посѣтило нашъ губернскій градъ,—началъ тотъ какимъ-то сильно-протяжнымъ голосомъ:—5 числа показалось пламя на Калужской улицѣ и тѣмъ же самымъ часомъ на Сергіевской улицѣ, версты полторы отъ Клушинской отстоящей, такъ что пожарные недоумѣвали, гдѣ имъ дѣйствовать; пламя пожрало обѣ сіи улицы, многіе храмы и монастыри.

— Mon Dieu, mon Dieu!—воскликнулъ Коптинъ, закатывая вверхъ свои глаза и какъ бы живо себѣ представляя страшную картину разрушенія.

— Что же это, поджогъ?—спросилъ Живинъ.

— Надо-быть,—отвѣчалъ священникъ:—потому что слѣдующее, шестое число вспыхнулъ пожаръ уже въ мѣстахъ пяти и вездѣ одновременно, такъ что жители стали всѣ взволнованы тѣмъ: лавки закрылись, хлѣбники даже перестали хлѣбы печь, бѣдные погорѣлые жители выселялись на поле, около града, на дождь и на вѣтеръ, не имѣя ни пищи ни одѣянія!

— О, mon Dieu, mon Dieu! — повторилъ еще разъ Александръ Иванычъ, совѣмъ уже закидывая голову назадъ.

— Но кто же поджигаетъ, если это поджоги? — спросилъ Вихровъ.

— Мнѣніе народа сначала было такое, что аки бы гарнизонные солдаты, такъ какъ они и до того еще времени во-

ровства много производили и убійство даже дѣлали!.. А послѣ слухъ въ народѣ прошелъ, что это поляки, живущіе въ нашей губерніи и злобствующіе противъ Россіи.

— Но позвольте, поляки всѣ извѣстны тамъ наперечетъ! — возразилъ Вихровъ.

— Всѣ извѣстны-съ,—отвѣчалъ священникъ:—и прямо такъ говорили многіе, что къ одному изъ нихъ, весьма почтенному лицу, пріѣзжалъ ксендзъ и увѣщевалъ свою паству, чтобы она камня на камнѣ въ семъ градѣ не оставила!

— Да зачѣмъ же именно въ этомъ градѣ? — спросилъ Вихровъ.

— Такъ какъ градъ сей знаменитъ многими избіеніями поляковъ.

— Прекрасно-съ, но кто же слышалъ, что ксендзъ именно такимъ образомъ увѣщевалъ?—спросилъ опять Вихровъ.

— Сего лица захваченные мальчикъ и горничная,—отвѣчалъ священникъ.

— Стало-быть, и слѣдствіе уже объ этомъ идетъ? — спросилъ Живинъ.

— Строжайшее. Сіе почтенное лицо, также и семейство его уже посажены въ острогъ, такъ какъ отъ господина губернатора стало требовать того дворянство, а также небезопасно было оставлять ихъ въ домѣ и отъ простого народу, ибо чернь была крайне раздражена и могла бы ихъ живыхъ растерзать на части.

— Но, извините меня,—перебилъ Вихровъ священника:— все это только варварство наше показываетъ; дворянство наше, я знаю, что это такое,—вѣроятно, два-три крикуна сказали,— а остальные всѣ сейчасъ за нимъ пошли; нашъ народъ тоже: это звѣрь разъяренный, его на кого хочешь напусти.

— Нѣтъ-съ, — возразилъ священникъ: — это не то, чтобы мысль или мнѣніе одного человѣка была, а такъ какъ-то въ душѣ каждый какъ бы подумалъ, что поляки это дѣлаютъ!

— Но вы сами согласитесь, что нельзя же по одному ощущенію, хоть бы оно даже и массѣ принадлежало, кидать людей въ темницу, съ семействомъ, въ числѣ которыхъ, вѣроятно, есть и женщины.

— Дщерь его главнымъ образомъ и подозрѣваютъ, — объяснилъ священникъ:—и когда теперича ее на допросъ поведутъ по улицамъ, то народъ каменьями и грязью въ нее кидаетъ, и солдаты ее скрываютъ ее.

— Это еще большее варварство—кидать въ женщину грязью, неизвѣстно еще, виновную ли; и отчего же начальство въ каретѣ ея не возитъ, чтобы не предавать ея по крайней мѣрѣ

публичному поруганію? Все это, опять повторяю, показываетъ одну только страшную дикость нравовъ,—горячился Вихровъ.

Александръ Иванычъ, съ начала еще этого разговора вставшій и все ходившій по комнатѣ и нѣсколько уже разъ подходившій къ закускѣ и выпивавшій по своей четверть рюмочкѣ, на послѣднихъ словахъ Павла вдругъ остановился передъ нимъ и, сложивъ руки на груди, началъ съ дрожащими отъ гнѣва губами:

— Какъ же вы, милостивый государь, будучи русскимъ, будучи туземцемъ здѣшнимъ, позволяете себѣ говорить, что это варварство, когда какого-то тамъ негодяя и его дочеренку посадили въ острогъ, а это не варварство, что господа поляки выжгли весь вашъ родной городъ?

— Но это, Александръ Иванычъ, надобно еще доказать, что они выжгли!—возразилъ нѣсколько сконфуженный Вихровъ,

— Доказано-съ это, доказано! — кричалъ Александръ Иванычъ:—горничная ихъ, мальчишка ихъ показывали, что ксендзъ ихъ заставлялъ жечь! Чего жъ вамъ еще больше, какихъ доказательствъ еще надобно русскому?

— Русскій ли бы я былъ или не русскій, но мнѣ всегда и всего важнѣе правда! — возразилъ Вихровъ, весьма недовольный этимъ затѣявшимся споромъ.

— А, вотъ онъ, университетъ! Вотъ онъ, я вижу, сидитъ въ этихъ словахъ!—кричалъ Александръ Иванычъ.— Это гуманность наша, нашъ космополитизмъ, которому все равно, свой или чужой очагъ. Поляки, сударь, вторгались всегда въ нашу исторію: заводилась ли крамола въ царскомъ родѣ,—они тутъ; шелъ ли непріятель страшный, грозный, потрясавшій всѣ основы народнаго зданія нашего,—они въ переднихъ рядахъ у него были.

— Ну, и отъ насъ имъ, Александръ Иванычъ, доставалось порядкомъ,—замѣтилъ съ улыбкою Павелъ.

— Да вы-то не смѣете этого говорить, понимаете вы. Вашъ университетъ поэтому, внушившій вамъ такія понятія, предатель! И вы предатель, не правительства вашего, вы хуже того, вы предатель всего русскаго народа, вы измѣнникъ всѣмъ нашимъ инстинктамъ народнымъ.

— Ну нѣтъ, Александръ Иванычъ,—воскликнулъ въ свою очередь Вихровъ, вставая тоже со своего стула:—я гораздо больше вашего русскій, во мнѣ гораздо больше инстинктовъ русскихъ, чѣмъ въ васъ, ужъ по одному тому, что вы, по вашему воспитанію, совершенный французъ.

— Я докажу вамъ, милостивый государь, и сегодня же докажу, какой я французъ,—кричалъ Коптинъ и вслѣдъ затѣмъ

подбѣжалъ къ иконѣ, ударилъ себя въ грудь и воскликнулъ:— Царица небесная! Накажи вотъ этого господина за то, что онъ меня не русскимъ называетъ! — говорилъ онъ, указывая на Вихрова, и потомъ, видимо утомившись, утеръ себѣ лобъ и убѣжалъ къ себѣ въ спальню, все однако съ азартомъ повторяя:—я не русскій, я французъ!

Вихровъ, въ свою очередь, тоже сильно разсердился.

— Чортъ знаетъ, зачѣмъ я пріѣхалъ сюда!—говорилъ онъ съ волненіемъ, ходя по комнатѣ.

— Да вы не безпокойтесь! Онъ со всѣми такъ споритъ,—успокоивалъ его священникъ.

— И со мною часто это бывало, — подхватилъ Живинъ, давно уже мучившійся, что завезъ пріятеля въ такіе гости.

— Въ головѣ у него, видно, шпилька сидитъ порядочная; чай, съ утра началъ прикладываться,— замѣтилъ Добровъ.

— Съ вечера еще вчерашняго,—прибавилъ къ этому священникъ на эти слова.

Александръ Ивановичъ снова вышелъ изъ своего кабинета.

— Я вамъ покажу сегодня, какой я не русскій, — проговорилъ онъ Вихрову, но ужъ не столько гнѣвно, сколько съ лукавой улыбкою. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовалъ обѣдъ: любимцы-лакеи Александра Ивановича были всѣ сильно выпивши. Сѣли за столъ: самъ генералъ на первомъ мѣстѣ, потомъ Вихровъ и Живинъ и все духовенство, и даже Добровъ.

Александръ Ивановичъ тотчасъ обратился къ нему.

— Отчего ты, отверженецъ, водки не выпилъ?

— Не пью, ваше превосходительство, два года третій,— отвѣчалъ Добровъ, но обыкновенію вставая на ноги.

— Ну, а у меня ты долженъ выпить, долженъ, — сказалъ Александръ Ивановичъ.

— Не пью, ваше превосходительство,—повторилъ Добровъ, нѣсколько измѣнившись въ лицѣ.

— Я этого не знаю: пьешь ли ты или нѣтъ, а у меня ты долженъ выпить,—говорилъ свое Александръ Ивановичъ.

— Да выпей, братецъ, не умрешь отъ того, — замѣтилъ Доброву священникъ.

— Да извольте,—отвѣчалъ какимъ-то страннымъ голосомъ Добровъ и выпилъ рюмку.

— Смотрите, не закутите, Добровъ,—сказалъ ему Вихровъ.

— Словно бы нѣтъ,—отвѣчалъ Добровъ, утирая губы себѣ и видимо получившій безконечное наслажденіе отъ выпитой рюмки.

— Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ,— замѣтилъ Александръ Ивановичъ:—когда онъ у васъ, вы мо-

жете не совѣтовать ему пить, а когда онъ у меня, я совѣтую ему, ибо когда мы съ нимъ пить не станемъ, то лопнетъ здѣшній откупщикъ.

Добровъ между тѣмъ ужъ безъ приглашенія выпилъ и другую рюмку и началъ жадно ѣсть.

Самъ Александръ Ивановичъ продолжалъ пить по своей четверть рюмочкѣ и ничего почти не ѣлъ, а вмѣсто того курилъ въ продолженіе всего обѣда. Когда вышли изъ-за стола, онъ обратился къ Вихрову и проговорилъ:

— Я вотъ вамъ сейчасъ покажу, какой я не русскій. Коляску и верховыхъ!—крикнулъ онъ людямъ.

Тѣ проворно побѣжали, и черезъ какія-нибудь четверть часа коляска была подана къ крыльцу. Въ нее было запряжено четыре худощавыхъ, но, должно-быть, чрезвычайно шустрыхъ коней. Человѣкъ пять людей, одѣтыхъ въ черкесскіе чапаны и съ нагайками, окружали ее. Александръ Ивановичъ заставилъ сѣсть рядомъ съ собою Вихрова, а напротивъ Живина и Доброва. Послѣдній что-то очень ужъ облизывался.

— Куда же это мы?—спросилъ Вихровъ.

— Къ мужикамъ моимъ на праздникъ,—отвѣчалъ Александръ Ивановичъ, лукаво посматривая на него, и затѣмъ крикнулъ кучеру:—пошелъ!

Сразу же все это понеслось: черкесы, коляска; воротца какъ-то мгновенно распахивались черкесами. Была крутая гора, и подъ гору неслись маршъ-маршъ, потомъ мостикъ,— трахъ на немъ что-то такое! Это выскочили двѣ половицы... Живинъ сидѣлъ блѣдный; Вихрову тоже такая ѣзда не совсѣмъ нравилась, и она только была пріятна Доброву, явно уже подпившему, и самому Александру Ивановичу, сидѣвшему въ коляскѣ развалясь и только по временамъ покрякивающему: «пошелъ!». Кучеръ летѣлъ. У черкесовъ лошади, вѣроятно, всѣ пріѣзжанныя по черкесской модѣ, драли головы вверхъ. Такимъ образомъ пріѣхали въ одну деревню, въ которой, видно, былъ годовой праздникъ. По срединѣ улицы стояли дѣвки и бабы въ нарядныхъ, у кого какіе были, сарафанахъ; на завалинкахъ сидѣли старики и старухи. Когда наша орда влетѣла въ деревню, старики и старухи поднялись со своихъ мѣстъ, а молодые съ замѣтнымъ любопытствомъ глядѣли на пріѣзжихъ, и всѣ они съ видимымъ удовольствіемъ на лицахъ кланялись Александру Ивановичу.

— Къ тебѣ, Евсевій Матвѣичъ, къ тебѣ въ гости!—крикнулъ онъ одному мужику, нарядпѣе другихъ одѣтому.

— Милости просимъ, ваше превосходительство,—отвѣчалъ тотъ, показывая рукою на избу, тоже покрасивѣе другихъ.

Всѣ вошли въ нее. Добровъ очень нѣжничалъ съ Александромъ Ивановичемъ. Онъ даже поддерживалъ его подъ руку, когда тотъ всходилъ на крыльцо. Всѣ усѣлись въ передній уголъ передъ столомъ. Прибѣжавшая откуда-то впопыхахъ старуха-хозяйка сейчасъ же стала ставить на столъ водку, пироги, орѣхи, изюмъ... Александръ Ивановичъ началъ сейчасъ же пить свои четверть рюмочки, но Вихровъ и Живинъ отказались.

Тогда Александръ Ивановичъ посмотрѣлъ какъ-то мрачно на Доброва и проговорилъ ему: «Пей ты!». Тотъ послушался и выпилъ. Александръ Ивановичъ, склонивъ голову, сталъ разговаривать съ стоявшимъ передъ нимъ на ногахъ хозяиномъ.

— Какъ ваше здравіе и благодѣяніе?—спрашивалъ онъ его.

— Слава Богу, ваше превосходительство.

— Такъ-съ; очень это хорошо, а здоровы ли ваши дочь и падчерица?

— Что имъ, дурамъ, дѣлается, гуляютъ вонъ по улицѣ!— отвѣчалъ мужикъ.

— Пожалуйте, сударыня, пожалуйте, выпьемте вмѣстѣ,— говорилъ Александръ Ивановичъ все прятавшейся хозяйкѣ.

Та вышла и была совершенно красная; она сама тоже была сильно выпивши.

— Кушайте, сударь, сами на здоровье,—отвѣчала та.

— Нѣтъ, я тебя напередъ угощу,—отвѣчалъ Александръ Ивановичъ и, наливъ рюмку водки, своими руками влилъ ее въ ротъ бабѣ.

Та притворилась, что будто бы сй крѣпко очень, и отплевывалась въ разныя стороны. Точно такъ же Александръ Ивановичъ заставилъ выпить и хозяина.

Добровъ, который пилъ безъ всякихъ уже приглашеній, сталъ даже кричать: «Я гуляю, да и баста — вотъ что!» Вихровъ едва выдерживалъ все это, тѣмъ болѣе, что Коптинъ видимо старался говорить ему дерзости.

— Такъ вы писатель,—говорилъ онъ, угостивъ хозяина и хозяйку и обращаясь къ Вихрову:—вы писатель?

— Пока еще нѣтъ,—возражалъ сердито Вихровъ.

— Михаила Поликарпыча сынъ писатель! — продолжалъ какъ бы самъ съ собою Александръ Ивановичъ.

— Къ чему же тутъ Михаилъ Поликарпычъ?—спрашивалъ его Вихровъ.

— Михаила Поликарпыча сынъ писатель! — продолжалъ только Александръ Ивановичъ, не отвѣчая на его вопросъ.

Павелъ наконецъ рѣшился лучше не слушать его.

— Пойдемте на улицу, я вамъ покажу, какой я французъ!.. какой я французъ! — говорилъ Александръ Ивановичъ, все болѣе и болѣе пьянѣя.

Всѣ однако вышли за нимъ на улицу.

— Ну, дѣти, сюда! — закричалъ Александръ Ивановичъ, и къ нему сейчасъ же сбѣжались всѣ ребятишки, бабы, дѣвки и даже мужики; онъ началъ кидать имъ деньги, сначала мѣдныя, потомъ серебряныя, наконецъ бумажки. Всѣ стали ихъ ловить, затѣялась даже драка, ревъ, а онъ кричалъ между тѣмъ:

— Цыцъ, стройно, стройно ловить! Вотъ я французъ какой!

Вихровъ, къ величайшему своему удовольствію, увидалъ, что его собственный экипажъ въѣзжалъ въ деревню.

Благоразумный Петръ самъ ужъ этимъ распорядился, зная по слухамъ, что съ Коптинымъ рѣдко кто изъ гостей, кто поѣдетъ съ нимъ, пріѣзжалъ назадъ: либо онъ броситъ гостя, либо тотъ самъ уѣдетъ отъ него.

Вихровъ мигнулъ Живину, и они, пока не замѣтилъ Александръ Ивановичъ, сѣли въ экипажъ и велѣли Петру какъ можно скорѣе уѣзжать изъ деревни.

А Добровъ ходилъ между тѣмъ по разнымъ избамъ и, вездѣ вышивая, кричалъ на всю улицу какимъ-то ужъ нечленораздѣльнымъ голосомъ. На другой день его нашли въ одномъ ручьѣ мертвымъ; сначала его видѣли ѣхавшимъ съ Александромъ Ивановичемъ въ коляскѣ и цѣловавшимся съ нимъ, потомъ онъ брелъ черезъ одно селеніе уже одинъ-одинехонекъ и мертвецки-пьяный наконецъ очутился въ бочагѣ.

XVI.

Умный докторъ.

Въ настоящей главѣ моей я попрошу читателя перенести свое вниманіе къ нѣкоторымъ другимъ лицамъ моего романа. Эйсмонды только-что возвратились изъ-за границы послѣ двухлѣтняго почти пребыванія тамъ и оставались пока въ отелѣ Демута. Мари съ сынкомъ занимала одинъ большой номеръ, а генералъ помѣщался рядомъ съ ними въ нѣсколько меньшемъ отдѣленіи. Они успѣли уже, впрочемъ, повидаться со всѣми своими знакомыми, и наконецъ Мари написала, между прочимъ, записку и къ своему петербургскому врачу, которою извѣщала его, чтобъ онъ какъ-нибудь повидался съ ними. Докторъ Ришаръ былъ уже мужчина пожилыхъ лѣтъ, но еще съ совершенно черной головой и бакенбардами; онъ называлъ

себя французомъ, но въ самомъ дѣлѣ, кажется, былъ жидъ; говорилъ онъ не совсѣмъ правильно по-русски, но всегда умно и плавно. Въ Петербургѣ онъ былъ больше извѣстенъ, какъ врачъ духа, чѣмъ врачъ тѣла, и потому, по преимуществу, лѣчилъ женщинъ, которыхъ самъ очень любилъ и зналъ ихъ и понималъ до тонкости. Мари онъ еще прежде, передъ поѣздкой ея за границу, оказалъ услугу. Генералъ пригласилъ его, чтобы посовѣтоваться съ нимъ: необходимо ли женѣ ѣхать за границу или нѣтъ, а Мари въ это время сама окончательно уже рѣшила, что непремѣнно поѣдетъ. Ришаръ хотя и видѣлъ, что она была совершенно здорова, тѣмъ не менѣе сейчасъ же понялъ задушевное желаніе своей паціентки и голосомъ, не допускающимъ ни малѣйшаго возраженія, произнесъ:

— Разумѣется, за границу, что жъ тутъ больше дѣлать!

Мари поблагодарила его за это только взглядомъ.

При отъѣздѣ m-me Эйсмондъ, Ришаръ далъ ей письмо къ одному своему другу, берлинскому врачу, котораго прямо просилъ посовѣтовать этой дамѣ пользоваться, гдѣ только она сама пожелаетъ и въ какой только угодно ей мѣстности. Ришаръ предполагалъ, что Мари стремится къ какому-нибудь предмету своей привязанности за границу. Онъ очень хорошо и очень ужъ давно видѣлъ и понималъ, что m-r Эйсмондъ и m-me Эйсмондъ были, какъ онъ выражался, безъ взаимнаго нравственнаго сродства, такъ какъ одна была женщина умная, а другой былъ мужчина глупый.

Пока Эйсмонды были за границей, Ришаръ довольно часто получалъ объ нихъ извѣстія отъ своего берлинскаго друга, который въ послѣднемъ письмѣ своемъ, на вопросъ Ришара: что, нашла ли m-me Эйсмондъ какое-нибудь себѣ облегченіе и развлеченіе въ путешествіи,—отвѣчалъ, что нѣтъ, и что, напротивъ, она страдаетъ, и что главная причина ея страданій—это почти явное отвращеніе къ ея мужу, такъ что она малѣйшей ласки его боится. Прочитавъ это извѣстіе, Ришаръ улыбнулся самодовольно. Онъ много и часто имѣлъ такіе случаи въ своей петербургской практикѣ и зналъ, какъ тутъ поступать.

Получивъ отъ Мари пригласительную записку, онъ на другой же день и съ удовольствіемъ поѣхалъ къ ней.

Когда онъ входилъ въ комнату Мари, она въ это время внимательно писала какое-то письмо, которое, при его приходѣ, сейчасъ же поспѣшила спрятать.

— О,—сказалъ докторъ, беря ее за руку и всматриваясь въ ея лицо:—вы мало же поправились за границей, мало!

— Да, мнѣ все нездоровилось,—отвѣчала Мари.

Затѣмъ они усѣлись. Докторъ продолжалъ внимательно смотрѣть въ глаза Мари.

— Если человѣкъ хочетъ себя мучить нравственно, — началъ онъ протяжно и съ удареніемъ: — то никакой воздухъ, никакая діэтика, никакая медицина ему не поможетъ...

Проговоря это, Ришаръ на нѣкоторое время остановился, какъ бы ожидая, что не скажетъ ли что-нибудь сама Мари, но она молчала.

— А если этотъ человѣкъ и открыть не хочетъ никому причины своего горя, то его можно считать почти неизлѣчимымъ, — заключилъ Ришаръ и мотнулъ Мари съ укоромъ головой.

— Какую же сказать причину, когда у меня ея никакой нѣтъ! — отвѣчала та и какъ-то при этомъ саркастически улыбнулась.

— Одна ваша теперешняя улыбка говоритъ, что она сама у васъ есть! — подхватилъ докторъ.

Мари почти сердито отвернулась отъ него и стала смотрѣть въ окно на улицу.

Докторъ однако не сробѣлъ отъ этого и только нѣсколько перемѣнилъ предметъ разговора.

— А Евгеній Петровичъ здоровъ? — спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Здоровъ, — отвѣчала Мари какъ-то односложно: — онъ тамъ у себя въ номерѣ, — прибавила она, показывая на сосѣднюю комнату.

Докторъ взглянулъ по направленію ея руки и потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія, опять протяжно и почти вполголоса прибавилъ:

— А что, у васъ съ нимъ нѣтъ никакихъ непріятностей?

Мари при этомъ невольно взмахнула на Ришара глазами.

— Какія же у меня могутъ съ нимъ быть особенныя непріятности?—произнесла она и постаралась засмѣяться.

Докторъ ничего ей на это не сказалъ, а только поднялъ вверхъ свои черныя брови и думалъ: врядъ ли онъ не соображалъ въ эти минуты, съ какой бы еще стороны тронуть эту даму, чтобы вызнать ея суть.

— Дайте мнѣ вашъ пульсъ,—сказалъ онъ вдругъ и, взявъ Мари за руку, долго держалъ ее въ своей рукѣ. — Пульсъ очень неровный, очень! Нервы ваши совершенно разбиты! — произнесъ онъ.

— У кого жъ нынче нервы не разбиты, у всѣхъ, я думаю, они разбиты, — сказала ему Мари.

— Ну! Все не въ такой степени!—возразилъ ей докторъ:—

но какъ же однако, вы намѣрены здѣсь хоть сколько-нибудь пользоваться отъ этого?

— Очень бы не желала,—возразила съ грустной усмѣшкой Мари: — развѣ ужъ когда совсѣмъ нехорошо сдѣлается!

— Нехорошо-то очень, пожалуй, и не сдѣлается! — возразилъ ей почти со вздохомъ докторъ: — но тутъ вотъ какая бѣда можетъ быть: если вы останетесь въ настоящемъ положеніи, то эти нервные припадки, конечно, по временамъ будутъ смягчаться, ожесточаться, но все-таки ничего, — люди отъ этого не умираютъ; но сохрани же васъ Богъ, если вамъ будетъ угрожать необходимость сдѣлаться матерью, то я тогда не отвѣчаю ни за что.

Мари вся покраснѣла въ лицѣ и слушала доктора молча.

— Болѣзнь ваша, — продолжалъ тотъ, откидываясь на задокъ кресель и протягивая при этомъ руки и ноги: — есть не что иное, какъ въ высшей степени развитая истерика, но если на вашъ организмъ возложена будетъ еще разъ обязанность дать жизнь новому существу, то это такъ, пожалуй, отзовется на вашу и безъ того уже пораженную нервную систему, что вы можете помѣшаться.

— Ну что жъ, и помѣшаюсь: помѣшанные, можетъ-быть, еще счастливѣе насъ, умныхъ, живутъ, — проговорила наконецъ она.

— То-то и есть, что еще *можетъ-быть*, и я опять вамъ повторяю, что серьезно этого опасаюсь, очень серьезно!

Мари молчала и видимо старалась сохранить совершенно спокойную позу, но лицо ея продолжало горѣть, и въ плечахъ она какъ-то вздрагивала.

Все это не увернулось, разумѣется, отъ глаза Ришара.

— А супругъ вашъ, надѣюсь, дома? — спросилъ онъ совершенно уже безпечнымъ тономъ.

— Дома, — отвѣчала Мари.

— Пойти къ нему побесѣдовать!.. Онъ въ сосѣдней комнатѣ?

— Да.

Докторъ ушелъ.

Мари нѣкоторое время оставалась въ прежнемъ положеніи, но какъ только раздались голоса въ номерѣ ея мужа, то она, какъ бы подъ вліяніемъ непреодолимой силы, проворно встала съ своего кресла, подошла къ двери, ведущей въ ту комнату, и приложила ухо къ замочной скважинѣ.

Докторъ и генералъ прежде всего очень дружелюбно между собой поздоровались и потомъ усѣлись другъ противъ друга.

— Такъ вотъ какъ-съ! — началъ докторъ первый.

— Да-съ, да! — отвѣчалъ ему генералъ.

— А супругѣ вашей не лучше, далеко не лучше,—продолжалъ Ришаръ.

— Хуже-съ, хуже! — подхватилъ на это генералъ: — воды эти разныя только перемутили ее! Даже на характеръ ея какъ-то очень дурно подѣйствовали, ужасно какъ стала раздражительна!

— Что жъ мудренаго!—подхватилъ докторъ:—главное дѣло тутъ, впрочемъ, не въ томъ! — продолжалъ онъ, вставая съ своего мѣста и начиная самымъ развязнымъ образомъ ходить по комнатѣ. — Вотъ я ей самой сейчасъ говорилъ, что ей надобно, какъ это ни печально обыкновенно для супруговъ бываетъ, надобно отказаться во всю жизнь имѣть дѣтей!

— Отчего же? — спросилъ генералъ больше съ любопытствомъ, чѣмъ съ удивленіемъ.

— А оттого, что она не вынесетъ этого и можетъ помѣшаться, — сказалъ докторъ.

— Господи, Боже мой! — воскликнулъ генералъ уже съ испугомъ.

— Это, кажется, послѣдствія ея первыхъ родовъ,—присовокупилъ докторъ уже глубокомысленнымъ тономъ.

— Можетъ быть, очень можетъ быть!—подхватилъ генералъ тѣмъ же перепуганнымъ голосомъ.

Затѣмъ докторъ опять сѣлъ, попросилъ у генерала сигару себѣ, закурилъ ее и, видимо, хотѣлъ поболтать кое-о-чемъ.

— Ну, какъ же, ваше превосходительство, вы проводили время за границей? — спросилъ онъ.

— Да какъ проводить-то? Все вотъ съ больной супругой и провозился!

— Будто ужъ все и съ больной супругой, будто ужъ? — спросилъ докторъ плутовато.

— Все больше съ ней, все!—отвѣчалъ генералъ не совсѣмъ рѣшительнымъ голосомъ.

— И не пошалили ни разу и нигдѣ? — спросилъ докторъ уже почти на ухо генерала.

— Да что жъ?—отвѣчалъ тотъ, ухмыляясь и разводя руками:—только и всего, что въ Парижѣ и Амстердамѣ!..

— Что жъ, по вашимъ лѣтамъ совершенно достаточно и этого,—подхватилъ докторъ совершенно серьезнѣйшимъ тономъ.

— Конечно!—согласился и генералъ:—только какихъ же и красоточекъ выискалъ — прелесть! — произнесъ генералъ, пожимая плечами и съ глазами, уже покрывшимися свѣтлой влагой.

— И здѣсь нынѣ стало чудо что такое, — проговорилъ докторъ.

— Ну, все, я думаю, не то!

— Лучше даже, говорятъ, лучше! — произнесъ докторъ.

— Дай-то Богъ! — произнесъ генералъ, какъ-то самодовольно поднимая усы вверхъ.

Докторъ между тѣмъ докурилъ сигару и сейчасъ же всталъ.

— Мнѣ однако пора! Шляпу я, кажется, у вашей супруги оставилъ!—проговорилъ онъ и проворно ушелъ.

Мари едва успѣла отойти отъ двери и сѣсть на свое мѣсто. Лицо ея было, попрежнему, взволновано, но не столь печально, и даже у ней на губахъ появилась какъ бы нѣсколько лукавая улыбка, которою она какъ бы говорила самой себѣ: «ну, докторъ!».

Тотъ вошелъ къ ней въ номеръ съ самымъ веселымъ лицомъ.

— А вашъ старичокъ такой же милый, какъ и былъ! — говорилъ онъ.

— Да, — произнесла Мари.

— Ну-съ, такъ прикажете иногда заѣзжать къ вамъ? — продолжалъ докторъ.

— Ахъ, непремѣнно и, пожалуйста, почаще! — воскликнула Мари, какъ бы спохватившись:—вотъ вы говорили, что я съ ума могу сойти, я и теперь какая-то совершенно растерянная и рѣшительно не сумѣла, что бы вамъ выбрать за границей для подарка; позвольте васъ просить, чтобы вы сами сдѣлали его себѣ! — заключила она и тотчасъ же съ поспѣшностью подошла, вынула изъ стола пачку ассигнацій и подала ее доктору: въ пачкѣ была тысяча рублей, что Ришаръ своей опытной рукой сейчасъ, кажется, и ощутилъ по осязанію.

— Ну, зачѣмъ же, что за вздоръ!—говорилъ онъ, покраснѣвъ даже немного въ лицѣ и въ то же время проворно и какъ бы съ полною внимательностью кладя себѣ въ задній карманъ деньги.

— Всѣ люди-съ,—заговорилъ онъ, какъ бы пустясь въ нѣкотораго рода разсужденія: — имѣютъ въ жизни свое назначеніе! Я въ молодости былъ посыланъ въ ваши степи калмыцкія. Тамъ у калмыковъ простой народъ — чернь имѣетъ предназначеніе въ жизни только размножаться, а высшіе классы ихъ, нойоны, напротивъ, развивать мысль, порядокъ въ обществѣ...

Мари слушала доктора и дѣлала видъ, что какъ будто бы совершенно не понимала его; тотъ же, какъ видно, убѣдившись, что онъ все сказалъ, что ему слѣдовало, раскланялся наконецъ и ушелъ.

Въ коридорѣ онъ, впрочемъ, встрѣтился съ генераломъ, шедшимъ къ женѣ, и еще разъ пошутилъ ему:

— А у насъ есть не хуже вашихъ амстердамскихъ.

— Не хуже?—спросилъ, улыбаясь всѣмъ ртомъ отъ удовольствія, генералъ.

— Не хуже-съ!—повторилъ докторъ.

Мари, какъ видно, былъ не очень пріятенъ приходъ мужа.

— Что жъ ты не идешь прогуляться?—почти сердито спросила она его.

— Да иду, я только поприфрантился немного!—отвѣчалъ генералъ, охорашиваясь передъ зеркаломъ: онъ въ самомъ дѣлѣ былъ въ новомъ съ иголочки вицмундирѣ и новыхъ эполетахъ. За границей Евгеній Петровичъ все время принужденъ былъ носить ненавистное ему статское платье и теперь былъ почти въ дѣтскомъ восторгѣ, что снова облекся въ военную форму.

— Adieu!—сказалъ онъ женѣ и, поправивъ окончательно хохолокъ своихъ волосъ, пошелъ блистать по Невскому.

Слова доктора далеко, кажется, не пропадали для генерала даромъ; онъ явно и съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ въ лицѣ сталъ заглядывать на всѣхъ молоденькихъ женщинъ, попадавшихся ему навстрѣчу, и даже нарочно зашелъ въ одну кондитерскую, въ окнахъ которой увидѣлъ хорошенькую француженку, и купилъ тамъ два фунта конфетъ, которыхъ ему совершенно не нужно было.

— Merci, m-lle!—сказалъ онъ француженкѣ самымъ кокетливымъ образомъ, принимая изъ ея рукъ конфеты. Не оставалось никакого сомнѣнія, что генералъ приготовлялся рѣзвиться въ Петербургѣ.

Мари, когда ушелъ мужъ, сейчасъ же принялась писать прежнее свое письмо: рука ея проворно бѣгала по бумагѣ: голубые глаза были внимательно устремлены на нее. По всему замѣтно было, что она писала теперь что-то такое очень дорогое и близкое ея сердцу.

Окончивъ письмо, она послала служителя взять себѣ карету и, когда та приведена была, она сейчасъ же сѣла и велѣла себя везти въ почтамтъ: тамъ она прошла въ отдѣленіе, гдѣ принимаютъ письма, и отдала чиновнику написанное ею письмо.

— А скажите, пожалуйста, оно непремѣнно дойдетъ по адресу?—спросила она его упрашивающимъ голосомъ.

— Непремѣнно-съ!—успокоилъ ее чиновникъ.

— Пожалуйста, чтобы дошло!—повторила еще разъ Мари.

На конвертѣ письма было написано: «Его высокоблагородію Павлу Михайловичу Вихрову—весьма нужное!»

XVII.

Городскіе хороводы.

Вихровъ продолжалъ хандрить и скучать о Фатѣевой... Живинъ всѣми силами души желалъ какъ-нибудь утѣшить его и съ этою цѣлью онъ старался уронить въ его глазахъ Клеопатру Петровну.

— Не знаю, братъ, что ты только въ ней особенно хорошее нашелъ,—говорилъ онъ.

— Да хоть то,—отвѣчалъ Вихровъ:—что она искренно и нелицемѣрно меня любила.

— Ну,—произнесъ съ удареніемъ Живинъ:—это еще подъ сомнѣніемъ... я только тебѣ говорить не хочу.

— Нѣтъ, если ты знаешь что-нибудь, ты долженъ говорить!—произнесъ настойчиво Вихровъ.

— Знаю я то, — началъ въ свою очередь съ нѣкоторымъ ожесточеніемъ Живинъ:—что когда разошелся слухъ о твоихъ отношеніяхъ съ нею, такъ этотъ молодой докторъ прямо говорилъ всѣмъ: «что жъ,—говоритъ:—она и со мной цѣловалась, когда я лѣчилъ ея мужа»: чѣмъ же это объяснить, какимъ чувствомъ или порывомъ?

Вихровъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Я рѣшительно ее ни въ чемъ не могу винить,—началъ онъ неторопливо:—она продуктъ нашего женскаго воспитанія, она не личный характеръ, а типъ.

Живинъ не возражалъ уже: онъ очень любилъ, когда пріятель его начиналъ разсуждать и философствовать.

— По натурѣ своей,—продолжалъ Вихровъ:—это женщина страстная, дѣятельная, но ее рѣшительно не научили ничему, какъ только любить, или, лучше сказать, вести любовь съ мужчиной. Въ свѣтъ она не ѣздитъ, потому что у насъ свѣта этого и нѣтъ, да и какая же неглупая женщина найдетъ себѣ въ этомъ удовольствіе; читать она, вслѣдствіе своего недовоспитанія, не любитъ и удовольствія въ томъ не находитъ; искусствъ, чтобы ими заняться, никакихъ не знаетъ; дѣтей у нея нѣтъ, къ хозяйству тоже не пріучена особенно!.. Что же ей остается послѣ этого дѣлать въ жизни?.. Одно: практиковаться въ извѣстныхъ отношеніяхъ съ мужчинами!

— Это такъ, вѣрно,—согласился Живинъ.

— Эти отношенія,—развивалъ Вихровъ далѣе свою мысль:—она, вѣроятно бы, поддержала всю жизнь съ однимъ мужчиной, но что же дѣлать, если случилось такъ, что она, напри-

мѣръ, полюбила мужа—вышелъ негодяй, она полюбила другого — тоже негодяй, третьяго—и тотъ негодяй.

— То-есть это и ты негодяй противъ нея? — спросилъ Живинъ.

— И я противъ нея негодяй. Такихъ женщинъ не одна она, а сотни, тысячи, и еще къ большему ихъ оправданію надобно сказать, что онѣ никогда не измѣняютъ первыя, а только ни минуты не остаются въ долгу, когда имъ измѣняютъ, именно потому, что имъ рѣшительно дѣлать нечего безъ любви къ мужчинѣ.

Живинъ очень хорошо понималъ, что огорченіе и озлобленіе говорило въ этомъ случаѣ устами пріятеля.

— Нѣтъ, братъ, не отъ души ты все это говоришь,—произнесъ онъ:—и если ты такъ во всемъ ее оправдываешь, ну такъ женись на ней, — прибавилъ онъ и сдѣлалъ лукавый взглядъ.

— И женился бы непремѣнно, если бы не думалъ посвятить себя литературѣ, ради которой никѣмъ и ничѣмъ не хочу себя связывать,—отвѣчалъ Вихровъ.

— А что, изъ Питера объ романѣ все еще нѣтъ ничего?— спросилъ Живинъ.

— Ни звука, ни строчки, — отвѣчалъ Вихровъ.

— Да ты, братецъ, написалъ бы кому-нибудь, чтобы справился тамъ; неужели у тебя никого нѣтъ знакомыхъ въ Петербургѣ? — говорилъ, почти горячась, Живинъ.

— Никого,—отвѣчалъ Вихровъ протяжно:—есть одна дама, которая недавно пріѣхала въ Петербургъ... нѣкто m-me Эйсмондъ.

— Это та, о которой ты мнѣ разсказывалъ?

— Да, и я отъ нея получилъ вотъ письмо.

И Вихровъ съ этими словами досталъ изъ письменнаго стола письмо и началъ его читать Живину:

«Мой добрый Поль!

«По возвращеніи изъ-за границы, первымъ моимъ желаніемъ было узнать, гдѣ ты и что подѣлываешь, но отъ кого было это провѣдать, рѣшительно недоумѣвала. Къ счастію, къ намъ пріѣхалъ одинъ нашъ общій знакомый: полковникъ Абреевъ. Онъ, между прочимъ, разсказалъ, что ты у него купилъ имѣніе и теперь живешь въ этомъ имѣніи; меня, признаюсь, огорчило это извѣстіе до глубины души. Неужели ты, съ твоимъ умомъ, съ твоимъ образованіемъ, съ твоимъ взглядомъ на вещи, желаешь погребсти себя въ нашей ужасной провинціи? Припомни, напримѣръ, Еспера Иваныча, который погубилъ даже здоровье жизнью своею въ захолустьѣ. Или,

можетъ-быть, тебя привязываетъ къ деревнѣ близость извѣстной особы? Я тебя, по старой нашей дружбѣ, хочу предостеречь въ этомъ случаѣ: особа эта очень милая и прелестная женщина, когда держишься нѣсколько вдали отъ нея, но врядъ ли она будетъ такая, когда сдѣлается чьей бы то ни было женою: у ней, какъ у Януса, два лица: одно очень доброе и любящее, а другое построже и посердитѣй. Все это я тебѣ говорю по непритворному желанію тебѣ счастья и успѣховъ въ жизни и молю Бога объ одномъ, чтобы ты вышелъ на свойственную тебѣ стезю. Глубоко и искренно тебѣ преданная и любящая».

— Вотъ этой-то госпожѣ я и думаю написать,—заключилъ Вихровъ:—тѣмъ болѣе, что она и прежде всегда ободряла во мнѣ стремленіе быть ученымъ и литераторомъ.

— Напиши!.. Кромѣ того по письму-то видно, что она и неравнодушна къ тебѣ.

— Вотъ вздоръ какой!

— Кажется, неравнодушна, — повторилъ Живинъ: — ты однако Кергелю говорилъ, что ужо пріѣдешь къ намъ въ городъ на хороводы.

— Непремѣнно.

— И мы такъ, значитъ, сдѣлаемъ: прежде всего въ погребокъ; тамъ потолкуемъ и выпьемъ!

— Выпьемъ и потолкуемъ! — согласился Вихровъ: онъ послѣднее время все чаще и чаще сталъ предаваться этого рода развлеченію съ пріятелями. Тѣ дѣлали это больше по привычкѣ, а онъ—съ горя, въ которомъ большую роль играла печаль о Фатѣевой, а еще больше того—то, что изъ Петербурга не было никакого извѣстія объ его произведеніяхъ.

По отъѣздѣ пріятеля, Вихровъ нѣсколько времени ходилъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ и сталъ писать письмо Мари, въ которомъ извѣщалъ ее, что съ извѣстной особой онъ даже не видится, такъ какъ между ними все уже покончено; а потомъ, описавъ ей, чѣмъ онъ былъ занятъ послѣднее время, умолялъ ее справиться, какая участь постигла его произведенія въ редакціи. Къ письму этому онъ приложилъ самыя рукописи романа и повѣсти, прося Мари прочесть и сказать ему свое откровеннее мнѣніе объ его твореніяхъ. Отправивъ все это въ городѣ на почту, Вихровъ поѣхалъ затѣмъ въ погребокъ, который состоялъ всего изъ одной только маленькой и грязной комнатки, но тѣмъ не менѣе пользовался большою извѣстностью во всемъ уѣздѣ: не было, я думаю, ни одного чиновника, ни одного помѣщика, который бы хоть разъ въ жизни не пивалъ въ этомъ погребкѣ, въ которомъ и устроено

было все такъ, что ничего другого нельзя было дѣлать, какъ только пить: сидѣть можно было только около единственнаго стола, на которомъ всегда обыкновенно пили, и съѣсть чего-нибудь можно было достать такого, что возбуждаетъ жажду пить, каковы: селедка, икра... Для нашихъ друзей хозяинъ простеръ свою любезность до того, что въ своемъ собственномъ самоварѣ приготовлялъ имъ глинтвейнъ, которымъ они въ настоящее время замѣнили жженку, такъ какъ съ нимъ было меньше возни и онъ не такъ былъ притороненъ. Кергель и Живинъ сидѣли уже передъ единственнымъ столомъ въ погребѣ, когда Вихровъ вошелъ къ нимъ.

— Самоваръ! — крикнулъ сейчасъ же Кергель.

Самоваръ, съ приготовленнымъ въ немъ глинтвейномъ, внесъ самъ хозяинъ. Вихровъ сѣлъ на пустое мѣсто передъ столомъ: лицо у него въ одно и то же время было грустное и озлобленное.

— Я сегодня хочу пить много! — сказалъ онъ.

Сколько угодно, душа моя, сколько угодно! — отвѣчалъ Кергель, разливая глинтвейнъ по стаканамъ.

Вихровъ залпомъ выпилъ свой стаканъ.

Ну-съ, такъ вы намъ сегодня устроите рандеву,—обратился онъ съ развязнымъ видомъ къ Кергелю.

— Постараюсь отъ всей души! — отвѣчалъ тотъ, пожимая плечами.

— Непремѣнно долженъ устроить,—подхватилъ и Живинъ.

Онъ думалъ, что это все-таки поразвеселитъ Павла.

— Строго здѣсь ужасно, ужасъ какъ строго!—воскликнулъ Кергель:—я вотъ лѣтъ десять бьюсь тутъ, ничего путнаго не могу достать.

— Безъ отговорокъ; вы вѣдь обѣщали. — повторилъ Вихровъ.

— Постараюсь,—повторилъ еще разъ Кергель.—Ну, однако пора, — сказалъ онъ: — солнце уже садится.

Самоваръ между тѣмъ весь до дна былъ конченъ. Пріятели выпили по крайней мѣрѣ стакана по четыре крѣпчайшаго глинтвейна и вышли изъ погребка, немного пошатываясь. Взявшись всѣ трое подъ руку, пошли они по городу, а экипажамъ своимъ велѣли ѣхать сзади себя. Цѣль, куда собственно они стремились, были хороводы, которые водили на городскихъ валахъ мѣщанскія дѣвушки и молодыя женщины. Забава эта была весьма древняя и исполненная какого-то частью идолопоклонническаго, а частью и азіатскаго характера. Дѣвушки и молодыя женщины выходили на гулянку въ своихъ шелковыхъ сарафанахъ, душегрѣйкахъ, въ бархат-

ныхъ и дородоровыхъ кичкахъ съ жемчужными подвизями, спускающимися иногда ниже глазъ, и кромѣ того у каждой изъ нихъ былъ еще вѣеръ въ рукахъ, которымъ онѣ и закрывали остальную часть лица. Всѣ онѣ, молодыя и немолодыя, красивыя и некрасивыя, были набѣлены и нарумянены и, ставъ въ кругъ, ходили и пѣли: «Ой, Дунай, ты, мой Дунай, сынъ Ивановичъ, Дунай!», или: «Ой, Дидъ Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!». Около этихъ хороводовъ ходили также и молодые парни изъ купцовъ и мѣщанъ, въ длинныхъ сюртукахъ своихъ и чуйкахъ. Нѣсколько поодаль отъ всего этого стояли обыкновенно семинаристы и молодые приказные. Въ настоящій день повторилось то же самое. Друзья наши, подойдя къ хороводамъ, стали невдалекѣ отъ приказныхъ. Солнце начинало уже садиться, хороводы все громче и громче начинали пѣть; между женщинами стали появляться и мужчины. Наконецъ потухла и заря, въ хороводахъ послышались крики и визги; подъ гору съ валовъ стали сбѣгать по двѣ, по три фигуры мужчинъ и женщинъ и пропадать затѣмъ въ дальнихъ оврагахъ. Видимо было, что все, что̀ совершается любовнаго и сердечнаго въ купеческомъ и мѣщанскомъ обществѣ, все это происходило на этихъ гульбищахъ. Здѣсь ни мать ни отецъ не могли досмотрѣть или остановить своей дочери, ни мужъ даже жены своей, потому что темно было: гуляй душа, какъ хочется!.. Кергель похвастался и обѣщалъ тутъ именно и добыть какую-нибудь любовь для Вихрова, и съ этой цѣлью всѣ они и стояли около хороводовъ часовъ до двѣнадцати. Кергель подходилъ то къ одному изъ нихъ, то къ другому, постоитъ, скажетъ нѣсколько словъ и отойдетъ.

— Ну, что̀ же? — спрашивалъ его Вихровъ насмѣшливо.

— Нѣтъ, нельзя тутъ, — отвѣчалъ Кергель и, отправляясь къ третьей группѣ, тамъ тоже постоитъ, а около нѣкоторыхъ не скажетъ даже ничего и отойдетъ.

— Я говорилъ, что ничего не добьешься, — бормоталъ онъ съ досадой.

— Какъ вы говорили, не добьетесь?.. Напротивъ, вы говорили, что добьетесь непремѣнно!—подтрунивалъ надъ нимъ Вихровъ.

— Ну, чортъ съ нимъ, съ его обѣщаніемъ, поѣдемте лучше ко мнѣ выпить! — произнесъ Живинъ.

— А мнѣ нельзя, господа, извините,—проговорилъ Кергель.

— Куда же вы? Къ барышнѣ, вѣрно, какой-нибудь ѣдете, стихи свои читать? — спросилъ его Вихровъ.

— Можетъ-быть, и заѣду еще куда-нибудь!—отвѣчалъ Кергель и сейчасъ же поспѣшилъ уѣхать: онъ очень, кажется, сконфузился, что не исполнилъ даннаго имъ обѣщанія.

— Ѣдемъ ко мнѣ, душа моя,—повторялъ все свое Живинъ.

— Но, другъ мой милый, — произнесъ Вихровъ: — я хочу любви!

— Тамъ увидимъ! — проговорилъ съ какимъ-то удареніемъ Живинъ.

Поѣхали.

На квартирѣ у Живина они сейчасъ же принялись пить водку, такъ какъ, по высокой честности его и недостаточности состоянія, у него никогда ничего кромѣ водки не было.

— У Кергеля этого, братъ, всегда фраза, вездѣ и во всемъ, а настоящаго дѣла нѣтъ!—говорилъ сильно уже подвыпившій Живинъ.

— А у тебя не фраза? — спросилъ его Вихровъ мрачно и тоже запинающимся нѣсколько языкомъ.

— Нѣтъ, не фраза, только знаешь что?—бросимъ, братъ, это, плюнемъ.

— Нѣтъ, не брошу!—возразилъ Вихровъ:—меня тутъ вотъ давитъ, душитъ; я хочу дѣлать всѣ гадости и всѣ мерзости! Видитъ Богъ, — продолжалъ онъ, ударяя себя въ грудь: — я рожденъ не для разврата и порока, а для дѣла, но какъ тутъ быть, если моего-то дѣла мнѣ и не даютъ дѣлать! Чиновникомъ я не родился, ученымъ не успѣлъ сдѣлаться, и прежде, когда я не зналъ еще, что у меня есть дарованіе, ну и чортъ со мной! — прожилъ бы какъ-нибудь вѣкъ; но теперь я знаю, что я хранитель и носитель этого священнаго огня,—и этого сознанія никто и ничто, самъ Богъ даже во мнѣ не уничтожитъ.

— Да ты и будешь писателемъ,—утѣшилъ его Живинъ.

— Но если же нѣтъ, если нѣтъ?!..—воскликнулъ Вихровъ со скрежетомъ зубовъ: — такъ вѣдь я убью себя, потому что жить какъ свинья, только ѣсть и спать, я не могу...

— Да кто же можетъ, кто?—толковалъ ему Живинъ:—всѣ мы и пьемъ оттого, что намъ дѣла настоящаго, хорошаго не даютъ дѣлать, — Ѣдемъ, чортъ возьми, коли ты желаешь того.

— Ѣдемъ! — повторилъ за нимъ мрачно и Вихровъ.

Они сначала проѣхали одну улицу, другую, потомъ взобрались на какую-то гору. Вихровъ видѣлъ, что проѣхали мимо какой-то церкви, спустились потомъ по косогору въ оврагъ и остановились передъ лачугой. Живинъ хоть былъ и не въ нормальномъ состояніи, но шелъ однако привычнымъ шагомъ. Вихровъ чувствовалъ только, что его ноги ступали по какимъ-то доскамъ, потомъ его кто-то стукнулъ дверью въ грудь, — потомъ они нѣсколько времени были въ совершенномъ мракѣ.

— Дарья! Дарья! — раздавался голосъ Живина; на этотъ зовъ въ сосѣдней комнатѣ шаркнули спичкой и замелькалъ огонекъ.

— Скорѣй, Дарья! — повторилъ между тѣмъ Живинъ.

Наконецъ показалась заспанная, съ всклоченной головой, съ едва накинутымъ на плечи ситцевымъ платьишкомъ, Дарья.

— Погоди, постой, — произнесъ Живинъ и, взявъ ее за плечи, отвелъ нѣсколько въ сторону и пошепталъ ей что-то.

— Ну, садись! — проговорилъ онъ Вихрову.

Они сѣли оба. У Вихрова смутно мерцали передъ глазами: какая-то сѣренькая комната, дама на картинѣ, нюхающая цвѣтокъ, огромное яйцо, привязанное на лентѣ подъ лампадой... Прежняя женщина въ это время принесла двѣ свѣчи и поставила ихъ на столикъ; вскорѣ за ней вошла еще другая женщина, какъ видно, нѣсколько поопрятнѣе одѣтая; она вошла и сѣла невдалекѣ отъ Павла. Онъ осмотрѣлъ ее тусклыми глазами... Она ему никакой не показалась.

— Что, нравится? — спросилъ его Живинъ, подойдя къ нему.

— Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше! — отвѣчалъ Вихровъ по-французски.

— Какой человѣкъ это, Матрена, какой человѣкъ, кабы ты только знала, — говорилъ потомъ Живинъ, показывая дѣвушкѣ на Павла.

— Что же, намъ очень пріятно, — отвѣчала та, глупо потупляя свои сѣрые глаза.

XVIII.

Тотскій монастырь.

Герой мой былъ не таковъ, чтобы долго могъ вести подобную жизнь... Въ одинъ день все это ему опротивѣло и омерзѣло до послѣдней степени.

«Баста, будетъ!» — сказалъ онъ самъ себѣ и то же самое сообщилъ и Живину, пріѣхавшему, по обыкновенію, къ нему послѣ присутствія.

— Именно будетъ! — подхватилъ тотъ съ радостью. Ему тоже ужъ становилось невмоготу, особенно когда Вихровъ, раскутившись, начнетъ помахивать съ нимъ туда и сюда.

— Натура-то, братецъ, у тебя какая-то неудержимая; расходишься, такъ всего тебѣ давай! — говорилъ онъ по этому поводу.

— Что жъ мы однако будемъ дѣлать?—говорилъ Вихровъ:— мнѣ все-таки скучно, поѣдемъ куда-нибудь, — хоть на богомолье, что ли?

— Не поѣдемъ, а пойдемъ лучше пѣшкомъ въ Тотскій монастырь: всего десять верстъ, дорога идетъ все рощей, виды великолѣпные, — говорилъ Живинъ.

— Хорошо! — согласился Вихровъ.

— Ну, такъ ты завтрашній день заходи за мной послѣ обѣда, и мы отправимся,—заключилъ Живинъ и вскорѣ затѣмъ уѣхалъ домой.

Вихровъ на другой день, не взявъ даже никакого экипажа съ собой, зашелъ къ Живину. Тотъ ужъ его дожидался.

— А какой случай! — сказалъ онъ: — вчера я, возвращаясь отъ тебя, встрѣтилъ Захаревскаго съ дочерью и, между прочимъ, разсказалъ имъ, что вотъ мы съ тобой идемъ Богу молиться; они стали, братецъ, проситься, чтобы и ихъ взять, и особенно Юлія Ардальоновна. «Что жъ, я говорю, мы очень рады». Ну, они и просили, чтобы зайти къ нимъ; хочешь — зайдемъ, не хочешь — нѣтъ.

— Отчего жъ не зайти, зайдемъ, — отозвался Вихровъ.

— Зайдемъ, все съ барышней веселѣй будетъ итти! — говорилъ Живинъ, съ удовольствіемъ шагая по мостовой: — прежде немножко я, грѣшнымъ дѣломъ, пылалъ къ ней нѣжною страстью.

— Ну, а теперь что же?

— А теперь ты отбилъ у меня ее, — шутилъ Живинъ.

Старика Захаревскаго и дочь его они застали совсѣмъ готовыми для путешествія.

— Merci, m-r Вихровъ, что вы не отказались взять насъ въ вашу компанію! — говорила Юлія.

И всѣ затѣмъ тронулись въ путь. Старикъ Захаревскій, впрочемъ, поѣхалъ въ дрожкахъ шажкомъ за молодыми людьми. Роща началась почти тотчасъ же по выѣздѣ изъ города. Юлія и кавалеры ея сейчасъ же ушли въ нее.

— Рощу эту, говорятъ, самъ угодникъ всю насадилъ, чтобы богомольцамъ пріятнѣе было ходить въ монастырь, — сказалъ Живинъ.

— Да, говорятъ, — подтвердила и Юлія, и потомъ, осмотрѣвшись кругомъ, она воскликнула:

— Вихровъ, посмотрите, сколько земляники! Давайте ее собирать!... — И съ раскраснѣвшимися щеками и взбившимися немного волосами, въ своемъ бѣломъ платьѣ, она, какъ фея лѣсная, начала перебѣгать отъ деревца къ деревцу, нагибаться и брать землянику.

— Подите сюда, на̀те, кушайте! — говорила она, отбирая лучшія ягоды и подавая ихъ Вихрову: — а это на̀те вамъ!— прибавляла она, подавая вѣтку похуже Живину.

— А я и за то спасибо-съ! — говорилъ тотъ какимъ-то комическимъ голосомъ.

— Постойте! — кричала Юлія: — и грибовъ пропасть! Смотрите: разъ, два, три... Будемте собирать и грибы.

— Будемте-съ, будемте! — согласился Живинъ: — а въ монастырь придемъ и изжаримъ ихъ, — говорилъ онъ и принялся усерднѣйшимъ образомъ отыскивать грибы.

— Вы знаете, я готовъ всѣ ваши самыя капризнѣйшія желанія исполнять, — говорилъ онъ.

— Будто?.. — спросила Юлія, поднявъ немножко губку.

Она вообще, кажется, на этотъ разъ нѣсколько молодилась и явно это дѣлала для Вихрова, желая ему представиться посреди природы веселою и простодушною дѣвочкою. Старикъ Захаревскій наконецъ прислалъ сказать, что пора выйти изъ лѣсу, потому что можно опоздать. Молодежь съ хохотомъ и съ шумомъ вышла къ нему. У Живина были обѣ руки полнехоньки грибами.

— Не смѣйте же ни одного изъ нихъ уронить! — приказывала ему Юлія, а сама подала руку Вихрову, проговоря:

— Поведите меня, я устала.

— Ему руку вашу дали, а мнѣ желаете, чтобы я грибъ съѣлъ, — острилъ добродушно Живинъ.

— А вы чтобы грибъ съѣли! — подхватила съ лукавой усмѣшкой Юлія.

Вскорѣ затѣмъ показалась монастырская мельница, та самая, съ которой нѣкогда бѣдный Добровъ похитилъ мѣшокъ. Она была огромная; перила на гати ея почему-то выкрашены были государственнымъ цвѣтомъ, какъ красятся будки и казенные мосты; около нея стояли двѣ телѣги, а около телѣги двѣ молоденькія бабенки. Старикъ монахъ-мельникъ, сѣдой, какъ лунь, и сверхъ того перепачканный еще въ мукѣ, сидѣлъ на солнышкѣ и чинилъ себѣ сапоги. Мельница шумѣла всѣми своими двѣнадцатью поставами; вода съ шумомъ рвалась черезъ загородь; омутъ виднѣлся, черный, какъ сажа. Путешественники наши подошли къ старику-монаху. Юлію очень мучила жажда отъ ходьбы, а можетъ-быть, и отъ того, что она опиралась на руку весьма пріятнаго ей кавалера.

— Пить, пить, пить! — кричала она, желая представить пигалицу.

— Дѣдушка, дай барышнѣ напиться водицы; а я тебѣ за это грибы отдамъ, — говорилъ Живинъ, кладя старику въ подолъ кафтана всѣ грибы.

— А вы не хотите беречь грибовъ — смотрите! — погрозила ему Юлія пальцемъ.

— Что мнѣ теперь; беречь для васъ ничего ужъ я не стану! — шутилъ Живинъ.

Старикъ между тѣмъ взялъ грибы, ушелъ съ ними на мельницу, откуда принесъ ковшичекъ, зачерпнулъ имъ воды и подалъ. Всѣ напились.

— Вы давно, дѣдушка, въ монастырѣ? — спросилъ его Вихровъ.

— Давно: двадцать вотъ ужъ годовъ при одной мельницѣ служу, — отвѣчалъ монахъ немножко сердитымъ голосомъ: — я въ ней всѣ уставы знаю!.. Что ни сломайся, николи плотниковъ не зову — все самъ.

— А вы изъ какого званія? — продолжалъ Вихровъ.

— Какого званія — мужикъ простой, служить только Богу захотѣлъ, — а у насъ тоже житье-то! При монастырѣ служимъ, а сапоговъ не даютъ; а мука-то вѣдь тоже ѣстъ ихъ, хуже извести, потому она кислая; а начальство-то не внемлетъ того: гдѣ хошь бери, хоть воруй у Бога — да!.. — бурчалъ старикъ. Увидѣвъ подъѣзжавшаго старика Захаревскаго, онъ поклонился ему. — Вонъ баринъ-то знакомый, — проговорилъ онъ, какъ-то оскаливая отъ удовольствія ротъ.

— Что, мы службу застанемъ въ монастырѣ? — спросилъ тотъ.

— Гдѣ тутъ, какая теперь служба, — отвѣчалъ опять какъ бы съ сердцемъ монахъ: — настоятель-то въ отлучкѣ, а братія вся на работѣ.

— Ну, можетъ, захватимъ кого-нибудь! — сказалъ Захаревскій и велѣлъ кучеру ѣхать.

Молодые люди пошли за нимъ.

Вихровъ на прощанье далъ монаху рубль.

— Ну вотъ, это благодарю, — сказалъ тотъ, а потомъ сѣлъ и опять принялся починивать сапоги.

Подходя къ самому монастырю, путники наши дѣйствительно увидѣли очень много монаховъ въ полѣ; нѣкоторые изъ нихъ въ рубашкахъ, а другіе въ худенькихъ черныхъ подрясникахъ—пахали; двое сѣвцовъ сѣяло, а рыжій монахъ, въ клобукѣ и подрясникѣ поповѣе, должно-быть, казначей, стоялъ у телѣги съ сѣменами. Захаревскій послалъ своего кучеренка къ этому монаху; тотъ ему передалъ что-то отъ барина. Монахъ кивнулъ ему въ знакъ согласія головою и быстрыми шагами пошелъ къ монастырю, — и когда путники наши вошли въ монастырскую ограду, онъ уже ожидалъ ихъ на каменномъ крыльцѣ храма. По званію своему онъ въ самомъ дѣлѣ оказался казначей.

— Молебенъ угоднику желаете отслужить? — спросилъ онъ.

— Непремѣнно-съ, непремѣнно, — отвѣчалъ старикъ Заха-

ревскій, съ трудомъ всходя своими старческими ногами на ступеньки.

Въ Тотскомъ монастырѣ находились мощи угодника, основавшаго самый монастырь. Вихровъ никогда не видалъ мощей и въ этотъ разъ рѣшился посмотрѣть ихъ. Рака угодника помѣщалась въ маленькомъ придѣлѣ. Она была вся кованая изъ серебра; множество лампадокъ горѣло надъ ней. Монахъ, стоявшій при мощахъ, былъ худъ, какъ мертвецъ. Рыжій казначей самъ сталъ служить молебенъ и съ нѣкоторою торжественностью. Старикъ Захаревскій весь молебенъ стоялъ на колѣняхъ и безпрестанно кланялся въ землю, складывая руки, и нѣсколько разъ даже слезы появлялись на его глазахъ; Юлія тоже молилась съ благоговѣніемъ, Живинъ—съ солидностью и степенностью. Вихровъ, когда молебенъ кончился, обратился къ казначею:

— Батюшка, я могу видѣть самыя мощи? Онѣ, кажется, не подъ спудомъ?

— Можете,—отвѣчалъ казначей и посмотрѣлъ на худого монаха.

Тотъ подошелъ къ ракѣ, отперъ ее висѣвшимъ у него на поясѣ ключомъ и съ помощью казначея приподнялъ раку, а сей послѣдній раскрылъ немного и самую пелену на мощахъ, и Вихровъ увидѣлъ довольно темную и, какъ ему показалось, не сухую даже грудь человѣческую. Трепетъ объялъ его; у него едва хватило смѣлости наклониться и прикоснуться губами къ священнымъ останкамъ. За нимъ приложились и всѣ прочіе, и крышка раки снова опустилась и заперлась.

— Ночуете, полагаю? — спросилъ ихъ казначей.

— Ночуемъ, ужъ позвольте келейку, — отвѣчалъ Захаревскій.

— Есть много свободныхъ,—отвѣчалъ монахъ:—теперь погуляйте пока въ нашемъ монастырскомъ саду, потомъ просимъ милости и за нашу трапезу монашескую, не скушаете ли чего-нибудь.

Путники наши поблагодарили его за это приглашеніе и пошли въ садъ, который самъ собой не представлялъ ничего, кромѣ кустовъ смородины и малины; но видъ изъ него былъ божественный. Угодникъ, по преданію, самъ выбиралъ это мѣсто для поселенія своего; монастырь стоялъ на обрывѣ крутой горы, подошва которой уходила въ озеро, раскидывающееся отъ монастыря верстъ на 15 кругомъ. Въ настоящій день оно было гладко, какъ стекло, и только мѣстами на немъ чернѣли рыбачьи лодочки. Надъ озеромъ и надъ монастыремъ, въ воздухѣ, стояла какъ бы сѣтка какая облачная.

— Что это, дымъ, что ли?—спросилъ Вихровъ.

— Нѣтъ, это мошкара озерная, — отвѣчалъ старикъ Захаревскій.

Вскорѣ затѣмъ раздался звонъ въ небольшой колоколъ: это сзывали къ ужину. Вихровъ увидѣлъ, что изъ разныхъ келій потянулись монахи: они всѣ на этотъ разъ были въ черныхъ подрясникахъ и всѣ умылись и причесались, — трапеза происходила въ длинной комнатѣ, съ священною живописью на стѣнахъ: по срединѣ ея былъ накрытъ грубой скатертью столъ; передъ каждымъ монахомъ стоялъ приборъ, хлѣбъ и ставецъ съ квасомъ. При входѣ Вихрова и его спутниковъ, монахи нѣли речитативомъ передобѣденную молитву. Наконецъ всѣ усѣлись, и казначей гостямъ своимъ предложилъ почетныя мѣста около себя: подали щи изъ рыбы и потомъ кашу. Квасъ и хлѣбъ, какъ и во всѣхъ нашихъ монастырихъ, оказались превосходными. Вихровъ сталъ прислушиваться къ разговору между монахами.

— Подъ Тиньковымъ ничего нынѣ рыбы не понало, ни щеки!.. — говорилъ одинъ монахъ другому.

— А въ прежніе-то годы сколько зачерпывали тутъ, — отвѣчалъ ему товарищъ его.

— Всего нынѣ въ умаленьи стало: и рыбы и птицы, — продолжалъ первый монахъ.

— Въ низяхъ-то куда земля мягче пошла — порохъ! — толковали въ другомъ мѣстѣ.

Все это Вихрову очень понравилось: никакого ханжества ни притворной святости не было видно, а являлась одна только простая и трудолюбивая жизнь.

Послѣ ужина ихъ отвели въ гостиницу и каждому хотѣли было дать по отдѣльной комнатѣ; но богомольцы наши размѣстились такъ, что Захаревскій съ дочерью заняли маленькое отдѣленіе, а Живинъ и Вихровъ легли въ одной комнатѣ.

Первый, какъ человѣкъ, привыкшій дѣлать большія прогулки, сейчасъ же захрапѣлъ; но у Вихрова сдѣлалось такое волненіе въ крови, что онъ не могъ заснуть всю ночь, и едва только забрезжилась заря, какъ онъ одѣлся и вышелъ въ монастырскій садъ. Тамъ онъ услыхалъ, что его кличутъ по имени. Это звала его Юлія, сидѣвшая въ довольно небрежномъ костюмѣ на небольшомъ балкончикѣ гостиницы.

— Вы не спите?

— Нѣтъ, а вы?

— Тоже,—ужасъ: всю ночь не спала! Подите сюда на балконъ: отсюда лучше видъ! — прибавила она ласковымъ голосомъ.

— Нѣтъ, мнѣ и здѣсь хорошо!—отвѣчалъ ей Вихровъ не-

брежно:—но что̀ это такое за пыль?—прибавилъ онъ, взглянувъ на землю и разгребая ногой довольно толстый слой въ самомъ дѣлѣ какой-то черной пыли.

— Это вчерашняя мошкара, которая умерла ночью и упала на землю,—отвѣчала ему Юлія съ балкона.

Въ это время ударили къ заутренѣ.

— Одѣвайтесь скорѣе и приходите въ церковь, — сказалъ Вихровъ почти строго Юліи.

— Сейчасъ,—отвѣчала та.

Въ почти совершенно еще темномъ храмѣ Вихровъ засталъ казначея, служившаго заутреню, нѣсколько стариковъ-монаховъ и старика Захаревскаго. Вскорѣ послѣ того пришла и Юлія. Она стала рядомъ съ отцомъ и замѣтно была какъ бы чѣмъ-то недовольна Вихровымъ. Живинъ проспалъ и пришелъ ужъ къ концу заутрени. Когда наши путники, отслушавъ службу, отправились домой, солнце уже взошло, и мельница со своими амбарами, гатью и берегами рѣки, на которыхъ гуляли монастырскія коровы и лошади, какъ бы тонула въ туманѣ росы.

Юлія, хотя и не столь веселая, какъ вчера, попрежнему всю дорогу шла подъ руку съ Вихровымъ, а Живинъ шагалъ за ними, понуривъ свою голову.

XIX.

Охота на озерѣ.

Герою моему такъ понравилась послѣдняя прогулка, что онъ на другой день написалъ Живину записку, въ которой просилъ его прибыть къ нему и изобрѣсть какой-нибудь еще променажъ.

— Да какой променажъ,—сказалъ тотъ, пріѣхавъ къ нему:—поѣдемъ на охоту на озеро; я ружье и собаку съ собой захватилъ.

— Отлично! — подхватилъ Вихровъ, и, не откладывая въ дальній ящикъ, они сейчасъ же отправились на озеро, взявъ съ собой только ѣды и ни капли питья, наняли тамъ у рыбаковъ лодку и поѣхали. Озеро, какъ и въ предыдущій день, было гладкое и свѣтлое; друзья наши ѣхали около самаго берега, на песчаномъ склонѣ котораго бѣгало множество длинноносыхъ куликовъ всевозможныхъ породъ. Вихровъ прицѣлился, выстрѣлилъ бекасинникомъ и убилъ по крайней мѣрѣ штукъ десять. Живинъ, въ своихъ болотныхъ сапогахъ, влѣзъ прямо въ грязь и подобралъ ихъ. Собака его сидѣла въ лодкѣ съ опущенной головой и зажатыми глазами, какъ бы ожидая, что

ея очередь показать себя придетъ. Вышли наконецъ и на лугъ. Собака сейчасъ же пошла туда и сюда сновать, потомъ вдругъ остановилась и какъ бы замерла. Живинъ махнулъ рукой Вихрову, чтобы тотъ тише и осторожнѣе себя держалъ, сталъ сзади собаки, вытянулъ ружье, скомандовалъ что-то своему псу; тотъ слегка пролаялъ, и изъ травы выпорхнула какая-то сѣроватая масса. Живинъ поспѣшно выстрѣлилъ, масса мгновенно упала и скрылась въ траву. Оказалось потомъ, что это была маленькая и крошечная птичка—бекасъ; перепачканная въ своей собственной крови, она еще трепетала. Вихровъ невольно отвернулся отъ нея; потомъ, впрочемъ, онъ и самъ убилъ нѣсколько бекасовъ. Живинъ былъ въ полномъ увлеченіи: онъ, кажется не чувствовалъ ни усталости, ни голода, ни жажды; но герой мой, хоть и сознавалъ, что онъ тѣломъ сталъ здоровѣе и душою покойнѣе, однако все-таки усталъ, и ему ѣсть захотѣлось. Было уже около трехъ часовъ пополудни.

— Гдѣ же мы привалъ нашъ будемъ имѣть? — спросилъ онъ пріятеля.

— А вотъ тутъ сейчасъ, недалеко,—отвѣчалъ тотъ, а между тѣмъ они прошли послѣ того по крайней мѣрѣ еще версты двѣ, наконецъ приблизились къ небольшой рѣчкѣ и мостику къ ней.

— Вотъ здѣсь мы водицы напьемся, закусимъ и посидимъ!— говорилъ Живинъ и все это онъ сейчасъ же и исполнилъ. Черный кусокъ хлѣба и фанерка воды показались Вихрову необыкновенно вкусными.

— Врядъ ли счастье человѣка состоитъ не въ воздержаніи и аскетической жизни,—сказалъ онъ, невольно вспомнивъ Невѣдомова.

Сердце у него при этомъ сжалось и замерло.

— Ты знаешь,—обратился онъ къ Живину, внимательнымъ образомъ кормившему свою собаку: — я получилъ извѣстіе о Невѣдомовѣ.

— А!.. Что же онъ?—спросилъ Живинъ, который изъ разсказовъ Вихрова зналъ очень твердо всѣхъ его знакомыхъ по ихъ именамъ и душевнымъ даже свойствамъ и интересовался ими такъ же, какъ бы они были и его знакомыми.

— Я писалъ уже къ Марьеновскому, чтобы тотъ меня увѣдомилъ о немъ, такъ какъ онъ на два мои послѣднія письма не отвѣчалъ,—тотъ и пишетъ мнѣ: «Увы! Невѣдомова нашего нѣтъ на свѣтѣ!». Анна Ивановна, помнишь, что я разсказывалъ?

— Помню!

— Она померла еще весной. Онъ объ этомъ узналъ, былъ у нея даже на похоронахъ, потомъ готовился уже постричься въ большой образъ, но пошелъ съ другимъ монахомъ купаться и утонулъ—нечаянно ли или съ умысломъ, неизвѣстно; но послѣднее, кажется, вѣроятнѣе, потому что не давалъ даже себя спасать товарищу.

— По-моему, братъ, ужасно глупо топиться! — замѣтилъ Живинъ.

— Слишкомъ идеаленъ, слишкомъ поэтъ былъ; онъ не могъ жить и существовать на свѣтѣ,—прибавилъ Вихровъ.

— А что, Саловъ гдѣ?—спросилъ Живинъ.

— Съ Саловымъ ужасная вещь случилась: онъ тамъ обыгрывалъ какого-то молодого купчика и научилъ его, чтобы онъ фальшивый вексель составилъ отъ отца; тотъ составилъ. Саловъ пошелъ продавать его, а на баржѣ ужъ было заявлено объ этой фальши, такъ что ихъ теперь обоихъ взяли въ часть; но, вѣроятно, какъ прибавляетъ Марьеновскій, и въ острогъ скоро переведутъ.

Туда и дорога!—произнесъ съ удовольствіемъ Живинъ.

— Нѣтъ, жаль!—сказалъ Вихровъ (онъ особенно былъ какъ-то на этотъ разъ въ добромъ и миротворномъ расположеніи духа).—Малый умный, даровитый,—продолжалъ онъ:—и тоже въ своемъ родѣ идеалистъ.

Живинъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на пріятеля.

— Въ чемъ же идеализмъ-то его заключался?—спросилъ онъ.

— Въ томъ,—отвѣчалъ тотъ:—что онъ никакъ не могъ понять, что, живя въ обществѣ, надобно подчиняться существующимъ въ немъ законамъ и извѣстнымъ правиламъ нравственности.

Живинъ усмѣхнулся.

— Послѣ этого, братъ, всѣ мошенники, что у меня сидятъ въ острогѣ, тоже идеалисты?

— Вѣроятно!—подтвердилъ Вихровъ.

— Ну, нѣтъ, братъ, это утопія! — заключилъ Живинъ и всталъ.

На обратномъ пути они еще болѣе настрѣляли дичи. Собака попалась удивительно чутко нюхающая и на каждомъ почти шагу она дѣлала стойку. Живинъ до того стрѣлялъ, что у него глаза даже налились кровью отъ внимательнаго глядѣнья вдаль. Проѣхавъ снова по озеру на лодкѣ, они у города предположили разойтись.

— Вотъ кабы мы съ тобой не дали еще зароку,—сказалъ Живинъ, потирая съ удовольствіемъ руки:—ты бы зашелъ ко мнѣ, выпили бы мы съ тобой водочки, велѣли бы все это изжарить въ кастрюлѣ и начали бы кушать.

— Нѣтъ, не хочу; никогда и ничего не буду пить,—возразилъ Вихровъ.

— И не пей, прахъ съ нимъ, съ этимъ питьемъ, — согласился Живинъ, и затѣмъ они разстались.

Вихрова, самъ онъ не могъ понять почему, ужасно тянуло уйти скорѣе домой, такъ что онъ, сколько силы только доставало у него, самымъ поспѣшнымъ шагомъ достигнулъ своего Володженскаго и прямо прошелъ въ домъ.

Тамъ его встрѣтила на этотъ разъ Груня.

— Ахъ, баринъ, сколько вы настрѣляли!—произнесла она своимъ молодымъ голосомъ и принялась съ Вихрова осторожно снимать дичь, которою онъ кругомъ былъ весь обвѣшанъ, и всякій разъ, когда она при этомъ какъ-нибудь нечаянно дотрогивалась до него рукой, то краснѣла.

— Къ вамъ письмо есть-съ!—сказала она, когда Вихровъ совсѣмъ уже разоблачился изъ охотничьяго наряда.

— Давай мнѣ поскорѣе его!—сказалъ онъ, и при этомъ у него замерло сердце.

Груша подала ему довольно толстый пакетъ. У Вихрова задрожали ужъ и руки: письмо было подписано рукою Мари.

«Мой дорогой Поль! Спѣшу наконецъ отвѣтить тебѣ на твое письмо. Причина медленности моей—никакъ не душевное мое нерасположеніе къ тебѣ, а этотъ проклятый Петербургъ, изъ котораго лѣтомъ всѣ уѣзжаютъ. Мужъ мой три раза ѣздилъ на дачу въ желаемую тобою редакцію, но его все или не принимали, или онъ въ самомъ дѣлѣ не заставалъ никого дома. Наконецъ я, думая все-таки, что онъ недостаточно усердно хлопочетъ, поѣхала сама: дачу нашла подъ Петергофомъ, — совершенный раекъ: такъ нарядно все въ ней убрано; встрѣтилъ меня господинъ, разодѣтый по послѣдней модѣ, въ маленькой фуражкѣ съ пришлюснутой тульей. Я сказала ему о причинѣ моего пріѣзда. Онъ, какъ услыхалъ, зачѣмъ я пріѣхала, сейчасъ же перемѣнилъ тонъ. «Ахъ, ш-ше! — воскликнулъ онъ, и сейчасъ просилъ меня садиться, а пріѣхавши, не забудь, я сказала: «Генералъ-лейтенантша такая-то!». Но на него это, видно, не подѣйствовало, а имя твое напротивъ! «Мадамъ, вашъ родственникъ,—и онъ при этомъ почему-то лукаво посмотрѣлъ на меня:—вашъ родственникъ написалъ такую превосходную вещь, что до сихъ поръ мы и наши друзья въ восторгѣ отъ нея; завтрашній день она выйдетъ въ нашей книжкѣ, но другая его вещь встрѣчаетъ нѣкоторое затрудненіе, а потому напишите вашему родственнику, чтобы онъ самъ скорѣе пріѣзжалъ въ Петербургъ; мы тутъ лично ничего не можемъ сдѣлать!» Изъ этихъ словъ ты поймешь, что сейчасъ

же дѣлать тебѣ надо: садись въ экипажъ и скачи въ Петербургъ. Насколько мнѣ понравились твои произведенія, я скажу только одно, что у меня голова мутилась, сердце ледянѣло, когда читала ихъ. Боже мой, сколько тутъ правды и истины сказано въ защиту насъ, бѣдныхъ женщинъ, обыкновенно обреченныхъ жить, что какъ будто бы у насъ ни ума ни сердца не было!»

Когда Вихровъ читалъ это письмо, Груша не выходила изъ комнаты, а стояла тутъ же и смотрѣла на барина: она видѣла, какъ онъ мѣнялся въ лицѣ, какъ дрожали у него руки.

— Отъ кого это письмо-съ?—спросила она, когда онъ кончилъ чтеніе.

— Это письмо отличное,—отвѣчалъ Вихровъ:—мнѣ только сейчасъ же надо ѣхать въ Петербургъ. Иванъ! — крикнулъ онъ затѣмъ.

Вбѣжалъ комнатный мальчикъ.

— Скажи, чтобы Иванъ укладывалъ мой чемоданъ съ вещами, съ платьемъ и бѣльемъ, а кучерамъ скажи, чтобы приготовляли закладывать лошадей въ дорогу.

Мальчикъ побѣжалъ исполнить всѣ эти приказанія, а Груша все еще продолжала стоять и не уходила изъ кабинета.

— Баринъ, вы совсѣмъ, поэтому, въ Петербургъ уѣзжаете?—спросила она.

— Можетъ-быть, и совсѣмъ—отвѣтилъ Вихровъ и увидѣлъ, что Груша уперлась при этомъ на косякъ, какъ бы затѣмъ, чтобы не упасть, а сама между тѣмъ поблѣднѣла, и на глазахъ ея навернулись слезы.

— Груша, что съ тобой?—спросилъ онъ ее тихо.

Груша дѣлала усилія надъ собой, чтобы не разрыдаться.

— Груша, развѣ тебѣ жаль меня? — продолжалъ Вихровъ, смотря на нее съ любовью: — жаль тебѣ меня? — повторилъ онъ.

— Жаль, баринъ! — произнесла Груша почти со стономъ.

— И очень жаль?—бормоталъ уже сильно сконфузившійся Вихровъ.

— Очень!—повторила дѣвушка.

— Ну, поди ко мнѣ! — сказалъ онъ, беря ея руки и привлекая къ себѣ: — развѣ ты меня любишь? — спросилъ онъ ее уже шопотомъ.

— Не знаю! — прошептала Груша и, вырвавшись у него изъ объятій, убѣжала. Передъ самымъ отъѣздомъ Вихрова она, впрочемъ, еще разъ вошла въ кабинетъ къ нему.

— Вы, баринъ, напишите изъ Петербурга что-нибудь.

— Непремѣнно напишу,—подхватилъ Вихровъ:—и какъ же не написать, когда ты такая милая.

— Благодарю васъ, баринъ, — сказала Груша и, схвативъ его руку, поцѣловала ее.

— Отчего жъ ты не хочешь сказать, что любишь меня?— спросилъ онъ, привлекая ее къ себѣ.

— Развѣ я смѣю, баринъ, любить васъ,—говорила Груша, потупляя глаза.

— Ничего, смѣй!—говорилъ Вихровъ и хотѣлъ-было опять привлечь ее къ себѣ, но въ это время вошелъ Иванъ.

Груша поспѣшила отвернуться отъ барина.

Иванъ сердито посмотрѣлъ и на нее и на господина, и все время, до самаго отъѣзда, не выпускалъ ихъ изъ виду.

XX.

Петербургъ.

1848 годъ былъ страшный для литературы. Многое, что прежде считалось позволительнымъ, стало казаться возмущающимъ, революціоннымъ, подкапывающимъ всѣ основы государства; литераторовъ и издателей призывали и дѣлали имъ внушеніе. Надъ героемъ моимъ, только-что выпорхнувшимъ на литературную арену, тоже разразилась бѣда: напечатанная повѣсть его надѣлала шуму, другой разсказъ его остановили въ корректурѣ и къ кому-то и куда-то отправили; за нимъ самимъ, говорятъ, посланъ былъ фельдъегерь, чтобы привезти его въ Петербургъ. Бодрствующая надъ его судьбой Мари тотчасъ же почти послѣ отправки къ нему письма смутно услышала объ этомъ. Она посылала-было мужа узнать что-нибудь подробнѣе объ этомъ, но онъ, по обыкновенію, ничего не узналъ. Мари истерзалась душою; она недоумѣвала: послать ли ей къ Вихрову эстафету или нѣтъ?—и отъ этого не спала всѣ ночи и очень похудѣла. Евгеній Петровичъ замѣтилъ это и сказалъ ей:

— Что это, другъ мой, ты такая разстроенная?

— Такъ! — отвѣчала она ему съ досадой.

Генералъ, впрочемъ, совершенно уже привыкъ къ нервному состоянію своей супруги, которое въ ней, особенно въ послѣднее время, очень часто стало проявляться. Въ одно утро наконецъ, когда Мари сидѣла съ своей семьей за завтракомъ и, по обыкновенію, ничего не ѣла, вдругъ раздался звонокъ; она по какому-то предчувствію вздрогнула немного. Вслѣдъ затѣмъ лакей ей доложилъ, что пріѣхалъ Вихровъ, и ге-

рой мой, съ веселымъ и сіяющимъ лицомъ, вошелъ въ столовую.

— Ну вотъ, слава Богу, пріѣхалъ,—говорила Мари, вставая и торопливо подавая ему руку, которую онъ сталъ съ нѣжностью нѣсколько разъ цѣловать.

Съ генераломъ Вихровъ тоже дружески и нѣжно поцѣловался.

— Пойдемъ однако: мнѣ тебѣ надо много передать, — сказала Мари и увела его къ себѣ въ комнату.

Генералъ, оставшись въ столовой, почему-то вдругъ самодовольно сталъ ходить по комнатѣ.

— Все это у нихъ о литературѣ ихней, — проговорилъ онъ и, подойдя къ окну, началъ на немъ барабанить маршъ.

Вихровъ, усѣвшись съ Мари, невольно обратилъ на нее вниманіе.

— Что такое съ вами: вы больны и изнурены! — воскликнулъ онъ.

— Мнѣ все нездоровилось послѣднее время, — отвѣчала она и слегка покраснѣла.

— Но вы все-таки однако хорошѣете,—увѣряю васъ! Что значитъ интеллектуальная-то красота!

— Ну, очень рада, что тебѣ такъ кажется,—отвѣчала Мари, еще болѣе покраснѣвъ.—А здѣсь ужасъ что такое происходитъ, какой-то терроръ надъ городомъ. Ты слышалъ что-нибудь?

— Ничего не слыхалъ, — отвѣчалъ Вихровъ совершенно безпечно.

— Открыли тамъ какое-то общество Петрашевскаго, все молодежь, пересажали всѣхъ въ крѣпость; тебѣ тоже, говорятъ, маленькая непріятность выходитъ.

— Мнѣ? — спросилъ Вихровъ, недоумѣвая рѣшительно, какая ему можетъ быть непріятность.

— Да: но, вѣроятно, это какіе-нибудь пустяки. Мнѣ разсказывали, что сочиненія твои секвестрованы, ихъ разсматривали, судили, и за тобой посланъ фельдъегерь!

— Чортъ знаетъ что такое! — произнесъ Вихровъ, уже нѣсколько и сконфуженный всѣми этими подробностями.

— Тебѣ надобно ѣхать къ кому-нибудь и узнать поподробнѣе,—продолжала Мари.

— Къ кому же мнѣ ѣхать, я совершенно не знаю! Въ редакцію, что ли?

— Ахъ, нѣтъ! Тамъ, говорятъ, такъ за себя перетрусились, что имъ ни до кого!

— Къ Абресову развѣ ѣхать? — продолжалъ Вихровъ.

— Прекрасная мысль, — подхватила Мари. — Онъ живетъ въ самомъ этомъ grand-monde и тебѣ все узнаютъ. Онъ очень тепло и пріязненно тебя вспоминалъ, когда былъ у насъ.

— Поѣду къ нему,— произнесъ Вихровъ въ раздумьѣ: — я ѣхалъ торжествовать свои литературные успѣхи, а тутъ приходится отвѣчать за нихъ.

— И не говори ужъ лучше! — сказала Мари взволнованнымъ голосомъ: — человѣкъ только-что вышелъ на свою дорогу и хочетъ говорить — вдругъ его преслѣдуютъ за это,— и наконецъ что же ты такое сказалъ? Я не дальше, какъ вчера, нарочно внимательно перечла оба твои сочиненія, и въ нихъ кромѣ правды, вопіющей и неотразимой правды—ничего нѣтъ!

— Кажется!— отвѣчалъ ей съ грустною усмѣшкою Вихровъ:— но однако когда же мнѣ ѣхать къ Абрееву?

— Ты сейчасъ же и поѣзжай — откладывать нечего. Я тебѣ адресъ его достану у мужа!

И Мари сходила и принесла адресъ Абреева.

— Поѣду къ нему,— сказалъ Вихровъ, вставая и берясь за шляпу. Его самого довольно серьезно обезпокоило это извѣстіе.

— Тутъ одна поэма рукописная ходитъ, отличная! — говорила Мари, провожая его до передней: — гдѣ прямо намекается, что весь Петербургъ превращенъ или въ палачей, или въ шпіоновъ...

— Поэтому здѣсь не только что писать, но и говорить надобно осторожно!—сказалъ Вихровъ.

— Ахъ, пожалуйста, будь остороженъ!—подхватила Мари:— и не вздумай откровенничать ни съ какимъ самой приличной наружности молодымъ человѣкомъ и ни съ самымъ почтеннымъ старцемъ: оба они могутъ на тебя донести, одинъ изъ выгоды по службѣ, а другой — по убѣжденію.

Мари давно уже и очень сильно возмущалась существующими порядками, а послѣднія дѣйствія противъ литературы и особенно противъ Вихрова за его правдивыя и честныя, какъ ей казалось, сочиненія вывели ее окончательно изъ себя. Мужъ ея въ этомъ случаѣ совершенно расходился съ ней въ мнѣніяхъ и, напротивъ, находилъ всѣ дѣйствія противъ литературы прекрасными и вызываемыми, какъ онъ гдѣ-то подслушалъ фразу, «духомъ времени».

— Ты это говоришь,— возражала ему Мари: — потому что тебѣ самому даютъ за что-то кресты, чины и деньги, а до другихъ тебѣ и дѣла нѣтъ.

— Почему же мнѣ дѣла нѣтъ? — сказалъ генералъ, болѣе всего уколотый словами: «даютъ за что-то кресты и чины».

— А потому, что ты эгоистъ; мы съ тобой были въ страшное время въ Парижѣ, когда тушили революцію, и тамъ не было такого террора.

— Ахъ, сдѣлай милость, не было!—воскликнулъ генералъ:— какъ этихъ негодяевъ-блузниковъ Каваньякъ разстрѣливалъ, такъ только животы у нихъ летѣли по сторонамъ...

— А вотъ онъ за это и не усидитъ!

— Посмотримъ!—говорилъ генералъ.

— Не усидитъ!—повторяла Мари и, чтобы не сердить себя больше, уходила въ свою комнату.

Вихровъ ѣхалъ къ Абрееву съ весьма тяжелымъ и непріятнымъ чувствомъ. «Какъ-то приметъ меня этотъ барченокъ?»— думалъ онъ.

Домъ блестящаго полковника Абреева находился на Литейной; онъ взялъ его за женой, урожденной княжной Тумалахановой. Домъ прежде имѣлъ какое-то старинное и азіатское убранство; полковникъ все это выкинулъ и убралъ домъ поевропейски. Жена у него, говорятъ, была не дальняя, но красавица. Эту прекрасную партію отыскала для сына еще Александра Григорьевна и вскорѣ затѣмъ умерла. Абреевъ за женой, говорятъ, получилъ милліонъ состоянія.

Войдя въ парадныя сѣни, Вихровъ велѣлъ отдать визитную карточку о себѣ. Лакей, понесшій ее, почти сейчасъ же возвратился и просилъ Вихрова вверхъ.

Хозяинъ былъ въ кабинетѣ и стоялъ у своего письменнаго стола въ щегольскомъ разстегнутомъ мундирномъ сюртукѣ, въ сѣро-синихъ съ красными лампасами брюкахъ и въ бѣломъ жилетѣ. Бѣлый серебряный аксельбантъ красиво болтался у него на груди.

— Очень радъ васъ видѣть, m-r Вихровъ,—говорилъ онъ любезно, встрѣчая Павла:—давно ли вы въ Петербургѣ?

— Сегодня только пріѣхалъ.

— Ну, благодарю, что посѣтили меня, — и онъ еще разъ пожалъ у Павла руку. — Prenez place, je vous prie. Fumez-vous le cigare?

— Non, merci, — отвѣчалъ Вихровъ; ему всего скорѣе хотѣлось добраться до дѣла.—Я пріѣхалъ съ просьбой къ вамъ, полковникъ,—началъ онъ, не откладывая времени.

— Къ вашимъ услугамъ,—отвѣчалъ Абреевъ.

— Я жилъ въ деревнѣ и написалъ тамъ два разсказа, изъ которыхъ одинъ былъ недавно напечатанъ, а другой представленъ въ цензуру, но оба ихъ, говорятъ, теперь захватили и за мной послали фельдъегеря, чтобы арестовать меня и привезти сюда, въ Петербургъ.

— Фельдъегеря?—переспросилъ его Абреевъ.

— Говорятъ.

— Вы незнакомы съ кѣмъ-нибудь изъ компаніи Петрашевскаго?

— Ни съ кѣмъ!

Абреевъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ; его красивое лицо приняло какое-то недовольное и грустное выраженіе.

— Все мое преступленіе состоитъ въ томъ, — продолжалъ Вихровъ: — что я въ одномъ моемъ романѣ отстаивалъ бѣдныхъ нашихъ женщинъ, а въ другомъ — бѣдныхъ нашихъ мужиковъ.

— А! — произнесъ многознаменательно полковникъ: — ну, этого, впрочемъ, совершенно достаточно, чтобы подпасть обвиненію, — время теперь щекотливое, — прибавилъ онъ, а самъ всталъ и притворилъ дверь изъ кабинета: — эти господа, — продолжалъ онъ, садясь около Вихрова и говоря почти шепотомъ: — господа эти, наши старички, тѣ дѣлаютъ, что уму невообразимо, уму невообразимо! — повторилъ онъ, ударивъ себя по колѣнку.

Вихрову пріятно и отрадно было слышать это отъ него.

— Я вотъ къ вамъ поэтому, полковникъ, и пріѣхалъ: не можете ли вы узнать, за что я собственно обвиненъ и что наконецъ со мной хотятъ дѣлать?

— Съ великою готовностью!—подхватилъ Абреевъ:—сегодня же узнаю и увѣдомлю васъ.

— Здѣсь, говорятъ, ужасъ что такое происходитъ!

— Д-да! — подхватилъ протяжно и Абреевъ: — все это зависитъ отъ нашего малаго пониманія вещей... Я буду такъ говорить прямо: я обязанъ тѣмъ, что я теперь есть, а не то, что чѣмъ бы я долженъ быть—рѣшительно случаю. Мать моя, желая, чтобы я выслужился скорѣе, выхлопотала тамъ, чтобы меня по одному порученію послали въ Парижъ... Когда я пріѣхалъ туда и по службѣ сошелся съ разными людьми, то мнѣ стыдно стало за самого себя и за свои понятія: я бросилъ всякія удовольствія и все время пребыванія моего въ Парижѣ читалъ, учился, и теперь, по крайней мѣрѣ, могу сказать, что я человѣкъ, а не этотъ вотъ мундиръ.

— Но зато теперь вамъ, полковникъ, я думаю, тяжело жить въ этой средѣ? — замѣтилъ ему Вихровъ.

— Нѣтъ; во-первыхъ, меня успокоиваетъ сознаніе моего собственнаго превосходства; во-вторыхъ, я служу потому только, что всѣ служатъ. Что же въ Россіи дѣлать, кромѣ службы! И я остаюсь въ этомъ званіи, пока не потребуютъ

отъ меня чего-нибудь противнаго моей совѣсти; но заставь меня хоть разъ что-нибудь сдѣлать, я сейчасъ же выхожу въ отставку. (Картавленья нисколько уже было не слыхать въ произношеніи полковника).

— Стало-быть, я могу надѣяться на ваше участіе? — сказалъ Вихровъ, уже вставая.

— Все, что отъ меня только зависитъ! — подхватилъ полковникъ. — Однако, attendez, mon cher, прежде всего я завтрашній день прошу васъ пожаловать ко мнѣ отобѣдать.

Вихровъ поклонился въ знакъ согласія и благодарности.

— Потомъ-съ, — продолжалъ Абреевъ: — я, конечно, подыму всѣ мои маленькіе рессурсы, чтобы узнать, въ чемъ тутъ дѣло, но я существо весьма не всемогущее, можетъ-быть, мнѣ и не удастся всего для васъ сдѣлать, что можно бы, а потому, нѣтъ ли у васъ еще кого-нибудь знакомыхъ, которыхъ вы тоже поднимете въ походъ за себя?

— У меня одинъ только и есть еще знакомый въ Петербургѣ — Плавинъ!

— Je le connais! Прекрасно! — подхватилъ полковникъ: — онъ очень милый и умный человѣкъ. Судьба ваша, вѣроятно, и попадетъ къ нимъ въ министерство! Entre nous soit dit, только, пожалуйста, не говорите, что вы слышали отъ меня! — прибавилъ онъ, наклоняясь къ Павлу и почти шопотомъ: — теперь принята такая система, что умамъ этимъ сильнымъ и замѣчательнымъ писать воспрещаютъ, но, чтобы не пропадали они для государства, ихъ опредѣляютъ на службу и такимъ образомъ ихъ способности обращаютъ на болѣе полезную дѣятельность!

— Можетъ-быть, и со мной то же сдѣлаютъ? — спросилъ Вихровъ.

— Можетъ-быть! — отвѣчалъ Абреевъ, пожавъ плечами.

Вихровъ раскланялся съ нимъ.

— Au revoir, mon cher, au revoir! — говорилъ тотъ, провожая его почти до передней.

Отъ Абреева Вихровъ прямо проѣхалъ въ департаментъ къ Плавину; положеніе его казалось ему унизительнымъ, горькимъ и несноснымъ. Довольно несмѣлою ногою вошелъ онъ на небольшую лѣсенку министерства и, какъ водится, сейчасъ же былъ спрошенъ солдатомъ:

— Кого вамъ надо?

Вихровъ назвалъ Плавина.

— Они въ директорской, — отвѣчалъ солдатъ.

Вихровъ подалъ ему карточку и просилъ ее отдать Плавину. Солдатъ пошелъ и, возвратясь, объявилъ:

— Немного просятъ подождать, — заняты.

«Какъ свинья былъ, такъ свиньей и остался», — подумалъ Вихровъ.

Черезъ нѣсколько времени, впрочемъ, тотъ же солдатъ позвалъ его:

— Пожалуйте!

Онъ засталъ Плавина въ новенькомъ, съ иголочки, вицмундирѣ, съ крестомъ на шеѣ, сидящаго за среднимъ столомъ; длинныя бакенбарды его были расчесаны до послѣдняго волоска; на длинныхъ пальцахъ были отпущены длинные ногти; часы съ какой-то необыкновенной ужъ цѣпочкой и съ какими-то необыкновенными, прицѣпляемыми къ ней, брелоками.

— Здравствуйте, Вихровъ! — сказалъ онъ, привставая и осматривая Вихрова съ головы до ногъ: щеголеватая и нѣсколько артистическая наружность моего героя, кажется, понравилась Плавину.—Что вы, деревенскій житель, пропріетеръ, богачъ?— говорилъ онъ, пододвигая стулъ Вихрову, самъ садясь и прося и его то же сдѣлать.

Онъ еще прежде слышалъ о полученномъ Вихровымъ наслѣдствѣ и о значительной покупкѣ, сдѣланной его отцомъ.

— Пропріетеръ и богачъ!—отвѣчалъ Вихровъ:—только въ Россіи независимость состоянія вовсе не есть полная независимость человѣка отъ всего; не мытьемъ, такъ катаньемъ доискутъ, и я только совершенно случайно пріѣхалъ сюда, въ Петербургъ, самъ, а не привезенъ фельдъегеремъ!

— Какъ, что такое? — спросилъ удивленный Плавинъ.

— Сейчасъ разскажу... Прежде одно слово объ васъ... Вы уже вице-директоръ?

— Да! — отвѣчалъ Плавинъ совершенно покойно.

Несмотря на то, что ему всего только было съ небольшимъ 30 лѣтъ, онъ ужъ мѣтилъ въ директоры, и такому быстрому повышенію въ службѣ онъ рѣшительно обязанъ былъ своей красивой наружности и необыкновенной внѣшней точности!

— Вы, значитъ, человѣкъ большой, — продолжалъ Вихровъ: — и можете оказать мнѣ помощь: я написалъ двѣ повѣсти, изъ которыхъ одна, въ духѣ Жоржъ-Занда, была и напечатана.

— Видѣлъ-съ и слышалъ, — произнесъ, кивая головой, Плавинъ.

— Во второй повѣсти я хотѣлъ сказать за нашихъ крестьянъ-мужичковъ; вы сами знаете, каково у насъ крѣпостное право и какъ еще оно, особенно по нашимъ провинціямъ, властвуетъ и господствуетъ.

— Да! — подтвердилъ и Плавинъ съ какой-то грустной улыбкой: — прежде, признаюсь, когда я жилъ ребенкомъ въ деревнѣ, я не замѣчалъ этого; но потомъ вотъ, пріѣзжая въ отпускъ, я увидѣлъ, что это страшная вещь, ужасная вещь!.. Человѣкъ вдругъ, съ его душой и тѣломъ, отданъ въ полную власть другому человѣку, и тотъ можетъ имъ распоряжаться больше, чѣмъ самъ царь, чѣмъ самый безусловный восточный властелинъ, потому что тотъ все-таки будетъ судить и распоряжаться на основаніи какихъ-нибудь законовъ или обычаевъ: а тутъ вы можете къ вашему крѣпостному рабу врываться въ самыя интимныя, сердечныя его отношенія, признавать ихъ или отвергать.

«А, какъ до самого-то коснулось, такъ не то заговорилъ, что̀ прежде!»—подумалъ Вихровъ.

— Я то же самое сказалъ и въ повѣсти моей, — проговорилъ онъ вслухъ:—однако оба мои творенія найдены противозаконными, ихъ разсмотрѣли, осудили!

— Гм, гм!—произнесъ Плавинъ, какъ человѣкъ, понимающій, что̀ говоритъ Вихровъ.

— И мнѣ, говорятъ, угрожаетъ, что я отданъ буду въ распоряженіе вашего начальства, — заключилъ тотъ.

— Очень можетъ быть,—отвѣчалъ, подумавъ, Плавинъ.

— Но какъ же вы мною распорядитесь? — спросилъ Вихровъ.

Плавинъ усмѣхнулся.

— Этого я вамъ теперь не могу сказать; но если хотите, я поразвѣдаю завтра и увѣдомлю васъ! — проговорилъ опъ какимъ-то осторожнымъ тономъ.

— Пожалуйста!—произнесъ Вихровъ, вставая уже и пожимая поданную ему Плавинымъ руку.

— Постараюсь! — отвѣчалъ тотъ.

— Тяжелое время мы переживаемъ!—сказалъ въ заключеніе Вихровъ.

Плавинъ при этомъ склонилъ только молча голову.

— Оно или придавитъ насъ совсѣмъ, или мы его сбросимъ! — прибавилъ Вихровъ.

Плавинъ и на это только молча склонилъ голову.

Вихровъ, выйдя отъ него, отправился къ Мари. Генерала, къ великому своему удовольствію, онъ не засталъ дома: тотъ отправился въ Англійскій клубъ обѣдать, и такимъ образомъ онъ съ Мари все послѣ-обѣда пробесѣдовалъ съ глазу на глазъ.

— Ну, что̀ же тебѣ сказали? — спросила та его, разумѣется, первое же слово.

— Да ничего еще пока не сказали, обѣщали только справиться.

Отвѣтъ этотъ мало успокоилъ Мари.

— Я вовсе не злая, по натурѣ, женщина, — заговорила она: — но, ей-Богу, выхожу изъ себя, когда слышу, что тутъ происходитъ. Вообрази себѣ, какой-то тамъ одинъ изъ важныхъ особъ сталъ обвинять министра народнаго просвѣщенія, что что-то такое было напечатано. Тотъ и возражаетъ на это: «помилуйте, говоритъ, да это въ евангеліи сказано!..» Вдругъ этотъ господинъ говоритъ: «Такъ неужели, говоритъ, вы думаете, что евангелія не слѣдовало бы запретить, если бы оно не было такъ распространено!»

Вихровъ покатился со смѣху.

— Это ужъ, я думаю, и выдумано даже,—проговорилъ онъ.

— Se non è vero, è ben trovato, — подхватила Мари: — про цензоровъ опять что̀ разсказываютъ, повѣрить невозможно: одинъ изъ нихъ, напримѣръ, у одного автора, у котораго татаринъ говоритъ: «клянусь моимъ пророкомъ!» — перемѣнилъ и поставилъ: — «клянусь моимъ лжепророкомъ!», и вышло, татаринъ говоритъ, что онъ клянется лжепророкомъ!

— Но зачѣмъ же онъ это сдѣлалъ? — спросилъ Вихровъ, сначала и не понявъ.

— А затѣмъ, что какъ же въ печати можно сказать, что Магометъ пророкъ, а надобно, чтобы всѣ даже мусульмане въ печати говорили, что онъ лжепророкъ. Хорошо тоже насчетъ пророка отличилась отвратительная газета «Сѣверная Пчела»; оперу «Пророкъ» у насъ запретили называть этимъ именемъ, а назвали «Осада Гента». Вдругъ г. Булгаринъ въ одной изъ своихъ попленькихъ статеекъ пишетъ, что въ Петербургѣ давали оперу «Осада Гента», неправильно за границей называемую «Пророкомъ».

— Все это показываетъ, что заниматься литературой надо и мысль покинуть! — произнесъ Вихровъ.

— Совершенно надо покинуть, какая тутъ литература!

— Но что̀ же дѣлать, Мари, такъ жить и ничѣмъ не заниматься — со скуки умрешь, или сопьешься!

— Читай больше, занимайся музыкой; пройдетъ же когда-нибудь это время, не все же будетъ такъ!

Вихровъ сидѣлъ, понуривъ голову.

— Останусь я здѣсь въ Петербургѣ, Мари, и буду ходить къ вамъ каждый вечеръ, — произнесъ онъ.

— Оставайся здѣсь и ходи къ намъ, — повторила она.

На лицѣ ея какъ бы въ одно и то же время отразилось удовольствіе и маленькій страхъ.

— И будемъ мы съ вами въ карты играть!

И будемъ въ карты играть; я очень рада не слышать разговора разныхъ господъ, которые являются къ моему супругу и ужасъ что говорятъ!

— Такъ такъ и сдѣлаемъ! — сказалъ Вихровъ, вставая и цѣлуя у Мари руку.

— Сдѣлаемъ! Сдѣлаемъ!—говорила она ему опять какъ бы нѣсколько нерѣшительнымъ тономъ.

XXI.

Участь рѣшена.

Вихровъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ часа обѣда Абреева, чтобы поскорѣе узнать отъ него о предназначенной ему участи. Онъ въ продолженіе длинно тянущагося дня заходилъ къ Мари, сидѣлъ у ней по крайней мѣрѣ часа три, гулялъ по Невскому, заходилъ въ Казанскій соборъ. Наконецъ приблизились вожделѣнные пять часовъ. Вихровъ зашелъ къ себѣ въ номеръ, переодѣлся во фракъ и отправился къ Абрееву. Тотъ попрежнему принялъ его въ кабинетѣ, но оказалось, что полковникъ обѣдаетъ не въ пять, а въ шесть часовъ, и такимъ образомъ до обѣда оставался еще добрый часъ.

— Все узналъ объ васъ,— встрѣтилъ Абреевъ такими словами Вихрова.

— А именно-съ? — спросилъ Павелъ; голосъ у него при этомъ немного дрожалъ.

— Прежде всего—вы желали знать,—началъ Абреевъ:—за что вы обвиняетесь... Обвиняетесь вы, во-первыхъ, за вашу повѣсть, которая, кажется, называется: «Да не осудите!»— такъ какъ въ ней вы хотѣли огласить и распространить ученія Запада, низвергнувшія въ настоящее время весь государственный порядокъ Франціи; во-вторыхъ, за вашъ разсказъ, въ которомъ вы идете противъ существующаго и правительствомъ признаваемаго крѣпостного права,— вотъ всѣ обвиненія, на васъ взводимыя; справедливы ли они или нѣтъ, я не знаю.

По тону голоса и по манерѣ, съ которою Абреевъ говорилъ, видно было, что онъ немножко подсмѣивался надъ этимъ.

— Можетъ-быть, это отчасти справедливо, — отвѣчалъ Вихровъ.

— Наказанія вамъ за таковыя ваши преступленія,—продолжалъ Абреевъ тѣмъ же тономъ: — положены нижеслѣдующія:

васъ назначено отправить въ одну изъ губерній съ опредѣленіемъ васъ на службу и съ воспрещеніемъ вамъ въѣзда въ обѣ столицы.

— Какъ съ опредѣленіемъ на службу?— спросилъ Вихровъ, испугавшись болѣе всего послѣдняго наказанія.

— Съ опредѣленіемъ на службу,—повторилъ Абреевъ.

— Да какъ же, развѣ можно насильно опредѣлить человѣка на службу?

— Отчего же нельзя?

— Оттого, что онъ ничего не будетъ дѣлать, или будетъ дѣлать дурно, затѣмъ только, чтобъ его выгнали опять изъ службы.

— Нѣтъ, его не выгонятъ; но если будетъ ничего не дѣлать, или дурно дѣлать, его будутъ наказывать.

— Какимъ же образомъ наказывать?

— Сначала будутъ ему дѣлать замѣчанія, выговоры, станутъ его сажать подъ арестъ и наконецъ, если это не поможетъ, смѣнятъ на низшую должность, предадутъ суду.

— Все это, выходитъ, далеко не шутка! — проговорилъ Вихровъ.

— Далеко не шутка!—повторилъ и Абреевъ.—Мой совѣтъ, mon cher, вамъ теперь покориться вашей участи, ѣхать, куда васъ пошлютъ: заслужить, если это возможно будетъ, благорасположеніе губернатора, который пусть хоть разъ въ своемъ отчетѣ упомянетъ, что вы отъ вашихъ заблужденій совершенно отказались и что примѣрнымъ усердіемъ къ службѣ стараетесь загладить вашу вину.

При этихъ словахъ Вихровъ даже смутился.

— Полковникъ! Если я стану объ этомъ хлопотать, то это будетъ подлость съ моей стороны: я никогда не перемѣню моихъ убѣжденій.

— Что жъ вы, этихъ господъ стойкостью и благородствомъ вашего характера хотите удивить и поразить; васъ только сочтутъ «закоренѣлымъ» и никогда поэтому не простятъ; но когда объ васъ будетъ благопріятная рекомендація губернатора, мы употребимъ здѣсь всѣ пружины, и, можетъ-быть, намъ удастся извлечь васъ снова на Божій свѣтъ.

— А другихъ средствъ вы не находите?

— Совершенно не нахожу.

— А если я напишу къ государю письмо и объясню, что я неспособенъ служить?

— Тутъ о вашей способности или неспособности къ службѣ никто и не заботится, но вы обязаны служить: какъ сосланный въ Енисейскую губернію долженъ жить въ Енисейской губер-

ній, или сосланный на каторгу долженъ работать на каторгѣ, — хотя, можетъ-быть, они и неспособны на то.

Проговоря это, Абреевъ самъ даже невольно улыбнулся своему объясненію.

Вихровъ совсѣмъ поникъ головой.

— Выхлопочемъ вамъ прощенье, выхлопочемъ,—ободрялъ его Абреевъ, хлопая дружески по плечу.

Вихровъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ.

— Вы не живали, полковникъ, въ провинціи и не знаете, что̀ это такое,—произнесъ онъ.

— Терпѣніе, mon cher, терпѣніе!—проговорилъ Абреевъ:— когда мнѣ въ тридцать почти лѣтъ пришлось сѣсть за указку, сначала было очень тяжело, но я далъ себѣ слово переломить себя и переломилъ... Однако allons dîner,—сказалъ онъ, взглянувъ на часы.

Въ столовой Вихровъ увидѣлъ съ черными глазами и съ роскошными волосами жену Абреева. Онъ довольно небрежно рекомендовалъ ей Вихрова.

— А у насъ была княгиня Тавина,—начала хозяйка какимъ-то точно размокшимъ языкомъ.

— Ну, что̀ же изъ этого?—спросилъ ее серьезно Абреевъ.

— Ничего,—протянула хозяйка.

Абреевъ при этомъ только потупился.

— Ужо я въ оперу поѣду,—продолжала тѣмъ же мятымъ языкомъ хозяйка.

— Поѣзжай,—отвѣчалъ ей и на это сухо Абреевъ.

— А вотъ кстати, я еще забылъ вамъ сообщить,—отнесся онъ къ Вихрову:—я по вашему дѣлу заѣзжалъ также и къ Плавину, онъ тоже все это знаетъ и хлопочетъ за васъ; потомъ я въ клубѣ видѣлъ разныя другія ихъ власти и говорилъ имъ, чтобы они по крайней мѣрѣ мѣсто дали вамъ приличное, а то, пожалуй, пишемъ васъ какимъ-нибудь опредѣлятъ.

— Мнѣ это рѣшительно все равно,—сказалъ съ грустью Вихровъ.

Ему всего мучительнѣе была мысль, что онъ долженъ будетъ разстаться съ Мари, и когда потомъ съ ней увидится, онъ и того даже не зналъ.

Съ печальными и тяжелыми мыслями вышелъ онъ отъ Абреевыхъ и не въ состояніи даже былъ ѣхать къ Эйсмондамъ. Онъ хотѣлъ вечеръ лучше проспдѣть у себя въ номерѣ, чтобы пособраться нѣсколько съ своими мыслями и чувствами: но только-что онъ поприлегъ на свою постель, какъ раздались тяжелые шаги, и вошелъ къ нему курьеръ и подалъ щегольской изъ веленевой бумаги конвертъ, въ который вложена

была, тоже на веленевой бумагѣ и щегольскимъ почеркомъ написанная записка: «Всеволодъ Никандрычъ Плавинъ, свидѣтельствуя свое почтеніе Павлу Михайловичу Вихрову, проситъ пожаловать къ нему въ 11 часовъ утра для объясненія по дѣламъ службы».—«Этакій отвратительный формалистъ», подумалъ про себя Вихровъ.

Въ одиннадцать часовъ на другой день онъ пошелъ къ Плавину. Тотъ принялъ его на этотъ разъ гораздо суше и даже нѣсколько строго.

— Господинъ министръ,—началъ онъ, самъ стоя и не сажая Вихрова: — поручилъ мнѣ вамъ передать: въ какую губернію вы желаете быть отправлены и опредѣлены на службу?

И Плавинъ назвалъ Вихрову три губерніи.

Герой мой рѣшительно недоумѣвалъ и при этомъ вспомнилъ только, что въ одной изъ сказанныхъ ему губерній служатъ братья Захаревскіе; а потому онъ и выбралъ ее, чтобъ имѣть хоть кого-нибудь знакомыхъ.

— Потрудитесь вписать эту губернію,—сказалъ Плавинъ сидѣвшему тутъ же у стола молодому человѣку.

Тотъ написалъ что-то такое на бумагѣ.

— Въ какую же должность меня тамъ опредѣлятъ?—спросилъ Вихровъ.

— Васъ назначаютъ чиновникомъ особыхъ порученій къ губернатору, безъ жалованья, такъ какъ есть въ виду, что вы имѣете свое состояніе.

— А кто тамъ губернаторъ въ этой губерніи, которую я выбралъ?—спросилъ Вихровъ.

— Не помню,—произнесъ протяжно Плавинъ и вслѣдъ затѣмъ позвонилъ.

Въ комнату вошелъ солдатъ.

— Попроси ко мнѣ Дормидонта Ивановича,—сказалъ онъ.

Солдатъ ушелъ, и вслѣдъ затѣмъ явился Дормидонтъ Ивановичъ—старый, почтенный и, должно-быть, преисполнительный столоначальникъ.

— Кто губернаторъ въ ...?—И Плавинъ назвалъ губернію, которую выбралъ Вихровъ.

— Генералъ-майоръ Моховъ.

— Онъ откуда?

— Изъ южныхъ польскихъ губерній переведенъ,—отвѣчалъ Дормидонтъ Ивановичъ какимъ-то грустнымъ голосомъ.

— По случаю чего?—продолжалъ какъ бы допрашивать Плавинъ почтительно стоявшаго передъ нимъ стараго столоначальника.

Дормидонтъ Ивановичъ слегка улыбнулся при этомъ.

— По строгости и строптивости права,—отвѣчалъ онъ.

— Это хорошо,—произнесъ Вихровъ:—но, можетъ-быть, въ другихъ губерніяхъ, которыя мнѣ предназначены, эти господа лучше?

Плавинъ думалъ.

Дормидонтъ Ивановичъ понялъ наконецъ, къ чему его разспрашиваютъ.

— Все одни и тѣ же!—отвѣчалъ онъ Вихрову и махнулъ рукой.

Плавинъ сдѣлалъ слегка знакъ головою Дормидонту Ивановичу, и тотъ удалился.

Вихровъ нѣсколько времени еще оставался съ Плавинымъ, какъ бы ожидая, не скажетъ ли тотъ чего-нибудь; но Плавинъ молчалъ, и при прощаньи наконецъ видно было даже, что онъ хотѣлъ что-то такое сказать,—однако не рѣшился на это и только молча расцѣловался съ Вихровымъ.

Тотъ прямо отъ него пришелъ къ Мари. Она ужъ съ ума сходила, гдѣ онъ и что съ нимъ, и посылала письмо къ нему въ номеръ; но тамъ ей отвѣтили, что его дома нѣтъ.

— Гдѣ ты пропадаешь?—воскликнула она, встрѣтивъ его почти на порогѣ передней.

— Все по дѣламъ своимъ хлопоталъ,—отвѣчалъ, грустно улыбаясь, Вихровъ.

— Ну что же, чѣмъ тебя рѣшили?—спрашивала Мари; нетерпѣніе было видно въ каждой чертѣ ея лица

Въ это время они входили въ ея комнату и усаживались.

— Рѣшили, чтобы сослать меня въ ... губернію и опредѣлить тамъ на службу.

— Зачѣмъ же на службу?—спросила Мари, чутьемъ сердца понимавшая, что это было всего тяжелѣе для Вихрова.

— Для улучшенія моей нравственности и моихъ взглядовъ на вещи,—отвѣчалъ онъ насмѣшливо.

— Но за что же?.. за что?..—спрашивала Мари.

— За проведеніе французскихъ идей и протестъ мой противъ крѣпостного права,—отвѣчалъ Вихровъ.

Мари взяла себя за голову.

Она не въ состояніи, кажется, была говорить отъ горя и досады.

— Это ужасно, — продолжалъ Вихровъ: — Богъ далъ мнѣ, говорятъ, талантъ, нѣкоторый умъ и образованіе: но я теперь никнуть не смѣю печатно, потому что подавать читателямъ воду, какъ это дѣлаютъ другіе господа, я не могу; а такъ писать, какъ я хочу, мнѣ не позволятъ всю жизнь; ну и прекрасно, — это, значитъ, убили во мнѣ навсегда; но мнѣ

жить даже не позволяютъ тамъ, гдѣ я хочу!.. Теперь мое единственное желаніе быть въ Петербургѣ около васъ, потому что вы для меня все въ мірѣ, и единственная моя родня и единственный мой другъ,—для меня все въ васъ!..

Когда Вихровъ говорилъ это, у него слезы даже выступили изъ глазъ. У Мари также капали онѣ по щекамъ.

— Ничего, Богъ дастъ, все это пройдетъ когда-нибудь,— сказала она, протягивая ему руку.

— Другъ мой!—воскликнулъ Вихровъ: —пока пройдетъ, еще неизвѣстно, что со мной будетъ; я пробовалъ провинцію и чуть не спился тамъ...

— Это я слышала, и меня, признаюсь, это больше всего пугаетъ,—проговорила мрачно Мари.—Ну, послушай,—продолжала она, обращаясь къ Вихрову и беря его за руку:—ты говоришь, что любишь меня: то для меня, для любви моей къ тебѣ, побереги себя въ этомъ случаѣ, потому что всѣ эти несчастія твои пройдутъ: но этимъ ты погубишь себя!

— А вы будете любить меня за это?—спросилъ ее Вихровъ нѣжнымъ голосомъ.

— Буду всей душой!—воскликнула Мари:—буду тебя любить больше мужа, больше дѣтей моихъ.

Павелъ взялъ ея руку и страстно цѣловалъ ее.

Мари поняла наконецъ, что слишкомъ далеко зашла, отняла руку, утерла слезы и старалась принять болѣе спокойный видъ, и взяла только съ Вихрова слово, чтобъ онъ обѣдалъ у нихъ и провелъ съ нею весь день. Павелъ согласился. Когда самому Эйсмонду за обѣдомъ сказали, какой проступокъ учинилъ Вихровъ и какое ему послѣдовало за это наказаніе, онъ пожалъ плечами, сдѣлалъ двусмысленную мину и только, кажется, изъ боязни жены не замѣтилъ, что такъ и слѣдовало.

Вечеромъ у нихъ собралось довольно большое общество, и все больше старые военные генералы, за исключеніемъ одного только молодого капитана, который тѣмъ не менѣе однако больше всѣхъ говорилъ и явно приготовлялся владѣть всей бесѣдой. Рѣчь зашла о дѣлѣ Петрашевскаго, составлявшемъ тогда предметъ разговора всего петербургскаго общества. Молодой капитанъ по этому поводу сталъ высказывать самыя яркія и сильныя мысли.

— Мнѣ очень жаль, что ихъ не повѣсили, очень жаль!— говорилъ онъ какимъ-то порывистымъ голосомъ.

— Ну что же — ужъ и повѣсить! — возражали ему даже старики.

— Непремѣнно повѣсить-съ...—говорилъ капитанъ, блѣдпѣя

даже въ лицѣ:—они вреднѣй декабристовъ-съ!.. Тѣ вышли на площадь съ оружіемъ въ рукахъ и требовали тамъ какихъ-то перемѣнъ; но безнравственности они не проповѣдывали-съ!.. А господа петрашевцы отвергали религію, бракъ, собственность!.. Тѣ разбойники, а это злоумышленные писатели; а припомните басню, кто больше былъ въ аду наказанъ: разбойникъ ли, убивавшій на дорогѣ, или злоумышленный писатель?

— Это-то такъ, конечно, что такъ! — соглашались съ нимъ старики.

— Или теперь это письмо г. Бѣлинскаго ходитъ по рукамъ,—продолжалъ капитанъ тѣмъ же нервнымъ голосомъ:— это, по-моему, возмутительная вещь: онъ пишетъ-съ, что католическое духовенство было когда-то и чѣмъ-то, а наше никогда и ничѣмъ, и что Петръ Великій понялъ, что единственное спасеніе для русскихъ — это перестать быть русскими... Какъ хотите, господа, этими словами онъ ударилъ по лицу всѣхъ насъ и всю нашу исторію.

— Еще какъ и ударилъ-то,—подхватилъ и Эйсмондъ.

— Далѣе потомъ-съ,—продолжалъ капитанъ:— объясняетъ, что въ Россіи произошло филантропическое замѣненіе однохвостнаго кнута трехвостною плетью,—какъ будто бы у насъ только и дѣлаютъ, что казнятъ и наказываютъ.

— Да-съ, у насъ только и дѣлаютъ, что казнятъ и наказываютъ! — вмѣшался вдругъ въ разговоръ, весь вспыхнувъ, Вихровъ.

— Кого жъ это наказываютъ? — спросилъ его спокойно и съ замѣтно малымъ уваженіемъ капитанъ.

— Меня-съ!.. Смѣю вамъ представить себя въ примѣръ, — произнесъ тѣмъ же раздраженнымъ тономъ Вихровъ.

— Вѣроятно, есть за что, — замѣтилъ ему опять спокойно капитанъ.

— А за то только, что я осмѣлился печатно сказать, что у насъ иногда пьяные помѣщики бьютъ своихъ женъ.

— Это совершенно не ваше дѣло!—сказалъ ему съ усмѣшкой капитанъ.

— Какъ не мое дѣло?—возразилъ опѣшенный этимъ замѣчаніемъ Вихровъ.

— Дѣло правительства и законодателей улучшать и исправлять нравы, а никакъ не частныхъ людей!.. — продолжалъ капитанъ.

— Нравы всегда и всюду исправляла литература, а не законодатели! —сказала ему Мари.

— И никогда нисколько не исправила, а развратила во многихъ случаяхъ,—объяснилъ ей капитанъ.

Вихрѣвъ хотѣлъ-было возразить ему, но Мари толкнула его ногой и даже шепнула ему:

— Оставь этого господина!

— Что же онъ, шпіонъ? — спросилъ ее въ свою очередь Вихровъ.

— Хуже того, фанатикъ! — сказала Мари.

Капитанъ между тѣмъ обратился къ старикамъ, считая какъ бы унизительнымъ для себя разговаривать долѣе съ Вихровымъ, которому тоже очень ужъ сдѣлалось тяжело оставаться въ подобномъ обществѣ. Онъ взялся за шляпу и началъ прощаться съ Мари. Та, кажется, поняла его и не удерживала.

— Христосъ съ тобой! — сказала она ему ласковымъ голосомъ: — завтра еще заѣдешь?

— Непремѣнно заѣду, — отвѣчалъ Вихровъ и, раскланявшись съ прочими, ушелъ.

Подходя къ своей гостиницѣ, онъ еще издали замѣтилъ какую-то весьма подозрительной наружности, стоящую около подъѣзда, телѣжку парой, а потомъ, когда онъ вошелъ въ свой номеръ, то увидалъ тамъ стоящаго жандарма съ сумкой черезъ плечо. Сомнѣнья его сейчасъ же всѣ разрѣшились.

— Ты за мной?—спросилъ онъ солдата.

— За вами, ваше высокоблагородіе.

— А мнѣ нельзя еще пробыть здѣсь, проститься кое съ кѣмъ?

— Никакъ нельзя того, ваше благородіе,—отвѣчалъ солдатъ.

Вихровъ велѣлъ Ивану своему укладывать свои вещи и объявилъ ему, что они сейчасъ же поѣдутъ.

Иванъ, какъ только еще увидѣлъ солдата, такъ ужъ обмеръ, а теперь, когда баринъ сказалъ ему, что солдатъ этотъ повезетъ ихъ куда-то, то у него зубы даже застучали отъ страха.

— Дяденька, ты куда насъ повезешь?.. въ Сибирь, что ли?— спрашивалъ онъ почти плачущимъ и прерывающимся голосомъ солдата.

— Нѣтъ, не въ Сибирь,—отвѣчалъ тотъ, ухмыляясь.

Вихровъ между тѣмъ написалъ коротенькую записку къ Мари и объявилъ ей, что заѣхать ему къ нимъ нельзя, потому что его везутъ съ жандармомъ.

Часа въ два ночи они выѣхали. Ванька продолжалъ дрожать въ повозкѣ. Онъ все не могъ понять, за что это барина его наказывали.

«Укралъ, что ли, онъ что!?»—размышлялъ онъ въ глупой головѣ своей.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Письмо Вихрова къ Мари.

Пишу къ вамъ почти дневникъ свой: жандармъ меня прямо подвезъ къ губернаторскому дому и сдалъ сидѣвшему въ пріемной адъютанту подъ расписку: тотъ сейчасъ же донесъ обо мнѣ губернатору, и меня ввели къ нему въ кабинетъ. Здѣсь я увидѣлъ стоящаго на ногахъ довольно высокаго генерала въ очкахъ и съ подстриженными усами. Я всегда терпѣть не могъ подстриженныхъ усовъ, и почему-то мнѣ кажется, что это дѣлаютъ только люди весьма злые и необразованные.

Генералъ осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы.

— Гдѣ вы учились?—спросилъ онъ.

— Въ университетѣ московскомъ.

— Имѣете состояніе?

— Имѣю.

— Что именно?

— Триста слишкомъ душъ!

При этомъ, какъ мнѣ показалось, лицо губернатора приняло нѣсколько болѣе благопріятное для меня выраженіе.

— Мнѣ предписано опредѣлить васъ къ себѣ въ чиновники особыхъ порученій безъ жалованья.

Я на это ничего ему не сказалъ.

— Можете итти отдыхать! Надѣюсь, что вы не подадите мнѣ повода ссориться съ вами!.. — прибавилъ онъ, когда я совсѣмъ уходилъ.

Тельжка моя стояла уже безъ жандарма. Я сѣлъ въ нее и велѣлъ себя везти въ какую-нибудь гостиницу. Иванъ мой былъ ни живъ ни мертвъ. Онъ все воображалъ, что насъ обоихъ съ нимъ въ тюрьму посадятъ. Въ гостиницѣ на меня тотчасъ, какъ я раздѣлся, напала страшнѣйшая скука: видневшаяся мнѣ въ окно часть города показалась противною; идущіе и ѣдущіе людишки, должно-быть, были ужасная все дрянь; лошаденки у извозчиковъ прешлохія; церкви все какія-то маленькія. «Что же я буду дѣлать тутъ?»—спрашивалъ я съ отчаяніемъ самого себя. Читать я не могъ, да у меня и не было ни одной книжки. Служебнаго какого-нибудь дѣла мнѣ, по моей неблагонадежности, вѣроятно, не довѣрятъ. «Чѣмъ же я займу себя, несчастный!» — восклицалъ я, и скука моя была такъ велика, что, несмотря на усталость, я

сейчасъ же сталъ собираться ѣхать къ Захаревскимъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь себя занять. Пришедшій меня брить цырюльникъ разсказалъ мнѣ, что старшій Захаревскій считается за очень честнаго и неподкупнаго господина. Онъ изъ товарищей предсѣдателя сдѣланъ уже прокуроромъ.

— Ежели вотъ кого теперь чиновники обидятъ, онъ сейчасъ заступится и отстоитъ!—объяснялъ мнѣ цырюльникъ.

— А младшій что?

— Младшій—форсунъ, богачъ! Что за лошади, что за экипажъ у него!

— А губернаторъ что за человѣкъ?

— Строгій.—ухъ, какой!.. бѣда!

— А взятки беретъ?

— Про самого-то не чуть!.. А тутъ дама сердца есть у него: та, слышно, побираетъ.

— И потомъ ему передаетъ?

— Да Богъ ихъ знаетъ!.. Нѣтъ, надо-быть!.. У себя оставляетъ.

Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній я доволенъ былъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что старшій Захаревскій, какъ видно, былъ человѣкъ порядочный, и я прямо поѣхалъ къ нему. Онъ принялъ меня съ удивленіемъ, какимъ образомъ я попалъ къ нимъ въ городъ, и когда я объяснилъ ему, какимъ именно, это, кажется, очень подняло меня въ глазахъ его.

— Очень радъ, конечно, не за васъ, а за себя, что васъ вижу здѣсь!—говорилъ онъ, вводя меня въ свой кабинетъ, по убранству котораго видно было, что Захаревскій много работалъ, и вообще за послѣднее время онъ больше чѣмъ возмужалъ: онъ какъ-то постарѣлъ,—чиновничье честолюбіе, должно-быть, сильно его глодало.

— Я прежде всего, — началъ я: — прошу у васъ совѣта: какого рода жизнь могу я повести здѣсь?

Захаревскій не понялъ сначала моего вопроса.

— Какъ, какого рода жизнь?—спросилъ онъ.

— Какого? Прежде я писалъ, но теперь мнѣ это запретили; что же я буду дѣлать послѣ того?

— Вы теперь служить предназначены,—произнесъ Захаревскій съ полуулыбкой.

— Но, по моей неблагонамѣренности, мнѣ, конечно, ничего не довѣрятъ дѣлать!

— Не думаю, — произнесъ Захаревскій: — губернатору, вѣроятно, предписано даже занять васъ. Если хотите, я скажу ему о томъ же.

— А вы съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ?

— Не то что въ хорошихъ, но онъ непремѣнно будетъ говорить самъ объ васъ, потому что вы — «лицо политическое»: нельзя же ему не сообщить о немъ прокурору; кромѣ того, ему пріятно будетъ огласить это «довѣріе начальства», которое прислало къ нему васъ на выучку и на исправленіе.

Захаревскій на словахъ: «лицо политическое», «довѣріе начальства», дѣлалъ замѣтно насмѣшливое удареніе. Я просилъ его сказать губернатору, чтобы тотъ далъ мнѣ какое-нибудь дѣло, и потомъ полюбопытствовалъ узнать, какимъ образомъ губернаторъ этотъ попалъ въ губернаторы. Захаревскій сдѣлалъ на это небольшую гримасу.

— Онъ былъ сначала взятъ,—отвѣчалъ онъ: — за высокій ростъ въ адъютанты... Здѣсь онъ пріучился къ писарской канцелярской службѣ; былъ потомъ, кажется, въ жандармахъ и сдѣланъ наконецъ губернаторомъ.

Я объяснилъ ему, что онъ мнѣ очень грубымъ человѣкомъ показался.

— Да, онъ не изъ нѣжныхъ!—отвѣчалъ Захаревскій.

— А уменъ?

— Очень даже!.. Природнаго ума пропасть имѣетъ; но надмененъ и мстителенъ до послѣдней степени: онъ, я думаю, во всю жизнь свою никогда и никому не прощалъ не только малѣйшей обиды, но даже неповиновенія.

— У него, говорятъ, есть еще любовница, которая за него и взятки береть.

— Есть и это!—сказалъ съ улыбкой Захаревскій.

Я объяснилъ ему, что мнѣ все это весьма непріятно слышать, потому что подобный господинъ, пожалуй, Богъ знаетъ какъ станетъ надо мной надругаться.

— Не думаю! — возразилъ Захаревскій: — онъ слишкомъ лукавъ для того: онъ обыкновенно очень сильно давитъ только людей безгласныхъ, но вы—онъ это очень хорошо пойметъ — все-таки человѣкъ съ голосомъ!.. Меня онъ, напримѣръ, я увѣренъ, весьма желалъ бы видѣть на веревкѣ повѣшеннымъ, но при всемъ томъ не только что на бумагѣ, но даже въ частномъ обращеніи ни однимъ взглядомъ не позволяетъ сдѣлать мнѣ что-нибудь непріятное.

Отъ этихъ житейскихъ разговоровъ Захаревскій съ явнымъ умысломъ перешелъ на общіе вопросы; ему, кажется, хотѣлось опредѣлить себѣ степень моей либеральности и узнать даже, какъ и что я — въ смыслѣ религіи. Съ легкой руки славянофиловъ онъ врядъ ли не полагалъ, что всякій истинный либералъ долженъ быть непремѣнно православный. На

его вопросъ, сдѣланный имъ мнѣ по этому предмету довольно ловко, я откровенно ему сказалъ, что я пантеистъ и что ничѣмъ больше этого быть не могу. Это, какъ я очень хорошо видѣлъ, показалось Захаревскому уже немножко сильнымъ или даже просто глуповатымъ. По своимъ понятіямъ онъ, конечно, самый свободномыслящій человѣкъ во всей губерніи; но только либерализмъ его, если можно такъ выразиться, какой-то мѣстный: онъ, видимо, до глубины души возмущается деспотизмомъ губернатора и, вѣроятно, противодѣйствуетъ ему всѣми силами, но когда тутъ же разговоръ коснулся Наполеона III, то онъ съ удовольствіемъ объявилъ, что тотъ наконецъ восторжествовалъ и объявилъ себя императоромъ, и когда я воскликнулъ, что Наполеонъ этотъ будетъ тотъ же губернаторъ нашъ, что весь родъ Наполеоновъ надобно сослать на островъ Елену, чтобы никому изъ нихъ никогда не удалось царствовать, потому что всѣ они въ душѣ тираны и душители мысли и наконецъ люди въ высшей степени антихудожественные, — онъ совершенно не понялъ моихъ словъ. Марьеновскій какъ-то мнѣ справедливо говорилъ, что всѣ правовѣды имѣютъ прекрасное направленіе, но всѣ они—люди весьма поверхностно образованные и стоящіе на весьма жидкомъ основаніи. Во всякомъ случаѣ, встрѣтить подобнаго человѣка въ такой глуши — для меня находка. Я проѣздомъ у него, по крайней мѣрѣ, часа четыре и, уѣзжая, спросилъ его о братѣ: когда я могу того застать дома.

— Онъ очень радъ будетъ вамъ,—отвѣчалъ Захаревскій:— и, чтобы не дѣлать вамъ пустыхъ визитовъ, пріѣзжайте къ нему вечеромъ ужо,—и я у него буду!

Я душевно обрадовался этому приглашенію, потому что рѣшительно не зналъ, что мнѣ вечеръ дѣлать.

Нанятый мною на вечеръ извозчикъ, когда я спросилъ его, знаетъ ли онъ, гдѣ живетъ инженеръ Захаревскій, — въ удивленіи воскликнулъ:

— Какъ не знать-съ, помилуйте!—И потомъ, везя меня, прибавилъ:—У нихъ свой домъ-съ и отличнѣющій!

Домъ, въ самомъ дѣлѣ, оказался отличнѣйшимъ; въ сѣняхъ полъ былъ мозаикъ: въ залѣ, сдѣланной подъ мраморъ, висѣли картины; мебель, рояль, драпировки — все это было новенькое, свѣженькое.

Инженеръ встрѣтилъ меня съ распростертыми объятіями. Старшій Захаревскій былъ уже у брата и разсказалъ ему о моемъ пріѣздѣ.

— Мы рѣшительно встрѣчаемся съ вами нечаянно,—говорилъ инженеръ, ведя меня по своимъ нарядным апартамен-

тамъ: — то у какого-то шуллера въ Москвѣ, потомъ вдругъ здѣсь!..

Мы всѣ усѣлись въ его хорошенькомъ кабинетѣ, который скорѣе походилъ на кабинетъ камеліи, чѣмъ на кабинетъ мужчины.

Я забылъ сказать, что оба брата Захаревскіе имѣютъ довольно странныя имена: старшій называется Иларіонъ Ардальонычъ, а младшій — Виссаріонъ Ардальонычъ. Разговоръ, разумѣется, начался о моей ссылкѣ и о причинѣ, подавшей къ этому поводъ. Иларіонъ Захаревскій нѣсколько разъ прерывалъ меня, поясняя брату съ негодованіемъ нѣкоторыя обстоятельства. Но тотъ выслушалъ все это весьма равнодушно.

— Нечего дѣлать, правительство!.. надобно ему подчиняться...—говорилъ онъ.

— Въ томъ-то и дѣло,—возразилъ старшій Захаревскій:— что правительство у насъ хорошихъ людей наказываетъ, а негодяевъ чинами и крестами награждаетъ.

— Ну, гдѣ жъ, — произнесъ Виссаріонъ Захаревскій: — и негодяевъ наказываютъ... Конечно, это странно, что человѣка за то, что онъ написалъ что-то такое, ссылаютъ! Ну, обяжи его подпиской, чтобы онъ впередъ не писалъ ничего подобнаго.

На этихъ словахъ какой-то писецъ или солдатъ доложилъ ему, что пришелъ подрядчикъ.

— Пожалуйте сюда! — вскрикнулъ Захаревскій на весь свой домъ.

Въ комнату вошелъ рыжій подрядчикъ.

— Счетъ принесъ?

— Принесъ!

И подрядчикъ подалъ Захаревскому исписанный листъ. Тотъ просмотрѣлъ этотъ листъ, помаралъ въ немъ что-то карандашомъ, прикинулъ нѣсколько разъ на счетахъ и, написавъ выведенную на нихъ сумму на бумагѣ, подалъ ее подрядчику.

— Извольте получить-съ!—тысячу рублей скидки.

У подрядчика и рожа вытянулась и глаза забѣгали.

— Многонько, ваше высокоблагородіе, — проговорилъ онъ какимъ-то глухимъ голосомъ.

— Не маленько ли скорѣй?.. Не маленько ли?—возразилъ ему уже громкой фистулой Захаревскій.

Подрядчикъ глубоко-глубоко вздохнулъ, потомъ вдругъ, какъ бы собравшись со всѣмъ своимъ духомъ, произнесъ:

— Такъ работать нельзя-съ, я не возьму-съ,—вся ваша воля.

— Не бери, проговорилъ ему и на это совершенно хладнокровно Захаревскій.

— Да какъ же браться-то такъ: помилуйте, ваше высокоблагородіе! — почти вопилъ подрядчикъ.

— Никто тебя не заставляетъ, на арканѣ не тащатъ! — проговорилъ Захаревскій совершенно развязнымъ тономъ.

— Ахъ, ты, Боже ты мой! — произнесъ почти со стономъ подрядчикъ и точно съ какимъ-то остервенѣніемъ взялъ изъ рукъ Захаревскаго перо и расписался на счетѣ.

— Прощайте-съ, дѣлать нечего,— прибавилъ онъ и съ понуренной головой, какъ бы все потерявъ на свѣтѣ, вышелъ изъ комнаты.

— Фу, вотъ пытку-то выдержалъ!— произнесъ по уходѣ его Захаревскій взволнованнымъ уже голосомъ.

Я и братъ его взглянули на него съ удивленіемъ.

— Замѣть этотъ шельма по моей физіономіи, что у меня ни одного нѣтъ подрядчика въ виду, онъ не только бы не снесъ тысячу, но еще накинулъ бы.

— А у тебя развѣ нѣтъ въ виду другихъ?— спросилъ его братъ.

— Ни единаго! — воскликнулъ инженеръ. — Сегодня всѣ они въ комиссіи нахватали работъ и за пять рублей ни одного человѣка въ день не дадутъ.

Странныя и невеселыя мысли волновали меня, пока я все это видѣлъ и слышалъ; понятно, что оба брата Захаревскіе были люди, стоящіе у дѣла и умѣющіе его дѣлать. Чѣмъ же я теперь посреди ихъ являюсь?.. А между тѣмъ я имъ ровесникъ, такъ же какъ ровесникъ и моему петербургскому другу, Плавину. Грустно и стыдно мнѣ стало за самого себя: не то, чтобы я завидовалъ ихъ чинамъ и должностямъ, нѣтъ! Я завидовалъ тому, что каждый изъ нихъ сумѣлъ найти дѣло и научился это дѣло дѣлать... Что же я умѣю дѣлать? Все до сихъ поръ учился еще только чему-то, потомъ написалъ какую-то повѣсть—и еще, можетъ-быть, очень дурную, за которую однако успѣли сослать меня. Самъ ли я ничтожество, или воспитаніе мое было фальшивое, не знаю, но сознаю, что я до сихъ поръ былъ какимъ-то *чувствователемъ жизни*—и только пока... Возвращаюсь однако къ моему разсказу: по уходѣ подрядчика, между братьями сейчасъ же начался споръ, характеризующій, какъ мнѣ кажется, не только ихъ личные характеры, но даже званія, кои они носятъ. Старшій Захаревскій передалъ мнѣ, что онъ видѣлся уже съ губернаторомъ, говорилъ съ нимъ обо мнѣ, и что тотъ намѣренъ былъ занять меня серьезнымъ дѣломъ: передавая все это, онъ не

преминулъ слегка ругнуть губернатора. Младшій Захаревскій возмутился этимъ.

— За что ты этого человѣка бранишь всегда? — спросилъ онъ.

— За то, что онъ стоитъ того!—отвѣчалъ Ларіонъ Захаревскій.

— Чѣмъ стоитъ?

— Всѣмъ!

— Чѣмъ же всѣмъ? Это ужасно неопредѣленно!

— А хоть тѣмъ, что вашимъ разнымъ инженернымъ продѣлкамъ потворствуетъ, а вы у него за это ножки цѣлуете!— проговорилъ рѣзко прокуроръ и, вставъ на ноги, началъ ходить по комнатѣ.

Инженеръ при этомъ немного покраснѣлъ.

— Погоди, постой, любезный, г. Вихровъ насъ разсудитъ!—воскликнулъ онъ и обратился затѣмъ ко мнѣ: — братъ мой изволитъ служить прокуроромъ; очень смѣло, энергически подаетъ противъ губернатора протесты,—все это прекрасно; но надобно знать-съ, что ихъ министръ не косе смотритъ на протесты противъ губернаторовъ, а, напротивъ того, считаетъ тѣхъ прокуроровъ за дѣльныхъ, которые дѣлаютъ это; наше же начальство, напротивъ, прямо даетъ намъ знать, что мы, говоритъ, изъ-за васъ переписываться ни съ губернаторами ни съ другими министерствами не намѣрены. Изъ-за какого же чорта теперь я стану ругать человѣка, который, я знаю, на каждомъ шагу можетъ принесть существенный вредъ мнѣ по службѣ,—въ такомъ случаѣ ужъ лучше не служить, выйти въ отставку!.. Стало-быть, что же выходитъ? Онъ благородствовать можетъ съ выгодой для себя, а я только съ величайшимъ вредомъ для всей своей жизни!.. Теперь второе: онъ хватилъ тамъ: «ваши инженерныя продѣлки». Въ чемъ эти «продѣлки» состоятъ, позвольте васъ спросить? Господинъ Оверъ, напримѣръ, береть за визитъ 50 рублей, — называютъ это съ его стороны продѣлкою? Извѣстный актеръ въ свой бенефисъ назначаетъ цѣны тройныя, — продѣлка это, или нѣтъ? Живописецъ какой-нибудь беретъ за свои картины по тысячѣ, по по двѣ, по пяти. Всѣ они берутъ это за свое искусство; такъ точно и мы, инженеры... Вы не умѣете дѣлать того, что я умѣю, и нанимаете меня: я и назначаю цѣну десять, двадцать процентовъ, которые и беру съ подрядчика; не хотите вы давать намъ этой цѣны,—не давайте, берите — кого хотите, не инженеровъ, и пусть они дѣлаютъ вамъ то, что мы!

— Торговаться-то съ вами некому, потому что тутъ казна— лицо совершенно абстрактное, которое всѣ считаютъ себя въ

правѣ обирать, и никто не безпокоится заступиться за него! — говорилъ прокуроръ, продолжая ходить по комнатѣ.

— Сдѣлай милость! — воскликнулъ инженеръ: — казна, или кто тамъ другой, очень хорошо знаетъ, что инженеры за какіе-нибудь триста рублей жалованья въ годъ служить у него не станутъ, а сейчасъ же уйдутъ на тѣ же иностранныя желѣзныя дороги, а потому и дозволяетъ ужъ самимъ намъ имѣть извѣстныя выгоды. Дай мнѣ правительство десять, пятнадцать тысячъ въ годъ жалованья, конечно, я буду лучше постройки производить и лучше и честнѣе служить.

По всему было замѣтно, что Иларіону Захаревскому тяжело было слышать эти слова брата и стыдно меня; онъ перемѣнилъ разговоръ и сталъ разспрашивать меня о деревнѣ моей и, между прочимъ, объявилъ мнѣ, что ему писала обо мнѣ сестра его, очень милая дѣвушка, съ которой, дѣйствительно, я встрѣчался нѣсколько разъ; а инженеръ въ это время распорядился ужиномъ и въ своей маленькой, но прелестной столовой угостилъ насъ отличными стерлядями и шампанскимъ.

Домой поѣхали мы вмѣстѣ съ старшимъ Захаревскимъ. Ему, повидимому, хотѣлось нѣсколько поднять въ моихъ глазахъ брата.

— Братъ Виссаріонъ, — сказалъ онъ: — кромѣ практическихъ разныхъ свѣдѣній по своей части, и теоретикъ отличный!

Но я, признаюсь, больше готовъ былъ повѣрить въ первое его качество.

Дома я встрѣтилъ два событія; во-первыхъ, посреди моего номера лежалъ до безчувствія пьяный Ванька. Я велѣлъ коридорному взять его и вывести. Тутъ этотъ негодяй очнулся, разревѣлся и началъ мнѣ объяснять, что это онъ пьетъ со страха, чтобы его дальше со мной въ Сибирь не сослали. Чтобы успокоить его и главное себя, я завтра же отправляю его въ деревню и велю оттуда пріѣхать вмѣсто него старухѣ-ключницѣ и одной комнатной дѣвушкѣ... Второе событіе—это уже присланное на мое имя предписаніе губернатора такого содержанія: «Извѣстился я, что въ селѣ Скворцовѣ крестьянинъ Иванъ Кононовъ совратилъ въ расколъ крестьянскую дѣвицу Пелагею Мартьянову, а потому предписываю вашему высокоблагородію произвести на мѣстѣ дознаніе и о послѣдующемъ мнѣ донести». Отложивъ обо всемъ этомъ заботы до слѣдующаго дня, я сталъ письменно бесѣдовать съ вами, дорогая кузина. Извините, что все почти представляю вамъ въ лицахъ: увы! какъ романисту, мнѣ, вѣроятно, никогда уже болѣе не придется писать въ жизни, а потому я хоть въ письмахъ къ вамъ буду практиковаться въ сей любезной мнѣ манерѣ».

II.

Сектаторъ.

Вихровъ очень невдолгѣ получилъ и отвѣтъ на это письмо отъ Мари. Она, впрочемъ, писала немного ему: «Какъ тебѣ не грѣхъ и не стыдно считать себя ничтожествомъ и видѣть въ твоихъ знакомыхъ Богъ знаетъ что: ты говоришь, что они люди, стоящіе у дѣла и умѣющіе дѣло дѣлать. И задаешь себѣ вопросъ: на что же ты годенъ? Но ты самъ прекрасно отвѣтилъ на это въ твоемъ письмѣ: ты чувствователь жизни. Они—муравьи, трутни, а ты—ихъ наблюдатель и описатель; ты срисуешь съ нихъ картину и дашь ее намъ и потомству, чтобы научить и вразумить насъ тѣмъ, — вотъ ты что такое, и, пожалуйста, пиши мнѣ письма именно въ такой любезной тебѣ формѣ и практикуйся въ ней для новаго твоего романа. О себѣ мнѣ тебѣ сказать много нечего: тѣхъ господъ, которыхъ ты слышалъ у насъ, я уже видѣть больше не могу и не выхожу обыкновенно, когда они у насъ бываютъ. Женичка мой все пристаетъ ко мнѣ и спрашиваетъ: «о чемъ это ты, маман, когда у насъ дядя Павелъ былъ, плакала съ нимъ?»—«О глупости людской»,—отвѣчаю я ему. Жду отъ тебя скоро еще письма

«Любящая тебя Мари».

Герой мой жилъ уже въ очень красивенькой квартирѣ, которую предложилъ ему Виссаріонъ Захаревскій въ собственномъ домѣ за весьма умѣренную цѣну, и вообще сей практическій человѣкъ осыпалъ Вихрова своими услугами. Онъ купилъ ему мебель, нашелъ повара. Иванъ былъ отправленъ въ деревню, и вмѣсто него были привезены оттуда комнатный мальчикъ, старуха-ключница и горничная Груша. Послѣдняя цвѣла радостью и счастьемъ и, видимо, обращалась съ барином гораздо смѣлѣе прежняго и даже съ нѣкоторою нѣжностью... Въ одно утро она вошла къ нему и сказала, что какой-то господинъ его спрашиваетъ.

— Кто такой?—спросилъ Вихровъ.

— Не знаю, баринъ,—нехорошій такой,—отвѣчала Груша.

Вихровъ велѣлъ его просить къ себѣ. Вошелъ чиновникъ въ вицмундирѣ съ зеленымъ воротникомъ, въ самомъ дѣлѣ, съ омерзительной физіономіей: косой, рябой, съ родимымъ пятномъ въ ладонь величины на щекѣ и съ угрями на носу. Груша стояла за нимъ и дѣлала гримасы. Вихровъ вопросительно посмотрѣлъ на входящаго.

— Стряпчій палаты государственныхъ имуществъ, Миротворскій!—отрекомендовался тотъ.

— Это вы, по порученію моему, депутатомъ командированы ко мнѣ?—спросилъ Вихровъ.

— Точно такъ-съ,—отвѣчалъ тотъ.

Вихровъ указалъ ему рукою на стулъ. Стряпчій сѣлъ и сталъ осматривать Павла своими косыми глазами, желая какъ бы изучить, что онъ за человѣкъ.

— Мы долго не ѣдемъ съ вами,—сказалъ ему Вихровъ.

— Лучше къ празднику пріѣдемъ... завтра Введеніе во храмъ, весьма чтимый ими праздникъ... можетъ, и народу-то къ нему пособерется, и мы самую совращенную, пожалуй, захватимъ тутъ.

— Стало-быть, мы должны оцѣпить домъ?

— Непремѣнно-съ! Поѣдемъ ночью и оцѣпимъ домъ.

Вихрову это было ужъ непонутру.

— Скажите, пожалуйста, для чего же все это дѣлается?—спросилъ онъ стряпчаго.

— Для того, что очень много совращается въ расколъ. Особенно этотъ Иванъ Кононовъ, богатѣйшій мужикъ и страшный совратитель... это какой-то патріархъ ихній, ересіархъ; хлѣбомъ онъ торгуетъ, и кто вотъ изъ мужиковъ или бобылокъ содержаніемъ нуждается: «дамъ, говоритъ, и хлѣба и всю жизнь прокормлю, только перейди въ расколъ».

— Ну да намъ-то что за дѣло? Богъ съ ними!

— Какъ намъ что за дѣло? — произнесъ стряпчій, какъ бы даже обидѣвшись: — этакъ, пожалуй, всѣ перейдутъ въ расколъ.

Вихровъ призадумался: предстоящее порученіе все больше и больше становилось ему не по душѣ.

— Когда же мы поѣдемъ?—спросилъ онъ.

— Да сегодняшнюю ночь, а теперь потрудитесь написать въ полицію, чтобы вамъ трехъ полицейскихъ солдатъ и жандармовъ дали.

Вихровъ поморщился и написалъ.

Стряпчій взялъ у него бумагу и ушелъ. Вихровъ остальной день провелъ въ тоскѣ, проклиная и свою службу, и свою жизнь, и самого себя. Часовъ въ одиннадцать у него въ передней послышался шумъ шаговъ и бряцанье сабель и шпоръ,— это пришли къ нему жандармы и полицейскіе солдаты: хорошо, что Ивана не было, а то бы онъ умеръ со страху, но и Груша тоже испугалась. Войдя къ барину съ встревоженнымъ лицомъ, она сказала:

— Баринъ, солдаты васъ какіе-то спрашиваютъ!

— Знаю я,—сказалъ Вихровъ:—это они со мной поѣдутъ.

— А развѣ васъ, баринъ, опять повезутъ куда-нибудь? — спросила Груша, окончательно поблѣднѣвъ.

— Нѣтъ, это не меня повезутъ, а я самъ поѣду съ солдатами по службѣ.

Груша немного успокоилась.

— Это воровъ, что ли, вы какихъ, баринъ, пойдете ловить?—любопытствовала она.

— Воровъ,—отвѣчалъ ей Вихровъ.

— Смотрите, баринъ, чтобы васъ не убили какъ,—сказала Груша опять уже встревоженнымъ голосомъ.

— Не убьютъ, ничего,—отвѣчалъ ей съ улыбкой Вихровъ и поцѣловалъ ее.

Груша осталась этимъ очень довольна.

— Я, баринъ, всю ночь не стану спать и буду дожидать васъ,—говорила она.

— Нѣтъ, спи себѣ покойно.

— Не могу, баринъ, и рада бы заснуть,—не могу.

Вскорѣ потомъ пріѣхалъ и стряпчій, въ дубленкѣ, но въ вицмундирѣ подъ ней. Онъ посовѣтовалъ также и Вихрову надѣть вицмундиръ.

— Это зачѣмъ?—спросилъ тотъ.

— Нельзя же вѣдь, все-таки мы присутствіе тамъ составимъ...—объяснилъ ему на это Миротворскій.

Вихровъ надѣлъ вицмундиръ; потомъ всѣ они усѣлись въ почтовыя телѣги и поѣхали. Вихровъ и стряпчій впереди; полицейскіе солдаты и жандармы сзади. Стряпчій толковалъ солдатамъ: «Какъ мы въ селенье-то въѣдемъ, вы домъ его сейчасъ же окружите, у каждаго выхода—по человѣку; домъто у него крайній въ селеніи».

— Знаемъ-съ! Слава тебѣ Господи, разъ шестой ѣдемъ къ нему въ гости, — отвѣчали нѣкоторые солдаты съ явнымъ смѣхомъ.

Ночь была совершенно темная, а дорога страшная—гололедица. По выѣздѣ изъ города сейчасъ же надобно было ѣхать проселкомъ. Телѣга на каждомъ шагу готова была свернуться на бокъ. Вихровъ почти желалъ, чтобы она кувырнулась и сломала бы руку или ногу стряпчему, который началъ становиться невыносимъ ему своимъ усердіемъ къ службѣ. Въ селеніи, отстоящемъ отъ города верстахъ въ пяти, они наконецъ остановились. Солдаты неторопливо размѣстились у выходовъ хорошо знакомаго имъ дома Ивана Кононова.

— Пойдемте въ домъ,—сказалъ шопотомъ и задыхающимся

отъ волненія голосомъ стряпчій Вихрову, и затѣмъ они вошли въ совершенно темныя сѣни.

Послышалось бѣганье и шушуканье нѣсколькихъ голосовъ. Вихровъ самъ чувствовалъ въ темнотѣ, что мимо него пробѣжали два-три человѣка. Стоявшіе на улицѣ солдаты только глазами похлопывали, когда мимо нихъ мелькали человѣческія фигуры.

— Вѣдь это все оттуда бѣгутъ!—замѣтилъ одинъ.

— А Богъ ихъ знаетъ, — отвѣчалъ другой флегматически.

— Погоди, постой, постой!—кричалъ между тѣмъ стряпчій, успѣвшій схватить какую-то женщину. Та притихла у него въ рукахъ.

— Солдатъ!—крикнулъ онъ.

Вошелъ солдатъ. Онъ передалъ ему свою плѣнницу.

— Держи крѣпче!

Тотчасъ же потомъ онъ закричалъ:—«Ты еще кто, ты еще кто?»—нащупавъ какую-то другую женщину. Та тоже притихла. Онъ и ее, передавъ солдату, приказалъ ему не отпускать.

— Теперь пойдемте въ моленную ихнюю, я дорогу знаю,— прибавилъ онъ опять шопотомъ Вихрову и, взявъ его за руку, повелъ за собой.

Пройдя двое или трое сѣней, они вошли въ длинную комнату, освященную нѣсколькими горящими лампадами передъ цѣлымъ иконостасомъ иконъ, стоящихъ по всей передней стѣнѣ. Людей никого не было.

— Разбѣжались всѣ, черти!—говорилъ стряпчій.

— Но, можетъ-быть, тутъ никого и не было,—сказалъ ему Вихровъ.

— Какъ никого не было? Были!—возразилъ стряпчій.

Въ это время вошелъ въ моленную и самъ Иванъ Кононовъ, высокій, худощавый, съ длинной полусѣдой бородой, старикъ. Онъ не поклонился и не поздоровался со своими ночными посѣтителями, а молча сталъ у притолка, какъ бы ожидая, что его или спросятъ о чемъ-нибудь, или прикажутъ ему что-нибудь.

— Куда это прихожанъ-то своихъ спряталъ?—спросилъ его Миротворскій.

— Никого я не спряталъ,—отвѣчалъ Иванъ Кононовъ, съ какой-то ненавистью взглянувъ на Миротворскаго: они старые были знакомые и знали другъ друга.

— Что же, развѣ сегодня службы не было? — продолжалъ тотъ.

— Кому служить-то?.. — отвѣчалъ Иванъ Кононовъ, опять

какъ-то односложно: онъ зналъ, что съ господами чиновниками разговаривать много не слѣдуетъ и проговариваться не надо

— Ты отслужишь за попа,—замѣтилъ Миротворскій.

— Нѣтъ, я не попъ! — отвѣчалъ уже съ усмѣшкой Иванъ Кононовъ.

— Такъ, значитъ-съ, мы въ осмотрѣ напишемъ, что нашли раскиданными по полу подлобники!.. — И Миротворскій указалъ Вихрову на лежащія тутъ и тамъ небольшія, стеганыя ситцевыя подушки.—Это вотъ сейчасъ видно, что они молились тутъ и бултыхались въ нихъ своими головами.

Вихровъ на это молчалъ, но Кононовъ отозвался:

— Извѣстно, молимся съ семействомъ каждый день и оставляемъ тутъ подушечки эти, не собирать же ихъ каждый часъ.

— А ладаномъ отчего пахнетъ, это отчего? — спросилъ плутовато Миротворскій.

— И ладаномъ когда съ семействомъ куримъ, не запираюсь въ томъ: гдѣ же намъ молиться-то,—у насъ церкви нѣтъ.

— Это что̀ еще?—воскликнулъ вдругъ Миротворскій, взглянувъ вверхъ: — ты, любезный, починивалъ моленную-то; у тебя три новыя тесины въ потолкѣ введены!

— Ничего нѣтъ, никакихъ тесинъ новыхъ! — отвѣчалъ Кононовъ немного сконфуженнымъ голосомъ и слегка поблѣднѣвъ.

— Какъ нѣтъ? Вы видите?—спросилъ Миротворскій Вихрова.

— Вижу, — отвѣчалъ тотъ, рѣшительно не понимая, въ чемъ тутъ дѣло и для чего объ этомъ говорятъ. Въ потолкѣ, въ самомъ дѣлѣ, были три совершенно новыхъ тесины.

— Какъ же ты говоришь, что не новыя? — сказалъ Миротворскій Кононову.

— Нѣтъ, это новыя!—сказалъ ему и Вихровъ.

Кононовъ ничего не отвѣчалъ и только потупился.

— Мы моленную, значитъ, должны запечатать, — сказалъ Миротворскій:—дозволено только такія моленныя имѣть, которыя съ двадцать четвертаго года не были починяемы, а какъ которую поправятъ, сейчасъ же ее опечатываютъ.

Вихровъ проклялъ себя за подтвержденіе словъ Миротворскаго о томъ, что тесины новыя.

— Ну-съ, теперь станемте опрашивать захваченныхъ, — продолжалъ Миротворскій и велѣлъ подать столъ, стульевъ, чернильницу, перо и привести сторожимыхъ солдатами женщинъ.

— Хорошо ли это дѣлать въ моленной? — замѣтилъ ему Вихровъ.

— По закону слѣдуетъ на мѣстѣ осмотра и опрашивать, — отвѣчалъ Миротворскій.

Все это было принесено. Слѣдователи сѣли. Ввели двухъ бабъ: одна оказалась жена хозяина, старуха,—зачѣмъ ее держали и захватили—неизвѣстно!

Миротворскій велѣлъ сейчасъ же ее отпустить и за что-то вмѣсто себя выругалъ солдата.

— Дуракъ этакій, держишь, точно не видишь, кого?

Другая оказалась молодая, краснощекая дѣвушка, которая все время, какъ стояла въ сѣняхъ, молила солдата:

— Отпусти, голубчикъ, пожалуйста!

— Не смѣю, дура; зачѣмъ сюда приходила?!

— Да я такъ, на посѣдки сюда пришла, да легла на печку и заснула.

Миротворскій началъ плутовато допрашивать ее.

— Ты православная?

— Православная.

— А въ церковь рѣдко ходишь?

— Гдѣ намъ въ церковь-то ходить,—далеко.

— Ну, а сюда, что ли, въ моленную ходишь?

— Иногда и сюда хожу!—проболталась дѣвушка.

Миротворскій все это записывалъ. Вихрова наконецъ взорвало это: онъ хотя твердо и не зналъ, но чувствовалъ, что скорѣе онъ бы долженъ былъ налегать и выискивать всѣ средства къ обвиненію подслѣдственныхъ лицъ, а не депутатъ ихній, на обязанности котораго, напротивъ, лежало отстаивать ихъ.

— Позвольте, я самъ буду допрашивать и писать, — сказалъ онъ, почти насильно вырывая у Миротворскаго перо и садясь писать; во-первыхъ, въ осмотрѣ онъ написалъ, что подлобники хотя и были раскиданы, но домовладѣлецъ объяснилъ, что они у него всегда такъ лежатъ, потому что на нихъ молятся его домашніе,—что ладаномъ хотя и пахло, но дыма, который бы свидѣтельствовалъ о недавнемъ куреніи, не было.—въ потолкѣ двѣ тесины, по показанію хозяина, были не новыя.

Пока онъ занимался этимъ, Миротворскій будто бы случайно вышелъ въ сѣни. Вслѣдъ же за нимъ также вышелъ и Иванъ Кононовъ, и вскорѣ потомъ они оба опять вернулись въ моленную.

Вихровъ, рѣшившійся во что бы то ни стало заставить Миротворскаго подписать составленное имъ постановленіе, сталъ ему читать довольно строгимъ голосомъ.

— Что жъ, хорошо, хорошо!—соглашался сверхъ ожиданія

тотъ: — но только, изволите видѣть: зачѣмъ же все это объяснять? Или написать, какъ я говорилъ, или ужъ лучше совсѣмъ не писать, а по этому неясному постановленію его хуже затаскаютъ.

— Хуже, ваше высокородіе; по этому постановленію совсѣмъ затаскаютъ,—произнесъ жалобнымъ голосомъ и Иванъ Кононовъ.

— Какъ же дѣлать?—спросилъ Вихровъ.

— Да такъ, ничего не писать!—повторилъ Миротворскій:— напишемъ, что никого и ничего подозрительнаго не нашли.

— Сдѣлайте милость, ваше высокородіе,—произнесъ Иванъ Кононовъ и повалился Вихрову въ ноги.

Старуха, жена Кононова, тоже повалилась ему въ ноги.

— Ваше высокородіе, простите и меня!—завопила и молоденькая дѣвушка, тоже кланяясь ему въ ноги.

Вихровъ страшно этимъ сконфузился.

— Да Богъ съ вами, я готовъ хоть всѣхъ простить! — говорилъ онъ.

— Притѣснять ихъ много нечего; старика тоже немало маяли,—поддержалъ также и Миротворскій.

— Три года наѣзды все; четвертый разъ подъ судъ отдаютъ,—жаловался со слезами на глазахъ Иванъ Кононовъ Вихрову, видно, замѣтивъ, что тотъ былъ добрый человѣкъ.

— Но почему же такъ? Что же ты дѣлаешь такое?—спрашивалъ Вихровъ.

— Управляющаго онъ немножко поразсердилъ, ну тотъ теперь и поналегаетъ на него,—объяснилъ Миротворскій.

— Не одинъ ужъ управляющій поналегаетъ, а всѣ, кажись, чиновники,—присовокупилъ самъ Иванъ Кононовъ.

— Хочешь, я скажу объ этомъ губернатору?—спросилъ его Павелъ.

— Ахъ, Боже мой! какъ это возможно! — воскликнулъ Кононовъ:—сдѣлайте милость, слезно васъ прошу о томъ: не говорите!

— Какъ можно говорить это губернатору! — подхватилъ и Миротворскій.

— Отчего же?—спросилъ Вихровъ.

— Оттого, что начальство мое государственное съѣстъ меня послѣ того,—объяснилъ Кононовъ.

— Съѣдятъ!—подтвердилъ и Миротворскій.—Управляющій и безъ того желаетъ, чтобы нельзя ли какъ-нибудь его безъ суда, а административно распорядиться и сослать на Кавказъ.

Вихровъ пожалъ плечами.

— Такъ ты, значитъ, ничего больше не желаешь, — дово-

ленъ, если мы напишемъ, что ничего у тебя не нашли?—спросилъ онъ Кононова.

— Доволенъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Теперь, я думаю, надобно совращенную допросить, — сказалъ Вихровъ, все болѣе и болѣе входя въ роль слѣдователя.

— Непремѣнно-съ,—подхватилъ Миротворскій. — Позовите се,—сказалъ онъ солдату.

Тотъ привелъ совращенную. Оказалось, что это была старая и неопрятная крестьянская дѣвка.

— Ты православная?—спросилъ ее Вихровъ.

— Православная,—больше промычала она.

— А въ церковь ходишь!

— Хожу,—промычала опять дѣвка.

— Но вѣдь послѣднее время перестала?

— Перестала,—мычала дѣвка.

— Въ расколъ, что ли, поступила?

Дѣвка нѣсколько времени тупилась и молчала.

— Нѣту,—проговорила наконецъ она.

— Но къ намъ въ церковь больше не ходишь?—спросилъ ее Миротворскій.

— Нѣтъ,—отнѣкивалась и отъ этого дѣвка.

— И не желаешь ходить?

— Не желаю!

— Значитъ, ты раскольница?

— Ну, раскольница,—сказала наконецъ уже сердито дѣвка.

— Что ее допрашивать — она дура совсѣмъ, — сказалъ Вихровъ.

— Дура, надо-быть,—согласился стряпчій.

— Для правительства все равно, я думаю, хоть въ турецкую бы вѣру она перешла.

— Да вотъ поди ты!.. Спросите еще ее, не совращалъ ли ее кто-нибудь, не было ли у нея совратителя?

— А не совращалъ ли кто-нибудь тебя?

— Нѣтъ, никто!—почти окрысилась дѣвка.

Иванъ Кононовъ, стоявшій все это время въ моленной, не спускалъ съ нея глазъ и при послѣднемъ вопросѣ какъ-то особенно сильно взглянулъ на нее.

— И все теперь, — сказалъ Миротворскій и принялся писать показанія и отбирать къ нимъ рукоприкладства.

Когда все это было кончено, солнце уже взошло. Слѣдователи наши начали собираться ѣхать домой, Иванъ Кононовъ отнесся вдругъ къ нимъ:

— Сдѣлайте милость, не побрезгуйте, откушайте чайку!

— Выпьемте, а то обидится,—шепнулъ Миротворскій Вих-

рову. Тотъ согласился. Вошли уже собственно въ избу къ Ивану Кононову; оказалось, что это была почти комната, какія обыкновенно бываютъ у небогатыхъ мѣщанъ; но что̀ пріятно удивило Вихрова, такъ это то, что въ ней очень было все опрятно: чистая стояла въ сторонѣ постель, чистая скатерть положена была на столѣ, полъ и подоконники были чисто вымыты, самоваръ не позеленѣлый, чашки не загрязненныя.

Хозяинъ, хоть и съ грустнымъ немножко видомъ, но самъ принялся разливать чай и подносить его своимъ безвременнымъ гостямъ.

Вихрову ужасно хотѣлось чѣмъ-нибудь ободрить, утѣшить и наконецъ вразумить его.

— Зачѣмъ ты, Иванъ Кононычъ,—началъ онъ: — при такихъ гоненіяхъ на тебя, остаешься въ расколѣ?

— И христіанъ гнали, не только что насъ, грѣшныхъ,— отвѣчалъ тотъ.

— То другое дѣло, тѣмъ не позволяли новой религіи исповѣдывать; а у васъ съ нами очень небольшая разница... Ты по поповщинѣ?

— По поповщинѣ.

— И поэтому вы только не признаёте нашихъ поповъ; и отчего вы ихъ не признаёте?

— А оттого, что всѣ они отъ нечестивца Никона происходятъ—его рукоположенія.

— А ваши ни отъ кого ужъ не происходятъ, ничьего рукоположенія.

— Наши всѣ—патріарха Іосифа рукоположенія,—произнесъ какимъ-то протяжнымъ голосомъ Иванъ Кононовъ.

— Какъ же это такъ, я этого не понимаю,—сказалъ Вихровъ.

— А такъ же, кого Іосифъ патріархъ благословилъ, тотъ— другого, а другой—третьяго... Такъ до сихъ поръ и идетъ,— пояснилъ Иванъ Кононовъ.

— И ты никакъ, ни для чего и ни для какихъ благъ міра, вѣры своей этой не измѣнишь?—спросилъ его Вихровъ.

— Не измѣню-съ!.. И какъ же измѣнить ее,—продолжалъ Иванъ Кононовъ съ нѣкоторою уже усмѣшкою:—коли я, извините меня на томъ, вашего духовенства видѣть не могу съ духомъ спокойнымъ; кто хошь, кажется, приди ко мнѣ въ домъ,—калмыкъ ли, татаринъ ли,—всѣхъ приму, а священниковъ вашихъ не принимаю, за что самое они и шлютъ на меня доносы-то!

— Онъ самъ врядъ ли не попъ ихній раскольничій,—шепнулъ между тѣмъ Миротворскій Вихрову.

Наконецъ они опять начали собираться домой. Иванъ Ко-

нонов попробовалъ-было ихъ передъ дорожкой еще водочкой угостить; Павелъ отказался, а въ подражаніе ему отказался и Миротворскій. Сѣвъ въ телѣгу, Вихровъ еще разъ спросилъ провожавшаго ихъ Ивана Кононова: доволенъ ли онъ ими, и не обидѣли ли они чѣмъ его.

— Нѣтъ-съ, никакой особенной обиды мы отъ васъ не видали, — отвѣтилъ Иванъ Кононовъ, но какъ-то не совсѣмъ искренно: дѣло въ томъ, что Миротворскій сорвалъ съ него десять золотыхъ въ свою пользу и сверхъ того еще десять золотыхъ и на имя Вихрова.

Ничего подобнаго и въ голову герою моему, конечно, не приходило, и его, напротивъ, въ этомъ дѣлѣ заняла совершенно другая сторона, о которой онъ, по пріѣздѣ въ городъ, и поѣхалъ сейчасъ же поговорить съ прокуроромъ.

— Ну, Иларіонъ Ардальоновичъ,—сказалъ онъ, входя къ Захаревскому: — я сейчасъ со слѣдствія; во-первыхъ, это — святѣйшее и величайшее дѣло: слѣдователь важнѣе попа для народа; уполномоченный правомъ государства, онъ входитъ въ домъ къ человѣку, дѣлаетъ у него обыскъ, требуетъ отвѣтовъ отъ его совѣсти, это чортъ знаетъ что такое!

— Значитъ, вамъ понравилось?

— Это не то, что понравилось, это какой-то трепетъ гражданскій произвело во мнѣ; и вы знаете ли, что у насъ слѣдователь въ одномъ лицѣ своемъ заключаетъ и прокурора иностраннаго, и адвоката, и присяжныхъ, и все это онъ дѣлаетъ одинъ, тайно въ своей камерѣ.

Захаревскій, не совсѣмъ понявъ его мысль, смотрѣлъ на него вопросительно.

— Смотрите, что̀ выходитъ—продолжалъ Вихровъ:—по иностраннымъ законамъ прокуроръ долженъ быть *пристрастно* строгъ, адвокатъ долженъ быть *пристрастно* человѣченъ, а слѣдователь долженъ быть то и другое, да еще носить въ себѣ убѣжденіе присяжныхъ, что виновно ли извѣстное лицо или нѣтъ, и сообразно съ этимъ подбирать всѣ факты.

— Ну, нѣтъ!—возразилъ Захаревскій:—у насъ слѣдователь имѣетъ больше характеръ обвиняющаго прокурора, а роль адвоката играютъ депутаты сословные.

— Хороши, батюшка, наши депутаты; я у моего депутата едва выцарапалъ его кліентовъ. Потомъ-съ, этотъ нашъ расколъ... смѣло можно сказать, что если гдѣ сохранилась поэзія народная, такъ это только въ расколѣ; эти ихъ моленныя, эти ихъ служенія, тайны, какъ у первобытныхъ христіанъ! Многіе обыкновенно говорятъ, что расколъ есть чепуха, невѣжество! Напротивъ, въ каждой почти сектѣ я вижу мысль: у

нихъ, напримѣръ, въ сектѣ «Христова Любовь» явно замѣтенъ протестъ противъ брака: соберутся мужчины и женщины и послѣ извѣстныхъ молитвъ—кому какая временно супружница достается, тою и владѣютъ; въ противоположность этой сектѣ, аскетизмъ у нихъ доведенъ въ хлыстовщинѣ до бичеванія себя вервіями, и наконецъ высшая его точка проявилась въ окончательномъ искаженіи человѣческой природы—это въ скопцахъ. Далѣе теперь: обрядовая сторона религіи, очень, конечно, украсившая, но вмѣстѣ съ тѣмъ много и реализировавшая ее, у нихъ въ безпоповщинѣ совершенно уничтожена: ничего нѣтъ, кромѣ моленія по Іисусовой молитвѣ... Какъ хотите, все это не глупыя вещи!

— Еще бы!—согласился и прокуроръ:—но надобно знать, что здѣшніе чиновники съ раскольниками дѣлаютъ, какъ ихъ обираютъ,—повѣрить трудно! повѣрить невозможно!.. — повторилъ онъ нѣсколько разъ.

— Ну-съ,—подхватилъ Вихровъ:— вы говорили, что губернаторъ хотѣлъ мнѣ всѣ дѣла эти передать, и я отстою раскольниковъ отъ вашихъ господъ чиновниковъ...

— Вы сдѣлаете великое и благородное дѣло,—подхватилъ Захаревскій:—я, откровенно говоря, и посовѣтовалъ губернатору отдать вамъ эти дѣла, именно имѣя въ виду, что вы по выметете разнаго рода грязь, которая въ нихъ существуетъ

,— Все сдѣлаю, все сдѣлаю!—говорилъ Вихровъ, рѣшительно увлекаясь своимъ новымъ дѣломъ и очень довольный, что пріобрѣлъ его:—изучу весь этотъ бытъ, составлю объ немъ книгу, перешлю и напечатаю ее за границей.

— Да благословитъ васъ Богъ на это!—ободрилъ его прокуроръ.

Вслѣдъ затѣмъ Вихровъ объѣхалъ всѣ, какія были въ городѣ, книжныя лавчонки, вездѣ спрашивалъ: нѣтъ ли какихъ книгъ о раскольникахъ — и не нашелъ ни одной.

III.

Разныя вѣсти и новости съ родины.

Въ губернскомъ городѣ между тѣмъ проходила полная самыми разнообразными удовольствіями зима: дама сердца у губернатора очень любила всякія удовольствія, и по преимуществу любила она составлять благородные спектакли—не для того, чтобы играть что-нибудь на этихъ спектакляхъ, или этакъ, какъ любили другія дамы, поболтать на репетиціяхъ о чемъ-нибудь, совсѣмъ не касающемся театра, но она любила

только наряжаться для театра въ костюмы театральные и, можетъ-быть, дѣлала это даже не безъ цѣли, потому что въ разнообразныхъ костюмахъ она какъ будто бы еще сильнѣй производила впечатлѣніе на своего суроваго обожателя: онъ смотрѣлъ на нее, какъ то болѣе обыкновеннаго выпуча глаза, черезъ очки, негромко хохоталъ и слегка подрягивалъ ногами.

Виссаріонъ Захаревскій, по окончательномъ расчетѣ съ подрядчиками, положивъ, говорятъ, тысячъ двадцать въ карманъ, съ совершенно торжествующимъ видомъ катался въ своемъ щегольскомъ экипажѣ по городу. Разъ онъ заѣхалъ къ брату.

— Сейчасъ я отъ сестры письмо получилъ,—сказалъ онъ:— она пишетъ, что будетъ такъ добра—пріѣдетъ гостить къ намъ.

Лицо прокурора при этомъ не выразило ни удовольствія ни неудовольствія. Онъ былъ изъ самыхъ холодныхъ и равнодушныхъ родныхъ.

— Гдѣ же ей остановиться? — продолжалъ инженеръ, любившій прежде всего рѣшать самые ближайшіе и насущные вопросы:—у меня, разумѣется!

— Пожалуй, если хочетъ, и у меня можетъ.

— Гдѣ жъ тутъ у тебя—въ мурьѣ твоей; но дѣло въ томъ, что меня разныя госпожи иногда посѣщаютъ. Не прекратить же мнѣ этого удовольствія для нея! Что ей вздумалось пріѣхать? Я сильно подозрѣваю, что постоялецъ мой играетъ въ этомъ случаѣ большую роль. Ты писалъ ей, что онъ здѣсь?

— Писалъ,—отвѣчалъ прокуроръ.

— То-то она съ такимъ восторгомъ расписалась объ немъ, заклинаетъ меня подружиться съ нимъ и говоритъ, что «дружба съ нимъ возвыситъ мой матеріальный взглядъ»! Какъ и чѣмъ это онъ сдѣлаетъ, и для чего это мнѣ нужно — неизвѣстно.

Инженеръ любилъ сестру, но считалъ ее немножко дурой начитанной.

— Вихровъ — человѣкъ отличный, — проговорилъ Иларіонъ Захаревскій.

— Я ничего и не говорю, пусть бы женились, я очень радъ: у него и состояніе славное, — подхватилъ инженеръ и затѣмъ, простившись съ братомъ, снова съ своей веселой, улыбающейся физіономіей поѣхалъ по улицамъ и стогнамъ города.

Вихровъ все это время былъ занятъ своимъ расколомъ и по поводу его именно сидѣлъ и писалъ Мари дальнѣйшее письмо.

«Во-первыхъ, моя ненаглядная кузина, изъ опытовъ жизни моей я убѣдился, что я очень живучее животное—совершенно кошка какая-то: съ какой высоты ни сбросьте меня, въ ка-

кую грязь ни шлепните, всегда встану на лапки, и хоть косточки поламываетъ, однако вскорѣ же отряхнусь, побѣгу и добуду себѣ какой-нибудь клубочекъ для развлеченія. Чего жесточе удара было для меня, когда я во дни оны услышалъ, что вы, немилосердная, выходите замужъ: я выдержалъ нервную горячку, чуть не умеръ, чуть въ монахи не ушелъ, но сначала поразсѣялъ меня мой незамѣнимый пріятель Невѣдомовъ, хватилъ потомъ своимъ обаяніемъ университетъ, я и поднялся на лапки. Нынѣ сослали меня почти въ ссылку, отняли у меня право предаваться самому дорогому и самому пріятному для меня занятію — сочинительству; наконецъ, что̀ тяжелѣе мнѣ всего, меня снова разлучили съ вами. Какъ бы, кажется, не растянуться врастяжку совсѣмъ, а я все-таки еще бодрюсь и окунулся теперь въ россійскій расколъ. Кузина, кузина! какое это большое, громадное и поэтическое дѣло русской народной жизни. Кто не знаетъ раскола въ Россіи, тотъ не знаетъ совсѣмъ народа нашего. Съ этой мыслью согласился даже нашъ начальникъ губерніи, когда я осмѣлился изъяснить ему оную. «Очень-съ радъ, говоритъ, что вы съ такимъ усердіемъ приступили къ вашимъ занятіямъ!» Онъ, конечно, думаетъ, что въ этомъ случаѣ я ему хочу понравиться или выслужить Анну въ петлицу, и велѣлъ мнѣ передать весь комитетъ объ раскольникахъ, всѣ дѣла объ нихъ; и я теперь разослалъ циркуляръ ко всѣмъ исправникамъ и городничимъ, чтобы они доставляли мнѣ свѣдѣнія о томъ, какого рода въ ихъ вѣдомствѣ есть секты, о числѣ лицъ, въ нихъ участвующихъ, объ ихъ ремеслахъ и промыслахъ, и наконецъ характеристику каждой секты по обрядамъ ея и обычаямъ. Словомъ, когда я соберу эти свѣдѣнія, я буду имѣть полную картину раскола въ нашей губерніи, и потомъ все это, ѣздя по дѣламъ, я буду повѣрять самъ на мѣстѣ. Это сторона, такъ сказать, статистическая, но у раскола есть еще исторія, о которой изъ устъ ихнихъ врядъ ли что̀ можно будетъ узнать,— нужны книги; а потому, кузина, умоляю васъ, поѣзжайте во всѣ книжныя лавки и вездѣ спрашивайте — нѣтъ ли книгъ о расколѣ; съѣздите въ Публичную библіотеку и, если тамъ что̀ найдете, велите сейчасъ мнѣ все переписать, какъ бы это сочиненіе велико ни было; если есть что-нибудь въ иностранной литературѣ о нашемъ расколѣ, попросите Исакова выписать, но только Бога ради — книгъ, книгъ о расколѣ, иначе я задохнусь безъ нихъ».

Едва только герой мой кончилъ это письмо, какъ къ нему вошла Груша, единственная его докладчица, и сказала ему, что его просятъ наверхъ, къ Виссаріону Ардальонычу.

— Зачѣмъ?—спросилъ Вихровъ.

— Тамъ барышня, сестрица ихъ пріѣхала изъ деревни; она, кажется, желаетъ васъ видѣть, — отвѣчала Груша съ не очень веселымъ выраженіемъ на лицѣ.

— Ахъ, Боже мой, m-lle Юлія, схожу,— сказалъ Вихровъ и началъ одѣваться.

Груша не уходила отъ него изъ комнаты.

— Смотрите, одѣвайтесь наряднѣе, надобно понравиться вамъ барышнѣ-то — она невѣста! — сказала она не безъ колкости.

— Я желаю нравиться только вамъ, — сказалъ Вихровъ, раскланиваясь передъ ней.

Груша сама ему присѣла на это.

Вихровъ пошелъ наверхъ. Онъ засталъ Юлію въ красивенькой столовой инженера за столомъ, завтракающую; она только-что пріѣхала и была еще въ тепломъ, дорожномъ капотѣ, голова у нея была въ папильоткахъ. Нетерпѣніе ея видѣть Вихрова такъ было велико, что она пренебрегла даже довольно серьезнымъ неудобствомъ—явиться въ первый разъ на глаза мужчины растрепанною.

— Мегсі, что вы такъ скоро послушались моего приглашенія,—сказала она, кланяясь съ нимъ, но не подавая ему руки:— а я вотъ въ какомъ костюмѣ васъ принимаю и вотъ съ какими руками, — прибавила она, показывая ему свои довольно красивыя ручки, перепачканныя въ котлеткѣ, которую она сейчасъ скушала.

— Какъ здоровье вашего батюшки?—спросилъ, Богъ знаетъ зачѣмъ, Вихровъ.

— Ахъ, онъ очень, очень теперь слабъ и никуда почти не выѣзжаетъ!

Виссаріонъ Захаревскій, бывшій тутъ же и немножко прислушавшись къ этимъ переговорамъ, обратился къ сестрѣ и Вихрову.

— Ну-съ, извините, я долженъ васъ оставить! — проговорилъ онъ:—мнѣ надо по моимъ дѣламъ и некогда выслушивать ваши бездѣльные разговоры. Иларіонъ, вѣроятно, скоро пріѣдетъ. Вихровъ, я надѣюсь, что вы у меня сегодня обѣдаете и на цѣлый день?

Юлія при этомъ бросила почти умоляющій взглядъ на Вихрова.

— Пожалуй!—проговорилъ тотъ протяжно.

Когда инженеръ ушелъ, молодые люди, оставшись вдвоемъ, замѣтно конфузились другъ друга. Герой мой и прежде еще замѣчалъ, что Юлія была благосклонна къ нему, но какъ и чѣмъ было ей отвѣчать на то,—не вѣдалъ.

— Скажите, m-r Вихровъ!—начала наконецъ Юлія съ участіемъ:—васъ прислали сюда за сочиненіе ваше?

— Да, за сочиненіе,—отвѣчалъ онъ.

— И я, вообразите, никакъ и нигдѣ не могла достать этой книжки журнала, гдѣ оно было напечатано.

— Ее довольно трудно теперь имѣть! — отвѣчалъ онъ, потупляясь: ему тяжело было вести этотъ разговоръ.

— Но насъ вѣдь сначала,—продолжала Юлія:—пока вы не написали къ Живину, страшно напугала ваша судьба: вы человѣка вашего въ деревню прислали, тотъ и разсказывалъ всѣмъ почти, что вы что-то такое въ Петербургѣ про государя, что ли, говорили,—что васъ схватили вмѣстѣ съ нимъ, посадили въ острогъ,—потомъ, что васъ съ кандалами на ногахъ повезли въ Сибирь и привезли потомъ къ губернатору, и что тотъ васъ на поруки уже къ себѣ взялъ.

— Это мой дуралей Иванъ отличается, — проговорилъ Вихровъ.

— И онъ ужасы разсказывалъ; что если, говоритъ, вы опять не возьмете его къ себѣ и не жените на какой-то дѣвушкѣ Грушѣ, что ли, которая живетъ у васъ, такъ онъ что-то такое еще донесетъ на васъ, и васъ тогда непремѣнно сошлютъ.

— Экій негодяй какой!—произнесъ Вихровъ.

— Да, но меня такъ это напугало, что я все это время думала объ васъ.

Проговоря это, Юлія невольно покраснѣла.

— Все это вздоръ!—произнесъ Вихровъ:—но что же, скажите, другіе мои знакомые подѣлываютъ?

— Ахъ, другіе ваши знакомые! Однако я совсѣмъ-было и забыла! — сказала Юлія и, вынувъ изъ кармана небольшое письмецо, подала его Вихрову.

— Отъ Катишь Прыхиной это къ вамъ,—прибавила она.

— Отъ Прыхиной? — сказалъ Вихровъ и началъ читать. Письмо было не безъ значенія для него:

«Вы въ несчастіи, нашъ общій другъ!—писала Катишь своимъ бойкимъ почеркомъ:—и этого довольно, чтобы всѣ мы протянули вамъ наши дружескія руки. Мужайтесь и молитесь, и мы тоже молимся за васъ, за исключеніемъ, впрочемъ, одной извѣстной вамъ особы, которая, когда ей сказали о постигшемъ васъ несчастіи, со своей знакомой, я думаю, вамъ насмѣшливой улыбкой, объявила, что она очень рада, что васъ за ваши вольнодумныя мысли и за разныя ваши пріятельскія компаніи наказываютъ! Какая же теперь ея-то компанія, интересно знать, какая ея компанія? Цапкинъ да

нынче еще новый господинъ, нѣкто Хвинъ, — эти господа могутъ нравиться только ей одной! Словомъ, Вихровъ, я теперь навсегда разочаровалась въ ней; не помню, говорила ли я вамъ, что мои нравственныя правила таковы: любить одинъ разъ женщинѣ даже преступной любовью можно, потому что она неопытна и ее могутъ обмануть. Когда извѣстная особа любила сначала Постена, полюбила потомъ васъ... ну, я думала, что въ томъ она ошиблась, и что вами ей не увлечься было трудно, но я все-таки всегда ей говорила: «Клеопатра, это послѣдняя любовь, которую я тебѣ прощаю!» — и, положимъ, вы измѣнили ей, ну, умри тогда, умри по крайней мѣрѣ для свѣта, но мы еще, напротивъ, жить хотимъ... у насъ сейчасъ явился докторъ, и мнѣ всегда давали такой тонъ, что это будто бы возбудитъ вашу ревность: но вотъ наконецъ вы уѣхали, возбуждать ревность стало не въ комъ, а докторъ все тутъ, и оказывается, что давно ужъ былъ такой же attaché, какъ и вы. Такихъ женщинъ я ни уважать ни любить не могу. Про себя мнѣ рѣшительно нечего вамъ сказать: я, какъ и прежде вы знали меня, давно уже умерла для всего, что слѣдовало, по-моему, сдѣлать и m-me Фатѣевой.

«Письмо это передастъ вамъ дѣвушка, у которой золотая душа и брильянтовое сердце.

«Остаюсь вся ваша

Прыхина».

— Зачѣмъ это «вся ваша», — сказалъ Вихровъ, дочитавъ письмо:—я и частью ея не хочу воспользоваться!

— Это ужъ она такъ расписалась отъ сильной дружбы къ вамъ,- отвѣчала Юлія, все время чтенія письма внимательно смотрѣвшая на Вихрова.

— Что жъ она разссорилась, что ли, съ Фатѣевой?..—спросилъ онъ съ небольшой краской въ лицѣ и держа глаза нѣсколько потупленными.

— Нѣтъ, но Катинь возмутилась противъ ея поступковъ. Вы знаете, она вѣдь этакая поэтическая дѣвушка.

— А что же Фатѣева все доктора любитъ? — продолжалъ разспрашивать Вихровъ, держа попрежнему глаза опущенными въ землю.

— Нѣтъ, тотъ женился ужъ!.. Теперь, говорятъ, другой, или третій даже; впрочемъ, я не знаю этого подробно,—прибавила Юлія, какъ бы спохватившись, что дѣвушкѣ несовсѣмъ идетъ говорить о подобныхъ вещахъ.

— А что, скажите, Кергель и Живинъ? — спросилъ Вихровъ.

— Кергель продолжаетъ писать стихи, а Живинъ, какъ вы

уѣхали, заперся дома, никуда не показывается и все, говорятъ, скучаетъ объ васъ.

— Какой отличный человѣкъ!

— Отличный; знаете, какъ у Жоржъ-Зандъ этотъ Жакъ — простой, честный, умный, добрый: я, не знаю почему, всегда его себѣ Жакомъ воображаю.

— Удобный мужъ, значитъ, изъ него будетъ.

— Вѣроятно; но я, впрочемъ, никогда бы не желала имѣть удобнаго только мужа.

— А какого же бы вы желали? Какого-нибудь лучше измѣнщика, что ли?

— Да, ужъ лучше измѣнщика,—отвѣчала Юлія, устремляя при этомъ такой нѣжный и такой масляный взглядъ на Вихрова, что онъ даже потупился.

Дальнѣйшій разговоръ ихъ, впрочемъ, былъ прерванъ пріѣздомъ прокурора. Онъ дружески, но не съ особенной нѣжностью, поздоровался съ сестрою и, пожавъ руку Вихрову, сѣлъ около нея.

— Это хорошо, что ты къ намъ пріѣхала, — сказалъ ей онъ и потомъ обратился къ Вихрову: — вы старые знакомые съ ней?

— Да,—отвѣчалъ тотъ.

— Я даже всѣ тайны m-r Вихрова знаю! — подхватила Юлія.

— Всѣ тайны мои знаетъ,— подхватилъ и Вихровъ.

— Зато здѣсь у него нѣтъ ни одной, за это тебѣ ручаюсь,— проговорилъ прокуроръ.

— Это очень пріятно слышать! — сказала Юлія, опять устремляя на Вихрова почти нѣжный взоръ.

— А я сейчасъ отъ губернатора, — началъ Пларіонъ Ардальонычъ, обращаясь снова къ Вихрову: — онъ поручилъ мнѣ передать вамъ, какъ это назвать... приказаніе его, предложеніе, просьбу: здѣсь затѣвается благородный спектакль, и братъ Виссаріонъ почему-то сказалъ ему, что вы — актеръ отличный, и губернаторъ проситъ васъ непремѣнно принять участіе въ составѣ его спектакля, и такъ какъ это дѣло спѣшное, то не медля же ѣхать къ m-me Николовой, которая всѣмъ этимъ дѣломъ орудуетъ.

— О, Богъ съ ней, къ этой госпожѣ ѣхать!

— А кто такая эта Николова?—спросила Юлія.

— Она здѣсь еще извѣстна подъ именемъ дамы сердца губернаторскаго,—объяснилъ ей братъ.

— А!—произнесла Юлія.

— Нѣтъ, вы поѣзжайте, — обратился прокуроръ къ Вих-

рову: — потому что, во-первыхъ, изъ-за этихъ пустяковъ вамъ придется ссориться съ этимъ господиномъ, а во-вторыхъ, вы и сами любите театръ, я вижу это сейчасъ по лицу вашему, которое приняло какое-то особенное выраженіе.

— Но мнѣ некогда, у меня другого дѣла много,—говорилъ Вихровъ, не такимъ ужъ рѣшительнымъ голосомъ: актерская жилка въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, заговорила; при одномъ словѣ «театръ», у него какъ будто бы что-то ударило въ голову и екнуло въ сердцѣ.

— Тебя тоже просили,—прибавилъ прокуроръ сестрѣ.

— Я готова, если только m-r Вихровъ будетъ участвовать,—отвѣчала она:—а то, пожалуй, будутъ все незнакомые мужчины!—поспѣшила она прибавить.

— Да, я буду, пожалуй,—проговорилъ Вихровъ: у него уже все лицо горѣло.

— Но только сейчасъ же и поѣзжайте къ m-me Пиколовой, чтобы условиться съ ней о пьесахъ.

— Хорошо,—проговорилъ Вихровъ и пошелъ.

— Обѣдать только возвращайтесь къ намъ, — сказала ему вслѣдъ Юлія.

— Пріѣду,—отвѣчалъ ей Вихровъ уже болѣе механически и, придя къ себѣ въ комнату, съ замѣтнымъ волненіемъ сѣлъ и дописалъ къ Мари:

«У меня появилось еще новое занятіе: здѣсь затѣвается театръ, и я буду участвовать въ немъ: ну, не живучій ли я и не рѣзвый ли котенокъ послѣ того: всякій вздоръ меня увлекаетъ!»

Покуда онъ потомъ сѣлъ на извозчика и ѣхалъ къ m-me Пиколовой, мысль о театрѣ все больше и больше въ немъ росла. «Играть будутъ, вѣроятно, въ настоящемъ театрѣ,—думалъ онъ:—и слѣдовательно можно будетъ сыграть большую пьесу: предложу имъ «Гамлета»!—Возрастъ Ромео для него уже прошелъ, настала болѣе рефлексивная пора—пора Гамлетовъ.

М-me Пиколову, очень миленькую и граціозную даму, въ щегольскомъ домашнемъ костюмѣ, онъ засталъ сидящею около стола, на которомъ разложены были разныя пьесы, и она рѣшительно, кажется, недоумѣвала, что съ ними ей дѣлать: она была весьма недальняго ума.

— Здравствуйте, m-r Вихровъ, — сказала она: — научите, пожалуйста, что намъ взять играть: вы, говорятъ, сами пишете!

Вихровъ, рѣшившійся не откладывать объясненія, началъ прямо.

— Все это, что лежитъ передъ вами, совершенная глупость!—сказалъ онъ.

— Глупость?—спросила Пиколова, немного съ удивленіемъ уставляя на него свои глаза: она никакъ не полагала, чтобы что-нибудь печатное могло быть глупостью.

— Мы сыграемъ очень умную и великолѣпную вещь — «Гамлета»!—проговорилъ Вихровъ.

— «Гамлета»? Ахъ, позвольте, я видѣла что-то такое въ Москвѣ, — проговорила Пиколова, прищуривъ немного свои хорошенькіе глазки.

— Да, вѣроятно!

— Тутъ, кажется, представляется все дворъ.

— Да, дворъ, съ разными негодяями, между которыми страдаетъ честный Гамлетъ.

— Кого же я тутъ буду играть?—спросила Пиколова.

— Вы будете, если пожелаете, играть Офелію.

— А какой костюмъ ей надо?

— Костюмъ въ первыхъ актахъ у ней: обыкновенное шелковое платье фрейлины со шлейфомъ.

— Со шлейфомъ же, однако!.. И все одинъ костюмъ?..

— Нѣтъ, въ послѣднемъ актѣ она является сумасшедшей: въ вѣнчальномъ, сколько я помню, вуалѣ, съ бѣлыми цвѣтами на головѣ и съ распущенными волосами.

— Это, должно-быть, очень недурно...—И m-me Пиколова, вообразивъ самоё себя въ этомъ костюмѣ, нашла, что она будетъ очень хороша, а главное, она никогда не бывала въ такомъ костюмѣ.—Платье должно быть бѣлое?

— Бѣлое!

— Это очень будетъ красиво! — проговорила Пиколова, и такимъ образомъ судьба «Гамлета» была рѣшена: его положено было сыграть во что бы то ни стало.

— Я буду играть Гамлета,—сказалъ Вихровъ:—и вы будете въ меня влюблены,—прибавилъ онъ, видя, что его собесѣдницѣ надобно было растолковать самое содержаніе пьесы.

— Но я однако не очень буду въ васъ влюблена? — спросила она.

M-me Пиколова побаивалась въ этомъ случаѣ своего обожателя, который былъ сильно ревнивъ.

— Нѣтъ, не очень! — успокоилъ ее Вихровъ: — такъ вы, значитъ, и скажете Ивану Алексѣевичу (имя губернатора), что мы выбрали «Гамлета»?

— Непремѣнно скажу; но только вы навѣрное ли знаете, что въ послѣднемъ актѣ я должна буду быть въ вуалѣ и въ цвѣтахъ?—переспросила она еще разъ его.

— Навѣрное знаю,—отвѣчалъ онъ ей и поспѣшилъ уѣхать, потому что наступалъ уже часъ обѣда Захаревскихъ.

— Довольны ли вы, что я внуталъ васъ въ театръ?—спросилъ его Виссаріонъ Захаревскій.

— Ни то ни се,—отвѣчалъ Вихровъ, садясь около Юліи.

— Что же вы рѣшили: что будете играть?—спросилъ Пларіонъ Захаревскій.

— «Гамлета»,—отвѣчалъ Вихровъ и покраснѣлъ немного. Онъ заранѣе предчувствовалъ, что ему посыплются возраженія.

— Какъ «Гамлета»?..—воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— «Гамлета»-съ,—повторилъ Вихровъ.

— Но это очень трудно,—замѣтилъ Пларіонъ Захаревскій.—Кто самого Гамлета будетъ играть?

— Вашъ покорный слуга,—отвѣчалъ Павелъ.

Прокуроръ и при этомъ отвѣтѣ недоумѣвалъ.

— Вы отлично сыграете Гамлета,—подхватила Юлія.

— Но Офелію—кто же?—продолжалъ прокуроръ.

— Офелію—m-me Николова,—отвѣчалъ Вихровъ.

Опять оба брата придали нѣсколько удивленное выраженіе своимъ лицамъ.

— Но развѣ вы не замѣтили, что она глупа,—проговорилъ прокуроръ.

— И Офелія въ самой пьесѣ не очень умна,—отвѣчалъ Павелъ.

— Мнѣ, значитъ, въ вашемъ спектаклѣ и нѣтъ никакой роли—бѣдная я, бѣдная!—проговорила какъ-то шутя, но въ глубинѣ души съ грустью, Юлія.

— Вамъ Гертруду можно играть,—сказалъ Павелъ.

— Хорошо, я хоть Гертруду буду играть,—сказала Юлія съ просіявшимъ взоромъ.

Слушая всѣ эти переговоры съ усмѣшкой, инженеръ вмѣшался наконецъ въ разговоръ.

— Я не знаю, прилично ли дѣвушкѣ играть Гертруду: она немножко дурного поведенія.

— О, вздоръ какой!—проговорила Юлія.

— Ну, это что же!—поддержалъ ее и Пларіонъ Захаревскій.

IV.

Герой мой въ роли Гамлета.

Выборъ такой большой пьесы, какъ «Гамлетъ», произвелъ удивленіе и смѣхъ въ публикѣ, но m-me Николова хотѣла непремѣнно, чтобы пьесу эту играли,—хотѣлъ того, значитъ, и грозный начальникъ губерніи и въ этомъ случаѣ нисколько

не церемонился: роль короля, напримѣръ, онъ прислалъ съ жандармомъ къ предсѣдателю казенной палаты, весьма красивому и гордому изъ себя мужчинѣ, и непремѣнно требовалъ, чтобы тотъ черезъ недѣлю выучилъ эту роль.

Многіе насмѣшники, конечно, исподтишка, говорили, что такъ какъ Клавдій—злодѣй и узурпаторъ, то всего бы лучше, по своимъ душевнымъ свойствамъ, играть эту роль самому губернатору. Полонія m-me Пиколова отдала мужу, жирному и бѣлобрысому лимфатику, и когда въ публикѣ узнали, что Полоній былъ великій подлецъ, то совершенно одобрили такой выборъ. Прочія роли: Лаэрта, тѣни, Гильденшерна и Розенкранца разобрали между собой разные молодые люди и не столько желали сыграть эти роли, сколько посмѣшить всѣмъ этимъ представленіемъ публику. Всѣ эти насмѣшки и глумленія доходили, разумѣется, и до Вихрова, и онъ въ душѣ страдалъ отъ нихъ, но по наружности, сохранялъ совершенно спокойный видъ и, нечего грѣха таить, безконечно утѣшался мыслью, что онъ наконецъ будетъ играть въ настоящемъ театрѣ, выйдетъ изъ настоящимъ образомъ устроенныхъ декорацій, и суфлеръ будетъ сидѣть въ будкѣ передъ нимъ, а не сбоку станетъ суфлировать изъ-за декорацій. Передъ наступленіемъ первой репетиціи онъ безпрестанно ѣздилъ ко всѣмъ участвующимъ и долго имъ толковалъ, что если ужъ играть что-либо на благородныхъ спектакляхъ, такъ непремѣнно надо что-нибудь большое и умное, такъ что всѣ невольно прибодрились и начали думать, что они въ самомъ дѣлѣ дѣлаютъ что-то умное и большое; даже предсѣдатель казенной палаты не съ такимъ грустнымъ видомъ сидѣлъ и училъ роль короля Клавдія; молодежь же стала меньше насмѣшничать. Костюмъ Офеліи Пиколова перемѣнила, по крайней мѣрѣ, разъ пять и все совѣщалась объ этомъ съ Вихровымъ; наконецъ онъ ее одѣлъ для послѣдняго акта въ бѣлое платье, но совершенно безъ юбокъ, такъ что платье облегало около ея ногъ, вуаль былъ едва приколотъ, а цвѣты, бѣлыя камеліи, спускались тоже не совсѣмъ въ порядкѣ на одну сторону. Пиколова, взглянувъ на себя въ трюмо, была въ восторгѣ отъ этого поэтическаго растрепе.

Первая репетиція назначена была въ домѣ начальника губерніи. Юлію возить на репетицію братья Захаревскіе поручили въ ихней, разумѣется, каретѣ Вихрову. Когда Юлія въ первый разъ поѣхала съ нимъ, она ужасно его конфузилась и боялась, кажется, кончикомъ платья прикоснуться къ нему. Всѣ дѣйствующія лица выучили уже свои роли, такъ какъ всѣ они хорошо знали, что строгій ихъ предприниматель, съ са-

маго уже начала репетиціи стоявшій у себя въ залѣ на вытяжкѣ и сильно нахмуривъ брови, не любилъ шутить въ этомъ случаѣ и еще въ прошломъ году одного предводителя дворянства, который до самаго представленія не выучилъ своей роли, распекъ при цѣломъ обществѣ и, кромѣ того, къ очередной наградѣ не представилъ.

Павелъ началъ учить всѣхъ почти съ голоса, и его ли въ этомъ случаѣ внушенія были слишкомъ велики, или и участвующіе сильно желали какъ можно лучше сыграть, но только всѣ они очень скоро стали подражать ему.

— Бога ради, — кричалъ Павелъ королю: — помните, что Клавдій—не пошлый человѣкъ, и хоть у переводчика есть это немножко въ тонѣ его рѣчи, но вы выражайтесь какъ можно величественнѣе! — И предсѣдатель казенной палаты началъ въ самомъ дѣлѣ произносить величественно.

— М-ше Пиколова,—толковалъ мой герой дамѣ сердца начальника губерніи: — Гамлетъ тутъ выше всей этой толпы, и вы только любовью своей возвышаетесь до меня и начинаете мнѣ сочувствовать.

— Тише говорите объ этомъ, — шепнула она ему:—Ивану Алексѣевичу можетъ это не понравиться!

— Очень мнѣ нужно, понравится это ему или нѣтъ!—возразилъ ей Вихровъ.

Пиколова погрозила ему на это пальчикомъ. Лучше всѣхъ у Павла сошла сцена съ Юліей. Онъ ей тоже объяснилъ главный психологическій мотивъ всей этой сцены.

— Это стыдъ — стыдъ женщины, предавшейся пороку, и стыдъ передъ самымъ страшнымъ судьей — своимъ собственнымъ сыномъ!

Юлія представила, что она убита была стыдомъ. О величественности королевы ей хлопотать было нечего: она была величественна по натурѣ своей.

Всѣми этими распоряженіями Павла начальникъ губерніи оставался очень доволенъ.

— Благодарю васъ, благодарю! — говорилъ онъ, дружески пожимая ему руку, когда тотъ раскланивался съ нимъ и уѣзжалъ съ m-lle Захаревской домой.

Та въ каретѣ, попрежнему, сѣла далеко-далеко отъ него и, только ужъ подъѣзжая къ дому, тихо проговорила:

— А что, хорошо я играла?

— Отлично!—ободрилъ ее Вихровъ.

— Это вы меня вдохновили; прежде я очень дурно играла.

Павелъ ничего ей на это не отвѣчалъ и, высадивъ ее у крыльца изъ кареты, сейчасъ же поспѣшилъ уйти къ себѣ на

квартиру. Чѣмъ дальше шли репетиціи, тѣмъ выходило все лучше и лучше, и одинъ только Полоній, мужъ Пиколовой, былъ изъ рукъ вонъ плохъ.

Какъ Павелъ ни толковалъ ему, что Полоній хитрецъ, лукавецъ, Пиколовъ только и дѣлалъ, что шамкалъ какъ-то языкомъ, пришепетывалъ и былъ просто омерзителенъ. Вихровъ въ ужасъ отъ этого приходилъ и, никакъ не удержавшись, сказалъ о томъ губернатору.

— Пиколовъ невозможенъ, ваше превосходительство. онъ все испортитъ!

— Что за вздоръ-съ, не хуже другихъ будетъ!—окрысился на первыхъ порахъ начальникъ губерніи, но, пріѣхавъ потомъ къ m-me Пиколовой, объяснилъ ей о томъ.

— Я тогда еще говорила,—отвѣчала та:—гдѣ же ему что-нибудь играть... на что онъ способенъ?

— Такъ мы его замѣнимъ, значитъ, — произнесъ начальникъ губерніи.

— Пожалуйста, замѣните, а то таскается со мной на репетиціи.—очень нужно.

Пріѣхавъ домой, начальникъ губерніи сейчасъ же послалъ къ Павлу жандарма, чтобы тотъ немедля прибылъ къ нему. Тотъ пріѣхалъ.

— Послушайте, Пиколовъ самъ не хочетъ играть, кому бы предложить его роль?

— Я слышалъ, что здѣсь совѣстный судья хорошо играетъ. - отвѣчалъ Вихровъ, уже прежде наводившій по городу справки, кѣмъ бы можно было замѣнить Пиколова.

— Ахъ, да, я помню, что онъ отлично игралъ. — подхватилъ губернаторъ:—съѣздите, пожалуйста, и предложите ему отъ меня, чтобы онъ взялъ на себя эту роль.

Изъ одного этого пріема, что начальникъ губерніи просилъ Павла съѣздить къ судьѣ, а не послалъ къ нему просто жандарма съ ролью, видно было, что онъ третировалъ судью нѣсколько инымъ образомъ, и тотъ дѣйствительно былъ весьма самостоятельный и въ высшей степени обидчивый человѣкъ. У дикихъ звѣрей есть, говорятъ, инстинктивный страхъ къ тому роду животнаго, которое со временемъ пришибетъ ихъ. Губернаторъ, не давая себѣ отчета, почему-то побаивался судьи.

Когда Вихровъ предложилъ тому роль Полонія, судья, явно чѣмъ-то обиженный, рѣшительно отказался.

— Господинъ губернаторъ ранѣе долженъ былъ бы подумать объ этомъ: я, сколько здѣсь ни было благородныхъ спектаклей, во всѣхъ въ нихъ участвовалъ.

— Ей-Богу, въ этомъ виноватъ не губернаторъ, а я,—заявѣрялъ его Павелъ.

— Вы здѣсь—человѣкъ новый, а потому не можете знать всего общества, а онъ его долженъ знать хорошо.

— Пожалуйста, сыграйте! — настойчиво упрашивалъ его Павелъ.

— Устройте сами театръ,—я сейчасъ буду играть, а если устраиваетъ губернаторъ,—я не стану.

Павелъ возвратился къ губернатору и передалъ, что судья рѣшительно отказался.

— Хорошо-съ,—сказалъ начальникъ губерніи и поблѣднѣлъ только въ лицѣ.

Павелъ, послѣ того, Христомъ и Богомъ упросилъ играть Полонія—Виссаріона Захаревскаго, и хоть военнымъ, какъ извѣстно, въ то время не позволено было играть, но начальникъ губерніи сказалъ, что—ничего, только бы игралъ; Виссаріонъ все хохоталъ: хохоталъ, когда ему предлагали,—хохоталъ, когда сталъ учить роль (но противорѣчить губернатору, по его уже извѣстному намъ правилу, онъ не хотѣлъ), и говорилъ только Вихрову, что онъ боится больше всего расхохотаться на сценѣ, и игра у него выходила такъ, что нѣсколько стиховъ скажетъ вѣрно, а потомъ и заговоритъ не какъ Полоній, а какъ Захаревскій.

Въ городѣ между тѣмъ, по случаю этого спектакля, разныя небогатыя городскія сплетницы, перебѣгая изъ дома въ домъ, разсказывали, что Николова сдѣлала себѣ костюмъ Офеліи на губернаторскія, разумѣется, деньги въ тысячу рублей серебромъ,—что инженеръ Виссаріонъ Захаревскій тоже сдѣлалъ себѣ и сестрѣ костюмъ въ тысячу рублей: и тотъ, дѣйствительно, сдѣлалъ, но только не въ тысячу, а въ двѣсти рублей для Юліи и въ триста для себя; про Вихрова говорили, что онъ отлично играетъ. Молодежь, участвующая въ спектаклѣ, жаловалась, что на репетиціяхъ заведена такая строгость: чуть кто опоздаетъ, губернаторъ, по наущенію Вихрова, сейчасъ же беретъ съ виновнаго штрафъ десять рублей въ пользу дѣтскаго пріюта.

Наступилъ наконецъ и часъ спектакля.

Когда Вихровъ вышелъ изъ своей уборной, одѣтый въ костюмъ Гамлета, первая его увидала Юлія, тоже уже одѣтая королевой.

— Ахъ, какъ къ вамъ идетъ этотъ костюмъ! — какъ бы невольно воскликнула она.

— А что же?—спросилъ Вихровъ не безъ удовольствія.

— Чудо что такое!—повторяла Юлія съ яснымъ восторгомъ.

Даже Пиколова, увидавъ его и отойдя потомъ отъ него, проговорила королю:—«Какъ Вихровъ хорошъ въ этомъ костюмѣ!»

Когда потомъ занавѣсъ открылся, и король съ королевой, въ сопровожденіи всего придворнаго кортежа, вышли на сцену, Гамлетъ шелъ сзади всѣхъ. Онъ одинъ былъ одѣтъ въ траурное платье и несмотря на эту простую одежду сейчасъ же показался замѣтнѣе всѣхъ.

„Ни слезы, ни тоска, ни черная одежда,
Ничто не выразитъ души смятенныхъ чувствъ,
Которыми столь горестно терзаюсь я!“—

говорилъ Вихровъ, и при этомъ его голосъ, лицо, вся фигура выражали то же самое.

„Башмаковъ еще не износила! -

восклицалъ онъ потомъ, оставшись уже одинъ на сценѣ: -

Въ которыхъ шла за гробомъ мужа,
Какъ бѣдная вдова въ слезахъ,—
И вотъ она—жена другого:
Звѣрь безъ разума, безъ чувствъ,
Грустилъ бы долѣе!“—

и при этомъ начальникъ губерніи почему-то прослезился даже: одно только ему не понравилось, что Пиколова играла какую-то подчиненную роль; она, по наученію Вихрова, представляла какое-то совершенно покорное ему существо. Начальникъ губерніи любилъ, чтобы дама его сердца была всегда и вездѣ первая.

Въ послѣдующей затѣмъ сценѣ Гамлета и матери. Юлія прекрасно стыдилась, и когда Вихровъ какимъ-то печальнымъ голосомъ восклицалъ ей:

„Если ты не добродѣтельна, то притворись!
Привычка—чудовище и можетъ къ добру насъ обратить!“ –

начальникъ губерніи опять при этомъ прослезился, но что привело его въ неописанный восторгъ, это—когда Пиколова явилась въ костюмѣ сумасшедшей Офеліи. Она, злодѣйка, прежде и не показалась ему въ этомъ нарядѣ, какъ онъ ни просилъ ее о томъ... Начальникъ губерніи какъ бы заржалъ даже отъ волненія: такое впечатлѣніе произвела она на него своею поэтическою наружностью и по преимуществу еще тѣмъ, что платье ея огибалось около всѣхъ почти формъ ея тѣла...

— Отлично, отлично!—говорилъ онъ, закрывая даже глаза подъ очками, какъ бы стращась и видѣть это милое созданіе,—но этимъ еще не все для него кончилось.

Вдругъ m-me Пиколова (она также и это отъ него хранила

въ тайнѣ). m-me Николова, въ своемъ эпирномъ костюмѣ, съ распущенными волосами, запѣла:

„Въ бѣлыхъ перьяхъ
Статный воинъ,
Первый Данін боецъ!"

У начальника губерніи, какъ нарочно, на колѣняхъ лежала шляпа съ бѣлымъ султаномъ...

„Въ бѣлыхъ перьяхъ!"

повторяла m-me Николова своимъ довольно пріятнымъ голосомъ. Губернаторъ при этомъ потрясалъ только ногой и лежащею на ней шляпой... Когда занавѣсъ опустили, онъ какъ-то судорожно подмахнулъ къ себѣ рукою полицеймейстера, что-то сказалъ ему; тотъ сейчасъ же выбѣжалъ, сейчасъ поскакалъ куда-то, и вскорѣ послѣ того въ буфетной кухнѣ театра появились повара губернатора и начали стряпать.

Когда затѣмъ прошелъ послѣдній актъ, и публика стала вызывать больше всѣхъ Вихрова, и онъ въ свою очередь выводилъ съ собой всѣхъ, — губернаторъ неистово вбѣжалъ на сцену, прямо подлетѣлъ къ m-me Николовой, поцѣловалъ у нея неистово руку и объявилъ всѣмъ участвующимъ, чтобы никто не раздѣвался изъ своихъ костюмовъ, а такъ бы и сѣли всѣ за ужинъ, который будетъ приготовленъ на сценѣ, когда публика разъѣдется.

Всѣмъ это предложеніе очень понравилось.

Послѣ Николовой губернаторъ сталъ благодарить Вихрова.

— Благодарю, благодарю,—проговорилъ онъ, дружески потрясая ему руку.—И вы даже не смѣялись на сценѣ,—прибавилъ онъ все немножко вертѣвшемуся у него передъ глазами Захаревскому.

— Васъ все боялся, ваше превосходительство,—отвѣчалъ тотъ бойко:—только захочется смѣяться, взгляну на васъ, и отойдетъ.

— Почему же отойдетъ? — спрашивалъ губернаторъ.

— Не до смѣху, ваше превосходительство, при васъ никому; очень ужъ вы грозны.

— Ха-ха-ха! — засмѣялся самодовольно губернаторъ.

Виссаріонъ Захаревскій зналъ, когда и чѣмъ можно было шутить съ начальникомъ губерніи.

Вскорѣ офиціанты губернатора начали накрывать на сценѣ довольно парадный ужинъ. Изъ числа публики остались и вздумали войти на сцену прокуроръ и упрямый судья. Увидавъ послѣдняго, губернаторъ сейчасъ же окрысился и съ мгновенно освирѣпѣвшимъ взоромъ закричалъ на него:

— Уходите, уходите, вамъ здѣсь нечего дѣлать!

Судья немного опѣшилъ.

— Я къ знакомымъ моимъ,—проговорилъ-было онъ.

— Нѣтъ тутъ вашихъ знакомыхъ, — говорилъ губернаторъ:—можете въ другомъ мѣстѣ съ ними видѣться; извольте уходить,—иначе я полицеймейстеру велю васъ вывести.

Судья, очень хорошо знавшій, что начальникъ губерніи, вѣроятно, и не замедлитъ исполнить это намѣреніе, счелъ за лучшее насмѣшливо улыбнуться и уйти.

Прокуроръ тоже находился въ несовсѣмъ ловкомъ положеніи и тоже хотѣлъ-было уйти, но губернаторъ остановилъ его:

— Вы останьтесь: ваша сестра и братецъ играли, мы просимъ васъ остаться!

Прокуроръ усмѣхнулся и остался.

Начальникъ губерніи пригласилъ его даже и за ужинъ, за который всѣ сейчасъ же и усѣлись. Шампанское подали послѣ перваго же блюда.

— Первый тостъ, я полагаю, слѣдуетъ выпить за г-на Вихрова, который лучше всѣхъ игралъ,—проговорилъ прокуроръ.

— Вы думаете? — спросилъ начальникъ губерніи, какъ-то замигавъ подъ очками.

— За здоровье г. Вихрова!—закричала вслѣдъ затѣмъ молодежь, и между всѣми громче всѣхъ раздался голосъ Юліи.

Начальникъ губерніи не поднималъ своего бокала.

Инженеръ первый замѣтилъ это и спохватился.

— Что вы, что вы, господа, — шепталъ онъ сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ и потомъ, поднявъ бокалъ, проговорилъ:— первый тостъ, господа, слѣдуетъ выпить за здоровье учредителя Ивана Алексѣевича Мохова, который всегда и всѣмъ желаетъ доставить удовольствіе обществу.

— За здоровье Ивана Алексѣевича Мохова!—повторила за нимъ и молодежь.

Начальникъ губерніи улыбался на это и слегка кланялся всѣмъ.

— За здоровье дамъ.—проговорилъ онъ съ своей стороны.

Всѣ выпили за здоровье дамъ.

— За здоровье г. Вихрова уже пили, впрочемъ, еще разъ можно: за здоровье г. Вихрова,—произнесъ ловкій инженеръ.

— Позвольте, господа, предложить за здоровье всѣхъ участвующихъ, — поспѣшилъ сказать Вихровъ.

Выпито было и за здоровье всѣхъ участвующихъ.

Губернаторъ и Николова наконецъ уѣхали: онъ до неистовства уже началъ пламенно посматривать на нее...

— Какъ же можно было не начать тоста съ губернатора! — воскликнулъ инженеръ брату своему прокурору.

— О, чортъ съ нимъ! Я и забылъ объ немъ совсѣмъ. — отвѣчалъ тотъ равнодушно.

Когда стали разъѣзжаться, то Юлія обманула даже братьевъ и опять очутилась въ каретѣ съ Вихровымъ. Оба они ѣхали еще въ театральныхъ костюмахъ.

Юліи очень хотѣлось спросить, или, вѣрнѣе, — попросить Вихрова объ одной вещи.

— Послушайте, — начала она не совсѣмъ смѣлымъ голосомъ: — снимите, пожалуйста, съ себя фотографію въ этомъ костюмѣ и подарите мнѣ ее на память.

— Нѣтъ, зачѣмъ! — отвѣчалъ ей на это Вихровъ какъ-то совершенно небрежно.

Если бы онъ не былъ занятъ въ это время собственными мыслями, то онъ увидѣлъ бы, что Юлія отъ этого отвѣта поблѣднѣла даже и совсѣмъ почти опустилась на спинку кареты.

Героя моего въ эту минуту занимали странныя мысли. Онъ думалъ, что нельзя ли будетъ, пользуясь теперешней благосклонностью губернатора, попросить его выхлопотать ему разрѣшеніе выйти въ отставку, а потомъ сейчасъ же бы въ актеры поступить, такъ какъ литературой въ Россіи, видимо, никогда невозможно будетъ заниматься, но, будучи актеромъ, все-таки будешь стоять около искусства и искусствомъ заниматься.

V.

Новая публика слушателей.

О своемъ намѣреніи поступить въ актеры (до того оно сильно запало ему въ голову) Вихровъ даже написалъ Мари, спрашивая ее,—долженъ ли онъ этого желать и слѣдуетъ ли ему о томъ хлопотать: и въ отвѣтъ на это получилъ почти грозное посланіе отъ Мари. Она писала ему: «Ты съ ума сошелъ, mon cousin, и что ты такое наконецъ хочешь дѣлать съ собой?.. Тебѣ, тебѣ поступать въ актеры? Я это говорю не изъ глупаго какого-нибудь барства, но ты вспомни, какого невысокаго рода самое искусство это. Ты помнишь, какой тонкій критикъ былъ Есперъ Иванычъ, а онъ всегда говорилъ, что у насъ актерамъ даютъ гораздо больше значенія, чѣмъ они стоятъ того, и что ихъ точно тѣ же должны быть отношенія къ писателю, какъ исполнителя къ композитору: они ничего не должны придумывать своего, а только обязаны стараться выполнить хорошо то, что имъ дано авторомъ,—а ты знаешь нашихъ авторовъ, особенно при нынѣш-

немъ репертуарѣ: вдругъ тебѣ придется, напримѣръ, выражать душу г. Кони или умъ г. Каратыгина; я бы умерла, кажется, съ горя, если бы увидѣла когда-нибудь тебя на сценѣ въ такихъ пьесахъ. Я полагаю, что актерство даже требуетъ нѣкоторой степени невѣжества, чтобы заучивать всякую чужую дребедень. Ты вспомни твое образованіе, вспомни данный тебѣ отъ Бога замѣчательный талантъ писателя. Писатель ты, другъ мой, а не актеръ!.. Я думаю, ты и театръ-то любишь настолько, насколько это тебѣ нужно для представленія и описанія творимыхъ тобою лицъ. Занимайся лучше твоимъ расколомъ, наконецъ напиши что-нибудь, но объ актерствѣ и не помышляй!» Вихровъ не утерпѣлъ и въ первый разъ, какъ пошелъ къ Захаревскимъ, взялъ это письмо и прочелъ его Юліи.

Та закусила губки и нѣсколько времени молчала.

— Что жъ, эта кузина ваша молода?—спросила она.

Вихровъ въ первый еще разъ заговорилъ съ ней о Мари.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.

Юлія вздохнула нѣсколько посвободнѣе.

— Она, должно-быть, очень умная женщина. — продолжала Юлія.

— О, какая еще умница!—воскликнулъ Вихровъ:—главное, образованіе солидное получила; въ Москвѣ всѣ профессора почти ее учили, знаетъ наконецъ языки, музыку и сверхъ того—дочь умнѣйшаго человѣка.

— Какая счастливица она! — произнесла Юлія, какъ-то съеживаясь и потупляя глаза:—какъ бы я желала образовать себя еще хоть немного.

— Что же, вы достаточно образованы, — сказалъ ей въ утѣшеніе Вихровъ.

— Я больша сама себя образовала,—отвѣчала она:—но я желала бы быть такъ образованна, какъ вотъ эта ваша кузина.

— Да чего же у васъ недостаетъ для этого?

— Во-первыхъ, я не знаю языковъ; въ пансіонѣ насъ выучили болтать по-французски, но и то я не все понимаю, а по-нѣмецки и по-англійски совсѣмъ не знаю.

— Это такъ,—подтвердилъ Вихровъ:—безъ языковъ—дѣло плохое: читая одну русскую литературу, далеко не уйдешь, и главное дѣло—нѣмецкій языкъ!.. Мой одинъ пріятель Невѣдомовъ говаривалъ, что человѣкъ, не знающій нѣмецкаго языка, ничего не знаетъ.

— Но какъ мнѣ теперь учиться, у кого? — проговорила, какъ бы въ грустномъ раздумьѣ, Юлія.

— Давайте, я васъ буду учить,—сказалъ Вихровъ, больше шутя.

Юлія вспыхнула даже вся отъ восторга.

— Этакого счастья, кажется, и быть не можетъ для меня...— сказала она.

— Отчего же не можетъ? — проговорилъ Вихровъ и самъ даже сконфузился отъ такого комплимента.

— Оттого, что вы соскучитесь со мной, — произнесла Юлія.

— Вовсе не соскучусь,—отвѣчалъ Вихровъ.

Странное дѣло: m-lle Захаревская со всѣми другими мужчинами была очень бойкая и смѣлая дѣвушка, но, разговаривая съ Вихровымъ, дѣлалась какая-то кроткая, тихая, покорная.

— Вы хоть бы то для меня великое одолженіе сдѣлали,— продолжала она:—если бы прочли мнѣ вашу повѣсть!.. Сколько времени я прошу васъ о томъ.

Вихровъ, напуганный своимъ чтеніемъ Фатѣевой, немножко уже побаивался читать въ провинціальномъ обществѣ.

— Надоѣла она мнѣ самому-то очень, когда вспомню я, сколько я за нее страдалъ...—проговорилъ онъ.

— Ахъ, Боже мой, мы вѣдь ваши друзья, а потому, я думаю, будемъ слушать съ участіемъ,—проговорила Юлія.

— Что же, и ваши братья желаютъ слушать? — спросилъ ее Вихровъ.

— Да, они очень желаютъ, — отвѣчала она, немного покраснѣвъ: въ сущности ей одной только очень этого хотѣлось.

— Хорошо!—согласился наконецъ Вихровъ.

Плаціонъ Захаревскій, впрочемъ, съ удовольствіемъ обѣщался пріѣхать на чтеніе; Виссаріонъ тоже пожелалъ послушать и на этотъ вечеръ нарочно даже остался дома. Здѣсь я считаю нелишнимъ извиниться передъ читателями, что по три и по четыре раза описываю театры и чтенія, производимые моимъ героемъ; но что дѣлать?.. очень ужъ въ этомъ сущность его выражалась: какъ только жизнь хоть немного открывала ему клапанъ въ эту сторону, такъ онъ и кидался туда.

Чтеніе предположено было произвести въ кабинетѣ Виссаріона, и онъ былъ такъ предусмотрителенъ, что приготовилъ для автора воды, сахару и лимонъ. Вихровъ началъ чтеніе. Слушатели сначала внимали ему молча и склонивъ головы, и только Юлія по временамъ вспыхивала и какъ бы вздрагивала немного. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мужъ героини ѣдетъ въ деревню къ своей любовницѣ, и даже описывается самое свиданіе это,—

Виссаріонъ посмотрѣлъ на сестру, а потомъ — на брата: та немножко сконфузилась при этомъ, а по лицу прокурора трудно было догадаться, что онъ думалъ. Когда Вихровъ немного пріостановился, чтобы отдохнуть и выпить воды, Виссаріонъ сейчасъ же подошелъ и спросилъ его на ухо:

— А что, у васъ много еще такихъ вольныхъ мѣстъ будетъ?

— Будетъ еще,—отвѣчалъ Вихровъ, думая, что тому нравятся такія мѣста.

— А въ которыхъ главахъ?—продолжалъ спрашивать Виссаріонъ.

— Въ пятой и седьмой, — отвѣчалъ Вихровъ, припоминая.

Инженеръ сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ вышелъ изъ комнаты и велѣлъ къ себѣ вызвать сестру.

— На пятой и седьмой главѣ изволь выйти, тамъ чортъ знаетъ,—онъ самъ говоритъ,—какія еще вольности пойдутъ,— сказалъ онъ ей.

— Какія вольности? — спросила та, какъ бы не понимая.

— Такія, какія дѣвушкѣ слушать неприлично.

Юлія насмѣшливо улыбнулась.

— Ахъ, глупости какія, развѣ я не читаю другихъ романовъ и повѣстей.—ни за что не выйду!—сказала она и возвратилась въ кабинетъ.

— Ну, дура, значитъ,—проговорилъ Виссаріонъ ей вслѣдъ и потомъ съ недовольнымъ лицомъ возвратился въ кабинетъ.

Тамъ тоже происходилъ по поводу повѣсти разговоръ между Вихровымъ и прокуроромъ.

— Это не мудрено, что васъ за эту вещь сослали,—говорилъ сей послѣдній.

— А что же?—спросилъ Вихровъ.

— То, что тутъ все подламывается: и семейство и права, все,—говорилъ прокуроръ.

— Не слушайте, пожалуйста, Вихровъ, никого изъ нихъ и читайте далѣе: они оба въ литературѣ ничего не смыслятъ,— перебила его Юлія.

— Ты-то больше смыслишь.—возразилъ ей инженеръ, уже отъ досады сидя не на стулѣ, а у себя на столѣ, и болтая сильно ногами.

— Конечно, ужъ больше твоего!—произнесла Юлія.

Вихровъ началъ снова свое чтеніе. Съ наступленіемъ пятой главы инженеръ снова взглянулъ на сестру и даже дѣлалъ ей знакъ головой, но она какъ будто бы даже и не замѣчала этого. Въ седьмой главѣ инженеръ самъ, по крайней мѣрѣ, вышелъ изъ комнаты и все время ея чтенія ходилъ по залѣ, желая передъ сестрой показать, что онъ даже не въ состояніи

былъ слушать того, что тутъ читалось. Прокуроръ же слушалъ довольно равнодушно. Ему только было скучно. Онъ вовсе не привыкъ такъ помногу выслушивать чтенія повѣстей.

Вихровъ наконецъ замѣтилъ все это и остановилъ чтеніе свое. Онъ нарочно потомъ нѣсколько времени молчалъ и ждалъ мнѣнія своихъ слушателей.

— Какая чудная вещь! превосходная! — проговорила наконецъ Юлія.

Прокуроръ при этомъ только усмѣхнулся.

— А вамъ она не понравилась? — обратился къ нему Вихровъ.

— Не то, что не понравилась, — отвѣчалъ Захаревскій, пожимая плечами: — но она произвела на меня тяжелое, нервное и непріятное впечатлѣніе.

— Что же, тебѣ какое надобно впечатлѣніе? — перебила его сестра: — если ужъ ты такъ хлопочешь о спокойствіи, такъ не читай, а пей вотъ лучше эту воду съ сахаромъ.

— Но я другое же читаю, и на меня не производитъ такого непріятнаго впечатлѣнія.

— На тебя все рѣшительно производитъ Богъ знаетъ какое впечатлѣніе, — говорила Юлія: — ты и «Бѣдныхъ людей» Достоевскаго не могъ дочитать и говорилъ, что — скучно.

— Конечно, скучно.—подтвердилъ правовѣдъ.

— Ну да, для тебя, пожалуй, и Акакій Акакіевичъ Гоголя покажется скучнымъ: въ жизни ты ему посочувствуешь, а въ книгѣ онъ тебѣ покажется скученъ.

— Нѣтъ, мнѣ многое кажется не скучнымъ, — возразилъ прокуроръ, какъ бы обдумывая каждое свое слово. — Вотъ я недавно читалъ одну вещь, которую мнѣ товарищи прислали и которая, конечно, не печатается: это «Сцены въ уголовной палатѣ» Аксакова, — это точно что вещь, которая заставитъ задуматься каждаго.

— Это потому, что ты самъ сидѣлъ въ этой уголовной палатѣ,—возразила ему опять Юлія:—а жизни и души человѣческой ты не знаешь, женщинъ—тоже.

Вихровъ очень хорошо видѣлъ, что прокуроръ никакъ не могъ добраться до смысла его повѣсти, а потому рѣшился нѣсколько помочь ему.

— Вы, какъ вотъ видно изъ вашихъ послѣднихъ словъ, признаёте важность повѣсти, разсказовъ и сценъ, написанныхъ съ общественнымъ значеніемъ, съ задней мыслью, какъ нынче осторожно выражаются критики.

— Признаю,—отвѣчалъ прокуроръ.

— Такъ это же значеніе имѣетъ и моя повѣсть: она написана въ защиту правъ женщины: другая моя повѣсть написана противъ крѣпостного права.

Но какимъ же образомъ вы отстоите права женщинъ, если напишете нѣсколько возмутительныхъ сценъ?

— А какъ же «Сцены въ уголовной палатѣ» могутъ дѣйствовать на наше законодательство?

— Да тутъ прочтутъ и поймутъ сразу, что̀ тамъ за нелѣпость происходитъ.

— И меня прочтутъ и поймутъ, что тутъ ужасныя вещи происходятъ.

— Ну, а потомъ — что̀ же? Для уголовныхъ дѣлъ можно издать новыя законоположенія.

— А потомъ — то, что улучшатся нравы; общество доведется до сознанія разныхъ его скверностей, съ которыми оно прежде спокойно уживалось.

Прокуроръ все-таки остался еще не совсѣмъ убѣжденъ; его по преимуществу возмущало то, что повѣсть производила на него непріятное впечатлѣніе.

— Я вотъ читаю Гоголя, но онъ не производитъ на меня такого непріятнаго впечатлѣнія, а между тѣмъ до какой степени онъ осмѣиваетъ наши нравы.

— Очень просто, потому что тамъ вы читаете комедію. Писатель двоякое впечатлѣніе производитъ на публику — или комическое, или трагическое. Въ первомъ случаѣ его цѣль, чтобы публика хохотала до упаду, а во второмъ, — чтобы плакала навзрыдъ. Еще въ древнихъ риторикахъ сказано, что трагедія должна возбуждать въ зрителяхъ чувство ужаса и состраданія.

— И трагическое впечатлѣніе гораздо возвышеннѣе, чѣмъ комическое,—подхватила Юлія.

Прокуроръ на это пожалъ только плечами. Онъ все-таки еще вполнѣ не убѣдился.

Что̀ касается до инженера, то онъ молчалъ и какъ бы собирался съ силами, чтобы грознѣе разразиться надъ произведеніемъ моего героя.

— Вы говорите, — началъ онъ наконецъ, обращаясь къ Вихрову и придавая мыслящее выраженіе своему лицу:—что все это пишете затѣмъ, чтобы исправить нравы: но позвольте васъ спросить, начну въ этомъ случаѣ примѣромъ: заведу ли я на улицахъ чистоту и порядокъ, если стану всю грязь, которая у меня дома, выносить и показывать всѣмъ публично? Напротивъ, чистота только тогда будетъ заведена, если я весь соръ буду прятать куда-нибудь къ сторонкѣ; такъ и

нравы людей совершенно добродѣтельными сдѣлать нельзя, но пусть все это они дѣлаютъ только поскромнѣе, поосторожнѣе,— тогда и нравы улучшатся.

— Хорошо исправленіе нравовъ!.. — проговорилъ Вихровъ, улыбаясь.

— Ну, ужъ это что жъ! Какое исправленіе, — подтвердилъ и прокуроръ.

— Это не улучшеніе, а ухудшеніе, напротивъ: онъ іезуитизмъ хочетъ ввести во всѣхъ,—подхватила Юлія.

Инженеръ немного сконфузился: онъ самъ понялъ, что немного проговорился, но въ глубинѣ души своей, въ самомъ дѣлѣ, думалъ такъ.

— Ваша повѣсть,—продолжалъ онъ, уже прямо обращаясь къ Вихрову: — вмѣсто исправленія нравовъ можетъ только больше ихъ развратить; я удивляюсь смѣлости моей сестрицы, которая прослушала все, что вы читали, а дайте это еще какой-нибудь пансіонеркѣ прочесть,—ей Богъ знаетъ что придетъ послѣ того въ голову.

Юлія въ этомъ случаѣ никакъ не могла уже, разумѣется, заступиться за Вихрова: она только молчала и съ досадою про себя думала:—«Вотъ человѣкъ! Самъ Богъ знаетъ какія вещи говоритъ при мнѣ, совершенно ужъ не стѣсняясь,— это ничего, а я прослушала повѣсть—это неприлично».

— Что же ей можетъ прійти въ голову?— возразилъ Вихровъ: — я всѣ пороки описываю далеко не въ привлекательномъ видѣ.

— Но достаточно, что вы говорите объ нихъ, называете ихъ.

— Если не называть пороковъ и не говорить объ нихъ, такъ и писать рѣшительно будетъ нечего.

— Ахъ, мало ли, Боже мой! Написанъ же «Монте-Кристо» безъ пороковъ! — договорился наконецъ инженеръ до своего любимаго романа, въ которомъ ему по преимуществу нравилось богатство Монте-Кристо, который могъ жить, кутить и покупать всевозможныя вещи: все это ужасно раздражительно дѣйствовало на воображеніе инженера.

— У васъ, я вижу, одинъ вкусъ съ m-lle Прыхиной, — проговорилъ не безъ досады Вихровъ.

— Именно съ Прыхиной, — подтвердила и Юлія насмѣшливо.

— Чортъ знаетъ, кто такая тамъ Прыхина, а я говорю, что я самъ думаю и чувствую,—произнесъ инженеръ.

Вихровъ, видя, что конца не будетъ этимъ спорамъ и замѣчаніямъ, свернулъ свою тетрадку и раскланялся со всѣми, и какъ Виссаріонъ ни упрашивалъ его остаться ужинать, и

какъ Юлія ни кидала на него пламенные взгляды, онъ ушелъ. Душевное состояніе его было скверное, и не то, чтобы его очень смутили всѣ эти отзывы: перебравъ въ головѣ слышанныя имъ мнѣнія объ его произведеніи, онъ очень хорошо видѣлъ, что всѣ люди, получившіе университетское образованіе, отзывались совершенно въ его пользу,—стало-быть, тутъ, очевидно, происходила борьба между университетскимъ міровоззрѣніемъ и міровоззрѣніемъ остального общества. Главнымъ образомъ — его возмутило то, что самому-то ему показалось его произведеніе далеко не въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ, какимъ оно казалось ему, когда онъ писалъ его и читалъ на первыхъ порахъ. «Да, все это — дребедень порядочная!» — думалъ онъ съ грустью про себя и вовсе не подозрѣвая, что не произведеніе его было очень слабо, а что въ немъ-то самомъ совершился художественный ростъ, и онъ переросъ прежняго самого себя: но, какъ бы то ни было, литература была окончательно отложена въ сторону, и Вихровъ былъ отъ души даже радъ, когда къ нему пришла бумага отъ губернатора, въ которой тотъ писалъ:

«До свѣдѣнія моего дошло, что въ деревнѣ Вытегрѣ крестьянинъ Парфенъ Ермолаевъ убилъ жену, и преступленіе это мѣстною полиціею совершенно закрыто, а потому предписываю вашему высокоблагородію немедленно отправиться въ деревню Вытегру и произвести строжайшее о томъ изслѣдованіе. Дѣло сіе передано уже на разсмотрѣніе уѣзднаго суда».

Вихрову въ этомъ порученіи сверхъ того было пріятно и то, что онъ тутъ будетъ имѣть дѣло съ убійцею и станетъ открывать пролитую кровь человѣческую. Онъ въ тотъ же вечеръ пошелъ къ Захаревскимъ, которыхъ засталъ всѣхъ въ сборѣ, и разсказалъ имъ о своемъ отъѣздѣ. Извѣстіе это, видимо, очень испугало и огорчило Юлію.

— Но долго ли же вы пробудете на этомъ дѣлѣ? — спросила она.

— Не знаю, пожалуй, и мѣсяцъ провозишься! — отвѣчалъ Вихровъ.

— Какъ мѣсяцъ!..—почти воскликнула Юлія:—неужели же вы не можете поспѣшить и раньше вернуться?

— Врядъ ли!..—отвѣчалъ ей Вихровъ довольно равнодушно.

Юлія послѣ этого стала какъ опущенная въ воду: прокуроръ тоже выглядѣлъ какъ-то еще солиднѣе: даже безпечный инженеръ былъ явно мраченъ и все кусалъ себѣ ногти. Разговоръ тянулся вяло.

— Вы мнѣ, значитъ, и не дочитаете вашей повѣсти,— говорила Юлія.

— Нѣтъ, не дочитаю. —отвѣчалъ Вихровъ.

Дайте же мнѣ ее, по крайней мѣрѣ, я сама ее дочту.

— Возьмите хоть совсѣмъ: я подарить вамъ ее могу.

— Ну, совсѣмъ подарите,— сказала съ улыбкой Юлія.

Хорошо. — отвѣчалъ Вихровъ и, позвавъ человѣка, велѣлъ ему сходить внизъ и принести лежащую на столѣ книжку.

Тотъ принесъ.

— Надпишите же на ней что-нибудь,—сказала Юлія.

Вихровъ взялъ и надписалъ: «Единственной благосклонной слушательницѣ отъ автора».

Оба Захаревскіе смотрѣли на всю эту сцену молча и нахмурившись.

Вихровъ вскорѣ распрощался съ ними, чтобы завтра рано утромъ выѣхать.

По уходѣ его между Захаревскими нѣсколько времени продолжалось молчаніе.

— Что же мнѣ отвѣчать отцу: пріѣдешь ты или нѣтъ? — заговорилъ первый Виссаріонъ, обращаясь къ сестрѣ.

Ту какъ бы немного при этомъ подернуло.

— Я сама напишу отцу. Онъ долженъ знать и понимать, зачѣмъ я здѣсь живу.—отвѣчала она: —я надѣюсь, что ты не потяготишься мною,—прибавила она уже съ улыбкой брату.

— Что же мнѣ тяготиться! — пробурчалъ тотъ. — Не про меня говорятъ, а про то, что когда же и чѣмъ это кончится?

— Можетъ-быть, никогда и ничѣмъ не кончится,— отвѣчала Юлія опять съ маленькою судорогою въ лицѣ.

— Такъ для чего же вся эта и комедія?—возразилъ инженеръ.

— А если мнѣ и въ комедіи этой хорошо, такъ чего жъ тебѣ жаль?—сказала Юлія.

— Я съ его стороны рѣшительно ничего не вижу, кромѣ простой вѣжливости,—проговорилъ прокуроръ.

— И я тоже!—подхватилъ инженеръ.

— И я тоже!—сказала и Юлія грустно-насмѣшливымъ голосомъ.

— Такъ къ чему же все это поведетъ? — спросилъ инженеръ.

— А я почему знаю! — отвѣчала Юлія, и глаза ея наполнились уже слезами.

Оба брата только переглянулись при этомъ и прекратили объ этомъ разговоръ.

VI.

Убитая крестьянская женка.

Говоря по правдѣ, герой мой рѣшительно не зналъ, какъ приняться за порученное ему дѣло, и, пріѣхавъ въ маленькій городъ, въ уѣздѣ котораго совершилось преступленіе, придумалъ только послать за секретаремъ уѣзднаго суда, чтобы взять отъ него самое дѣло, произведенное земскою полиціею.

На это приглашеніе Вихрова, къ нему явился господинъ высокій, худой и плѣшивый.

— У васъ есть дѣло объ убійствѣ крестьяниномъ Ермолаевымъ жены своей?—спросилъ его прямо Вихровъ.

— У насъ это дѣло называется о скоропостижно-умершей женѣ крестьянина Ермолаева.

— Тутъ нечисто что-то!—сказалъ Вихровъ.

Секретарь только развелъ на это руками и вздохнулъ.

— Не по одному этому дѣлу полиція наша такъ распоряжается: пишешь-пишешь на нее въ губернское правленіе, — хоть брось!

— Но какъ мнѣ поступить тутъ?.. Губернаторъ мнѣ ничего не пояснилъ въ предписаніи.

Секретарь на это слегка усмѣхнулся.

— До начальника губерніи, — началъ онъ какимъ-то размышляющимъ и нѣсколько лукавымъ тономъ:—дѣло это, надо полагать, дошло такимъ манеромъ: семинаристъ къ намъ изъ самыхъ этихъ мѣстъ, гдѣ убійство это произошло, опредѣлился въ судъ: вотъ онъ приходитъ къ намъ и разсказываетъ: «Я, говоритъ, гуляль у себя въ селѣ, въ полѣ... ну, знаете, какъ обыкновенно молодые семинаристы гуляютъ... и подошелъ, говоритъ, я къ пастуху попросить огня въ трубку, а въ это время къ тому подходитъ другой пастухъ—изъ деревни ужъ Вытегры: сельскій-то пастухъ и спрашиваетъ: «Что ты, говоритъ, сегодня больно поздно вышелъ со стадомъ?» «Да нельзя, говоритъ, было: у насъ сегодня ночью у хозяина сынъ жену убилъ». Пастухи-то, знаете, всѣмъ обществомъ кормятся: понедѣльно, что ли, тамъ въ каждомъ домѣ живутъ. Пастухъ-то у этого именно Парфена Ермолаева и жилъ. Онъ разсказываетъ это, а я самое дѣло-то читаю... складно да ладно тамъ написано: что была жена у Парфена Ермолаева, что жили они согласно, и умерла она по волѣ Божіей. Такъ меня, знаете, злость взяла, думалъ требовать дополненія по дѣлу — пользы нѣтъ, я и говорю этому маль-

чишкѣ-то онъ шелъ въ губернскій городъ - хлопотать по своему опредѣленію: — «Стунай, говорю, скажи все это губернатору!» Мальчикъ-то, вѣроятно, пошелъ да и донесъ.

— Мнѣ, значитъ, съ пастуха и начать надо.- проговорилъ Вихровъ.

— Съ пастуха непремѣнно, — подтвердилъ и секретарь: — да чего, вѣдь и медицинскаго осмотра тѣлу произведено не было.

— Я произведу медицинскій осмотръ.

— Слѣдуетъ, по закону, безотлагательно... Тысячу рублей, говорятъ, исправнику-то дали за это дѣло, — присовокупилъ секретарь.—Вотъ у меня гдѣ эта земская полиція сидитъ! — произнесъ онъ затѣмъ, слегка ударяя себя въ грудь: — она всю кровь мою мнѣ испортила, всю душу мою истерзала...

Земская полиція, дѣйствительно, страшно мучила бѣднаго секретаря: лѣтъ двадцать пять сидѣлъ онъ на секретарскомъ стулѣ и, разсматривая почти каждодневно въ дѣлахъ дѣйствія полицейскихъ чиновъ, конечно, полагалъ, желалъ и ожидалъ, что они хоть когда-нибудь и чѣмъ-нибудь возблагодарятъ его, но тѣ упорно не давали ему ни копейки.

— Откуда же крестьянинъ могъ взять тысячу рублей, чтобы дать исправнику?—спросилъ его Вихровъ.

— Тутъ, изволите видѣть, какая статья вышла! — продолжалъ секретарь:—по крайности, на базарѣ такъ болтали народъ: малый-то этотъ, убійца, еще допрежъ того продался въ рекруты одному богатому мужику; такъ я полагаю, что не тотъ ли откупилъ его.

— Можетъ-быть! — согласился съ этимъ и Вихровъ и затѣмъ, попросивъ секретаря, чтобы тотъ прислалъ ему дѣло, отпустилъ его въ судъ.

Жрецъ Ѳемиды, обругавъ еще разъ земскую полицію, отправился и черезъ нѣсколько минутъ прислалъ требуемое отъ него дѣло, а Вихровъ между тѣмъ, написавъ къ доктору отношеніе, чтобы тотъ прибылъ для освидѣтельствованія тѣла умершей крестьянки Анны Петровой, самъ, не откладывая времени, сѣлъ въ почтовую повозку и поѣхалъ. Въ Вытегру онъ пріѣхалъ на разсвѣтѣ. Всѣ какіе-нибудь хитрые и лукавые пріемы были ему противны по натурѣ его. Онъ прямо подъѣхалъ къ дому убійцы, вошелъ и велѣлъ позвать къ себѣ всѣхъ домашнихъ. Пришли: старикъ-отецъ, старуха жена его, дѣвка-работница, а парня не было.

— Гдѣ же сынъ твой? - спросилъ Вихровъ старика.

— За сѣномъ онъ, сударь, уѣхалъ, — отвѣчалъ тотъ нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ.

Вихровъ въ это время случайно взглянулъ въ окно и уви-

дѣлъ, что какой-то молодой малый все какъ-то жался къ стѣнѣ и точно прятался за нее.

— Да это не онъ ли?— спросилъ онъ вдругъ старика.

— Онъ и есетко, — отвѣчалъ тотъ и разсмѣялся какъ-то неестественно...

— Ну, ужъ позови и его сюда, — сказалъ Вихровъ.

Старикъ ушелъ.

Старуха-мать стояла въ это время, совсѣмъ опустивъ голову въ землю, а дѣвушка-работница какъ-то глядѣла все въ сторону. Малый вошелъ вмѣстѣ со старикомъ-отцомъ. Онъ, видимо, бодрился и старался казаться смѣлымъ: собой онъ былъ бѣлокурый, черты лица имѣлъ мелкія и незначительныя, но довольно непріятныя. Взглянувъ на него, Вихровъ совершенно убѣдился, что онъ убійца. Онъ велѣлъ его явившемуся сотскому держать подъ надзоромъ и затѣмъ приказалъ позвать къ себѣ деревенскаго пастуха ихъ. Тотъ пришелъ. Это былъ огромный мужикъ, съ страшно загорѣлымъ лицомъ и шеей, такъ что шиворотокъ у него былъ почти въ воспалительномъ состояніи: на ногахъ у него были кожаные башмаки, привязанные крѣпко увитыми на голеняхъ ремнями: кафтанъ сѣрый и въ заплатахъ, и отъ всего его пахнуло сильно сыростью, точно отъ гриба какого-нибудь. Войдя въ избу, онъ оставилъ за собою сильный слѣдъ грязи.

— Какъ намокли, проклятые!—говорилъ онъ, смотря себѣ на ноги.

Вихровъ сначала не принялъ осторожности и, не выславъ старика-отца (парень, мать и дѣвка сами вышли изъ избы), сталъ разговаривать съ пастухомъ.

— Ты у этого хозяина ночуешь?

— Нѣтъ, не ночую!—отвѣчалъ пастухъ какимъ-то глухимъ голосомъ.

— А какъ молодой хозяинъ жилъ съ женою, — согласно, али нѣтъ?

— Почемъ же я знаю?—отвѣчалъ пастухъ мрачно.

— А если я знаю, что ты знаешь — и знаю даже, что ты говорилъ, какъ хозяинъ твой убилъ жену свою, — сказалъ Вихровъ.

Пастухъ при этомъ посмотрѣлъ ему исподлобья въ лицо, а потомъ повелъ глазами въ ту сторону, гдѣ стоялъ старикъ, отецъ убійцы. Вихровъ догадался и выслалъ того. Они остались вдвоемъ съ пастухомъ.

— Что же, парень убилъ жену?— спросилъ Вихровъ.

Пастухъ молча, не произнеся ни слова, мотнулъ только ему головой.

— Какъ же онъ убилъ ее, какимъ орудіемъ? — спрашивалъ Вихровъ.

Пастухъ взялъ себя за горло рукой и сдавилъ ею горло.

— Удавилъ или задушилъ?

Пастухъ опять, какъ нѣмой, показалъ себѣ пальцемъ на руку.

Вихровъ понялъ его.

— Больше ты ничего не знаешь? — спросилъ онъ его.

— Ничего, — отвѣчалъ пастухъ.

Вихровъ отпустилъ его до поры до времени.

Уходя, пастухъ оставилъ снова сильный слѣдъ грязи.

— Извините! — сказалъ онъ, обертываясь въ дверяхъ къ Вихрову съ какой-то полуулыбкой.

Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ докторъ. Оказалось, что это былъ маленькій Цапкинъ, который перемѣнился только тѣмъ, что отпустилъ подлиннѣе свои бакенбарды... Съ Вихровымъ онъ сдѣлалъ видъ, что какъ будто бы и знакомъ не былъ, но тотъ не удержался и напомнилъ ему.

— Мы встрѣчались съ вами у женщины, несчастливой въ семейной жизни, а теперь сходимся у женщины, уже убитой своимъ мужемъ,—проговорилъ онъ.

Докторъ сначала на это ничего не отвѣчалъ и даже сконфузился немного.

— Я уже женатъ.—проговорилъ онъ.

— Слышалъ это я,—подхватилъ Вихровъ.

Маленькій докторъ перешелъ, посредствомъ протекціи Захаревскаго, въ эту губернію — именно потому, что молодая жена его никакъ не хотѣла, чтобы онъ жилъ такъ близко къ предмету прежней своей страсти.

— Мы тѣло должны выкопать и вскрыть. — сказалъ ему Вихровъ.

— Да.—отвѣчалъ ему докторъ съ важнымъ видомъ: какъ бо́льшая часть малорослыхъ людей, онъ, видимо, хотѣлъ этимъ нравственнымъ раздуваньемъ себя нѣсколько пополнить недостатокъ своего тѣла.

Вихровъ, для раскапыванія могилы, велѣлъ позвать именно тѣхъ понятыхъ, которые подписывались къ обыску при первомъ дѣлѣ. Сошлось человѣкъ двѣнадцать разныхъ мужиковъ: рыжихъ, бѣлокурыхъ, черныхъ, худыхъ и плотноватыхъ, и лица у всѣхъ были невеселыя и непокойныя. Вихровъ велѣлъ имъ взять заступы и лопаты и пошелъ съ ними въ село, гдѣ похоронена была убитая. Оно отстояло отъ деревни всего съ версту. Докторъ тоже изъявилъ желаніе сходить съ ними.

Дорогой Вихровъ сталъ разговаривать съ понятыми.

— Вѣдь баба-то, братцы, говорятъ, убита мужемъ?—обратился онъ ко всѣмъ имъ.

— Богъ ее знаетъ, батюшка,—отвѣчали тѣ въ одинъ голосъ.

— Нѣтъ, не Богъ, а и вы знаете! — сказалъ имъ укоризненнымъ тономъ Вихровъ.

Мужики на это ничего не сказали.

— Какъ же это вы показывали, что мужъ всегда жилъ съ ней въ согласіи и ссоръ промежъ нихъ никогда никакихъ не было?

— Нѣтъ, судырь, мы этого не говорили,—возразилъ одинъ изъ мужиковъ, поумнѣе другихъ на лицо.

— Какъ не говорили, вотъ ваши показанія! — И Вихровъ прочелъ имъ показанія ихъ.

— Мы точно что, судырь, — продолжалъ тотъ же мужикъ, покраснѣвъ немного:—баяли такъ, что мы не знаемъ. Господинъ, теперича, исправникъ и становой спрашиваютъ: «не видали ли вы, чтобы Парфенка этотъ билъ жену?»—«Мы, говоримъ, не видывали; гдѣ же намъ видѣть-то? Дѣло это семейное, развѣ кто станетъ жену бить на улицѣ? Дома на это есть мѣсто; дома бьютъ!»

— Нѣтъ, вы не то показали; вы показали, что они согласно и въ мирѣ всегда жили.

— Нѣтъ-съ, какъ это мы можемъ показать!— возразилъ все тотъ же мужикъ, болѣе и болѣе краснѣя: — вѣдь мы, судырь, неграмотные; развѣ мы знаемъ, что вы тутъ напишете: пишите, что хотите,—мы народъ темный.

— Но тотъ грамотный, который за васъ прикладывалъ руку, тотъ не темный: пусть бы онъ прочелъ вамъ! — возразилъ Вихровъ.—Кто тутъ рукоприкладствовалъ за всѣхъ,—какой-то Григорій Ѳедосеевъ?

— Я-съ это.—отвѣчалъ одинъ изъ понятыхъ, ужасно корявый и невзрачный мужикъ.

— Когда жъ мы говорили такъ? спрашивали его прочіе мужики.

— Какъ же вы говорили? Извѣстно, такъ говорили,—отвѣчалъ тотъ, замѣтно уже обозлившись.

— Никогда мы такъ не говаривали; ты теперь и отвѣчай за то!—продолжалъ прежній, болѣе умный мужикъ.

Извѣстно, не говорили, подтвердили и другіе мужики.

Корявый мужичонка совсѣмъ обозлился.

— Какъ не говорили, — черти этакіе, дьяволы. — вино-то съ нихъ пили, а тутъ и не говорили!

— Никакого вина не было, что ты врешь, дуракъ этакій, — унималъ его прежній умный мужикъ.

— Какое это вино? — спросилъ Вихровъ.

— А вино, судырь, которое Өедоръ Романычъ купилъ, — ишь, больно ловки, — отвѣчай теперь я за нихъ одинъ!

— Какой Өедоръ Романычъ? — спросилъ Вихровъ.

— А мужичокъ, которому Парфенка въ рекруты продался.

— Что̀ ты тутъ Өедора-то Романова плетешь, пошто онъ тебѣ, дуракъ этакій и свинья! — отозвался вдругъ на это высокій мужикъ.

— Самъ свинья, что̀ ты лаешься-то? Ты всѣмъ дѣломъ этимъ и орудовалъ.

— Ну, слава тебѣ Господи, и я ужъ орудовалъ! — сказалъ какъ бы со смѣхомъ высокій мужикъ.

Въ это время вошли всѣ въ село и прошли прямо на церковный погостъ. Одинъ изъ мужиковъ показалъ могилу убитой. На ней стоялъ совершенно новый крестъ. Вихровъ послалъ къ священнику просить позволенія разрыть эту могилу. Тотъ благословилъ. Стали вынимать крестъ. Мужики замѣтно принялись за это дѣло съ неудовольствіемъ, а высокій мужикъ и не подходилъ даже къ могилѣ. Вихровъ — тоже сначала принявшійся смотрѣть, какъ могила все болѣе и болѣе углублялась — при первомъ ударѣ заступа у одного изъ мужиковъ во что-то твердое, по невольному чувству отвращенія, отвернулся и болѣе ужъ не смотрѣлъ, а слышалъ только, какъ корявый мужикъ, усерднѣе всѣхъ работавшій и спустившійся въ самую даже могилу; кричалъ оттуда:

— Давайте веревки-то поскорѣй, а то расчихаешься тутъ!

Потомъ Вихровъ черезъ нѣсколько минутъ осмѣлился взглянуть въ сторону могилы и увидѣлъ, что гробъ уже вынутъ, и мужики несли его. Онъ пошелъ за ними. Маленькій докторъ, все время стоявшій со сложенными по-наполеоновски руками на окраинѣ могилы и любовавшійся окрестными видами, тоже послѣдовалъ за ними.

Мужики, неся гробъ, по свойству русскихъ людей — позубоскалить при каждомъ дѣлѣ, какъ бы оно непріятно ни было, и тутъ не утерпѣли и пошутили.

— Григорій Өедосеичъ, завывай: ты мастеръ выть-то: — сказалъ молодой парень, обращаясь къ корявому мужику.

— Сами вы, черти, мастера! — выругался тотъ.

— Какъ же ты, братецъ, ругаешься: гробъ несешь и ругаешься, а еще грамотный! — укорялъ его молодой парень.

— Онъ вѣдь только на блины да на кутью выть-то любитъ, а безъ этого не станетъ! — объяснилъ про Григорья Өедосеева другой мужикъ.

— Ты-то пуще станешь! — отругивался и отъ него Григорій Ѳедосѣичъ.

Прочіе мужики ухмылялись и усмѣхались, и одинъ только высокій мужикъ шелъ все молча, не улыбнувшись и, видимо, стараясь даже отставать отъ идущихъ.

Въ домѣ Парфена Ермолаева, должно-быть, сильно перепугались, когда увидали, что гробъ несутъ назадъ, а особенно — дѣвушка-работница...

— Матушка, гробъ-то Анны назадъ несутъ! — воскликнула она, первая увидѣвъ это и обращаясь къ старой хозяйкѣ.

— Ну, вотъ, матери... Господи помилуй!—произнесла та.

— Анну выкопали и назадъ принесли! —сказалъ и старикъ, войдя въ избу.

— Куда же, баунька, поставить-то ее, поставить-то ее куда?—спрашивала работница.

— Не вѣдаю ужъ!—отвѣчала ей старуха.

Парфенъ въ это время сидѣлъ на улицѣ, на бревнахъ, подъ присмотромъ сотскаго. Когда онъ увидалъ подходящихъ съ гробомъ людей, то, замѣтно поблѣднѣвъ, сейчасъ же всталъ на ноги, снялъ шапку и перекрестился.

Докторъ вошелъ первый въ домъ Парфена, осмотрѣлъ его весь и велѣлъ въ немъ очистить небольшую свѣтелку, какъ болѣе свѣтлую комнату.

Тамъ разложили на козлахъ нѣсколько досокъ и поставили гробъ. Открыть его Вихровъ сначала думалъ-было велѣть убійцѣ, но потомъ сообразилъ, что это можетъ выйти пытка,— такимъ образомъ гробъ открыть опять вызвался тотъ же корявый мужикъ.

— Они на меня, ваше высокородіе, все теперь сваливаютъ, — говорилъ онъ, замѣтивъ, что онъ одинъ съ Вихровымъ въ свѣтелкѣ:—а вотъ, Матерь Божія, за все мое рукоприкладство мнѣ только четвертакъ и дано было.

— А кто такой этотъ высокій мужикъ, съ которымъ ты спорилъ? — спросилъ его Вихровъ.

— Да вѣдь это сынъ, ваше высокородіе, того мужичка, который купилъ Парфенку-то въ рекруты; вотъ ему это и непонутру, что я говорю, — отвѣчалъ корявый мужикъ. — Ну-те, черти, — крикнулъ онъ затѣмъ въ окно другимъ понятымъ, стоявшимъ на улицѣ: — подите, пособите покойницу-то вынуть изъ гроба.

Тѣ неохотно и неторопливо вошли въ свѣтелку и больше вытряхнули трупъ изъ гроба, чѣмъ вынули. Вошелъ потомъ и докторъ.

Онъ былъ безъ сюртука, съ засученными рукавами рубашки,

ѣ кожаномъ передникѣ, съ пилой и съ ножомъ въ рукахъ: несмотря на свой маленькій ростъ, онъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлался даже немного страшенъ. Безъ всякой церемоніи, онъ вынулъ изъ-за своего пояса заткнутыя ножницы и разрѣзалъ ими на покойницѣ саванъ, сарафанъ и рубашку, начиная съ подола до самой шеи, разрѣзалъ также и рукава у рубашки и все это развернулъ. Понятые отворотились; даже и корявый мужикъ не смотрѣлъ на это. Вихровъ тоже съ величайшимъ усиліемъ надъ собой взглянулъ на покойницу и успѣлъ только замѣтить, что она была недурна лицомъ и очень еще молода.

— Не угодно ли вамъ записывать судебно-медицинскій осмотръ, — сказалъ маленькій докторъ, обращаясь къ нему съ важностью: — ну, смотрите и вы хорошенько! — прибавилъ онъ мужикамъ уже строго.

Вихровъ сѣлъ и приготовился записывать.

— На теменныхъ костяхъ, — началъ докторъ громко, какъ бы пиктуя и въ то же время касаясь головы трупа: — большой проломъ, какъ бы сдѣланный твердымъ и тупымъ орудіемъ. Смотрите!—обратился онъ къ понятымъ.

Нѣкоторые изъ нихъ, а въ томъ числѣ и корявый мужикъ, подошли, посмотрѣли и отошли.

— А эта штука еще лучше!— произнесъ докторъ какъ бы про себя и потомъ снова задиктовалъ: — правое ухо до половины оторвано: на щекѣ — три пятна съ явными признаками подтековъ крови; на груди переломлено и вогнуто внизъ два ребра: повреждены легкія и сердце. Внутренности и вскрывать нечего. Смерть прямо отъ этого и послѣдовала.—видите все это?

Понятые молчали. Высокій мужикъ какъ будто бы хотѣлъ что-то возразить, но, кажется, не посмѣлъ.

— Теперь надобно мужа и домашнихъ привести, чтобы они видѣли.

Вихровъ велѣлъ.

Тѣ пришли, за исключеніемъ дѣвки-работницы. Парень явно трепеталъ всѣмъ тѣломъ.

— Видите! — сказалъ докторъ и показалъ имъ голову: — видите!—и онъ указалъ на оторванное ухо: — и вотъ эти маленькія дырки въ полтора вершка величины: ну, и подпишитесь ко всему этому!—прибавилъ онъ, показывая на осмотръ, написанный Вихровымъ.

Тотъ началъ читать бумагу громко и внятно.

Парень стоялъ все время, отвернувшись отъ трупа, и, кажется, даже старался не слышать того, что читаютъ. Докторъ непремѣнно потребовалъ, чтобы всѣ мужики дали правыя руки

для довѣрія въ рукоприкладствѣ тому же корявому мужику: онъ, кромѣ важности, былъ, какъ видно, и большой формалистъ въ службѣ.

— Какъ бы мнѣ, ваше высокородіе, и за это чего не было.—спросилъ мужикъ Вихрова.

— Нѣтъ, за это ничего не будетъ, — успокоилъ его тотъ.

Докторъ между тѣмъ потребовалъ себѣ воды: съ чрезвычайно серьезной физіономіей вымылъ себѣ руки, снялъ съ себя фартукъ, уложилъ всѣ свои инструменты въ ящикъ и, не сказавъ Вихрову ни слова, раскланялся только съ нимъ и, сѣвъ въ свой тарантасикъ, сейчасъ уѣхалъ.

По отъѣздѣ его, трупъ надобно было снова снести на кладбище и зарыть въ могилу.

— Ну, положите, братцы, въ гробъ покойницу и снесите ее въ село,—сказалъ-было Вихровъ понятымъ; но тѣ рѣшительно возопіяли противъ того.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе,—заговорили они всѣ въ одинъ голосъ: — и то ужъ мы съ ними намаялись; тотъ разъ по ихъ дѣлу таскали-таскали, теперь тоже требуютъ.

— Пусть сами они свезутъ!.. батька-то старикъ ни черта у нихъ не дѣластъ!—присовокупилъ и корявый мужикъ.

— Да я, пожалуй, свезу,—отвѣчалъ старикъ-отецъ, кидая вокругъ себя какой-то безпокойный взоръ. — Подсобите хоть положить-то ее,—прибавилъ онъ понятымъ.

— Да это подсобимъ.—отвѣчалъ корявый мужикъ и пошелъ, впрочемъ, одинъ только подсоблять старику.

Черезъ нѣсколько минутъ Вихровъ увидалъ, что они вдвоемъ поставили гробъ на старую телѣжонку, запрягли въ нее лошадь, и потомъ старикашка-отецъ что есть духу погналъ съ нимъ въ село.

VII.

Убійца.

Тѣмъ же днемъ Вихровъ началъ и слѣдствіе. Прежніе понятые, чтобы ихъ не спросили другой разъ, разбѣжались. Онъ позвалъ другихъ и пригласилъ священника для привода ихъ къ присягѣ. Священникъ пришелъ въ ужасно измятой, но новой рясѣ и съ головой, для франтовства намоченной квасомъ. Онъ былъ очень широколицъ и съ какой-то необыкновенно добродушной физіономіей. Мужиковъ сошлось человѣкъ двѣнадцать.

— Внушите имъ, батюшка, чтобы они говорили правду, и потрудитесь ихъ привести къ присягѣ!—проговорилъ Вихровъ.

Священникъ разложилъ на столѣ евангеліе, надѣлъ епитрахиль и началъ какимъ-то неестественнымъ голосомъ:

Вы теперь должны показать правду, потому что, ежели покажете неправду, то будете наказаны и лишены навѣки царствія небеснаго, а ежели покажете правду, то Богъ васъ наградитъ, и должны вы показать, не утаивая, потому что утаить все равно, что и солгать! Ну, сложите теперь крестомъ персты ваши и поднимите ваши руки!

Мужики неуклюже сложили руки крестомъ и подняли ихъ.

— Говорите за мной! — произнесъ священникъ и зачиталъ:—«Обѣщаюсь и клянусь!»

Мужики что-то такое бормотали за нимъ.

— Ну, цѣлуйте теперь евангеліе.

Мужики всѣ перецѣловали евангеліе.

Священникъ снялъ епитрахиль, завернулъ въ нея евангеліе и хотѣлъ-было уйти.

— Посидите, батюшка, побудьте при слѣдствіи; я одинъ тутъ,—остановилъ его Вихровъ.

— Хорошо-съ,— отвѣчалъ священникъ и сѣлъ на лавку.

Вихровъ началъ спрашивать сразу всѣхъ крестьянъ.

— Скажите, пожалуйста, какъ же Парфенъ Ермолаевъ жилъ съ женою—дурно или хорошо?

— Да что, ваше высокоблагородіе, — вызвался одинъ изъ мужиковъ, самой обыкновенной наружности и охотникъ только, какъ видно, поговорить:— сказать тоже надо правду: по слухамъ, согласья промежъ ихъ большого не было.

— Но не видали ли вы, чтобы онъ билъ ее, ругалъ?

— Это гдѣ же видать! — произнесъ какъ бы съ нѣкоторою печалью мужикъ съ обыкновенною физіономіей.

— Я, сударь, видѣлъ, — отозвался вдругъ одинъ старикъ, стоявшій сзади всѣхъ, и при этомъ даже вышелъ нѣсколько впередъ.

— Что же ты видѣлъ, дѣдушка? — спросилъ его Вихровъ.

— Видѣлъ я, сударь, то: иду я разъ, такъ, примѣрно сказать, мимо колодца нашего, а онъ ее и бьетъ тутъ... отнялъ отъ бадьи веревку-то, да съ желѣзомъ-то веревкою-то этою и бьетъ ее: я даже скрикнулъ на него: «что, я говорю, ты, песъ этакій, дѣлаешь!», а онъ и меня лаять началъ... Вздорный мальчишка, скверный, не потаю, батюшка.

— Зачѣмъ таить!—замѣтилъ ему священникъ.

— Не потаю: ты же вотъ говорилъ, что за правду Богъ наградитъ, а за ложь накажетъ.

— А вы никто другіе не видали, чтобы онъ ее билъ? — спросилъ Вихровъ прочихъ мужиковъ.

— Мы не видали, а что они несогласно жили, это слыхали,— отвѣчали всѣ они единогласно.

— Да изъ чьего роду-то она была?—спросилъ священникъ.

— Да Марьи, судырь, вдовы дочка, изволите видѣть.— отвѣчалъ ему тотъ же старикъ.

— Изъ дому-то она небогатаго была: отъ этого, чай, и согласья-то у нихъ не было,— проговорилъ священникъ, запуская руку въ карманъ подрясника и вынимая оттуда новый бумажный платокъ носовой, тоже, какъ видно, взятый для франтовства.

Вихровъ посмотрѣлъ на него вопросительно.

— Они всѣ вѣдь,—продолжалъ священникъ:—коли тесть и теща небогаты, къ которымъ можно имъ въ гости ѣздить и праздновать, такъ не очень жены-то уважаютъ и поколачиваютъ.

— Это точно что: есть это!.. есть!.. — подтвердилъ и старикъ.—А тутъ ужъ что-то и особенное маленько было,— прибавилъ онъ, внушительно мотнувъ головой.

— Что же особенное было?

— Что особенное? Всѣ вонъ они знаютъ!.. Что они молчатъ! проговорилъ старикъ, указывая на прочихъ мужиковъ.

Что же, братцы, говорите, — отнесся къ нимъ Вихровъ.

Что, ваше высокородіе, пустое онъ только болтаетъ,— отвѣтилъ мужикъ съ обыкновенной наружностью.

— Нѣтъ, не пустое, не пустое! — отозвался досадливо старикъ.

— Да что такое, говорите!—прикрикнулъ уже Вихровъ.

— Да болтаютъ, ваше высокородіе,— отвѣчалъ мужикъ съ обыкновенной наружностью: — что у нихъ работница есть, и что будто бы она тамъ научила Парфенку это сдѣлать.

— Были слухи объ этомъ, были,—подтвердилъ и священникъ.

— Да вѣдь это, батюшка, мало ли что: не то что про какую-нибудь дѣвку, а и про священника, пожалуй, наболтаютъ невѣсть чего,—возразилъ мужикъ съ обыкновенной наружностью: онъ, видно, былъ рыцарскихъ чувствъ и не любилъ женщинъ давать въ обиду.

— Что разсказывать-то, самъ парень-то болталъ пьяный въ кабакѣ о томъ,—подхватилъ старикъ.

Ну, мы это тамъ увидимъ; разслѣдую,— сказалъ ему Вихровъ.— Позовите ко мнѣ Парфена Ермолаева.

Ему скорѣе хотѣлось посмотрѣть и поговорить съ самимъ убійцей, въ преступленіи котораго онъ болѣе уже не сомнѣвался.

Парня ввелъ сотскій.

— Сдѣлайте, батюшка, предварительное ему наставленіе.

Священникъ всталъ, утёрся своимъ бумажнымъ платкомъ и началъ снова какимъ-то неестественнымъ голосомъ:

— Ты, братецъ, долженъ покаяться, и если совершилъ этотъ грѣхъ, то ты тѣмъ только душу свою облегчишь, а хоть и будешь запираться, то никакъ тѣмъ казни не избѣгнешь ни въ сей жизни ни въ будущей.

— Я знать ничего не знаю, ваше благословеніе,—проговорилъ малый.

— Опять тебѣ повторяю: начальство все ужъ знаетъ про тебя, а потому покайся лучше, и тебя, можетъ-быть, за то помилуютъ.

— Мнѣ каяться, ваше благословеніе, не въ чемъ.

— Разскажи ты мнѣ,— началъ Вихровъ: — весь послѣдній день передъ смертью жены: какъ и что ты дѣлалъ, видѣлся ли съ женой и что съ ней говорилъ? Разсказывай все по порядку.

— Я не знаю, ваше благородіе, какъ это сказывать-то.

— Очень просто: ну, что дѣлалъ поутру?

— Да теперь ужъ не помнится, ваше благородіе.

— Ну, помнишь однако, что завтракалъ?

— Завтракалъ.

— Съ женой?

— Со всѣмъ семействомъ.

— Потомъ?

— Потомъ я словно бы въ лѣсъ уѣхалъ.

— Потомъ?

— Потомъ-съ пріѣхалъ, обѣдали.

— Ну, а видѣлся съ женой?

— Видѣлся-съ.

— О чемъ же ты говорилъ съ ней?

— Что говорить? Я сказалъ ей, чтобы шла лошадь мнѣ подсобить отпрячь.

— Что жъ она—пособила?

— Нѣту-тка.

— И что жъ, ты за это забранилъ ее?

— Нѣтъ-съ.

— Никогда ни за что ея не бранилъ?

— Нѣтъ-съ, не бранилъ.

— Значитъ, жили душа въ душу?

Жили согласно мы-съ! — Парень при этомъ вздохнулъ.

Стало-быть, тебѣ жаль, что она умерла?

— Кому, ваше благородіе, не жаль своей жены, — прибавилъ онъ, смотря себѣ на руки.

— А какъ вы спали съ ней—на одной постели?

— На одной, ваше благородіе.

— Это вотъ та постель, что я видѣлъ въ сѣняхъ съ занавѣской?

— Да-съ.

— А въ эту ночь она съ тобой тоже спала?

— Со мной-съ!

— Но она вѣдь у васъ найдена мертвою на дворѣ: ну, когда она уходила,—ты слышалъ это, или нѣтъ?

— Нѣтъ, не слыхалъ, ваше благородіе! — говорилъ малый, и едва замѣтная краска пробѣжала по лицу его.

— Вотъ видишь, есть подозрѣніе, братецъ, что жена твоя убита: не подозрѣваешь ли ты кого-нибудь?

— Кого мнѣ, ваше высокородіе, подозрѣвать; никого я не подозрѣваю.

— Но какъ же однако она умерла тамъ?

— Мало ли, ваше высокородіе, люди въ одночасье умираютъ!

— Однако позволь, любезный: у жены твоей, оказалось, голова проломлена, грудь прошиблена, ухо оторвано,—вѣдь это кто-нибудь сдѣлалъ же?

— Это, можетъ, ваше высокородіе, скотина на нее наступила, какъ упала она въ безчувствіи: лошадь какая или корова на нее наступила.

Ты думаешь такъ?

— Думаю, ваше высокородіе: все вѣдь думается: на все придешь!

А кто же, злодѣй, это съ ней сдѣлалъ? — вскричалъ вдругъ Вихровъ бѣшенымъ голосомъ, вскочивъ передъ парнемъ и показывая рукой себѣ на горло—какъ душатъ человѣка.

Голосъ его такъ былъ страшенъ въ эти минуты, что священникъ даже вскочилъ съ лавки и проговорилъ:

— Ой, Господи помилуй!

Парень затрясся и поблѣднѣлъ.

— Говори, злодѣй этакій, а не то и себя не пожалѣю, убью тебя,—ревѣлъ между тѣмъ Вихровъ.

Парень окончательно затрясся и опустился медленно на колѣни.

— Мой грѣхъ, ваше благородіе, до меня дошелъ: только то, что помилуйте!—проговорилъ онъ.

— А коли твой, такъ и прекрасно, — сказалъ Вихровъ и сейчасъ записалъ его признаніе въ двухъ словахъ и просилъ приложить руку за него священника.

— Давно бы такъ надо, чѣмъ запираться-то, — говорилъ тотъ съ укоромъ парню.

Послѣдній все стоялъ на колѣняхъ и плакалъ.

Вихровъ сказалъ ему, чтобы онъ всталъ, посадилъ его на лавку и велѣлъ ему подать воды выпить.

Малый выпилъ воды и потеръ себѣ грудь.

— Мнѣ легче теперь словно стало, ваше благородіе,—проговорилъ онъ.

— Еще бы, сказалъ Вихровъ.—Ты мнѣ долженъ все разсказать по этому дѣлу.

— Все, ваше высокородіе, разскажу.

— Какъ же ты убилъ ее?—спросилъ Вихровъ.

— Убилъ, ваше благородіе, какъ легли мы съ ней спать, я и сталъ ее бранить, пошто она мнѣ лошадь не подсобила отпрячь: она молчитъ; я ударилъ ее по щекѣ, она заплакала навзрыдъ. Это мнѣ еще пуще, досаднѣй стало: я взялъ, да сталъ ей ухо рвать: она вырвалась и убѣжала отъ меня на дворъ, я нагналъ ее, сшибъ съ ногъ и началъ ее душить.

— Стало-быть, ты намѣренъ былъ ее убить?

— Намѣренъ, ваше благородіе, я ужъ давно все собирался ее убить.

— Но отчего жъ у нея эти проломы, если ты только задушилъ ее?

— Мнѣ опосля показалось, что она маленько все еще трепещетъ: я взялъ да черезъ нее разъ пять лошадь провелъ: та, надо полагать, копытомъ-то и проломила это мѣсто, а лошадь-то была кованая.

— Но что же заставило тебя такъ звѣрствовать? — спросилъ Вихровъ.

— Не со своего, ваше благородіе, разуму дѣлалъ все это, и другіе тоже меня подучали къ тому.

— Что же это, работница, что ли, ваша? — спросилъ Вихровъ.

— Она-съ и есть, бестія этакая.

Безпрестанное повтореніе Парфеномъ словъ: «ваше высокоблагородіе», «ваше благословеніе», вдѣтая у него въ ухѣ сережка, наконецъ какой-то щеголеватаго покроя кафтанъ и надѣтыя на ноги старыя резиновыя калоши — дали Вихрову мысль, что онъ не простой былъ деревенскій малый.

— Да что ты—мастеровой, что ли, какой-нибудь? — спросилъ онъ его.

— Я—фабричный, ваше высокоблагородіе,—отвѣчалъ онъ.

— А, ну теперь оно и понятно: ты тамъ, значитъ, всѣмъ этимъ добродѣтелямъ и научился.

— Ужъ тамъ точно, ваше высокоблагородіе, добру мало научатъ,—согласился и малый.

— Народъ самый отчаянный—всѣ эти фабричные. — подтвердилъ и священникъ.

— А давно ли это у тебя любовь эта съ работницей началась?

— Давно, ваше высокоблагородіе, она давно ужъ у насъ тоже живетъ.

— Стало-быть, ты и до женитьбы ее любилъ?

— Извѣстно, ваше высокородіе.

— Отчего же ты не женился на ней?

— Что жъ на ней жениться-то, — развѣ она стоитъ того?

— Поэтому жена твоя тебѣ больше нравилась, чѣмъ она?

— Не то что больше, а что точно что женщина смиренная была.

— Зачѣмъ же ты убилъ ее?

— По наговорамъ все.

— Работницы этой?

— Да-съ. Все смѣялась она: «жена у тебя дура, да ты ее очень любишь!». Мнѣ это и обидно было, а кто ее знаетъ, другое дѣло: можетъ, она и отворотнаго какого дала мнѣ. Такъ пришло, что женщины видѣть почесть не могъ: что ни сдѣлаетъ она, все мнѣ было не по нраву!

— И что же, работница тебѣ прямо говорила, чтобы ты убилъ жену?

— Смѣялась какъ-то разъ: «Ты бы, говоритъ, жену-то твою утопилъ въ проруби. Что ты, говоритъ, больно ее бережешь».

— Ну, а гдѣ же ты, скажи мнѣ, денегъ взялъ, чтобы откупиться на первомъ слѣдствіи?

— Тоже, ваше благородіе, добрые люди помогли въ томъ случаѣ.

— Что же, это хозяинъ, которому ты въ рекруты продался?

— Самый онъ-съ. — отвѣчалъ откровенно и даже какъ бы съ нѣкоторымъ удовольствіемъ малый.—Меня, ваше благородіе, при томъ дѣлѣ почесть что и не спрашивали: «Чѣмъ, говоритъ, жена твоя умерла? ударомъ?» — «Ударомъ», говорю: такъ и порѣшили дѣло!

— Что же, ты самъ просилъ хозяина, чтобы онъ тебя откупилъ? — спросилъ вдругъ и почему-то священникъ.

Ему, кажется, было не совсѣмъ пріятно, что одного изъ самыхъ богатыхъ его прихожанъ путаютъ въ дѣло.

— Онъ самъ, ваше благословеніе, пожелалъ того: «Что ты теперь, говоритъ, у насъ пропадешь; мы, говоритъ, лучше остальныя деньги, что тебѣ слѣдуетъ, внесемъ начальству, тебя и простятъ».—«Вносите», говорю.

— Болтовня, братецъ, твоя одна только это!—проговорилъ священникъ.

— Нѣтъ, ваше благословеніе, вѣрно такъ: всю сущую правду говорю; мнѣ что теперь: себя я не пожалѣлъ, что жъ мнѣ другихъ-то скрывать?

Всѣми этими оговорами, такъ же, какъ и тономъ голоса своего и манерами, Парфенъ все больше и больше становился Вихрову противенъ. Опросивши его, онъ велѣлъ позвать работницу. Та вошла съ лицомъ краснымъ и, какъ кажется, заплаканнымъ.

Вихровъ велѣлъ ей стать рядомъ съ Парфеномъ. Она стала и тотчасъ же отвернулась отъ него.

— Скажи, любезная, не находилась ли ты въ любовной связи вотъ съ этимъ Парфеномъ Ермолаевымъ? — началъ Вихровъ.

— Нѣту-съ, какъ это возможно!—отвѣчала она.

Ея синяя шубка и обшитые краснымъ сукномъ коты тоже бросились Вихрову въ глаза.

— Ты всегда въ работницахъ жила?—спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ, мы по лѣтамъ только въ работницахъ живемъ, а по зимамъ на фабрикѣ шерсть мотаемъ.

— Съ одной, значитъ, фабрики съ нимъ? — сказалъ Вихровъ, указывая дѣвкѣ на Парфена.

— Съ одной и той же,—отвѣчала дѣвка.

— Можетъ-быть, ты тамъ съ ней и слюбилася? — спросилъ онъ Парфена.

— И тамъ и здѣсь, вездѣ-ся-тко!—отвѣчалъ тотъ.

— Какъ же ты запираешься? Вотъ онъ самъ признаётся въ томъ,—сказалъ Вихровъ дѣвкѣ.

— Мало ли что онъ наболтаетъ; я не то что его, а и никого еще не знаю.—отвѣчала она, потупляя глаза.

— Да, не знаешь, дѣвка, какъ же! Поди-ка, какая честная!—возразилъ ей парень.

— Здѣсь этакихъ нѣтъ, чтобы никого-то въ дѣвушкахъ не знали,—произнесъ и священникъ, грустно качнувъ головой.

— Ни единой!..—подхватилъ малый: — что она, ваше высокородіе, запирается!—отнесся онъ къ Вихрову: — я прямо говорю: баловать я съ ней баловалъ, и хозяйку мою бить и даже убить ее—она меня подучала!

Дѣвка при этомъ заплакала.

— Вотъ ужъ это врешь, грѣхъ тебѣ!.. Грѣхъ на меня клепать!.. Спросите хоть родителей его!—говорила она.

— Не было, ахъ, ты, шельма этакая!.. Что моихъ родителей-то спрашивать; извѣстно, во всемъ нашемъ семействѣ словно, ваше высокородіе, неспроста она всѣхъ обошла; коли ты запираешься, хочешь—я во всемъ этомъ свидѣтелей могу представить.

— Какихъ свидѣтелей? Какихъ?—спрашивала дѣвка, еще болѣе покраснѣвъ.

— А такихъ! Знаю ужъ я какихъ!—говорилъ Парфенъ.

Дѣвка послѣ этого вдругъ обратилась къ Вихрову. Тонъ голоса ея при этомъ совершенно перемѣнился, глаза сдѣлались какіе-то ожесточенные.

— Это точно что! Что говоритъ,—затараторила она: — гулять я съ нимъ гуляла, каюсь въ томъ; но чтобы хозяйку его убить научала, — это ужъ мое почтенье! Никогда слова моего не было ему въ томъ: онъ не ври, не тяни съ собой людей въ острогъ!

— Я потяну, посадятъ, — говорилъ парень.

— Нѣтъ, врешь, не посадятъ,—возражала ему бойко дѣвка.

Вихровъ велѣлъ имъ обоимъ замолчать и позвалъ къ себѣ того высокаго мужика, отецъ котораго покупалъ Парфена за свое семейство въ рекруты.

— Вотъ онъ говоритъ, — началъ онъ прямо, указывая мужику на Парфена: — что вы деньгами, которыя слѣдовали ему за его рекрутство, закупили чиновниковъ.

Высокій мужикъ усмѣхнулся.

— Что мы — осьмиголовые, что ли, что въ чужое-то дѣло намъ путаться: Богъ съ нимъ... Мы найдемъ и неподсудимыхъ. слободныхъ людей итти за насъ! Прежде точно что уговоръ промежъ насъ былъ, что онъ поступитъ за наше семейство въ рекруты; а тутъ, какъ мы услыхали, что у него дѣло это затѣялось, такъ сейчасъ его и оставили.

— Ну, что жъ ты на это скажешь? — обратился Вихровъ къ Парфену.

— Что сказать-то, ваше благородіе?.. Его словамъ вѣры больше дадутъ, чѣмъ моимъ.

— Стало-быть, ты ничѣмъ не можешь доказать противъ его словъ?

— Ничѣмъ, — отвѣчалъ Парфенъ утвердительно.

Онъ уже очень хорошо понялъ кинутый на него выразительный взглядъ высокимъ мужикомъ. Священникъ тоже поддерживалъ послѣдняго.

— Это семейство степенное, хорошее, — говорилъ онъ.

— Но вы однако такіе же фабричные? — обратился Вихровъ къ мужику.

— Нѣтъ, сударь, мы скупщики, — отвѣчалъ тотъ.

Вихровъ на него и на священника посмотрѣлъ вопросительно.

— Здѣсь вѣдь вотъ какъ это идетъ, — объяснилъ ему сей послѣдній: — фабричные дѣлаютъ у купцовъ на фабрикѣ сукна

простыя, крестьянскія, только тонкія, а эти вотъ скупщики будутъ у нихъ и развозятъ эти сукна по ярмаркамъ.

Вихровъ, разумѣется, очень хорошо понималъ, что со стороны высокаго мужика было одно только запирательство: но какъ его было уличить: преступникъ самъ отъ своихъ словъ отказывался, изъ сосѣдей никто противъ богача ничего не покажетъ, чиновники тоже не признаются, что брали отъ него взятки; а потому съ сокрушеннымъ сердцемъ Вихровъ отпустилъ его, дѣвку-работницу сдалъ на поруки хозяевамъ дома, а Парфена велѣлъ сотскому и земскому свести въ уѣздный городъ, въ острогъ. Парфенъ и родные его, кажется, привыкли уже къ этой мысли; онъ со своей стороны довольно равнодушно одѣлся въ старый свой кафтанъ, а новый взялъ въ руки; тѣ довольно равнодушно простились съ нимъ, и одна только работница сидѣла у окна и плакала: за себя ли она боялась, чтобы ей чего не было, парня ли ей было жаль — неизвѣстно: но между собой они даже и не простились. Земскимъ, предназначеннымъ сопровождать преступника, оказался тотъ же корявый мужикъ. Онъ вмѣстѣ съ сотскимъ связалъ Парфену ноги и посадилъ его на среднее мѣсто въ телѣгу.

— Сиди, другъ любезный, покойно; свеземъ мы тебя съ почетомъ, — говорилъ онъ, садясь сбоку его.

— Ничего, другъ любезный, привыкай; приведется еще желѣзные крендельки носить на нихъ! — утѣшилъ его земскій.

VIII.

Арестанты и арестантки.

По возвращеніи Вихрова снова въ уѣздный городъ, къ нему сейчасъ же явился исправникъ, подъ тѣмъ будто бы предлогомъ, чтобы доставить ему два предписанія губернатора, присланныя на имя Вихрова.

— А вы въ Вытегрѣ изволили открыть, что эту женщину мужъ убилъ? — спросилъ онъ какъ бы къ слову.

— Открылъ! — отвѣчалъ Вихровъ.

— Удивительное дѣло! — произнесъ исправникъ, вскинувъ къ небу свои довольно красивые глаза: — вотъ ужъ по пословицѣ: не знаешь, гдѣ упадешь! Цѣлую недѣлю я тамъ бился, ничего не могъ открыть!

Вихровъ молчалъ. Ему противно даже было слушать этого господина, который съ виду былъ такой джентльменъ, такъ изящно и благородно держалъ себя, имѣлъ такія аристократическія руки и одѣтъ былъ почти столичнымъ франтомъ.

— Вы гдѣ прежде служили? — спросилъ онъ его.

— Прежде въ военной-съ. Былъ адъютантомъ и казначеемъ полковымъ и все вотъ это, женившись по страсти, промѣнялъ на кляузную должность исправника.

— Но зато здѣсь повыгодньй! — произнесъ не безъ иронiи Вихровъ.

— Богъ съ ней — съ этой выгодой, — отвѣчалъ исправникъ, не зная, какъ и понять эти слова.

Вихровъ затѣмъ принялся читать бумаги отъ губернатора: одною изъ нихъ ему предписывалось произвести дознаніе о буйствахъ и грубостяхъ, учиненныхъ арестантами мѣстнаго острога смотрителю, а другою — поручалось отправиться въ село Учню и сломать тамъ раскольничью моленную. Вихровъ на первыхъ порахъ и не понялъ—какого рода было послѣднее порученіе.

— А скажите, пожалуйста, далеко ли отсюда село Учня?— спросилъ онъ исправника.

— Верстъ сорокъ, — отвѣчалъ тотъ.

— Мнѣ завтра надо будетъ ѣхать туда,—продолжалъ Вихровъ.

— Въ такомъ ужъ случаѣ, — началъ исправникъ нѣсколько меланхолическимъ голосомъ: — позвольте мнѣ предложить вамъ экипажъ мой; почтовыя лошади васъ туда не повезутъ, потому что трактъ этотъ торговый.

— Но я возьму обывательскихъ, — возразилъ Вихровъ.

Исправникъ на это грустно усмѣхнулся.

— Здѣсь объ обывательскихъ лошадяхъ и помину нѣтъ; мои лошади такія же казенныя.

— Но мнѣ все-таки совѣстно, — сказалъ Вихровъ: — позвольте, по крайней мѣрѣ, мнѣ слѣдующіе съ меня прогоны отдать вашему кучеру.

— Это какъ вамъ угодно будетъ, — отвѣчалъ съ покорностью исправникъ и, посѣменя послѣ того немного передъ Вихровымъ ногами, сказалъ негромкимъ голосомъ:

— Я, вѣроятно, буду подвергнутъ отвѣтственности за мое упущеніе?

— Вѣроятно! — отвѣчалъ тотъ ему откровенно.

— Но за что же?.. За что? — произнесъ исправникъ вкрадчивымъ уже тономъ: — irren ist menschlich! — прибавилъ онъ даже по-нѣмецки.

— Въ службѣ и за irren наказываютъ, — отвѣчалъ ему Вихровъ.

— Конечно-съ! — согласился исправникъ и, понявъ, какъ видно, что съ этимъ молокососомъ ему разговаривать было больше нечего, раскланялся и ушелъ.

Оставшись одинъ, герой мой предался печальнымъ размышленіямъ объ этомъ мерзѣйшемъ внѣшнемъ русскомъ образованіи, которое только даетъ человѣку лоскъ сверху, а внутри, въ душѣ у него оставляетъ готовность на всякую гнусность и безобразіе. — И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ сказать смотрителю, что пріѣдетъ сейчасъ въ острогъ, произвести дознаніе о происшедшихъ тамъ безпорядкахъ. Острогъ помѣщался на самомъ концѣ города въ частномъ домѣ и отличался отъ прочихъ зданій только тѣмъ, что имѣлъ около себя будку съ солдатомъ, и всѣ окна его были съ желѣзными рѣшетками. Когда Вихровъ подошелъ къ этому дому, перепуганный смотритель, съ небритой бородой и въ отставномъ военномъ вицмундирѣ, дожидался его уже у подъѣзда. Вихровъ въ первый еще разъ входилъ въ какой бы то ни было острогъ. Прежде всего его обдалъ страшный смрадъ, въ которомъ по преимуществу разило запахомъ кислыхъ щей и махорки.

— А у васъ курятъ арестанты? — спросилъ Вихровъ смотрителя.

— Курятъ. Никакъ не могу ихъ отбить отъ этого, — отвѣчалъ смотритель.

Онъ ввелъ Вихрова сначала въ верхній этажъ, въ переднюю, въ которой даже оказалось огромное зеркало, вдѣланное въ стѣну и, видимо, нѣкогда предназначенное для того, чтобы пріѣзжіе гости поправляли передъ нимъ свой туалетъ: домъ этотъ принадлежалъ когда-то богатому купцу, но теперь проторговавшемуся и спившемуся. Далѣе затѣмъ слѣдовала зала съ расписными стѣнами, на которыхъ изображены были бесѣдки, сады, разныя гуляющія дамы, къ большей части которыхъ арестанты придѣлали усы. Кругомъ всѣхъ стѣнъ шли нары, на которыхъ арестанты лежали и сидѣли. При появленіи Вихрова и смотрителя, они всѣ вскочили и вытянулись.

— А внизу у васъ — женское отдѣленіе? — спросилъ Вихровъ, чтобы что-нибудь только спросить смотрителя: видъ всѣхъ этихъ людей не то что испугалъ, но какъ-то смутилъ и сконфузилъ Вихрова.

— Внизу — женское, — отвѣчалъ тотъ, покорно склоняя свою голову.

— Которые же вамъ изъ арестантовъ грубили? — спросилъ Вихровъ, вспомнивъ наконецъ главную причину своего посѣщенія острога.

— Вотъ эти трое, — отвѣчалъ смотритель, показывая на двухъ довольно молодцоватыхъ арестантовъ и на третьяго — еще молодого малаго, но совсѣмъ сѣдого.

Вихровъ обратился къ двумъ первымъ арестантамъ:

— За что вы посажены?

— Не знаемъ, ваше благородіе! — отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Какъ не знаете? Но кто вы такіе?—прибавилъ Вихровъ.

— Не знаемъ, ваше благородіе, — отвѣчалъ и на это арестантъ.

— Стало-быть, вы — непомнящіе родства? — продолжалъ Вихровъ.

— Точно такъ, ваше благородіе!—отвѣчалъ арестантъ, и на губахъ его промелькнула, какъ кажется, легкая насмѣшка.

— Руки по швамъ! — крикнулъ-было Вихровъ.

Арестантъ на это еще болѣе усмѣхнулся.

— Ужъ это, ваше благородіе, командовали намъ, приказывали многіе! Нѣтъ-съ, я не солдатъ, — отвѣчалъ арестантъ, и насмѣшливая улыбка попрежнему не сходила съ его губъ.

— Но гдѣ же ты пребывалъ все время до острога? — продолжалъ спрашивать его Вихровъ.

— Да гдѣ же, ваше высокоблагородіе, пребывалъ?.. Гдѣ день, гдѣ ночь!

— Но гдѣ же именно? Что за отвѣтъ: гдѣ день, гдѣ ночь!

— Не упомню, ваше благородіе.

— Какъ не помнишь! — воскликнулъ Вихровъ: — неужели тебѣ не совѣстно говорить подобныя вещи?

Арестантъ моргалъ только при этомъ слегка глазами.

— Не упомню-съ! — повторилъ онъ еще разъ

— А ты гдѣ жилъ? — обратился Вихровъ къ другому арестанту.

— А я тамъ же, гдѣ и онъ, супротивъ его-съ! — отвѣчалъ тотъ съ еще бо́льшимъ, кажется, нахальствомъ, чѣмъ товарищъ его.

Прочіе арестанты довольно громко при этомъ засмѣялись, и Вихровъ самъ тоже не могъ удержаться и усмѣхнулся; а смотритель развелъ только горестно руками.

— Вотъ и поговори съ ними и посуди ихъ, — произнесъ онъ какъ бы самъ съ собою.

— Что же такое они вамъ нагрубили?—обратился къ нему Вихровъ.

— То, что не слушаются, дѣлаютъ — что хотятъ! Голубей вонъ подъ нарами завели; я сталъ ихъ обирать, не даютъ!

— Вы заводили голубей?— спросилъ Вихровъ опять перваго арестанта.

— Да, это виноваты, ваше благородіе, точно что завели: скучно вѣдь здѣсь очень сидѣть-то, такъ эту забавку маленькую завели-было...

— Да гдѣ же вы достали голубей?

— Я досталъ,— отвѣчалъ арестантъ откровенно:— меня къ допросу тоже въ судъ водили, я шелъ по площади да и словилъ ихъ, принесъ сюда въ рукавѣ: тутъ они и яички у насъ нанесли и новыхъ молодыхъ вывели.

— Но все-таки, когда смотритель сталъ у тебя требовать ихъ, отчего жъ ты не отдавалъ ихъ ему?

— Жалко, ваше благородіе, было: мы тоже привыкли къ нимъ; а потомъ мы и отдали-съ!

— Отдали? — обратился Вихровъ къ смотрителю.

— Отдали-съ! Голуби-то у меня и теперь съ опечатанными крыльями гуляютъ на дворѣ: прикажете принести?—говорилъ смотритель.

— Послѣ. Въ этомъ только грубость арестантовъ и состояла? — прибавилъ Вихровъ.

— Нѣтъ, вонъ за этимъ молодцомъ много еще другихъ исторій. — произнесъ смотритель, показывая на перваго арестанта: — его вонъ на дворъ нельзя выпустить!

Арестантъ при этомъ замѣтно сконфузился и потупилъ глаза въ землю.

— Почему нельзя выпустить? — спросилъ Вихровъ.

— А потому-съ...— отвѣчалъ смотритель и, какъ видно, не рѣшался доканчивать своего обвиненія.

— Все это одна напраслина на меня, ваше высокоблагородіе. — говорилъ арестантъ окончательно сконфуженнымъ голосомъ.

— Какая же напраслина — на другихъ же не говорятъ.

— Это все, ваше высокоблагородіе, Гаврюшка вамъ солдатъ насказалъ, — говорилъ арестантъ.

— Ну, хоть и Гаврюшка — что же?

— А то, ваше благородіе, что онъ передъ тѣмъ только четвертакъ съ меня на полштофа требовалъ.

— За что же онъ именно требовалъ съ тебя? — вмѣшался въ ихъ разговоръ Вихровъ.

— Прахъ его знаетъ! — отвѣчалъ арестантъ, попрежнему сконфуженнымъ голосомъ.

— Въ чемъ же именно онъ еще обвиняется? — отнесся Вихровъ къ смотрителю.

— А въ томъ, ваше высокоблагородіе, что по инструкціи ихъ каждый день на дворъ выпускаютъ погулять; а у насъ женское отдѣленіе все почесть на дворъ выходитъ, вотъ онъ и завелъ эту методу: влѣзетъ самъ въ окно да бабъ-арестантокъ и подманиваетъ.

Арестантъ при этомъ обвиненіи окончательно уже покрас-

нѣлъ, какъ ракъ вареный. Прочіе арестанты — кто тихонько смѣялся себѣ въ кулакъ, кто только улыбался.

— И тѣ подходили къ нему?—спрашивалъ Вихровъ.

— Еще бы! Бунтъ такой на меня подняли, когда я запретилъ-было имъ къ окнамъ-то подходить: «что, говорятъ, ты свѣту Божьяго, что ли, насъ лишаешь!» Хорошъ у нихъ свѣтъ Божій!

— Что же, ты подманивалъ арестантокъ?— спросилъ Вихровъ арестанта.

— Да такъ, ваше благородіе, пошутилъ разъ какъ-то,— отвѣчалъ тотъ.

— Да, пошутилъ! Отчего же Катька-то въ такомъ теперь положеніи?

— Я ничего того не знаю.

— Кто же знаетъ-то—я, что ли?

— Да, можетъ, и вы; я неизвѣстенъ въ этомъ.

— Какъ же я? Ахъ, ты, подлецъ этакій!.. Вотъ, ваше высокородіе, какъ они разговариваютъ! — жаловался смотритель Вихрову, но тотъ въ это время все свое вниманіе обратилъ на моложаваго, сѣдого арестанта.

— Ты за что посаженъ?— обратился онъ къ нему наконецъ съ вопросомъ.

— За покражу церковныхъ вещей-съ,—отвѣчалъ тотъ.

— Что же такое онъ вамъ грубилъ?— обратился Вихровъ къ смотрителю.

— Да тоже вонъ голубей-то не давалъ,—отвѣчалъ тотъ.

— И больше ничего?

— Больше ничего-съ.

— Отчего ты такой сѣдой, — который тебѣ годъ?— спросилъ Вихровъ арестанта.

— Двадцать пять всего-съ. Я въ одну ночь посѣдѣлъ.

— Какъ такъ?

— Такъ-съ! Испугался очень, укравши эти самыя вещи.

— Но какъ же ты укралъ ихъ?

У парня при этомъ какъ-то лицо все передернуло и задрожали губы.

— Я-съ,—началъ онъ какимъ-то отрывистымъ голосомъ:— за всенощную пришелъ-съ и спрятался тамъ вверху на этихъ палатцахъ-то, что ли, какъ они тамъ называются?

— На хорахъ.

— Да-съ!.. Священники-то какъ ушли, меня въ церкви-то они и заперли-съ, а у Спасителя передъ иконой лампадка горѣла: я пошелъ — сначала три камешка отковырнулъ у Богородицы, потомъ сосуды-то взялъ-съ, крестъ, потомъ и ризу

съ Николая угодника, золотая была, взялъ все это на палаты-то и унесъ.— Гляжу-съ, всѣ мѣстныя-то иконы и выходятъ изъ мѣсть-то своихъ и по церкви-то идутъ ко мнѣ. Я сталъ кричать, никто меня не слышитъ, а онѣ ходятъ тутъ-съ! «Подай, говорятъ, подай намъ наше добро!». Я хочу имъ подать, а у меня руки-то не дѣйствуютъ. Потомъ словно гробъ какой показался мнѣ.

— Какой гробъ?

— Не знаю-съ. Меня поутру, какъ священники-то пришли служить, замертво почесть подняли, со всѣми этими поличными моими вещами, и прямо же тогда въ острогъ въ лазаретъ и привезли.

— Съ этого времени ты посѣдѣлъ?

— Съ этого самаго разу-съ,—отвѣчалъ малый.

Въ числѣ арестантовъ Вихровъ увидѣлъ и своего подсудимаго Парфена, который стоялъ, какъ-то робко потупя глаза, и, видимо, держалъ себя, какъ человѣкъ находящійся въ непривычномъ ему обществѣ.

Вихровъ довольно отрывисто и довольно нескладно сказалъ арестантамъ, чтобы они не буянили и слушались смотрителя, а что въ противномъ случаѣ они будутъ наказаны.

— Мы слушаемся, ваше благородіе, — отвѣчало нѣсколько голосовъ, но насмѣшливый оттѣнокъ явно слышался въ тонѣ ихъ голоса.

Чтобы дать такое же наставленіе и женщинамъ, Вихровъ, по просьбѣ смотрителя, спустился въ женское отдѣленіе.

— Вы къ окнамъ не смѣйте подходить, когда арестанты на дворѣ гуляютъ!—сказалъ онъ арестанткамъ.

— Намъ зачѣмъ подходить—пошто!—отвѣчала одна старуха.

— Вотъ это самая Катюшка-то и есть! — сказалъ потихоньку смотритель, показывая Вихрову на одну довольно еще молодую женщину, сидѣвшую въ темномъ углу.

Вихровъ подошелъ къ ней. Арестантка встала.

— Давно ли ты содержишься въ острогѣ?—спросилъ Вихровъ, осматривая ея круглый станъ.

— Полтора года-съ.—отвѣчала арестантка.

— Но какъ же ты очутилась въ такомъ положеніи?

— Да что кому за дѣло до того?—отвѣчала арестантка.

— Да дѣло-то не до тебя, а до порядка въ острогѣ.

— Мы не въ одномъ острогѣ сидимъ, а насъ и по улицамъ водятъ,—отвѣчала арестантка.

— Да, но васъ водятъ съ конвоемъ.

— А конвойные-то развѣ святые?

— Кто жъ такой именно этотъ конвойный?

— Я не знаю-съ!.. солдатъ—извѣстно!.. развѣ сказываютъ они, какъ имъ кличка-то,—отвѣчала довольно бойко арестантка, видно, заранѣе уже наученная и приготовленная, какъ говорить ей насчетъ этого предмета.

Вихровъ пошелъ изъ острога. Все, что онъ видѣлъ тамъ, его поразило и удивило. Онъ прежде всякій острогъ представлялъ себѣ въ гораздо болѣе мрачномъ видѣ, да и самые арестанты показались ему вовсе не закоренѣлыми злодѣями, а скорѣй какими-то шалунами, повѣсами.

— Скажите, отчего эти два арестанта называютъ себя непомнящими родства?—спросилъ онъ провожавшаго его смотрителя.

— Солдаты, надо быть, бѣглые,—отвѣчалъ тотъ:—ну, и думаютъ, что «пусть ужъ лучше, говорятъ, плетьми отжарятъ и на поселеніе сошлютъ, чѣмъ сквозь зеленую-то улицу гулять!»

IX.

Село Учня.

Село Учня стояло въ страшной глуши. Ѣхать къ нему надобно было тридцативерстнымъ песчанымъ волокомъ, который начался верстъ черезъ пять по выѣздѣ изъ города, и сразу же пошли по сторонамъ вѣковыя сосны, ели, березы, пихты,— и хоть всего еще былъ май мѣсяцъ но уже цѣлыя уймы комаровъ огромной величины садились на лошадей и ѣздоковъ. Вихровъ сначала не обращалъ на нихъ большого вниманія, но они такъ стали больно кусаться, что сейчасъ же послѣ укуса ихъ на лицѣ и на рукахъ выскакивали прыщи.

— Вы, баринъ, курите побольше, а то вѣдь эти пискуны-то совсѣмъ съѣдятъ! - сказалъ, обертываясь къ нему, исправническій кучеръ, уже весь искусанный комарами и безпрестанно смахивавшій кнутомъ цѣлыя стаи ихъ, облипавшія бѣдныхъ лошадей, которыя только вздрагивали отъ этого въ разныхъ мѣстахъ тѣломъ и все порывались скорѣй бѣжать.

— И ты кури!—сказалъ Вихровъ, закуривая трубку.

— И мнѣ ужъ позвольте, сказалъ кучеръ. Онъ былъ старикъ, но еще крѣпкій и довольно красивый собою. — Не знаю, какъ вашего табаку, а нашего такъ они не любятъ,— продолжалъ онъ, выпуская изо рта клубы зеленоватаго дыма, и комары дѣйствительно полетѣли отъ него въ разныя стороны: онъ потомъ пустилъ струю и на лошадей, и съ тѣхъ комары слетѣли.

— Здѣсь вотъ и по деревнямъ только этакимъ способомъ и

спать могутъ,—объяснилъ кучеръ:—разведутъ въ избѣ на ночь отъ можжевельнику али отъ другихъ какихъ сучьевъ дышину,—съ тѣмъ только и спятъ.

— Отчего же здѣсь такъ много комаровъ?—спросилъ Вихровъ.

— Оттого, что мѣста ужъ очень дикія и лѣсныя. Вотъ тутъ по всей дорогѣ разныя бобылки живутъ, рѣпу сѣютъ, горохъ,—такъ къ нимъ въ избушку-то иной разъ медвѣдь заглядываетъ; ну такъ тоже нашъ же исправникъ подарилъ имъ ружья, вотъ онѣ и выстрѣлятъ разъ-другой въ недѣлю, и поотвалитъ онъ отъ нихъ маленько въ лѣсъ.

А ты крѣпостной исправника?—спросилъ Вихровъ.

— Нѣтъ, я вольный... годовъ тридцать ужъ служу по земской полиціи. Пробовали-было другіе исправники брать своихъ кучеровъ, не вышло что-то. Здѣсь тѣмъ не выѣздить, потому мѣста хитрыя... въ иное селеніе не дорогой надо ѣхать, а либо нашней, либо лугами... По многимъ раскольничьимъ селеньямъ и дороги-то отъ нихъ совсѣмъ никуда никакой нѣтъ.

— Какъ же они сами-то ѣздятъ?

— Сами они николи не ѣздятъ и не ходятъ даже по землѣ, чтобы никакого и слѣда человѣческаго не было видно,—а по нимъ скачутъ, съ пенька на пенекъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, такъ по сучьямъ; уцѣпятся за одинъ сучокъ, потомъ за другой, и такъ иной разъ съ версту идутъ.

— Зачѣмъ они дѣлаютъ это?

— Чтобы скрытнѣе жить... Не любятъ они, какъ нашъ русскій-то духъ узнаётъ про нихъ и приходитъ къ нимъ.

— А Учня—сильно раскольничье село? сказалъ Вихровъ, съ удовольствіемъ думая, что онъ наконецъ увидитъ настоящихъ закоренѣлыхъ раскольниковъ.

— Сильно раскольничье! — отвѣчалъ кучеръ: — и тамъ не одинъ расколъ, а всего есть: нынѣ-то вотъ потише маленько стало, а прежде они фальшивую монету дѣлали; все едино, какъ на монетномъ дворѣ въ Питерѣ... я еще, такъ положить, молодымъ мальчикомъ былъ, какъ переловили ихъ на этомъ.

— Какъ же ихъ переловили?—спросилъ Вихровъ.

— Да что, развѣ хитро было то! Начальство-то только имъ прежде поблажало, потому что деньги съ нихъ брало.

— Фальшивыя же?

— Нѣтъ, не фальшивыя, а требовали настоящихъ! Какъ теперь вотъ гляжу, у насъ ихъ въ городѣ послѣ того человѣкъ сто кнутомъ наказывали. Однихъ палачей, для наказанія ихъ, привезено было изъ разныхъ губерній четверо. Здо-

ровые такіе черти, въ красныхъ рубахахъ всѣ: я ихъ и везъ, на почтѣ тогда служилъ: однакоже скованныхъ ихъ возятъ, не довѣряютъ!.. Пить какіе они дьяволы: ведро, кажется, водки выпьетъ, и то не замѣтишь его ни въ одномъ глазѣ.

— На что же они пьютъ, на какія деньги? сказалъ Вихровъ.

— Палачи-то? воскликнулъ какъ бы въ удивленіи кучеръ: — кому же и пить, какъ не имъ. Вотъ по этому по учневскому дѣлу они наказывали тогда: по три тысячи, говорятъ, каждому изъ нихъ было дано отъ сродственниковъ. Замахивались, кажись, вотъ я самъ видѣлъ, страсть! а у наказуемаго только слегка спина синѣла, кровь даже не выступила; самъ одинъ у меня вотъ тутъ въ телѣгѣ хвасталъ: «я, говоритъ, кнутомъ и убить человѣка могу сразу, и, говоритъ, посади ты ему на спину этого комара, я ударю по немъ, и онъ останется живъ!» на лубу вѣдь ихъ все учатъ.

— На лубу?

— Да, каждый день жарятъ по лубу, чтобы вѣрность въ рукѣ не пропала... а вотъ, судырь, ихъ изъ кучеровъ или лакеевъ николи не бываетъ, а все больше изъ мясниковъ: привычнѣй, что ли, они, быковъ-то и телятъ бивши, къ крови человѣческой. Въ Учнѣ послѣ этого самаго бунты были сильные.

Бунты?

— Да!.. Придрались они къ тому, что будто бы удѣльное начальство землей ихъ маненько пообидѣло, — сейчасъ перестали оброкъ платить и управляющаго своего—тотъ-было пріѣхалъ внушать имъ— выгнали, и предписано было командѣ съ исправникомъ войти къ нимъ. Ловкій такой тогда исправникъ былъ, смѣлый, молодой, сейчасъ къ этому гарнизонному командиру — «ѣдемъ, говоритъ, непріятеля усмирять», а тотъ испугался. Матерь Божья. Гарниза вѣдь пузатая! — пьяница тогда такой былъ! причащался, исповѣдывался передъ тѣмъ, ей-Богу, что смѣху было,—со своимъ, знаете, желтымъ воротникомъ и саблишкой сѣлъ онъ наконецъ въ свой экипажъ,— имъ эти желтые воротники на смѣхъ, надо-быть, даны были: поѣхали мы, а онъ все охаетъ: «ахъ, какъ бы съ командой не разъѣхаться!»—команду-то, значитъ, впередъ послалъ. Подошли мы такимъ манеромъ часовъ въ пять утра къ селенью, выстроились тамъ солдаты въ ширингу; мнѣ велѣли стать въ сторонѣ и лошадей отпрячь, чтобы, знаете, онѣ не испугались, какъ стрѣлять будутъ: только вдругъ это и видимъ: отъ селенья-то идетъ громада народу... икону, знаете, свою несутъ передъ собой... съ кольями, съ вилами и съ ружьями многіе!.. Только этотъ капитанишка дрожитъ весь, кричитъ своей ко-

мандѣ: «заряжайте ружья и стрѣляйте!» Но баринъ мой говоритъ: «погодите, не стрѣляйте, я поговорю съ ними». Знаете, этакъ выскочилъ впередъ изъ-за солдатъ: «Что вы, говоритъ, канальи, государю вашему императору не повинуетесь. На колѣни!»—говоритъ. Только одинъ этотъ впереди мужичинища идетъ, какъ теперь гляжу на него, плѣшивый этакій, здоровый чортъ, какъ махнулъ его прямо сплеча дубиной по головѣ, такъ баринъ только проохнулъ и тутъ же Богу душу отдалъ. Ахъ, братецъ ты мой, и меня ужъ злость взяла. «Братцы!—крикнулъ я солдатамъ:—видите, что дѣлаютъ!» Прапорщикъ тоже кричитъ имъ: «пали!». Какъ шарахнули они въ толпу-то, такъ человѣкъ двадцать сразу и повалились; но все-таки они кинулись на солдатъ, думали народомъ ихъ смять, а тѣ изъ-за задней ширинги—трахъ опять, и въ штыки, знаете, пошли на нихъ; тѣ побѣжали!.. Я. Матерь Божья, такъ за барина остервенился, выхватилъ у солдата одного ружье, побѣжалъ тоже на непріятеля, и вотъ согрѣшилъ, грѣшный: бабенка тутъ одна попалась, ругается тоже,—такъ ее въ ногу нырнулъ штыкомъ, что завертѣлась даже, и пошли мы, братецъ, послѣ того по избамъ безчинствовать. Главные-то бунтовщики въ лѣсъ отъ насъ ушли; прислали послѣ того вмѣсто исправника другого... привели еще свѣжей команды, и стали мы тутъ военнымъ постоемъ въ селеньѣ, и что пріѣли у нихъ, Боже ты мой! баранины, говядины, муки всякой, крупы, изъ лавокъ что ни есть сластей разныхъ, потому постой военный — нельзя иначе: отъ начальства даже было позволеніе, чтобы дѣлали все это.

— А бунтовщики такъ все въ лѣсу и были? — спросилъ Вихровъ.

— Два мѣсяца, братецъ, въ болотахъ неприступныхъ держались, никакъ ни съ которой стороны подойти къ нимъ невозможно было.

— Чѣмъ же они тамъ питались?

— Заранѣе ужъ, видно, запасено было тамъ всего... холода только ужъ ихъ повыгнали оттуда: прислали сначала повинную, а потомъ и сами пришли. Тотъ, впрочемъ, который исправника убилъ, скрылся совсѣмъ куды-то, въ какой-нибудь скитъ ихній, надо-быть, ушелъ!..

— Они, можетъ-быть, и меня убьютъ; я тоже ѣду къ нимъ по непріятному для нихъ дѣлу, — проговорилъ Вихровъ.

— Слышали мы это: моленную это ихнюю ломать, — сказалъ кучеръ.—Какой богатый храмъ, богаче другихъ церквей христіанскихъ! Тоже вы хоть бы изъ сотскихъ кого взяли, а то одинъ-одинехонекъ ѣдете! — прибавилъ онъ.

— Да это все равно.

— Все равно, конечно!.. Они, впрочемъ, и тогда говорили: «не выругайся, говоритъ, исправникъ, старикъ бы его не убилъ; а то, говоритъ, мы съ иконой идемъ, а онъ — браниться!»

Дорога между тѣмъ все продолжала итти страшно песчаная. Сильныя лошади исправника едва могли легкой рысцой тащить тарантасъ, уходившій почти до половины колесъ въ песокъ. Вихровъ по сторонамъ видѣлъ нѣсколько избушекъ бобылей и небольшія около нихъ поля съ рѣпой и картофелемъ. Кучеръ не переставалъ съ нимъ разговаривать.

— Глядите-ка, глядите: въ лѣсу-то пни все идутъ!..—говорилъ онъ, показывая на мелькавшіе въ самомъ дѣлѣ въ лѣсу пни и отстоящіе весьма недалеко одинъ отъ другого:—это нарочно они тутъ и понадѣланы — въ лѣсу-то у нихъ скитъ былъ, вотъ они и ходили туда по этимъ пнямъ!..

— А что, скажи,—перебилъ его Вихровъ: — не знаешь ли ты, что значитъ слово *Учня*?

Кучеръ усмѣхнулся.

— Здѣсь вѣдь Учней много. Не одно это село такъ называется—это вотъ Учня верхняя, а есть Учня нижняя и есть еще Учня въ Полѣсьѣ, смотря на какомъ мѣстѣ селенье стоитъ: на горѣ или въ лѣсу.

— Можетъ-быть, это все равно, что и Починокъ, — толковалъ Вихровъ: — здѣсь какъ больше говорятъ — почалъ или учалъ?

— Учалъ — больше говорятъ, — отвѣчалъ кучеръ, какъ бы соображая то, что ему говорилъ Вихровъ.

— А чѣмъ собственно промышляютъ въ Учнѣ? — продолжалъ тотъ разспрашивать его.

— Рогожами!.. Рогожу ткутъ и въ Нижнее возятъ. И что они для этого самаго казенныхъ лѣсовъ переводятъ — Боже ты мой!—заключилъ кучеръ.

— Какъ казенныхъ? — сказалъ Вихровъ.

— Такъ, свой-то побережаютъ маненько, а въ казенный-то придутъ, обдерутъ съ липы-то десятинахъ на двухъ лыко да и зажгутъ, будто по волѣ Божьей это случилось.

— Но какъ же ихъ не ловятъ?

— Ловятъ, но откупаются. Вотъ она!.. матушка наша Учня великая!—присовокупилъ старикъ, показывая на открывшееся вдругъ изъ лѣсу огромное село, въ которомъ, между прочимъ, видѣлось нѣсколько каменныхъ домовъ, и вообще все оно показалось Вихрову какъ-то необыкновенно плотно и прочно выстроеннымъ.

Подъѣхавъ къ самой подошвѣ горы, на которой стояло селенье, кучеръ остановилъ лошадей, слѣзъ съ козелъ и сталъ поправлять упряжь на лошадяхъ и кушакъ на себѣ.

— Пофорсистѣй къ нимъ надо въѣхать, чтобы знали—кто ѣдетъ! — говорилъ онъ, ухмыляясь сквозь свою густую и широкую бороду: — вы тоже сядьте маненько построже, — прибавилъ онъ Вихрову.

Тотъ сѣлъ построже. Кучеръ, сѣвъ на козлы, сейчасъ же понесся скокомъ въ гору. Колокольчикъ подъ дугой сильно звенѣлъ. При этомъ звукѣ два-три человѣка, должно-быть, сотскіе, съ нѣсколько встревоженными лицами пробѣжали по площади.

— А, зашевелились, проклятые! — говорилъ кучеръ, замѣтивъ это: — къ приказу, что ли, васъ прямо вести?

— Къ приказу!—отвѣчалъ Вихровъ.

Кучеръ поѣхалъ прямо по площади. Встрѣтившійся имъ мужикъ проворно снялъ шапку и спросилъ кучера:

— Путь да дорога — кого везешь?

— Губернаторскаго чиновника! — отвѣчалъ не безъ важности кучеръ и молоденки подлетѣлъ съ Вихровымъ къ приказу.

Это былъ каменный флигель, въ которомъ на одной половинѣ жилъ писарь и производились дѣла приказскія, а другая была предназначена для пріѣзда чиновниковъ. Вихровъ прошелъ въ послѣднее отдѣленіе. Вскорѣ къ нему явился и голова, мужикъ лѣтъ тридцати пяти, красавецъ собою, но довольно уже полный, въ тонкаго сукна кафтанѣ, обшитомъ золотымъ позументомъ.

— Я къ вамъ съ довольно непріятнымъ для васъ порученіемъ, — началъ Вихровъ, обращаясь къ нему: — вашу моленную вышло рѣшеніе сломать.

Голова при этомъ явно сконфузился.

— Не похлопотали, видно, ходоки наши,—проговорилъ онъ какъ бы больше самъ съ собой.

— А вы посылали ходатаевъ?

— Какъ же.—отвѣчалъ со вздохомъ голова.

— Сломать вашу моленную я желаю, — продолжалъ Вихровъ: — не самъ какъ-нибудь, а пусть ее сломаетъ самъ народъ.

— Это вѣдь все едино!—возразилъ голова.

— Но для меня-то это не все едино, — перебилъ его Вихровъ:—я не хочу, чтобы меня кто-нибудь изъ васъ обвинилъ въ чемъ-нибудь, а потому попроси все ваше село выйти на площадь; я объявлю имъ рѣшеніе, и пусть они сами исполнятъ его.

— Можно и такъ!—произнесъ голова, подумавъ немного, и затѣмъ довольно медленнымъ шагомъ вышелъ изъ комнаты.

Вихровъ, оставшись одинъ, невольно взялся за сердце. Оно у него билось немного: ему предстояла довольно важная минута, послѣ которой онъ, можетъ-быть, и живъ не останется.

Вскорѣ затѣмъ на площади сталъ появляться народъ и съ каждой минутой все больше и больше прибывалъ; наконецъ въ приказъ снова вошелъ голова.

— Пожалуйте, коли угодно вамъ выйти!—сказалъ онъ Вихрову какимъ-то негромкимъ голосомъ.

Тотъ надѣлъ вицмундиръ и пошелъ. Тысячъ около двухъ мужчинъ и женщинъ стояло ужъ на площади. Противъ всѣхъ ихъ Вихровъ остановился; съ нимъ рядомъ также сталъ и голова.

— Братцы!—началъ Вихровъ сколько могъ громкимъ голосомъ: — состоялось рѣшеніе сломать вашу моленную — вотъ оно!.. Прочти его народу!—И онъ подалъ бумагу головѣ.

Тотъ началъ ее читать. Толпа выслушала все внимательно и ни звука въ отвѣтъ не произносила, такъ что Вихровъ самъ принужденъ былъ начать говорить.

— Я присланъ исполнить это рѣшеніе: вы, конечно, можете не допустить меня до этого, можете убить, разорвать на части, но вмѣсто меня пришлютъ другого и уже съ войскомъ; а войско у васъ, какъ я слышалъ, бывало, — и вы знаете, что̀ это такое!

— За что же это, судырь, начальствующія лица такъ гнѣваться на насъ изволятъ? — спросилъ одинъ старикъ изъ толпы.

— За вѣру вашу! Желаютъ, чтобы вы въ православіе обратились.

— Да какъ же, помилуйте, судырь: татарамъ, черемисамъ и разнымъ всякимъ идолопоклонникамъ, и тѣмъ за ихъ вѣру ничего,—чѣмъ же мы-то провиннѣе другихъ?

Вихровъ рѣшительно не зналъ, что̀ отвѣтить старику.

— Любезный, я только исполнитель, а не судья вашъ.

— Не отъ господина чиновника это произошло,—замѣтилъ и голова старику:—словно не понимаешь—говоришь.

— Да это понимаемъ мы,—согласился и старикъ.

— Такъ какъ же, братцы, сами вы и сломаете моленную? — спросилъ Вихровъ.

Но толпа что-то ничего на это не отвѣтила.

— Говорилъ ужъ я имъ,—отвѣчалъ за всѣхъ голова:—сломаемъ завтра, а сегодняшній день просятъ, не позволите ли вы еще разокъ совершить въ ней общественное молитвословіе?

— Сдѣлайте одолженіе,—подхватилъ Вихровъ: —но только и я ужъ въ свою очередь попрошу васъ пустить меня на вашу службу не какъ чиновника, а какъ частнаго человѣка.

— Да это что же! — отвѣтилъ голова: — мы на моленьяхъ нашихъ ничего худого не дѣлаемъ.

Часовъ въ семь вечера Вихровъ услыхалъ звонъ въ небольшой и нѣсколько дребезжащій колоколъ. Это звонили на моленье, и звонили въ послѣдній разъ; Вихрову при этой мысли сдѣлалось какъ-то невольно стыдно; онъ вышелъ и увидѣлъ, что со всѣхъ сторонъ села идутъ мужики въ черныхъ кафтанахъ и черныхъ поярковыхъ шляпахъ, а женщины тоже въ какихъ-то черныхъ кафтанчикахъ съ сборками назади и всѣ почти повязанныя черными платками съ бѣлыми каймами; моленная оказалась въ родѣ деревянныхъ церквей, какія прежде строились въ селахъ, и только колокольни не было, а вмѣсто нея стояла на крышѣ на четырехъ столбахъ вышка съ однимъ колоколомъ, въ который и звонили теперь; крыша была деревянная, но дерево на ней было вырѣзано въ видѣ черепицы; по карнизу тоже шла деревянная рѣзьба; окна были съ желѣзными рѣшетками. Народу въ моленной уже не помѣщалось, и цѣлая толпа стояла на улицѣ и только глядѣла на храмъ свой. Вихрова провелъ встрѣтившій его голова: онъ на этотъ разъ былъ не въ кафтанѣ своемъ съ галунами, а, какъ и прочіе, въ черномъ кафтанѣ.

Въ самой моленной Вихровъ увидѣлъ впереди, передъ образами, какъ бы два клироса, на которыхъ стояли мужчины, отличающіеся отъ прочихъ тѣмъ, что они подпоясаны были, вмѣсто кушаковъ, бѣлыми полотенцами. Посреди моленной былъ налой, передъ которымъ стоялъ мужикъ тоже въ черномъ кафтанѣ, подпоясанномъ бѣлымъ кушакомъ. Онъ читалъ громко и внятно, но останавливался вовсе не на запятыхъ и далеко, кажется, не понималъ, что читаетъ; а равно и слушатели его, если и понимали, то совершенно не то, что тамъ говорилось, а каждый — какъ ближе подходило къ его собственнымъ чувствамъ; крестились всѣ двуперстнымъ крестомъ; на клиросахъ по временамъ пѣли: «Богородицу», «Отче нашъ», «Помилуй мя, Боже!». Словомъ, вся эта служба производила впечатлѣніе, что какъ будто бы она была точно такая же, какъ и наша, и только дьякона, священника и алтаря, со всѣмъ, что тамъ дѣлается, не было,—какъ будто бы алтарь отрубленъ былъ и отвалился; все это показалось Вихрову далеко не лишеннымъ значенія.

Въ концѣ всенощной, обычной пѣсни: «Взбранной Воеводѣ» не пѣли.

— Отчего не пѣли «Взбранной Воеводѣ»? — спросилъ онъ невольно голову.

Тотъ при этомъ немного сконфузился.

— Это молитва новая, ея не поютъ у насъ,—отвѣчалъ онъ.

X.

Ломка моленной.

Было раннее, ясное, майское утро. Вихровъ, не спавшій всю ночь, вышелъ и сѣлъ на крылечко приказа. Съ судоходной рѣки, на которой стояла Учня, вѣяло холодноватою свѣжестью. Почти въ каждомъ домѣ изъ чернѣющихся воротъ выходили по три и по четыре коровы, и коровы такія толстыя, съ лоснящеюся шерстью и съ огромными вымями. Проѣхали потомъ верхомъ два-три мужика, и лошади подъ ними были тоже толстыя и лоснящіяся: словомъ, крестьянское довольство являлось всюду. Нѣсколько старушекъ, въ тѣхъ же черныхъ кафтанахъ и повязанныя тѣми же черными, съ бѣлыми каймами, платками, сидѣли на бревнахъ около моленной, съ наклоненными головами, и, должно-быть, потихоньку плакали. Къ Вихрову подошелъ голова попрежнему уже въ кафтанѣ съ галуномъ.

— Не прикажете ли пока образа выносить?—сказалъ онъ.

— Хорошо; но куда же ихъ поставите?

— Да вотъ хоть тутъ, на виду будутъ ставить побережнѣе, около моего дома,—отвѣчалъ голова.

— Дѣлайте, какъ знаете,—разрѣшилъ ему Вихровъ.

Голова ушелъ.

Герой мой тоже возвратился въ свою комнату и, томимый различными мыслями, велѣлъ себѣ подать бумаги и чернильницу и сталъ писать письмо къ Мари.—обычный способъ его, которымъ онъ облегчалъ себя, когда у него очень ужъ много чего-нибудь горькаго накоплялось на душѣ.

«Пишу къ вамъ это письмо, кузина, изъ дикаго, но на прелестнѣйшемъ мѣстѣ стоящаго, села Учни. Я здѣсь со страшнымъ дѣломъ: я, по порученію начальства, ломаю и рушу раскольничью моленную и черезъ нѣсколько часовъ около пяти тысячъ человѣкъ оставлю безъ храма,—и эти добряки слушаются меня, не вздернутъ меня на воздухъ, не разорвутъ на кусочки: но они знаютъ, кажется, хорошо по опыту, что этого имъ не простятъ. Вы, съ вашей женскою наивностью, можетъ-быть, спросите: для чего же это дѣлаютъ? Для пользы, сударыня, государства,—для того, чтобы все было ровно, гладко, одно-

образно: а того не вѣдаютъ, что только неровныя горы, разнообразные лѣса и извилистыя рѣки и придаютъ красоту землѣ, и что они даже лучше всякихъ крѣпостей защищаютъ страну отъ непріятеля. Есть же за океаномъ государство, гдѣ что ни городъ—то своя секта и толкъ, а между тѣмъ оно посильнѣе и помогучѣе всего, что есть въ Европѣ. Вы далѣе, можетъ-быть, спросите меня, зачѣмъ же я мѣшаю себя въ это дѣло?.. Во-первыхъ, я не самъ пришелъ, а меня прислали на него: а потомъ мнѣ все-таки кажется, что я это сдѣлаю почестнѣй и понѣжнѣй другихъ и не оскорблю до такой степени заинтересованныхъ въ немъ лицъ. А наконецъ и третье, — каюсь, что очень ужъ оно любопытно. Я ставлю теперь передъ вами вопросъ прямо: что такое въ Россіи расколъ? Политическая партія?.. Нѣтъ! Религіозное какое-нибудь по духу убѣжденіе?.. Нѣтъ!.. Секта, прикрывающая какія-нибудь порочныя страсти?.. Нѣтъ! Что же это такое? А такъ себѣ, только складъ русскаго ума и русскаго сердца, — нами самими придуманное пониманіе христіанства, а не выученное отъ грековъ. Тѣмъ-то онъ мнѣ и дорогъ, что онъ весь — цѣльный нашъ, ни отъ кого не взятый, и потому онъ такъ и разнообразенъ. Около городовъ онъ немножко поблаговоспитаннѣй и поповъ еще своихъ хоть повыдумалъ; а чѣмъ глуше, тѣмъ дичѣе: безъ поповъ, безъ брака и даже безъ правительства. Какъ хотите, это что-то очень народное, совсѣмъ по-американски. Спорить о томъ, какая религія лучше, вѣроятно, нынче никто не станетъ. Надобно только, чтобъ религія была народная. Испанцамъ нуженъ католицизмъ, а англичанинъ непремѣнно желаетъ, чтобы церковь его правительства слушалась...»

Остановившись на этомъ мѣстѣ писать, Вихровъ вышелъ посмотрѣть, что дѣлается у молельни, и увидѣлъ, что около дома головы стоялъ уже цѣлый рядъ иконъ, которыя на солнцѣ блестѣли своими ризами и красками. Старый раскольникъ сидѣлъ около нихъ и отгонялъ хворостиной подходящихъ къ нимъ собакъ и курицъ.

Къ Вихрову сейчасъ подошелъ голова, а за нимъ шло человѣкъ девять довольно молодыхъ мужиковъ съ топорами въ рукахъ и за поясомъ.

— Ломать теперь надо,—сказалъ голова, и тонъ голоса его былъ грустенъ, а черные глаза его наполнились слезами.

— Ломайте,—отвѣтилъ ему Вихровъ.

Въ это время къ нему подошли двѣ старушки, красивыя еще изъ себя и преплутовки, должно-быть. Онѣ сначала ему обѣ въ разъ низко поклонились, сгибая при этомъ только спины свои, а потомъ обѣ вмѣстѣ заголосили:

— Батюшка! въ моленной наши двѣ иконы Божіи, не позволишь ли ихъ взять?

Оказалось впослѣдствіи, что онѣ были дѣвицы и двѣ родныя между собой сестрицы.

— Пожалуй, возьмите!—разрѣшилъ имъ сейчасъ же Вихровъ.

Старушки даже вспыхнули при этомъ отъ удовольствія.

— Благодаримъ, батюшка, покорно, государь нашъ милостивый, — оттрезвонили онѣ еще разъ въ одинъ голосъ и, опять низко-низко поклонившись, скрылись въ народѣ, который въ большомъ уже количествѣ собрался около моленной.

— Съ колокола начинать надобно!—толковали между собой плотники.

— Вѣстимо, съ колокола! — подтверждали имъ и старики.

— А какъ его спустить-то?—спрашивалъ одинъ изъ плотниковъ.

— Какъ спустить? Уставимъ въ перекладину-то слегу, привяжемъ его за уши-то къ ней на слабой веревкѣ, старыя-то перекладины его перерубимъ,—вотъ онъ и пойдетъ,—объяснилъ другой, молодой еще довольно малый.

— Это такъ, складно будетъ!—поддержалъ его и голова.

Послѣ чего достали сейчасъ же огромную слегу, и на крышѣ моленной очутились мгновенно взлѣзшіе по углу ея плотники; не прошло и четверти часа, какъ они слегу эту установили на крышѣ въ наклонномъ положеніи, а съ земли конецъ ея подперли другою слегою; къ этой наклонной слегѣ они привязали колоколъ веревками, перерубили потомъ его прежнія перекладины, колоколъ сейчасъ же закачался, зазвенѣлъ и вслѣдъ затѣмъ началъ тихо опускаться по наклонной слегѣ, продолжая по временамъ прозванивать. Плотники при этомъ начали креститься; въ народѣ между старухъ и женщинъ раздался плачъ и вопль; у всѣхъ мужчинъ были лица мрачныя: колоколъ продолжалъ глухо прозванивать, какъ бы совершая себѣ похоронный звонъ.

— Остановите его, робя, а то онъ прямо на землю бухнетъ! — воскликнулъ голова, замѣтивъ, что плотники, подъ вліяніемъ впечатлѣнія, стояли съ растерянными и ротозѣющими лицами. Тѣ едва остановили колоколъ и потомъ, привязавъ къ нему длинную веревку, стали его осторожно спускать на землю. Колоколъ еще нѣсколько разъ прозвенѣлъ и наконецъ, издавши какой-то глухой ударъ, коснулся земли. Многіе старухи, старики и даже молодые бросились къ нему и стали прикладываться къ нему.

— И его по начальству увезешь, государь милостивый?— спросила Вихрова одна старуха, указывая головой на колоколъ.

— И его увезу вмѣстѣ съ образами,—отвѣчалъ онъ.

— Ахъ, напасти наши великія пришли, — проговорила старуха.

Двѣ прежнія старушки между тѣмъ лучше всѣхъ распорядились: пользуясь тѣмъ, что образа были совершенно закрыты отъ Вихрова народомъ, онѣ унесли къ себѣ не двѣ иконы, а по крайней мѣрѣ двадцать, такъ что ихъ уже остановилъ замѣтившій это голова.

— Будетъ вамъ, старухи! — проговорилъ онъ имъ негромко.

— Ну, теперь, братцы, начинайте ломать, — сказалъ Вихровъ. Ему страшно тяжела была вся эта сцена.

— Ломайте, братцы,—проговорилъ за нимъ и голова.

Одинъ изъ плотниковъ взлѣзъ на самый конекъ вышки, перекрестился и ударилъ топоромъ; конекъ сразу же отлетѣлъ, а вслѣдъ за нимъ разсыпалась и часть крыши. Въ народѣ какъ бы простонало что-то. Многіе перекрестились—и далѣе затѣмъ началась ломка: покатился съ крыши старый тесъ, полетѣла скала; начали наконецъ скидывать и стропилы. Плотники безпрестанно кричали стоявшему внизу народу: «отходите, убьетъ!».

— Куда же намъ теперь матеріалъ этотъ лѣсной дѣвать?— спросилъ голова Вихрова.

— Я тебѣ сдамъ его подъ расписку, а ты продай его и деньги вырученныя обрати въ общественный капиталъ.

— Что же, мы же вѣдь опять и купимъ его себѣ,—замѣтилъ голова.

— Вы же и покупайте!

— Удивительная вещь, право! — проговорилъ голова и вздохнулъ

Вихровъ снова возвратился въ свою комнату и сталъ продолжать письмо къ Мари.

«Сейчасъ началась ломка моленной. Раскольники сами ее ломаютъ. Что такое народъ русскій?—невольно спросишь при этомъ:—что онъ—трусоватъ, забитъ, загнанъ очень, или очень ужъ уменъ? Кажется, послѣднее вѣроятнѣе. Сейчасъ голова, будто къ слову, спросилъ меня: куда же дѣнутъ матеріалъ отъ моленной?.. Я сказалъ, что сдамъ ему,—и они, я убѣжденъ, черезъ мѣсяцъ же выстроятъ изъ него себѣ гдѣ-нибудь въ лѣсу новую моленную; образовъ они тоже, вѣроятно, порастащили порядочно. По крайней мѣрѣ, сегодня я видѣлъ ихъ гораздо ужъ меньше, чѣмъ вчера ихъ было въ моленной за всенощной. Я стараюсь быть непредусмотрительнымъ чиновникомъ...»

На этомъ мѣстѣ письма въ комнату вошелъ голова; лицо его было блѣдно, борода растрепана, видно, что онъ бѣжалъ въ сильныхъ попыхахъ.

— Неладно, ваше высокородіе,—началъ онъ взволнованнымъ голосомъ:—плотникъ тамъ одинъ зарубился сильно.

— Какъ зарубился?—воскликнулъ и Вихровъ, тоже поблѣднѣвъ немного.

— Такъ, упалъ съ крыши прямо на топоръ, что въ рукахъ у него былъ,—весь бокъ себѣ разрубилъ!

— Ну, что же дѣлать! — проговорилъ Вихровъ и хотѣлъ-было выйти на улицу.

— Погодите маненько, ваше высокородіе,—остановилъ его голова:—народъ сильно оченно тронулся отъ этого!.. бунтуютъ! «Это, говорятъ, все Божеское наказаніе на насъ, что слушаемся мы!»—не хотятъ теперь и моленной вовсе ломать!

— Да они это хуже сдѣлаютъ для себя, понимаешь ты?—говорилъ Вихровъ.

— Я-то понимаю, сударь, это.

— Я все-таки пойду, пусть они меня убьютъ,—сказалъ Вихровъ и, надѣвъ фуражку, пошелъ.

Народъ въ самомъ дѣлѣ былъ въ волненіи: тутъ и тамъ стояли кучки, говорили, кричали между собою. Около зарубившагося плотника стояли мужики и бабы, и послѣднія выли и плакали.

Вихровъ подошелъ къ этой первой группѣ. Зарубившійся плотникъ только взмахнулъ на него глазами и потомъ снова закрылъ ихъ и поникъ вмѣстѣ съ тѣмъ головою. Рана у него, вѣроятно, была очень дурно перевязана, потому что кровь продолжала пробиваться сквозь рубашку и кафтанъ.

— Перевяжите его хорошенько! — воскликнулъ-было Вихровъ, но на это приказаніе его въ толпѣ никто даже и не пошевелился, а только послышался глухой говоръ въ народѣ.

— Поганое дѣло этакое заставляете дѣлать, за неволю такъ вышло!—раздалось почти у самаго его уха.

— Всѣхъ бы ихъ самихъ, баръ-то, этакъ перерубить! — проговорилъ на это другой голосъ.

Вихровъ вспыхнулъ: кровь покойнаго отца отозвалась въ немъ.

— Кто тутъ говоритъ, что всѣхъ баръ перерубить надо? кто? выходи сюда!—крикнулъ онъ.

Толпа сейчасъ же отшатнулась отъ него.

— Выходите и убивайте меня, если только самъ я дамся вамъ живой!—прибавилъ онъ и, выхвативъ у стоящаго около него мужика заткнутый у него за поясомъ топоръ, остановился

молодцовато передъ толпой: фуражка съ него спала въ эту минуту, и курчавые волосы его развѣвались по вѣтру.

— Что случилось, того не воротишь,—доламывайте моленную сейчасъ же!—кричалъ онъ звучнымъ голосомъ.

Мужики не двигались.

— Говорятъ вамъ, сейчасъ же!—повторилъ Вихровъ уже съ пѣною у рта.

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, мы ломать больше моленной не будемъ,—произнесъ тотъ старикъ, который спрашивалъ его, за что начальство на нихъ разгнѣвалось.

— Вы не будете,—ну, такъ я ее буду ломать. Любезные!—крикнулъ онъ, замѣтивъ въ толпѣ писаря удѣльнаго и кучера своего:—будемте мы съ вами ломать.—берите топоры и полѣзайте за мною, по двадцати пяти рублей каждому награды!

Кучеръ и писарь сейчасъ же взяли у стоявшихъ около нихъ раскольниковъ топоры, которые тѣ послушно имъ отдали,—и взлѣзли за Вихровымъ на моленную. Втроемъ они стали катать бревно за бревномъ. Раскольники всѣ стояли около, и ни одинъ изъ нихъ не уходилъ, кромѣ только головы, который куда-то пропалъ. Онъ боялся, кажется, что Вихровъ что-нибудь заставитъ его сдѣлать, а сдѣлать—онъ своихъ опасался.

— Послушайте, братцы,—произнесъ Вихровъ, переставая работать и нѣсколько приходя въ себя отъ ударившей его горячки въ голову:—я долженъ буду составить протоколъ, что я ломалъ все самъ, и что вы мнѣ не повиновались; къ вамъ опять пришлютъ войско на постой, увѣряю васъ!

— Да что, братцы, ломайте,—что это вы затѣяли!—произнесъ вдругъ голова, откуда-то появившійся и замѣтившій, что толпа начала уже немного сдаваться.

— Повинуйтесь, дружки мои, властямъ вашимъ!—проголосила за нимъ одна изъ старухъ-дѣвицъ, успѣвшая въ эту сумятицу стащить еще двѣ-три иконы.

— Пойдемте,—проговорили прежніе же плотники, и черезъ нѣсколько минутъ они опять появились на срубѣ моленной и стали ее раскатывать.

Вихровъ, утомленный трудами своими и всею этою сценою и видя, что моленная вся уже почти была разломана, снова возвратился въ свой приказъ, но къ нему опять пришелъ голова.

— Какъ же насчетъ иконъ и колокола, ваше высокородіе, прикажете?—спросилъ онъ.

— Въ губернскій городъ, въ консисторію ихъ надобно отправить,—отвѣчалъ Вихровъ.

— Что тамъ съ ними будутъ дѣлать, осмѣлюсь спросить, ваше высокородіе?—продолжалъ голова.

— А разсмотрятъ: нѣтъ ли въ нихъ чего противнаго вѣрѣ, и возвратятъ ихъ вамъ.

— Нѣтъ, ваше высокородіе,—возразилъ голова:—сколько вотъ мы наслышаны, моленныхъ сломано много, а мало что-то иконъ возвращаютъ. Развѣ кто денегъ дастъ, такъ консисторскіе чиновники потихоньку отдаютъ иконы по двѣ, по три.

— Ну, да, которыя вамъ нужны были, вы тоже побрали ихъ себѣ,—замѣтилъ Вихровъ.

— Да это, благодаримъ милость вашу, было немножко,—отвѣчалъ съ улыбкою голова:—то, ваше высокородіе, горестно, что иконы все больше родительскаго благословенія,—и ихъ тамъ тоже, какъ мы наслышаны, не очень хранятъ, въ сараѣ тамъ али въ подвалъ даже свалятъ гуртомъ: сырость, прѣль, гадина тамъ разная,—кровью даже сердце обливается, какъ и подумаешь о томъ.

— Я вамъ выхлопочу очень скоро, чтобы ихъ разсмотрѣли, но какъ же однако ты ихъ доставишь?

— Да ужъ буду милости просить, что не позволите ли мнѣ взять это на себя: въ лодкѣ ихъ до самаго губернскаго города сплавлю, гдѣ тутъ ихъ на телѣгѣ трясти—все на водѣ-то побережнѣе.

— Что же—въ баркахъ, что ли?

— Да-съ, у меня этакая лодка большая есть, парусная, я и свезу въ ней, а вамъ расписку дамъ на себя, что взялся справить это дѣло.

— Только вѣдь это надо сейчасъ же!

— Да мы сейчасъ же, судно у меня готово, совсѣмъ снаряжено,—проговорилъ голова, очень довольный, что ему позволили самому до города довезти святыню.

Черезъ нѣсколько времени въ селѣ снова раздался вой и стонъ. Это оплакивали уносимыя иконы: самъ голова, съ чисто-начисто вымытыми руками и въ совершенно чистой рубашкѣ и портахъ, укладывалъ ихъ въ новые рогожные кули и къ нѣкоторымъ иконамъ, больше, вѣроятно, чтимымъ, прежде чѣмъ уложить ихъ, прикладывался, за нимъ также прикладывались и нѣкоторые другіе мужики. Когда такимъ образомъ было сдѣлано до тридцати тюковъ, ихъ стали носить въ лодку и укладывать на дно; переносили ихъ на пеленѣ, пришитой къ двумъ шестамъ, на которыхъ обыкновенно раскольники носятъ гробы своихъ покойниковъ. Носившіе мужики обнаруживали то же благоговѣніе, какъ и голова, который побѣжалъ

домой, чтобы перекусить чего-нибудь и собраться совсѣмъ въ дорогу. Наконецъ лодка была совсѣмъ нагружена и плотно закрыта рогожками сверху, парусъ на ней подняли, четверо гребцовъ сѣли въ подмогу ему грести, а голова, въ черномъ суконномъ, щеголеватомъ полушубкѣ и въ поярковой шапкѣ, всталъ у руля.

Почти всѣ жители высыпали на улицу; нѣкоторыя старухи продолжали тихонько плакать, даже мальчишки стояли какъ-то присмирѣвъ и совершенно не шаля: разломанная моленная чернѣла своимъ раскиданнымъ матеріаломъ. Лодка долго еще виднѣлась въ перспективѣ рѣки...

Вихровъ пришелъ домой и дописалъ письмо къ Мари.

«Все кончено, я, какъ разрушитель храмовъ, Александръ Македонскій, сижу на развалинахъ. Смирный народъ мой поершился-было немного: хотѣли, кажется, меня убить,—и я, кажется, хотѣлъ кого-то убить. Завтра ѣду обратно въ губернію. На душѣ у меня очень скверно».

XI.

Юлія и Груня.

Дома Вихрова ужасно ожидали. Груня вскрикнула даже, когда увидѣла, что онъ на почтовой тройкѣ въ телѣгѣ подъѣхалъ къ крыльцу,—и, выбѣжавъ ему навстрѣчу, своими слабыми ручонками старалась высадить его изъ экипажа.

— Баринъ, я думала, что вы ужъ и не пріѣдете совсѣмъ,— говорила она задыхающимся отъ радости голосомъ. — Благодарю покорно, что вы мнѣ написали, — прибавила она и поцѣловала его въ плечо.

— Я зналъ, что ты будешь безпокоиться обо мнѣ, — отвѣчалъ Вихровъ.

— Ужасъ, баринъ: чего-чего ужъ ни передумала! Вы другой разъ, какъ поѣдете, такъ меня ужъ лучше вмѣсто лакея возьмите съ собой.

— Какъ это на слѣдствіе съ горничной ѣхать — это противозаконно, — возразилъ Вихровъ.

— Да я мальчикомъ, баринъ, одѣнусь; я ужъ примѣривала съ верхняго мальчика чепанъ, никакъ меня не отличить отъ мужчины — ужасно похожа!

— А что верхніе?— спросилъ Вихровъ.

— Ничего-съ!.. Барышня-то была нездорова. Все по васъ тоже, говорятъ, скучаетъ.

— По мнѣ?

— Да-съ. Ей-богу, люди ихъ смѣялись: «Что, говорятъ, вашъ баринъ — женится ли на нашей барышнѣ?.. Она очень влюблена въ него теперь».

— И что же ты на это сказала?

— Я говорю: «нашъ баринъ никогда и ни на комъ не женится!»

— Отчего жъ ты такъ думаешь? — спросилъ ее Вихровъ съ улыбкою.

— Оттого, баринъ, куда же вамъ меня-то дѣвать будетъ? Вамъ жаль меня будетъ: вы добрый.

Вопросъ этотъ въ первый еще разъ представлялся Вихрову съ этой стороны: что если онъ, въ самомъ дѣлѣ, когда-нибудь вздумаетъ жениться, что ему съ Груней будетъ дѣлать; деньгами отъ нея не откупишься!

«Э, — подумалъ онъ: — гдѣ мнѣ, бобылю и скитальцу, жениться»,—и то же самое высказалъ и вслухъ:

— Не бойся, никогда и ни на комъ не женюсь.

— Ну, вотъ, баринъ, благодарю покорно, — сказала Груня и поцѣловала опять его въ плечо.

— А то, баринъ, еще умора... — продолжала она, развеселившись: — этта верхній-то хозяинъ нашъ, Виссаріонъ Ардальоновичъ встрѣтилъ меня въ сѣняхъ; онъ наглый такой, ни одной дѣвушки не пропуститъ... «Что, говоритъ, ты съ бариномъ живешь?»—«Живу,—говорю я:—гдѣ же мнѣ жить, какъ не у барина?» — «Нѣтъ», говоритъ и, знаете, сказалъ нехорошее. «Нѣтъ ужъ, говорю: это извините, баринъ нашъ не въ васъ!»—«Ну, коли онъ не такой, такъ я за тобой стану волочиться». Я взяла да кукишъ ему и показала: однако онъ тѣмъ не удовольствовался: кухарку свою еще подсылалъ послѣ того; денегъ ужасъ сколько предлагалъ, чтобы только я полюбила его... Я ту такъ кочергой изъ кухни-то прогнала, что чудо!

— Что жъ ты нравишься, что ли, ему очень?

— Не знаю, зачѣмъ ужъ такъ я оченно ему нужна; точно мало еще къ нему разныхъ мамзелей его ходитъ.

— А много?

— Много!.. Прескверный насчетъ этого мужчина.

Въ это время сверху пришелъ къ Вихрову посолъ.

— Шлетъ ужъ—не терпится! — сказала Груня съ гримаской, увидя горничную Юліи Ардальоновны.

— Барынина велѣла поздравить васъ съ пріѣздомъ. — проговорила та: — сказать вамъ, что если вы не очень устали, такъ пожаловали бы къ нимъ: онѣ весьма желаютъ васъ видѣть.

— Хорошо, скажи, что приду, — отвѣчалъ Вихровъ.

Груня сдѣлала при этомъ не совсѣмъ довольное личико, впрочемъ, молча и съ покорностью пошла подавать барину умываться и одѣваться.

Онъ, придя наверхъ, дѣйствительно засталъ Юлію больной. Она сидѣла на кушеткѣ, похудѣвшая, утомленная, но замѣтно съ кокетствомъ одѣтая. При входѣ Вихрова, она кинула на него томный взглядъ и очень слабо пожала ему руку.

— Вы больны? — спросилъ ее Вихровъ, почему-то сконфуженный ея печальнымъ видомъ.

— Да, немножко,—отвѣчала Юлія, а сама между тѣмъ съ такимъ выраженіемъ взяла себя за грудь, которымъ явно хотѣла показать, что, напротивъ — *многожко.*

— Чѣмъ же собственно? — спросилъ Вихровъ, садясь отъ нея довольно далеко.

— Я не спала все это время, а потому силъ совершенно нѣтъ,—отвѣчала Юлія, устремляя на Вихрова нѣжный взоръ.

Онъ, со своей стороны, просто не зналъ—куда себя и дѣвать.

— Послушайте, Вихровъ, — начала Юлія: — скажите мнѣ, могу я васъ считать себѣ другомъ?

— Сколько вамъ угодно!—отвѣчалъ онъ, стараясь придать начинающемуся разговору шутливый тонъ.

— И вы будете со мной откровенны? — продолжала Юлія.

— Въ чемъ могу! — отвѣчалъ Вихровъ, пожимая плечами.

— Скажите, — говорила Юлія (она въ это время держала глаза опущенные внизъ): — вы кромѣ Фатѣевой не любили и не любите никакой другой женщины?

— Любилъ! — отвѣчалъ Вихровъ односложно.

— Но надѣюсь,—продолжала Юлія:—что въ этомъ случаѣ вашъ вкусъ не унизился до какой-нибудь госпожи—очень ужъ невысокаго происхожденія?

Вихровъ при этомъ взглянулъ на Юлію: онъ догадался, что она намекаетъ ему на Грушу,—и ему вздумалось немного подшутить надъ ней за ея барскую замашку.

— А отчего же и не унизиться? — спросилъ онъ.

— Да потому, что...—отвѣчала Юлія, вся вспыхнувъ и пожимая плечами: — интереснаго тутъ ничего нѣтъ... можетъ-быть, впрочемъ, это только какое-нибудь временное увлеченіе?

— Можетъ-быть, и временное,—отвѣчалъ загадочно Вихровъ.

Юлія не знала — какъ и понять его. Насчетъ Груши ей разболталъ и этимъ очень обезпокоилъ ее братъ Виссаріонъ.

— Никогда онъ на тебѣ не женится, — бухнулъ онъ ей прямо: — потому что у него дома есть предметъ страсти.

Юлія вопросительно посмотрѣла на брата.

— Я пятьсотъ рублей предлагалъ, чтобы получить только взаимность,—не приняла...

Виссаріонъ болѣе вящшаго доказательства не полагалъ и нужнымъ прибавлять со своей стороны.

— Можетъ-быть, ты не нравишься ей,—проговорила Юлія, потупляясь.

— Ну да, не нравишься... Нравятся имъ только деньги, а если не беретъ, значитъ — съ той стороны даютъ больше.

Тысячи мрачныхъ мыслей наполнили голову Юліи послѣ разговора ея съ братомъ. Она именно послѣ того и сдѣлалась больна. Теперь же Вихровъ говорилъ какъ-то неопредѣленно. Что ей было дѣлать? И безумная дѣвушка рѣшилась сама открыться въ чувствахъ своихъ къ нему, а тамъ—пусть будетъ, что будетъ!

— Послушайте, — начала она, поблѣднѣвъ вся въ лицѣ:— за то, что вы мнѣ открыли вашу тайну...

Какую ей Вихровъ тайну открылъ — неизвѣстно.

Вихровъ понялъ, куда начиналъ склоняться разговоръ,—и очень этого испугался. Главное, онъ недоумѣвалъ: остановить ли Юлію, чтобы она не открывала ему тайны; если же не остановить ее, то что ей сказать на то? Къ счастію его, разговоръ этотъ прервалъ возвратившійся домой Виссаріонъ.

— А, изволили прибыть?..—воскликнулъ онъ не безъ удовольствія—и въ то же время мелькомъ взглянувъ на сестру, сидѣвшую въ какой-то сконфуженной и недовольной позѣ. Недовольна Юлія была, по преимуществу, его приходомъ.

— Вы тамъ, батюшка, говорятъ, чудеса напроизводили,— продолжалъ инженеръ: — бунтъ усмирили, смертоубійство открыли!

— Было все это отчасти,—отвѣчалъ Вихровъ.

— А губернатора видѣли?

— Нѣтъ еще.

— Такъ какъ же это?

— А такъ же, завтра успѣю.

— Это нельзя, — воскликнулъ Захаревскій: — со слѣдствія вы должны были бы прямо проѣхать къ нему: поѣзжайте сейчасъ, а то онъ узнаетъ это—и Богъ знаетъ, какъ васъ распудритъ.

— Пусть себѣ, очень мнѣ нужно! — сказалъ сначала Вихровъ, но потомъ подумалъ, что инженеръ можетъ опять куда-нибудь уѣхать, и онъ снова останется съ Юліей вдвоемъ, и она ему сейчасъ же, конечно, откроетъ тайну свою.

— Въ самомъ дѣлѣ, я съѣзжу,—проговорилъ онъ, вставая.

Юлія обратила на него умоляющій взоръ.

— Поѣзжайте, поѣзжайте!—говорилъ Захаревскій.

Юлія спросила его тихимъ голосомъ:

— А къ намъ еще придете?

— Можетъ-быть, — отвѣчалъ Вихровъ и проворно ушелъ.

— Что, поразила его грустнымъ своимъ видомъ? — спросилъ Захаревскій сестру.

Та разсердилась на это.

— Что это у тебя за глупыя шутки надо мной!

— Не шутки, а, право, ужъ скучно на все это смотрѣть! — отвѣчалъ съ сердцемъ инженеръ.

Къ губернатору Вихровъ, разумѣется, не поѣхалъ, а отправился къ себѣ домой, заперся тамъ и легъ спать. Захаревскіе про это узнали вечеромъ. На другой день онъ къ нимъ тоже не шелъ, на третій — тоже,— и такъ прошла цѣлая недѣля. Захаревскіе сильно недоумѣвали. Вихровъ, въ свою очередь, чѣмъ долѣе у нихъ не бывалъ, тѣмъ болѣе и болѣе начиналъ себя чувствовать въ неловкомъ къ нимъ положеніи; къ счастію его, за нимъ прислалъ губернаторъ.

Вихровъ сейчасъ же поспѣшилъ къ нему поѣхать.

Начальникъ губерніи въ это время сидѣлъ у своего стола и съ мрачнымъ выраженіемъ на лицѣ читалъ какую-то бумагу. Передъ нимъ стоялъ не то священникъ, не то монахъ, въ черной рясѣ, съ худымъ и желто-черноватымъ лицомъ, съ черными, сверкающими глазами и съ густыми, нависшими бровями.

Окончивъ чтеніе бумаги, губернаторъ порывисто позвонилъ. Въ кабинетъ вбѣжалъ адъютантъ.

— Что же Вихрова мнѣ? — произнесъ сердито начальникъ губерніи.

— Онъ здѣсь, ваше превосходительство, — отвѣчалъ адъютантъ.

— Позовите его сюда!

Вихровъ вошелъ.

Лицо губернатора приняло болѣе ласковое выраженіе.

— Здравствуйте, любезнѣйшій,—сказалъ онъ:—потрудитесь вотъ съ отцомъ Селивестромъ съѣздить и открыть одно дѣло!..— прибавилъ онъ, показывая глазами на священника и подавая Вихрову уже заранѣе приготовленное на его имя предписаніе.

Тотъ прочелъ его.

— Когда же ѣхать туда надо?—спросилъ онъ священника.

— Сейчасъ же, — отвѣчалъ тотъ ему сурово: — въ воскресенье они были для виду у меня въ единовѣріи; а завтра, на Петровъ день, сбѣгутся всѣ въ свою моленную.

— Тутъ становой имъ миротворитъ: моленная должна быть

запечатана, а онъ ее держитъ незапечатанною; его хорошенько скрутить надобно! — приказывалъ губернаторъ.

Вихровъ молчалъ: самое порученіе было сильно ему не по душѣ, но оно давало ему возможность уѣхать изъ города, а, возвратившись потомъ назадъ, снова начать бывать у Захаревскихъ,—словомъ, придать всему такой видъ, что какъ будто бы между нимъ и Юліей не происходило никакого щекотливаго разговора.

— Съ Богомъ—поѣзжайте,—сказалъ ему губернаторъ.

Вихровъ раскланялся и вышелъ. Священникъ тоже послѣдовалъ за нимъ.

— Не угодно ли вамъ будетъ со мной ѣхать, на моей парѣ?— сказалъ онъ, нагоняя Вихрова на улицѣ.

— А это далеко?

— Нѣтъ, одна пряжка всего.

— Хорошо!

Согласіемъ этимъ священникъ, кажется, остался очень доволенъ.

— Вамъ будетъ безъ сумнѣнія, да и мнѣ тоже!—говорилъ онъ: — а вотъ и кони мои, — прибавилъ онъ, показывая на ѣхавшую по улицѣ пару, которою правилъ, должно-быть, работникъ.

Вихровъ шелъ быстро; священникъ не отставалъ отъ него: онъ, по всему замѣтно было, рѣшился ни на минуту не выпускать его изъ глазъ своихъ.

— А кто такой становой у васъ?—спросилъ его Вихровъ.

— Огарковъ, переведенный къ намъ изъ другой губерніи,— отвѣчалъ священникъ.

— Ахъ, Боже мой, Огарковъ! — воскликнулъ Вихровъ.

Оказалось, что это былъ мужъ уже знакомой намъ становой, переведенный въ эту губернію тоже по рекомендаціи Захаревскихъ.

— У него жена, — этакая толстая и бойкая? — спросилъ Вихровъ.

— Она самая и есть, — отвѣчалъ священникъ. — Посрамленье, кажись, всего женскаго рода, — продолжалъ онъ:—въ аду между блудницами, чаю, такихъ безстыжихъ нѣтъ... Приведутъ теперь въ станъ наказывать какого-нибудь дворовато человѣка или мужика. «Что, говоритъ, вамъ дожидаться; высѣки вмѣсто мужа-то при мнѣ: я посмотрю!» Того разложатъ, порютъ, а она сидитъ тутъ, упретъ толстую-то ручищу свою въ колѣно и глядитъ на это.

При такомъ описаніи образъ милой становой, какъ живой, нарисовался въ воображеніи Вихрова.

— Ужасная она госпожа,—знаю я ее!—проговорилъ онъ.

Груня ужасно удивилась, когда увидѣла, что баринъ возвратился со священникомъ.

— Я опять сейчасъ, Груша, уѣзжаю,—сказалъ онъ ей.

Вотъ тебѣ разъ! — произнесла она испуганнымъ голосомъ.

— И тебя никакъ уже не могу взять съ собой, потому что ѣду со священникомъ, —шутилъ Вихровъ.

Гдѣ ужъ, если со священникомъ... А куда же вы ѣдете?.. опять къ раскольникамъ?

— Опять къ раскольникамъ.

— Ну, что, баринъ, вы нарочно, должно-быть, напрашиваетесь, чтобы кутить тамъ съ раскольническими дѣвушками: у нихъ тамъ есть прехорошенькія!

— Если недурныя! — шутилъ Вихровъ и, чтобы хоть немножко очистить свою совѣсть передъ Захаревскими, сѣлъ и написалъ имъ, брату и сестрѣ вмѣстѣ, коротенькую записку. «Я, все время занятый разными хлопотами, не успѣлъ побывать у васъ и хотѣлъ непремѣнно исполнить это сегодня; но сегодня, какъ нарочно, посылаютъ меня по одному экстренному и секретному дѣлу,—такъ что и зайти къ вамъ не могу, потому что за мной, какъ стражъ какой-нибудь, смотритъ мой товарищъ, съ которымъ я ѣду».

Священникъ все это время, заложивъ руки назадъ, ходилъ взадъ и впередъ по залѣ и въ то же время, внимательно прислушиваясь къ разговору Вихрова съ горничной, хмурился: явно было, что ему не нравились слышимыя имъ въ томъ разговорѣ шутки.

XII.

Единовѣрцы.

Уже ударили къ вечернѣ, когда наши путники выѣхали изъ города. Работникъ замѣтно жалѣлъ хозяйскихъ лошадей и ѣхалъ шагомъ. Священникъ сидѣлъ, понуривъ свою сухощавую голову, покрытую черной шляпой съ большими полями. Выраженіе лица его было попрежнему мрачно-грустное: видно было, что какія-то заботы и печали сильно снѣдали его душу.

— Вы давно, батюшка, въ единовѣріе перешли?—спросилъ его Вихровъ.

— Седьмой годъ-съ,—отвѣчалъ священникъ.

— Что же за цѣль ваша была?

— Сначала овдовѣлъ, лишился безцѣнной и незамѣнимой

супруги, такъ что жить въ городѣ, среди людскихъ удовольствій, стало уже тяжко, а другое—и въ паствѣ Божіей хотѣлось покрѣпче утвердить отшатнувшихся, но все что-то ничего не могу сдѣлать въ томъ.

— Стало-быть, единовѣріе они не искренно принимаютъ?— замѣтилъ Вихровъ.

— Хе, искренно!..—грустно усмѣхнулся священникъ.—По всей Россіи это единовѣріе—одинъ только обманъ и ложь передъ правительствомъ! Нами, пастырями, они нисколько не дорожатъ,—продолжалъ онъ, и взоръ его все мрачнѣй и мрачнѣй становился: — не наживи я — пока былъ православнымъ священникомъ—нѣкотораго состоянія и не будь одинокій человѣкъ, я бы ѣсть теперь не имѣлъ что: придешь со славой къ богатому мужику — копейку тебѣ даютъ!.. Ужъ не говоря то, что мы все-таки тѣмъ питаемся,—обидно то даже по сану твоему: я не нищій пришелъ къ нему, а посланникъ Божій!.. Я докладывалъ обо всемъ этомъ владыкѣ... «Что жъ, говоритъ, терпи, коли взялъ этотъ крестъ на себя!»

— Зачѣмъ было и вводить это единовѣріе? Напередъ надобно было ожидать, что будетъ обманъ съ ихъ стороны.

— Какъ зачѣмъ?—спросилъ съ удивленіемъ священникъ.— Митрополитъ Платонъ вводилъ его и правила для него писалъ; полагали такъ, что вотъ они очень дорожатъ своими старыми книгами и обрядами,—дали имъ сіе; но не того имъ, видно, было надобно: по духу своему, а не за обряды они церкви нашей сопротивляются.

— Въ чемъ же духъ-то этотъ состоитъ?—спросилъ Вихровъ.

Священникъ еще больше нахмурилъ при этомъ лицо свое.

— Въ глупости ихъ, невѣжествѣ и изувѣрствѣ нравовъ,— проговорилъ онъ: — главная причина, законы очень слабы за отступничество ихъ... Теперь вотъ ѣдемъ мы, безпокоимся, трудимся, составимъ актъ о захватѣ ихъ на мѣстѣ преступленія, отдадутъ ихъ суду, — чѣмъ же рѣшатъ это дѣло? «Вызвать, говорятъ, ихъ въ консисторію и сдѣлать имъ внушеніе, чтобы они не придерживались раскола».

— Но что же и сдѣлать за то больше?—спросилъ Вихровъ.

— Какъ что?—произнесъ мрачно священникъ: — вѣдь это обманъ, измѣна съ ихъ стороны: они приняли единовѣріе—и будь единовѣрцами; они, значитъ, уклоняются отъ вѣры своей,—и что за перемѣну нашей вѣры на другую бываетъ, то и имъ должно быть за то.

— Ну, прекрасно-съ, это въ отношеніи единовѣрцевъ — ихъ можно считать отступниками отъ разъ принятой вѣры; но тогда, разумѣется, никто больше изъ раскола въ единовѣ-

ріе переходить не будетъ; какъ съ другими-то раскольниками сдѣлать?

— Ежели бы я былъ членъ святѣйшаго синода, — отвѣчалъ священникъ: — то я прямо подалъ бы мнѣніе, что никакого раскола у насъ быть совсѣмъ не должно! Что онъ такое за ученіе? На какомъ вселенскомъ соборѣ былъ разсматриваемъ и утверждаемъ?.. Значитъ, одно только невѣжество въ немъ укрывается, а дѣло правительства—не допускать того, а напротивъ—просвѣщать народъ!

— А если народъ не хочетъ принимать этого просвѣщенія?

— Карай его лучше за то, но не оставляй во мракѣ... Что ежели кто вамъ говорилъ, что есть промежъ нихъ начетчики: ихніе попы и пастыри и вожди разные—все это вздоръ! Я имѣлъ съ ними со многими словопреніе: онъ несетъ и самъ не знаетъ что, потому что понимать священное писаніе — надобно тоже, чтобъ былъ разумъ для того готовый.

— Однако у Христа первые апостолы были простые рыбари.

— Тогда они устно слышали отъ Него ученіе, а мы пьемъ изъ книгъ божественныхъ оное почерпаемъ; насъ, священниковъ, и философіи греческой учили, и риторикѣ, и исторіи церкви христіанской,—намъ можно разумѣть священное писаніе; а что же ихъ попъ и учитель — какое ученье имѣлъ? Онъ—такой же мужикъ, только плутоватѣй другихъ!

— Что же, вы говорили когда-нибудь объ этомъ раскольникамъ?

— Сколько разъ!.. Прямо имъ объяснялъ: «Смотрите, говорю:—нѣтъ ни единаго царя, ни единаго дворянина по вашему толку; ни одинъ иностранецъ, переходя въ православіе, не принялъ раскола вашего. Неужели же всѣ они глупѣе васъ!»

— Что жъ они отвѣчали на то? — спросилъ Вихровъ съ любопытствомъ.

Священникъ при этомъ вопросѣ вздохнулъ.

— «Оттого, говорятъ, что на васъ дьяволъ спасителъ!» — «Но отчего же, говорю, на насъ, разумомъ свѣтлѣйшихъ, а не на васъ, во мракѣ пребывающихъ?» — «Оттого, говорятъ, что мы живемъ по старой вѣрѣ, а вы приняли новшества», — и хоть рѣжь ихъ ножомъ, ни одинъ съ этого не сойдетъ... И какъ вѣдь это вышло: гдѣ нѣтъ раскола промежъ народа, тамъ и духа его нѣтъ, а гдѣ онъ есть — православные ли, единовѣрцы ли, всѣ въ немъ заражены и очумлены... и который здоровъ еще, то жди, что и онъ будетъ боленъ!

Покуда священникъ говорилъ все это суровымъ голосомъ, а Вихровъ слушалъ его, — они, какъ нарочно, проѣзжали по

чрезвычайно веселой мѣстности: то по небольшому сосновому лѣску, необыкновенно чистому и рѣдкому, такъ что въ немъ можно было гулять, какъ въ рощѣ, то по низкимъ полянамъ, въ которыхъ сильно ихъ обдавало запахомъ травъ и цвѣтовъ. Солнце уже садилось, соловей гдѣ-то отчаянно свисталъ. Лемешецъ работникъ, въ своемъ зипунѣ, со своими всклокоченными бѣлокурыми волосами, выбивающимися изъ-подъ худой его шапенки, какъ бы въ противоположность своему суровому и мрачному хозяину, представлялъ изъ себя чрезвычайно добродушную фигуру. У Вихрова было хорошо на душѣ оттого, что онъ услыхалъ отъ священника, что если они и захватятъ на молитвѣ раскольниковъ, то тѣхъ только позовутъ въ консисторію на увѣщеваніе, а потому онъ съ нѣкоторымъ даже любопытствомъ ожидалъ всѣхъ грядущихъ сценъ.

Лошади, вѣроятно, почуявшія близость дома, побѣжали быстрѣй.

— Недалеко, видно? — спросилъ Вихровъ священника, не обращавшаго никакого вниманія ни на прекрасный вечеръ, ни на красивую мѣстность, ни на соловья.

— Недалеко; вонъ село наше, — отвѣчалъ онъ, показывая на стоящее нѣсколько въ сторонѣ село. — Вы ужъ у меня и остановиться извольте на квартирѣ,—прибавилъ онъ.

— Очень хорошо, — отвѣчалъ Вихровъ и потомъ не удержался и сказалъ: — вы, кажется, и меня немного подозрѣваете,—какъ бы я не перешелъ въ расколъ?

Нѣтъ, не то что подозрѣваю, — отвѣчалъ священникъ угрюмо:—а что если остановитесь въ другомъ мѣстѣ, то болтовня сейчасъ пойдетъ по селу, что чиновникъ пріѣхалъ!.. Они, пожалуй, и остерегутся и не соберутся къ заутренѣ.

— Такъ вы меня этакъ поспрятать хотите! — проговорилъ Вихровъ.

— Да, поспрячу, — отвѣчалъ священникъ, и въ самомъ дѣлѣ, какъ видно, намѣренъ былъ это сдѣлать, потому что, хоть было уже довольно темно, онъ однако велѣлъ работнику не селомъ ѣхать, а взять объѣздомъ, и такимъ образомъ они подъѣхали къ дому его со двора.

Введя въ комнаты своего гостя, священникъ провелъ его въ заднюю половину, такъ чтобы на улицѣ не увидѣли даже окна въ его окнахъ и не разсмотрѣли бы сквозь нихъ губернскаго чиновника.

— По завтра намъ надобно будетъ хоть какого-нибудь десятскаго взять съ собой, — сказалъ ему Вихровъ.

— А вотъ я сейчасъ схожу за сельскимъ старостой,—сказалъ священникъ и, уходя, плотно-плотно притворилъ дверь

въ сѣняхъ, а затѣмъ въ весьма недолгомъ времени возвратился, приведя съ собой старосту.

Вихровъ сказалъ тому, что онъ завтра съ нимъ чуть свѣтъ пойдетъ, но куда именно—не пояснилъ того.

— Слушаю-съ,—сказалъ староста и хотѣлъ-было уйти.

Но священникъ остановилъ его.

— Нѣтъ, любезный, ты ночуй ужъ здѣсь—у меня; поди ко мнѣ въ избу.

Староста усмѣхнулся только на это, впрочемъ, послушался его и пошелъ за нимъ въ избу, въ которую священникъ привелъ также и работника своего и, сказавъ имъ обоимъ, чтобы они ложились спать, ушелъ отъ нихъ, заперевъ ихъ снаружи.

— Вотъ этакъ лучше—и сидятъ и не разболтаютъ никому!—проговорилъ онъ.

Съ Вихровымъ священникъ (тоже, вѣроятно, изъ опасенія, чтобы тотъ не разболталъ кому-нибудь) легъ спать въ одной комнатѣ и уступилъ даже ему свою подъ пологомъ постель, а самъ легъ на голой лавкѣ и подложилъ себѣ только подъ голову кожаную, дорожную подушку. Ночь онъ всю не спалъ, а все ворочался и что-то такое бормоталъ себѣ подъ носъ. Вихрову тоже не спалось отъ духоты въ комнатѣ и отъ клоповъ, которыми усыпана была хозяйская постель. Часа въ четыре наконецъ раздался сухой, какъ бы великопостный звонъ въ единовѣрческой церкви. Вихровъ открылъ глаза,—онъ только-что передъ тѣмъ вздремнулъ-было. Священникъ стоялъ уже передъ нимъ совсѣмъ одѣтый.

— Пойдемте; пора!—сказалъ онъ Вихрову.

Тотъ мигомъ одѣлся въ свой вицмундиръ.

Староста и работникъ тоже были выпущены. Послѣдній, съ явно сердитымъ лицомъ, прошелъ прямо на дворъ, а староста попрежнему немного посмѣивался надъ священникомъ. Вихровъ, священникъ и староста отправились наконецъ въ свой походъ. Іерей не безъ умысла, кажется, провелъ Вихрова мимо единовѣрческой церкви и заставилъ его заглянуть даже туда: тамъ не было ни одного молящагося.

— Какъ много прихожанъ-то!—сказалъ онъ съ усмѣшкой:—а вѣдь звономъ-то почесть колоколъ разбили, а туда и безъ зова Божьяго соберутся.

Звонъ до самаго своего возвращенія онъ наказалъ дьячку не прекращать и повелъ за собой Вихрова и старосту. Сначала они шли полемъ по дорогѣ, потомъ пошли лугомъ по берегу небольшой рѣки.

Священникъ внимательнѣйшимъ образомъ осматривалъ всѣ тропинки, которыми они проходили.

— Много ихъ тутъ сегодня прошло: слѣдъ на слѣдѣ такъ и лѣпится! — говорилъ онъ.—И мостикъ себѣ даже устроили!— прибавилъ онъ, показывая Вихрову на двѣ слеги, перекинутыя черезъ рѣку.

— Слышите! — воскликнулъ онъ вдругъ, показывая рукой въ одну сторону:—это вѣдь служба ихъ идетъ!

Съ той стороны, въ самомъ дѣлѣ, доносилось пѣніе мужскихъ и женскихъ голосовъ, а передъ глазами между тѣмъ были: орѣшникъ, ветлякъ, липы, березы и сосны; подъ ногами—высокая, густая трава. Утро было свѣтлое, ясное, какъ и вчерашній вечеръ. Картина эта просто показалась Вихрову поэтической. Пройдя небольшимъ лѣскомъ (пѣніе въ это время становилось все слышнѣе и слышнѣе), они увидѣли наконецъ сквозь вѣтки деревьевъ каменную часовню.

— Не хуже нашего единовѣрческаго храма! — произнесъ священникъ, показывая глазами Вихрову на моленную: — ну, теперь ползкомъ ползти надо, а то они увидятъ и разбѣгутся!..—И вслѣдъ затѣмъ онъ самъ легъ на землю, легли за нимъ Вихровъ и староста,—и всѣ они поползли.

Священникъ дѣлалъ все это съ явнымъ увлеченіемъ, а Вихрову, напротивъ, казалось смѣшно и не совсѣмъ честно его положеніе. Онъ поотсталъ отъ священника. Староста тоже рядомъ съ нимъ очутился.

— Бѣда, какой строгій священникъ,—шепнулъ онъ Вихрову.

— Что же?—спросилъ Вихровъ.

— По первоначальному-то, какъ поступилъ, такъ на всѣхъ раскольниковъ, которые въ единовѣріе перешли, епитимью строгую наложилъ, и чтобы не дома ее исполняли, а въ церкви: и дьячка нарочно стеречь ставилъ, чтобы не промирволилъ кто себя.

— Зачѣмъ же народъ, зная, что онъ такой строгій, въ моленную еще къ себѣ собирается?—говорилъ Вихровъ.

— Да поди ты вонъ—глупость-то наша крестьянская: обмануть все думаютъ его! Ну, гдѣ тутъ, обманешь ли эдого!—отвѣчалъ староста.

Въ это время они были около самаго уже храма.

Священникъ проворно поднялся на ноги и загородилъ собой выходъ изъ моленной.

— Подползайте скорѣй,—зыкнулъ онъ шопотомъ Вихрову и старостѣ.

Тѣ подползли и поднялись на ноги—и всѣ такимъ образомъ вошли въ моленную. Народу въ ней оказалось человѣкъ двѣсти. При появленіи священника и чиновника въ вицмун-

дирѣ, всѣ, точно по командѣ, потупили головы. Стоявшій впереди и наряженный даже въ спитрахиль мужикъ мгновенно стушевался, спитрахили на немъ не стало, и самъ онъ очутился между другими мужиками, но не пропалъ онъ для глазъ священника.

— Поди-ка ты сюда, священнодѣйствователь! — сказалъ онъ ему.

Мужикъ не трогался, какъ будто бы не понимая, что это къ нему относится.

— Григорій, поди сюда; я тебя кличу!—повторилъ священникъ.

Григорій, дѣлать нечего, вышелъ.

— Гдѣ же облаченіе-то твое,—подай мнѣ!—говорилъ священникъ.

— Нѣтъ у меня никакого облаченія, — отвѣчалъ мужикъ, распуская передъ нимъ руки: но священникъ заглянулъ къ нему въ пазуху, велѣлъ вывороти ему всѣ карманы,—облаченія нигдѣ не было.

Священникъ велѣлъ старостѣ обыскать прочихъ, нѣтъ ли у кого облаченія.

Тотъ, съ обычной своей усмѣшкой на лицѣ, принялся обыскивать, но облаченія не нашлось.

— Ну, Богъ съ нимъ!— произнесъ Вихровъ.

— Вотъ это-то «Богъ съ нимъ» и даетъ имъ поблажку,— проговорилъ ему укоризненно священникъ. — Переписать ихъ всѣхъ надо!—прибавилъ онъ, но Вихровъ прежде спросилъ народъ:

— Что вы, братцы, всѣ единовѣрцы?

— Всѣ, почесть, единовѣрцы!—отвѣчали ему мужики.

— Зачѣмъ же вы не посѣщаете вашего храма, а ходите въ моленную, которая должна быть запечатана?

— Такъ какъ родители наши ходили сюда, и намъ желается того,—отвѣчалъ одинъ изъ раскольниковъ.

— Мы, бачка, думали, что въ нашей церкви службы не будетъ,—подхватилъ другой раскольникъ.

— Врешь, врешь,—остановилъ его священникъ: — благовѣстъ у меня начался съ двухъ часовъ ночи и посейчасъ идетъ.

Изъ села въ самомъ дѣлѣ доносился сухой и немного дребезжавшій благовѣстъ единовѣрческой церкви.

— А эта вотъ и православная даже!—прибавилъ священникъ, указывая на одну очень нарядную и довольно еще молодую женщину.

— Ты православная?—спросилъ ее Вихровъ.

— Православная-съ!—отвѣчала та, вся вспыхнувъ и съ дрожащими щеками.

— Ей вотъ надо было,—объяснилъ ему священникъ:— выйти замужъ за богатаго православнаго купца: это вотъ не грѣхъ по-ихнему, она и приняла для виду православіе, а промежъ тѣмъ все-таки продолжаетъ ходить въ свою раскольничью секту,—это я васъ записать прошу!

— Все запишутъ!—отвѣчалъ ему съ сердцемъ Вихровъ—и опрашивать народъ повелъ въ село.

Довольно странное зрѣлище представилось при этомъ случаѣ: Вихровъ, съ недовольнымъ и разстроеннымъ лицомъ, шелъ впереди; раскольники тоже шли за нимъ печальные; священникъ то на того, то на другого изъ нихъ сурово взглядывалъ блестящими глазами. Православную женщину и Григорія онъ велѣлъ старостѣ вести подъ присмотромъ—и тотъ поэтому шелъ невдалекѣ отъ нихъ, а когда тѣ расходились нѣсколько, онъ говорилъ имъ:

— Не расходитесь оченно далеко!

Допросы отбирать Вихровъ началъ въ большой общественной избѣ—и только еще успѣлъ снять показаніе съ одного мужика, какъ дверь съ шумомъ распахнулась, и въ избу вне-слась какой-то бурей становая.

— Другъ сердечный, тебя ли я вижу!—воскликнула она, растопыривая передъ Вихровымъ руки. Она, видимо, рѣшилась держать себя съ нимъ съ прежней бойкостью.—И это не грѣхъ, не грѣхъ такъ пріѣхать!—продолжала она, восклицая.—Гдѣ ты остановился? У васъ, что ли?—прибавила она священнику.

— У меня-съ,—отвѣчалъ тотъ.

— Въ мурьѣ-то у него—на клопахъ да на комарахъ! Я бы тебя на мягкую постельку уложила, побаюкала бы и полюлюкала!.. Что это, переловилъ ребятъ-то?—прибавила она, показывая головой на раскольниковъ.

— А все это вашъ супругъ причиной тому: держитъ моленную незапертою, тогда какъ она запечатана должна быть,—замѣтилъ ей священникъ.

— Это кто вамъ, батюшка, донесъ да отрапортовалъ о томъ—не-съ-съ! извините! Я нарочно все дѣло захватила—читайте-ка!..—проговорила становая и, молодцоватаго развернувъ принесенное съ собою дѣло, положила на столъ.—Читай, читай!..—повторила она священнику.

Въ одномъ предписаніи, въ самомъ дѣлѣ, было сказано: «а моленную въ селѣ Корчаковѣ оставить незапечатанною и отдать ее въ вѣдѣніе и подъ присмотръ земской полиціи съ тѣмъ, чтобы изъ оной раскольниками не были похищаемы и разно-симы иконы».

— Только бы не были расхищаемы и уносимы иконы — понялъ?— отнеслась становая къ священнику:—а онѣ всѣ тутъ есть еще и лишнія.

— Моленная не должна быть запечатана, — повторилъ и Вихровъ.

Священникъ пожалъ только плечами.

— Но сборища въ ней все-таки не могли быть дозволены, особенно для единовѣрцевъ,—возразилъ онъ: — и вашъ супругъ, я знаю, разъ словилъ ихъ, но потомъ, взявъ съ нихъ по рублю съ человѣка, отпустилъ.

— Это какъ вы знаете, кто вамъ объяснилъ это?—возразила ему становая: осмѣливо: —на исповѣди, что ли, кто вамъ открылъ про то! Такъ вамъ самому языкъ за это вытянутъ, коли вы разсказываете, что на духу вамъ говорятъ; вотъ они всѣ тутъ налицо, прибавила она, махнувъ головой на раскольниковъ.—Когда васъ мужъ захватывалъ и обиралъ по рублю съ души?—обратилась она къ тѣмъ.

— Не было того-съ,— отвѣчали изъ нихъ нѣкоторые, и всѣ при этомъ держали головы потупленными.

— Чѣмъ на другихъ-то, іерей честной, указывать, не лучше ли прежде на себя взглянуть: пастырь сердцемъ добрымъ и духомъ кроткимъ привлекаетъ къ себѣ паству; при вашемъ предшественникѣ никогда у нихъ никакихъ дѣловъ не было, а при васъ пошли...

— Зато и единовѣрія не было!—возразилъ ей священникъ.

— Я ужъ этого не знаю, — я баба, а говорю, что въ народѣ толкуютъ. Изволь-ка вотъ ты написать,—прибавила она Вихрову:—что въ предписаніи мужу сказано насчетъ моленной, да и мужиковъ всѣхъ опроси, что никогда не было, чтобы брали съ нихъ!

Такія почти невелительныя распоряженія становой сдѣлались наконецъ Вихрову досадны.

— Все это очень хорошо — и будетъ сдѣлано, но вамъ-то здѣсь быть совершенно неприлично!—сказалъ онъ.

— Уйду, уйду, не навѣки къ вамъ пришла,—сказала она, поднимаясь: — только ты зайди ко мнѣ потомъ, мнѣ тебѣ нужно по этому дѣлу сказать, — понимаешь ты, по этому самому дѣлу, чтобы ты сказалъ о томъ начальству своему.

— Хорошо, зайду,—отвѣчалъ Вихровъ, чтобы только отвязаться отъ нея: почему становая говорила ему «ты» и называла его «другомъ сердечнымъ» — онъ понять не могъ.

Та между тѣмъ встала и пошла; проходя мимо мужиковъ, она подмигнула имъ.

— Не робейте, паря, не больно поддавайтесь!

Вихровъ, отобравъ всѣ допросы и написавъ со священникомъ подробное постановленіе о захватѣ раскольниковъ въ моленной, хотѣлъ-было сейчасъ же и уѣхать въ городъ — и поэтому послалъ за земскими почтовыми лошадями, но тѣхъ что-то долго не приводили. Онъ велѣлъ старостѣ поторопить; тотъ сходилъ и донесъ ему, что лошади готовы, но что онѣ стоятъ у квартиры становой—и та не велѣла имъ отъѣзжать, потому что чиновникъ къ ней еще зайдетъ. Вихровъ послалъ другой разъ старосту сказать, что онъ не зайдетъ къ ней, потому что ему некогда, и чтобы лошади подъѣхали къ его избѣ. Староста сходилъ съ этимъ приказаніемъ и, возвратясь, объявилъ, что становая не отпускаетъ лошадей и требуетъ чиновника къ себѣ. Вихрова взорвало это; онъ пошелъ, чтобы ругательски разругать ее.

— Что это такое дѣлаете,—не даете мнѣ лошадей! — воскликнулъ онъ, входя къ ней въ залу, въ которой на столѣ были уже разставлены закуска и вина разныя.

— Ты не горлань, а лучше выпей водочки!—сказала она ему.

— Не хочу я вашей водочки!—кричалъ онъ.

— Ты вотъ погоди, постой! Не благуй!—унимала она его:— я вотъ тебѣ дѣло скажу, ты начальству своему заяви, чтобы они попа этого убирали отсюда, а то у него изъ единовѣрія опять всѣ уйдутъ въ расколъ; не по нраву онъ пришелся народу, потому строгъ,—вдругъ дѣвицамъ причастья не даетъ, изобличаетъ ихъ передъ всѣми. Мужикъ придетъ къ нему за требой—непремѣнно требуетъ, чтобы въ телѣгѣ пріѣзжалъ, и чтобы коверъ ему въ телѣгѣ былъ: «ты, говоритъ, не меня, а санъ мой почитать долженъ!». Кто теперь на улицѣ встрѣтится, хоть малый ребенокъ, и шапки передъ нимъ не снимаетъ, онъ сейчасъ его въ церковь — и на колѣни: у насъ народъ этого не любитъ!

— Ну, только?—спросилъ Вихровъ:—прощайте!

— Погоди, не спѣши больно!.. Что у тебя дома-то — не горитъ вѣдь! Раскольники-то ходатая къ тебѣ прислали, сто цѣлковыхъ онъ тебѣ принесъ отъ нихъ, позамни маненько дѣло-то!

Вихровъ усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Что же, этотъ ходатай здѣсь, что ли? — спросилъ онъ.

— Здѣсь стоитъ, дожидается.

— Ну, позовите его ко мнѣ!

Становая пошла и привела мужика съ плутоватыми, бѣгающими глазами.

— Ты мнѣ сто цѣлковыхъ принесъ?—спросилъ его Вихровъ.

— Да-съ!—отвѣчалъ мужикъ и торопливо полѣзъ себѣ за пазуху, чтобы достать, вѣроятно, деньги.

— Не трудись ихъ вынимать, а, напротивъ, дай мнѣ расписку, что я ихъ не взялъ у тебя! — сказалъ Вихровъ и, подойдя къ столу, написалъ такого рода расписку. — Подпишись,— прибавилъ онъ, подвигая ее къ мужику.

Тотъ поблѣднѣлъ и недоумѣвалъ.

— Подпишись, а не то я дѣло изъ-за этого начну и тебя потяну!—произнесъ Вихровъ явно уже сердитымъ голосомъ.

Мужикъ посмотрѣлъ на становую, которая тоже стояла сконфуженная и только какъ-то насильственно старалась улыбнуться.

— Подпишись ужъ лучше!—сказала она мужику.

Тотъ дрожащею рукой подписался и затѣмъ, подобравъ свою шапку, ушелъ съ совершенно растеряннымъ лицомъ.

— Ну, паря, модникъ ты, я вижу, да еще и какой!—сказала Вихрову становая укоризненнымъ голосомъ, когда они остались вдвоемъ.

— А вы, извините меня, очень глупы!—возразилъ онъ ей.

— Гдѣ ужъ намъ такимъ умникомъ быть, какъ ты? Не всѣ такіе ученые, — произнесла становая въ одно и то же время насмѣшливымъ и оробѣвшимъ голосомъ.

Вихровъ взялся снова за фуражку, чтобы уѣхать.

— Не пущу, ни за что не пущу безъ закуски, а не то сама лягу у дверей на порогѣ!.. — закричала становая и въ самомъ дѣлѣ сдѣлала движеніе, что какъ будто бы намѣрена была лечь на полъ.

Вихровъ лучше ужъ рѣшился исполнить ея желаніе, тѣмъ болѣе, что и ѣсть ему хотѣлось. Онъ сѣлъ и началъ закусывать. Становая, очень довольная этимъ, помѣстилась рядомъ съ нимъ и положила ему руку на плечо.

— А что, съ Фатѣихой до сихъ поръ все еще путаешься?— спросила она, заглядывая ему съ какой-то нѣжностью въ лицо.

— Нѣтъ, ужъ не путаюсь,—отвѣчалъ ей Вихровъ.

— Слышала я это, слышала,—отвѣчала становиха: — вотъ какъ бы ты у меня ночевалъ сегодня, такъ я тебѣ скажу...

— Что же такое?—спросилъ Вихровъ.

Становая пожала только плечами.

— У!.. — воскликнула она: — такую бы тебѣ штучку подвела—букетъ!

Вихровъ только усмѣхнулся...

— Ну, однако прощайте!—сказалъ онъ, вставая.

— Прощай, другъ любезный, — проговорила становиха и вдругъ поцѣловала его въ лицо.

Вихровъ поспѣшно обтеръ то мѣсто, къ которому она прикоснулась губами. Становиха потомъ проводила его до те-

лѣти, сама его подсадила въ нее, велѣла подать свое одѣяло, закрыла имъ его ноги и, когда онъ наконецъ совсѣмъ поѣхалъ, сдѣлала ему ручкой.

XIII.

Вечеръ у m-me Пиколовой.

То, что Вихровъ не былъ у Захаревскихъ и даже уѣхалъ изъ города, не зайдя проститься съ ними, — все это сильно огорчало не только Юлію, отчасти понимавшую причину тому, но и Виссаріона, который поэтому даже былъ (въ первый разъ, можетъ-быть, во всю жизнь свою) въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Судя нѣсколько по своимъ собственнымъ поступкамъ, онъ сталъ подозрѣвать, что ужъ не было ли между сестрой и Вихровымъ чего-нибудь серьезнаго, и что теперь тотъ отлыниваетъ, тѣмъ болѣе, что Юлія была на себя не похожа и проплакивала почти цѣлые дни. Виссаріонъ рѣшился непремѣнно разспросить ее объ этомъ.

— Интересно мнѣ знать,—заговорилъ онъ однажды, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ и какъ бы вовсе не желая ничего этимъ сказать:—говорила ли ты когда-нибудь и что-нибудь съ этимъ господиномъ о любви?

— Никогда и ничего,—отвѣчала Юлія.

— О, вздоръ какой!—воскликнулъ инженеръ.

— Увѣряю тебя!—повторила Юлія совершенно искреннимъ голосомъ.

«Ну, когда еще въ такомъ положеніи дѣло, такъ это пустяки, вздоръ!» — успокоилъ себя мысленно Виссаріонъ.

— Такъ у васъ, можетъ-быть, все это однимъ пуфомъ и кончится?—присовокупилъ онъ.

— Всего вѣроятнѣе!.. — сказала Юлія, и голосъ ея при этомъ дрожалъ: сознавая, что она не въ состояніи уже будетъ повторить своего признанія Вихрову, она рѣшилась сама ничего не предпринимать, а выжидать, что̀ будетъ; но Виссаріонъ былъ не такого характера: онъ любилъ все и какъ можно скорѣй доводить до полной ясности. Услыхавъ, что Вихровъ вернулся со слѣдствія, но къ нимъ все-таки нейдетъ, онъ сказалъ сестрѣ не безъ досады:

— Что̀ же это вашъ возлюбленный не жалуетъ?

Въ отвѣтъ на это Юлія устремила только на брата умоляющій взоръ.

— Пошли за нимъ, если хочешь... — присовокупилъ Виссаріонъ.

— Если онъ не хочетъ итти, зачѣмъ же посылать за нимъ? — возразила Юлія.

— Ну, такъ я самъ пойду къ нему и посмотрю, что онъ тамъ дѣлаетъ,—произнесъ почти со злобою Виссаріонъ: ему до глубины души было жаль сестры.

Когда Вихрову сказали, что пришелъ Захаревскій, онъ, по какому-то предчувствію, какъ бы отгадывая причину его прихода, невольно сконфузился. У Виссаріона не сорвалось это съ глазу.

«Онъ однако потрухиваетъ, какъ видно, меня?»—подумалъ онъ про себя.

— Что это, батюшка, вы за штуку выкинули,—произнесъ онъ затѣмъ вслухъ:—уѣхали совсѣмъ изъ города и не зашли даже проститься.

— Невозможно было: губернаторъ меня экстренно послалъ и подъ присмотромъ еще пона.

— Что за вздоръ такой—экстренно послалъ?.. Невозможно было на двѣ минуты забѣжать проститься!.. — говорилъ инженеръ и затѣмъ, сѣвъ напротивъ Вихрова, нѣсколько минутъ смотрѣлъ ему прямо въ лицо.

Тотъ при этомъ явно покраснѣлъ.

— Что это вы, устали, что ли, или больны? — спросилъ Виссаріонъ.

— И устать и болѣнъ!—отвѣчалъ Вихровъ.

— Все это проистекаетъ отъ того-съ, — продолжалъ инженеръ:—что вы ужасно какую нелѣпую жизнь ведете.

— Я?—спросилъ Вихровъ, нѣсколько уже и удивленный безцеремонностью такого замѣчанія.

— Да, вы!.. Жениться вамъ надо непремѣнно!

— Но отчего же вы сами не женитесь?

— Оттого, что я совершенно неспособенъ къ женатой жизни: мнѣ всякая женщина въ недѣлю же надоѣдаетъ!

— Но, можетъ-быть, и я такой же!—проговорилъ Вихровъ.

— Ну нѣтъ, вы постоянны: вотъ вы экономкѣ вашей сколько времени вѣрны!

Виссаріонъ подъ именемъ экономки разумѣлъ Груню.

— А вы думаете, что я въ отношеніи ея могу быть вѣренъ и невѣренъ?

— Совершенно увѣренъ въ томъ,—подхватилъ Виссаріонъ.

— Кто же вамъ сказалъ это?—спросилъ Вихровъ.

— Мои собственные глаза.

— Ваши глаза совершенно васъ обманываютъ.

— Не шутя?

— Не шутя обманываютъ!

Вихровъ не хотѣлъ Виссаріона посвящать ни въ какую свою тайну.

«Чортъ знаетъ, ничего тутъ не понимаю!» — думалъ между тѣмъ инженеръ, въ самомъ дѣлѣ поставленный въ недоумѣніе: Груню онъ считалъ главной и единственной виновницей того, что Вихровъ не дѣлалъ предложенія его сестрѣ.

— Что же, вы зайдете ли когда-нибудь къ намъ? Осчастливите ли вашимъ посѣщеніемъ?—полушутилъ, полусерьезно говорилъ онъ, вставая съ тѣмъ, чтобы уйти.

— Я сегодня же вечеромъ буду у васъ,—отвѣчалъ, опять немного растерявшись, Вихровъ.

— Но вечеромъ мы съ сестрой у Николовой будемъ... Тамъ будетъ губернаторъ и прочее, и прочее, — проговорилъ Виссаріонъ.

— А, и прекрасно, и я туда же пріѣду! —подхватилъ Вихровъ, очень обрадованный тѣмъ, что онъ встрѣтится въ первый разъ съ Юліей въ обществѣ.

— Пріѣзжайте!—сказалъ инженеръ и ушелъ.

Когда онъ возвратился въ комнату сестры, то лицо его снова приняло недоумѣвающее выраженіе.

— Хоть зарѣжь, ничего тутъ не понимаю!—произнесъ онъ и, усѣвшись на стулъ, почти до крови принялся кусать себѣ ногти,—до того ему была досадна вся эта неопредѣленная чепуха.

Вихровъ между тѣмъ, еще до свиданія съ Виссаріономъ, очень много и серьезно думалъ о своихъ отношеніяхъ къ Юліи. Что онъ не любилъ ея совершенно, въ этомъ онъ не сомнѣвался нисколько,—точно также, какъ теперь онъ очень хорошо понималъ, что не любилъ и Фатѣеву и что не чувствовалъ также особой привязанности и къ преданной ему Грунѣ; но отчего же это?.. Что за причина тому была?.. Не оставалось никакого сомнѣнія, что между нимъ и всѣми этими женщинами стояла всегда, постоянно и неизмѣнно, Мари—и заслоняла ихъ собой. Не сомнѣвался ужъ онъ нисколько, что онъ одну только ее въ жизни своей любилъ и любитъ до сихъ поръ; но что же она къ нему чувствуетъ? Конечно, ея внезапный отъѣздъ изъ Москвы, почти нѣжное свиданіе съ нимъ въ Петербургѣ, ея письма, дышащія нѣжностью, давали ему много надежды на взаимность, но все-таки это были одни только надежды — и если она не питаетъ къ нему ничего, кромѣ дружбы, такъ лучше вырвать изъ души и свое чувство и жениться хоть на той же Юліи, которая, какъ онъ видѣлъ очень хорошо, всю жизнь будетъ боготворить его!

Когда Виссаріонъ ушелъ отъ него, онъ окончательно утвер-

дился въ этомъ намѣреніи — и сейчасъ же принялся писать письмо къ Мари, въ которомъ онъ изложилъ все, что думалъ передъ тѣмъ, и въ заключеніе прибавлялъ: «вопросъ мой, Мари, состоитъ въ томъ: любите ли вы меня; и не говорите, пожалуйста, ни о какихъ святыхъ обязанностяхъ: всякая женщина, когда полюбитъ, такъ пренебрегаетъ ими; не говорите также и о святой дружбѣ, которая могла бы установиться между нами: я хочу любви вашей—полной, совершенной; если нѣтъ въ васъ ея ко мнѣ, такъ и не щадите меня—прямо мнѣ скажите о томъ!»

Отославъ это письмо на почту, Вихровъ отправился къ Пиколовымъ, у которыхъ вечеръ засталъ въ полномъ разгарѣ.

Начальникъ губерніи былъ ужъ тамъ. Онъ всегда у m-me Пиколовой былъ очень веселъ и даже отчасти рѣзовъ. Бѣлобрысый мужъ ея съ улыбающимся лицомъ ходилъ по ярко освѣщеннымъ комнатамъ. Онъ всегда очень любилъ, когда начальникъ губерніи бывалъ у нихъ въ гостяхъ, даже когда это случалось и въ его отсутствіе, потому что это все-таки показывало, что тотъ не утратилъ расположенія къ ихъ семейству, а расположеніемъ этимъ Пиколовъ въ настоящее время дорожилъ больше всего на свѣтѣ, такъ какъ начальникъ губерніи обѣщался его представить на имѣющуюся въ скоромъ времени открыться вакансію предсѣдателя уголовной палаты. Должности этой Пиколовъ ожидалъ какъ манны небесной—и безъ восторга даже не могъ помыслить о томъ, какъ онъ, получивъ это званіе, пріѣдетъ къ кому-нибудь съ визитомъ и своимъ шепелявымъ языкомъ велитъ доложить: «предсѣдатель уголовной палаты Пиколовъ!». Захаревскіе тоже были у Пиколовыхъ, но только Виссаріонъ съ сестрой, а прокуроръ не пріѣхалъ: у того каждый день непріятности съ губернаторомъ увеличивались, а потому они не любили встрѣчаться другъ съ другомъ въ обществѣ—достаточно было и служебныхъ столкновеній.

Виссаріонъ Захаревскій, въ полной мундирной формѣ, несмотря на смѣлость своего характера, какъ-то конфузливо держалъ себя передъ начальникомъ губерніи и напоминалъ собой нѣсколько собачку, которая ходитъ на заднихъ лапкахъ передъ хозяиномъ. Юлія, блѣдная, худая, но чрезвычайно тщательно причесанная и одѣтая, полулежала на кушеткѣ и почти не спускала глазъ съ дверей: Виссаріонъ сказалъ ей, что Вихровъ хотѣлъ пріѣхать къ Пиколовымъ.

Когда герой мой вошелъ, начальникъ губерніи почти съ нѣжностью встрѣтилъ его.

— Здравствуйте, Вихровъ, — воскликнулъ онъ, протягивая

ему ладонью вверхъ свою широкую руку, въ которую Вихровъ и поспѣшилъ положить свою руку.

— Отъ души благодарю васъ, что пріѣхали запросто!..— говорила хозяйка дома, дѣлая ему ручкой изъ-за стола, за которымъ она сидѣла, загороженная съ одной стороны Юліей, а съ другой—начальникомъ губерніи. — А у меня къ вамъ еще просьба будетъ—и пребольшая,—прибавила она.

— Ужъ опять не театръ ли?—спросилъ ее Вихровъ.

— Ахъ, нѣтъ, Вихровъ, гораздо скучнѣй того: дѣло!

— Дѣло, которое m-me Пиколова желаетъ возложить на васъ!—сказалъ полушутя и полусерьезно начальникъ губерніи.

— М-me Пиколова?—переспросилъ его Вихровъ.

— Да!—подтвердилъ губернаторъ.

Вихровъ на это только усмѣхнулся.

— А я къ вамъ было сегодня вечеромъ хотѣлъ прійти,— отнесся онъ къ Юліи.

— Къ намъ хотѣли?.. — и еще что-то такое сказала Юлія, устремляя на него кроткій взглядъ.

Вихровъ не зналъ—сѣсть ли ему около нея, или нѣтъ; однако онъ сѣлъ, но что говорить—рѣшительно не находился.

— Куда же это вы въ послѣднее время ѣздили?—спросила его сама Юлія.

Вихровъ несказанно обрадовался этому вопросу. Онъ очень подробнымъ образомъ сталъ ей разсказывать свое путешествіе, какъ онъ ѣхалъ съ священникомъ, какъ тотъ наблюдалъ за нимъ, какъ они, подобно низамскимъ убійцамъ, ползли по землѣ,—и все это онъ такъ живописно описалъ, что Юлія заслушалась его; у нея глаза даже разгорѣлись и лицо запылало: она всегда очень любила слушать, когда Вихровъ начиналъ говорить—и особенно когда онъ доходилъ до увлеченія.

— Я готова, чтобы вы чаще отъ насъ уѣзжали и разсказывали потомъ намъ такія интересныя вещи,—проговорила она.

Чтобы разговоръ какъ-нибудь не перешелъ на личныя отношенія, Вихровъ принялся-было разсказывать и прежнее свое путешествіе въ Учню, но въ это время къ нему подошла хозяйка дома и, тронувъ его легонько вѣеромъ по плечу, сказала ему:

— На два слова въ кабинетъ, Вихровъ! — И они пошли. Бѣлобрысый мужъ madame Пиколовой тоже послѣдовалъ за ними, какъ-то глупо улыбаясь своимъ широкимъ ртомъ.

— Вотъ видите ли что! — начала m-me Пиколова: — мы съ братцемъ послѣ маменьки, когда она померла, наслѣдства не приняли; долги у нея очень большіе были, понимаете... но братъ послѣ того вышелъ въ отставку; ну, и что же молодому

человѣку тѣлать въ деревнѣ — скучно!.. Онъ и сталъ этимъ маменькинымъ имѣніемъ управлять.

— Опекуномъ, то-есть, назначенъ былъ, какъ слѣдуетъ — океской, — поправилъ ее мужъ.

— Ну, опекуномъ тамъ, что ли, очень мнѣ нужно это! — возразила ему съ досадой m-me Николова и продолжала:— только вы знаете, какіе нынче года были: мужики, которые побогаче были, холерой померли; пожаръ тоже въ домѣ у него случился: рожь вонъ все самъ-другъ родилась... Онъ въ опекунскій-то совѣтъ и не платилъ... «Изъ чего, говоритъ, мнѣ платить-то?.. у меня вонъ, говоритъ, какія все несчастія въ имѣніи».

— И у него на все это и удостовѣренія есть отъ полиціи,— пояснилъ опять за жену самъ Николовъ.

— Да, у него всѣ эти и бумаги есть!—подхватила она:— и онъ ихъ представилъ туда. Только вдругъ оттуда глупую этакую бумагу пишутъ къ Ивану Алексѣевичу... что, какъ это тамъ сказано... что все это неблагонамѣренныя дѣйствія опекуна... Хорошо, конечно, что Иванъ Алексѣевичъ такъ расположенъ къ намъ... Онъ привозитъ ко мнѣ эту бумагу. «Вотъ, говоритъ, напишите брату!..» Я пишу ему... Онъ прискакалъ, какъ сумасшедшій: «я, говоритъ, желаю, чтобы все это обслѣдовали; кто, говоритъ, изъ чиновниковъ особыхъ порученій Ивана Алексѣевича самый благородный человѣкъ?..» Я говорю: «благороднѣй Вихрова у него нѣтъ!». Такъ вотъ вы, m-r Вихровъ, съѣздите, пожалуйста, къ брату въ деревню и поправьте все это.

Какъ ни безтолково m-me Николова разсказывала, однако Вихровъ очень хорошо понялъ, что во всей этой исторіи скрывались какія-нибудь сильныя плутни ея братца.

— Вы бы гораздо лучше сдѣлали, если бы попросили на это дѣло какого-нибудь другого чиновника: я въ службѣ мнителенъ и могу очень повредить вашему брату,—сказалъ онъ.

— Ни за что, ни за что!.. И слышать васъ не хочу! — воскликнула m-me Николова, зажимая себѣ даже уши: — вы добрый, милый, съѣздите и поправите все это, а мнѣ ужъ пора къ Ивану Алексѣевичу, а то онъ, пожалуй, скучать будетъ!..—заключила она и ушла изъ кабинета.

Николовъ и Вихровъ, оставшись вдвоемъ, нѣкоторое время молчали.

— Но что за человѣкъ—братъ вашей супруги?—спросилъ наконецъ послѣдній.

— Онъ человѣкъ умный и расчетливый, только вотъ, знаете, этакъ, любитъ направо и налѣво карточкой переки

нуть! — отвѣчалъ Пиколовъ и представилъ рукой, какъ мечутъ банкъ.

— Можетъ-быть, на эти карточки онъ всѣ доходы съ имѣнія и проигрывалъ,—замѣтилъ ему Вихровъ.

— Нѣтъ! нѣтъ!—возразилъ Пиколовъ, засмѣявшись своимъ широкимъ ртомъ.

Покуда они разговаривали такимъ образомъ, въ гостиной послышался сначала громкій, веселый разговоръ, наконецъ крикъ, визгъ, такъ что Вихровъ не утерпѣлъ и спросилъ:

— Что это такое тамъ?

— Такъ себѣ, ничего, шалятъ!—отвѣчалъ Пиколовъ.

Въ гостиной, въ самомъ дѣлѣ, шалили: сначали сѣли играть въ карты—губернаторъ, m-me Пиколова, инженеръ и Юлія—въ фофаны; ну, и, какъ водится, фофана положили подъ подсвѣчникъ; m-me Пиколова фофана этого украла, начальникъ губерніи открылъ это.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали, зачѣмъ! — говорилъ онъ и ударилъ ее по рукѣ.

M-me Пиколова ударила сама его и довольно сильно; при этомъ одна свѣча потухла отъ ихъ движенія.

— Когда вы затушили свѣчку, такъ я затушу другую, — сказалъ начальникъ губерніи.

— Ахъ, не смѣйте!—кричала Пиколова.

— Захаревскій, затушите прочія свѣчи!—кричалъ начальникъ губерніи, задувая самъ свою свѣчу.

Виссаріонъ, не задумавшись, сейчасъ же исполнилъ это приказаніе, задулъ всѣ остальныя свѣчи; въ гостиной сдѣлалась совершенная темнота. Начальникъ губерніи началъ ловить m-me Пиколову, а она отъ него бѣгала изъ угла въ уголъ. Въ эту минуту въ гостиную возвратились Пиколовъ и Вихровъ. Послѣдній едва разсмотрѣлъ прижавшуюся въ углу Юлію.

— Что такое?—спросилъ онъ ее.

— Ахъ, защитите меня, чтобы онъ на меня какъ-нибудь не набѣжалъ,—сказала она.

Вихровъ сталъ около нея въ защиту, начальникъ губерніи между тѣмъ продолжалъ бѣгать за Пиколовой.

— На диванѣ, на диванѣ, ваше превосходительство!—подсказывалъ ему инженеръ.

Начальникъ губерніи бросился на диванъ, но m-me Пиколова нагнулась подъ столъ и ускользнула отъ него.

— Въ ту комнату, ваше превосходительство, улетѣла, — продолжалъ ему подсказывать Виссаріонъ.

M-me Пиколова, въ самомъ дѣлѣ, убѣжала въ одну изъ заднихъ комнатъ.

Начальникъ губерніи, очень хорошо знавшій расположеніе дома, тоже побѣжалъ за ней—и они тамъ что-то долго оставались. Наконецъ самъ m-r Пиколовъ взялъ загашенныя свѣчи, сходилъ съ ними въ залу и внесъ ихъ въ гостиную: онъ зналъ, когда это надо было сдѣлать.

— Какъ распалились они, ужасъ,—говорилъ онъ.

Невдолгѣ послѣ того возвратились губернаторъ и m-me Пиколова, которая ужъ не бѣжала, а шла довольно тихо.

— Вы гадкій, противный!—говорила она губернатору.

— Вы сами деретесь, сами деретесь! — отвѣчалъ ей тотъ.

— Что же это, они всегда такъ забавляются? — спросилъ Вихровъ Юлію.

— Не знаю,—отвѣчала та, и на губахъ ея появилась какая-то презрительная улыбка.

XIV.

Опекунъ.

Усадьба Козлово стоитъ на высокой горѣ, замѣчательной тѣмъ, что нѣкогда, говорятъ, въ нее ударилъ громъ — и громовая стрѣла сдѣлала въ ней колодецъ, который до сихъ поръ существовалъ и отличался необыкновенно вкусной водой. Въ этой-то усадьбѣ, въ довольно большомъ, помѣстительномъ барскомъ домѣ, взадъ и впередъ по залѣ ходилъ m-r Клыковъ (братъ m-me Пиколовой). Онъ былъ среднихъ лѣтъ, съ нѣсколько лукавою и заискивающею физіономіею,—и отличался, говорятъ, тѣмъ, что, по какой бы цѣнѣ ни игралъ и сколько бы ни проигрывалъ—никогда не мѣнялся въ лицѣ, но въ настоящее время онъ, видимо, былъ чѣмъ-то озабоченъ и безпрестанно подходилъ то къ тому, то къ другому окну, и смотрѣлъ на виднѣвшуюся изъ нихъ дорогу, какъ бы ожидая кого-то. Наконецъ онъ вдругъ проговорилъ: «ѣдетъ!», и съ улыбающимся лицомъ вышелъ въ переднюю, чтобы принять гостя.

Ѣхалъ это къ нему Вихровъ.

— Меня однако привезли къ вамъ въ усадьбу, а не въ имѣніе!—говорилъ тотъ, снимая шинель.

— Это, ужъ извините, я такъ распорядился: что же вамъ въ деревнѣ въ курной избѣ жить,—говорилъ Клыковъ.

— Все это прекрасно-съ,—возразилъ ему Вихровъ:—да къ вамъ-то ѣхать мнѣ не совсѣмъ благовидно.

Они это время входили въ гостиную и усаживались въ ней.

— Но неужели же я васъ кускомъ хлѣба и чашкою чаю

подкупило — неужели? — спрашивалъ Клыковъ, глядя ему въ лицо.

— Подкупить не подкупите, но мужикамъ можетъ это показаться нѣкоторымъ сближеніемъ моимъ съ вами,—возразилъ Вихровъ.

— Никакимъ это сближеніемъ не можетъ имъ показаться! возразилъ Клыковъ.

Вихровъ не сталъ съ нимъ больше спорить и просилъ его, чтобы онъ далъ ему списокъ недоимщиковъ, а также велѣлъ позвать и самихъ мужиковъ. Клыковъ осторожно и какъ бы даже на цыпочкахъ ушелъ въ свой кабинетъ. Вихровъ сталъ осматриваться. Онъ сидѣлъ въ какой-то закоптѣлой гостиной: закоптѣли ея стѣны, на столѣ лежала закоптѣлая салфетка, закоптѣли занавѣсы на окнахъ, закоптѣла какъ будто бы самая мебель даже, и на всемъ были слѣды какого-то долгаго и постояннаго употребленія. Вихровъ посмотрѣлъ въ залу. Тамъ тоже обѣденный столъ стоялъ раздвинутымъ, какъ бываетъ въ трактирахъ; у стульевъ спинные задки были сильно захватаны: на стѣнѣ около того мѣста, гдѣ въ ней открывался буфетъ, было множество пятенъ.

Въ гостиной висѣлъ портретъ самого хозяина въ уланскомъ еще мундирѣ и какой-то, весьма недурной изъ себя дамы, вѣроятно, жены его.

Клыковъ возвратился съ аккуратно составленнымъ спискомъ недоимщиковъ и объявилъ, что и сами они дожидаются на дворѣ.

Вихровъ не утерпѣлъ и сказалъ ему:

— Какое у васъ въ домѣ убранство старинное и какъ бы закоптѣлое отъ времени.

— Не столько отъ времени, сколько курятъ много, когда соберутся!..—отвѣчалъ смиренно Клыковъ.

— Но кто къ къ вамъ собирается?.. Сосѣди, вѣроятно?

— Сосѣди-съ.

— И что же, въ карты, конечно, все играете?

— Нѣтъ-съ, мало! — произнесъ невиннѣйшимъ голосомъ Клыковъ.

Вихровъ наконецъ снова обратился къ своему дѣлу.

— Потрудитесь приказать, — сказалъ онъ: — прійти вотъ этому первому недоимщику: Родіону Ѳедорову, что ли?

Клыковъ той же осторожной походкой сходилъ и привелъ Родіона Ѳедорова. Оказалось, что это былъ хохлатый и нескладный мужикъ, который пришелъ какъ-то робко, сталъ поживаться, почесываться, несмѣло кругомъ на все озираться. Вихровъ взялъ листъ бумаги и сталъ записывать его показаніе.

— Въ сорокъ шестомъ году хлѣбъ у васъ градомъ выбивало?—спросилъ онъ его.

— Выбивало-тко!—отвѣчалъ Родіонъ очень уже бойко, какъ бы заранѣе заучивъ.

— А холера въ 48 году была?

— Была-то-тко!—опять отрѣзалъ Родіонъ.

— А много ли у васъ по селеніямъ умерло человѣкъ отъ холеры?

— О-то, много-тко извелось народу!.. упаси Богъ!—почти прошѣлъ Родіонъ.

Вихровъ догадался, что Родіонъ былъ глупорожденный и почти идіотъ.

— А сказки, дѣйствительно ли на тебѣ недоимки сто рублей?

— Ну... не знаю... можетъ, такъ!..—проговорилъ Родіонъ, какъ бы черезъ нни скакавъ языкомъ.

— Значитъ, ты признаёшь ее за собой?—подтвердилъ Вихровъ.

— Не знаю... признаю... да!—согласился Родіонъ, взмахивая при этомъ глазами на Клыкова, который, съ опущенной головой и тихой походкой, ходилъ по гостиной.

— Ну, ступай!—сказалъ Вихровъ Родіону.

Тотъ ушелъ.

— Прочіе такъ же будутъ показывать, какъ и онъ, а потому вамъ не угодно ли писать такъ, что такой-то вотъ показалъ согласно съ Родіономъ Ѳедоровымъ!—проговорилъ Клыковъ.

— Тамъ-съ увидимъ.—отвѣчалъ ему рѣзко Вихровъ:—позовите мнѣ слѣдующаго недоимщика: Павла Семенова.

Пришелъ и тотъ, тоже не совсѣмъ, надо-быть, складный мужикъ: онъ былъ длинный и все какъ-то старался стать бокомъ и наклонить немного голову.

— Была ли у васъ холера въ селеніяхъ?—спросилъ его Вихровъ обыкновеннымъ голосомъ.

— Что-съ?—отвѣчалъ ему на это Павелъ, склоняя къ нему еще больше свою голову.

— Была ли моровая язва, холера у васъ?—повторилъ Вихровъ погромче.

— Ахъ, да, пріѣхалъ!—отвѣчалъ Павелъ самодовольно, какъ бы понявъ наконецъ, въ чемъ дѣло.

— Что такое *пріѣхалъ*?—спросилъ Вихровъ съ удивленіемъ.

— Онъ глухъ немного,—вмѣшался наконецъ въ этотъ разговоръ Клыковъ.

— Была ли у васъ холера?—закричалъ Вихровъ на весь домъ.

— Была, была!—поспѣшно отвѣчалъ Павелъ.

— Бога ради, нельзя ли немножко потише этого,—сказалъ Клыковъ почти умоляющимъ голосомъ:—у меня жена въ такомъ положеніи, въ самомъ критическомъ теперь!

— Что такое?—спросилъ Вихровъ.

— Въ критическомъ,—повторилъ Клыковъ:—послѣдніе часы девяти мѣсяцевъ.

— Вотъ видите: это, значитъ, новое неудобство мнѣ было останавливаться у васъ.

— Напротивъ, это большое удобство для меня, потому что я не долженъ отлучаться отъ нея.

Вихровъ затѣмъ не такъ уже громко допросилъ Павла—и тотъ такъ же, какъ Родіонъ, все подтвердилъ, что писалъ на него Клыковъ.

Въ это время человѣкъ внесъ водку и закуску, чрезвычайно красиво выглядывавшую.

Вихровъ, проголодавшійся дорогой, залпомъ выпилъ рюмку водки и закусилъ почти всего.

— Не прикажите ли еще?—предложилъ ему хозяинъ, показывая на водку, но Вихровъ отказался и просилъ позвать ему новаго недоимщика, но только потолковѣй немножко.

— Всѣ вѣдь они здѣсь- пренотесанный народъ,—отвѣчалъ Клыковъ, уходя опять на цыпочкахъ за недоимщикомъ.

Появившійся затѣмъ мужикъ назывался Сосипатромъ. Въ противоположность своимъ предшественникамъ, онъ, какъ видно, былъ не дуракъ, а напротивъ того—умница настоящая.

— Была ли у васъ холера?—спросилъ его Вихровъ.

— Была, сударь, была!.. Это что говорить,—повторилъ нѣсколько разъ Сосипатръ.

— И вотъ всѣ эти крупные недоимщики (Вихровъ пересчиталъ имена недоимщиковъ) дѣйствительно въ холеру померли?

— Да когда же, кормилецъ мой, когда же помереть-то имъ, какъ не въ холеру!—почти воскликнулъ Сосипатръ.

Вихровъ заглянулъ въ списокъ, въ которомъ увидѣлъ, что на Сосипатрѣ недоимки показано только одинъ рубль.

— А на тебѣ недоимки всего одинъ рубль?—спросилъ онъ его.

— Рубль-съ!—подтвердилъ Сосипатръ.

— Отчего же ты такой мелочи не заплатилъ?

— Крестьянскія-то немощи наши, батюшка, немоготы-то наши крестьянскія велики!—сказалъ Сосипатръ.

Записывая это показаніе, Вихровъ вдругъ началъ чувствовать шумъ въ головѣ; въ глазахъ у него какъ-то темнѣло, тускнѣло, и какой-то пеленой все подергивалось.

— Что, у васъ не угарно ли здѣсь?—спросилъ онъ хозяина, попрежнему ходившаго взадъ и впередъ по гостиной.

— Можетъ-быть, и у меня что-то голова дурна: я сейчасъ велю открыть всѣ вьюшки,—проговорилъ тотъ и, какъ бы озабоченный этимъ, ушелъ.

— Такъ это, ничего; немножко изъ печи угаромъ пахнуло,—сказалъ онъ, возвратившись и совершенно успокоившимся голосомъ:—прикажите слѣдующихъ недоимщиковъ позвать—и не лучше ли ихъ всѣхъ гуртомъ? Что вамъ каждаго особнякомъ спрашивать!

— Нѣтъ, не нужно! И вообще никого не нужно; у меня голова очень кружится!—отвѣчалъ Вихровъ.

— Ахъ, Боже мой, такъ не угодно ли вамъ отдохнуть?—произнесъ какъ бы снова озабоченнымъ голосомъ Клыковъ.

— Да, немножко, а главное—позвольте мнѣ теплой воды.

Клыковъ сбѣгалъ и принесъ ему теплой воды.

Вихровъ выпилъ ее и, выйдя въ другую комнату, сталъ щекотать у себя въ горлѣ. Для него уже не оставалось никакого сомнѣнія, что Клыковъ закатилъ ему въ водкѣ дурману. Принятый имъ способъ сейчасъ же подѣйствовалъ—и голова его мгновенно освѣжилась.

— Не угодно ли вамъ мятныхъ капель?—говорилъ ему Клыковъ.

— Что жъ, вамъ еще разъ хочется отравить меня?—сказалъ ему насмѣшливо Вихровъ.

Клыковъ слѣлалъ видъ, какъ будто бы и не понимаетъ, что тотъ ему говоритъ. Вихровъ больше не пояснялъ ему, а взялъ фуражку и вышелъ во дворъ. Мужики-недоимщики еще стояли тутъ.

— Послушайте, братцы,—началъ Вихровъ громко:—опекунъ показываетъ на васъ, что вы не платили оброковъ, потому что у васъ были пожары, хлѣбъ градомъ выбивало, холерой главные недоимщики померли. Вы не смотрите, что я у него остановился. Мнѣ рѣшительно все равно: онъ или вы; мнѣ нужна только одна правда, и потому говорите мнѣ совершенно откровенно: справедливо ли то, что онъ пишетъ про васъ, или нѣтъ?

Между мужиками сейчасъ же пошло шушуканье и переговоры.

— Что, развѣ было то? Гдѣ тутъ, ничего того не случалось! Ты поди! Да что мнѣ итти, ты ступай!

— Это рѣшительно все равно,—подхватилъ Вихровъ:—выходи кто хочетъ, но только одинъ, и говори мнѣ съ толкомъ.

Послѣ этого къ нему вышелъ наконецъ изъ толпы мужикъ.

— Явка ужъ, сударь, отъ насъ тебѣ написана! — сказалъ онъ, то поднимая глаза на Вихрова, то опуская ихъ.

— Ну, такъ подай.

Мужикъ несмѣло подалъ ему бумагу, въ которой было объяснено, что ни пожаровъ особенныхъ, ни холеры очень большой у нихъ не было, а также и неурожаевъ, что оброкъ они всегда онекуну платили исправно, и почему онъ все то пишетъ на нихъ, они неизвѣстны.

Вихровъ свернулъ эту бумагу, положилъ ее въ карманъ и возвратился въ домъ, чтобы объясниться съ Клыковымъ. У него при этомъ губы даже отъ гнѣва дрожали и руки невольно сжимались въ кулаки.

— Попрогулялись?—спросилъ его тотъ, опять встрѣтивъ его съ своей улыбкой въ передней.

— Попрогулялся и кромѣ того получилъ весьма важныя для меня свѣдѣнія, — отвѣчалъ Вихровъ, все болѣе и болѣе выходя изъ себя.—Скажите, пожалуйста, m-r Клыковъ,- продолжалъ онъ, употребляя надъ собой всѣ усилія, чтобы не сказать чего-нибудь очень ужъ рѣзкаго:—какого имени заслуживаетъ тотъ человѣкъ, который сначала говоритъ, что по его дѣлу ему ничего не нужно, кромѣ полной справедливости, а потомъ, когда къ нему пріѣзжаютъ чиновники обслѣдовать это дѣло, онъ ихъ опаиваетъ дурманомъ, подставляетъ имъ для разспросовъ идіотовъ?

При этихъ словахъ Клыковъ поблѣднѣлъ.

— Это васъ смутилъ кто-нибудь противъ меня,—говорилъ онъ, растопыривая передъ Вихровымъ руки:—это все негодяи эти, должно-быть!.. Между ними есть ужасные мерзавцы!

— Не лучше ли эти слова отнести къ кому-нибудь другому, чѣмъ къ мужикамъ!.. Дурманъ на меня пересталъ ужъ дѣйствовать, вамъ меня больше не отуманить!..—возразилъ ему тотъ.

— Помилуйте, да развѣ я могу себѣ позволить это,—произнесъ Клыковъ, опять разводя руками и склоняя передъ Вихровымъ голову.

— Видно, могли себѣ позволить: но, во всякомъ случаѣ, извольте сейчасъ же мнѣ написать, что все, что вы говорили о голодѣ, о пожарахъ и холерѣ,—все это вы лгали.

— Не лгалъ, видитъ Богъ, не лгалъ, — проговорилъ Клыковъ со слезами уже на глазахъ.

— Полно вамъ, какъ же не стыдно вамъ еще говорить это! Если вы не дадите мнѣ такой расписки, все равно я самъ обслѣдую дѣло строжайшимъ образомъ и опишу васъ.

Клыковъ нѣсколько времени стоялъ передъ нимъ послѣ этого молча; потомъ вдругъ опустился на колѣни.

— Не погубите! — началъ онъ мелодраматическимъ голосомъ:—я отецъ семейства, у меня жена теперь умираетъ, я самъ почти помѣшанный какой-то, ничего не могу сообразить. Уѣзжайте теперь, не доканчивайте вашего дѣла, а потомъ я соображу и попрошу о чемъ-нибудь для себя начальника губерніи.

Вихровъ очень хорошо видѣлъ, что Клыковъ хочетъ отъ него увернуться и придумать какую-нибудь штуку; злоба противъ него еще болѣе въ немъ забушевала.

— Дѣла вашего,—началъ онъ:—я по закону не имѣю права останавливать и сейчасъ же уѣзжаю въ самое имѣніе, чтобы обслѣдовать всѣ ваши дѣйствія, какъ опекуна.

— Не по закону, а изъ жалости молю васъ это сдѣлать!.. Взгляните на мою жену, она не перенесетъ вашей строгости! — говорилъ Клыковъ и, вскочивъ, схватилъ Вихрова за руки съ тѣмъ, кажется, чтобы вести его въ спальню къ женѣ.

— Не пойду я, извините меня.—отговаривался тотъ.

— Но всѣ говорятъ, что вы — человѣкъ добрый, великодушный: неужели вы не сжалитесь надъ нами, несчастными?

— Нѣтъ-съ, не сжалюсь!—воскликнулъ Вихровъ, которому омерзительна даже стала вся эта сцена.

Лицо Клыкова какъ бы мгновенно все передернулось и изъ плаксиваго приняло какое-то ожесточенное выраженіе.

— Не раскайтесь, не раскайтесь!—заговорилъ онъ совсѣмъ другимъ тономъ и началъ при этомъ сшищать приставшую къ колѣнкамъ его пыль.—Начальникъ губерніи будетъ за меня,—прибавилъ онъ язвительно.

— Тѣмъ болѣе я сдѣлаю не по васъ, что г. начальникъ губерніи будетъ за васъ! — проговорилъ Вихровъ и снова вышелъ на дворъ. — Нѣтъ ли у васъ, братцы, у кого-нибудь телѣжки довезти меня до вашей деревни: я тамъ докончу ваше дѣло.

— Есть, батюшка,—отозвался ему одинъ мужикъ:—у меня есть телѣжка.

— Ну, такъ подъѣзжай!

Мужикъ подъѣхалъ въ грязной телѣжкѣ, на какой-то неопредѣленнаго цвѣта и сверхъ того курчавой лошаденкѣ.

Вихровъ полѣзъ въ телѣгу.

— Не замарайся, родимый, сказалъ мужикъ:—дай, я тебѣ хоть свой кафтанишко постелю.

— Не нужно!—сказалъ Вихровъ:—только уѣзжай поскорѣе отсюда.

Мужикъ поѣхалъ. Прочіе мужики пошли рядомъ съ нимъ и, крупно шагая, не отставали отъ маленькой лошаденки. Вихровъ между тѣмъ жадно сталъ вдыхать въ себя свѣжій

осенній воздухъ. Вліяніе дурмана на него не совсѣмъ еще кончилось. Уѣхать со всякаго слѣдствія въ дорогу было для него всегда величайшимъ наслажденіемъ: послѣ всѣхъ гадостей и мерзостей, которыя обыкновенно обнаруживались при каждомъ почти изслѣдованіи дѣяній человѣческихъ, онъ видѣлъ тихій, мирный лѣсъ, цвѣтущіе луга, желтѣющія нивы,— о, какъ тогда казалась ему природа лучше людей! Проѣзжаемая на этотъ разъ мѣстность тоже была довольно пріятна и успокоительна: небольшіе холмы, поля, рѣчка, мостикъ, опять холмы, поля...

Вихровъ принялся толковать съ мужиками.

— Въ самомъ дѣлѣ жена у вашего опекуна родитъ?— спросилъ онъ, предполагая, что Клыковъ и это солгалъ ему.

— Выкинула, сказывали,—отвѣчалъ шедшій рядомъ съ его телѣгой мужикъ, должно-быть, староста.

— За неволю выкинула; баютъ, билъ, билъ ее, пріѣхавши изъ города-то,—подхватилъ другой мужикъ изъ толпы.

— Какъ билъ? За что? — воскликнулъ Вихровъ.

— А ни за что ни про что,—отвѣчалъ опять староста:— нехорошо, очень несогласно живутъ!

— А она-то, что же, дурная тоже женщина?

— Нѣтъ, она-то ничего, не богатая только, вотъ за это и срываетъ на ней свой гнѣвъ. Бумагу-то, говорятъ, какъ по этому дѣлу получилъ, злой-презлой сталъ и все привязывался къ ней: «все, говоритъ, я на семейство проживаюсь!»

Понятно, что Клыковъ былъ одинъ изъ отъявленнѣйшихъ негодяевъ, и Вихровъ далъ себѣ слово такъ повести его дѣло, чтобы подвергнуть его не только денежному взысканію, но даже уголовной отвѣтственности.

— Скажите, пожалуйста, какъ же онъ вами управлялъ и въ какой мѣрѣ васъ обижалъ?..— спрашивалъ онъ мужиковъ.

За всѣхъ за нихъ сталъ отвѣчать староста: народъ въ этихъ мѣстахъ былъ хлѣбопашествующій, а потому — очень простой.

— Вотъ видишь, батюшка ты мой, объяснилъ староста:— слухъ былъ такой попервоначалу... Чиновники тоже кой-какіе маленькіе намъ сказывали, что мы вольные будемъ, что молодой баринъ нашъ имѣніе маменьки своей не взялъ, побрезговалъ имъ. Однакоже вотъ слышимъ-прослышимъ, что молодой баринъ въ опекуны къ намъ присланъ; такъ онъ и правилъ нами и до сей поры.

— И вы на него, какъ на помѣщика своего, работали?

— Все едино! отвѣчалъ мужикъ: что ни есть, кормилицъ къ дѣтямъ, и тѣхъ все изъ нашей вотчины бралъ безъ всякой

платы; пашьетъ имъ тоже сначала ситцевыхъ сарафановъ, а какъ откормятъ, такъ и отберетъ назадъ.

Все это, какъ самый придирчивый подьячій, Вихровъ запоминалъ и хотѣлъ ввести въ дѣло.

То намъ, ваше высокородіе, теперь очень сумнительно, продолжалъ староста:—что аки бы отъ нашей вотчины прошеніе есть, чтобы г-ну опекуну еще подъ наше имѣніе денегъ выдали, и что мы беремся ихъ платить, но мы николи такого прошенія не подавали.

Вихровъ и это все записалъ и, пріѣхавъ въ одну изъ деревень, отбиралъ отъ мужиковъ показанія—день, два, три, опросилъ даже мужиковъ сосѣднихъ деревень въ подтвержденіе того, что ни пожаровъ ни неурожаевъ особенныхъ за послѣднее время не было. Онъ вытребовалъ также и самое дѣло изъ опеки по этому имѣнію; оказалось, что такое прошеніе отъ мужиковъ, дѣйствительно, было тамъ; поименованные въ немъ мужики наотрѣзъ объявили, что они такого прошенія не подавали и подписавшагося за нихъ какого-то Емельяна Крестова совсѣмъ не знаютъ, да его, вѣроятно, совсѣмъ и на свѣтѣ не существуетъ. Вихровъ потиралъ только руки отъ удовольствія: это явно ужъ отзывалось уголовщиной. Мужики потомъ разсказали ему, что опекунъ въ ту же ночь, какъ Вихровъ уѣхалъ отъ него, созывалъ ихъ всѣхъ къ себѣ, приказывалъ имъ, чтобы они ничего противъ него не показывали, требовалъ отъ нихъ оброки, и когда они сказали ему, что до рѣшенія дѣла они оброка ему не дадутъ, онъ грозился ихъ пересѣчь и велѣлъ-было ужъ своимъ людямъ дворовымъ розги принести, но они не дались ему и ушли.

— И хорошо сдѣлали!—одобрилъ ихъ Вихровъ.

Вслѣдъ затѣмъ мужики ему объявили, что опекунъ уѣхалъ въ губернскій городъ жаловаться на нихъ и на чиновника.

— Ничего, пусть себѣ жалуется, — сказалъ имъ Вихровъ.

XV.

Тучи начинаютъ собираться.

Герой мой очень хорошо понималъ, что въ жизни вообще, а въ службѣ въ особенности, очень много мерзавцевъ, что для противодѣйствія имъ мало одной энергіи, но надобно еще и умѣть это сдѣлать, а также и то, что для человѣка, задавшаго себѣ эту задачу, это трудъ и подвигъ великій; а потому, вернувшись со слѣдствія объ опекунскихъ дѣяніяхъ Клыкова, онъ рѣшился прежде всего заѣхать къ прокурору и по-

совѣтоваться съ нимъ. Тотъ встрѣтилъ его съ какой-то полуулыбкой.

Вихровъ разсказалъ ему все дѣло подробно.

— Я ужъ слышалъ это, — отвѣчалъ Иларіонъ Захаревскій:—губернаторъ приглашалъ меня по этому дѣлу и говорилъ со мною о немъ.

— Что же именно?—спросилъ Вихровъ.

Захаревскій усмѣхнулся.

— Они тутъ совсѣмъ другой оборотъ даютъ! — началъ онъ:—они говорятъ, что вы взбунтовали все имѣніе противъ опекуна!

— Чѣмъ же я взбунтовалъ?—спросилъ Вихровъ.

— Тѣмъ, что вы собирали ихъ, говорили имъ рѣчи, чтобы они не слушались опекуна.

— Я говорилъ имъ только, чтобы они показывали правду.

— Ну, а они объясняютъ, что вы къ нимъ воззваніе произносили! Давать всему какой угодно оттѣнокъ они мастера; однако позвольте мнѣ ваше дѣло посмотрѣть,—прибавилъ Захаревскій, увидѣвъ въ рукахъ Вихрова дѣло.

Тотъ ему подалъ его. Захаревскій просмотрѣлъ его съ первой страницы до послѣдней.

— Все очень обстоятельно обслѣдовано; не знаю, какъ они вывернутся тутъ!—проговорилъ онъ.

— Мало, что обстоятельно обслѣдовано, но у меня еще есть и другіе факты... Онъ хотѣлъ меня даже отравить!..

И Вихровъ разсказалъ исторію о дурманѣ.

Захаревскій на это пожалъ только плечами.

— Что же они намѣрены теперь сдѣлать со своей стороны? — спросилъ Вихровъ.

— Рѣшительно не знаю,—отвѣчалъ Захаревскій. — Губернаторъ только спрашивалъ меня: не слѣдуетъ ли команды ввести въ имѣнье? Я говорю, что команды вводятся, когда уже испытаютъ прежде всѣ предварительныя полицейскія мѣры. Пусть прежде туда выѣдетъ полиція, члены опеки и внушатъ крестьянамъ повиновеніе: наконецъ, говорю, еще неизвѣстно, что откроется по изслѣдованію вашего чиновника, и, можетъ-быть, дѣйствія опекуна таковы, что его самого слѣдуетъ удалить, и что крестьяне оказываютъ неповиновеніе только противъ него. «Никогда, говоритъ, не можетъ быть этого, потому что онъ человѣкъ прекрасный!»

— Хорошъ прекрасный человѣкъ! — воскликнулъ Вихровъ.

— Онъ его, по крайней мѣрѣ, такимъ считаетъ!.. Самъ же Клыковъ, какъ слышалъ я, ускакалъ въ Петербургъ, вѣроятно, тамъ выдумаетъ что-нибудь отличное! — заключилъ Захарев-

скій и, видимо, отъ сдерживаемой досады не въ состояніи даже былъ покойно сидѣть на мѣстѣ, а всталъ и началъ ходить по комнатѣ.—Это такіе, батюшка, изобрѣтатели и творцы въ этомъ родѣ, что чудо! Всѣ усилія, всѣ способности свои употребляютъ на это. Говорятъ, по случаю вакансіи предсѣдателя уголовной палаты, они тоже славную вещь затѣваютъ. Кандидатомъ у того совѣстный судья...

— Это что на театрѣ не хотѣлъ играть у губернатора? — подхватилъ Вихровъ.

— Тотъ самый; во-первыхъ — человѣкъ безукоризненной честности, во-вторыхъ—самостоятельный, и онъ вдругъ предположилъ...—они въ этомъ своемъ величіи опьяняѣютъ какъ-то и забываютъ всякое приличіе!..—предположилъ замѣстить его Николовымъ — этой дрянью, нивалью, такъ что это почти публичное признанье въ своей связи съ его женою!

Говоря это, прокуроръ поблѣднѣлъ даже и безпрестанно потрясалъ своей сухощавой головой.

— Но какъ же онъ это сдѣлаетъ?—спросилъ Вихровъ:—предсѣдатели палаты—по выборамъ... Николова, вѣроятно, всѣ черняками закидаютъ.

— Очень просто! очень просто!—отвѣчалъ прокуроръ:—до выборовъ еще два года слишкомъ; онъ кандидата на это мѣсто, судью, очернитъ чѣмъ-нибудь—и взамѣнъ его представитъ опредѣлить отъ короны господина Николова.

— Ну, судья-то, кажется, не дастся ему очернить себя, онъ не изъ такихъ.—самъ зубастъ!—возразилъ Вихровъ.

— Не дастся!.. Хорошо, если успѣетъ въ этомъ!—сказалъ прокуроръ:—говорятъ, хочетъ ѣхать въ Петербургъ и хлопотать тамъ.

— Наконецъ, и вы должны помочь ему; вы все-таки здѣсь—царское око!—подхватилъ Вихровъ.

— Я, конечно, со своей стороны сдѣлаю все,—продолжалъ Захаревскій:—напишу министру и объясню всю интригу; пусть тамъ меня переводятъ куда хотятъ, но терпѣнія моего больше недостаетъ переносить все это!

Всѣми этими рѣчами прокуроръ очень правился Вихрову.

— Такъ слѣдствіе мое, значитъ, складно произведено? — спросилъ онъ.

— Очень складно! — отвѣчалъ прокуроръ: — пусть они ножуютъ его и покушаютъ: я очень радъ, что оно въ томъ же родѣ, какъ и штука съ судьей,—такъ что все это мы можемъ вмѣстѣ соединить.

— Поѣду представлять ему дѣло,—сказалъ Вихровъ.

— Поѣзжайте и заѣзжайте, пожалуйста, оттуда сказать, что онъ вамъ будетъ говорить?

— Непремѣнно!—отвѣчалъ Вихровъ и уѣхалъ.

Ему весело даже было подумать о томъ, какъ у начальника губерніи вытянется физіономія, когда онъ будетъ ему разсказывать, какъ онъ произвелъ слѣдствіе; но—увы!—надежда его въ этомъ случаѣ не сбылась: въ пріемной губернатора онъ, какъ водится, засталъ скучающаго адъютанта; сей молодой офицеръ пробовалъ-было и газету читать и въ окно глядѣть, но ничто не помогало: все было скучно! Онъ началъ наконецъ истерически зѣвать. При появленіи Вихрова онъ посмотрѣлъ на него сонными глазами.

— Къ Ивану Алексѣичу?—спросилъ онъ его какъ-то нехотя и самъ въ это время позѣвнулъ.

— Да,—отвѣчалъ Вихровъ и тоже, по симпатіи, невольно позѣвнулъ.

— Вамъ тоже, видно, спать хочется?—сказалъ адъютантъ.

— Я всю ночь ѣхалъ,—отвѣчалъ Вихровъ.

— А я время проводилъ съ прехорошенькой женщиной,—отвѣчалъ адъютантъ и снова самымъ отчаяннымъ образомъ зѣвнулъ.

«О, чтобы тебя чортъ побралъ!»—подумалъ Вихровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не удержался и самъ зѣвнулъ.

— Иванъ Алексѣичъ посылалъ за вами, или вы сами пришли къ нему?—продолжалъ лѣниво адъютантъ.

— Самъ пришелъ,—отвѣчалъ Вихровъ.

— Онъ занятъ теперь и не велѣлъ никого принимать,—говорилъ адъютантъ, снова зѣвая.

— Чѣмъ же занятъ?—спросилъ Вихровъ, стараясь удержать свои мускулы отъ зѣвоты.

— Шорникъ у него; сбрую подряжаетъ его новую сдѣлать,—отвѣчалъ наивно адъютантъ.

Вихровъ, дѣлать нечего, сѣлъ и сталъ дожидаться.

Адъютантъ былъ преданнѣйшее существо губернатору,—и хоть тотъ вовсе не посвящалъ его ни въ какія тайны свои, онъ однако по какому-то чутью угадывалъ: къ кому начальникъ губерніи расположенъ былъ и къ кому—нѣтъ. Когда, на этотъ разъ, Вихровъ вошелъ въ пріемную, адъютантъ сейчасъ же по его физіономіи прочелъ, что начальникъ губерніи не былъ къ нему расположенъ, а потому онъ и не спѣшилъ объ немъ докладывать.

Терпѣніе Вихрова наконецъ лопнуло.

— Доложите, пожалуйста; можетъ-быть, онъ уже съ шорникомъ кончилъ,—проговорилъ онъ.

— А у васъ нужное развѣ дѣло?

— Очень нужное!—подхватилъ Вихровъ.

Адъютантъ лѣниво пошелъ въ кабинетъ. Тамъ онъ пробылъ довольно долго. Начальникъ губерніи, послѣ его доклада, все почему-то не удостоивалъ его отвѣта и смотрѣлъ на бумагу.

— Пусть подождетъ, я выйду туда,—сказалъ онъ наконецъ.

— Онъ сюда выйдетъ!—проговорилъ еще небрежнѣе адъютантъ и, сѣвъ на свое мѣсто, не сталъ даже и разговаривать съ Вихровымъ, который, прождавъ еще съ часъ, хотѣлъ-было оставить дѣло и уѣхать, но дверь изъ кабинета отворилась наконецъ—и губернаторъ показался; просителей на этотъ разъ никого не было.

Губернаторъ подошелъ къ вставшему на ноги Вихрову и ни слова не начиналъ говорить, какъ бы ожидая, что тотъ скажетъ.

Вихровъ подалъ ему рапортъ о дѣлѣ и назвалъ послѣднее только по имени.

Губернаторъ пробѣжалъ его рапортъ съ начала до конца.

— Тамъ крестьяне, говорятъ, оказали неповиновеніе,—проговорилъ онъ наконецъ какимъ-то глухимъ голосомъ.

— Я не видалъ никакого неповиновенія,—отвѣчалъ Вихровъ.

— Я говорю не въ отношеніи васъ, а въ отношеніи опекуна,—произнесъ губернаторъ самымъ равнодушнымъ тономъ, какъ бы не принимая въ этомъ дѣлѣ никакого личнаго участія.

— Я не слыхалъ объ этомъ,—отвѣчалъ Вихровъ.

— Мнѣ по этому дѣлу, можетъ-быть, опять придется послать,—проговорилъ губернаторъ и съ дѣломъ ушелъ въ кабинетъ.

Вихровъ остался въ совершенномъ недоумѣніи отъ такого пріема и поѣхалъ, по своему обѣщанію, разсказать о томъ прокурору. Тамъ онъ засталъ Виссаріона Захаревскаго.

Вихровъ сейчасъ же сталъ разсказывать, какъ губернаторъ его принялъ.

— Во-первыхъ, въ кабинетъ къ себѣ не пустилъ и заставилъ дожидаться часа два: я по этому заключилъ, что онъ очень гнѣвенъ былъ на меня; но потомъ, когда онъ вышелъ въ пріемную, то былъ тихъ и спокоенъ, какъ ангелъ!

— Ну, ваше дѣло, значитъ, плохо, — подхватилъ прокуроръ:—значитъ, онъ запасся противъ васъ серьезными фактами, по которымъ онъ жамкнетъ и давнетъ васъ отличнѣйшимъ образомъ.

— Это почему вы думаете?—спросилъ Вихровъ.

— Потому что, если бы онъ не чувствовалъ противъ васъ силы, онъ бы бѣсновался, кричалъ, какъ онъ обыкновенно дѣлаетъ всегда съ людьми, противъ которыхъ онъ ничего не

можетъ сдѣлать, но съ вами онъ былъ тихъ и спокоенъ: значитъ, вы у него въ лапкахъ,—и онъ васъ задушитъ, когда только ему вздумается.

— А чортъ съ нимъ, что же онъ такое особенное можетъ сдѣлать со мной!—воскликнулъ Вихровъ.

— Я не знаю, что собственно по этому дѣлу, о которомъ говоритъ мой братъ,—вмѣшался въ ихъ разговоръ инженеръ:— но вотъ чему я вчера былъ самъ свидѣтелемъ. Онъ позвалъ меня посмотрѣть, чтобы поправить ему потолокъ въ залѣ, и въ это же время я въ залѣ вижу—стоитъ какой-то попъ. Я спросилъ дежурнаго чиновника: «кто это такой?» Онъ говоритъ: «это единовѣрческій священникъ!» Губернаторъ, какъ вышелъ, такъ сейчасъ же подошелъ къ нему, и онъ при мнѣ же сталъ ему жаловаться именно на васъ, что вы тамъ послабляли, что ли, раскольникамъ... и какая-то становая собирала какія-то деньги для васъ,—такъ что губернаторъ, видя, что тотъ что-то такое серьезное хочетъ ему донести, отвелъ его въ сторону отъ меня и сталъ съ нимъ потихоньку разговаривать.

— Это ужъ еще что-то такое новое на меня! — сказалъ Вихровъ прокурору.

— Теперь такъ это и пойдетъ; вѣроятно, даже будетъ нарочно выискивать и подучать,—сказалъ тотъ.

— Но наконецъ это скучно и несносно становится! — произнесъ Вихровъ и, возмущенный до глубины души всѣмъ этимъ, уѣхалъ домой и сейчасъ же принялся писать къ Мари.

«Обожаемая, но жестокая кузина! Вы до сихъ поръ не отвѣчаете мнѣ на мое письмо, а между тѣмъ я сгораю отъ нетерпѣнія въ ожиданіи вашего отвѣта, который одинъ можетъ спасти и утѣшить меня въ моемъ гадкомъ положеніи!.. Знаете ли вы, что, можетъ-быть, нѣтъ болѣе трагическаго положенія, какъ положеніе человѣка, который бы у насъ въ Россіи вздумалъ честно служить. Трудно вообразить себѣ—до какой деморализаціи дошло у насъ такъ называемое чиновничество. На цѣлый губернскій городъ вышлется не болѣе двухъ-трехъ сносно-честныхъ людей, за которыхъ, вѣроятно, Богъ и терпитъ сей градъ на землѣ, но которыхъ тѣмъ не менѣе все-таки со временемъ съѣдятъ и выживутъ. Я только еще успѣлъ немножко почестнѣй пошевелиться въ этомъ омутѣ всевозможныхъ гадостей и мерзостей, какъ на меня сейчасъ же пошли доносы и извѣты, но я далъ себѣ слово биться до конца—пусть даже ссылаютъ меня за то въ Сибирь, ибо безъ благопріятнаго отвѣта вашего на послѣднее письмо мое—мнѣ рѣшительно это все равно. «Я плыву и плыву черезъ мглу на

скалу и сложу мою главу неопалакаиную!» Помните эти стихи, которые я читалъ вамъ еще въ юности. Жду вашего письма».

XVI.

Разбойники.

Первое намѣреніе начальника губерніи было, кажется, доконать моего героя непріятными дѣлами. Не больше какъ черезъ недѣлю Вихровъ, сидя у себя въ комнатѣ, увидѣлъ, что на дворъ къ нимъ въѣхалъ на ломовомъ извозчикѣ съ кипами бумагъ солдатъ, въ которомъ онъ узналъ сторожа изъ канцеляріи губернатора.

— Дѣло, ваше благородіе, привезъ къ вамъ, — сказалъ тотъ, входя къ нему въ комнату.

— Какъ, дѣло привезъ?—спросилъ съ удивленіемъ Вихровъ.

— Больно, дьяволъ, велико оно: позвольте, ваше благородіе, таскать его въ горницу.

— Таскай,—сказалъ Вихровъ.

Солдатъ сначала притащилъ одинъ томъ, потомъ другой, третій и наконецъ восемь.

— Какое же это дѣло?—спросилъ Вихровъ.

— Все вотъ этихъ разбойниковъ; десять разъ ужъ я таскаю его къ разнымъ господамъ чиновникамъ.

Вихровъ взялъ изъ рукъ солдата предписаніе, въ которомъ очень коротко было сказано: «Препровождая къ вашему благородію дѣло о поимкѣ въ Новоперховскомъ уѣздѣ шайки разбойниковъ, предписываю вамъ окончить оное и представить ко мнѣ въ самомъ непродолжительномъ времени обратно».

— Это, ваше благородіе, все уголовная палата дѣлаетъ,— толковалъ ему солдатъ:—велико оно очень—и, чтобы не судить его, она и перепихиваетъ его къ намъ въ канцелярію; а мы вотъ и таскайся съ нимъ!.. На свой счетъ, ваше благородіе, извозчика нанималъ, ей-Богу, — казначей не дастъ денегъ. «Неси, говоритъ, на себѣ!» Ну, стапцинь ли, ваше благородіе, экого чорта на себѣ!

Вихровъ сжалился надъ бѣднымъ сторожемъ и заплатилъ за извозчика.

— Дай Богъ только, ваше благородіе, послѣдній разъ ужъ его таскать-съ,—сказалъ тотъ и ушелъ.

Вихровъ принялся читать препровожденные къ нему восемь томовъ—и изъ разной безполезнѣйшей и ненужной переписки онъ успѣлъ наконецъ извлечь, что въ Новоперховскомъ

уѣздѣ появилась шайка разбойниковъ изъ 16 человѣкъ, подъ предводительствомъ атамана Гулливаго и есаула Сарапки, что они убили волостного голову, грабили на дорогахъ, сожгли фабрику одного помѣщика и наконецъ особо наряженной комиссіею были пойманы. Въ дѣлѣ (какъ увидѣлъ Вихровъ, внимательно разсмотрѣвъ его) не разъяснено было только одно обстоятельство: крестьянка Елизавета Семенова показывала, что она проживала у разбойниковъ и находилась съ ними въ связи, но сами разбойники не были о томъ спрошены.

Вихровъ въ ту же ночь поѣхалъ въ Новоперховъ, гдѣ разбойники содержались въ острогѣ; пріѣхавъ въ этотъ городишко наутрѣ, онъ послалъ городничему отношеніе, чтобы тотъ выслалъ къ нему за конвоемъ атамана Гулливаго, есаула Сарапку и крестьянку Елизавету Семенову, а самъ легъ отдохнуть на диванъ и сейчасъ же заснулъ крѣпчайшимъ сномъ, сквозь который онъ потомъ явственно началъ различать какой-то странный шумъ. Онъ взмахнулъ глазами: передъ нимъ, у самой почти головы его, стоялъ высокій мужикъ, съ усами, съ бородой, но обритый и съ кандалами на рукахъ и на ногахъ. Вихровъ сейчасъ же догадался, что это былъ атаманъ разбойничій. Онъ поспѣшилъ приподняться съ дивана и поотодвинуться отъ него.

— Крѣпко же вы, баринъ, спали,—проговорилъ разбойникъ съ улыбкой.

Вихровъ всмотрѣлся повнимательнѣе въ его лицо: оно было желтоватое, испещренное бороздами, по выраженію умное, но не доброе. Впрочемъ, упорный взглядъ сѣроватыхъ изжелта глазъ скорѣй обнаруживалъ твердый характеръ, чѣмъ жестокость.

— Ты—атаманъ Гулливый? — спросилъ его Вихровъ.

— Атаманъ самый и есть,—отвѣчалъ тотъ.

— Что же, ты не убить ли ужъ меня собирался? — пошутилъ Вихровъ, видя, что Гулливому достаточно было сдѣлать одно движеніе руками въ кандалахъ, чтобы размозжить ему голову.

— Пошто мнѣ васъ убивать, что-й-то, Господи!—произнесъ атаманъ.

Вихровъ рѣшился разспросить его о томъ, чего рѣшительно не было въ дѣлѣ.

— Отчего и какимъ образомъ ты въ разбойникахъ очутился?—спросилъ онъ его.

— По ненависти къ головѣ.

— Да ты казенный?

— Казенный! Всю семью онъ нашу извелъ: сначала съ

родителемъ нашимъ поссорился; тотъ въ старшинахъ сидѣлъ—онъ начетъ на него сдѣлалъ, а потомъ общество уговорилъ, чтобы того сослали на поселенье; меня тоже ладилъ, чтобы въ солдаты сдать,—я уже не стерпѣлъ того и бѣжалъ!

— За что же онъ такъ преслѣдовалъ васъ?

— За то самое, что родитель нашъ эти самыя деньги вмѣстѣ съ нимъ прогулялъ, а какъ начали его считать, онъ и не покрылъ его: — «я, говоритъ, не одинъ, а вмѣстѣ съ головой пилъ на эти деньги-то!»,—ну, тому и досадно это было.

— Какъ же ты бѣжалъ и куда?

— На Волгу бурлакомъ ушелъ; тамъ важно насчетъ этого, сколько хошь народу можно уйти... по пословицѣ: вода—сама метла, что̀ хошь по ней ни пройди, все гладко будетъ!

— Какъ же ты шайку-то потомъ собралъ?

— Да я ужъ на Низовьѣ жилъ съ годъ, да по женѣ больно стосковался,—сталъ писать ей, что ворочусь домой, а она мнѣ пишетъ, что не надо, что голова страшаетъ: «какъ онъ, говоритъ, попадется мнѣ въ руки, такъ сейчасъ его въ кандалы!..» Я думалъ, что̀ жъ, мнѣ все одно въ кандалахъ-то быть,—и убилъ его.

— Ну, и убилъ бы! Зачѣмъ же разбойничалъ потомъ?

— Какъ же убьешь его безъ разбою-то? Въ селеніе къ нему пріѣти—схватятъ; въ правленіи онъ сидитъ со стражей; значитъ, на дорогѣ надо было гдѣ-нибудь поймать его, а онъ тоже ѣздилъ парой все, съ кучеромъ и писаремъ; я шайку и собралъ для того.

— Однако по дѣлу видно, что ты одного его встрѣтилъ.

— Да ужъ это случайно такъ вышло: я въ селеніе-то свое пришелъ узнать, что когда онъ пріѣдетъ, а тутъ мнѣ и говорятъ, что онъ самъ у насъ въ деревнѣ и будетъ ворочаться домой. «А кто, я говорю, съ нимъ?»—«Всего, говоритъ, одинъ ѣдетъ!» Я думалъ—что̀ времени медлить, вышелъ сейчасъ въ поле, завалилъ корягой мостъ, по которому ему надо было ѣхать, и сталъ его ждать тутъ. Онъ ѣдетъ пьяный, еле сидитъ въ телѣгѣ-то, я сейчасъ взялъ его лошадь подъ уздцы. Онъ какъ взмахнулъ на меня глазами-то, сейчасъ призналъ,—слухъ тоже былъ ужъ про насъ, что мы пошаливаемъ въ окрестностяхъ,—взмолился мнѣ: «отпусти, говоритъ, душу на покаяніе!» Я говорю: «покайся, это твое дѣло, а живого ужъ не отпущу». Перекрестился онъ раза три — и затѣмъ я его застрѣлилъ изъ винтовки.

— А больше ты никого не убивалъ?

— Больше изъ своихъ рукъ никого... и всегда даже ругалъ другихъ, ежели кто безъ надобности кровь проливалъ.

— Гдѣ жъ ты приставалъ съ шайкой?—спросилъ Вихровъ.

— Да сначала хуторъ у одного барина пустой въ лѣсу стоялъ, такъ въ немъ мы жили: ну, такъ тоже спознали насъ тамъ скоро; мы перешли потомъ въ Жигулеву гору на Волгу; тамъ отлично было: спокойно! безопасно!

— Чѣмъ же?

— Тѣмъ, что ни съ которой стороны къ той горѣ подойти нельзя, а можно только водою подъѣхать, а въ ней пещера есть. Водой сейчасъ подъѣхали къ этой пещерѣ, лодку втащили за собой,—и никто не догадается, что тутъ люди есть.

— Но и къ вамъ точно такъ же водой могли подъѣхать?

— Тогда у насъ земляной ходъ былъ вырытъ совсѣмъ въ другую сторону и дерномъ закрытъ! Тамъ насъ никогда не словили бы; сыро только очень было жить, и лихорадка со многими стала дѣлаться.

— Гдѣ же васъ поймали?

— Въ кабакѣ! За виномъ всего въ третій разъ съ Саранкой пришли,—тутъ и захватили, а прочую шайку взяли ужъ по приказу отъ Саранки: онъ имъ съ нищимъ рукавицу свою послалъ — и будто бы приказываетъ, чтобы они выходили въ такое-то мѣсто; тѣ и вышли, а тамъ солдаты были и переловили ихъ.

— Стало-быть, онъ измѣнилъ вамъ?

— Извѣстно ужъ, не поберегъ; меня было-сначала заставляли и розгами даже пугали, я сказалъ: «хоть въ жерло огненное бросьте, и тогда я того не сдѣлаю, потому я всей шайкѣ клятву давалъ не выдавать ихъ николи».

— А Саранка развѣ не давалъ?

— И Саранка давалъ; оба начальника мы давали; ну, онъ тоже, видно, не побоялся Бога, а шкуры своей больше пожалѣлъ.

Вихровъ заинтересовался видѣть и Саранку.

— А онъ приведенъ вмѣстѣ съ тобой? — спросилъ онъ.

— Приведенъ, — отвѣчалъ Гуливый: — въ передней тутъ стоитъ.

Вихровъ велѣлъ ввести Саранку.

Два солдата ввели есаула. Это былъ горбатый мужичонка, съ бѣлокурой головой и бѣлокурой бородой, въ плечахъ широкій и совсѣмъ почти безъ шеи.

— Ты силенъ? — спросилъ его Вихровъ.

— Ничего, силенъ! — отвѣчалъ ему Саранка.

А зачѣмъ ты въ разбойники пошелъ?

— Отъ бѣдности, въ кабалѣ большой былъ у хозяина.

— Ему бы лѣтъ сто отъ кабалы-то не отслужиться, — онъ взялъ да и бѣжалъ, — объяснилъ за него Гуливый.

— Много ли ты душъ загубилъ?— продолжалъ его разспрашивать Вихровъ.

Саранка посмотрѣлъ на него исподлобья.

— Я ужъ говорилъ-то-тко, сколько,—произнесъ онъ.

Вихровъ заглянулъ въ дѣло.

— Тамъ сказано: двѣнадцать душъ,—проговорилъ Вихровъ.

— Ну, коли двѣнадцать, такъ — такъ!

— Вѣрно это?

— Вѣрно.

— Да ты не клеплешь ли на себя, чтобы дольше сидѣть въ острогѣ?

— Нѣтъ, не клеплю,— отвѣчалъ Саранка.

— Показалъ правильно,— подтвердилъ и атаманъ.

— Отчего же онъ столько перегубилъ — золъ, что ли, онъ?

— Кто его знаетъ—золъ ли больно али трусоватъ: оставька кого въ живыхъ-то, такъ, пожалуй, и докажетъ потомъ, а ужъ мертвый-то не пикнетъ никому.

— Правда это?— переспросилъ Вихровъ Саранку.

— Правда!— отвѣчалъ тотъ какъ-то сердито.

— Вотъ видите, что-съ!— продолжалъ Вихровъ, снова начавъ разсматривать дѣло:—крестьянская жена Елизавета Петрова показываетъ, что она къ вамъ въ шайку ходила и знакомство съ вами вела: правда это или нѣтъ?

— Слышали мы, сударь, это,—началъ отвѣчать атаманъ:— сказывали, что бабенка какая-то болтаетъ это,—и въ острогѣ, говорятъ, она содержится за то,—но не помнимъ мы какъ-то того,— хаживали, точно, къ намъ изъ разныхъ селеній женщины: которую грозой, а которую и деньгами къ себѣ мы прилучали, но чтобы Елизавета Петрова какая была,— не помнимъ.

— Ну, а ты не помнишь ли?—спросилъ Вихровъ Саранку.

— Нѣтъ, и я не помню тоже!—отвѣчалъ тотъ.

— А вамъ не показывали ее?— спросилъ Вихровъ уже атамана.

— Нѣтъ-съ, въявь-то не показывали; можетъ, и признаемъ, какъ въ лицо-то увидимъ.

— Я вамъ ее покажу, когда отберу отъ нея показаніе, а вы выйдите пока!

Разбойники съ своими конвойными вышли внизъ въ избу, а вмѣсто нихъ другіе конвойные ввели Елизавету Петрову. Она весело и улыбаясь вошла въ комнату, занимаемую Вихровымъ: одѣта она была въ панковую поддевку, въ башмаки; на головѣ у нея былъ новый, нарядный платокъ. Собой она была очень красивая брюнетка и стройна станомъ. Вихровъ

велѣлъ солдату выйти и остался съ ней наединѣ, чтобы она была откровеннѣе.

— Скажи, пожалуйста, какъ ты попала въ это дѣло разбойничье?—спросилъ онъ ее.

— Тутъ чиновники вотъ тоже были; я сама припла къ нимъ и сказалась, отвѣчала она довольно бойко.

— Что же ты сказалась?

— Что я съ разбойниками этими самыми въ знати была.

Но они однако говорятъ, что не знаютъ тебя...

— А песъ ихъ знаетъ, пошто они это говорятъ.

— А ты утверждаешь, что ихъ знаешь?

— Утверждаю.

— Что съ обоими съ ними съ атаманомъ и есауломъ — даже была близка?

— Извѣстно...

— Стало-быть, ты дурного поведенія?

— Какая ужъ есть, такая и живу, — отвѣчала Лизавета, слегка улыбнувшись.

Что же, у тебя есть мужъ?

— Мужъ есть, и свекоръ, и свекровь.

Можетъ-быть, тебѣ жить у нихъ было плохо?

— Какое же плохо? Такъ, какъ у всѣхъ бабъ, — отвѣчала Лизавета и какъ будто бы сконфузилась при этомъ немного.

— А мужа ты любишь?

При этомъ вопросѣ Лизавета явно ужъ покраснѣла.

— Люблю!—протянула она.

— А что онъ—старый али молодой?

— А кто его знаетъ — средственный.

— А собой красивъ?

— Ничего, красивъ!

— Позовите атамана!—крикнулъ Вихровъ.

Черезъ нѣсколько мгновеній вошелъ атаманъ.

Онъ сначала поклонился Лизаветѣ. Лицо его явно выражало, что онъ ея не знастъ. Она тоже ему поклонилась и при этомъ слегка усмѣхнулась.

— Знаешь ты ее?—спросилъ Вихровъ атамана.

Тотъ еще нѣсколько времени пристально посмотрѣлъ на Лизавету.

— Никакъ нѣтъ-съ, сударь!—отвѣчалъ онъ.

А она говоритъ, что тебя знаетъ, сказалъ Вихровъ.

Не знаю, гдѣ она меня знала, отвѣчалъ атаманъ и пожалъ даже отъ удивленія плечами.

Какъ же не знаю, знаю, отвѣчала Лизавета съ не сходящей съ устъ улыбкой.

Знаетъ такъ, что и любовницей твоей была; была вѣдь? — спросилъ Вихровъ Лизавету.

— Была-съ, проговорила она и при этомъ опять замѣтно сконфузилась.

И любовницей даже была здравствуйте, мое вамъ почтеніе! произнесъ шутя и съ удивленіемъ атаманъ.

Что же, не была? спросилъ его Вихровъ.

Какое, сударь, помилуйте! Какъ же она любовницей моей могла быть, коли я и не видывалъ ея?

Нѣтъ, врешь, шалишь, видывалъ! — подхватила бойко Лизавета.

— Ну, гдѣ же я тебя видывалъ, гдѣ? началъ какъ бы увѣщевать ее атаманъ:—я, дура ты экая, въ душегубствѣ повинился; пожалѣлъ ли бы я тебя оговорить, какъ бы только это правда была?

Лизавета слушала его, стоя отвернувшись къ окну и смотря на улицу.

— Позовите теперь Сарапку,—сказалъ Вихровъ, чтобы съ обоими разбойниками дать Лизаветѣ очную ставку.

Тотъ вошелъ и никакого, въ противоположность атаману, вниманія не обратилъ на Лизавету.

— Ты знаешь ее?—спросилъ его Вихровъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Сарапка, не глядя на Лизавету.

— Вотъ видишь, и этотъ говоритъ, что тебя не знаетъ.

Да хоть бы они всѣ говорили, — не сказываютъ, — запираются.

Атаманъ усмѣхнулся.

— Есть намъ изъ-за чего запираться-то,—началъ онъ:—ну, коли ты говоришь, что у насъ была, гдѣ же ты у насъ была?

— Въ лѣсу!—отвѣчала Лизавета.

Да вѣдь лѣсъ великъ! Кое мѣсто въ лѣсу?

На хуторѣ барскомъ!..

Атаманъ съ удивленіемъ пожалъ плечами, а Сарапка при этомъ только исподлобья на нее взглянулъ.

— Что жъ ты дѣлала у нихъ?—спросилъ ужъ ее Вихровъ.

Пила, разговаривала съ ними.

О чемъ?

— Они спрашивали, кои у насъ мужики богаты, чтобы ограбить ихъ; я имъ сказывала.

— А они что тебѣ разсказывали?

— Разсказывали, что бабу около нашего селенья убили.

Было это?— спросилъ Вихровъ атамана.

— Было, точно-съ. Вонъ онъ и убилъ!—отвѣчалъ атаманъ, показывая головой на Сарапку.

— Такъ ты стоишь на своемъ, что была съ разбойниками въ согласіи?—спросилъ Вихровъ Лизавету.

— Стою,—отвѣчала та.

— А вы стоите, что не была? — прибавилъ онъ разбойникамъ.

Стоимъ-съ,—отвѣчалъ атаманъ.

— Ну, хорошо,—сказалъ Вихровъ и разбойниковъ велѣлъ опять вывести, а Лизавету оставить.

Нѣсколько времени онъ смотрѣлъ ей въ лицо: она стояла и какъ бы усмѣхалась.

— Послушай, началъ онъ:—зачѣмъ ты наговариваешь на себя? Если ты мнѣ не скажешь причины тому, я сейчасъ же тебя изъ острога выпущу и отъ всякаго дѣла освобожу.

Лизавета поблѣднѣла.

— Да какъ же вы меня выпустите, коли я сама говорю?

— Это ничего не значитъ: твои слова не подтверждаются.

— А коли скажу, вы не выпустите меня? — спросила Лизавета.

— Если скажешь, не выпущу!

— Мнѣ въ Сибирь хочется уйти,—вотъ зачѣмъ! отвѣчала Лизавета, и у нея вдругъ наполнились глаза слезами.

— Зачѣмъ же тебѣ въ Сибирь уйти хочется?

— Чтобы съ мужемъ не жить!

— А ты не любишь его?

— Нѣтъ, по неволѣ я выдана.

— Ну, да ты такъ бы куда-нибудь отъ него отпросилась.

— Не пускаетъ, все лѣзетъ ко мнѣ: вотъ и въ острогъ теперь все ходитъ ко мнѣ. А что, сударь, коли я въ Сибирь уйду, онъ никогда уже не можетъ меня къ себѣ воротить?

— Никогда.

Лицо Лизаветы окончательно просіяло.

И ты твердо и непремѣнно рѣшилась уйти отъ него?

— Еще бы не твердо, а не то руки на себя наложу.

— И никогда не раскаешься въ томъ, что сдѣлала это?

— Николи! Мнѣ вотъ говорятъ, что наказывать меня будутъ,— да пусть себѣ наказываютъ: лучше временное претерпѣть мученіе, чѣмъ весь вѣкъ маяться.

Вихровъ пожалъ плечами и сталъ ходить по комнатѣ.

Вотъ видишь, — началъ онъ: — я не имѣю права этого сказать, но ты сама попроси атамана, чтобы онъ тебя оговорилъ: я васъ оставлю съ нимъ вдвоемъ.

Сказавъ это, онъ снова велѣлъ ввести атамана, а самъ, будто бы случайно, вышелъ въ другую комнату.

Онъ слышалъ, что Лизавета что-то долго и негромко го-

ворила атаману, а когда наконецъ разговоръ между ними совершенно прекратился,—онъ вошелъ къ нимъ. Лицо у Лизаветы было заплакано, а атаманъ стоялъ и грустно усмѣхался.

— Что вы—столковались ли?—спросилъ Вихровъ.

— Да теперь точно что, — отвѣчалъ атаманъ съ прежней усмѣшкой: — припомнилъ, она была у насъ.

— Вѣсти вамъ давала?

Давала и вѣсти.

— И вы ей о разбояхъ разсказывали?

— Разсказывали.

— И ты начальству о томъ никому не объявляла?

— Не объявляла-съ,—отвѣчала Лизавета.

Вихровъ все это записалъ.

— Ну, теперь крѣпко; смотри,— прибавилъ онъ Лизаветѣ: — не раскайся и не пеняй послѣ на насъ.

— О, нѣтъ-съ, сударь, какъ это возможно!—возразила Лизавета: — благодарю только покорно!.. Благодарю и васъ очень! — прибавила она уже съ нѣкоторымъ кокетствомъ и атаману.

Тотъ покачалъ только головой.

— Баба-то что оно значитъ, удивительная вещь, право!— проговорилъ онъ.

Отпустивъ затѣмъ разбойниковъ и Лизавету, Вихровъ подошелъ къ окну и невольно началъ смотрѣть, какъ конвойные, съ ружьями подъ прикладъ, повели ихъ по площади, наполненной по случаю базара народомъ. Лизавета шла весело и даже какъ бы нѣсколько гордо. Атаманъ былъ задумчивъ и только по временамъ поворачивалъ то туда, то сюда голову свою къ народу. Саранка шелъ, потупившись, и ни на кого не смотрѣлъ.

Всѣмъ имъ народъ безпрестанно подавалъ: кто копейку, кто калачъ. Гарнизонные солдаты шли за преступниками, ковыляя и заплетаясь своими старческими ногами.

XVII.

Бѣгуны.

Дня черезъ три Вихровъ опять уже ѣхалъ по новому порученію, въ тарантасѣ, съ непремѣннымъ членомъ земскаго суда.

Губернаторъ послалъ его въ этотъ разъ на довольно даже опасное порученіе: помощникъ его, непремѣнный членъ суда

(самъ исправникъ схитрилъ и сказался больнымъ), былъ очень еще молодой человѣкъ, съ оловянными, тусклыми глазами и съ отвислыми губами.

— Лѣсъ этотъ, гдѣ мы будемъ отыскивать бѣгуновъ, большой?—спросилъ его Вихровъ.

— Большой-съ, я думаю-съ!—просюсюкалъ членъ суда.

— Что жъ, намъ надобно будетъ взять народу, мужиковъ?

— Возьмемъ-съ, я сбѣгаю-съ.

Вихровъ больше и говорить съ нимъ не сталъ, видя, что какого-нибудь совѣта полезнаго отъ него получить не было возможности; чѣмъ болѣе они потомъ начали приближаться къ мѣсту ихъ назначенія, тѣмъ лѣсистѣе дѣлались окрестности; селеній почти не видать, а все пошли какія-то ровныя поляны, кругомъ коихъ по всему горизонту шелъ лѣсъ, а сверху виднѣлось небо.

— Ты Поярково-то самое знаешь?—спросилъ Вихровъ кучера, посмотрѣвъ въ предписаніе, въ которомъ было сказано, что бѣгуны укрываются въ лѣсахъ близъ деревни Пояркова.

— Знаю-съ,—отвѣчалъ тотъ.

— Подъѣхавъ къ селенію,— продолжалъ ему приказывать Вихровъ:—ты остановись у околицы, а вы сходите и созовите понятыхъ и приведите ихъ ко мнѣ,—обратился онъ къ члену суда.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ тотъ.

Кучеръ у первой же попавшейся на дорогѣ и очень большой деревни остановилъ лошадей.

— Вотъ и Поярково!—сказалъ онъ, обращаясь къ Вихрову.

— Я пойду-съ теперь,— сказалъ непремѣнный членъ и какъ-то ужасно неловко вылѣзъ изъ тарантаса. Когда онъ всталъ на ноги, то оказалось (Вихровъ до этого видѣлъ его только сидящимъ)... оказалось, что онъ былъ необыкновенно худой, высокій, въ какой-то длинной-предлинной ваточной шинели, надѣтой въ рукава и подпоясанной шерстянымъ шарфомъ; уши у него были тоже подвязаны, а на рукахъ надѣты зеленыя замшевыя перчатки; фамилія этого молодого человѣка была Мѣлковъ; онъ былъ маменькинъ сынокъ, поучился немного въ корпусѣ, оттуда она, по разстроенному здоровью, его взяла назадъ, потомъ онъ жилъ у нея все въ деревнѣ—и въ послѣднюю баллотировку его почти изъ жалости выбрали въ члены суда. Настоящее служебное порученіе было первое еще въ жизни для него. Выскочивъ изъ тарантаса, онъ побѣжалъ въ деревню и только-что появился въ ней, какъ на него со всѣхъ сторонъ понеслись собаки. Отмахиваясь отъ нихъ своими длинными рукавами, онъ закричалъ, но собаки еще пуще на

него накинулись, и одна изъ нихъ, болѣе другихъ смѣлая, стала хватать его за шинель и разорвала ее. Мѣлковъ закричалъ благимъ матомъ и, вскочивъ потомъ, какъ сумасшедшій, на скатъ лѣсу, началъ оттуда ругаться:

— Черти, дьяволы! выпустили вашихъ собакъ, уймите ихъ—говорятъ вамъ!

Находившіяся на улицѣ бабы уняли наконецъ собакъ, а Мѣлковъ, потребовавъ огромный колъ, только съ этимъ орудіемъ слѣзъ съ бревна и пошелъ по деревнѣ. Вихровъ тоже вылѣзъ изъ тарантаса и сталъ осматривать пистолеты свои, которые онъ взялъ съ собой, такъ какъ въ земскомъ судѣ ему прямо сказали, что порученіе это не безопасно.

Мѣлковъ, впрочемъ, не заставилъ себя долго ждать. Онъ собралъ человѣкъ двадцать мужиковъ, вызвалъ сотскаго и со всей этой ватагой шелъ къ Вихрову, продолжая все ругаться:

— Дьяволы экіе, завели какихъ собакъ; я вотъ всѣхъ васъ въ судъ представлю!

— Вотъ-съ, привелъ,—сказалъ онъ, подходя къ Вихрову:— это вотъ губернаторскій чиновникъ,—сказалъ онъ мужикамъ.

Сотскій и всѣ мужики сняли при этомъ сейчасъ же шапки. Макушки на головахъ у нихъ оказались выстриженными.

— Въ лѣсу около вашего селенья,—началъ Вихровъ, обращаясь къ мужикамъ:—проживаютъ и скрываются бѣгуны-раскольники, безъ паспортовъ, безъ видовъ; правительство не желаетъ этого допускать — и потому вы должны пособить намъ переловить всѣхъ ихъ.

Мужики нѣкоторое время молчали, — и только одинъ или двое изъ нихъ произнесли неполнымъ голосомъ:

— Здѣсь словно бы никакихъ бѣгуновъ не проживаетъ.

— А вотъ это мы увидимъ, когда осмотримъ лѣсъ, — сказалъ Вихровъ.—Сотскій, ты долженъ лучше всѣхъ знать: есть здѣсь слухъ о какихъ-нибудь бѣгунахъ? — обратился онъ вдругъ къ сотскому.

Тотъ, стоя все еще съ непокрытой головой, покраснѣлъ весь при этомъ.

— Нѣтъ, ваше благородіе, не слыхали мы,—произнесъ онъ съ дрожащими губами.

— Ну, я по твоему лицу вижу, что ты слыхалъ,—сказалъ ему Вихровъ и затѣмъ обратился къ Мѣлкову:—Есть съ вами какое-нибудь оружіе?

— А вотъ-съ—колъ!—отвѣчалъ тотъ, показывая на колъ свой, который онъ все еще держалъ въ рукахъ.

— Ну, это еще не защита, вотъ вамъ лучше пистолетъ,—

и при этомъ не безъ умысла показалъ мужикамъ и свой пистолетъ.

Нѣкоторые мужики почесали при этомъ у себя затылки.

— Ежели вы намъ не поможете, и ежели что съ нами случится.—продолжалъ Вихровъ, относясь къ мужикамъ:—вы всѣ за это отвѣтите—и потому въ этомъ случаѣ берегите не насъ, а себя!

Мужики молчали.

Вихровъ велѣлъ сотскому показывать дорогу и пошелъ. Мѣлковъ, очень слабый, какъ видно, на ногахъ, слѣдуя за нимъ, безпрестанно запинался. Мужики шли сзади ихъ. Время, между тѣмъ, было далеко за полдень. Подойдя къ лѣсу, Вихровъ рѣшился раздѣлить свои силы.

— Послушайте, — сказалъ онъ Мѣлкову: — вы съ половиной понятыхъ осмотрите правую сторону лѣса, а я съ остальными—лѣвую.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ тотъ, какъ-то ужасно глупо держа въ рукѣ, одѣтой въ зеленую замшевую перчатку, пистолетъ.

— У васъ палецъ не пролѣзетъ сквозь скобку пистолета, и вамъ стрѣлять будетъ нельзя,—сказалъ ему Вихровъ.

— Да-съ, виноватъ-съ. — отвѣчалъ тотъ и поспѣшилъ губами снять перчатку, положилъ ее въ карманъ, а пистолетъ взялъ уже голою рукою.

Всѣ тронулись наконецъ.

Сотскій пошелъ около Вихрова—попрежнему безъ шапки. Онъ замѣтно его притрухивалъ. Вихровъ посмотрѣлъ на него и вздумалъ этимъ настроеніемъ его воспользоваться.

— Ежели ты не приведешь меня прямо къ тому мѣсту, гдѣ живутъ бѣгуны, я тебя въ лѣсу же убью изъ этого пистолета,—проговорилъ онъ ему негромко.

— Да я покажу-съ. мнѣ что, — отвѣчалъ тоже негромко сотскій и повелъ, какъ видно, очень знакомой ему дорогой.

Въ самой серединѣ лѣса они подошли къ небольшому шалашу.

— Вотъ тутo-тко-съ!—сказалъ сотскій, показывая Вихрову на шалашъ.

— За мной, сюда!—сказалъ тотъ мужикамъ—и самъ первый вошелъ, или, лучше сказать, спустился въ шалашъ, который сверху представлялъ только какъ бы одну крышу, но подъ нею была выкопана довольно просторная яма, или, скорѣй, комната, стѣны которой были обложены тесомъ, а свѣтъ въ нее проходилъ сквозь небольшія стеклышки, вставленныя въ крышу. Сходъ шелъ по небольшой лѣсенкѣ; передняя стѣна комнаты вся уставлена была образами, передъ кото-

рыми горѣли три лампады: на правой сторонѣ на лавкѣ сидѣлъ ветхій старикъ, а у лѣвой стѣны стояла ветхая старушка.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ Вихровъ, почти не зная, съ чего ему начать.

— Молимся мы здѣсь,—отвѣчалъ старикъ, вставая передъ нимъ.

— Что же, ты давно здѣсь живешь?—спросилъ Вихровъ, все еще находившійся въ недоумѣніи, что ему дѣлать.

— Пятый годъ,—отвѣчалъ старикъ.

Изъ мужиковъ въ шалашъ сошелъ только одинъ сотскій.

— Зачѣмъ же ты тутъ живешь?—продолжалъ Вихровъ спрашивать старика.

— Гдѣ же мнѣ жить-то? кому я теперь надобенъ?—отвѣчалъ старикъ.

— А это—жена твоя?—спросилъ Вихровъ, показывая на старуху.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ старикъ, отрицательно покачавъ головой.

— Кто же ты такая?—спросилъ Вихровъ и старушку.

— Странница, судырь, я.

— А здѣсь давно ли?

— Да вчерашняго дня вотъ зашла къ старику.

— Зачѣмъ же ты зашла къ нему?

— Онъ, судырь, учитель мой старинный; зашла спросить у него, куда мнѣ итти... я еще темная.

— А онъ—зрячій?

— Онъ ужъ, судырь, давно въ искусѣ пребываетъ.

— Ты откуда же родомъ, дѣдушка?—спросилъ Вихровъ опять старика.

— Не помню я: давно ужъ это было, какъ я ушелъ изъ дому,—отвѣчалъ старикъ угрюмо.

— Зачѣмъ же ты ушелъ собственно?

— По священному писанію: оставитъ человѣкъ отца и мать свою и грядетъ по Мнѣ,—отвѣчалъ старикъ.

Вихровъ рѣшительно недоумѣвалъ—какъ взять этихъ стариковъ.

— Ну, я васъ долженъ взять отсюда,—проговорилъ онъ наконецъ, собравшись съ духомъ.

— Что же, бери, ежели мы нады кому,—отвѣчалъ старикъ съ усмѣшкой.

— Пойдемъ, старушка, и ты. — сказалъ Вихровъ старухѣ.

— Слушаю-съ,—отвѣчала та, и всѣ они вышли изъ шалаша.

— Прикажете ихъ связать?—спросилъ сотскій.

— Свяжи!—сказалъ ему Вихровъ и старался не глядѣть на стариковъ.

Мужики изъ селенья стояли молча и мрачно смотрѣли на все это. Сотскій связалъ руки старику своимъ кушакомъ, а старухѣ—своимъ поясомъ.

Въ это время вдругъ раздался невдалекѣ выстрѣлъ; мужики сейчасъ же обернулись въ ту сторону, Вихровъ тоже взмахнулъ глазами туда; затѣмъ раздался крикъ и трескъ сучьевъ, и вскорѣ появился между деревьями бѣгущій непремѣнный членъ. Вслѣдъ за ними подходили и понятые, сопровождавшіе его.

— Меня было-зарѣзали!—кричалъ Мѣлковъ.

— Кто зарѣзалъ?—спросилъ Вихровъ.

— Солдатъ, должно-быть, бѣглый; я пошелъ и землянку тутъ нашелъ, а онъ выскочилъ оттуда прямо на меня съ ножомъ; я только что пистолетомъ отборонился и побѣжалъ, а эти черти,—прибавилъ онъ, указывая на мужиковъ:—хоть бы одинъ пошевелился,—стоятъ только.

— Это что̀ еще значитъ?.. Кто у васъ еще тутъ проживаетъ и кому вы тутъ пристанодержательствуете?—обратился Вихровъ строго къ мужикамъ:—говорить сейчасъ же, а не то всѣ вы отвѣчать за то будете!

— Это точно что наслышаны мы были, что тутъ проживаетъ бѣглый солдатъ,—отвѣчалъ одинъ мужикъ.

— Отчего же вы не доносили о томъ начальству?—спросилъ Вихровъ.

— Гдѣ же доносить-то: донеси на него, онъ и селенье, пожалуй, выжжетъ.

— Поймайте его и представьте,—онъ и не можетъ вамъ повредить.

— Его поймаешь, другой на мѣсто его придетъ и отплатитъ намъ за него. Мы боимся того,—вся ваша воля,—продолжали говорить мужики.

— Стало-быть, тутъ у васъ постоянный притонъ?

— Да, можетъ-быть, и постоянный, кто его знаетъ!.. Начальство ужъ само смотри за тѣмъ, мы ему не сторожа на то!..—подхватилъ другой мужикъ.

— Намъ только отъ нихъ дѣла да безпокойство,—продолжалъ первый мужикъ.

— Да какъ же, паря!.. Немало чиновниковъ-то наѣзжаетъ, словно орды какой!..—произнесъ первый мужикъ.

Вихровъ очень хорошо видѣлъ, что всѣ мужики были

страшно озлоблены, а потому онъ счелъ за лучшее прекратить съ ними всякій разговоръ.

— Ну, веди этихъ стариковъ,—сказалъ онъ сотскому.

Тотъ повелъ.

Вихровъ и непремѣнный членъ пошли за нимъ. Мужики съ мрачными лицами тоже шли за ними.

Старикъ-раскольникъ началъ хромать на одну ногу, потомъ сгорбился, тяжело дыша, всѣмъ станомъ.

Вихровъ не утерпѣлъ и спросилъ его:

— Что такое, старикъ, съ тобой?

— Умираю, ваше благородіе, вѣдь девяносто пятый годъ тоже живу.

— Да что же ты чувствуешь?

— У сердца схватило, рученьки ломитъ, дыханье сперло,— говорилъ старикъ, и дыханье у него въ самомъ дѣлѣ прерывалось.

— Ну, развяжи ему скорѣй руки!—воскликнулъ Вихровъ.

Сотскій сейчасъ и съ замѣтнымъ удовольствіемъ развязалъ его. Вихровъ въ это время оглянулся, чтобы посмотрѣть, какъ старуха идетъ; та шла спокойно. Вихровъ хотѣлъ опять взглянуть на старика, но того ужъ не было...

— Гдѣ же старикъ?—спросилъ онъ.

— Тутъ за кусты, надо-быть, зашелъ,—отвѣчалъ сотскій.

— Какъ ушелъ за кусты!.. Ищи его скорѣй.

Сотскій зашелъ за нѣкоторые кусты.

— Нѣтъ его тутъ!—проговорилъ онъ.

— Ищите же вы всѣ!—воскликнулъ Вихровъ мужикамъ.

— Гдѣ же тутъ его искать? Темно становится—и лѣсъ-то великъ,—отвѣчали тѣ въ одинъ почти голосъ и явно-насмѣшливымъ тономъ.

Солнце въ самомъ дѣлѣ уже сѣло, и начинались сумерки. Вихровъ очень хорошо понималъ, что онъ былъ одураченъ— и вышелъ изъ себя отъ этого.

— А, когда вы такъ, то я васъ всѣхъ посажу за него въ острогъ,—обратился онъ къ мужикамъ:—я знаю, что если вы сами не странники, то странноприимники,—это все равно.

При этомъ лица у мужиковъ у всѣхъ немного сконфузились.

Покуда все это происходило, вся гурьба уже подошла къ деревнѣ.

— Собакъ вашихъ уберите, а не то я ихъ всѣхъ коломъ!— закричалъ вдругъ Мѣлковъ.

Сотскій побѣжалъ впередъ убирать собакъ.

Вихровъ, съ своей оставшейся странницей и въ сопрово-

жденіи Мѣлкова, вошелъ въ ближайшую избу. Было уже совсѣмъ темно. Хозяйка въ этомъ домѣ—и, должно-быть, дѣвка, а не баба—засвѣтила огонекъ. Вихровъ подмѣтилъ, что она съ приведенной странницей переглянулась, и даже онѣ поклонились другъ другу.

— Какъ тебя зовутъ?—началъ онъ спрашивать старуху.

— Матреной.

— А по отчеству?

— Не помню, не знаю.

— А замужняя или дѣвица?

— Дѣвица.

Въ это время хозяйка подошла поправить лучину въ свѣтцѣ.

— Ой, батюшки, окаянная, обожгла какъ руку-то!—воскликнула она вдругъ, и въ ту же минуту горящая лучина выпала у нея изъ рукъ и погасла.

Въ избѣ сдѣлалась совершенная темнота.

— Огня скорѣй засвѣчайте!—воскликнулъ Вихровъ, не сомнѣваясь уже болѣе, что это опять была придуманная штука.

Онъ слышалъ, какъ дѣвка-хозяйка подошла къ шестку, неторопливо тамъ стала присѣкать огня къ тряпочному труту и зажгла о него сѣрную спичку, а отъ нея зажгла и лучину: изба снова освѣтилась. Вихровъ окинулъ кругомъ себя глазами:—старухи уже передъ нимъ не было.

— Гдѣ старуха? и она убѣжала?—воскликнулъ онъ испуганнымъ и бѣшенымъ голосомъ.

Въ избѣ, кромѣ его, Мѣлкова и дѣвки-хозяйки, никого не было.

— Гдѣ старуха?—ревѣлъ Вихровъ:—ты сказывай!—обратился онъ къ дѣвкѣ-хозяйкѣ.

— Да я почемъ знаю? Я не стерегла ея.

Вихровъ едва совладѣлъ съ собой; онъ видѣлъ, что вся деревня была пристанодержатели бѣгуновъ,—и ему оставалось одно: написать обо всемъ этомъ постановленіе, что̀ онъ и сдѣлалъ—и потребовалъ всѣхъ понятыхъ, сотскаго и хозяйку, чтобы они приложили руки къ этому постановленію.

Понятые, хозяйка и сотскій поглядѣли сначала другъ на друга, и потомъ прежній же мужикъ проговорилъ:

— Нѣтъ, мы рукоприкладствовать не станемъ.

— Почему же?

— Такъ, по вѣрѣ нашей намъ прикладывать тутъ рукъ нечего.

— Отчего же другіе раскольники прикладываютъ руки—ты, стало-быть, признаешь это за печать антихриста?

— Печать антихристова! — проговорилъ, усмѣхаясь, мужикъ:—извѣстно!—прибавилъ онъ что-то такое.

— Такъ вы рѣшительно не прикладываете рукъ?—спросилъ Вихровъ.

— Нѣту-ти,—отвѣчали всѣ почти въ одинъ голосъ.

У Вихрова въ это мгновеніе мелькнула страшная въ головѣ мысль: подозвать къ себѣ какого-нибудь мужика, приставить ему пистолетъ ко лбу и заставить его приложить руку—и такъ пройти всѣхъ мужиковъ; ну, а какъ который-нибудь изъ нихъ не приложитъ руки, надобно будетъ спустить курокъ: у Вихрова кровь даже при этомъ оледянѣла, волосы стали дыбомъ.

— Уходите всѣ отсюда скорѣй!—проговорилъ онъ негромко мужикамъ, но голосъ его, вѣроятно, былъ такъ страшенъ, что тѣ, толкая даже другъ друга, стали поспѣшно выходить изъ избы.

Вихровъ затѣмъ, все еще продолжавшій дрожать, взглянулъ на правую сторону около себя и увидѣлъ лежавшій пистолетъ; онъ взялъ его и сейчасъ же разрядилъ, потомъ онъ взглянулъ въ противоположную сторону и тамъ увидѣлъ невиннѣйшее зрѣлище: Мѣлковъ спокойнѣйшимъ и смиреннѣйшимъ образомъ сидѣлъ на лавкѣ и игралъ съ маленькимъ котенкомъ. Вихрова взбѣсило это.

— Что же вы тутъ сидите и ничего не дѣлаете?—сказалъ онъ ему презрительнымъ тономъ.

Мѣлковъ сейчасъ же вскочилъ на ноги и робко вытянулся передъ нимъ.

— Достаньте, по крайней мѣрѣ, ѣсть: я ѣсть смертельно хочу!—проговорилъ Вихровъ, въ самомъ дѣлѣ ничего не ѣвшій съ утра

— Дай поѣсть чего-нибудь!—отнесся Мѣлковъ несмѣло къ хозяйкѣ.

— Чего дать-то? У насъ ничего нѣтъ.

— Какъ ничего нѣтъ? Яйца есть, молоко есть!

— Нѣту у насъ ничего того,—отвѣчала дѣвка.

— Ну хоть хлѣбца дай!—упрашивалъ ее Мѣлковъ.

— И хлѣба нѣтъ!.. Остался послѣ обѣда, да свиньямъ бросили!

— Вѣдь мы у тебя не даромъ, а за деньги просимъ,—толковалъ ей Мѣлковъ.

— Что мнѣ ваши деньги! Развѣ я не видывала денегъ?—отвѣчала дѣвка.

У Вихрова вся кровь подступила къ головѣ отъ гнѣва; онъ вдругъ всталъ на ноги.

— Дай зажженную лучину,—сказалъ онъ хозяйкѣ.

Та подала ему.

— Я самъ себѣ найду пищу; идите за мной!—прибавилъ онъ Мѣлкову и вслѣдъ затѣмъ пошелъ въ голбецъ.

Освѣтивши всю мѣстность тамъ, онъ увидѣлъ оригинальное зрѣлище: на земляномъ полу были разбиты и выпущены сотни три яицъ и стоялъ огромной лужей квасъ; даже рубленая капуста была вся раскидана.

— Здѣсь ужъ все поубрали!—проговорилъ онъ, возвращаясь изъ голбца, и съ той же зажженной лучиной перешелъ въ другую избу, и тамъ прямо прошелъ въ голбецъ, гдѣ нашелъ почти то же самое—съ тою только разницею, что яйца были перебиты въ квасу и тамъ распущены.

Остальныя избы освидѣтельствовать Вихровъ послалъ уже Мѣлкова. Тотъ невдолгѣ возвратился и былъ какъ-то сконфуженъ: съ волосъ и съ картуза у него что-то такое текло.

— Тамъ тоже такъ! Вездѣ всѣ яйца перебиты.

— Но въ чемъ вы всѣ перемочены?—спросилъ его Вихровъ.

— Облили чѣмъ-то, дьяволы: я иду по сѣнямъ въ тѣни, вдругъ облили помоями, что-ли-то... «Дѣвушка, говоритъ, не видала и вылила на голову»,—вишь какая!—бормоталъ непремѣнный членъ.

Вихровъ и объ этомъ написалъ постановленіе.

XVIII.

Помѣщикъ Кноповъ.

Герой мой до такой степени разсердился на поярковскихъ раскольниковъ за ихъ коварство и изувѣрство, что не въ состояніи даже былъ остаться ночевать въ этомъ селеніи.

— Поѣдемте куда-нибудь въ другую деревню! — сказалъ онъ непремѣнному члену.

— Поѣдемте-съ! — отвѣчалъ тотъ покорно, но, когда они сѣли въ тарантасъ, онъ проговорилъ несмѣло:

— Къ дяденькѣ бы моему Петру Петровичу Кнопову заѣхать.

— Къ Кнопову?.. — повторилъ Вихровъ: — это къ остряку здѣшнему?

— Да-съ, — отвѣчалъ Мѣлковъ.

Вихровъ давно уже слышалъ о Кноповѣ и даже видѣлъ его нѣсколько разъ въ клубѣ: это былъ громаднѣйшій мужчина, великій зубоскалъ, разсказчикъ, и принадлежалъ къ тѣмъ русскимъ богатырямъ, которые гнутъ кочерги, разгибаютъ подковы, могутъ съѣсть за-разъ три обѣда: постный, скором-

ный и рыбный, что и дѣлаютъ они обыкновенно на первой недѣлѣ въ клубахъ, могутъ выпить вина сколько угодно. Пріѣзжая изъ деревни въ губернскій городъ, Петръ Петровичъ прямо отправлялся въ клубъ, гдѣ сейчасъ же около него собиралась пріятельская компанія: онъ начиналъ пить, ѣсть, острить и снова пить. Не ограничиваясь этимъ, часовъ въ 12 онъ вставалъ и проговаривалъ дѣтскимъ голосомъ: «Пуа!» Это значитъ—со всей компаніей ѣхать въ другія увеселительныя заведенія пить. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Петра Петровича никто и никогда не видалъ говорящимъ или дѣлающимъ какія-нибудь глупости—и даже очень утомленнымъ: бодро оканчивалъ онъ проведенные такимъ образомъ вечера и бодрымъ и свѣжимъ просыпался онъ и на другой день. Въ молодости Петръ Петровичъ былъ гусаръ, увезъ себѣ жену по страсти, очень ее любилъ, — но она умерла, и онъ жилъ теперь вдовцомъ, посмѣиваясь и зубоскаля надъ всѣмъ Божьимъ міромъ.

Вихрову даже пріятно было заѣхать къ этому умному, веселому и, какъ слышно было, весьма честному человѣку, но кучеръ что-то по поводу этого немножко уперся. Получивъ отъ барина приказаніе ѣхать въ усадьбу къ Кнопову, онъ нехотя взлѣзъ на козлы и тихо поѣхалъ по деревнѣ.

— Темненька ночь-то ѣхать, — проговорилъ онъ.

— Да хоть голову сломить, а ѣхать надо! — сказалъ ему Вихровъ.

— Зачѣмъ голову сломить, Богъ дастъ, доѣдемъ и такъ,— отвѣчалъ кучеръ.

Онъ былъ довольно еще молодой малый и, по кучерской тогдашней модѣ, съ усами, но безъ бороды.

Нѣжнолюбивая мать Мѣлкова держала для сына крѣпкій экипажъ и хорошихъ лошадей—и еще болѣе того безпокоилась, чтобы кучеръ былъ у него не пьяница, умѣлъ бы ѣздить и не выпрокинулъ бы какъ-нибудь барчика,—и кучеръ, въ самомъ дѣлѣ, былъ отличный.

— Хорошо, что я фонарь съ собой захватилъ, а то тутъ будетъ Ѳедюкинская гора, — говорилъ онъ, ѣдучи шагомъ.

Впереди почти ужъ ничего было не видать.

— Что же, она опасна, что ли?—спросилъ Вихровъ.

— Днемъ-то ничего, а теперь тоже ночь, — отвѣчалъ кучеръ:—одна сторона у нея—косогоръ, а съ другой-то—оврагъ; маленько не потрафишь, пожалуй, и слетишь въ него.

— Такъ какъ же мы проѣдемъ?

— Я фонарь засвѣчу и пойду около оврага, а вы шажкомъ и поѣзжайте.

— У насъ лошади-то въ какую хочешь темь ѣдутъ, словно человѣкъ понимаютъ,—вмѣшался въ разговоръ Мѣлковъ.

— Что человѣкъ-то?.. Другой человѣкъ глупѣй лошади, — пояснилъ и кучеръ и врядъ ли въ этомъ случаѣ не разумѣлъ своего барина.

Проѣхали такимъ образомъ верстъ семь.

— Ну, вотъ и гора! — сказалъ наконецъ кучеръ и затѣмъ слѣзъ съ козелъ, чиркнулъ спичку, засвѣтилъ ею въ фонарѣ свѣчку и пошелъ впередъ.

— Вы поправьте лошадьми-то, — сказалъ онъ Вихрову: — нашъ-то баринъ не очень на это складенъ,—прибавилъ онъ уже вполголоса.

Поѣхали. Вихровъ, взглянувъ впередъ, невольно обмеръ: гора была крутѣйшая и длиннѣйшая; съ одной стороны, какъ стѣна какая, шелъ косой склонъ ея, а съ другой, какъ пропасть бездонная, зіялъ оврагъ. Кучеръ шелъ около самаго краешка оврага; лошади, несмотря на крутѣйшій спускъ, несмотря на то, что колеса затормозить у тарантаса было нечѣмъ, — шажкомъ слѣдовали за нимъ. Коренная вся сидѣла въ хомутѣ и, какъ бы охраняя какое сокровище, упиралась всѣми четырьмя ногами, чтобы удержать напоръ экипажа; пристяжныя шли съ совершенно ослабленными постромками. Кто выучилъ и кто заставлялъ этихъ умныхъ животныхъ такъ дѣлать—неизвѣстно, потому что Вихровъ держался только за вожжи, но шевелить ни одной изъ нихъ не смѣлъ. Юный членъ суда дремалъ въ это время. Когда наконецъ спустились съ горы, Вихровъ вздохнулъ посвободнѣе. Кучеръ тоже былъ доволенъ.

— Теперь только дай Богъ въ гору взобраться,—сказалъ онъ, не садясь еще на козлы.

— А что — крута тоже? — спросилъ Вихровъ.

— Крутѣй этой,—отвѣчалъ кучеръ, идя около тарантаса.— Потрагивайте маненько лошадей-то, — сказалъ онъ.

Вихровъ тронулъ.

Лошади сейчасъ же побѣжали, а кучеръ побѣжалъ за тарантасомъ. Лошади, чѣмъ крутѣй становилась гора, тѣмъ шибче старались бѣжать, хоть видно было, что это имъ тяжело; пристяжныя скосились даже всѣ впередъ, до того онѣ тянули постромки, а коренная безпрестанно растопыривала заднія ноги, чтобы упираться ими. Кромѣ крутизны, тарантасъ надо было перетаскивать черезъ огромные каменья.

— Только грѣшникамъ вбѣгать въ эту гору,—говорилъ кучеръ, поспѣвая бѣгомъ за тарантасомъ и неся въ одной рукѣ фонарь, а въ другой — огромный колъ.

— Ну, ну, матушки, вытягивайте!—говорилъ онъ лошадямъ.

Тѣ наконецъ сдѣлали послѣднее усиліе и остановились. Кучеръ сейчасъ же въ это время подложилъ подъ колеса колъ и не далъ имъ двигаться назадъ. Лошади минуту съ пять переводили дыханіе и затѣмъ, — только-что кучеръ крикнулъ: «ну, ну, матушки!»—снова потянули и даже побѣжали, и наконецъ тарантасъ остановился на ровномъ мѣстѣ.

— Тпру! — произнесъ самодовольно кучеръ.

— Слава тебѣ Господи! — подхватилъ и Вихровъ.

Кучеръ сѣлъ на козлы; онъ самъ тоже сильно запыхался.

— Теперь и мѣсяцу скоро надобно взойти, — проговорилъ онъ, усаживаясь на козлахъ и подбирая вожжи.

— Скоро? — переспросилъ Вихровъ.

— Если часовъ десять есть, такъ скоро!.. — отвѣчалъ кучеръ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ весьма недолгое время на горизонтѣ показалось какъ бы зарево отъ пожара, и затѣмъ выплылъ совершенно красный ликъ луны.

— Вотъ она!.. — сначала-то ничего не дѣйствуетъ, не помогаетъ,—проговорилъ кучеръ:—а чѣмъ выше пойдетъ, тѣмъ свѣтлѣе все будетъ.

— Да вѣдь и солнце точно такъ же!—замѣтилъ ему Вихровъ.

— Солнце такъ же! Видно, сверху-то имъ ловчѣй свѣтить, — проговорилъ кучеръ и тронулъ лошадей трусцой.

Луна, поднимаясь вверхъ, дѣйствительно, все свѣтлѣй начала освѣщать окрестность. Стало видно прежде всего дорогу, потомъ—лѣсокъ по сторонамъ; потомъ ужъ можно было различать поля и даже какой хлѣбъ на нихъ росъ. Лошади все веселѣй и веселѣй бѣжали, кучеръ только посвистывалъ на нихъ.

— Разбудить бы нашего барина надо, недалеко ужъ! — говорилъ онъ.

Юный членъ суда не сидѣлъ ужъ, а, завалившись своимъ худощавымъ корпусомъ за спину Вихрову, храпомъ храпѣлъ.

— Вставайте, недалеко! — сказалъ ему тотъ.

— Чего? Что? Гдѣ? — пробормоталъ онъ, подымаясь и уставляя на Вихрова заспанные глаза.

— Мы ужъ скоро пріѣдемъ! — повторилъ ему тотъ.

— Да, да, пріѣдемъ! — повторилъ непремѣнный членъ.

Свѣжій осенній воздухъ, впрочемъ, вскорѣ заставилъ его окончательно прійти въ себя.

— Я къ дяденькѣ-то прежде сбѣгаю и скажу, что мы пріѣхали, — сказалъ онъ.

— А такъ развѣ онъ не пуститъ насъ?—спросилъ Вихровъ.

— Да такъ-съ, все лучше, какъ я сбѣгаю!

— Ну, сбѣгайте, — сказалъ ему Вихровъ.

Юноша, должно-быть, побаивался своего дяденьки, потому что, чѣмъ ближе они стали подъѣзжать къ жилищу, тѣмъ безпокойнѣе онъ становился, и когда наконецъ въѣхали въ самую усадьбу (которая, какъ успѣлъ замѣтить Вихровъ, была даже каменная), онъ, не давъ еще хорошенько кучеру остановить лошадей и несмотря на свои слабыя ноги, проворно выскочилъ изъ тарантаса и побѣжалъ въ домъ, а потомъ черезъ нѣсколько времени снова появился на крыльцѣ и какимъ-то довольнымъ и успокоительнымъ голосомъ сказалъ Вихрову:

— Пойдемте-съ, дяденька проситъ васъ!

Вихровъ пошелъ. Въ передней ихъ встрѣтилъ заспанный лакей; затѣмъ они прошли темную залу и темную гостиную— и только уже въ наугольной, имѣющей видъ кабинета, увидѣли хозяина, фигура котораго показалась Вихрову великолѣпнѣйшею. Петръ Петровичъ, съ одутловатымъ нѣсколько лицомъ, съ небольшими усиками и съ эспаньолкой, съ огромнымъ животомъ, въ ермолкѣ, въ плисовомъ малиновомъ халатѣ нараспашку, съ ногами, обутыми въ мягкіе сапоги и, сверхъ того еще, лежавшими на подушкѣ, — сидѣлъ передъ маленькимъ столикомъ и раскладывалъ гранъ-пасьянсъ.

— Очень радъ съ вами познакомиться!—сказалъ онъ Вихрову, не поднимаясь, впрочемъ, съ своего мѣста и не переставая даже раскладывать карты: — извините, что не встаю: боленъ, подагра!

— А я, дяденька, пойду умоюсь,—отнесся къ нему несмѣло племянникъ.

— Умойся, авось попригляднѣй немножко будешь! —отвѣчалъ ему насмѣшливо Петръ Петровичъ.

Племянникъ ушелъ.

Петръ Петровичъ снова обратился къ Вихрову:

— Вы вѣдь, кажется, сосланный къ намъ?

— Сосланный.

— Ну, и какъ же вамъ нравится начальникъ вашъ, нашъ царь Іоаннъ Васильевичъ Моховъ?

— Хуже его людей я рѣдко встрѣчалъ, — отвѣчалъ откровенно Вихровъ.

— И я тоже, и я тоже-съ! — отвѣчалъ, засмѣявшись отъ удовольствія, Петръ Петровичъ: онъ былъ давнишній и заклятый врагъ губернатора. — Это онъ васъ и послалъ въ Поярково? — продолжалъ Петръ Петровичъ.

— Онъ.

— И тамъ васъ, племянникъ сказывалъ, совсѣмъ-было съ голоду уморили?

— Молоко и квасъ даже весь выпустили.

Петръ Петровичъ усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Каналья этакій!—произнесъ онъ.—Да и вы, господа чиновники, удивительное дѣло, какой нынче пустой народъ сталъ! Вонъ у меня дядя исправникомъ былъ... Тогда, знаете, этакіе французскіе камзолы еще носили... и какъ, бывало, онъ изъ округа пріѣдетъ, тетушка сейчасъ и лѣзетъ къ нему въ этотъ камзолъ въ карманы: изъ одного вынимаетъ деньги, что по округѣ собралъ, а изъ другого—волосы человѣчьи: это онъ изъ бородъ у мужиковъ надралъ. У того бы они квасу не выпустили!

— Вѣроятно! — подтвердилъ Вихровъ.—Квасъ ужъ это — Богъ съ ними, но у меня тутъ двое пойманныхъ бѣгуновъ убѣжали — и поярковскіе мужики явно ихъ скрыли.

— Еще бы они не скрыли! — подхватилъ Петръ Петровичъ: — одного поля ягода!.. Это у нихъ такъ на двѣ партіи и идетъ: одни по лѣсамъ шляются, а другіе, какъ они сами выражаются, еще мірщатъ, дома и хлѣбопашество имѣютъ, чтобы пристанодержательствовать этимъ бродягамъ разнымъ,— и повѣрите ли, что въ цѣлой деревнѣ ни одна почти дѣвка замужъ нейдетъ, а если поступаетъ какая въ замужество, то самая загоненная или изъ другой вотчины.

— Отчего же это? — спросилъ Вихровъ.

— Оттого, что по ихней вѣрѣ прямо говорится: «жена дана дьяволомъ», т.-е., значитъ: попъ вѣнчалъ, а «дѣвка—Богомъ...» Съ дѣвками всѣ и живутъ, и, вдобавокъ, еще ни одна изъ нихъ и ребятъ никогда не носитъ.

— Это почему? — воскликнулъ Вихровъ.

— Потому что или вытравляютъ, или подкидываютъ, или еще лучше того: у меня есть тутъ въ лѣсу озерко небольшое—каждый годъ въ немъ младенцевъ пятнадцать-двадцать утопленныхъ находятъ, и все это — оттуда.

— Но что же — полиція-то чего же тутъ смотритъ?

— А полиція тутъ только — хапъ, хапъ! Вонъ исправникъ-то, небось, умнѣ: самъ не поѣхалъ, а дурака-племянничка моего послалъ.

Въ это время вошелъ человѣкъ и подалъ Вихрову чаю.

— Повара мнѣ позвать, — сказалъ ему Петръ Петровичъ.

Человѣкъ ушелъ исполнять это приказаніе.

— Что такое наша полиція, я вотъ на себѣ могу указать вамъ примѣръ... Вотъ передъ этимъ поваромъ былъ у меня другой, старикъ, пьяница, по прозванью Поликарпъ

Битое-Рыло, но, какъ бы то ни было, его находятъ въ городѣ мертвымъ вблизи кабака, всего окровавленнаго... Въ самомъ кабакѣ я, черезъ недѣлю пріѣхавши, нашелъ слѣды человѣческой крови — явно вѣдь, что убитъ тамъ?.. Да?

— Конечно, убитъ! — подтвердилъ и Вихровъ.

— Ничуть не бывало-съ!—возразилъ Петръ Петровичъ:— наша полиція точно въ насмѣшку спрашиваетъ меня бумагой, что такъ какъ у повара моего въ желудкѣ найдено около рюмки вина, то не отъ вина ли ему смерть приключилась? Я пишу: «нѣтъ, потому что и самъ г. исправникъ въ присутствіи моемъ выпивалъ неоднократно по десяти рюмокъ водки, и отъ того однако смерти ему не приключалось»; такъ они и скушали отъ меня эту пилюлю.

— А все-таки ничего не раскрыли? — замѣтилъ Вихровъ.

— Все-таки ничего не раскрыли,—подхватилъ Кноповъ:— и то вѣдь, главное, досадно: будь тамъ какой-нибудь другой мужичонка, покрой они смерть его — прахъ бы ихъ дери, а то вѣдь человѣкъ-то незамѣнимый!.. Геній какой-то былъ для своего дѣла: стоитъ каналья у плиты-то, еле на ногахъ держится, а готовитъ превосходно.

Въ дверяхъ показался, должно-быть, позванный поваръ.

— Приготовь ты намъ, братецъ, — сталъ приказывать ему Петръ Петровичъ:—битокъ; только не думайте, чтобы битокъ казенный... Возьми ты, братецъ,—продолжалъ онъ повару:— самой лучшей говяжьей вырѣзки, изруби ты все это вмѣстѣ съ мозгами изъ костей, и только не мелко руби, слышишь! и чтобы куска у меня хлѣба положено не было: все чтобы держалось на мясномъ соку!.. Изруби ты туда еще помъ-д'амуровъ, немного чесноку, немного луку, и на подмазѣ изъ сливочнаго масла — только на подмазѣ, не больше, понимаешь?—изжарь все это.

Поваръ, получивъ такое приказаніе, не уходилъ.

— Куропатокъ давешнихъ прикажете подать? — спросилъ онъ не совсѣмъ смѣлымъ голосомъ.

— Выкинуть ихъ совсѣмъ, дуракъ этакій!—вспылилъ Петръ Петровичъ.—Изжарить порядочно не умѣетъ: либо сварить, либо изсушитъ все... Чтобы въ соку у меня было подано свѣжихъ три куропатки.

Поваръ ушелъ.

— Вотъ вѣдь тоже стряпаетъ! — произнесъ, показавъ ему вслѣдъ головой, Петръ Петровичъ:—а развѣ такъ, какъ мой покойный Поликарпъ Битое-Рыло... Два только теперича у меня удовольствія въ жизни осталось, — продолжалъ онъ: — поѣсть и выпить хорошенько, да церковное пѣніе еще люблю.

— Церковное?—переспросилъ Вихровъ.

— Да-съ, у меня хоръ есть свой—отличный, человѣкъ сорокъ!.. Каждый праздникъ, каждое воскресенье они поютъ у меня у прихода.

— Это очень интересно.

— Угодно, я вамъ покажу этотъ хоръ?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Человѣкъ!—крикнулъ Петръ Петровичъ

На этотъ разъ вбѣжалъ прежній лакей.

— Вели собраться хору и зажги въ залѣ и гостиной свѣчи.

Человѣкъ побѣжалъ исполнить приказаніе.

— Самъ въ молодости пѣлъ не дурно,—продолжалъ Петръ Петровичъ съ нѣкоторымъ даже чувствомъ: — и до самой смерти, видно, буду любить пѣніе.

Въ комнату вошелъ наконецъ племянникъ — умытый, причесанный и въ новенькомъ сюртукѣ.

— Вотъ и я-съ!—проговорилъ онъ.

— Видимъ, что и ты! — сказалъ ему опять насмѣшливо Петръ Петровичъ.—Вотъ нынче въ корпусахъ-то какъ учатъ,—продолжалъ онъ, относясь къ Вихрову и показывая на племянника:—зачѣмъ малаго отдавали?.. Только ноги ему тамъ развинтили, да глаза сдѣлали какъ у теленка.

— Ужъ у меня нынче, дяденька, ноги покрѣпче стали.

— Ну и слава Тебѣ, Господи, коли закрѣпляются понемногу.

Петръ Петровичъ постоянно звалъ племянника «развинченнымъ».

Въ это время въ гостиной и залѣ появился огонь и послышалось шушуканье нѣсколькихъ голосовъ и негромкіе шаги нѣсколькихъ человѣкъ.

— Собрались, должно-быть,—проговорилъ Петръ Петровичъ.

— Человѣкъ, костыль мнѣ!— крикнулъ Кноповъ.

Человѣкъ вбѣжалъ и подалъ ему толстый костыль.

— Попробуйте-ка! Хорошъ ли? — проговорилъ Петръ Петровичъ, подавая его Вихрову.

Тотъ попробовалъ. Въ костылѣ, по крайней мѣрѣ, пуда два было.

— Онъ желѣзный у васъ?—спросилъ Вихровъ.

— Да, не деревянный!—отвѣчалъ Петръ Петровичъ. — Меня въ Москвѣ, по случаю его, къ оберъ-полицеймейстеру призывали. «Нельзя, говоритъ, носить такой палки, вы убить ею можете!» — «Да я, говорю, и кулакомъ убить могу; что же, и кулаковъ своихъ не носить съ собой?»

Говоря это, онъ шелъ, ковыляя, въ гостиную и залу, гдѣ

хоръ стоялъ уже въ полномъ парадѣ. Онъ состоялъ изъ мужчинъ и женщинъ; послѣднія были подстрижены, какъ мужчины, и одѣты въ мужскіе черные чепаны.

— Марья-то какая смѣшная! — сказалъ племянникъ, показывая Петру Петровичу на одну изъ переодѣтыхъ дѣвушекъ.

— Что, понравилась, видно?—спросилъ тотъ его.

— Да-съ,—отвѣчалъ племянникъ, какъ-то глупо осклабляясь.

— Изъ Бортнянскаго, — сказалъ Петръ Петровичъ хору.

Тотъ запѣлъ. Онъ былъ довольно согласный и съ недурными голосами.

Вихровъ изъ всего ихъ пѣнія только и слышалъ: «Да вознесуся!» — пѣли басы. «Да вознесуся!»—повторяли за ними дисканты. «Да вознесуся!»—тянулъ теноръ.

Петръ Петровичъ отъ всего этого былъ въ неописанномъ восторгѣ: склонивъ немного голову и распустивъ почти горизонтально руки, онъ то одной изъ нихъ поматывалъ басамъ, то другою—дискантамъ, то обѣ опускалъ, когда хору надо бы было взять вмѣстѣ посильнѣе; въ то же время онъ и самъ подтягивалъ самой низовой октавой.

— Можетъ-быть, вамъ чего-нибудь повеселѣе желается? — отнесся онъ къ Вихрову:—пѣсенокъ?

— И пѣсенокъ хорошо,—отвѣчалъ тотъ.

— Ну, любимую мою! — обратился Петръ Петровичъ къ хору, который сейчасъ же изъ круга вытянулся въ шеренгу и запѣлъ:

„Я вечоръ млада во пиру была!“

Петру Петровичу, повидимому, особенно нравилось то мѣсто, гдѣ пѣлось:

„Я не медъ пила и не водочку,
Я пила млада все наливочку:
Я не рюмочкой, не стаканчикомъ,
Я пила млада изъ полна ведра!“

«Изъ полна ведра!»—басилъ онъ и самъ при этомъ случаѣ.

Хоръ затѣмъ продолжалъ:

„Я домой-то шла, пошатнулася,
За вереюшку ухватилася!“

«Ухватилася!» — басилъ Петръ Петровичъ и, несмотря на больныя ноги, все-таки пошевеливалъ ими: родникъ веселости, видно, еще сильно бился въ немъ, не изсякъ отъ лѣтъ и недуговъ.

— Ну, Миша, пляши!—крикнулъ онъ племяннику.

— Я, дяденька, не умѣю, — отвѣчалъ тотъ, краснѣя, но, впрочемъ, вставая.

— Врешь, пляши, не то въ арапленникъ велю принять! Марья, выходи, становись противъ него!

На этотъ зовъ сейчасъ же вышла изъ хора та дѣвушка, на которую указывалъ племянникъ.

— Говорятъ тебѣ — пляши! — подтвердилъ ему еще разъ дядя.

Бѣдный членъ суда, дѣлать нечего, началъ выкидывать свои развинченныя ноги, а Марья, стоя передъ нимъ, твердо била трепака; хоръ продолжалъ пѣть (у нихъ ужъ бубны и тарелки появились при этомъ):

„Я не медъ пила и не водочку"...

Вихровъ смотрѣлъ и слушалъ все это съ наклоненной головой.

За послѣдовавшимъ вскорѣ послѣ того ужиномъ Петръ Петровичъ явился любителемъ и мастеромъ угостить: дымящійся битокъ въ самомъ дѣлѣ оказался превосходнымъ, бутылокъ на столѣ поставлено было нѣсть числа; Петръ Петровичъ сейчасъ же своихъ гостей началъ учить — какъ надо рѣзать сыръ, и потомъ приготовилъ гастрономическимъ образомъ салатъ. Когда племянникъ не сталъ-было пить вина, онъ крикнулъ на него даже: «Пей, дуракъ! Все равно на ногахъ ужъ не стоишь!» — а Вихрова онъ просто напоилъ допьяна, такъ что тотъ, по случаю хорового церковнаго пѣнія, заговорилъ ужъ о религіи.

— Во всѣхъ религіяхъ одно только и вѣчно: это эстетическая сторона,—говорилъ онъ:—отнимите вы ее, и религіи нѣтъ! Лютерство, исключившее у себя эту сторону, не религія, а Богъ знаетъ что̀ такое!

— Такъ, такъ!—соглашался съ нимъ и Петръ Петровичъ.

Вихровъ, разговорившись далѣе, хватилъ и въ другую сторону.

— У насъ вся система страшная, вся система невыносимая, — нечего тутъ винить какого-нибудь губернатора или исправника,—система ужасная!—говорилъ онъ.

— Разумѣется!—подтверждалъ Петръ Петровичъ.

Онъ всегда и вообще любилъ вольнодумныя мысли.

— Что̀, сосулька, спать ужъ хочешь? — обратился онъ къ племяннику, зѣвавшему во весь ротъ.

— Хочу, дяденька!—отвѣчалъ тотъ.

— Ну, что̀ съ тобой ужъ дѣлать, пойдемте! — говорилъ Петръ Петровичъ, приподнимаясь.

Постели гостямъ были приготовлены въ гостиной. Та же горничная Маша, не снявшая еще мужского костюма, опра-

зляла ихъ. Вихровъ улегся на мягчайшій пуховикъ и одѣлся теплымъ, но легонькимъ шелковымъ одѣяломъ.

«Чортъ знаетъ, что̀ такое!—разсуждалъ онъ въ своей не совсѣмъ трезвой головѣ: — сегодня поутру былъ въ непроходимыхъ лѣсахъ—чуть съ голоду не уморили, а вечеромъ слушалъ прекрасное хоровое пѣніе и напился и наѣлся до одурѣнія,—о, матушка Россія!»

Поутру Петръ Петровичъ такъ же радушно своихъ гостей проводилъ, какъ и принялъ,—и обѣщался, какъ только будетъ въ городѣ, быть у Вихрова.

Лошади Мѣлкова были на этотъ разъ какія-то чистыя, выкормленныя; кучеръ его также какъ бы повеселѣлъ и прибодрился. Словомъ, видно было, что все это получило отличное угощеніе.

XIX.

Отвѣтъ Мари.

Вихровъ, по пріѣздѣ въ городъ, какъ бы въ вознагражденіе за все претерпѣнное имъ, получилъ наконецъ отъ Мари отвѣтъ. Почеркъ ея при этомъ былъ ужасно тревоженъ и неровенъ.

«Я долго тебѣ не отвѣчала, — писала она: — потому была больна—и больна отъ твоего же письма! Что̀ мнѣ отвѣчать на него? Тебѣ гораздо лучше будетъ полюбить ту достойную дѣвушку, о которой ты пишешь, а меня—горькую и безотрадную—оставить какъ-нибудь доживать вѣкъ свой!..»

Далѣе, потомъ въ письмѣ былъ виденъ перерывъ, и оно надолго, кажется, было оставлено и начато снова еще болѣе тревожнымъ почеркомъ.

«Нѣтъ, мой другъ, не вѣрь, что̀ я тебѣ писала; mais seulement, que personne ne sache; écoutez, mon cher, je t'aime, je t'aimerais toujours! Я долго боролась съ собой, чтобы не сказать тебѣ этого... Съ тѣхъ поръ, какъ увидала тебя въ Москвѣ и потомъ въ Петербургѣ,—Господи, прости мнѣ это!—я разлюбила мужа, меньше люблю сына: желаніе мое теперь одно: увидаться съ тобой. Что̀ это у тебя за непріятности по службѣ,—напиши мнѣ поскорѣе, не нужно ли что̀ похлопотать въ Петербургѣ: я поѣду всюду и стану на колѣняхъ вымаливать для тебя.

«Мари».

Первымъ дѣломъ Вихрова, по прочтеніи этого письма, было ѣхать къ губернатору съ тѣмъ, чтобы отпроситься у него въ отпускъ въ Петербургъ.

Въ пріемной онъ увидѣлъ того же скучающаго адъютанта, который на этотъ разъ и докладывать не пошелъ, а прямо ему объявилъ:

— Подождите тутъ: въ двѣнадцать часовъ генералъ выйдетъ.

По настоящимъ своимъ чувствованіямъ, Вихровъ счелъ бы губернатора за перваго для себя благодѣтеля въ мірѣ, если бы тотъ отпустилъ его въ отпускъ, и онъ все сидѣлъ и обдумывалъ, въ какихъ бы болѣе убѣдительныхъ выраженіяхъ изложить ему просьбу свою.

Въ двѣнадцать часовъ генералъ дѣйствительно вышелъ и, увидѣвъ Вихрова, какъ будто усмѣхнулся,—но не въ привѣтствіе ему, а скорѣе какъ бы въ насмѣшку. Вихровъ почти дрожащими руками подалъ ему дѣло о бѣгунахъ.

— Поймали кого-нибудь? — спросилъ губернаторъ, не заглядывая даже въ донесеніе.

— Я поймалъ, но у меня убѣжали, — отвѣчалъ Вихровъ: голосъ у него при этомъ дрожалъ.

Губернаторъ явно уже усмѣхнулся надъ нимъ какой-то презрительной и сожалѣнія исполненной улыбкой и, повернувшись, хотѣлъ-было уйти въ свой кабинетъ. Вихровъ остановилъ его.

— Ваше превосходительство, мнѣ надобно объясниться съ вами наединѣ.

Начальникъ губерніи молча указалъ ему на кабинетъ, и они оба вошли туда. Губернаторъ сѣлъ, а Вихровъ стоялъ на ногахъ передъ нимъ.

— Я, ваше превосходительство, имѣю къ вамъ покорнѣйшую просьбу: отпустите меня въ отпускъ, въ Петербургъ...— началъ онъ.

Губернаторъ уставилъ на него удивленные глаза, какъ бы желая убѣдиться, что онъ—помѣшался въ умѣ или нѣтъ.

— Вамъ въѣздъ въ столицу запрещенъ,—проговорилъ онъ.

— Но я прошу этого, какъ особой милости; я буду тамъ и не покажусь никому изъ начальства.

Губернаторъ усмѣхнулся.

— Что же, вы хотите, чтобы я участвовалъ съ вами въ обманѣ вашемъ?

— Ваше превосходительство, у меня сестра тамъ, единственная моя родная, умираетъ и желаетъ со мной повидаться,—проговорилъ Вихровъ, думая разжалобить начальника губерніи.

Тотъ пожалъ на это плечами.

— Что жъ дѣлать, но я все-таки не могу измѣнять для васъ законовъ,—проговорилъ онъ.

— Но неужели же, ваше превосходительство, я здѣсь на всю жизнь заключенъ, не сдѣлавъ никакого преступленія? — сказалъ Вихровъ.

— То-есть какъ заключены?—спросилъ губернаторъ.

— Тѣмъ, что я не могу воспользоваться дарованнымъ всѣмъ чиновникамъ правомъ—уѣхать въ отпускъ.

Губернаторъ уставилъ на него опять какъ бы нѣсколько насмѣшливый взглядъ.

— Вы не чиновникъ здѣсь, а сосланный,—объяснилъ онъ.

Вихровъ видѣлъ, что ни упросить ни убѣдить этого человѣка было невозможно; кровь прилила у него къ головѣ и къ сердцу.

— Вторая моя просьба,—началъ онъ, самъ не зная хорошенько, зачѣмъ это говоритъ, и, можетъ-быть, даже думая досадить этимъ губернатору:—вторая... уволить меня отъ производства слѣдствій по дѣламъ раскольниковъ.

Начальникъ губерніи вопросительно взглянулъ на него.

— Я не могу этихъ дѣлъ исполнять,—говорилъ Вихровъ.

Начальникъ губерніи не говорилъ ни слова и продолжалъ на него смотрѣть.

— Вы заставляете меня, — объяснялъ Вихровъ: — дѣлать обыскъ въ домахъ у людей, которые по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ и по своему образу жизни, можетъ-быть, гораздо лучше, чѣмъ я самъ.

Начальникъ губерніи сталъ ужъ слушать его съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Слова Вихрова, видимо, начали его интересовать даже.

— Я, какъ какой-нибудь азіатскій завоеватель, ломаю храмы у людей, безпрекословно исполняю желаніе какого-то изувѣра попа единовѣрческаго...—говорилъ между тѣмъ тотъ.

— Что же вы хотите всѣмъ этимъ сказать?— спросилъ наконецъ губернаторъ.

— То, что я съ настоящею добросовѣстностью не могу исполнять этихъ порученій, — это воспрещаетъ мнѣ моя совѣсть.

Губернаторъ усмѣхнулся.

— Вы напишите мнѣ все это на бумагѣ; что мнѣ слушать ваши словесныя заявленія!

— Въ донесеніи моемъ это отчасти сказано, — отвѣчалъ Вихровъ:—потому что по послѣднему моему порученію я убѣдился, что всѣми этими дѣйствіями мы, чиновники, окончательно становимся ненавистными народу; когда мы пріѣхали въ селеніе, ближайшее къ мѣсту укрывательства бѣгуновъ, тамъ вылили весь квасъ, молоко, перебили всѣ яйца, чтобы

только не дать намъ съѣсть чего-нибудь изъ этого, — такого унизительнаго положенія и такой ненависти отъ моего народа я не желаю нести!

— И это напишите, — сказалъ ему даже какъ-то кротко губернаторъ.

— И это написано-съ,—отвѣчалъ Вихровъ. — Въ отпускъ, значитъ, я никакъ не могу надѣяться быть отпущенъ вами?

— Никакъ, — отвѣчалъ губернаторъ.

Вихровъ поклонился ему и вышелъ.

Губернаторъ, оставшись одинъ, принялся читать послѣдній его рапортъ. Улыбка не сходила съ его губъ въ продолженіе всего этого чтенія.

— Дуракъ!—произнесъ онъ, прочитавъ все до конца, и затѣмъ, свернувъ бумагу и положивъ ее себѣ въ карманъ, велѣлъ подавать фаэтонъ и, развѣвая потомъ своимъ бѣлымъ султаномъ, поѣхалъ по городу къ m-me Николовой.

Онъ каждое утро обыкновенно послѣ двѣнадцати часовъ бывалъ у нея, и мужъ ея въ это время — куда хочетъ, но долженъ былъ убираться.

Первое намѣреніе героя моего, по выходѣ отъ губернатора, было — безъ разрѣшенія потихоньку уѣхать въ Петербургъ, что онъ, вѣроятно, исполнилъ бы, но на крыльцѣ своей квартиры онъ встрѣтилъ прокурора, который пріѣхалъ къ брату обѣдать.

— Откуда это вы?—спросилъ тотъ.

Вихровъ разсказалъ ему — откуда, и, объяснивъ свою надобность ѣхать въ Петербургъ, признался, что онъ хочетъ самовольно уѣхать, такъ какъ губернаторъ никакъ не разрѣшаетъ ему отпуска.

Прокуроръ отрицательно покачалъ головой.

— Ну, я не совѣтовалъ бы вамъ этого дѣлать, — проговорилъ онъ: — вы не знаете еще, видно, этого господина: онъ васъ, безъ всякой церемоніи, велитъ остановить и посадить васъ въ тюрьму,—и будетъ въ этомъ случаѣ совершенно правъ.

— Но что же дѣлать, что же дѣлать?—говорилъ Вихровъ почти со слезами на глазахъ.

Захаревскій пожалъ плечами.

— По-моему, самое благоразумное, — сказалъ онъ: — вамъ написать отъ себя министру письмо, изложить въ немъ свою крайнюю надобность быть въ Петербургѣ и объяснить, что начальникъ губерніи не беретъ на себя разрѣшить вамъ это и отказывается ходатайствовать объ этомъ, а потому вы лично рѣшаетесь обратиться къ его высокопревосходительству; но кромѣ этого — напишите и знакомымъ вашимъ, кто у васъ тамъ есть, чтобы они похлопотали.

Все это складно уложилъ въ головѣ и Вихровъ.

«Напишу къ министру и Мари, къ Плавину, Абрееву, авось что-нибудь и выйдетъ», — подумалъ онъ и сообщилъ этотъ планъ прокурору.

Тотъ одобрилъ его.

— Но вы однакоже все-таки потомъ опять вернетесь сюда изъ Петербурга?—спросилъ его Захаревскій.

— Никогда, если только меня оставятъ и не выгонятъ изъ Петербурга!—воскликнулъ Вихровъ и затѣмъ поспѣшилъ раскланяться съ прокуроромъ, пришелъ домой и сейчасъ же принялся писать предположенныя письма.

Въ изобрѣтеніи разныхъ льстивыхъ и просительныхъ фразъ онъ почти дошелъ до творчества: «сіятельнѣйшій графъ!»—писалъ онъ къ министру, и далѣе потомъ упомянулъ какъ-то о «нѣжномъ сердцѣ» того. Въ письмѣ къ Плавину онъ безпрестанно повторялъ объ его «благородствѣ», а Абрееву объяснилъ, что онъ, «какъ человѣкъ новыхъ убѣжденій», не преминетъ... и прочее. Когда онъ перечиталъ эти письма, то показался даже самъ себѣ омерзителенъ.

— О, любовь!—воскликнулъ онъ:—для тебя одной только я позволяю себѣ такъ подличать!

Къ Мари онъ написалъ коротенько:

«Сокровище мое, хлопочите и молите, чтобы дали мнѣ отпускъ, о чемъ я вмѣстѣ съ симъ прошу министра. Если я еще съ полгода не увижу васъ, то съ ума сойду».

Когда окончены были всѣ эти посланія, съ Вихровымъ отъ всего того, что онъ пережилъ въ этотъ день, сдѣлался даже истерическій припадокъ, такъ что онъ прилегъ на постель и началъ рыдать, какъ малый ребенокъ.

Груня понять не могла, что такое съ нимъ: грустная, со сложенными руками, она стояла молча и смотрѣла на него.

Прокуроръ между тѣмъ, усѣвшись съ братомъ и сестрой за обѣдъ, не преминулъ объяснить:

— А я сейчасъ вашего постояльца встрѣтилъ; онъ хлопочетъ и совсѣмъ желаетъ уѣхать въ Петербургъ.

— Скатертью ему и дорога туда! — подхватилъ инженеръ, которому до смерти уже надоѣлъ и самъ Вихровъ и всякій разговоръ о немъ.

Прокуроръ въ это время мелькомъ взглянулъ на сестру.

— Но, можетъ-быть, нѣкоторыя дамы будутъ скучать о немъ,—проговорилъ онъ съ полуулыбкой.

— Можетъ-быть, найдутся такія чувствительныя сердца, благо они на свѣтѣ не переводятся,—сказалъ инженеръ.

Юлія, слушая братьевъ, только блѣднѣла.

— Что же, онъ свою Миликтрису Кирбитьевну,—спросилъ Виссаріонъ, разумѣя подъ этимъ именемъ Грушу:—съ собой беретъ?

— Нѣтъ, я подозрѣваю, что у него тамъ есть какая-нибудь Кирбитьевна, къ которой онъ стремится, — подхватилъ прокуроръ.

Юлія въ это время дѣлала салатъ, и глаза ея наполнились слезами.

— Ужъ салатъ-то нашъ, по крайней мѣрѣ, не увлажняйте вашими слезами,—сказалъ ей насмѣшливо инженеръ.

Юлія поспѣшно отодвинула отъ себя салатникъ.

— Вамъ обоимъ, кажется, пріятно мучить меня?!—проговорила она.

— Не мучить, а образумить тебя хотимъ,—сказалъ ей прокуроръ: — потому что онъ прямо мнѣ сказалъ, что ни за что не возвратится изъ Петербурга.

— Что жъ изъ этого? — возразила ему Юлія, уставляя на него еще полные слезъ глаза:—онъ останется въ Петербургѣ, и я уѣду туда.

— Но кто жъ тебя пуститъ? — спросилъ ее съ улыбкой прокуроръ.

— Отецъ пуститъ; я скажу ему, что я хочу этого,—и онъ переѣдетъ со мной въ Петербургъ.

— Вотъ это хорошо! — подхватилъ инженеръ: — а потомъ Вихрова куда-нибудь въ Астрахань пихнуть—и въ Астрахань за нимъ ѣхать, его въ Сибирь въ рудники сошлютъ — и въ рудники за нимъ ѣхать.

— Чтобы типунъ тебѣ на языкъ за это, — въ рудники сошлютъ! — воскликнула Юлія и не въ состояніи даже была остаться за столомъ, а встала и ушла въ свою комнату.

— Вотъ втюрилась, дура этакая! — сказалъ инженеръ невеселымъ голосомъ.

— Да! — подтвердилъ протяжно и прокуроръ.

XX.

Объясненіе.

Вскорѣ послѣ того Вихровъ получилъ отъ прокурора коротенькую записку.

«Спѣшу, любезный Павелъ Михайловичъ, увѣдомить васъ, что г-нъ Кляковъ находящееся у него въ опекунскомъ управленіи имѣніе купилъ въ крѣпость себѣ и испросилъ у губернатора преслѣдованіе, на которомъ мужики, вѣроятно,

заранѣе застращенные, дали совершенно противоположныя показанія тому, что̀ вамъ показывали. Не найдете ли нужнымъ принять со своей стороны противъ этого какія-нибудь мѣры?»

Прочитавъ эту записку, Вихровъ на первыхъ порахъ только разсмѣялся и написалъ Захаревскому такой отвѣтъ:

«Чортъ бы ихъ дралъ,—что̀ бы они ни выдумывали, я знаю только, что по совѣсти я правъ, и больше объ этомъ и думать не хочу».

Герой мой, въ самомъ дѣлѣ, ни о чемъ больше и не думалъ, какъ о Мари, и обыкновенно по цѣлымъ часамъ просиживалъ передъ присланнымъ ею портретомъ: глаза и улыбка у Мари сдѣлались чрезвычайно похожими на Еспера Иваныча, и это Вихрова приводило въ неописанный восторгъ. Впрочемъ, вечеромъ, поразмысливъ нѣсколько о сообщенномъ ему прокуроромъ извѣстіи, онъ по преимуществу встревожился въ томъ отношеніи, чтобы эти кляузы не повредили ему какъ-нибудь отпускъ получить, а потому, когда онъ услыхалъ вверху шумъ и говоръ голосовъ, то, подумавъ, что это, вѣроятно, пріѣхалъ къ брату прокуроръ, онъ рѣшился сходить туда и разспросить того поподробнѣе о продѣлкѣ Клыкова; но, войдя къ Виссаріону въ гостиную, онъ былъ непріятно удивленъ: тамъ на цѣломъ рядѣ креселъ сидѣли прокуроръ, губернаторъ, m-me Николова, Виссаріонъ и Юлія, а передъ ними стоялъ какой-то господинъ въ черномъ фракѣ и держалъ въ рукахъ карты. У Вихрова едва достало духу сдѣлать всѣмъ общій поклонъ.

— Очень радъ! — проговорилъ Виссаріонъ, какъ бы нѣсколько сконфуженный его появленіемъ.

Губернаторъ и m-me Николова не отвѣчали даже на поклонъ Вихрова, но прокуроръ ему дружески и съ небольшой улыбкой пожалъ руку, а Юлія, заблиставшая вся радостью при его появленіи, показывала ему глазами на мѣсто около себя. Онъ и сѣлъ около нея.

Вечеръ этотъ у Виссаріона составился совершенно экспромтомъ; надобно сказать, что съ самаго театра m-me Николова обнаруживала большую дружбу и вниманіе къ Юліи. У женщинъ бываютъ иногда этакія безотчетныя стремленія. M-me Николова сама говорила, что дѣвушка эта ужасно ей нравится, но почему—она и сама не знаетъ.

Виссаріонъ, какъ человѣкъ практическій, не преминулъ сейчасъ же тѣмъ воспользоваться и началъ для m-me Николовой дѣлать маленькіе вечера, на которыхъ, разумѣется, всегда бывалъ и начальникъ губерніи, — и на весь городъ

распространился слухъ, что губернаторъ очень благоволитъ къ инженеру Захаревскому, а это имѣло послѣдствіемъ то, что у Виссаріона отъ построекъ очутилось въ карманѣ тысячъ пять лишнихъ; кромѣ того, вниманіе начальника губерніи пріятно щекотало и самолюбіе его. Прокуроръ не ѣздилъ обыкновенно къ брату на эти вечера, но въ настоящій вечеръ пріѣхалъ, потому что Виссаріонъ, желая какъ можно болѣе доставить удовольствія и развлеченія гостямъ, выдумалъ пригласить къ себѣ пріѣхавшаго въ городъ фокусника.— а Иларіонъ, какъ и многіе умные люди, любилъ фокусы и смотрѣлъ на нихъ съ величайшимъ вниманіемъ и любопытствомъ. Фокусникъ (съ наружностью, свойственною всѣмъ въ мірѣ фокусникамъ, и съ засученными немного рукавами) обращался по преимуществу къ m-me Пиколовой. Какъ ловкій плутъ, онъ, вѣроятно, уже провѣдалъ, какого рода эта птица, и, видимо, хотѣлъ выразить ей свое уваженіе.

— Мадамъ, будьте такъ добры, возьмите эту карту,—говорилъ онъ ей на какомъ-то скверномъ французскомъ языкѣ.— M-r le général, и вы,—обратился онъ къ губернатору.

— А гдѣ же мнѣ держать ее?—спрашивалъ тотъ, тоже на сквернѣйшемъ французскомъ языкѣ.

— А я вотъ держу свою у себя подъ платкомъ!— подхватила Пиколова, тоже на сквернѣйшемъ французскомъ діалектѣ.

Прокуроръ не утерпѣлъ и заглянулъ: хорошо ли они держатъ карты.

— Разъ, два! — сказалъ фокусникъ и повелъ по воздуху своей палочкой: карта начальника губерніи очутилась у m-me Пиколовой, а карта m-me Пиколовой—у начальника губерніи.

Удивленію какъ того, такъ и той предѣловъ не было. Виссаріонъ же стоялъ и посмѣивался. Онъ самъ зналъ этотъ фокусъ — и вообще бо́льшую часть фокусовъ, которые дѣлалъ фокусникъ, онъ зналъ и даже нѣкогда нарочно учился этому.

Затѣмъ фокусникъ сталъ показывать фокусъ съ кольцами. Онъ какъ-то такъ поводилъ ими, что одно кольцо входило въ другое — и образовалась цѣпь; встряхивалъ этой цѣпью — кольца снова распадались.

— Покажите, покажите мнѣ это кольцо!—говорилъ начальникъ губерніи почти озлобленнымъ отъ удивленія голосомъ.— Никакого разрыва нѣтъ на кольцѣ, — говорилъ онъ, передавая кольцо прокурору, который, прищурившись и поднося къ свѣчкѣ, сталъ смотрѣть на кольцо.

— Ничего не увидишь. — остановилъ его братъ. Онъ хоть и не зналъ этого фокуса, но зналъ, что на кольцѣ ничего увидать нельзя.

— Ахъ, посмотрите, у меня тоже вошло кольцо въ кольцо,— воскликнула m-me Николова радостно-дѣтскимъ голосомъ, державшая въ рукахъ два кольца и все старавшаяся соединить ихъ; фокусникъ только-что подошелъ къ ней, какъ она и сдѣлала это.

— Вы чародѣйка, чародѣйка! — говорилъ губернаторъ, смотря на нее по обыкновенію своимъ страстнымъ взглядомъ.

Вихрову ужасно скучно было все это видѣть. Онъ сидѣлъ, потупивъ голову. Юлія тоже не обращала никакого вниманія на фокусника и, въ свою очередь, глядѣла на Вихрова и потомъ, когда всѣ другія лица очень заинтересовались фокусникомъ (онъ производилъ въ это время магію съ морскими свинками, которыя превращались у него въ голубей, а голуби — въ морскихъ свинокъ), Юлія, собравшись со всѣми силами своего духа, но по наружности веселымъ и даже смѣющимся голосомъ, проговорила Вихрову:

— А что же вы, Павелъ Михайловичъ, не хотите узнать отъ меня мой секретъ, который я вамъ хотѣла разсказать?

— Секретъ? — повторилъ какъ бы флегматически Вихровъ и внутренно уже испугавшись. Впрочемъ, подумавъ, онъ рѣшился съ Юліей быть совершенно откровеннымъ, если она и скажетъ ему что-нибудь о своихъ чувствахъ.

— Вы знаете,—продолжала она тѣмъ же смѣющимся голосомъ:—что я въ васъ влюблена?

— Увы!—произнесъ Вихровъ тоже веселымъ голосомъ: — при другихъ обстоятельствахъ счелъ бы это за величайшее счастіе, но теперь не могу отвѣчать вамъ тѣмъ же.

— Отчего же?—спросила Юлія все-таки весело.

— Оттого, что люблю другую,—отвѣчалъ Вихровъ.

— Что же, эту неблагодарную m-me Фатѣеву, что ли?

— Нѣтъ.

— Неужели же — фай! — вашу экономку?

— И не экономку.

— Кто же это? — проговорила Юлія. Голосъ ея не былъ уже болѣе веселъ.

— Одну дальнюю кузину мою.

— Отъ которой вы письма получали? — проговорила Юлія; рыданія уже подступали у ней къ горлу.—Что же это—старинная привязанность?—спросила она.

— Очень!—отвѣчалъ Вихровъ, сидя въ прежнемъ положеніи и не поднимая головы.—Я былъ еще мальчикомъ влюбленъ въ нее; она, разумѣется, вышла за другого.

— Отчего же не за васъ?—говорила Юлія.

— Оттого, что я гимназистъ еще былъ, а она — дѣвушка лѣтъ восемнадцати.

— Ну, а потомъ?—спрашивала Юлія.

— А потомъ со мной произошло странное психологическое явленіе: я около двѣнадцати лѣтъ носилъ въ душѣ чувство къ этой женщинѣ, не подозрѣвая самъ того,—и оно у меня выражалось только отрицательно, такъ что я истинно и искренно не могъ полюбить никакой другой женщины.

— Но однако уже теперь у васъ это чувство положительно выразилось?

— Теперь — положительно.

— Что же открыло его?—продолжала разспрашивать Юлія. У ней достало уже силы совладѣть со своими рыданіями, и она ихъ спрятала далеко-далеко въ глубину души.

— Открыло— мысль и надежда на взаимность.

— Вамъ, значитъ, отвѣтили?

— Отвѣтили.

— А какъ же мужъ? Онъ живъ еще?

— Живъ.

— Какимъ же образомъ? Онъ долженъ возбуждать въ васъ ревность.

Вихровъ пожалъ плечами.

— У меня любовь къ ней духовная, а душой и сердцемъ никто и никогда не можетъ завладѣть.

— Завидую вашей кузинѣ,—проговорила Юлія, помолчавъ немного, и едва замѣтно при этомъ вздохнула.

— Въ чемъ же? — спросилъ Вихровъ, какъ бы не понявъ ея словъ.

— Въ томъ, что она внушила такое постоянное чувство: двѣнадцать лѣтъ ее безнадежно любили и не могли отъ этого чувства полюбить другихъ женщинъ.

— Не могъ-съ!—отвѣчалъ Вихровъ. Онъ очень хорошо видѣлъ, что Юлія была оскорблена и огорчена.

Разговоръ далѣе между ними не продолжался. Вихрову стало какъ-то стыдно противъ Юліи, а она, видимо, собиралась со своими чувствами и мыслями. Онъ отошелъ отъ нея, чтобы дать ей успокоиться.

Юлія по крайней мѣрѣ съ полчаса просидѣла на своемъ мѣстѣ, не шевелясь и ни съ кѣмъ не говоря ни слова; она была, какъ я уже и прежде замѣтилъ, дѣвушка самолюбивая и съ твердымъ характеромъ. Пока она думала и надѣялась, что Вихровъ отвѣтитъ ей на ея чувство,—она любила его до страсти, сентиментальничала, способна была, пожалуй, надѣлать глупостей и неосторожныхъ шаговъ; но какъ только услыхала, что онъ любитъ другую, то сейчасъ же поспѣшила выкинуть изъ головы всѣ мечтанія, всѣ надежды, — и у ней

уже остались только маленькая боль и тоска въ сердцѣ, какъ будто бы тамъ что-то такое грызло и вертѣло. Окончательно овладѣвъ собою и увидѣвъ, что m-me Николова сидѣла одна (начальникъ губерніи въ это время разговаривалъ съ Виссаріономъ Захаревскимъ), Юлія сейчасъ же подошла и сѣла около нея. Вихрову между тѣмъ ужасно хотѣлось уйти домой, но онъ собственно пришелъ спросить о своемъ дѣлѣ прокурора, а тотъ, какъ нарочно, продолжалъ все заниматься съ фокуспикомъ. Вихровъ сталъ дожидаться его и въ это время невольно прислушался къ разговору, который происходилъ между губернаторомъ и Виссаріономъ. Они говорили о почтовомъ домѣ, который хозяйственнымъ образомъ строилъ Захаревскій.

— Почтмейстеръ прямо мнѣ пишетъ, что домъ никуда не годится,—говорилъ губернаторъ больше шутя, чѣмъ серьезно.

— Для меня рѣшительно все равно, хоть бы онъ провалился,—отвѣчалъ Виссаріонъ:—архитекторъ ихъ принялъ—и кончено!

— Но онъ говоритъ, что штукатурка потомъ ужъ на потолкахъ обвалилась.

— Штукатурка должна была бы или сейчасъ обвалиться, или ужъ она обыкновенно никогда не обваливается.

— Но она однако дѣйствительно обвалилась, — возражалъ слабо начальникъ губерніи.

— Очень-съ можетъ быть! очень это возможно! — отвѣчалъ бойко Захаревскій.—Они, можетъ-быть, буки бучили и бѣлье парили въ комнатахъ,—это какую хотите штукатурку отпаритъ.

— Потомъ, что полъ очень провѣсился, боятся ходить,— какъ бы больше сообщалъ Захаревскому начальникъ губерніи.

— И то совершенно возможно! — отвѣтилъ тотъ съ прежнею развязностью: — нѣтъ на свѣтѣ балки, которая бы при двѣнадцати аршинахъ длины не провѣсла, только ходить отъ этого бояться нечего. Въ Петербургѣ въ домахъ всѣ полы качаются, однако этого никто не боится.

— Потомъ, что земля очень сыра, и что отъ этого полы начало уже коробить.

— Непремѣнно начнетъ коробить—и мнѣ самому гораздо бы лучше было и выгоднѣе класть сухую землю, потому что ее легче и скорѣе наносили бы, но я надъ Богомъ власти не имѣю: все время или проливные дожди, не на плитѣ же мнѣ было землю сушить; да я наконецъ пробовалъ это, но только не помогаетъ ничего, не сохнетъ; я обо всемъ томъ доносилъ начальству!

— Или тоже печи, пишутъ, сложены изъ стараго кирпича,

а тотъ изъ стѣны старой разобрать—и весь поэтому въ известн, что вредно для печи.

— Очень вредно-съ, но это было дѣло ихъ архитектора смотрѣть. Я сдалъ ему печи изъ настоящаго матеріала — и чтобы онѣ были изъ какого-нибудь негоднаго сложены, въ сдаточномъ актѣ этого не значится, но послѣ они могли ихъ переложить и сложить Богъ знаетъ изъ какого кирпича — времени полгода прошло!

— Но все-таки вы поправьте имъ, чтобы успокоить ихъ,— больше совѣтовалъ начальникъ губерніи, чѣмъ приказывалъ.

— Ни за что, ваше превосходительство! — воскликнулъ Захаревскій: — если бы я виноватъ былъ, — это дѣло другое; но я чистъ, какъ солнце. Это значитъ—прямо дать поводъ клеветать на себя кому угодно.

— Да, но я это не для нихъ, а для себя прошу васъ сдѣлать, потому что они пойдутъ писать въ Петербургъ, а я терпѣть не могу, чтобы туда доходили дрязги разныя.

— Если для васъ, ваше превосходительство, такъ я готовъ передѣлать хоть съ подошвы имъ весь домъ, но говорю откровенно: для меня это очень обидно, очень обидно, —говорилъ Захаревскій.

— Но что жъ дѣлать мало ли по службѣ бываетъ непріятностей!—произнесъ начальникъ губерніи тономъ философа.

— Это конечно! — подтвердилъ также нѣсколько философскимъ тономъ и Захаревскій.

Во всемъ этомъ разговорѣ Вихрова, по преимуществу, удивила смѣлость Виссаріона, съ которою тотъ говорилъ о постройкѣ дома. Груня еще прежде того разсказывала ему: «хозяинъ-то нашъ, вонъ, почтовый домъ строилъ да двадцать тысячъ себѣ и взялъ, а домъ-то теперь весь провалился». Даже самъ Виссаріонъ, ѣхавши разъ съ Вихровымъ мимо этого дома, показалъ ему на него и произнесъ: «вотъ я около этого камелька порядкомъ руки погрѣлъ!»—а теперь онъ завѣрялъ губернатора, что чистъ, какъ солнце.

Лакеи въ продолженіе всего вечера безпрестанно разносили фрукты и конфеты. Наконецъ подана была груша — по два рубля штука. Виссаріонъ, несмотря на то, что разговаривалъ съ начальникомъ губерніи, не преминулъ подбѣжать къ m-me Николовой и упросилъ ее взять съ собой домой пятокъ такихъ грушъ. Онъ зналъ, что она до страсти ихъ любила и ѣла ихъ обыкновенно, лежа еще въ постели поутру. За такого рода угощенье m-me Николова была въ восторгѣ отъ вечеровъ Захаревскаго и ужасно ихъ хвалила, равно какъ и самого хозяина.

Прокуроръ наконецъ наглядѣлся фокусовъ и вышелъ въ залу. Вихровъ поспѣшилъ сейчасъ туда же выйти за нимъ.

— Что это, какое это еще они на меня дѣло выдумали?— спросилъ онъ.

— Не выдумали, а повернули такъ ловко,—отвѣчалъ прокуроръ: — мужики дали имъ совсѣмъ другія показанія, чѣмъ давали вамъ.

— Но отъ кого же вы это слышали?

— Губернаторъ самъ мнѣ говорилъ. «Вотъ, говоритъ, какъ слѣдствія у меня чиновники производятъ: Вихровъ, производя слѣдствіе у Клыкова, все налгалъ».

— Ахъ, онъ негодяй этакій!—воскликнулъ Вихровъ, вспыхнувъ въ лицѣ: — я не то что въ службѣ, но и въ частной жизни никогда не лгалъ,— я спрошу у него сегодня же!

— Спросите,—сказалъ прокуроръ.

Вихровъ за ужиномъ, для большей смѣлости, нарочно выпилъ стакана два лишнихъ и, когда вино ему немножко ударило въ голову, обратился довольно громко къ губернатору:

— Ваше превосходительство, дѣло объ опекунствѣ Клыкова, говорятъ, преслѣдовали?

Губернаторъ довольно сердито взмахнулъ на него глазами, а m-me Николова и уши при этомъ навострила.

— Да-съ, преслѣдовали,—произнесъ губернаторъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— И что же найдено при преслѣдованіи?

— Не знаю-съ! Я не читалъ еще самаго дѣла,—отвѣчалъ губернаторъ, взглянувъ на мгновеніе на прокурора.

Вихровъ видѣлъ, что далѣе разговаривать объ этомъ нѣтъ никакой возможности, тѣмъ болѣе, что губернаторъ обратился къ дамамъ, съ которыми завязался у него довольно живой разговоръ.

— Мы васъ рѣшительно не пустимъ, рѣшительно не пустимъ,—говорила Николова Юліи.

— Вы ѣдете куда-нибудь?—вмѣшался губернаторъ.

— Да, я на той недѣлѣ уѣзжаю къ отцу,—отвѣчала Юлія довольно громко, какъ бы затѣмъ, чтобы слышалъ Вихровъ.

— Вы уѣзжаете?—спросилъ ее тотъ.

— Непремѣнно,—отвѣчала и ему Юлія.

— А мы васъ не пустимъ, не пустимъ,—сказалъ губернаторъ.

— Никакія силы человѣческія меня здѣсь больше не удержатъ!—отвѣчала Юлія съ удареніемъ.—Я такъ давно не видала отца,—прибавила она.

Губернаторъ, уѣзжая по обыкновенію съ Николовой, не

взглянулъ даже на Вихрова; впрочемъ, тотъ и самъ ему не поклонился.

Черезъ недѣлю Юлія, въ самомъ дѣлѣ, уѣхала къ отцу.

XXI.

Сборище недовольныхъ.

Отвѣтъ отъ Мари наконецъ былъ полученъ. Онъ написанъ былъ такимъ же безпокойнымъ почеркомъ, какъ и прежнее письмо:

«Милый другъ мой! Понять не могу, что̀ такое: губернаторъ прислалъ на тебя какой-то доносъ, копію съ котораго прислалъ мнѣ Плавинъ и которую я посылаю къ тебѣ. Добрый Абреевъ нарочно ѣздилъ объясняться съ министромъ, но тотъ ему сказалъ, что онъ въ распоряженія губернаторовъ со своими подчиненными не входитъ. Если мужа ушлютъ въ Южную армію, я не поѣду въ имѣніе и заѣду въ нашъ городъ повидаться съ тобой».

Вихровъ на первыхъ порахъ и сообразить хорошенько не могъ, что̀ это такое съ нимъ дѣлается: съ какимъ-то отупѣвшимъ чувствомъ и безъ особеннаго даже безпокойства онъ взялъ и прочелъ копію съ доноса на него. Тамъ писалось:

«Сосланный въ ввѣренную мнѣ губернію и состоящій при мнѣ чиновникомъ особыхъ порученій, коллежскій секретарь Вихровъ, дозволилъ себѣ при производствѣ имъ слѣдствія по опекунскому управленію штабсъ-капитана Клыкова внушать крестьянамъ неповиновеніе и отбиралъ отъ нихъ пристрастныя показанія; при производствѣ дознанія объ единовѣрцахъ вошелъ черезъ жену мѣстнаго станового пристава въ денежныя сношенія съ раскольниками, и наконецъ, посланный для поимки бѣглыхъ, захватилъ оныхъ вмѣстѣ съ понятыми въ количествѣ двухъ человѣкъ, но, по небрежности или изъ какихъ-либо иныхъ цѣлей, отпустилъ ихъ и такимъ образомъ далъ имъ возможность избѣжать кары закона.

«Почтительнѣйше представляя все сіе на благоусмотрѣніе вашего сіятельства, имѣю честь испрашивать разрѣшенія о преданіи чиновника особыхъ порученій Вихрова суду».

Далѣе рукой Плавина въ этой копіи было прибавлено:

«Разрѣшеніе это и послѣдовало уже».

По прочтеніи всего этого Вихрову сдѣлалось даже смѣшно— и онъ не успѣлъ еще перейти ни къ какому другому чувству, какъ въ залѣ послышалась походка со шпорами.

«Ужъ не опять ли меня ссылаютъ куда-нибудь подальше?» — подумалъ онъ.

Въ комнату къ нему, въ самомъ дѣлѣ, входилъ полицеймейстеръ.

— Я къ вамъ привезъ предписаніе начальника губерніи,— началъ тотъ, вынимая изъ-за борта мундира бумагу.

Вихровъ взялъ ее у него. Въ предписаніи было сказано:

«Предавъ васъ вмѣстѣ съ симъ за противозаконныя дѣйствія по службѣ суду и съ удаленіемъ васъ на время производства суда и слѣдствія отъ должности, я вмѣстѣ съ симъ предписываю вамъ о невыѣздѣ никуда изъ черты городской впредь до окончанія объ васъ упомянутаго дѣла».

— Очень хорошо-съ!—сказалъ Вихровъ, обратясь къ полицеймейстеру.

— Позвольте мнѣ отъ васъ получить расписку въ полученіи этого предписанія,—проговорилъ тотъ.

Вихровъ далъ ему эту расписку

Полицеймейстеръ не уходилъ: ему тоже, какъ видно, хотѣлось ругнуть губернатора.

— Вотъ начальство-то какъ нынче распоряжается! — проговорилъ онъ, но Вихровъ ему ничего не отвѣчалъ. Полицеймейстеръ былъ созданье губернатора и одинъ изъ довѣреннѣйшихъ его людей, но начальникъ губерніи принадлежалъ къ такимъ именно начальникамъ, которыхъ даже любимые и облагодѣтельствованные имъ подчиненные терпѣть не могутъ.

Въ залѣ между тѣмъ раздались новые шаги.

Вихровъ взмахнулъ глазами: въ двери входили оба брата Захаревскіе—на лицахъ ихъ обоихъ была написана тревога.

— Я все, кажется, исполнилъ, что вы желали,—обратился Вихровъ къ полицеймейстеру.

Тотъ понялъ этотъ намекъ, поклонился и ушелъ.

— Вы слышали, какую штуку съ вами сыгралъ господинъ губернаторъ? — спросилъ прокуроръ. У него губы были даже блѣдны отъ гнѣва.

— Читаю вотъ все это теперь,—отвѣчалъ Вихровъ.

Виссаріонъ Захаревскій началъ молча ходить взадъ и впередъ по комнатѣ; онъ тоже былъ возмущенъ поступкомъ губернатора.

Я журнала ихъ о преданіи васъ суду не пропустилъ,— началъ прокуроръ: — во-первыхъ, въ дѣлѣ о пристрастіи вашемъ въ допросахъ спрошены совершенно не тѣ крестьяне, которыхъ вы спрашивали,—и вы, напримѣръ, спросили семьдесятъ человѣкъ, а они—тронхъ.

— Тронхъ!—воскликнулъ Вихровъ.

— Тронхъ! — повторилъ прокуроръ. — Потомъ о голодѣ и холерѣ они никакихъ новыхъ повальныхъ обысковъ не дѣ-

лали, а взяли только прежнія о томъ постановленія земскаго суда и опеки. Въ дѣлѣ ваши бы вашихъ сношеній черезъ становую приставшу съ раскольниками — есть одно только голословное письмо священника; я и говорю, что прежде, чѣмъ предавать человѣка суду, надо обслѣдовать все это законнымъ порядкомъ; они не согласились, въ то же присутствіе постановили, что они приведутъ въ исполненіе прежнее свое постановленіе, а я со своей стороны донесу министру своему.

— Благодарю васъ, — сказалъ Вихровъ, протягивая ему руку.

— Это невозможно, невозможно-съ, — говорилъ прокуроръ; губы у него все еще оставались блѣдными отъ гнѣва.

Виссаріонъ тоже наконецъ заговорилъ.

— Главное дѣло тутъ — месть нехороша, — началъ онъ: — господинъ Вихровъ не угодилъ ему, не хотѣлъ угодить ему въ дѣлѣ, близкомъ для него; ну, передай это дѣло другому — и кончено, но мстить, подбирать къ этому еще другія дѣла — по-моему, это нехорошо.

— Вопросъ тутъ не во мнѣ, — началъ Вихровъ, собравшись наконецъ съ силами высказать все, что̀ накопилось у него на душѣ: — можетъ-быть, я самъ во всемъ виноватъ и дѣйствительно никуда и ни на что не гожусь; можетъ-быть, виновата въ томъ злосчастная судьба моя, но — увы! — не я тутъ одинъ такъ страдаю, а сотни и тысячи подчиненныхъ, которыми начальство распоряжается чисто для своей потѣхи. Будь еще у насъ какія-нибудь партіи, и когда одна партія восторжествовала бы, такъ давнула бы другую, — это было бы еще въ порядкѣ вещей; но у насъ ничего этого нѣтъ, а просто тираны забавляются своими жертвами: какъ нѣкогда татары обращались съ нами въ Золотой Ордѣ, такъ и мы обращаемся до сихъ поръ съ подчиненными нашими!.. Вотъ даю клятву, — продолжалъ Вихровъ: — что̀ бы со мной ни было, куда бы судьба меня ни закинула, но разоблачать и предавать осмѣянію и поруганію всѣхъ этихъ господъ — составитъ цѣль моей жизни!..

— Все это совершенно справедливо! — подхватилъ инженеръ: — и противъ этого можно только возразить: гдѣ̀ жъ этого нѣтъ? Вездѣ начальство желаетъ, чтобы подчиненные служили въ ихъ духѣ; вездѣ есть пристрастіе, вездѣ есть корыстолюбіе.

— Какъ вездѣ? — спросилъ прокуроръ. — Ни на одномъ языкѣ слова даже нѣтъ: *взятка*.

— Слова нѣтъ, а самое дѣло есть, — произнесъ, смѣясь, инженеръ.

— Нигдѣ такого дѣла нѣтъ, нигдѣ! — воскликнулъ Вихровъ: — извините, Виссаріонъ Ардальонычъ, я сегодня въ сильно раздраженномъ состояніи — и потому не могу удержаться и приведу вамъ васъ же самихъ въ примѣръ: въ вашемъ домѣ этотъ господинъ губернаторъ... когда вы разговаривали съ нимъ о разныхъ вашихъ опущеніяхъ при постройкѣ дома, онъ какъ бы больше шутилъ съ вами, находя все это, вѣроятно, вздоромъ, пустяками,—и въ то же время меня, человѣка неповиннаго ни въ чемъ и только исполнившаго честно свой долгъ, предастъ суду; съ такимъ безстыдствомъ поступать въ общественной дѣятельности можно только въ азіатскихъ государствахъ!

Инженеръ весь вспыхнулъ.

— Да вы, можетъ-быть, Богъ знаетъ какъ напутали при исполненіи вашихъ порученій; онъ этимъ и воспользовался,— отдалъ васъ подъ судъ.

— Если бы даже я и напуталъ, такъ онъ не долженъ былъ бы смѣть отдавать меня подъ судъ, потому что онъ все-таки зналъ, что я честно тутъ поступалъ!

Пріѣздъ новыхъ гостей прервалъ этотъ разговоръ. Это былъ Кноповъ, который, по обыкновенію, во фракѣ и съ прикрѣпленною на борту сабелькою, увѣшанною крестами и медальками, входилъ, переваливаясь съ ноги за ногу, а за нимъ слѣдовалъ со своимъ строгимъ и малоподвижнымъ лицомъ уже знакомый намъ совѣстный судья.

— Сейчасъ только услыхалъ въ клубѣ о постигшемъ васъ гнѣвѣ отъ нашего грознаго царя Ивана, — началъ Кноповъ, относясь къ Вихрову: — и поспѣшилъ вмѣстѣ съ Дмитріемъ Дмитріевичемъ,—прибавилъ онъ, указывая на судью:—засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и уваженіе!

Вихровъ поблагодарилъ того и другого.

— Здравствуйте, молодая юстиція, — продолжалъ Кноповъ, обращаясь къ прокурору:—у нихъ вѣдь, какъ только родится правовѣдъ, такъ его сейчасъ въ предсѣдательскій мундиръ и одѣваютъ. Мое почтеніе, украшатели городовъ,—сказалъ Петръ Петровичъ и инженеру:—имъ велѣно шоссе исправно содержать, а они вмѣсто того города украшаютъ: строятъ все дома себѣ.

Судья молча и солидно со всѣми раскланялся.

Усѣлись всѣ.

Судья первый началъ говорить.

— На меня губернаторъ тоже написалъ доносъ, — сказалъ онъ Вихрову.

— Это по случаю кандидатуры на мѣсто предсѣдателя? — спросилъ тотъ.

— Да-съ,— продолжалъ судья какимъ-то ровнымъ и металлическимъ голосомъ: — онъ нашелъ, что меня нельзя на это мѣсто утвердить, потому что я къ службѣ нерадивъ, жизни разгульной и въ понятіяхъ вольнодуменъ. Противъ всего этого я имѣю имъ же самимъ данные мнѣ факты. Что я нерадивъ къ службѣ—это я могу доказать тѣмъ, что послѣ каждой ревизіи моего суда онъ объявлялъ мнѣ печатную благодарность; бывалъ-съ потомъ весьма часто у меня въ домѣ; я у него распоряжался на балахъ; былъ приглашаемъ имъ на самые маленькіе обѣды его. Какимъ же образомъ онъ это дѣлалъ? Если я человѣкъ разгульной жизни и вольнодумныхъ мыслей— такихъ людей начальникъ губерніи обыкновенно къ себѣ не приближаетъ и не долженъ приближать. О всемъ этомъ у меня составлены докладныя записки, изъ коихъ одну я подалъ министру внутреннихъ дѣлъ, а другую—министру юстиціи.

— Митя у меня молодецъ!—подхватилъ Кноповъ.—У него и батька былъ такой сутяга: у того Герасимовъ, богатый баринъ, поля собаками помялъ да коровъ затравилъ,—тридцать лѣтъ съ нимъ тягался, однако оттягалъ: заставили того заплатить всѣ протори и убытки...

— Я не то что сутяга, — возразилъ ему судья: — а ужъ, конечно, никому не позволю наступать себѣ на ногу, если я въ чемъ-нибудь правъ!.. Въ этой докладной запискѣ, — продолжалъ онъ снова, относясь къ Вихрову:—я объясняю и причины, по которымъ начальникъ губерніи порочитъ меня. «Для госпожи Пиколовой,—я пишу:—выгнаны четыре исправника и замѣнены ея родственниками: за госпожу Пиколову ратманъ за то, что въ лавкѣ у него не повѣрили ей въ долгъ товару, былъ выдержанъ цѣлый мѣсяцъ при полиціи; за госпожу Пиколову господинъ Вихровъ за то, что онъ произвелъ слѣдствіе объ ея родномъ братѣ не такъ, какъ тому желалось, преданъ теперь суду». Я вотъ нарочно и заѣхалъ къ вамъ, чтобы попросить васъ позволить мнѣ упомянуть также и о васъ.

— Сдѣлайте одолженіе,—подхватилъ Вихровъ.

— Кромѣ того, у меня собраны отъ разныхъ жителей города такого рода записки: «Ахъ, тамъ, пожалуйста, устройте балъ у себя, m-me Пиколовой такъ хочется потанцовать», или: «мы съ m-me Пиколовой пріѣдемъ къ вамъ обѣдать», и все въ этомъ родѣ. Какъ потомъ будетъ угодно министрамъ — обратить на это вниманіе или нѣтъ, но я представляю факты.

— Это, братъ, еще темна вода во облацѣхъ, что тебѣ министры скажутъ, — подхватилъ Кноповъ: — а вотъ гораздо лучше по-нашему, по-офицерски поступить: какъ къ нѣкоторымъ полковымъ командирамъ офицеры являлись. «Ваше пре-

восходительство, или берите другой полкъ, или выходите въ отставку, а мы съ вами служить не желаемъ; не дѣлайте ни себя ни насъ несчастными, потому что въ противномъ случаѣ кто-нибудь изъ насъ, по жребію, долженъ будетъ вамъ дать въ публичномъ мѣстѣ оплеуху!» — и всегда вѣдь выходили; ни одинъ не оставался.

— Губернаторъ и полковой командиръ—двѣ вещи разныя,— возразилъ ему судья: — въ полкахъ все-таки было развито чувство чести!

— Губернаторъ просто назоветъ это скопомъ и донесетъ на васъ,—подхватилъ прокуроръ:—и васъ всѣхъ разошлютъ по дальнимъ губерніямъ.

— Да, пожалуй, разсылай, — эка важность! Народъ-то нынче трусоватъ сталъ,—продолжалъ Петръ Петровичъ, мотнувъ головой: — вотъ какъ въ старину прежде дворяне-то были— Бобковъ и Хлопковъ. Разъ они въ чемъ-то разругались на баллотировкѣ: «Ты,—говоритъ одинъ другому: — не смѣй мнѣ говорить, я два раза въ солдаты былъ разжалованъ!»—«А я, говоритъ другой:—въ рудникахъ на каторгѣ былъ!»—хвастаются другъ передъ другомъ тѣмъ; а вонъ нынѣшніе-то лизуны — какъ съѣдутся зимой, баль-костюме сейчасъ надо для начальника губерніи сдѣлать. Онъ меня разъ спрашиваетъ: «Будете вы въ маскарадѣ и какъ замаскируетесь?..»—«Министромъ», говорю. — «Зачѣмъ же, говоритъ, министромъ?» — «Чтобы чиновниковъ, говорю, всѣхъ выгнать вонъ».—«Что же, говоритъ, и меня выгоните?»—«Въ первую голову», говорю. Смѣется, но послѣ того на обѣды пересталъ звать... Однако, моя милая братія, пора намъ и «пуа»!—заключилъ Кноповъ уже вставая.

— «Пуа»?—спросилъ его Вихровъ.

— «Пуа»!.. непремѣнно «пуа»!..—повторилъ Кноповъ.—Вы, Ѳемида юная, поѣдете съ нами?.. Въ клубъ вѣдь только! никуда больше!..—сказалъ онъ прокурору.

— Извольте!—отвѣчалъ тотъ.

— А вы, градоукрашатель? — обратился онъ къ инженеру.

— И я поѣду,—отвѣчалъ тотъ.

— Съ васъ непремѣнно дюжину шампанскаго. — говорилъ Кноповъ:—а то скажу, изъ какого лѣсу вы подъ городомъ мостъ строили. «Куда это, говорю, братцы, вы гнилушки-то эти везете—на заводъ, что ли, куда-нибудь въ печь?»—«Нѣтъ, говорятъ,—мостъ строить!»

— Ну, ну! всегда одно и то же толкуете! — говорилъ инженеръ, идя за Петромъ Петровичемъ, который выходилъ въ сопровожденіи всѣхъ гостей въ переднюю. Тамъ онъ не утер-

нѣлъ, чтобы не пошутить съ Груней, у которой едва доставало силенки подать ему его огромную медвѣжью шубу.

— Что вы, милушка, нянюшкой, что ли, за вашимъ барином ходите?—спросилъ онъ ее.

— Нянюшкой-съ.—пошутила и Груша, краснѣя.

— Что же, вы ему спинку и грудку трете?—спрашивалъ Кноповъ.

— Нѣтъ-съ, не тру,—отвѣчала Груня, смѣясь и еще болѣе краснѣя.

— Трите, милушка, трите,—это пользительно бываетъ!

Вихровъ, проводивъ гостей, началъ себя чувствовать очень нехорошо. Онъ легъ въ постель; но досада и злоба, доходящія почти до отчаянія, волновали его. Не напиши Мари ему спасительныхъ словъ своихъ, что пріѣдетъ къ нему,—онъ, пожалуй, Богъ знаетъ на что бы рѣшился.

На другой день онъ всталъ въ лихорадкѣ и весь желтый: у него разлилась страшнѣйшая желчь.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

I.

Радостныя извѣстія.

Уже около двухъ мѣсяцевъ Вихровъ лежалъ больной. Онъ все почти время проводилъ одинъ; изъ друзей его никого не было въ городѣ: Кноповъ жилъ въ деревнѣ; прокуроръ вмѣстѣ съ совѣстнымъ судьей (и врядъ ли не затѣмъ, чтобъ помочь тому подшибить губернатора) уѣхалъ въ Петербургъ. Инженеръ тоже поѣхалъ съ ними, чтобы, какъ онъ выражался, пообдѣлать кой-какія дѣлишки, и такимъ образомъ единственной собесѣдницей героя моего была Груша, очень похорошѣвшая послѣднее время и начавшая одѣваться совершенно какъ барышня. Она цѣлые дни сидѣла у него въ комнатѣ и щебетала ему, какъ птичка, разныя разности.

Однажды, это было въ пятницу на Страстной недѣлѣ, Вихровъ лежалъ, закинувъ голову на подушки; ему невольно припоминалась другая, нѣкогда бывшая для него Страстная недѣля, когда онъ жилъ у Крестовниковыхъ: какъ онъ былъ тогда покоенъ, счастливъ; какъ мало еще зналъ всѣхъ гадостей людскихъ; какъ онъ вѣрилъ въ то время въ жизнь, въ правду, въ свои собственныя силы; а теперь все это было

разбито—и что предстояло впереди, онъ еще и самъ не зналъ хорошенько.

Груша между тѣмъ, думая, что баринъ скучаетъ, не преминула сейчасъ же начать развлекать его своими разговорами. По случаю такихъ великихъ дней, она по преимуществу старалась говорить о божественномъ.

— А что, баринъ, правда ли,—спросила она:—когда Христосъ воскресъ, то пришелъ въ адъ и заковалъ сатану?

— Правда,—отвѣчалъ Вихровъ:—потому что доброе и великое начало, которое есть во Христѣ, непремѣнно должно было заковать начало злое.

— И что будто бы, баринъ, — продолжала Груша: — цѣпь эту, чтобъ разломать ее, дьяволы круглый годъ пилятъ, — и какъ только самая малость у нихъ останется, съ ушко игольное, вдругъ подойдетъ Христовъ день, пропоютъ: «Христосъ воскресе!», цѣпь опять цѣла и сдѣлается?..

— И это справедливо,—подтвердилъ Вихровъ:—злое начало, какъ его ни заковывай, непремѣнно въ жизни человѣческой начнетъ проявляться—и все больше и больше, пока снова не произнесутся слова любви и освобожденія: тогда оно опять пропадаетъ... Но кто жъ тебѣ все это разсказывалъ?—прибавилъ онъ, обращая съ радушіемъ свое лицо къ Грунѣ.

— Да тутъ старушка, баринъ, къ намъ одна въ Воздвиженское ходила: умная этакая, начетчица!.. Она еще говорила: какъ Христосъ тогда сошелъ въ адъ — всѣхъ грѣшниковъ и увелъ съ Собою, только одного царя Соломона оставилъ тамъ. «Что жъ, говоритъ, Господи, Ты покинулъ меня?»—«А то, говоритъ, что ты своимъ умомъ выходи!» Соломонъ и сталъ проситься у сатаны. Тотъ говоритъ: «Хорошо, поклонись только мнѣ!» Что дѣлать царю Соломону? Онъ однако день-другой подумалъ и согласился: поклонился сатанѣ, а самъ при этомъ все держитъ ручку вверхъ,—и, батюшки, весь адъ восплескалъ отъ радости, что царь Соломонъ сатанѣ поклонился... Тотъ отпускаетъ его; только Соломонъ, какъ на землю-то вышелъ, и говоритъ дьяволамъ, которые его провожали: «Я, говоритъ, не сатанѣ вашему кланялся, а Христу; вотъ, говоритъ, и образъ его у меня на большомъ пальцѣ написанъ!..» Это онъ, какъ два-то дни думалъ, и нарисовалъ себѣ на ногтю образъ Спасителя.

Замѣтивъ при этомъ на губахъ у Вихрова улыбку, Груша пріостановилась.

— Что, баринъ, видно, это не правда?—спросила она.

Вихровъ недоумѣвалъ, что ему отвѣчать: разочаровывать Грушу въ этихъ ея вѣрованіяхъ ему не хотѣлось, а оставлять ее при томъ—ему тоже было жаль.

— Ну, а сама какъ ты думаешь: правда это или нѣтъ?— спросилъ онъ ее въ свою очередь.

— Мнѣ-то, баринъ, сумнительно,—отвѣчала Груша:—что неужели въ аду-то кисти и краски есть, которыми царь Соломонъ образъ-то нарисовалъ.

— Это не то, что онъ образъ нарисовалъ,—объяснялъ ей Вихровъ:—онъ въ мысляхъ своихъ только имѣлъ Христа, когда клалися сатанѣ.

— Такъ, такъ!..—подхватила радостно Груша:—я сама тоже думала, что это онъ только въ мнѣніи своемъ имѣлъ; вотъ то же, какъ и мы, грѣшные, дѣлаемъ одно дѣло, а думаемъ совсѣмъ другое.

— Какое же это ты дѣло дѣлаешь, а думаешь другое?— спросилъ ее Вихровъ.

— Да вотъ, баринъ, хоть бы то,—отвѣчала Груша, немного покраснѣвъ:—вотъ какъ вы, пока въ деревнѣ жили, заставите, бывало, меня что-нибудь дѣлать—я и дѣлаю, а думаю не про то; работа-то ужъ и не спорится отъ этого.

— Про что жъ ты думаешь?

— А про то, баринъ (и лицо Груни при этомъ зардѣлось, какъ маковъ цвѣтъ), что я люблю васъ очень!

— Вотъ какая ты!—проговорилъ Вихровъ.

— Да, баринъ, очень васъ люблю! — повторила еще разъ Груша и потомъ, истощивъ, какъ видно, весь разговоръ о божественномъ, перешла и на другой предметъ.

— А что, баринъ, государь Николай Павлычъ померъ ужъ?

— Померъ.

— Теперь, значитъ, у насъ государь Александръ Николаичъ?

— Александръ Николаичъ.

— Онъ, говорятъ, добрый?

— Очень.

Груша, кажется, хотѣла еще что-то спросить; но въ это время послышался звонокъ, затѣмъ говоръ и шумъ шаговъ.

— Это, должно-быть, Кноповъ пріѣхалъ, — проговорилъ Вихровъ.

— Онъ и есть, надо-быть, медвѣдь этакій!—сказала Груша и поспѣшила захватить работу и встать со своего мѣста.

Въ комнату въ самомъ дѣлѣ входилъ Кноповъ, который, какъ только показался въ дверяхъ, такъ сейчасъ же и запѣлъ своимъ пріятнымъ густымъ басомъ:

«Волною морскою скрывшаго древле гонителя, мучителя...»

— Что это такое? Отъ вечерни, что ли, вы?—спросилъ его Вихровъ, поднимаясь съ своей постели.

— Изъ дому-съ!—отвѣчалъ Петръ Петровичъ и сейчасъ же

замѣтилъ, что Груша какъ бы немного пряталась въ темномъ углу.

— Это, сударыня, куда вы ушли? Пожалуйте сюда и извольте садиться на свое мѣсто!—проговорилъ онъ и подвелъ ее къ тому мѣсту, на которомъ она сидѣла до его прихода.

Груша очень конфузилась.

— Да вы сами-то извольте садиться,—проговорила она.

— Я-то сяду, ты-то садись и не скрывай отъ насъ твоего прелестнаго лица!—проговорилъ Петръ Петровичъ.

— Садись, Груша, ничего!..—повторилъ ей и Вихровъ.

Груша сѣла, но все-таки продолжала конфузиться.

Петръ Петровичъ затѣмъ и самъ, точно стопудовая гиря, опустился на стулъ.

— Съ вѣстями я-съ, съ большими!.. Нашего гонителя, мучителя скрыли, почеркнули... хе-хе-хе!..—И Петръ Петровичъ захохоталъ громчайшимъ смѣхомъ на всю комнату.

— Какого же? Неужели губернатора нашего?—спросилъ Вихровъ и вспыхнулъ даже въ лицѣ отъ удовольствія.

— Его самаго-съ!—подтвердилъ Петръ Петровичъ.

— Но какимъ же это образомъ случилось—и за что?

— Это все Митька, нашъ совѣстный судья, натворилъ: долѣзъ сначала до министровъ, тѣмъ нажаловался; потомъ этотъ молодой генералъ, Абреевъ, что ли, къ которому вы давали ему письмо, свезъ его къ какой-то важной барынѣ на раутъ. «Вотъ, говоритъ, вы тому, другому, третьему разскажите о вашемъ дѣлѣ...» Онъ всѣмъ и объяснилъ—и пошелъ трезвонъ по городу!.. Министръ видитъ, что весь Петербургъ кричитъ,—нельзя жъ подобнаго господина терпѣть на службѣ,—и сдѣлалъ докладъ, что по дошедшимъ неблагопріятнымъ отзывамъ уволить его...

Ко всему этому разсказу Груша внимательнѣйшимъ образомъ прислушивалась.

— Ну, слава Тебѣ, Господи!—сказала она и даже перекрестилась при этомъ: изъ разныхъ отрывочныхъ словъ барина она очень хорошо понимала своимъ любящимъ сердцемъ, какой злодѣй былъ губернаторъ для Вихрова.

— Но знаетъ ли онъ о своей участи?—спросилъ тотъ Петра Петровича.

— Знаетъ—какъ же! Я нарочно сегодня заѣзжалъ къ Николовымъ—сидятъ оба, плачутъ, мужъ и жена,—ей-Богу!.. «Что это,—я говорю невиннѣйшимъ, знаете, голосомъ: — Ивана-то Алексѣевича вытурили, говорятъ, изъ службы?» — «Да, говоритъ, онъ не хочетъ больше служить и переѣзжаетъ въ Москву».— «Какъ же, говорю, вы безъ него скучать будете—

и вы бы переѣзжали съ нимъ въ Москву».—«У насъ, говоритъ, состоянія нѣтъ на то!»—«Что жъ, говорю, вашему супругу тамъ бы мѣсто найти; вотъ, говорю, отличнѣйшая тамъ должность открылась; двѣ съ половиной тысячи жалованья, мундиръ 5-го класса, стеречь Минина и Пожарскаго, чтобъ не украли!»—«Ахъ, говоритъ, отъ кого же это зависитъ?»—«Кажется, говорю, отъ оберъ-полицеймейстера». Повѣрили, дурачье этакое!

— Какъ-то мое дѣло теперь повернется—интересно!..—произнесъ Вихровъ, видимо, больше занятый своими мыслями, чѣмъ разсказомъ Кнопова:—я ужъ подалъ жалобу въ сенатъ.

— Повернется непремѣнно въ вашу пользу. На мѣсто Мохова, говорятъ, сюда будетъ назначенъ этотъ Абреевъ—пріятель вашъ.

— Неужели? — воскликнулъ Вихровъ съ явнымъ удовольствіемъ.

— Онъ, говорятъ, непремѣнно.

— Груша, слышишь: баринъ твой прежній будетъ сюда назначенъ губернаторомъ.

— Слышу, да-съ! — отвѣчала та тоже радостно; она, впрочемъ, больше всего ужъ рада была тому, что прежняго-то злодѣя смѣнили.

— Абреевъ человѣкъ отличнѣйшій, честный, свободомыслящій,—говорилъ Вихровъ.

— Такъ мнѣ и Митрій Митричъ пишетъ: «человѣкъ, говоритъ, очень хорошій и воспитанный».

— Но скажите, пожалуйста, что же Захаревскіе дѣлаютъ въ Петербургѣ?.. Ни одинъ изъ нихъ мнѣ ни строчки, ни звука не пишетъ, — продолжалъ Вихровъ, видимо повеселѣвшій и разговорившійся.

— Да старшій-то, слышно, въ Петербургѣ и останется; давно ужъ ему тоже хотѣлось туда: все здѣсь ниже своего ума находилъ; а младшій, говорятъ, дѣло какое-то торговое беретъ,—продуфь вѣдь малый!..

Въ это время послышался въ передней снова звонокъ.

— Видно, еще кто-то пріѣхалъ! — проговорила Груша и проворно вышла, чтобы посмотрѣть, кто.

Вскорѣ она возвратилась, но лицо ея было далеко не такъ весело, какъ было оно за нѣсколько минутъ.

— Это письмо къ вамъ-съ,—сказала она замѣтно сухимъ тономъ:—отъ Марьи Николавны, надо-быть,—прибавила она, и какъ будто бы что-то въ родѣ грустной улыбки промелькнуло у нея на губахъ. Груша, несмотря на то, что умѣла только читать печатное, почеркъ Марьи Николаевны знала уже хорошо.

Вихровъ дрожащими руками распечаталъ письмо Мари и началъ его читать.

Мари писала:

«Наконецъ Богъ мнѣ помогъ сдѣлать для тебя хоть что-нибудь: по дѣлу твоему въ сенатѣ я просила нѣсколькихъ сенаторовъ и разсказала имъ все до подробности; оно уже рѣшено теперь, и тебя велѣно освободить отъ суда. По случаю войны, здѣсь всѣ въ ужасной агитаціи — и ты знаешь, вѣроятно, изъ газетъ, что нашему бѣдному Севастополю угрожаетъ сильная бѣда; войска наши, одно за другимъ, шлютъ туда; мужа моего тоже посылаютъ на очень важный постъ — и поэтому къ нему очень благосклоненъ министръ и даже спрашивалъ его, не желаетъ ли онъ что-нибудь поручить ему или о чемъ-нибудь попросить его; мужъ, разумѣется, сначала отказался; но я рѣшилась воспользоваться этимъ — и моему милому Евгенію Петровичу вдула въ уши, чтобы онъ попросилъ за тебя. Генералъ мой сперва отъ этого немножко поморщился; но я ему втолковала, что этимъ онъ сдѣлаетъ истинно-доброе дѣло. Онъ убѣдился въ этомъ, попросилъ министра, — и, чрезъ ходатайство того, тебѣ разрѣшено выйти въ отставку и жить въ деревнѣ; о большемъ пока я еще и не хлопотала, потому что, какъ только мужъ уѣдетъ въ Севастополь, я сейчасъ же ѣду въ имѣніе наше и увижусь съ тобою въ твоемъ Воздвиженскомъ. Мнѣ иногда казалось, что ты, смотря на мою жизнь, какъ будто бы спрашивалъ взглядомъ твоимъ: за что я полюбила мужа моего и отдала ему руку и сердце? Исторія этой любви очень проста: онъ тогда только-что возвратился съ Кавказа, слава гремѣла объ его храбрости, всѣ товарищи его съ удивленіемъ и восторгомъ говорили объ его мужествѣ и твердости,—голова моя закружилась—и я, забывъ всѣ другія качества человѣка, видѣла въ немъ только героя-храбреца. Въ настоящее время я какъ бы вижу подтвержденіе этой молвы объ немъ: ему уже слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, онъ любитъ меня, сына нашего,—но когда услыхалъ о своемъ назначеніи въ Севастополь, то не только не поморщился, но какъ будто бы даже помолодѣлъ, расторопнѣй и живѣй сдѣлался—и собирается теперь, какъ онъ выражается, на этотъ «кровавый пиръ» такъ же весело и спокойно, какъ будто бы онъ ѣхалъ на какой-нибудь самый пріятнѣйшій для него вечеръ; ясно, что воевать—это его дѣло, его призваніе, его сущность: онъ воинъ по натурѣ своей, воинъ органически. Точно такъ же и тотъ ненавистный капитанъ, который такъ тебѣ не понравился тогда у насъ на вечерѣ. Онъ самъ Христомъ Богомъ упрашивалъ мужа, чтобы тотъ взялъ его съ собою, —

и когда Евгеній Петровичъ согласился, то надобно было видѣть восторгъ этого господина; о непріятелѣ онъ не можетъ говорить безъ пѣны у рта—и говоритъ, что вся Россія должна вооружиться, чтобы не дать нанести себѣ позора, который задумала ей сдѣлать Франція за 12-й годъ. Все это много помирило меня съ нимъ за его дикія мнѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ искреннѣйшій патріотъ и любитъ Россію по-своему, какъ только умѣетъ. До свиданья, другъ мой!»

— Нѣтъ, въ одинъ день и много ужъ получать столько счастья! — сказалъ Вихровъ, кладя письмо и ложась отъ душевнаго волненія на постель.

— Что такое еще пишутъ?—спрашивалъ Петръ Петровичъ.

— Пишутъ, во-первыхъ,—отвѣчалъ Вихровъ, растирая себѣ грудь: — что я отъ суда избавленъ.

Груша опять при этомъ тихонько перекрестилась.

— Мнѣ разрѣшено выйти въ отставку и ѣхать въ деревню.

Груша вся какъ бы превратилась въ слухъ.

— И выходите сейчасъ же! Чортъ съ ней, съ этой службой! Я самъ, вонъ, въ предводители даже никогда не баллотировался, потому что все-таки надобно кланяться разнымъ властямъ. Однако прощайте, — прибавилъ онъ, замѣтивъ, что у хозяина отъ сильнаго волненія слезы ужъ показывались на глазахъ.

— Нѣтъ, Петръ Петровичъ, вы должны у меня выпить бутылочку шампанскаго.

— А сами вы будете пить со мной?—спросилъ тотъ.

— Самъ я не могу, — вы видите, я боленъ.

— Ну-съ, мой милый, у меня всегда было священнѣйшимъ правиломъ, что съ друзьями пить сколько угодно, а одному— ни капли. Au revoir! Успѣемъ еще, спрыснемъ какъ-нибудь!—проговорилъ Петръ Петровичъ и, поднявшись во весь свой огромный ростъ, потрясъ дружески у Вихрова руку, а затѣмъ онъ повернулся и на своихъ больныхъ ногахъ присѣлъ передъ Грушей.

— Adieu, mademoiselle, — сказалъ онъ.

— *Адьё, мосьё*,—произнесла та, сама тоже присѣдая передъ нимъ.

Петръ Петровичъ повернулся и молодцовато и явно модничая пошелъ въ переднюю, гдѣ не допустилъ Грушу подать ему шинель, а самъ ловко снялъ ее съ вѣшалки и надѣлъ въ рукава.

— Поберегите ваши слабыя силы для вашего слабаго барина,—проговорилъ онъ нѣжнымъ голосомъ Грушѣ.

— Слушаю-съ! — отвѣчала та и, проводивъ гостя, сейчасъ

же поспѣшила къ Вихрову, который настоящимъ уже образомъ рыдалъ.

Груша съ испуганнымъ лицомъ остановилась передъ нимъ. Онъ взялъ ее за руку.

— Что жъ мы, баринъ, и уѣдемъ отсюда? — спросила она.

— Уѣдемъ, уѣдемъ, на слѣдующей же недѣлѣ уѣдемъ! — отвѣчалъ онъ.

Груша нѣсколько времени какъ бы не рѣшалась его о чемъ-то спросить.

— Вы, баринъ, не вздумайте,— начала она и при этомъ поблѣднѣла даже отъ страха: — не вздумайте меня съ обозомъ отправить отсюда.

— Нѣтъ, какъ это возможно! — сказалъ Вихровъ.

— Да-съ, гдѣ вамъ этакому больному ѣхать одному—я за вами и похожу!—сказала Груша, вся вспыхнувъ отъ радости.

— И походишь!—говорилъ Вихровъ и слегка притянулъ ее къ себѣ.

Груша сѣла на самый краешекъ постели и принялась нѣжными глазами глядѣть на него.

II.

Старые знакомые.

Опять май и опять Воздвиженское. Вихровъ сидѣлъ на балконѣ и любовался прелестными окрестностями. Онъ сегодня только пріѣхалъ; здоровье его почти совершенно поправилось; никакая мать не могла бы такъ ухаживать за своимъ ребенкомъ, какъ ухаживала за нимъ въ дорогѣ Груша. Чтобы не съѣлъ онъ чего-нибудь тяжелаго, она сама приготовляла ему на станціяхъ кушанья; сама своими слабыми ручонками стлала ему постель, сторожила его, какъ аргусъ, когда онъ засыпалъ въ экипажѣ, — и теперь, пріѣхавъ въ Воздвиженское, она, какая-то гордая, торжествующая, въ свѣженькомъ холстиниковомъ платьѣ, ходила по всему дому и распоряжалась.

Передъ Вихровымъ въ это время стоялъ старикъ съ сѣдой бородой, въ коротенькой черной поддевкѣ и въ солдатскихъ, съ высокими голенищами, сапогахъ. Это былъ Симоновъ. Вихровъ, какъ тогда посылали его на службу, сейчасъ же распорядился, чтобы отыскали Симонова, котораго онъ сдѣлалъ потомъ управляющимъ надъ всѣмъ своимъ имѣніемъ. Теперь онъ по крайней мѣрѣ съ полчаса разговаривалъ съ своимъ старымъ пріятелемъ, и все ихъ объясненіе больше состояло въ томъ, что они говорили другъ другу нѣжности.

— Никакъ бы я васъ, Павелъ Михайлычъ, не узналъ, ей-Богу! — говорилъ, почти съ какимъ-то восторгомъ глядя на Вихрова, Симоновъ.

— И тебя борода много измѣнила, — сказалъ ему тотъ.

— Я бы ее, проклятую,—отвѣчалъ Симоновъ:—никогда и не отпустилъ: терпѣть не могу этой мочалки; да бритву-то, дуракъ этакій, гдѣ-то затерялъ, а другую купить здѣсь, пожалуй, и не у кого.

— Ну, я тебѣ свою подарю.

— Благодаримъ покорно-съ! — отвѣчалъ Симоновъ, усмѣхаясь.

— И вообще, если у тебя чего нѣтъ, — продолжалъ Вихровъ: — или ты желаешь прибавки жалованья — скажи! Я исполню всѣ твои желанія.

— Нѣтъ-съ, что мнѣ, слава Богу, этого довольно. Я человѣкъ не то что семейный, а одинъ, какъ перстъ, на всемъ свѣтѣ есть!

— Ну, а къ должности управляющаго привыкъ ужъ?

— Привыкъ ничего теперь!.. Народъ только нынче ужасно балованный и лѣнивый сталъ. Я вѣдь, изволите знать, не то что человѣкъ бранчивый, а лѣто-то-лѣтенское что у меня съ ними грѣха бываетъ—и не замолишь, кажется, никогда этого передъ Богомъ.

— Стало-быть, столярничать-то, пожалуй, и лучше?

— Да-съ, покойнѣе.

— А помнишь ли, какъ мы театръ играли? — спросилъ Вихровъ.

— Еще бы-съ! У меня декораціи эти самыя и до сей поры живы.

— Не можетъ быть?

— Живы-съ и декораціи, и картина Всеволода Никандрыча, которую онъ рисовать изволилъ.

— Покажи мнѣ, пожалуйста, какую-нибудь декорацію, — сказалъ Вихровъ, желая посмотрѣть — что это такое было.

— Я ихъ съ рамокъ-то срѣзалъ, на каткахъ онѣ у меня,— говорилъ Симоновъ и черезъ нѣсколько минутъ бережно принесъ одну лѣсную декорацію и одинъ передній подзоръ, и развѣсилъ все это передъ Вихровымъ.

— Это вы вотъ и изволили рисовать, — сказалъ Симоновъ.

— Да, я, — говорилъ тотъ, припоминая счастливую пору своего дѣтства.

— Я всю жизнь буду ихъ беречь,—продолжалъ Симоновъ и, давъ барину еще нѣкоторое время полюбоваться своимъ

прежнимъ рисованіемъ, принялся старательнѣйшимъ образомъ свертывать и декорацію и подзоръ.

— Тутъ камердинеръ вашъ прежній желаетъ явиться къ вамъ, — прибавилъ онъ съ полуулыбкою.

— Иванъ это?

— Да-съ.

Вихровъ поморщился.

— А что, какъ онъ велъ себя въ деревнѣ?

— Ничего-съ, сначала было-полѣнивался, все на печкѣ лежалъ; но я тоже сталъ ему говорить, что другіе дворовые обижаются: «что, говорятъ, мы работаемъ, а онъ—нѣтъ!» Я, говорю, братецъ мой, поэтому мѣсячины тебѣ выдавать не стану. Испугался этого, сталъ работать.

— Но онъ, я думаю, ничего не умѣетъ?

— Малость самую-съ! За сѣномъ, за дровами, за водой когда съѣздитъ.

— Но не пьянствовалъ ли онъ?

— Пьянствовать-то, слава Богу, не на что было... Платье, которымъ награжденъ былъ отъ васъ, давно пропилъ, теперь ужъ въ рубищѣ крестьянскомъ ходитъ... Со слезами на глазахъ просилъ меня, чтобы я доложилъ вамъ о немъ.

— Ну, приведи его.

Симоновъ пошелъ и привелъ Ивана, который въ самомъ дѣлѣ былъ въ рубищѣ. Лицо у него сдѣлалось какъ-то еще глупѣй и сердитѣй и какъ бы перекосилось совсѣмъ на сторону. Онъ, какъ вошелъ, такъ сейчасъ и поклонился Вихрову въ ноги; того, разумѣется, это взорвало.

— Не унижайся, по крайней мѣрѣ, до мерзости этакой! — воскликнулъ онъ.

Но Иванъ, думая, что баринъ за что-нибудь за другое на него сердится, еще разъ поклонился ему въ ноги и всталъ потомъ въ кроткой и смиренной позѣ.

— Какъ же это ты на меня что-то такое доносить хотѣлъ?—сказалъ Вихровъ, отворачиваясь отъ него,—ему противно было даже видѣть его.

— Виноватъ-съ, — отвѣчалъ Иванъ глухимъ голосомъ.

— Такъ-таки и думалъ донести?

— Да-съ.

Иванъ, видно, рѣшился сдѣлать самое откровенное признаніе.

Вихровъ пожалъ только плечами.

«Стоило ли сердиться на подобнаго человѣка?!» — подумалъ онъ.

— Ты это хотѣлъ мнѣ мстить за то, что Груша не идетъ за тебя замужъ?

— Да-съ, — отвѣчалъ и на это Иванъ.

— Ну, вотъ видишь ли: если ты осмѣлишься адресоваться къ ней съ какими-нибудь разговорами или грубостью, то ужъ не пеняй на меня!

— Какъ возможно-съ теперь мнѣ къ Аграфенѣ Яковлевнѣ съ разговоромъ какимъ итти! — сказалъ Иванъ, плутовато поднимая и опуская глаза:—въ горницѣ только позвольте мнѣ служить; я къ работѣ человѣкъ непривычный.

— То-есть тебѣ здѣсь спать, ничего не дѣлать будетъ удобнѣе,—замѣтилъ Вихровъ:—но за мною ходить не трудись, потому что за мною будетъ ходить мальчикъ Миша.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ Иванъ. — Только вѣдь у меня платья никакого нѣтъ,—прибавилъ онъ нѣсколько ужъ и обиженнымъ голосомъ.

— Знаю — и то знаю, что ты все пропилъ, — произнесъ Вихровъ.

— Я не пропилъ, а износилъ его... Мнѣ ничего съ той поры выдаваемо не было, — проговорилъ Ванька.

— Какъ не было? Кафтанъ и полушубокъ тебѣ дали, какъ и прочимъ, — уличилъ его Симоновъ.

— Я-съ не про полушубокъ говорю-съ, — отвѣчалъ ему Иванъ кротко и даже съ прибавленіемъ *съ*.

— Ну, хорошо, сошьютъ все — ступай!

Иванъ ушелъ, но Симоновъ еще не уходилъ.

— Баринъ тамъ-съ изъ города,—началъ онъ:—господинъ Живинъ, какъ слухъ прошелъ, что вы пожалуете въ деревню, разъ пять къ намъ въ Воздвиженское заѣзжалъ и все наказывалъ: «какъ вашъ баринъ, говоритъ, пріѣдетъ, безпремѣнно дайте мнѣ знать сейчасъ!»—прикажете или нѣтъ послать?

— Разумѣется, пошли—и пускай пріѣзжаетъ, когда только хочетъ: я очень радъ буду его видѣть.

Вошла Груша; какъ-то мило, но немножко ужъ гордо склонивъ свою головку набокъ, она проговорила:

— Старушка Алена Сергѣевна пришла къ вамъ-съ.

— Ахъ, это жена Макара Григорьева,—позови ее!—сказалъ Вихровъ.

Груша ушла, и черезъ нѣсколько минутъ робкими и негромкими шагами на балконъ вошла старая-престарая старушка, съ сморщеннымъ лицомъ и съ слезливыми глазами. Какъ водится, она сейчасъ же подошла къ барину и взяла было его за руку, чтобы поцѣловать, но онъ рѣшительно не далъ ей того сдѣлать; одѣта Алена Сергѣевна была попрежнему щегольнѣйшимъ образомъ, но вся въ черномъ. Су-

пругъ ея, Макаръ Григорьевичъ, съ полгода передъ тѣмъ только умеръ въ Москвѣ.

— Умеръ нашъ съ тобой Макаръ Григорьичъ! — сказалъ ей Вихровъ, уже получившій о томъ извѣстіе.

— Да-съ, батюшка, изволилъ скончаться!—отвѣчала Алена Сергѣевна и затѣмъ, громко простонавъ, склонила въ землю, какъ бы въ сильнѣйшей печали, свое старушечье лицо.

— Ты у него въ Москвѣ послѣднее время жила?

— Да-съ, приказалъ мнѣ прибыть къ нему: почесть ужъ и съ постельки не поднимался при мнѣ, все вода-то ему къ сердцу приливала, а все, судырь, печалился и кручинился о васъ.

— Знаю это я; этакого друга мнѣ, можетъ-быть, и не нажить больше въ жизни,—проговорилъ Вихровъ; и у него слезы навернулись при этомъ на глазахъ.

— Все со мной разговаривалъ: «Аленушка, говоритъ, что̀ это у насъ съ барономъ-то случилось?» У насъ, батюшка,— извините на томъ, — слухи были, что аки бы начальство на васъ за что-то разгнѣвалось, и онъ все добивался, за что это на васъ начальство разсердилось. «Напиши, говоритъ, дура, въ деревню, и узнай о томъ!» Ну, а я гдѣ... умѣю ли писать?

— А жить тебѣ теперь есть чѣмъ, оставилъ онъ тебѣ что-нибудь въ наслѣдство?—спросилъ ее Вихровъ.

— Ну, батюшка, извѣстно, какое ужъ у насъ, мужиковъ, наслѣдство!

Симоновъ, сбиравшійся-было совсѣмъ уйти, при этихъ словахъ Алены Сергѣевны какъ бы невольно пріостановился и покачалъ только головой.

— Не гнѣви Бога, старуха, не гнѣви!—произнесъ онъ укоряющимъ голосомъ:—кубышку порядочную оставилъ онъ тебѣ.

— Ну, да я, батюшка, и не жалуюся никому, — отвѣчала Алена Сергѣевна, снова потупляя съ грустью лицо свое.

— Еще бы жаловаться-то тебѣ!—произнесъ Симоновъ, уже уходя.

Вихровъ еще нѣсколько времени потолковалъ съ Аленой Сергѣевной, разспросилъ ее—на какомъ кладбищѣ похороненъ Макаръ Григорьевъ, далъ ей денегъ на поминовеніе объ немъ, и наконецъ позвалъ Грушу и велѣлъ ей, чтобы она напоила Алену Сергѣевну чаемъ.

— У меня ужъ самоваръ готовъ про пихъ,— отвѣчала та бойко и повела Алену Сергѣевну къ себѣ въ кафишенскую, гдѣ онѣ втроемъ, т.-е. Груша, старая ключница и Алена Сергѣевна, усѣлись распивать чай. Вихровъ, перешедшій

вскорѣ послѣ того съ балкона въ паугольную, невольно прислушался къ ихъ разговору. Словъ онъ собственно не слыхалъ, а слышалъ только, что онѣ безпрестанно чичикали, какъ кузнечики какіе; видѣлъ онъ потомъ, какъ Груша, вся красненькая отъ выпитаго чаю, прошла въ буфетъ и принесла для Алены Сергѣевны водочки, также поднесла рюмочку и старой ключницѣ. Затѣмъ онѣ стали прощаться. Вихровъ слышалъ, какъ онѣ цѣловались, и какъ Алена Сергѣевна упрашивала:—«Сдѣлайте милость, посѣтите мою вдовью келью!»—«Непремѣнно буду-съ!» — отвѣчалъ ей на это молодой голосъ Груни.

Часовъ въ шесть вечера, когда Вихровъ, соснувъ, вышелъ опять на балконъ, къ нему пріѣхалъ Живинъ.

— Гдѣ онъ, другъ мой любезный? — говорилъ онъ, входя почему-то съ необыкновенною живостью; затѣмъ крѣпко обнялъ и поцѣловалъ Вихрова, который при этомъ почувствовалъ, что къ нему на щеку упала какъ бы слеза изъ глазъ Живина.

— Ну вотъ, очень радъ,—говорилъ тотъ, усаживаясь наконецъ на стулъ противъ Вихрова:—очень радъ, что ты пріѣхалъ сюда къ намъ цѣлъ и невредимъ; но однако, братъ, похудѣлъ же ты и постарѣлъ!—прибавилъ онъ, всматриваясь въ лицо Вихрова.

— Что дѣлать!—отвѣчалъ тотъ, и самъ въ свою очередь тоже всмотрѣлся въ пріятеля.—Но ты, напротивъ, помолодѣлъ и какой-то франтъ сталъ!—прибавилъ онъ.

— Еще бы не франтъ! — отвѣчалъ Живинъ.

Онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ даже завитый, напомаженный и надушенный, въ коротенькой, съ явной претензіей на моду, жакеткѣ, въ пестрыхъ лѣтнихъ брючкахъ и въ лакированныхъ ботинкахъ на пуговицахъ.

— Что же ты—или женился, или жениться собираешься?—говорилъ Вихровъ.

— Женюсь, женюсь, отчего жъ намъ и не жениться?—отвѣчалъ Живинъ нѣсколько ужъ скопфуженнымъ голосомъ.

— Но на комъ же это?—спросилъ Вихровъ.

— На m-elle Захаревской... на Юліи Ардальоновнѣ, — говорилъ съ какими-то перерывами Живинъ.

— Вотъ какъ!—невольно воскликнулъ Вихровъ: — но какъ же и какимъ образомъ это случилось?

— Случилось это,—отвѣчалъ Живинъ, вставъ уже со своего стула и зашагавъ по балкону:—возвратилась она отъ братьевъ, я пришелъ, разумѣется, къ нимъ, чтобы навѣдаться о тебѣ; она, знаешь, такъ это ласково и любезно приняла меня, что я, разумѣется, сталъ у нихъ часто бывать, а тамъ... слово за

слово, ну, и натопленную печь раскалить опять нетрудно, — въ сердчишкѣ-то у меня опять прежній пламень вспыхнулъ,— она тоже, вижу, ничего: пріемлетъ благосклонно разныя мои ей заявленія; я подумалъ: «что, молъ, такое?!»—пришелъ разъ домой и накаталъ ей длиннѣйшее письмо: такъ и такъ, желаю получить вашу руку и сердце; ну, и получилъ теперь все оное!

— И отлично это!—подхватилъ Вихровъ: — она дѣвушка славная, я успѣлъ ее хорошо узнать.

— Ну да, вѣдь вы больше году въ одномъ городѣ жили,— сказалъ Живинъ опять нѣсколько сконфуженнымъ голосомъ.

— Въ одномъ домѣ даже жили.

— Можетъ-быть, она даже влюблена въ тебя была? — подхватилъ Живинъ опять тѣмъ же сконфуженнымъ голосомъ.

— Никакъ она не могла быть въ меня влюблена, — успокоилъ его Вихровъ:—потому что она постоянно видѣла меня занятаго другого рода привязанностью.

— А что же, и тамъ развѣ были?

— Разумѣется, были,—отвѣчалъ Вихровъ.

Живинъ опять послѣ этого повеселѣлъ совершенно.

— Я тутъ, братецъ, разсуждаю такимъ образомъ,—продолжалъ онъ:—я—человѣкъ не блестящій, не богачъ, а потому Юліи Ардальоновнѣ итти за меня изъ-за какихъ-нибудь цѣлей не для чего—и если идетъ она, такъ чисто по душевному своему расположенію.

— Конечно,—подтверждалъ Вихровъ, хоть въ душѣ и посмѣялся нѣсколько простодушію пріятеля.

— Разные здѣшніе теперь сплетники говорятъ, — продолжалъ тотъ: — что она — старая дѣвка и рада за кого-нибудь выйти замужъ; ну, и прекрасно, я и на старой дѣвкѣ этакой сочту женитьбу для себя за великое счастье.

— Что жъ она за старая!—возразилъ Вихровъ, а самъ съ собой продолжалъ думать: «нѣтъ, и не поэтому она идетъ за тебя».

— Но, впрочемъ, все это вздоръ, — говорилъ Живинъ: — главное, теперь я непремѣнно желаю, чтобы ты былъ шаферомъ у меня на свадьбѣ.

— Но, любезный другъ, я еще боленъ и не совершенно оправился.

— Ни-ни-ни!—воскликнулъ Живинъ:—и не думай отговариваться! А такъ какъ свадьба моя въ воскресенье, такъ не угодно ли вамъ пожаловать ко мнѣ въ субботу—и вмѣстѣ поѣдемъ на дѣвичникъ. Надѣюсь, что ты не потяготишься раздѣлить со мной это, можетъ-быть, первое еще счастливое для меня дѣло въ жизни?!—заключилъ Живинъ съ чувствомъ.

— Конечно, ужъ если ты такъ желаешь этого! — отвѣчалъ Вихровъ.

Живинъ поцѣловалъ его еще разъ и вскорѣ затѣмъ уѣхалъ къ своей нареченной.

Вихровъ, оставшись одинъ, по случаю разговора о m-lle Захаревской невольно вспомнилъ свою жизнь въ губернскомъ городѣ и свою служебную дѣятельность. Какой это суровый и мрачный и тяжелый подвигъ въ жизни его былъ! «Въ Россіи нельзя честно служить!»—подумалъ онъ—и въ мысляхъ своихъ представилъ себѣ молодого человѣка съ волей, съ характеромъ, съ страшнымъ честолюбіемъ, который рѣшился служить, но только честно, и все-таки въ концѣ концовъ будетъ сломленъ. На эту тему у него сейчасъ же цѣлый романъ образовался въ головѣ. Фигура придуманнаго имъ молодого человѣка такъ живо нарисовалась въ его воображеніи, что онъ пошелъ въ кабинетъ и сейчасъ же описалъ ее. Онъ чувствовалъ, что каждое слово, которое говорилъ описываемый имъ молодой человѣкъ, сталью крѣпкой отзывалось; но въ то же время Вихровъ съ удовольствіемъ помышлялъ, что и этой силы недостанетъ сдѣлать что-нибудь честное въ службѣ при нынѣшнемъ ея порядкѣ.

Груша, видѣвшая, что баринъ часа четыре уже сидитъ и пишетъ, вошла къ нему.

— Павелъ Михайлычъ, будетъ вамъ сегодня писать, вы и безъ того съ дороги устали!—сказала она.

— И то усталъ,—отвѣчалъ онъ, вставая и въ самомъ дѣлѣ чувствуя даже нервную дрожь.

— Ложитесь-ка лучше баиньки, съ Богомъ!—прибавила она и сама уложила его въ постель, аккуратно укутала одѣяломъ и потихоньку ушла.

Притворивъ совсѣмъ дверь въ спальную, она, впрочемъ, нѣкоторое время оставалась тутъ и прислушивалась.

— Слава Богу, уснулъ, кажется! — проговорила она наконецъ шопотомъ—и на цыпочкахъ ушла въ свою свѣтленькую и чистенькую комнатку около кафишенской.

III.

Свадьба Живина.

Съ самаго начала своей болѣзни Вихровъ не одѣвался въ свое парадное платье, и теперь, когда въ первый разъ надѣлъ фракъ и посмотрѣлся въ зеркало, такъ даже испугался, до того показался худъ и блѣденъ самому себѣ, а на вискахъ

явно виднѣлись и серебрились сѣдины; слабъ онъ былъ еще до того, что у него ноги даже дрожали; но, какъ бы то ни было, на свадьбу онъ все-таки поѣхалъ: его очень интересовало посмотрѣть, какъ его встрѣтитъ и какъ отнесется къ нему Юлія.

Дѣвичники въ то время въ уѣздныхъ городкахъ справлялись еще съ нѣкоторою торжественностью. Обыкновенно къ невѣстѣ съѣзжались всѣ ея подружки съ тѣмъ, чтобы повеселиться съ ней въ послѣдній разъ; женихъ привозилъ имъ конфетъ, которыми какъ бы хотѣлъ выкупить у нихъ свою невѣсту. Добродушный и блаженствующій Живинъ накупилъ, разумѣется, цѣлый возъ конфетъ и сверхъ того еще огромные букеты цвѣтовъ для невѣсты и всѣхъ ея подругъ, и вздумалъ-было возложить всю эту ношу на Вихрова, но тотъ рѣшительно отказался.

— Убирайся ты, понесу ли я эту дрянь?! — сказалъ тотъ ему прямо.

— Экій лѣнивецъ какой, экій лѣнтяй! — укорялъ его Живинъ и—дѣлать нечего—велѣлъ нести за собою лакею.

Пріѣхали они на Вихрова лошадяхъ и въ его экипажѣ, которыя, по милости Симонова, были попрежнему въ отличнѣйшемъ порядкѣ. Барышни-дѣвицы были уже всѣ налицо у Юліи, и между всѣми ими только и вертѣлся одинъ кавалеръ, шаферъ Юліи, молоденькій отпускной офицерикъ, самымъ развязнымъ образомъ любезничавшій со всѣми барышнями.

Войдя за Живинымъ, Вихровъ прямо подошелъ къ невѣстѣ.

— Здравствуйте, Павелъ Михайлычъ! — воскликнула та, явно вспыхнувъ и съ видимою поспѣшностью поздоровавшись съ женихомъ.

— Поздравляю васъ!—произнесъ тотъ въ отвѣтъ ей.

— Да, благодарю васъ,—проговорила Юлія и опять такъ же поспѣшно.

— Павелъ Михайлычъ, здравствуйте!—раздался въ это время изъ-за угла другой голосъ.

Вихровъ обернулся: это говорила m-lle Прыхина. Она тоже замѣтно какъ-то осунулась и какъ-то почернѣла, и лицо ея сдѣлалось нѣсколько похожимъ на тоноръ.

— Сюда, сюда! — кричала она, показывая на свободный стулъ около себя.

Вихровъ, не находя о чемъ бы больше говорить съ невѣстой, отошелъ и сѣлъ около Катиши.

Юлія же какъ бы больше механически подала руку жениху,

стала ходить съ нимъ по залѣ—и при этомъ весьма нерѣдко повертывала голову въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Вихровъ. У того между тѣмъ сейчасъ же начался довольно интересный разговоръ съ m-lle Прыхиной.

— Я только сейчасъ услыхала, что вы пріѣхали въ деревню и будете здѣсь жить,—говорила она, втягивая въ себя воздухъ носомъ:—и мнѣ будетъ еще нужно серьезно объ одной вещи поговорить съ вами!..—прибавила она.

— О какой это?—спросилъ Вихровъ.

— Ну, теперь еще не скажу, а завтра. Будемте лучше говорить объ васъ; отчего вы на здѣшней-то госпожѣ не женились? — прибавила она и явно своимъ носомъ указала на Юлію.

— Это съ какой стати?—возразилъ ей Вихровъ.

— А съ такой, что, когда она ѣхала къ братьямъ, такъ сейчасъ было видно, что она до сумасшествія была въ васъ влюблена,—и теперь-то за этого хомяка идетъ, вѣроятно, отъ досады, что не удалось за васъ.

Дальновидную Катишь въ этомъ случаѣ было трудно обмануть, чѣмъ кого-либо. Она сразу поняла истинную причину рѣшенія Юліи—выйти замужъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко въ душѣ не одобряла ея выбора: Живинъ всегда ей казался слишкомъ обыкновеннымъ, слишкомъ прозаическимъ человѣкомъ.

— Ничего этого никогда не было и быть не могло!— возразилъ ей Вихровъ.

— Ну да, не было, знаю я васъ—и знаю, какой вы хитрый въ этомъ случаѣ человѣкъ! отвѣчала она.

Бесѣда ихъ была прервана пріѣздомъ Кергеля. Сей милый человѣкъ былъ на этотъ разъ какой-то растерянный: коричневый фракъ со свѣтлыми пуговицами замѣненъ на немъ былъ чернымъ, поношеннымъ, обдерганнымъ; жилетка тоже была какая-то шелковенькая и врядъ ли не худая на карманахъ, и одинъ только хохолокъ былъ попрежнему завитъ. Услышавъ, что на дѣвичникѣ Вихровъ, онъ прямо подошелъ къ нему.

— Не могу и выразить, какъ я счастливъ, видя васъ снова посреди нашей семьи! — говорилъ онъ, прижимая руку къ сердцу.

— И я также очень радъ, что вижу васъ,—отвѣчалъ Вихровъ, тоже дружески пожимая его руку.

— Здравствуйте!—произнесъ Кергель и m-lle Прыхиной.

— Здравствуйте! — отвѣчала ему и та совершенно покойнымъ голосомъ.

Они давно уже помирились, и прежнее чувство пылкой и скоропреходящей любви въ нихъ замѣнилось прочнымъ чувствомъ дружбы.

Кергель подсѣлъ третьимъ лицомъ въ ихъ бесѣду.

— Слышали мы,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Вихрову:— что надъ вами разразилась гроза; но вы, какъ дубъ могучій, выдержали ее и снова возвратились къ намъ.

— Скорѣй, какъ лоза, изогнулся и выдержалъ бурю,—пронзнесъ, усмѣхаясь, Вихровъ.

— Ну-съ, это, я думаю, не въ характерѣ вашемъ,—возразилъ ему Кергель.

— А какъ вы поживаете?—спросилъ его Вихровъ, заинтересованный черезчуръ ужъ бѣднымъ туалетомъ пріятеля.

— Что, я какъ поживаю — дурно-съ, очень дурно!.. безъ мѣста, состоянія почти не имѣю никакого; надобно бы, конечно, ѣхать въ Петербургъ, но все какъ-то еще собраться не могу.

И Кергель при этомъ горько улыбнулся.

— М-г Кергель занималъ такое мѣсто, на которомъ другіе тысячи наживали, а у него сотни рублей не осталось, — пронзнесла m-lle Катишь и махнула при этомъ носомъ въ сторону.

Какъ и всѣхъ своихъ друзей, она и Кергеля въ настоящее время хвалила и превозносила до небесъ.

— Ста рублей не осталось, — повторилъ за ней и тотъ искреннѣйшимъ голосомъ.

— Но какое же мѣсто вы желали бы имѣть?—спросилъ его Вихровъ.

— Всякое, какое дало бы мнѣ кусокъ хлѣба, — отвѣчалъ Кергель, разводя руками.

— Вотъ видите что,—началъ Вихровъ:—губернаторомъ въ ту губернію, въ которой я служилъ, назначенъ мой хорошій знакомый, прежній владѣлецъ Воздвиженскаго,—и если я ему напишу, то онъ послушается, кажется, моей рекомендаціи.

Покуда Вихровъ говорилъ это, Кергель и m-lle Катишь превратились всѣ во вниманіе.

— Вы бы сдѣлали для меня истинное благодѣяніе, — пронзнесъ первый, не зная, кажется, какъ и выразить овладѣвшее имъ чувство благодарности.

— Павелъ Михайлычъ, вѣроятно, и сдѣлаетъ это по своей добротѣ! — подхватила и Катишь какимъ-то ужъ повелительнымъ голосомъ.

— Непремѣнно сдѣлаю, завтра же напишу, — сказалъ Вихровъ.

Кергель поблагодарилъ его только уже кивкомъ головы.

Къ этой группѣ наконецъ подошли невѣста съ женихомъ. Юлія нѣсколько времени стояла передъ ними молча. Она явно выказывала желаніе поговорить съ Вихровымъ. Тотъ понялъ это и всталъ.

— Я вашего батюшки не вижу,—сказалъ онъ, въ самомъ дѣлѣ замѣтивъ, что онъ до сихъ поръ еще не видалъ старика.

— Онъ такъ слабъ, что ужъ и не выходитъ изъ своей комнаты,— отвѣчала она.— Вотъ такъ, одна-одинехонька и выхожу замужъ,— прибавила она, и Вихровъ замѣтилъ, что и у нея при этомъ какъ будто бы навернулись слезы.

Въ это время они шли уже вдвоемъ по залѣ.

— Ну что жъ, зато вы выходите за отличнѣйшаго человѣка,—сказалъ ей потромко Вихровъ.

— Дай Богъ, чтобы я-то была достойна его,— сказала Юлія:— конечно, я ужъ не могу принести ему ни молодого сердца ни свѣжаго чувства, но, по крайней мѣрѣ, буду ему покорна и честно исполню свой долгъ.

При этомъ Юлія такъ дергала свою жемчужную нитку, что та лопнула у ней, и жемчугъ разсыпался. Вихровъ нагнулся и хотѣлъ-было поднять.

— Не трудитесь, человѣкъ подберетъ! Подбери!— сказала она почти съ какимъ-то презрѣніемъ проходившему лакею. Тотъ собралъ и подалъ. Она бросила жемчугъ въ ненельницу и снова обернулась къ продолжавшему все еще стоять около нея Вихрову.

— Я Живина предпочла другимъ, потому что онъ все-таки человѣкъ одинакихъ съ вами убѣжденій,—проговорила она.

— Вы и не ошибетесь въ немъ,— сказалъ онъ на это ей глухимъ голосомъ.

Въ день свадьбы Вихровъ чувствовалъ какую-то тревогу и какъ бы ожидалъ чего-то; часа въ четыре онъ поѣхалъ къ жениху; того засталъ тоже въ тревогѣ и даже расплаканнымъ; бывшаго тамъ Кергеля—тоже серьезнымъ и, по-вчерашнему, въ скверпѣйшемъ его фрачишкѣ: онъ былъ посаженымъ отцомъ у Живина и благословлялъ того.

Наконецъ они отправились въ знакомый намъ соборъ; Вихровъ поѣхалъ потомъ за невѣстой. Ту вывели какія-то двѣ полныя дамы: за ними шла Катишь, расфранченная, но съ цѣлыми потоками слезъ по щекамъ, которыя врядъ ли не были немножко и подрумянены.

Когда невѣсту привезли въ церковь, то ее провели на лѣвую сторону, а женихъ стоялъ на правой. Вихрову было тяжело видѣть эту церемонію. Онъ очень хорошо понималъ, что

пріятель его въ этомъ случаѣ сильнѣйшимъ образомъ обманывался, да врядъ ли не обманывалась и невѣста, думавшая и желавшая честно исполнить свой долгъ передъ мужемъ. По возвращеніи свадебнаго поѣзда домой, молодые сначала сходили къ отцу, потомъ подали шампанское—и пошли радостныя поздравленія съ поцѣлуями и со слезами. Поздравилъ также и Вихровъ молодую, которая на этотъ разъ обнаружила какой-то стыдъ передъ нимъ: ей, кажется, по преимуществу совѣстно было того, что потомъ съ ней послѣдуетъ.

— Какъ къ вамъ идетъ вашъ брачный вуаль! — сказалъ онъ ей, чтобы что-нибудь сказать.

— Да!—отвѣчала она, краснѣя и потупляя голову.

Вихровъ вскорѣ послѣ того хотѣлъ-было и уѣхать; но за нимъ зорко слѣдила m-lle Прыхина. Какимъ-то ворономъ мрачнымъ ходила она по залѣ, и какъ только замѣтила, что Вихровъ одинъ, подошла къ нему и сказала ему почти строгимъ голосомъ:

— Когда вы поѣдете домой, то возьмите меня съ собой въ коляску. Мнѣ надобно вамъ многое разсказать.

— Что такое? — спросилъ Вихровъ, начинавшій уже нѣсколько и пугаться ея словъ.

— Тамъ скажу ужо!—прибавила Катишь еще болѣе мрачнымъ голосомъ.

Вихровъ сейчасъ же послѣ того собрался, и когда раскланялся съ молодыми и вышелъ въ переднюю, то m-lle Катишь, въ бурнусѣ и шляпкѣ, дожидалась уже его тамъ. Безъ всякаго предложенія, она сѣла первая въ его коляску и, когда они отъѣхали, начала нѣсколько насмѣшливымъ голосомъ:

— Вы теперь ѣдете со свадьбы отъ одной вашей жертвы.— не почувствуете ли, можетъ-быть, жалости къ другой вашей жертвѣ?

— Къ какой моей другой жертвѣ?—спросилъ ее Вихровъ.

— Къ Фатѣевой.

Вихровъ посмотрѣлъ на нее.

— Вы, кажется, сами о ней перемѣнили мнѣніе?—спросилъ онъ ее.

— Богъ съ ней, какое бы объ ней ни было мое мнѣніе, но она умираетъ теперь.

— Умираетъ?—спросилъ Вихровъ.

— Въ страшнѣйшей чахоткѣ; вчерашній день, какъ я увидала васъ, мнѣ сейчасъ же пришла въ голову мысль, что не подѣйствуетъ ли благодѣтельно на нее, если она увидитъ васъ,—и сегодня я была у ней. Она въ восторгѣ отъ этого свиданія, и вы непремѣнно должны ѣхать къ ней.

Вихрова точно кинжаломъ ударило въ сердце это извѣстіе.

— Послушайте, я самъ теперь измученъ и истерзанъ нравственно и физически; мнѣ очень тяжело будетъ это сдѣлать.

— Вы должны ѣхать къ ней—это вашъ долгъ,—повторила Катишь какимъ-то даже гробовымъ голосомъ:—черезъ недѣлю, много—черезъ двѣ, она умретъ.

Совѣсть Вихрову говорила, что въ самомъ дѣлѣ онъ долженъ былъ это сдѣлать.

— Но для чего она, по преимуществу, желаетъ видѣть меня?—спросилъ онъ.

— Да чтобы полюбоваться вотъ на милыя черты,—отвѣчала Катишь и съ какимъ-то озлобленіемъ развела руками.

— Но вѣдь для нея не я одинъ представляю милыя черты!

— Тсс, тише! Не смѣйте этого говорить про умирающую!—перебила его басомъ Катишь:—то-то и несчастье наше, что ваши-то черты милѣй, видно, всѣхъ были и незамѣнимы ужъ ничьими.

Понятно, что добрая Катишь все уже простила Фатѣевой и попрежнему ее любила.

— Гдѣ же она живетъ?—спросилъ Вихровъ.

— Я вамъ покажу; завтра въ одиннадцать часовъ заѣзжайте ко мнѣ—и поѣдемте вмѣстѣ. Теперь еще о Кергелѣ: написали вы объ немъ губернатору или нѣтъ?

— Нѣтъ еще.

— Сегодня же извольте, сейчасъ написать,—приказывала Катишь:—и кромѣ того: отсюда сестеръ милосердія вызываютъ въ Севастополь,—попросите губернатора, чтобы онъ опредѣлилъ меня туда; я желаю итти.

— Съ какой же цѣлью?

— Съ такой же, что не желаю, во-первыхъ, обременять старика-отца, у котораго и службы теперь нѣтъ.

Катишь и никогда почти не обременяла его и жила всегда или своими трудами, или подарками отъ своихъ подругъ.

— Наконецъ это и интересно очень: война, ружья, пальба, можетъ-быть, убьютъ меня. Сегодня же напишите!—заключила она, вылѣзая наконецъ изъ экипажа передъ своимъ домомъ.

Вихровъ очутился на этотъ разъ подъ какимъ-то обаяніемъ m-lle Катишь. Пріѣхавъ домой, онъ сейчасъ же написалъ письмо Абрееву — какъ объ ней, такъ и о Кергелѣ, выразившись о послѣднемъ, что «если вашему превосходительству желательно имѣть честнаго чиновника, то отвѣчаю вамъ за г-на Кергеля, какъ за самого себя»; а Катишь онъ рекомендовалъ такъ: «дѣвица эта, при весьма некрасивой наружности, самыхъ высокихъ нравственныхъ качествъ».

IV.

Свиданіе съ Фатѣевой.

На другой день, какъ нарочно, стояла мрачная, сырая погода. У Вихрова было очень нехорошо на душѣ. Главное, его безпокоило то, что о чемъ будетъ съ нимъ говорить Фатѣева? Не станетъ ли она ему говорить о прежнихъ его чувствахъ къ ней, укорять его?.. Но во всякомъ случаѣ это свиданіе будетъ, вѣроятно, нѣсколько сентиментальное. Тому, что будто бы m-lle Фатѣева была очень больна, какъ говорила m-lle Прыхина,—Вихровъ не совсѣмъ вѣрилъ; вѣроятно, сія достойная дѣвица, по пылкости своего воображенія, много тутъ прибавляла. Часу въ одиннадцатомъ однако онъ велѣлъ заложить экипажъ и поѣхалъ въ городъ. Катишь уже ожидала его въ небольшой залѣ своего дома и была попрежнему совсѣмъ готова — въ шляпкѣ и бурнусѣ. Съ тѣмъ же серьезнымъ лицомъ, какъ и вчера, она сѣла въ экипажъ и начала приказывать кучеру, куда ѣхать: «направо, налѣво!» — говорила она повелительнымъ голосомъ.

Вихровъ при этомъ невольно замѣтилъ, что они проѣхали всѣ большія улицы и на самомъ почти выѣздѣ изъ города въѣхали въ глухой и грязный переулокъ и остановились передъ небольшимъ домикомъ.

— Въ какомъ захолустьѣ она живетъ! — проговорилъ онъ.

— Да, она немножко нуждается въ средствахъ,—отвѣчала Катишь. — Хорошо то, по крайней мѣрѣ, — продолжала она, вводя Вихрова по небольшой лѣсенкѣ: — что Клеопатра пріучитъ меня къ званію сестры милосердія.

— Пріучитъ?—повторилъ Вихровъ.

— Да, я вѣдь у нея провожу всѣ дни мои и ночи — и только вотъ на свадьбу Юліи выпорхнула отъ нея.

Потомъ они вошли въ крошечную, но чистенькую залу, повернули затѣмъ въ наугольную комнату, всю устланную ковромъ, гдѣ увидали Клеопатру Петровну сидящею около постели въ креслахъ; одѣта она была съ явнымъ кокетствомъ: въ новенькомъ платьѣ, съ чистенькими воротничками и нарукавничками, съ безукоризненно причесанною головою: когда же Вихровъ взглянулъ ей въ лицо, то чуть не вскрикнулъ: она — мало того, что была худа, но какъ бы изглодана болѣзнью, и, какъ ему показалось, на лбу у ней выступалъ уже предсмертный лихорадочный потъ.

— Благодарю васъ, что вы пріѣхали ко мнѣ, — говорила

m-me Фатѣева, привставая немного со своихъ креселъ, и сама при этомъ нѣсколько покраснѣла въ лицѣ.

— Ѣще бы не пріѣхать!—подхватила Катишъ:—однако вы сегодня изволите сидѣть, а не лежать! — прибавила она Фатѣевой.

— Это вотъ я для него встала, — отвѣчала та, показывая съ улыбкою на Вихрова.

— Зачѣмъ же для меня? Бога ради лягте!—произнесъ тотъ.

— Нѣтъ, я не настолько больна, могу еще сидѣть. — возразила Фатѣева:—ну, садитесь, только поближе ко мнѣ.

Вихровъ сѣлъ очень близко около нея.

Катишъ держала себя у подруги своей, какъ въ очень знакомомъ ей пепелищѣ: осмотрѣла — все ли было въ комнатѣ прибрано, переглядѣла всѣ лѣкарства, затѣмъ ушла въ сосѣднюю заднюю комнату и начала о чемъ-то продолжительно разговаривать съ горничной Фатѣевой. Она, конечно, сдѣлала это съ цѣлью, чтобы оставить Вихрова съ Фатѣевой наединѣ, и полагала, что эти два, нѣкогда обожавшія другъ друга, существа непремѣнно пожелаютъ поцѣловаться между собой, такъ какъ поцѣлуй m-lle Прыхина считала высшимъ блаженствомъ, какое только существуетъ для человѣка на землѣ; но Вихровъ и m-me Фатѣева и не думали цѣловаться.

— Давно ли вы больны?—спросилъ ее тотъ.

— Мѣсяца два или даже больше,—отвѣчала съ какой-то досадой Фатѣева:—и главное, меня въ деревню не пускаютъ; ну, здѣсь какой ужъ воздухъ! Во-первыхъ: городъ; потомъ: стоитъ на озерѣ, вредныя испаренія разныя, и я чувствую, что мнѣ дышать здѣсь нечѣмъ!..

— Но нельзя же вамъ быть безъ докторскаго надзора.

— Мнѣ рѣшительно не нужно доктора, рѣшительно!—возражала Фатѣева:—у меня ничего нѣтъ, кромѣ какъ лихорадка отъ этого сырого воздуха—маленькій ознобъ и жаръ я чувствую, и больше ничего—это на свѣжемъ воздухѣ сейчасъ пройдетъ.

— Но здѣсь все-таки скорѣе пройдетъ при помощи медика,— говорилъ ей Вихровъ.

— Никогда!—возражала Фатѣева:—потому что я душевно здѣсь гораздо болѣе разстроена; у меня въ деревнѣ идетъ полевая работа, кто же за ней присматриваетъ? Я все вѣдь сама—и вездѣ одна.

— Ну, Богъ съ нею, съ полевою работою!

— Какъ, другъ мой, Богъ съ нею? Я только этимъ и живу. Мнѣ на-дняхъ вотъ надо вносить въ опекунскій совѣтъ.

— Вы объ этомъ не безпокойтесь. Вы пришлите мнѣ ска-

зать, сколько и когда вамъ надо заплатить въ совѣтъ, я и пошлю.

— Mercі за это, но еще кромѣ того,—продолжала m-me Фатѣева видимо безпокойнымъ голосомъ:—мнѣ маленькое наслѣдство въ Малороссіи послѣ дяди досталось; надобно бы было ѣхать получать его, а меня не пускаетъ ни этотъ докторъ, ни эта несносная Катишь.

— Чѣмъ несносная Катишь, чѣмъ?—говорила та, входя въ это время въ комнату.

— Тѣмъ, что не пускаешь меня въ Малороссію.

— Успѣешь еще съѣздить, когда совсѣмъ поправишься,—отвѣчала та какъ бы совершенно равнодушнымъ голосомъ.

— Да у васъ никогда не выздоровѣешь: все будете вы говорить, что больна.

— Ей всего недѣли двѣ осталось жить, а она думаетъ ѣхать въ Малороссію,—шепнула Катишь Вихрову; у него, впрочемъ, ужъ и безъ того какъ ножомъ рѣзала душу вся эта сцена.

— А какъ тамъ, Вихровъ, въ моемъ новомъ имѣньицѣ, что мнѣ досталось, хорошо! — воскликнула Клеопатра Петровна:—май мѣсяцъ всегда въ Малороссіи бываетъ превосходный; усадьба у меня на крутой горѣ—и прямо съ этой горы въ рѣку,—вода въ рѣкѣ чудная—я стану купаться въ ней, ахъ, отлично! Потомъ буду ѣсть арбузы, вишни; жажда меня эта проклятая не будетъ мучить тамъ, и какъ бы мнѣ теперь пить хотѣлось!

— Выпей оршаду!—сказала ей Прыхина.

— Нѣтъ, гадокъ онъ мнѣ—не хочу!

— Разскажите ей что-нибудь интересное; не давайте ей много самой говорить! Ей не велятъ этого,—шепнула Прыхина Вихрову.

— Что же ей разсказывать, я, ей-Богу, не знаю!—отвѣчалъ ей тоже шопотомъ Вихровъ.

— Ну, да что-нибудь, досадный какой!—возразила ему Прыхина.—Павелъ Михайловичъ хочетъ тебѣ разсказать про свою жизнь и службу,—сказала она вслухъ Фатѣевой.

— Что же онъ хочетъ разсказать?—спросила та.

— Ну, разсказывайте!—обратилась къ нему настойчиво Прыхина.

Вихровъ рѣшительно не находилъ, что ему разсказать.

— Что же мнѣ такое разсказать вамъ?—какъ бы спросилъ онъ.

— Что же, вы побѣдъ тамъ много имѣли?—спросила его сама уже Фатѣева.

Вихровъ и на это не зналъ, что отвѣчать. Онъ поспѣшилъ, впрочемъ, взглянуть на Прыхину. Та легонько, но отрицательно, покачала ему головой.

— Какія мои побѣды? Старъ я для этого становлюсь,— отвѣчалъ онъ.

— Ну, не очень еще, я думаю, старъ,—возразила съ улыбкой Фатѣева.—Въ той губерніи, гдѣ были вы, и Цапкинъ, кажется, служитъ?—прибавила она, нахмуривая уже свои брови.

— Тамъ же,—отвѣчалъ Вихровъ, потупляясь.

М-ле Прыхина при этомъ даже нѣсколько сконфузилась.

— Что же, вы видали его?—продолжала Фатѣева.

— Видѣлъ разъ.

— Перемѣнился онъ или нѣтъ?

— Мало, бакенбарды только отпустилъ.

— Мнѣ сказывали,—продолжала Фатѣева съ грустной усмѣшкой:—что жена его поколачиваетъ.

Понятно, что Клеопатра Петровна о всѣхъ своихъ сердечныхъ отношеніяхъ говорила совершенно свободно—и врядъ ли въ глубинѣ души своей не сознавала, что для нея все уже кончено на свѣтѣ, и если предавалась иногда матеріальнымъ заботамъ, то въ этомъ случаѣ въ ней чисто говорилъ одинъ только животный инстинктъ всякаго живого существа, желающаго и стремящагося сохранить и обезпечить свое существованіе.

— При его ростѣ это немудрено,—отвѣчалъ ей Вихровъ.

— Да, росту, да и души, пожалуй, онъ—небольшой,—произнесла какъ-то протяжно Клеопатра Петровна.—А помните ли,—продолжала она:—какъ мы въ карты играли?.. Давайте теперь въ карты играть, а то мнѣ какъ-то очень скучно!

— Но тебѣ не вредно развѣ это будетъ?—спросила ее Прыхина.

— Нисколько, мнѣ скука вреднѣе всего!.. А вы будете со мной играть?—прибавила она, обращаясь къ Вихрову.

— Если вы хотите,—отвѣчалъ ей тотъ.

— Ну, такъ вотъ мы и станемъ втроемъ играть,—продолжала Клеопатра Петровна:—только вы выйдите на минутку, я платье распущу немножко, а то я очень ужъ для васъ выфрантилась,—ступайте, я сейчасъ позову васъ.

Вихровъ съ Катинь вышли въ залу—у этой доброй дѣвушки сейчасъ же слезы показались на глазахъ.

— Какова, а?—спросила она, указывая головой на дверь Клеопатры Петровны:—видѣть ее не могу, и все фантазируетъ: и то-то она сдѣлаетъ и другое... Ужъ вы, Вихровъ, ѣздите къ ней почаще,—прибавила она.

— Непремѣнно,—отвѣчалъ онъ, исполненный почти рыданій въ душѣ.

— Потому что докторъ мнѣ сказывалъ,—продолжала Катишь:—что она можетъ еще пожить нѣсколько времени, если окружена будетъ все пріятными впечатлѣніями, а чего же ей пріятнѣе, какъ не видѣть васъ!

На этихъ словахъ въ залу вошла знакомая Вихрову Марья, глаза у которой сдѣлались совсѣмъ оловянными и лицо сморщилось.

— Что, Маша, забыла ужъ моего Ивана?—не утерпѣлъ и пошутилъ съ ней Вихровъ.

— Ну его къ ляду, сударь, Богъ съ нимъ!—отвѣчала она:—пожалуйте-съ, васъ проситъ Клеопатра Петровна.

— Вы старайтесь ей проигрывать, у ней теперь денегъ нѣтъ—и это будетъ ее волновать, если она будетъ проигрывать,—шепнула Вихрову Катишь.

Когда они возвратились къ Клеопатрѣ Петровнѣ, она сидѣла ужъ за карточнымъ столомъ, закутанная въ шаль. На первыхъ порахъ Клеопатра Петровна принялась играть съ большимъ одушевленіемъ: она обдумывала каждый ходъ, мастерски разыгрывала каждую игру; но Вихровъ отчасти съ умысломъ, а частью и отъ неумѣнья и разсѣянности, съ самаго же начала сталъ страшно проигрывать. Катишь тоже подбрасывала больше карты, главное же вниманіе ея было обращено на больную, чтобы та не очень ужъ агитировалась.

— Какъ однако вы дурно играете!—воскликнула Клеопатра Петровна Вихрову.

— Да, я давно ужъ не игралъ—и, кромѣ того, несчастливъ очень—ничего не идетъ.

— Зато вы въ любви счастливы,—произнесла опять съ какою-то горькою усмѣшкою Клеопатра Петровна.

Вихровъ на это промолчалъ и даже немного потупился.

— А вотъ я такъ наоборотъ: въ картахъ счастлива, зато въ любви несчастлива,—прибавила съ прежнею горькою ироніею Фатѣева.

— Счастлива и ты,—подхватила Прыхина.

— Кто же меня еще любитъ? Развѣ вотъ онъ еще немножко любитъ,—проговорила Клеопатра Петровна, указывая на Вихрова.

— И онъ любитъ,—отвѣчала Катишь.—Вѣдь вы любите ее?—отнеслась она къ Вихрову.

— Люблю,—отвѣчалъ онъ, и слезы противъ воли послышались въ его голосѣ.

— Нѣтъ, ужъ нынче не любитъ,—подхватила Фатѣева.—

Однако будетъ играть! мнѣ что-то очень нехорошо!..—прибавила она, кладя карты и отодвигая отъ себя столъ.

— Конечно, будетъ!—подхватила Прыхина уже встревоженнымъ голосомъ.

— Будетъ сегодня!—повторила еще разъ Фатѣева, протягивая Вихрову руку.

— Ну, такъ я уѣду, а вы отдохните,—говорилъ онъ, пожимая ей руку.

— Да, я отдохну; только вы смотрите же, пріѣзжайте ко мнѣ скорѣе!

— Непремѣнно пріѣду,—отвѣчалъ онъ.

— Какъ можно скорѣе!—повторила Фатѣева.

— Да поцѣлуйтесь же, Господи, на прощанье-то!.. гадко вѣдь видѣть даже васъ!..—воскликнула Катишь, видя, что Вихровъ стоитъ только передъ Фатѣевой и пожимаетъ ей руку.

— Ну, поцѣлуемтесь!—произнесла и та съ улыбкою.

— Поцѣлуемтесь!—сказалъ и Вихровъ.

Они поцѣловались и оба при этомъ немного сконфузились. Катишь вышла провожать Вихрова на крыльцо.

— Въ самомъ дѣлѣ, поскорѣе пріѣзжайте; ей очень недолго осталось жить,—проговорила она мрачнымъ голосомъ и стоя со сложенными на груди руками, пока Вихровъ садился въ экипажъ.

Случалось ли съ вами, читатель, чтобы около васъ умирало близкое вамъ существо? Не правда ли, что при этомъ, кромѣ мучительнѣйшаго чувства жалости, васъ начинаетъ терзать то, что всѣ ваши маленькія вины и проступки, которые вы, можетъ-быть, совершили противъ этого существа, вырастаютъ въ вашемъ воображеніи до ужасающей величины? Вамъ кажется, будто вы-то именно и причина, что пропадаетъ и погибаетъ молодая жизнь, и вы (по крайней мѣрѣ, думается вамъ такъ) готовы были бы лучше сами умереть за эту жизнь; но ничто ужъ тутъ не поможетъ: ядъ смерти разрушаетъ дорогое вамъ существованіе и оставляетъ вашу совѣсть страдать всю жизнь отъ того, что несправедливо, и нечестно, и жестоко поступали вы противъ этого существа. Въ такого именно рода чувствованіяхъ возвратился герой мой домой. Его, по обыкновенію, встрѣтила улыбающаяся и цвѣтущая счастьемъ Груша.

— Гдѣ это, баринъ, такъ долго вы были?—спросила она.

— У Фатѣевой,—отвѣчалъ Вихровъ безъ всякой осторожности.

— Вотъ у кого!—произнесла Груша протяжно и затѣмъ почти сейчасъ же ушла отъ него изъ кабинета.

Вихровъ цѣлый вечеръ послѣ того не видалъ ея и невольно обратилъ на это вниманіе.

— Груша!—крикнулъ онъ.

Та что-то не показывалась.

— Груша!—повторилъ онъ громче и ужъ нѣсколько строго.

— Сейчасъ!—отвѣчала та явно неохотнымъ тономъ и затѣмъ пришла къ нему.

Вихровъ очень хорошо видѣлъ по ея личику, что она дулась на него.

— Это что̀ такое значитъ?—спросилъ онъ ее.

— Что̀ такое значитъ?—спросила Груша въ свою очередь.

— А то, что вы гнѣваетесь, кажется, на меня.

— Нѣтъ-съ,—отвѣчала та.—Что̀ вамъ гнѣвъ-то мой?!—прибавила она, немного помолчавъ.

— А то, что ты вздоръ думаешь; я ѣздилъ къ Клеопатрѣ Петровнѣ чисто по чувству состраданія. Она скоро, вѣроятно, умретъ.

— Умретъ, да, какъ же!.. Нѣтъ еще, поживетъ!..—почти воскликнула Груша.

— Нѣтъ, умретъ!—прикрикнулъ на нее съ своей стороны Вихровъ.—А ты не смѣй такъ говорить! Ты оскорбляешь во мнѣ самое святое, самое скорбное чувство,—пошла!

Груша струсила и ушла.

V.

Похороны.

Вихрову не удалось въ другой разъ побывать у Клеопатры Петровны. Не прошло еще и недѣли, какъ онъ получилъ отъ Катишь запечатанное черною печатью письмо.

«Добрый Павелъ Михайловичъ,—писала она не столь уже бойкимъ почеркомъ:—нашего общаго друга въ прошедшую ночь совершенно неожиданно не стало на свѣтѣ. Мы съ ней еще не спали, а сидѣли и разговаривали о васъ. Она меня просила, чтобы я поутру послала сказать вамъ, чтобы вы непремѣнно пріѣзжали играть въ карты; вотъ вы и пріѣдете къ ней, но на другого рода карты,—карты страшныя, тяжелыя!.. Вдругъ она приподнялась на постели, обняла меня, вскрикнула и лежала уже бездыханная въ моихъ объятіяхъ... Вообразите мой ужасъ: я сама закричала какъ сумасшедшая, едва дозвалась людей и положила трупъ на постель. Все кончено! Упокой, Господи, душу усопшей рабы Твоей! Пишу это письмо къ вамъ на разсвѣтѣ;

солнце только-что еще показалось, но наше дорогое солнце никогда не взойдетъ для насъ!..»

На этомъ мѣстѣ видно было, что цѣлый ливень слезъ упалъ на бумагу.

«Снаряжать ея похороны пріѣзжайте завтра же и денегъ съ собой возьмите. У нея всего осталось 5 рублей въ бумажникѣ. Хорошо, что васъ, ангела-хранителя, Богъ послалъ, а то ужъ одна потерялась бы!

«Ваша Катишь».

Вихровъ, прочитавъ это письмо, призвалъ Грушу и показалъ ей его.

— Вотъ ты говорила, что не умретъ; умерла—радуйся! — сказалъ онъ ей досадливымъ голосомъ.

Груша только ужъ молчала и краснѣла въ лицѣ. Вихровъ всѣ эти дни почти не говорилъ съ нею. На этотъ разъ она наконецъ не вытерпѣла и бросилась цѣловать его руку и плечо.

— Виновата, баринъ, виновата,—говорила она.

Вихровъ поцѣловалъ ее въ голову.

— Ну, то-то же, впередъ такого вздора не думай! — проговорилъ онъ.

— Не буду, баринъ,—отвѣчала Груша; а потомъ, помолчавъ нѣсколько, прибавила:—Мнѣ можно, баринъ, сходить къ нимъ на похороны-то?

— Зачѣмъ же тебѣ?

— Да вотъ я говорила-то про нихъ; вѣдь это грѣшно: я хоть помолюсь за нихъ,—отвѣчала Груня.

— Если съ этою цѣлью, а не изъ пустого любопытства, то ступай!—разрѣшилъ ей Вихровъ.

Послѣ того онъ, одѣвшись въ черный фракъ и жилетъ, поѣхалъ.

Въ маленькомъ домикѣ Клеопатры Петровны окна были выставлены, и горѣли большія мѣстныя свѣчи. Войдя въ залъ, Вихровъ увидѣлъ, что на большомъ столѣ лежала Клеопатра Петровна; она была въ бѣломъ кисейномъ платьѣ и съ цвѣтами на головѣ. Сама съ закрытыми глазами, блѣдная и сухая, какъ бы сдѣланная изъ кости. Видъ этотъ показался ему ужасенъ. Пользуясь тѣмъ, что въ залѣ никого не было, онъ подошелъ, взялъ ее за руку, которая едва послушалась его.

— Клеопатра Петровна,—сказалъ онъ вслухъ:—если я въ чемъ виноватъ передъ вами, то повѣрьте мнѣ, что мученьями моей совѣсти, по крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту я наказанъ сторицею! — и потомъ онъ наклонился и сначала поцѣловалъ ее въ голову, лобъ, а потомъ и въ губы.

Катишь, догадавшись по экипажу Вихрова, что онъ пріѣхалъ, вышла къ нему изъ сосѣдней комнаты. Выраженіе лица ея было печально, но торжественно.

— Клеопаша всегда желала быть похороненною въ ихъ приходѣ, рядомъ со своимъ мужемъ. «Если, говоритъ, мы несогласно жили съ нимъ въ жизни, то пусть хоть на страшномъ судѣ явимся вмѣстѣ передъ Богомъ!»—проговорила Катишь и, кажется, врядъ ли не сама все это придумала, чтобы хоть этимъ немного помирить Клеопатру Петровну съ ея мужемъ: она не только въ здѣшней, но и въ будущей даже жизни желала устраивать счастье своихъ друзей.

— Съѣздите теперь къ этимъ господамъ, у которыхъ дроги, и скажите, чтобы ихъ отпустили въ деревню, и мнѣ тоже дайте денегъ; здѣсь надобно сдѣлать кой-какія распоряженія.

Вихровъ далъ ей денегъ и съѣздилъ какъ-то механически къ господамъ, у которыхъ дроги,—сказалъ имъ, что надо, и возвратился опять въ свое Воздвиженское. Лежащая на столѣ, вся въ бѣломъ и въ цвѣтахъ, Клеопатра Петровна ни на минуту не оставляла его воображенія. На другой день онъ опять какъ-то машинально поѣхалъ на выносъ тѣла и засталъ, что священники были уже въ домикѣ, а на дворѣ стояла цѣлая гурьба соборныхъ пѣвчихъ. Катишь желала какъ можно нараднѣе похоронить свою подругу. Гробъ она также заказала пренарядный.

— Ничего, растряхайте-ка вашъ кармашекъ! Она стоитъ, чтобы вы ее съ почетомъ похоронили,—говорила она Вихрову.

Гробъ между тѣмъ подняли. Священники запѣли, запѣли и пѣвчіе, и все это пошло въ сосѣднюю приходскую церковь. Шлепая по страшной грязи, Катишь шла по срединѣ улицы и вела только что не за руку съ собой и Вихрова; а потомъ, когда гробъ поставленъ былъ въ церковь, она отпустила его и велѣла пріѣзжать ему на другой день часамъ къ девяти на четверкѣ, чтобы послѣ службы проводить гробъ до деревни.

Вихровъ снова возвратился домой какимъ-то окаменѣлымъ. Теперь у него въ воображеніи безпрестанно рисовался гробъ и положенные на него цвѣты.

Поутру онъ, часу въ девятомъ, пріѣхалъ въ церковь. Кромѣ Катишь, которая была въ глубокомъ траурѣ и съ плерезами, онъ увидѣлъ тамъ Живина съ женою.

— Умерла, братъ,—проговорилъ тотъ какимъ-то глухимъ голосомъ.

— Да, умерла,—повторилъ Вихровъ.

Юлія только внимательно смотрѣла на Вихрова. Живинъ, замѣтивши, что пріятель былъ въ мрачномъ настроеніи, сей-

часъ же, разумѣется, пожелалъ утѣшить его, или, лучше сказать, пообливъ его холодною водою.

— Послѣдній-то обожатель ея, г-нъ Ханинъ, говорятъ, и не былъ у нея, пока она была больна,—сказалъ онъ.

Вихрову досадно и непріятно было это слышать.

— Ну, не время говорить подобныя вещи, — сказалъ онъ.

Въ половинѣ обѣдни въ церковь вошелъ Кергель. Онъ не былъ на этотъ разъ такой растерянный; напротивъ, взоръ у него горѣлъ радостью, хотя сообразно печальной церемоніи онъ и старался имѣть печальный видъ. Онъ сначала очень усердно помолился передъ гробомъ и потомъ, замѣтивъ Вихрова, видимо, не удержался и подошелъ къ нему.

— Спѣшу пожать вашу руку и поблагодарить васъ.—сказалъ онъ и, взявъ руку Вихрова, съ чувствомъ пожалъ ее.

— Что такое? За что?—спросилъ его тотъ.

— Отъ его превосходительства Сергѣя Григорьича (имя Абреева) присланъ мнѣ запросъ черезъ полицію, чтобы я прислалъ мой формулярный списокъ для опредѣленія меня въ полицеймейстеры.

— Вотъ какъ! — произнесъ Вихровъ съ удовольствіемъ: — значитъ, письмо подѣйствовало!

— Да какъ же, помилуйте! — продолжалъ Кергель съ какимъ-то даже трепетомъ въ голосѣ:—я никакъ не ожидалъ и не надѣялся быть когда-нибудь полицеймейстеромъ—это такая почетная и видная должность!.. Конечно, я всю душу и сердце положу за его превосходительство Сергѣя Григорьича, но и тѣмъ, вѣроятно, не сумѣю возблагодарить ни его ни васъ!.. А мнѣ еще и Катеринѣ Дмитріевнѣ надобно передать радостное для нея извѣстіе, — прибавилъ онъ послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія и рѣшительно, кажется, не могшій совладать съ своимъ нетерпѣніемъ.

— А развѣ и объ ней есть запросъ? — спросилъ Вихровъ.

— И объ ней, и она, навѣрно, будетъ опредѣлена,—отвѣчалъ Кергель и, осторожно перейдя на ту сторону, гдѣ стояла Катишь, подошелъ къ ней и началъ ей передавать пріятную новость; но Катишь была не такова: когда она что-нибудь дѣлала для другихъ, то о себѣ въ эти минуты совершенно забывала.

— Ну, послѣ какъ-нибудь разскажете, мнѣ не до того, — отвѣчала она, и все вниманіе ея было обращено на церемонію отпѣванія.

Въ одномъ изъ угловъ церкви Вихровъ увидалъ также и Грушу, стоявшую тамъ, всю въ черномъ и усерднѣйшимъ образомъ кланявшуюся въ землю: она себя въ самомъ дѣлѣ считала страшно согрѣшившею противъ Клеопатры Петровны.

Когда наконецъ окончилась вся эта печальная церемонія и гробъ поставили на дроги, Живинъ обратился къ Вихрову:

— А ты поѣдешь провожать до деревни?

— Да,—отвѣчалъ тотъ мрачно.

— Прощайте, Вихровъ, — сказала ему Юлія съ какимъ-то особеннымъ удареніемъ. — Я сегодня убѣдилась, что у васъ прекрасное сердце.

Кергель тѣмъ, какъ бы почувствовавъ уже въ себѣ нѣсколько будущаго полицеймейстера, сталъ шумно распоряжаться экипажами. Однимъ велѣлъ подъѣхать, другимъ отъѣхать, дрогамъ тронуться.

Катишь все время сохраняла свой печальный, но торжественный видъ. Усѣвшись съ Вихровымъ въ коляску, она съ важностью кивнула всѣмъ прочимъ знакомымъ головою, и затѣмъ они поѣхали за гробомъ.

Вскорѣ послѣ того пришлось имъ проѣхать Пустыя-Поля, въѣхали потомъ и въ Зенковскій лѣсъ,—и Вихровъ невольно припомнилъ, какъ онъ по этому же пути ѣздилъ къ Клеопатрѣ Петровнѣ—къ живой, пылкой, со страстью и нѣжностью его ожидавшей, а теперь — что сталось съ нею — страшно и подумать! Какъ бы дорого теперь далъ герой мой, чтобы сразу у него все вышло изъ головы — и прошедшее и настоящее!

— Послѣдній ужъ разъ я ѣду по этой дорожкѣ,—проговорила вдругъ Катишь, залившись горькими слезами.

Вихровъ взглянулъ на нее—и тоже не утерпѣлъ и заплакалъ.

— Ну, будетъ, пощадите меня,—сказалъ онъ, взявъ и сжимая ея руку.

— Я очень рада, что хоть вы одни понимаете, какъ можно было любить эту женщину, — бормотала Катишь, продолжая плакать.

Она въ самомъ дѣлѣ любила Клеопатру Петровну больше всѣхъ подругъ своихъ. Послѣ той размолвки съ нею, о которой когда-то Катишь писала Вихрову, она сама первая пришла къ ней и попросила у ней прощенія. Въ Гороховѣ ихъ ожидала уже вырытая могила; опустили туда гробъ, священники отслужили панихиду—и Вихровъ съ Катишь поѣхали назадъ домой. Всю дорогу они, исполненные своихъ собственныхъ мыслей, молчали, и только при самомъ концѣ ихъ пути Катишь заговорила:

— Кергель сказывалъ, что меня непремѣнно опредѣлятъ въ сестры милосердія; ну, я покажу, какъ русская дама можетъ быть стойка и храбра, — заключила она и молодцовато махнула головою.

Вихровъ всю почти ночь послѣ того не спалъ и все ходилъ взадъ и впередъ по кабинету.

— Я, рѣшительно я, убилъ эту женщину! Женись я на ней, она была бы счастлива и здорова,—говорилъ онъ.

И это почти была правда. Послѣ окончательной разлуки съ нимъ, Клеопатра Петровна явно не стала уже заботиться ни о добромъ имени своемъ ни о здоровьѣ,—ей все сдѣлалось равно.

VI.

Одно за однимъ.

Тяжелое душевное состояніе съ Вихровымъ еще продолжалось; онъ радъ даже былъ, что Мари, согласно своему обѣщанію, не пріѣзжала еще въ ихъ края. У нея былъ боленъ сынъ ея, и она никакъ не могла выѣхать изъ Петербурга. Вихровъ понималъ, что пріѣздъ ея будетъ тяжелъ для Груши, а онъ не хотѣлъ уже видѣть жертвъ около себя — и готовъ былъ лучше Богъ знаетъ отъ какого блаженства отказаться, чтобы только не мучить тѣмъ другихъ. Переписка, впрочемъ, между нимъ и Мари шла постоянная; Мари, между прочимъ, съ величайшимъ восторгомъ увѣдомила его, что повѣсть его изъ крестьянскаго быта, за которую его когда-то сослали, теперь напечаталась и производитъ страшный фуроръ, и что даже въ самыхъ модныхъ салонахъ, гдѣ и по-русски почти говорить не умѣютъ, читаются его сказанія про мужиковъ и бабъ, и отовсюду слышатся восклицанія: «C'est charmant! Comme c'est vrai! Comme s'est poétique!»

«Ты себѣ представить не можешь,— заключала Мари: — какъ измѣнилось здѣсь общественное мнѣніе: надъ солдатчиной и шагистикой смѣются, о мужикахъ русскихъ выражаются почти съ благоговѣніемъ. Что крѣпостное право будетъ уничтожено — это уже рѣшено: но, говорятъ многіе, коренныя преобразованія будутъ въ судахъ и въ финансахъ. Дай-то Богъ, авось мы доживемъ до того, что намъ будетъ возможно не боясь *честно* говорить и не стыдясь *честно* жить». По газетамъ Вихровъ тоже видѣлъ, что всюду курили оніамъ похвалъ его произведенію. Встрѣть моего писателя такой успѣхъ въ пору его болѣе молодую, онъ бы сильно его порадовалъ; но теперь, послѣ столькихъ лѣтъ почти безпрерывныхъ душевныхъ страданій, онъ какъ бы отупѣлъ ко всему — и удовольствіе свое выразилъ только тѣмъ, что принялся сейчасъ же за свой вновь начатый романъ и сталъ его писать съ необыкновенной быстротой; а чтобы освѣжаться

отъ умственной работы, онъ придумалъ ходить на охоту—и это на него благотворно дѣйствовало: послѣ каждой такой прогулки онъ возвращался домой здоровый, покойный и почти счастливый. Вмѣсто Живина, который все время продолжалъ сидѣть съ женой и амурничать, Вихровъ сталъ брать съ собой Ивана. Этотъ Санчо Панса его юности велъ себя послѣднее время прекрасно: былъ постоянно трудолюбивъ, трезвъ и даже опрятенъ и почти-что уменъ. Стрѣлялъ онъ тоже порядочно—и выучился этому отъ-нечего-дѣлать, когда бариномъ сосланъ былъ въ деревню.

Каждый почти день Вихровъ съ ружьемъ за плечами и въ сопровожденіи Ивана, тоже вооруженнаго, отправлялся за рябчиками въ довольно мрачный лѣсъ, который какъ-то больше гармонировалъ съ душевнымъ настроеніемъ героя моего, чѣмъ подозерные луга. Вихровъ почти наизусть выучилъ всю эту дорогу: вотъ пройдетъ мимо гуменъ Воздвиженскаго и по ровной, глинистой дорогѣ начнетъ подниматься на небольшой взлобокъ, съ котораго ненадолго бываетъ видно необыкновенно красивую колокольню села Богоявленія; потомъ путь идетъ подъ гору къ небольшому мостику, отъ котораго невдалекѣ растутъ двѣ очень вѣтвистыя березы; затѣмъ опять надо итти въ гору. Вихровъ всегда задыхался при этомъ: но вотъ наконецъ и воротца въ лѣсъ. Иванъ, когда они подходили къ нимъ, уходилъ немного впередъ и отворялъ воротца, подъ которыми постоянно была лужа грязи. Пройдя ихъ, сейчасъ же можно было поворачивать въ лѣсъ. Идя въ чащѣ елокъ, на вершины которыхъ Иванъ внимательнѣйшимъ образомъ глядѣлъ, чтобы увидѣть на нихъ рябчика или тетерева, Вихровъ невольно помышлялъ о томъ, что вотъ тамъ идетъ слава его произведенія, тамъ происходитъ война, смерть, кровь, сколько оскорбленныхъ самолюбій, сколько горькихъ слезъ матерей, супругъ, а онъ себѣ, хоть и грустный, но спокойный, гуляетъ въ лѣсу. На одну изъ ближайшихъ ко входу въ лѣсъ колодъ Вихровъ обыкновенно садился отдыхать, а Иванъ въ почтительной позѣ устанавливался невдалекѣ отъ него—и Вихровъ всякій разъ, хоть и не совсѣмъ ласковымъ голосомъ, говорилъ ему:

— Садись, что жъ ты стоишь!

И Иванъ садился, но все-таки продолжалъ держать себя въ нѣсколько трусливой позѣ. Наконецъ Вихрову этотъ подобострастный видъ его сталъ наскучать—и онъ рѣшился ободрить его, хоть и предчувствовалъ, что Иванъ послѣ того сейчасъ же носъ подыметъ и, пожалуй, опять пьянствовать начнетъ; но, какъ бы то ни было, онъ разъ сказалъ ему:

— Иванъ, что жъ ты не женишься?

— На комъ же жениться-то! — отвѣчалъ Иванъ, потупляясь немного.

Баринъ въ этомъ случаѣ попалъ въ самую завѣтную его мечту.

— Хорошія-то невѣсты за меня не пойдутъ, а на худой-то что жениться!

— Да вѣдь невѣсты всѣ одинаково хороши!

— Нѣтъ-съ, разница большая, — отвѣчалъ Иванъ, ухмыляясь: — за меня было, вонъ, поповна даже шла-съ.

— Ну такъ что же?

— Да говоритъ: «есть у тебя сто рублей денегъ, такъ пойду за тебя», а у меня какія жъ деньги!

И въ голосѣ Ивана Вихровъ явно почувствовалъ укоръ себѣ, зачѣмъ онъ ему не приготовилъ этихъ ста рублей.

— Что жъ, она хороша лицомъ?

— Нѣтъ, изъ лица она не такъ, чтобы очень красива, — отвѣчалъ Иванъ.

Поповна была просто дурна и глуна очень.

— Такъ чѣмъ же она тебѣ нравится?

— Да тѣмъ, что почотнѣе, все не мужичка простая.

— И ты бы на ней съ большимъ удовольствіемъ женился?

— Да-съ, — отвѣчалъ Иванъ, опять ухмыляясь.

— Ну, хорошо, сватайся! Я тебѣ дамъ сто рублей.

Иванъ что-то молчалъ.

— Когда же ты будешь свататься? — спросилъ Вихровъ, думая, что не налгалъ ли все это Иванъ.

— Да вотъ-съ тутъ какъ-нибудь, — отвѣчалъ Иванъ опять какъ-то нерѣшительно; у него мгновенно уже все перевернулось въ головѣ: «зачѣмъ жениться теперь, лучше бы баринъ просто далъ сто рублей»,—думалъ онъ.

— Ну, женись, женись! — повторилъ съ усмѣшкою Вихровъ.

— Слушаю-съ! — отвѣчалъ Иванъ и, будучи все-таки очень доволенъ милостями барина, рѣшился въ мысляхъ еще усерднѣе служить ему; и, когда они возвратились домой, Вихровъ, по обыкновенію, сѣлъ въ кабинетѣ писать свой романъ, а Иванъ усѣлся въ лакейской и старательнѣйшимъ образомъ принялся приводить въ порядокъ разныя охотничьи принадлежности: протеръ и прочистилъ ружья, зарядилъ ихъ, сталъ потомъ починивать патронташъ.

Къ нему вошла Груша.

— А что, барину къ ужину есть дичь? — сказала она.

— Есть, надо-быть-съ! — отвѣчалъ Иванъ, сейчасъ же вскакивая на ноги: онъ все время былъ чрезвычайно почтителенъ

къ Грушѣ и относился къ ней, совершенно какъ бы она барыня его была.

— Дай-ка, умѣю ли я стрѣлять, — сказала она, взявъ одно ружье; ей скучно, изволите видѣть, было: баринъ все занимался, и ей хоть бы съ кѣмъ-нибудь хотѣлось поболтать.

— Такъ, что ли, стрѣляютъ? — спросила она, прикладывая ружье къ половинѣ груди и наклоняя потомъ къ нему свою голову.

— Нѣтъ-съ, не такъ-съ, а вотъ какъ-съ, — надо къ щекѣ прикладывать, — проговорилъ Иванъ и, схвативъ другое ружье, прицѣлился изъ него и, совершенно ошалѣлый отъ того, что Груша заговорила съ нимъ, прищелкнулъ языкомъ, притопнулъ ногой и тронулъ язычокъ у ружья.

То сейчасъ же выстрѣлило; Груша страшно при этомъ вскрикнула.

— Что такое? — проговорилъ Иванъ, весь поблѣднѣвъ.

— То, что ты меня застрѣлилъ, — проговорила Груша, опускаясь на стоявшій около нея стулъ.

Кровь текла у ней по всему платью.

— Что за выстрѣлъ? — воскликнулъ и Вихровъ, страшно перепуганный и однимъ прыжкомъ, кажется, перескочившій изъ кабинета въ лакейскую.

Тамъ Иванъ попрежнему стоялъ окаменѣлый, а Груша сидѣла наклонившись.

— Что такое у васъ? — повторилъ еще разъ Вихровъ.

— Это я, батюшка, выстрѣлила, — поспѣшила отвѣчать Груша: — шалила да и выстрѣлила въ себя; маленько, кажется, попала; за докторомъ, батюшка, поскорѣе пошлите...

— Доктора скорѣй, доктора! — кричалъ Вихровъ.

Мальчикъ Миша, тоже откуда-то появившійся, побѣжалъ за докторомъ.

— Но куда ты въ себя выстрѣлила, и какъ ты могла въ себя выстрѣлить? — говорилъ Вихровъ, подходя къ Грушѣ и разрывая на ней платье.

— Вотъ тутъ, кажется, въ бокъ лѣвый, — отвѣчала Груша.

— Но ты тутъ не могла сама себѣ выстрѣлить! — говорилъ Вихровъ, ощупывая дрожащею рукою ея рану.—Ужъ это не ты ли, злодѣй, сдѣлалъ? — обратился онъ къ стоявшему все еще на прежнемъ мѣстѣ Ивану и не выпуская Груши изъ своихъ рукъ.

— Я-съ это, виноватъ! — отвѣчалъ тотъ сдуру.

— А, такъ вотъ это кто и что!.. — заревѣлъ вдругъ Вихровъ, оставляя Грушу и выходя на средину комнаты: ему пришло въ голову, что Иванъ нарочно изъ мести и ревности выстрѣлилъ въ Грушу.—Ну, такъ погоди же, постой, я и съ

тобой разсчитаюсь! — кричалъ Вихровъ и взялъ одно изъ ружей: — стой вотъ тутъ у притолки, я тебя сейчасъ самого застрѣлю: пусть меня сошлютъ въ Сибирь, но кровь за кровь, злодѣй ты этакій!

— Батюшка баринъ, не дѣлайте этого, не дѣлайте! — кричала Груша.

— Нѣтъ, никто меня теперь не остановитъ отъ этого! — кричалъ Вихровъ и сталъ прицѣливаться въ Ивана, который смиренно прижался къ косяку и закрылъ только глаза.

Напрасно Груша молила и стонала.

— Дай только въ лобъ нацѣлиться, чтобы вѣрный былъ выстрѣлъ, — шипѣлъ Вихровъ и готовъ былъ спустить курокъ, но въ это время вбѣжалъ Симоновъ — и самъ Богъ, кажется, надоумилъ его догадаться, въ чемъ тутъ дѣло и что̀ ему надо было предпринять: онъ сразу же подбѣжалъ къ Вихрову и что̀ есть силы ударилъ его по рукѣ; ружье у того выпало, но онъ снова было-бросился за нимъ—Симоновъ однако схватилъ его сзади за руки.

— Чортъ ты этакій, убѣги, спрячься скорѣй! — закричалъ онъ Ивану.

Тотъ дѣйствительно повернулся и побѣжалъ, и забѣжалъ въ самую даль поля и сѣлъ тамъ въ рожь.

Симоновъ между тѣмъ продолжалъ бороться съ Вихровымъ.

— Нѣтъ, я его поймаю и убью! — больше стоналъ тотъ позвѣриному, чѣмъ говорилъ.

— Нѣтъ-съ, не уйдете-съ, не убьете-съ! — стоналъ въ свою очередь Симоновъ.

Но Вихровъ, конечно бы, вырвался изъ его старческихъ рукъ, если бы въ это время не вошелъ случайно пріѣхавшій Кергель.

— Батюшка, подсобите связать барина, — закричалъ ему Симоновъ: — а то онъ либо себя, либо Ивана убьетъ...

Кергель, и не понявшій сначала, что̀ случилось, бросился однако помогать Симонову. Оба они скрутили Вихрову руки назадъ и понесли его въ спальню; бѣлая пѣна клубомъ шла у него изо рта, глаза какъ бы окаменѣли и сдѣлались неподвижными. Они бережно уложили его на постель. Вихровъ явно былъ въ совершенномъ безпамятствѣ. Набѣжавшія между тѣмъ въ горницу дворовыя женщины стали хлопотать около Груши. Дивуясь и охая и приговаривая: «Матери мои, Господи, отцы наши святые!» — онѣ перенесли ее въ ея комнату. Кергель прибѣжалъ тоже посмотрѣть Грушу и, къ ужасу своему, увидѣлъ, что рана у ней была опасна, а потому сейчасъ же поспѣшилъ свезти ее въ своемъ экипажѣ въ больницу; но тамъ

ей мало помогли: къ утру Груша умерла, давъ отъ себя показаніе, что Иванъ выстрѣлилъ въ нее совершенно нечаянно.

Симоновъ, опасаясь, что когда Вихровъ опомнится, такъ опять, пожалуй, спросятъ Ивана, попросилъ исправника, чтобы тотъ, пока дѣло пойдетъ, посадилъ Ивана въ острогъ. Иванъ, впрочемъ, и самъ желалъ того.

У Вихрова докторъ призналъ воспаленіе въ мозгу и весьма опасался за его жизнь, тѣмъ болѣе, что тотъ все продолжалъ быть въ безпамятствѣ. Его очень часто навѣщали, хотя почти и не видали его, Живинъ съ женою и Кергель; но кто болѣе всѣхъ доказалъ ему въ этомъ случаѣ дружбу свою, такъ это Катишь, — услыхавъ о несчастномъ убійствѣ Груши и о постигшей Вихрова болѣзни, она сейчасъ же явилась къ нему уже въ коричневомъ костюмѣ сестеръ милосердія, въ чепцѣ и пелеринкѣ и даже съ крестомъ на груди. Сейчасъ же приняла весь домъ подъ свою команду и ни одной душѣ не позволяла ходить за больнымъ, а все — даже черныя обязанности — исполняла для него сама. Черезъ недѣлю, когда докторъ очень ужъ сталъ опасаться за жизнь больного, она разспросила людей, кто у Павла Михайлыча ближайшіе родственники, — и когда ей сказали, что у него всего только и есть сестра — генеральша Эйсмондъ, а Симоновъ, всегда обыкновенно отвозившій письма на почту, сказалъ ей адресъ Марьи Николаевны, Катишь не преминула сейчасъ же написать ей письмо и изложила его весьма ловко:

«Ваше превосходительство!—писала она своимъ бойкимъ почеркомъ:—письмо это пишетъ къ вамъ женщина, сидящая день и ночь у изголовья вашего умирающаго родственника. Не буду описывать вамъ причину его болѣзни: скажу только, что онъ напуганъ былъ выстрѣломъ, который сдѣлалъ одинъ злодѣй-лакей и убилъ этимъ выстрѣломъ одну изъ горничныхъ».

Катишь очень хорошо подозрѣвала о нѣкоторыхъ отношеніяхъ Груши къ Вихрову; но, имѣя привычку тщательнѣйшимъ образомъ скрывать подобныя вещи, она, разумѣется, ни однимъ звукомъ не хотѣла намекнуть о томъ въ письмѣ къ Марьѣ Николаевнѣ. Темное, но геніальное чутье Катишь говорило ей, что между m-me Эйсмондъ и m-r Вихровымъ врядъ ли нѣтъ чего-нибудь, по крайней мѣрѣ, нѣкоторой нравственной привязанности; такъ зачѣмъ же было смущать эти отношенія разнымъ вздоромъ? Себя она тоже по этому поводу какъ бы старалась нѣсколько выгородить.

«Не заподозрите, Бога ради,—писала она далѣе въ своемъ письмѣ:—чтобы *любовь* привела меня къ одру вашего родственника; между нами существуетъ одна только святая и чистая

дружба, — очень сожалѣю, что я не имѣю портрета, чтобы послать его къ вамъ, изъ котораго вы увидали бы, какъ я безобразна и съ какимъ ужаснымъ носомъ, изъ чего вы можете убѣдиться, что всѣ мужчины могутъ только ко мнѣ питать дружбою!»

Сдѣлавшись сестрой милосердія, Катишь начала, нисколько не конфузясь и совершенно безпощадно, смѣяться надъ своей наружностью. Она знала, что теперь уже блистала нравственнымъ достоинствомъ. Къ письму вышеизложенному она подписалась:

«Сестра милосердія, Екатерина Прыхина».

VII.

Петербургская гостья и Катишь.

Было часовъ шесть вечера. По главной улицѣ уѣзднаго городка шибко ѣхала на четверкѣ почтовыхъ лошадей небольшая, но красивая дорожная карета. Рядомъ съ кучеромъ, на широкихъ козлахъ, помѣщался благообразный лакей въ военной формѣ. Онъ, какъ только еще въѣхали въ городъ, обернулся и спросилъ ямщика:

— Что жъ, мнѣ сбѣгать къ смотрителю и попросить, чтобы вы же и довезли насъ до Воздвиженскаго?

— Я же и довезу, — отвѣчалъ ямщикъ: — всего версты двѣ: генеральшу важно докачу; на водку бы только дала!

— Дадутъ-съ, — отвѣчалъ лакей и, какъ только подъѣхали къ почтовой станціи, сейчасъ же соскочилъ съ козелъ, сбѣгалъ въ домъ и, возвратясь оттуда и снова вскакивая на козлы, крикнулъ: — Позволили, пошелъ!

Ямщикъ тронулъ.

— Ну, слава Богу, что не задержали! — послышался тихій голосъ въ каретѣ.

Это ѣхала, или, лучше сказать, скакала день и ночь изъ Петербурга въ Воздвиженское Мари. Съ ней ѣхалъ и сынокъ ея, только-что еще выздоровѣвшій, мальчикъ лѣтъ десяти.

Когда экипажъ началъ наконецъ взбираться въ гору, Мари не утерпѣла и, выглянувъ въ окно кареты, спросила:

— Это Воздвиженское?

— Оно самое-съ! — отвѣчалъ ямщикъ и что есть духу понесся.

— Господи, какъ-то я его застану! — говорила Мари нерѣшительнымъ голосомъ и вся поблѣднѣвъ при этой мысли.

Въ Воздвиженскомъ въ это время Вихровъ, пришедши уже въ себя и будучи только страшно слабъ, лежалъ, опустивъ голову на подушки; худъ и блѣденъ онъ былъ, какъ мертвецъ, и видно было, что мысли, одна другой мрачнѣе, проходили постоянно въ его головѣ. Онъ не спрашивалъ ни о томъ, что такое съ нимъ было, ни о томъ — жива ли Груша. Онъ, кажется, все это самъ ужъ очень хорошо зналъ и только не хотѣлъ разспросами еще болѣе растравлять своихъ душевныхъ ранъ; ходившей за нимъ безусыпно Катишь онъ ласково по временамъ улыбался, пожималъ у нея иногда руку; но какъ она сдѣлаетъ для него, что нужно, онъ сейчасъ и попроситъ ее не безпокоиться и уходить: ему вообще, кажется, тяжело было видѣть людей. Катишь, немножко уже начинавшая и обижаться такимъ молчаливымъ обращеніемъ ея кліента, по обыкновенію, чтобы развлечь себя, выходила и садилась на балконъ и принималась любоваться окрестными видами; на этотъ разъ тоже, сидя на балконѣ и завидѣвъ въѣзжавшую на дворъ карету, она прищурила глаза, повела нѣсколько своимъ носомъ и затѣмъ, поправивъ на себѣ торопливо бѣлую пелеринку и крестъ, поспѣшно вышла на крыльцо, чтобъ встрѣтить пріѣхавшую особу.

— Это я знаю, кто пріѣхалъ! — говорила она не безъ лукавства, идя въ переднюю.

Мари входила уже на лѣстницу дома, держа сына за руку; она замѣтно была сильно встревожена. Катишь, дожидавшаяся ея на верхней ступени, модно присѣла передъ ней.

— Я, кажется, имѣю удовольствіе видѣть ея превосходительство г-жу Эйсмондъ?—проговорила она, по обыкновенію, въ носъ.

— Да, — отвѣчала Мари. — Но скажите, что же больной нашъ?—прибавила она дрожащимъ голосомъ.

— Опасность миновалась: слабъ еще, но не опасенъ, — отвѣчала съ важностью Катишь.—Прошу васъ въ гостиную,— заключила она, показывая Мари на гостиную.

Та вошла туда какъ-то не совсѣмъ охотно.

— А могу я его видѣть?—прибавила она тѣмъ же безпокойнымъ голосомъ.

— О, нѣтъ, нѣтъ! —воскликнула Катишь совсѣмъ ужъ въ носъ:—такая нечаянность можетъ его встревожить.

Никакъ не ожидая, что Мари сама пріѣдетъ, Катишь и не говорила даже Вихрову о томъ, что писала къ ней.

— А вы вотъ посидите тутъ,—продолжала она простодушнымъ и очень развязнымъ тономъ:—отдохните немножко, выкушайте съ дороги чайку, а я схожу да приготовлю его на

свиданіе съ вами. Это вашъ сынокъ, конечно? — заключила Катишь, показывая на мальчика.

— Да, сынъ мой,—отвѣчала Мари.

— Прелестный мальчикъ!—одобрила m-lle Катишь.—Теперь вотъ еще извольте мнѣ приказать: какъ вамъ угодно почивать— одинѣмъ или съ вашимъ малюткой?

Какую цѣль Катишь имѣла сдѣлать подобный вопросъ—неизвѣстно, но Мари онъ почему-то сконфузилъ.

— Это все равно, онъ можетъ спать и со мной, а если въ отдѣльной комнатѣ, такъ я просила бы только, чтобы не такъ далеко отъ меня.

— Такъ вотъ какъ мы сдѣлаемъ,—отвѣчала ей Катишь:— я вамъ велю поставить кровать въ комнатѣ покойной Александры Григорьевны,—такъ генеральша генеральшино мѣсто и займетъ,—а малютку вашего положимъ, гдѣ спалъ, бывало, Сергѣй Григорьичъ—губернаторъ ужъ теперь, слышали вы?

— Да, слышала.

— Я вотъ по милости его и ношу этотъ почетный орденъ!— прибавила Катишь и указала на крестъ свой.—Сейчасъ вамъ чаю подадутъ!—заключила она и ушла.

Мари, оставшись одна, распустила ленты у дорожнаго чепца, разстегнула даже у горла платье, и на глазахъ ея показались слезы; видно было, что рыданія душили ее въ эти минуты; сынокъ ея, усѣвшійся противъ нея, смотрѣлъ на нее какъ бы съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

Катишь между тѣмъ, какъ кошка, хитрой и лукавой походкой вошла въ кабинетъ къ Вихрову. Онъ, при ея входѣ, приподнялъ нѣсколько свою опущенную голову.

— Вы покрѣпче, кажется, сегодня,—произнесла она какъ бы и обыкновеннымъ голосомъ и только потирая немного руки.

— Кажется,—отвѣчалъ Вихровъ довольно мрачно.

— Пора, пора! Что это, молодой человѣкъ, все валяетесь!— говорила Катишь, покачивая головой:—вотъ другія бы и дамы къ вамъ пріѣхали,—но нельзя, неприлично, все въ халатѣ лежите.

— Что же, это Живина, что ли, хотѣла пріѣхать? — спросилъ Вихровъ.

— Ахъ, сдѣлайте милость, о m-me Живиной извольте отложить попеченіе,—она теперь въ восторгѣ отъ своего мужа, а прежде точно что была въ васъ влюблена; но, впрочемъ, найдутся, можетъ-быть, и другія, которыя не менѣе васъ любятъ, по крайней мѣрѣ родственной любовью.

— Кто же это: вы, что ли?

— Я что... я буду васъ любить — какъ только вы прикажете,—произнесла Катишь.—Есть и поинтереснѣе меня.

— Я не знаю, что вы такое говорите!—произнесъ Вихровъ съ нѣкоторой ужъ досадой.

— А то, что шутки въ сторону, въ самомъ дѣлѣ, одѣньтесь... Петербургская одна дама пріѣхала къ вамъ.

— Кто такая? Мари, что ли?—произнесъ Вихровъ, приподнимая голову съ подушки.

— Разумѣется, Марья Николаевна, кому же больше!—сказала Катишь.

— Господи! Да гдѣ же она, просите ее!—сказалъ Вихровъ какимъ-то уже ребяческимъ голосомъ.

— Нельзя ей сейчасъ сюда!—возразила Катишь урезонивающимъ тономъ:—во-первыхъ, она сама съ дороги переодѣвается и отдыхаетъ; а потомъ, вы и себя-то приведите хоть сколько-нибудь въ порядокъ,—смотрите, какой у васъ хаосъ!—продолжала Катишь и начала прибирать на столѣ, складывая въ одно мѣсто раскиданное платье; наконецъ взяла гребенку и подала ее Вихрову, непремѣнно требуя, чтобы онъ причесался.

— Мари пріѣхала, Мари! — повторялъ между тѣмъ тотъ какъ бы про себя и замѣтно обрадованный и оживленный этимъ извѣстіемъ; но потомъ вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, снова нахмурился и сказалъ Катишь: — А Груни нѣтъ, конечно, въ живыхъ?

— Нѣтъ, померла,—отвѣчала та торопливо.

Вихровъ при этомъ поднялъ только глаза на небо.

— Тутъ все, кажется, теперь прилично,—проговорила Катишь, обведя глазами всю комнату, и затѣмъ пошла къ Мари.

— Пожалуйте, проситъ васъ теперь къ себѣ, — сказала она той.

Мари пошла; замѣшательство ея все болѣе и болѣе увеличивалось.

— А мнѣ, maman, можно къ дядѣ?—спросилъ ее сынъ.

— Нѣтъ, нельзя, — отвѣчала ему почти съ досадой Мари.

— Ты послѣ, душенька, къ дяденькѣ пойдешь, — объяснила ему наставническимъ голосомъ Катишь.

Мари вошла проворно въ кабинетъ Вихрова.

— Боже мой, какъ ты похудѣлъ!—сказала она сильно испуганнымъ голосомъ.

— Да, порядочно!—отвѣчалъ ей Вихровъ, взявъ и цѣлуя ея руку.

— Были бы кости, а мясо наведемъ!—подхватила шедшая тоже за Мари Катишь; потомъ она подвинула Мари кресло, и та сѣла на него.

— Но скажи, что такое съ тобой случилось, простудился,

что ли, ты? Неужели тебя этотъ несчастный выстрѣлъ такъ испугалъ?—говорила Мари.

— Тутъ много было причинъ; я и до того еще себя не такъ хорошо чувствовалъ... А что супругъ вашъ? —прибавилъ Вихровъ, желая, кажется, прекратить разговоръ о самомъ себѣ.

— Онъ въ Севастополѣ.

— Въ Севастополѣ? — воскликнула радостнымъ голосомъ Катишь:—гдѣ и я скоро буду!..—заключила она, поднявъ съ гордостью носъ.

— Да, — продолжала Мари: — и пишетъ, что они живутъ рѣшительно въ жерлѣ огненномъ; цѣлые дни на нихъ сыплется градъ пуль и ядеръ — ужасно!.. Я къ тебѣ съ сыномъ пріѣхала, — присовокупила она.

— Съ Женечкой? Ахъ, покажите мнѣ его.

— Я сейчасъ его приведу,—сказала Катишь и пошла, но не сейчасъ привела мальчика, а медлила—и медлила съ умысломъ. У Катишь, какъ мы знаемъ, была страсть покровительствовать тому, что—она полагала—непремѣнно должно было произойти между Вихровымъ и Мари.

Тѣ, оставшись вдвоемъ, замѣтно конфузились одинъ другого: письмами они уже сказали о взаимныхъ чувствахъ; но какъ было начать объ этомъ разговоръ на словахъ? Вихровъ, очень еще слабый и больной, только съ любовью и нѣжностью смотрѣлъ на Мари, а та сидѣла передъ нимъ, потупя глаза въ землю,—и видно было, что если бы она всю жизнь просидѣла тутъ, то сама первая никогда бы не начала говорить о томъ. Катишь, рѣшившая въ своихъ мысляхъ, что довольно уже долгое время медлила, ввела наконецъ ребенка.

— Ну, поди сюда, мой милый! — сказалъ ему Вихровъ и, когда Женечка подошелъ къ нему, онъ поцѣловалъ его, и ему невольно при этомъ припомнился покойный Есперъ Иванычъ и самъ онъ въ дѣтствѣ своемъ. Мальчикъ конфузливо сѣлъ около кровати на стулъ, который тоже подвинула ему Катишь.

Разговоръ мало какъ-то клеился.

— Я, когда сюда ѣхала, — начала наконецъ Мари: — такъ, разумѣется, разспрашивала обо всѣхъ здѣшнихъ, и мнѣ на послѣдней станціи сказали, что Клеопатра Петровна въ нынѣшнемъ году умерла.

— Да, умерла! — отвѣчалъ, нахмуриваясь, Вихровъ.

— Покончила свои страдальческіе дни!—подхватила Катишь.

— А вы, кажется, были ея пріятельницей? — спросила ее Мари кроткимъ голосомъ.

— Я была ея другъ! — подхватила Катишь какимъ-то строгимъ басомъ.

Она за что-то считала Мари не совсѣмъ правой противъ Клеопатры Петровны.

Разговоръ на этомъ мѣстѣ опять пріостановился.

— Вы, надѣюсь, — заговорилъ уже Вихровъ, видимо, мучимый какой-то мыслью:—надѣюсь, что ко мнѣ пріѣхали не на короткій срокъ?

— На мѣсяцъ, на два, если только ты не соскучишься,— отвѣчала, покраснѣвъ, Мари.

— Я-то соскучусь, Господи!—произнесъ Вихровъ, и голосъ его при этомъ какъ-то особенно прозвучалъ.—Но какъ же мы однако будемъ проводить наше время?—продолжалъ онъ.— Мы, конечно, будемъ съ вами въ карты играть, какъ въ Петербургѣ собирались.

— Въ карты играть,—говорила Мари; смущеніе въ ней продолжалось сильное.

— Но чѣмъ же молодца этого занять? — сказалъ Вихровъ, показывая на мальчика.

— Пусть себѣ гуляетъ, ему физическія упражненія предписаны: бѣганье, верховая ѣзда, купанье, — отвѣчала Мари.

— А, въ такомъ случаѣ мы должны сдѣлать нѣкоторое особое распоряженіе. Я тебя, мой другъ, поручу одному старику, который тебѣ все это устроитъ. Потрудитесь послать ко мнѣ Симонова!—прибавилъ Вихровъ, обращаясь къ Катишь.

Та вышла и сейчасъ же привела Симонова.

— Вотъ это, братецъ, сынъ одного заслуженнаго генерала, который теперь въ Севастополѣ. Про Севастополь слышалъ?

— Наслышанъ, ваше высокоблагородіе; война сильная, говорятъ, тамъ идетъ.

— Ну, такъ ты вотъ этого мальчика займи: давай ему смирную лошадь кататься, покажи, гдѣ у насъ купанье неглубокое, вели ему сдѣлать городки, свайку, пусть играетъ съ деревенскими мальчиками.

— Mercі, дядя! — воскликнулъ вдругъ мальчикъ, крайне, кажется, обрадованный всѣми распоряженіями.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе, все будетъ сдѣлано,— проговорилъ и Симоновъ очень тоже довольнымъ голосомъ.— А когда вамъ что понадобится, то извольте крикнуть старика Симонова, — прибавилъ онъ, почти съ какимъ-то благоговѣніемъ обращаясь къ мальчику.

— Ну, ты можешь теперь уходить, — сказала ему Катишь.

Симоновъ тотчасъ же ушелъ.

— Вы, кажется, распорядились и достаточно устали,—обратилась она къ Вихрову:—да и вамъ, я думаю, пора чаю напиться и поужинать.

— Поужинайте, кузина!—сказалъ ей Вихровъ.

— Хорошо,—отвѣчала та и вмѣстѣ съ сыномъ ушла.

Въ залѣ они увидѣли парадно́йшимъ образомъ накрытый столъ съ чаемъ и съ легкимъ ужиномъ. Это все устроила та же Катишь: она велѣла ключницѣ вынуть серебро, лучшій чайный сервизъ, прійти прислуживать генеральшѣ всей, какая только была въ Воздвиженскомъ, комнатной прислугѣ.

Вскорѣ послѣ того гости и хозяева спали уже мертвымъ сномъ. На другой день Катишь почему-то очень рано проснулась, все конопилась у себя въ комнатѣ и вообще была какая-то встревоженная, и потомъ, когда Мари вышла въ гостиную, она явилась къ ней. Глаза Катишь были полнехоньки при этомъ слезъ.

— Марья Николаевна,—начала она взволнованнымъ голосомъ:—я теперь вручаю вамъ моего больного, а мнѣ ужъ позвольте отправиться въ Севастополь.

— Но зачѣмъ же такъ поспѣшно?—возразила-было Мари.

— Невозможно мнѣ долѣе оставаться,—отвѣчала какимъ-то даже жалобнымъ голосомъ Катишь:—я ужъ два предписанія получила, не говорила только никому,—присовокупила она, какъ-то лукаво поднимая брови.

Катишь, въ самомъ дѣлѣ, получила два требующія ее предписанія, но она все-таки хотѣла прежде походить за своимъ близкимъ ей больнымъ, а потомъ уже ѣхать на службу.

— Если такъ, то конечно,—отвѣчала Мари:—я только буду просить васъ найти тамъ моего мужа и поклониться ему отъ меня.

— Сочту это за пріятнѣйшую и непремѣннѣйшую для себя обязанность,—отвѣчала Катишь, модно раскланиваясь передъ Мари, и затѣмъ съ тѣмъ же нѣсколько торжественнымъ видомъ пошла и къ Вихрову.

— Ну, Павелъ Михайлычъ,—начала она съ вновь выступившими на глазахъ слезами:—теперь есть кому за вами присмотрѣть, а меня ужъ пустите въ Севастополь мой.

— Очень жаль,—отвѣчалъ онъ.—Только позвольте!..—прибавилъ онъ и, торопливо вставъ съ постели, торопливо надѣвъ на себя халатъ и туфли, подошелъ къ столу и вынулъ оттуда триста рублей.

— Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, презентовать вамъ на дорогу.

— Ни за что, ни за что!—воскликнула-было Катишь.

— Въ такомъ случаѣ вы меня обидите, я разсержусь и опять занемогу.

— Но вѣдь и вы меня обижаете... и вы обижаете!—говорила Катишь.

— Ей-Богу, разсержусь, — повторилъ еще разъ Вихровъ въ самомъ дѣлѣ сердитымъ голосомъ и подавая Катишь деньги.

— Повинуюсь вамъ, хоть и съ неудовольствіемъ!—сказала наконецъ она, принимая деньги, и затѣмъ поцѣловала Вихрова въ губы, перекрестила его и, войдя снова къ Мари, попросила еще разъ не оставлять больного, простилась потомъ съ горничными дѣвушками и при этомъ раздала имъ, по крайней мѣрѣ, рублей двадцать. Катишь была до глупости щедра, когда у нея появлялись хоть какія-нибудь деньги. Собравъ наконецъ свой скарбъ, она ушла пѣшкомъ въ городъ, не велѣвъ себѣ даже заложить экипажа. Въ послѣднихъ главахъ мы съ умысломъ говорили нѣсколько подробнѣе о сей милой дѣвицѣ для того, чтобы раскрыть полнѣе ея добрую душу, скрывавшуюся подъ столь некрасивой наружностью.

VIII.

Охота съ острогой.

Пріѣздъ Мари благодѣтельно подѣйствовалъ на Вихрова: въ недѣлю онъ почти совсѣмъ поправился, началъ гораздо больше ѣсть, лучше спать и только посѣдѣлъ весь на вискахъ. Хозяинъ и гостья цѣлые дни проводили вмѣстѣ: Мари первое время читала ему вслухъ, потомъ просматривала его новый романъ, но чѣмъ самое большое наслажденіе доставляла Вихрову—такъ это игрой на фортепіано. Мари постоянно занималась музыкой и послѣднее время несравненно стала лучше играть, чѣмъ играла въ дѣвушкахъ. По цѣлымъ вечерамъ Вихровъ, полулежа въ залѣ на канапе, слушалъ игру Мари и смотрѣлъ на нее. Мари была уже лѣтъ тридцати пяти; собой была она довольно худощава; прежняя миловидность перешла у нея въ какую-то пріятную осмысленность. Мари очень стала походить на англичанку, и при этомъ какая-то тихая грусть (выраженіе, нѣсколько свойственное Есперу Иванычу) какъ бы отражалась во всей ея фигурѣ. Изъ посторонникъ посѣтителей въ Воздвиженское пріѣзжали только Живины, но и тѣ всего одинъ разъ: Юлія, услыхавъ о пріѣздѣ Мари къ Вихрову, воспылала нетерпѣніемъ взглянуть на нее и поэтому подговорила мужа въ одно утро ѣхать въ Воздвиженское, какъ бы затѣмъ, чтобы навѣстить больного, у котораго они давно уже не были.

Пріѣздъ ихъ нѣсколько сконфузилъ Вихрова. Познакомивъ обѣихъ дамъ между собою и потомъ воспользовавшись тѣмъ,

что Мари начала говорить съ Живинымъ, онъ поспѣшилъ отозвать Юлію Аркальоновну немножко въ сторону.

— Я надѣюсь, что вы не разсказали вашему мужу о томъ, что я вамъ когда-то говорилъ о Мари, — сказалъ онъ.

Юлія посмотрѣла на него какъ бы съ удивленіемъ.

— Почему же вы думаете, что я такъ откровенна съ мужемъ: у васъ у самихъ моя тайна—гораздо поважнѣе той.— проговорила она.

— Да, пожалуйста, не говорите ему... тѣмъ болѣе, что все, что я вамъ тогда говорилъ... все это вздоръ.

Юлія при этомъ вспыхнула.

— Зачѣмъ же вы этотъ вздоръ мнѣ говорили, — чтобы отъ меня только спастись? — проговорила она насмѣшливымъ и обиженнымъ голосомъ.

— Нѣтъ, не потому, а потому что тогда, можетъ-быть, это и такъ было: но теперь этого нѣтъ, — говорилъ совершенно растерявшійся Вихровъ.

Юлія пожала при этомъ плечами.

— Не понимаю я васъ! — сказала она.

— Послѣ какъ-нибудь я вамъ все объясню, — говорилъ Вихровъ.

— Хорошо! — отвѣчала Юлія опять съ усмѣшкою и затѣмъ подошла и сѣла около m-me Эйсмондъ, чтобы повнимательнѣе ее разсмотрѣть: наружность Мари ей совершенно не понравилась; но она хотѣла испытать ее умственно — и для этой цѣли заговорила съ ней о литературѣ (Юлія единственнымъ мѣриломъ ума и образованія женщины считала то, что говоритъ ли она о русскихъ журналахъ и какъ говоритъ).

— Какъ ожила нынче литература, узнать нельзя,—начала она прямо.

Мари, кажется, удивилась такому предмету разговора—и ничего съ своей стороны не отвѣчала.

— Это такой идетъ протестъ противъ всѣхъ и всего, и все кресчендо и кресчендо!..—продолжала Юлія.

Мари и на это ничего не говорила.

— Введеніе этого политическаго интереса въ литературу такъ подняло ея умственный уровень!—отзванивала Юлія.

Вышедши замужъ, она день ото дня все больше и больше начинала говорить о разныхъ отвлеченныхъ и даже научныхъ предметахъ, и все болѣе и болѣе отборными фразами, и приводила тѣмъ въ несказанный восторгъ своего добрѣйшаго супруга.

— Я не нахожу, чтобы этотъ умственный уровень такъ ужъ очень поднялся,—возразила наконецъ Мари.

— Вы не находите? — спросила Юлія, немного даже вспыхнувъ.

— Онъ, кажется, совершенно такой же, какъ и былъ.

— Но гдѣ же онъ лучше? Онъ и въ европейскихъ литературахъ, я думаю, не лучше и не выше.

Мари при этомъ слегка улыбнулась.

— Все-таки онъ тамъ, я думаю, поопытнѣй и поискуснѣй,— возразила она.

— Я не знаю,—продолжала Юлія, все болѣе и болѣе краснѣя въ лицѣ: — за иностранными литературами я не слѣжу; но мнѣ въ нынѣшней нашей литературѣ по преимуществу дорого то, что въ ней всѣ эти насущные вопросы, которые душили и давили русскую жизнь, поднимаются и разработываются.

— Что поднимаются—это правда, но чтобъ разработывались — этого не видать, скорѣе же это дѣлается въ правительственныхъ сферахъ, — проговорила Мари.

— Ха-ха-ха! — захохотала Юлія: — хороша разработка можетъ быть между чиновниками!.. Нѣтъ ужъ, m-me Эйсмондъ, позвольте вамъ сказать: у меня у самой отецъ былъ чиновникъ и два брата теперь чиновниками—и я знаю, что̀ это за господа, и вотъ вышла за моего мужа, потому что онъ хоть и служитъ, но онъ не чиновникъ, а человѣкъ!

— Каковы, я думаю, чиновники въ странѣ, таковы и литераторы,—ужъ нарочно, кажется, поддразнивала Юлію Мари.

— Павелъ Михайловичъ! — воскликнула та, обращаясь къ Вихрову: — поблагодарите вашу кузину за сравненіе; она говоритъ, что вы, литераторъ, и какой-нибудь плутишка-чиновникъ — одно и то же!

— Я не говорю о дарованіяхъ и писателяхъ; дарованія во всѣхъ родахъ могутъ быть прекрасныя и замѣчательныя; но собственно масса и толпа литературная, я думаю, совершенно такая же, какъ и чиновничья.

Юлія понять не могла, что̀ такое говоритъ Мари: въ своей провинціальной простотѣ она всѣхъ писателей и издателей и редакторовъ уважала безразлично.

— Прежде, когда вотъ онъ только-что вступалъ еще въ литературу, — продолжала Мари, указывая глазами на Вихрова:—когда заниматься ею было не только что не очень выгодно, но даже не совсѣмъ безопасно, — тогда дѣйствительно являлись въ литературѣ люди, которые имѣли истинное къ ней призваніе и которымъ было что̀ сказать; но теперь, когда это дѣло начинаетъ становиться почти спекуляціей, за него, конечно, взялось много господъ неблаговиднаго свойства.

— Но, m-me Эйсмондъ! — воскликнула Юлія: — наша литература такъ еще молода, что она не могла предъявить такихъ грязныхъ явленій, какъ это есть, можетъ-быть, на Западѣ.

— То-то и есть, что и у насъ начинаетъ быть похуже еще западнаго! — отвѣчала Мари: ее, по преимуществу, возмущалъ пошлый и бездарный тонъ тогдашнихъ петербургскихъ газетъ.

Вихровъ слушалъ обѣихъ дамъ съ полуулыбкою, но Живинъ, напротивъ, весь былъ вниманіе: ему нравилось и то, что говорила жена, и то, что говорила Эйсмондъ; но дамы, напротивъ, сильно не понравились другъ другу, и Юлія даже по этому случаю имѣла маленькую ссору съ мужемъ.

— Что это за госпожа?.. — сказала она, пожимая плечами, когда они сѣли въ экипажъ, чтобы ѣхать домой.

— Что за госпожа!.. Женщина, какъ видно, умная! — отвѣчалъ Живинъ.

— Чѣмъ?.. чѣмъ?.. — спросила рѣзко Юлія: — чтобы быть названной *умною женщиной,* надобно сказать что-нибудь умное.

— Она неглупо и говорила, — возразилъ ей опять кротко мужъ.

— Она мало что говорила неумно, но она подло говорила: для нея становой приставъ и писатель — одно и то же. Эта госпожа, должно-быть, страшная консерваторша; но, впрочемъ, что же и ожидать отъ жены какого-нибудь господина генерала; но главное — Вихровъ, Вихровъ тутъ меня удивляетъ, что онъ въ ней нашелъ! — воскликнула Юлія, забывъ отъ волненія даже сохранить повѣренную тайну.

Мари, въ свою очередь, тоже не совсѣмъ благосклонно отзывалась о Живиной; сначала она, разумѣется, ни слова не говорила, но когда Вихровъ съ улыбкой спросилъ ее:

— А какъ вамъ понравилась супруга моего пріятеля?

Онъ бы въ настоящую минуту ни за что не признался Мари, что это была та самая дѣвушка, о которой онъ когда-то писалъ, потому что Юлія показалась ему самому на этотъ разъ просто противною.

— Она, должно-быть, ужасная провинціалка: у нея какой-то рѣзкій тонъ, грубыя манеры! — отвѣчала та.

— И какую чепуху все высокопарную несетъ! — произнесъ Вихровъ.

— Ну, да это-то ужъ Богъ съ ней: всѣ мы, женщины, обыкновенно мыслями страдаемъ; по крайней мѣрѣ держала бы себя нѣсколько поскромнѣе.

Покуда шла такимъ образомъ жизнь въ Воздвиженскомъ, больше всѣхъ ею, какъ и надобно было ожидать, наслаждался Женечка. Онъ цѣлые дни путешествовалъ съ Симоновымъ по полямъ и по лугамъ. Въ Петербургѣ для укрѣпленія мускуловъ его учили гимнастикѣ, и онъ вздумалъ упражняться этой же гимнастикой и въ деревнѣ; нарисовалъ Симонову столбъ, на который лазаютъ, лѣстницу, по которой всходятъ; Симоновъ сейчасъ же все это и устроилъ ему, и мало того: самъ даже сталъ лазать съ нимъ, но ноги у него были старческія, и потому онъ обрывался и падалъ. Особенно Женечку забавляло то, когда Симоновъ, подражая ему, лѣзъ на гладкій столбъ — и только заберется до половины, а тамъ не удержится и начнетъ спускаться внизъ. Женечка покатывался при этомъ со смѣху; одно только маленькому шалуну не нравилось: что бочажокъ, куда онъ ходилъ купаться, былъ очень ужъ мелокъ.

— Симонушка, пойдемъ на озеро и тамъ покупаемся! — сказалъ онъ ему однажды.

— Нѣтъ, что̀ тамъ купаться—грязно да и тинисто очень,— возразилъ ему Симоновъ.—А вотъ лучше что̀!.. — продолжалъ старый запотройщикъ:—ужо̀ вечеромъ выпроситесь у маменьки и у дяденьки на озеро — на лодкѣ съ острогой рыбу половить.

— Ахъ, это отлично! Я сейчасъ же и попрошусь!—воскликнулъ Женечка и съ разгорѣвшимися уже глазами побѣжалъ въ горницу.

— Дядя, мамаша!—кричалъ онъ:—отпустите меня сегодня вечеромъ съ острогой рыбу ловить.

— Что̀ такое, съ какой острогой?—спросила Мари, совершенно не понявъ его просьбы.

— Мы, мамаша, рыбы вамъ наловимъ, — толковалъ сей мальчикъ.

Мари все-таки не понимала.

— Это дѣйствительно довольно пріятная охота, — принялся объяснять ей Вихровъ:—ѣдутъ по озеру въ лодкѣ, у которой на носу горитъ смола и освѣщаетъ такимъ образомъ внутренность воды, въ которой и видно, гдѣ стоитъ рыба въ ней и спитъ: ее и бьютъ острогой.

— Отпусти, мамаша! — приставалъ между тѣмъ къ Мари ребенокъ.

— Нѣтъ, одного тебя пустить неудобно, — возразилъ ему Вихровъ:—потому что все-таки будешь ночью одинъ на водѣ.

— Но я, дядя, съ Симоновымъ поѣду.

— Все это я знаю; но вотъ что̀, Мари, не поѣхать ли и

намъ тоже съ ними?—проговорилъ Вихровъ: ему очень улыбалась мысль проѣхать съ ней по озеру въ темную ночь.

— Хорошо,—отвѣчала она.

— Ну, поди же и позови сюда Симонова, — сказалъ Вихровъ Женечкѣ.

Тотъ благимъ матомъ побѣжалъ и привелъ съ собой за руку стараго воина.

— Вотъ видишь что̀...—обратился къ тому Вихровъ:—поди и найми ты намъ лодку большую, широкую: мы хотимъ сегодня поохотиться съ острогой.

— Теперь отличное время-съ, самое настоящее! — подхватилъ съ удовольствіемъ Симоновъ.

— Ну, такъ ступай!

— Слушаю-съ!—отвѣчалъ Симоновъ и проворно ушелъ.

Женечка выпросился вмѣстѣ съ нимъ на озеро и побѣжалъ за нимъ.

Вихровъ и Мари снова остались вдвоемъ.

Героя моего послѣднее время сжигало нестерпимое желаніе сказать Мари о своихъ чувствахъ: въ настоящую минуту, напримѣръ, онъ сидѣлъ противъ нея—и съ какимъ бы восторгомъ бросился передъ ней, обнялъ бы ея колѣни, а между тѣмъ онъ принужденъ былъ сидѣть въ скромнѣйшей и приличнѣйшей позѣ и вести холодный, родственный разговоръ,— все это начинало ужъ казаться ему просто глупымъ: «хоть пьяну бы, что ли, напиться, — думалъ онъ: — чтобы посмѣлѣе быть!»

Женечка, впрочемъ, вскорѣ возвратился и объявилъ, что все было нанято, и только оставалось желать— чтобы это несносное солнце поскорѣе садилось; но вотъ и оно сѣло. У крыльца стояла уже коляска парою; въ нее сѣли Женечка, Вихровъ и Мари, а Симоновъ помѣстился на козлахъ. Сей почтенный воинъ выбралъ самое сухое мѣсто, чтобы господамъ выйти и сѣсть въ лодку, которая оказалась широчайшею, длиннѣйшею и даже крашеною. Лодочникъ стоялъ на носу. Вихровъ сѣлъ управлять рулемъ. Мари очень боялась, когда она вошла въ лодку и та закачалась.

— Да садитесь около меня, рядомъ со мной, — сказалъ ей Вихровъ.

Мари сѣла. Лавочка была не совсѣмъ длинная и просторная, такъ что Мари совсѣмъ прижалась къ Вихрову, но все-таки боялась.

— Погодите, я стану васъ поддерживать, — сказалъ онъ и взялъ ее легонько за талію.

Однако Мари все еще боялась.

— Ну, дайте и руку вашу.

Мари подала и руку.

Женечка, какъ только вскочилъ въ лодку, сейчасъ же убѣжалъ къ лодочнику и сталъ съ любопытствомъ смотрѣть, какъ тотъ разводилъ на носу огонь. Симоновъ, обернувшись спиной къ Вихрову и Мари, сѣлъ грести. Лодка тронулась.

Мракъ уже совершенно наполнялъ воздухъ; на носу лодки горѣло довольно большое пламя смолы.

— Мамаша, въ водѣ все видно!—кричалъ Женечка, смотря въ воду:—вотъ, мамаша, трава какая большая! А это, мамаша, ракъ, должно-быть?

— Это ракъ, — подтвердилъ лодочникъ. — Тише, баринъ, не кричите, — прибавилъ онъ вполголоса: — это щука, надобыть, стоитъ!.. Какая матерая—чортъ!

— Мнѣ ее и колотить?—спросилъ мальчикъ шопотомъ.

— Нѣтъ, ужъ я лучше, а то она у васъ увернется,—проговорилъ лодочникъ и мгновенно опустилъ острогу внизъ.

Щука сейчасъ же очутилась послѣ того на поверхности воды; Симоновъ поймалъ ее руками; Женечка вырвалъ ее у него и, едва удерживая въ своихъ ручонкахъ скользкую рыбу, побѣжалъ къ матери.

— Мамаша, смотрите, какая щука!—кричалъ онъ.

— Хорошо!—отвѣчала ему мать, почему-то сильно сконфуженнымъ голосомъ.

Женечка опять ушелъ на носъ. Ночь все больше и больше воцарялась; небо хоть было и чисто, но темно, и только звѣзды блистали мѣстами.

Мари находилась почти-что въ объятіяхъ Вихрова.

— Ангелъ мой, вы мнѣ ни разу еще не повторили того, о чемъ писали,—шепталъ онъ ей.

— Я?..—говорила Мари, отворачиваясь отъ него.

— Да!.. Но теперь, по крайней мѣрѣ, скажите, что любите меня!—продолжалъ Вихровъ.

— А что же? Неужели ты не видишь этого?.. — отвѣчала Мари и сама трепетала всѣмъ тѣломъ.

Вихровъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ. Онъ только и видѣлъ предъ собою ея бѣлое лицо, окаймленное чернымъ кружевнымъ вуалемъ.

— Мамаша! еще щука! — кричалъ ребенокъ съ носа. — Дай, эту я ударю!—выпросилъ онъ у лодочника острогу, ударилъ ею и не попалъ.

— Вотъ, баринъ, и не попали,—сказалъ ему лодочникъ.

— Ну, больше ужъ я не буду бить, ты бей!—сказалъ Женя и опять принялся глядѣть внимательно въ воду.

Симоновъ сталъ весломъ направлять лодку къ другому мѣсту. На кормѣ между тѣмъ происходило неумолкаемое шептаніе.

— Ты будешь меня любить вѣчно, всегда? — говорила Мари.

— Я никого кромѣ тебя и не любилъ никогда, — отвѣчалъ Вихровъ.

— Ну, смотри же; я на страшно-тяжелый шагъ для тебя рѣшилась: ты, можетъ-быть, и не воображаешь, какъ для меня это трудно и мучительно...

— Но неужели же, Мари, душить въ себѣ всякое чувство— лучше?—шепталъ Вихровъ.

— Почти что лучше!—отвѣчала она.

Вихрову наконецъ, все еще слабому послѣ болѣзни, отъ озерной сырости сдѣлалось немного и холодновато.

— Однако не пора ли и домой, — я начинаю чувствовать дрожь,—проговорилъ онъ.

— Хорошо!—отвѣчала Мари.

Она, кажется, не помнила, гдѣ она и что̀ съ ней происходитъ.

— Домой!—крикнулъ Вихровъ Симонову.

— Мало что-то нынче рыбы!—произнесъ тотъ.

— Мало,—подтвердилъ и лодочникъ.

— А сколько камешковъ въ водѣ,—сказалъ Женечка, еще разъ заглянувъ въ воду, и вскорѣ затѣмъ всѣ вышли на берегъ и, прежнимъ порядкомъ усѣвшись въ экипажъ, возвратились домой.

Тамъ ихъ въ залѣ ожидалъ самоваръ. Мари поспѣшила сѣсть около него. Она была блѣдна, какъ полотно. Вихровъ сѣлъ около нея. Женя принялся болтать и съ жадностью ѣсть съ чаемъ сухари, а потомъ зазѣвалъ.

— Я, мамаша, спать хочу,—попросилъ онъ уже самъ.

— Хорошо, — отвѣчала Мари съ какимъ-то трепетомъ въ голосѣ. — Пойдемъ, я велю тебя уложить, — прибавила она и пошла за ребенкомъ.

— Мари, вы еще вернетесь?.. Я спать не хочу!—крикнулъ ей Вихровъ.

— Пожалуй... вернусь...— говорила, какъ бы не торопясь и раздумывая, Мари.

— Я въ кабинетѣ буду васъ ожидать, — продолжалъ Вихровъ.

— Хорошо,— отвѣчала опять неторопливо Мари и черезъ нѣсколько времени какой-то робкой походкой прошла въ кабинетъ.

IX.

Отъѣздъ Мари и судьба Ивана.

Точно по огню для Вихрова пробѣжали эти два-три мѣсяца, которые онъ провелъ потомъ въ Воздвиженскомъ съ Мари: онъ съ восторгомъ смотрѣлъ на нее, когда они поутру сходились чай пить; съ восторгомъ видѣлъ, какъ она, точно настоящая хозяйка, за обѣдомъ разливала горячее; съ восторгомъ и подолгу взглядывалъ на нее, играя съ ней по вечерамъ въ карты. Самое лицо ея казалось ему окруженнымъ какимъ-то блестящимъ ореоломъ. Мари въ свою очередь, кажется, точно то же самое чувствовала въ отношеніи его. Какъ величайшую тягость, они оба вспоминали, что имъ еще надо съѣздить къ Живинымъ и отплатить имъ визитъ, потому что Юлія Ардальоновна, бывши въ Воздвиженскомъ, прямо объяснила, что насколько она была у Вихрова, настолько и у m-me Эйсмондъ.

Въ одно утро наконецъ Вихровъ и Мари поѣхали къ нимъ вдвоемъ въ коляскѣ. Герой мой и тутъ, глядя на Мари, утопалъ въ восторгѣ — и она съ какой-то неудержимой любовью глядѣла на него.

Юлія Ардальоновна обрадовалась пріѣзду m-me Эйсмондъ, потому что онъ удовлетворилъ ея самолюбіе. Что же касается до самого Живина, то онъ пришелъ въ несказанный восторгъ, увидѣвъ у себя въ домѣ Вихрова.

— Ты вѣдь у меня у женатаго еще въ первый разъ, посмотри мое немѣщеніе, — сказалъ онъ и повелъ пріятеля показывать ему довольно нарядно убранную половину ихъ.

— Что жъ, и отлично! Ты, значитъ, теперь у пристани.

— Да, слава Богу, — отвѣчалъ Живинъ почти набожнымъ тономъ.— А ты у этой барыни—не у пристани? — прибавилъ онъ не совсѣмъ смѣло и съ усмѣшкой.

— О, вздоръ какой!—произнесъ съ неудовольствіемъ Вихровъ и поспѣшилъ возвратиться въ гостиную къ дамамъ.

Ему ужъ и скучно стало безъ Мари и опять захотѣлось смотрѣть на нее. Мари тоже, хоть на мгновеніе, но безпрестанно взглядывала на ту дверь, въ которую онъ ушелъ. Вихровъ, войдя въ гостиную, будто случайно сѣлъ около Мари — и она сейчасъ же поблагодарила его за то взоромъ, хоть и разговаривала въ это время очень внимательно съ Юліей. Отъ той, конечно, не скрылись всѣ эти переглядыванія — и досада невольно закралась въ ея душу; ее, главное,

удивляло — что̀ могло такъ плѣнить Вихрова въ Мари. Она въ ней только и видѣла одно достоинство, что та одѣвалась прекрасно; но это чисто зависѣло отъ модистки, а не отъ какихъ-нибудь личныхъ достоинствъ женщины. Подъ вліяніемъ этихъ почти невольныхъ ощущеній ей захотѣлось немножко посмѣяться надъ Вихровымъ.

— Вы, Павелъ Михайловичъ, — отнеслась она къ нему: — рѣшительно не старѣетесь: прежде вы были какой-то хандрящій, скучающій, а теперь, напротивъ, какъ будто бы одушевлены чѣмъ-то.

Вихровъ посмотрѣлъ на нее сердито: онъ думалъ, что она хочетъ выдать тайну его, и обозлился на нее.

— А вы такъ, наоборотъ, старѣетесь очень, — проговорилъ онъ.

— Почему же вы это заключаете? — спросила Юлія, покраснѣвъ въ лицѣ.

— Потому что болтушкой становитесь,—сказалъ онъ.

— Ахъ, какъ это хорошо, какой милый комплиментъ я отъ васъ получила! — воскликнула въ свою очередь обозлившаяся Юлія.

Гости потомъ еще весьма недолгое время просидѣли у Живиныхъ; сначала Мари взглянула на Вихрова, тотъ понялъ ее—и они сейчасъ же поднялись. При прощаніи, когда Живинъ говорилъ Вихрову, что онъ на-дняхъ же будетъ въ Воздвиженскомъ, Юлія молчала, какъ рыба.

— Я до того, кажется, теперь дошла,—начала Мари, когда они поѣхали: — что рѣшительно никого не могу видѣть изъ постороннихъ.

— Да и я тоже, — подхватилъ Вихровъ: — и Богъ знаетъ, когда любовь сильнѣй властвуетъ человѣкомъ: въ лѣта ли его юности или въ возрастѣ, клонящемся уже къ старости,—врядъ ли не въ послѣднемъ случаѣ.

— Ты думаешь?—спросила Мари.

— Болѣе чѣмъ думаю, увѣренъ въ томъ,—подхватилъ Вихровъ.

— Дай-то Богъ!—сказала Мари.

Дома мои влюбленные обыкновенно послѣ ужина, когда весь домъ укладывался спать, выходили сидѣть на балконъ. Ночи все это время были теплыя до духоты. Вихровъ обыкновенно бралъ съ собой сигару и усаживался на мягкомъ диванѣ, а Мари помѣщалась около него и, по большей части, склоняла къ нему на плечо свою голову. Разговоры въ этихъ случаяхъ происходили между ними самые задушевнѣйшіе. Вихровъ откровенно разсказалъ Мари всю исторію своей любви къ Фатѣевой, разсказалъ и о своихъ отношеніяхъ къ Грушѣ.

— Зачѣмъ же эти отношенія существовали, если, по твоимъ словамъ, ты въ это время любилъ другую женщину? — спросила Мари съ нѣкоторымъ укоромъ.

— Но развѣ иначе могло быть?.. Могло быть иначе?.. — спрашивалъ въ свою очередь Вихровъ.

— Да, но ты только сильно ужъ очень пораженъ былъ смертью этой дѣвочки.

— Очень естественно: это не то, что обыкновенная смерть случилась, а вдругъ какъ бы громомъ она меня поразила.

— А если бы этой смерти не послѣдовало, и передъ вами очутилось бы двѣ женщины,—вамъ бы неловко было!—замѣтила не безъ лукавства Мари.

— Очень бы; но что жъ дѣлать? Съ сердцемъ не совладаешь!.. Нельзя же было чисто для чувственныхъ отношеній оборотъ въ себѣ нравственную привязанность.

Мари на это съ удовольствіемъ улыбнулась ему.

— А что, скажи, кромѣ меня и мужа ты никого не любила?—спросилъ ее однажды Вихровъ.

— Господи Боже мой,—какъ тебѣ не грѣхъ и дѣлать мнѣ подобный вопросъ? Если бы я кого-нибудь любила, я бы его и любила! — отвѣчала Мари нѣсколько даже обиженнымъ голосомъ.

— А мужа ты давно разлюбила?—продолжалъ Вихровъ.

— Разумѣется, не со вчерашняго дня,—сказала съ грустною усмѣшкою Мари.

— Мнѣ, признаюсь,—какъ ты тамъ ни объясняй, что онъ былъ кавказскій герой, — всегда казалось и будетъ казаться непонятнымъ, за что ты въ него влюбилась.

— Очень просто, тогда военные были въ модѣ: на меня—дѣвчонку—это и подѣйствовало; кромѣ того всѣ говорили, что у него сердце прекрасное.

— Все это совершенно справедливо, но вѣдь онъ глупъ ужасно.

— Нѣтъ, онъ не то, что глупъ, но онъ не образованъ настоящимъ образомъ,—а этого до свадьбы я никакъ не могла замѣтить, потому что онъ держалъ себя всегда сдержанно, прекрасно танцовалъ, говорилъ по-французски; потомъ-то ужъ поняла, что этого мало — и у насъ что вышло: то, что онъ любилъ и чему симпатизировалъ, это еще я понимала; но онъ уже мнѣ никогда и ни въ чемъ не сочувствовалъ, — и я не знаю, сколько я способовъ изобрѣтала, чтобы помирить какъ-нибудь наши взгляды. Но, чтобы заставить его смотрѣть на вещи, какъ я смотрѣла, его просто надобно было учить; а чтобы я смотрѣла по-его, мнѣ нужно было... хвастливо даже

сказать... поглупѣть, опошлѣть, разучиться всему, чему меня учили—и, видитъ Богъ, я тысячу разъ проклинала это образованіе, которое дали мнѣ... Зачѣмъ оно мнѣ?.. Оно изломало только мою жизнь!

— А скажите, ангелъ мой, зачѣмъ вы тогда вдругъ такъ неожиданно уѣхали изъ Москвы за границу? — спросилъ Вихровъ.

— Отъ тебя бѣжала,—отвѣчала Мари:—и что я тамъ вынесла — ужасъ! Ничто не занимаетъ, все противно — и одна только мысль, что я тебя никогда больше не увижу, постоянно грызетъ; наконецъ не выдержала—и тоже въ одинъ день собралась и вернулась въ Петербургъ, и стала разыскивать тебя: посылала въ адресный столъ, писала, чтобы то же сдѣлали и въ Москвѣ; только вдругъ пріѣзжаетъ Абреевъ и разсказалъ о тебѣ: онъ какимъ-то ангеломъ-благовѣстникомъ показался мнѣ... Я сейчасъ же написала къ тебѣ...

— А я къ вамъ!..

— А ты ко мнѣ, да еще и съ сочиненіемъ своимъ, которое окончательно помутило мнѣ голову.

— Однако вы на мое послѣднее и рѣшительное письмо довольно долго не изволили отвѣчать.

— Легко ли мнѣ было отвѣчать на него?.. Я недѣли двѣ была какъ сумасшедшая: отказаться отъ этого счастья—не хватило у меня силъ; итти же на него — надобно было забыть, что я жена живого мужа, мать дѣтей; женщинамъ, хоть сколько-нибудь понимающимъ свой долгъ, не легко на подобный поступокъ рѣшиться!.. Нужно очень любить человѣка и очень ему вѣрить, для кого это дѣлаешь...

Вихровъ утопалъ въ блаженствѣ, слушая послѣднія слова Мари.

Но счастья вѣчнаго нѣтъ на землѣ: въ сентябрѣ мѣсяцѣ получено наконецъ было отъ генерала письмо, первое еще по пріѣздѣ Мари въ деревню.

«Милая Машурочка!

«Я три раза раненъ—и вотъ причина моего молчанія; но нынѣ, благодаря Бога, я уже поправляюсь, и знакомая твоя дѣвица, госпожа Прыхина, теперешняя наша сестра милосердія, ходитъ за мной, какъ дочь родная; недѣльки черезъ три я думаю выѣхать въ Петербургъ, куда и тебя, моя Машурочка, прошу прибыть и уврачевать раны старика. Севастополь нашъ сданъ!.. Ни раны ни увѣчья насъ, оставшихся въ живыхъ, ни кости падшихъ братій нашихъ, ни одиннадцать мѣсяцевъ осады, въ продолженіе которыхъ въ насъ, какъ въ земляную мишень, жарила почти вся Европа изъ всѣхъ

своихъ пушекъ, — ничто не помогло, и все пошло къ чорту... Нашего милаго капитана не то, что убили, а разорвали, кажется, на десять частей; онъ являлъ чудеса храбрости: солдаты обыкновенно стаскивали его съ батарей, потому что онъ до тѣхъ поръ разговаривалъ съ непріятелемъ пушкою, что портилъ даже орудіе,—миръ праху его! Это былъ истинный русакъ. Если я не доѣду до Петербурга и умру, то скажи сыну, что отецъ его умеръ, какъ храбрый солдатъ».

Прочитавъ это письмо, Мари сначала поблѣднѣла, потомъ, опустивъ письмо на колѣни, начала вдругъ истерически рыдать.

— Что такое съ вами? — спросилъ Вихровъ и поспѣшилъ ей подать воды.

— Нѣтъ, не надо! — отвѣчала Мари, отстраняя отъ себя стаканъ.—Прочти вотъ лучше!—прибавила она и подала ему письмо мужа.

Вихровъ прочелъ; письмо и его тоже встревожило и нѣсколько кольнуло.

— Что жъ васъ такъ особенно ужъ напугало?—произнесъ онъ не безъ ѣдкости. — Евгеній Петровичъ пишетъ, что здоровье его поправилось.

— Ахъ, не это меня встревожило!—воскликнула Мари.

— Но что же такое, — я ужъ и не понимаю, — сказалъ Вихровъ.

— То, что я должна ѣхать и встрѣтиться съ нимъ,—произнесла Мари:—наконецъ съ тобой придется разстаться.

— Зачѣмъ же разставаться? Я поѣду за вами же, — возразилъ Вихровъ.

— Нѣтъ, Поль, пощади меня! — воскликнула Мари: — дай мнѣ прежде уѣхать одной, выдержать эти первыя ужасныя минуты свиданія, наконецъ — оглядѣться, осмотрѣться, попривыкнуть къ нашимъ новымъ отношеніямъ... Я не могу вообразить себѣ, какъ я взгляну ему въ лицо. Это ужасно! Это ужасно!..—повторяла нѣсколько разъ Мари.

Эти слова ея очень огорчили Вихрова.

— Что же я тутъ буду дѣлать одинъ,—я съ ума сойду!— проговорилъ онъ почти отчаяннымъ голосомъ.

— Но это недолго, другъ ты мой, можетъ-быть, какой-нибудь мѣсяцъ, два, а потомъ я тебѣ и напишу, чтобы ты пріѣзжалъ.

— Во всякомъ случаѣ, — продолжалъ Вихровъ: — я одинъ безъ тебя здѣсь не останусь,—уѣду хоть къ Абрееву, кстати онъ звалъ меня даже на службу къ себѣ.

— Уѣзжай къ Абрееву!—подтвердила и Мари.—А на меня

ты не сердишься, что я этимъ письмомъ такъ встревожилась?—прибавила она уже ласково.

— Нисколько... за что жъ тутъ сердиться?—отвѣчалъ Вихровъ, но не совсѣмъ, повидимому, искренно.

— Нѣтъ, я знаю очень хорошо, что ты немножко сердишься и тебѣ это непріятно, но честью тебя завѣряю, что тутъ кромѣ чувства совѣсти ничего другого нѣтъ.

— Очень вѣрю и даже высоко цѣню въ тебѣ это чувство: оно показываетъ, что ты—въ высшей степени женщина честная!

По расчету времени Мари можно было еще пробыть въ Воздвиженскомъ около недѣли: но напрасно мои влюбленные старались забыть все и предаться только счастью любви: мысль о предстоящей разлукѣ отравляла ихъ каждую минуту, такъ что Мари однажды сказала:

— Нѣтъ, ужъ ты пусти меня лучше, я уѣду!

— Уѣзжай!—подтвердилъ и Вихровъ.

Въ одинъ изъ предпослѣднихъ дней отъѣзда Мари, къ ней въ комнату вошла съ какимъ-то особенно таинственнымъ видомъ ея горничная,

— Васъ приказчикъ Симоновъ желаетъ видѣть, — проговорила она.

— Позови его сюда.

Симоновъ вошелъ: лицо его было неспокойно.

— Тутъ-съ вотъ есть Иванъ, что горничную убилъ у насъ,—началъ онъ, показывая въ сторону головой:—онъ въ острогѣ содержался; теперь это дѣло рѣшили, чтобы ничего ему, и выпустили... Онъ тоже воротиться сюда по глупости боится. «Что, говоритъ, мнѣ итти опять подъ гнѣвъ барина!.. Лучше позволили бы мнѣ — я въ солдаты продамся, меня покупаютъ».

— Пусть себѣ и продается — Богъ съ нимъ! — отвѣчала Мари.

— Да вѣдь бумагу тоже насчетъ этого ему надобно дать; я не смѣю теперь и доложить о томъ барину, какъ бы не встревожить ихъ тѣмъ.

— Хорошо, я, пожалуй, ему скажу,—проговорила Мари.

— Сдѣлайте милость! Вы все вѣдь умнѣе нашего сумѣете это сказать, — подхватилъ радостнымъ голосомъ Симоновъ.

— Сегодня же скажу,—отвѣчала Мари и, въ самомъ дѣлѣ, сейчасъ же пошла къ Вихрову.

— Ивана этого выпустили; онъ найденъ невиннымъ,—начала она:—но онъ самъ желаетъ наказать себя и продается въ солдаты; позволь ему это!

— Богъ съ нимъ! —отвѣчалъ Вихровъ: — пускай съ собой дѣлаетъ, что̀ хочетъ.

— Ну, такъ надобно позвать Симонова,—произнесла Мари, но Симоновъ дожидался уже у двери и держалъ даже бумагу въ рукахъ.

— Войди!— сказала Мари, увидѣвъ его.

Симоновъ вошелъ.

— Иванъ въ солдаты желаетъ уйти?—спросилъ его Вихровъ.

— Да-съ, очень, слезно меня просилъ о томъ, — отвѣчалъ Симоновъ.

— Дай мнѣ бумагу, я подпишу ему, — сказалъ Вихровъ.

Симоновъ подалъ.

Вихровъ подписалъ.

— Такъ его на этой же недѣлѣ и ставить будутъ-съ, — произнесъ Симоновъ.

— Хоть сегодня же! — разрѣшилъ Вихровъ.

Симоновъ ушелъ.

Дня черезъ два на главной улицѣ маленькаго уѣзднаго городка произошли два событія: во-первыхъ, четверней на почтовыхъ пронеслась карета Мари; Мари сидѣла въ ней, несмотря на присутствіе горничной, вся заплаканная; Женя тоже былъ заплаканъ: ему грустнѣй всего было разстаться съ Симоновымъ; а второе—то, что къ зданію присутственныхъ мѣстъ два нарядные мужика подвели нарядnаго Ивана.

Онъ былъ замѣтно выпивши и съ сильно перекошеннымъ лицомъ. Они всѣ трое прямо полѣзли-было на лѣстницу, но солдатъ ихъ остановилъ.

— Погодите, вызовутъ, не ваша еще череда.

Мужики и Иванъ остановились на крыльцѣ; наконецъ съ лѣстницы сбѣжалъ голый человѣкъ. «Не приняли! Не приняли!» — кричалъ онъ, прихлопывая себя, и въ такомъ видѣ хотѣлъ-было даже выбѣжать на улицу, но тотъ же солдатъ его опять остановилъ.

— Дьяволъ этакій, одѣнься, прежде чѣмъ бѣжать-то!—сказалъ онъ.

Парень проворно надернулъ на себя штанишки, рубашку и, все-таки не надѣвъ кафтана и захвативъ его только въ руки, побѣжалъ на улицу.

— Хлопкова! — раздался голосъ сверху.

Иванъ вздрогнулъ. Это была его фамилія, и его вызывали.

Нарядные мужики ввели его въ сѣни и стали раздѣвать его. Иванъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Когда его совсѣмъ раздѣли, то повели вверхъ по лѣстницѣ; Иванъ продолжалъ дрожать. Его ввели наконецъ и въ присутствіе. Предводитель

сталъ опрашивать; у Ивана стучали зубы, — онъ не въ состояніи даже былъ отвѣчать на вопросы. Докторъ осмотрѣлъ его всего, потрепалъ по спинѣ, по животу.

— Этотъ малый славный! — сказалъ онъ.

Иванъ только дико посмотрѣлъ на него.

Его подвели подъ мѣрку.

— Четыре и три четверти! — дискантомъ произнесъ стоявшій у мѣры солдатъ.

— Лобъ! — крикнулъ предсѣдатель.

— Лобъ! — крикнулъ за нимъ и солдатъ—и почти вынихнулъ Ивана въ сосѣднюю комнату. Тамъ дали ему надѣть только рубашку и мгновенно остригли подъ гребенку.

— Желаемъ службы благополучной и здоровья! — сказалъ ему цырюльникъ, тоже солдатъ.

Иванъ продолжалъ дико смотрѣть на него; затѣмъ его снова выпустили въ сѣни и тамъ надѣли на него остальное платье; онъ вышелъ на улицу и сѣлъ на тумбу. Къ нему подошли его хозяева, за которыхъ онъ шелъ въ рекруты.

— Благодаримъ покорно-съ!—говорили они, неуклюже протягивая къ нему руки для пожатія.

— Ничего-съ!.. — отвѣчалъ имъ что-то и Иванъ.

Страхъ отнялъ у него и послѣднее сознаніе; онъ, повидимому, никакъ не ожидалъ, чтобы его забрили.

X.

Гуманный губернаторъ.

Часовъ въ десять утра къ тому же самому постоялому двору, къ которому Вихровъ нѣкогда подвезенъ былъ на фельдъегерской телѣжкѣ, онъ въ настоящее время подъѣхалъ въ своей коляскѣ четверней. Молодой лакей его Михайла, бывшій нѣкогда комнатный мальчикъ, а теперь малый лѣтъ восемнадцати, франтовато одѣтый, сидѣлъ рядомъ съ нимъ. Полагая, что всѣ злокачества Ивана произошли отъ того, что онъ былъ крѣпостной, Вихровъ отпустилъ Михайлу на волю (онъ былъ родной братъ Груши) и теперь держалъ его какъ нанятаго.

Когда въѣхали на дворъ подъ ворота, Михайла проворно выскочилъ изъ экипажа, сбѣгалъ наверхъ, отыскалъ тамъ номеръ и пригласилъ барина.

Вихровъ вошелъ; оказалось, что это былъ тотъ самый номеръ, въ которомъ онъ въ первый пріѣздъ свой останавливался.

Вихровъ послалъ въ ту же самую цырюльню за цырюль-

никомъ для себя, и тотъ же самый цырюльникъ пришелъ къ нему (въ провинціи рѣдко и нескоро мѣняются всѣ публичные предметы). Вихровъ и на этотъ разъ заговорилъ съ цырюльникомъ о губернаторѣ.

— Ну, а нынѣшній губернаторъ каковъ? — спросилъ онъ.

— Генералъ обходительный, очень даже! — отвѣчалъ цырюльникъ (онъ противъ прежняго модничать еще, кажется, сталъ говорить).

— А гдѣ же прежній?

— Въ Москвѣ онъ жилъ.

— А дама его сердца?

— Поначалу она тоже съ нимъ уѣхала; но, видно, безъ губернаторства-то денегъ у него немножко въ умаленіи сдѣлалось, она изъ-за него другого стала имѣть. Это его очень тронуло, и одинъ разъ такъ, говорятъ, этимъ огорчился, что крикнулъ на нее за то, упалъ и мертвъ очутился; но и ей тоже не далъ Богъ за то долгаго вѣку: другой-то этотъ самый ее бросилъ; она третьяго, четвертаго, и при такомъ пути своей жизни будетъ ли прокъ,—померла, говорятъ, тоже нынѣшней весной.

«Сколько изъ тѣхъ людей.—невольно подумалось Вихрову:— которыхъ онъ за какіе-нибудь три-четыре года зналъ молодыми, цвѣтущими, здоровыми, теперь лежало въ могилахъ!»

При этой мысли онъ взглянулъ и на себя въ зеркало: голова его была сѣда, лицо испещрено морщинами; на лбу выступили желчныя пятна, точно лѣтъ двадцать или тридцать прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ, первый разъ еще въ жизни столь сильно потрясенный.

— А гдѣ Захаревскіе? — спросилъ онъ въ заключеніе цырюльника.

— Старшій-то въ Петербургѣ остался, — большое мѣсто тамъ получилъ; а младшій гдѣ-то около Варшавской желѣзной дороги заводъ, что ли, какой-то завелъ... Сильно, говорятъ, богатѣетъ—и въ здѣшнихъ-то мѣстахъ сколько вѣдь онъ тоже напріобрѣлъ — ужасно много.

Вихровъ, по старому знакомству, далъ цырюльнику на чай три рубля серебромъ, чѣмъ тотъ оставшись крайне доволенъ, самомоднѣйшимъ образомъ раскланялся съ нимъ и ушелъ.

Герой мой одѣлся и поѣхалъ къ губернатору.

Каждая улица, каждый переулокъ, каждая тумба, мимо которыхъ онъ проѣзжалъ, были до гадости ему знакомы; но вотъ завидѣлось вдали и крыльцо губернаторскаго дома, выкрашенное краской подъ шатеръ.

Сколько разъ и съ какимъ тяжелымъ чувствомъ подъѣзжалъ Вихровъ къ этому крыльцу, да и онъ ли одинъ: я думаю, всѣ чиновники и всѣ обыватели то же самое чувствовали! Ему ужасно захотѣлось поскорѣй увидать, какъ себя Абреевъ держалъ на этомъ посту.

Въ передней, изъ которой шла парадная лѣстница, онъ не увидѣлъ ни жандарма ни полицейскаго солдата, а его встрѣтилъ благообразный швейцаръ; лѣстница вся уставлена была цвѣтами.

— Сергѣй Григорьевичъ принимаетъ?—спросилъ Вихровъ.

— Принимаетъ-съ! Пожалуйте вверхъ, — отвѣчалъ какимъ-то необыкновенно ласковымъ голосомъ швейцаръ: ему врядъ ли не приказано было какъ можно вѣжливѣй принимать посѣтителей.

Вихровъ пошелъ и въ той залѣ, гдѣ нѣкогда репетировался «Гамлетъ», онъ тоже не увидалъ ни адъютанта ни чиновника, а только стояли два лакея въ черныхъ фракахъ, и на вопросъ Вихрова, дома ли губернаторъ?—они указали ему на совершенно отворенный кабинетъ.

Вихровъ вошелъ и увидѣлъ, что Абреевъ (попрежнему очень красивый собою) разговаривалъ съ сидѣвшей противъ него на стулѣ, бѣдно одѣтой дамой-старушкой.

— А, Павелъ Михайловичъ! — воскликнулъ онъ, увидѣвъ Вихрова:—какъ я радъ васъ видѣть; но только двѣ-три минуты терпѣнья, кончу вотъ съ этой госпожой...

Вихровъ нарочно отошелъ въ самый дальній уголъ.

— Ваше превосходительство, — говорила старушка: — мнѣ никакого сладу съ нимъ нѣтъ! Прямо безъ стыда требуетъ: «Отдайте, говоритъ, маменька, мнѣ состояніе ваше!»—«Ну, я говорю, если ты промотаешь его?»—«А вамъ, говоритъ, что за дѣло? Состояніе у всѣхъ должно быть общее!» Ну, далъ ли я, батюшка, состояніе мое, цѣлымъ вѣкомъ нажитое, — мотать!

Абреевъ усмѣхнулся на это.

— Что жъ я для васъ въ этомъ случаѣ могу сдѣлать? — спросилъ онъ.

— Да вы, батюшка, вызовите его къ себѣ, — продолжала старушка: — и пугните его хорошенько... «Я, молъ, тебя въ острогъ посажу за то, что ты матери не почитаешь!..»

— Никакого права не имѣю даже вызвать его къ себѣ! Вамъ гораздо бы лучше было обратиться къ какому-нибудь другу вашего дома или наконецъ къ предводителю дворянства, которые бы внушили ему болѣе честныя правила, а никакъ ужъ не ко мнѣ, представителю только полицейско-хозяйствен-

ной власти въ губерніи!—говорилъ Абреевъ: онъ, видимо, наслѣдовалъ отъ матери сильную наклонность выражаться нѣсколько свысока.

— Ваше превосходительство, къ комъ же намъ и защиты искать! — возражала старушка: — я вонъ тоже съ покойнымъ моимъ мужемъ неудовольствія имѣла (пилъ онъ очень и буенъ въ этомъ видѣ былъ), сколько разъ къ Ивану Алексѣевичу обращалась; онъ его иногда по недѣлѣ, по двѣ въ частномъ домѣ держалъ.

Абреевъ опять пожалъ плечами.

— То было, сударыня, время, а теперь другое! — произнесъ онъ.

— Времена, ваше превосходительство, все одни и тѣ же... Я, конечно, что, какъ мать, не хотѣла-было и говорить вамъ: онъ при мнѣ, при сестрахъ своихъ кричитъ, что Бога нѣтъ!

— И въ этомъ случаѣ вините себя, зачѣмъ вы его такъ воспитали.

— Что же я его воспитала: я его въ гимназіи держала до 5-го класса, а тутъ самъ же не захотѣлъ учиться; сталъ себя считать умнѣй всѣхъ.

— Попросите теперь священника, духовника вашего, чтобы онъ направилъ его на болѣе прямой путь.

— Послушаетъ ли ужъ онъ священника, — возразила съ горькою усмѣшкою старушка:—коли начальство настоящее ничего не хочетъ съ нимъ дѣлать, что же можетъ сдѣлать съ нимъ священникъ?

Абреевъ и на это только усмѣхнулся и молчалъ; молчала также нѣкоторое время и старушка, замѣтно недовольная имъ.

— Извините, что обезпокоила васъ,—произнесла она наконецъ, привставая.

— Извинюсь и я, что ничѣмъ не въ состояніи помочь вамъ,—отвѣчалъ ей Абреевъ, вѣжливо раскланиваясь.

Старушка ушла.

Сергѣй Григорьичъ сейчасъ же обратился къ Вихрову.

— Я надѣюсь, что вы пріѣхали раздѣлить со мной тяжелое бремя службы, — сказалъ онъ.

— Нѣтъ, Сергѣй Григорьичъ, — возразилъ Вихровъ: — я просто пріѣхалъ повидаться съ вами и пожить здѣсь нѣкоторое время.

— А, это еще любезнѣе съ вашей стороны, — подхватилъ Абреевъ, крѣпко и дружески пожимая его руку.

Въ это время въ кабинетъ вошелъ молодой человѣкъ и не очень, какъ видно, умный изъ лица, въ пиджакѣ, съ усами и бородой.

— Сергѣй Григорьичъ, — сказалъ онъ совершенно фамильярно Абрееву: — у васъ тутъ осталось предписаніе министра?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Абреевъ.

— Да какъ же нѣтъ, оно у васъ на столѣ должно быть,— продолжалъ молодой человѣкъ и началъ безъ всякой церемоніи рыться на губернаторскомъ столѣ, однако бумаги онъ не нашелъ. — Въ канцеляріи она, вѣроятно, — заключилъ онъ и ушелъ.

Вихровъ въ эти минуты невольно припомнилъ свое служебное время и свои отношенія къ начальству, и въ душѣ похвалилъ Абреева.

— Это, вѣроятно, вашъ правитель канцеляріи? — спросилъ онъ.

— Да,—отвѣчалъ тотъ:—когда меня назначили сюда, я не хотѣлъ брать какого-нибудь стараго дѣльца, а именно хотѣлъ имѣть около себя человѣка молодого, честнаго, симпатизирующаго всѣмъ этимъ новымъ идеямъ, особенно въ виду освобожденія крестьянъ.

— А ужъ есть объ этомъ мысль?

— Больше, чѣмъ мысль; комиссія особая на-дняхъ объ этомъ откроется.

— То-то мою повѣсть изъ крестьянскаго быта пропустили,— проговорилъ Вихровъ.

— Читалъ я ее; прекрасная вещь, прекрасная! — сказалъ Абреевъ.

На эти слова его одинъ изъ лакеевъ вошелъ и доложилъ:

— Преосвященнѣйшій владыка пріѣхалъ!

— Проси въ гостиную!—проговорилъ торопливо Абреевъ.— Pardon, — обратился онъ къ Вихрову и вслѣдъ затѣмъ сейчасъ же прибавилъ: — надѣюсь, что вы сегодня пріѣдете ко мнѣ обѣдать?

— Очень радъ!—отвѣчалъ Вихровъ.

Они разстались. Проходя залу, Вихровъ увидѣлъ входящаго архіерея. Запахъ духовъ чувствительно раздался за нимъ.

Вихровъ уѣхалъ въ своей номеръ.

Обѣденное общество Абреева собралось часамъ къ пяти и сидѣло въ гостиной; черноглазая и чернобровая супруга его замѣтно пополнѣла и, кажется, немножко поумнѣла; она разговаривала съ Вихровымъ.

— Вы изъ Петербурга теперь?—спрашивала она его своимъ мятымъ языкомъ.

— Нѣтъ, изъ деревни,—отвѣчалъ Вихровъ.

— Что же, вы въ деревнѣ и живете?

— Да, жилъ.

— А теперь гдѣ же будете жить?—продолжала хозяйка.

— Теперь, вѣроятно, буду жить въ Петербургѣ,—отвѣчалъ Вихровъ, рѣшительно недоумѣвавшій, зачѣмъ это ей такъ подробно нужно знать, а между тѣмъ онъ невольно прислушивался къ довольно оживленному разговору, который происходилъ между Абреевымъ и его правителемъ канцеляріи.

— Тутъ-съ дѣло не въ справедливости, — толковалъ съ важностью молодой человѣкъ:—а въ принципѣ.

Фигура Абреева выражала вся какъ бы недоумѣніе.

— Какимъ же образомъ писать это въ донесеніи, когда всѣ факты говорятъ противное?—произнесъ онъ.

— Факты представляютъ временную, случайную справедливость, а принципъ есть представитель вѣчной и высшей справедливости,—возражалъ ему правитель канцеляріи.

Абреевъ все-таки, какъ видно, недоумѣвалъ.

— Поставьте вопросъ такъ-съ! — продолжалъ правитель канцеляріи и затѣмъ началъ ужъ что-то такое тише говорить, такъ что Вихровъ разслушать даже не могъ, тѣмъ болѣе, что изъ залы послышались ему какъ бы знакомые, сильные шаги.

Вихровъ съ любопытствомъ взглянулъ на дверь, и это, въ самомъ дѣлѣ, входилъ Петръ Петровичъ Кноповъ, а за нимъ слѣдовалъ самолюбивый Дмитрій Дмитричъ, бывшій совѣстный судья, а нынѣ предсѣдатель палаты.

Абреевъ нарочно пригласилъ ихъ, какъ пріятелей Вихрова.

— Знакомить, кажется, нечего! — сказалъ онъ всѣмъ съ улыбкой.

— Знаемъ-съ другъ друга, знаемъ-съ,—подхватилъ Кноповъ, цѣлуясь съ Вихровымъ.

Предсѣдатель тоже съ нимъ расцѣловался.

— Что, батюшка, другъ мой милый, — продолжалъ Петръ Петровичъ плачевнымъ голосомъ: — нянюшка-то твоя умерла, застрѣлилъ, говорятъ, ее какой-то негодяй?

Вихрова эти слова разсердили.

— Такими вещами не шутятъ!—проговорилъ онъ.

— Не шучу, а плачу, увѣряю тебя! — произнесъ Петръ Петровичъ и обратился уже къ губернаторшѣ:

— Никакъ, ваше превосходительство, не могу я здѣсь найти этого прекраснаго плода, который ѣлъ въ дѣтствѣ и который, кажется, называется *кишь-мишь* или *мишь-мишь*?

— Ахъ, это намъ изъ Астрахани возили съ шенталой,— подхватила съ видимымъ удовольствіемъ хозяйка.

— Ваше превосходительство,—отнесся Кноповъ уже къ самому Абрееву: — по случаю пріѣзда моего друга Павла Ми-

хайловича Вихрова, который, вѣроятно, ѣдетъ въ Петербургъ, я привезъ три карикатуры, которыя и попрошу его взять съ собой и отпечатать тамъ.

— Какія же это? — спросилъ Абреевъ, подходя къ столу, около котораго усѣлся Петръ Петровичъ.

Къ тому же столу подошли предсѣдатель, Вихровъ и молодой правитель канцеляріи. Кноповъ вынулъ изъ кармана бережно сложенные три рисунка.

— Первая изъ нихъ,—началъ онъ всхлипывающимъ голосомъ и утирая кулакомъ будто бы слезы:—посвящена памяти моего благодѣтеля Ивана Алексѣевича Мохова; вотъ нарисована его могила, а рядомъ съ ней и могила m-me Пиколовой. Петька Пиколовъ, супругъ ея (онъ теперь, канапья, безъ просыпу день и ночь пьетъ), стоитъ надъ этими могилами пьяный, плачетъ и говоритъ къ могилѣ жены: «Ты для меня трудилась на *поль чести!..*» — «А ты!.. — къ могилѣ Ивана Алексѣевича:—на *поль труда и пота!*»

— Я не понимаю этого,—сказала хозяйка, раскрывая на него свои большіе черные глаза, — что̀ такое на *поль чести?*

— Честно ужъ очень она трудилась для него и деньги вырабатывала,—отвѣчалъ Кноповъ.

— Не понимаю, — повторила хозяйка. — Ну, а это что̀ же опять: *на поль труда и пота?*—продолжала она.

— Вѣдь трудно, знаете, въ нѣкоторыя лѣта трудиться, — объяснилъ ей Кноповъ.

— Не понимаю!—произнесла еще разъ губернаторша.

— Ну, и не трудитесь все понимать,—перебилъ ее мужъ.— Вторая карикатура...

— Вторая карикатура на друга моего Митрія Митрича,— отвѣчалъ Кноповъ:—это вотъ онъ хватаетъ за фалду пассажира и тащитъ его на пароходъ той компаніи, которой акціи у него, а то такъ-то никто не ѣздитъ на ихъ пароходахъ.

— Тебѣ хорошо смѣяться!—произнесъ со вздохомъ предсѣдатель.

— Наконецъ третья карикатура собственно на васъ, ваше превосходительство!—воскликнулъ Кноповъ.

— Покажите!—сказалъ Абреевъ, а самъ, впрочемъ, немножко покраснѣлъ.

— Это вотъ, изволите видѣть, вы!.. Похожи?

— Похожъ!

— А передъ вами пьяный и растерзанный городовой; вы стоите отъ него отвернувшись и говорите: «Мой милый другъ, застегнись, пожалуйста, а то мнѣ, какъ начальнику, неловко

тебя видѣть въ этомъ видѣ»—и всѣ эти три карикатуры будутъ названы: *свобода нравовъ*.

— Такою карикатурою, какую вы нарисовали на Сергѣя Григорьича, — вмѣшался въ разговоръ правитель канцеляріи: — каждый скорѣе можетъ гордиться; это не то, что если бы представить кого-нибудь, что онъ бьетъ своего подчиненнаго.

— Да вѣдь это смотря по вкусу, — отвѣчалъ ему Петръ Петровичъ:—кто любитъ самъ бить, тотъ бы этимъ обидѣлся; а кто любитъ, чтобы его били, тотъ этимъ возгордится.

— Эхъ, mon cher, mon cher!—воскликнулъ со вздохомъ и ударивъ Кнопова по плечу губернаторъ: — на всѣхъ не угодишь! Пойдемте лучше обѣдать! — заключилъ онъ, и всѣ за нимъ пошли.

Обѣдъ былъ прекрасно сервированъ и прекрасно приготовленъ. Нѣсколько выпитыхъ стакановъ вина замѣтно одушевили хозяина. Когда встали изъ-за стола и всѣ мужчины перешли въ его кабинетъ пить кофе и курить, онъ разлегся красивымъ станомъ своимъ на диванѣ.

— Удивительное дѣло!—началъ онъ съ замѣтною горечью:— ума, кажется, достаточно у меня, чтобы занимать мою должность; взятокъ я не беру; любовницы у меня нѣтъ; а между тѣмъ я очень хорошо вижу, что въ обществѣ образованномъ и необразованномъ меня не любятъ! Вонъ Петръ Петровичъ, какъ умный человѣкъ, скорѣе попалъ на мою слабую сторону: я, дѣйствительно, слабъ слишкомъ, слишкомъ мягокъ; а другимъ я все-таки кажусь тираномъ: я требую, чтобы вносили недоимки — я тиранъ! чтобы не закрывали смертоубійствъ — я тиранъ! Я требую, чтобы хоть на главныхъ-то улицахъ здѣшняго города было чисто—я тиранъ!

— Этимъ вы не за себя наказуетесь! Въ обществѣ ненависть къ администраторамъ—историческая, за разныхъ прежнихъ воеводъ и намѣстниковъ!—сказалъ какъ бы въ утѣшеніе Абрееву его юный правитель канцеляріи.

— Не знаю, это такъ ли-съ! — началъ говорить Вихровъ (ему очень ужъ противна показалась эта битая и избитая фраза молодого правителя канцеляріи, которую онъ однако произнесъ такимъ вѣщимъ голосомъ, какъ бы самъ только вчера открылъ это): — и врядъ ли тѣ воеводы и намѣстники были такъ дурны. Я, когда вышелъ изъ университета, то много занимался русской исторіей, и меня всегда и больше всего поражала эпоха междуцарствія:—страшная пора—Москва безъ царя, непріятель и непріятель всякій,—поляки, украинцы и даже черкесы,—въ самомъ центрѣ государства; Москва при-

казываетъ, грозитъ, молитъ къ Казани, къ Вологдѣ, къ Новгороду,—отовсюду молчаніе, и потомъ вдругъ, какъ бы мгновенно, пробудилось сознаніе опасности; все разомъ встало, сплотилось, въ годъ какой-нибудь вышвырнули непріятеля; и покуда, замѣтьте, шла вся эта неурядица, самымъ правильнымъ образомъ происходилъ судъ, собирались подати, формировались новыя рати, и врядъ ли это не народная наша черта: мы не любимъ приказаній; намъ не по сердцу чересчуръ бдительная опека правительства; отпусти насъ посвободнѣе, можетъ-быть, мы и сами пойдемъ по тому же пути, который намъ указываютъ; но если же заставятъ насъ итти, то непремѣнно возопіемъ; оттуда же, мнѣ кажется, происходитъ и ненависть ко всякаго рода воеводамъ.

Рѣчь эта Вихрова почему-то ужасно понравилась правителю канцеляріи.

— Я съ вами совершенно согласенъ, совершенно! — подхватилъ онъ.

— А я такъ ничего и не понялъ, что̀ онъ говорилъ!—сказалъ Петръ Петровичъ, осмотрѣвъ всѣхъ присутствующихъ насмѣшливымъ взглядомъ. — Ты, Митрій Митричъ, понялъ?—спросилъ онъ предсѣдателя.

— Отчего жъ не понять!—отвѣчалъ тотъ, немного, впрочемъ, конфузясь.

— Врешь, не понялъ,—подхватилъ Кноповъ.

— Понять очень просто: что русскій человѣкъ къ порядку не склоненъ и не любитъ его,—пояснилъ Абреевъ.

— Нѣтъ-съ, это не то, что нелюбовь къ порядку, а скорѣй — стремленіе къ децентрализаціи! — объявилъ ему опять его юный правитель.

Вихровъ между тѣмъ, утомленный съ дороги, сталъ раскланиваться. Абреевъ упросилъ его непремѣнно пріѣхать вечеромъ въ театръ; Петръ Петровичъ тоже обѣщался туда прибыть, предсѣдатель тоже. Молодой правитель канцеляріи пошелъ провожать Вихрова до передней.

— Я всегда былъ вашъ читатель,— сказалъ онъ, пожимая ему руку:—и, конечно, во многомъ съ вами несогласенъ, но все-таки не могу вамъ не передать моего уваженія.

Герой мой около этого времени напечаталъ еще нѣсколько своихъ новыхъ вещей.

— И вотъ ваше мнѣніе, которое вы сейчасъ высказали, показываетъ, что вы славянофилъ, — продолжалъ молодой человѣкъ.

— Можетъ-быть, и славянофилъ! — отвѣчалъ ему Вихровъ. Онъ очень ужъ хорошо видѣлъ, что молодой человѣкъ при-

надлежалъ къ разряду тѣхъ маленькихъ людишекъ, которые съ ногъ до головы начинены разнаго рода журнальными и газетными фразами и сентенціями и которыми они необыкновенно спѣшатъ подѣлиться съ каждымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ, дабы показать, что и они тоже умные и образованные люди.

— Это единственная изъ всѣхъ старыхъ русскихъ литературныхъ партій, которую я уважаю!—заключилъ съ важностью молодой человѣкъ.

«Очень нужно этимъ партіямъ твое уваженіе и неуваженіе!»—подумалъ Вихровъ и поспѣшилъ уѣхать.

XI.

Скорби гуманнаго губернатора.

Ѣдучи въ театръ, Вихровъ вспомнилъ, что у него въ этомъ городѣ еще есть пріятель — Кергель, а потому, войдя въ губернаторскую ложу, гдѣ засталъ Абреева и его супругу, онъ первое же слово спросилъ его:

— А что, скажите, гдѣ Кергель?

— А вотъ онъ,—отвѣчалъ Абреевъ, показывая головой на стоявшаго въ первомъ ряду креселъ военнаго.

— Вы его въ военнаго преобразили?..—спросилъ Вихровъ.

— Да, непремѣнно просилъ,—«въ полувоенной формѣ меня, говоритъ, подчиненные будутъ менѣе слушаться!» А главное, я думаю, чтобы больше нравиться женщинамъ.

— А онъ этимъ занимается до сихъ поръ?

— Только этимъ и занимается, больше ничѣмъ. — рѣшительно Сердечкинъ. Теперь вотъ влюбленъ въ эту молоденькую актрису и цѣлые дни сидитъ у нея, пишетъ ей стихи! Вы хотите его видѣть?

— Очень!

Абреевъ позвалъ лакея и велѣлъ тому пригласить къ нему полицеймейстера. Услыхавъ зовъ губернатора, Кергель сейчасъ же побѣжалъ и молодецки влетѣлъ въ ложу; но, увидѣвъ передъ собою Вихрова, весь исполнился удивленія.

— Какими судьбами!—воскликнулъ онъ и началъ Вихрова цѣловать такъ громко, что губернаторша даже обернулась.

Кергель сейчасъ же отдалъ ей глубокій поклонъ. Онъ и за ней былъ бы не прочь приволокнуться, но боялся губернатора.

— А вы все пожираете глазами m-lle Соколову (фамилія актрисы)?—спросилъ его Абреевъ.

— По обязанности службы я надо всѣмъ долженъ наблюдать,—отвѣчалъ Кергель.

— Вы скорѣе во вредъ вашей службѣ очень ужъ усердно наблюдаете за г-жою Соколовой.

— Нельзя же, она дѣвушка молодая, одинокая, пріѣхала въ незнакомый городъ! Нельзя же не оберегать ее,—отшучивался Кергель.

Кергель, изъявивши еще разъ свой восторгъ Вихрову, что встрѣтился съ нимъ, снова спѣшилъ уйти вонъ, чтобы быть ближе къ предмету страсти своей.

— Да посидите тутъ,—сказалъ было ему Абреевъ.

— Нѣтъ ужъ, позвольте мнѣ туда, — сказалъ Кергель и мгновенно исчезъ.

— Попробовалъ бы съ Иваномъ Алексѣевичемъ полицеймейстеръ такъ пошутить!..—невольно вырвалось у Вихрова.

— Но и я скоро буду дѣлать ему замѣчанія; невозможно въ такія лѣта такъ дурачиться,—произнесъ какъ бы и сердитымъ голосомъ Абреевъ.

На сценѣ между тѣмъ, по случаю пріѣзда петербургскаго артиста, давали пьесу: «Свои люди сочтемся!». Петербургскій артистъ игралъ въ этой пьесѣ главную роль Подхалюзина. Бездарнѣе и отвратительнѣе сыграть эту роль было невозможно, хотя артистъ и старался говорить нѣкоторыя характерныя фразы громко, держалъ извѣстнымъ образомъ по-купечески большой палецъ на рукѣ, ударялъ себя при патетическихъ восклицаніяхъ въ грудь и прикладывалъ въ чувствительныхъ мѣстахъ руку къ виску; но все это выходило только кривляканьемъ, и кривляканьемъ самой грубой и неподвижной натуры, такъ что артистъ, видимо, родился таскать кули съ мукою, но никакъ ужъ не на театрѣ играть.

Вихровъ видѣть его не могъ.

— Какъ онъ ужасно играетъ! — говорилъ онъ, невольно отворачиваясь отъ сцены.

— Онъ мало что актеръ скверный, — сказалъ Абреевъ:— но какъ и человѣкъ, должно-быть, наглый. На-дняхъ явился ко мнѣ, привезъ мнѣ кучу билетовъ на свой бенефисъ и требуетъ, чтобы я раздавалъ ихъ. Я отвѣчалъ ему, что не имѣю на это ни времени ни желанія. Тогда онъ, пользуясь слабостью Кергеля къ m-lle Соколовой, навалилъ на него эти билеты,—ужасный господинъ.

Вихровъ между тѣмъ съ грустью смотрѣлъ не сцену. Тамъ каждый актеръ и каждая актриса только и хлопотали о томъ, чтобы какъ-нибудь сказать неестественнѣе, даже писать и ѣсть они старались такъ же продолжительно, какъ продолжительно

это дѣлается въ дѣйствительной жизни,—никому и въ голову не приходило, что у сцены есть точно дѣйствительность, только своя, особенная, одной ей принадлежащая. Вмѣсто прежняго раздѣленія актеровъ на злодѣевъ, на первыхъ трагиковъ, первыхъ комиковъ, раздѣленія все-таки болѣе серьезнаго, потому что оно основывалось на психической сторонѣ человѣка,—вся труппа теперь составлялась такъ: я играю купцовъ, онъ мужиковъ, третій баръ, а что добрые ли это люди, злые ли, дурные, никто объ этомъ думушки не думалъ. Вихровъ очень хорошо видѣлъ въ этомъ направленіи, что скоро и очень скоро театръ сдѣлается одною пустою и даже не совсѣмъ веселою забавой и совершенно перестанетъ быть тѣмъ нравственнымъ и умственнымъ образователемъ, какимъ онъ былъ въ святыя времена Мочалова, Щепкина и даже Каратыгина, потому что тѣ стремились выразить передъ зрителемъ человѣка, а не сословіе, и не только что смѣшили, но и плакать заставляли зрителя!

Возвратившись изъ театра въ свой неприглядный номеръ, герой мой предался самымъ грустнымъ мыслямъ; между нимъ и Мари было условлено, что онъ первоначально спроситъ ее письмомъ, когда ему можно будетъ пріѣхать въ Петербургъ, и она ему отвѣтитъ, и что еще отвѣтитъ... такъ что въ этой перепискѣ, по крайней мѣрѣ, съ мѣсяцъ пройдетъ; но чѣмъ же занять себя въ это время? Съ теперешнимъ обществомъ города онъ совершенно не былъ знакомъ. Изъ старыхъ же знакомыхъ Кноповъ, со своимъ ничего не разбирающимъ зубоскальствомъ, показался ему на этотъ разъ противенъ, Кергель крайне пошлъ, а самъ Абресвъ нѣсколько скучноватъ; и сѣдовласый герой мой, раздумавъ обо всемъ этомъ, невольно склонилъ голову на руки и началъ потихоньку плакать. При такомъ душевномъ настроеніи онъ, разумѣется, не спалъ всю ночь, и только-было часамъ къ девяти, страшно утомленный, онъ началъ забываться, какъ вдругъ услышалъ женскій голосъ:

— Ничего, я подожду, посижу тутъ! — говорила какая-то дама его Михайлѣ.

Вихровъ, къ ужасу своему, и сквозь сонъ еще созналъ, что это былъ голосъ г-жи Огаркиной, супруги станового.

«Зачѣмъ это она пришла ко мнѣ?»—думалъ онъ, желая въ это время куда-нибудь провалиться. Первое его намѣреніе было продолжать спать; но это оказалось совершенно невозможнымъ, потому что становиха, усѣвшись въ сосѣдней комнатѣ на диванѣ, начала безпрестанно ворочаться, пыхтѣть, кашлять, такъ что онъ наконецъ не вытерпѣлъ и, наскоро

одѣвшись, вышелъ къ ней изъ спальни: лицо у него было страшно сердитое, но становиха этимъ, кажется, нисколько не смутилась.

— Что, батюшка, больно долго спишь?—спросила она его самымъ фамильярнымъ голосомъ.

— Ахъ, это вы! Что вамъ угодно отъ меня?—спросилъ ее въ свою очередь, сколько возможно сухо, Вихровъ.

— Что угодно? — Повидаться съ тобой пришла. Что, надолго ли сюда пріѣхалъ?

— Завтра ѣду, — отвѣчалъ Вихровъ и далъ себѣ клятву строжайшимъ образомъ приказать Михайлѣ ни подъ какимъ видомъ не принимать г-жи Огаркиной.

— Ну, если завтра, такъ это еще ничего. Я бы и не знала, да сынишка у меня гимназистъ былъ въ театрѣ и говоритъ мнѣ: «Въ театрѣ, говоритъ, маменька, былъ сочинитель Вихровъ и въ ложѣ сидѣлъ у губернатора!» Ахъ, думаю, соколъ ясный, опять къ намъ прилетѣлъ, сегодня пошла да и отыскала.

Вихровъ на все это молчалъ.

— Губернаторъ-то, видно, знакомый тебѣ, пріятель, что ли?— продолжала становая разспрашивать.

— Знакомый,—отвѣчалъ Вихровъ угрюмо.

— Ну, такъ вотъ что, онъ вытурилъ мужа моего вонъ. Попроси, чтобы онъ опять взялъ его на службу.

— Никакого права я не имѣю просить его ни о комъ и ни о чемъ,—отвѣчалъ Вихровъ.

— Да полно! Что за пустяки, никакого права не имѣю! Что у тебя языкъ отломится отъ слова-то, что ли?.. Неужели и въ самотко не попросишь?

— И въ самомъ дѣлѣ не попрошу.

— За это тебѣ Богъ самому счастья-то не дастъ въ жизни; смотри-ка, какой старый-престарый сталъ.

Вихровъ молчалъ.

— Намъ съ мужемъ пить-ѣсть нечего, безъ шутокъ! — продолжала становая, думая этимъ его разжалобить.

Но Вихровъ продолжалъ молчать.

— Что онъ другихъ-то становыхъ терпитъ? Развѣ они лучше мужа-то моего? Попроси, сдѣлай милость, душенька!

— Не стану я просить, отвяжитесь вы отъ меня! — крикнулъ наконецъ Вихровъ, окончательно выведенный изъ себя.

— Ну, паря, люди нынѣ стали,—продолжала становая, но уходить, кажется, все-таки не думала.

— Михайла,—крикнулъ Вихровъ:—дай мнѣ шубу и палку, я сейчасъ пойду.

— Куда же это идешь?—спросила становая, нѣсколько уже и сконфуженная такимъ оборотомъ дѣла.

— Куда нужно,—отвѣчалъ тотъ, проворно надѣвая шинель и уходя изъ своего номера.

— Такъ не скажешь губернатору? — крикнула ему вслѣдъ становиха.

— Нѣтъ, не скажу!—отвѣчалъ Вихровъ, садясь на перваго попавшагося извозчика, и велѣлъ себя везти, куда только онъ хочетъ.

— Тьфу, окаянный человѣкъ! — проговорила становиха и пошла, какъ бы не солоно хлебавъ, по тротуару.

Къ вечеру, впрочемъ, въ героѣ моемъ поутихла злоба противъ нея, такъ что онъ, пріѣхавъ къ Абрееву, разсказалъ тому въ комическомъ видѣ всю эту сцену и даже прибавилъ:

— Дѣйствительно, я думаю, другіе становые не лучше же его!

— Во-первыхъ, все-таки получше, а во-вторыхъ, супругъ такихъ не имѣютъ, такъ что они въ стану вдвоемъ управляли и грабили!

Вихровъ ничего не нашелся возражать противъ этого. Абреевъ потомъ, какъ бы вспомнивъ что-то такое, прибавилъ:

— Ко мнѣ сейчасъ почтмейстеръ заѣзжалъ и привезъ письмо на ваше имя, которое прислано до востребованія; а потомъ ему писало изъ Петербурга начальство его, чтобы онъ вручилъ его вамъ тотчасъ, какъ вы явитесь въ городъ.

Вихровъ догадался, что письмо это было отъ Мари; онъ дрожащими руками принялъ его отъ Абреева и поспѣшно распечаталъ его. Мари писала ему:

«Мой дорогой другъ! Я выдержала первую сцену свиданія съ извѣстнымъ тебѣ лицомъ—ничего, выучилась притворяться и дольше быть и не видѣть тебя не могу. Пріѣзжай сейчасъ; а тамъ, что будетъ, то будетъ.

«Твоя Мари».

— Вѣроятно, пріятное письмо? — спросилъ Абреевъ, видя, что лицо Вихрова заблистало восторгомъ.

— Очень! Завтра я ѣду въ Петербургъ.

— Зачѣмъ же такъ скоро? Погостите еще у насъ.

— Нѣтъ, мнѣ нужно получить тамъ довольно значительныя деньги и сдѣлать нѣкоторыя распоряженія по своему имѣнію, — болталъ что-то такое Вихровъ, почти обезумѣвшій отъ радости.

Ему казалось, что всѣ страданія его въ жизни кончились, и впереди предстояла только блаженная жизнь около Мари. Онъ нарочно просидѣлъ цѣлый вечеръ у Абреева, чтобы хоть немного отвлечь себя отъ переживаемой имъ радости. Абреевъ,

напротивъ, былъ если не грустенъ, то серьезенъ и чѣмъ-то недоволенъ.

— Завидую вамъ, что вы ѣдете въ Петербургъ,—проговорилъ онъ.

— Что же, надоѣла, видно, провинціальная жизнь?—спросилъ Вихровъ.

— Не то что жизнь провинціальная, но эта служба проклятая,—какое обстоятельство у меня вышло: этотъ вотъ мой правитель канцеляріи, какъ сами вы, конечно, замѣтили, человѣкъ умный и образованный, но онъ писать совсѣмъ не умѣетъ; пустой бумажонки написать не можетъ.

— Онъ не привыкъ еще, вѣроятно, къ тому.

— Нѣтъ, не то что не привыкъ, а просто у него голова мутна: напичкаетъ въ бумагу и того и сего, а что сказать надобно, того не скажетъ, и при этомъ самолюбія громадиѣйшаго: не только ужъ изъ своихъ подчиненныхъ ни съ кѣмъ не совѣтуется, но даже когда я ему начну говорить, что это не такъ, онъ отвѣчаетъ мнѣ на это грубостями.

— Что же вамъ съ нимъ церемониться, перемѣните его.

— Не могу я этого сдѣлать,—отвѣчалъ Абреевъ:—потому что я все-таки взялъ его изъ Петербурга и завезъ сюда, а потомъ кѣмъ я замѣню его? Прежнихъ взяточниковъ я брать не хочу, а молодежь: вотъ видѣли у меня старушку, которая жаловалась мнѣ, что сынъ ея только что не бьетъ ее и требуетъ у ней состоянія, говоря, что всѣ имѣнія должны быть общія; всѣ они въ такомъ же родѣ; но сами согласитесь, что съ такими господами дѣлать какое-нибудь серьезное дѣло—невозможно!

Вихровъ грустно усмѣхнулся.

— Удивительное дѣло, какой у насъ все безобразный характеръ принимаетъ,—проговорилъ онъ.

— Да, а въ то же время,—подхватилъ Абреевъ:—мы имѣемъ обыкновеніе повально обвинять во всемъ правительство; но что же это такое за абстрактное правительство, скажите, пожалуйста? Оно беретъ своихъ агентовъ изъ того общества, и если они являются въ службѣ негодяями, лѣнтяями, дураками, то они таковыми же были и въ частной своей жизни, и поэтому обществу нечего кивать на Петра, надобно посмотрѣть на себя, каково оно! Я вотъ очень желаю имѣть умнаго правителя канцеляріи и распорядительнаго полицеймейстера, но гдѣ жъ я ихъ возьму? Въ Петербургѣ нуждаются въ людяхъ, не то что въ провинціяхъ.

Вихровъ былъ почти согласенъ съ Абреевымъ.

При прощаніи онъ просилъ его передать поклонъ Кнопову,

предсѣдателю и Кергелю и извиниться передъ ними, что онъ не успѣлъ у нихъ быть.

— А желаете съ женой проститься? — спросилъ его уже самъ Абреевъ.

— О, непремѣнно! — воскликнулъ Вихровъ, совершенно и забывшій о существованіи m-me Абреевой.

Абреевъ провелъ его на половину своей супруги.

— Что прикажете сказать отъ васъ Петербургу? не скучаете ли вы? — спросилъ Вихровъ губернаторшу, чтобы что-нибудь ей сказать.

— Нѣтъ, не скучаю! Кланяйтесь отъ меня Петербургу,— какъ-то простонала она.

— Она вездѣ жить можетъ!—подхватилъ Абреевъ, и горькая усмѣшка какъ бы невольно промелькнула на его красивомъ лицѣ.

XII.

Генералъ Эйсмондъ.

Вихровъ, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, сейчасъ же написалъ Мари письмо и спрашивалъ ее, когда онъ можетъ быть у нихъ. Мари на это отвѣчала, что она и мужъ ея очень рады его видѣть и просятъ его пріѣхать къ нимъ въ тотъ же день часамъ къ девяти вечера, тѣмъ болѣе, что у нихъ соберутся кое-кто изъ ихъ знакомыхъ, весьма интересующіеся съ нимъ познакомиться. Изъ словъ Мари, что она и мужъ ея очень рады будутъ его видѣть, Вихровъ понялъ, что съ этой стороны все обстояло благополучно; но какіе это были знакомые ихъ, которые интересовались съ нимъ познакомиться, этой фразы онъ рѣшительно не понялъ! Надобно сказать, что Эйсмондъ такъ же, какъ нѣкогда на Кавказѣ, заслужилъ и въ Севастополѣ имя храбрѣйшаго генерала; больной и израненный, онъ почти первый изъ севастопольскихъ героевъ возвратился въ Петербургъ. Общество приняло его съ энтузіазмомъ: ему давали обѣды, говорили спичи; назначенъ онъ былъ на покойное и почетное мѣсто, получилъ большую аренду. Все это сильно утѣшало генерала. Онъ нанялъ, какъ самъ выражался, со своей Машурочкою, отличную квартиру на Англійской набережной и установилъ у себя jours fixes. Вечеръ, на который они приглашали Вихрова, былъ именно ихъ установленнымъ вечеромъ. Когда тотъ пріѣхалъ къ нимъ, то засталъ у нихъ нѣсколько военныхъ въ мундирахъ и нѣсколько штатскихъ въ черныхъ фракахъ и въ безукоризнен-

номъ бѣльѣ. Всѣ они стояли кучками и, съ явнымъ уваженіемъ къ дому, потихоньку разговаривали между собой. Въ гостиной Вихровъ наконецъ увидѣлъ небольшую, но довольно толстенькую фигуру самого генерала, который сидѣлъ на покойныхъ, мягкихъ креслахъ, въ разстегнутомъ вицмундирѣ, безъ всякихъ орденовъ, съ однимъ только на шеѣ Георгіемъ за храбрость. Рукавъ на правой рукѣ у него былъ разрѣзанъ и связанъ ленточками. Узнавъ Вихрова, Эйсмондъ радостно воскликнулъ:

— А, мой милѣйшій родственничекъ, здравствуйте!

Мари только послѣднее время довольно ясно объяснила ему, что Вихровъ имъ родственникъ, и даже очень близкій,—по Есперу Иванычу.

— Супруга моя цѣлый мѣсяцъ у васъ прогостила!—продолжалъ генералъ.

— Д-да!—протянулъ Вихровъ.

Мари прогостила у него два съ половиною мѣсяца; но генералу, видно, было сказано, что только мѣсяцъ.

Вслѣдъ затѣмъ вбѣжалъ Женечка и бросился обнимать Вихрова.

— Здоровъ ли, дядя, Симоновъ?—спросилъ онъ прежде всего.

— Здоровъ,—отвѣчалъ ему тотъ.

Мари, тоже вышедшая въ это время изъ заднихъ комнатъ, увидавъ Вихрова, вскрикнула даже немного, какъ бы вовсе не ожидая его встрѣтить.

— Ахъ, Поль! Это ты! Здравствуй,—говорила она и, видимо, старалась, по своей прежней манерѣ, относиться къ нему, какъ къ очень еще молодому человѣку, почти-что мальчику; но сама вмѣстѣ съ тѣмъ была пресконфуженная и пресмѣшная.

Вихровъ усѣлся около генерала, а Женечка всталъ около дяди и даже обнялъ-было его, но Евгеній Петровичъ почему-то не позволилъ ему тутъ оставаться.

— Нечего тебѣ здѣсь дѣлать, ступай, ступай!—проговорилъ онъ ему.

— Но, папа, я хочу тутъ быть!—сказалъ ребенокъ капризно.

— Послѣ тутъ побудешь, ступай! — повторилъ отецъ уже строго.

Женечка нехотя отошелъ отъ нихъ.

Евгеній Петровичъ сейчасъ же обратился къ Вихрову, и обратился съ какимъ-то таинственнымъ видомъ:

— Жена мнѣ сказывала, что вы были тяжко больны!

— Очень!—отвѣчалъ тотъ, не догадываясь еще, къ чему можетъ клониться подобный разговоръ.

— И по лицу видно: ужасно похудѣли и постарѣли,—продолжалъ генералъ съ участіемъ.

— Я и до сихъ поръ нехорошо себя чувствую,—отвѣчалъ Вихровъ.

— Что̀ мудренаго, что̀ мудренаго,—произнесъ генералъ и впалъ въ какое-то раздумье.

— А вы сильно были ранены? — спросилъ его Вихровъ послѣ нѣкотораго молчанія.

Генералъ усмѣхнулся.

— Три раза канальи задѣвали, сначала въ ногу, потомъ руку вотъ очень сильно раздробило, наконецъ въ животѣ пуля была; къ тяжело раненымъ причисленъ, по первому разряду, и если бы не эта дѣвица Прыхина, знакомая ваша, пожалуй бы, и живъ не остался: день и ночь сторожила около меня!.. Дай ей Богъ царство небесное!.. Всегда буду поминать ее.

— А развѣ она померла?..—воскликнулъ Вихровъ.

— Какъ-же-съ!.. Геройскаго духу была дѣвица!.. И насъ вѣдь, знаете, не столько огнемъ и мечомъ морили, сколько тифомъ; такое прекрасное было содержаніе и помѣщеніе... ну, и другія сестры милосердія не очень охотились въ тифозныя солдатскія палатки; она первая вызвалась: «буду, говоритъ, служить русскому солдату», и въ три дня послѣ того, какъ пить дала: заразилась и жизнь покончила!..

Вихровъ слушалъ генерала, потупивъ голову.

— Жена мнѣ еще сказывала, — продолжалъ между тѣмъ Евгеній Петровичъ, опять ужъ таинственно и даже наклонясь къ уху Вихрова:—что васъ главнымъ образомъ потрясло нечаянное убійство одной близкой вамъ женщины?

— Д-да!—протянулъ опять Вихровъ.

— И что̀ же, вы привязаны къ ней были серьезно, или только, знаете, это была одна шалость?—продолжалъ разспрашивать Эйсмондъ.

— Нѣтъ, это была очень серьезная привязанность, — отвѣчалъ Вихровъ, понявъ наконецъ, зачѣмъ обо всемъ этомъ было сообщено генералу и въ какомъ духѣ надобно было отвѣчать ему.

— Маша мнѣ такъ и говорила; но вѣдь у васъ, мнѣ сказывали, тоже кой-какія отношенія были и съ г-жой Фатѣевой?

— Это ужъ давно кончилось,—сказалъ Вихровъ.

— Такъ это, значитъ, потомъ?

— Потомъ,—отвѣчалъ Вихровъ.

— Я воображаю, какъ эта смерть, да еще нечаянная, должна была васъ поразить: эти раны, я такъ понимаю, потруднѣй залѣчиваются, чѣмъ вотъ этакія!

И генералъ почти съ презрѣніемъ указалъ на свою ранѣпую руку.

Вихровъ молчалъ: ему какъ-то ужъ сдѣлалось совѣстно слушать простодушныя и довѣрчивыя рѣчи воина.

Въ это время къ нимъ подошла Мари съ двумя молодыми людьми, изъ которыхъ одинъ былъ штатскій, а другой военный.

— Вотъ m-r Сивцевъ и m-r Кругеръ желаютъ съ тобой познакомиться, — говорила она Вихрову, не глядя на него и показывая на стоявшихъ за ней молодыхъ людей, а сама попрежнему была пресмѣшная.

— Ваши произведенія дѣлаютъ такой фуроръ,—началъ штатскій молодой человѣкъ, носящій, кажется, фамилію Кругера.

— Я всегда не могу оторваться, когда начну читать какую-нибудь вашу вещь,—подхватилъ и военный—Сивцевъ.

Вихровъ, по наружности, слушалъ эти похвалы довольно равнодушно, но въ самомъ дѣлѣ онѣ очень ему льстили, и онъ вошелъ въ довольно подробный разговоръ съ молодыми людьми, изъ котораго узналъ, что оба они были сами сочинители: штатскій писалъ статьи изъ политической экономіи, а военный — очерки послѣдней турецкой войны, въ которой онъ участвовалъ; по нѣкоторымъ мыслямъ и по нѣкоторымъ выраженіямъ молодыхъ людей, Вихровъ уже не сомнѣвался, что оба они были самые невинные писатели; Мари между тѣмъ обратилась къ мужу.

— Ты будешь сегодня въ карты играть?—спросила она.

— Буду!—отвѣчалъ онъ.

— Господа, хотите играть въ карты?—отнеслась Мари къ двумъ пожилымъ генераламъ, начинавшимъ ужъ и позѣвывать отъ скуки: тѣ, разумѣется, изъявили величайшую готовность. Мари же сейчасъ всѣхъ ихъ усадила: она, кажется, дѣлала это, чтобы имѣть возможность поговорить посвободнѣе съ Вихровымъ, но это ей не совсѣмъ удалось, потому что въ залу вошелъ еще новый гость, довольно высокій, бѣлокурый съ просѣдью мужчина, и со звѣздой.

Вихрова точно кольнуло что-то непріятное въ сердце—это былъ Плавинъ. Онъ гордо раскланялся съ нѣкоторыми молодыми людьми и прямо подошелъ къ хозяину.

— Вашему превосходительству мой поклонъ! — произнесъ онъ ему какимъ-то почти обязательнымъ тономъ.

— Очень радъ васъ видѣть, очень радъ!—произнесъ въ свою очередь радушно Евгеній Петровичъ, привставая немного и пожимая Плавину руку, который вслѣдъ затѣмъ сейчасъ же замѣтилъ и Вихрова.

— Боже мой, кого я вижу!—произнесъ онъ, но тоже по-

кровительственнымъ тономъ:—выпустили наконецъ васъ, освободили?

— Освободили,—отвѣчалъ ему насмѣшливо Вихровъ.

— Но что вы однако тамъ дѣлали? — продолжалъ Плавинъ.

— Служилъ, работалъ по службѣ.

— Работали? — переспросилъ Плавинъ, поднимая какъ бы въ удивленіи вверхъ свои брови.

— Работалъ!.. Наградъ вотъ только и звѣздъ, какъ вы, никакихъ не получалъ,—отвѣчалъ Вихровъ.

— О, это очень естественно: мы люди земли, и намъ нужны звѣзды земныя, а вы, поэты, можете ихъ срывать съ неба!—произнесъ Плавинъ и затѣмъ, повернувшись на своихъ высокихъ каблукахъ, сталъ разговаривать съ Мари.

— Въ пятницу-съ я былъ въ театрѣ, прослушалъ божественную Бозіо и думалъ васъ тамъ встрѣтить,—началъ онъ.

— Я почти не бываю въ оперѣ,—отвѣчала ему Мари довольно сухо.

— Если не для оперы, то, по крайней мѣрѣ, для вашихъ знакомыхъ вамъ бы слѣдовало это дѣлать, чтобы имъ доставить удовольствіе иногда встрѣчаться съ вами!—проговорилъ Плавинъ.

— Я не имѣю такихъ знакомыхъ,—сказала Мари.

— Какъ знать, какъ знать!..—произнесъ Плавинъ, ударяя себя шляпой по ногѣ.

Вихровъ очень хорошо видѣлъ, что бывшій пріятель его находился въ какомъ-то чаду самодовольства,—но что жъ могло ему внушить это? Неужели чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и станиславская звѣзда?

— Чѣмъ этотъ господинъ такъ ужъ очень важничаетъ?—не утерпѣлъ онъ и спросилъ Мари, когда они на нѣсколько минутъ остались вдвоемъ.

— Ахъ, онъ теперь большой дѣятель по всѣмъ этимъ реформамъ,—отвѣчала она:—за самаго передового человѣка считается; прямо министрамъ говоритъ: «вы, ваше высокопревосходительство, я настолько васъ уважаю, не позволите себѣ этого сдѣлать!»

Вихровъ усмѣхнулся.

— Но онъ все-таки холопъ въ душѣ, — я ему никакъ не повѣрю въ томъ!.. — воскликнулъ онъ:—потому что двадцать лѣтъ канцелярской службы не могутъ пройти для человѣка безнаказанно: они непремѣнно пріучатъ его мелко думать и не совсѣмъ благородно чувствовать.

— Еще бы!—подхватила и Мари:—онъ просто, какъ умный человѣкъ, понялъ, что пришло время либеральничать, и либе-

ральничаетъ: не онъ тутъ одинъ, а цѣлая фаланга ихъ; точно флюгера повертываются и становятся подъ вѣтеръ — гадко даже смотрѣть!

За ужиномъ Плавинъ повелъ себя еще страннѣе: два пожилые генерала начали съ Евгеніемъ Петровичемъ разговаривать о Севастополѣ. Плавинъ нѣкоторое время прислушивался къ нимъ.

— А что, ваше превосходительство, Кошка этотъ — очень храбрый матросъ?—спросилъ онъ Эйсмонда какъ бы изъ любопытства, а въ самомъ дѣлѣ съ явно насмѣшливою цѣлью.

Евгеній Петровичъ ничего этого, разумѣется, не понялъ.

— Тутъ не одинъ былъ Кошка, — отвѣчалъ онъ простодушно: — ихъ, можетъ-быть, были сотни, тысячи!.. Что такое наши солдатики выдѣлывали уму невообразимо; иду я разъ около траншеи и вижу, взводъ идетъ съ этимъ покойнымъ моимъ капитаномъ съ вылазки, слышу — кричитъ онъ: «Гдѣ Петровъ?.. убитъ Петровъ?» Никто не знаетъ; только вдругъ минутъ черезъ пять, какъ изъ-подъ земли, является Петровъ. «Гдѣ былъ?»—«Да я, говоритъ, ваше высокородіе, на мѣсто вылазки бѣгалъ, трубку тамъ обронилъ и забылъ». А, какъ это вамъ покажется?

Старые генералы при этомъ только съ удовольствіемъ качнули другъ другу головами и пріятно улыбнулись.

— Храбрость, конечно, качество весьма почтенное!—опять вмѣшался въ разговоръ Плавинъ:—но почему же такъ ужъ и трусливость презирать; она такъ свойственна всѣмъ людямъ благоразумнымъ и не сумасшедшимъ...

— Трусовъ за то презираютъ-съ,—отвѣчалъ Эйсмондъ съ удареніемъ:—что трусъ думаетъ и заботится только о себѣ, а храбрый—о государѣ своемъ и объ отечествѣ.

— Но неужели же, ваше превосходительство, вамъ самому никогда не случалось струсить?—возразилъ ему Плавинъ.

— Что вы называете струсить,—возразилъ ему въ свою очередь Эйсмондъ: — если то, чтобы я избѣгалъ какихъ-нибудь опасныхъ порученій, изъ страха не выполнялъ приказаній начальства, отступалъ, когда можно еще было держаться противъ непріятеля,—въ этомъ, видитъ Богъ и моя совѣсть, я никогда не былъ повиненъ; но что непріятно всегда бывало, особенно въ этой севастопольской жарищѣ: бомбы нижутъ вверхъ, словно ракеты на фейерверкѣ, тутъ видишь кровь, тамъ мозгъ человѣческій, тамъ стонутъ,—такъ не то что ужъ самъ, а лошадь подъ тобой дрожитъ и прядаетъ ушами, видѣвши и, можетъ-быть, понимая, что тутъ происходитъ.

— Ну, а что это,—началъ опять Плавинъ:—за пѣсня была

въ Севастополѣ сложена: «Какъ четвертаго числа насъ нелегкая несла горы занимать!»

Эйсмондъ этими словами его уже и обидѣлся.

— Пѣсни можно сочинять всякія-съ!.. — отвѣчалъ онъ ему съ удареніемъ: — а надобно самому тутъ быть и понюхать, чѣмъ пахнетъ. Бывало, въ насъ жарятъ, какъ въ стадо барановъ, загнанное въ загородь, а намъ и отвѣчать нечѣмъ, потому что у насъ пороху зерна нѣтъ; тутъ не то что ужъ отъ картечи, а отъ одной злости умрешь.

Во всемъ этомъ разговорѣ Плавинъ казался Вихрову противенъ и омерзителенъ.

«Только въ вѣкъ самыхъ извращенныхъ понятій, — думалъ почти съ бѣшенствомъ герой мой:—этотъ министерскій выводокъ, этотъ фигляръ новыхъ идей смѣетъ и можетъ насмѣхаться надъ человѣкомъ, дѣйствительно послужившимъ своему отечеству».

Когда Эйсмондъ кончилъ говорить, онъ не вытерпѣлъ и произнесъ на весь столъ громкимъ голосомъ:

— Севастополь такое событіе, какого міръ еще не представлялъ: выдержать одиннадцать мѣсяцевъ осады противъ нынѣшнихъ орудій — это посерьезнѣй будетъ, чѣмъ защита Сарагоссы, а между тѣмъ та міровой славой пользуется, и только тупое и желчное пониманіе вещей можетъ кому-нибудь позволить о защитникахъ Севастополя отзываться не съ благоговѣніемъ.

Плавинъ, несмотря на все стараніе совладать съ собой, вспыхнулъ при этихъ словахъ Вихрова.

— Вѣроятно, объ нихъ никто иначе и не отзывается! — произнесъ онъ.

— Я только того и желаю-съ!—отвѣчалъ ему Вихровъ: — потому что, какъ бы эти люди тамъ ни дѣйствовали: умно ли, глупо ли, но они дѣйствовали (никто у нихъ не смѣетъ отнять этого!)... дѣйствовали *храбро* и своими головами спасли наши потроха, а потому, когда они возвратились къ намъ, еще пахнувшіе порохомъ и съ незасохшей кровью ранъ, въ Москвѣ прекрасно это поняли; тамъ поклонялись имъ въ ноги, а здѣсь, кажется, это не такъ!

— Точно такъ же и здѣсь! — сказалъ Плавинъ, придавая себѣ такой видъ, что какъ будто бы онъ и не понимаетъ, изъ-за чего Вихровъ такъ горячится.

— Очень радъ, если такъ! — сказалъ тотъ, отворачиваясь отъ него.

— Не знаю-съ! — вмѣшался въ ихъ разговоръ Евгеній Петровичъ, благоговѣйно поднимая вверхъ свои глаза, уже на-

полившіяся слезами:—клаяться ли имъ надо, или даже ругнуть насъ слѣдуетъ, но знаю только одно, что никто изъ насъ, тамъ бывшихъ, ни живъ остаться ни домой вернуться не думалъ, — а потому никто никакой награды въ жизни сей не ожидалъ, а если и чаялъ ее, такъ въ будущей!..

Въ остальную часть ужина Плавинъ продолжалъ нагло и смѣло себя держать; но все-таки видно было, что слова Вихрова сильно его осадили. Очутившись съ героемъ моимъ, когда встали изъ-за стола, нѣсколько въ отдаленіи отъ прочихъ, онъ не утерпѣлъ и сказалъ ему насмѣшливо:

— Васъ провинція рѣшительно перевоспитала: вы сдѣлались какимъ-то патріотомъ.

— Я всегда имъ и былъ и не имѣю обыкновенія по господствующимъ модамъ мѣнять моихъ шкуръ,—отвѣчалъ ему грубо Вихровъ.

— А! А я васъ совсѣмъ инымъ разумѣлъ! — протянулъ Плавинъ и потомъ, помолчавъ, прибавилъ: —я надѣюсь, что вы меня посѣтите?

— Если позволите,—отвѣчалъ Вихровъ, потупляя глаза: мысленно, въ душѣ, онъ рѣшился не быть у Плавина.

— Прошу васъ! — повторилъ тотъ и, распростившись съ хозяевами, сейчасъ же уѣхалъ.

Прочимъ всѣмъ гостямъ Плавинъ мотнулъ только головой. Вихровъ и Мари, замѣтившіе это, невольно пересмѣхнулись между собою. Они на этотъ разъ остались только вдвоемъ въ залѣ.

— Но когда мы однако увидимся съ вами? — проговорилъ Вихровъ.

— Въ четвергъ... мужъ будетъ въ совѣтѣ и потомъ въ клубѣ обѣдать... я буду цѣлый день одна... — говорила Мари, какъ бы и не глядя на Вихрова и какъ бы говоря самую обыкновенную вещь.

Вслѣдъ затѣмъ ее позвалъ мужъ. Она пошла къ нему. Вихровъ сталъ прощаться съ ними.

— Извольте къ намъ чаще ѣздить. — вотъ что-съ! — сказалъ ему генералъ и взялъ при этомъ руку жены и сталъ ее цѣловать.

Мари и Вихровъ оба вспыхнули, и герой мой въ первый еще разъ въ жизни почувствовалъ, или даже понялъ возможность чувства ревности любимой женщины къ мужу. Онъ поспѣшилъ уѣхать, но въ воображеніи его ему невольно стали представляться сцены, возмущающія его до глубины души и унижающія женщину Богъ знаетъ до чего, а между тѣмъ весьма возможныя и почти неотклонимыя для бѣдной жертвы!

XIII.

Вечеръ у Плавина.

Время шло быстро: извѣстность героя моего, какъ писателя, съ каждымъ днемъ росла все болѣе и болѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось къ нему и вниманіе Плавина, съ которымъ онъ иногда встрѣчался у Эйсмондовъ; наконецъ однажды онъ отвелъ его даже въ сторону.

— Послушайте, Вихровъ, что вы сердитесь, что ли, на меня за что-нибудь? — спросилъ онъ его почти огорченнымъ голосомъ.

— За что мнѣ на васъ сердиться? — возразилъ тотъ, конфузясь въ свою очередь.

— Да какъ же, вы глазъ не хотите ко мнѣ показать, — пріѣзжайте, пожалуйста, ко мнѣ въ четвергъ вечеромъ; у меня соберется нѣсколько весьма интересныхъ личностей.

— Хорошо!.. — протянулъ Вихровъ. Впрочемъ, по поводу этого посѣщенія все-таки посовѣтовался прежде съ Мари.

— Поѣзжай,—сказала она ему: — онъ очень участвовалъ, когда мы хлопотали о твоемъ освобожденіи.

— Но я тамъ, вѣроятно, найду все чиновниковъ,—что мнѣ съ ними дѣлать? О чемъ бесѣдовать?

— Можетъ-быть, найдешь кого-нибудь и знакомаго,—одинъ вечеръ куда ни шелъ!

— И то дѣло!—согласился Вихровъ и въ назначенный ему день поѣхалъ.

Плавинъ жилъ въ казенной квартирѣ, съ мраморной лѣстницей и съ казеннымъ, благообразнымъ швейцаромъ; самая квартира, какъ можно было судить по первымъ комнатамъ, была огромная, превосходно меблированная... Маленькое общество хозяина сидѣло въ его библіотекѣ, и первый, кого увидалъ тамъ Вихровъ — былъ Заминъ; несмотря на столько лѣтъ разлуки, онъ сейчасъ же его узналъ. Заминъ былъ такой же неуклюжій, какъ и прежде, только больше еще растолстѣлъ, обросъ огромной бородищей и былъ уже въ не совершенно изорванномъ пальто.

— Какими судьбами вы здѣсь?—воскликнулъ Вихровъ.

Заминъ дружески и сильно пожалъ ему руку.

— Вотъ тутъ по крестьянскому дѣлу меня пригласили, — отвѣчалъ онъ.

— По крестьянскому?— спросилъ съ удовольствіемъ Вихровъ.

— Да, у насъ вѣдь что на лунѣ дѣлается, лучше знаютъ, чѣмъ нашего-то мужичка, — проговорилъ негромко Заминъ и захохоталъ.

— Здравствуйте, Вихровъ! — встрѣтилъ и Плавинъ совершенно просто и дружески Вихрова. (Онъ самъ, какъ и всѣ его гости, былъ въ простомъ, широкомъ пальто, такъ что Вихрову сдѣлалось даже неловко отъ того, что онъ пріѣхалъ во фракѣ).

— Г-нъ Пѣнинъ! — отрекомендовалъ ему потомъ Плавинъ какого-то молодого человѣка.—А это вотъ піанистъ Кольбертъ, а это художникъ Рагуза! — заключилъ онъ, показывая на двухъ остальныхъ своихъ гостей, изъ которыхъ Рагуза оказался съ корявымъ лицомъ, щетинистой бородой, шершавыми волосами и съ мрачнымъ взглядомъ; піанистъ же Кольбертъ, напротивъ, былъ съ добродушною жидовскою физіономіею, съ чрезвычайно прямыми ушами и съ какими-то выцвѣтшими глазами, какъ будто бы они сдѣланы у него были не изъ живого роговика, а изъ полинялой бумаги.

Все общество сидѣло за большимъ зеленымъ столомъ. Вихровъ постарался помѣститься рядомъ съ Заминымъ. До его прихода бесѣдой, видимо, владѣлъ художникъ Рагуза. Малороссъ ли онъ былъ, или полякъ,—Вихровъ еще недоумѣвалъ, но только сразу же въ акцентѣ его рѣчи и въ тонѣ его голоса ему послышалось что-то непріятное и противное.

— Я написалъ теперь картину: «Избіеніе польскихъ патріотовъ подъ Прагой», а ее мнѣ—помилуйте!—не позволяютъ поставить на выставку!—кричалъ Рагуза на весь домъ.

— Это почему? — спросилъ его какъ бы съ удивленіемъ Плавинъ.

— Говорятъ — это оскорбленіе національнаго чувства Россіи: да помилуйте, говорю, господа, я изображаю тутъ дѣйствія вашего великаго Суворова!—кричалъ Рагуза.

— Но вы, конечно, тутъ представляете, — замѣтилъ ему тонко Плавинъ: — не торжество побѣдителя, а нравственное торжество побѣжденныхъ.

— Я представляю дѣло, какъ оно было, а тутъ пусть публика сама судитъ!—вопилъ Рагуза.

— Удивительное дѣло: у насъ, кажется, все запрещаютъ и не позволяютъ! — произнесъ какъ бы съ нѣкоторою даже гордостью молодой человѣкъ.

При всѣхъ этихъ переговорахъ Заминъ сидѣлъ, понуривъ голову.

— А что этотъ господинъ,—спросилъ его потихоньку Вихровъ, показывая на Рагузу: — въ самомъ дѣлѣ живописецъ, или только мошенникъ?

— Только мошенникъ, надо-быть! — отвѣчалъ спокойнѣйшимъ голосомъ Заминъ.

— А картина у него дѣйствительно нарисована?

— Не показываетъ: жалуется только вездѣ, что на выставку ея не принимаютъ.

— Искусство наше, — закричалъ между тѣмъ снова Рагуза: — должно служить, какъ и литература, обличеніемъ; все должно быть направлено на то, чтобы поднять наше самосознаніе.

— Въ чемъ же это самосознаніе должно состоять, какъ посмотришь на вашу картину? — возразилъ ему Заминъ: — въ томъ, что нашъ Суворовъ злодѣй, а поляки—мученики?

— Оно должно состоять, — кричалъ Рагуза, замѣтно уклоняясь отъ прямого отвѣта: — когда великія идеи ослабѣваютъ и міръ пошлѣетъ, когда великія націи падаютъ и угнетаются, и нѣтъ великихъ людей, тогда всѣ искусства должны порицать это время упадка.

— Но почему же именно нашему времени вы приписываете такое паденіе?—вмѣшался въ разговоръ Плавинъ, который, какъ видно, уважалъ настоящее время.

— Потому что,—кричалъ Рагуза:—въ мірѣ нѣтъ великихъ идей! Когда была религія всѣми почитаема—живопись стояла около религіи...

— Ваша живопись стояла не около религіи, а около папства и латинства,—возразилъ ему рѣзко Заминъ.

— Живопись всегда стояла около великой идеи религіи,— этого только въ Россіи не знаютъ!

— Чѣмъ это? Тѣмъ развѣ, что Рафаэль писалъ въ мадоннахъ своихъ любовницъ,—возразилъ ему насмѣшливо Заминъ.

— Онъ писалъ не любовницъ, а высочайшій идеалъ женщинъ,—кричалъ Рагуза:—и писалъ святыхъ угодниковъ.

— Да, какъ же, угодниковъ: портреты съ папъ — хороши угодники,—возражалъ ему низкой октавой Заминъ.

Онъ ненавидѣлъ католичество, а во имя этого отвергалъ даже заслуги живописи и Рафаэля.

— Вы были за границей, видѣли религіозныя картины?— допрашивалъ его Рагуза.

— Нѣтъ, не былъ, да и не поѣду—какого мнѣ чорта тамъ не видать!—пробасилъ Заминъ.

— Видать есть многое, многое!—вскрикивалъ съ какимъ-то даже визгомъ Рагуза, такъ что Вихровъ не въ состояніи былъ болѣе переносить его голоса.

Онъ всталъ и вышелъ въ другую комнату, которая оказалась очень большой залой. Вслѣдъ за нимъ вышелъ и Яка-

винъ, за которымъ, робко выступая, появился и піанистъ Кольбертъ.

— Этотъ господинъ, — началъ Плавинъ, видимо, разумѣя подъ этимъ Рагузу: — завзятый въ душѣ полякъ.

— Полякъ-то онъ полякъ, только не живописецъ, кажется: тѣ всѣ какъ-то обыкновенно бываютъ добродушнѣе, — возразилъ ему Вихровъ.

— Нѣтъ, отчего же, и онъ рисуетъ!—сказалъ, но какъ-то не совсѣмъ увѣренно, Плавинъ (крикъ изъ библіотеки между тѣмъ слышался все сильнѣе и сильнѣе). — Я боюсь, что они когда-нибудь подерутся другъ съ другомъ,—прибавилъ онъ.

— И хорошо бы сдѣлали,—сказалъ Вихровъ:—потому что Заминъ такъ прибьетъ вашего Рагузу, что ужъ тотъ больше съ нимъ спорить не посмѣетъ.

— Ну, нѣтъ, зачѣмъ же: нужно давать волю всякимъ убѣжденіямъ,—проговорилъ Плавинъ: — однако позвольте, я, по преимуществу, вотъ васъ хотѣлъ познакомить съ Мануиломъ Моисеичемъ! — прибавилъ онъ, показывая на смотрѣвшаго на нихъ съ чувствомъ Кольберта и какъ бы не смѣвшаго приблизиться къ нимъ.

Вихровъ еще разъ съ тѣмъ раскланялся.

— Г-нъ Кольбертъ собственно піанистъ, но онъ желаетъ быть композиторомъ,—говорилъ Плавинъ.

— М-г Вихровъ, сами согласитесь,—началъ почти какимъ-то жалобнымъ голосомъ Кольбертъ:—быть только тапёромъ, исполнителемъ...

— Званье незавидное,—поддержалъ и Вихровъ.

— И потому, м-г Вихровъ, я желалъ бы написать оперу и рѣшительно не знаю какую.

При этомъ Кольбертъ какъ-то стыдливо потупилъ свои безцвѣтные глаза, а Вихровъ въ свою очередь недоумѣвалъ — зачѣмъ и для чего онъ словно бы на что-то вызываетъ его.

— Г-нъ Кольбертъ,—началъ объяснять за него Плавинъ:— собственно хочетъ посвятить себя русской музыкѣ, а потому вотъ и просилъ меня познакомить его съ людьми, знающими русскую жизнь, и главнымъ образомъ съ русскими писателями, которые посовѣтовали бы ему, какой именно сюжетъ выбрать для оперы.

— Господи помилуй! — воскликнулъ Вихровъ: — я думаю, всякій музыкантъ прежде всего самъ долженъ имѣть въ головѣ сюжетъ своей оперы; либретто тутъ вещь совершенно второстепенная.

— Но, м-г Вихровъ, я желалъ бы имѣть сюжетъ совершенно русскій; къ русскимъ мотивамъ я уже частью привы-

шался; я, напримѣръ, очень люблю вашъ русскій колокольный звонъ; потомъ я жилъ все лѣто у графа Заводскаго — вы не знакомы?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Вихровъ.

— У нихъ все семейство очень музыкальное, и я записалъ тамъ много пѣсенъ; но нѣкоторыя мнѣ показались очень странны, и я бы вотъ желалъ съ вами посовѣтоваться.

— Сдѣлайте одолженіе, — сказалъ Вихровъ.

— Вотъ я записалъ, напримѣръ, — продолжалъ будущій русскій композиторъ, проворно вынимая изъ бокового кармана свою записную книжку: — русскую пѣсню — это пѣли настоящіе мужики и бабы.

«Душа-ль моя, душенька, душа, милъ сердечный другъ», — прочиталъ Кольбертъ, нетвердо выговаривая даже слова.

— Ну, первое слово я знаю: душа; а душенька — это имя?

— Какъ имя? — воскликнули въ одинъ голосъ Плавинъ и Вихровъ.

— У Богдановича есть сочиненіе — «Душенька».

— Нѣтъ, тутъ просто уменьшительное отъ слова «душа» — и есть повтореніе того же слова, только въ ласкательной формѣ, — объяснилъ Вихровъ.

— А, м-г! Понимаю, — поблагодарилъ Кольбертъ: — теперь милъ; отчего же не милый?

— Для стиха, сокращенное прилагательное, — объяснилъ еще разъ Вихровъ.

— Да, вотъ что, — согласился и Кольбертъ.

— По почему вамъ, при вашихъ, видимо, небогатыхъ свѣдѣніяхъ въ русскомъ пѣснопѣніи, непремѣнно хочется посвятить себя русской музыкѣ?

— М-г Вихровъ, въ иностранной музыкѣ было такъ много великихъ композиторовъ, что посреди ихъ померкнешь; но Россія не имѣла еще ни одного великаго композитора.

— А Глинка-то нашъ! — возразилъ Вихровъ.

— М-г Вихровъ, мнѣ говорили очень умные люди, что опера Глинки испорчена сюжетомъ: въ ней выведена пассивная страсть, а не активная, и что на этомъ драмъ нельзя строить.

— Не знаю, можно ли на пассивныхъ страстяхъ строить драмы или нѣтъ — это еще споръ! Но знаю только одно, что опера Глинки и по сюжету и по музыкѣ есть высочайшее и народнѣйшее произведеніе.

— Вы думаете? — спросилъ какъ бы съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ Кольбертъ.

— Думаю! — отвѣчалъ Вихровъ и потомъ, видя передъ собою жалкую фигуру Кольберта, онъ не утерпѣлъ и приба-

вилъ: — но что вамъ за охота оперу писать?.. Попробовали бы сначала себя въ небольшихъ романсахъ русскихъ.

— Нѣтъ, мнѣ бы ужъ хотѣлось оперу написать, — отвѣчалъ тотъ робко, но настойчиво.

Въ это время споръ въ кабинетѣ уже кончился. Оба противника вышли въ залу, и Заминъ подошелъ къ Вихрову, а Рагуза къ хозяину.

— Что, наговорились? — спросилъ его тотъ.

— Мы уже съ господиномъ Заминымъ дали слово не разговаривать другъ съ другомъ, — прокричалъ Рагуза.

— А что это за музыкантъ? — спросилъ Вихровъ Замина, воспользовавшись тѣмъ, что Кольбертъ отошелъ отъ нихъ.

— Жиденокъ одинъ, ищущій свободнаго рынка для сбыта разной своей музыкальной дряни, — отвѣчалъ тотъ.

— Вихровъ! — крикнулъ въ это время Плавинъ Вихрову. Тотъ обернулся къ нему.

— Помните ли, какъ вы угощали меня представленіями милѣйшаго нашего Замина? — проговорилъ Плавинъ: — и я васъ хочу угостить тѣмъ же: вотъ господинъ Пѣнинъ (и Плавинъ при этомъ указалъ на пятаго своего гостя, молодого человѣка, вошедшаго тоже въ залу), онъ талантъ въ этомъ родѣ замѣчательный. Спойте, милѣйшій, вашу превосходную пѣсенку про помѣщиковъ.

Молодой человѣкъ съ явнымъ восторгомъ сѣлъ за фортепіано и сейчасъ же запѣлъ сочиненную около того времени пѣсенку: «Долго насъ помѣщики душили!». Плавинъ восторженнѣйшимъ образомъ слушалъ, музыкантъ Кольбертъ—тоже; Рагуза, врядъ ли только не нарочно, громко повторялъ: «О!.. какъ это вѣрно, какъ справедливо!» Заминъ и Вихровъ молчали. Окончивши пѣсенку, молодой человѣкъ какъ бы спрашивалъ взоромъ Плавина, что еще тотъ прикажетъ представить ему.

— Канканъ, Пѣнинъ, представьте, канканъ! — разрѣшилъ ему тотъ.

И юноша сейчасъ же вышелъ на середину залы, выгнулся всѣмъ тѣломъ, заложилъ пальцы рукъ за проймы жилета и началъ неблагопристойнымъ образомъ ломаться. У Плавина даже любострастіемъ какимъ-то разгорѣлись глаза. Вихрову было все это скучно, а Замину омерзительно, такъ что онъ отплевывался. Вслѣдъ затѣмъ юноша, по приказанію хозяина, представилъ еще пьянаго департаментскаго сторожа и даже купца со Щукина двора; но все это какъ-то выходило у него ужасно бездарно, не смѣшно, и видимо, что все было заимствованное, а не свое. Вихровъ наконецъ всталъ и началъ прощаться съ хозяиномъ.

— Вѣдь хорошо? — спросилъ тотъ его, показывая глазами на молодого человѣка, все еще стоявшаго посреди залы и, кажется, желавшаго что-то еще представить.

— Нѣтъ, напротивъ, очень нехорошо! — отвѣчалъ ему тотъ откровенно.

Вмѣстѣ съ Вихровымъ сталъ прощаться и Заминъ съ Плавинымъ. Обоихъ ихъ хозяинъ проводилъ до самой передней, и когда они возвратился въ залу, то Нѣнинъ обратился-было къ нему:

— А вотъ, Всеволодъ Никандровичъ, я еще видѣлъ...

— Нѣтъ, будетъ ужъ сегодня, довольно, — обрѣзалъ его Плавинъ и вслѣдъ затѣмъ, нисколько не церемонясь, обратился и къ прочимъ гостямъ: — adieu, господа! Я поусталъ уже, а завтра мнѣ рано вставать.

Гости нисколько, какъ видно, не удивились такимъ его словамъ, а поспѣшили только поскорѣе съ нимъ раскланяться и отправиться домой.

Вихровъ и Заминъ шли мрачные по Невскому проспекту.

— Что это за сборища онъ у себя дѣлаетъ? — спрашивалъ первый.

— Какъ же, вѣдь либералъ, передовой человѣкъ и меценатъ, — отвѣчалъ почти озлобленнымъ голосомъ Заминъ.

— Значитъ, мы съ вами поэтому и попали къ нему?

— Поэтому, — отвѣчалъ Заминъ.

— А скажите вотъ еще: что за народъ здѣсь вообще? Меня ужасно это поражаетъ: во-первыхъ, всѣ говорятъ о чемъ вамъ угодно, и всѣ, видимо, не понимаютъ того, что говорятъ!

— Мозги здѣсь у всѣхъ жидки, гдѣ на болотинѣ-то этакой развѣ можетъ вырасти настоящій человѣкъ?.. Такъ, какіе-то все ягели и дудки!.. — объяснилъ Заминъ.

XIV.

Тайныя мученія.

Герой мой обыкновенно каждый день, поработавъ утромъ дома часу во второмъ отправлялся къ Эйсмондамъ. Генерала въ это время никогда почти не было дома; онъ, по его словамъ, гулялъ все по Невскому, хоть на Невскомъ его никто никогда не встрѣчалъ. Обѣдалъ Вихровъ тоже по большей части у Эйсмондовъ: Мари очень благоразумно говорила, что затѣмъ же ему одному держать хозяйство или ходить обѣдать по отелямъ, тогда какъ у нихъ прекрасный поваръ, и они ему очень рады будутъ. Генералъ, со своей стороны, тоже находилъ эту мысль совершенно справедливою.

Послѣ обѣда Евгеній Петровичъ обыкновенно спалъ часа по три. Женечка дома не жилъ: мать отдала его въ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ и сама къ нему очень часто ѣздила, но къ себѣ не брала; такимъ образомъ Вихровъ и Мари все почти время проводили вдвоемъ — и только вечеромъ, когда генералъ просыпался, Вихровъ садился съ нимъ играть въ пикетъ: но и тутъ Мари или сидѣла около нихъ съ работой, или просто смотрѣла имъ въ карты. Такая жизнь влюбленныхъ могла бы, кажется, почесться совершенно счастливою, но на самомъ дѣлѣ это было далеко не такъ: лицо моего героя было постоянно мрачно. Онъ (и это особенно стало проявляться въ немъ въ послѣднее время) какъ-то сухо началъ встрѣчаться съ Мари, односложно отвѣчалъ на ея вопросы; сидя съ ней рядомъ, онъ глядѣлъ все больше въ сторону и явно дѣлалъ видъ, что занятъ чѣмъ-то другимъ, но никакъ ужъ не ею. Мари, въ свою очередь, съ каждымъ днемъ все больше и больше худѣла — и въ отношеніи Вихрова обнаруживала если не страхъ, то какую-то конфузливость, а иногда и равнодушіе къ нему. Причина всему этому заключалась въ томъ, что съ самаго пріѣзда Вихрова въ Петербургъ между нимъ и Мари происходили и недоразумѣнія и неудовольствія: онъ въ первый разъ еще любилъ женщину въ присутствіи мужа и потому страшно, мучительно ее ревновалъ — ревновалъ физически, ревновалъ и нравственно, но всего этого высказывать прямо никогда не рѣшался: ему казалось, что этимъ чувствомъ онъ унижаетъ и себя и Мари, и онъ ограничивался тѣмъ, что каждодневно страдалъ, капризничалъ, говорилъ Мари колкости, осыпалъ старика-генерала (въ его, разумѣется, отсутствіи) насмѣшками... Мари все это очень хорошо видѣла и понимала, что происходитъ въ душѣ нѣжно любимаго ею человѣка, но рѣшительно недоумѣвала, какъ и чѣмъ было помочь тому: къ мужу она была дѣйствительно почти нѣжна, потому что считала это долгомъ для себя, своей неотклонимой обязанностью, чтобы хоть сколько-нибудь заслужить передъ нимъ свой проступокъ. Физическую ревность Вихрова она, конечно, могла бы успокоить однимъ словомъ: но какъ было заговорить о томъ, когда онъ самъ не начиналъ!..

Однажды послѣ обѣда Вихровъ усѣлся передъ каминомъ, а Мари за чѣмъ-то вышла въ заднія комнаты. Вихровъ сидѣлъ довольно долгое время, и онъ сталъ понемногу кусать себѣ губы: явно, что терпѣніе его начинало истощаться: наконецъ онъ всталъ, прошелся какимъ-то большимъ шагомъ по комнатѣ и взялся за шляпу съ цѣлью уйти: но Мари въ это мгновеніе возвратилась, и Вихровъ остался на своемъ мѣстѣ, точно при-

кованный, шляпы своей однако не выпускалъ еще изъ рукъ. Взглянувъ ему въ лицо, Мари на этотъ разъ испугалась даже не на шутку — до того оно было ожесточенное и сердитое.

— Развѣ ты ужъ уходишь? — спросила она, потупляясь передъ нимъ.

Подъ вліяніемъ ея голоса Вихровъ какъ бы невольно опустился на прежнее мѣсто передъ каминомъ. Мари же отошла и сѣла на свое обычное мѣсто передъ рабочимъ столикомъ, — она уже ожидала, что ей придется выслушать нѣсколько, какъ она выражалась, проклятій. Вихровъ въ послѣднее время дѣйствительно въ присутствіи ея безпрестанно проклиналъ и себя, и свою жизнь, и свою злосчастную судьбу.

— Гдѣ это вы все были? — спросилъ онъ се на этотъ разъ какимъ-то глухимъ голосомъ и не обращая своего лица къ ней.

— У Евгенія Петровича въ комнатѣ, — онъ что-то нехорошо себя чувствуетъ, — отвѣчала Мари: лгать въ этомъ случаѣ она считала постыднымъ для себя.

— Но за обѣдомъ онъ кушалъ какъ волъ, — проговорилъ Вихровъ.

Мари при этомъ немного вспыхнула отъ досады.

— Нѣтъ, онъ очень немного ѣлъ, — возразила она.

Вихровъ снова началъ кусать себѣ губы и подрягивать досадливо ногой.

— Вы свое вниманіе къ нему до того простираете, что, когда онъ и здоровешенекъ, вамъ все представляется, что онъ боленъ: вы черезчуръ себя-то ужъ попусту волнуете, вамъ самимъ это можетъ быть вредно! — проговорилъ ядовито Вихровъ.

— Ахъ, вредно мнѣ, только не то! — негромко воскликнула Мари.

— Что же такое вамъ вредно? — спросилъ насмѣшливо Вихровъ.

— Вредно, что очень ужъ глупо и безразсудно люблю тебя.

— Что же вамъ мѣшаетъ обратиться къ вашему благоразумію и начать полную тихаго семейнаго счастья жизнь? Ужъ, конечно, не я!.. — проговорилъ Вихровъ, и въ голосѣ его явно послышались рыданія.

Мари видѣла, что онъ любитъ ее въ эти минуты до безумія, до сумасшествія; она сама пылала къ нему не меньшею страстью и готова была броситься къ нему на шею и задушить его въ своихъ объятіяхъ; но, по свойству ли русской женщины, или по личной, врожденной стыдливости своей, ничего этого не сдѣлала и устремила только горящій нѣжностью взоръ на Вихрова, и проговорила:

— А для тебя развѣ не тяжело это будетъ?

— Нѣтъ, даже легко!.. легко даже! — воскликнулъ Вихровъ и, вставъ снова со стула, началъ ходить по комнатѣ: — переносить долѣе то, что я переносилъ до сихъ поръ, я не могу!.. Одна глупость моего положенія можетъ каждаго свести съ ума!.. Я, какъ сумасшедшій какой, бѣгу сюда каждый день — и зачѣмъ? Чтобы видѣть вашу счастливую семейную жизнь и мѣшать только ей.

— Но что же дѣлать со всѣмъ этимъ? Какъ помочь тому?— спросила Мари.

— Помочь однимъ можно: оставьте вашего мужа и уѣдемте за границу, а то двумъ богамъ молиться невозможно, да и не совсѣмъ хорошо.

При этихъ словахъ Вихрова (онъ въ первый еще разъ высказалъ такое желаніе) Мари поблѣднѣла.

— Это значитъ положить вѣчный позоръ на свою голову!.. — проговорила она.

— Какой же тутъ позоръ особенный,—очень ужъ вы, видно, дорожите настоящимъ вашимъ положеніемъ.

— О, нисколько!—воскликнула Мари:—если бы дѣло было только во мнѣ, то я готова была бы рабой твоей назваться, а не только что женщиной, любящей тебя,—но отъ этого зависитъ спокойствіе и честь другихъ людей...

Вихровъ при этомъ вопросительно взглянулъ на Мари.

— Спокойствіе и честь моего сына и мужа, — заключила Мари.

— Если вы спокойствіе этихъ людей ставите выше моего спокойствія, то тутъ, разумѣется, и разговаривать нечего, — проговорилъ Вихровъ.

— Ты все сердишься и не хочешь согласиться со мной, что я совершенно права,—и повѣрь мнѣ, что ты самъ гораздо скорѣе разлюбишь меня, когда весь мой міръ въ тебѣ заключится; мы съ тобой не молоденькіе, должны знать и понимать сердце человѣческое.

— Да-съ, все это прекрасно, но дѣлиться вашимъ чувствомъ съ кѣмъ бы то ни было — мнѣ слишкомъ тяжело; я болѣе двухъ лѣтъ пріучаю себя къ тому и не могу привыкнуть.

— Я чувствомъ моимъ ни съ кѣмъ и не дѣлюсь; оно всецѣло принадлежитъ тебѣ.

— Всецѣло?.. Нѣтъ, Мари!—воскликнулъ Вихровъ и потомъ, замѣтно сдѣлавъ надъ собой большое усиліе, онъ началъ негромко:—я, безъ самаго тяжелаго, самаго уязвляющаго, оскорбляющаго меня чувства, не могу себѣ вообразить минуты, когда вы принадлежите кому-нибудь другому, кромѣ меня!

Мари покраснѣла.

— Такой минуты нѣтъ и не существуетъ.—проговорила она.

— Есть, Мари, есть!.. — воскликнулъ Вихровъ: — и тѣмъ ужаснѣе, что вы, какъ и всѣ, я думаю, женщины, не сознаёте, до какой степени въ этомъ случаѣ вы унижаете себя!

Мари еще болѣе покраснѣла.

— Я сказала тебѣ и повторяю еще разъ,—продолжала она, спокойнымъ, впрочемъ, голосомъ:—что такой минуты нѣтъ!

Вихровъ вопросительно посмотрѣлъ на Мари.

— Какимъ же образомъ это могло такъ устроиться?—сказалъ онъ.

— А такимъ, — отвѣчала она: — вамъ, мужчинамъ, Богъ далъ много ума, а намъ, женщинамъ, — хитрости.

— Интересно это знать — скажите!

— Ни за что! Больше того, что я тебѣ сказала, ты не услышишь отъ меня.

— Ну, въ такомъ случаѣ я вамъ не вѣрю.

— Можете вѣрить и не вѣрить! И неужели ты думаешь, что если бы существовало что-нибудь подобное, такъ я осталась бы въ теперешнемъ моемъ положеніи?

— Но что же бы вы сдѣлали такое?

— А то, что прямо бы сказала, что люблю другого, и потому—хочетъ онъ для нашего сына скрыть это, пусть скрываетъ, — а не хочетъ, то тогда я уйду отъ него.

— Но теперь подобной надобности не предстоитъ, значитъ?

— Нисколько!

— Ну, пожалуйте ко мнѣ за это! — проговорилъ Вихровъ, протягивая къ ней руки.

Мари подошла къ нему, онъ обнялъ ее и сталъ цѣловать ее въ грудь.

— Человѣкъ рѣшительно тотъ же звѣрь!.. Повѣришь ли, что я теперь спокойнѣе, счастливѣе сталъ!.. — говорилъ Вихровъ.

Мари на это только улыбнулась и покачала головой.

— Но я все-таки тебѣ не совсѣмъ еще вѣрю! — прибавилъ онъ.

— Не знаю, какъ мнѣ тебя ужъ и увѣрить. — отвѣчала Мари, пожимая плечами.

— Но кромѣ того, другъ мой,—продолжалъ Вихровъ, снова обнимая Мари: — мнѣ скучно иногда бываетъ до бѣшенства, до отчаянія!.. Душа простору проситъ, хочется развернуться, сказать всему: чортъ возьми!

— Развернись, если такъ тебѣ этого хочется,—проговорила Мари нѣсколько уже и обиженнымъ голосомъ.

— Да не одному, Мари, а съ тобой, съ одной тобой въ

мірѣ! Съѣздимъ сегодня хоть въ оперу вдвоемъ: не все же забавляться картами.

— Пожалуй, только все-таки надобно сказать мужу и предувѣдомить его, чтобы не показалось ему это страннымъ.

— Опять мужу!—воскликнулъ Вихровъ.—Дѣлайте вы все это, но не говорите, по крайней мѣрѣ, о томъ мнѣ!

— Хорошо, не буду говорить,—отвѣчала Мари съ улыбкою.

Вскорѣ послѣ того послышался кашель генерала. Мари пошла къ нему.

— А я съ Полемъ ѣду въ театръ, — сказала она довольно рѣшительнымъ голосомъ.

— А!—произнесъ генералъ почти съ удовольствіемъ:—и я бы, знаете, съ вами поѣхалъ охотно!

Мари внутри обмерла.

— Какъ же тебѣ ѣхать! — сейчасъ чувствовалъ озноб, и выѣзжать на воздухъ—это сумасшествіе!—воскликнула она.

— Ну, ну, не поѣду! — согласился генералъ.

Черезъ полчаса Мари съ Вихровымъ отправились въ наемной каретѣ въ оперу. Давали «Норму». Вихровъ всегда восхищался этой оперой, Мари тоже. Съ перваго удара смычка они оба погрузились въ полное упоеніе.

— Это единственная, кажется, опера, которой сюжетъ превосходенъ, — говорилъ Вихровъ, когда кончился первый актъ и опустился занавѣсъ.

— Онъ очень естественъ и правдоподобенъ, — подхватила Мари.

— Мало того-съ!—возразилъ Вихровъ:—онъ именно остановился на той границѣ, которой требуетъ музыка, потому что не ушелъ, какъ это бываетъ въ большей части оперъ, въ небо, т.-е. въ безсмыслицу, и не представляетъ черезчуръ ужъ близкой намъ дѣйствительности. Мы съ этой реализаціей въ искусствѣ,—продолжалъ онъ:—чортъ знаетъ до чего можемъ дойти. При мнѣ у Плавина одинъ господинъ доказывалъ, что современная живопись должна принять только одинъ обличительный, сатирическій характеръ; а другой — музыкантъ—съ чужого, разумѣется, голоса говорилъ, будто бы опера Глинки испорчена тѣмъ, что ее всю проникаетъ пассивная страсть, а не активная.

— Это что такое, я ужъ и не понимаю?—спросила Мари.

— А то, что въ ней выведена любовь къ царю, а не эгоистическая какая-нибудь страсть: любовь, ревность, ненависть.

— Ну, а всѣ революціонныя оперы, — онѣ тоже основаны на пассивной страсти, на любви къ отечеству,—подхватила Мари.

— Совершенно справедливо! — воскликнулъ Вихровъ: — и кромѣ того, я вполнѣ убѣжденъ, что изъ жизни, напримѣръ, первобытныхъ христіанъ, дѣйствовавшихъ чисто ужъ изъ пассивной страсти, могутъ быть написаны и превосходныя оперы и превосходныя драмы.

— Мнѣ въ «Нормѣ»,—продолжала Мари послѣ второго уже акта:—по преимуществу нравится она сама; я какъ-то ужасно ей сочувствую и понимаю ее.

— Потому что вы сами на нее похожи,—сказалъ Вихровъ.

— Я?—спросила Мари, уставляя на него свои большіе голубые глаза.

— Да, вы! Чѣмъ Норма привлекательна? Это сочетаніемъ въ себѣ свѣта и тьмы: она чиста, свята и недоступна для всѣхъ, и одинъ только въ мірѣ человѣкъ знаетъ, что она грѣшна!

— А, вотъ что!—произнесла Мари и покраснѣла ужъ немного:—это однако значитъ быть добродѣтельной по наружности — качество не весьма похвальное.

— Вы не то что добродѣтельны по наружности, а вы очень ужъ приличны; но какъ бы то ни было, поѣдемте отсюда къ Донону ужинать.

Мари опять уставила на него свои большіе глаза.

— Что же это: душа простору хочетъ? — сказала она.

— Душа простору хочетъ, — отвѣчалъ Вихровъ.

— Хорошо, поѣдемъ!—согласилась Мари, и послѣ спектакля они, въ самомъ дѣлѣ, отправились къ Донону, гдѣ Вихровъ заказалъ хорошій ужинъ, потребовалъ шампанскаго, заставилъ Мари выпить его цѣлые два стакана; самъ выпилъ бутылки двѣ.

Разговоръ между ними сталъ дѣлаться все болѣе и болѣе одушевленнымъ и откровеннымъ.

— Ты, пожалуй, когда такъ будешь кутить, такъ и другого рода развлеченія захочешь, — проговорила Мари.

— Какого же?

— Развлеченія полюбить другую женщину.

— Очень можетъ быть, — отвѣчалъ Вихровъ откровенно.

— Но въ такомъ случаѣ, пожалуйста, меня не обманывай, а скажи лучше прямо.

— Никакъ не скажу, потому что если бы этого рода и случилось развлеченіе, то оно будетъ чисто-временное; опять къ вамъ же вернусь.

— Ну, это Богъ знаетъ, ты самъ еще не знаешь того.

— Совершенно знаю, потому что совершенно убѣжденъ, что больше всѣхъ женщинъ люблю васъ.

— Но за что же именно?

— Вотъ ужъ этого никакъ не могу объяснить: за то, вѣроятно, что это была первая любовь, которой мы врядъ ли не остаемся вѣрными всю жизнь.

— А я думала, что немножко и за другое,—произнесла Мари.

— А именно?

— За согласіе во взглядахъ и убѣжденіяхъ...

— Можетъ-быть, и то! — подхватилъ Вихровъ.

Когда они сѣли въ карету, онъ велѣлъ кучеру ѣхать не на Литейную, гдѣ жилъ генералъ, а къ себѣ на квартиру.

— И это тоже душа простора проситъ? — спросила его еще разъ Мари.

— И это тоже! — отвѣчалъ Вихровъ.

Мари возвратилась домой часу въ второмъ. Генералъ собирался уже совсѣмъ лечь спать.

— Гдѣ это ты такъ долго была?—спросилъ онъ ее съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

— Къ Донону ужинать съ Полемъ заѣзжали,—отвѣчала она, проходя мимо его комнаты, но не заходя къ нему.

— А, это хорошо! Что жъ вы ужинали? — спросилъ ее генералъ.

— Да я и не знаю, все очень вкусныя вещи.

— Тамъ славно кормятъ, славно; надобно и мнѣ туда съ Эммой съѣздить! — произнесъ генералъ вполголоса и затѣмъ задулъ свѣчу, отвернулся къ стѣнѣ и заснулъ мирнымъ сномъ.

XI.

Другого рода вечеръ у Плавина.

Передъ масленицей Эйсмондъ и Вихровъ одновременно получили отъ Плавина печатные пригласительные билеты, которыми онъ просилъ ихъ посѣтить его 11-го числа февраля, въ 10 часовъ вечера.

— Это, надо-быть, именины его будутъ,—сказалъ генералъ.

— Вѣроятно, — отвѣчалъ Вихровъ.

— А что, вы поѣдете?

— Не думаю!

— Ну, нѣтъ: что тамъ, поѣдемте, онъ человѣкъ почтенный; я 11-го числа заѣду къ вамъ и непремѣнно утащу васъ.

Послѣднее время генералъ замѣтно заискивалъ въ Вихровѣ и какъ бы даже старался снискать его интимную дружбу. 11-го числа часовъ въ 9 вечера онъ дѣйствительно заѣхалъ къ нему завитой и напомаженный, въ полномъ генеральскомъ мундирѣ, въ лентѣ и звѣздѣ.

— Пора, пора! — говорилъ онъ, какъ-то сѣменя ногами и имѣя въ одно и то же время какой-то вѣтреный и сконфуженный видъ.

Вихровъ ушелъ къ себѣ въ спальню одѣваться.

— Пожалуй, надобно будетъ бѣлый галстукъ надѣть?—спросилъ онъ оттуда.

— Непремѣнно-съ!—отвѣчалъ генералъ, охорашиваясь передъ зеркаломъ и замѣтно оставаясь довольнъ своею физіономіею.—У него все будетъ знать,—прибавилъ онъ.

— Знать? — переспросилъ Вихровъ.

— Да-съ! Сенаторы и министры считаютъ за честь у него быть.

— Вотъ какъ! — произнесъ герой мой, и (здѣсь я не могу скрыть) въ душѣ его пошевелилось невольное чувство зависти къ прежнему своему сверстнику. «За что же, за что воздаютъ почести этому человѣку?»—думалъ онъ самъ съ собой.

Въ каретѣ генералъ, когда они поѣхали, тоже все какъ-то поеживался, откашливался; хотѣлъ, какъ видно, что-то такое сказать и не находился: впрочемъ, и пространство, которое имъ надобно было проѣхать до квартиры Плавина, было слишкомъ небольшое, а лошади несли ихъ быстро, такъ что черезъ какія-нибудь минуты они очутились уже у подъѣзда знакомаго намъ казеннаго дома.

Генералъ довольно легко выскочилъ изъ кареты: въ сѣняхъ передъ зеркаломъ онъ еще разъ поправилъ маленькимъ гребешкомъ свой хохолокъ и сталъ взбираться въ лѣстницу. Вихровъ слѣдовалъ за нимъ. Когда они потомъ отворили двери въ квартиру къ Плавину, то Вихрова обдало какой-то совсѣмъ не той атмосферой, которую онъ чувствовалъ, въ первый разъ бывши у Плавина. Въ залѣ онъ увидѣлъ, что по тремъ ея стѣнамъ стояли, а гдѣ и сидѣли господа во фракахъ, въ бѣлыхъ галстукахъ и всѣ почти въ звѣздахъ, а около четвертой, задней стѣны ея шелъ буфетъ съ фруктами, оршадомъ, лимонадомъ, шампанскимъ; около этого буфета, такъ же, какъ и у всѣхъ дверей, стояли ливрейные лакеи въ чулкахъ и башмакахъ.

«Что такое, гдѣ мы это?» — подумалъ Вихровъ.

Самого Плавина онъ увидѣлъ стоявшимъ въ дверяхъ гостиной, высоко и гордо поднявшимъ свою красивую бѣлокурую голову, и тоже въ звѣздѣ и въ бѣломъ галстукѣ.

Когда Вихровъ подошелъ къ нему поклониться, Плавинъ дружески, но замѣтно свысока и очень недолго пожалъ ему руку. Генералу же онъ пожалъ руку гораздо непродолжительнѣе и даже сказалъ при этомъ что-то такое смѣшное, такъ что старикъ махнулъ только рукою и пошелъ далѣе въ гости-

ную. Между гостями Плавина было очень много статс-секретарей, нѣсколько свитскихъ генераловъ и даже два-три генералъ-адъютанта и одинъ товарищъ министра. Вихровъ началъ уже чувствовать, что онъ обмираетъ въ этомъ обществѣ: съ кѣмъ заговорить, что съ собой дѣлать — онъ рѣшительно не находился... вдругъ вдали, въ углу гостиной онъ увидѣлъ и узналъ, къ величайшему восторгу своему, еще памятное ему лицо Марьеновскаго. Какъ къ якорю спасенія своего, бросился онъ къ нему и, даже не совсѣмъ соблюдая приличіе, во весь голосъ закричалъ ему:

— Марьеновскій, здравствуйте! Узнаёте ли вы меня?

Самъ Марьеновскій былъ уже совсѣмъ сѣдой и нѣсколько даже сгорбленный старикъ, но тоже со звѣздой и въ бѣломъ галстукѣ. Видно было, что служебные труды и петербургскій климатъ много, если не совсѣмъ, разбили его здоровье. Всмотрѣвшись въ лицо героя моего, онъ тоже воскликнулъ:

— Боже мой! Кажется, господинъ Вихровъ!

— Точно такъ, — отвѣчалъ тотъ, и оба пріятеля, не стѣсняясь тѣмъ, что были на модномъ раутѣ, расцѣловались между собой.

— Я давно слышалъ, что вы здѣсь, но рѣшительно не зналъ—гдѣ васъ найти,—говорилъ Марьеновскій.

— А я такъ и не зналъ, что вы здѣсь, — говорилъ Вихровъ:—но вы, конечно, служите здѣсь?

— Да, я тоже вмѣстѣ съ другими занимаюсь по устройству новыхъ судебныхъ учрежденій.

— И слава Богу, что васъ выбрали! — воскликнулъ Вихровъ: — человѣка болѣе достойнаго для этого трудно было и найти; но сядемте однако; здѣсь можно, надѣюсь, сидѣть?

— Можно! — отвѣчалъ Марьеновскій, и оба пріятеля усѣлись нѣсколько въ сторонѣ.

— Прежде всего объясните вы мнѣ, — началъ Вихровъ:— какъ вы знакомы съ здѣшнимъ хозяиномъ?

— Кто жъ съ нимъ не знакомъ въ мірѣ служебномъ и дѣловомъ!—отвѣчалъ съ усмѣшкою Марьеновскій: — но скажите лучше, какъ *вы* съ нимъ знакомы?

— Очень просто: онъ товарищъ мнѣ по гимназіи: я вмѣстѣ съ нимъ жилъ...

— Вотъ что!..—произнесъ Марьеновскій: — онъ, впрочемъ, и безъ этого любитъ быть знакомымъ съ артистами и писателями.

— Но неужели же онъ въ самомъ дѣлѣ государственный человѣкъ?

— Еще какой! На петербургскій ладъ, разумѣется.

— То-есть умѣетъ поддѣлываться къ начальству.

— О, Господи! Про какія вы ветхія времена говорите!.. Нынѣ не то-съ! Надобно являть въ себѣ человѣка, сочувствующаго всѣмъ предстоящимъ перемѣнамъ, понимающаго ихъ, но въ то же время не выпускающаго изъ виду и другія государственныя цѣли,—каковъ и есть г. Плавинъ.

— Но въ сущности, однако, что же онъ?

— Въ сущности ничего! Господинъ, кажется, очень любящій комфортъ и удобства жизни и вызнавшій способъ показывать въ себѣ человѣка весьма способнаго.

— Но въ чемъ же именно эти способности его состоятъ?— продолжалъ разспрашивать Вихровъ.

— Главное, я думаю, въ томъ, что всѣ эти новыя предположенія, которыя однихъ пугаютъ и смущаютъ, а другими не совсѣмъ сразу понимаются, онъ такъ ихъ сумѣетъ понизить и объяснить, что ихъ сейчасъ же уразумѣваютъ и перестаютъ пугаться. Онъ въ этомъ отношеніи очень полезенъ, потому что многое бы не прошло, что̀ проходитъ черезъ посредство его.

— Но зато и вреденъ тѣмъ, что оно проходитъ такъ, какъ онъ понимаетъ.

— Да, по большей части далеко не такъ, какъ было вначалѣ, и удивительное дѣло: онъ, кажется, кандидатъ здѣшняго университета?

— Кандидатъ! — подхватилъ Вихровъ.

Марьеновскій пожалъ плечами.

— Учили, что ли, ихъ очень плохо, но, вѣрьте, онъ ничего не знаетъ: все, что̀ говоритъ — это больше выслушанное или наканунѣ только вычитанное; а иногда такъ провретъся, что отъ него пахнетъ необразованіемъ.

— Именно необразованіемъ,—подхватилъ Вихровъ.

— Пахнетъ необразованіемъ,—повторилъ еще разъ и какъ-то досадливо Марьеновскій.

— А скажите, нѣтъ ли у васъ въ товариществѣ Захаревскаго—правовѣда?

— Нѣтъ, но онъ служитъ въ другомъ мѣстѣ и занимаетъ очень видную должность.

— Онъ очень честный человѣкъ... и юристъ, должно-быть, хорошій.

— Да, только внѣшній отчасти, неглубокій.

— И вы видаетесь иногда съ нимъ?

— Очень часто даже!

— Не передадите ли вы ему, что я здѣсь и очень желалъ бы съ нимъ повидаться, а потому онъ или самъ бы побывалъ у меня, или я бы пріѣхалъ къ нему, а вотъ и адресъ мой!

— Непремѣнно скажу и, я думаю, даже вмѣстѣ съ нимъ и пріѣду къ вамъ.

— Пожалуйста! — воскликнулъ Вихровъ, крѣпко пожимая его руку.

Марьеновскій послѣ того всталъ.

— Ну, я и домой, мнѣ еще работать надо, — сказалъ онъ и потихоньку вышелъ изъ гостиной.

По уходѣ его, Вихровъ опять очутился въ совершенномъ одиночествѣ. Подъ вліяніемъ всего того, что слышалъ отъ Марьеновскаго, онъ уставилъ почти озлобленный взглядъ на хозяина, попрежнему гордо стоявшаго и разговаривавшаго съ двумя-тремя самыми важными его гостями.

«Неужели же никогда этотъ господинъ не обличится, — думалъ онъ: и общество не пойметъ, что онъ вовсе не высокодаровитая личность, а только нахалъ и человѣкъ энергическій?» Воздавай опо всѣ эти почести Марьеновскому, Вихровъ кромѣ удовольствія ничего бы не чувствовалъ; но тутъ ему было завидно и досадно.

Посреди такого размышленія къ нему подошелъ Эйсмондъ.

— А что, не пора ли намъ и по домамъ? — шепнулъ онъ ему.

— Съ великою радостью, — отвѣчалъ Вихровъ, и оба они тоже потихоньку выбрались изъ комнатъ и отправились.

— Поѣдемте къ Донону ужинать, — вотъ гдѣ вы съ женой ужинали! — сказалъ какъ-то особенно развязно генералъ.

— Хорошо! — согласился Вихровъ.

Генералъ бойко и потирая съ удовольствіемъ руки вошелъ въ отель.

— Водки, братецъ, намъ поскорѣе, водки! — говорилъ онъ, садясь передъ однимъ столикомъ. — Садитесь и вы, пожалуйста, — прибавилъ онъ Вихрову.

Тотъ усѣлся противъ него.

— Ну-съ, что же намъ съѣсть? Жена очень хвалила, вы тогда ужинали: салатъ изъ ершей. Сдѣлай намъ салатъ изъ ершей!

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ ему лакей.

— Потомъ котлеты, что ли, паровыя.

— Не прикажете ли бараньи котлеты?.. Есть настоящая кушелевская баранина.

— Давай, давай; въ клубѣ ѣдалъ кушелевскую баранину, хороша очень!

Затѣмъ они начали ужинать; генералъ спросилъ шампанскаго, и когда уже порядочно было съѣдено и выпито, онъ началъ какъ бы заискивающимъ голосомъ:

— Я вотъ, Павелъ Михайловичъ, давно хотѣлъ съ вами поговорить объ одной вещи: вы вотъ и родственникъ моей женѣ и дружны съ ней очень, не знаете ли, что за причина, что она по временамъ бываетъ очень печальна?

— Совершенно не знаю и даже не замѣчалъ, чтобы она была особенно печальна,—отвѣчалъ Вихровъ, немного уже и сконфуженный этимъ вопросомъ.

— Есть это, есть! Дѣло въ томъ, что вы и сами въ отношеніи тамъ одной своей привязанности были со мной откровенны, и потому я хочу говорить съ вами прямо: у меня есть тамъ на сторонѣ одна госпожа, и я все думаю, что не это ли жену огорчаетъ...

— Зачѣмъ же у васъ это есть?— спросилъ Вихровъ полушутя, полусерьезно.

— Есть, потому что это необходимо должно быть!..

И затѣмъ генералъ наклонился къ Вихрову и шепнулъ ему что-то такое совсѣмъ ужъ на ухо.

— Ну, и что же?— спросилъ тотъ, въ свою очередь, какимъ-то захлебывающимся голосомъ.

— А то, что я человѣкъ, по пословицѣ: «не тутъ, такъ тамъ!» Ну, и она знаетъ теперь, что это существуетъ.

— И, вѣроятно, совершенно васъ прощаетъ?

— То-то мнѣ кажется, что нѣтъ; знаете, какъ женщины по-своему понимаютъ: если, дескать, нельзя, такъ и нигдѣ нельзя. Повывѣдайте у ней какъ-нибудь объ этомъ издалека и скажите мнѣ.

— Хорошо! — отвѣчалъ Вихровъ.

Болѣе пріятнаго открытія, какое въ настоящую минуту сдѣлалъ ему генералъ, для него не существовало на свѣтѣ.

— И что жъ, хорошенькая у васъ эта особа?— спросилъ онъ его.

— Хорошенькая - прехорошенькая! — воскликнулъ Евгеній Петровичъ съ загорѣвшимся уже взоромъ. —Заѣдемте теперь къ ней,—прибавилъ онъ: выпитое для большей откровенности вино замѣтно его охмелило.

— Но теперь поздно!—возразилъ Вихровъ.

Ему, впрочемъ, самому хотѣлось взглянуть на эту особу.

— Ничего, можетъ-быть, еще пустятъ: люди знакомые, поѣдемте!— говорилъ самодовольно генералъ.

Они поѣхали. На Мѣщанской они взобрались на самый верхній этажъ, и въ одну дверь генералъ позвонилъ. Никто не отвѣтилъ. Генералъ позвонилъ еще разъ уже посильнѣй; послышались наконецъ шаги.

— Wer ist da?— послышался женскій голосъ.

— Это я, отпирайте. — говорилъ генералъ не совсѣмъ ужъ смѣлымъ голосомъ.

— Спятъ уже давно: нельзя! — отвѣчалъ опять тотъ же голосъ.

— Да отворите, прошу васъ.—упрашивалъ генералъ.

Шаги куда-то удалились, потомъ снова возвратились, и затѣмъ началось неторопливое отпираніе дверей. Наконецъ наши гости были впущены. Вихровъ увидѣлъ, что имъ отворила дверь некрасивая горничная; въ маленькой залѣ уже горѣли двѣ свѣчи. Генералъ вошелъ развязно, какъ человѣкъ, привыкшій къ этимъ мѣстамъ.

— А къ Эммѣ Николаевнѣ можно?—спросилъ онъ въ то же время робко горничную.

— Можно, чай.—отвѣчала та сердито.

Генералъ на цыпочкахъ прошелъ въ слѣдующую комнату и, какъ слышно, просилъ Эмму Николаевну выйти въ залу. Та наконецъ проговорила:

— Ну, ступайте, приду! — И вскорѣ затѣмъ вышла, съ сильно растрепанной головой. Она была довольна молода и недурна собой.—Ну, что вамъ еще надо? — спросила она генерала.

— А вотъ — позволь тебѣ представить моего пріятеля! — проговорилъ старикъ, показывая на Вихрова.

— Ну, что же, только и есть?—спросила Эмма насмѣшливо генерала.

— Только вотъ желалъ познакомить его съ тобой.

— О, глупости какія! Поѣзжайте, пожалуйста, домой; ей-Богу, спать хочется!—проговорила Эмма, зѣвая во весь ротъ.

— Поѣдемте въ самомъ дѣлѣ,—подхватилъ Вихровъ:—она спать хочетъ.

— Никогда не ѣздитъ по вечерамъ, а тутъ вдругъ ночью пріѣхалъ,—проговорила Эмма, зѣвая снова.

— Хорошо, уѣдемъ; прощай, прощай, дай ручку поцѣловать!—говорилъ старикашка.

— Ну, на!—сказала Эмма, протягивая ему руку.

Генералъ съ чувствомъ поцѣловалъ ее.

Наконецъ они снова выбрались съ Вихровымъ на свѣжій воздухъ: имъ надобно было ѣхать въ разныя стороны.

— Что, недурна? — спросилъ съ удовольствіемъ генералъ.

— Очень, — подхватилъ Вихровъ.

— Характерна только,—прибавилъ генералъ.

— Характерна? — переспросилъ Вихровъ.

— У, не приведи Богъ! — отвѣчалъ старикъ, садясь въ карету.

XVI.

Чета Живиныхъ.

Однажды Вихровъ, идя по Невскому, увидѣлъ, что навстрѣчу ему идутъ какія-то двѣ не совсѣмъ обычныя для Петербурга фигуры, мужчина въ фуражкѣ съ кокардой и въ черномъ, нескладномъ, чиновничьемъ, съ свѣтлыми пуговицами, пальто, и женщина въ сѣромъ и тоже нескладномъ бурнусѣ, въ маленькой пастушечьей соломенной шляпѣ и съ короткими волосами. Сойдясь съ этими лицами, Вихровъ обрадовался и удивился: это были Живинъ и супруга его Юлія Ардальоновна, которая очень растолстѣла и была съ какимъ-то кислымъ и непріятнымъ выраженіемъ въ лицѣ, по которому, пожалуй, можно было заключить, что она страдала; но только врядъ ли эти ея страданія возбудили бы въ комъ-нибудь участіе, потому что Юлія Ардальоновна до того подурнѣла, что сдѣлалась совершенно такою же, какою нѣкогда была ея маменька, т.-е. похожею на огромную, нескладную тумбу. Самъ Живинъ тоже сильно постарѣлъ, обрюзгъ и, какъ видно, немало перенесъ горя.

— Давно ли ты здѣсь и ради какихъ дѣлъ?—спросилъ его Вихровъ и почти старался не видѣть m-me Живину: такое тяжелое и непріятное впечатлѣніе произвела она на него.

— Да вотъ пріѣхалъ, — отвѣчалъ Живинъ:—ищу мѣста по новымъ судебнымъ учрежденіямъ.

— И, конечно, получишь его; ты такъ этого заслуживаешь... А вы въ первый разъ еще въ Петербургѣ? — спросилъ Вихровъ Юлію Ардальоновну, чувствуя, что онъ долженъ же былъ о чемъ-нибудь заговорить съ ней.

— Нѣтъ, я ужъ не въ первый разъ,—отвѣчала она. Встрѣча съ Вихровымъ, кажется, не произвела на нее никакого впечатлѣнія, и какъ будто бы даже она за что-то сердилась на него или даже презирала его. — Теперь я только проѣздомъ здѣсь и ѣду за границу,—прибавила она.

Живинъ при этихъ словахъ жены потупился.

— За границу! — повторилъ Вихровъ. — Что жъ вы, тамъ будете лѣчиться?—спросилъ онъ не безъ внутренняго смѣха, глядя на ея массивную фигуру.

— Мнѣ не отъ чего лѣчиться, — отвѣчала Юлія Ардальоновна, поняв, повидимому, соль его вопроса: — я ѣду такъ, надоѣло ужъ все смотрѣть на русскую гадость и мерзость.

«Ну, изъ этой гадости, конечно, ужъ ты сама—первая!»—

подумалъ про себя Вихровъ,—и какъ ни мало онъ былъ щепетиленъ, но ему все-таки сдѣлалось не совсѣмъ ловко стоять среди бѣлаго дня на Невскомъ съ этими черезчуръ ужъ провинціальными людьми, которые, видимо, обращали на себя вниманіе проходящихъ, и особенно m-me Живина, мимо которой самые скромные мужчины, проходя, невольно дѣлали удивленныя физіономіи и потупляли глаза.

— Что жъ мы однако тутъ стоимъ на дорогѣ! — сказалъ онъ, желая куда-нибудь отойти не въ столь многолюдное мѣсто.

— Да зайдемъ ко мнѣ; я недалеко тутъ живу... — сказалъ какъ-то робко Живинъ.

Вообще видно было, что онъ очень обрадовался встрѣчѣ съ пріятелемъ и въ то же время какъ-то конфузился и робѣлъ передъ нимъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ,—поспѣшилъ ему отвѣтить Вихровъ.

— А ты тоже домой пойдешь?—спросилъ Живинъ жену.

— Домой!—сказала она и вмѣстѣ съ тѣмъ гордо и съ презрѣніемъ отвѣтила взглядомъ проходившему мимо нея гвардейскому улану, явно уже сдѣлавшему ей гримасу.

Живины жили, какъ оказалось, въ Перинной линіи, въ гостиницѣ; по грязной лѣстницѣ они вошли съ своимъ гостемъ въ грязный коридоръ и затѣмъ въ довольно маленькій, темный номеръ. Здѣсь, между разными, довольно ветхими дорожными принадлежностями и раскиданнымъ платьемъ, Вихровъ увидалъ на обычномъ диванѣ передъ столомъ овчинный женскій тулупъ. Юлія Ардальоновна, скинувъ съ себя бурнусъ и свою пастушескую шляпку, съ пылающимъ и багровымъ отъ ходьбы лицомъ, сѣла на этотъ именно диванъ и только немножко поотодвинула отъ себя вонючій тулупъ. Вихрову показалось, что въ ней пропало даже столь свойственное всѣмъ женщинамъ чувство брезгливости.

— Скажи, пожалуйста, — обратился онъ снова къ Живину (съ Юліей онъ рѣшительно не въ состояніи былъ говорить):— гдѣ живетъ Иларіонъ Ардальоновичъ Захаревскій, и видишься ли ты съ нимъ?

— Какъ же, вотъ онъ и хлопочетъ для меня о мѣстѣ.

— Я просилъ одного господина передать ему, что я здѣсь и что очень бы желалъ повидаться съ нимъ.

— И онъ мнѣ тоже говорилъ; но занятъ ужасно, почти никуда кромѣ службы и не выѣзжаетъ.

— Но я самъ бы къ нему пріѣхалъ, боюсь только, чтобы не помѣшать ему.

— А вотъ видишь что! — отвѣчалъ Живинъ, соображая:—

въ пятницу въ Петербургъ возвратится Виссаріонъ, и они уже непремѣнно цѣлый вечеръ будутъ дома... Хочешь, я заѣду за тобой и поѣдемъ?

— Очень радъ; но откуда же Виссаріонъ возвращается?

— Съ юга, подряды тамъ беретъ—милліонеръ вѣдь теперь.

— Слышалъ это я; службу, значитъ, онъ оставилъ?

— Давно!.. «Стоитъ, говоритъ, руки въ грошахъ марать, да еще попреки получать; хватать такъ хватать милліончики!»

— А Иларіонъ Ардальонычъ богатъ?

— У того ничего нѣтъ; зато тайный совѣтникъ, съ анненской звѣздой.

Во всемъ этомъ разговорѣ о братьяхъ Юлія Ардальоновна не приняла никакого участія, какъ будто бы говорилось о совершенно постороннемъ и нисколько не занимающемъ ея предметѣ. Вихровъ опять почувствовалъ необходимость хоть о чемъ-нибудь поговорить съ ней.

— Что жъ вы намѣрены дѣлать за границей и куда именно ѣдете? спросилъ онъ ее, дѣлая надъ собой почти усиліе.

— Дѣлать за границей многое можно, — отвѣчала ему съ усмѣшкой Юлія Ардальоновна:—я поселюсь въ Лондонѣ или Швейцаріи, потому что тамъ все-таки посвободнѣй человѣку дышится.

— Но долго ли же вы намѣрены пробыть за границей?

— Не знаю!

Вихровъ очень ясно видѣлъ, что у Живина съ женой что-то нехорошее происходило, и ему тяжело стало долѣе оставаться у нихъ. Онъ взялся за шляпу.

Юлія очень холодно, въ знакъ прощанія, мотнула ему головой; самъ же Живинъ пошелъ провожать его до лѣстницы.

— Такъ ты въ пятницу заѣдешь ко мнѣ? — говорилъ ему Вихровъ.

— Непремѣнно! — отвѣчалъ Живинъ: — и я заѣду къ тебѣ пораньше: мнѣ о многомъ надобно поговорить и посовѣтоваться съ тобой...

Въ пятницу онъ дѣйствительно явился, не запоздавъ.

— Гдѣ же живетъ Иларіонъ Ардальоновичъ?—спросилъ его Вихровъ.

— Вмѣстѣ съ Виссаріономъ: у того свой домъ. Дворцу другому не уступитъ.

— Ну, а какъ твои денежныя дѣлишки?—сказалъ Вихровъ, чтобы какъ-нибудь склонить разговоръ на семейную жизнь Живина.

— А такія, отвѣчалъ Живинъ:—что если не дадутъ службы, то хоть тошись.

— Но какимъ же это образомъ?.. Ты за женой, кажется, взялъ порядочное состояніе,—потомъ служилъ все.

— Изъ женинаго состоянія я ничего не взялъ: оно все цѣло и при ней: а мое, что было, все съ ней прожилъ.

— Что же она... не хозяйка, что ли?

На это Живинъ махнулъ только рукой и вздохнулъ.

— И говорить мнѣ объ этомъ грустно!—произнесъ онъ.

— Мнѣ она самому показалась на этотъ разъ какою-то странною,—продолжалъ Вихровъ.

Живинъ грустно усмѣхнулся.

— А все благодаря русской литературѣ и вамъ, господамъ русскимъ писателямъ,—проговорилъ онъ почти озлобленнымъ тономъ.

— Да что же тутъ русская литература и русскіе писатели—чѣмъ виноваты?—спросилъ Вихровъ, догадываясь ужъ, впрочемъ, на что намекаетъ Живинъ.

— А тѣмъ.—отвѣчалъ тотъ прежнимъ же озлобленнымъ и огорченнымъ тономъ:—что она теперь не женщина стала, а какое-то чудовище: въ Бога не вѣруетъ, брака не признаётъ, собственности тоже, Россію ненавидитъ.

— Что за глупости такія!—воскликнулъ Вихровъ, въ первый еще разъ видѣвшій на опытѣ—до какой степени модныя идеи Петербурга проникли уже и въ провинцію.

— Нѣтъ, не глупости!—воскликнулъ въ свою очередь Живинъ:—прежде, когда вотъ ты, а потомъ и я, женившись, держали ее на пушкинскомъ идеалѣ, она была женщина совсѣмъ хорошая; а тутъ, какъ ваши петербургскіе поэты стали воспѣвать только что не публичныхъ женщинъ, а критика—ругать всю Россію наповалъ, она и спятила, сбилась съ панталыку: сначала объявила мнѣ, что любитъ другого: ну, ты знаешь, какъ я всегда смотрѣлъ на эти вещи. «Очень жаль, говорю, но во всякомъ случаѣ ни стѣснять ни мѣшать вамъ не буду!»

— Кого жъ это она полюбила?

— Полячишку тутъ одного, и я дѣйствительно плюнулъ на все и даже, чтобъ ее же не закидали грязью въ обществѣ, не расходился съ нею и покрывалъ все своимъ именемъ! Но она этимъ не ограничилась. Нынѣшней весной заявила мнѣ, что совсѣмъ уѣзжаетъ за границу.

— Совсѣмъ?—воскликнулъ Вихровъ.

— Да, эмигрировать хочетъ, и, разумѣется, каналья этотъ всему этому ее научаетъ, чтобы обобрать и бросить потомъ.

— Очень немудрено!..

— Непремѣнно такъ, потому что самъ ты разсуди: онъ —

малый еще молодой, а она вѣдь ужъ немолода и собой некрасива.

При этихъ словахъ пріятеля Вихровъ потупился. «Она не то что некрасива, она ужасна!»—подумалъ онъ про себя.

— А между тѣмъ этотъ господинъ притворяется, что страстно влюбленъ въ нее,—и все это потому, что у ней есть 25 тысячъ серебромъ своихъ денегъ, которыя были въ оборотахъ у Виссаріона и за которыя тотъ ни много ни мало платилъ намъ по 20 процентовъ, — гдѣ найдешь такое помѣщеніе денегъ? Вдругъ она, не говоря ни слова, пишетъ обоимъ братьямъ, что наши семейныя отношенія стали таковы, что ей тяжело жить не только что въ одномъ домѣ съ мной, но даже въ одной странѣ, а потому она хочетъ взять свой капиталъ и уѣхать съ нимъ за границу. Иларіонъ написалъ ей на это очень дружеское письмо, въ которомъ упрашивалъ и умолялъ ее разсудить и одуматься, а Виссаріонъ прямо ей отвѣчалъ, что какія бы тамъ у нея со мной ни были отношенія — это не его дѣло; но что денегъ онъ для ея же будущаго спокойствія не дастъ ей... Она на это взбѣсилась, командировала своего возлюбленнаго въ Петербургъ, дала ему полную довѣренность, а тотъ съ большого-то ума и подалъ векселей ко взысканію, да еще и съ представленіемъ кормовыхъ денегъ. Виссаріонъ ничего не знаетъ, вдругъ къ нему является полиція: «пожалуйте деньги, а то не угодно ли въ тюрьму!..» Тотъ, разумѣется, ужасно этимъ обидѣлся, вышвырнулъ эти деньги, и теперь вотъ, какъ мы пріѣхали сюда, ни тотъ ни другой братъ ея и не принимаютъ.

— Печальная исторія!

— Да, невеселая! И у насъ по губерніи-то не то что съ одной моей супругой это случилось, а можетъ-быть, десятка два-три женщинъ свертѣлось такимъ образомъ съ кругу—и все-таки, опять повторяю, нынѣшняя скверная литература тому причиной.

— Это и прежде бывало безъ всякой литературы, что ты!— воскликнулъ Вихровъ.

— Бывало, да все какъ-то поскромнѣй! — возразилъ Живинъ: — стыдились какъ-то этого; а теперь дѣлаютъ съ какимъ-то нахальствомъ, какъ будто бы даже гордятся этимъ; но поѣдемъ однако,—пора!

— Пора!—подтвердилъ и Вихровъ.

Оба брата Захаревскихъ занимали одну квартиру, но съ двумя совершенно отдѣльными половинами, и сходились только или обѣдать въ общую столовую, или по вечерамъ—въ общую богато убранную гостиную, гдѣ и нашли ихъ наши гости. Оба

они очень обрадовались Вихрову. Иларіонъ Захаревскій еще больше похудѣлъ и былъ какой-то мрачный: служебное честолюбіе, какъ видно, не переставало его грызть и врядъ ли въ то же время удовлетворялось; а Виссаріонъ сдѣлался какъ-то еще яснѣе, опредѣленнѣе и законченнѣе. Между Вихровымъ и Иларіономъ Захаревскимъ сейчасъ же затѣялся дружественный разговоръ; они вспомнили старое время, ругнули его и похвалили настоящее.

— Да,—говорилъ Иларіонъ: — много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ вами не видались, да не меньше того, пожалуй, и перемѣнъ въ Россіи надѣлалось: уничтожилось крѣпостное право, установилось земство, открываются новыя судебныя учрежденія, дѣлаются желѣзныя дороги.

При этомъ перечнѣ Виссаріонъ только слегка усмѣхнулся: противъ уничтоженія крѣпостного права онъ обыкновенно не возражалъ: «Чортъ съ нимъ, съ этимъ правомъ, — говорилъ онъ: — которое въ сущности никогда и не было никакимъ правомъ, а разводило только пьяную, лѣнивую дворовую челядь»; про земство онъ тоже ничего не говорилъ и про себя считалъ его за совершеннѣйшій вздоръ; но новыхъ судебныхъ учрежденій онъ рѣшительно не могъ переваривать.

— У здѣшнихъ мировыхъ судей,—обратился онъ къ Вихрову: — такое заведено правило, что если вы генералъ или вообще какой-нибудь порядочный человѣкъ, то при всякомъ разбирательствѣ вы виноваты; но если же вы пьяный лакей или, еще больше того, какой-нибудь пьяный нейзанъ, то, что бы вы ни надѣлали, вы правы!.. Такого правосудія, я думаю, и при Шемякѣ не бывало!

Виссаріона самаго, по случаю его столкновеній съ рабочими, нѣсколько разъ ужъ судили—и надобно сказать, что не совсѣмъ справедливо обвиняли.

— Это временное заблужденіе, которое потомъ пройдетъ,— возразилъ ему Вихровъ.

— Нѣтъ-съ, не пройдетъ, потому что все такъ ужъ къ тому и подстроено; скажите на милость, гдѣ это видано: какому-то господину въ его единственномъ лицѣ вдругъ предоставлено право судить меня и присудить, если только онъ пожелаетъ того, ни много ни мало, какъ на три мѣсяца въ тюрьму.

— Во-первыхъ, это вездѣ есть, — началъ ему возражать серьезнымъ и даже нѣсколько строгимъ голосомъ Иларіонъ Захаревскій: — во-вторыхъ, тебя судитъ не какой-то господинъ, а лицо, которое общество само себѣ выбрало въ судьи; а въ-третьихъ, если лицо это будетъ къ тебѣ почему-либо несправедливо, ты можешь дѣло твое перенести на мировой съѣздъ...

— А на мировомъ-то съѣздѣ кто же судитъ? — возразилъ насмѣшливо Виссаріонъ: — тѣ же судьи: сегодня, напримѣръ, Петръ разсматриваетъ рѣшеніе Гаврилы, а завтра Гаврила — рѣшеніе Петра; обоюдная порука — такъ на кой имъ чортъ отмѣнять рѣшеніе другъ друга?

— Но вы забываете, что все это дѣлается публично, — возразилъ ему Вихровъ:—а на глазахъ публики кривить душой не совсѣмъ удобно.

— Кривятъ же однако, нисколько не стѣсняются этимъ!.. Или теперь вотъ ихъ прокурорскій надзоръ,—продолжалъ Виссаріонъ, показывая уже прямо на брата:—я рѣшительно этого не понимаю—какимъ образомъ какой-нибудь кабинетный господинъ можетъ слѣдить за преступленіями въ обществѣ, тогда какъ онъ носу изъ своей камеры никуда не показываетъ, — и выходитъ такъ, что полиція что хочетъ имъ дать — даетъ, а чего не хочетъ — скроетъ.

— Но какъ же по-вашему надо было сдѣлать? Или оставить такъ, какъ прежде было? — спросилъ не безъ ироніи Вихровъ.

— Я не знаю, какъ это надо было сдѣлать, — возразилъ Виссаріонъ:—я не спеціалистъ въ этомъ, но говорю, что такъ, какъ сдѣлано—это безсмыслица!

Все сужденіе брата Иларіонъ слушалъ съ немного насмѣшливой улыбкой, но при этихъ словахъ разсердился на него.

— У васъ-то, по вашему желѣзнодорожному дѣлу, я думаю, больше смысла,—проговорилъ онъ.

— Я нисколько и не говорю про то: я тутъ не чиновникъ, не распорядитель, не благоустроитель Россіи: я купецъ, и для меня оно имѣетъ смыслъ, потому что очень мнѣ выгодно.

— Хорошо отношеніе къ странѣ своей!—сказалъ Вихровъ.

— А я вотъ, какъ наживусь, такъ и поблагодарю мою страну: устрою въ ней какое-нибудь учебное или богоугодное заведеніе, а мнѣ за это дадутъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника!—подхватилъ Виссаріонъ и захохоталъ.

Иларіонъ въ это время обратился къ Живину.

— Твое назначеніе завтра, я думаю, состоится, — и тебя даже здѣсь въ Петербургѣ оставляютъ.

— Въ Петербургѣ!.. — воскликнулъ Живинъ: — ну, вотъ за это merci!—прибавилъ онъ даже по-французски и далѣе затѣмъ, не зная, чѣмъ выразить свою благодарность, подошелъ почти со слезами на глазахъ и поцѣловалъ Иларіона въ плечо.

Тотъ самъ поспѣшилъ поцѣловать его въ голову.

— А что, супруга отправилась уже за границу?—спросилъ его Виссаріонъ.

— Отправилась вчерашній день, — отвѣчалъ Живинъ.

— И господинъ Клоповскій тоже?

— Тоже!

Виссаріону, кажется, очень хотѣлось поговорить объ этомъ дѣлѣ съ Вихровымъ, но онъ на этотъ разъ удержался, можетъ-быть, потому, что Пларіонъ при самомъ началѣ этого разговора взглянулъ на него недовольнымъ взглядомъ.

Побесѣдовавъ еще нѣкоторое время, Вихровъ и Живинъ отправились наконецъ домой; послѣдній, кажется, земли подъ собой не чувствовалъ по случаю своего назначенія на службу— да еще и въ Петербургѣ.

— Я много въ жизни вынесъ неудачъ и несчастій, — толковалъ онъ Вихрову, идя съ нимъ: — но теперь почти за все вознагражденъ; ты разсуди: я не уменъ очень, я не Богъ знаетъ какой юристъ, у меня нѣтъ связей особенныхъ, а меня назначили!.. За что же? За то, что я всегда былъ честенъ во всю мою службу.

— За то только! — подтвердилъ ему и Вихровъ.

— А вѣдь, братъ, ежели есть въ странѣ это явленіе, такъ спокойнѣй и отраднѣй становится жить!.. Одна только, Господи помилуй! — продолжалъ Живинъ какъ бы со смѣхомъ: — супруга моя не оцѣнила во мнѣ ничего; а еще говорила, что она честность въ мужчинѣ предпочитаетъ всему.

Вихровъ при этомъ усмѣхнулся.

— Она, кажется, и сама не знаетъ, что̀ предпочитаетъ и что̀ презираетъ, — проговорилъ онъ.

— Именно такъ! — согласился и Живинъ.

XVII.

Аристократъ и демократъ.

Въ одно утро Вихровъ прошелъ къ Мари и засталъ у ней, сверхъ всякаго ожиданія, Абреева, Евгенія Петровича, по обыкновенію, дома не было: шаловливый старикъ окончательно проводилъ все время у своей капризной Эммы.

— Давно ли и надолго ли? — говорилъ Вихровъ, дружески пожимая руку Абреева.

— Пріѣхалъ весьма недавно, — отвѣчалъ тотъ: — но надолго ли — это опредѣлить весьма трудно — всего вѣроятнѣе, навсегда!

— А службу, что̀ же, оставили?

— Оставилъ, — отвѣчалъ Абреевъ съ улыбкою и потупляя свои красивые глаза.

— Не вытерпѣли, видно?

— Отчасти я не вытерпѣлъ, а отчасти и меня не вытерпѣли, — продолжалъ онъ съ прежней улыбкой.

— Васъ? — спросилъ не безъ удивленія Вихровъ: — за послабленіе, вѣроятно?

Абреевъ пожалъ плечами.

— Ей-Богу, затрудняюсь — какъ вамъ отвѣтить. Можетъ-быть, за послабленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за строгость. Знаете что, — продолжалъ онъ уже серьезнѣе: — можно имѣть какую-угодно систему—самую строгую, тираническую, потомъ самую гуманную, широкую: всегда найдутся люди, весьма честные, которые часто изъ своихъ убѣжденій будутъ выполнять ту или другую; но когда вамъ сегодня говорятъ: «крути!», завтра: «послабляй!», послѣ-завтра опять: «крути!»...

— Какъ же, такъ прямо и пишутъ: «крути» и «послабляй»?— вмѣшалась въ разговоръ Мари.

— О, нѣтъ! — произнесъ Абреевъ: — но это вы сейчасъ чувствуете по тону получаемыхъ бумагъ, надъ которыми, ей-Богу, иногда приходилось цѣлые дни просиживать, чтобы понять, что въ нихъ сказано!.. На каждой строчкѣ: *но, впрочемъ, хотя...* а что именно—этого-то и не договорено, и изъ всего этого вы могли вывести одно только заключеніе, что вы должны были имѣть *желѣзную руку, но мягкую перчатку.*

— Это что такое? — спросила Мари съ нѣкоторымъ уже удивленіемъ.

— А то, — отвѣчалъ Абреевъ съ усмѣшкой: — чтобы вы управляли строго, твердо, но чтобы общество не чувствовало этого.

— Но какъ же оно не будетъ этого чувствовать? — опять спросила Мари.

— Отчасти можно было этого достигнуть, — отвѣчалъ Абреевъ съ гримасой и пожимая плечами: — если бы въ одномъ дѣлѣ нажать, а въ другомъ слегка уступить, словомъ, наполеоновская система, или,—какъ прекрасно это прозвали здѣсь въ Петербургѣ, — виляніе въ службѣ; но такъ какъ я никогда не былъ партизаномъ подобной системы и искренность всегда считалъ лучшимъ украшеніемъ всякаго служебнаго дѣйствія, а потому, вѣроятно, и не угождалъ во многихъ случаяхъ.

Проговоря это, Абреевъ замолчалъ; молчали и его слушатели.

— Когда я принималъ губернаторство,—снова началъ онъ, уже гордо поднимая свою голову: — вы знаете — это было въ самый моментъ перелома системъ, и тогда дѣйствительно на

это поприще вступило весьма много просвѣщенныхъ людей; но соимъ ихъ, скажу прямо, въ настоящее время все больше и больше начинаетъ рѣдѣть.

— Губернаторамъ теперь, я думаю, дѣлать нечего, потому что у нихъ все отнимаютъ,—заговорилъ наконецъ и Вихровъ.

— Напротивъ, болѣе, чѣмъ когда-либо, — возразилъ ему Абреевъ: — потому что одно отнимаютъ, а другое даютъ, и главное, при этой перетасовкѣ господствуетъ во всемъ рѣшительно какой-то первобытный хаосъ, который былъ, вѣроятно, при созданіи вселенной и который, можетъ-быть, и у насъ потому существуетъ, что совершается образованіе новыхъ государственныхъ формъ. Губернаторъ рѣшительно не знаетъ— съ кого и что спросить, кому и что приказать, и, кромѣ того, его сношенія съ земствомъ и съ новыми судебными учрежденіями... вездѣ онъ долженъ не превысить власти и въ то же время не уронить достоинства администраціи.

Витіеватыя и изысканныя фразы Абреева — и фразы не совсѣмъ умнаго тона — непріятно рѣзали ухо Вихрова.

— А что вашъ правитель канцеляріи?—спросилъ онъ его, чтобы свести разговоръ съ государственныхъ предметовъ на болѣе низменную почву.

При этомъ вопросѣ Абреевъ весь даже вспыхнулъ.

— Здѣсь, въ Петербургѣ, литераторствуетъ! — говорилъ онъ, потрясая своей красивой ногой.

— Литераторствуетъ? — спросилъ Вихровъ.

— Очень много даже — и все исключительно про меня.

— Какъ про васъ! — воскликнулъ Вихровъ.

Мари тоже уставила на Абреева удивленные глаза.

— Единственно про меня — и что дурно, такъ въ этомъ случаѣ онъ метитъ мнѣ, кажется, желаетъ.

— А вы, вѣрно, отказали ему отъ мѣста?

— Да,— продолжалъ Абреевъ:— но я вынужденъ былъ это сдѣлать: онъ до того въ дѣлахъ моихъ зафантазировался, что я самъ могъ изъ-за него подпасть серьезной отвѣтственности, а потому я позвалъ его къ себѣ и говорю: «Николай Васильичъ, мы на столькихъ пунктахъ расходимся въ нашихъ убѣжденіяхъ, что я рѣшительно нахожу невозможнымъ продолжать нашу совмѣстную службу!»—«И я, говоритъ, тоже!»— «Но,—я говорю:—такъ какъ я сдвинулъ васъ изъ Петербурга, съ вашего пепелища, гдѣ бы вы, вѣроятно, въ это время нашли болѣе приличное вашимъ способностямъ занятіе, а потому позвольте вамъ окупить вашъ обратный путь въ Петербургъ и предложить вамъ получать лично отъ меня то содержаніе, которое получали вы на службѣ, до тѣхъ поръ, пока

вы не найдете себѣ новаго мѣста!» Онъ поблагодарилъ меня за это, взялъ жалованье за два года даже впередъ и уѣхалъ... Кажется, разстались дружелюбно!.. Но вдругъ въ одной петербургской газеткѣ вижу, что я описанъ въ самомъ карикатурномъ видѣ, со всѣми моими привычками, съ моимъ семействомъ, съ моими кучерами, лакеями!.. Что писалъ это тотъ господинъ—сомнѣваться было нечего, потому что тутъ говорилось о такихъ вещахъ, о которыхъ онъ только одинъ зналъ. Я сначала разсмѣялся этому, думая, что всякому человѣку можетъ выпасть на долю столкнуться съ негодяемъ; но потомъ, когда я увидѣлъ, что этотъ пасквиль съ восторгомъ читается въ томъ обществѣ, для котораго я служилъ, трудился, — что тѣ же самые люди, которыхъ я ласкалъ, въ нуждахъ и огорченіяхъ которыхъ всегда участвовалъ, которыхъ наконецъ кормилъ такъ, какъ они никогда не ѣдали, у меня передъ глазами передаютъ другъ другу эту газетку, — это меня взорвало и огорчило!.. Я тутъ же сказалъ самъ себѣ: «я всю жизнь буду служить моему государю и ни одной минуты русскому обществу!» — что и исполнилъ теперь.

— Очень ужъ вы, господа, щекотливы, — произнесъ Вихровъ: — посмотрите на англійскихъ лордовъ, — на нихъ пишутъ и пасквили и карикатуры, а они себѣ стоятъ, какъ дубы, и продолжаютъ свое дѣло дѣлать.

— Прекрасно-съ!—возразилъ Абреевъ:—англійскіе лорды, встрѣчая насмѣшки и порицанія, находятъ въ то же время защиту и поддержку въ своей партіи: мы же въ комъ ее найдемъ?.. Въ непосредственномъ начальствѣ нашемъ, что ли?— заключилъ онъ съ насмѣшкою и хотѣлъ, кажется, еще что-то такое пояснить, но въ это время раздались шаги въ залѣ.

Всѣ обернулись — это входилъ Плавинъ.

— Васъ ищу-съ, васъ!—говорилъ онъ, торопливо поздоровавшись съ хозяйкою дома и съ Вихровымъ и прямо обращаясь къ Абрееву.

— Къ вашимъ услугамъ!—отвѣчалъ тотъ съ обычной своей вѣжливостью.

Плавинъ сѣлъ прямо противъ Абреева.

— Правда, что вы вышли въ отставку?—спросилъ онъ его.

— Совершенная правда! — отвѣчалъ тотъ.

Плавинъ пожалъ плечами.

— Но, mon cher, какъ хотите! — воскликнулъ онъ: — при всемъ моемъ уваженіи къ вамъ, я долженъ сказать, что это просто дѣтскій капризъ съ вашей стороны.

— Вы полагаете? — спросилъ Абреевъ нѣсколько уже и обиженнымъ голосомъ.

— Болѣе чѣмъ полагаю, увѣренъ въ томъ! — отвѣчалъ настойчиво Плавинъ.

— Значитъ, вы не знаете всѣхъ причинъ, побудившихъ меня подать въ отставку, — произнесъ Абреевъ, грустно пожимая плечами.

— По крайней мѣрѣ тѣ, о которыхъ мнѣ говорили, именно показываютъ, что это чистѣйшій капризъ: оставить службу изъ-за того, что тамъ кто-то такой что-то написалъ или нарисовалъ... — говорилъ Плавинъ.

— Да-съ! это только одно! — возразилъ Абреевъ: — но тутъ есть еще другое, гораздо поважнѣй: вы знаете, что я всегда былъ съ вами человѣкъ одномыслящій.

— Знаю! — подтвердилъ Плавинъ одобрительно.

— Знаете, что отъ эмансипаціи я по своимъ имѣніямъ ничего не проигралъ, но, напротивъ, выигралъ.

— Знаю, — повторилъ еще разъ Плавинъ.

— Значитъ, никакой мой личный интересъ не былъ тутъ затронутъ: но когда я въ отчетѣ долженъ былъ написать о состояніи ввѣренной мнѣ губерніи, то я прямо объявилъ, что послѣ эмансипаціи помѣщики до крайности обѣднѣли, мужики всѣ передѣлились и спились, и хлѣбопашество упало.

Плавинъ захохоталъ.

— Вы не имѣли права этого написать, никакого права не имѣли на то! — воскликнулъ онъ.

— Какъ я не имѣлъ права, когда я видѣлъ это собственными глазами? — проговорилъ Абреевъ.

— Ну, и что жъ изъ того, что вы видѣли собственными глазами?.. Все-таки въ этомъ случаѣ вы передаете ваши личныя впечатлѣнія, никакъ не болѣе! — возразилъ Плавинъ: — тогда какъ для этого вы должны были бы собрать статистическія данныя — и по нимъ уже дѣлать заключеніе.

— Какія же это статистическія данныя?—спросилъ Абреевъ, удивленный и какъ бы нѣсколько опѣшенный этою мыслью, которая, какъ видно, не приходила ему въ голову.

— А такія-съ!—отвѣчалъ съ докторальною важностью Плавинъ: — какъ богаты были помѣщики до эмансипаціи и насколько они стали бѣднѣй послѣ нея? Сколько народъ выпивалъ до освобожденія и сколько—теперь, и какъ велика была средняя цифра урожая до 61-го года и какая—въ настоящее время?.. И на все это именно по этимъ статистическимъ даннымъ я и могу вамъ отвѣчать, что помѣщики нисколько не разорились, а только состоянія ихъ ликвидировались и уяснились, и они лишились возможности, посредствомъ пинковъ и колотковъ, дѣлать разные переборы: а если народъ и вы-

пилъ вина больше, чѣмъ прежде выпивалъ, такъ это слава Богу! Въ этомъ его единственное удовольствіе въ жизни состоитъ!

— Странное удовольствіе!—замѣтилъ Абреевъ.

— Точно такое же, какъ и наше—объѣдаться за обѣдомъ и держать француженокъ на содержаніи,—замѣтилъ не безъ колкости Плавинъ.

— Но народъ это дѣлаетъ безъ всякой мѣры; иногда цѣлая деревня валяется пьяная по канавамъ или идетъ на четвереньках пить въ другую деревню,—проговорилъ Абреевъ.

— Да вамъ-то что за дѣло до этого!—прикрикнулъ ужъ на него Плавинъ:—если вамъ кажется некрасиво это, то не глядите и отворачивайтесь, и почемъ вы знаете, что народу также, можетъ-быть, противно и ненавистно видѣть, какъ вы ѣздите въ вашихъ коляскахъ; однако онъ пока не мѣшаетъ вамъ этого дѣлать.

— Я тутъ говорю не про собственное чувство, — сказалъ Абреевъ:—а то, что это вредно въ санитарномъ отношеніи и для самого народа.

— А развѣ объѣдаться обѣдами и услаждаться послѣ оныхъ француженками—менѣе вредно въ санитарномъ отношеніи?—спросилъ насмѣшливо Плавинъ.

Абреевъ усмѣхнулся.

— Это дѣлаетъ такое небольшое число людей, что все равно, что бы они ни дѣлали,—сказалъ онъ.

— Какъ все равно? Напротивъ, эти люди должны являть собою примѣръ воздержанія, трудолюбія, ума, образованія,—перечислялъ насмѣшливо Плавинъ.

Абреевъ на это ничего уже не возражалъ.

— Что же касается до хлѣбопашества,—продолжалъ Плавинъ:—то, извините меня, это чистѣйшій вздоръ; по тѣмъ же именно статистическимъ даннымъ и видно, что оно увеличилось, потому что вывозъ за границу хлѣба сталъ больше, чѣмъ былъ прежде.

— Но какимъ же образомъ это могло случиться? — возразилъ Абреевъ, пожимая плечами. — Всѣ помѣщики хозяйства свои или уничтожили, или сократили наполовину; крестьяне между тѣмъ весьма мало увеличили свои запашки.

— Это все-таки вы говорите ваши личныя впечатлѣнія,—мнѣ вамъ повторяю,—сказалъ Плавинъ.

— Нѣтъ, это никакъ не личныя впечатлѣнія,—продолжалъ Абреевъ, краснѣя даже въ лицѣ:—это самымъ строгимъ, логическимъ путемъ можно доказать изъ примѣра Англіи, которая ясно показала, что хлѣбопашество, какъ и всякое торго-

вое предпріятіе, можетъ совершенствоваться только знаніемъ и капиталомъ. Но гдѣ же нашъ крестьянинъ возьметъ все это? Землю онъ знаетъ пахать, какъ пахалъ ее, я думаю, еще Адамъ; капитала у него нѣтъ для покупки машинъ.

— У него нѣтъ, но у общины онъ есть,—возразилъ Плавинъ.

Абреевъ при этомъ окончательно вспыхнулъ.

— Объ общинѣ я равнодушно слышать не могу, —заговорилъ онъ прерывающимся отъ волненія голосомъ и видимо употребляя надъ собой всѣ усилія, чтобы не сказать чего-нибудь рѣзкаго: —эту общину выдумали въ Петербургѣ и навязали ее народу; онъ ея не любитъ, тяготится ею, потому что, очень естественно, всякій человѣкъ желаетъ имѣть прочную собственность и отвѣчать только за себя!

— Общину выдумали, во-первыхъ, не въ Петербургѣ, — началъ ему отвѣчать въ явно-насмѣшливомъ тонѣ Плавинъ:— а скорѣй въ Москвѣ: но и тамъ ея не выдумали, потому что она долгое время существовала у нашего народа, была имъ любима и охраняема; а то, что вы говорите, какъ онъ не любитъ ея теперь, то это опять только одинъ вашъ личный взглядъ!

— Видитъ же Богъ! — воскликнулъ Абреевъ, сдѣлавшійся изъ пунцоваго уже блѣднымъ: — то, что я вамъ говорю, это скажетъ вамъ въ любой деревнѣ каждый мужикъ, каждая женщина, каждый ребенокъ!

Плавинъ на это только пожалъ плечами и придалъ такое выраженіе лицу, которымъ явно хотѣлъ показать, что съ человѣкомъ, который свои доказательства основываетъ на божбѣ, спорить нечего.

— Меня тутъ то больше всего ажитируетъ, — продолжалъ Абреевъ, обращаясь уже болѣе къ Мари: — что изъ какой-то модной идеи вамъ не хотятъ вѣрить, васъ не хотятъ слушать, когда вы говорите самыя святыя, самыя непреложныя истины.

— Я тоже думаю, что община и круговая порука не совсѣмъ любимы народомъ,—проговорила та.

— Ненавидимы, madame, ненавидимы! — воскликнулъ Абреевъ:—вотъ вы, Павелъ Михайлычъ, — продолжалъ онъ, относясь уже къ Вихрову: — русскій литераторъ и, какъ кажется, знаете русскій народъ,—скажите, правду ли я говорю?

— Ей-Богу, не знаю-съ! Послѣ 60-го года почти не видалъ народа,—отвѣчалъ тотъ уклончиво.

— А я видѣлъ-съ его!.. Я эти послѣдніе три года почти жилъ съ народомъ! — горячился Абреевъ, и потомъ, какъ бы вспомнивъ свой обычный свѣтскій тонъ, онъ вдругъ пріоста-

новился на нѣкоторое время и прибавилъ гораздо уже болѣе мягкимъ тономъ Мари:

— Pardon, madame!.. Мы, я думаю, наскучили вамъ нашимъ споромъ.

— Напротивъ,—возразила та.

— Но, во всякомъ случаѣ, позвольте уже вамъ пожелать добраго утра,—продолжалъ онъ. вставая передъ Мари.

Та привѣтливо съ нимъ раскланялась.

Вихрову Абреевъ пожалъ дружески руку и протянулъ ее также и Плавину.

— А мы съ вами все-таки будемъ спорить всюду и вездѣ!—произнесъ тотъ, съ небольшимъ оттѣнкомъ насмѣшливости.

— Будемъ-съ спорить!—отвѣчалъ ему Абреевъ и уѣхалъ.

Плавинъ нѣкоторое время послѣ того какъ бы усмѣхался про себя.

— Отличный господинъ! — заговорилъ онъ, явно разумѣя подъ именемъ *господина* Абреева:—но вотъ пріѣхалъ сюда и сразу попалъ въ партію крупныхъ землевладѣльцевъ.

— Я рѣшительно не знаю, неужели существуетъ такая партія и съ какой цѣлью?—спросила Мари.

— Очень сильная даже,—отвѣчалъ почти таинственно Плавинъ и затѣмъ, посидѣвъ еще нѣкоторое время и сказавъ будто къ слову, что на-дняхъ онъ получилъ аренду тысячъ въ восемьдесятъ, раскланялся и отправился на Невскій походить до обѣда.

— Отчего ты Абрееву не отвѣтилъ на его вопросъ? — спросила Мари тотчасъ же, какъ остались они вдвоемъ съ Вихровымъ.

— Ну, что тутъ имъ отвѣчать, Богъ съ ними!—произнесъ онъ съ улыбкою.

— Это два полюса,—продолжала Мари:— одинъ — аристократъ, а другой—демократъ!

— Не то что аристократъ и демократъ,—началъ Вихровъ:— а одинъ—военный и съ состояніемъ, а потому консерваторъ: а другой—штатскій и еще добивающійся состоянія, а потому радикалъ.

— Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ Абреевъ, какъ человѣкъ, гораздо болѣе нравится, чѣмъ Плавинъ.—проговорила Мари.

— Какъ это судить!—сказалъ Вихровъ:—если брать удобство и пріятность сношеній, то, конечно, Абреевъ—человѣкъ добрый, благородный, деликатный: Плавинъ же дерзокъ, нахалъ, какъ всѣ выскочки; лично я его терпѣть не могу, но все-таки долженъ сказать, что онъ, хоть и внѣшняя, можетъ-быть, но сила!.. Я даже увѣренъ, что онъ никакихъ своихъ

убѣжденій не имѣетъ, но зато, разъ усвоивъ что-нибудь чужое, онъ уже будетъ работать, какъ волъ, и ни передъ чѣмъ не остановится. Онъ еще мальчишкой разъ въ гимназіи захотѣлъ играть на театрѣ: сегодня задумалъ, завтра началъ приводить въ исполненіе, а черезъ недѣлю мы ужъ играли на театрѣ... Абреевъ же, по-моему, олицетворенное безсиліе. Онъ, помяни мое слово, будетъ брать двадцать еще службъ на себя, вездѣ будетъ очень благороденъ, очень обидчивъ, но врядъ ли гдѣ-нибудь и какое-нибудь дѣло подвинетъ впередъ— и всѣ господа этого рода таковы: необразованы, что ли, они очень, или очень ужъ выродились, но это рѣшительно какой-то неумѣлый народъ.

— Умѣютъ и они одно дѣло дѣлать,— перебила Мари.

— Какое?—спросилъ Вихровъ.

— Интриговать другъ противъ друга: это, я тебѣ скажу, такое вѣчное и безпрерывное подшибанье одинъ другого, такая скачка впередегонку за крестами и чинами, что, ей-Богу, они мнѣ кажутся иногда сумасшедшими.

— Ну, въ Россіи это вовсе не сумасшествіе, — возразилъ Вихровъ: — потому что, какъ въ государствѣ, все еще немножко азіатскомъ, это имѣетъ еще огромное значеніе.

— Пожалуй, что это такъ!..—согласилась Мари:—и, знаешь, этого рода чинолюбцевъ и крестолюбцевъ очень много ѣздитъ къ мужу—и, прислушиваясь къ нимъ, я рѣшительно недоумѣваю, что же такое наша матушка Россія: въ самомъ ли дѣлѣ она страна демократическая, какъ понимаютъ ее нынче, или военная держава, какъ разумѣли ее прежде, и въ чемъ состоитъ вкусъ и геній нашего народа?

Вихровъ усмѣхнулся.

— Геній нашего народа, — началъ онъ отвѣчать: — пока выразился только въ необыкновенно *здравомъ умѣ*—и вслѣдствіе этого въ сильной *устойчивости*; въ насъ нѣтъ ни французской галантерейности, ни глубокомыслія нѣмецкаго, ни предпріимчивости англійской, но мы очень *благоразумны* и *разсудительны*: насъ ничѣмъ нельзя очень порадовать, но зато ничѣмъ и не запугаешь. Мы строимъ наше государство медленно, но изъ хорошаго матеріала; удерживаемъ только настоящее, и все ложное и фальшивое выкидываемъ. Что нашъ аристократизмъ и демократизмъ совершенно миражныя всѣ явленія, въ этомъ сомнѣваться нечего; сколько вотъ я ни ѣздилъ по Россіи и ни прислушивался къ кореннымъ и любимымъ понятіямъ народа, по моему мнѣнію, въ ней не должно быть никакого дѣленія на сословія—и она должна быть, если можно такъ выразиться, по преимуществу государствомъ хо-

ровымъ, гдѣ каждый пѣлъ бы во весь свой, полный, естественный голосъ, и въ совокупности выходило бы все это согласно... Этому свойству русскаго народа мы видимъ безпрестанное подтвержденіе въ жизни: у насъ есть хоровыя пѣсни, хоровыя пляски, хоровыя гулянья... У насъ нѣтъ, напримѣръ, единичныхъ хорошихъ голосовъ, но зато у насъ хоръ русской оперы, я думаю, первый въ мірѣ. У насъ—превосходная придворная капелла; у каждаго архіерея—отличный хоръ пѣвчихъ.

— Ты и на государственное устройство переносишь это свойство?—спросила Мари.

— Непремѣнно такъ!—воскликнулъ Вихровъ: — ты смотри: черезъ всю нашу исторію у насъ не только что нѣтъ рѣзко и долго стоявшихъ на виду личностей, но даже партіи долго властвующей; какъ которая заберетъ очень ужъ силу и начнетъ самовластвовать, такъ народъ и отвернется отъ нея, потому что *всякій пой въ свой голосъ и другихъ не перекрикивай!*

— Какъ нѣтъ личностей! — воскликнула Мари: — а Владиміръ, а Грозный, а Петръ...

— То—цари, это другое дѣло, — возразилъ ей Вихровъ:— народъ нашъ такъ понимаетъ, что царь можетъ быть и тиранъ и ангелъ доброты, все пріемлется съ благодарностью въ силу той идеи, что онъ посланникъ и помазанникъ Божій. Хорошъ онъ—это милость Божья, худъ—наказанье отъ Него!

— Это у всѣхъ, я думаю, молодыхъ народовъ такъ!—замѣтила Мари.

— Можетъ-быть,—продолжалъ Вихровъ:—но все-таки нашъ идеалъ царя мнѣ кажется лучше, чѣмъ былъ онъ на Западѣ: тамъ, во всѣхъ ихъ старыхъ легендахъ, ихъ кѣнигъ—непремѣнно храбрѣйшій витязь, который всѣхъ сильнѣй, больше всѣхъ можетъ выпить, съѣсть; у насъ же, напротивъ, нашъ любимый князь—князь ласковый, къ которому потому и сошлись всѣ богатыри земли русской, — князь въ совѣтѣ мудрый, на судѣ правый.

Мари хотѣла что-то такое на это сказать, но пріѣхалъ Евгеній Петровичъ, и продолжать при немъ далѣе разговоръ о такихъ отвлеченныхъ предметахъ было совершенно невозможно, потому что онъ на первыхъ же словахъ обрѣзалъ бы и сказалъ, что все это глупости.

XVIII.

Пирушка.

Въ концѣ мая Эйсмонды переселились въ Парголово, или, лучше сказать, одна Мари переѣхала туда. Генералъ же, подъ

разными предлогами, безпрестанно оставался въ Петербургѣ. Вихровъ тоже поселился черезъ два-три дома отъ нихъ. Собственно онъ и уговорилъ Мари взять дачу въ Парголовѣ, потому что тамъ же жилъ и Марьеновскій. Герой мой день ото дня исполнялся все болѣе и болѣе уваженіемъ къ сему достойному человѣку. Такой эрудиціи, такого трудолюбія и вмѣстѣ съ тѣмъ такой скромности Вихровъ еще и не встрѣчалъ ни въ комъ. Онъ просто заискивалъ въ Марьеновскомъ за его высокія душевныя качества. Тотъ въ свою очередь тоже, кажется, начиналъ любить его: почти каждый вечеръ сходились они въ Парголовскомъ саду и гуляли тамъ, предаваясь безконечнымъ разговорамъ. Въ одну изъ такихъ прогулокъ они разговорились о томъ, что вотъ оба они старѣются, и имъ приходитъ время уступить свое мѣсто другимъ, молодымъ дѣятелямъ.

— Удивительное дѣло,—сказалъ Вихровъ: — какимъ образомъ это такъ случилось, что пріятели мои, съ которыми я сближался въ юности, всѣ явились потомъ болѣе или менѣе общественными людьми: не говоря ужъ, напримѣръ, объ васъ, о Плавинѣ, но даже какой-нибудь Заминъ—и тотъ играетъ роль, какъ глашатай народныхъ нуждъ и желаній. Захаревскій, вотъ вы сами говорите, серьезнѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ своихъ товарищей... Абреева я самъ наблюдалъ, какой онъ добрый и благонамѣренный администраторъ былъ, — словомъ, всѣхъ есть за что помянуть добрымъ словомъ!

— Зачѣмъ же вы себя-то исключаете изъ этого числа?— замѣтилъ ему съ улыбкою Марьеновскій.

— Я не исключаю,—отвѣчалъ Вихровъ, сконфузившись: — и знаете что!—продолжалъ онъ потомъ торопливо:—мнѣ иногда приходитъ въ голову нестерпимое желаніе, чтобы всѣмъ намъ сверстникамъ собраться и отпраздновать наше общее душевное настроеніе. Общество, Богъ знаетъ, будетъ ли еще вспоминать насъ, будетъ ли благодарно намъ; по крайней мѣрѣ, мы сами похвалимъ и поблагодаримъ другъ друга.

— Мысль недурная!—сказалъ Марьеновскій.

— Значитъ, вы будете участвовать въ такой пирушкѣ, если она затѣется?—спросилъ Вихровъ, съ разгорѣвшимися уже отъ одушевленія глазами.

— Всенепремѣнно!—отвѣчалъ Марьеновскій.

— Въ такомъ случаѣ, я на-дняхъ же поѣду собирать и другихъ господъ,—говорилъ Вихровъ, совершенно увлеченный этою новою мыслью.

Вечеромъ въ тотъ день онъ зашелъ къ Мари и разсказалъ ей о затѣваемомъ вечерѣ.

— Но кто же именно у васъ будетъ участвовать на немъ, и въ честь чего онъ будетъ устроенъ?—спросила та.

— А въ честь того, — отвѣчалъ Вихровъ: — что наше время, какъ, можетъ-быть, небезызвѣстно вамъ, знаменательно прогрессомъ. Мы въ послѣднія пять лѣтъ, говоря высокопарнымъ слогомъ, шагнули гигантски впередъ: у насъ уничтожено крѣпостное право, устроенъ на новыхъ порядкахъ судъ, умѣренъ произволъ администраціи, строятся всюду желѣзныя дороги — и для всѣхъ этихъ преуспѣяній мы будемъ имѣть въ нашемъ маленькомъ собраніи по представителю: у насъ будетъ и новый судья Марьеновскій, и новый высокоприличный администраторъ Абреевъ, и представитель народа Заминъ, и прокурорскій надзоръ въ особѣ любезнѣйшаго Захаревскаго, и даже предприниматель по желѣзнодорожному дѣлу, другъ мой Виссаріонъ Захаревскій.

— Складно!—подхватила Мари:—а ты, разумѣется, будешь участвовать, какъ писатель.

— Я какъ писатель, но кромѣ того я желалъ бы, чтобъ въ этомъ обѣдѣ участвовалъ и Евгеній Петровичъ.

— Но ему-то съ какой стати? — возразила Мари.

— Какъ представителю севастопольскихъ героевъ. Эти люди, я полагаю, должны быть чествуемы на всѣхъ русскихъ общественныхъ празднествахъ.

— Не знаю, согласится ли онъ, — проговорила Мари и какъ-то особенно протянула эти слова.

На другой день Вихровъ зашелъ къ нимъ, чтобы пригласить самого генерала, но, къ удивленію его, тотъ отказался наотрѣзъ.

— Но отчего же вы не хотите участвовать?—спросилъ его Вихровъ.

— А оттого-съ, — отвѣчалъ Евгеній Петровичъ: — что я человѣкъ старый, можетъ-быть, даже отсталый, вы тамъ будете все народъ ученый, высокоумный; у васъ будетъ своя бесѣда, свои разговоры,—что жъ я тутъ буду какъ пятое колесо въ колесницѣ.

— Напротивъ!..—возразилъ-было Вихровъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ! — перебилъ его рѣзко Евгеній Петровичъ.

Его отговаривала въ этомъ случаѣ Мари: она все утро передъ тѣмъ толковала ему, что такъ какъ онъ никогда особенно не сочувствовалъ всѣмъ этимъ реформамъ, то ему и быть на обѣдѣ, устраиваемомъ въ честь ихъ, не совсѣмъ даже честно...

Тронуть же Евгенія Петровича за эту струну — значило прямо поднять его на дыбы. Онъ лучше желалъ прослыть вандаломъ, стародумомъ, но не человѣкомъ двуличнымъ. Мари, въ свою очередь, отговаривала его изъ боязни, чтобъ онъ, по своему простодушію, не проговорился какъ-нибудь на этомъ обѣдѣ и не смутилъ бы тѣмъ всего общества: но признаться въ этомъ Вихрову ей было совѣстно.

Прочія лица, приглашенныя Вихровымъ къ празднованію обѣда, всѣ сейчасъ же и съ полною готовностью согласились— и больше всѣхъ въ этомъ случаѣ изъявилъ удовольствіе Виссаріонъ Захаревскій.

— Гдѣ жъ мы будемъ обѣдать?—спросилъ онъ.

— Да, пожалуй, хоть у Донона можно,—сказалъ Вихровъ.

— У Донона, такъ у Донона!..—подхватилъ Виссаріонъ:— но кто жъ собственно будетъ распоряжаться этимъ обѣдомъ?

— Я не знаю, если никто не возьмется, такъ мнѣ, пожалуй, придется,—отвѣчалъ, подумавъ, Вихровъ.

— Я возьму на себя, если только мнѣ это позволите! — произнесъ скороговоркою Виссаріонъ:—я въ этомъ тоже кой-что знаю, хорошаго мало въ жизни сдѣлалъ, а ѣдалъ порядочно.

— Сдѣлайте милость, вамъ всѣ будутъ очень благодарны!— воскликнулъ Вихровъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ сдѣлаю эту милость; но сколько же вы однако предполагаете, чтобъ сошло съ лица на этотъ обѣдъ? — присовокупилъ Виссаріонъ, любившій въ каждомъ дѣлѣ рѣшать прежде всего денежный вопросъ.

— Я полагаю, чтобы не по очень высокой цѣнѣ, потому что между нами будутъ люди весьма недостаточные: Заминъ, вашъ Живинъ, Марьеновскій даже.

— По пяти рублей съ виномъ съ лица не много?—спросилъ съ улыбкою Виссаріонъ.

— Очень даже!.. Обѣдъ при этомъ, пожалуй, выйдетъ очень плохъ.

— Обѣдъ выйдетъ первый сортъ — за это я ужъ ручаюсь; только Абрееву не говорите объ нашемъ уговорѣ, а то онъ, пожалуй, испугается дешевизны и не пріѣдетъ.

— Хорошо! — сказалъ Вихровъ.

Онъ почти догадывался, какого рода штуку хочетъ совершить Захаревскій.

Дней черезъ нѣсколько къ Донону собралось знакомое намъ общество: Абреевъ былъ въ полной мундирной формѣ; Плавинъ — въ бѣломъ галстукѣ и звѣздѣ; прочія лица — въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ; Виссаріонъ, съ бѣлой розеткой распорядителя, безпрестанно перебѣгалъ изъ заня-

таго нашими посѣтителями салона въ буфетъ и изъ буфета — въ салонъ. Столъ былъ уже накрытъ; на хрустальныхъ вазахъ возвышались фрукты, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, виднѣлась цѣлая гора ананасовъ.

Абреевъ сначала почти механически взялъ со стола карточку обѣда и началъ ее просматривать, но чѣмъ далѣе ее читалъ, тѣмъ болѣе и болѣе выражалось на лицѣ его вниманіе.

— Обѣдъ, кажется, намъ недурной предстоитъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ Плавину.

— Зачѣмъ же дурной? Захаревскій мнѣ говорилъ, что обѣдъ будетъ хорошій,—отвѣчалъ тотъ какъ-то разсѣянно и затѣмъ, обращаясь какъ бы ко всему обществу, громко сказалъ: — а кто жъ, господа, будетъ ораторомъ нашего обѣда?

— Мнѣ ужъ позвольте рѣчь держать, — подхватилъ Вихровъ: — такъ какъ нѣкоторымъ образомъ я затѣвалъ этотъ обѣдъ, то и желаю на немъ высказать нѣсколько моихъ мыслей...

— Вихровъ и долженъ говорить, Вихровъ!—подхватили прочіе.

Плавинъ ничего противъ этого не возразилъ; но по холодному выраженію его лица можно было судить, что врядъ ли не самъ онъ приготовлялся говорить на этомъ обѣдѣ.

Когда сѣли за столъ, Вихровъ тоже взглянулъ на карточку и потомъ сейчасъ же, обратясь къ Виссаріону Захаревскому, спросилъ его:

— А сколько вы своихъ за обѣдъ приплатили?

— Что, вздоръ!

— Нѣтъ, сколько однако?

— Рублей по 35 на человѣка.

Вихровъ покачалъ головой.

— Это гадко даже — проѣдать столько въ одинъ часъ, — проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, ничего, пріятно!

Видимо, что Плавинъ и Абреевъ съ перваго же блюда начали блаженствовать и только по временамъ переглядывались между собой и произносили немногосложныя похвалы каждому почти блюду; Марьеновскій ѣлъ совершенно равнодушно; Живинъ—очень робко, и даже нѣкоторыя кушанья не умѣлъ какъ взять и рѣшительно, кажется, не зналъ — что такое онъ ѣстъ; зато Заминъ вкушалъ все съ какимъ-то омерзѣніемъ.

— Вотъ жеванины-то этой проклятой навалили, ѣшь да еще деньги плати за нее!— говорилъ онъ, кладя себѣ въ ротъ божественный пудингъ изъ протертаго свинаго мяса.

Герой мой замѣтно былъ безпокоенъ и, кажется, гораздо больше, чѣмъ обѣдомъ, былъ занятъ предстоящей ему минутою сказать рѣчь. Наконецъ передъ жаркимъ, когда розлито было шампанское, онъ поднялся на ноги и заговорилъ:

«Милостивые государи!

«Всѣ мы, здѣсь собравшіеся на наше скромное празднество, проходили въ жизни совершенно разные пути — и всѣ мы имѣемъ одну только общую черту, что въ большей или меньшей степени принадлежимъ къ эпохѣ нынѣшнихъ преобразованій. Конечно, въ этой громадной перестройкѣ принимали участіе сотни гораздо болѣе сильнѣйшихъ и замѣчательныхъ дѣятелей; но и мы, смѣю думать, имѣемъ право сопричислить себя къ сонму ихъ, потому что всегда, во всѣ минуты нашей жизни, были искренними и безкорыстными хранителями того маленькаго огонька русской мысли, который въ пору нашей молодости чуть-чуть, и то воровски, тлѣлъ, — того огонька, который въ настоящее время разгорѣлся въ великое пламя всеобщаго государственнаго переустройства».

Негромкія: «хорошо!», «браво!», «очень хорошо!».

«Да, милостивые государи, эти реформы обдумывались и облюбились не въ палатахъ тогдашнихъ государственныхъ мужей, а на вышкахъ и въ подвалахъ, въ бѣдныхъ студенческихъ квартирахъ и по скромнымъ гостинымъ литераторовъ и ученыхъ. Я помню, напримѣръ, какъ нашъ почтенный Викторъ Петровичъ Заминъ, самъ бѣднякъ и почти безъ пристанища, душой своей только и болѣлъ, что о русскомъ крестьянинѣ,—какъ Николай Петровичъ Живинъ, служа стряпчимъ, ничего въ мірѣ не произносилъ съ такимъ ожесточеніемъ, какъ извѣстную фразу въ студенческой пѣснѣ: «Pereat justitia!»,—какъ Всеволодъ Никандрычъ, компрометируя себя, вѣроятно, на своемъ служебномъ посту, ненавидѣлъ и возмущался крѣпостнымъ правомъ!.. (При этомъ на лицѣ Вихрова промелькнула какъ бы легкая улыбка. Самъ же Плавинъ держалъ высоко и гордо свою голову и на лицѣ своемъ не выражалъ ничего). Не забыть мнѣ, милостивые государи, и того, — продолжалъ Вихровъ:—какъ нѣкогда блестящій и свѣтскій полковникъ обласкалъ и заступился за меня, бѣднаго и гонимаго литератора, — какъ меня потомъ въ цѣломъ городѣ только и опривѣтствовали именно за то, что я былъ гонимый литераторъ—это два брата Захаревскіе: одинъ изъ нихъ былъ прокуроръ и бился до послѣднихъ силъ съ деспотомъ-губернаторомъ, а другой—инженеръ, который давно уже бросилъ мелкое поприще чиновника и даровито принялся за дѣло предпринимателя»... Сказать что-либо еще въ пользу

Виссаріона Захаревскаго Вихровъ рѣшительно не находился. «А васъ какимъ словомъ опривѣтствовать, — обратился онъ затѣмъ къ Марьеновскому: — я уже и не знаю: вашей высоко-полезной, высоко-скромной и честной дѣятельности мы можемъ только удивляться и завидовать въ лучшемъ значеніи этого слова!.. Всѣ эти черты, которыя я перечислилъ изъ нашей прошедшей жизни, даютъ намъ, кажется, право стать въ число людей сороковыхъ годовъ!..»

Проговоря это, Вихровъ поклонился и сѣлъ.

— Браво, прекрасно, прекрасно!—раздалось уже громко со всѣхъ сторонъ.

Вслѣдъ затѣмъ сейчасъ же всталъ на ноги Абреевъ и, поднимая бокалъ, проговорилъ:

— Первый тостъ, господа, я предлагаю за здоровье государя императора!.. Онъ тоже—человѣкъ сороковыхъ годовъ!—прибавилъ онъ уже вполголоса.

— Ура, ура!—раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Ура!—кричалъ Вихровъ громче всѣхъ.—Такой искренній и знаменательный тостъ государь, я думаю, не часто получалъ: это мысль привѣтствуетъ и благодаритъ своего осуществителя!

— Ура!.. ура!..—раздалось снова.

— Теперь, господа, собственно за людей сороковыхъ годовъ!—продолжалъ Абреевъ.

— Ура, ура, ура!

— За здоровье собственно насъ, собравшихся!

— Ура, ура!

— Хотѣлъ-было я, господа,—началъ Вихровъ, снова вставая на ноги:—чтобъ въ нашемъ обѣдѣ участвовалъ старый, израненный севастополецъ, но онъ не поѣхалъ. Все-таки мы воздадимъ честь севастопольскимъ героямъ: они только своей нечеловѣческою храбростью спасли наше отечество: тамъ, начиная съ матроса Кошки до Корнилова, всѣ были Леониды при Ѳермопилахъ,—ура великимъ севастопольцамъ!

— Ура! ура!—повторили за нимъ и прочіе самымъ одушевленнымъ образомъ.

По окончаніи тостовъ стали уже просто пить: кто шампанское, кто ликеръ, кто коньякъ. Плавинъ, кажется, остался не совсѣмъ доволенъ тѣмъ, что происходило за обѣдомъ, потому что—не дождавшись даже, чтобы встали изъ-за стола, и похваливъ только слегка Вихрову его рѣчь—онъ раскланялся со всѣми общимъ поклономъ и уѣхалъ: врядъ ли онъ не счелъ, что лично ему на этомъ обѣдѣ оказано мало было почести, тогда какъ онъ въ сущности только себя да, пожалуй, еще

Марьеновскаго и считать дѣятелями въ преобразованіяхъ. Живинъ тоже скучалъ, или, по крайней мѣрѣ, сильно конфузился витѣшняго имъ общества: очень ужъ оно ему важнымъ и чиновнымъ казалось. Онъ все почти время старался быть или около Захаревскихъ, или около Вихрова, какъ людей болѣе ему знакомыхъ. Заминъ между тѣмъ, сильно подпивши, сцѣпился съ Абреевымъ, который, по своему обыкновенію, очень деликатно осмѣлился заступиться за дворянство, говоря, что эти люди служили престолу и отечеству.

— Ну да, какъ же, престолу и отечеству! Себѣ въ карманъ!—возразилъ ему Заминъ.

— Однако въ 12-мъ году они служили не себѣ въ карманъ,—сказалъ ему, въ свою очередь, Абреевъ:—они отдавали на службу дѣтей своихъ, своихъ крестьянъ, сами жгли свое имущество.

— Да развѣ въ 12-мъ году дворянство выгнало французовъ?!.—воскликнулъ въ удивленіи Вихровъ:—мужики да бабы,—вотъ кто ихъ выгналъ!—присовокупилъ онъ.

— Однако подъ Смоленскомъ и подъ Бородинымъ не мужики же и бабы выдерживали сраженія.

— Да ужъ и не дворяне, а солдаты.

— Но этихъ солдатъ пріучили и руководили дворяне.

— Какъ же, дворяне!.. Солдаты дворянъ учили—это такъ!

Абреевъ противъ этого ничего уже не сказалъ, а пожалъ только плечами.

Заминъ обыкновенно, кромѣ мужиковъ, ни въ какихъ другихъ сословіяхъ никакихъ достоинствъ не признавалъ: баринъ, по его словамъ, былъ глупъ, чиновникъ—плутъ, а купецъ—кулакъ. Покончивъ съ Абреевымъ, онъ принялся спорить съ Пларіономъ Захаревскимъ, доказывая, что нашъ народный самосудъ есть высочайшій и справедливѣйшій судъ.

— Но какимъ же образомъ—высочайшій?—возражалъ ему Захаревскій—народъ не имѣетъ очень многихъ юридическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для судей.

— Всѣ имѣетъ, всѣ!—кричалъ Заминъ съ блистающими глазами и выпивая, по крайней мѣрѣ, уже десятую рюмку коньяку.

Виссаріонъ Захаревскій въ это время, окончивъ хлопоты съ обѣдомъ и видя, что Марьеновскій сидитъ одинъ-одинешенекъ смиренно въ углу, счелъ не лишнимъ занять его: онъ его по преимуществу уважалъ за чинъ тайнаго совѣтника.

— Какого это севастопольца Вихровъ хотѣлъ привезти на обѣдъ?—спросилъ онъ, чтобы о чемъ-нибудь только заговорить съ нимъ и подсаживаясь къ нему.

— Эйсмонда, вѣроятно,—отвѣчалъ съ небольшою улыбкою Марьеновскій.

— А!.. Да вѣдь у него съ его женой есть что-то такое.

— Говорятъ!—отвѣчалъ съ прежнею улыбкою Марьеновскій.

— Я какъ-то его съ ней встрѣтилъ въ Павловскѣ. Это чортъ знаетъ что такое—она старуха совсѣмъ!

— Да, не молода ужъ!

— Но что жъ ему за охота?

— Старая, вѣроятно, какая-нибудь привязанность, которую не хочетъ да, можетъ-быть, и не можетъ нарушить: вѣдь онъ — романтикъ, а не практикъ, какъ вы! — заключилъ немного ядовито Марьеновскій.

— Чортъ знаетъ, все-таки не понимаю! — произнесъ Виссаріонъ и черезъ нѣсколько времени уѣхалъ въ своемъ щегольскомъ экипажѣ съ братомъ по Невскому.

Прочіе тоже вскорѣ затѣмъ разошлись.

Оглавленіе

V ТОМА.

стр.

Люди сороковыхъ годовъ. Романъ въ пяти частяхъ.

Часть первая. 3

Часть вторая. 132

Часть третья. 286

Часть четвертая. 442

Часть пятая. 609

PG 3337 P5 1910 t.5

Pisemskiĭ, Alekseĭ Feofilaktovich
Polnoe sobranie sochineniĭ

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

SEEN BY
PRESERVATION
SERVICES
DATE OCT 02 1987